

БРОНЗОВЫЙ ВЕК

ЕВРОПА БЕЗ ГРАНИЦ

*Четвертое — первое
тысячелетия до н. э.*

BRONZEZEIT

EUROPA OHNE GRENZEN

4.–1. Jahrtausend v. Chr.

*Staatliche Eremitage
Staatliches Historisches Museum
Staatliches Puschkin Museum der Bildenden Künste
Staatliche Museen zu Berlin Preußischer Kulturbesitz*

*Государственный Эрмитаж
Государственный Исторический музей
Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
Государственные музеи Берлина Прусское культурное наследие*

BRONZEZEIT

EUROPA OHNE GRENZEN

4.–1. Jahrtausend v. Chr.

Ausstellungskatalog

БРОНЗОВЫЙ ВЕК

ЕВРОПА БЕЗ ГРАНИЦ

Четвертое — первое тысячелетия до н. э.

Каталог выставки

St. Petersburg
«Tabula Rasa» Publishing House. 2013

Санкт-Петербург
Издательство «Чистый лист». 2013

УДК 7.031.1+930.26:006.99

ББК (Т)63.4

Б88

Государственный музей
изобразительных искусств
имени А.С. Пушкина

The Pushkin State Museum
of Fine Arts

Staatliche Museen zu Berlin

Preußischer Kulturbesitz

Petersburger
DIALOG

Петербургский
ДИАЛОГ

Каталог выставки

«БРОНЗОВЫЙ ВЕК. ЕВРОПА БЕЗ ГРАНИЦ.

Четвертое — первое тысячелетия

до новой эры»

Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж,

с 21 июня по 8 сентября 2013 г.

Москва, Государственный Исторический музей,

с 15 октября 2013 г. по 15 января 2014 г.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:

В. Р. Мединский, министр культуры Российской Федерации

Н. Ю. Самойленко, директор Департамента
культурного наследия

И. В. Клопова, советник Департамента культурного наследия,
Отдел Музейного фонда Российской Федерации

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ:

М. Б. Пиотровский, генеральный директор

Г. В. Вилинбахов, заместитель генерального

директора по науке

В. Ю. Матвеев, заместитель генерального директора

по выставкам и развитию

С. Б. Адаксина, заместитель генерального директора,
главный хранитель

А. Ю. Алексеев, заведующий Отделом археологии

Восточной Европы и Сибири

Ю. Ю. Пиотровский, заместитель заведующего

Отделом археологии Восточной Европы и Сибири

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ:

А. К. Левыкин, директор

Т. Г. Игумнова, заместитель директора по международным
связям и выставочной работе

Н. И. Шишлина, заведующая Отделом археологических
памятников

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ
им. А. С. ПУШКИНА:

И. А. Антонова, директор

В. П. Толстиков, заведующий Отделом искусства

и археологии Античного мира

ФОНД ПРУССКОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ:

Херманн Парцингер, президент

Доротея Катманн, заведующая отделом по делам президента

Вильфрид Менгин, уполномоченный президента

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ МУЗЕИ БЕРЛИНА ПРУССКОЕ

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ:

Михаел Эйзенхауер, генеральный директор

МУЗЕЙ ПРЕИСТОРИИ И ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

ГОСУДАРСТВЕННЫХ МУЗЕЕВ БЕРЛИНА:

Маттиас Вемхофф, директор

Аликс Хэнзель, заместитель директора

Манфред Наврот, куратор

Катя Фоллерт, музеевед

ВЫСТАВКА

Авторы идеи выставки:

Вильфрид Менгин, Ю. Ю. Пиотровский, В. П. Толстиков

Автор концепции и куратор выставки

в Государственном Эрмитаже:

Ю. Ю. Пиотровский

Рабочая группа Государственного Эрмитажа:

О. Е. Ильменкова, А. Н. Мазуркевич, С. М. Осташинский,

Е. Г. Старкова

Автор концепции и руководитель авторской группы

Государственного Исторического музея:

Н. И. Шишлина

Авторская группа Государственного Исторического музея:

Е. Д. Каверзнева, А. П. Мошинский, И. Р. Ахмедов,

Г. И. Лемигова

Рабочая группа Музея преистории и древней истории

и Генеральной дирекции Государственных музеев Берлина:

Ивон де Борд, Аликс Хэнзель, Бернхард Хееб,

Альмут Хоффманн, Бригитте Лим, Вильфрид Менгин,

Бэрбель Мукер, Манфред Наврот, Катя Фоллерт,

Катрин Вери, Хорст Видер

РЕСТАВРАЦИЯ И ПОДГОТОВКА ЭКСПОНАТОВ

Государственный Эрмитаж:

реставрационная подготовка экспонатов осуществлена

под руководством заведующей Отделом научной

реставрации и консервации Государственного Эрмитажа

Т. А. Барановой

Реставраторы:

археологический металл — Н. А. Панченко,

О. Л. Семенова, Н. Б. Янковская, О. Ю. Сенаторова,

М. Г. Боровикова, А. В. Панкова;

керамика — А. И. Поздняк, Н. А. Большакова, К. В. Лавинская,

Е. С. Ктиторова, Н. Л. Павлухина, Т. В. Шлыкова, Н. В. Борисова,

О. М. Шувалова;

произведения из органических материалов —

К. Ф. Никитина, Е. Г. Манькова, М. В. Мичри, Е. А. Чехова;

скульптура и камень — С. Л. Петрова

Государственный Исторический музей:

В. А. Ширяков, Е. В. Белькевич, В. А. Шестак,

при поддержке ОАО «Северсталь»

Государственный музей изобразительных

искусств им. А. С. Пушкина:

М. Г. Толубенский

Музей преистории и древней истории

Государственных музеев Берлина:

Сусанна Кребстакис, Франциска Тиме

Античное собрание Государственных музеев Берлина:

Ёханнес Лаурентиус

ДИЗАЙН ВЫСТАВКИ И МОНТАЖ ЭКСПОЗИЦИИ

Государственный Эрмитаж:

Б. Г. Кузякин, В. Б. Королев, М. Ю. Ефимов, Ю. М. Колотилов,

А. В. Мачикин, Б. Ю. Степанов, И. А. Фомичев

Государственный Исторический музей:

А. Рейнер

КАТАЛОГ

Научный редактор каталога

Ю. Ю. Пиотровский

Авторы статей:

В. С. Бочкарев, Б. Говедарица, Э. Р. Ибрагимова,

Е. Д. Каверзнева, Ф. Кауль, Д. С. Ковалев, К. Кристьянсен,

С. В. Кузьминых, А. Н. Мазуркевич, К. Метцнер-Небельзик,

А. П. Мошинский, Г. Парцингер, Э. Перницца, Е. Г. Старкова,

С. В. Студзицкая, М. Трейстер, Н. И. Шишлина,

С. Хансен, Э. Хардинг, А. Хэнзель, Р. Юнг

Авторы каталожных аннотаций:

И. Р. Ахмедов (И. А.), Е. Е. Васильева (Е. В.),

Е. И. Гак (Е. Г.), Э. Р. Ибрагимова (Э. И.), И. В. Калинина (И. К.),

Е. Д. Каверзнева (Е. К.), С. В. Кузьминых (С. К.),

А. Н. Мазуркевич (А. Н. М.), А. П. Мошинский (А. П. М.),

Б. Нессель (Б. Н.), Ю. Ю. Пиотровский (Ю. П.),

Л.-К. Ризотто (Л.-К. Р.), Е. Г. Старкова (Е. С.),

С. В. Студзицкая (С. С.), В. А. Трифионов (В. А. Т.),

В. П. Толстиков (В. П. Т.), Н. И. Шишлина (Н. Ш.),

Б. Хееб (Б. Х.), А. Хофманн (А. Хоф.), А. Хэнзель (А. Хэн.)

Переводчики с немецкого языка:

Т. П. Калугина, М. Ю. Коренева, М. Т. Кашуба, В. В. Коваленко

Переводчики с русского языка:

Ида Наглер, Кристиане Пёльман

ФОТОГРАФЫ

Государственный Эрмитаж: В. С. Тербеннин, А. В. Тербеннин,

П. С. Демидов, А. М. Кокшаров

Государственный Исторический музей:

Г. Г. Сапожников

Государственный музей изобразительных искусств

им. А. С. Пушкина:

А. Ф. Кудрявицкий

Музей преистории и древней истории

Государственных музеев Берлина:

Клаудиа Пламп, Клаус Гёкен

Античное собрание Государственных музеев Берлина:

Ёханнес Лаурентиус

ГРАФИКИ

Музей преистории и древней истории Государственных

музеев Берлина:

Даниела Грайнерт, Марио Кацнер

ДИЗАЙН КАТАЛОГА

В. Д. Бертельс

СПОНСОРЫ

Форум «Петербургский диалог» поддержал выставку

«Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое — первое

тысячелетия до новой эры» как совместный немецко-

российский проект, а в июле 2010 года в Екатеринбурге

взял его под идейное покровительство.

Издание каталога стало возможным при поддержке

Фонда искусства им. Эрнста фон Сименса

ISBN 978-5-90152-838-9

© Государственный Эрмитаж, 2013

© Государственный Исторический музей, 2013

© Государственный музей изобразительных искусств

им. А. С. Пушкина, 2013

© Музей преистории и древней истории

Государственных музеев Берлина, 2013

© Издательство «Чистый лист», макет и оформление, 2013

Государственный музей
изобразительных искусств
имени А.С. Пушкина

The Pushkin State Museum
of Fine Arts

Staatliche Museen zu Berlin
Preußischer Kulturbesitz

Petersburger
DIALOG

Петербургский
ДИАЛОГ

Ausstellungskatalog
„BRONZEZEIT. EUROPA
OHNE GRENZEN.
4.–1. Jahrtausend v. Chr.“

Sankt Petersburg, Staatliche Eremitage,
vom 21. Juni bis zum 8. September 2013
Moskau, Staatliches Historisches Museum,
vom 15. Oktober 2013 bis zum 15. Januar 2014

ORGANISATIONSKOMITEE

KULTURMINISTERIUM DER RUSSISCHEN FÖDERATION:
V. R. Medinski, Kulturminister der Russischen Föderation
N. Ju. Samoilenko, Direktorin des Departements
für kulturelles Erbe
I. V. Klopova, Beraterin des Departements für kulturelles Erbe,
Abt. Museumsstiftung der Russischen Föderation

STAATLICHE EREMITAGE:

M. B. Piotrovski, Generaldirektor
G. V. Wilinbachov, Stellvertreter des Generaldirektors
(Abt. Wissenschaften)
V. Ju. Matveev, Stellvertreter des Generaldirektors
(Abt. Ausstellungen und Entwicklung)
S. B. Adaksina, Stellvertreterin des Generaldirektors,
leitende Konservatorin
A. Ju. Alekseev, Abteilungsleiter der Archäologie
Osteuropas und Sibiriens
Ju. Ju. Piotrovski, Stellvertreter des Abteilungsleiters
Archäologie Osteuropas und Sibiriens

STAATLICHES HISTORISCHES MUSEUM:

A. K. Levykin, Direktor
T. G. Igumnova, Stellvertreterin des Direktors
(Abt. Internationale Beziehungen und Ausstellungsarbeit)
N. I. Šišlina, Abteilungsleiterin der archäologischen
Denkmäler

STAATLICHES PUSCHKIN MUSEUM DER BILDENDEN KÜNSTE:

I. A. Antonova, Direktorin
V. P. Tolstikov, Abteilungsleiter der Kunst
und Archäologie der Antiken Welt

STIFTUNG PREUSSISCHER KULTURBESITZ:

Hermann Parzinger, Präsident
Dorothea Kathmann, Leiterin der Präsidialabteilung
Wilfried Menghin, Sonderbeauftragter des Präsidenten

STAATLICHE MUSEEN ZU BERLIN PREUSSISCHER
KULTURBESITZ:
Michael Eissenhauer, Generaldirektor

MUSEUM FÜR VOR- UND FRÜHGESCHICHTE
DER STAATLICHEN MUSEEN ZU BERLIN:
Matthias Wemhoff, Direktor
Alix Hänsel, Stellvertreterin des Direktors
Manfred Nawroth, Kustos
Katja Vollert, Dipl.-Museologin (FH)

AUSSTELLUNG

Ausstellungsidee:
Wilfried Menghin, Ju. Ju. Piotrovski, V. P. Tolstikov

Autor der Ausstellungskonzeption und Kurator
der Ausstellung in der Staatlichen Eremitage:
Ju. Ju. Piotrovski

Arbeitsgruppe in der Staatlichen Eremitage:

O. E. Ilmenkova, A. N. Mazurkevich, S. M. Ostašinski,
E. G. Starkova

Autorin der Ausstellungskonzeption und Leiterin
der Autorengruppe im Staatlichen Historischen Museum:
N. I. Šišlina

Autorengruppe im Staatlichen Historischen Museum:
E. D. Kaverzneva, A. P. Mošinski, I. R. Achmedov, G. I. Lemigova

Arbeitsgruppe im Museum für Vor- und Frühgeschichte und in der Generaldirektion der Staatlichen Museen zu Berlin:

Yvonne de Bordes, Alix Hänsel, Bernhard Heeb, Almut
Hoffmann, Brigitte Liehm, Wilfried Menghin, Bärbel Mucker,
Manfred Nawroth, Katja Vollert, Katrin Wehry, Horst Wieder

RESTAURIERUNG UND VORBEREITUNG DER EXPONATE

Staatliche Eremitage:
die restauratorische Vorbereitung der Exponate wurde
unter der Leitung der Abteilungsleiterin der wissenschaftlichen
Restauration und Konservierung der Staatlichen
Eremitage, T. A. Baranova, durchgeführt
Restauratoren:
archäologisches Metall — N. A. Pančenko, O. L. Semenova,
N. B. Jankovskaja, O. Ju. Senatorova, M. G. Borovikova,
A. V. Pankova;
Keramik — A. I. Pozdnjak, N. A. Bolšakova, K. V. Lavinskaja,
E. S. Ktitorova, N. L. Pavluchina, T. V. Šlykova, N. V. Borisova,
O. M. Šuvalova;

Artefakte aus organischem Material — K. F. Nikitina,
E. G. Mankova, M. V. Mičri, E. A. Čechova;
Skulptur und Stein — S. L. Petrova
Staatliches Historisches Museum:
V. A. Širjakov, E. V. Belkevič, V. A. Šestak
mit Unterstützung der Firma OAO «Severstal»
Staatliches Puschkin Museum der Bildenden Künste:
M. G. Tolubenski
Museum für Vor- und Frühgeschichte
der Staatlichen Museen zu Berlin:
Gabriella Antal, Susanne Krestakies, Franziska Thieme
Antikensammlung der Staatlichen Museen zu Berlin:
Priska Schilling-Colden, Bernd Zimmermann

AUSSTELLUNGSDESIGN UND -AUFBAU

Staatliche Eremitage: B. G. Kuzjakin, V. B. Korolev,
M. Ju. Efimov, Ju. M. Kolotilov, A. V. Mačikin, B. Ju. Stepanov,
I. A. Fomičev
Staatliches Historisches Museum: A. Reiner

KATALOG

Wissenschaftlicher Redakteur des Katalogs
Ju. Ju. Piotrovski

Autoren der Essays:

V. S. Bočkarev, B. Govedarica, A. Hänsel, S. Hansen,
A. Harding, R. Jung, E. R. Ibragimova, E. D. Kaverzneva, F. Kaul,
D. S. Kovalev, K. Kristiansen, S. V. Kuzminych, A. N. Mazurkevich,
C. Metzner-Nebelsick, A. P. Moschinskij, H. Parzinger,
E. Pernicka, E. G. Starkova, S. V. Studzickaja,
M. Treister, N. I. Šišlina

Autoren der Katalogtexte:

I. R. Achmedov (I. A.), E. I. Gak (E. G.), A. Hänsel (A. Hä.),
B. Heeb (B. H.), A. Hofmann (A. Ho.), E. R. Ibragimova (E. I.),
E. D. Kaverzneva (E. K.), I. V. Kalinina (I. K.), S. V. Kuzminych (S. K.),
A. N. Mazurkevich (A. N. M.), A. P. Moschinskij (A. P. M.),
B. Nessel (B. N.), Ju. Ju. Piotrovski (Ju. P.), L.-C. Rizzotto (L.-C. R.),
E. G. Starkova (E. S.), S. V. Studzickaja (S. S.), N. Šišlina (N. Š.),
V. A. Trifonov (V. A. T.), V. P. Tolstikov (V. P. T.), E. E. Vasileva (E. V.)

Übersetzung aus der deutschen Sprache:

T. P. Kalugina, M. Ju. Koreneva, M. T. Kašuba, V. V. Kovalenko

Übersetzung aus der russischen Sprache:

Ida Nagler, Christiane Pöhlmann

FOTOGRAFEN

Staatliche Eremitage: V. S. Terebenin, A. V. Terebenin,
P. S. Demidov, A. M. Kokšarov
Staatliches Historisches Museum: G. G. Sapožnikov
Staatliches Puschkin Museum der Bildenden Künste:
A. F. Kudrjavicki
Museum für Vor- und Frühgeschichte der Staatlichen Museen
zu Berlin: Claudia Plamp, Klaus Göken
Antikensammlung der Staatlichen Museen zu Berlin:
Johannes Laurentius

GRAFIKER

Museum für Vor- und Frühgeschichte der Staatlichen Museen
zu Berlin: Daniela Greinert, Mario Kacner

KATALOGDESIGN

V. D. Bertels

FÖRDERER

Die Ausstellung „Bronzezeit. Europa ohne Grenzen“
wird als deutsch-russisches Kooperationsprojekt auch
von dem Petersburger Dialog unterstützt; die ideelle
Schirmherrschaft wurde im Juli 2010 in Jekaterinburg
übernommen

Der Katalog wurde ermöglicht durch die Förderung
durch die Ernst von Siemens Kunststiftung

© Staatliche Eremitage, 2013

© Staatliches Historisches Museum, 2013

© Staatliches Puschkin Museum der Schönen Künste, 2013

© Museum für Vor- und Frühgeschichte

der Staatlichen Museen zu Berlin, 2013

© Publishing House «Tabula Rasa», 2013

Содержание

Приветственное обращение министра культуры Российской Федерации Владимира Мединского	12	Михаил Трейстер Троянские клады	140
Приветственное обращение Уполномоченного Федерального правительства по делам культуры и средств массовой информации Федеративной Республики Германии Бернда Нойманна	14	Наталья Шишлина Бородинский клад: продолжение поиска	156
Приветственное обращение президента фонда Прусского культурного наследия Германа Парцингера	16	Энтони Хардинг Дальние связи Европы в эпоху бронзы	170
Приветственное обращение генерального директора Государственного Эрмитажа Михаила Пиотровского, директора Государственного Исторического музея Алексея Левыкина, директора Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина Ирины Антоновой, генерального директора Государственных музеев Берлина Прусское культурное наследие Михаэля Эйзенхауэра и директора Музея преистории и древней истории Государственных музеев Берлина Маттиаса Вемхоффа	18	Райнхард Юнг Микенская Греция и ее контакты с другими европейскими регионами	182
Герман Парцингер Особенности культурных взаимосвязей от Волги до Рейна в эпоху бронзы	23	Аликс Хэнзель Конец эпохи бронзы в Эгейском регионе	189
Вадим Бочкарев Эпоха бронзы в Восточной Европе	47	Воинство и символы власти в эпоху бронзы	
Энеолит и начало бронзового века		Кристиан Кристиансен Война в эпоху бронзы	194
Эрнст Перницца Распространение металлургии в Старом свете	66	Карола Метцнер-Небельзик Европейская символика власти эпохи бронзы	206
Свенд Хансен Золотые диски эпохи меди	79	Александр Мошинский Воины, металлурги, художники Северного Кавказа эпохи бронзы	218
Елена Старкова Финал эпохи Триполья—Кукутени на юге Восточной Европы	83	Сергей Кузьминых Клад из Эберсвальде. История обнаружения и публикации	227
Благое Говедарица Культуры погребений восточноевропейской степи и культуры кубков Центральной и Западной Европы	95	Аликс Хэнзель Значение сокровища из Эберсвальде в культурном контексте эпохи поздней бронзы	232
Андрей Мазуркевич Лесная зона Восточной Европы в конце IV — начале II тыс. до н. э.	106	Религия и культ в эпоху бронзы	
Наталья Шишлина, Денис Ковалев, Эльмира Ибрагимова Повозки катакомбной культуры евразийских степей	119	Флемминг Кауль О религии и символике эпохи бронзы	238
Дальние контакты в эпоху бронзы		Наталья Шишлина «Напиток богов, преодолевающий смерть...»	253
Наталья Шишлина Степь и Кавказ — диалог культур	128	Елена Каверзнева Глиняная модель лодки в культуре лесной Мещеры эпохи бронзы	259
		Светлана Студзицкая, Сергей Кузьминых Галичский «клад» — шаманский комплекс бронзового века	264
		Аликс Хэнзель Культовые повозки эпохи бронзы	273
		Свенд Хансен Клады в Европе эпохи бронзы	279

КАТАЛОГ

Пояснение к каталогу 292

На пути к бронзовому веку

Золотые диски-подвески	294
Древнейшие металлические орудия	295
Триполье—Кукутени. Древние земледельцы	298
Майкопская культура	308
Кумо-манычская периферия майкопской культуры	338

Межплеменные связи. Торговые пути и миграции

Культура шнуровой керамики в Западной Европе	342
Культура колоколовидных кубков	344
Лесная зона Восточной Европы в конце IV—III тыс. до н. э.	345
Культура шнуровой керамики в Восточной Европе	361
Случайные находки на территории Восточной Европы и северо-запада России	362
Центральные районы Восточной Европы	364
Волосовская культура	370
Культура шаровидных амфор	376
Среднеднепровская культура	378
Фатьяновская культура	380
Балановская культура	389
Степная полоса Восточной Европы. Ямная культура	393
Степи. Катакомбная культура	399
Северокавказская культура	416
Сокровища, обнаруженные Генрихом Шлиманом в ходе раскопок в Трою	429
Антропоморфное фигуративное искусство Трои	440
Культурные слои Трои эпохи ранней бронзы	442

Век кладов. Воинство и власть

Производство металлических изделий в Трою	446
Товарообмен в Трою	447
Культурные слои Трои эпохи средней бронзы	448
Эль-Аргарская культура в Испании	449
Золотые и серебряные изделия Карпатского бассейна эпохи ранней бронзы	450
Инкрустированная керамика эпохи ранней и средней бронзы центральной части Дунайского бассейна	453

Бронзовые находки эпохи ранней и средней бронзы из карпатского региона	455
Клады и погребения эпохи ранней и средней бронзы из Южной Германии	458
Клады и погребения эпохи ранней и средней бронзы в Северной Европе	463
Литейные формы и орудия литейного производства Центральной Европы	470
Культуры эпохи поздней бронзы Эгейского мира	472
Глиняные сосуды	476
«Варварская» керамика. Сосуды ручной лепки	477
Культуры Карпатского бассейна эпохи поздней бронзы	478
Культуры позднебронзового века на севере Центральной Европы	482
Место жертвоприношения эпохи бронзы — находка из Берлин-Шпандау	503
Клад Эберсвальде и золотые сокровища эпохи поздней бронзы в Северной Европе	508
Религиозные ритуалы и культовые символы	521
Захоронения эпохи поздней бронзы в Северной Европе	526
Культурные преобразования на рубеже бронзового и железного веков	532
Лесная зона Восточной Европы	535
Шагарская культура	539
Абашевская культура	543
Поздняковская культура	545
Сейминско-турбинская культура	547
Галичский клад	555
Бородинский клад	557
Культура текстильной керамики	563
Степи. Лоинская культура	564
Степи. Срубная культура	566
Белозерская культура	582
Кавказ в эпоху поздней бронзы — раннего железа	584

Сокращения

Музеи	625
Литература	625

Inhalt

<i>Grußwort des Kulturministers der Russischen Föderation Vladimir Medinski</i>	13	<i>Natalija Šišlina</i> <i>Der Schatzfund von Borodino. Fortsetzung der Suche</i>	156
<i>Grußwort des Beauftragten der Bundesregierung für Kultur und Medien der Bundesrepublik Deutschland Bernd Neumann</i>	15	<i>Anthony Harding</i> <i>Fernbeziehungen im bronzezeitlichen Europa</i>	170
<i>Grußwort des Präsident der Stiftung Preußischer Kulturbesitz Hermann Parzinger</i>	17	<i>Reinhard Jung</i> <i>Das mykenische Griechenland und seine Kontakte zu anderen europäischen Regionen</i>	182
<i>Grußwort des Generaldirektors der Staatlichen Eremitage Michail Piotrovski, des Direktors des Staatlichen Historischen Museums Aleksej Levykin, der Direktorin des Staatlichen Puschkin Museums der Bildenden Künste Irina Antonova, des Generaldirektors der Staatlichen Museen zu Berlin Preußischer Kulturbesitz Michael Eissenhauer und des Direktors des Museums für Vor- und Frühgeschichte der Staatlichen Museen zu Berlin Matthias Wemhoff</i>	19	<i>Alix Hänsel</i> <i>Das Ende der Bronzezeit in der Ägäis</i>	189
<i>Hermann Parzinger</i> <i>Grundzüge bronzezeitlicher Kulturverhältnisse zwischen Wolga und Rhein</i>	23	Kriegertum und Symbole der Herrschaft in der Bronzezeit <i>Kristian Kristiansen</i> <i>Kriegsführung in der Bronzezeit</i>	194
<i>Vadim Bočkarev</i> <i>Die Bronzezeit in Osteuropa</i>	47	<i>Carola Metzner-Nebelsick</i> <i>Bronzezeitliche Herrschaftssymbolik in Europa</i>	206
Das Äneolithikum und der Beginn der Bronzezeit <i>Ernst Pernicka</i> <i>Die Ausbreitung der Metallurgie in der Alten Welt</i>	66	<i>Aleksander Moschinskij</i> <i>Krieger, Metallurgen und Künstler aus dem bronzezeitlichen Nordkaukasus</i>	218
<i>Svend Hansen</i> <i>Goldene Scheiben aus der Kupferzeit</i>	79	<i>Sergei Kuzminych</i> <i>Der Hort von Eberswalde. Seine Auffindung und Publikation</i>	227
<i>Elena Starkova</i> <i>Der Ausklang der Tripolje-Cucuteni-Kultur im Süden Osteuropas</i>	83	<i>Alix Hänsel</i> <i>Die Bedeutung des Hortfundes von Eberswalde im kulturellen Kontext der späten Bronzezeit</i>	232
<i>Blagoje Govedarica</i> <i>Die Grabkulturen der osteuropäischen Steppe und die Becherkulturen Zentral- und Westeuropas</i>	95	Religion und Kult in der Bronzezeit <i>Flemming Kaul</i> <i>Zu Religion und Symbolgut der Bronzezeit</i>	238
<i>Andrej Mazurkevich</i> <i>Das Waldgebiet in Osteuropa am Ende des 4. — Beginn des 2. Jahrtausends v. Chr.</i>	106	<i>Natalija Šišlina</i> <i>«Der Trank der Götter, der den Tod überwindet...»</i>	253
<i>Natalija Šišlina, Denis Kovalev, Elmira Ibragimova</i> <i>Wagen der Katakombengrabkultur aus den Steppen Eurasiens</i>	119	<i>Elena Kaverzneva</i> <i>Bronzezeitliches Tonmodell eines Boots der Meščera-Kultur</i>	259
Fernkontakte in der Bronzezeit <i>Natalija Šišlina</i> <i>Steppe und Kaukasus. Ein Dialog der Kulturen</i>	128	<i>Svetlana Studzickaja, Sergei Kuzminych</i> <i>Der «Schatzfund» von Galič. Interpretation eines Schamanengrabs</i>	264
<i>Mikhail Treister</i> <i>Die trojanischen Schätze</i>	140	<i>Alix Hänsel</i> <i>Die Kultwagen der Bronzezeit</i>	273
		<i>Svend Hansen</i> <i>Deponierungen in der Bronzezeit Europas</i>	279

KATALOG

Aufbau des Katalogs

Auf dem Weg zur Bronzezeit

<i>Goldene Scheibenanhänger</i>	294
<i>Die ältesten Metallwerkzeuge</i>	295
<i>Tripolje—Cucuteni. Urgeschichtliche Ackerbauern</i>	298
<i>Maikop-Kultur</i>	308
<i>Kuma-Manyč-Peripherie der Maikop-Kultur</i>	338

Interkulturelle Beziehungen. Handelswege und Migrationen

<i>Schnurkeramische Kultur in Westeuropa</i>	342
<i>Glockenbecherkultur</i>	344
<i>Waldzone Osteuropas am Ende des 4. Jahrtausends — Mitte des 3. Jahrtausends v. Chr.</i>	345
<i>Schnurkeramische Kultur in Osteuropa</i>	361
<i>Einzelfunde aus dem Ostbaltikum und dem nordwestlichen Teil Russlands</i>	362
<i>Mittelbezirke Osteuropas</i>	364
<i>Volosovo-Kultur</i>	370
<i>Die Kugelamphoren-Kultur</i>	376
<i>Mittel-Dnepr-Kultur</i>	378
<i>Fatjanovo-Kultur</i>	380
<i>Balanovo-Kultur</i>	389
<i>Steppenzzone Osteuropas. Grubengrabkultur</i>	393
<i>Steppe. Katakombengrabkultur</i>	399
<i>Nordkaukasische Kultur</i>	416
<i>Schatzfunde aus den Ausgrabungen Heinrich Schliemanns in Troja</i>	429
<i>Anthropomorphe Figuralkunst aus Troja</i>	440
<i>Die frühbronzezeitlichen Schichten von Troja</i>	442

Zeitalter der Horte. Kriegertum und Macht

<i>Metallhandwerk in Troja</i>	446
<i>Warenverkehr in Troja</i>	447
<i>Die mittelbronzezeitlichen Schichten von Troja</i>	448
<i>Die El Argar-Kultur in Spanien</i>	449
<i>Frühbronzezeitliche Gold- und Silberschätze des Karpatenbeckens</i>	450

<i>Die früh- und mittelbronzezeitlichen Gruppen mit inkrustierter Keramik an der mittleren und unteren Donau</i>	453
<i>Bronzefunde der frühen und mittleren Bronzezeit aus dem Karpatenraum</i>	455
<i>Depots und Gräber der frühen und mittleren Bronzezeit aus Süddeutschland</i>	458
<i>Depots und Gräber der frühen und mittleren Bronzezeit Nordeuropas</i>	463
<i>Gussformen und Schmiedegeräte aus Mitteleuropa</i>	470
<i>Die spätbronzezeitlichen Kulturen der Ägäis</i>	472
<i>Keramikgefäße</i>	476
<i>Die Gefäße der „Barbaren“</i>	477
<i>Die spätbronzezeitlichen Kulturen des Karpatenraumes</i>	478
<i>Die spätbronzezeitlichen Kulturen im nördlichen Mitteleuropa</i>	482
<i>Eine bronzezeitliche Opferstätte — der Gewässerfund von Berlin-Spandau</i>	503
<i>Der Hortfund von Eberswalde und die Goldschätze der späten Bronzezeit in Nordeuropa</i>	508
<i>Religiöse Riten und Kultsymbole</i>	521
<i>Bestattungen der späten Bronzezeit in Nordeuropa</i>	526
<i>Kultureller Wandel am Übergang zur Eisenzeit</i>	532
<i>Waldzone in Osteuropa</i>	535
<i>Šagara-Kultur</i>	539
<i>Abaševo-Kultur</i>	543
<i>Pozdnjakovskaja-Kultur</i>	545
<i>Sejma-Turbino-Kultur</i>	547
<i>Schatzfund von Galič</i>	555
<i>Schatz von Borodino</i>	557
<i>Die Textileramikultur</i>	563
<i>Steppe. Lolinskij-Kultur</i>	564
<i>Steppe. Balkengrabkultur</i>	566
<i>Belozerska-Kultur</i>	582
<i>Kaukasus, Spätbronzezeit — Früheisenzeit</i>	584

Abkürzungen

<i>Museen</i>	625
<i>Literatur</i>	625

Д

обро пожаловать в бронзовый век Европы — эпоху, которую древнегреческий поэт Гесиод не случайно называл «героическим веком».

Поистине героическими многолетними усилиями российских и немецких ученых, музейных сотрудников создана уникальная выставка сокровищ Государственного Эрмитажа, Государственного Исторического музея, Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина и берлинского Музея преистории и древней истории. Впервые удалось собрать в одном зале, буквально воссоединить комплексы и памятники разных коллекций, которые долгое время были недоступны не только широкой публике, но и специалистам.

Российско-германский научный и выставочный проект «Европа без границ» открылся в 2007 году выставкой «Эпоха Меровингов». Он был посвящен той эпохе, когда славяне и германцы жили вместе, свободно общались и торговали — задолго до того, как Карл Великий ввел эмбарго на продажу оружия славянам. Это оружие уже было сделано из железа — началась эра раздоров, разделения и непонимания.

Сегодня новый этап проекта погружает нас в еще более глубокое прошлое. Объединенная Европа IV–I тысячелетий до Рождества Христова была территорией максимальной открытости и живого взаимодействия людей как в области духовной жизни, так и в плане обмена технологиями, совместного поиска инноваций.

В наше время, спустя тысячелетия, новые технологии информирования и коммуникации вовсе не гарантируют налаживания межкультурного диалога, и более того, парадоксальным образом социальные сети иногда замыкают человека в рамках этнической, религиозной, языковой субкультуры. Ключевую роль приобретают не технологии сами по себе, но содержание культуры: произведение искусства, документ, артефакт. Тем важнее значимость подобных проектов для общего культурного пространства Европы.

Знакомясь с сокровищами «клада Приама», кладов из Польши и Германии, Галичского и Бородинского кладов, убеждаешься в правоте наших предков, которые чувствовали: если золото — удел богов и драконов, то бронза — металл героев. Именно эта эпоха с ее культурными, технологическими и идеологическими открытиями стала прочным фундаментом европейской культуры.

На фоне бескончаемых споров о принадлежности археологических коллекций их совместный показ в едином пространстве поможет нам всем осознать: в эру новых технологий, как и в бронзовом веке, не так важно, по какую сторону границы находится та или иная культурная ценность. Новые музейные технологии, в том числе виртуальные экспозиции, помогут сделать эти сокровища общим достоянием для Европы и мира.

Поздравляю создателей выставки и всех нас с этим замечательным событием, венчающим перекрестный год культуры России и Германии.

Владимир Мединский
Министр культуры Российской Федерации

Н

ерzlich willkommen in der Bronzezeit Europas, jener Epoche also, die der griechische Dichter Hesiod nicht zufällig als «Zeitalter der Heroen» bezeichnet hat.

Nicht minder heroisch waren freilich die Anstrengungen, mit denen russische und deutsche Wissenschaftler und Museumsmitarbeiter in jahrelanger Arbeit diese einmalige Ausstellung vorbereitet haben, in der Schätze aus der Staatlichen Eremitage, dem Staatlichen Historischen Museum, dem Staatlichen A. S. Puschkin-Museum der Bildenden Künste und dem Berliner Museum für Vor- und Frühgeschichte gezeigt werden. Erstmals gelang es hier, an einem Ort Fundstücke und Exponate unterschiedlicher Sammlungen, zu denen lange Zeit weder das breite Publikum noch Fachleute Zugang hatten, zusammenzubringen und gleichsam wiederzuvereinen.

Den Auftakt der russisch-deutschen Wissenschafts- und Ausstellungsreihe „Europa ohne Grenzen“ bildete 2007 die Ausstellung zur „Merowingerzeit“. Sie war jener Epoche gewidmet, in der Slawen und Germanen zusammenlebten, frei miteinander verkehrten und Handel trieben, all dies lange bevor Karl der Große ein Embargo verhängte, das den Verkauf von Waffen an Slawen verbot. Bei diesen Waffen handelte es sich bereits um aus Eisen gefertigte Stücke, mit ihnen brach die Zeit der Zwietracht, Abschottung und des Unverständnisses an.

Die aktuelle Ausstellung „Bronzezeit“ führt uns heute noch weiter zurück in die Vergangenheit. Das vereinte Europa des 4. – 1. Jahrtausends v. Chr. stellte einen Raum dar, in dem die Menschen sich mit einem Höchstmaß an Offenheit begegneten, ein lebendiger Austausch sowohl im geistigen Leben als auch im Bereich von Technologien stattfand, und sie gemeinsam nach Innovationen suchten.

Jahrtausende später garantieren uns in der heutigen Zeit neue Informations- und Kommunikationstechnologien keineswegs einen interkulturellen Dialog, mehr noch, gerade die sozialen Netzwerke isolieren den Menschen zuweilen paradoxerweise in einem ethnischen, religiösen oder sprachlichen subkulturellen Kontext. Die entscheidende Rolle in diesem Dialog spielen mit hin nicht die Technologien als solche, sondern das konkrete kulturelle Produkt: ein Kunstwerk, ein Schriftzeugnis oder Artefakt. Von daher ist die Bedeutung vergleichbarer Projekte für den gemeinsamen Kulturraum Europas nicht zu unterschätzen.

Wenn wir heute den „Schatz des Priamos“ sowie die Schatzfunde aus Polen und Deutschland, aus Galič und Borodino betrachten, können wir uns einmal mehr davon überzeugen, dass unsere Vorfahren recht hatten: Wenn Gold den Göttern und Drachen vorbehalten war, dann war Bronze das Metall der Helden. Ebendiese Epoche mit ihren kulturellen, technischen und weltanschaulichen Wandlungen wurde zum soliden Fundament der europäischen Kultur.

Vor dem Hintergrund anhaltender Streitigkeiten darüber, wem diese archäologischen Sammlungen gehören, ruft die gemeinsame Präsentation dieser Stücke an einem Ort uns allen in Erinnerung, dass die Frage, auf welcher Seite der Grenze sich das eine oder andere Kulturgut befindet, heute, im Zeitalter moderner Technologien, von der gleichen nachrangigen Bedeutung ist wie in der Bronzezeit. Neue Museumstechniken, darunter auch virtuelle Ausstellungen, erlauben es nunmehr, dass jeder in Europa und weltweit Zugang zu diesen Schätzen hat.

Lassen Sie mich die Organisatoren der Ausstellung und uns, die Besucher, zu diesem exzeptionellen Ereignis, welches das Deutschlandjahr in Russland und das Russlandjahr in Deutschland krönt, beglückwünschen.

Vladimir Medinski
Minister für Kultur der Russischen Föderation

Россию и Германию связывает длительное партнерство, сохранившееся несмотря на трудные моменты истории. Участвуя в живом и весьма многообразном культурном обмене, мы оказываем положительное влияние на наши взаимоотношения в будущем. В 2012 и 2013 годах кульминационным моментом в германо-российских культурных отношениях стали Год Германии в России и Год России в Германии. Высокоточные проекты — такие, как разнообразные выставки в Москве, Берлине, Санкт-Петербурге и Дрездене, — являясь примерами хорошего взаимодействия между германскими и российскими организациями, одновременно свидетельствуют о большом интересе со стороны публики.

Выставка «Бронзовый век — Европа без границ» относится к центральным событиям этих лет, особо важным с точки зрения культурной политики, привлекающим значительное внимание и со стороны международной общественности. Многолетние связи экспертов Германии и России, участвовавших в подготовке совместной российско-германской выставки, способствовали дальнейшему укреплению взаимного доверия и налаживанию научных, политических, а также личных контактов. Они упрочивают основы будущих совместных проектов, в частности по линии презентации перемещенных в результате Второй мировой войны из Германии объектов, находящихся с 1945 года в России, которые, как и памятники, показанные в 2007 году на выставке «Эпоха Меровингов. Европа без границ», составляют большую часть предметов данной экспозиции.

Федеральное правительство Германии приветствует готовность российской стороны дать возможность общественности и музейным специалистам ознакомиться с культурными ценностями, перемещенными в результате Второй мировой войны. Выставка позволит задокументировать и изучить представленные объекты, а также проинформировать общественность обо всех сложных аспектах неразрешенного вопроса возвращения этих памятников в Германию.

После подписания германо-советского Договора о добрососедстве от 9 ноября 1990 года и германо-российского Соглашения о культурном сотрудничестве от 16 декабря 1992 года Германия и Россия взяли на себя взаимные международно-правовые обязательства по возвращению находящихся на их территориях пропавших или незаконно перемещенных произведений искусства их собственникам. Однако действующее российское законодательство затрудняет возвращение в Германию всех перемещенных в результате войны культурных ценностей. Поэтому Федеральное правительство ведет переговоры с представителями России, как на политическом, так и на профессиональном уровне, в поисках возможного решения столь сложной проблемы, связанной с нашей совместной историей, начав с рассмотрения конкретных случаев. Хотя пока и не удалось найти перспективный вариант решения вопроса, мы считаем, что находимся на верном пути, проводя совместные переговоры, а также осуществляя научное документирование и анализ утраты культурных ценностей во время Второй мировой войны. В ходе подготовки выставки «Бронзовый век — Европа без границ» в который раз стало ясно, как удачно может складываться германо-российское сотрудничество в условиях тесного доверительного и профессионального взаимодействия сторон в рамках совместного проекта.

Я уверен, что выставка будет поводом для встреч и глубоких размышлений и тем самым поможет наладить активный культурный обмен.

Бернд Нойманн
Депутат Германского Бундестага,
Государственный министр при Федеральном канцлере

Россию и Германия связывает длительное партнерство, которое также переживает трудные моменты истории. Благодаря живому и разнообразному культурному обмену, мы оказываем положительное влияние на наши отношения в будущем. В 2012 и 2013 годах кульминационным моментом в германо-российских культурных отношениях стали Год Германии в России и Год России в Германии. Высококласные проекты — такие, как разнообразные выставки в Москве, Берлине, Санкт-Петербурге и Дрездене, — являясь примерами хорошего взаимодействия между германскими и российскими организациями, одновременно свидетельствуют о большом интересе со стороны публики.

Выставка «Бронзовый век — Европа без границ» относится к центральным событиям этих лет, особо важным с точки зрения культурной политики, привлекающим значительное внимание и со стороны международной общественности. Многолетние связи экспертов Германии и России, участвовавших в подготовке совместной российско-германской выставки, способствовали дальнейшему укреплению взаимного доверия и налаживанию научных, политических, а также личных контактов. Они упрочивают основы будущих совместных проектов, в частности по линии презентации перемещенных в результате Второй мировой войны из Германии объектов, находящихся с 1945 года в России, которые, как и памятники, показанные в 2007 году на выставке «Эпоха Меровингов. Европа без границ», составляют большую часть предметов данной экспозиции.

Федеральное правительство Германии приветствует готовность российской стороны дать возможность общественности и музейным специалистам ознакомиться с культурными ценностями, перемещенными в результате Второй мировой войны. Выставка позволит задокументировать и изучить представленные объекты, а также проинформировать общественность обо всех сложных аспектах неразрешенного вопроса возвращения этих памятников в Германию.

После подписания германо-советского Договора о добрососедстве от 9 ноября 1990 года и германо-российского Соглашения о культурном сотрудничестве от 16 декабря 1992 года Германия и Россия взяли на себя взаимные международно-правовые обязательства по возвращению находящихся на их территориях пропавших или незаконно перемещенных произведений искусства их собственникам. Однако действующее российское законодательство затрудняет возвращение в Германию всех перемещенных в результате войны культурных ценностей. Поэтому Федеральное правительство ведет переговоры с представителями России, как на политическом, так и на профессиональном уровне, в поисках возможного решения столь сложной проблемы, связанной с нашей совместной историей, начав с рассмотрения конкретных случаев. Хотя пока и не удалось найти перспективный вариант решения вопроса, мы считаем, что находимся на верном пути, проводя совместные переговоры, а также осуществляя научное документирование и анализ утраты культурных ценностей во время Второй мировой войны. В ходе подготовки выставки «Бронзовый век — Европа без границ» в который раз стало ясно, как удачно может складываться германо-российское сотрудничество в условиях тесного доверительного и профессионального взаимодействия сторон в рамках совместного проекта.

Я уверен, что выставка будет поводом для встреч и глубоких размышлений и тем самым поможет наладить активный культурный обмен.

Бернд Нойманн
MdB Staatsminister bei der Bundeskanzlerin

Выставка «Бронзовый век. Европа без границ» является для музеев-участников из Санкт-Петербурга и Москвы и берлинского Музея преистории и древней истории — фонд Прусского культурного наследия логичным продолжением показанной в 2007 году выставки «Эпоха Меровингов. Европа без границ». Такой выставочный формат позволил Германии и России начать новый этап культурного сотрудничества. В 2013 году на выставке «Бронзовый век» мы покажем множество важных экспонатов, происходящих из Германии, других стран Европы и граничащих с ними земель Анатолии. Эти экспонаты составляли коллекцию Музея преистории и древней истории в Берлине, а с 1945 года хранятся в России. Многие предметы, перемещенные в конце Второй мировой войны в Россию, снова будут представлены публике. Объединенные общей концепцией, эти памятники могут понятным языком рассказать зрителю о важнейшей исторической эпохе. Подготовка выставки проходила под знаком абсолютной открытости. Специалисты из немецких музеев могли получить свободный доступ к бывшим берлинским экспонатам всякий раз, когда это требовалось для научной или реставрационной работы. Была проведена фотосъемка коллекций, меры по реставрации и консервации обсуждались и принимались совместно российскими и немецкими экспертами. Концепцию выставки мы также развивали общими усилиями. Место хранения экспонатов и их состояние теперь известны, что открывает возможность дальнейшей работы с этими коллекциями. При подготовке выставки были задействованы новейшие научные исследования немецких и российских специалистов.

Выставка приурочена к окончанию перекрестного года России в Германии и Германии в России 2012/13 и будет открыта в Эрмитаже в Санкт-Петербурге, а затем показана в Москве. Цель этого выставочного проекта — показать, что перемещенные в результате войны немецкие памятники искусства и культуры, представленные в данной экспозиции в большом количестве, могут быть задействованы в научной и выставочной работе, даже если связанные с этим ключевые вопросы политического характера на сегодняшний день кажутся затруднительными.

Важные и долгое время считавшиеся утраченными коллекции памятников бронзового века из берлинского Музея преистории и древней истории благодаря этой выставке не только вновь доступны публике, но и возвращены в международный научный дискурс. Я благодарен всем российским и немецким коллегам, участвовавшим в совместной подготовке этой выставки. Выпущенный каталог представляет собой основательный труд по истории бронзового века в Европе. Первоклассный уровень сотрудничества между российскими и берлинскими специалистами, которые уже давно являются не только коллегами, но и друзьями, открывает перспективу дальнейших совместных проектов.

Герман Парцингер
президент фонда Прусского культурного наследия

Мит der Ausstellung „Bronzezeit. Europa ohne Grenzen“ knüpfen die beteiligten russischen Museen in St. Petersburg und Moskau zusammen mit dem Museum für Vor- und Frühgeschichte der Staatlichen Museen zu Berlin Preußischer Kulturbesitz an die Präsentation „Merowingerzeit. Europa ohne Grenzen“ aus dem Jahr 2007 an. Mit diesem Ausstellungsformat haben Deutschland und Russland ein neues Kapitel der kulturellen Zusammenarbeit geschrieben. 2013 zeigen wir mit der vom Konzept vergleichbaren Bronzezeit-Ausstellung viele bedeutende Funde des Berliner Museums für Vor- und Frühgeschichte, die aus Deutschland und anderen Teilen Europas sowie angrenzenden Teilen Anatoliens stammen und seit 1945 in Russland verwahrt werden. Viele Objekte, die am Ende des Zweiten Weltkrieges nach Russland verlagert wurden, werden jetzt erstmals wieder der Öffentlichkeit präsentiert. Sie sind dabei eingebunden in eine Erzählung, die die Bronzezeit in Europa als bedeutende historische Epoche verständlich macht. Die Vorbereitung dieser Ausstellung war von großer Offenheit geprägt. Die deutschen Museumsfachleute erhielten uneingeschränkt Zugang zu den Beständen aus Berlin, wann immer es die fachliche Vorbereitung der Ausstellung und die wissenschaftliche und restauratorische Bearbeitung der Funde erforderte. Die Bestände wurden fotografisch dokumentiert, Restaurierungs- und Konservierungsmaßnahmen hatten russische und deutsche Experten im Einvernehmen erörtert und durchgeführt. Auch die gesamte Ausstellungskonzeption wurde gemeinsam entwickelt. Aufbewahrungsort und Erhaltungszustand der Objekte sind nun bekannt; damit ist eine wesentliche Grundlage für die weitere Arbeit damit geschaffen. Dabei fließen in diese Ausstellung auch die neuesten Forschungsergebnisse beider Seiten ein.

Als Abschluss des Russlandjahres in Deutschland und des Deutschlandjahres in Russland 2012/13, die in der Eremitage in St. Petersburg eröffnet und im Herbst 2013 auch in Moskau gezeigt werden wird, beinhaltet diese Ausstellung auch die Botschaft, dass die Bedeutung der kriegsbedingt verbrachten deutschen Kunst- und Kulturgüter, die hier auch wieder in ganz wesentlichem Umfang präsentiert werden, sehr wohl Spielräume des Umgangs damit zulässt, auch wenn eine grundlegende politische Lösung noch nicht verhandelbar scheint.

Die bedeutenden und lange verschollen geglaubten Funde der Bronzezeitperiode aus dem Altbestand des Berliner Museums für Vor- und Frühgeschichte werden mit dieser Ausstellung nicht nur wieder öffentlich wahrnehmbar, sie kehren auch zurück in den internationalen wissenschaftlichen Diskurs.

Mein großer Dank gilt allen russischen und deutschen Beteiligten, die in intensiver Zusammenarbeit diese umfassende Ausstellung erarbeitet haben. Mit dem Katalog ist ein Standardwerk zur Bronzezeit in Europa entstanden. Die inzwischen erreichte vorzügliche Qualität der Kontakte der Fachleute aus Berlin und russischen Partnerinstitutionen, die von Kollegen längst zu Freunden geworden sind, ist eine wertvolle Grundlage für zukünftige gemeinsame Vorhaben.

Hermann Parzinger
Präsident der Stiftung Preußischer Kulturbesitz

Выставка «Бронзовый век. Европа без границ» является проектом, продолжающим научную работу российских и немецких музеев по «воссоединению» для совместного экспонирования археологических комплексов, перемещенных в результате Второй мировой войны и хранящихся в настоящее время в трех российских музеях — Государственном Эрмитаже, Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина и Государственном Историческом музее. С германской стороны участником проекта является берлинский Музей преистории и древней истории, значительная часть коллекций которого оказалась в названных российских собраниях.

Началом этой серии выставок стала открывшаяся в 1996 году в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина экспозиция «Сокровища Трои из раскопок Генриха Шлимана», на которой были представлены древности, перемещенные в результате войны из берлинского Музея преистории и древней истории. Через два года в Государственном Эрмитаже была организована выставка «Шлиман — Петербург — Троя», на которой демонстрировались коллекции из собрания Эрмитажа совместно с экспонатами из Государственных музеев Берлина. Этот проект положил начало длительному доверительному и плодотворному сотрудничеству в области совместной научной работы музеев двух стран по восстановлению разъединенных в результате войны археологических комплексов. Результатом такого сотрудничества стала первая выставка из серии «Европа без границ» — «Эпоха Меровингов», посвященная одному из наиболее ярких и ключевых периодов в истории древней Европы — эпохе раннего Средневековья. Эта выставка с успехом прошла в 2007 году в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина и Государственном Эрмитаже.

Нынешняя выставка «Бронзовый век» стратегически решает ту же задачу и призвана продемонстрировать как единство, так и своеобразие исторического развития Западной и Восточной Европы на протяжении нескольких тысячелетий — с IV по I тыс. до н. э. Эпоха бронзы на самом деле не так далека от нашего времени, как может это показаться на первый взгляд, — всего около ста поколений отделяет нас от людей и событий того времени. Но более трех тысячелетий назад мир в Европе мало походил на современный. И дело не только в том, что в те времена люди пользовались другим оружием, другими украшениями, другой посудой, жили в других домах, иначе занимались хозяйством. Отношения между людьми, даже несмотря на различия в языках и обычаях, на разделяющие их расстояния, на самом деле были гораздо более тесными и в плане их духовной жизни, и в плане близости материальной культуры. Различные археологические культуры, за которыми стоят разные, большие и маленькие племена и народности, существовали и развивались на территориях нескольких современных государств, при этом отсутствовали разделяющие их непроницаемые границы. Именно в эпоху бронзы началось формирование современных языков, создавались и динамично внедрялись новые технологии, возникли архитектура, торговля и мореплавание, способствовавшие быстрому установлению связей между удаленными землями, сформировались первые города-государства.

Концепция выставки «Бронзовый век» призвана продемонстрировать на примере конкретных археологических памятников и комплексов разнообразных изделий историко-культурную ситуацию, сложившуюся на обширном европейском пространстве в эпоху, когда был заложен фундамент грядущей европейской культуры. Научное значение этой выставки, проходящей, так же как и предыдущая, в Санкт-Петербурге и Москве, и подготов-

Дие Ausstellung «Bronzezeit – Europa ohne Grenzen» ist aus der wissenschaftlichen Arbeit russischer und deutscher Museen zur «Wiedervereinigung» – will heißen: einer gemeinsamen Ausstellung – jener archäologischen Funde hervorgegangen, die in Folge des Zweiten Weltkriegs verlagert worden sind und heute in der Staatlichen Eremitage, im Staatlichen A. S. Puschkin-Museum der Bildenden Künste und im Staatlichen Historischen Museum, aber auch am ursprünglichen Standort, dem Museum für Vor- und Frühgeschichte der Staatlichen Museen zu Berlin aufbewahrt werden.

Mit der Ausstellung „Der Schatz des Priamos. Heinrich Schliemanns Fundstücke aus dem alten Troja“ 1996 im Staatlichen A. S. Puschkin-Museum für bildende Künste, in der Exponate präsentiert wurden, die kriegsbedingt aus dem Berliner Museum für Vor- und Frühgeschichte verlagert worden waren, nahm eine ganze Ausstellungsreihe ihren Anfang. Zwei Jahre später konnte in der Staatlichen Eremitage bereits die Ausstellung „Schliemann – Petersburg – Troja“ eröffnet werden, in der Sammlungen aus den Beständen der Eremitage zusammen mit Stücken aus den Staatlichen Museen zu Berlin gezeigt wurden. Dies schuf die Grundlage für eine langfristige, vertrauensvolle und fruchtbare Zusammenarbeit im wissenschaftlichen Bereich der Museen beider Länder; Ziel dieser Kooperation war es, kriegsbedingt auseinandergerissene Sammlungen auf Zeit wieder im Zusammenhang zu präsentieren. Ein Ergebnis dieser Arbeit war die erste Ausstellung aus der Serie „Europa ohne Grenzen“, die der Merowingerzeit und damit einer äußerst markanten und entscheidenden Phase in der Geschichte des alten Europas, dem Frühmittelalter, gewidmet war. Sie fand 2007 sowohl im Staatlichen A. S. Puschkin-Museum für bildende Künste wie auch in der Staatlichen Eremitage großen Zuspruch.

Die aktuelle Ausstellung „Bronzezeit“ hat sich die gleiche Aufgabe gesetzt und soll über einen Zeitraum von einigen Jahrtausenden (4. – 1. Jahrtausend v. Chr.) übergreifende und regionale Momente der historischen Entwicklung in West- und Osteuropa aufzeigen. Die Bronzezeit ist der heutigen Zeit im Grunde gar nicht so fern, wie es auf den ersten Blick scheinen könnte, trennen uns doch nur etwa einhundert Generationen von den Menschen und Ereignissen dieser Zeit. Dennoch hatte die Welt vor mehr als drei Jahrtausenden kaum etwas mit der heutigen gemein. Dies wiederum lässt sich keineswegs damit erklären, dass die Menschen damals andere Waffen gebrauchten, anderen Schmuck trugen, anderes Koch- und Essgeschirr benutzten, in anderen Häusern lebten und anderen Wirtschaftsformen nachgingen. Nein, vielmehr verband die Menschen trotz unterschiedlicher Sprachen und Sitten selbst innerhalb eines gewaltigen Raums hinsichtlich des geistig-religiösen Lebens und der materiellen Kultur sehr viel mehr als heute. Unterschiedliche archäologische Kulturen, die von verschiedenen, mal größeren, mal kleineren Stämmen und Völkern hervorgebracht wurden, existierten und entwickelten sich auf den Gebieten zahlreicher moderner Staaten, ohne dass zwischen ihnen unüberwindliche Grenzen bestanden hätten. In der Bronzezeit bildeten sich die modernen Sprachen heraus, entstanden neue, sich rasch durchsetzende Arbeits- und Herstellungstechniken, durch Handel und Schifffahrt wurden Kontakte auch zwischen weit entfernten Gebieten geknüpft. Es entstanden erste Stadtstaaten und es wurden bedeutende architektonische Leistungen überliefert.

Das Konzept der Ausstellung „Bronzezeit – Europa ohne Grenzen“ zielt darauf, anhand konkreter archäologischer Funde die historisch-kulturelle Situation zu erhellen, die sich in einem weitläufigen Raum Europas in jener Epoche herausgebildet hatte, da das Fundament der künftigen europäischen Kultur gelegt wurde. Die wissenschaftliche Bedeutung dieser Ausstellung, die wie bereits die Ausstellung zur „Merowingerzeit“ in St. Petersburg und in Moskau gezeigt wird, sowie

ленного к ней каталога чрезвычайно велико. Выставка совершенно уникальна по широте представленного на ней материала — около 1800 экспонатов — и по глубине заложенных в ней идей. Но не менее важна и демонстрация результатов сотрудничества и взаимопонимания между российскими и немецкими учеными, между музеями и в целом между нашими странами.

Организаторы выставки «Эпоха Меровингов» в свое время выражали надежду, что эта экспозиция станет не единственным и не последним подобным проектом, и сегодня мы можем с удовлетворением подтвердить, что сотрудничество между российскими и немецкими музеями развивается в правильном и позитивном направлении. Древние говорили: «Tempora mutantur, et nos mutamur in illis» — «Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними». Похоже, что и времена, и мы действительно изменились, и остается только выразить надежду, что эти изменения произошли и дальше будут происходить только к лучшему, а наша сегодняшняя работа, уже принесшая прекрасные результаты, в дальнейшем может стать еще успешнее и эффективнее.

Мы благодарим создателей этой выставки, хранителей и авторов каталога, реставраторов и художников, переводчиков, фотографов, дизайнеров и издателей — всех, кто своим трудом способствовал реализации нашего совместного проекта, и смеем надеяться на его успех у публики.

Михаил Пиотровский
Генеральный директор Государственного Эрмитажа

Алексей Левыкин
Директор Государственного Исторического музея

Ирина Антонова
Директор Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина

Михаэль Эйзенхауэр
Генеральный директор Государственных музеев Берлина Прусское культурное наследие

Маттиас Вемхофф
Директор Музея преистории и древней истории Государственных музеев Берлина Прусское культурное наследие

Санкт-Петербург, Москва, Берлин

des sie begleitenden Katalogs kann gar nicht hoch eingeschätzt werden. Mit ca. 1800 Exponaten ist sie vom Umfang her ebenso einmalig wie vom Gehalt der Ideen, auf denen sie konzeptionell basiert. Nicht weniger bedeutend ist die Vorstellung der Ergebnisse der gemeinsamen Arbeit und des Dialogs zwischen russischen und deutschen Wissenschaftlern, zwischen den Museen, ja, schließlich zwischen unseren beiden Ländern.

Die Organisatoren der Ausstellung „Merowingerzeit – Europa ohne Grenzen“ gaben seinerzeit der Hoffnung Ausdruck, jene Ausstellung möge nicht die einzige bleiben und weitere vergleichbare Projekte mögen sich anschließen. Heute können wir voller Genugtuung festhalten, dass die Zusammenarbeit zwischen den russischen und den deutschen Museen sich in die richtige und zudem in eine höchst begrüßenswerte Richtung entwickelt. In der Antike hieß es: „Tempora mutantur, et nos mutamur in illis“ – „Die Zeiten ändern sich, und wir ändern uns mit ihnen“. Anscheinend haben sich sowohl die Zeiten wie auch wir uns in der Tat verändert, so dass einmal mehr der Hoffnung Ausdruck zu verleihen ist, diese Veränderungen mögen andauern und in Zukunft nur noch bessere Ergebnisse hervorbringen. Unsere gegenwärtige Arbeit, die bereits exzellente Früchte getragen hat, möge sich mit dieser Perspektive noch erfolgreicher und effizienter gestalten.

Unser Dank gilt den Organisatoren dieser Ausstellung, den Kuratoren und Autoren der Katalogbeiträge, den Restauratoren und Künstlern, Übersetzern, Photographen, Gestaltern, sowie Verlagen; er gilt allen, die mit ihrer Arbeit zum Gelingen dieses Kooperationsprojekts beigetragen haben. Möge sich diese Ausstellung regen Interesses beim Publikum erfreuen.

Michail Piotrovski
Generaldirektor der Staatlichen Eremitage

Aleksej Levykin
Direktor des Staatlichen Historischen Museums

Irina Antonova
Direktorin des Staatlichen Puschkin Museum der Bildenden Künste

Michael Eissenhauer
Generaldirektor der Staatlichen Museen zu Berlin Preußischer Kulturbesitz

Matthias Wemhoff
Direktor des Museums für Vor- und Frühgeschichte, Staatliche Museen zu Berlin Preußischer Kulturbesitz

St. Petersburg, Moskau, Berlin

Герман Парцингер

Особенности культурных взаимосвязей от Волги до Рейна в эпоху бронзы

Hermann Parzinger

Grundzüge bronzezeitlicher Kulturverhältnisse zwischen Wolga und Rhein

Связи между Центральной Европой и степной зоной на востоке континента в историографии пре- и ранней истории должны рассматриваться, в первую очередь, с учетом многократных волн передвижений, а также их последствий. Это обусловлено засвидетельствованными в историческое время многочисленными вторжениями с востока киммерийцев, скифов, сарматов, гуннов, аваров, венгров, монголов. Обращаясь к более ранним периодам, сложнее доказать такие передвижения из-за имеющихся исключительно археологических данных, анализ которых допускает возможность других интерпретаций.

При рассмотрении соотношений культур эпохи бронзы от Волги до Рейна, с одной стороны, речь пойдет об уровнях взаимных влияний в разные периоды с III тыс. до начала I тыс. до н. э. С другой стороны, мы охарактеризуем основные особенности развития в эпоху бронзы в степной, лесостепной и частично лесной зонах Восточной Европы до Урала, сравнив с процессами в Центральной Европе, чтобы выявить общее и особенное в культурно-историческом развитии эпохи бронзы в Центральной и Восточной Европе. Таким образом, перспектива предлагаемого сравнительного обзора — восточноевропейская, соответственно акцент будет сделан на археологических культурах, распространенных от Карпат до Урала.

Связи между Центральной и Восточной Европой известны с древнейшего времени, большей частью они были включены в широкомасштабные события и изменения, которые имели мощные последствия и охватывали огромные территории Европы. Они начались в VI тыс. до н. э., когда охотники-собиратели, проживавшие в сезонных лагерях и промышленявшие охотой и собирательством, через центральноевропейскую часть России продвинулись к северо-западу от Каспийского моря вплоть до Прибалтики и южного побережья Балтийского моря. Хотя эти группы населения не занимались ни земледелием, ни животноводством, они принесли в Восточную и Северную Европу первую керамику, которая вне зависимости от Переднего Востока впервые начала производиться в уральском регионе уже в VIII тыс. до н. э. Однако и тогда были встречные продвижения: приблизительно в VI тыс. до н. э. в Центральную Европу с Ближнего Востока через Юго-Восточную Европу пришла культура неолита с его поселенческими структурами, животноводством и растениеводством. Первоначально область распространения этой культуры с характерной для нее ленточной керамикой простиралась от Среднего Рейна до Верхней Вислы, но на позднем этапе она существенно расширилась

Венн sich die Vor- und Frühgeschichtsforschung mit den Verbindungen zwischen Mitteleuropa und den Steppen im Osten des Kontinents befasste, so ging es dabei vielfach in erster Linie um die Nachweisbarkeit von Wanderungsbewegungen und deren Auswirkungen. Geprägt war dieses Bild von Invasionen historischer Zeit, die stets aus Osten kamen: Kimmerier, Skythen, Sarmaten, Hunnen, Awaren, Ungarn oder Mongolen. Je weiter wir dabei chronologisch zurückgehen, desto schwieriger wird die Nachweisbarkeit solcher Bewegungen, denn der ausschließlich archäologische Fundniederschlag lässt bisweilen auch andere Deutungen zu.

Bei der Betrachtung der bronzezeitlichen Kulturverhältnisse zwischen Wolga und Rhein geht es einerseits um die Identifizierung und Bewertung wechselseitiger Einflussnahmen in den unterschiedlichen Etappen zwischen dem 3. und beginnenden 1. Jahrtausend v. Chr. Andererseits wollen wir vorzugsweise die bronzezeitliche Entwicklung in den Steppen, Waldsteppen und teilweise auch noch Waldgebieten Osteuropas bis zum Ural hin in den Blick nehmen und dabei deren Besonderheiten charakterisieren und mit den Verhältnissen in Mitteleuropa vergleichen, um auf diese Weise Trennendes und Verbindendes in der bronzezeitlichen Kulturgeschichte Mittel- und Osteuropas verständlich werden zu lassen. Die Perspektive dieses Vergleichs ist also eine osteuropäische: Die Kulturen zwischen Karpaten und Ural bilden jeweils den Ausgangspunkt dieser Betrachtung.

Verbindungen zwischen Mittel- und Osteuropa gab es schon seit frühester Zeit, und meist waren sie eingebettet in großräumig wirksame Entwicklungen und Umwälzungen, die große Teile Europas erfassten. Es begann im 6. Jahrtausend v. Chr., als Wildbeuter, die an jahreszeitlich aufgesuchten Lagerplätzen lebten und sich zunächst noch von dem ernährten, was die Natur an Jagdwild und essbaren Sammelpflanzen bot, von den Gebieten nordwestlich des Kaspischen Meeres durch Mittel- und Nordrussland bis in das Baltikum und bis an das südliche Ufer der Ostsee vorstießen. Auch wenn diese Gruppen weder Ackerbau noch Viehzucht betrieben, so brachten sie erste Keramik nach Ost- und Nordeuropa, die im Ural-Gebiet ganz unabhängig vom Vorderen Orient schon im 8. Jahrtausend v. Chr. erstmals hergestellt worden war. Doch bereits damals kam es auch zu Gegenbewegungen: Mitteleuropa hatte annähernd im 6. Jahrtausend v. Chr. vom Nahen Osten über Südosteuropa neolithische Lebensverhältnisse mit Sesshaftigkeit und dörflichen Strukturen, Haustierhaltung und Pflanzenanbau übernommen. Das Verbreitungsgebiet dieser ältesten neolithischen Kultur mit der für sie kennzeichnenden Bandkeramik erstreckte sich anfangs vom Mittelrhein bis zur oberen Weichsel und dehn-

к востоку, вплоть до левого берега Буга. В восточноевропейские степные и лесостепные регионы носители этой культуры принесли специфический средневропейский оседлый образ жизни и зачатки производящей экономики.

Энеолит: основы развития культуры эпохи бронзы

Любая характеристика эпохи бронзы должна даваться с учетом достижений предшествующего периода — энеолита, когда началось и стало приобретать все более важное значение использование металла и все более заметным становилось социальное расслоение. В эпоху энеолита в самых отдаленных уголках Европы, как и на Украине и юге России, произошло постепенное освобождение от неолитических устоев, а уже в эпоху бронзы действительно начался новый этап культурного развития (ил. 1).

Ил. 1. Кубок. Глина. Трипольская культура
Abb. 1. Pokal. Keramik. Tripolje-Kultur

С середины V тыс. до н. э. в степях и восточных областях лесостепного пояса Северного Причерноморья произошли существенные изменения. Позднеэнеолитические культуры этого региона (сероглазовская, Ракушечный Яр, днепродонецкая и сурская) практически одновременно прекращают свое существование, на смену им приходят новые, различающиеся между собой группы со знаниями обработки меди, именно с них ведется отсчет новой эпохи — энеолита. В западных лесостепных областях неолитическая буго-днепровская культура сосуществует с развитой трипольской, самые восточные местонахождения которой достигают Среднего Поднепровья. Сельское хозяйство с земледелием и животноводством, вероятно стимулированное из прикарпатских земель, стало распространяться в западных лесостепных областях уже в VI тыс. до н. э., оставаясь неизменным и в энеолите, причем примерно с середины V тыс. до н. э. в ареале трипольской культуры появились планомерно заложенные крупные поселения с невероятной для доисторических эпох концентрацией населения (Parzinger 2006. S. 239ff.). В Центральной Европе подобное развитие отсутствовало. Там неолитические и энеолитические общины развивались и вырастали только до определенной величины, в дальнейшем

те sich in einer späteren Phase noch weiter nach Osten bis jenseits des Bugs aus. Sie brachte eine spezifisch mitteleuropäische Form sesshaften Lebens und produzierenden Wirtschaftens in die osteuropäischen Steppen- und Waldsteppengebiete.

Die Grundlagen der bronzezeitlichen Kulturentwicklung: das Äneolithikum

Jede Darstellung der Bronzezeit hat von einer Betrachtung des vorangehenden Äneolithikums auszugehen, eine Periode, in der der Umgang mit Metall einsetzte, allmählich an Bedeutung gewann und die kulturellen und sozialen Strukturen immer stärker zu prägen begann. Im Äneolithikum vollzog sich in weiten Teilen Europas, so auch in der Ukraine und in Südrussland, die schrittweise Befreiung aus den neolithischen Fesseln, während mit der Bronzezeit eine gänzlich neue Kulturperiode anbrach (Abb. 1).

Bald nach der Mitte des 5. Jahrtausends v. Chr. vollzogen sich im nordpontischen Raum grundlegende Veränderungen, die vor allem den Steppen- und östlichen Waldsteppengürtel betrafen. Die spätneolithischen Kulturen dieses Raumes (Seroglazov, Rakušečnyi Jar, Dnepr-Donec und Sursk) endeten annähernd gleichzeitig und wurden von neuen, andersartigen Gruppen abgelöst, die bereits Kupfer verarbeiteten, weshalb die Forschung mit ihnen eine neue Zeitperiode beginnen lässt, das Äneolithikum. In der westlichen Waldsteppe wurde die neolithische Bug-Dnestr-Kultur zur selben Zeit von der entwickelten Tripolje-Kultur überschichtet, deren östlichste Fundpunkte fast bis zum mittleren Dnepr streuten. Bäuerliches Leben mit Ackerbau und Viehzucht begann in der westlichen Waldsteppe — vermutlich auf karpatenländische Anregung hin — schon im 6. Jahrtausend v. Chr. und bestand auch im Äneolithikum unverändert weiter, wobei es nach der Mitte des 5. Jahrtausends v. Chr. im Tripolje-Bereich zur Gründung planvoll angelegter Großsiedlungen kam, die für prähistorische Zeiten kaum vorstellbare Bevölkerungskonzentrationen darstellen (Parzinger 2006. S. 239ff.). Vergleichbare Entwicklungen fanden in Mitteleuropa nicht statt. Die neolithischen und auch kupferzeitlichen Niederlassungen wuchsen dort nur bis zu einer bestimmten Größe an und gaben dann durch die Neugründung von Nachbarsiedlungen in der näheren wie weiteren Umgebung (so genannte Filiationen) überschüssige Bevölkerung ab.

Ganz andere Verhältnisse als in der Waldsteppe herrschten zur selben Zeit jedoch im Steppengürtel. Im Bereich zwischen Dnepr und Don werden die äneolithischen Erscheinungen als Srednij Stog-Kultur zusammengefasst, der weiter westlich bis zum Südlichen Bug die Novodanilovka-Gruppe und im Osten an der Wolga die Chvalynsk-Kultur entsprechen (Parzinger 1998. S. 460–462. Abb. 2). In jüngster Zeit wurde dieses Bild durch die Definition zahlloser weiterer äneolithischer Formengruppen noch weiter differenziert (Rassamakin 1994; Rassamakin 2004). Bald nach der Mitte des 5. Jahrtausends v. Chr. kam es zwischen Wolga und Dnepr zu einem Klimaoptimum mit milden Sommern und Wintern und weniger Niederschlägen. Die Grasdecke der Steppe verbesserte sich und die Vegetation insgesamt wurde artenreicher. Diese Veränderungen begünstigten die im Äneolithikum gestiegene Bedeutung der Viehzucht. Grundlegende Neuerungen vollzogen sich auch im Grabkult, denn die Rückenstreckerlage wurde weitgehend zugunsten der Rückenhockerposition aufgegeben, und neben Flachgräbern begegnen erstmals Bestattungen mit Kurganaufschüttungen. Die Beigaben machen nun auch soziale Unterschiede sichtbar, denn in Chvalynsk enthalten die reicheren Bestattungen Steinkeulen und Steinäxte, Tierkopfszepter, lange Silexklingen und Trachtschmuck, nicht zuletzt aus Kupfer.

избыточное население создавало новые поселения (так называемые дочерние памятники) как в непосредственной, так и в отдаленной близости от старых поселков.

Однако в синхронное время в степной полосе преобладали совершенно иные, чем в лесостепи, условия. На территории между Днепром и Доном к энеолитическим относятся среднестоговская культура, которой соответствуют пространенная к западу до Южного Буга новоданиловская группа, а к востоку, в Поволжье, — хвалынская культура (Parzinger 1998. S. 460–462. Abb. 2). В последнее время эта картина стала еще более дробной благодаря дальнейшему выделению многочисленных энеолитических культурных групп (Rassamakin 1994; Rassamakin 2004). Вскоре после середины V тыс. до н. э. в регионе от Волги до Днепра наступил климатический оптимум с мягкими летом и зимой и меньшим количеством осадков. Травяной покров степей улучшился, растительность в целом стала более разнообразной. Эти перемены благоприятствовали развитию животноводства, ставшего более значимым в энеолите. Важнейшие инновации происходили также в погребальном обряде: вытянутое положение на спине было заменено скорченным положением умерших, наряду с грунтовыми захоронениями впервые появляются погребения под курганной насыпью. Погребальные приношения демонстрируют заметные социальные различия: в богатых погребениях хвалынской культуры имеются каменные булавы и топоры, зооморфные скипетры, длинные кремневые пластины с обоюдоострым лезвием и медные детали одежды.

В Северном Причерноморье металлические изделия преимущественно состоят из чистой меди; и Е. Н. Черных с помощью спектрального анализа установил, что металл в основном происходил из балкано-карпатских рудных месторождений, в то время как имеющиеся залежи на Украине, Кавказе и Урале в V тыс. до н. э., по-видимому, еще не использовались (Chernykh 1992. P. 43ff.). Если будущие исследования подтвердят эту гипотезу Е. Н. Черных, то можно будет предполагать, что уже в столь раннее время существовала густая сеть торговых связей между Юго-Восточной Европой и Северным Причерноморьем.

Изменения в погребальном обряде показывают, что в степях Северного Причерноморья с середины V тыс. до н. э. сформировались четко структурируемые социальные организации. Лидеры в энеолите выделялись своими гробницами (первые курганы) и демонстрировали свой статус через одеяния (медные украшения) и символы власти (булавы и скипетры); представляется, что только у них был доступ к карпатской меди, которая должна была достигать Волги. Такая же дифференциация повторяется и в детских захоронениях, что позволяет предполагать принадлежность к социальным группам по рождению.

Несомненно, различимы лишь некоторые аспекты глубоких культурных изменений. Однако совпадение по времени, с одной стороны, превращения в степь земель к северу от Черного моря и, с другой стороны, повышения интереса к домашнему животноводству не случайно и указывает, скорее, на причинно-следственную связь. Постоянная необходимость защиты стад и пастбищ могла привести впоследствии к появлению слоя воинов, одновременно социально значимых и обеспечивающих жизнеспособность общины. В такую картину, казалось бы, хорошо вписывалось ритуальное захоронение черепа коня на поселении Деревки, которое должно было подтвердить domestikацию лошади и ее использование в качестве верхового животного уже в конце V тыс. до н. э. Однако до сих пор датировка этой

Die Metallgegenstände im nordpontischen Raum bestehen überwiegend aus Reinkupfer, und E. N. Černych stellte mit Hilfe spektralanalytischer Untersuchungen fest, dass das Metall überwiegend aus balkanisch-karpatenländischen Erzlagerstätten stammte, während die Vorkommen in der Ukraine, im Kaukasus und im Ural im 5. Jahrtausend v. Chr. offenbar noch nicht genutzt wurden (Chernykh 1992. P. 43ff.). Sollten künftige Forschungen diese These Černychs erhärten, so würde dies schon für jene frühe Zeit ein dichtes Netz an weitreichenden Handelsbeziehungen zwischen Südosteuropa und nordpontischem Raum voraussetzen.

Veränderungen im Grabbrauch deuten an, dass sich im nordpontischen Steppengürtel nach der Mitte des 5. Jahrtausends v. Chr. bereits fest strukturierte Sozialverbände herausgebildet hatten. Die führenden Persönlichkeiten des Äneolithikums setzten sich dort im Grabbau ab (erste Kurgane) und kennzeichneten ihren Status durch Tracht (Kupferschmuck) und Machtsymbole (Keulen und Szepter); sie alleine hatten offenbar den Zugriff auf das karpatenländische Kupfer, das bis an die Wolga gelangt sein soll. Da sogar Kindergräber diese Differenzierung im Bestattungsritual wiederholen, schien man den sozialen Gruppen durch Geburt anzugehören.

Zweifelloso werden uns hier nur Einzelaspekte eines grundlegenden kulturellen Wandels sichtbar. Doch seine zeitliche Kongruenz mit der fortschreitenden Versteppung der Gebiete nördlich des Schwarzen Meeres einerseits und der nachweisbar stärkeren Hinwendung zur Viehzucht andererseits ist gewiss kein Zufall, sondern weist vielmehr auf einen ursächlichen Zusammenhang hin. Der ständige Zwang zur Verteidigung der Herden und Weidegründe könnte in der Folge zum Entstehen einer Kriegerschicht geführt haben, die zugleich sozial führend war und die Siedelgemeinschaft bestimmte. In dieses Bild schien sich sehr gut eine offenbar kultische Bestattung von Pferdeköpfen in der Siedlung von Dereivka zu fügen, die die Domestikation des Pferdes und seine Nutzung als Reittier bereits im späten 5. Jahrtausend v. Chr. nachweisen sollte. Doch bis heute ist die Zeitstellung dieses Befundes unklar, außerdem dürfte es sich eher um Reste von Wild- als von Hauspferden handeln, und für ihre Nutzung als Reittiere gibt es in dieser frühen Zeit noch keinerlei Belege.

Der Befund von Dereivka ist insofern wichtig, weil eine für das 5. Jahrtausend v. Chr. nachweisbare Nutzung des Pferdes als Reittier den äneolithischen Kulturgruppen der Steppe schon sehr früh eine bis dahin ungeahnte Mobilität verliehen hätte. Bereits V. G. Childe wies in den 1920er Jahren auf Einwirkungen aus dem nordpontischen Raum auf die äneolithischen Kulturen des Karpatenbeckens hin (Childe 1929). Während er noch zurückhaltender formulierte, griff M. Gimbutas diese Gedanken später auf und entwickelte sie in extremster Form weiter. Die durch Pferdedomestikation schon im Äneolithikum mobil gewordene Steppenbevölkerung, die so genannte Kurgan-Kultur, sei in mehreren Wellen über Alteuropa hereingebrochen, habe dort die seit dem Neolithikum gewachsenen Grundlagen zerstört und durch Übersichtung ansässiger Gruppen ein neues, patriarchalisches ausgerichtetes System etabliert. Die erste dieser Wellen sei durch die Srednij Stog-Kultur ausgelöst worden und habe das sich über Jahrhunderte entwickelte Kultursystem Kodžadermen-Gumelnița-Karanovo VI zum Zusammenbruch gebracht. Die Träger dieser balkanischen Kupferzeitkulturen wären daraufhin nach Westen geflohen, was zur Entstehung neuer Kulturen zwischen Eisernem Tor und Ostalpenrand geführt haben soll, letzte Auswirkungen seien bis Polen und Mitteldeutschland zu spüren gewesen (Gimbutas 1977. S. 277ff.).

находки остается неясной, кроме того, здесь можно предполагать остатки скорее диких, нежели домашних лошадей, да и отсутствуют доказательства использования последних в качестве верховых животных в столь раннее время.

Находка в Деревке важна в том отношении, что могла бы стать подтверждением в V тыс. до н. э. использования лошади для верховой езды степными энеолитическими группами, что могло придать им столь рано невероятную мобильность. Еще в 1920-е годы В. Г. Чайлд отмечал воздействие из Северного Причерноморья на энеолитические культуры карпатского региона (Childe 1929). Несмотря на то, что он сформулировал свою идею весьма сдержанно, позднее ее подхватила М. Гимбутас и далее развила в самой смелой форме. Доместцировав лошадь, степное население, ставшее подвижным уже в энеолите, вторгалось бы несколькими волнами в древнюю Европу, разрушив там основы, уходящие корнями в неолит, и затем, смешавшись с местными общностями, создало бы новую, патриархально ориентированную общественную систему. Первая из этих волн могла быть вызвана культурой Средний Стог и привела бы столетиями развивавшуюся культурную систему Коджадермен—Гумельница—Караново VI к общему краху. Далее носители этих балканских культур медного века бежали бы на запад, что должно было привести к появлению новых культур между Железными Воротами и восточноальпийской периферией, при этом окончательные последствия ощущались бы в Польше и Центральной Германии (Gimbutas 1977. S. 277ff.).

Совсем другое развитие событий предложил Я. Лихардус. Он высказал мнение, что комплекс Коджадермен—Гумельница—Караново VI и родственная варненская культура, представлявшая во второй половине V тыс. до н. э. кульминацию развития медного века в Юго-Восточной Европе, смогли возникнуть только под влиянием конных пастушеских групп типа Средний Стог из северопонтийских степей. На основе интенсивного животноводства должны были происходить изменения в социальной, экономической и духовной сферах общества, в том числе появиться слой воинов. Эта перемена в конечном счете должна была повлиять на земледелие и металлургию полуоседлых культур от Карпат до Родопа, а сама структура могильника Варна с его богатой и многочисленными погребальными приношениями возникла под влиянием восточных мобильных групп типа Средний Стог (Lichardus, Lichardus-Ippen 1995. S. 31ff.). Безусловно, что степные культуры неоднократно влияли на общности Юго-Восточной Европы и восточных территорий Центральной Европы, что было связано с миграциями отдельных групп населения. Но насколько далеко могли распространяться такие влияния, до сих пор неясно.

Все же энеолитические инновации в степной и лесостепной зонах не доходили до оседлых сообществ зоны смешанных лесов Северной Украины и центральной части Восточно-Европейской равнины вплоть до Волго-Камья с распространением там поздними группами ямочно-гребенчатой керамики (например, волосовская культура). На поселениях со слегка углубленными жилищами (полуземлянками) встречаются как простые круглые и остродонные сосуды с богато орнаментированной поверхностью, так и широкий спектр орудий труда из кремня, кости и рога, явно представляющих предшествующую мезолитическо-неолитическую традицию (Крайнов 1987-1. Табл. 1–7), хотя изготовление самой ранней керамики там имеет давнюю историю. Изделия из меди единичны, характерны костяные и каменные фигурки животных, связанные с фауной лесной зоны

Ein gänzlich anderes Bild vertritt stattdessen J. Lichardus. Er war der Ansicht, dass der Kodžadermen-Gumelnița-Karanovo VI-Verband und die damit verwandte Varna-Kultur, die beide in der zweiten Hälfte des 5. Jahrtausends v. Chr. den Höhepunkt der kupferzeitlichen Entwicklung in Südosteuropa repräsentierten, nur unter dem Einfluss bereits berittener hirtennomadischer Gruppen vom Typus Srednij Stog aus dem Bereich der nordpontischen Steppe hätten entstehen können. Aufgrund intensiver Viehzucht hätten sich dort Veränderungen in Gesellschaft, Wirtschaft und religiösen Vorstellungen vollzogen, zu denen auch das Entstehen einer Kriegerschicht gehört haben soll. Dieser Wandel hätte schließlich auch die Ackerbau und Metallurgie treibenden Kulturen zwischen Karpaten und Rhodopen beeinflusst, und das so reich ausgestattete Gräberfeld von Varna verdankte seine Struktur demnach östlichen Nomadengruppen vom Typus Srednij Stog (Lichardus, Lichardus-Ippen 1995. S. 31ff.). Es steht außer Frage, dass der Steppenraum immer wieder Teile Südost- und Ostmitteleuropas beeinflusst hatte, und sicherlich waren diese Einwirkungen auch nicht frei von Migrationen einzelner Gruppen. Doch ob diese tatsächlich derart weitreichend gewesen sein können, wird heute eher in Frage gestellt.

Diese mit dem Äneolithikum verbundenen Neuerungen in den Steppen- und Waldsteppengebieten erreichten damals die Siedelverbände der Mischwaldzone in der nördlichen Ukraine und der zentralrussischen Niederung bis in die Wolga-Kama-Region mit der dort verbreiteten späten Kamm- und Grübchenkeramikgruppen (z. B. Volosovo-Kultur) nicht mehr. Siedlungsstellen mit leicht eingetieften Hütten (Poluzemljanki) erbrachten lediglich einfache Rund- und Spitzbodengefäße mit abdruckverzierten Außenseiten sowie ein umfangreiches Gerätespektrum aus Silex, Knochen und Geweih, das in deutlich älterer, mesolithisch-neolithischer Tradition steht (Крайнов 1987-1. Табл. 1–7), wenngleich die Herstellung frühesten gebrannter Tongefäße dort sehr weit zurückreicht. Kupfergegenstände blieben sehr vereinzelt, als charakteristischer erwiesen sich Tierfiguren aus Knochen und Stein, die der Tierwelt der Waldgebiete verbunden waren (Bären, Fische, Biber u.ä.); die Unterschiede zur Vorstellungswelt der Steppen- und Waldsteppenbewohner traten dadurch sehr deutlich hervor, sie blieben auch die folgenden Jahrtausende bestimmend.

Wagen, Hauspferde und erste Arsenbronzen: Die Anfänge der Bronzezeit

In der Folgezeit bildete sich in der Steppe zwischen südlichem Bug und unterer Wolga auf der Grundlage von äneolithischen Kulturen wie Srednij Stog und Chvalynsk bald nach der Mitte des 4. Jahrtausends v. Chr. die Jamnaja-Kultur heraus, die nach der für sie typischen Grabform auch als Grubengrabkultur bezeichnet wird. In einer frühen Phase erstreckte sich ihr Verbreitungsgebiet von den westlichen Ausläufern des Ural zunächst nur bis zum Südlichen Bug, in einer späteren Etappe weitete sie sich dann noch erheblich nach Westen aus (Parzinger 1998. S. 468. Abb. 7, 1). Trotz regionaler Besonderheiten kommt es innerhalb dieses Raumes zu einer bemerkenswerten Vereinheitlichung der materiellen Kultur (Chernykh 1992. P. 83–85; Rassamakin 1994). In Jamnaja-Zusammenhängen erschienen die ersten Arsenbronzen, wenngleich die meisten Metallartefakte noch aus Kupfer bestanden. Der Beginn der Jamnaja-Kultur fällt zeitlich ungefähr mit dem Beginn anderer frühbronzezeitlicher Kulturen wie Kura-Arax, Maikop, Kemi-Oba, Ezero und Troja I zusammen. Kalibrierte ¹⁴C-Datierungen verweisen diese Kulturen ebenso wie Jamnaja in das späte 4. Jahrtausend und in die erste Hälfte des 3. Jahrtausends v. Chr., was östlich des Ural den

(медведь, рыба, бобр и др.), что демонстрирует явные различия в мире представлений между степным и лесостепным населением, остающиеся значимыми в последующие тысячелетия.

Начало бронзового века: повозки, одомашненные лошади и первые мышьяковые бронзы

В последующее время в степной зоне от Южного Буга до Нижнего Поволжья на основе энеолитических культур Средний Стог и хвалынская сразу после середины IV тыс. до н. э. сформировалась ямная культура, названная по наиболее типичной форме захоронений. На раннем этапе ее ареал покрывал территорию от западных отрогов Урала до Южного Буга, на более позднем он существенно расширился к западу (Parzinger 1998. S. 468. Abb. 7, 1). Несмотря на региональные особенности, в пределах этого пространства фиксируется существенное единообразие материальной культуры (Chernykh 1992. P. 83–85; Rassamakin 1994). В контексте ямной культуры появились первые мышьяковые бронзы, хотя большинство изделий из металла по-прежнему изготавливалось из меди. Начало ямной культуры совпадает по времени с началом других культур эпохи ранней бронзы — таких, как куро-аракская, майкопская, кемпи-обинская, Эзеро и Троя I. Калиброванные ¹⁴C-датировки указывают на период существования этих культур, так же как и ямной, в пределах конца IV — первой половины III тыс. до н. э., что к востоку от Урала соответствует энеолитическим культурам Ботай (в Северном Казахстане) и Афанасьеве (в Южной Сибири). Некоторые остаточные группы ямной культуры доживают до второй половины III тыс. до н. э., когда уже появилась следующая по времени катакомбная культура (Pustovalov 1994).

В керамике наиболее заметны тесные связи между ямной и предшествующими энеолитическими культурными группами. Она ничем не отличается в восточных областях, в Поволжье, где набор типов посуды из энеолитических погребений близок наборам из раннеямных захоронений. Эти наблюдения показывают, что носители ямной культуры, очевидно, не мигрировали с востока, а, по всей вероятности, вышли из различных энеолитических региональных групп (Шапошникова 1985). Если на раннем этапе носители ямной культуры спорадически проникали в северную часть лесостепи, то на позднем — они плотно ее заселили.

Одновременно происходили притоки носителей ямной культуры в северокавказские степи, с одной стороны, как и в регионы Нижнего Подунавья и Восточных Карпат, с другой. В восточновенгерском Альфельде эти объединения встретили условия жизни, близкие северопричерноморским степям. Считалось, что происходила миграция именно из северопричерноморских степей, так как иначе была необъяснима плотная концентрация курганов ямной культуры вдоль Тисы и ее притоков при одновременном отсутствии находок этого периода, принадлежащих местным культурам (Ecsedy 1979).

Между тем исследователями предложены другие интерпретации. Э. Кайзер справедливо подчеркивает, что имеющиеся в распоряжении ¹⁴C-датировки не могут подтвердить миграцию носителей ямной культуры из Северного Причерноморья в степные области Карпатского бассейна; однако они ее и не опровергают. Э. Кайзер считает более вероятным, что появление курганов с захоронениями и инвентарем ямной культуры в Восточной Венгрии и на Нижнем Дунае лишь незначительно зависело от миграций отдельных групп населения, но в большей степени связано,

noch äneolithischen Kulturen Botaj in Nordkazachstan und Afanas'ev in Südsibirien entspricht. Gelegentlich wird auch mit einem Nachleben von Jamnaja-Restgruppen bis in die zweite Hälfte des 3. Jahrtausends v. Chr. gerechnet, als sich bereits die nachfolgende Katakombengrab-Kultur herausgebildet hatte (Pustovalov 1994).

Bei der Keramik treten die engen Verbindungen zwischen Jamnaja und den vorangehenden Kulturgruppen des Äneolithikums besonders deutlich hervor. Nicht anders verhält es sich weiter östlich im Wolga-Gebiet, wo der Typenschatz aus den äneolithischen Gräbern von Chvalynsk kaum von frühen Jamnaja-Inventaren zu unterscheiden ist. Diese Beobachtungen zeigen, dass die Träger der Jamnaja-Kultur offenbar nicht aus Osten eingewandert waren, sondern höchstwahrscheinlich aus verschiedenen äneolithischen Regionalgruppen entstanden sind (Шапошникова 1985). Wurde die Waldsteppe weiter im Norden von frühem Jamnaja zunächst nur gelegentlich erreicht, so siedelte man sie in einer späteren Phase dieser Kultur massiv auf.

Gleichzeitig kam es zu einem Einströmen von Trägern der Jamnaja-Kultur in die nordkaukasische Steppen einerseits sowie in die Gebiete an der unteren Donau und im östlichen Karpatenbecken andererseits. Insbesondere im ostungarischen Alföld fanden diese Verbände mit der nordpontischen Steppe vergleichbare Lebensbedingungen vor. Man ging vor allem deshalb von einer Zuwanderung aus den Nordschwarzmeerstetten aus, weil man die dichte Konzentration von Jamnaja-Kurganen entlang von Theiß und ihren Nebenflüssen bei gleichzeitigem Fehlen von Funden dieser Periode angehörender einheimischer Kulturen anders für nicht erklärbar hielt (Ecsedy 1979).

Inzwischen schlägt die Forschung aber auch andere Deutungen vor. So hebt E. Kaiser zwar mit Recht hervor, dass die verfügbaren ¹⁴C-Datierungen das Bild einer Wanderung von Trägern der Jamnaja-Kultur aus dem Nordschwarzmeerraum in die Steppengebiete des Karpatenbeckens nicht bestätigen lassen; sie widerlegen sie aber auch nicht. Kaiser hält es für wahrscheinlicher, dass das Auftreten von Grabhügeln mit Grubengräbern und Beigaben der Jamnaja-Kultur in Ostungarn und an der unteren Donau nur zu einem geringen Anteil mit der Einwanderung von einzelnen Bevölkerungsgruppen zusammenhing und vielmehr auf Einflüsse aus der osteuropäischen Steppe zurückgehe (Kaiser 2012). Dies erklärt jedoch nicht, warum jene Jamnaja-Grabhügel nur in der ostungarischen Steppe und an der unteren Donau vorkommen und eben nicht in anderen Teilen Ostmitteleuropas, wie z. B. in den Gebieten nördlich des Karpatenbogens bis hin nach Südpolen.

Gewiss muss die Entstehung von kurganartigen Grabanlagen in Ostmittel- und Südosteuropa nicht zwangsläufig mit einer Einwanderung von Trägern der Jamnaja-Kultur verbunden gewesen sein, doch sie ist auch nicht auszuschließen. Zur Lösung solcher Fragen können Isotopenuntersuchungen wichtige Anhaltspunkte liefern. Strontium- und Sauerstoffisotopenanalysen an Skelettresten aus ausgewählten Grabhügelbestattungen im Theißgebiet und in Thrakien, die aufgrund ihrer Beigabenausstattung besonders enge Beziehungen zur Jamnaja-Kultur in der osteuropäischen Steppe aufwiesen, sprechen jedoch sehr deutlich gegen eine direkte Zuwanderung aus der nordpontischen Steppe und finden ihre besten Entsprechungen offenbar in Transilvanien, wie Kaiser herausarbeitete (Kaiser 2012). Es ist deshalb nicht von einer einzigen großen Zuwanderung auszugehen, sondern man wird vielmehr mit einem komplexen Prozess mit unterschiedlichen Schüben und Zwischenetappen rechnen müssen.

с восточноевропейскими степными влияниями (Kaiser 2012). Тем не менее это не объясняет, почему курганы ямной культуры встречаются только в восточновенгерских степях и Нижнем Подунавье и отсутствуют на других восточных территориях Центральной Европы, например в регионах севернее Карпатской дуги, до Южной Польши.

Появление курганных захоронений в восточных областях Центральной Европы и Юго-Восточной Европе, конечно, не должно быть напрямую связано с миграцией носителей ямной культуры, и все же ее не стоит исключать. Для решения этих вопросов важную информацию могут дать изотопные исследования. Анализ изотопов стронция и кислорода в скелетах из тех курганных захоронений Потисья и Фракии, погребальный инвентарь которых обнаруживает наиболее тесные связи с ямной культурой восточноевропейских степей, отчетливо свидетельствуют против прямой миграции населения из Северного Причерноморья, обнаруживая большие соответствия скорее в Трансильвании, как это показала Э. Кайзер в своих разработках (Kaiser 2012). Таким образом, нужно исходить не из имевшей место одной большой миграции населения, а скорее из сложного процесса с различными продвижениями и промежуточными стадиями.

О бытовых памятниках ямной культуры известно пока немного — из-за отсутствия широкомасштабных раскопок поселений. Важные данные были получены в Михайловке на Нижнем Днепре, где прослежен переход от энеолита к ранней бронзе: нижний слой I относится к энеолитической культуре Средний Стог, средний слой II — к раннеямной культуре, в том время как верхний слой III представляет развитой ямной или раннекатакомбной культурой (Rassamakin 1994). В слоях I и II было обнаружено несколько углубленных жилищ вытянутой овальной формы, и только с этапа Михайловка III площадь поселения значительно расширилась, охватив соседнюю, отделенную долиной юго-западную возвышенность.

Из энеолитического погребального обряда Северного Причерноморья лишь некоторые появившиеся инновации (курганные насыпи, скорченное положение умершего, социально дифференцированный погребальный обряд) были восприняты ямной культурой. При этом особо выделяются богатые мужские захоронения с оружием. В качестве примера можно привести курган 1 могильника Утевка I на Волге: под земляной насыпью диаметром 110 м и высотой более 3 м находилась погребальная камера с деревянным перекрытием, в которой были найдены нож-кинжал, втульчатый топор, тесло, шило из меди или бронзы, два золотых кольца, сосуд и каменный пест-жест. Для ямной культуры характерны статусные мужские погребения с повозками или их деталями (деревянные колеса). В синхронной ямной культуре новотитаровской группе на Кубани в каждом четвертом погребении находились детали повозок (Гей 2002), что позволяет поставить вопрос о вероятном распространении обычной захоронений с деталями повозок из Кубанского региона на другие территории степного пояса. В отдельных случаях умершие сопровождалась специальными приношениями в виде литейных форм, обломков руды и бронзовых орудий труда, чтобы подчеркнуть особый социальный статус мастеров-бронзолитейщиков (Chernykh 1992. P. 84). В древнем рудниковом комплексе Каргалы западных предгорий Урала Е. Н. Черных были обнаружены масштабные выработки медной руды, начавшиеся уже в период существования ямной культуры, хотя основная добыча велась здесь во II тыс. до н. э. (Черных 2002).

Über die Niederlassungen der Jamnaja-Kultur ist mangels größerer Siedlungsgrabungen noch wenig bekannt. Wichtige Einblicke lieferte Michajlovka am unteren Dnepr, wo sich der Wandel vom Äneolithikum zur Frühbronzezeit sehr gut beschreiben ließ: Die unterste Schicht I gehört noch der äneolithischen Srednij Stog-Zeit an, das mittlere Stratum II datiert in frühes Jamnaja, während das obere Niveau III die entwickelte Jamnaja- bzw. frühe Katakombengrabkultur repräsentiert (Rassamakin 1994). Die beiden unteren Schichten I und II lieferten lediglich einige längsovale Hausgruben, und erst mit Michajlovka III weitete sich das Siedlungsareal erheblich aus und griff auf die südwestlich benachbarte, durch einen Taleinschnitt getrennte Anhöhe über.

Die im Grabbrauch des nordpontischen Äneolithikums nur vereinzelt in Erscheinung getretenen Neuerungen (Kurganaufstättungen, Rückenhockerlage, sozial differenzierte Grabausstattungen) wurden während der Jamnaja-Kultur zur Regel. Dabei fallen besonders reich ausgestattete Männergräber mit Waffenbeigaben auf. Als Beispiel sei Kurgan 1 von Utevka an der Wolga genannt: Unter einem Erdhügel von immerhin 110 m Durchmesser und 3 m Höhe kam eine mit Holzbalken abgedeckte Grabkammer zum Vorschein, die Dolch, Schaftlochaxt, Flachbeil und Pflieme aus Kupfer oder Bronze, zwei goldene Ringe, Keramik und ein Steinbeil enthielt. Immer wieder treten in der Jamnaja-Zeit auch hervorgehobene Männerbestattungen mit der Beigabe von Wagen oder Wagenteilen (hölzerne Scheibenräder) auf. In der mit Jamnaja gleichzeitigen Novotitarovka-Gruppe am Kuban erbrachte sogar jedes vierte Grab Wagenteile (Гей 2002), was zu der Frage führte, ob sich die Sitte der Wagenbeigabe nicht vielleicht sogar vom Kuban-Gebiet aus in andere Teile des Steppengürtels verbreitet haben könnte. In einigen Fällen wurden die Verstorbenen durch die Beigabe von Gussformen, Erzbrocken und Bronzegegeräten im Grab auch als Metallhandwerker gekennzeichnet, um ihren besonderen sozialen Status zu markieren (Chernykh 1992. P. 84). Bei Kargaly im westlichen Ural-Vorland konnte Černych Kupfererzabbau im großen Stil nachweisen, der schon während der Jamnaja-Zeit begann, wenngleich seine Blütezeit in das 2. Jahrtausend v. Chr. fiel (Черных 2002).

Während der ersten beiden Drittel des 3. Jahrtausends v. Chr. wurden große Teile Europas von den so genannten Becherkulturen beherrscht: die Glockenbecher vom Atlantik bis zur mittleren Donau und die Schnurkeramik vom Rhein bis weit nach Mittel- und Nordrussland hinein, die in Skandinavien auch als Bootaxt-, Einzelgrab- oder Haffküstenkultur und in Russland als Fatjanovo-Kultur bezeichnet wird, wobei letztere jedoch länger andauerte als die mitteleuropäische Schnurkeramik. Ähnlich wie bei der weitgehend gleichzeitigen Jamnaja-Kultur handelt es sich dabei ebenfalls um großräumig verbreitete Gemeinschaften mit erstaunlich einheitlicher materieller Kultur. Interessanterweise zeichnete sich auch hier insofern ein tiefgreifender Wandel ab, da das im Einzelgrab beerdigte Individuum stärker in den Vordergrund rückte. In den schnurkeramischen Gruppen dominierte die Einzelbestattung in Hockerposition unter Grabhügeln, reichere Männergräber der Glockenbecherzeit werden nicht selten als Bogenschützen hervorgehoben und führen vereinzelt auch Goldobjekte. Bemerkenswert ist ferner, dass sich nun auch in der Bestattungsweise zum ersten Mal geschlechtsspezifische Unterschiede regelhaft abzeichnen. So sehr sich durch reichere Kriegergräber mit repräsentativer Waffenausstattung und Prestigeobjekten aus Edelmetall im Grabbrauch dieser beiden endneolithischen Kulturen auch Züge einer fortschreitenden sozialen Differenzierung erkennen lassen, von wirklicher Herrschaftsbildung kann trotzdem noch nicht gesprochen wer-

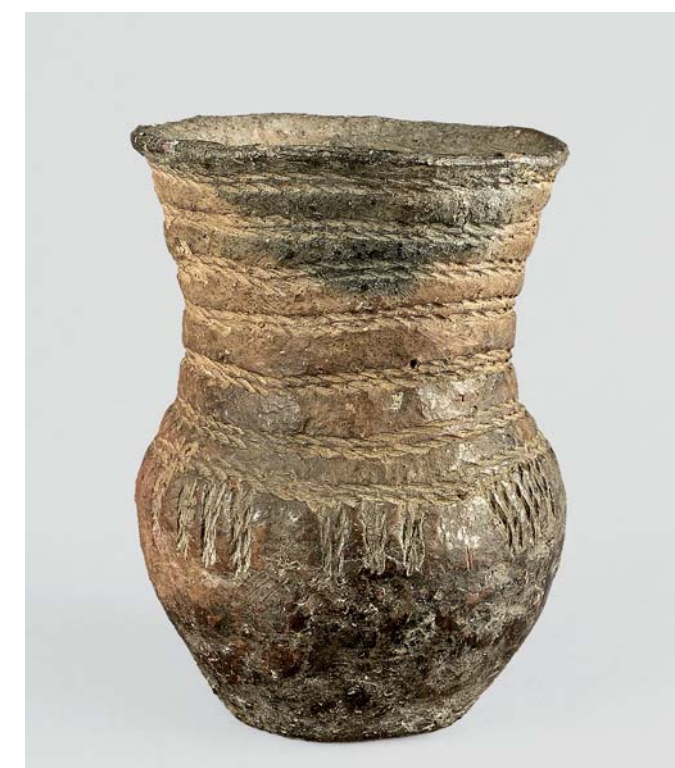
den. Zu einer Akkumulation von Ressourcen, technischem Wissen, Macht und Status in den Händen von Eliten kam es in Mitteleuropa erst in der folgenden Frühbronzezeit (Abb. 2). Hinsichtlich möglicher Kontakte Mitteleuropas mit den osteuropäischen Steppen während des 4. und 3. Jahrtausends v. Chr. brachte A. D. Rezepkin neue Aspekte ins Spiel. So wies er auf Übereinstimmungen im Grabbau zwischen der Novosvobodnaja und Mittel- und Westeuropa hin und konnte sich die Entstehung von dolmenartigen Grabbauten aus großen Steinplatten unter Erdhügeln in Nordkasien ohne westliche Einflüsse nicht vorstellen. In dieser Sichtweise bestärkten ihn Waffendarstellungen an den Innenwänden von Novosvobodnaja-Dolmen (z. B. Klady, Kurgan 28), die sehr ähnlich auch von mitteleuropäischen Steinkisten (z. B. Leuna-Göhlitzsch) bekannt waren (Rezepkin 2000. S. 26ff. Abb. 8. Taf. 40, 83–85). Doch Rezepkin

den. Zu einer Akkumulation von Ressourcen, technischem Wissen, Macht und Status in den Händen von Eliten kam es in Mitteleuropa erst in der folgenden Frühbronzezeit (Abb. 2). Hinsichtlich möglicher Kontakte Mitteleuropas mit den osteuropäischen Steppen während des 4. und 3. Jahrtausends v. Chr. brachte A. D. Rezepkin neue Aspekte ins Spiel. So wies er auf Übereinstimmungen im Grabbau zwischen der Novosvobodnaja und Mittel- und Westeuropa hin und konnte sich die Entstehung von dolmenartigen Grabbauten aus großen Steinplatten unter Erdhügeln in Nordkasien ohne westliche Einflüsse nicht vorstellen. In dieser Sichtweise bestärkten ihn Waffendarstellungen an den Innenwänden von Novosvobodnaja-Dolmen (z. B. Klady, Kurgan 28), die sehr ähnlich auch von mitteleuropäischen Steinkisten (z. B. Leuna-Göhlitzsch) bekannt waren (Rezepkin 2000. S. 26ff. Abb. 8. Taf. 40, 83–85). Doch Rezepkin

den. Zu einer Akkumulation von Ressourcen, technischem Wissen, Macht und Status in den Händen von Eliten kam es in Mitteleuropa erst in der folgenden Frühbronzezeit (Abb. 2). Hinsichtlich möglicher Kontakte Mitteleuropas mit den osteuropäischen Steppen während des 4. und 3. Jahrtausends v. Chr. brachte A. D. Rezepkin neue Aspekte ins Spiel. So wies er auf Übereinstimmungen im Grabbau zwischen der Novosvobodnaja und Mittel- und Westeuropa hin und konnte sich die Entstehung von dolmenartigen Grabbauten aus großen Steinplatten unter Erdhügeln in Nordkasien ohne westliche Einflüsse nicht vorstellen. In dieser Sichtweise bestärkten ihn Waffendarstellungen an den Innenwänden von Novosvobodnaja-Dolmen (z. B. Klady, Kurgan 28), die sehr ähnlich auch von mitteleuropäischen Steinkisten (z. B. Leuna-Göhlitzsch) bekannt waren (Rezepkin 2000. S. 26ff. Abb. 8. Taf. 40, 83–85). Doch Rezepkin

den. Zu einer Akkumulation von Ressourcen, technischem Wissen, Macht und Status in den Händen von Eliten kam es in Mitteleuropa erst in der folgenden Frühbronzezeit (Abb. 2).

Hinsichtlich möglicher Kontakte Mitteleuropas mit den osteuropäischen Steppen während des 4. und 3. Jahrtausends v. Chr. brachte A. D. Rezepkin neue Aspekte ins Spiel. So wies er auf Übereinstimmungen im Grabbau zwischen der Novosvobodnaja und Mittel- und Westeuropa hin und konnte sich die Entstehung von dolmenartigen Grabbauten aus großen Steinplatten unter Erdhügeln in Nordkasien ohne westliche Einflüsse nicht vorstellen. In dieser Sichtweise bestärkten ihn Waffendarstellungen an den Innenwänden von Novosvobodnaja-Dolmen (z. B. Klady, Kurgan 28), die sehr ähnlich auch von mitteleuropäischen Steinkisten (z. B. Leuna-Göhlitzsch) bekannt waren (Rezepkin 2000. S. 26ff. Abb. 8. Taf. 40, 83–85). Doch Rezepkin

Ил. 2. Кубок. Глина. Культура шнуровой керамики
Abb. 2. Becher. Keramik. Schnurkeramische Kultur

ging sogar noch weiter und führte die Entstehung der Novosvobodnaja-Variante der Maikop-Kultur auf Einflüsse aus der Trichterbecher-Kultur, insbesondere aus dem Michelsberger Bereich, zurück und hielt die für Novosvobodnaja so charakteristische schwarz polierte Keramik für westlich angeregt (Rezepkin 2000. S. 26ff.), was von der Forschung jedoch verworfen wurde. Trotz gewisser nicht übersehbarer Verbindungen darf man wohl ausschließen, dass Mitteleuropa bei der Kulturentwicklung im nordkaukasischen Steppenraum eine entscheidende Rolle gespielt hatte.

Während sich also in der Jamnaja- wie auch in der Schnurkeramik- und Glockenbecherkultur erste Anzeichen für soziale Differenzierung durch reichere Kriegerbestattungen fanden, erbrachte die Maikop-Kultur zur selben Zeit wirklich herausragende Elitengräber. Innerhalb größerer Gräberfelder stieß man unter mächtigen Kurganen auf Steinkisten oder dolmenartige Konstruktionen, in denen sich in großer Menge auch Gefäße, Waffen, Gerätschaften und Kleidungsbesatz aus Arsenbronze

культуры (Kohl 2007. P. 86). Значительное социальное расслоение наблюдается также на майкопских поселениях, когда рядом с обычными селениями впервые появляются укрепленные (поселения Галюгай, Мешоко) (Kohl 2007. P. 75f.). Возможно, такое развитие в ареале майкопской культуры происходило не только под ближневосточным влиянием, но и вследствие той роли, которую играл Северный Кавказ в рудном обеспечении Северного Причерноморья (Chernykh 1992. P. 83ff.). В пользу этого предположения свидетельствуют майкопские изделия, найденные в контекстах ямной культуры. При этом даже предполагается миграция отдельных майкопских групп населения в причерноморские степи, о чем свидетельствует появление нового типа захоронений с сильно скорченной позицией умерших (Rassamakin 2004). В это же время майкопские элементы прослеживаются в кемпи-обинской культуре Крыма, для которой также характерны погребения в каменных ящиках под курганной насыпью. Кроме того, на внутренних стенках некоторых кемпи-обинских ящиков обнаружен декор, близкий орнаменту, известному на стенках плит погребальных сооружений Северного Кавказа и Центральной Германии.

В течение раннего бронзового века в отдаленных частях Европы климат становился суше. Площадь, занимаемая лесами, в речных долинах существенно сократилась, и территории с малым количеством осадков на юге Причерноморской низменности превращались в полупустынные ландшафты. Менялся травяной покров степи, и пастбища теряли значительную часть своей продуктивности (Rassamakin 1994. S. 62). Это должно было повлиять на образ жизни населения ямной культуры, имевшего специализированное подвижное скотоводство и использовавшего лошадь как тягловое и, прежде всего, верховое животное. Между тем исследования исходят из того, что лошадь была одомашнирована в Северном Причерноморье в период существования ямной культуры (Kohl 2007). Другой евразийский центр доместикации лошади, по всей видимости, в синхронное время существовал в североказахстанских степях (поселение Ботай). Бытовые памятники ямной культуры, как это видно по Михайловке, представлены стационарными поселениями в долинах рек, жители которых наряду с охотой и рыболовством эпизодически занимались земледелием (Kohl 2007. P. 143). Среди домашних животных преобладали стадные животные (крупный рогатый скот, овцы и козы, затем лошадь), при этом постоянно встречаются и кости свиньи, что указывает на явно оседлый образ жизни (Pustovalov 1994. P. 113) (ил. 3, 4).

О синхронных по времени поселенческих структурах обширных территорий Центральной Европы, охваченных кубковыми культурами, известно немного. Хотя анализы пыльцы свидетельствуют о том, что эти территории были тогда плотно заселены, а число известных поселений как шнуровой керамики, так и культур колоколовидных кубков возросло. Известно, что население занималось интенсивным скотоводством, значительно превысив показатели предыдущего позднего неолита. Помимо крупного рогатого скота, овец, коз и свиней в ареале культур колоколовидных кубков впервые встречена одомашненная лошадь. Если скотоводство по сравнению с земледелием и приобрело большее значение, то это не обязательно означает, что у носителей культур шнуровой керамики и колоколовидных кубков образ жизни стал более подвижным. Тем не менее носители кубковых культур впервые осваивают менее плодородные и до этого не заселенные территории.

В то время как в степях от Южного Буга до Нижней Волги появилась ямная культура, в лесостепной и южной части

sowie aus Gold und Silber fanden (Rezepkin 2000; Kohl 2007. P. 72ff.). Beziehungen nach Vorderasien sind offensichtlich, nicht nur aufgrund gelegentlicher Rollsiegefunde in Maikop-Inventaren (Kohl 2007. P. 86). Diese deutliche gesellschaftliche Differenzierung zeichnete sich auch bei den Maikop-Siedlungen ab, weil neben offenen Niederlassungen dörflichen Charakters erstmals zentrale Orte mit Befestigungsanlagen (Galjugaj, Mašoko) vorkamen (Kohl 2007. P. 75f.). Möglicherweise hingen diese Entwicklungen im Maikop-Gebiet nicht nur mit Einflüssen aus Vorderasien zusammen, sondern hatten auch mit der Rolle Nordkasiens bei der Erzversorgung des nordpontischen Raumes zu tun (Chernykh 1992. P. 83ff.). Maikop-Importe in Jamnaja-Zusammenhängen unterstreichen diese Vermutung. Dabei wird sogar mit einer Einwanderung von Maikop-Gruppen in die Schwarzmeeressteppen gerechnet, wofür das Aufkommen einer neuen Bestattungssitte, der stark gehockten Seitenlage, sprechen könnte (Rassamakin 2004). Maikop-Elemente lassen sich zur selben Zeit auch in der Kemi-Oba-Kultur auf der Krim fassen, für die ebenfalls Bestattungen in Steinkisten unter Grabhügeln charakteristisch sind. Einige dieser Kemi-Oba-Kisten weisen zudem an den Innenwänden Verzierungen auf, die wir ähnlich aus Nordkasiens und aus Mitteleuropa kennen.

Während der Frühbronzezeit wurde das Klima in weiten Teilen Osteuropas trockener. Die Wälder in den Flusstälern gingen stark zurück, und in den regenärmsten Gebieten im Süden der Pontischen Niederung entstanden halbwüstenartige Landschaften. Die Grasdecke der Steppe wandelte sich, und die Weiden büßten einen beträchtlichen Teil ihrer Produktivität ein (Rassamakin 1994. S. 62). Dies musste Auswirkungen auf die Lebensweise der Jamnaja-Bevölkerung haben, die spezialisiertere und mobilere Formen der Viehzucht entwickelt hatte, die das Pferd als Zug- und vor allem Reittier voraussetzten. Die Forschung geht inzwischen auch davon aus, dass das Pferd während der Jamnaja-Zeit im nordpontischen Raum domestiziert wurde (Kohl 2007). Ein weiteres eurasisches Pferdedomestikationszentrum dürfte zur selben Zeit in der nordkazachischen Steppe (Botaj) bestanden haben. Jamnaja-Niederlassungen wie Michajlovka zeigten, dass in den Flusstälern feste Ansiedlungen bestanden, deren Bewohner neben Jagd und Fischfang sporadisch auch Ackerbau betrieben (Kohl 2007. P. 143). Bei den Haustieren überwogen zwar Herdentiere (Rind vor Schaf/Ziege, gefolgt von Pferd), doch begegneten immer wieder auch konstante Anteile von Schweineknöcheln, was auf ausgeprägte Sesshaftigkeit hinweist (Pustovalov 1994. P. 113) (Abb. 3, 4).

Über das Siedlungswesen der zur selben Zeit weite Teile Mitteleuropas einnehmenden Becherkulturen wissen wir nicht viel. Zwar sprechen Pollenanalysen dafür, dass Mitteleuropa damals dicht besiedelt war, und die Zahl schnurkeramischer wie glockenbecherzeitlicher Siedlungsplätze nahm in den letzten Jahren auch deutlich zu. Sicher ist, dass man intensive Weidewirtschaft betrieben hatte, die jene des vorangehenden Jungneolithikums erheblich übertraf. Neben Rindern, Schafen, Ziegen und Schweinen traten im Glockenbecherbereich erstmals domestizierte Pferde hinzu. Ferner scheint es, als hätte die Viehzucht gegenüber dem Ackerbau beträchtlich an Bedeutung gewonnen, was für die Schnurkeramik- und Glockenbecherbevölkerung aber nicht zwangsläufig eine mobilere Lebensweise voraussetzt. Und dennoch erschließen die Träger der Becherkulturen erstmals auch weniger fruchtbare und bis dahin eher gemiedene Siedlungsgebiete.

Während in der Steppe zwischen Südlichem Bug und unterer Wolga die frühe Jamnaja-Kultur entstand, zerfiel im Waldsteppen- und südlichen Waldgebiet zwischen Prut und Dnepr die

лесной зоны между Прутом и Днестром трипольская культура распалась на множество региональных групп (Parzinger 1998. S. 464f. Abb. 5). Хотя в них были еще сильны трипольские традиции (роспись на керамике, глиняные антропоморфные фигурки), эти группы имели мало общего с Трипольем в поселенческих структурах, системе экономики и погребальном обряде (Dergačev 1991). Планомерно заложенные крупные поселения предшествующего времени прекратили свое существование, на первый план вышло животноводство подвижных посттрипольских групп (этап Триполье C2), которые расширили области своего обитания за пределы региона происхождения трипольской культуры в западной части лесостепи, с одной стороны, а также на севере в лесной зоне (локальные группы Городск—Троянов и Лукаши—Софиевка) и на юге в степной полосе (локальные

Ил. 3. Фигурка быка. Серебро. Майкопская культура
Abb. 3. Ochsenfigur mit senkrechter Lochung im Rücken. Silber. Maikop-Kultur

группы Серезлиевка и Усатово), пока туда еще не проникли племена ямной культуры.

Для этих посттрипольских групп также отмечены изменения, известные в ямной или кубковых культурах. Так, погребения усатовской группы, как правило, расположены под курганами с одним центральным и несколькими впускными погребениями. Скелеты находятся в скорченном положении на боку или в вытянутом на спине, однако не известно сильно скорченное положение погребенных, столь типичное в ареале ямной культуры. Кинжалы, плоские топоры, долота, шилья и украшения, чаще уже из мышьяковой бронзы, характерны для захоронений мужчин высокого социального статуса (Dergačev 1991. Taf. 1; 2; Chernykh 1992. P. 95). Представляется, что и здесь в погребальном обряде начинает проявляться социальная дифференциация, как это постепенно развивается еще с эпохи неолита в соседних восточных областях степного пояса (Средний Стог, Хвалынский). Отражалось ли это в поселенческих структурах группы Усатово — вопрос, еще не нашедший должной оценки специалистов, хотя известны местонахождения, укрепленные рвами (Маяки).

Каким бы разнообразным ни было развитие в Центральной Европе и восточноевропейских степях и лесостепи в преддверии развитого этапа раннего бронзового века в конце IV и первой половине III тыс. до н. э., все же имеются общие сходные черты. В этот период использование металла в обоих обширных регионах постепенно возрастало,

Tripolje-Kultur in eine Vielzahl regionaler Gruppen (Parzinger 1998. S. 464f. Abb. 5). Diese lassen zwar noch Traditionen aus der Tripolje-Zeit erkennen (Gefäßbemalung, anthropomorphe Tonfigurinen), hatten aber in Siedlungswesen, Wirtschaftsweise und Grabbrauch nur mehr wenig mit Tripolje gemeinsam (Dergačev 1991). Die planvoll angelegten Großsiedlungen früherer Zeit fanden keine Fortsetzung mehr, statt dessen waren die in erster Linie Viehzucht treibenden Posttripolje-Gruppen (Stufe Tripolje C2) mobiler und weiteten ihr Verbreitungsgebiet über die Tripolje-Kernregion in der westlichen Waldsteppe hinaus einerseits in die nördlich anschließende Waldzone (Gruppen Gorodsk-Trojanov und Lukaši-Sofievka) und in den südlich anschließenden Steppengürtel aus (Gruppen Sereslievka und Usatovo), solange die Jamnaja-Kultur dort noch nicht eingedrungen war.

Ил. 4. Фигурка быка. Золото. Майкопская культура
Abb. 4. Ochsenfigur mit senkrechter Lochung im Rücken. Gold. Maikop-Kultur

Auch diese Posttripolje-Gruppen kennzeichnen Entwicklungen, wie wir sie von Jamnaja oder den Becherkulturen kennen. So fanden sich Bestattungen der Usatovo-Gruppe in der Regel unter Kurganen mit einem Zentralgrab und einigen Nachbarbestattungen. Die Verstorbenen hatte man als seitliche Hocker oder Rückenstrecker gebettet, doch die im Jamnaja-Bereich so typische Rückenhockerposition ist nicht nachgewiesen. Dolche, Flachbeile, Meißel, Pfrieme und Schmuckstücke, vielfach bereits aus Arsenbronze, kennzeichneten die Gräber einer männlich geprägten Führungsschicht (Dergačev 1991. Taf. 1; 2; Chernykh 1992. P. 95). Damit scheint sich auch hier im Totenritual eine soziale Differenzierung abzuzeichnen, wie sie sich im östlich benachbarten Steppenraum schon im Äneolithikum (Srednij Stog, Chvalynsk) allmählich herauszubilden begann. Inwieweit sie sich auch in den Siedlungen der Usatovo-Gruppe spiegelt, ist derzeit noch nicht zu beurteilen, wenngleich es mit Gräben befestigte Plätze (Majaki) gab.

So unterschiedlich die Entwicklung in Mitteleuropa und in den osteuropäischen Steppen und Waldsteppen am Vorabend der voll entwickelten Frühbronzezeit im späten 4. und in der ersten Hälfte des 3. Jahrtausends v. Chr. auch war, so gibt es doch grundlegende Gemeinsamkeiten. Die Nutzung von Metall als Werkstoff gewann in diesem Zeitraum in beiden Großräumen schrittweise an Bedeutung, wobei Kupfer dominierte, in der Steppe vereinzelt aber bereits Bronzeobjekte hinzutreten. Ferner trat in Ost- wie in Mitteleuropa das Pferd als Haustier

причем медь преобладала, однако в степях уже имелись отдельные изделия из бронзы. В дальнейшем в Восточной, как и в Центральной Европе, лошадь стала домашним животным, была доместцирована в восточноевропейском и североказахстанском степных регионах (ямная культура, Ботай) и использовалась как тягловое и, прежде всего, как верховое животное, что позволило населению того времени развивать мобильность и формы подвижного скотоводства, а в дальнейшем получить быстрый транспорт и средства связи. Хотя в повозки на раннем этапе не обязательно впрягались лошади, а большей частью колесный транспорт двигался волами/быками, все же был совершен переворот в перевозке грузов на дальние расстояния.

Эти события, приведшие в Центральной и Восточной Европе к равнозначным фундаментальным изменениям в образе жизни и экономическом укладе, были неразрывно связаны со становлением на огромных территориях культурных общностей с единообразными погребальными обрядами и спектром погребальных приношений. Существовали взаимозависимость этих явлений — сложно понять. Тем не менее поразительно, что становление распространенных на огромных территориях культурных общностей сопровождалось социальными изменениями. Существенная роль стала отводиться индивидууму, что отчетливо выражено, в частности, в похоронном ритуале. Наряду с возрастающей ролью отдельного человека в обществе одновременно растет социальное неравенство, что прослеживается в воинском погребальном обряде на территориях от Рейна до Урала.

Детальный анализ позволяет наметить различия между элитами Центральной Европы, Северного Причерноморья и степей Северного Кавказа, что не отрицает фундаментальной общности между ними. На востоке континента процессы перемен также ведут к появлению укрепленных центральных поселков в поселенческих структурах. Основа таких начавшихся изменений была упрочена дальнейшим развитием как в Центральной, так и в Восточной Европе. Бронзовый век продолжается в последней трети III тыс. до н. э., уходя корнями в конец IV — первую половину III тыс. до н. э.

Поселения и захоронения элиты: ранний бронзовый век

Для выявления прямых связей или взаимовлияний в эпоху бронзы между Центральной и Восточной Европой имеются весьма скудные основания, однако этот вопрос можно сформулировать иначе. Попытаемся выявить в восточноевропейских степях, лесостепи и лесной зоне те процессы и изменения в период с конца III до начала I тыс. до н. э., сопоставимые или приравненные к переменам, которые происходили в бронзовом веке в Центральной Европе. В нашем сравнительном обзоре далее ограничимся выразительными примерами, которые, как представляется, наиболее полно характеризуют различные аспекты культурно-исторического развития в эпоху бронзы.

Бронзовый век во всех частях Европы рассматривается как период, в котором процессы и перемены, начавшиеся еще в энеолите, получили свое наивысшее развитие, став частью повседневной жизни человека. Значение металла существенно возросло, при этом для получения бронзы медь уже реже легировалась мышьяком, чаще — оловом. Полученный таким способом новый материал был удобнее для литья, и процесс изготовления сложных изделий методом отливки существенно упростился. Конечная продукция получалась компактной и была значительно тверже. К началу II тыс. до н. э. оловянная бронза повсеместно

dazu, domestiziert in den osteuropäischen und nordkasachischen Steppengebieten (Jamnaja, Botaj) und genutzt als Zug- und vor allem Reittier, was den Menschen jener Zeit ein noch nicht dagewesenes Maß an Mobilität und weiter ausgreifende Formen der Viehzucht ermöglichte und ferner ein enorm schnelles Verkehrs- und Kommunikationsmittel zur Hand gab. Zur selben Zeit sind erstmals auch Rad und Wagen nachweisbar, nicht zwangsläufig von Pferden gezogen, denn Ochsen dürften hier vorzugsweise zum Einsatz gekommen sein, aber trotzdem revolutionierten sie den Gütertransport über größere Strecken hinweg.

Diese Entwicklungen, die in Mittel- wie in Osteuropas gleichermaßen fundamentale Veränderungen in der Lebens- und Wirtschaftsweise bewirkten, gingen einher mit der Ausbildung von großräumig verbreiteten Formkreisen mit weitgehend übereinstimmenden Beigaben- und Bestattungssitten. Ob dabei ein Zusammenhang bestanden haben könnte, bleibt offen. Auffallend ist jedoch, dass die Entstehung dieser großräumig verbreiteten Kulturgemeinschaften von einem sozialem Wandel begleitet gewesen war, der auf den ersten Blick gegenläufig wirkt, weil dem Individuum eine bedeutendere Rolle zugewiesen wurde, was insbesondere im Totenritual deutlich zum Ausdruck kommt. Gleichzeitig mit dem stärkeren Hervortreten der Einzelperson im Sozialverband offenbaren sich aber auch zunehmende gesellschaftliche Ungleichheiten, weil gar nicht zu übersehen ist, wie sich zwischen Rhein und Ural allmählich eine männliche, kriegerisch geprägte Führungsschicht heraus hob, die sich insbesondere im Grabbrauch abzeichnete. In der Deutlichkeit des Sichtbarwerdens dieser Eliten lassen sich durchaus Unterschiede zwischen Mitteleuropa, Nordschwarzmeerraum und nordkaukasischer Steppe erkennen, ohne dass dieser Sachverhalt aber die fundamentalen Gemeinsamkeiten verschleiern könnte. Im Osten des Kontinents spiegeln sich diese Veränderungsprozesse dann auch mit der Entstehung von befestigten Plätzen bzw. Zentralorten auch im Siedelverhalten wider. Vor dem Hintergrund dieses beginnenden Wandels sind in Mittel- wie in Osteuropa die weiteren Entwicklungen zu betrachten. Die Bronzezeit führt dabei spätestens ab dem letzten Drittel des 3. Jahrtausends v. Chr. etwas fort, dessen Wurzeln in das späte 4. und die erste Hälfte des 3. Jahrtausends v. Chr. zurückreichen.

Zentralorte und Elitengräber: die Frühbronzezeit

Anhaltspunkte für direkte Verbindungen oder Einflüsse in wechselseitiger Richtung zwischen Mittel- und Osteuropa sind für die Bronzezeit eher spärlich, insofern ist die Frage anders zu stellen. Es gilt zu prüfen, ob es in den osteuropäischen Steppen-, Waldsteppen- und Waldgebieten in der Zeit zwischen dem späten 3. und dem beginnenden 1. Jahrtausend v. Chr. Entwicklungen gab, die sich mit jenen im bronzezeitlichen Mitteleuropa vergleichen oder gar gleichsetzen lassen. Wir wollen uns bei einer vergleichenden Betrachtung jedoch auf solche Fallbeispiele beschränken, die als besonders kennzeichnend für die verschiedenen Abschnitte der bronzezeitlichen Entwicklung erscheinen.

Die Bronzezeit gilt in allen Teilen Europas als diejenige Periode, in der die Entwicklungen, die sich während des Äneolithikums einstellten, zu voller Entfaltung gelangten und angingen, das Alltagsleben der Bevölkerung zu prägen. Die Bedeutung von Metall nahm erheblich zu, Kupfer wurde dabei seltener mit Arsen, immer häufiger aber mit Zinn legiert, um Bronze zu erzeugen. Der neue Werkstoff floss leichter, was die Herstellung komplexerer Gerätschaften durch Guss vereinfachte. Die Endprodukte waren dadurch kompakter gegossen und erheblich härter. Zinnbronze setzte sich spätestens zu Beginn des

распространилась в Европе, при этом не было ограничений, связанных с изготовлением исключительно престижных изделий, так как изначально из бронзы производились орудия труда. Технологический прогресс влек за собой зависимость от металла, что, в свою очередь, предполагало наличие разветвленной и надежной системы распределения этого материала. Это не могло не воздействовать на общественные структуры культур бронзового века в разных частях Европы.

В степях и лесостепи Восточной Европы с середины III тыс. до н. э. начинается новая эпоха. Согласно калиброванным ¹⁴C-датировкам, начало раннего бронзового века относится ко времени около 2400 года до н. э. (Трифонов 1996. С. 60 и след.; Трифонов 1997. С. 94 и след.), что вполне совпадает с началом этого периода — около 2300/2200 годов до н. э. — в Центральной Европе, включая ее восточные области (Krause 2003. S. 44ff. Abb. 240). При этом процессы изменений и развития на всей рассматриваемой территории — от Центральной Европы до Урала — протекали постепенно, и культуры начальной поры раннего бронзового века лишь в незначительной степени отличались от позднеэнеолитических. Здесь речь идет о сезонных полуседлых охотниках-собирающих, обнаруживающих чуть ли не единственное отличие в материальной культуре от предшествующего неолита в том, что они периодически экспериментировали с медью (Матюшин 1982). Настоящие инновации произошли только на позднем этапе раннего бронзового века — на рубеже III–II тыс. до н. э. О развитии же раннего бронзового века на востоке Европы можно говорить только в отношении степи и лесостепи. В занятых смешанными лесами северо-западной и средней частях России в синхронное время проживало население, продолжающее тысячелетние традиции, уходящие корнями в мезолит; металл пока оставался здесь неизвестным.

В Центральной Европе ранний бронзовый век (ступени BzA1 и A2/3 — по П. Райнеке) продолжался примерно с 2300/2200 по 1600/1550 годы до н. э. В это время, в частности на позднем этапе раннего бронзового века (ступень BzA2/3), на основе предшествующих отдельных преобразований развились принципиально новые условия культурного развития — для густонаселенных или ранних протогородских поселений были характерны дальнейшее преобладание бронзы в качестве сырья для производства орудий труда, предметов вооружения и украшений, дальнейшая социальная дифференциация и богатые захоронения лиц высокого социального ранга (погребение в Лойбингене и др.), а также первые случаи депонирования в больших объемах специально отобранных металлических изделий. От предгорий Альп до Северо-Германской низменности были особо распространены клады гривен с петельками и слитков. Так как они всегда депонировались в больших количествах, их интерпретация в качестве домонетного денежного средства представляется верной, что позволяет рассматривать области их распространения как единое экономическое пространство со сравнимыми представлениями о ценностях и ценностных ориентациях. При этом сами клады должны интерпретироваться не как профанные (экономические) клады, а скорее как посвященные жертвы — дары богам потустороннего мира.

Этот экономический подъем сопровождался появлением больших укрепленных поселений. В начале II тыс. до н. э. в основном на возвышенных местах начали возникать огромные селения, окруженные стенами из сухой кладки, иногда даже в несколько рядов, с настоящими воротами.

2. Jahrtausends v. Chr. in weiten Teilen Europas durch und blieb nicht nur auf Prestigegegenstände beschränkt, sondern fand sofort auch in der Fertigung von Alltagsgeräten Eingang. Mit dem technologischen Fortschritt wuchs auch die Abhängigkeit vom Metall, was ein weiträumiges und verlässliches Verteilungssystem voraussetzte. Dies konnte nicht ohne Auswirkungen auf die gesellschaftliche Struktur der bronzezeitlichen Kulturen in verschiedenen Teilen Europas bleiben.

Innerhalb der osteuropäischen Steppen und Waldsteppen setzte bald nach der Mitte des 3. Jahrtausends v. Chr. eine neue Epoche ein. Kalibrierte ¹⁴C-Daten verweisen die Anfänge der Frühbronzezeit dort in die Zeit um bald nach 2400 v. Chr. (Трифонов 1996. С. 60 и след.; Трифонов 1997. С. 94 и след.). Dies deckt sich sehr gut mit dem Beginn dieser Periode in Ost- und Mitteleuropa um 2300/2200 v. Chr. (Krause 2003. S. 44ff. Abb. 240). Der Veränderungsprozess vollzog sich dabei im gesamten Raum zwischen Mitteleuropa und Ural sehr allmählich, und die Kulturen der älteren Frühbronzezeit unterschieden sich nur wenig von jenen des ausgehenden Äneolithikums. Es handelte sich um bis dahin nur saisonal sesshafte komplexe Wildbeuterguppen, die — als nahezu einziger Unterschied zum vorangegangenen Neolithikum — gelegentlich bereits mit Kupfer experimentierten (Матюшин 1982). Zu wirklichen Neuerungen kam es dagegen erst in der jüngeren Frühbronzezeit an der Wende vom 3. zum 2. Jahrtausend v. Chr. Von frühbronzezeitlichen Kulturverhältnissen kann im Osten Europas jedoch nur in den Steppen und Waldsteppen die Rede sein. In den von Mischwäldern besetzten Teilen Nordwest- und Zentralrusslands lebte man zur selben Zeit weiterhin nach Jahrtausende alten Traditionen, deren Wurzeln im Mesolithikum zu suchen sind, und Metall blieb zunächst weiterhin unbekannt.

In Mitteleuropa dauerte die Frühbronzezeit (Stufen Bz A1 und A2/3 nach Reinecke) von ca. 2300/2200 bis 1600/1550 v. Chr. Während dieser Zeit etablierten sich insbesondere in der jüngeren Frühbronzezeit (Stufe Bz A2/3) auf der Basis zaghafter Ansätze in der Zeit davor grundlegend neuartige Kulturverhältnisse, für die Ballungszentren bzw. frühe protourbane Ansiedlungen, eine weite Dominanz der Bronze als Rohstoff zur Herstellung von Geräten, Waffen und Schmuckstücken, eine in reich ausgestatteten Fürstengräbern fassbare soziale Differenzierung (Leubingen u. a.) und auch erste Deponierungen von größeren Mengen an ausgewählten Metallobjekten charakteristisch waren. Insbesondere die Hortfunde mit Ösenhalsringen und Spangenbarren streuen vom Voralpenland bis in die Norddeutsche Tiefebene. Da sie stets in größerer Zahl niedergelegt wurden, scheint ihre Interpretation als prämonetäres Zahlungsmittel nicht abwegig, was ihr Verbreitungsgebiet als einheitlichen Wirtschaftsraum mit vergleichbaren Wertvorstellungen und -orientierungen hervortreten lässt. Die Horte selbst sind dabei gewiss nicht als Verstecke zu deuten, vielmehr handelte es sich um Versenkungsopfer, als Gaben an unterirdische Götter.

Dieser wirtschaftliche Aufschwung wird von befestigten Großsiedlungen begleitet. Bevorzugt auf Anhöhen entstanden zu Beginn des 2. Jahrtausends v. Chr. weitläufige Niederlassungen, die von Trockenmauern umgeben waren, teilweise sogar mehrere Mauerringe und regelrechte Toranlagen aufwiesen und im Inneren vielfach mit regelmäßig zu Reihen angeordneten Gebäuden bebaut waren. Die Planmäßigkeit vieler dieser Anlagen lässt dabei weniger an ein allmähliches Anwachsen als vielmehr an regelrechte Neugründungen denken. Hinzu kam insbesondere gegen Ende der jüngeren Frühbronzezeit (Bz A2/A3) auch das Aufsuchen von zuvor noch gemiedenen Feuchtbodenarealen an Seeufern, die meist ebenfalls durch Palisaden-

Они неоднократно застраивались регулярно расположенными рядами зданий. При этом планомерный характер их застройки позволяет считать, что они представляют собой не результат постепенного разрастания, а новые спроектированные поселения. Кроме того, к концу позднего этапа раннего бронзового века (ступень Bz A2/A3) появились поселения на ранее избегавшихся населением болотистых побережьях; эти поселения в большинстве случаев также были защищены круговыми палисадами. Было ли появление укреплений на больших поселениях связано с внешними или внутренними угрозами, ответить сложно, но исключать не стоит. Тенденция к иерархии мест постоянного обитания нашла свое специфическое выражение также в карпатском бассейне, где появились многослойные тели, характерные в основном для позднего этапа раннего бронзового века (ступень Bz A2/A3) и, следовательно, синхронные укрепленным высоко расположенным поселениям раннего бронзового века Центральной Европы. Доходило до настоящего освоения земель: даже не очень благоприятные для заселения области, где-то высоко в горах, также использовались как новые места обитания. Разумеется, это было связано с ростом населения, который способствовал дальнейшей социальной дифференциации общества.

Такая тенденция была ощутима в предшествующие столетия, что нами уже рассматривалось. В поздний период раннего бронзового века — в первой половине II тыс. до н. э. — во многих частях Европы важное значение приобретает меч как знак власти и регалия элиты. Носители меча обладали высоким статусом в своих сообществах или в пределах областей действия этих знаков отличия. Именно мечам отводилось особое место в погребальных приношениях или депонировании во II тыс. до н. э. на огромной территории от Эгейского моря и приальпийской зоны до берегов Балтийского моря. С одной стороны, это является показателем обширных дальних связей между элитами бронзового века, а с другой, означает удивительно быструю техническую инновацию в оружейном деле, ведь меч превосходит кинжал во всех отношениях. Однако влияние такой инновации не дошло до степей, лесостепи и лесной зоны Восточной Европы. Мечи и топоры входили в состав клада близ Небры вместе с бронзовым диском с золотыми накладками, интерпретированным как изображение небосвода (Meller 2004-1; Meller 2010). Комплекс в целом относится к финалу раннего бронзового века и датируется временем около 1600 года до н. э. Речь идет об одном из древнейших засвидетельствованных изображений небосвода с отмеченными астрономически значимыми данными зимнего и летнего солнцестояния и, следовательно, одним из первых календарей в Европе.

Если обратиться к степи Северного Причерноморья, то после середины III тыс. до н. э. на смену ямной пришла катакомбная культура, распространенная примерно на той же территории. Согласно ¹⁴C-датировкам она относится к периоду между 2500 и 1950 годами до н. э. (Kaiser 2003), что соответствуетначальному этапу раннего бронзового века в Центральной Европе (ступень Bz A1). Как и в ямной культуре, в катакомбной существовали различные региональные группы, хорошо прослеживаемые по керамике (Братченко, Шапошникова 1985; Kaiser 2003) и характеризующиеся захоронениями с общим названием «катакомбы». Эти захоронения находились в курганах и имели входную шахту и боковую камеру. Умерших хоронили либо в скорченном положении, либо в вытянутом на спине.

Как в ямной и новотитаровской культурах, в могилах с двух- или четырехколесными повозками хоронили пред-

ringe geschützt waren. Ob diese ausgeprägte Tendenz zur Befestigung größerer Siedlungen mit äußeren wie inneren Spannungen zusammenhing, lässt sich nur schwer beantworten, ist jedoch nicht auszuschließen. Diese Tendenz zur Hierarchisierung der Niederlassungen findet auch im Karpatenbecken durch die Anlage von mehrschichtigen Telsiedlungen ihren spezifischen Ausdruck, die ebenfalls vor allem die ausgehende Frühbronzezeit kennzeichnen (Bz A2/A3) und damit mit den befestigten Höhenburgen der jüngeren Frühbronzezeit in Mitteleuropa zeitlich zusammenfallen. Gleichzeitig kam es zu einem regelrechten Landesausbau, weil auch siedlungsgünstigere Gebiete, etwa im Hochgebirge, als neue Lebensräume erschlossen wurden. Gewiss hing dies auch mit einer anwachsenden Bevölkerung zusammen, die sich dabei sozial weiter differenziert hatte.

Die Tendenz dazu war bereits in den vorangegangenen Jahrhunderten spürbar, worauf wir oben hinwiesen. In der jüngeren Frühbronzezeit, in der ersten Hälfte des 2. Jahrtausends v. Chr., gewann dann aber das Schwert als Machtzeichen und als Insignie der Eliten in weiten Teilen Europas an Bedeutung. Schwertträger besaßen hohes Ansehen innerhalb ihrer Gesellschaft bzw. innerhalb des Gültigkeitsbereiches dieser Symbole. Während des 2. Jahrtausends v. Chr. erreichten Schwerter innerhalb der Waffenausstattungen in Gräbern oder Deponierungen von der Ägäis über das Voralpenland bis in das westliche Ostseegebiet eine herausgehobene Stellung. Dies weist einerseits auf eine weiträumige Kommunikation der bronzezeitlichen Eliten hin, andererseits setzte sich diese waffentechnische Neuerung — das Schwert war dem Dolch in allen Belangen weit überlegen — erstaunlich schnell durch. Lediglich die osteuropäischen Steppen-, Waldsteppen- und Waldgebiete blieben von dieser Innovation vollständig unbeeinflusst. Schwerter fand man neben Beilen auch in einem Depot bei Nebra zusammen einer bronzenen Scheibe mit goldenen Auflagen, die als Darstellung des Firmaments gedeutet wird (Meller 2004-1; Meller 2010). Der gesamte Komplex gehört an das Ende der jüngeren Frühbronzezeit und datiert etwa um 1600 v. Chr. Es handelt sich um eine der ältesten überlieferten Himmelsabbildungen, die offenbar astronomisch bedeutsame Daten zur Winter- und Sommersonnenwende festhielt und damit einen der frühesten Kalender Europas wiedergibt.

Blicken wir in den nordpontischen Steppenraum, so wurde dort bald nach der Mitte des 3. Jahrtausends v. Chr. die Jamnaja-von der Katakombengrabkultur abgelöst, die annähernd im selben Gebiet verbreitet war. ¹⁴C-Daten verweisen sie in die Zeit zwischen 2500 und 1950 v. Chr. (Kaiser 2003). Damit entspricht sie absolutchronologisch ungefähr dem älteren Abschnitt der Frühbronzezeit in Mitteleuropa (Reinecke Bz A1). Ähnlich wie während der Jamnaja-Zeit lassen sich auch im Rahmen der Katakombengrabkultur insbesondere mit Hilfe der Keramik regionale Gruppen unterscheiden (Братченко, Шапошникова 1985; Kaiser 2003), denen so genannte Катакомбы gemeinsam sind, also Grabanlagen unter Kurganen mit einem Einstiegsschacht und seitlich anschließender Kammer. Die Verstorbene wurden dabei sowohl als Hocker wie auch als Rückenstrecker beerdigt.

Ähnlich wie in der Jamnaja- und Novotitarovka-Zeit repräsentieren Bestattungen mit zwei- oder vierrädrigen Wagen Angehörige der Führungsschicht (Pustovalov 1994. II. 11). Ebenso nehmen weiterhin Gräber von Metallhandwerkern mit Gussformen, Tiegeln und Tondüsen eine herausgehobene Stellung ein (Pokrovka Hügel 4/Grab 3, Novoalekseevka Hügel 1/Grab 6) (Pustovalov 1994. II. 5, 6). Ansonsten lassen Grabbau und Beigabenausstattung innerhalb der Katakombengrabkultur kaum bedeutendere soziale Unterschiede erkennen. An Beigaben in

вители властных структур общества (Pustovalov 1994. II. 11). Особое место продолжают занимать захоронения литейщиков с литейными формами, тиглями и глиняными соплами (Покровка, курган 4, погребение 3; Новоалексеевка, курган 1, погребение 6; Pustovalov 1994. II. 5, 6). В остальном во время существования катакомбной культуры погребальные конструкции и сопровождающий инвентарь не показывают значимых социальных различий. В погребальном инвентаре богатых мужских захоронений появляются втульчатые и плоские топоры, шилья, долота и кинжалы с языковидной рукоятью из бронзы, а также булавы, топоры, «утожки» из камня, наконечники копий и стрел из кремня. В качестве украшений встречаются бронзовые спиральные подвески, бусы и височные кольца, а также костяные молоточковидные булавы (Братченко, Шапошникова 1985; Chernykh 1992. P. 124).

Вследствие сухого климата аридизация больших степных пространств Северного Причерноморья, начавшаяся еще во времена ямной культуры, особенно усилилась в период существования катакомбной культуры. О поселенческих структурах этого времени известно немного. Можно допускать существование сезонных стойбищ с шалашевидными жилищами. Размеры таких мест обитания варьировались, однако едва ли превосходили 100 кв. м, а культурный слой, как правило, был бедный (Pustovalov 1994. P. 103). Население проживало не только на заливных лугах, но и в степях; степные поселения-стоянки, скорее всего, заселялись с весны до осени, когда в степи выпасали скот, в то время как часть населения оставалась жить в стационарных поселениях по долине рек и занималась земледелием и разведением свиней, что подтверждается верхним слоем поселения Михайловка, относящимся к ранней катакомбной культуре (Parzinger 1998. S. 468).

Некоторые овальные и круглые конструкции на поселениях Матвеевка 1 интерпретируются как загоны для скота (Pustovalov 1994. II. 13). На Малой Хортице (острове Байд на Днепре неподалеку от современного Запорожья) существовало укрепленное поселение с несколькими оборонительными валами и каменными стенами, которое окружали дома на каменных фундаментах; это был «высокоранжированный центральный населенный пункт» (Pustovalov 1994. II. 20), относящийся к типу, но известному в степной и лесостепной зонах в предшествующее время — в конце IV — первой половине III тыс. до н. э. Это же относится к Молочанскому святилищу, возведенному в несколько этапов огромным сообществом носителей катакомбной культуры и представляющему собой курганнообразное сооружение из земли и камня объемом до 30 000 куб. м (Pustovalov 1994. II. 24–26).

В то время как катакомбная культура была распространена преимущественно в северопричерноморских степях и южной лесостепной зоне (Parzinger 1998. Abb. 9, 1), самые северные районы лесостепи и прилегающие области смешанных лесов были заняты поздними группами шнуровой керамики. К ним принадлежит среднеднепровская культура, ареал которой покрывал окрестности современного Киева и далее к северу до центральных областей Восточно-Европейской равнины с притоками Днепра. Сопоставление среднеднепровских и катакомбных древностей основано не столько на близости материальной культуры, сколько на соответствии полученных ¹⁴C-датировок, попадающих в пределы 2370–1670 годов до н. э., что приходится практически на весь ранний бронзовый век Центральной Европы (Kaiser 2003). Территории севернее от Волго-Камья на востоке до Припятских болот и Буга на западе были обжиты носителями фатьяновско-балановской культуры, также

reicheren Männergräbern erscheinen Schaftlochhäxte, Flachbeile, Pfrieme, Meißel und Griffzungendolche aus Bronze sowie Keulenköpfe, Äxte und Pfeilglätter aus Felsstein sowie Speer- und Pfeilspitzen aus Silex. An Schmuckobjekten treten bronze- ne Spiralröllchen, Perlen und Lockenringe sowie beinerne Hammerkopfnadeln hinzu (Братченко, Шапошникова 1985; Chernykh 1992. P. 124).

Trockenes Klima und eine dadurch bedingte Aridisierung weiter Teile des nordpontischen Steppenraumes setzten schon in der Jamnaja-Zeit ein, prägten aber insbesondere die Zeit der Katakombengrabkultur. Über das Siedlungswesen dieser Periode wissen wir vergleichsweise wenig. Wohl wird man vielfach von nur saisonal aufgesuchten Camps mit allenfalls zeltartigen Konstruktionen ausgehen dürfen. Die Größe dieser Plätze variierte, überschritt aber kaum 100 m², und mächtigere Kulturschichten bildeten sich in der Regel nicht aus (Pustovalov 1994. P. 103f.). Die Niederlassungen fanden sich nicht nur in Flussauen, sondern auch in Steppengebieten; bei letzteren ist zu vermuten, dass sie nur von Frühjahr bis Herbst genutzt wurden, als man die Herden in die Steppe hinausgetrieben hatte, während ein Teil der Bevölkerung jedoch in festen Ansiedlungen in den Flusstälern zurückblieb und dort Ackerbau und Schweinezucht betrieb, wie die oberste Schicht III von Michajlovka belegte, die in die frühe Katakombengrabzeit datiert (Parzinger 1998. S. 468).

Mehrere ovale bis kreisförmige Erdwälle in Mateevka 1 deutete man als Viehperche (Pustovalov 1994. II. 13). In Malaja Chortica, auf der Dnepr-Insel Bajda nahe Zaporoże gelegen, bestand eine Befestigung aus mehreren Mauerringen, die Häuser auf Steinfundamenten umgaben; zweifellos handelte es sich bei solchen Plätzen um zentrale Orte von übergeordneter Bedeutung (Pustovalov 1994. II. 20), wie sie in der vorangehenden Periode des späten 4. und der ersten Hälfte des 3. Jahrtausends v. Chr. im Steppen- und Waldsteppenbereich jedoch noch nicht zu fassen waren. Entsprechendes gilt für das Heiligtum von Moločansk, für das die Träger der Katakombengrabkultur im Rahmen einer enormen Gemeinschaftsleistung in mehreren Ausbauphasen immerhin bis zu 30.000 m³ Steine und Erde zu einem kurganartigen Kultplatz aufgeschüttet hatten (Pustovalov 1994. II. 24–26).

Während sich die Katakombengrabkultur auf die nordpontische Steppe und die südliche Waldsteppenzone konzentrierte (Parzinger 1998. Abb. 9, 1), wurden die nördlichsten Teile der Waldsteppe und die daran anschließenden Mischwaldgebiete von späten schnurkeramischen Gruppen eingenommen. Zu ihnen gehört die Mittel-Dnepr-Kultur, die vom Raum um Kiev bis weit nach Norden in die zentralrussische Niederung mit den Dnepr-Zuflüssen ausgriff. Die Parallelisierung der Mittel-Dnepr-Kultur mit der Katakombengrabkultur stützt sich nicht nur auf Gemeinsamkeiten in der Sachkultur, sondern auch auf übereinstimmende ¹⁴C-Daten, die zwischen 2370–1670 v. Chr. liegen und damit nahezu die gesamte mitteleuropäische Frühbronzezeit abdecken (Kaiser 2003). Nördlich davon schließen die Fundplätze der vom Wolga-Kama-Gebiet im Osten bis zu den Pripjet-Sümpfen und zum Bug im Westen reichenden Fatjanovo-Balanovo-Kultur an, die ebenfalls zu den späten schnurkeramischen Gruppen Osteuropas gehört (Крайнов 1987-II). Neben einigen wenigen Siedlungen, von denen wenig bekannt ist, sind diese Gruppen in erster Linie durch Grabfunde nachgewiesen. Die in rechteckigen Grabgruben eingebrachten Einzelbestattungen in seitlicher Hocker- oder Rückenposition besaßen als Ausstattung meist nur Tongefäße, Tierzahnanhänger und sehr selten Bronzeschmuck, für Männergräber waren insbesondere steinerne Streitäxte kennzeichnend.

относящейся к поздним группам шнуровой керамики Восточной Европы (Крайнов 1987-II). Наряду с немногими поселениями, о которых мало информации, эти культуры наиболее известны по захоронениям. Они представляют собой прямоугольные могильные ямы с одиночными погребениями, с положением умерших скорченно на боку или на спине и погребальным инвентарем большей частью в виде керамики, подвесок из зубов животных и гораздо реже в виде украшений из бронзы, а для мужских могил особенно характерны были каменные боевые топоры.

На смену катакомбной культуре, что соответствует позднему этапу раннего бронзового века в Центральной Европе первой половины II тыс. до н. э., в Северное Причерноморье пришла так называемая культура многоваликовой керамики (или бабинская). Для нее характерны сосуды с валиковым декором на внешней поверхности, расположенным горизонтально или составляющим сложные орнаментальные композиции. Согласно стратиграфическим данным, полученным при раскопках курганов, эта культура моложе катакомбной, но старше срубной культуры (Березанская и др. 1986. С. 35 и след.). Бабинская культура занимала весь ареал предшествующей катакомбной культуры и распространялась далее на север — до южных областей лесной зоны, все еще занятой среднеднепровской культурой шнуровой керамики.

Бабинская культура разделяется на несколько региональных групп, четко различающихся по керамике (Березанская и др. 1986). При этом ее восточные комплексы обнаруживают сильные влияния абашевской культуры лесной полосы к западу от Урала (Пряхин, Халиков 1987), являющейся важным хронологическим звеном между бабинской культурой на западе и синташтинской культурой Южного Зауралья (Генинг, Зданович, Генинг 1992; Зданович 1995). Синхронизация с абашевской и синташтинской культурами позволяет отнести бабинскую к началу II тыс. до н. э. Последующая срубная культура синхронна фёдоровской культуре Западной Сибири, что по ¹⁴C-датировкам приходится на период около 1850–1450 годов до н. э. (Parzinger 2006) и соответствует раннему бронзовому веку Центральной Европы (ступень Bz A2).

Изделия из бронзы бабинской культуры (плоские и проушные топоры, кинжалы с языковидной рукоятью) аналогичны бронзовым предметам катакомбной культуры, но в целом выглядят более совершенными. Характерны круглые щитковые псалии и плоские кремневые наконечники стрел (Братченко 1985. Рис. 123; Березанская и др. 1986. Рис. 2, 1–3), также известные по синташтинским погребениям. Доказано постепенное распространение круглых щитковых псалиев из Центральной Азии в Юго-Восточную Европу. Древнейшие их экземпляры на востоке датируются концом III тыс. до н. э., а наиболее поздние достигли материковой Греции в период существования микенских шахтовых гробниц (Teufer 1999). Погребения бабинской культуры — подкуранные. Известны каменные ящики и деревянные конструкции блочного типа, предшествующие конструкциям следующей по времени срубной культуры. Положение и ориентировка погребенных разнообразны, что отражает хронологические и региональные различия. Погребальный обряд бабинской культуры отличается бедностью инвентаря, что во многих случаях затрудняет отнесение захоронений именно к этой культуре (Братченко 1985. С. 453).

Для поселений бабинской культуры предпочтение отдавалось речным террасам, но также возводились укрепленные поселки на возвышенностях (Княжа гора, Донецкое

In dem auf die Katakombengrabkultur folgenden und der jüngeren Frühbronzezeit in Mitteleuropa entsprechenden Zeitabschnitt der ersten Hälfte des 2. Jahrtausends v. Chr. war im nordpontischen Raum die so genannte Kultur mit Mehrwulstkeramik (Babino) verbreitet. Charakteristisch sind Gefäße mit Zierwülsten auf der Oberfläche, die entweder horizontal oder zu komplexeren Mustern angeordnet waren. Kurganstratigraphien wiesen sie als jünger als die Katakombengrabkultur und als älter als Srubnaja aus (Березанская и др. 1986. С. 35 и след.). Die Babino nahm das gesamte Gebiet der Katakombengrabkultur ein und streute sogar noch weiter nach Norden bis in den südlichen Waldbereich, wo sie die noch immer schnurkeramisch geprägte Mittel-Dnepr-Kultur ablöste.

Auch die Babino gliederte sich in mehrere regionale Gruppen, die in erster Linie über die Keramik erkennbar sind (Березанская и др. 1986). Ihre östlichen Fundkomplexe lassen dabei deutliche Bezüge zur Abaševo-Kultur in den Waldgebieten westlich des Ural erkennen (Пряхин, Халиков 1987), die eine wichtige chronologische Klammer zwischen der Babino im Westen und der unmittelbar östlich des Ural verbreiteten Sintašta-Kultur bildet (Генинг, Зданович, Генинг 1992; Зданович 1995). Die Synchronisierung mit Abaševo und Sintašta weist die Babino an den Beginn des 2. Jahrtausends v. Chr. Die auf diesen Horizont folgende Srubnaja-Kultur war mit Andronovo-Fedorovka in Westsibirien gleichzeitig, das über ¹⁴C-Daten in die Zeit von ca. 1850–1450 v. Chr. verwiesen werden kann (Parzinger 2006) und damit der jüngeren Frühbronzezeit in Mitteleuropa (Stufe Bz A 2 nach Reinecke) entspricht.

Die Bronzeobjekte der Babino (Flachbeile, Schaftlochhäxte und Griffzungendolche) ähneln jenen der Katakombengrabkultur, wirken insgesamt aber entwickelter. Charakteristisch sind ferner runde Scheibenknebel und flächig retuschierte Sil-Expfeilspitzen (Братченко 1985. Рис. 123; Березанская и др. 1986. Рис. 2, 1–3), die auch in den Gräbern von Sintašta vorkommen. Die schrittweise Ausbreitung dieser Scheibenknebel von Mittelasien aus nach Südosteuropa gilt inzwischen als erwiesen. Die ältesten Exemplare im Osten datieren in das ausgehende 3. Jahrtausend v. Chr., ihre jüngsten Varianten erreichten erst während der mykenischen Schachtgräberzeit das griechische Festland (Teufer 1999). Die Grabfunde der Babino lagen unter Kurganaufschüttungen. Steinkisten kommen ebenso wie Holzleinbauten in Blockbauweise, die bereits Konstruktionen der nachfolgenden Srubnaja-Kultur (Balkengrabkultur) vorwegnehmen. Totenlage (seitliche Hocker sowie Rückenstrecker) und Ausrichtung sind uneinheitlich und spiegeln weder chronologische noch regionale Unterschiede wider. Eine Besonderheit im Totenritual der Babino ist die auffallende Beigabenermut, was es in vielen Fällen sogar erschwert, Babino-Gräber eindeutig zu identifizieren (Братченко 1985. С. 453).

Babino-zeitliche Siedlungen lagen bevorzugt auf Flußterrassen, hinzu kamen befestigte Niederlassungen auf Anhöhen (Knjaža Gora, Doneckoe gorodišče) (Братченко 1985. С. 451). Als am besten erforscht gilt die Wallburg von Livencovka auf der östlichen Krim, wo man auf leicht eingetiefte Poluzemljanki ebenso wie auf ebenerdige Pfostenbauten mit rechteckigem Grundriss stieß (Братченко 1985. С. 451–454). Viehzucht spielte eine wichtige Rolle.

Die mit Babino und Sintašta weitgehend gleichzeitige Abaševo-Kultur war in den Waldgebieten vom Ural über das mittlere Wolga-Gebiet bis an den Oberlauf des Don verbreitet (Пряхин, Халиков 1987). Die mehrschichtige Siedlung von Silovskoe am Voronež zeigt, dass es auch im Gebiet der Abaševo-Kultur zur Entstehung von befestigten Zentralorten kam. Der Platz war von einem Graben umgeben, an dessen Innenseite

городище; Братченко 1985. С. 451). Лучшее всего исследована Ливенцовская крепость на Нижнем Дону, где раскопаны слабо углубленные полуземлянки и прямоугольные постройки столбовой конструкции (Братченко 1985. С. 451–454). Важную роль здесь играло животноводство.

Синхронная бабинской и синташтинской абашевская культура была распространена в лесной зоне от Урала, в Среднем Поволжье и до верховьев Дона (Пряхин, Халиков 1987). В ареале абашевской культуры также началось строительство укрепленных центральных населенных пунктов, как это видно на примере многослойного Шиловского поселения возле современного Воронежа. Территория поселения была окружена рвом, с внутренней стороны которого находилась стена из двух параллельных рядов столбов (Пряхин, Халиков 1987. С. 124. Рис. 59).

Происходившие на рубеже III и II тыс. до н. э. глубокие изменения лучше всего рассмотреть на примере поселения Синташта, расположенного к востоку от Уральских гор. Внутренние постройки круглого поселения состояли из удлиненных трапециевидных жилищ, пристроенных своими длинными стенами друг к другу, вследствие чего одна их короткая торцевая сторона образовывала внешнюю стену поселка. Эти трапециевидные постройки планомерно располагались по внешнему и внутреннему кругам, между которыми проходила улица шириной около 4 м. Постройки обнаруживают полное сходство по форме, размерам, строительным приемам и внутренней планировке, что свидетельствует об их нормированном строительстве. Кроме того, в каждом строении найдены доказательства металлообработки (Генинг, Зданович, Генинг 1992. С. 17 и след. Рис. 7; С. 23–41). Примечательны окружающие поселение фортификационные сооружения, состоявшие из вала, с внутренней стороны которого находилась стена из дерева и глины, вероятно имевшая деревянный палисад. С юга был обустроен въезд с воротами и рвами у внутренней и внешней оборонительных стен (Генинг, Зданович, Генинг 1992. Рис. 13).

Благодаря раскопкам и аэрофотосъемкам многочисленных поселений этого типа зафиксированы в Южном Зауралье (Генинг, Зданович, Генинг 1992. С. 9 и след. Рис. 1; Зданович, Батанина 1995. С. 54 и след. Рис. 1–5; Zdanovich, Zdanovich 2002). Широкомасштабные раскопки были проведены в Аркаиме, во многом повторившем Синташту (Зданович 1995. С. 25 и след. Рис. 3–6). В более восточных степных и лесостепных регионах в начале II тыс. до н. э. также начали возводиться укрепленные центральные населенные пункты. Площадь поселения Черноозерье VI, важного местонахождения ташковско-логиновской культуры Тоболо-Иртышского региона, была окружена рвом, а на внутренней территории находились ряды прямоугольных построек (Косарев 1981. Рис. 32; Косарев 1987. Рис. 99). Известные в ареале североказахстанской петровской культуры Ишимской равнины другие центральные населенные пункты (Петровка II, Боголюбово, Новоникольское I) все же представляют иной тип застройки. В Новоникольском I возвышенный участок местности был огорожен четырехугольным рвом, а внутренняя территория застроена рядами прямоугольных построек. Похожая ситуация наблюдается в Петровке II (Зданович 1988). Круглые поселения с круговыми рвами синташтинской культуры, как и поселения с четырехугольными рвами петровской культуры, своими устройством и степной организованности пространства отличаются от более ранних бытовых местонахождений, демонстрируя новые принципы планирования поселенческих структур. Это позволяет заключить, что племенные сообщества позднего

eine Mauer aus zwei parallelen Pfostenreihen stand (Пряхин, Халиков 1987. С. 124. Рис. 59).

Der tief greifende Wandel, der sich an der Wende vom 3. zum 2. Jahrtausend v. Chr. vollzogen hatte, lässt sich am besten am Beispiel der Niederlassung von Sintašta selbst unmittelbar östlich des Ural-Gebirges beschreiben. Die Innenbebauung der Rundsiedlung bestand aus länglichen Trapezhäusern, die an ihren Längsseiten aneinandergelagert waren, wodurch ihre rückwärtigen Schmalseiten die Außenfront der Siedlung bildeten. Diese Trapezbauten waren zu einem inneren und zu einem äußeren Kreis angeordnet, zwischen denen eine etwa 4 m breite Straße verlief. Form, Größe, Bauweise und Innengliederung der Häuser zeigten in Form, Dimension und Ausstattung derart weitreichende Übereinstimmungen, dass sie normiert wirkten; in jedem Bau fanden sich zudem Hinweise auf Metallverarbeitung (Генинг, Зданович, Генинг 1992. С. 17 и след. Рис. 7; С. 23–41). Bemerkenswert war auch die Befestigung, die die Siedlung kreisförmig umschloss. Sie bestand aus einem Graben, hinter dem eine Mauer aus Holz und Lehm mit möglicherweise hölzerner Palisadenbekrönung stand. Im Süden stieß man auf einen Eingangsbereich mit komplexer Toranlage. Der Graben wurde dort auf seiner Innen- wie Außenseite von einer Wehrmauer begleitet (Генинг, Зданович, Генинг 1992. Рис. 13).

Siedlungen dieses Typs sind im südöstlichen Ural-Vorland inzwischen durch Luftbilder und Ausgrabungen in größerer Zahl bekannt (Генинг, Зданович, Генинг 1992. С. 9 и след. Рис. 1; Зданович, Батанина 1995. С. 54 и след. Рис. 1–5; Zdanovich, Zdanovich 2002). Großflächige Ausgrabungen fanden auch in Arkaim statt, das den Befund von Sintašta weitgehend wiederholte (Зданович 1995. С. 25 и след. Рис. 3–6). Doch auch in den Steppen- und Waldsteppengebieten noch weiter östlich kam es zu Beginn des 2. Jahrtausends v. Chr. zur Entstehung befestigter Zentralorte. In Černozer'e VI, einem wichtigen Platz der zwischen Tobol und Irtyš verbreiteten Taškovo-Loginovo-Kultur, war das Siedlungsareal von einem Graben umgeben, im Inneren standen gereichte Rechteckhütten (Косарев 1981. Рис. 32; Косарев 1987. Рис. 99). Weitere Beispiele sind aus dem Gebiet der nordkazachischen Petrovka-Kultur in der Išim-Ebene bekannt (Petrovka II, Bogoljubovo, Novonikol'skoe I), die jedoch einen anderen Typus repräsentieren. In Novonikol'skoe I errichtete man auf einem Geländesporn ein Grabengeviert, in dessen Innerem ebenfalls gereichte Rechteckbauten standen. Ein ähnlicher Befund kam in Petrovka II zum Vorschein (Зданович 1988). Sowohl die Rundsiedlungen mit Kreisgraben der Sintašta-Kultur als auch die Niederlassungen mit Grabengevierten der Petrovka-Kultur unterscheiden sich in ihrer Anlage und Organisiertheit grundlegend von allen älteren Niederlassungen und lassen damit eine neue Qualität in der Siedlungsplanung sichtbar werden. Dies gestattet die Schlussfolgerung, dass die Verbände der jüngeren Frühbronzezeit im Umfeld des Südural anders organisiert gewesen sein müssen als in den vorangegangenen Perioden.

Diese Entwicklungen waren nicht ohne Veränderungen im gesellschaftlichen Gefüge, die sich im Grabbrauch widerspiegeln. Die Friedhöfe des späten 3. Jahrtausends v. Chr. standen dort noch in älterer, neolithisch-äneolithischer Tradition und lassen in Grabbau wie Beigabenausstattung kaum soziale Unterschiede erkennen (Косарев 1974. Рис. 18–21; Косарев 1981. Рис. 21; Косарев 1987. Рис. 94). Ein anderes Bild bieten dagegen die Nekropolen der jüngeren Frühbronzezeit zu Beginn des 2. Jahrtausends v. Chr. Die ganze Radikalität des Wandels lassen die in der Nähe von Sintašta entdeckten Grabanlagen sichtbar werden (Генинг, Зданович, Генинг 1992. С. 234 и след. Рис. 134; Lichardus, Vladár 1996, 40). In den Holzkammern in bis zu 3 m

этапа раннего бронзового века Южного Приуралья были организованы иначе, чем в предшествующие периоды.

Изменения происходили и в общественном устройстве, что отразилось в погребальном обряде. Могильники конца III тыс. до н. э. остаются в русле предшествующей неолитическо-энеолитической традиции с едва заметными социальными различиями в погребальных конструкциях и инвентаре (Косарев 1974. Рис. 18–21; Косарев 1981. Рис. 21; Косарев 1987. Рис. 94). Совсем иную картину демонстрируют некрополи позднего этапа раннего бронзового века в начале II тыс. до н. э. Коренной характер изменений особенно заметен в синташтинском комплексе погребальных памятников (Генинг, Зданович, Генинг 1992. С. 234 и след. Рис. 134; Lichardus, Vladár 1996. S. 40). Мужчины, женщины и дети были погребены в деревянных камерах в шахтах глубиной до 3 м. К погребальному обряду относятся захоронения лошадей и колесниц с двумя спицевыми колесами (Epimachov, Korjakova 2004). Среди остального погребального инвентаря помимо керамики особо отмечены наконечники копий, боевые топоры и кинжалы из бронзы, кремневые наконечники стрел и алебастровые булавы (Генинг, Зданович, Генинг 1992. С. 111 и след.; Зданович 1988; Lichardus, Vladár 1996. S. 40). Такой погребальный набор характеризует захоронения воинов высокого социального ранга.

Аналогичная структура погребального обряда, но без деталей боевых колесниц, известна в Аркаиме (Зданович 1995. С. 43 и след.). Синташта не была уникальна, как это видно по курганным погребениям с аналогичным обрядом в абашевской культуре к западу от Урала (Кузьмина 1994. Карта 4. Рис. 14; Костюков и др. 1995) и в Поволжье (Утевка VI, Потапово; Васильев и др. 1994; Васильев и др. 1995). Наиболее близкие параллели воинским захоронениям Синташты обнаруживаются в восточной петровской культуре Ишимской равнины. Здесь также открыты богатые воинские погребения с кинжалами и наконечниками копий из бронзы, каменными булавами, кремневыми наконечниками стрел, щитковыми дисковидными и желобчатыми псалями из кости, а в Берлик II и Кенес — также остатки двухколесных боевых колесниц (Epimachov, Korjakova 2004).

Поздний этап раннего бронзового века от Южного Урала до Ишимской равнины характеризуется появлением укрепленных в центре населенных пунктов со сложной организованной внутренней структурой и разделением труда, все же относящихся к различным типам поселений. Они были опорными пунктами надрегионального значения в обширной сети путей и коммуникаций. Одновременно в погребальном обряде на фоне остальных захоронений выделяется слой воинских погребений, представляющий наиболее богатые могилы. Власть и статус погребенных в них личностей проявляются через впечатляющие погребальные конструкции и богатство сопроводительного инвентаря.

На вопрос о том, чем было обусловлено такое развитие, пока нет однозначного ответа. Судя по всему, существенно возросло значение животноводства и металлообработки. При этом были проведены первые опыты со сплавами, и уровень знаний того времени позволил впервые на рубеже III и II тыс. до н. э. выплавить оловянную бронзу. Направляется связь между выросшим значением стад и взлетом металлургии, с одной стороны, и начавшимися иерархией поселений и образованием в обществе элиты, с другой. Заготовка, переработка и распределение сырья в больших масштабах, несомненно, требовали централизованного управления. Эта была благоприятная среда, давшая рост центральным насе-

тiefen Schächten waren Männer, Frauen und Kinder beigesetzt. Zur Ausstattung gehörten u. a. Pferde sowie Wagen mit zwei Scheiben- oder Speichenrädern (Epimachov, Korjakova 2004). Die weiteren Beigaben umfassten neben Keramik insbesondere Lanzen spitzen, Streitäxte und Dolche aus Bronze, Pfeilspitzen aus Silex sowie Keulen aus Alabaster (Генинг, Зданович, Генинг 1992. С. 111 и след.; Зданович 1988; Lichardus, Vladár 1996. S. 40). Diese Ausstattung kennzeichnet diese Inventare als Gräber einer kriegerisch geprägten männlichen Führungsschicht.

Ähnlich einzuordnende Grabanlagen, allerdings ohne Streitwagenbeigabe, kamen in Arkaim zum Vorschein (Зданович 1995. С. 43 и след.). Dass Sintašta kein Einzelfall war, zeigen vergleichbar ausgestattete Grabhügel der Abaševko-Kultur westlich des Urals (Кузьмина 1994. Карта 4. Рис. 14; Костюков и др. 1995) und an der Wolga (Utevka VI, Potapovo) (Васильев и др. 1994; Васильев и др. 1995). Die besten Parallelen zu den reichen Kriegergräbern aus Sintašta kamen in der weiter östlich am Išim verbreiteten Petrovka-Kultur zum Vorschein. Auch dort entdeckte man reiche Kriegergräber mit Dolchen und Lanzen spitzen aus Bronze, Keulenköpfen aus Felsgestein, Pfeilspitzen aus Silex, Scheiben- und Plattenknebeln aus Knochen sowie in Berlik II und Kenes auch jeweils mit zweirädrigem Streitwagen (Epimachov, Korjakova 2004).

Die jüngere Frühbronzezeit zwischen Südural und Išim-Ebene wird also durch die erstmalige Anlage befestigter Zentralorte mit komplexer, organisierter Innenstruktur und Arbeitsteilung charakterisiert, die sich jedoch zu unterschiedlichen Siedlungstypen zusammenfassen lassen. Sie waren Anlaufpunkte von überregionaler Bedeutung in einem weitläufigen Wege- und Kommunikationsnetz. Gleichzeitig wird im Grabbrauch eine gehobene Kriegerschicht fassbar, die in Prunkgräbern beigesetzt war und sich deutlich von den übrigen Bestattungen absetzte. Macht und Status der dort beigesetzten Persönlichkeiten manifestierte sich auf beeindruckende Weise in Grabbau und in Beigabenausstattung.

Die Frage, was diese Entwicklung ausgelöst hatte, lässt sich noch nicht verlässlich beantworten. Es gibt Anzeichen dafür, dass Viehzucht und Metallverarbeitung stärker an Bedeutung gewonnen hatten. Dabei wurde erstmals mit Legierungen experimentiert, und nach derzeitigem Kenntnisstand gehört die erstmalige Herstellung von Zinnbronze im Steppenraum in die Zeit an der Wende vom 3. zum 2. Jahrtausend v. Chr. Es liegt nahe, zwischen der gewachsenen Bedeutung der Herden und dem Aufschwung der Metallurgie auf der einen und der beginnenden Hierarchisierung von Siedlungen und Elitenbildung in der Gesellschaft auf der anderen Seite einen Zusammenhang zu sehen. Beschaffung, Weiterverarbeitung und Distribution des Rohstoffs in größerem Stil bedurften zweifellos zentraler Lenkung. Das war der Nährboden, auf dem Zentralorte entstanden, die einer ordnenden und lenkenden Instanz bedurften, die über die Kompetenz einer rein bäuerlich strukturierten Dorfgemeinschaft hinausging. Und sicher ist es kein Zufall, dass sich diese dynamische Entwicklung innerhalb der eurasischen Frühbronzezeit im Umfeld des überaus erziehligen Südural vollzog (Chernykh 1992).

In der Mischwaldzone der mittleren und oberen Dnepr-Region war zur selben Zeit die Sosnica-Kultur verbreitet, die dort unmittelbar auf die Mittel-Dnepr-Kultur folgte. Sie lässt sich derzeit noch nicht genauer mit der Kulturentwicklung weiter südlich in Steppe und Waldsteppe korrelieren, weil ¹⁴C-Daten fehlen, um ihre zeitliche Erstreckung verlässlich fixieren zu können. Das meiste Fundgut stammt aus Gräbern, wobei Kurgane wie Flachgräber mit Körper- und Brandbestattungen vorkommen. Gefäßformen und Zierweisen lassen Verbindungen zu

lenным пунктам, так как появилась необходимость в новых подразделениях, выполняющих упорядочивающие и направляющие функции, выходящие за рамки компетенции небольших структур сельских поселков. Не случайно, конечно, что такое динамичное развитие евразийского раннего бронзового века происходило в регионе чрезвычайно богатого рудами Южного Урала (Chernykh 1992).

В зоне смешанных лесов Среднего и Верхнего Поднепровья в то же самое время была распространена сосницкая культура, непосредственно следовавшая там за среднеднепровской. Ее нельзя пока точно соотносить с более южными культурами степной и лесостепной зоны, так как отсутствуют ¹⁴C-датировки, с помощью которых можно более надежно обозначать ее временные рамки. Большинство материалов происходит из погребений, при этом известны как курганы, так и грунтовые могилы с труположением и трупосождением. Формы сосудов и орнаментация указывают на связи с абашевской и бабинской культурами, но также с последующей срубной культурой (Артеменко 1987-I. Табл. 50–52). Спектр изделий из бронзы (спиральные браслеты и подвески, кельты и т. д.) обнаруживает соответствия в восточных областях Центральной Европы. Восточно-средневропейские влияния еще более проступают в культурах, распространенных западнее Сосницы, — тшинецкой (или так называемой восточно-тшинецкой) между Припятью и Вислой, а также комаровской на Верхнем Днестре (Артеменко 1987-II. Табл. 53). Особенно комаровская культура обнаруживает связи в керамике и формах бронзовых изделий с распространенными на юге Польши и севере Карпатской котловины культурными группами (Отомань, мадьаровская), относящимися к позднему этапу раннего бронзового века. Это позволяет с некоторыми оговорками относить ее к центральноевропейским или восточно-средневропейским культурам развитого раннего и раннекурганного бронзового века.

В Северном Причерноморье вслед за бабинской и абашевской культурами самое позднее во второй четверти II тыс. до н. э. сформировалась срубная культура. Река Урал, с севера впадающая в Каспийское море, являлась своего рода границей между срубной культурой на западе и родственной ей на востоке фёдоровской культурой Западной и Южной Сибири. Местонахождения срубной культуры распространены от Волги до Крыма, будучи одинаково многочисленными в степной и лесостепной зонах.

Периодизация срубной культуры и ее абсолютная датировка затруднительны, так как пока не обеспечены достаточным количеством надежных ¹⁴C-датировок (Березанская, Чередниченко 1985; Березанская 1986). Керамика срубной культуры весьма однородна и не отличается многообразием, что затрудняет выделение региональных и хронологических особенностей. Среди бронзовых изделий характерны втульчатые наконечники копий, крюкастые серпы, кинжалы с языковидной рукоятью, плоские тесла, узкие и удлиненно-овальные (Березанская и др. 1986. Рис. 17). Медь могла поступать с Урала, где в Каргалы в то время существовали мощные разработки медной руды (Черных 2002). В отличие от андроновско-фёдоровского ареала, где доминировали оловянные бронзы, в срубной культуре к западу от Урала и в Поволжье преобладали мышьяково-сурьмяные бронзы (Chernykh 1992. P. 206). Для получившей свое название по наиболее типичным погребальным конструкциям срубной культуры характерны деревянные срубы в курганах. Однако деревянные конструкции составляют лишь незначительную часть ее погребальных сооружений. Как

Abaševko und Babino, aber auch zur nachfolgenden Srubnaja-Kultur erkennen (Артеменко 1987-I. Табл. 50–52). Das Spektrum der Bronzefunde (Armspiralen, Spiralanhänger, Tüllenbeile usw.) weist Bezüge in das östliche Mitteleuropa auf. Diese ostmitteleuropäische Prägung tritt bei den westlich von Sosnica verbreiteten Kulturen Trziniec (bzw. so genannte Ost-Trziniec) zwischen Pripjet und Weichsel sowie Komarov am oberen Dneestr noch deutlicher hervor (Артеменко 1987-II. Табл. 53). Insbesondere die Komarov-Kultur weist bei Keramik wie Bronzeformen Verbindungen zu spätfühbronze- bzw. frühhügelgräberbronzezeitlichen Fundgruppen in Südpolen und im nördliche Karpatenbecken (Otomani, Mad'arovec) auf, ja, man kann sie mit gewissen Recht bereits den mittel- bzw. ostmitteleuropäischen Kulturen der ausgehenden Früh- und beginnenden Hügelbronzezeit zuweisen.

Im nordpontischen Raum hatte sich in Nachfolge von Abaševko und Babino spätestens im zweiten Viertel des 2. Jahrtausends v. Chr. die Srubnaja-Kultur herausgebildet. Der Fluss Ural, der von Norden kommend in das Kaspische Meer einmündet, markierte in etwa die Grenze zwischen Srubnaja im Westen und der mit ihr verwandten und in West- und Südsibirien verbreiteten Andronovo-Fedorovka-Kultur im Osten. Die Srubnaja-Fundplätze streuen von der Wolga-Region bis auf die Krim, wobei sie in Steppe und Waldsteppe gleichermaßen zahlreich auftreten.

Die innere Gliederung der Srubnaja-Kultur und ihre absolute Datierung bereiten noch erhebliche Schwierigkeiten, noch immer stehen nicht in ausreichender Zahl verlässliche ¹⁴C-Daten zur Verfügung (Березанская, Чередниченко 1985; Березанская 1986). Die Keramik der Srubnaja-Kultur ist sehr homogen und wenig variationsreich, was es erschwert, regionale und chronologische Unterscheidungen zu treffen. Bei den Bronzeobjekten erweisen sich Tüllenlanzen spitzen, Hakensicheln, Griffzungendolche, schlanke Schaftlochäxte und Armringe mit Spiralen als kennzeichnend (Березанская и др. 1986. Рис. 17). Das Kupfer könnte aus dem Ural-Gebirge stammen, wo zu jener Zeit in der Gegend um Kargaly eine intensive Kupferförderung bestand (Черных 2002). Anders als im Fedorovka-Bereich, wo Zinnbronzen dominierten, überwiegen in Srubnaja-Zusammenhängen westlich von Ural und Wolga Arsen-Antimon-Bronzen (Chernykh 1992. P. 206). Namen gebend für die Srubnaja-Kultur (Balkengrabkultur) sind blockbauartige Grabkammern unter Kurganaufschüttungen. Inzwischen wissen wir jedoch, dass derartige Holzkonstruktionen nur einen äußerst geringen Teil aller Srubnaja-Bestattungen ausmachen. In der Regel ruhten die Verstorbenen in einfachen Erdgruben. Die ärmliche Beigabenausstattung umfasste meist nur ein bis zwei Tongefäße, gelegentlich kamen noch einige Bronzeobjekte hinzu, etliche Inventare sind sogar ganz beigegeben. Eine Führungsschicht zeichnet sich daher im Totenritual nicht ab (Березанская и др. 1986).

Zahlreich Siedlungsstellen der Srubnaja-Kultur sind inzwischen im Waldsteppen- und Steppenbereich bekannt geworden, gelegentlich fanden auch großflächige Untersuchungen statt (Iličevka, Rubcy u. a.). Etliche Plätze waren mit Wällen (Kapitanovo) oder Gräben (Iličevka, Usovo Ozero) befestigt. Im Inneren traten sowohl gehöftartige Häusergruppen wie auch Reihenanordnung auf. Orte wie Mosolovka am Don zeigen, dass es auch auf Metallhandwerk spezialisierte Siedlungen mit Werkstattgebäuden sowie Gussformen, Tiegeln und anderem Gießereizubehör gab (Chernykh 1992. P. 206).

War die ältere Frühbronzezeit also eine Etappe, die trotz anfänglicher äneolithischer Traditionen in nahezu sämtlichen Lebensbereichen eine Etablierung neuer Verhältnisse mit fundamentalen Veränderungen brachte, so kam es im jüngeren

правило, умершие хоронились в простых ямах. Скучные погребальные приношения в большинстве своем включали один или два глиняных сосуда, иногда отдельные бронзовые изделия, в некоторых захоронениях инвентарь отсутствовал. В похоронном ритуале никак не выделялись лица высокого социального ранга (Березанская и др. 1986).

Многочисленные поселения срубной культуры известны в лесостепной и степной зонах, на некоторых из них были проведены крупномасштабные раскопки (Ильичёвка, Рубцы и др.). Некоторые селения были укреплены валами (Капитаново) или рвами (Ильичёвка, Усово Озеро). На внутренней площади встречены как усадебная застройка, так и рядовое расположение построек. Судя по таким памятникам, как Мосоловка на Дону, существовали поселения, специализировавшиеся на металлообработке с мастерскими и литейными формами, тиглями и другими приспособлениями для литья (Черныkh 1992. P. 208).

Если начальный этап раннего бронзового века был периодом, когда вопреки энеолитическим традициям появились новые фундаментальные изменения во всех сферах жизни, то на позднем этапе, в течение первой половины II тыс. до н. э., в западно- и южносибирских степях и лесостепи от Урала до Енисея сформировалась широко распространенная андроновская (фёдоровская) общность с удивительным единообразием культурных форм. Более засушливые к югу от нее области входили в ареал родственных андроновско-тазбагьябских групп, через Фергану, Хорезм и Согдиану освоивших глубинные районы Центральной Азии вплоть до Южного Туркменистана, Бактрии и Синьцзяна, где они столкнулись с высокоразвитыми протогородскими культурами оазисов, население которых наряду с животноводством занималось частично орошаемым земледелием. Однако влияние этих южных высокоразвитых культур на более северные группы андроновского населения оставалось незначительным. Многие свидетельствуют о том, что андроновское население в Центральную Азию привел поиск месторождений полезных ископаемых, так как его появление там связано с добычей и переработкой руд. Во II тыс. до н. э. существенно вырос спрос на металл, причем окончательно стали преобладать оловянные бронзы. Добытым носителями андроновской общности сырьем снабжались громадные территории Западной Сибири и Центральной Азии (Черныkh 1992; Parzinger, Boroffka 2003; Parzinger 2003-I). В то же самое время транспортным животным наряду с лошадью становится верблюд, что впервые позволило в больших объемах перевозить товары и сырье через обширные, очень засушливые регионы.

Тем не менее в период между 1850 и 1500 годами до н. э. в восточноевропейских степях и лесостепи не было того динамизма в развитии, которым отличалось предшествующее время. Вместо организованных функционирующих и укрепленных центральных поселений синташтинской и петровской культур в ареале андроновской культуры Западной Сибири и прилегающих регионов появились редкие одиночные поселения без особых фортификационных сооружений, так что едва ли есть возможность достаточно надежно описать поселенческие структуры этих сообществ. Заметная в погребальном обряде ведущая роль отдельных личностей воинского слоя, столь характерная для Синташты и Петровки, в андроновско-фёдоровском ареале, как и в срубной культуре Северного Причерноморья, в столь ярко выраженной форме неизвестна.

О причинах таких перемен можно только догадываться. Остается пока открытым вопрос о том, могли ли столь ради-

Аbschnitt dieser Periode während der ersten Hälfte des 2. Jahrtausends v. Chr. mit der Herausbildung der großräumig verbreiteten Andronovo-Fedorovka-Kultur zu einer erstaunlichen Vereinheitlichung der kulturellen Ausdrucksformen in den west- und südsibirischen Steppen und Waldsteppen zwischen Ural und Jenissei. In den deutlich arideren Gebieten südlich davon erstreckten sich die Fundplätze der verwandten Andronovo-Tazabag'jab-Gruppen, die weite Teile Mittelasiens einnahmen und über die Fergana, Choresm und Sogdien bis Südturkmenistan, Baktrien und Xinjiang vordrangen, wo sie auf höher entwickelte protourbane Oasenkulturen trafen, die neben Viehzucht auch Felderwirtschaft mit teilweise bereits künstlicher Bewässerung betrieben. Der Einfluss dieser weiterentwickelten Kulturen des Südens auf die Andronovo-Gruppen weiter nördlich blieb jedoch gering. Vieles spricht dafür, dass es die Suche nach Rohstofflagerstätten war, die die Andronovo-Gruppen nach Mittelasien führte, weil ihr Auftreten dort stets mit dem Abbau und der Verarbeitung von Erzen verknüpft war. Der Metallbedarf im 2. Jahrtausend v. Chr. war erheblich gestiegen, wobei die Zinnbronze endgültig die Vorherrschaft erlangte. Der von Trägern des Andronovo-Kreises gewonnene Rohstoff versorgte dabei große Teile Westsibiriens und Mittelasiens (Черныkh 1992; Parzinger, Boroffka 2003; Parzinger 2003-I). Zur selben Zeit trat neben dem Pferd auch das Kamel als Transporttier in Erscheinung, was es erstmals gestattete, über weite hyperaride Gebiete hinweg im größeren Stil Waren und Güter zu transportieren.

Dennoch fällt auf, dass die Zeit zwischen etwa 1850 und 1500 v. Chr. in der osteuropäischen Steppe und Waldsteppe nicht mehr dieselbe Dynamik der vorangegangenen Periode erreichte hatte. Anstelle der straff organisiert wirkenden und befestigten Zentralorte der Sintašta- und Petrovka-Kultur entstanden im Andronovo-Bereich Westsibiriens und angrenzender Gebiete ausgedehnte Streusiedlungen ohne besondere Fortifikationsmaßnahmen, soweit wir überhaupt in der Lage sind, die Entwicklung des Siedlungswesens wirklich verlässlich zu beschreiben. Die im Totenritual hervortretende Führungsrolle einzelner Kriegerpersönlichkeiten, die für Sintašta und Petrovka so charakteristisch ist, wird im Andronovo-Fedorovka- wie auch im Srubnaja-Bereich nördlich des Schwarzen Meeres nicht mehr in dieser akzentuierten Form sichtbar.

Über die Gründe lässt sich nur spekulieren. Ob die so radikal wirkenden Neuerungen an der Wende vom 3. zum 2. Jahrtausend v. Chr. also nur den Beginn eines Umbruchs der bronzezeitlichen Gesellschaft in den osteuropäischen und westsibirischen Steppen und Waldsteppen markierten, oder ob dieser Prozess des Wandels in der darauf folgenden ersten Hälfte des 2. Jahrtausends v. Chr. schlicht keine Fortsetzung mehr fand, muss vorerst dahingestellt bleiben. Dies unterscheidet die Entwicklung hier von der in Mitteleuropa, wo es sich gerade umgekehrt verhalten hatte und es nach einer kontinuierlichen Entwicklung erst gegen Ende der Frühbronzezeit kurz vor der Mitte des 2. Jahrtausends v. Chr. zu einer kulturellen Blüte mit ersten befestigten Zentralorten und Elitengräbern gekommen war.

Zwischen Weiterentwicklung und Konsolidierung: Die Mittelbronzezeit

Nach der Mitte des 2. Jahrtausends v. Chr. bestand in den Steppen und Waldsteppen zwischen Wolga und Dnepr die jüngere Srubnaja-Kultur noch fort, für die sich noch immer kein verlässliches, auf ¹⁴C-Datierungen gestütztes Enddatum angeben lässt. Die auf die Steppenzone begrenzte Sabatinovka-Kultur schloss westlich an dieses jüngere Srubnaja an, und ihre Fundplätze streuen vom Asovischen Meer über die untere Dnepr-Region bis an die untere Donau (Березанская, Шарафутдинова 1985; Gerškovič 1999).

кальные инновации на рубеже III и II тыс. до н. э. быть только началом перелома в развитии обществ бронзового века в восточноевропейских и западносибирских степях и лесостепи, или этот процесс изменений в последующей первой половине II тыс. до н. э. не мог продолжаться. В Центральной Европе протекали противоположные процессы, и после непрерывного развития только к концу раннего бронзового века, примерно в середине II тыс. до н. э., началось культурное процветание с первыми укрепленными центральными поселениями и захоронениями элиты.

Средний бронзовый век: между совершенствованием и консолидацией

Срубная культура на позднем этапе своего развития, после середины II тыс. до н. э. продолжала бытовать в степной и лесостепной зонах от Волги до Днепра, но для нее пока не установлена надежная, основанная на ¹⁴C-исследованиях верхняя хронологическая граница. С запада к позднесрубной культуре примыкала сабастиновская культура, простиравшаяся в степной зоне от Азовского моря и Нижнего Поднепровья до Нижнего Подунавья (Березанская, Шарафутдинова 1985; Gerškovič 1999).

Керамика сабастиновской культуры включает в себя чаши, горшки и сосуды для хранения с коническими или слегка изогнутыми стенками, простые кубки и миски, а также черпаки и двуручные сосуды (Березанская, Шарафутдинова 1985. Рис. 134; Gerškovič 1999). Среди изделий из бронзы отмечены втульчатые наконечники копий с узким лезвием, кельты, крючатые серпы, черенковые кинжалы с ланцетовидным лезвием и поздние варианты дунайских топоров с дисковидным и гребневидным обушком (Kločko 1995). Они позволяют синхронизировать сабастиновскую с соседними культурами и выводить на восточно-среднеевропейскую хронологию, что в итоге дает XV/XIV–XIII/XII века до н. э. (Gerškovič 1999. S. 82–83). При этом бронзовые изделия из погребений и кладов сабастиновской культуры показывают связи вплоть до Кавказа. Примечательно, что в хронологическом горизонте, объединяющем сабастиновскую, Ноуа и позднесрубную культуры, в степях и лесостепи Северного Причерноморья сокрытие кладов бронзовых изделий достигло максимального уровня (Leskov 1981). Это свидетельствует о том, что население от Карпат до Урала отправляло ритуалы, на протяжении поколений устоявшиеся на значительной части древней Европы.

Начиная с середины II тыс. до н. э. во всей степной и лесостепной зонах Северного Причерноморья произошел скачкообразный рост числа поселений, размеры которых также существенно увеличились. Только к сабастиновской культуре относятся более 700 местонахождений. На поселениях известны как ряды домов, так и большие многокомнатные строения с жилой и хозяйственной частями. В домостроительстве в значительной степени применялись камень и глина (Березанская, Шарафутдинова 1985; Gerškovič 1999). При этом носители сабастиновской культуры жили земледелием и животноводством (Березанская, Шарафутдинова 1985. С. 498). Умершие хоронились в скорченном положении, на левом или правом боку как в небольших курганах, так и в грунтовых могильниках. В погребальном обряде едва уловимы социальные различия, за редкими исключениями в случае более богатых воинских захоронений (например, Борисовка, курган 3; Березанская, Шарафутдинова 1985; Gerškovič 1999).

В лесостепи от Днестра до Трансильвании была распространена культура ноуа, тесно связанная с сабастиновской.

Sabatinovka-Keramik kennt Näpfe, Töpfe und Vorratsgefäße mit konischer oder leicht geschwungener Wandung, einfache Schalen und Schüsseln sowie Henkel- und Doppelhenkelgefäße (Березанская, Шарафутдинова 1985. Рис. 134; Gerškovič 1999). An Bronzeobjekten sind Tüllenlanzenspitzen mit schmalem Blatt, Tüllenbeile, Hakensicheln, Griffangeldolche mit lanzettförmiger Klinge und späte Varianten donauländischer Nackenscheiben- und Nackenkammäxte hervorzuheben (Kločko 1995). Sie gestatten eine Synchronisierung von Sabatinovka mit den Nachbarkulturen und den Anschluss an die ostmitteleuropäische Chronologie, woraus sich ein Ansatz in das 15./14.–13./12. Jahrhundert v. Chr. ergibt (Gerškovič 1999, 82–83). Die Bronzegegenstände aus Gräbern und Horten der Sabatinovka-Kultur lassen dabei Beziehungen bis in den Kaukasus erkennen. Ferner fällt auf, dass in diesem Zeithorizont, der die Kulturen Sabatinovka, Noua und spätes Srubnaja verbindet, die Sitte, Bronzehorte anzulegen, im nordpontischen Steppen- und Waldsteppenraum ihren Durchbruch erzielte (Leskov 1981). Damit folgten nun auch die Gebiete zwischen Karpaten und Ural einem rituellen Handeln, das bereits seit Generationen für große Teile Alteuropas bestimmend gewesen war.

In der gesamten Steppen- und Waldsteppenzone nordwärts des Schwarzen Meeres kam es nach der Mitte des 2. Jahrtausends v. Chr. zu einem sprunghaften Anstieg der Siedlungen, wobei auch die Größe der Orte deutlich zunahm. Allein der Sabatinovka-Kultur lassen sich über 700 Fundstellen zuordnen. In den Niederlassungen fand man sowohl gereichte Häuser als auch größere, mehrräumige Gebäudekomplexe mit Wohn- und Wirtschaftsteil. Beim Hausbau selbst kam in verstärktem Maße Stein und Lehm zur Anwendung (Березанская, Шарафутдинова 1985; Gerškovič 1999). Die Träger der Sabatinovka-Kultur lebten dabei von Ackerbau und Viehzucht (Березанская, Шарафутдинова 1985. С. 498). Die Verstorbenen wurden als linke oder rechte Hocker sowohl unter flachen Kurganen als auch in Flachgräberfeldern bestattet. Soziale Unterschiede werden in der Totenbehandlung kaum sichtbar, wenn man von gelegentlich etwas reicher ausgestatteten Kriegergräbern (z. B. Borisovka, Kurgan 3) einmal absieht (Березанская, Шарафутдинова 1985; Gerškovič 1999).

Die in den Waldsteppen vom Dnepr bis nach Transsilvanien verbreitete Noua-Kultur ist eng mit Sabatinovka verwandt. Neben Siedlungen sind auch Gräberfelder bekannt. In Ostrovec wurden über 180 Hockerbestattungen in einfachen Rechteckgruben freigelegt. Die Beigaben beschränkten sich auf einige Gefäße, wogegen Bronzeschmuck, Knochengeräte und Steinobjekte seltener blieben. Hinzu treten auch hier Hortfunde (Deržev, Viktorov, Isakovo, Sidorovo). Die Übereinstimmungen zwischen Noua- und Sabatinovka-Keramik sind weitreichend, obwohl an Noua-Gefäßen gelegentlich donau- bzw. karpatenländisch wirkende kurvilineare Ziermuster auftreten, die im Sabatinovka-Bereich fehlen. Die auf ¹⁴C-Daten und die Synchronisierung mit dem Karpatenbecken beruhende absolute Chronologie der Noua-Kultur weist in das 14.–12. Jahrhundert v. Chr., was weitgehend den Ansätzen für Sabatinovka entspricht und die Gleichzeitigkeit beider Kulturen unterstreicht.

Die Entwicklung in den osteuropäischen Steppen und Waldsteppen zwischen der Mitte des 2. Jahrtausends v. Chr. und 1200 v. Chr. lässt gewisse Gemeinsamkeiten mit den Verhältnissen in Mitteleuropa erkennen, wo während dieser Zeit die Hügelgräber- bzw. Mittelbronzezeit bestanden hatte. Für die Gebiete zwischen Nordalpenrand und westlichem Ostseegebiet betrachtet man diese Periode in erster Linie als eine Zeit der Konsolidierung. In weiten Teilen Mitteleuropas herrschte damals die Sitte vor, Hügelgräber zu errichten, in denen die

Известны поселения и могильники. В селении Островец были раскопаны более 180 погребений в простых прямоугольных ямах (скелеты в скорченном положении). Погребальный инвентарь в основном представлен несколькими сосудами, при этом реже встречаются украшения из бронзы, костяные орудия труда и изделия из камня. Также известны клады (селения Держев, Викторов, Исаково, Сидорово). Керамика Ноуа и Сабатиновки обнаруживает большое сходство, хотя на сосудах культуры Ноуа встречаются дунайские или карпатские криволинейные орнаменты, отсутствующие в ареале сабатиновской культуры. ¹⁴C-датировки и синхронизация с культурами Карпатского бассейна дают абсолютные даты культуры Ноуа в пределах XIV–XIII/XII веков до н. э., что в значительной степени соответствует времени бытования Сабатиновки, подтверждая синхронность обеих культур.

Развитие в степях и лесостепи Восточной Европы в период с середины II тыс. до 1200 года до н. э. позволяет увидеть определенное сходство с ситуацией в Центральной Европе, где в это время существовала курганная культура. Для территорий от северных предгорий Альп до западной части балтийского региона этот период считается, прежде всего, временем консолидации. Тогда во многих частях Центральной Европы преобладала традиция сооружения курганов, в которых обычно хоронились умершие в своем личном и связывающем их с определенными общественными структурами костюме, к чему относилось и оружие. Благодаря одежде выявляются гендерные и даже возрастные группы населения, при этом отсутствуют явные социальные различия и действительно элитные захоронения. Одновременно под влиянием с юга, но с собственными чертами в Северо-Германской низменности и Южной Скандинавии образовался и стал развиваться культурный комплекс форм, совпадающий с расцветом металлургии бронзы на севере Европы (периоды II и III — по О. Монтелиусу); снова в могилы помещались детали одежды и оружие. В этом — самое существенное отличие от ситуации в степях и лесостепи Восточной Европы, где при одновременном увеличении количества бронзовых изделий в захоронениях невозможно реконструировать традиционные костюмы и выделить согласно специфическим одежам отдельные группы или общности.

Поздний бронзовый век: накануне раннего кочевничества

В период около 1200 года до н. э. в степной и лесостепной зонах Северного Причерноморья, как и в других частях Европы и Средиземноморья, произошли фундаментальные перемены, которые привели к появлению новых культур. В степях Северного Причерноморья этот процесс привел к формированию кочевнического образа жизни и кочевнической культуры. Однако до этого здесь в период с XII по IX век до н. э. была распространена белозерская культура (Отрощенко 1985. С. 519). Ее местонахождения покрывают степной пояс от Дона на востоке до Дуная на западе. Несмотря на определенное сходство, керамика значительно отличается от посуды предшествующих культур — Ноуа, Сабатиновки и позднесрубной (Отрощенко 1985. Рис. 141). В орнаментации известны прочерченные, резные и накольчатые узоры в виде групп косых параллельных линий и многолинейных зигзагов, не известных сабатиновской культуре. Большую часть индивидуальных находок (проволочные кольца, пронизки, простые булавки и ножи из бронзы, костяные наконечники стрел и кремневые ножи) отличает

Verstorbenen geradezu regelhaft mit ihrer persönlichen und sie mit ihrer Gemeinschaft verbindenden Tracht beigesetzt wurden, zu der auch Waffenausstattungen gehörten. Die Geschlechter wurden mit Hilfe dieser Trachten klar voneinander abgesetzt, mitunter lassen sich sogar Altersgruppen herausarbeiten, doch deutlich hervortretende soziale Unterschiede mit wirklichen Elitegräbern fehlen. Gleichzeitig bildete sich in der norddeutschen Tiefebene und in Südsandinavien ein zwar südlich beeinflusster, aber doch sein eigenes Gepräge entwickelnder Formenkreis heraus, der mit der Blütezeit der Bronzezeit im Norden zusammenfällt (Periode II und III nach O. Montelius); erneut wurden Trachtbestandteile und Waffen in die Gräber mitgegeben. Dies ist auch der deutlichste Unterschied zu den Verhältnissen in den osteuropäischen Steppen und Waldsteppen, wo zur selben Zeit zwar ebenfalls vermehrt Bronzegegenstände in die Bestattungen gelangten, die jedoch bei weiten nicht ausreichen, um Trachtgruppen und Trachtkreise zu rekonstruieren.

Am Vorabend des Reiternomadentums: Die Spätbronzezeit

In der Zeit um 1200 v. Chr. vollzogen sich in der nordpontischen Steppe und Waldsteppe ebenso wie in anderen Teilen Europas und des Mittelmeerraumes grundlegende Veränderungen, die zur Entstehung neuer Kulturen führten. In den Nordschwarzmeesteppen endete dieser Prozess in der Entstehung reiternomadischer Lebens- und Kulturverhältnisse. Zuvor aber war dort zwischen dem 12. und 9. Jahrhundert v. Chr. die Belozerkakultur verbreitet (Отрощенко 1985. С. 519). Ihre Fundstellen streuen im Steppengürtel vom Don im Osten bis zur Donau im Westen. Die Keramik unterscheidet sich trotz gewisser Traditionen deutlich von den vorangegangenen Kulturen Noua, Sabatinovka und spätem Srubnaja (Отрощенко 1985. Рис. 141). Die Ornamentik kennt mit eingeschnittenen, geritzten und eingestochenen Schrägschraffurbändern sowie mehrlinigen Zickzackmotiven Muster, die in Sabatinovka noch nicht vorkamen. Die meisten Kleinfunde (Drahtringe, Röllchen, einfache Nadeln und Messer aus Bronze, Knochenpfeilspitzen, Silexmesser) sind chronologisch unempfindlich. Tüllenbeile mit seitlichen Ösen, Lanzen spitzen mit halbrund ausgeschnittenem Blatt und Grif-fangeldolche mit lanzettförmiger Klinge stehen noch in Sabatinovka-Tradition (Отрощенко 1985). Neuartig sind ein- und zweischleifige Bogenfibeln aus dünnem Draht, die bislang ältesten Fibeltypen des Nordschwarzmeerraumes überhaupt, die eine Datierung vor 1000 v. Chr. nahelegen. Verbindungen zur Stufe Ha A im östlichen Mitteleuropa und zur submykenischen Periode in Griechenland verknüpfen Belozerka übereinstimmend mit dem 12.–10. Jahrhundert v. Chr. (Отрощенко 1985).

Belozerka-Siedlungen lagen bevorzugt auf hohen Terrassen an Flüssen und Limanen, man entdeckte dort sowohl rechteckige Poluzemljanki (Belozerka, Babina IV, Tudorovo) als auch ebenerdige Häuser aus Lehm auf Steinsockeln (Zmeevka I, Kirovo), die eine gänzlich neue Bautradition offenbaren (Отрощенко 1985). Während Viehzucht mit Rind, Schaf/Ziege, Pferd und sogar Schwein nachgewiesen ist, auf der Krim kommen noch Kamele hinzu, ist die Frage nach der Bedeutung des Ackerbaus nicht sicher zu beantworten (Отрощенко 1985. С. 524). Die Verstorbenen beerdigte man als Hocker in Flachgräberfeldern ebenso wie in Kurganen. Die Beigaben umfassen meist nur wenige Gefäße und gelegentlich etwas Bronzeschmuck. Das Totenritual unterschied sich demnach nicht grundlegend von dem der Sabatinovka-Kultur und lässt kaum soziale Unterschiede sichtbar werden.

широкий хронологический диапазон. Кельты с ушками, наконечники копий с полукруглым прорезным пером и черенковые кинжалы остаются еще в сабатиновских традициях (Отрощенко 1985). Новыми являются одно- и двуспиральные смычковые и дуговидные фибулы из тонкой проволоки, которые до сих пор остаются древнейшими застежками в Северном Причерноморье и подтверждают датировку культуры временем до 1000 года до н. э. Переход на ступень HaA (по П. Рейнеке) восточных областей Центральной Европы и субмикенский период в Греции дает уверенные датировки белозерской культуры в пределах XII–X веков до н. э. (Отрощенко 1985). Существуют надежные данные, подтверждающие наличие животноводства с разведением крупного рогатого скота, овец и коз, лошадей и даже свиней, а в Крыму еще и верблюдов, но вопрос об уровне развития земледелия остается открытым (Отрощенко 1985. С. 524). Умершие хоронились в скорченном положении в грунтовых могильниках и в курганах. В большинстве случаев погребальный инвентарь включал несколько сосудов, иногда украшения из бронзы. Погребальный обряд коренным образом не отличался от известного в сабатиновской культуре, в нем также едва заметны социальные различия.

Одновременно с белозерской культурой в лесостепи от Днепра до Днестра была распространена белогрудовская культура (Березанская 1985). В погребениях — труположение и трупосожжение в курганах и грунтовых могильниках — находился, как и в белозерской культуре, скудный инвентарь (несколько сосудов, режы — украшения из бронзы). Двуручные сосуды и черпаки обнаруживают традиции Ноуа и Сабатиновки, в то время как весь остальной инвентарь является более поздним и соответствует степной белозерской культуре (Березанская 1985. Рис. 137). Индивидуальные находки также повторяют ассортимент известных в Белозерке изделий (Березанская 1985. Рис. 136). Все это позволяет датировать белогрудовскую культуру также периодом между 1200 и 1000 годами до н. э.

Восточные территории северопричерноморской лесостепи от Днепра до Дона, как и прилегающие с севера лесные регионы вплоть до юга центральной части Восточно-Европейской равнины, в это же время были заняты бондарихинской культурой, истоки которой восходят к периоду от середины II тыс. до н. э. Найденная в погребениях и на поселениях посуда демонстрирует, с одной стороны, ямочно-ребенчатые керамические традиции, а с другой — связи с белогрудовской и белозерской культурами (Березанская, Ильинская 1985). Поэтому культуры позднего бронзового века — белозерская, белогрудовская и бондарихинская — считаются в значительной степени синхронными (Березанская, Ильинская 1985). После 1300/1200 годов до н. э. эти культуры непрерывно и без существенных перемен развивались из культур среднего бронзового века.

Напротив, в тот же самый период в Центральной Европе произошли фундаментальные изменения почти во всех сферах жизни. После консолидации времени курганной культуры бронзового века со становлением культуры полей погребальных урн (ступени HaA и HaB) произошел явный перелом, очевидный по преобладанию с этого периода трупосожжений в грунтовых могильниках. Такая перемена в похоронном ритуале вышла за пределы Центральной Европы, охватив почти все части континента, за исключением степной и лесостепной зон Восточной Европы. В целом после 1200 года до н. э. события и процессы в обоих обширных регионах стали протекать в разных направлениях.

Gleichzeitig zu Belozerka war in der Waldsteppe zwischen Dnepr und Dnestr die Belogradovka-Kultur verbreitet (Березанская 1985). Die Bestattungen — Körper- und Brandgräber in Kurganen und Flachgräberfeldern — enthielten ähnlich wie im Belozerka-Bereich nur wenige Beigaben (einige Gefäße, seltener etwas Bronzeschmuck). Doppelhenkelgefäße und Krüge stehen noch in Noua- und Sabatinovka-Tradition, während das übrige Fundgut jünger ist und Übereinstimmungen mit der Belozerka-Kultur in der Steppe aufweist (Березанская 1985. Рис. 137). Auch die Kleinfunde wiederholen das aus Belozerka bekannte Spektrum (Березанская 1985. Рис. 136). Damit ist auch Belogradovka etwa in die Zeit zwischen 1200 und 1000 v. Chr. zu datieren.

Die östlichen Teile der nordpontischen Waldsteppe zwischen Dnepr und Don sowie die nördlich daran anschließenden Waldgebiete bis in den Süden der zentralrussischen Niederungen wurden zur selben Zeit von der Bondaricha-Kultur eingenommen, deren Anfänge bis in die Zeit unmittelbar nach der Mitte des 2. Jahrtausends v. Chr. zurückreichen. Aus Gräbern und Siedlungen stammt eine Keramik, die einerseits noch kamm- und grubchenkeramische Traditionen und andererseits eine Verbindung zu Belogradovka und Belozerka erkennen lässt (Березанская, Ильинская 1985). Die spätbronzezeitlichen Kulturen Belozerka, Belogradovka und Bondaricha gelten damit als weitgehend gleichzeitig (Березанская, Ильинская 1985).

Die Kulturen Belozerka, Belogradovka und Bondaricha führten die mittelbronzezeitlichen Kulturverhältnisse nach 1300/1200 v. Chr. kontinuierlich fort, ohne dass es zu einem fundamentalen Wandel gekommen wäre. Zur selben Zeit vollzogen sich in Mitteleuropa hingegen grundlegende Veränderungen in nahezu allen Lebensbereichen. Nach einer Zeit der Konsolidierung während der Hügelgräberbronzezeit kam es mit Beginn der Urnenfelderzeit (Ha A und Ha B) zu einem deutlichen Bruch, sichtbar an der nun vorherrschenden Brandbestattungssitte in Flachgräbernekropolen. Dieser Wandel im Totenritual erfasste weit über Mitteleuropa hinaus nahezu alle Teile des Kontinents, nicht jedoch die osteuropäische Steppe und Waldsteppe. Insgesamt scheinen die Entwicklungen in beiden Großräumen nach 1200 v. Chr. unterschiedliche Richtungen eingeschlagen zu haben.

In Mitteleuropa erlebte das Metallhandwerk einen neuen Aufschwung mit intensiverer Erzgewinnung und technisch deutlich verbesserter Metallverarbeitung. Auch die Deponierungssitte gewann zunehmend an Bedeutung. Zwar kennt man sie seit der Frühbronzezeit, doch nimmt ihre Zahl in der Spätbronze- bzw. Urnenfelderzeit noch einmal erheblich zu, wobei ihre Zusammensetzung regionale Ausstattungsmuster zu erkennen gibt. Auch traten außergewöhnliche Ensembles mit Goldobjekten (z. B. Eberswalde und Werder) (Abb. 5) hinzu, die höchstwahrscheinlich herrschaftlichen Besitz darstellten, der den Göttern geopfert worden war. Auch die Orte, an denen Horte und Einzelobjekte deponiert wurden, hatten hohe symbolische Bedeutung, handelte es sich bei Niederlegungen bzw. Versenkungsoffern in Mooren, Seen und Flüssen oder auf Pässen doch um sakrale Markierungen. Zwar lieferte auch der nordpontische Raum in dieser Zeit Hortfunde, doch erreichte diese religiöse Praxis in den osteuropäischen Steppen und Waldsteppen bei weitem nicht die prägende Bedeutung wie in anderen Teilen Europas.

Gebrauch und Verbreitung religiös begründeter Symbole machen die Unterschiede zwischen Steppenraum und Mitteleuropa noch offensichtlicher: So war das Motiv der Vogelsohlenbarke von der Ägäis und Italien über Mitteleuropa bis in den Norden des Kontinents weit verbreitet und auf unzähligen

В Центральной Европе в металлообработке произошел новый подъем вместе с увеличением добычи руды и значительным улучшением технологии обработки металла. Обычай депонирования также приобрел большое значение. Известное еще с раннего бронзового века депонирование существенно возрастает в количественном отношении в поздний период бронзового века (или время культуры полей погребальных урн), при этом состав закладов отражает региональные предпочтения. Тогда же появились уникальные комплексы золотых изделий (например, Эберсвальде и Вердер) (ил. 5), представляющие собой, по всей вероятности, величественные собрания, принесенные в жертву богам. Местности депонирования кладов или отдельных изделий приобрели большое символическое значение. Независимо от того, были ли это заклады, сделанные во время привалов, или проходческие жертвы в болотах, озерах и реках или на перевалах, — все они сакрально маркировались. Хотя в Северном Причерноморье в это время также известны клады, все же эта культовая практика в степной и лесостепной зонах Восточной Европы не имела столь важного значения, как в других частях Европы.

Использование и распространение сакральных символов делают различия между степным поясом и Центральной Европой более явными. В то время как мотив птичьей солнечной ладьи был широко распространен от Эгей и Италии, в Центральной Европе вплоть до севера континента и использовался на многочисленных бронзовых изделиях разных форм, назначения и размеров, в различных вариантах (от детализированного до схематического), в Северном Причерноморье этот символ не был признан. Это свидетельствует о наличии разных духовных представлений и принципиально различных сакральных мирах.

В отличие от курганной культуры бронзового века воинская элита в период от 1200 года до н. э. вновь приобрела большое значение. Это демонстрируют полные комплекты боевого облачения и вооружения, состоящие из шлема, панциря, поножей, щита, меча и копья, в равной степени характерные для высшего воинского слоя на обширной территории — от Греции и Италии до севера Западной Европы. Отличались лишь формы отдельных составных частей комплекта, но не его состав. Это сопровождалось возведением спланированных укрепленных поселений на возвышенностях или берегах озер. Некоторыми материалами подтвердилось наличие центральных населенных пунктов, которые располагались на возвышенностях и представляли собой крупные селения на открытой местности с большими группами различных строений либо являлись болотными поселениями с плотными рядами стандартизированных домов. Период 1200–800 годов до н. э. был также временем, когда после так называемого нашествия «народов моря» померкло сияние «дворцовых цивилизаций» Греции (Микены, Кносос) и невероятно возросло значение Италии в дальнейшем развитии Центральной Европы.

Все эти события, длительно воздействовавшие и изменившие после 1200 года до н. э. Центральную Европу, мало ощущались в степях и лесостепи Северного Причерноморья. Этот регион приобрел значение с VII века до н. э., когда, согласно Геродоту, стал областью обитания скифов, мигрировавших сюда в ходе передвижения народов восточнее Урала. Несколько столетий, следующие за поздним бронзовым веком, но предшествующие началу скифской культуры в VII в. до н. э., в исследованиях обозначаются как предскифский период. Материалы этого периода характеризуются уже как раннекочевнические, но не тесно связанные со

Bronzeobjekten unterschiedlichster Form, Funktion und Größe in diversen Variationen detailreich bis schematisch angebracht, während sich dieses Symbol im nordpontischen Raum nicht durchsetzen konnte. Dies lässt auf unterschiedliche geistige Haltungen und fundamental abweichende religiöse Vorstellungswelten schließen.

Anders als während der Hügelgräberbronzezeit spielten in der Zeit nach 1200 v. Chr. Kriegereliten wieder eine größere Rolle, wie komplette Rüstungen aus Helm, Brustpanzer, Beinschienen, Schild, Schwert und Lanzen zeigen, die eine männlich geprägte Oberschicht von Griechenland und Italien über Mitteleuropa bis in den Nordischen Kreis annähernd gleichartig hervortreten lassen. Lediglich die Formen der einzelnen Rüstungsbestandteile unterschieden sich, nicht jedoch die Zusammensetzung der Ausrüstung. Dies geht einher mit planvoll angelegten befestigten Siedlungen, ob auf Anhöhen oder an See-

Ил. 5. Сосуд. Золото. Из клада Эберсвальде, Бранденбург
Abb. 5. Trinkgefäß. Gold. Eberswalde, Brandenburg

уfern. Die Einzelbefunde belegen dabei Herrschaftssitze auf Erhebungen ebenso wie weitläufige Niederlassungen mit unterschiedlich großen Gehöftgruppen im offenen Land und Feuchtbodensiedlungen mit eng gesetzten Reihen genormt wirkender Häuser. Die Zeit zwischen 1200 und 800 v. Chr. ist auch eine Periode, in der die Strahlkraft der Palastkulturen Griechenlands (Mykene, Knossos) nach dem so genannten Seevölkersturm nachgelassen hatte und die Bedeutung Italiens für die weitere Entwicklung Mitteleuropas enorm gewachsen war.

Von all diesen Entwicklungen, die Mitteleuropa nach 1200 v. Chr. nachhaltig prägten und veränderten, war in den Steppen und Waldsteppen nördlich des Schwarzen Meeres wenig zu spüren. Dieser Raum galt ab dem 7. Jahrhundert v. Chr. nach der Überlieferung Herodots als das Siedlungsgebiet der Skythen, die im Zuge von Völkerverschiebungen östlich des Urals in diese Gebiete eingewandert sein sollen. Die Jahrhunderte, die dort auf die Spätbronzezeit folgten, aber dem Beginn der skythischen Kultur im 7. Jahrhundert v. Chr. noch vorangingen, bezeichnete die Forschung als so genannte vorskythische Periode. Die Funde dieser Zeit waren bereits reiternomadisch geprägt, standen aber noch nicht mit frühskythischer Sachkultur in Verbindung, weshalb man sie als Hinterlassenschaften der Kimmerier interpretierte, die — der Überlieferung zufolge — vor den Skythen und ebenfalls von Osten aus in den Nordschwarzmeerraum eingedrungen sein sollen. A. I. Terenožkin wies diesem Ho-

скифской материальной культурой, из-за чего их относят к наследию киммерийцев, которые, согласно источникам, должны были перед скифами также с востока проникнуть в Северное Причерноморье. А. И. Тереножкин отнес к этому горизонту курганные захоронения из Черногоровки и Новочеркасского клада и разделил предскифский период на более раннюю черногоровскую и более позднюю новочеркасскую группы, различающиеся погребальными сооружениями, положением умерших и инвентарем. На основе связей с Передней Азией новочеркасский комплекс в настоящее время датируется концом IX–VIII веком до н. э. (Kossack 1994), при этом хронологически соответствуя самому раннему скифскому горизонту Южной Сибири (Аржан 1). Вследствие этого более ранняя Черногоровка относится к X–IX векам до н. э. (Kossack 1994).

В Днепровской лесостепи в период существования черногоровской группы была распространена чернолесская культура, которую далее сменила жаботинская, синхронная новочеркасским древностям. Переход к раннескифскому времени в лесостепи отчетливо прослежен благодаря последовательности слоев обитания на поселении Жаботин. Керамика самого раннего периода этой культуры — Жаботин I — обнаруживает связи с поздним Чернолесьем, а также с культурами поздняя Козия-Сахарна и Басараб I в Подунавье и датируется концом IX – началом VIII века до н. э. Для следующего периода, Жаботин II, характерна керамика с каннелюрами, соответствующая культуре Басараб II и датирующаяся второй половиной VIII века до н. э. Жаботин III соответствует наступившему в первой половине VII века до н. э. раннескифскому времени (Daragan 2004). Это совпадает с результатами исследований Г. Коссака, который относил появление раннескифской культуры в степях Северного Причерноморья и на Кубани к началу VII века до н. э. (Kossack 1994).

В конце эпохи бронзы связи между Восточной и Центральной Европой вновь проступают более отчетливо. Восточные влияния играли важную роль в контексте преобразований культуры полей погребальных урн в период ранней гальштаттской культуры (ступень HaC) в областях севернее и восточнее Альп. Так, уже в конце периода культуры полей погребальных урн известны первые изделия из железа, а также биметаллические предметы. При этом как для последнего этапа культуры полей погребальных урн, так и для новочеркасской культуры в Северном Причерноморье особенно были характерны биметаллические кинжалы с бронзовым черенком и железным лезвием (Kossack 1994). Такие формы образуют важное хронологическое звено между ступенью HaB2/3 и временем новочеркасской культуры и маркируют горизонт, датируемый IX веком до н. э. Наряду с таким вооружением в начале раннего периода гальштаттской культуры в Центральной Европе появились и стали совершенствоваться новые типы конского снаряжения восточного происхождения. При этом новые типы удил и псалиев на ранней ступени HaC внедрялись вместе с освоением новой породы лошадей (Kossack 1954-I). Воздействие восточноевропейского степного региона от Кавказа до Карпат на Центральную Европу в момент преобразования культуры полей погребальных урн в гальштаттскую культуру было сложным и необычайно сильным. На короткое время оба обширных региона стали общим историческим пространством, перед тем как вновь разойтись с наступлением развитого железного века.

rizont später die Kurgangräber von Černogorovka und den Hortfund von Novočerkassk zu und teilte die vorskythische Zeit in eine ältere Černogorovka- und eine jüngere Novočerkassk-Gruppe, weil sie Unterschiede in Grabbau, Totenbettung und Formenschatz aufwies. Aufgrund von Verbindungen mit Vorderasien wird der Novočerkassker Formenkreis heute in das späte 9. und 8. Jahrhundert v. Chr. datiert (Kossack 1994) und entspricht damit chronologisch dem frühesten skythenzeitlichen Horizont in Südsibirien (Aržan 1). Das ältere Černogorovka gehört infolgedessen in das 10.–9. Jahrhundert v. Chr. (Kossack 1994).

In den Dnepr-Waldsteppen bestand während der Černogorovka-Zeit die Černoles-Kultur, die wiederum von der Stufe Žabotin I abgelöst wurde, die mit Novočerkassk gleichzeitig war. Entscheidend für den Übergang zur frühskythischen Zeit in der Waldsteppe ist die Besiedlungsabfolge der befestigten Niederlassung von Žabotin. Die Keramik der ältesten Stufe Žabotin I weist Verbindungen zu spätem Černoles sowie zu den Kulturen Cozia-Sacharna und Basarabi I an der unteren Donau auf und datiert damit in das späte 9. und frühe 8. Jahrhundert v. Chr. Für das jüngere Žabotin II ist kannelierte Ware charakteristisch, die in Basarabi II vorkommt und damit in die zweite Hälfte des 8. Jahrhunderts v. Chr. gehört. Žabotin III entspricht dann bereits der in der ersten Hälfte des 7. Jahrhunderts v. Chr. einsetzenden frühskythischen Zeit (Daragan 2004). Dies deckt sich mit dem Ergebnis der Forschungen von G. Kossack, der die Anfänge der frühskythischen Kultur in den Nordschwarzmeesteppen und im Kuban-Gebiet in das frühe 7. Jahrhundert v. Chr. verwies (Kossack 1994).

Am Ende der Bronzezeit treten die Verbindungen zwischen Ost- und Mitteleuropa wieder deutlicher hervor, und östliche Einflüsse spielten im Kontext des Wandels von der Urnenfelder- zur älteren Hallstattkultur (HaC) in der Zone nord- und ostwärts der Alpen eine wichtige Rolle. So traten gegen Ende der Urnenfelderzeit bereits erste Eisenobjekte sowie bimetalliche Gegenstände auf. Besonders charakteristisch waren dabei sowohl für die letzte Etappe der Urnenfelderzeit als auch für die Novočerkassk-Zeit im Nordschwarzmeerraum bimetalliche Dolche mit einem Griff aus Bronze und einer Klinge aus Eisen (Kossack 1994). Solche Formen bilden eine wichtige chronologische Brücke zwischen HaB2/3 und der Novočerkassk-Stufe und markieren einen Horizont, der in das 9. Jahrhundert v. Chr. datiert. Neben solchen Waffenformen waren es vor allem neue Pferdegeschirrtypen, die östlichen Ursprungs waren und zu Beginn der älteren Hallstattzeit in Mitteleuropa Eingang fanden und schnell prägend wurden. Die neuartigen Trensen und Gebissstangen aus frühem HaC gingen dabei einher mit der Einführung einer neuen Pferderasse (Kossack 1954-I). Der Einfluss der osteuropäischen Steppengebiete zwischen Kaukasus und Karpaten auf Mitteleuropa war gerade zur Zeit des Wandels von der Urnenfelder- zur Hallstattkultur vielschichtiger und prägender als jemals zuvor. Beide Großräume wurden für kurze Zeit zu einem gemeinsamen Geschichtsraum, ehe die Entwicklungen während der fortgeschrittenen Eisenzeit dann wieder getrennte Wege gingen.

Вадим Бочкарев

Эпоха бронзы в Восточной Европе

Vadim Bočkarev

Die Bronzezeit in Osteuropa

Эпоха бронзы была продолжительным и важным периодом в древнейшей истории Восточной Европы. По данным радиоуглеродной хронологии, она началась в первые века IV тыс. до н. э. и завершилась на рубеже II и I тыс. до н. э. Таким образом, эта эпоха длилась около трех тысяч лет. Правда, не везде ее продолжительность была одинаковой. В северных регионах она началась позже и длилась не столь долго. В Арктике ее, видимо, и вовсе не было.

В нашей литературе эту эпоху принято делить на три больших этапа: ранний (IV — начало III тыс. до н. э.), средний (III тыс. до н. э.) и поздний (II тыс. до н. э.) бронзовый век. Лучше всего эта периодизация соответствует материалам южной половины Восточной Европы. На Севере культурные изменения происходили в ином темпе, и указанные этапы там выражены не столь четко. Значительным своеобразием также отличался процесс культурогенеза в западных и восточных регионах. Поэтому кроме общей периодизации для большинства восточноевропейских регионов были созданы самостоятельные хронологические схемы. Такие схемы имеются для Северного Причерноморья, Волго-Уральского региона, Северного Кавказа и т. д. В зависимости от местных условий в каждой из них этапы бронзового века были разделены на несколько периодов (от двух до шести) и датированы по сериям радиоуглеродных дат. Так называемая историческая хронология используется для определения абсолютного возраста только самых поздних периодов эпохи бронзы Кавказа и Северо-Западного Причерноморья.

Хотя памятники эпохи бронзы на территории Восточной Европы были открыты давно, их изучение началось только около ста лет назад. Основополагающее значение имели работы В. А. Городцова, А. А. Спицына, А. М. Тальгрена и некоторых других ученых. Главным объектом их исследований стали курганные древности южнорусских степей. Хотя эти материалы не отличаются особым богатством и выразительностью, именно они стали той эмпирической базой, на которой начали формироваться наши знания о бронзовом веке. Огромный вклад в их изучение внес В. А. Городцов (1860–1945). В 1901 и 1903 годах он провел образцовые для того времени раскопки курганов на реке Северский Донец (правый приток Дона) и получил в свое распоряжение большой и разнообразный материал эпохи бронзы. Тщательно его проанализировав, В. А. Городцов выделил несколько типологических групп погребений и с помощью курганной стратиграфии определил их временную последовательность. Некоторое время спустя (в 1914–1916 годах) три из них он преобразовал в отдельные археологические культуры — ямную, катакомбную и срубную. Как выяснилось позже,

Дие бронзыzeit stellt eine lang anhaltende und wichtige Periode in der Frühzeit Osteuropas dar. Wie Ergebnisse von ¹⁴C-Datierungen belegen, begann sie in den ersten Jahrhunderten des 4. Jahrtausends v. Chr. und endete an der Wende vom 2. zum 1. Jahrtausend v. Chr., währte also insgesamt beinahe drei Jahrtausende, wobei ihre Dauer in einzelnen Gebieten differierte: In den nördlichen Regionen begann sie später und zog sich nicht so lange hin; in der Arktis hat es sie vermutlich überhaupt nicht gegeben.

In der russischen Fachliteratur wird diese Epoche in drei große Phasen eingeteilt, die Früh- (4. — Beginn 3. Jahrtausend v. Chr.), die Mittel- (3. Jahrtausend v. Chr.) und die Spätbronzezeit (2. Jahrtausend v. Chr.). Diese Periodisierung spiegelt sich vor allem in den Materialien aus der südlichen Hälfte Osteuropas wider, haben sich die kulturellen Veränderungen im Norden doch in einem anderen Tempo vollzogen, so dass die genannten Phasen dort nicht in dieser Weise klar voneinander abzugrenzen sind. Doch auch in den östlichen und westlichen Regionen verlief die Kulturgenese höchst spezifisch, weshalb für die meisten osteuropäischen Regionen neben der allgemeinen Periodisierung eigene Chronologien erarbeitet wurden; diese liegen heute u. a. für das nördliche Schwarzmeergebiet, die Wolga-Ural-Region sowie den Nordkaukasus vor. Je nach lokalen Besonderheiten konnten die bronzezeitlichen Phasen in mehreren Stufen (2–6) unterteilt und durch Serien von Radiokarbon daten zeitlich verankert werden. Die so genannte historische Datierungsmethode wird dagegen nur zur Bestimmung des absoluten Alters der jüngsten Perioden der Bronzezeit im Kaukasus und im nordwestlichen Schwarzmeergebiet herangezogen.

Obgleich bereits seit langer Zeit bronzezeitliche Fundorte in Osteuropa bekannt sind, hat ihre wissenschaftliche Untersuchung erst vor etwa hundert Jahren eingesetzt. Von grundlegender Bedeutung sind in diesem Zusammenhang u. a. die Arbeiten V. A. Gorodcovs, A. A. Spicyns und A. M. Tallgrens. Sie konzentrierten sich in ihren Forschungen vor allem auf die Hügelgräber (Kurgane) in den südrussischen Steppen. Diese können zwar nicht als besonders reich oder markant gelten, gleichwohl bilden sie die empirische Basis, die dem heutigen Wissen über die Bronzezeit zugrunde liegt. Bei ihrer Erforschung leistete Gorodcov (1860–1945) einen herausragenden Beitrag. In den Jahren 1901 und 1903 führte er Grabungen in den Kurganen am Severskij Donez (rechter Zulauf des Dons) durch, die für seine Zeit beispielhaft waren. Dabei gelang es ihm, umfangreiches und vielfältiges bronzezeitliches Fundgut zu bergen. Nach einer sorgsamsten Auswertung dieses Materials fasste er die Bestattungen zu typologischen Gruppen zusammen, die er aufgrund der Stratigraphie der Kurgane relativchronologisch zu bestimmen vermochte. Einige Jahre später (1914–1916) konnten drei dieser

они оказались основными культурами эпохи бронзы степной полосы Восточной Европы.

Эти работы В. А. Городцова оказали большое влияние на весь дальнейший ход исследований. Они заложили основу для периодизации восточноевропейских памятников эпохи бронзы и утвердили культурно-хронологический подход в их изучении. Многочисленные ученики В. А. Городцова (О. Н. Бадер, Д. А. Крайнов, О. А. Кривцова-Гракова, Е. И. Крупнов, К. В. Сальников, А. И. Тереножкин и др.) успешно продолжили дело своего учителя. В различных уголках России ими были изучены сотни памятников эпохи бронзы, выделены несколько новых археологических культур. Особенно плодотворной оказалась научная деятельность К. В. Сальникова. Его многолетние полевые работы на Урале привели к открытию целой серии ранее не известных культур. Это дало мощный толчок развитию уральской археологии. В конце XX века (уже после кончины К. В. Сальникова) были открыты и изучены такие замечательные памятники, как Синташтинский некрополь и Аркаимское городище (Г. Ф. Геннинг, Г. Б. Зданович и др.). В них были найдены остатки древнейших в мире конных колесниц и великолепный металлургический инвентарь, который датируется рубежом III и II тыс. до н. э. После этих открытий стало очевидно, что Волго-Уральский регион в бронзовом веке Восточной Европы играл гораздо большую роль, чем считалось ранее.

Идеи и методы, разработанные В. А. Городцовым и его школой, постепенно получили широкое распространение. С середины XX века их начали реализовывать во многих других частях Восточной Европы, включая Северный Кавказ. Северокавказские материалы эпохи бронзы уже давно привлекали внимание русских и европейских ученых, а также коллекционеров. Широкую известность получили Кобанский могильник, Майкопский курган, Новосободненские гробницы и т. д. Особенно большой интерес вызвали кавказские художественные древности. Вокруг них развернулись оживленные дискуссии, которые продолжаются по сей день.

Но постепенно внимание исследователей переключилось на изучение массового материала. В значительной мере это было обусловлено тем, что во второй половине XX века начались масштабные археологические работы в зоне новостроек. Ими были охвачены многие районы Северного Кавказа. Особенно активно они велись в степной зоне. Кроме погребальных памятников в те же годы начались раскопки поселений, включая поселения майкопской и кобанской культур. В результате всех этих работ был накоплен огромный новый материал. Его анализ позволил составить более полное представление о местном бронзовом веке. Выяснилось, что на Северном Кавказе, как и в других восточноевропейских регионах, эта эпоха представлена чередой различных культур. Хотя эти культуры отличаются значительным региональным своеобразием, они были тесно связаны как со своими южными, так и с северными соседями, благодаря чему сыграли важную посредническую роль в передаче достижений древневосточных цивилизаций восточноевропейскому населению.

Большой вклад в изучение северокавказских древностей бронзового века внесли П. С. Уварова, А. А. Иессен, Е. И. Крупнов, Р. М. Мунчаев, В. И. Марковин, В. Г. Котович, М. Г. Гаджиев и др. Особенно следует выделить работы А. А. Иессена. Они имели большое значение для изучения древнейшей металлургии Кавказа, хронологии майкопской культуры, памятников конца эпохи бронзы — начала эры железа. Своеобразным итогом полуторавекового изучения северокавказской

Gruppen sicher als archäologische Kulturen angesprochen werden; es sind dies die Grubengrab- (Jamnaja-), Katakombengrab- und Balkengrab- (Srubnaja-)Kultur. Wie sich im Weiteren herausstellte, handelte es sich bei ihnen um die entscheidenden bronzezeitlichen Kulturen im Steppengürtel Osteuropas. Die Arbeiten Gorodcovs sollten von großem Einfluss auf die künftige Forschungsgeschichte sein, stellten sie doch die Periodisierungen der osteuropäischen bronzezeitlichen Fundorte vor; und bestimmten ausgehend von den untersuchten Fundstätten die kulturchronologischen Zuweisungen späterer Forschungen. Zahlreiche Schüler Gorodcovs (O. N. Bader, D. A. Krajnov, O. A. Krivcova-Grakova, E. I. Krupnov, K. V. Salnikov, A. I. Terenožkin u. a.) beschritten den Weg ihres Lehrers erfolgreich weiter. In den unterschiedlichsten, auch entlegenen Gegenden Russlands untersuchten sie Hunderte bronzezeitlicher Fundstätten und entdeckten dabei neue archäologische Kulturen. Besonders zu würdigen ist hier die Tätigkeit K. V. Salnikovs, dem es in mehrjähriger Feldarbeit gelang, eine ganze Reihe bis dahin unbekannter Kulturen im Ural nachzuweisen. Dies wiederum hat sich als wichtiger Impuls für die Ural-Archäologie erwiesen. Nach Salnikovs Tod am Ende des 20. Jahrhunderts wurden bedeutende Fundorte wie die Nekropole in Sintašta und die Siedlung (*gorodišče*) Arkaim freigelegt und erforscht (von G. F. Gening, G. B. Zdanovič u. a.). Sie erbrachten die weltweit ältesten Überreste von von Pferden gezogenen Streitwagen und prachtvolles Metallinventar aus der Wende vom 3. zum 2. Jahrtausend v. Chr. Wie dieses Material bewies, spielte die Ural-Region in der Bronzezeit für Osteuropa eine wesentlich bedeutendere Rolle, als bislang angenommen.

Die von Gorodcov und seiner Schule erarbeiteten Ansätze und Methoden setzten sich immer stärker durch. Von der Mitte des 20. Jahrhunderts an gelangten sie bei Arbeiten in zahlreichen anderen Regionen Osteuropas zur Anwendung, so auch im Nordkaukasus. Die bronzezeitlichen Materialien aus dieser Region beschäftigten Wissenschaftler aus Russland und Europa seit langem, stießen aber auch bei Sammlern auf Interesse. Fundorte wie das Gräberfeld Koban, der Maikop-Kurgan oder die Nekropole Novosobodnaja sind überall bekannt. Ein besonderes Augenmerk richtete sich auf die künstlerischen Traditionen im Kaukasus; sie wurden und werden lebhaft diskutiert. Im Laufe der Jahre verlagerte sich das Forschungsinteresse jedoch zunehmend auf das Gesamtbild der einzelnen Kulturen, da in der zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts in Neubaugebieten umfassende archäologische Grabungen durchgeführt wurden und immer mehr Material zur Verfügung stand. Dies betraf etliche Gebiete im Nordkaukasus, vor allem aber die Steppenzonen. Neben Grabstätten wurden Siedlungen ausgegraben, darunter auch solche der Maikop- und Koban-Kultur. Auf diese Weise konnte umfangreiches neues Fundgut zusammengetragen werden. Nach seiner Analyse war es möglich, lokale Spezifika in der Bronzezeit besser zu erfassen. Insgesamt ließen sich für den Nordkaukasus ebenso wie für andere osteuropäische Regionen in dieser Zeit zahlreiche unterschiedliche Kulturen nachweisen. Trotz der regionalen Besonderheiten sind diese sowohl mit den südlichen als auch mit den nördlichen Nachbarkulturen eng verbunden und dürften mithin eine wichtige Mittlerrolle zwischen den altorientalischen Zivilisationen und der osteuropäischen Bevölkerung gespielt haben.

Für die Erforschung der nordkaukasischen Bronzezeit sind P. S. Uvarova, A. A. Iessen, E. I. Krupnov, R. M. Munčaeu, V. I. Markovin, V. G. Kotovič, M. G. Gadžiev u. a. von großer Bedeutung. Ausdrücklich sei an dieser Stelle auf die Arbeiten Iessens verwiesen, die für die Forschungsgeschichte der alten Metallurgie im Kaukasus sowie für die Chronologie der Maikop-Kultur und die

эпохи бронзы стала серия монографий, опубликованных на рубеже XX и XXI веков. Среди них работы Р. М. Мунчаева, В. И. Марковина, В. И. Козенковой, С. Н. Корневского, М. Г. Гаджиева и др.

Кроме Кавказа к числу так называемых контактных зон могут быть отнесены Юго-Восточное Прикарпатье (Молдова / Молдавия) и Северное Причерноморье. Они также были своего рода промежуточным звеном в распространении достижений высокоразвитых культур Балкан и Малой Азии на территории Восточной Европы. Так, благодаря их посреднической деятельности восточноевропейское население познакомилось в начале с медью, а затем и с бронзой. Они также сыграли важную роль в распространении железодельного производства в конце эпохи поздней бронзы.

Археологическое изучение этих регионов началось сразу же после их вхождения в состав Российской империи. Но в то время исследователей в основном интересовали античные и скифские древности. Изучение материалов бронзового века началось только в конце XIX века. Крупнейшим событием того периода стало открытие киевским археологом В. В. Хвойко культуры Триполья—Кукутени. Оно вызвало интерес как в России, так и за рубежом. Оказалось, что материалы этой культуры встречаются и на территории сопредельных стран. Поэтому наряду с российскими учеными в их изучение включились румынские, польские и немецкие исследователи.

Особенно важными оказались работы Т. С. Пассек, Г. Шмидта, В. Думитреску. Этими учеными были разработаны система периодизации и хронология культуры, решен целый ряд других вопросов. Так, в частности, было выявлено, что два первых периода Триполья—Кукутени относятся еще к энеолиту, а третий датируется ранними этапами эпохи бронзы. В современной науке эта культура рассматривается как одно из самых ярких явлений в древнейшей истории Восточной Европы.

Почти такой же широкий резонанс, как и открытие Триполья, получила находка в 1912 году Бородинского (Бессарабского) клада на территории нынешней Одесской области Украины. Этот уникальный комплекс серебряных и каменных изделий вскоре приобрел европейскую известность. Он стал объектом многочисленных исследований как в России, так и за ее пределами. До сих пор этот клад привлекает большое внимание, ибо его возраст и культурная принадлежность все еще остаются не вполне определенными.

Конечно, кроме Триполья и Бородинского клада в начале XX века было уже известно множество других памятников эпохи бронзы. В основном они были представлены курганными погребальными комплексами, кладами металлических изделий, а также большой серией единичных случайных находок. Значительная часть этого материала была описана и проанализирована А. М. Тальгреном в его известной книге, вышедшей в 1926 году на французском языке (Tallgren 1926). В этой работе впервые был дан систематический обзор бронзового века северопонтийских степей. Благодаря этому она приобрела концептуальный характер и получила широкую известность. Особенно большой популярностью книга Тальгрена пользовалась у зарубежных читателей, слабо знакомых с русскоязычной литературой.

В связи с рядом трагических событий 1930–1940-е годы оказались не очень благоприятным временем в истории украинской и молдавской археологии. Почти прекратились полевые работы, очень мало издавалось литературы по

Fundstätten vom Ende der Bronzezeit bzw. dem Beginn der Eisenzeit besonders relevant sind. Ferner konnte nach hundert- und fünfzigjähriger Erforschung der Bronzezeit im Nordkaukasus mit einer Reihe von Monographien eine erste Bilanz vorgelegt werden; zu nennen sind hier beispielsweise die Veröffentlichungen von R. M. Munčaeu, V. I. Markovin, V. I. Kozenkova, S. N. Korenevskij und M. G. Gadžiev, die um die Jahrhundertwende erschienen.

Neben dem Kaukasus sind das südöstliche Karpatenvorland (Moldova/Moldawien) und das nördliche Schwarzmeergebiet als so genannte Kontaktzonen von Bedeutung. Auch sie fungierten als eine Art Bindeglied bei der Verbreitung von Errungenschaften hoch entwickelter Kulturen des Balkans und Kleinasiens nach Osteuropa. Dank dieser Mittlerrolle lernte die osteuropäische Bevölkerung zunächst Kupfer, später auch Bronze kennen. Darüber hinaus trugen die genannten Regionen auch zur Verbreitung der Eisenherstellung am Ende der Spätbronzezeit bei.

Die archäologische Untersuchung dieser Regionen setzte unmittelbar nach deren Eingliederung ins Russische Imperium ein. In dieser Zeit galt das vordringliche Interesse der Wissenschaftler freilich den antiken und skythischen Zeugnissen. Die Erforschung bronzezeitlicher Materialien setzte hingegen erst Ende des 19. Jahrhunderts ein. Als geradezu bahnbrechend in diesem Zusammenhang ist die Entdeckung der Tripolje-Cucuteni-Kultur durch den Kiewer Archäologen V. V. Chvoiko, die sowohl in Russland als auch im Ausland auf lebhaftestes Interesse stieß. Da sich Materialien dieser Kultur auch in den Gebieten angrenzender Länder fanden, widmeten sich neben russischen Wissenschaftlern auch Fachleute aus Rumänien, Polen und Deutschland ihrer Auswertung. Wichtige Veröffentlichungen legten T. S. Passek, H. Schmidt und V. Dumitrescu vor. In ihnen stellten sie Periodisierungen, eine Chronologie der Kultur und zahlreiche Antworten auf weitere Forschungsprobleme vor. Ihr besonderes Verdienst liegt in dem Nachweis, dass die beiden ersten Perioden der Tripolje-Cucuteni-Kultur noch im Äneolithikum anzusetzen sind, während die dritte Periode in die frühen Phasen der Bronzezeit datiert. Der Wissenschaft von heute gilt diese Kultur als eine der markantesten Erscheinungen in der alten Geschichte Osteuropas.

Auf ebenso lebhaftes Interesse wie die Entdeckung der Tripolje-Kultur stieß 1912 auch der Fund des Schatzes von Borodino (Bessarabien) in der Ukraine, im Gebiet der heutigen Provinz Odessa. Diese einmalige Sammlung von Silber- und Steingeräten sollte schon bald in ganz Europa bekannt werden und weckte das Interesse sowohl russischer als auch ausländischer Wissenschaftler. Da das Alter und die kulturelle Zugehörigkeit dieses Schatzes noch immer nicht abschließend geklärt sind, hat er bis heute seine Faszination nicht eingebüßt.

Neben der Tripolje-Kultur und dem Schatz von Borodino waren im 20. Jahrhundert selbstverständlich bereits zahlreiche andere bronzezeitliche Denkmäler bekannt. Meist handelte es sich dabei um Hügelgräber und Schätze aus Metallgegenständen, aber auch um zahllose Einzelfunde. Ein großer Teil dieser Materialien ist von A. M. Tallgren beschrieben und analysiert worden, die entsprechende Publikation erschien 1926 auf Französisch (Tallgren 1926). In diesem Werk wurde erstmals ein systematischer Überblick über die Bronzezeit in den nordpontischen Steppen gegeben; aus ebendiesem Grund wurde es schon bald als Standardwerk anerkannt. Vor allem im Ausland wurde es stark rezipiert, kannte man dort doch nur wenige russischsprachige Veröffentlichungen.

Die 1930–1940er Jahre brachten aufgrund ihrer tragischen Ereignisse für die Geschichte der ukrainischen und moldawischen

археологии. Перелом наступил только во второй половине XX века. Тогда появился целый ряд важных обобщающих работ, среди которых следует отметить монографии и статьи О. А. Кривцовой-Граковой, А. И. Тереножкина, С. Н. Братченко, А. М. Лескова, В. В. Отрощенко, И. Н. Шарафудиновой и др.

В те же годы развернулись грандиозные полевые исследования в зоне строительства оросительных систем на юге Украины. Они продолжались около четверти века и охватили огромную территорию. В результате этих работ в несколько раз был увеличен фонд источников, вследствие чего удалось открыть несколько новых культур, уточнить относительную хронологию бронзового века и т. д. (ил. 1). Особенно важным было выделение бабинской культуры, которая по своим масштабам оказалась сопоставимой с так называемыми городцовскими культурами (ямной, катакомбной и срубной). Ее отнесли к концу эпохи средней бронзы. Материалы, полученные в ходе работ новостроечных экспедиций, позволили совсем иначе, чем прежде, осветить бронзовый век Украины. Его новая концепция была изложена в первом томе «Археологии Украины», вышедшем в 1985 году.

Примерно в том же ключе, что и на Украине, шло археологическое изучение Молдавии. Наибольшего размаха оно достигло в 1950–1980-х годах, когда работали крупные новостроечные экспедиции. К числу значительных достижений этого времени следует отнести открытие на территории Молдавии памятников ямной, катакомбной, бабинской культур, которые раньше здесь не были известны. Был также написан целый ряд обобщающих трудов, среди которых следует выделить работы А. И. Милюковой, Г. И. Смирновой, В. А. Дергачева, Э. А. Балагури, Е. Н. Саввы и др.

Итак, благодаря трудам нескольких поколений отечественных археологов удалось накопить и исследовать огромный и разнообразный материал эпохи бронзы Восточной Европы. Сейчас мы эту эпоху знаем несравненно лучше, чем сто или пятьдесят лет назад. Конечно, наши знания о ней еще очень неполны, но все же их уже достаточно для того, чтобы составить общее представление о ходе культурно-исторического процесса в те далекие времена.

Важнейшим достижением этой эпохи было открытие нового металла — бронзы. Он представляет собой искусственный сплав меди с небольшими долями мышьяка или олова. Для получения бронзы изредка добавляли к меди и некоторые другие металлы (например, свинец, сурьму). По своим технологическим и механическим качествам бронза заметно превосходила чистую медь, поэтому ее внедрение в металлопроизводство было крупным шагом вперед. Согласно данным химических анализов первоначально на территории Восточной Европы получили распространение мышьяковые бронзы, а позднее — оловянные. Первый тип сплава использовали в раннем и среднем бронзовом веке, а второй — в позднем. В пределах Восточной Европы бронза раньше всего появилась на Северном Кавказе (майкопская культура) и в Северо-Западном Причерноморье (позднетрипольская культура). Имеются все основания полагать, что в обоих регионах новый металл был в конечном счете заимствован из одного и того же источника — металлопроизводства Передней Азии. Затем, благодаря позднетрипольскому и главным образом майкопскому влиянию, он распространился по другим регионам Восточной Европы. Дальнейший ход развития восточноевропейского металлопроизводства эпохи бронзы во многом зависел от изме-

Archäologie recht düstere Zeiten. Die Feldarbeiten kamen weitgehend zum Erliegen, Fachliteratur gelangte kaum noch zur Veröffentlichung. Diese Situation änderte sich erst in der zweiten Hälfte des vergangenen Jahrhunderts, als eine ganze Reihe umfassender Publikationen erschien; zu nennen sind hier insbesondere die Monographien und Artikel O. A. Krivcova-Grakovas, A. I. Terenožkins, S. N. Bratčenkos, A. M. Leskovs, V. V. Otroščenkos, I. N. Šarafudinovas u. a.

Darüber hinaus wurden in dieser Zeit im Zuge des Aufbaus eines Bewässerungssystems in der Südukraine Grabungen durchgeführt. Sie zogen sich etwa über ein Vierteljahrhundert hin und erschlossen ein gewaltiges Territorium. Dank dieser Arbeiten gestaltet sich die Quellenlage heute ungleich besser. Auf der Grundlage des gewachsenen Fundguts konnten z. B. die relative Chronologie für die Bronzezeit präzisiert und neue Kultu-

Ил. 1. Каменное изваяние (с четырех сторон). Песчаник.

Село Керносовка, Украина

Abb. 1. Steinernes Standbild (Ansicht von vier Seiten). Sandstein.

Dorf Kernosovka, Ukraine

ren bestimmt werden (Abb. 1). Von besonderer Bedeutung war dabei die Entdeckung der Babino-Kultur, auch Kultur der Mehrwulstkeramik genannt, die sich vom Umfang her durchaus mit den so genannten Gorodcov-Kulturen (Grubengrab-, Katakombengrab- und Balkengrabkultur) vergleichen lässt. Sie ist am Ende der Mittelbronzezeit anzusetzen. Die Materialien, die Grabungen in Neubaugebieten erbrachten, warfen ein völlig neues Licht auf die Bronzezeit in der Ukraine. Eine entsprechende Neuinterpretation wurde im ersten Band des Werks Archäologie der Ukraine (Archeologija Ukraina 1985) vorgestellt.

Der Archäologie in Moldawien war ein ähnliches Schicksal beschieden wie jener in der Ukraine. Auch ihre Blütezeit fällt in die 1950–1980er Jahre, als in den Neubaugebieten Rettungsgrabungen stattfanden. Zu den wichtigsten Ergebnissen zählt die Entdeckung von Fundstätten der Grubengrab-, Katakombengrab- und Babino-Kultur in Moldawien, die bis dahin in diesem Gebiet noch nicht nachgewiesen werden konnten. Es folgte eine Reihe umfassender Publikationen, darunter Werke von A. I. Miljukova, G. I. Smirnova, V. A. Dergačev, E. A. Balagura, E. N. Savva u. a.

Mehrere Generationen russischer Archäologen trugen mithin umfangreiches und vielgestaltiges Fundgut aus der Bronzezeit in Osteuropa zusammen und werteten dieses in einer Weise aus, dass sich die Epoche heute wesentlich besser als noch vor 100 oder 50 Jahren darstellt. Zwar bleibt das Wissen bruchstückhaft, doch reicht es nunmehr aus, den kulturhistorischen Prozess in dieser weit zurückliegenden Zeit in groben Zügen zu skizzieren.

нений культурно-исторической ситуации, а также от некоторых природных факторов. К числу последних можно отнести неравномерное в территориальном отношении распределение запасов сырья. На всей огромной территории Восточной Европы известны только три области со значительными месторождениями меди (Кавказ, Урал и Карпато-Балканы), и все они локализируются на ее периферии. Центральная и самая обширная часть Восточной Европы оказалась в безрудной зоне. Это обстоятельство в значительной мере предопределило пространственную структуру местного металлопроизводства. Так, чтобы обеспечить себя металлическим инвентарем или сырьем для его производства, население безрудных регионов было вынуждено выстраивать сложную систему дальних и сверхдальних связей. Но с течением времени их необходимо было пересматривать, так как менялась геополитическая ситуация и перемещались центры металлопроизводства.

При всей значимости металлопроизводства и связанной с ним торгово-обменной системы основой экономики восточноевропейского бронзового века было сельское хозяйство. По сравнению с предшествующей эпохой в нем также произошли существенные изменения. Но прежде следует отметить, что оно в гораздо большей степени, чем металлопроизводство, зависело от природного фактора, который во многом предопределил направленность хозяйственной деятельности, ее специализацию. При том уровне развития технологии само по себе хозяйство не было в состоянии преобразовывать окружающую среду — оно могло к ней только приспособиться. В экологическом отношении Восточная Европа имеет ряд особенностей, которые нашли отражение в хозяйстве бронзового века. Конечно, на протяжении последних нескольких тысячелетий экология Восточной Европы менялась. Особенно существенное значение имели климатические колебания. Как было установлено, они носили циклический характер. Влажный, прохладный климат сменялся теплым и сухим и наоборот. Это приводило к сдвигу границ ландшафтных зон с юга на север и в обратном направлении. Но сами зоны сохраняли свой прежний облик, который был близок к современному (Кременецкий 1987. С. 21; Merpert 1996. P. 357).

В соответствии с огромными размерами Восточной Европы ее природно-климатические условия отличаются значительным разнообразием. В широтном направлении ее территорию пересекает около десяти ландшафтных зон и подзон — от полупустынь на юге до тундры на севере. Столь же заметно различается рельеф. Обширные равнины и низменности ограждены с юго-запада, северо-востока и юго-востока горными хребтами Карпат, Урала и Кавказа. На юге их омывают воды Черного, Азовского и Каспийского морей, а на севере границей Восточной Европы является побережье Ледовитого океана. С гор и возвышенностей стекает множество рек, некоторые из которых относятся к числу крупнейших водных артерий Европы. В эпоху бронзы растительность и животный мир Восточной Европы еще отличались девственным богатством и разнообразием. В бескрайних степях свободно паслись табуны диких лошадей и стада сайгаков; реки, озера и моря изобиловали ценными породами рыб и водоплавающей птицы. В лесах в большом количестве водились крупные копытные животные, зайцы, пушные звери.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что при всем природном обилии и разнообразии доминирующее положение в Восточной Европе занимали только две зоны: на севере — лесная, а на юге — степная. Эти зоны делили ее на две поч-

Als wichtigste Innovation dieser Zeit ist die Entdeckung eines neuen Metalls zu nennen: der Bronze. Bei ihr handelt es sich um eine künstliche Kupferlegierung, die in geringen Anteilen mit Arsen oder Zinn angereichert wird, in Ausnahmen auch mit anderen Metallen wie z. B. Blei oder Antimon. Mit ihren spezifischen technologischen und mechanischen Eigenschaften ist Bronze dem reinen Kupfer klar überlegen, so dass ihre Einführung einen ungeheuren Fortschritt in der Metallherstellung bedeutete. Wie aus chemischen Analysen hervorgeht, fanden in Osteuropa zunächst Arsenbronzen Verbreitung, die im Weiteren von Zinnbronzen abgelöst wurden. Erstere treten in der Früh- und Mittelbronzezeit auf, letztere in der Spätbronzezeit. In Osteuropa selbst sind die ältesten Bronzen für den Nordkaukasus (Maikop-Kultur) und das nordwestliche Schwarzmeergebiet (späte Tripolje-Kultur) belegt. Es deutet vieles darauf hin, dass beide Regionen das neue Metall aus derselben Quelle übernahmen, nämlich aus der Metallproduktion in Vorderasien. Dem Einfluss der späten Tripolje-Kultur, vor allem aber dem der Maikop-Kultur ist es zu verdanken, dass Bronze auch in anderen Regionen Osteuropas bekannt wurde. Die weitere Entwicklung der osteuropäischen Metallverarbeitung in der Bronzezeit hing dann weitgehend von Veränderungen der kulturhistorischen Situation ab, aber auch von einigen natürlichen Faktoren, zu denen u. a. das quantitativ unterschiedliche Rohstoffvorkommen in den einzelnen Regionen zählt. In dem ganzen weiträumigen Gebiet Osteuropas gibt es mit dem Kaukasus, Ural und dem Karpaten-Balkan-Gebiet lediglich drei Gegenden mit nennenswerten Kupfervorkommen, sie liegen zudem ausnahmslos an der Peripherie. Der mittlere und größte Teil Osteuropas stellt dagegen eine erlose Zone dar. Diese Tatsache wirkte sich entscheidend darauf aus, in welchen Gebieten überhaupt Metallverarbeitung entstand. Um über Metallinventar oder den Rohstoff für die Herstellung entsprechender Gegenstände zu verfügen, musste die Bevölkerung aus den erzlosen Regionen ein kompliziertes System von Beziehungen in ferne und sehr ferne Gegenden aufbauen. Obendrein mussten diese umstrukturiert werden, sobald sich die geopolitische Situation änderte und sich die Zentren der Metallverarbeitung verlagerten.

Bei aller Bedeutung der Metallverarbeitung und dem mit ihr verbundenen (Tausch)Handel blieb die ökonomische Grundlage im bronzezeitlichen Osteuropa doch die Landwirtschaft, selbst wenn auch in diesem Bereich Veränderungen gegenüber der vorausgegangenen Epoche zu beobachten sind. Diese fußen vornehmlich auf dem Umstand, dass die Landwirtschaft in noch wesentlich stärkerem Maße als die Metallverarbeitung von natürlichen Bedingungen abhing. Sie beeinflussten die Kontinuität der wirtschaftlichen Tätigkeit ebenso wie ihre Spezialisierung. Bei dem damaligen Stand der technologischen Entwicklung konnte man sich die Umwelt noch nicht gefügig machen, sondern sich ihr nur anpassen. In wirtschaftlicher Hinsicht wies Osteuropa eine Reihe von Besonderheiten auf, die sich auch in der bronzezeitlichen Landwirtschaft widerspiegeln. Selbstverständlich hat es in den letzten Jahrtausenden immer wieder Veränderungen in der Ökologie Osteuropas gegeben; zu denken ist hier bloß an Klimaveränderungen, die, wie mittlerweile nachgewiesen werden konnte, zyklischen Charakter hatten. Feuchtes Kaltklima wurde von trockenem Warmklima abgelöst und umgekehrt. Dies führte zu einer Verschiebung der Landschaftsgrenzen von Süden nach Norden und umgekehrt. Die Zonen selbst behielten ihren ursprünglichen Charakter jedoch bei, der weitgehend dem heutigen entspricht (Кременецкий 1987. С. 21; Merpert 1996. P. 357).

Da sich Osteuropa über ein weiträumiges Territorium erstreckt, dürfen keine einheitlichen naturräumlichen und klima-

ти равные половины. Причем первая из них с некоторыми оговорками может рассматриваться как прямое продолжение западносибирской тайги, а вторая — как часть Великого пояса азиатских степей. В климатическом отношении Восточная Европа также стоит ближе к своим азиатским, нежели к европейским соседям. На большей ее части господствует континентальный или даже резко континентальный климат. В целом природно-климатические условия Восточной Европы являются гораздо более суровыми, чем в других районах европейского континента. Очевидно, по этой причине на ее территории в течение бронзового века земледельческое хозяйство не получило сколько-нибудь широкого распространения. Для этой эпохи оно достоверно зафиксировано только в двух южных регионах — на Северном Кавказе и в Северо-Западном Причерноморье (Янушевич 1986. С. 7, 8, 20, 79; Пашкевич 2000. С. 404–418; Sava 2002. P. 102; Paskevich 2003; Лисицына, Прищепенко 1977. С. 64–67; Котович 1982. С. 115–164; Гаджиев 1991. С. 177–180). Но и здесь оно не было постоянным. В силу различных причин его развитие неоднократно прерывалось на довольно длительное время. Таким образом, и в этих регионах не сложилось долговременной и непрерывной земледельческой традиции. На остальной территории Восточной Европы, как показали палинологические анализы и археоботанические исследования, признаки земледелия в бронзовом веке встречаются очень редко (Kremenetski et al. 1999. P. 230–242; Kremenetski 1995. P. 289–300; Popova 2007. P. 98–119; Черных и др. 1997. С. 27–28; Лебедева 2005. С. 50–68).

Эти данные позволили сделать вывод о крайне слабом развитии земледелия в эпоху бронзы на всем пространстве степи и лесостепи от Зауралья до Приднепровья (Черных и др. 1997. С. 28; Černych et al. 1998. S. 234–240; Boroffka, Mentu-Zazarovici 2011. S. 148–169). Еще менее вероятным кажется его распространение в северной половине Восточной Европы, где природно-климатические условия еще менее благоприятны, а почвы малоплодородны.

Зато имеется множество материалов, которые говорят о широчайшем распространении скотоводства в Восточной Европе в бронзовом веке. Оно оказалось той отраслью экономики, которая лучше других сумела адаптироваться к суровой природе этой части европейского континента. Скотоводческое хозяйство, по мнению многих отечественных исследователей, абсолютно преобладало в эпоху бронзы как в степной, так и лесостепной зоне Восточной Европы (Косинцев 1996; Косинцев, Рослякова 2000; Мерперт 1974; Сальников 1987; Зданович 2002; Виноградов 2011; Журавлев 2001). В то время скот также начали разводить в лесных и даже в таежных регионах (Крайнов, Лозе 1987; Крайнов 1987). Нередко здесь это сочеталось с активной охотой и рыболовством (Ошибкина 1987). В горных районах Северного Кавказа в течение эпохи бронзы скотоводство также оставалось ведущей отраслью экономики (Мунчаев 1994; Марковин 1994).

Согласно данным палеозоологов, в это время были уже хорошо известны все основные виды крупного и мелкого рогатого скота. Их разводили в значительном количестве. Но свиноводство было развито очень слабо. Оно преимущественно встречается у земледельческих народов. Зато в скотоводческих культурах Восточной Европы и Казахстана значительное развитие получило коневодство. Уже тогда в нем наметилась некая специализация. В частности, были выведены группы «колесничих лошадей» (Косинцев 2010). Это было вызвано тем, что с течением времени возросло военное значение лошади.

тишеских Bedingungen erwartet werden. In Breitenrichtung lassen sich rund ein Dutzend Landschaftszonen und Unterzonen festhalten, von der Halbwüste im Süden bis zur Tundra im Norden. Entsprechend stark variiert das Relief. Breite Ebenen und Senken werden im Südwesten, Nordosten und Südosten von den Kämmen der Karpaten, des Urals und des Kaukasus begrenzt. Im Süden liegen das Schwarze, das Asowsche und das Kaspische Meer, im Norden der Arktische Ozean. In den Bergen und Hügeln entspringen zahlreiche Flüsse, von denen einige zu den größten Europas gehören. In der Bronzezeit prägte die Flora und Fauna Osteuropas noch der ursprüngliche Reichtum und eine unvorstellbare Vielfalt. In den endlosen Steppen grasten Herden von Wildpferden und Saigas; die Flüsse, Seen und Meere protzten geradezu mit ihrem Bestand an Edelfischen und Wasservögeln. In den Wäldern lebten zahlreiche große Huftiere, Wildschweine, Hasen und Pelztiere.

Gleichzeitig sei betont, dass bei allem Reichtum und aller Vielfalt der Natur in Osteuropa es eigentlich nur zwei beherrschende geographische Zonen gibt, nämlich die Waldzone im Norden und die Steppenzonen im Süden. Sie teilen den Raum in zwei annähernd gleiche Hälften. Die eine der beiden kann dabei mit gewissen Vorbehalten als direkte Fortsetzung der westsibirischen Taiga verstanden werden, während die andere einen Teil des großen asiatischen Steppengürtels bildet. Klimatisch ist Osteuropa ohnehin eher mit seinen asiatischen als mit seinen europäischen Nachbarn zu vergleichen. Es herrscht weitgehend Kontinental- oder sogar ausgeprägtes Kontinentalklima. Die natürlich-klimatischen Bedingungen stellen sich in Osteuropa insgesamt rauer dar als in anderen Gebieten des europäischen Kontinents. Aus diesem Grund dürfte die Landwirtschaft in der Bronzezeit auch nicht sonderlich weit verbreitet gewesen sein. Für diese Epoche ist sie allein in zwei südlichen Regionen sicher nachgewiesen, im Nordkaukasus und im nordwestlichen Schwarzmeergebiet (Янушевич 1986. С. 7, 8, 20, 79; Пашкевич 2000. С. 404–418; Sava 2002. P. 102; Paskevich 2003; Лисицына, Прищепенко 1977. С. 64–67; Котович 1982. С. 115–164; Гаджиев 1991. С. 177–180), doch auch hier nicht durchgängig. Aufgrund unterschiedlicher Gründe riss ihre Entwicklung wiederholt für recht lange Zeit ab. Letzten Endes hat sich damit auch in diesen Gebieten keine langfristige, kontinuierliche Ackerbautradition herausgebildet. Im übrigen Osteuropa konnten durch palynologische Analysen und archäobotanische Untersuchungen für die Bronzezeit nur sehr selten Hinweise auf landwirtschaftliche Tätigkeit erbracht werden (Kremenetski et al. 1999. P. 230–242; Kremenetski 1995. P. 289–300; Popova 2007. P. 98–119; Черных и др. 1997. С. 27–28; Лебедева 2005. С. 50–68).

Diese Beobachtungen erlauben es, in den Steppen und Waldsteppen vom Ural-Hinterland bis zum Dneprgebiet von einer nur schwach ausgeprägten bronzezeitlichen Landwirtschaft zu sprechen (Черных и др. 1997. С. 28; Černych et al. 1998. S. 234–240; Boroffka, Mentu-Zazarovici 2011. S. 148–169). Noch unwahrscheinlicher mutet ihre Verbreitung in der nördlichen Hälfte Osteuropas an, waren die natürlich-klimatischen Bedingungen dort doch noch ungünstiger, verbunden mit einem wenig fruchtbaren Boden.

Dagegen liegen unzählige Hinweise für die große Bedeutung der Viehzucht in der Bronzezeit Osteuropas vor. Diese Wirtschaftsform zeigte sich am besten imstande, sich an die raue Natur dieses Teils des europäischen Kontinents anzupassen. Nach Ansicht zahlreicher russischer Wissenschaftler dominierte die Viehzucht in der hier betrachteten Zeit absolut, und zwar sowohl in den Steppen als auch in den Waldsteppen Osteuropas (Косинцев 1996; Косинцев, Рослякова 2000; Мерперт 1974; Сальников

Судя по этнографическим и историческим данным, существовали и существуют несколько типов скотоводства (придомное, отгонное, кочевое и т. д.). Нередко они смешиваются, скрещиваются. Вероятно, такой же сложной и пестрой была картина уже в бронзовом веке. Тем не менее многие археологи и палеозоологи полагают, что в то время преобладала придомная, пастушеская модель скотоводства (Сальников 1967; Мерперт, Пряхин 1979; Косинцев, Рослякова 2000; Писларий 1993; Бунатян, Отрощенко 1993). Но некоторые авторы утверждают, что уже в период ранней бронзы в южнорусских степях возникло кочевое скотоводство. Вполне вероятно, что тогда же были известны и другие формы содержания и выпаса скота. Однако сейчас на этот вопрос ответить трудно.

Но как бы в будущем он ни решался, очевидно, неизменным останется вывод о доминирующем положении скотоводства в экономике бронзового века Восточной Европы. Поэтому смело можно утверждать, что восточноевропейская археология бронзового века по преимуществу является археологией скотоводческих культур. Эти культуры занимали почти всю южную половину Восточной Европы и значительную часть ее лесной зоны. По численности они превосходили все остальные культуры. Но дело не только в этом количественном показателе. Судя по всему, им принадлежала ведущая роль в культурно-историческом развитии Восточной Европы на протяжении почти всей эпохи бронзы. В значительной мере благодаря именно им эта эпоха приобрела свои характерные черты. Поэтому в дальнейшем изложении им будет уделено основное внимание. При этом, конечно, нельзя упускать из виду культуры охотников-рыболовов и особенно земледельцев. Без них картина будет неполной и односторонней. В некоторых случаях их роль была очень значительной. Достаточно вспомнить так называемый майкопский феномен. В целом следует сказать, что долговременное взаимодействие культур с различной хозяйственной специализацией является одной из примечательных черт восточноевропейского бронзового века.

Как давно было установлено в культурной антропологии, хозяйство и культура архаических народов были тесно связаны между собой. Это положение легло в основу концепции культурно-хозяйственных типов, разработанной в нашей этнографии. В адаптированном виде эта концепция также используется в археологии. Например, в отдельные группы принято выделять археологические культуры (АК) ранних земледельцев, таежных охотников-рыболовов и т. д. Эта классификация оказалась полезной тем, что через призму хозяйственной специализации удается удовлетворительно объяснить некоторые особенности АК.

К числу таких особенностей можно отнести огромные размеры территорий, занятые скотоводческими АК эпохи бронзы. Нередко они простираются на тысячи километров. В качестве примера укажем на бабинскую и срубную АК. Ареалы этих культур превосходят территории, занимаемые любой земледельческой АК Европы того времени. Судя по всему, отмеченная особенность скотоводческих АК объясняется в основном хозяйственными причинами. Очевидно, для выпаса скота требовалось гораздо больше земли, чем для выращивания зерновых. К этому следует добавить, что границы скотоводческих АК не были постоянными. Они сравнительно часто менялись, и как правило, в сторону расширения. Отчасти это было обусловлено особенностями протекания процесса культурогенеза. Так, было установлено, что формирование скотоводческих АК носило моноцентрический характер (Братченко 2001; Литвиненко 2001; Лит-

1987; Зданович 2002; Виноградов 2011; Журавлев 2001). Zudem fing man in der Bronzezeit an, auch in den Sand- und Taigaregionen Vieh zu züchten (Крайнов, Лозе 1987; Крайнов 1987; Ошибкина 1987). Häufig ging dies mit Jagd und Fischfang einher (Ошибкина 1987). In den Bergregionen des Nordkaukasus stellte die Viehzucht auch in der Bronzezeit den führenden Wirtschaftszweig dar (Мунчаев 1994; Марковин 1994).

Paläozoologische Untersuchungen beweisen, dass in dieser Zeit Rinder, Schafe und Ziegen bereits in großem Umfang gezüchtet wurden. Die Schweinezucht war dagegen nur schwach entwickelt. Sie ist hauptsächlich bei Ackerbau treibenden Völkern anzutreffen. In den Viehzückerkulturen Osteuropas und Kasachstans war stattdessen die Pferdezucht verbreitet. Bereits zur damaligen Zeit ist eine gewisse Spezialisierung zu beobachten; so ließen sich beispielsweise Gruppen nachweisen, die Pferde als Zuchttiere für Streitwagen züchteten (Косинцев 2010); dies erklärt sich mit der zunehmenden militärischen Bedeutung dieser Tiere.

Die Ergebnisse ethnographischer und historischer Untersuchungen legen nahe, dass mehrere Formen von Viehzucht existierten respektive immer noch existieren (Weideviehzucht, Transhumanz, nomadische Viehzucht usw.). Nicht selten treten sie in Mischformen auf. Vermutlich dürfte sich bereits in der Bronzezeit ein ähnlich farbiges Bild geboten haben. Gleichwohl nehmen zahlreiche russische Archäologen und Paläozoologen an, in dieser Zeit habe die Weideviehzucht dominiert (Сальников 1967; Мерперт, Пряхин 1979; Косинцев, Рослякова 2000; Писларий 1993; Бунатян, Отрощенко 1993). Andere sind dagegen der Ansicht, bereits in der Frühbronzezeit habe es in den südrussischen Steppen nomadische Viehzucht gegeben. Möglicherweise waren damals auch schon weitere Formen der Viehhaltung bekannt, diese Frage lässt sich heute schwer beantworten.

Wie auch immer dieses Problem in der Zukunft entschieden werden mag, scheint doch eine Tatsache unabänderlich: In der Bronzezeit dominierte in Osteuropa in der Wirtschaft die Viehzucht. Deshalb sei an dieser Stelle auch die kühne Vermutung gewagt, die bronzezeitliche Osteuropaarchäologie sei vornehmlich eine Forschung zu Viehzückergesellschaften. Diese waren nahezu in der gesamten Südhälfte Osteuropas verbreitet und sind für einen großen Teil der Waldzone belegt. Ihre Zahl übersteigt die aller anderen Kulturen. Allein, die Quantität ist hier nicht ausschlaggebend: Allem Anschein nach kam diesen Kulturen auch die führende Rolle in der kulturhistorischen Entwicklung Osteuropas fast während der gesamten Bronzezeit zu. Ihnen hat diese Epoche ihre markanten Züge zu danken. Aus diesem Grund soll ihnen in den weiteren Ausführungen besondere Aufmerksamkeit zuteil werden, selbst wenn Kulturen, in denen Fischfang und Jagd, vor allem aber Ackerbau dominierten, nicht außer Acht gelassen werden sollen, wäre ohne sie das Bild doch unvollständig und einseitig, haben sie doch in Einzelfällen eine ganz entscheidende Rolle gespielt. In diesem Zusammenhang sei nur auf das so genannte Maikop-Phänomen verwiesen. Festzuhalten bleibt jedoch zunächst, dass die dauerhafte Koexistenz von Kulturen mit einer bestimmten wirtschaftlichen Spezialisierung eines der markantesten Charakteristika für das bronzezeitliche Osteuropa ist.

Wie die Kulturanthropologie schon vor langer Zeit nachgewiesen hat, bestand bei archaischen Völkern zwischen Wirtschaft und Kultur eine enge Verbindung. Diese Hypothese bildete auch die Grundlage für das Konzept der kultur-ökonomischen Typen, das von der russischen Ethnographie erarbeitet worden ist. Mit gewissen Adaptionen findet es auch in der Archäologie Anwendung, wenn etwa archäologische Kulturen der frühen Ackerbauern, der Taiga-Fischer und -Jäger u.ä. zu einzel-

виненко 2005; Отрощенко 2005). Каждая из них развилась из сравнительно небольшого первичного ядра, которое, постепенно расширяясь, занимало все новые и новые территории. В этом процессе действовали не только центробежные силы, но и локальные факторы. В результате возникала большая группа родственных культурных образований, которая порой занимала территорию в сотни тысяч квадратных километров. В нашей литературе такие группы получили название культурно-исторических общностей. Типичным примером является катакомбная общность. В нее входит около десятка АК, одну из которых в свое время открыл В. А. Городцов. Ареал этих культур охватывает все пространство степи и лесостепи от Волги до Прута. Между тем их первичное ядро занимало сравнительно узкую полосу степи вдоль побережья Азовского моря (Братченко 2001).

Расширение или, напротив, сужение ареалов скотоводческих АК происходило и по другим причинам. Это могло быть вызвано самим характером хозяйственной деятельности этих культур. Как известно, скотоводство (особенно его специализированные формы) весьма зависело от окружающей природной среды. Существенные изменения этой среды (длительные засухи, суровые продолжительные зимы и т. д.) немедленно сказывались на экономике и в конечном счете на демографии местного населения. Причем резкое ухудшение или, напротив, улучшение ситуации зачастую приводило к одним и тем же последствиям — к перемещению населения на новые земли (Бочкарев 2002). Судя по археологическим данным, такого рода события непрерывно происходили на протяжении бронзового века. В связи с этим можно назвать часто упоминаемые в литературе миграции населения ямной, срубной и бабинской АК. Конечно, вполне вероятно, что эти перемещения, кроме всего прочего, часто были вызваны военными причинами. Как хорошо известно из письменных источников, войны и угроза применения силы были обычными средствами решения различного рода конфликтов у многих скотоводческих народов. Надо полагать, что особенно часто они использовались во время стихийных бедствий, когда возникала необходимость передела пастбищ и дележа скота.

Вынужденные и частые перемещения скотоводческих общин приводили к смешению их культур, к смазыванию отчетливых границ между ними. В результате возникала так называемая культурная непрерывность, которую Е. Н. Черных назвал степным синдромом (Черных 2007). Археологически это выражается в том, что в типологическом отношении сходные культуры иногда очень слабо отличаются друг от друга. Часто остается неясным, где кончается одна из них и начинается другая. Особенно трудно различимы бывают АК, входящие в одну общность.

Частые перемещения на новые земли или даже сама психологическая готовность к ним очень сказывались на быте, материальной культуре и менталитете скотоводческого населения. В большей или меньшей мере это находит отражение в археологическом материале. Так, у ряда восточноевропейских АК бронзового века отсутствуют поселения или они известны в очень незначительном количестве. К числу таковых относятся, например, ямная и фатьяновская культуры. Этот факт дает основания предполагать, что их население вело кочевой образ жизни. Но у большинства скотоводческих АК поселения хорошо известны. У некоторых из них (например, у срубной АК) они открыты в очень значительном количестве. Но среди них практически нет долговременных поселений. Как правило, это остатки деревушек с тонким культурным слоем и небольшим количе-

вен Gruppen zusammengefasst werden. Diese Klassifikation besticht dadurch, dass mit der wirtschaftlichen Spezialisierung nunmehr einige Besonderheiten archäologischer Kulturen zu erklären sind.

Zu diesen Besonderheiten zählen die großen Territorien, auf denen in der Bronzezeit Viehzucht betrieben wurde; nicht selten erstrecken sie sich über Tausende von Kilometern. Als Beispiel sei auf die Fatjanovo- oder die Balkengrabkultur verwiesen. Die Verbreitungsgebiete dieser Kulturen sind größer als jedes Gebiet, das irgendeine Ackerbau treibende Zivilisation Europas in dieser Zeit einnimmt. Allem Anschein nach erklärt sich diese Besonderheit der Viehhaltergesellschaften vornehmlich durch ihre besondere Wirtschaftsform. Um das Vieh zu weiden, ist eine weitaus größere Fläche nötig als für den Anbau von Getreide. Dem ist noch hinzuzufügen, dass die Grenzen archäologischer Kulturen mit Viehzucht nicht fest umrissen waren. Sie verschoben sich relativ häufig, meist aufgrund von Gebietserweiterungen. Teilweise dürfte das auf den spezifischen Prozess ihrer Kulturgeneese zurückzuführen sein. So konnte bereits nachgewiesen werden, dass diese Kulturen in ihrer Entstehungsphase nur ein Zentrum haben (Братченко 2001; Литвиненко 2001; Литвиненко 2005; Отрощенко 2005). Aus diesem recht kleinen Kern heraus entstand sukzessive ein großes Gebiet, indem immer neue Territorien erschlossen wurden. Bei diesem Prozess kamen nicht nur zentrifugale Kräfte, sondern auch lokale Faktoren zum Tragen. Das Ergebnis war dann eine recht große Gruppe verwandter Kulturformationen, die sich mitunter in einem Gebiet von hunderttausend Quadratkilometern belegen ließ. In der russischen Fachliteratur werden diese Gruppen als kulturhistorische Gemeinschaften bezeichnet. Ein typisches Beispiel für dieses Phänomen ist mit der Katakombengrabkultur gegeben, zu der etwa ein Dutzend archäologischer Kulturen zählen. Eine von ihnen wurde noch von V. A. Gorodčov entdeckt. Das Verbreitungsgebiet dieser Kulturen erstreckt sich über den gesamten Steppen- und Waldsteppenraum von der Wolga bis zum Prut — ihr Kern ist jedoch in dem relativ schmalen Streifen an der Küste des Asowschen Meers zu verorten (Братченко 2001).

Die Erweiterung, aber auch die Verringerung des Verbreitungsgebiets der Viehzüchtergesellschaften kann jedoch auch andere Gründe haben, beispielsweise die Art ihrer wirtschaftlichen Tätigkeit selbst. Viehzucht und insbesondere ihre spezialisierten Formen hängen stark von der umgebenden Umwelt ab. Tiefgreifende Veränderungen wie lange Trockenphasen, strenge Winter u. ä. wirken sich in diesem Fall direkt auf die Wirtschaft und damit letzten Endes auf die Demographie der Bevölkerung aus. Mitunter zog eine gravierende Verschlechterung ebenso wie eine entscheidende Verbesserung der Lebenssituation dieselben Folgen nach sich, nämlich die Abwanderung in ein neues Gebiet (Бочкарев 2002). Wie archäologische Untersuchungen zeigten, kam es in der Bronzezeit unablässig zu den hier beschriebenen Veränderungen. In diesem Zusammenhang sei auch auf die in der Literatur häufig erwähnten Wanderungen der Grubengrab-, Balkengrab- und Babino-Kultur verwiesen. Selbstverständlich könnten diese Bewegungen aber auch durch Kriege ausgelöst worden sein.

Wie aus Schriftquellen bekannt, waren Kriege und die Drohung, Gewalt anzuwenden, bei zahlreichen Viehzüchtereigenschaften übliche Mittel zur Lösung eines Konflikts. Zu vermuten ist, dass sie gerade im Zuge von Naturkatastrophen zur Anwendung kamen, wenn es nötig wurde, neue Weideflächen zu gewinnen oder den Viehbestand aufzufüllen.

Die erzwungenen und häufigen Wanderungen der Viehhaltergemeinschaften führten zur Vermischung einzelner Kulturen,

своём построек. Эти последние представлены наземными сооружениями, но чаще всего — землянками и полуземлянками. Для их строительства использовались земля, глина, дерево, камыш и очень редко камень и сырец. Исключения составляли только постройки некоторых северокавказских АК. В них довольно широко использовались камень и дерево. Описанные жилища в основном предназначались для проживания людей и стойлового содержания скота в зимнее время. Все они по сравнению с аналогичными сооружениями земледельческих АК Европы кажутся примитивными и малокомфортабельными убежищами (Harding 2000). В таком жалком состоянии они находились на протяжении всей эпохи бронзы. Кажется, не было ни одной попытки как-то улучшить их архитектуру.

Отсутствие традиций прочной и долговременной оседлости сказалось не только на домостроительстве. Очевидно, это стало одной из причин слабого развития керамического производства у населения скотоводческих АК Восточной Европы. Оно оставалось на довольно низком уровне и по всем основным показателям заметно уступало гончарству синхронных земледельческих культур. Конечно, с течением времени в нем происходили определенные изменения — появлялись новые приемы изготовления, менялись формы керамики и орнаментальные стили. Но все это не сопровождалось улучшением качества изделий. Иногда оно даже ухудшалось. Так, в заключительный период поздней бронзы (XII–X вв. до н. э.) в Волго-Уральском регионе вновь начали использовать примитивную круглодонную керамику, украшенную маловыразительным орнаментом (Чижевский 2008).

В несравненно лучшем состоянии находилось металлопроизводство скотоводческих АК Восточной Европы. В некоторые периоды эпохи бронзы оно оказывалось одним из самых передовых во всей Северной Евразии. Прежде всего, следует отметить его раннее появление. Уже в IV тыс. до н. э. сначала на Кавказе и в Северо-Западном Причерноморье, а затем в степях распространилась мышьяковая и сурьмяная бронза, технология литья по восковой модели, сравнительно разнообразный ассортимент изделий (проушные топоры, тесла, долота, ножи, разнообразные украшения и прочее). Безусловно, лидирующее положение тогда принадлежало кавказскому очагу металлопроизводства. На протяжении ранней и средней бронзы его влиянием была охвачена вся южная половина Восточной Европы. Благодаря этому обстоятельству местные металлургия и металлообработка удерживались на достаточно высоком технологическом уровне. Следует отметить, что в степных и лесостепных регионах Восточной Европы наряду с кавказскими стереотипами постепенно начали возникать и собственные стандарты производства. Особенно активно процесс их создания протекал в конце эпохи средней бронзы на северной и северо-восточной периферии зоны кавказского влияния (на Южном Урале, в Среднем Поволжье). Возникшие здесь новые типы орудий, оружия и украшений впоследствии оказались в числе ведущих категорий металлургического инвентаря начальной поры эпохи поздней бронзы (XX–XVI вв. до н. э.).

На большей территории Восточной Европы позднебронзовый век начался вместе с формированием волго-уральского очага культурогенеза (Бочкарев 2010), в недрах которого возник новый очаг металлопроизводства, постепенно вытеснивший кавказскую модель на всем пространстве степи и лесостепи от Южного Урала и Среднего Поволжья до Поднепровья и Прикубанья. Вместе с ним появился ряд

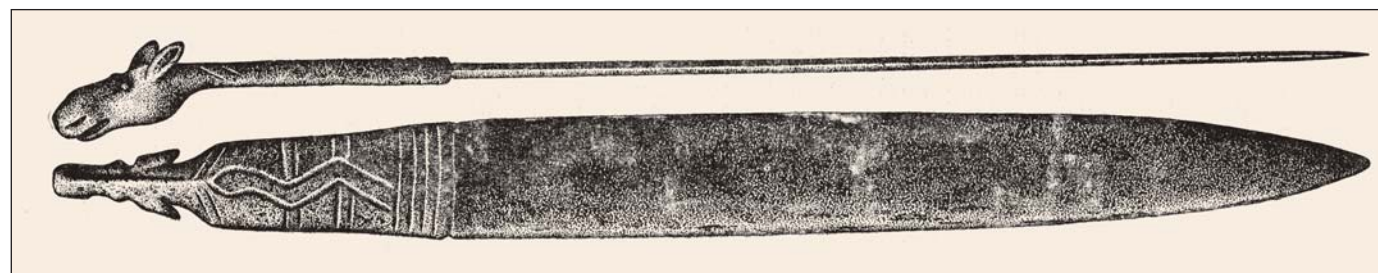
klare Grenzen zwischen ihnen wurden aufgeweicht. Die Folge davon war das so genannte kulturelle Kontinuum, wie E. Z. Černych dieses Steppenphänomen nannte (Черных 2007). Archäologisch drückt sich dies in dem Umstand aus, dass typologisch ähnliche Kulturen mitunter kaum gegeneinander abzugrenzen sind. Häufig bleibt unklar, wo eine Kultur anfängt und die andere aufhört. Besonders schwer sind dann jene archäologischen Kulturen voneinander zu unterscheiden, die ohnehin zu einer Gruppe gehören.

Die vielfachen Wanderungen in neue Gebiete oder auch nur die innerliche Bereitschaft aufzubrechen spiegeln sich auch im Alltag, in der materiellen Kultur und in der Mentalität der Viehzüchter wider. All das lässt sich auch im archäologischen Material erkennen, freilich mal in stärkerer, mal in schwächerer Form. Bei einer Reihe osteuropäischer archäologischer Kulturen der Bronzezeit fehlen Siedlungen beispielsweise entweder ganz oder konnten nur in sehr kleiner Zahl nachgewiesen werden, so bei der Grubengrab- oder der Fatjanovokultur. Man darf deshalb wohl annehmen, dass ihre Bevölkerung ein nomadisches Leben führte. Für die meisten archäologischen Kulturen mit Viehzucht sind jedoch Siedlungen belegt, bei einigen, so der Balkengrabkultur, wurden sie sogar in großer Zahl freigelegt. Allerdings handelte es sich dabei fast niemals um dauerhafte Siedlungen, sondern meist um Überreste von Hüttendörfern mit nur dünner Nutzungsschicht und wenigen Bauten. Letztere konnten zwar auch über Bodenniveau errichtet worden sein, waren jedoch meist Erdhütten oder eingetiefte Hütten. Für ihre Errichtung wurden in der Regel Erde, Lehm, Holz und Schilf, doch nur sehr selten Steine oder Rohziegel genutzt. Ausnahmen stellen lediglich einige archäologische Kulturen im Nordkaukasus dar, die in großem Umfang Stein und Holz für den Hausbau verwendeten. Die beschriebenen Bauten dienten überwiegend als Unterkunft für die Menschen und im Winter als Stall für die Tiere. Im Vergleich zu den europäischen archäologischen Kulturen mit Ackerbau nehmen sie sich geradezu primitiv und unkomfortabel aus (Harding 2000). Daran sollte sich im Laufe der gesamten Bronzezeit nichts ändern; offenbar versuchte niemand, die Architektur zu verbessern.

Das Fehlen einer Tradition von dauerhafter oder langfristiger Sesshaftigkeit wirkte sich indes nicht nur auf den Hausbau aus. Es dürfte auch einer der Gründe für die bei den Viehhalterkulturen Osteuropas nur schwach entwickelte Keramikherstellung sein. Dieser Produktionszweig fristete sein Dasein auf einem sehr bescheidenen Niveau und blieb in allen entscheidenden Bereichen klar hinter der Töpferkunst synchroner Kulturen mit Ackerbau zurück. Selbstverständlich lassen sich mit der Zeit Veränderungen beobachten; es kamen neue Herstellungstechniken auf, die Form der Gefäße und der Ornamentierungsstil variierten. All das ging jedoch nicht mit einer qualitativen Verbesserung der Ware einher, im Gegenteil, mitunter muss sogar eine Verschlechterung konstatiert werden. Verwiesen sei hier auf die Schlussphase der Spätbronzezeit, als man in der Wolga-Ural-Region zur primitiven rundbodigen Keramik zurückkehrte, die mit einem wenig markanten Ornament verziert war (Чижевский 2008).

Weitaus besser ist es um die Metallverarbeitung der osteuropäischen Viehhalterkulturen bestellt. Für einige Perioden der Bronzezeit darf sie sogar als führend in ganz Nordeurasien gelten. In erster Linie muss hier natürlich die frühe Einführung dieses Metalls erwähnt werden. Bereits im 4. Jahrtausend v. Chr. setzte die Verbreitung von Arsen- und Antimonbronzen zunächst im Kaukasus und im nordwestlichen Schwarzmeergebiet, später auch in den Steppen ein; damit einher gingen der Guss mit einem Wachsmo- dell und ein breit gefächertes Sortiment an Produkten (Äxte mit Ösen, Dechsel, Meißel, Messer, mannigfalti-

важных технических новаций. Важнейшими из них следует назвать использование оловянных бронз (вместо мышьяковых и сурьмяных) и каменных литейных форм (вместо глиняных), а также освоение литья изделий (взамен ковки) со слепой втулкой (Бочкарев 1981). Эти технологические приемы были тесно связаны между собой и отчасти взаимно обусловлены. Конечным результатом их комплексного применения стало широкое распространение литья как основного способа изготовления металлических изделий. Новая технология как нельзя лучше отвечала стремлению наладить серийный выпуск продукции. Полнее всего эти технологии были реализованы в металлопроизводстве культур сабатиновской и особенно ноуа, занимавших в эпоху поздней бронзы территорию Юго-Восточного Прикарпатья и Северного Причерноморья. Население этих культур имело

Ил. 2. Плоский кинжал со скульптурной головкой лося. Бронза. Сейминский могильник, Нижегородская область
Abb. 2. Flachdolch mit figürlich gearbeitetem Elchkopf. Bronze. Gräberfeld Sejminskij, Gebiet Nižnij Novgorod

комплексное хозяйство: оно занималось как скотоводством, так и земледелием. Местные мастерские в сравнительно большом количестве отливали оружие, украшения, орудия труда. Литье серпов, с помощью которых жали зерновые и заготавливали сено, достигло большого размаха. Но известны скотоводческие культуры, металлопроизводство которых также было ориентировано на выпуск серийной продукции. К числу таковых может быть отнесена срубная культура. Судя по доступным данным, в ней сравнительно широко использовался разнообразный металлический инвентарь. В частности, в большом количестве известны серпы-косари так называемого срубного типа. Многочисленность их находок, очевидно, говорит в пользу того, что в срубной культуре металлические изделия были доступны уже очень широкому кругу потребителей. Надо понимать, что вместе с этим возросло и экономическое значение этих изделий. В скотоводческих общинах упомянутые серпы-косари использовались для заготовки сена, которое в зимний период шло на корм скоту (Дергачев, Бочкарев 2002). Таким образом, они играли очень важную хозяйственную роль. Поэтому прекращение производства этих орудий в конце эпохи поздней бронзы, возможно, стало одной из причин кризиса скотоводческой системы на значительной части Восточной Европы.

В целом можно сказать, что металлургия скотоводческих АК Восточной Европы по уровню своего развития, объему выпускаемой продукции и ее ассортименту не уступала аналогичному производству земледельческих АК Европы. В эпоху ранней и средней бронзы (IV–III тыс. до н. э.) она его даже превосходила. Затем положение выровнялось. Но в самом конце эпохи поздней бронзы наметилось ее отставание. Правда, еще в начале этой эпохи кузнецы-литейщики скотоводческих культур успели сделать ряд важных изо-

ге Schmuckstücke u. a.). Dem Kaukasus kam damals ohne Frage die führende Rolle in der Metallverarbeitung zu. Im Verlauf der gesamten Früh- und Mittelbronzezeit stand die südliche Hälfte Osteuropas unter seinem Einfluss. Die lokale Metallurgie und Metallverarbeitung konnte sich so auf einem recht hohen Niveau halten. In diesem Zusammenhang sei auch erwähnt, dass in den Steppen und Waldsteppen Osteuropas neben aus dem Kaukasus übernommenen Produktionsformen nach und nach auch eigene Methoden aufkamen. Dies lässt sich insbesondere am Ende der Mittelbronzezeit in der nördlichen und nordöstlichen Peripherie des kaukasischen Einflussbereichs beobachten, also im Süd-Ural und im mittleren Wolgagebiet. Es wurden neue Typen von Waffen, Werkzeugen und Schmuckstücken entwickelt, die charakteristisch für das Metallinventar zu Beginn der Spätbronzezeit (20.–16. Jahrhundert v. Chr.) werden sollten.

In Osteuropa setzte die späte Bronzezeit mit der Entstehung des Zentrums der Wolga-Ural-Kulturgenese ein (Бочкарев 2010). Hier bildete sich wiederum ein neues Zentrum der Metallverarbeitung heraus, das den Kaukasus-Einfluss nach und nach im gesamten weiträumigen Gebiet der Steppe und Waldsteppe vom Süd-Ural und dem mittleren Wolgagebiet bis hin zum Dnepr- und Kubangebiet zurückdrängte. Parallel dazu kam es zu einer Reihe technischer Innovationen. Als bedeutendste sind in diesem Zusammenhang Zinnbronzen (statt Arsen- und Antimonbronzen) und steinerne Gussformen (anstelle von Tonformen) zu nennen, aber auch die Entwicklung des Gusses in verlorener Form (Бочкарев 1981). Diese Neuerungen waren aufs Engste miteinander verbunden und bedingten einander teilweise gegenseitig. Das Ergebnis ihrer Anwendung war die Verbreitung des Gusses als bevorzugte Form bei der Herstellung dieser Kulturen betrieb sowohl Viehzucht als auch Ackerbau. Die lokalen Schmiede gossen in recht großem Umfang Waffen, Schmuckstücke und Werkzeuge. Besonders umfangreich war die Produktion gegossener Sicheln, die zum Mähen des Getreides und zum Herstellen von Heu nötig waren. Doch auch bei reinen Viehzüchterkulturen zielte die Metallverarbeitung mitunter auf Serienproduktion ab, so zum Beispiel bei der Balkengrabkultur. Nach heutigem Wissensstand muss sie über ein recht breit gefächertes Metallinventar verfügt haben. Besonders häufig wurden bislang Sicheln bzw. Hackmesser des so genannten Balkengrabtyps freigelegt. Die zahlreichen Funde sprechen dafür, dass Metallgegenstände in dieser Kultur bereits einem breiten Bevölkerungskreis zugänglich waren. Gleichzeitig stieg damit auch die wirtschaftliche Bedeutung dieser Stücke. In Viehzüchtergemeinschaften wurden die besagten Sicheln zur Heuernte genutzt, da Heu im Winter als Futter für die Tiere diente (Дергачев, Бочкарев 2002). Damit spielten sie eine wichtige

бретений, которые затем получили очень широкое распространение. Они первыми в мире начали изготавливать топоры-кельты, цельнолитые втульчатые наконечники стрел, серпы-косари и т. д.

Кроме металлопроизводства в скотоводческих культурах Восточной Европы значительное развитие получило вооружение. Оно имело ряд своеобразных черт и заметно отличалось от вооружения земледельческих культур Европы. У этих последних военное снаряжение было весьма разнообразным, однако в нем решительно преобладало оружие ближнего боя, предназначенное для пешего воина. С самого раннего времени предпочтение было отдано боевым топорам, алебардам, кинжалам и копьям (ил. 2). Уже около XIV в. до н. э. (BzC по П. Рейнеке) в Центральной Европе были изобретены настоящие колюще-рубящие мечи. Они были сравнительно быстро усовершенствованы и получили очень широкое распространение. Немного позже появилось тяжелое защитное вооружение — металлические шлемы, кирасы, щиты и даже поножи (Kristiansen, Larsson 2005; Harding 2007). Судя по реконструкциям, предложенным в литературе, знатный воин культуры полей погребальных урн (Urnenfelderkultur) был снаряжен почти так же, как средневековый рыцарь (Kristiansen 1998). К сказанному следует добавить, что начиная с самых ранних времен в Центральной Европе и смежных областях значительное развитие получила фортификация (Harding 2000).

Совсем иная система вооружения сложилась на юге Восточной Европы и в казахстанских степях. Главную роль в ней играли не меченосцы и копийщики, а конные стрелки из лука. Лучники действовали в составе мобильных соединений, которые могли вести дистанционный бой в скоростном режиме. Основными их тактическими приемами были внезапные нападения и столь же стремительный откат назад в случае неудачи. В окончательном виде эта система оформилась в начале железного века. Тогда же она была зафиксирована письменными источниками. Но судя по археологическим данным, ее формирование в южнорусских и казахстанских степях шло на протяжении всего бронзового века.

Одним из главных достоинств этой системы стало широкое использование лошадей в боевых действиях. Само по себе это было выдающееся открытие, которое во многом предопределило дальнейший ход развития военного дела в Северной Евразии. Представляется вполне закономерным, что оно было сделано в среде скотоводческих культур Восточной Европы и Казахстана. В свое время население именно этих районов одомашнило лошадь и начало использовать ее в хозяйственных, а затем и военных целях (ил. 3).

В достаточно отчетливой форме эта система вооружения проявилась уже в начале II тыс. до н. э. в таких культурах, как синташинская, петровская, потаповская и покровская. Их основной ударной силой стали стрелки из лука, передвигавшиеся на конных колесницах. Это было новое оружие. В нем очень удачно сочетались возможности лучников вести дистанционный бой со скоростью и физической мощью лошадей, запряженных в одноосные повозки. По мнению некоторых исследователей (А. М. Лескова, Е. Е. Кузьминой и др.), колесницы на конной тяге были изобретены скотоводческими народами североевразийских степей. Затем они распространились почти по всей Евразии, став самым грозным оружием II тыс. до н. э. Г. Чайлд назвал их «танками бронзового века».

На вооружении колесничных стрелков были как простые, так и сложные луки, снаряженные стрелами с тяжелыми наконечниками из кремня, которые обладали большой убой-

Rolle im Wirtschaftsleben. Insofern könnte die Einstellung ihrer Produktion am Ende der Spätbronzezeit auch ein Grund für die Krise in der Viehhaltung in einem großen Teil Osteuropas gewesen sein.

Insgesamt lässt sich festhalten, dass die Metallurgie der Viehzüchterkulturen in Osteuropa von ihrem Entwicklungsstand, dem Produktionsumfang und dem Warenspektrum nicht hinter der Metallverarbeitung der Ackerbau betreibenden archäologischen Kulturen Europas zurückstand. In der Früh- und Mittelbronzezeit (4.–3. Jahrtausend v. Chr.) war sie ihr sogar überlegen. Dann kam es zu einem Gleichstand, während am Ende der Spätbronzezeit ein Rückfall zu beobachten ist. Doch noch zu Beginn dieser Phase traten die Schmiede und Gießer der Viehzüchterkulturen mit einer Reihe wichtiger Neuerungen hervor, die breite Anwendung finden sollten. So sind ihnen beispielsweise die weltweit ersten Äxte bzw. Tüllenbeile, in einem Stück gegossene Tüllenpfeilspitzen und Sicheln zu verdanken.

Neben der Metallverarbeitung erfuhr auch die Bewaffnung in den Viehzüchtergemeinschaften Osteuropas eine signifikante Entwicklung. Etliche spezifische Merkmale unterschieden sie deutlich von der Bewaffnung der Ackerbau betreibenden Kulturen Europas. Für Letztere war eine ausgesprochen vielfältige Ausrüstung typisch, bei der indes Nahkampfwaffen dominierten, die letztlich für Fußsoldaten gedacht sind. Traditionell gab man hier der Streitaxt, dem Beil, der Lanze und dem Dolch den Vorzug (Abb. 2). Bereits um das 14. Jahrhundert v. Chr. (Bz C nach P. Reinecke) wurden in Zentraleuropa echte Hieb- und Stichschwerter entwickelt, die in der Folge recht schnell optimiert wurden und sehr weite Verbreitung fanden. Ein wenig später kam die schwere Schutzbewaffnung auf, die von Metallhelmen, Harnischen und Schilden bis hin zu Beinschienen reicht (Kristiansen, Larsson 2007; Harding 2007). Bisher in der Fachliteratur vorgestellte Rekonstruktionen gehen davon aus, dass der adlige Krieger der Urnenfelderkultur weitgehend die gleiche Ausrüstung besaß wie ein mittelalterlicher Ritter (Kristiansen 1998). In diesem Zusammenhang kann noch ergänzt werden, dass in Zentraleuropa und in den angrenzenden Gebieten Befestigungsbauten eine lange Tradition besitzen (Harding 2000).

Eine gänzlich andere Form der Bewaffnung hat sich im Süden Osteuropas und in den Steppen Kasachstans herausgebildet. Hier kam die wesentliche Rolle nicht den Schwert- und Lanzenträgern zu, sondern berittenen Bogenschützen. Diese gehörten mobilen Einheiten an, die auf große Entfernung einen schnellen Kampf austrugen. Ihre wesentlichen Taktiken bestanden im Überraschungsangriff sowie im ebenso plötzlichen Rückzug im Fall eines gescheiterten Überfalls. Diese Kampfform hatte sich in ihrer endgültigen Form zu Beginn der Eisenzeit herausgebildet; damals wurde sie auch schon schriftlich festgehalten. Archäologische Befunde belegen für die südrussischen und kasachischen Steppen jedoch eine Entwicklung dieser Kampfform über die gesamte Bronzezeit hinweg.

Eine der wesentlichen Veränderungen ist im verstärkten Einsatz von Pferden bei Kampfhandlungen zu sehen. Die an sich bemerkenswerte Entdeckung, dass diese Tiere überhaupt für militärische Zwecke eingesetzt werden können, sollte den weiteren Gang des Kriegswesens in Nordeurasien in vielerlei Hinsicht prägen. Es scheint nahe liegend, dass erstmals die Viehzüchterkulturen Osteuropas und Kasachstans im Kampf auf Pferde zurückgriffen, hatte die Bevölkerung dieser Regionen das Pferd doch domestiziert, wobei für sie zunächst die wirtschaftliche, später auch kriegerische Nutzung der Tiere nachgewiesen ist (Abb. 3).

ной силой (Братченко 2006). Сейминско-турбинские и синташтинские мастера предприняли попытку изготовить такие наконечники из металла (Матющенко, Сеницына 1988). Первые из них начали отливать древнейшие в мире втульчатые наконечники стрел. Впоследствии это привело к созданию большой серии таких наконечников, которые в XVII–XVI вв. до н. э. получили широкое распространение в урало-казахстанских степях (Аванесова 1991). Для сравнения укажем, что в Центральной Европе они в очень небольшом количестве появились не ранее середины II тыс. до н. э., а в Греции и Передней Азии — еще позднее (Медведская 1980). Кроме лука колесничные воины использовали копья, дротики, боевые топоры и кинжалы. Но настоящие колюще-рубящие мечи и тяжелые доспехи у них так и не появились. Это оружие оказалось невостребованным, хотя все матери-

Ил. 3. Псалий. Кость. Селище Нижняя Красавка II, Саратовская область
Abb. 3. Psalie. Knochen. Siedlung Nižnjaja Krasavka II, Gebiet Saratov

альные и технические условия для его производства были. Очевидно, в той системе вооружения, которая сложилась в Восточной Европе, оно было просто не нужно. Здесь также не получила развития фортификация. Укрепленные поселения встречаются очень редко. В степной зоне их сейчас известно не более десяти (Михайловка, Левенцовка, Каратаевка и др.). Некоторое исключение составили городища аркаимского и петровского типов Южного Зауралья. Правда, формально они находятся уже на территории азиатских степей. Причины их неожиданного появления и столь же внезапного исчезновения не вполне ясны.

В итоге можно заключить, что в эпоху бронзы скотоводческим народам Восточной Европы вместе с их азиатскими соседями удалось создать оригинальную и эффективную систему вооружения. О ее достоинствах можно судить по военным успехам этих народов и их потомков.

Этнографы, изучающие скотоводческие народы, подчеркивают, что они имеют ряд специфических черт не только в бытовой, но и в социальной, духовной и психологической сферах (Марков 1967). В частности, отмечают их свободолюбивый и независимый характер, воинственность, повышенную агрессивность и т. д. Не исключено, что эти качества начали формироваться в бронзовом веке. Но подтвердить это материалами археологии сейчас не представляется возможным. Несколько больше мы знаем о том, как были устроены общества скотоводов того времени. Прежде всего следует отметить, что они не были такими уж примитивными образованиями, какими их ранее описывали в отечественной литературе (Равдоникас 1947; Киселев 1965). В действительности они представляли собой достаточно сложные со-

In relativ markanter Weise ist diese Kampfform bereits zu Beginn des 2. Jahrtausends v. Chr. in Kulturen wie der Sintašta-, der Petrovka-, Potapovka- und Pokrovka-Kultur belegt. Das Hauptgewicht kam dabei dem Bogenschützen im Streitwagen zu. Letzterer stellte eine neue Waffe dar. In ihm verbanden sich auf vortreffliche Weise die Möglichkeiten des Bogenschützen zum Fernkampf mit der Schnelligkeit und der Körperkraft der Pferde, die vor den einachsigen Wagen gespannt waren. Nach Auffassung einiger russischer Wissenschaftler (A. M. Leskov, E. E. Kuzmina u. a.) wurden die von Pferden gezogenen Streitwagen von Viehzüchternvölkern in den nordeurasischen Steppen entwickelt. Im Anschluss hätten sie fast in der gesamten Alten Welt Verbreitung gefunden und seien zum bedrohlichsten Kriegsgewehr im 2. Jahrtausend v. Chr. geworden. G. Childe prägte für sie den Begriff „Panzer der Bronzezeit“.

Der Schütze im Streitwagen konnte mit einem einfachen, aber auch mit Kompositbogen ausgerüstet sein. Die Pfeile besaßen schwere Spitzen aus Feuerstein, die eine starke Vernichtungskraft besaßen (Братченко 2006). Die Meister der Sejmo-Turbino- und Sintašta-Kultur versuchten, solche Pfeilspitzen aus Metall anzufertigen (Матющенко, Сеницына 1988). Erstere gossen die ältesten Tüllenpfeilspitzen weltweit. In der Folge führte dies zur Herstellung einer großen Serie solcher Pfeilspitzen, die im 17.–16. Jahrhundert v. Chr. in den Steppen im Ural-Wolga-Gebiet große Verbreitung fanden (Аванесова 1991). Zum Vergleich sei an dieser Stelle erwähnt, dass solche Pfeilspitzen in Mitteleuropa nur in sehr kleiner Zahl und erst von der Mitte des 2. Jahrtausends v. Chr. an belegt sind, in Griechenland und Vorderasien sogar noch später (Медведская 1980). Neben dem Bogen kamen im Streitwagenkampf auch Lanzen, Wurfspeie, Streitäxte und Dolche zum Einsatz. Der Gebrauch echter Hieb- und Stichschwerter oder schwerer Harnische ließ sich jedoch nicht nachweisen. Offenbar verzichtete man auf diese Ausrüstungsgegenstände, obwohl alle materiellen und technischen Voraussetzungen für ihre Herstellung gegeben gewesen wären. Doch bei der Kampfform, die sich in Osteuropa herausgebildet hatte, schienen sie wohl überflüssig. Auch auf spezielle Befestigungsanlagen gibt es keine Hinweise. Befestigte Siedlungen begegneten nur sehr selten. In der Steppenzone sind bislang nicht mehr als ein Dutzend bekannt (Michajlovka, Levencovka, Karataevka u. a.). Eine Ausnahme bilden die befestigten Siedlungen (*gorodišče*) des Arkaim- und Petrovka-Typs im südlichen Ural-Hinterland, die formal allerdings bereits im Gebiet der asiatischen Steppen liegen. Die Gründe ihres Aufkommens sind jedoch ebenso unklar wie die ihres jähen Untergangs.

Damit lässt sich abschließend festhalten, dass es den Viehzüchternvölkern Osteuropas, aber auch ihren asiatischen Nachbarn in der Bronzezeit gelungen ist, originelle und effiziente Kriegsausrüstung zu entwickeln. Wie wirkungsvoll diese war, lässt sich anhand der militärischen Erfolge dieser Völker und ihrer Nachfolger ablesen.

Ethnographen, die die Viehzüchternvölker untersucht haben, betonen immer wieder, diese würden nicht nur im alltäglichen Leben, sondern auch im Aufbau der Gesellschaft und im weltanschaulichen wie psychologischen Bereich einige spezifische Merkmale aufweisen (Марков 1967). Insbesondere verweisen sie auf Freiheitsliebe und einen unabhängigen Charakter, Kampflust, erhöhte Aggressivität und dergleichen mehr. Es ist nicht auszuschließen, dass sich diese Eigenschaften in der Bronzezeit herausgebildet haben, wiewohl diese Hypothese anhand des vorliegenden archäologischen Materials bislang keine Bestätigung erfährt. Ein wenig fundierter ist das Bild, das wir vom Aufbau der Viehzüchtergemeinschaft dieser Zeit haben. Vorausgeschickt sei an dieser Stelle, dass sich ihr Aufbau längst nicht

циальные организмы, хорошо структурированные как по вертикали, так и по горизонтали. Судя по целому ряду данных, их население было дифференцировано в половозрастном, социальном и профессиональном отношениях (Дергачев 1978; Бадер 1963; Бочкарев 2010; Зданович 2003; Отрощенко 1986; Отрощенко, Черных 1998; Массон 2000). В этих обществах отчетливо выделилась родо-племенная знать. Как правило, она была сильно милитаризована. Тогда же сложилась некая система территориального управления (Сергеева 2007). Продолжался процесс ремесленной специализации, который начался еще в предшествующую эпоху. Наиболее интенсивно он протекал в металлопроизводстве и в оружейном деле (погребения кузнецов-литейщиков и так называемых стрелочников). Эти общества имели хорошо налаженные связи с соседними и отдаленными территориями. Необходимость импорта и экспорта металла объединяла их в большие ассоциации.

Несмотря на все эти достижения, ни одно из них так и не вышло за рамки первобытности. На протяжении всей эпохи бронзы в большинстве своем они оставались племенными (сегментированными) обществами. Только колесничные культуры (синташтинская, петровская, потаповская и покровская) продвинулись несколько дальше. У них, по мнению ряда исследователей, возникли комплексные общества (вождества). Но спустя несколько столетий местное население вернулось к старому (племенному) общественному устройству. Такого рода социальные деволюции нередко случались в древности (Бочкарев 2010), а скотоводческим обществам они были присущи имманентно. Это подтверждается материалами как археологии, так и истории (Трепавлов 1995; Крадин 1955).

Эти же материалы позволяют сделать и более общий вывод: скотоводческие общества, видимо, в принципе не могли самостоятельно перейти к цивилизации. В лучшем случае они достигали ее начальной стадии, а затем следовал откат назад. Еще меньше шансов приблизиться к ней была у охотников, рыболовов и собирателей (Чебоксаров, Чебоксарова 1988). Очевидно, такие возможности были только у земледельческих культур. Но таковых на территории Восточной Европы в бронзовом веке было совсем немного. Самыми развитыми земледельческими культурами оказались трипольская и особенно майкопская. Казалось бы, они находились на пути, прямо ведущем к цивилизации. Однако их движению вперед помешали конкретные исторические обстоятельства. Им так и не удалось реализовать свои потенциальные возможности. В конечном счете они были поглощены окружающей первобытной стихией. Что касается остальных земледельческих культур Восточной Европы (ноуа, сабастиновская, белозерская и др.), то это были обычные варварские общества с очень медленными темпами технического и социального развития. Некоторые из них в начале железного века были сметены очередной миграцией скотоводческих народов.

Наконец, следует сказать, что значительным своеобразием отличался и сам ход культурно-исторического развития Восточной Европы. Конечно, во многом его определял сам характер местных скотоводческих культур. В частности, отсутствие у них долговременной, прочной оседлости тормозило социально-экономический прогресс, возвращая его вновь и вновь на исходные позиции. Как уже отмечалось выше, население этих культур было вынуждено периодически менять места своего обитания. Эти переселения принимали различные формы в зависимости от конкретных обстоятельств — от иммиграций до нашествий и крупно-

so primitiv ausnimmt, wie es früher in der russischen Literatur dargestellt wurde (Равдоникас 1947; Киселев 1965). Im Gegenteil, es handelte sich bei ihnen um relativ komplizierte soziale Organismen, die sowohl in der Vertikalen wie auch in der Horizontalen gut durchstrukturiert waren. Bisherige Untersuchungen belegen, dass eine Differenzierung der Bevölkerung nach Alter, Geschlecht, Status und Beruf vorlag (Дергачев 1978; Бадер 1963; Бочкарев 2010; Зданович 2003; Отрощенко 1986; Отрощенко, Черных 1998; Массон 2000). Für diese Gesellschaften lässt sich eindeutig ein Familien- oder Stammesadel aufzeigen. In der Regel war er stark militärisch geprägt. Ferner bildete sich eine Art Territorialverwaltung heraus (Сергеева 2007). Die handwerkliche Spezialisierung, die noch in der vorausgegangenen Periode begonnen hatte, schritt weiter voran. Dies trifft insbesondere für die Metallverarbeitung und das Kriegswesen zu (Bestattungen von Schmieden und Gießern sowie von Waffenträgern). Die Gemeinschaften hatten gute Kontakte zu den Nachbarn, aber auch zu Völkern in weiter entfernten Gebieten, die auf der Notwendigkeit basierten, Metall zu importieren und zu exportieren.

Ungeachtet all dieser Fortschritte vermochte jedoch letztlich keine dieser Gemeinschaften über das Niveau der Urgesellschaft hinauszuwachsen, sie blieben im Grunde während der gesamten Bronzezeit einzelne Stammesgesellschaften. Nur bei den Kulturen mit Streitwagen (Sintašta-, Petrovka-, Potapovka- und Pokrovka-Kultur) stellte sich die Situation etwas anders dar; nach Auffassung etlicher Wissenschaftler muss in ihrem Fall von einer komplexen Gesellschaft gesprochen werden (Häuptlingstum). Doch nur wenige Jahrhunderte später kehrte auch hier die lokale Bevölkerung zu dem alten (Stammes-)Aufbau zurück. Solche Formen gesellschaftlicher Rückentwicklungen sind in der Vergangenheit häufig zu beobachten (Бочкарев 2010); den Viehzüchtergesellschaften haftete sie sogar immanent an. Dies wird durch archäologische, vor allem aber auch durch geschichtliche Materialien bestätigt (Трепавлов 1995; Крадин 1955).

Ebendieses Material lässt indes noch einen zweiten, allgemeineren Schluss zu: Viehzüchtergesellschaften scheinen prinzipiell nicht imstande, aus eigener Kraft den Übergang zu komplexeren Zivilisationen zu bewältigen. Bestenfalls erreichen sie ihr Anfangsstadium, dann erfolgt jedoch unweigerlich ein Rückschritt. Noch schlechter standen die Chancen für Jäger, Fischer und Sammler (Чебоксаров, Чебоксарова 1988). Anscheinend war diese Möglichkeit allein den Ackerbau betreibenden Kulturen vorbehalten. In Osteuropa ist deren Zahl in der Bronzezeit äußerst gering. Die am meisten entwickelten Ackerbaukulturen sind die Tripolje-, vor allem aber die Maikop-Kultur. Sie waren offenbar auf dem Weg zu einer strukturierten Gesellschaft. Dann verhinderten jedoch konkrete historische Umstände, dass sie ihr Ziel erreichten, weshalb auch sie ihre potenziellen Möglichkeiten nicht zu realisieren vermochten. Die Folge davon war, dass sie in den sie umgebenden Urgesellschaften aufgingen. Bei den übrigen Ackerbaugemeinschaften in Osteuropa (z. B. Noua-, Sabatinova- und Belozerka-Kultur) handelte es sich um typische Stammesgesellschaften, deren technische und politische Entwicklung sich nur schleppend vollzog. Einige von ihnen wurden zu Beginn der Eisenzeit ebenfalls von der Migration der Viehzüchternvölker ausgelöscht.

Doch auch die kulturhistorische Entwicklung in Osteuropa selbst zeichnet sich weitgehend durch eine eigene Spezifik aus. Selbstverständlich prägte der Charakter der lokalen Viehzüchterkulturen diese in entscheidendem Maß. Insbesondere das Fehlen dauerhafter, befestigter Siedlungen bremste den gesellschaftlichen und wirtschaftlichen Fortschritt und warf diese Ge-

масштабных миграций (Клейн 1999). Как правило, они происходили в пределах одного или двух-трех смежных регионов. Но известны примеры дальних миграций, в которых участвовала сравнительно большая масса населения. В связи с этим прежде всего следует назвать выдвигание ямной культуры на территорию Карпато-Дунайского региона. Мигранты прошли по долине Дуная и, достигнув Великой Венгерской равнины (Альфельди), там осели (Ecsedy 1979; Kristiansen 1989). По мнению ряда исследователей, это событие имело большое историческое значение. Одни связывают его с индоевропейским расселением, а другие видят в нем новый фактор в европейской истории. Действительно, по пути, проложенному ямной культурой, позднее проследовали многие скотоводческие культуры Северной Европы, включая самих венгров.

Очевидно, что в миграции ямной культуры участвовало не все ее население. На запад ушла только какая-то его часть. Такого рода частичные миграции (по терминологии Л. С. Клейна) известны и у других восточноевропейских АК. Можно предположить, что чаще всего они были вызваны демографическими причинами. Избыточное население было вынуждено уходить на новые территории, которые оно либо завоевывало, либо колонизировало — свободных земель, куда могли направиться переселенцы, в то время было еще много. Как показали специальные исследования, многие глубинные участки восточноевропейской степи в течение раннего и среднего бронзового века оставались пустующими. Их начали осваивать только в начальную пору эпохи поздней бронзы переселенцы срубной культуры, у которой как раз в это время произошел демографический взрыв (Отрощенко, Болтрик 1982; Бочкарев 2010).

Миграции, в которых участвовало большое количество людей и которые затрагивали стратегически важные регионы (Северный Кавказ, Поволжье и Урал, Карпаты и Балканы), как правило, имели серьезные и долговременные последствия. Обычно они вызывали цепную реакцию разного рода изменений, которые могли очень существенно трансформировать культурно-историческую ситуацию на огромной территории. Именно такие события произошли около середины II тыс. до н. э. на всем пространстве степи и лесостепи от Урала до Юго-Восточного Прикарпатья. Начало им положили миграции черкаскульской культуры, которая переместилась из горно-таежной зоны Среднего Урала в Западное Приуралье. Это вызвало отток населения местной срубной культуры. Она мигрировала в юго-западном направлении, достигнув территории Левобережной Украины и Нижнего Подонья. Там она столкнулась со скотоводами бабинской культуры, которые вынуждены были уйти дальше на запад, вплоть до восточных предгорий Карпат. В результате всех этих событий существенно изменились сами мигрирующие культуры, а также культурно-историческая ситуация на юго-востоке Европы. Местный бронзовый век перешел на новую ступень своего развития.

Несмотря на частые миграции, большинство скотоводческих культур южной половины Восточной Европы было автохтонного происхождения. Они формировались на местной основе и сохраняли высокую степень преемственности с предшествующими культурами. На это указывают многие типологические данные. Так, вполне доказанным является положение о генетической связи бабинской культуры с катакомбной общностью, а этой последней — с ямной (Братченко 1977; Братченко 2001). В данном случае можно говорить о непрерывной линии развития на протя-

жении двух тысяч лет — от конца энеолита до начала эпохи поздней бронзы. Местные корни также прослеживаются у целого ряда волго-уральских культур. Новые культуры возникали путем эволюционного развития старых, а чаще — за счет их трансформации. Как правило, это были так называемые стимулированные трансформации. Они происходили под воздействием внешних импульсов, среди которых первостепенное значение имел миграционный фактор. В сущности, все эти скотоводческие культуры представляли одно и то же население на разных стадиях культурогенеза. В антропологическом отношении оно относится к европеоидной расе, а в этническом — видимо, к индоариям (Шевченко 1986; Трубочев 1978). В литературе особенно настойчиво подчеркивают индоарийское происхождение волго-уральских колесничных культур эпохи поздней бронзы (синташинской, петровской, потаповской и покровской).

Совсем иная ситуация была на севере Восточной Европы, и особенно в культурах таежных типов. Как полагают некоторые лингвисты и археологи, здесь в эпоху бронзы продолжали обитать племена охотников и рыболовов, которые говорили на языках уральской семьи (Напольских 2002). Антропологически они принадлежали уралоидной расе, но среди них было много людей с ярко выраженными европеоидными или монголоидными чертами. Чаще всего им приписывают культуру текстильной керамики, которая в эпоху бронзы простиралась от Урала до Финноскандии.

В целом культурно-исторический процесс на севере Восточной Европы протекал в более спокойном и размеренном темпе, чем на юге. Однако и здесь случались события, которые кардинально меняли сложившуюся картину. К числу таких событий следует отнести миграцию культур шнуровой керамики (КШК), которая имела место в начале III тыс. до н. э. По общему мнению исследователей, эти культуры на территорию восточной Европы проникли с Запада. Они заняли области широколиственных лесов от Прикарпатья и Волыни до Среднего Поволжья. Прежде всего, речь идет о среднеднепровской и фатьяновской культурах, ареал которых охватывает значительную часть Русской равнины. Экспансию КШК нередко связывают с несколькими волнами расселения индоевропейцев. В частности, предполагается, что носители фатьяновской и отчасти приднепровской АК принадлежали к протобалтскому этносу. Антропологически они относятся к европеоидной расе. Причем некоторые из пришельцев имели черепа северного европеоидного типа (Крайнов 1987).

В экономическом и общекультурном отношении пришельцы заметно превосходили коренное население, которое все еще занималось охотой и рыболовством. У КШК было сравнительно развитое производящее хозяйство и достаточно хорошо отлаженное металлопроизводство. Их население разводило крупный и мелкий рогатый скот, свиней. Среднеднепровские и особенно фатьяновские кузнецы-литейщики изготавливали изделия оригинальных типов. На их производство шло как привозное, так и местное сырье. Последнее добывали в Среднем Поволжье, где фатьяновские рудокопы начали разработку месторождений медных песчаников (Черных 1966).

Экономические и технологические новшества, привнесенные в лесную зону Восточной Европы мигрантами, видимо, здесь не прижились и со временем заглохли. Они, как и сами носители КШК, как бы растворились в среде местных охотников и собирателей. Только несколько столетий спу-

сь stark an die Vorgängerkultur anknüpften. Das ergibt sich auch aus zahlreichen typologischen Untersuchungen. So ist beispielsweise die genetische Beziehung zwischen der Babino-Kultur und der Katakombengrabkultur zweifelsfrei nachgewiesen, wobei Letztere wiederum in einer Linie mit der Grubengrabkultur zu sehen ist (Братченко 1977; Братченко 2001). In diesem Fall kann von einer kontinuierlichen Entwicklungslinie über zweitausend Jahre hinweg, vom Ende des Äneolithikums bis zum Beginn der Spätbronzezeit, gesprochen werden. Lokale Wurzeln lassen sich darüber hinaus bei einer Reihe der Wolga-Ural-Kulturen erkennen. Neue Kulturen entstanden zwar auch durch Evolution aus alten heraus, häufiger jedoch durch deren Transformation. In der Regel handelte es sich dabei um so genannte stimulierte Transformationen. Sie wurden durch äußere Impulse ausgelöst, zu denen in erster Linie der Migrationsfaktor zu zählen ist. Im Grunde stellten damit alle Viehzüchterkulturen ein und dieselbe Bevölkerung auf unterschiedlichen Stufen der Kulturgenese dar. Anthropologisch sind sie der europiden Rasse zuzuzählen, ethnisch den Indoariern (Шевченко 1986; Трубочев 1978), wobei in der Literatur immer wieder der indoarische Ursprung der bronzezeitlichen Wolga-Ural-Kulturen mit Streitwagen betont wird (Sintašta-, Petrovka-, Potapovka- und Pokrovka-Kultur).

Gänzlich anders stellt sich die Situation im Norden Osteuropas und vor allem für die Kulturen des Taiga-Typs dar. Einige Linguisten und Archäologen nehmen an, hier hätten während der Bronzezeit weiterhin Stämme von Jägern und Fischern gelebt, die Ural Sprachen gesprochen hätten (Напольских 2002). Anthropologisch gehörten sie der uraloiden Rasse an, unter ihnen gab es jedoch einen hohen Anteil von Menschen mit klar europiden oder mongoliden Zügen. Meist wird ihnen die Kultur, für die textilverzierte Keramik charakteristisch ist, zugeschrieben, die in der Bronzezeit vom Ural bis nach Finnland verbreitet war.

Insgesamt verlief der kulturhistorische Prozess im Norden Osteuropas in einem ruhigeren und gemäßigteren Tempo als im Süden. Allerdings kam es auch hier zu Ereignissen, die die etablierte Situation erschütterten. Zu ihnen zählt die Ausbreitung der Schnurkeramischen Kulturen zu Beginn des 3. Jahrtausends v. Chr. In der Wissenschaft ist man sich einig, dass diese Kulturen von Westen her ins östliche Europa gelangten. Sie ließen sich im Gebiet der gemäßigten Laubwälder vom Karpatenvorland und Wolhynien bis hin zum mittleren Wolgagebiet nieder. Vor allem sind hier die Mitteldnepr- und die Fatjanovokultur zu nennen, deren Verbreitungsgebiet einen großen Teil der russischen Tiefebene umfasst. Die Expansion der Schnurkeramischen Kulturen wird häufig in einen Kontext mit den Ausbreitungswellen der Indoeuropäer gestellt. Dabei nimmt man an, die Träger der Fatjanovokultur und teilweise auch der Dnepr-Kultur hätten der protobaltischen Ethnie angehört (Крайнов 1987). Anthropologisch sind sie der europiden Rasse zuzuzählen, wobei einige ihrer Vorfahren einen Schädel nordeuropiden Typs aufwiesen (Крайнов 1987).

Wirtschaftlich und kulturell waren die Zuwanderer der einheimischen Bevölkerung weit überlegen, ging letztere doch noch Jagd und Fischfang nach. Die Schnurkeramischen Kulturen besaßen eine recht hoch entwickelte produzierende Wirtschaft und eine gut funktionierende Metallverarbeitung. Ihre Bevölkerung züchtete Rinder, Ziegen, Schafe und Schweine. Ackerbau konnte dagegen bisher noch nicht sicher nachgewiesen werden. Die Schmiede und Gießer der Mitteldnepr- und insbesondere der Fatjanovokultur stellten eigenständig Produkte her. Dafür verarbeiteten sie sowohl importierte als auch vor Ort zugängliche Rohstoffe. Letztere stammten aus dem mittleren

Wirtschaftlich und kulturell waren die Zuwanderer der einheimischen Bevölkerung weit überlegen, ging letztere doch noch Jagd und Fischfang nach. Die Schnurkeramischen Kulturen besaßen eine recht hoch entwickelte produzierende Wirtschaft und eine gut funktionierende Metallverarbeitung. Ihre Bevölkerung züchtete Rinder, Ziegen, Schafe und Schweine. Ackerbau konnte dagegen bisher noch nicht sicher nachgewiesen werden. Die Schmiede und Gießer der Mitteldnepr- und insbesondere der Fatjanovokultur stellten eigenständig Produkte her. Dafür verarbeiteten sie sowohl importierte als auch vor Ort zugängliche Rohstoffe. Letztere stammten aus dem mittleren

стя здесь окончательно утвердилось производящее хозяйство и металлопроизводство. Но это произошло под воздействием совсем других факторов.

Еще одним крупнейшим событием в истории северного бронзового века было так называемое сейминско-турбинское вторжение. О нем мы знаем благодаря открытию целой серии ярких и своеобразных памятников, среди которых наибольшую известность приобрели Сейминский и Турбинский могильники. Эти памятники встречены во многих частях лесной зоны — от Урала до Прибалтики и Финляндии. Правда, в основном они представлены единичными случайными находками бронзовых изделий (ил. 4). Согласно широко распространенному мнению, они принадлежат чужеродному населению, которое в конце III тыс. до н. э. пришло в Восточную Европу из Южной Сибири (Черных,

Ил. 4. Навершие булавы. Бронза. Могильник Натальино II, Саратовская область
Abb. 4. Keulenkopf. Bronze. Gräberfeld Natalino II, Gebiet Saratov

Кузьминых 1989). Путь его на запад отмечен находками сейминско-турбинского оружия. Этот путь начался где-то в районе Алтая и тянется вдоль южной границы таежных лесов вплоть до Среднего Урала. Судя по доступным сейчас данным, сейминско-турбинская миграция носила ярко выраженный военный характер. Видимо, это было вторжение. Мигранты, организованные в небольшие группы или отряды, были снабжены первоклассным металлическим оружием — тяжелыми копьями, топорами-кельтами, клевцами, кинжалами и боевыми ножами. Они также широко использовали лук и стрелы. Передвигались эти люди по воде и по суше. В последнем случае, видимо, использовались лошади. В то время это была грозная сила.

Всю мощь сейминско-турбинского удара испытала на себе абашевская культура, которая была самым крупным и развитым образованием эпохи средней бронзы Волго-Уральского региона. Она была буквально разгромлена пришельцами и как единое целое перестала существовать. Часть ее населения, видимо, была уничтожена физически, об этом красноречиво свидетельствует братская могила из Пепкинского кургана (Республика Марий Эл), в которой были найдены останки 27 мужчин, погибших насильственной смертью. В их костях торчали кремневые наконечники стрел сейминского типа, а их черепа были пробиты металлическими топорами (Халиков, Лебединская, Герасимова 1966). Конечно, погибли не все. Многим удалось спастись, но они были вынуждены уйти на новые земли. Остатки абашевского населения рассеялись по огромной территории. Археологически это выразилось в том, что отдельные и разрозненные абашевские памятники находят в разных частях Русской равнины, в Поволжье, на Южном Урале. Это событие имело очень значительные культурно-исторические последствия. Абашевская волна переселенцев стала основой для формирования новых культур эпохи поздней бронзы — синташтинской, покровской и потаповской. Эти последние составили единый культурный блок, который явился первичным ядром волго-уральского очага культурогенеза. Его возникновение можно рассматривать как ответ местного населения на сейминско-турбинское вторжение. Кажется

Волгaгебiет, in dem die Bergleute der Fatjanovokultur den Abbau von Kupfersandstein aufnahmen (Резник 1966).

Wirtschaftliche und technologische Innovationen, die von den Zuwanderern in die Waldzone Osteuropas mitgebracht wurden, konnten sich hier allem Anschein nach nicht halten und gingen mit der Zeit verloren. Sie lösten sich ebenso wie die Träger der Schnurkeramischen Kulturen selbst im Umfeld der Jäger und Sammler auf. Erst einige Jahrhunderte später vermochte sich in dieser Region die produzierende Wirtschaft und Metallverarbeitung endgültig zu etablieren, dies jedoch unter dem Einfluss völlig neuer Faktoren.

Ein weiteres wesentliches Ereignis in der Geschichte der nördlichen Bronzezeit ist mit der Invasion der Sejma-Turbino-Kultur gegeben. Eine ganze Reihe herausragender und einmaliger Fundorte gibt über dieses Phänomen Auskunft; am bekanntesten dürften wohl die Gräberfelder Sejma und Turbino sein. Denkmäler des Horizonts begegnen in vielen Teilen der Waldzone, vom Ural bis zum Baltikum und Finnland; gleichwohl wird diese Kulturerscheinung zumeist durch einzelne Zufallsfunde von Bronzegegenständen repräsentiert (Abb. 4). In der Fachwelt herrscht die Meinung vor, sie seien von einer fremden Bevölkerung hinterlassen worden, die am Ende des 3. Jahrtausends v. Chr. aus Südsibirien nach Osteuropa gekommen ist (Черных, Кузьминых 1989). Ihr Weg nach Westen wird durch Funde von Waffen des Sejma-Turbino-Typs markiert; er nahm seinen Anfang in der Altaj-Region und zog sich dann an der Südgrenze der Taiga-Wälder entlang bis hin zum mittleren Ural. Nach heutigem Forschungsstand hatte die Sejma-Turbino-Migration ohne Zweifel kriegerischen Charakter, und es ist wohl von einer Invasion auszugehen. Die Zuwanderer waren in kleinen Gruppen oder Einheiten organisiert und besaßen vorzügliche Metallwaffen wie schwere Lanzen, Äxte bzw. Tüllenbeile, Streithammer, Dolche und Streitmesser. Darüber hinaus nutzten sie Pfeil und Bogen. Sie kamen über Wasser- und Landwege, wobei sie in letzterem Fall offenbar Pferde hatten. Damit dürften sie in dieser Zeit eine enorme Bedrohung dargestellt haben.

Die ganze Wucht der Sejma-Turbino-Invasion traf die Abaševo-Kultur, die die größte und am weitesten entwickelte Gemeinschaft in der Mittelbronzezeit im Wolga-Ural-Raum darstellte. Sie wurde von den Zuwanderern förmlich zerschlagen und hörte in ihrer Gesamtheit auf zu existieren. Ein Teil ihrer Bevölkerung muss getötet worden sein, das legt das Massengrab im Kurgan bei Pepkino (Republik Mari El) nahe. In ihm wurden die Skelette von 27 Männern freigelegt, die alle eines unnatürlichen Todes gestorben waren. In den Knochen steckten Feuerstein-Pfeilspitzen des Sejma-Typs, die Schädel waren von Metalläxten eingeschlagen worden (Халиков, Лебединская, Герасимова 1966). Selbstverständlich sind nicht alle Angehörigen der Abaševo-Kultur gestorben, viele Menschen vermochten sich auch zu retten, sahen sich indes gezwungen, in andere Gebiete zu ziehen, so dass die Überreste dieser Bevölkerung nunmehr über ein riesiges Gebiet verstreut anzutreffen sind. Archäologisch zeigt sich das darin, dass einzelne und isolierte Abaševo-Fundstätten in verschiedenen Teilen der russischen Tiefebene, im Wolgagebiet und im südlichen Ural zu finden sind. Dieses Ereignis zeitigte gravierende kulturhistorische Folgen. Die Abaševo-Welle von Umsiedlern gab den Impuls zur Herausbildung neuer Kulturen in der Spätbronzezeit; zu nennen sind hier die Sintašta-, die Pokrovka- und die Potapovka-Kultur. Letztere bildeten eine homogene Kulturformation, auf deren Grundlage sich wiederum die Wolga-Ural-Kulturgenese vollzog. Die Entstehung dieser Kulturen darf durchaus als Antwort der lokalen Bevölkerung auf die Sejma-Turbino-Invasion interpretiert werden. Es ist naheliegend, dass der Prozess dieser Heraus-

bildung neuer Kulturen vor allem Vertretern des Kriegsadels bzw. der Aristokratie mit Streitwagen zu verdanken ist (Бочкарев 2010).

Das weitere Schicksal der Sejma-Turbino-Bevölkerung ist ebenso unklar wie das der Fatjanovo-Bevölkerung. Möglicherweise passte sie sich an die lokalen Kulturen in der Waldzone an. In jedem Fall ist es ihr jedoch gelungen, der Bronzezeit im Norden ihren Stempel aufzuprägen. Diese Bevölkerung war dafür verantwortlich, dass der Norden Osteuropas für lange Zeit unter dem Einfluss der Wolga-Ural-Kultur stand.

Wie bereits mehrfach erwähnt, spielte der Kaukasus in der bronzezeitlichen Geschichte Osteuropas eine besondere Rolle. Durch die Nähe zu den vorderasiatischen Zivilisationen, dem ungeheuren Tempo seiner kulturellen Entwicklung sowie den großen Kupfervorräten wurde er zu einem der größten Zentren der Kulturgenese in Osteuropa. Im Laufe der Früh- und Mittelbronzezeit beeinflusste er die Geschehnisse in einem gewaltigen Territorium. Im Norden reichte seine Einflussosphäre bis an die Waldzone, im Westen und Nordosten bis an die Karpaten und den Ural. Für die Steppenbevölkerung Osteuropas war der Kaukasus damit für zweitausend Jahre das entscheidende Innovationszentrum, die Quelle fortschrittlicher Technik und neuer kultureller Standards.

Das Entstehen dieses kaukasischen Zentrums der Kulturgenese muss mit der Maikop-Kultur verbunden werden und ist zeitlich im 4. Jahrtausend v. Chr. anzusetzen. Zahlreiche russische und ausländische Wissenschaftler vermuten, dass die Maikop-Bevölkerung aus Ostanatolien in den nordwestlichen Kaukasus gekommen ist. Sie soll die weit entwickelte Kultur ihrer Heimat mitgebracht und in den neuen Gebieten eine Art Enklave der vorderasiatischen Welt geschaffen haben. In dem barbarischen Umfeld gab es nunmehr eine kleine Insel einer völlig anderen und ungleich höher entwickelten Kultur. In der Geschichte Nordeuropas ist dies ein beispielloses Ereignis. Die Maikop-Kultur war von ihrer Entwicklung her ihren Nachbarn — und vor allem jenen im Norden — weit überlegen. Hier reicht es darauf hinzuweisen, dass sie kurz davor war, das Niveau einer Hochkultur zu erreichen. Daher ist es nicht erstaunlich, dass ihr Einfluss den weiteren kulturhistorischen Verlauf in einem großen Teil Osteuropas entscheidend prägte. Ihr ist es zu verdanken, dass die Bronzezeit hier wesentlich früher als in den meisten anderen europäischen Regionen einsetzte.

Doch je schwächer der Maikop-Impuls wurde und je weiter sich die Beziehungen zu Vorderasien entflochten, desto stärker kam der Prozess einer Degradierung der nordkaukasischen Kulturen zum Tragen (Бочкарев 2010). Sukzessive verloren sie ihre Überlegenheit, und der allgemeine Entwicklungsstand sank auf das Niveau der Steppenkulturen Osteuropas herab. In der Folge büßte auch der Kaukasus seine Rolle als Zentrum ein. Am Ende der Mittelbronzezeit konnte er seinen Einfluss nur noch durch Kupferexporte und Erzeugnissen aus der Metallverarbeitung sichern.

Zum Beginn des 2. Jahrtausends v. Chr. war der Kaukasus ein durchschnittliches regionales Wirtschaftszentrum. Die Kaukasus-Phase in der bronzezeitlichen Geschichte Osteuropas endete, die Zeit des Wolga-Ural-Gebiets brach an. Am Übergang vom 3. zum 2. Jahrtausend v. Chr. verlagerte sich der Entwicklungsschwerpunkt vom Kaukasus weit nach Nordosten, ins mittlere Wolgagebiet, an den Don und in den Süd-Ural. Hier entstand das neue Zentrum der Kulturgenese, das unter dem Begriff Wolga-Ural-Zentrum firmieren sollte (Бочкарев 1991). In ihm wurden neue Herstellungstechniken für die Metallverarbeitung entwickelt, es kamen neue Waffen auf (z. B. der Streitwagen), es bildete sich eine neue Kultur heraus usw. Oder, um es bildlich

vollene закономерным, что основными творцами этих новых культур стали представители воинской знати — колесничная аристократия (Бочкарев 2010).

Дальнейшая судьба сейминско-турбинского населения, как и фатьяновского, не вполне ясна. Вполне вероятно, что оно было ассимилировано местными лесными культурами. Тем не менее ему удалось оставить глубокий след в развитии северного бронзового века. Благодаря этому север Восточной Европы прочно и надолго вошел в орбиту влияния Волго-Уралья.

Как уже не раз отмечалось, очень важное место в истории бронзового века Восточной Европы занимал Кавказ. Благодаря своему близкому соседству с переднеазиатскими цивилизациями, опережающим темпам культурного развития, а также большим запасам меди, он стал одним из крупнейших очагов культурогенеза на территории Восточной Европы. В течение раннего и среднего бронзового века его влиянием была охвачена огромная территория. На севере она доходила до лесной зоны, на западе и северо-востоке — до Карпат и Урала. Для степного населения Восточной Европы на протяжении двух тысячелетий Кавказ был основным инновационным центром, источником передовых технологий, новых культурных норм и стереотипов.

Возникновение кавказского очага культурогенеза следует связывать с майкопской культурой и датировать IV тыс. до н. э. Как полагают целый ряд отечественных и зарубежных исследователей, майкопское население пришло на Северо-Западный Кавказ из Восточной Анатолии. Оно принесло с собой высокую культуру своей родины и создало на новых землях своего рода анклав переднеазиатского мира. В варварской среде вдруг возник островок совсем иной, несравненно более развитой культуры. В древнейшей истории Северной Евразии это было уникальным событием. По уровню своего развития майкопская культура заметно превосходила своих соседей, особенно тех, которые обитали севернее. Достаточно сказать, что она сумела вплотную приблизиться к порогу цивилизации. Поэтому неудивительно, что майкопское влияние во многом определило ход культурно-исторического развития на значительной части Восточной Европы. Благодаря майкопскому фактору бронзовый век здесь начался значительно раньше, чем в большинстве других европейских регионов.

В дальнейшем, по мере затухания майкопского импульса и ослабления связей с Передней Азией, начался процесс деградации северокавказских культур (Бочкарев 2010). Они постепенно теряли свое превосходство и по общему уровню развития приближались к степным культурам Восточной Европы. Вслед за этим снизилась роль кавказского очага. В конце эпохи средней бронзы его влияние в основном обеспечивалось за счет экспорта меди и продукции металлопроизводства.

К началу II тыс. до н. э. Кавказ фактически превратился в обычный региональный центр. Вместе с этим закончился кавказский этап в истории бронзового века Восточной Европы и начался волго-уральский.

На рубеже III и II тыс. до н. э. общий центр развития переместился с Кавказа далеко на северо-восток — в Среднее Поволжье, Подонье и Южный Урал. Здесь сформировался новый очаг культурогенеза, который был назван волго-уральским (Бочкарев 1991). В нем получили развитие новые технологии металлопроизводства, возникло новое оружие (колесницы и прочее), сформировались новые культуры и т. д. Говоря образно, в нем рождалась эпоха поздней бронзы Восточной Европы.

Первичным ядром этого очага стал блок синташтинской, потаповской и покровской АК. В их основе лежал абашевский субстрат и некоторые элементы степных культур конца эпохи средней бронзы. Сами они возникли под воздействием сильного внешнего толчка. Таким событием оказалось сейминско-турбинское вторжение. О нем выше уже было сказано. Здесь нужно лишь добавить, что по культурно-исторической значимости его можно сравнить с миграцией майкопской культуры.

Волго-уральский очаг как основной культурно-производственный центр доминировал в Восточной Европе на протяжении всей первой половины II тыс. до н. э. Производная от него волго-уральская культурная провинция раскинулась от Урала до Северного Причерноморья и Прикубанья. Ее возникновение было связано с миграциями волго-уральских культур в юго-западном направлении. С середины II тыс. до н. э. начался процесс постепенного упадка волго-уральского очага. Вероятно, он был вызван общим кризисом восточноевропейского скотоводческого хозяйства и деградацией волго-уральского металлопроизводства. С этого времени на территории Восточной Европы усилилась дивергенция. Некогда единое культурное пространство начало распадаться на отдельные фрагменты. Карпато-балканский очаг культурогенеза, который активизировал свою деятельность с середины II тыс. до н. э., смог втянуть в свою орбиту только культуры Северного Причерноморья. Далее на восток его влияние не распространилось. К началу железного века Восточная Европа подошла в состоянии культурной раздробленности и упадка.

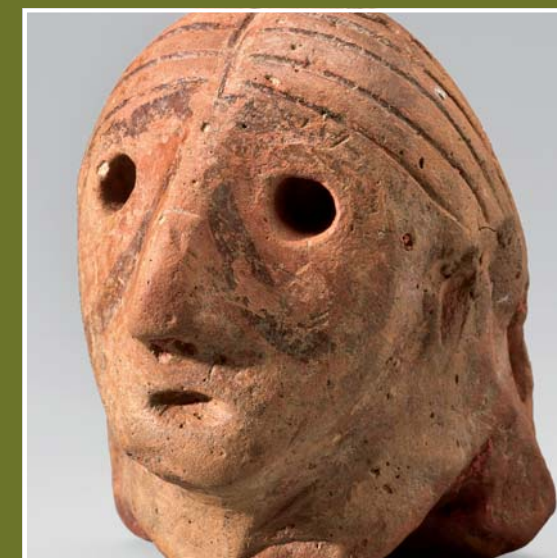
auszudrücken, es war der Wolga-Ural-Raum, in dem die Wiege der Spätbronzezeit Osteuropas stand.

Der ursprüngliche Kern dieses Zentrums ist der Bereich der Sintašta-, Potapovka- und Pokrovka-Kultur. Die Grundlage dieser Kulturen bildeten wiederum ein Abaševo-Substrat und einige Elemente der Steppenkulturen vom Ende der Mittelbronzezeit. Diese ihrerseits waren, wie bereits ausgeführt, durch einen Außenimpuls, die Sejma-Turbino-Invasion, entstanden. An dieser Stelle sei nun ergänzt, dass die kulturhistorische Bedeutung dieser Invasion mit der Migration der Maikop-Kultur zu vergleichen ist.

Der Wolga-Ural-Raum als entscheidendes kulturelles und wirtschaftliches Zentrum dominierte während der ersten Hälfte des 2. Jahrtausends v. Chr. ganz Osteuropa. Schon bald erstreckte sich die kulturelle Wolga-Ural-Provinz vom Ural bis zum nördlichen Schwarzmeer- und zum Kubangebiet. Dies ging mit den Wanderungen der Wolga-Ural-Kulturen nach Südwesten einher. In der Mitte des 2. Jahrtausends v. Chr. setzte dann der allmähliche Niedergang des Wolga-Ural-Zentrums ein. Vermutlich wurde er durch eine allgemeine Krise der osteuropäischen Viehzucht und einen Rückgang der Metallverarbeitung ausgelöst. Von dieser Zeit an ist in Osteuropa ein Prozess zunehmender Divergenz zu beobachten. Der einst geschlossene Kulturraum begann in einzelne Fragmente zu zerfallen. Das karpato-balkanische Zentrum der Kulturgenese, das von der Mitte des 2. Jahrtausends v. Chr. eine immer aktivere Rolle spielte, vermochte nur den nördlichen Schwarzmeerraum zu prägen, während es weiter im Osten ohne jeden Einfluss blieb. Zu Beginn der Eisenzeit ist somit für Osteuropa eine kulturelle Zergliederung und ein allgemeiner Niedergang zu konstatieren.

Энеолит и начало бронзового века

Das Äneolithikum und der Beginn der Bronzezeit

Эрнст Перницка

Распространение металлургии в Старом свете

Ernst Pernicka

Die Ausbreitung der Metallurgie in der Alten Welt

Начало обработки металла

На вопрос о том, какой металл был открыт первым, большинство людей ответит: «Золото». Такой ответ связан, вероятно, с тем, что всем известно: золото встречается в природе в виде металла и очень ярко блестит, поэтому его нетрудно обнаружить. Однако на самом деле золото появляется в истории человеческой культуры сравнительно поздно. Первым металлом, который начал использовать человек, была медь. Медь тоже встречается в природе в виде металла, хотя и не столь заметного, как золото, зато в гораздо больших объемах. Довольно часто можно найти куски металлической (так называемой самородной) меди размером с орех, с кулак или даже еще больше (ил. 1). Поэтому удивительно, что медь начали использовать так поздно. Возможно, причина в том, что охотники палеолита считали ее непригодной к использованию. Ее механические свойства ценили не слишком высоко, а ее цвет (как известно, окислившаяся медь становится зеленой или синей) был не нужен. Ни в одном из многочисленных палеолитических наскальных рисунков ни синий, ни зеленый цвет не присутствует. Популярными были красные пигменты типа красной охры, их широко применяли и даже массово добывали уже в эпоху палеолита.

Переход к оседлому образу жизни изменил характер цветовых предпочтений: теперь популярными стали зеленые материалы, которые применяли главным образом для изготовления украшений, прежде всего бус. Этот переход произошел на территории так называемого Плодородного полумесяца, то есть в регионе, простирающемся от западных склонов горного массива Загрос до Восточной Анатолии и далее до Южного Леванта. Примерно 10 000 лет до н. э. природные ресурсы и климат были здесь особенно благоприятны для выращивания различных растений. Это привело к развитию оседлых поселений — таких, как Халлан-Джеми, Чайюню-Тепеси, Невалы-Чори, Ашикли-Хююк, Чатал-Хююк, Субердэ, Джан-Хасан, Гритилле, Джафер-Хююк, и других в Северном Ираке и в Леванте (ил. 2). Еще одним характерным признаком происходящих изменений стало возрастание интереса к ярко окрашенным материалам, хорошо заметным на окружающем фоне. В докерамических поселениях практически повсеместно встречаются небольшие предметы из гематита, сердолика, бирюзы и малахита, которые, как и предметы из кости, рога и раковин, носили в качестве украшений.

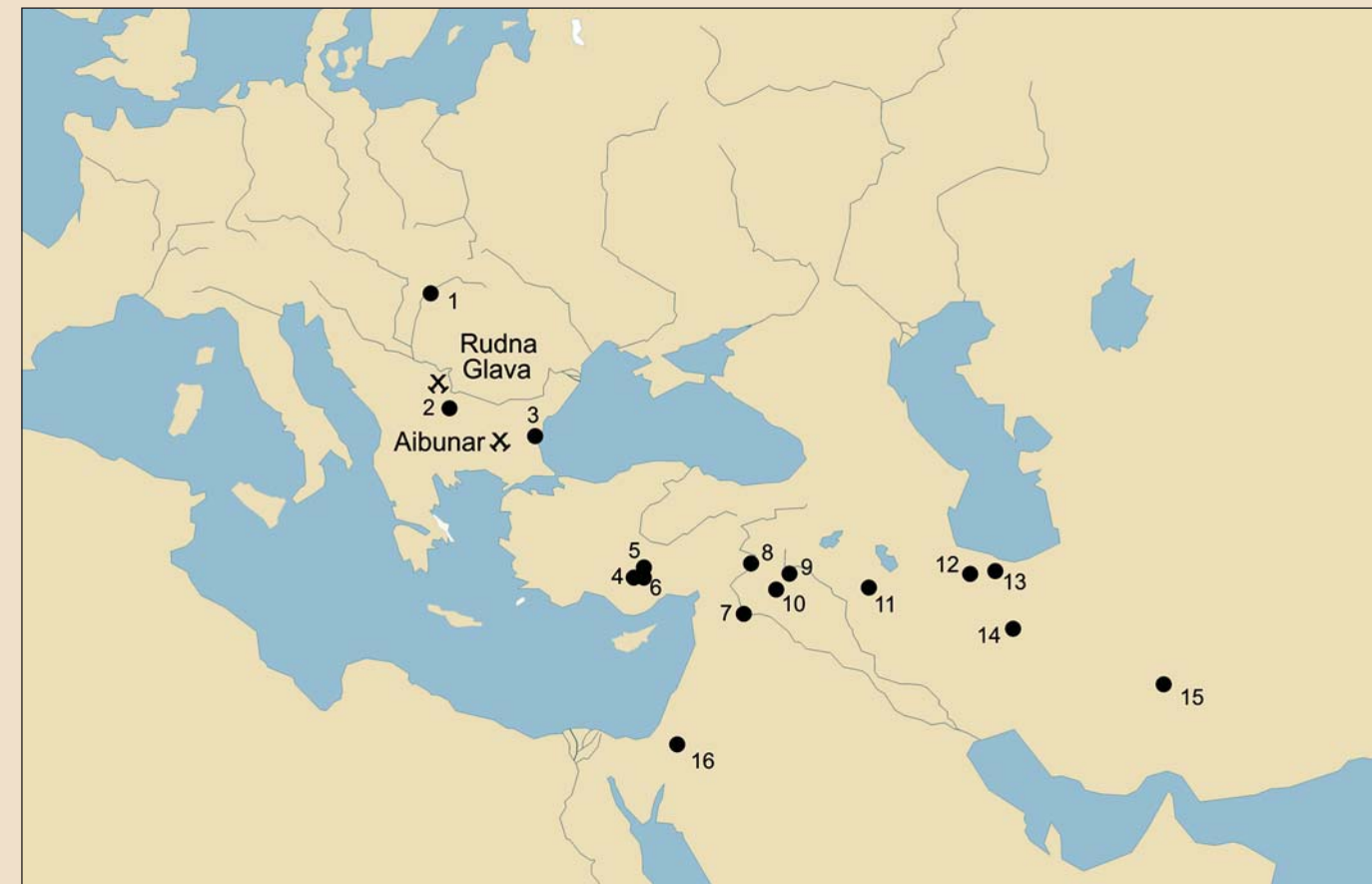
Если в эпоху палеолита в декоративных и ритуальных целях использовали исключительно красный цвет (например, красную охру в роли пигмента, см. выше), то в бескерамическую неолитическую эпоху наблюдается переориентация

Анфänge der Metallverarbeitung

Дие meisten Menschen würden auf die Frage, welches Metall zuerst entdeckt wurde, antworten, dass es Gold wäre. Das hängt wahrscheinlich damit zusammen, dass jeder weiß, dass Gold in der Natur als Metall vorkommt und deshalb aufgrund seines auffälligen Glanzes entdeckt werden konnte. Dennoch tritt Gold in der Kulturgeschichte vergleichsweise spät auf. Das erste Metall, das von Menschen benutzt wurde, war Kupfer. Auch Kupfer kommt in der Natur als Metall vor, wenn auch gewöhnlich in weniger auffälliger Form als Gold, dafür aber oft in wesentlich größeren Massen. Es ist nicht ungewöhnlich, nussgroße oder sogar faustgroße oder noch größere Stücke von metallischem Kupfer (so genanntes gediegen Kupfer) zu finden (Abb. 1). Insofern mag es erstaunen, dass es erst so spät vom Menschen genutzt wurde. Ein Grund mag darin zu suchen sein, dass es von paläolithischen Jägern wahrscheinlich als unbrauchbar angesehen wurde. Seine mechanischen Eigenschaften scheinen nicht geschätzt worden zu sein, und seine Farbe (Kupfer verwittert bekanntlich zu grünen oder blauen Oberflächen) wurde nicht gebraucht. In keiner einzigen der vielen paläolithischen Höhlenmalereien wurden die Farben Grün und Blau verwendet. Nur rote Pigmente wie Rötel wurden aktiv gesucht, genutzt und bereits im Paläolithikum sogar bergmännisch gewonnen.

Mit dem Beginn der sesshaften Lebensweise setzte ein Umschwung hin zu grünen Materialien ein, die vorwiegend für Schmuckgegenstände, vor allem Perlen, verwendet wurden. Dies geschah im so genannten Fruchtbaren Halbmond, einer Region, die von den westlichen Abhängen des Zagrosgebirges über Ostanatolien bis in die südliche Levante reicht. Offenbar waren hier etwa 10.000 v. Chr. die natürlichen Ressourcen und das Klima besonders günstig für die Kultivierung verschiedener Pflanzen. Das führte zur Entwicklung ortsfester Siedlungen, wie Hallan Cemi, Cayönü Tepesi, Nevali Cori, Asikli Höyük, Catal Höyük, Suberde, Can Hasan, Gritille, Cafer Höyük und anderen im nördlichen Irak und in der Levante (Abb. 2). Ein weiteres Kennzeichen dieser Veränderungen ist das zunehmende Interesse dieser Veränderungen ist das zunehmende Interesse für intensiv gefärbte Materialien, die sich von der Umgebung abheben. In den präkeramischen Siedlungen tauchen fast überall kleine Gegenstände aus Hämatit, Karneol, Türkis und Malachit auf, die ebenso wie Gegenstände aus Knochen, Geweih und Muscheln als Schmuck getragen wurden.

Während im Paläolithikum die Farbe Rot für dekorative und rituelle Zwecke dominierte (z. B. roter Ocker als Pigment, siehe oben), ist im akeramischen Neolithikum ein Umschwung zur Farbe Grün zu beobachten, was auf eine grundlegende Veränderung in der Symbolik der Farben schließen lässt. Grüne Steine aller Art wurden nun bevorzugt für die Herstellung von

на зеленый цвет, что позволяет сделать вывод об основополагающем изменении в символике цвета. Теперь для изготовления украшений использовали преимущественно зеленые камни разных типов. Одним из самых первых изделий такого рода может считаться подвеска из малахита с двумя отверстиями, найденная в позднепалеолитической пещере

Ил. 2. Упомянутые в тексте места: 1 – Ясладани; 2 – Беловоде; 3 – Варна; 4 – Джан-Хасан; 5 – Ашикли-Хююк, Субердэ; 6 – Чатал-Хююк; 7 – Хабуба-Кабира; 8 – Нурсунтепе, Невалы-Чори, Гритилле, Джафер-Хююк; 9 – Чайюню, Халлан-Джеми; 10 – Ярм-Тепе; 11 – Шанидар; 12 – Чешме-Али; 13 – Тепе-Загех; 14 – Арисман; 15 – Тали-Иблис; 16 – Нахал-Мишмар

Abb. 2. Orte, die im Text erwähnt werden: 1 – Jaszladany; 2 – Belovode; 3 – Varna; 4 – Can Hasan; 5 – Asikli Höyük, Suberde; 6 – Catal Höyük; 7 – Habuba Kabira; 8 – Norsuntepe, Nevali Cori, Gritille, Cafer Höyük; 9 – Cayönü, Hallan Cemi; 10 – Yarim tepe; 11 – Shanidar; 12 – Cheshmeh Ali; 13 – Tepe Zageh; 14 – Arisman; 15 – Tal-i-Iblis; 16 – Nahal Mishmar

Ил. 1. Самородная медь из Майданпек, Сербия
Abb. 1. Gediegen Kupfer aus Majdanpek, Serbien

Шанидар на северо-востоке Ирака и датирующаяся примерно 9500 годом до н. э. Поскольку минералы меди имеют зеленый цвет, их особенно часто собирали и обрабатывали, о чем свидетельствует большое число малахитовых бусин в Чайюню и других местах докерамических находок.

Поэтому неудивительно, что среди датируемых этим периодом находок впервые появляется и медь — с конца IX тыс. до н. э. в Чайюню, а затем во все большем количестве

Schmuckgegenständen verwendet. Als eines der ersten dürfte ein zweifach durchlochter Anhänger aus Malachit aus der spätpaläolithischen Höhle von Shanidar im nordöstlichen Irak gelten, der auf ca. 9500 v. Chr. datiert wird. Da viele Kupferminerale grün sind, wurden diese besonders häufig gesucht und verarbeitet, wie die große Zahl von Malachitperlen in Cayönü und anderen präkeramischen Fundorten zeigt.

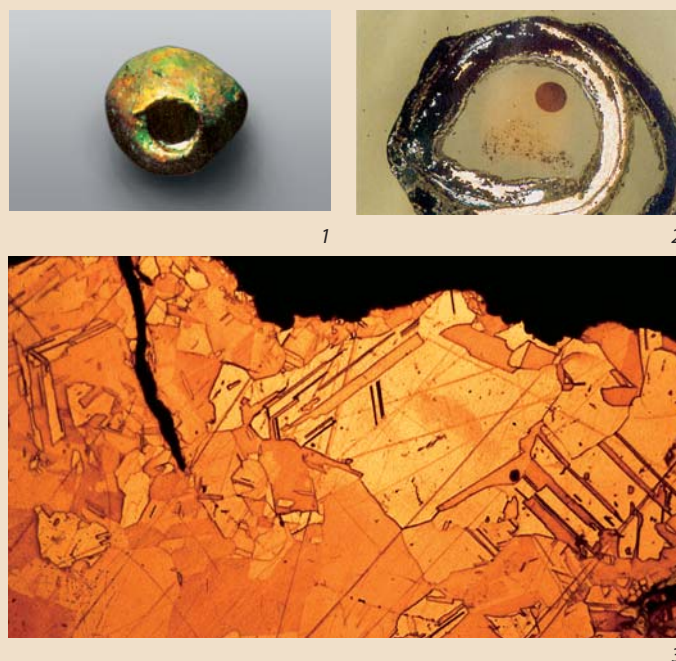
Es ist deshalb wohl kaum Zufall, dass in dieser Periode auch erstmals Kupfer im Fundbestand auftaucht, und zwar ab dem späten 9. Jahrtausend v. Chr. in Cayönü und vermehrt im 8. und 7. Jahrtausend v. Chr. in weiten Teilen Vorderasiens (Abb. 2). Soweit untersucht, handelt es sich ausschließlich um gediegen, also in der Natur als Metall vorkommendes Kupfer, das meist kalt verformt wurde. Dies lässt sich sowohl aus der außerordentlich hohen Reinheit des Kupfers erschließen als auch aus metallographischen Untersuchungen. Diese haben aber auch gezeigt, dass schon zu Beginn der Metallurgie Kupfer bei der Verformung öfter zwischengeglüht (getempert) wurde (Abb. 3). Metallurgisch macht das durchaus Sinn, denn Kupfer wird beim Hämmern spröde und rissig, was durch tempern bei einigen 100°C wieder rückgängig gemacht werden kann. Nun wurden

в VIII и VII тыс. до н. э. в других районах Передней Азии. Согласно данным исследований, это была только самородная медь, то есть медь, встречающаяся в природе в виде металла, которую обычно обрабатывали способом холоднойковки. Об этом свидетельствуют как необычайная чистота этой меди, так и данные металлографических исследований, показавших, что уже в начале своей металлургической деятельности человек подвергал медь при формовке промежуточному отжигу — термической обработке (ил. 3). Такая обработка вполне рациональна с точки зрения металлургии, ведь самородная медь при ковке становится хрупкой и ломкой, и это можно исправить отжигом при температуре в несколько сот градусов.

Очевидно, в то же время стали использовать и механические качества металла: его формовали ковкой, изготавливая простые инструменты (шилья, кольца, рыболовные крючки и т. д.) и тонкие пластины, которые можно было скатать и легко превратить в бусины. Однако такого рода деятельность не есть металлургия в собственном смысле слова, потому что металл только формовали. Его явно считали просто камнем с особыми свойствами. Ничего необычного не было и в том, что камень подвергали воздействию огня, поскольку это делали и в других случаях — например, для нагрева жидкостей или варки пищи. Однако минералы меди вели себя в таких случаях необычно. В огне они изменяли цвет, становясь черными, а иногда и красными. Такие изменения цвета не остались, конечно, без внимания и дали повод для дальнейших экспериментов, пока дело не дошло, наконец, до настоящего преобразования рудных минералов в металл. Это и стало началом производства металла способом переплавки руды. Мы, к сожалению, не знаем, когда и где это произошло. Однако с уверенностью можно сказать, что это не было случайным нагревом на открытом огне, ибо для такого процесса нужны высокие температуры — не ниже 1100°C (медь плавится при 1083°C) — и строго определенные химические условия при почти полном исключении из процесса кислорода. Такие условия лучше всего обеспечивает закрытое пространство для реакции, но эксперименты показали, что восстановление оксидных медных руд возможно с небольшим выходом и в тигле или в яме под покрытием из древесного угля. Хотя в раннеэоли-тическом поселении Чатал-Хююк в Средней Анатолии в слоях середины VII тыс. до н. э. были найдены куски медной руды со следами нагревания, тем не менее не ясно, произошел ли нагрев в огне пожара или же был результатом целенаправленной попытки переплавки. Так или иначе, недавно было установлено, что медные предметы, найденные в слоях этого времени, сделаны из самородной меди.

Начало выплавки металлов

Самое надежное доказательство целенаправленной плавки медных руд — это шлаки и/или зашлакованные тигли. Они, однако, появляются среди археологических находок только примерно с 5000 года до н. э., так что с точки зрения истории металлургии и обработки металлов у нас оказывается пробел примерно в 3000 лет, судить о котором мы не можем, не имея никаких однозначных свидетельств. Мы можем, тем не менее, предлагать гипотезы, выстраивать модели и подвергать их экспериментальной проверке. Одна из таких моделей предполагает, что самородная медь могла случайно оказаться нагретой до столь высокой температуры, что стала жидкой. А такой опыт мог указать людям путь к восстановлению медных руд при высоких температурах, при которых возникает жидкая медь. Хотя это и кажется

Илл. 3. 1 — медная бусина из Ашикли-Хююк; 2 — в сечении видно, что бусина сделана из скатанной в шарик медной жести; 3 — структура меди указывает на то, что она была нагрета и сформована в несколько этапов (по: Yalcin, Pernicka 1999)

Abb. 3. 1 — Kupferperle von Asikli Höyük; 2 — im Querschnitt sieht man, dass die Perle aus einem zusammengerollten Kupferblech hergestellt wurde; 3 — das Gefüge des Kupfers zeigt an, dass es in mehreren Stufen erhitzt und verformt wurde (nach Yalcin, Pernicka 1999)

оффенбар auch die mechanischen Eigenschaften des Metalls genutzt, indem es durch hämmern zu einfachen Werkzeugen (Pfrieme, Ringe, Angelhaken, etc.) und Blechen verformt wurde, die zusammengerollt auf einfache Weise zu Perlen verarbeitet werden konnten.

Dennoch handelt es sich bei diesen Tätigkeiten nicht um Metallurgie im eigentlichen Sinn, denn das Metall wurde nur verformt. Offensichtlich wurde es wie ein Stein mit besonderen Eigenschaften betrachtet. Es ist auch nicht ungewöhnlich, dass Steine dem Feuer ausgesetzt wurden, z. B. zur Erhitzung von Flüssigkeiten oder zum Kochen von Nahrungsmitteln. Die Kupferminerale zeigen aber dabei ein besonderes Verhalten: Sie ändern ihre Farbe im Feuer, denn sie werden meist schwarz, gelegentlich auch rot. Diese auffälligen Farbänderungen blieben gewiss nicht unbeobachtet und könnten den Anlass für weitere Experimente gegeben haben, bis es schließlich tatsächlich zur Umwandlung der Erzminerale zu Metall kam. Das war der Beginn der Metallproduktion durch die Verhüttung von Erzen. Leider wissen wir aber weder wann, noch wo dies geschah. Es kann aber nicht ein Zufallsprodukt in einem offenen Feuer gewesen sein, denn für diesen Prozess braucht man hohe Temperaturen von mehr als 1100°C (Kupfer schmilzt bei 1083°C) und chemisch reduzierende Bedingungen unter weitgehendem Ausschluss von Sauerstoff. Das gelingt am besten in einem geschlossenen Reaktionsraum, aber Experimente haben gezeigt, dass die Reduktion von oxidischen Kupfererzen auch in einem Tiegel oder in einer Grube unter Holzkohlebedeckung mit geringer Ausbeute möglich ist. In der frühneolithischen Siedlung von Catal Hüyük in Mittelanatolien wurden zwar in Schichten aus der Mitte des 7. Jahrtausends v. Chr. Kupfererze gefunden, die Anzeichen von Erhitzung aufwiesen, aber es ist unklar, ob diese in einem Schadfeuer stattfand oder aus einem absichtlichen Verhüt-

правдоподобным, но до V тыс. до н. э. мы не имеем ни одного медного предмета, который был бы точно изготовлен методом литья. Еще одна гипотеза называет другой металл, относительно которого феномен случайного восстановления из руды кажется более вероятным. Этот металл — свинец. В отличие от меди свинец практически не встречается в природе в форме металла. Любой археологический объект из свинца является поэтому per se указанием на плавку свинцовой руды. Кроме того, также в отличие от ситуации с медью, это могло действительно происходить при сравнительно низких температурах, так как свинец имеет весьма низкую температуру плавления — 327°C. Превращение «камня» в жидкость должно было производиться на древних мастерах потрясающее впечатление и вызывать желание повторять опыт. Таким образом были открыты условия для получения металлов из руды, которые затем могли быть перенесены и на медную руду. Поэтому свинцовый браслет из Ярымтепе I в северном Ираке имеет очень большое значение, так как он датируется VI тыс. до н. э., то есть периодом до появления однозначных доказательств плавки меди. Следовательно, свинец — это второй металл, который люди научились обрабатывать. Может быть, он даже первый, целенаправленно полученный из руды. В связи с этим важно отметить, что во многих находках бескерамического неолита был обнаружен галенит (сульфид свинца, PbS, то есть самая распространенная свинцовая руда, кристаллизованная в черные блестящие кубики), например, в Чайоню и Чатал-Хююк, где были найдены корольки из галенита.

Помимо неясностей, связанных с техническим развитием металлообработки, существуют и разные мнения относительно возникновения и распространения этой культурной техники, ставшей столь важной в последующие периоды. Если в отношении земледелия и скотоводства общепринятой считается точка зрения, определяющая для них единственный регион их происхождения (во всяком случае, в Старом свете), то относительно возникновения металлургии существуют по меньшей мере две гипотезы — моноцентрическая и полицентрическая. Важное значение имеет и вопрос о том, было ли изобретение выплавки металла из руды и его литья результатом гениального озарения, или же существовали условия, которые более или менее неизбежно привели к открытию металлургии.

Распространение пирометаллургии

Относительно V тыс. до н. э. мы можем выделить по меньшей мере четыре региона Передней Азии, где доказано наличие металлургической деятельности. Это Иранское нагорье к западу и югу от Тегерана (Тепе-Загех, Чешме-Али), юго-восточные отроги Загросских гор (Тали-Иблис), юго-восток Анатолии вдоль среднего течения Евфрата в горах Тавра (Норсунтепе) и Левант, преимущественно долина Иордана и низменности между Красным и Мертвым морями. Там, кроме того, имеются и очень ранние свидетельства литья методом утраченной формы. С другой стороны, самое раннее свидетельство выплавки металла вообще было обнаружено недавно в Сербии. Незначительные количества медных шлаков были найдены под Беловоде в слоях начала V тыс. до н. э. Таким образом, мы имеем свидетельства производства меди восстановлением руды, датируемые одним тысячелетием и относящиеся к одному региону, простирающемуся от Южной Европы до юго-восточного Ирана (ил. 4). Трудно представить, что здесь не происходила передача навыков и знаний. Спорным остается сейчас направление распространения технологии. Большинство исследователей

тунгversuch stammt. Die Kupfergegenstände aus diesen Schichten bestehen jedenfalls aus gediegen Kupfer, wie kürzlich festgestellt werden konnte.

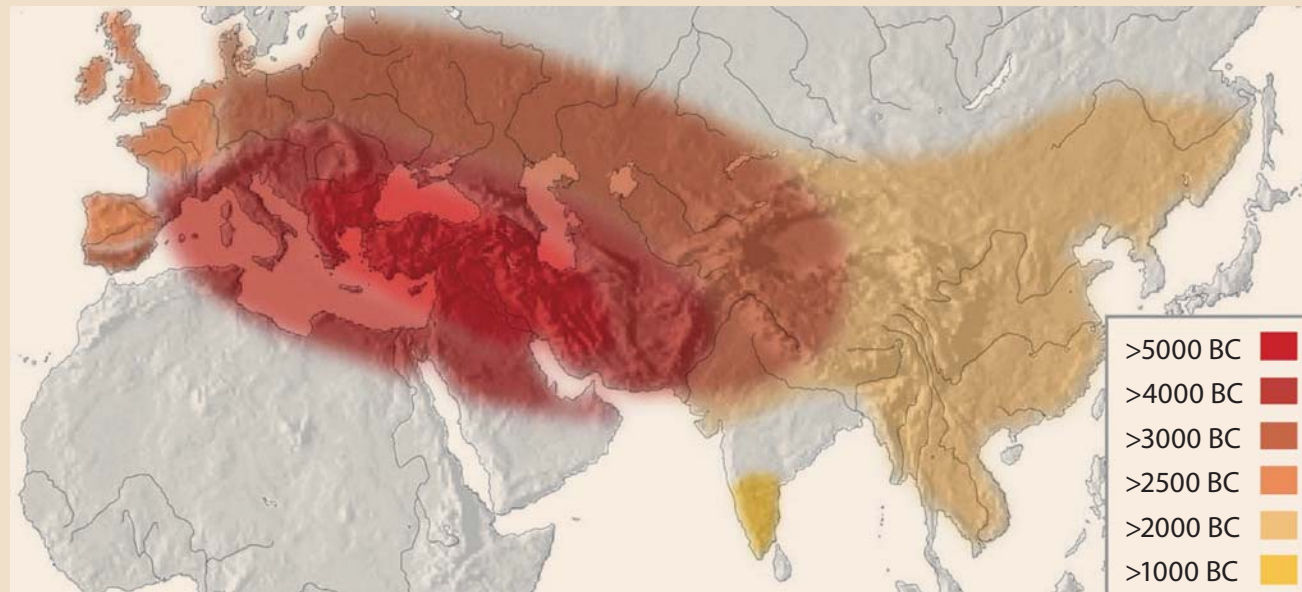
Anfänge der Verhüttung

Der sicherste Nachweis einer gezielten Verhüttung von Kupfererzen sind Schlacken und/oder verschlackte Tiegel. Diese tauchen aber erst ab etwa 5000 v. Chr. im archäologischen Fundbestand auf, so dass wir derzeit in Bezug auf die Entwicklung der Metallurgie und der Metallverarbeitung noch eine Lücke von ca. 3000 Jahren haben, in der bisher noch keine eindeutigen Belege vorliegen. Man kann aber Hypothesen aufstellen und Modelle entwickeln, die getestet werden können. In einem solchen Modell wurde vorgeschlagen, gediegen Kupfer sei gelegentlich so hoch erhitzt worden, dass es flüssig wurde. Diese Beobachtung hätte den Weg zur Reduktion von Kupfererzen bei hohen Temperaturen gewiesen, bei denen Kupfer flüssig entsteht. Obwohl es plausibel klingt, gibt es kein einziges Kupferobjekt vor dem 5. Jahrtausend v. Chr., das sicher durch Guss hergestellt wurde. Eine weitere Hypothese nennt ein anderes Metall, bei dem das Phänomen der zufälligen Reduktion aus Erzen wahrscheinlicher ist, nämlich Blei. Im Gegensatz zu Kupfer kommt Blei in der Natur praktisch nicht metallisch vor. Ein archäologisches Bleiobjekt ist deshalb per se ein Hinweis auf Verhüttung von Bleierzen. Ebenfalls anders als bei Kupfer kann dies tatsächlich in einem offenen Feuer bei vergleichsweise niedrigen Temperaturen geschehen, und Blei würde wegen seines niedrigen Schmelzpunktes von 327°C tatsächlich flüssig anfallen. Die Umwandlung eines „Steins“ in eine Flüssigkeit muss auf die frühen Handwerker einen enormen Eindruck gemacht und den Wunsch zur Wiederholung geweckt haben. Auf diese Weise könnten die Bedingungen für eine Metallgewinnung aus Erzen entdeckt und auch auf Kupfererze angewandt worden sein. Insofern kommt einem Bleiarmband vom Yarmitepe I im nördlichen Irak eine besondere Bedeutung zu, weil es aus dem 6. Jahrtausend v. Chr. stammt, also vor eindeutigen Belegen für Kupferverhüttung. Blei ist somit das zweite Metall, das vom Menschen verarbeitet wurde. Vielleicht ist es sogar das erste, das gezielt aus Erzen gewonnen wurde. In diesem Zusammenhang ist es wichtig zu erwähnen, dass an vielen Fundorten des akeramischen Neolithikums auch Bleiglanz (Bleisulfid, PbS, das am weitesten verbreitete Bleierz, kristallisiert in schwarz glänzenden Würfeln) gefunden wurde, z. B. in Cayönü und in Catal Hüyük, wo auch Perlen aus Bleiglanz gefunden wurden.

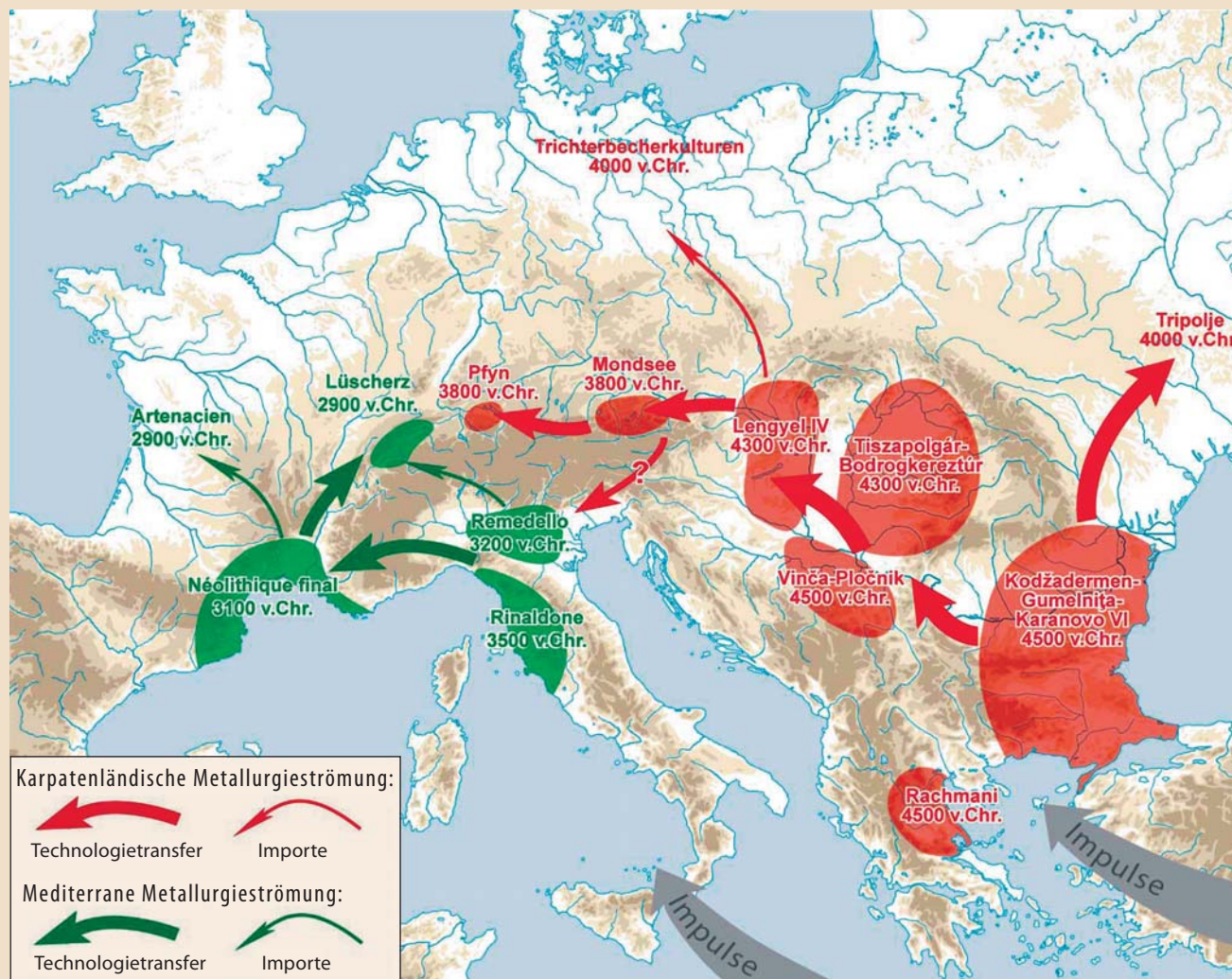
Neben der Unklarheit über die technische Entwicklung der Metallgewinnung gibt es auch unterschiedliche Meinungen über die Entstehung und Ausbreitung dieser in späteren Perioden essentiellen Kulturtechnik. Während für die Entstehung von Ackerbau und Viehzucht allgemein eine einzige Kernregion (zumindest für die Alte Welt) angenommen wird, gibt es für die Entstehung der Metallurgie sowohl monozentrische als auch polyzentrische Hypothesen. Das ist gleich bedeutend mit der Frage, ob die Erfindung der Verhüttung von Erzen und das Gießen von Metall ein einziger Geniestreich war oder ob es Bedingungen gibt, die mehr oder weniger zwangsläufig zur Entdeckung der Metallurgie führen können.

Ausbreitung der Pyrometallurgie

Im 5. Jahrtausend v. Chr. sind zumindest vier Regionen in Vorderasien mit identifizierten metallurgischen Aktivitäten erkennbar: Das iranische Hochland westlich und südlich von Teheran (Tepe Zageh, Cheshme Ali) und eine weitere im südöstlichen Ausläufer des Zagros-Gebirges (Tal-i-Iblis), in Süd-

Ил. 4. Распространение пиротехнического производства металла (no: Roberts u. a. 2009)
Abb. 4. Ausbreitung der pyrotechnischen Metallgewinnung (nach Roberts u. a. 2009)

Ил. 5. Распространение металлургии в Европе (no: Strahm 1994)
Abb. 5. Ausbreitung der Metallurgie in Europa (nach Strahm 1994)

все еще полагает, что регион происхождения технологии должен находиться где-то на юго-западе Азии и что траектория ее распространения шла главным образом в направлении севера (Кавказ) и запада.

В пользу моноцентрической гипотезы свидетельствует то, что пиротехнологическая металлургия, то есть производство металла восстановлением из руды, в V тыс. до н. э. относительно быстро распространилась на очень большой территории. Надо также учесть, что в данном случае речь идет о весьма сложной технологии, развитие которой могло бы занять гораздо больше времени. Кроме того, бросается в глаза сходство металлических форм и плавильных устройств, противоречащее удаленности мест находок друг от друга, например Фенана в Иордании от Арисмана в Центральном Иране. Распространение металлургии или по крайней мере металлообработки в Европе представляет собой временной дрейф из Юго-Восточной в Северо-Западную Европу, сходный с процессом распространения неолитического образа жизни примерно двумя тысячелетиями раньше (ил. 5). В соответствии с этим производство металла начинается на Британских островах только в III тыс. до н. э., в то время как в Центральной Европе — примерно с 4000 года до н. э.

В пользу второй гипотезы можно привести тот аргумент, что по крайней мере в настоящее время самые ранние свидетельства плавки руды найдены в регионах, очень далеко отстоящих друг от друга, и что самые древние медные копи начала V тыс. до н. э. расположены в Сербии и Болгарии. Однако вполне возможно, что это лишь нестабильный моментальный снимок ситуации, который может в любое время претерпеть изменения из-за каких-либо новых находок.

Техника литья и золото

В V тыс. до н. э. появляется и золото, произошло это в юго-восточной Европе. В городе Варна на Черном море в 1972 году случайно, при рытье траншеи для кабеля, был обнаружен доисторический могильник, датируемый второй половиной V тыс. до н. э. Особенностью почти 300 погребений этого могильника является богатый погребальный инвентарь, распределенный крайне неравномерно и впервые включающий в себя золото. Всего в списке находок значится 3000 объектов из золота, вес которых в сумме достигает шести килограммов (ил. 6). Культурно-историческое значение этих необыкновенных могильников стало предметом оживленных дискуссий. Так или иначе, неравномерное распределение погребального инвентаря указывает на иерархически структурированное общество с личным или общественным богатством, которое, вероятно, должно было выражать социальный статус. Ряд исследователей даже считает поразительное золотое богатство некоторых могильников символом рождения европейской цивилизации. С точки зрения металлургии интересно то, что погребальный инвентарь могильников отражает развитие ремесла от простых жестяных работ до литья методом утраченной формы.

Медь тоже отливали, что гораздо сложнее, чем литье золота. Расплавленная медь вбирает в себя кислород и отдает его при остывании. Из-за этого появляются пузыри с газом, которые могут приводить к серьезным дефектам литья, вплоть до вытеснения меди из закрытых форм. Тем не менее уже в V тыс. до н. э. медь отливали таким способом. Ведь методом литья в открытые формы можно было изготовить только самые простые изделия. Двояковыпуклые предметы, например многочисленные изогнутые крестовые

останатолиты entlang des mittleren Euphrat im Taurus-Gebirge (Norsuntepe) und in der Levante vorwiegend im Jordantal und der Senke zwischen Rotem und Totem Meer. Dort gab es zusätzlich sehr frühe Nachweise für Guss in verlорener Form. Andererseits ist vor kurzem der früheste Nachweis von Verhüttung überhaupt in Serbien bekannt geworden. Geringe Mengen an Kupferschlacke wurden bei Belovode in Schichten aus dem frühen 5. Jahrtausend v. Chr. gefunden. Somit haben wir Anzeichen von Kupfergewinnung durch Reduktion von Erzen innerhalb eines Jahrtausends in einem Gebiet, das von Südosteuropa bis in den Südostiran reicht (Abb. 4). Es ist schwer vorstellbar, dass es hier keinen Kenntnistransfer gegeben hat. Umstritten ist derzeit die Richtung, in die sich die Technologie ausgebreitet hat. Die Mehrheit der Forscher nimmt immer noch an, dass die Ursprungsregion irgendwo in Südwestasien liegen müsse und

Ил. 6. Некоторые золотые предметы из могильника в Варне, погребение 36. (Фото К. Димитрова)
Abb. 6. Varna. Auswahl von Goldfunden aus dem Komplex (Grab) 36. (Foto: K. Dimitrov)

dass sie sich vorrangig nach Norden (Kaukasus) und Westen ausgebreitet hat.

Für die monozentristische Hypothese spricht, dass sich die pyrotechnologische Metallurgie, d.h. die Gewinnung von Metallen durch Reduktion von Erzen, im späten 5. Jahrtausend v. Chr. relativ schnell über einen sehr großen Raum verbreitet. Hinzu kommt, dass es sich um eine ziemlich komplexe Technologie handelt, deren Entwicklung einen langen Zeitraum beanspruchen dürfte. Außerdem ist die Ähnlichkeit der Metallformen und der Verhüttungseinrichtungen über weite Entfernungen hinweg auffällig, z. B. Fenan in Jordanien und Arisman im Zentraliran. Die Ausbreitung der Metallurgie oder mindestens der Metallverarbeitung in Europa folgt einer ähnlichen zeitlichen Drift von Südost- nach Nordwesteuropa wie die Ausbreitung der neolithischen Lebensweise ca. zwei Jahrtausende früher (Abb. 5). Dementsprechend beginnt die Metallgewinnung auf den Britischen Inseln erst im dritten Jahrtausend v. Chr., während sie in Mitteleuropa ab etwa 4000 v. Chr. einsetzt.

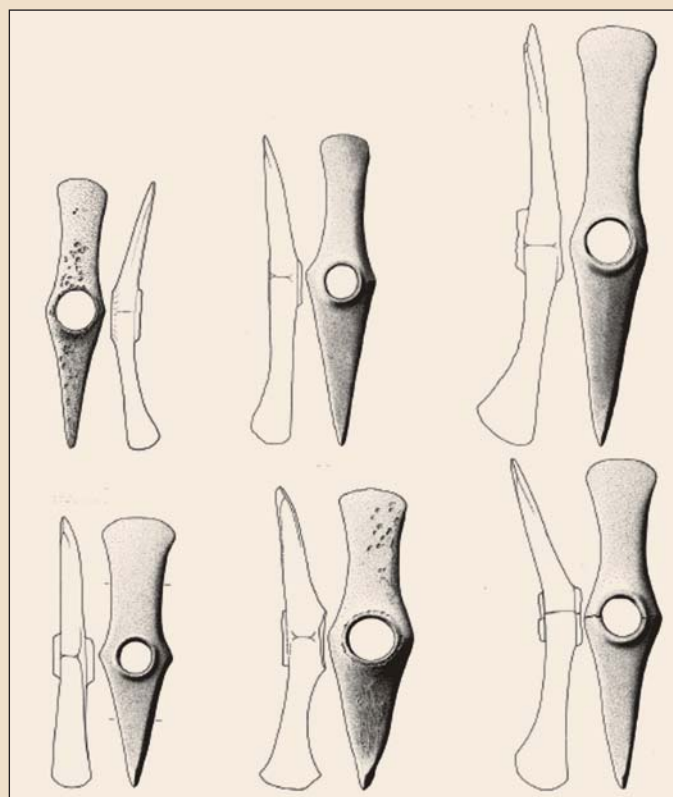
Für die zweite Hypothese könnte man anführen, dass zumindest derzeit die frühesten Anzeichen für die Verhüttung von Erzen in weit voneinander entfernt liegenden Regionen gefunden wurden und dass die ältesten Kupferbergwerke vom Beginn des 5. Jahrtausends v. Chr. in Serbien und Bulgarien liegen. Das ist aber möglicherweise nur eine instabile Momentaufnahme, die durch Neufunde jederzeit verändert werden kann.

топоры в Юго-Восточной Европе, требовали уже закрытой двухстворчатой литевой формы, а еще более сложные изделия можно было получить только литьем по методу утраченной формы.

Мышьяковая медь

Как только люди узнали и получили не один, а несколько металлов, они начали изготавливать сплавы. Медь и золото или медь и серебро целенаправленно смешивали друг с другом, вероятно, для того, чтобы изменить цвет конечного изделия. Золото и серебро встречаются вместе и в природе, например в форме электрума — золота с 20–25% серебра. В конце V тыс. до н. э. появляется сплав меди и мышьяка, который, правда, в большинстве случаев не был целенаправленно полученным сплавом как таковым, означая результат совместной плавки и, соответственно, смешивания двух и более металлов. Это было невозможно хотя бы в силу того, что мышьяк возгоняется, то есть переходит из твердого в газообразное состояние, уже при 617°C, а медь только плавится при 1084°C. Поэтому при совместной плавке мышьяк просто бы исчез. С другой стороны, если добавить мышьяк в расплавленную медь, он тут же испарится. Тем не менее в IV тыс. до н. э. этот сплав, более твердый, чем чистая медь, и более податливый при выплавке, был очень широко распространен. Объяснить такую странность может то, что твердость сплава стала известна и побудила искать и добывать медные руды с повышенным содержанием мышьяка. В последние годы получены новые подтверждения того, что медь целенаправленно плавилась с мышьяксодержащими минералами и таким образом целенаправленно получали мышьяковую медь. Недавно в Иране и Западной Анатолии в местах добычи и переработки меди были найдены остатки мышьякового железа, которое могло служить именно для этой цели. Самый часто встречающийся мышьяковый минерал — это арсенопирит, или мышьяковый колчедан (FeAsS), который, вероятно, нагревали, чтобы удалить серу. При этом возникало мышьяковое железо (в терминологии металлургов — шпейза), которое можно было использовать для получения сплава мышьяка и меди. Это свидетельствует о невероятном прогрессе в освоении металлургических процессов. Он был мотивирован, скорее всего, потребностями оружейной техники, ибо только с появлением мышьяковой меди появился и новый тип оружия — кинжал. Действительно, большая твердость сплава по сравнению с чистой медью позволяла применять изготовленные из него предметы в качестве оружия.

Использование сплавов вместо чистой меди имело еще одно серьезное преимущество. Они гораздо легче поддаются литью, поэтому из них можно изготовить предметы практически любой формы. Дело в том, что расплавленная медь абсорбирует из воздуха кислород, который при остывании улетучивается, что порождает дефекты литья. Именно появление таких инноваций, как сплавы, способствовало развитию и распространению металлургии. Сплавы дали людям новый материал, более твердый, чем кость, дерево или нелигированная медь, и позволили изготавливать предметы нового типа, например кинжал, который невозможно было сделать из каменных материалов с качеством, необходимым для его практического использования. Техника литья развивалась очень быстро. После простого литья в открытых каменных формах перешли к формам закрытым, нужным, например, для изогнутых изделий — таких, как широко распространенные в Юго-Восточной Европе около IV тыс. до н. э. топоры из Ясладани (ил. 7). Литье изделий с еще

Ил. 7. Типичные топоры из Ясладани (по: Kienlin, Pernicka 2009)

Abb. 7. Typische Jaszladany-Äxte (nach Kienlin, Pernicka 2009)

Густеchniken und Gold

Im 5. Jahrtausend v. Chr. tritt Gold hinzu, und zwar in Südosteuropa. In der Stadt Varna am Schwarzen Meer wurde im Jahre 1972 zufällig beim Ausbaggern eines Kabelkanals ein prähistorisches Gräberfeld entdeckt, das in die zweite Hälfte des 5. Jahrtausends datiert. Das Besondere an diesen nahezu 300 Gräbern sind die reichen Grabbeigaben, die extrem ungleichmäßig verteilt sind und erstmals auch Gold enthalten. Insgesamt sind etwa 3000 Goldobjekte inventarisiert, die zusammen rund sechs Kilogramm wiegen (Abb. 6). Die kulturhistorische Bedeutung dieses außergewöhnlichen Gräberfeldes wurde vielfach diskutiert. Jedenfalls deutet die ungleiche Verteilung der Beigaben auf eine hierarchisch gegliederte Gesellschaft mit persönlichem oder gemeinschaftlichem Reichtum, der möglicherweise den sozialen Status ausdrücken sollte. Manche sehen in dem enormen Goldreichtum einiger Gräber sogar ein Symbol für den Beginn der europäischen Zivilisation. Für die metallurgische Betrachtung ist es interessant, dass sich im Gräberfeld eine handwerkliche Entwicklung abzeichnen scheint, die von einfachen Blecharbeiten bis zum Guss in verlorener Form reicht.

Auch Kupfer wurde gegossen, was deutlich schwieriger ist als der Guss von Gold. Denn geschmolzenes Kupfer nimmt Sauerstoff auf, den es beim Abkühlen wieder abgibt. Dadurch entstehen Gasblasen, die zu schweren Gussfehlern bis hin zum Austreiben des Kupfers aus geschlossenen Formen führen können. Dennoch ist dies bereits im 5. Jahrtausend v. Chr. möglich gewesen. Denn mit dem offenen Herdguss können nur einfache Formen hergestellt werden. Bikonvexe Formen, wie die zahlreichen geschwungenen kreuzständigen Hacken in Südosteuropa, erfordern bereits eine zweischalige geschlossene Gussform, und komplexe Formen können nur im Guss in verlorener Form erreicht werden.

более сложными формами стало возможным благодаря так называемому литью по утраченной восковой модели. Способ такого литья состоял в том, что нужную форму сначала моделировали из воска поверх глиняного ядра. Этот восковой слой окружали несколькими слоями глины, при этом первый, внутренний слой делали из самой пластичной глины, чтобы точно воспроизвести мельчайшие детали поверхности. Готовую глиняную форму нагревали, расплавленный воск вытекал, оставляя полость в форме изготавливаемого предмета. Полость заполняли расплавленным металлом. После остывания глину отбивали, обнажая металлическое изделие. Свидетельства применения этого метода уже в конце V тыс. до н. э. найдены в Иордании, где в пещере Нахал-Мишмар были найдены 442 металлических предмета, большая часть которых отлита с применением этой техники. Предметы сделаны из необычного сплава меди с сурьмой и мышьяком. В это же самое время такая литевая техника применялась и в Варне для изготовления предметов из золота.

Свинец и серебро

В IV тыс. до н. э. в металлургии начинают использовать еще два металла — свинец и серебро. Правда, свинец люди узнали гораздо раньше, о чем свидетельствует свинцовый браслет из Ярымтепе в Северном Ираке, датируемый примерно VI тыс. до н. э. Поскольку свинец, в отличие от меди, никогда не встречается в природе в форме металла, браслет можно считать вообще самым ранним свидетельством получения металла из руды. Объяснением может служить относительно легкое получение свинца из его наиболее часто встречающихся руд (галенит, PbS, и церусит, PbCO₃), и это позволяет предположить, что впервые свинец был получен случайно, в открытом огне. Галенит формирует красивые кристаллы с металлическим блеском, которые, очевидно, издревле использовались для украшений. Так, в слоях бескерамического неолита Плодородного полумесяца, например в Чайоню, наряду с самородной медью были найдены и куски галенита. Не исключено, что такие декоративные камни могли подвергаться воздействию огня, как и другие каменные предметы, чтобы посмотреть, что произойдет. При этом действительно мог появляться жидкий свинец в небольших количествах, это могло разжечь любопытство и привести в дальнейшем и к плавке медной руды. Правда, вызывает удивление тот факт, что приблизительно в IV тыс. до н. э. люди, очевидно, каким-то образом узнали о содержании в свинце небольшого количества серебра. Ибо как раз в это время появились первые предметы из серебра, а число находок предметов из свинца, относящихся к тому же времени, значительно возросло. Хотя серебро и относится к самородным металлам, встречающимся в природе именно в форме металла, большая часть серебра в Передней Азии и в Восточном Средиземноморье была получена из свинцовых руд. Это подтверждено находкой свинцового глета (PbO), возникающего при купелировании, называемом иногда трейбованием, то есть при окислительном отделении свинца от серебра в расплавленном состоянии. Это вещество невозможно спутать ни с каким природным материалом, так как в природе оно практически не встречается. Поэтому, например, обнаружение свинцового глета в Хабуба-Кабира на Среднем Евфрате в Сирии однозначно доказывает, что уже в VI тыс. до н. э. серебро получали из свинца. Многочисленные находки свинцового глета в Арисмане в Центральном Иране, датируемые более поздним временем (ил. 8), свидетельствуют о том, что этот метод использовали уже в гораздо большем масштабе. О возникновении трейбования нельзя

Арсенкупер

Sobald mehr als ein Metall bekannt war und zur Verfügung stand, wurden auch Legierungen hergestellt. Kupfer und Gold bzw. Kupfer und Silber wurden absichtlich vermischt, wohl um die Farbeigenschaften zu verändern. Gold und Silber kommen zusammen in der Natur vor, z. B. in Form von Elektrum, Gold mit einem Silberanteil von ca. 20 bis 25%. Im späten 5. Jahrtausend v. Chr. kommt auch die Legierung von Kupfer und Arsen hinzu, die allerdings in vielen Fällen wohl keine absichtliche Legierung in dem Sinne war, dass zwei oder mehr Metalle zusammen eingeschmolzen und dadurch vermischt wurden. Dies ist deshalb nicht möglich, weil Arsen bereits bei 617°C sublimiert, d.h. vom festen in den gasförmigen Zustand übergeht, während Kupfer erst bei 1084°C schmilzt. Arsen würde deshalb bei gemeinsamem Erhitzen verloren gehen. Andererseits würde das Einbringen von Arsen in geschmolzenes Kupfer sofort zum Verdampfen des Arsens führen. Dennoch dominiert besonders im 4. Jahrtausend v. Chr. diese Legierung, die härter als reines Kupfer ist und sich auch noch leichter gießen lässt.

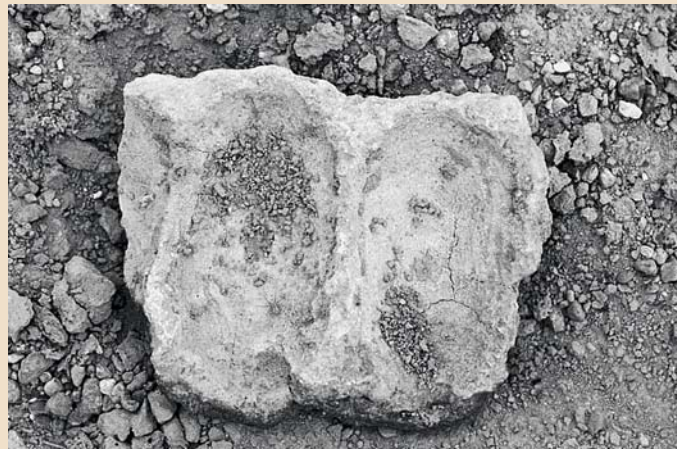
Die Erklärung könnte darin zu suchen sein, dass die größere Härte dieser Legierung erkannt wurde und deshalb verstärkt arsenreiche Kupfererze gesucht und verhüttet wurden. In den letzten Jahren mehren sich die Anzeichen dafür, dass Kupfer mit arsenhaltigen Mineralen zusammen eingeschmolzen wurde, um auf diese Weise absichtlich Arsenkupfer herzustellen. Im Iran und auch in Westanatolien wurden kürzlich Reste von Eisenarseniden im Zusammenhang mit Kupfergewinnung und -verarbeitung gefunden, die zu diesem Zweck gedient haben könnten. Das häufigste Arsenmineral ist Arsenopyrit oder Arsenkies (FeAsS), das offenbar erhitzt wurde, um den Schwefel zu entfernen. Dabei entstehen Eisenarsenide (in der Sprache der Hüttenleute Speise genannt), die zur Legierung von Arsen mit Kupfer verwendet werden konnten. Dies zeigt einen enormen Fortschritt in der Beherrschung metallurgischer Prozesse an. Die Motivation für diesen Aufwand könnte in der Waffentechnik zu suchen sein. Denn erst mit Arsenkupfer kommt mit dem Dolch eine neue Waffenform auf, die wegen ihrer größeren Härte als reines Kupfer auch tatsächlich als Waffe eingesetzt werden konnte.

Die Verwendung von Legierungen statt reinem Kupfer hatte noch einen weiteren entscheidenden Vorteil: Sie lassen sich wesentlich leichter gießen, und dadurch können praktisch beliebige Formen hergestellt werden. Denn geschmolzenes Kupfer absorbiert Sauerstoff aus der Luft, der beim Erkalten entweicht und zu Gussfehlern führt. Erst durch diese Innovationen konnte sich die Metallverarbeitung durchsetzen. Sie bot einen neuen Werkstoff, der härter als Knochen, Holz oder unlegiertes Kupfer war, und sie ermöglichte die Herstellung neuer Formen wie dem Dolch, der mit Steinmaterialien nicht in gleicher Qualität erzeugt werden konnte. Die Gusstechniken entwickelten sich schnell. Nach dem einfachen Herdguss in offenen Steinformen kamen geschlossene Formen hinzu, z. B. für geschwungene Geräte wie die weit verbreiteten Jaszladany-Äxte in Südosteuropa um 4000 v. Chr. (Abb. 7). Noch komplexere Formen werden durch den so genannten Guss in verlorener Form zugänglich. Dabei wird die gewünschte Form zuerst über einem Tonkern aus Wachs modelliert. Diese Wachsschicht wurde mit mehreren Tonschichten umgeben, wobei die innerste Schicht aus dem feinsten Ton besteht, um auch kleine Details der Oberfläche getreu abzubilden. Die fertige Tonform wurde erhitzt, das geschmolzene Wachs floss heraus und hinterließ einen Hohlraum in der Form des gewünschten Objektes. Dieser Hohlraum wurde mit flüssigem Metall gefüllt. Nach dem Erkalten wurde der Ton

сказать ничего определенного. Не исключено, что поводом для открытия серебра стал свинец, содержащий большое количество серебра. В расплавленном состоянии свинец легко окисляется на воздухе. Если все время удалять этот «свинцовый пепел», то останется серебро, которое больше в огне уже не изменится. Таким или каким-то похожим образом мог быть открыт процесс трейбования, который можно обозначить как самый ранний целенаправленно используемый процесс разделения химических веществ. Из ненужного металла, свинца, получали другой, серебро, которое уже в III тыс. до н. э. служило наиболее популярным мерилом ценности.

Появление оловянистой бронзы

В VI тыс. до н. э. мышьяковая медь была самым распространенным металлом во всем Старом свете — от Центральной Европы до Ирана. Тем не менее она была вытеснена другим

Ил. 8. Фрагменты свинцового глета из Арисмана, Иран. В углублениях после купелляции могло остаться серебро

Abb. 8. Bleiglättefragmente von Arisman, Iran. In den Vertiefungen dürfte nach der Kupellation Silber übrig geblieben sein

медным сплавом — сплавом меди и олова, называемым повсюду бронзой. В дальнейшем изложении мы будем называть его оловянистой бронзой, потому что в материаловедении все медные сплавы называют бронзой, кроме сплава меди и цинка, именуемого латунью. Соответственно, соединение меди и мышьяка можно называть мышьяковой бронзой. Чтобы устранить возможную путаницу, специалисты по археометаллургии приняли понятия «мышьяковая медь» и «оловянистая бронза».

Переход от мышьяковой меди к оловянистой бронзе кажется вначале удивительным, так как оба сплава имеют хотя и не совсем идентичные, но очень похожие материальные свойства. Оба они прочнее, чем чистая медь, и оба можно легче отливать. К тому же весьма часто медь и мышьяк встречаются в одних и тех же месторождениях, в то время как олово и медь обнаруживают вместе крайне редко. Из этого можно сделать заключение, что оба металла получали отдельно и сплавляли уже только на этапе изготовления предметов. Такой прием описывают и самые ранние письменные источники из Месопотамии, посвященные получению бронзы. Однако залежи олова встречаются гораздо реже, чем залежи меди, поэтому олово приходилось привозить издалека. Об этом свидетельствует географическое расположение известных залежей и месторождений олова. Так, ни в самой Месопотамии, где оловянистая бронза встречается достаточно часто уже в III тыс. до н. э., ни вокруг

abgeschlagen und die gewünschte Form in Metall kam zum Vorschein. Diese Technik ist bereits im späten 5. Jahrtausend v. Chr. im Jordantal nachzuweisen, wo in der Höhle von Nahal Mishmar 442 Metallobjekte gefunden wurden, die mehrheitlich in dieser Technik hergestellt worden sind. Sie bestehen aus einer ungewöhnlichen Legierung von Kupfer mit Antimon und Arsen. Zeitgleich ist diese Technik in Varna zur Herstellung von Goldobjekten angewandt worden.

Бlei und Silber

Im 4. Jahrtausend v. Chr. kommen noch zwei weitere Metalle hinzu, nämlich Blei und Silber. Blei tritt allerdings bereits früher in den Gesichtskreis des Menschen, wie ein Bleiarmband vom Yarim Tepe im nördlichen Irak zeigt, das auf ca. 6000 v. Chr. datiert wird. Da Blei, anders als Kupfer, in der Natur praktisch nicht als Metall vorkommt, dürfte das der früheste Hinweis auf eine Metallgewinnung aus Erzen überhaupt sein. Der Grund dafür ist in der relativ einfachen Gewinnung von Blei aus seinen häufigsten Erzen (Bleiglanz, PbS, und Cerussit, PbCO) zu suchen, wodurch es möglich erscheint, dass dieses Metall zufällig in einem offenen Feuer entstand. Bleiglanz bildet schöne, metallisch glänzende Kristalle aus, die offensichtlich schon früh als Schmucksteine Verwendung fanden. So wurden im akерамischen Neolithikum des Fruchtbaren Halbmonds neben gediegen Kupfer auch Stücke von Bleiglanz gefunden, wie z. B. in Cayönü. Es ist denkbar, dass solche Schmucksteine ähnlich wie anderes Steinmaterial dem Feuer ausgesetzt wurden, um zu sehen, was passiert. Dabei könnte tatsächlich flüssiges Blei in kleinen Mengen entstanden sein, das Neugier geweckt und vielleicht auch zur Verhüttung von Kupfererzen geführt haben mag. Wirklich erstaunlich ist allerdings die Tatsache, dass irgendwann im 4. Jahrtausend v. Chr. offenbar auch erkannt wurde, dass Blei in geringen Mengen Silber enthält. Denn in dieser Zeit tauchen die ersten Silberobjekte auf, und die Zahl der zeitgleichen Bleifunde steigt deutlich an. Obwohl Silber zu den in der Natur vorkommenden, gediegenen Metallen zählt, wurde in Vorderasien und im östlichen Mittelmeerraum das meiste Silber aus Bleierzen gewonnen. Dies ist durch Funde von Bleiglätte (PbO) erwiesen, die bei der Kupellation, auch Treibprozess genannt, der oxidativen Trennung von Blei und Silber im schmelzflüssigen Zustand, entsteht. Dieses Material kann nicht mit einem Naturprodukt verwechselt werden, denn es kommt in der Natur kaum vor. Somit beweisen z. B. Bleiglättefunde aus Habuba Kabira am mittleren Euphrat in Syrien eindeutig, dass bereits im 4. Jahrtausend v. Chr. Silber aus Blei gewonnen wurde. Etwas später deuten zahlreiche Bleiglättefunde in Arisman im Zentraliran (Abb. 8), dass der Prozess bereits im technischen Maßstab angewendet wurde. Die Entstehung des Treibprozesses liegt im Dunkeln. Es ist denkbar, dass sehr silberreiches Blei Anlass zur Entdeckung von Silber gab. Denn Blei lässt sich im geschmolzenen Zustand an Luft leicht oxidieren. Wenn man diese „Bleiasche“ ständig entfernt, bleibt Silber übrig, das sich im Feuer nicht weiter verändert. So oder so ähnlich könnte der Treibprozess entdeckt worden sein, den man wohl als frühesten, gezielt eingesetzten chemischen Trennprozess bezeichnen kann. Aus einem nur wenig begehrten Metall wie Blei wurde ein anderes, nämlich Silber, abgetrennt, das schon im dritten Jahrtausend v. Chr. als bevorzugter Wertmesser diente.

Aufkommen der Zinnbronze

Im 4. Jahrtausend v. Chr. ist Arsenkupfer in der gesamten Alten Welt von Mitteleuropa bis in den Iran das vorherrschende Metall. Dennoch wird es von einer neuen Kupferlegierung ver-

нее нет месторождений олова. То обстоятельство, что самые ранние предметы из оловянистой бронзы встречаются в тех местностях, где нет месторождений олова, называют иногда «загадкой эпохи ранней бронзы». Этот вопрос занимает археологов уже на протяжении более ста лет, о чем говорит название статьи К. Е. фон Байера в «Архиве антропологии» за 1876 год: «Откуда могло взяться олово для древнейших бронзовых предметов?». Если мышьяковая медь представляла собой материал, гораздо более прочный, чем чистая медь, и вполне доступный, то не совсем понятно, почему стандартным сплавом стала оловянистая бронза. В качестве объяснения этого факта часто приводят аргумент, что соединения мышьяка были очень ядовиты и очень летучи. Это так, мышьяковая медь действительно выделяет при нагревании мышьяк в форме летучего и ядовитого As₂O₃, но это имеет значение только при достаточно высоком содержании мышьяка — более 7%. Однако большинство доисторических медных сплавов имеет гораздо меньше мышьяка. Кроме того, то, что эти сплавы ядовиты, должно было быть замечено гораздо раньше, тем не менее производство и использование мышьяковой меди продолжалось почти тысячу лет. Столь же неубедительной выглядит гипотеза об исчерпании месторождений мышьякосодеждающей меди. Некоторые рудные районы, например Южный Кавказ или Южная Испания, до сих пор имеют в руде большой процент мышьяка. Вероятно, переход к другим сплавам был обусловлен иными причинами. С одной стороны, из-за летучести мышьяка было сложно обеспечивать определенный состав мышьяковой меди, в то время как компоненты оловянистой бронзы можно взвешивать и затем перерабатывать в сплав, качества которого будут предсказуемы. Информацию об этом мы находим в клинописных текстах. Еще важнее был, вероятно, знаменитый цвет оловянистой бронзы, напоминающий золото. Например, уже точно установлено, что в Месопотамии из оловянистой бронзы изготавливали не утварь и оружие, что было бы естественно, учитывая свойства материала, а главным образом сосуды и предметы роскоши. Из этого можно сделать вывод, что отнюдь не твердость и ковкость делали оловянистую бронзу столь желанной для людей той эпохи, а именно цвет и, вероятно, собственно цена материала, который было нелегко добыть. Именно поэтому самые ранние предметы из оловянистой бронзы в Месопотамии, впрочем и во всех других регионах распространения этого материала, были предметами роскоши.

Происхождение олова

С точки зрения металлургии технология получения бронзы представляет собой еще один шаг по пути возрастания сложности процессов. Месторождения меди, как правило, не имели олова, поэтому его приходилось добывать из совсем других месторождений, которые к тому же были многочисленны. Самые важные районы его производства находятся сегодня в Юго-Восточной Азии (Малайзия, Индонезия, Таиланд), где получают половину годовой добычи олова, в Западной и Центральной Африке (Нигерия, Заир) и Южной Америке (Боливия) — по 15% годовой добычи. Долгое время в производстве олова лидировал Корнуолл, общее производство оценивают примерно в два миллиона тонн. В конце XIX века производство резко упало, а сегодня уже почти прекратилось. Вторым по значению районом производства олова в Европе были саксонско-богемские Рудные горы, где получали примерно одну десятую часть от общего производства Корнуолла. Менее значительны были

drängt, nämlich der Legierung von Kupfer und Zinn, allgemein als Bronze bezeichnet. Im Folgenden wird sie aber als Zinnbronze angesprochen, weil in der Werkstoffkunde alle Kupferlegierungen als Bronze bezeichnet werden, außer der Kupfer-Zinn-Legierung, die Messing genannt wird. Dementsprechend könnte man deshalb die Legierung von Kupfer und Arsen als Arsenbronze bezeichnen. Um Missverständnisse zu vermeiden, haben sich in der Archäometallurgie die Begriffe Arsenkupfer und Zinnbronze eingebürgert.

Der Umschwung von Arsenkupfer zu Zinnbronze erscheint zunächst erstaunlich, denn beide Legierungen weisen zwar nicht identische, aber doch ähnliche Werkstoffeigenschaften auf. Beide sind härter als unlegiertes Kupfer, und beide sind einfacher zu gießen. Zusätzlich kommen Kupfer und Arsen relativ häufig zusammen in Lagerstätten vor, während Zinn und Kupfer äußerst selten gemeinsam auftreten. Man muss deshalb davon ausgehen, dass die beiden Metalle getrennt produziert und erst bei der Herstellung von Objekten zusammen eingeschmolzen wurden, um die Legierung zu erzeugen. Diese Vorgehensweise legen auch die frühesten schriftlichen Überlieferungen zur Herstellung von Zinnbronze aus Mesopotamien nahe. Nun sind aber Zinnlagerstätten sehr viel seltener als die von Kupfer, so dass das Zinn wohl über weite Strecken transportiert werden musste. Das ergibt sich zumindest aus der geographischen Verbreitung der bekannten Zinnlagerstätten und -vorkommen. So sind in Mesopotamien, wo Zinnbronze bereits im 3. Jahrtausend v. Chr. relativ häufig auftritt, in weitem Umkreis keine Zinnlagerstätten bekannt. Der Befund, dass die frühesten Zinnbronzen in Regionen auftauchen, die keine Zinnlagerstätten aufweisen, wird gelegentlich als „Rätsel der frühen Bronzezeit“ bezeichnet. Die Frage beschäftigt Archäologen seit mehr als hundert Jahren, wie der Titel eines Artikels von K. E. von Baer im Archiv für Anthropologie 1876 zeigt: „Von wo das Zinn zu den ganz alten Bronzen gekommen sein mag?“

Wenn also mit Arsenkupfer ein wesentlich härteres Metall als unlegiertes Kupfer zur Verfügung stand, das außerdem relativ leicht zugänglich war, dann ist es nicht unmittelbar einsichtig, dass sich die Zinnbronze als Standardlegierung durchsetzte. Als Erklärung dafür wird meist die Giftigkeit der Arsenverbindungen zusammen mit ihrer Flüchtigkeit herangezogen. Es ist zwar richtig, dass Arsenkupfer beim Erhitzen Arsen in Form von flüchtigem und giftigem As₂O₃ verlieren kann, aber das scheint nur bei sehr hohen Arsengehalten von mehr als 7% wirklich signifikant zu sein. Die meisten prähistorischen Kupferlegierungen enthalten aber weniger Arsen. Außerdem hätte die Giftigkeit früher auffallen müssen; aber Herstellung und der Gebrauch von Arsenkupfer haben sich über rund tausend Jahre gehalten. Wenig wahrscheinlich dürfte auch eine Erschöpfung von arsenhaltigen Kupfervorkommen sein. Manche Erzregionen, wie etwa der südliche Kaukasus oder Südspanien, sind bis heute durch einen hohen Arsenanteil gekennzeichnet. Wahrscheinlich waren es andere Gründe, die den Umschwung begünstigten: Einerseits war es wegen der Flüchtigkeit von Arsen schwierig, eine bestimmte Zusammensetzung von Arsenkupfer gezielt herzustellen, während die Komponenten der Zinnbronze gewogen und dann zu einer Legierung verarbeitet werden konnten, deren Eigenschaften vorhersehbar waren, wie auch aus den Keilschrifttexten hervorgeht. Noch wichtiger dürfte die bekannte goldähnliche Farbe von Zinnbronze gewesen sein. In Mesopotamien hat sich z. B. herausgestellt, dass es nicht Gebrauchsgegenstände und Waffen waren, die aus Zinnbronze hergestellt wurden, wie man aufgrund der Materialeigenschaften erwarten würde, sondern vorwiegend Gefäße und Prunkobjekte. Daraus lässt sich schließen, dass es keineswegs Härte und Zähigkeit wa-

месторождения олова в Бретани, на французском центральном горном массиве и на северо-западе Иберийского полуострова. В Восточном Средиземноморье и в Передней Азии, включая Кавказ, залежей олова в собственном смысле слова нет. Могли ли в эпоху ранней бронзы разрабатывать небольшие месторождения, которые с нынешней точки зрения имеют только минералогический интерес, следует решать в каждом конкретном случае отдельно. Так или иначе, но превращение оловянистой бронзы в важнейший исходный материал для изготовления оружия и утвари имело своим следствием необходимость надежной доставки олова из отдаленных районов. Это оказало, конечно, немалое влияние на «глобализацию» освоенной на то время ойкумены, что предполагало обмен товарами, а также, возможно, и идеями, и людьми.

До настоящего времени обнаружено и исследовано только два доисторических оловянных рудника, оба в Средней Азии, в Карнабе (Узбекистан) и Мушистоне (Таджикистан). История их разработки уходит корнями в начало II тыс. до н. э. Месторождение Мушистона имеет, кроме того, одну особенность: руда в нем содержит и олово, и медь. Она состоит преимущественно из оловянного колчедана ($\text{Cu}_2\text{FeSnS}_4$), который, как и другие медные минералы, разлагается с образованием зеленого цвета. При разложении медь отделяется от олова, и получаются медные и оловянные минералы. Если эту руду плавить, сразу получается бронза. Хотя такой метод и не является стандартным при производстве бронзы, этот тип руды мог бы дать ответ на вопрос о том, как вообще была открыта оловянистая бронза, если медь и олово редко встречаются в природе вместе. Из такой руды оловянистая бронза могла получиться просто случайно, и это могло пробудить интерес к экспериментам и привести в дальнейшем к открытию того, что второй компонент в давно известной зеленой медной руде дает красивый цвет бронзы. В связи с этим особенно интересно, что недавно под Дех-Хосейном в Западном Иране было открыто месторождение похожего минерала, где найдены следы древнего рудника. Однако более детальное изучение этого места, которое могло быть источником оловянистой бронзы, еще впереди.

Изготовление оловянистой бронзы

Хотя оловянный колчедан мог играть большую роль в открытии оловянистой бронзы, самым промышленно важным оловянным минералом является касситерит (SnO_2). Чистый касситерит имеет белый цвет. Однако он почти всегда содержит примесь железа, поэтому чаще всего окрашен в коричневатый или черный цвет, а значит, визуально практически не заметен. Правда, для него характерен относительно большой удельный вес. Тем не менее поиски этой руды в эпоху бронзы были, вероятно, очень не легкими. Скорее всего, касситерит находили в природе в результате поисков золота. Как золото, так и касситерит — очень устойчивые к выветриванию вещества с большим удельным весом. Из-за этого после выветривания руды-носителя и золота, и касситерит попадали в реки и собирались в определенных местах, образуя так называемые россыпи. Поэтому при намывании золота нередко находили и касситерит. Большинство исследователей придерживается сегодня мнения, что олово и золото добывали в эпоху бронзы преимущественно из наносных месторождений (россыпей олова и золота). Поэтому вполне возможно, что при добыче золота находили и касситерит. Когда частицы золота, в большинстве своем небольшого размера, расплавляли в тигле под древесным

углем, иногда могло происходить и восстановление касситерита. Это было бы альтернативным и, вероятно, правдоподобным путем открытия металлического олова, встречающегося в природе крайне редко. После этого древний человек мог легко прийти и к смешиванию разных металлов, в результате чего могла появиться и оловянистая бронза. Определенную роль в разработке этого процесса играло, возможно, и желание имитировать золото.

Происхождение оловянистой бронзы

Для металлургии bedeutete die Bronzetechnologie eine weitere Komplexität. Kupferlagerstätten enthalten in der Regel kein Zinn. Dieses Metall musste deshalb aus ganz anderen Lagerstätten gewonnen werden, die außerdem nicht zahlreich sind. Die wichtigsten Produktionsgebiete liegen heute in Südostasien (Malaysia, Indonesien, Thailand) mit mehr als der Hälfte, in West- und Zentralafrika (Nigeria, Zaire) und in Südamerika (Bolivien) mit jeweils ca. 15% der Weltjahresproduktion. Lange Zeit war Cornwall führend in der Zinnerzeugung. Man schätzt die Gesamtproduktion auf etwa zwei Millionen Tonnen Zinn. Ende des 19. Jahrhunderts nahm die Produktion stark ab, und heute ist sie fast zum Erliegen gekommen. Zweitwichtigste Zinnregion in Europa war das sächsisch-böhmische Erzgebirge mit etwa einem Zehntel der Gesamtproduktion Cornwalls. Weniger bedeutend waren die Zinnvorkommen in der Bretagne, dem französischen Zentralmassiv und im Nordwesten der Iberischen Halbinsel. Im östlichen Mittelmeerraum und in Vorderasien, einschließlich des Kaukasus, sind keine Zinnlagerstätten im eigentlichen Sinn bekannt. Ob kleinere Vorkommen, die aus heutiger Sicht nur von mineralogischem Interesse sind, in der frühen Bronzezeit ausgebeutet worden sein können, muss in jedem Einzelfall entschieden werden. Jedenfalls hatte die Einführung der Zinnbronze als wichtigstem Werkstoff für Waffen und Geräte zur Konsequenz, dass die Versorgung mit Zinn aus weit entfernt gelegenen Gebieten sichergestellt werden musste. Dies hatte sicher einen nicht geringen Einfluss auf eine „Globalisierung“ der damals bekannten Welt, indem Güter, aber vielleicht auch Ideen und Menschen ausgetauscht wurden.

Bisher sind nur zwei prähistorische Zinnbergwerke identifiziert und erforscht worden, beide in Mittelasien, nämlich Karnab in Uzbekistan und Muschiston in Tadschikistan. Ihre Ausbeutung reicht bis in das frühe 2. Jahrtausend v. Chr. zurück. Die Lagerstätte von Muschiston weist außerdem eine Besonderheit auf, denn das Erz dort enthält Kupfer und Zinn. Es besteht vorwiegend aus Zinnkies ($\text{Cu}_2\text{FeSnS}_4$), der wie andere Kupferminerale grün verwittert. Bei der Verwitterung werden Kupfer und Zinn getrennt, indem Kupfer- und Zinnminerale entstehen. Wenn man dieses Erz verhüttet, kann man direkt Bronze gewinnen. Obwohl dies nicht das Standardverfahren für die Bronzeherstellung war, könnte dieser Erztyp die Frage beantworten, warum man überhaupt die Zinnbronze entdeckt hat, wenn Kupfer und Zinn selten gemeinsam in der Natur auftreten. Aus einem solchen Erz könnte Zinnbronze als Zufallsprodukt entstanden sein, das Interesse an weiteren Experimenten weckte und so zur Entdeckung führte, dass eine zweite Komponente in dem lange bekannten grünen Kupfererz die schöne Farbe der Bronze erzeugt. In diesem Zusammenhang ist es von besonderem Interesse, dass jüngst ein ähnliches Mineralvorkommen bei Deh Hosein im westlichen Iran entdeckt wurde, das ebenfalls alte Bergbauspuren aufweist. Eine genauere Untersuchung dieses möglichen Ursprungsgebietes früher Zinnbronzen steht allerdings noch aus.

Herstellung von Zinnbronze

Obwohl der Zinnkies für die Entdeckung von Zinnbronze eine wichtige Rolle gespielt haben mag, ist das wirtschaftlich wichtigste Zinnmineral der Zinnstein (SnO_2). Reiner Zinnstein ist

Ил. 9. Предметы из оловянистой бронзы, Троя, середина III тыс. до н. э.
Abb. 9. Objekte aus Zinnbronze von Troja, Mitte 3. Jahrtausend v. Chr.

углем, иногда могло происходить и восстановление касситерита. Это было бы альтернативным и, вероятно, правдоподобным путем открытия металлического олова, встречающегося в природе крайне редко. После этого древний человек мог легко прийти и к смешиванию разных металлов, в результате чего могла появиться и оловянистая бронза. Определенную роль в разработке этого процесса играло, возможно, и желание имитировать золото.

В общем и целом существуют три принципиально разных способа производства оловянистой бронзы: плавка оловосодержащих медных руд, внесение касситерита в расплавленную медь (цементация) и совместная плавка металлических меди и олова. Первый метод может быть исключен из списка методов регулярного производства, так как в нем отсутствует возможность контролировать состав сплава. Это противоречит научным данным о том, что с начала эпохи бронзы мастера всегда стремились добиться содержания олова примерно в 10–15%. К тому же существует, как известно, большое количество по сравнению с медью о металлообработке III тыс. до н. э., в которых постоянно называются два материала (URUDU — медь, AN.NA — олово), которые вместе дают бронзу (ZABAR).

Нам известно только очень небольшое число древних артефактов из олова, тем не менее они доказывают, что люди знали этот металл с первой половины III тыс. до н. э. (ил. 9). Из-за ограниченного по сравнению с медью и бронзой числа известных нам доисторических объектов из олова иногда предлагается гипотеза, согласно которой к меди добавляли не металлическое олово, а касситерит. Однако эта гипотеза не объясняет, как древние люди могли прийти к смешиванию касситерита с медью, и не подкрепляется текстовыми и изобразительными источниками из Месопотамии и Египта. Хотя разница в весе металлического олова и касситерита незначительна, в клинописных текстах вес исходных и конечных продуктов указан очень точно. Эти

weiß. Er enthält aber fast immer etwas Eisen, so dass er meist braun oder schwarz gefärbt und damit optisch recht unauffällig ist. Kennzeichnend ist aber sein relativ hohes spezifisches Gewicht. Dennoch war die Prospektion auf dieses Erz in der Bronzezeit sicherlich nicht einfach. Der wahrscheinlichste Weg wie man Zinnstein in der Natur findet, ist wohl mit der Suche nach Gold verbunden. Sowohl Gold als auch Zinnstein sind sehr verwitterungsbeständig und spezifisch schwer. Dadurch werden beide nach der Verwitterung des Ursprungsgesteins in Flüssen transportiert und an bestimmten Stellen konzentriert, den so genannten Seifen. Beim Goldwaschen findet man deshalb nicht selten auch Zinnstein und man nimmt allgemein an, dass Zinn und Gold in der Bronzezeit vorwiegend aus alluvialen Vorkommen (Zinn- und Goldseifen) gewonnen wurden. Es erscheint durchaus realistisch, dass bei der Goldgewinnung oft auch Zinnstein anfiel. Wenn die meist kleinen Goldpartikel in einem Tiegel unter Holzkohle zusammengeschmolzen wurden, könnte es gelegentlich auch zur Reduktion von Zinnstein gekommen sein. Dies wäre ein alternativer und wohl auch plausiblerer Weg zur Entdeckung von metallischem Zinn, das in der Natur nur als große Rarität vorkommt. Das Mischen von verschiedenen Metallen ist dann nahe liegend und könnte zur Entdeckung der Zinnbronze geführt haben, wobei vielleicht auch die Nachahmung von Gold eine Rolle gespielt hat.

Es gibt grundsätzlich drei Wege, um Zinnbronze herzustellen, nämlich die Verhüttung von zinnhaltigen Kupfererzen, das Einbringen von Zinnstein in geschmolzenes Kupfer (Zementation) und das Zusammenschmelzen von metallischem Kupfer und Zinn. Die erste Methode kann für die routinemäßige Herstellung ausgeschlossen werden, weil damit eine Kontrolle der Legierungszusammensetzung nicht möglich ist. Das widerspricht aber dem Befund, dass offenbar seit Beginn der Bronzezeit ein Zinngehalt von etwa 10 bis 15% angestrebt wurde. Zusätzlich gibt es bekanntlich eine große Zahl von Keilschrifttexten zur Metallverarbeitung aus dem 3. Jahrtausend v. Chr., in denen durchgängig zwei Materialien genannt werden (URUDU für Kupfer und AN.NA für Zinn), die zusammen Bronze (ZABAR) ergeben.

Es gibt zwar nur wenige frühe Artefakte aus Zinn, aber sie beweisen immerhin die Kenntnis des Metalls ab der ersten Hälfte des 3. Jahrtausends v. Chr. (Abb. 9). Wegen der im Vergleich zu Kupfer und Bronze geringen Zahl von prähistorischen Zinnobjekten wird auch gelegentlich vorgeschlagen, dass nicht metallisches Zinn, sondern Zinnstein dem Kupfer zugeschlagen wurde. Dieser Vorschlag erklärt aber weder, wie man dazu gekommen sein könnte, Zinnstein dem Kupfer beizumischen, noch wird er durch die Text- und Bildquellen aus Mesopotamien und Ägypten unterstützt. Der Gewichtsunterschied zwischen metallischem Zinn und Zinnstein ist zwar gering, aber in den Keilschrifttexten werden die Gewichte der Ausgangs- und Endprodukte bei der Bronzeherstellung meist sehr genau angegeben. Sie lassen keinen Raum für Verluste. Außerdem wird Zinn oft zusammen mit Silber, Gold und Halbedelsteinen genannt. Es war offenbar ein wertvolles Material, was auf das Metall besser passt als auf Zinnstein. Schließlich wurde Zinn offenbar auch zum Lötten eingesetzt, was nur mit metallischem Zinn möglich ist. Demnach ist die Herstellung von Bronze aus metallischem Kupfer und Zinn nach wie vor die wahrscheinlichste Technik zur Herstellung der Legierung.

Anfänge der Eisenverarbeitung

Somit waren bereits im 3. Jahrtausend v. Chr. fünf der sieben im Altertum bekannten Metalle bereits in Produktion und Gebrauch. Sogar Eisen wurde gelegentlich eingesetzt, wobei in

данные говорят об отсутствии потерь в весе. Кроме того, олово часто упоминается там вместе с серебром, золотом и полудрагоценными камнями. Оно явно было очень ценным материалом, что может с гораздо большей вероятностью относиться к металлу, нежели к касситериту. Наконец, олово, очевидно, использовали и для паяния, что возможно только в том случае, если это олово металлическое. Поэтому изготовление бронзы из металлических меди и олова по-прежнему кажется наиболее вероятным способом производства сплавов.

Начало переработки железа

Таким образом, уже в III тыс. до н. э. люди производили и использовали пять из семи известных в древности металлов. Иногда применяли даже железо, хотя в большинстве случаев неясно, является ли это железо метеоритным или же полученным из железной руды. Так или иначе, в Передней Азии было обнаружено несколько дюжин таких находок, чаще всего небольших фрагментов или корольков, датированных временем до 2000 года до н. э. Самая важная комплексная находка была сделана в Аладжа-Хююке в Центральной Анатолии — там было обнаружено несколько предметов из железа, самым интересным из которых является клинок кинжала с золотой рукояткой (ил. 10). Интересно в нем следующее: во-первых, такая комбинация материалов свидетельствует о том, что железо считалось весьма драгоценным, а во-вторых, химический анализ показал, что металл был выплавлен из руды. Можно только предполагать, что он был по ошибке получен при выплавке меди. В то же время наверхие булавы из Трои II, которое считалось железным, оказалось сделанным из железной руды.

В начале II тыс. до н. э. железо ценилось очень высоко: в древнеассирийских текстах говорится, что железо было примерно в сорок раз дороже серебра. В гробнице Тутанхамона, умершего в 1343 году до н. э., были найдены два кинжала с золотой рукояткой, один из них имел клинок из золота, а другой — из железа. Методика производства железа уже была известна, однако само производство еще не стало повседневным делом, о чем свидетельствует ответ хеттского царя Хаттусилиса III на запрос ассирийского царя: «...хорошего железа нет. Я [ведь] писал, что [время] для производства железа плохое».

Вплоть до примерно 1200 года до н. э. железо остается ценным металлом, распространенным во всем Восточном Средиземноморье и используемым главным образом для изготовления украшений и престижных вещей. Превращение железа в простой повседневный металл началось в XII веке до н. э. в Леванте, где из него впервые стали делать боевое оружие, а в XI веке до н. э. — и сельскохозяйственные орудия. Железные находки, датированные столетием спустя, уже имеют численный перевес над бронзовыми по всей территории от Леванта до островов Эгейского моря. Появившаяся в то время угроза расположенным в этом регионе государствам со стороны так называемых народов моря была, вероятно, причиной резкого роста производства железа. Ведь теперь становилось невозможным обеспечивать производство бронзы сырьем, особенно оловом, приходилось привлекать другие ресурсы. Это стало концом эпохи бронзы в археологическом смысле и началом новой эры — железного века.

vielen Fällen noch unklar ist, ob es sich um meteoritisches oder aus Eisenerzen gewonnenes Eisen handelt. Es gibt jedenfalls einige Dutzend solcher Funde in Vorderasien, meist kleine Fragmente oder Perlen, die vor 2000 v. Chr. datieren. Der wichtigste Fundkomplex stammt von Alaca Hüyük in Zentralanatolien, wo mehrere Eisenobjekte gefunden wurden, von denen eine Dolchklinge mit Goldgriff das bemerkenswerteste ist (Abb. 10). Erstens zeigt diese Materialkombination, dass Eisen als sehr wertvoll angesehen wurde, und zweitens haben chemische Analysen gezeigt, dass es sich wohl um aus Erzen verhüttetes Metall handelt. Man kann nur vermuten, dass es möglicherweise als Fehlprodukt bei der Kupferverhüttung gelegentlich angefallen ist. Dagegen besteht ein Keulenkopf aus Troia II, der gelegentlich für Eisen gehalten wurde, aus einem Eisenerz.

Ил. 10. Железный кинжал с золотой рукояткой из Аладжа-Хююк, Турция, середина III тыс. до н. э.

Abb. 10. Eiserner Dolch mit goldenem Griff von Alaca Hüyük, Türkei, Mitte 3. Jahrtausend v. Chr.

Eisen ist Anfang des zweiten Jahrtausends v. Chr. sehr geschätzt worden, denn aus altassyrischen Texten geht hervor, dass Eisen etwa vierzig Mal teurer war als Silber. Im Grab des Tutanchamun, der 1343 v. Chr. starb, wurden zwei Dolche mit Goldgriff gefunden; einer mit Goldklinge und der andere mit einer Klinge aus Eisen. Die Herstellung von Eisen war zwar bekannt, aber noch keine Routineangelegenheit, wie aus einem Brief des hethitischen Königs Hattuschili III. auf eine Anfrage des assyrischen Königs hervorgeht: „...gutes Eisen gibt es nicht. Ich habe (ja) geschrieben, dass (die Zeit) schlecht für die Herstellung von Eisen ist“.

Eisen bleibt bis etwa 1200 v. Chr. ein im ganzen östlichen Mittelmeerraum verbreitetes Wertmetall, das vorwiegend für Schmuck und Prestigeobjekte verwendet wird. Der Übergang von Eisen zu einem Gebrauchsmetall begann wohl in der Levante im 12. Jahrhundert v. Chr., wo erstmals Waffen für den Kriegseinsatz und im 11. Jahrhundert v. Chr. auch landwirtschaftliche Geräte hergestellt wurden. Ein Jahrhundert später überwiegen bereits die Eisenerzfunde zahlenmäßig gegenüber denen aus Bronze von der Levante bis in die Ägäis. Die zur selben Zeit erfolgte Bedrohung der dortigen Staaten durch den Ansturm der so genannten Seevölker mag die Ursache für das Ansteigen der Eisenproduktion gewesen sein. Denn die Versorgung mit den Rohstoffen für die Herstellung von Bronze, insbesondere Zinn, konnte nun nicht mehr aufrechterhalten werden, und es mussten andere Ressourcen herangezogen werden. Damit endet die Bronzezeit im archäologischen Sinne und eine neue Ära beginnt: Die Eisenzeit.

Свенд Хансен Золотые диски эпохи меди

Svend Hansen Goldene Scheiben aus der Kupferzeit

Одно из древнейших свидетельств обработки золота — это большие диски из золотой пластины с тремя сильно выступающими круглыми выпуклостями. Чаще всего эти диски также декорированы тонким орнаментом из выпуклостей по краю и рядом с отверстиями для крепления. Невозможно точно определить их первоначальное назначение. Напрашивается предположение, что их нашивали на одежду, а значит, они были частью роскошных одеяний социальной, политической и религиозной элиты.

О некоторых дисках, найденных еще в XIX веке, известно только то, что они происходят из «Венгрии» или «Трансданабии». Когда в 1952 году два диска были найдены в западно-венгерском Чаффорд-Заласентгроте, гипотеза о происхождении золотых дисков с большими выпуклостями нашла подтверждение. Кроме того, удалось установить их связь с поселением культуры Балатон-Ласиня эпохи меди (Raczky 1999. S. 31). Поэтому сегодня эти диски можно датировать временем между 4200 и 4000 годами до н. э.

Самая значительная находка, состоявшая из золотых дисков, была сделана в 1863 году в Тенья-Орловиньяке (Тенья-Орловиньяке) близ Ошиека (Осиека), в тогдашней Венгрии, а сегодня Хорватии (ил. 1). Клад был поделен между тем, кто его нашел, и владельцем земли, затем продан сначала антикварам, а потом в музей, без точно документированного места находки. Изучение архивных документов позволило реконструировать, по крайней мере, историю находки, хотя многое до сих пор остается неясным и, вероятно, уже никогда не будет прояснено (Makkay 1985. S. 5ff.; Bóna 1986. S. 74f.). По дошедшим до нас описаниям клада шесть золотых дисков обнаружены на небольшом холме, который первоначально был островом посреди болота Палачаи, осушенного в 1835 году (Kóhegyi 1990. S. 13; Makkay 1985. S. 6). До сих пор было известно, что два из золотых дисков попали в Национальный музей в Будапеште (ил. 1, 1–2; Kemenczei 1999), еще один — в Музей преистории и древней истории в Берлине (ил. 1, 3) и четвертый — в Земельный музей в Штутгарте (ил. 1, 4). Пятый, слегка поврежденный диск сначала входил в состав одной частной коллекции в Карлсруэ (ил. 1, 5), а сегодня считается пропавшим (Raczky 1999. S. 30f.; сообщение 2012). Что касается еще одного диска из собрания берлинского музея (ил. 1, 6), то он представляет собой, вероятно, шестой диск из Теньи. Диски из Теньи отличаются одинаковым декором по краю, состоящим из двух или трех рядов небольших круглых выпуклостей, вдавленных в золотые диски пуансоном. Общий вес пяти дисков (из музеев Будапешта, Берлина, Штутгарта, Карлсруэ), которые на сегодняшний день с уверенностью отнесены к этому кладу, составляет 374,38 г. Вме-

zu den ältesten Zeugnissen der Goldbearbeitung überhaupt gehören große Scheiben aus Goldblech mit drei kräftig herausgetriebenen Buckeln. Meist sind diese auch am Rand sowie im Bereich der Löcher, an denen sie befestigt wurden, mit einer feinen Buckelzier dekoriert. Über ihre einstige Verwendung lassen sich keine sicheren Aussagen machen. Es liegt nahe zu vermuten, dass sie auf der Kleidung aufgenäht waren und somit Teile des Prunkornats einer sozialen, politischen und religiösen Führungsschicht darstellten.

Von mehreren Goldscheiben, die bereits im 19. Jahrhundert gefunden wurden, ist nur überliefert, dass sie aus „Ungarn“ bzw. „Transdanubien“ stammen. Als 1952 zwei Scheiben im westungarischen Csáford-Zalaszentgrót zum Vorschein kamen, konnte erstmals das westungarische Vorkommen der Goldscheiben mit den großen Buckeln bestätigt werden. Darüber hinaus konnte ein Zusammenhang dieser Scheiben mit einer kupferzeitlichen Siedlung der Balaton-Lasinja-Kultur hergestellt werden (Raczky 1999. S. 31). Daher kann man diese Scheiben heute in die Zeit zwischen 4200 und 4000 v. Chr. datieren.

Der bemerkenswerteste Fund von Goldscheiben wurde 1863 in Tenja-Orlovinjak in der Nähe von Osijek, damals Ungarn, heute Kroatien aufgedeckt (Abb. 1). Der Fund wurde zwischen dem Finder und dem Grundstücksbesitzer aufgeteilt, an Antikenhändler und später an Museen verkauft, ohne dass die Fundstelle genau dokumentiert worden ist. Durch Archivstudien konnte zumindest die Fundgeschichte rekonstruiert werden, auch wenn vieles unklar bleibt und vermutlich nie eindeutig zu klären sein wird (Makkay 1985. S. 5ff.; Bóna 1986. S. 74f.). Nach der überlieferten Fundbeschreibung fanden sich die sechs Goldscheiben auf einem sanften Hügel, der ursprünglich als Insel innerhalb des 1835 trockengelegten Palacsai-Sumpfs hervorragte (Kóhegyi 1990. S. 13; Makkay 1985. S. 6). Bisher war klar, dass zwei der Goldscheiben in das Budapester Nationalmuseum (Abb. 1, 1–2; Kemenczei 1999), eine weitere in das Museum für Vor- und Frühgeschichte Berlin (Abb. 1, 3) und eine vierte in das Landesmuseum Stuttgart (Abb. 1, 4) gelangten. Eine fünfte, leicht beschädigte Scheibe war zuletzt in einer Privatsammlung in Karlsruhe (Abb. 1, 5) und gilt heute als verschollen (Raczky 1999. S. 30f.; Mitteilung 2012). Bei einer zweiten Scheibe im Besitz des Berliner Museums (Abb. 1, 6) muss es sich um die sechste Scheibe von Tenja handeln. Die Scheiben von Tenja verbindet die gleichartige Verzierung am Rand. Es handelt sich um zwei oder drei Reihen kleiner Buckel, die mit einer Punze in die Goldscheiben eingedrückt wurden. Die fünf dem Hort bislang sicher zugewiesenen Scheiben (Budapest, Berlin, Stuttgart, Karlsruhe) wiegen zusammen 374,38 g. Zusammen mit dem zweiten Berliner Stück in Moskau (Abb. 1, 6) beträgt das Gesamtgewicht 462,52 g.

Ил. 1. Золотые диски из находки в Тенья-Орловиняке: 1, 2 – Национальный музей, Будапешт (фото музея); 3, 6 – Музей преистории и древней истории, Берлин, ныне в ГМИИ (фото Х. Видер); 4 – Земельный музей, Штутгарт; 5 – ранее частное собрание, Карлсруэ, ныне утрачен (по: Bona 1986)

Abb. 1. Goldscheiben aus dem Depot von Tenja-Orlovinjak: 1, 2 – Ungarisches Nationalmuseum Budapest (Foto: Nat. Mus. Budapest); 3, 6 – Berliner Museum für Vor- und Frühgeschichte, derzeit kriegsbedingt verlagert im Puschkkin-Museum Moskau (Foto: H. Wieder, MVF); 4 – Landesmuseum Stuttgart (Foto LM Stuttgart); 5 – ehemalige Privatsammlung in Karlsruhe, heute verschollen (nach Bona 1986)

сте со вторым берлинским экземпляром, хранящимся в Москве (ил. 1, б), общий вес составляет 462,52 г.

Почти все сходные золотые диски были найдены по одному или вместе с другими золоты ми дисками. Важное исключение составляет комплекс металлических предметов, обнаруженный в 1864 году подпаском в нижнеавстрийском Штолльхофе, венский административный округ Нойштадт (Angeli 1967; Ruttkay 1995). От него сохранились два больших золотых диска, шесть больших медных спиралей, два браслета в виде спирали, одна декоративная бляха в форме кабаньего зуба, девять мотков спиралей и два плоских топора. Четыре спиралей, которые были, как утверждается, золотыми, сегодня утрачены. Предметы находились на половине высоты «Высокой стены» на довольно крутом склоне, в осыпи, на небольшой глубине. В районе «Высокой стены», которая представляет собой резко выделяющуюся на окружающем фоне скалу, многочисленных кладов были сделаны и в эпоху бронзы (Neumann 2011). Естественно предположить, что эти находки являются осознанно сделанными приношениями сверхъестественным силам.

Похожее место находки расположено в Моравии, под Штрамберком, у весьма заметной горы Котоуч высотой 539 м. Здесь также найден клад, состоящий из диска с тремя круглыми выпуклостями и медной спиральной подвески и являющийся приношением сверхъестественным силам (ил. 2; Jisl 1967). Совсем недавно стало известно еще об одном необычном предмете этого времени — медном нагрудном

Fast alle vergleichbaren Goldscheiben wurden einzeln oder nur zusammen mit weiteren Goldscheiben gefunden. Eine bemerkenswerte Ausnahme bildet das 1864 im niederösterreichischen Stollhof, VB Wiener Neustadt von einem Hirtenjungen gefundene Metallensemble (Angeli 1967; Ruttkay 1995). Erhalten sind zwei große Goldscheiben, sechs große Brillenspiralen aus Kupfer, zwei Armspiralen, ein eberzahnförmiges Zierblech, neun Spirälrollchen und zwei Flachbeile. Vier angeblich goldene Brillenspiralen sind heute verschollen. Die Objekte fanden sich in halber Höhe der „Hohen Wand“ auf einer ziemlich steilen Abdachung im Geröll in nur geringer Tiefe. Im Bereich der Hohen Wand, einer auffälligen Felsformation, wurden auch in der Bronzezeit mehrere Depots niedergelegt (Neumann 2011). Der Gedanke liegt nahe, dass es sich bei diesen Funden um absichtlich deponierte Weihgaben an übernatürlich gedachte Mächte handelt.

Ил. 2. Находка у горы Котоуч под Штрамберком в Моравии (по: Jisl 1967)

Abb. 2. Depot am Berg Kotouč bei Štramberk in Mähren (nach Jisl 1967)

Fundsituation liegt an dem sehr markanten, 539 m hohen Berg Kotouč bei Štramberk in Mähren vor. Auch hier wurde eine Scheibe mit drei Buckeln zumal einem kupfernen Spiralanal als Gabe an die übernatürlich dachten Mächte niedergelegt (Abb. 2; Jisl 1967). Erst unlängst wurde ein weiteres außergewöhnliches Schmuckstück dieser Zeit, eine kupferne Pektoral vom Kotouč bekannt gemacht (Sikulová, Zápotocký 2010). Ebenso wie an der Hohen Wand wurden, viel später in der Bronzezeit, auch auf dem Kotouč wieder Gaben niedergelegt. Mit einem Durchmesser von 21,4 cm ist die Scheibe vom Kotouč die bislang größte ihrer Art. Doch nicht nur die Größe, auch das Material ist außergewöhnlich, denn die Scheibe wurde aus Silber hergestellt. Sie ist damit eines der ältesten Objekte aus diesem seltenen Metall.

Goldene und in geringerem Maße silberne Scheiben verschiedener Form spielten seit der frühen Kupferzeit in Südosteuropa eine wichtige Rolle. Allgemein wird davon ausgegangen, dass sie eine symbolische Bedeutung besaßen. Man hat in ihnen weibliche oder auch männliche Fruchtbarkeitssymbole erkennen wollen. Vermutlich wird sich niemals genauer in Erfahrung bringen lassen, welchen Sinn die Menschen der Kupferzeit diesen Buckeln beimmaßen.

Am weitesten verbreitet sind größere und kleinere Ringscheibenanhänger (Abb. 3). Sie sind aus Griechenland, im westlichen Schwarzmeerraum und dem östlichen Karpatenbecken bekannt (Hansen 2007). In unterschiedlichen kulturellen Milieus stellten sie offenbar ein überregional verständliches Symbol dar. Mit einem Durchmesser von 31 cm und einem Gewicht von 750–800 Gramm ist die Scheibe aus einer Deponierung im siebenbürgischen Moigrad das schwerste bekannte kupferzeitliche Goldobjekt (Makkay 1991). Ihr Gewicht entspricht etwa dem Gewicht von 200 kleinen Goldamuletten, wie sie aus Gräbern im bulgarischen Varna, der ostungarischen Theiss-Region oder aus Siedlungen an der Unteren Donau bekannt sind.

Auch diese Goldscheiben werden überwiegend in die zweite Hälfte des 5. Jahrtausends v. Chr. datiert. Ein Amulett (Abb. 3) aus einem verbrannten Haus in der Siedlung Măgura Gorgana bei Pietrele an der Unteren Donau lässt sich nach ¹⁴C-Bestim-

украшении из Котоуча (Sikulová, Zápotocký 2010). Так же, как и у «Высокой стены», на Котоуче гораздо позднее, в эпоху бронзы, снова закладывали приношения. Диск из Котоуча имеет диаметр 21,4 см и является самым большим из найденных до сих пор дисков такого типа. Однако в нем необычен не только размер, но и материал: диск сделан из серебра. Таким образом, он представляет собой один из самых древних предметов, созданных из этого редкого металла.

Золотые и — в меньшей степени — серебряные диски различной формы играли в Юго-Восточной Европе с начала эпохи меди важную роль. Большинство ученых сходятся во мнении, что они имели символическое значение. В них, по всей вероятности, видели символы женской или мужской плодovitости. Наверное, никогда уже не удастся более точно понять, какой смысл придавали люди эпохи меди этим круглым выпуклостям.

Наиболее распространенными оказались большие и маленькие подвески в виде кольцевых дисков. Их находили в Греции, в Западном Причерноморье и восточной части Среднедунайской низменности (Hansen 2007). Очевидно, даже в разных культурных контекстах они представляли собой общепонятный символ. Самым тяжелым из известных золотых предметов эпохи меди является диск из клада в трансильванском Мойграде, который имеет диаметр 31 см и вес 750–800 г (Makkay 1991). Его вес примерно равен весу двухсот небольших золотых амулетов, известных по захоронениям в болгарской Варне и восточновенгерском регионе Теиш или по поселениям на Нижнем Дунае. Эти золотые диски также датируются главным образом второй половиной V тыс. до н. э. Амулет (ил. 3) из сгоревшего дома в селении Мэгура-Горгана под Пьетреле на Нижнем Дунае с помощью радиоуглеродного анализа удалось датировать серединой V тыс. до н. э. Это вполне соответствует новым датировкам восточновенгерской культуры Бодроккерестур, из которой до нас дошли многочисленные небольшие амулеты из золота (Csányi, Raczky, Tárnoki 2010). Однако есть основания полагать, что диски такой формы еще изготавливали и в IV тыс. до н. э. (Schoop 2011-II).

Медные диски, часто упоминаемые в связи с золотыми, относятся к совершенно другим культурным контекстам, и возраст их, возможно, меньше, чем возраст золотых дисков (Virág 2010. S. 216). Один такой экземпляр из нижнемецкого селения Хорнштаад-Хёрнле I датирован по контексту временем около 3910 года до н. э. (Heumüller 2012).

Распространение золотых и серебряных дисков с тремя коническими выпуклостями ограничено небольшим регионом, охватывающим сегодняшнюю Западную Венгрию (Трансданубию), нижнюю Австрию и Моравию. На этой территории существовала древняя неолитическая культура Лендьель. В Западной Венгрии за ней следовала культура Балатон-Ласиня, которую новейшие исследования датируют временем между 4300 и 4000 годами до н. э. (Oross u. a. 2010). В соответствии с современным уровнем знаний диски с большими круглыми выпуклостями должны быть отнесены также к этому периоду. Стилистическое сходство золотых дисков заставляет предположить, что они были изготовлены в довольно узкий временной период. Более детальные исследования техники их изготовления могли бы прояснить вопрос, не происходят ли они вообще из одной и той же мастерской.

В могильниках Варны, а также в других захоронениях этого периода подвески в виде золотого диска часто входят в состав погребального инвентаря, в котором в большом количестве присутствуют и другие ценные предметы. По

Ил. 3. Подвеска в виде кольцевого диска из Мэгура-Горгана под Пьетреле, Румыния (фото С. Хансена)

Abb. 3. Ringscheibenanhänger von Măgura Gorgana bei Pietrele, Rumänien (Foto: S. Hansen)

mung in das 45. Jahrhundert v. Chr. datieren. Dies steht auch im Einklang mit neuen Datierungen für die ostungarische Bodrockeresztúr-Kultur, aus der zahlreiche kleinere Goldamulette bekannt geworden sind (Csányi, Raczky, Tárnoki 2010). Es gibt jedoch Anhaltspunkte dafür, dass Scheiben dieser Form noch im 4. Jahrtausend v. Chr. hergestellt wurden (Schoop 2011-II).

Die im Zusammenhang mit den Goldscheiben häufig angeführten Kupferscheiben mit drei kleinen Buckeln gehören wiederum in andere kulturelle Kontexte und sind wahrscheinlich auch jünger als die Goldscheiben (Virág 2010. S. 216). Ein Exemplar aus der süddeutschen Siedlung Hornstaad-Hörnle I ist durch den Kontext in die Zeit um 3910 v. Chr. datiert (Heumüller 2012).

Die Gold- und Silberscheiben mit den drei kegelförmigen Buckeln sind auf eine kleinere Region begrenzt, die das heutige Westungarn (Transdanubien), Niederösterreich und Mähren umschließt. In diesem Raum war die ältere neolithische Lengyel-Kultur verbreitet. In Westungarn folgt auf sie die Balaton-Lasinja-Kultur, welche nach neueren Untersuchungen in die Zeit zwischen 4300 und 4000 v. Chr. datiert werden kann (Oross u. a. 2010). Diesem Zeitraum müssen die Scheiben mit den großen Buckeln nach dem heutigen Kenntnisstand zugewiesen werden. Die stilistisch sehr ähnlichen Goldscheiben legen den Gedanken nahe, dass sie in einem relativ engen Zeitraum hergestellt wurden. Detaillierte herstellungstechnische Untersuchungen hätten die Frage zu klären, ob sie vielleicht sogar aus der gleichen Werkstatt stammen.

Im Gräberfeld von Varna, aber auch in anderen Friedhöfen dieser Zeit, sind Goldscheibenanhänger häufig Teil von Bestattungen mit zahlreichen weiteren wertvollen Beigaben. In diesen Friedhöfen wird eine Gesellschaft mit ausgeprägter hierarchischer Struktur erkennbar (Schier 2010. S. 29). Lange Zeit ging man davon aus, dass die neolithischen Gesellschaften des 6. und 5. Jahrtausends v. Chr. egalitär strukturiert waren, in denen also nur geringe Reichtumsunterschiede und Vorrechte der politischen Partizipation existierten. Die soziale Differenzierung

этим захоронениям можно сделать вывод, что создавшее их общество имело ярко выраженную иерархическую структуру (Schier 2010. S. 29). Долгое время исходило из того, что неолитические общества VI и V веков до н. э. были структурированы эгалитарно, то есть для них были характерны небольшой разрыв в уровне богатства и незначительные привилегии участия в политике. Однако социальная дифференциация в захоронениях свидетельствует о том, что отдельные личности или их семьи уже сумели обеспечить себе преимущественное положение в обществе. Естественно предположить, что этот процесс социального расслоения шел в Юго-Восточной Европе примерно с 5000 года до н. э. параллельно с развитием металлургии. Металл представлял собой техническую инновацию с далеко идущими последствиями (Hansen 2009; Hansen 2011). Из нового материала можно было изготавливать предметы практически любой формы. Иметь металл было столь притягательно для человека того времени главным образом потому, что этот материал был практически не подвержен износу. После того, как металл добыли в руднике и обработали, его можно было снова и снова расплавлять и использовать для изготовления других предметов. Контролировать добычу и производство металла значило иметь серьезные экономические выгоды. И наконец, технические и социальные возможности, открываемые металлами, представляли собой в общем смысле вызов для мышления человека того времени. Ибо материал, который не снашивался и не расходовался, был чем-то доселе невиданным и должен был провоцировать желание приобщиться к его неизменности и прочности.

Именно в этом, более широком контексте технических новшеств и социальных изменений и следует изучать большие золотые диски. Вероятно, они служили символическим воплощением власти. К сожалению, сфера их применения не поддается надежной реконструкции. Возможно, их носили на одежду, то есть они были частью роскошных облачений. Их могли комбинировать с эффектными спиральными украшениями, о чем свидетельствует находка в Штолльхофе. Распространение дисков из Моравии вплоть до Славонии доказывает, что диски с круглыми выпуклостями не были локальной особенностью того или иного региона, они были знакомы и понятны людям на сравнительно большой территории.

in den Friedhöfen spricht jedoch dafür, dass sich bereits einzelne Individuen bzw. deren Familien eine bevorrechtigte Position geschaffen hatten. Es liegt nahe zu vermuten, dass dieser Prozess der sozialen Differenzierung parallel zur Entwicklung der Metallurgie seit etwa 5000 v. Chr. in Südosteuropa vonstatten ging. Das Metall stellte eine technische Innovation mit weit reichenden Folgen dar (Hansen 2009; Hansen 2011). Aus dem neuen Material konnten Gegenstände fast beliebiger Form hergestellt werden. Vor allem muss es eine große Faszination gewesen sein, einen Stoff zu besitzen, der sich praktisch nicht aufbrauchte. Einmal bergmännisch gewonnen und aufbereitet, konnte das Metall immer wieder aufs Neue eingeschmolzen und zur Herstellung neuer Objekte verwendet werden. Das Metall zu kontrollieren, hatte somit entscheidende ökonomische Vorteile. Schließlich stellten die technischen und sozialen Möglichkeiten, welche die Metalle boten, in einem umfassenden Sinn eine Herausforderung für das Denken dar. Denn ein Stoff, der sich nicht verbrauchte, war etwas bis dahin Unbekanntes und muss die Vorstellung angeregt haben, an seiner Beständigkeit teilzuhaben.

In diesem größeren Kontext der technischen Neuerungen und sozialen Veränderungen müssen auch die großen Goldscheiben betrachtet werden. Sie gehörten vermutlich in die Sphäre der politischen und religiösen Repräsentation einer Führungsschicht. Leider lässt sich die Ikonographie ihrer Verwendung nicht sicher rekonstruieren. Möglicherweise waren sie auf der Kleidung aufgenäht, also Teil von Prunkornaten. Sicherlich waren sie mit auffälligem Spiralschmuck kombiniert, wie dies der Fund von Stollhof nahe legt. Die Verbreitung der Scheiben von Mähren bis nach Slawonien zeigt, dass die Buckelscheiben keine lokale Eigentümlichkeit waren, sondern in einem vergleichsweise großen Gebiet verstanden wurden.

Елена Старкова

Финал эпохи Триполья—Кукутени на юге Восточной Европы

Elena Starkova

Der Ausklang der Tripolje-Cucuteni-Kultur im Süden Osteuropas

Первая половина III тыс. до н. э. считается началом бронзового века на юге Восточной Европы. В Карпато-Балканском регионе ему предшествовала целая плеяда высокоразвитых раннеземледельческих культур, так называемых культур крашеной керамики. Наиболее масштабной из них является Триполье—Кукутени, занимавшая территорию от Карпат на западе до Днепра на востоке, от Волыни на севере — до Черного моря на юге (карта I, II). Двойное название эта археологическая культура получила по одноименным поселкам — Триполье под Киевом и Кукутени вблизи г. Яссы (Румыния). В конце XIX века независимо друг от друга в России, Австро-Венгрии и Румынии были обнаружены поселения с аналогичным материалом. В дальнейшем здесь стали проводить исследования археологи различных национальных научных школ. На территории Украины первые раскопки трипольского поселения в 40 км от Киева, вблизи современного села Триполье, были проведены в 1893 году В. Хвойкой, который по результатам своих исследований сделал развернутый доклад на XI Археологическом съезде в Киеве в 1899 году. Поселение Кукутени в Румынии, открытое в 1889 году Г. Буцуряну, стало широко известно после раскопок немецкого археолога Г. Шмидта в 1909–1910 годах. Последний по особенностям росписи на керамике и в соответствии со стратиграфией выделил несколько хронологических горизонтов (фаз) этого многослойного памятника — Кукутени А, А–В, В, что и послужило основой периодизации кукутенских поселений, которая позднее была уточнена и дополнена румынским исследователем В. Думитреску.

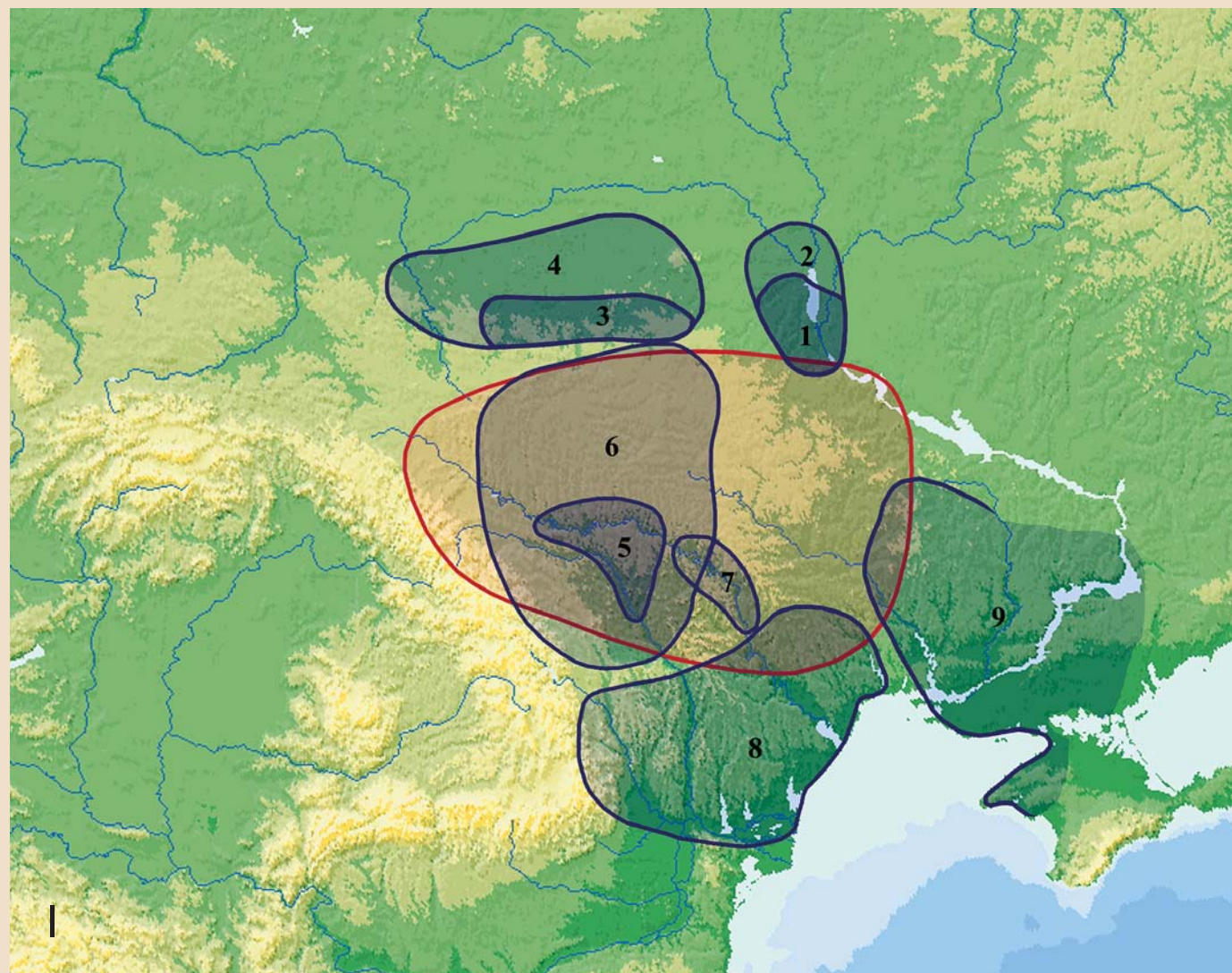
Периодизация трипольских памятников поселений Среднего Поднестровья и Буго-Днепровского междуречья была создана в 1930–1940-е годы Т. С. Пассек. Она разделила Триполье на три периода — ранний А, средний В и поздний С, которые в свою очередь подразделялись на этапы. В своих хронологических построениях Т. С. Пассек так же, как и Г. Шмидт, опиралась на сопоставление стилей росписи на керамике. Несмотря на то, что со времени создания этой периодизации прошло более полувека и количество исследованных находок значительно увеличилось, она используется как опорная и на современном этапе при изучении трипольских памятников территории современной Украины и Молдовы.

До последнего времени остаются проблемы с сопоставлением выделенных хронологических периодов и этапов трипольских и кукутенских памятников. Тем не менее Триполье—Кукутени является единой этнокультурной общностью, занимавшей территорию современной Украины, Молдовы и северо-востока Румынии.

Дер Beginn der Bronzezeit im Süden Osteuropas wird in der ersten Hälfte des 3. Jahrtausends v. Chr. angesetzt. In der karpatenländisch-balkanischen Region gingen ihr eine ganze Reihe hochentwickelter früher Ackerbaukulturen voraus, die auch als Kulturen mit bemalter Keramik bezeichnet werden. Die wichtigste dieser Kulturen ist mit der Cucuteni-Tripolje-Kultur gegeben, die von den Karpaten im Westen bis hin zum Dnepr im Osten und von Wolhynien im Norden bis hin zum Schwarzen Meer im Süden verbreitet war (Karte I, II). Die Doppelbezeichnung für diese Kultur leitet sich von zwei Fundorten ab, den Siedlungen Tripolje bei Kiew und Cucuteni bei Iași (Rumänien). Am Ende des 19. Jahrhunderts hatte man in Russland, den Ländern der Donaumonarchie und in Rumänien jeweils unabhängig voneinander Siedlungen mit analogen Materialien entdeckt. Diese wurden im Weiteren von Archäologen unterschiedlicher Nation erforscht. In der Ukraine führte man die ersten Grabungen der Tripolje-Siedlung, die 40 km von Kiew entfernt, in der Nähe des heutigen Dorfs Tripolje bei Kiew, liegt, im Jahr 1893 durch; die Leitung der Kampagne oblag damals Vikentij Chvojka, der die Ergebnisse seiner Untersuchungen in einem Vortrag während des XI. Archäologenkongresses 1899 in Kiew vorstellte. Erste Untersuchungen in der Siedlung Cucuteni in Rumänien fanden 1889 durch Grigore Băţureanu statt, wurden aber erst durch die in den Jahren 1909–1910 erfolgten Grabungen des deutschen Archäologen Hubert Schmidt, Kurator am Berliner Museum für Vor- und Frühgeschichte, breiter bekannt. Dieser hatte anhand der Besonderheiten in der Bemalung der Keramik und aufgrund der Stratigraphie einzelne chronologische Perioden dieses mehrschichtigen Fundorts herausgearbeitet, die er als Cucuteni A, A-B und B bezeichnete und die als Grundlage der Periodisierung aller Cucuteni-Siedlungen dienen sollten. In der Folge konnte der rumänische Archäologe Vladimir Dumitrescu diese Einteilung ergänzen und präzisieren.

Die Periodisierung der Tripolje-Siedlungen im mittleren Dnestrgebiet und in der Region zwischen Bug und Dnepr ist T. S. Passek zu danken, die sie zwischen 1930 und 1940 erarbeitete. Sie unterschied drei Perioden, die frühe (A), die mittlere (B) und die späte (C), für die sie jeweils mehrere Phasen postulierte. Wie Schmidt stützte sich auch Passek auf einen Vergleich stilistischer Besonderheiten in der Keramik. Obwohl inzwischen mehr als fünfzig Jahre vergangen sind und die Zahl der Fundstätten deutlich gestiegen ist, blieb diese Periodisierung doch grundlegend für die Tripolje-Fundorte im Gebiet der heutigen Ukraine und Moldaviens.

Lange Zeit bereitete es Probleme, die Perioden und Phasen der einzelnen Tripolje- und Cucuteni-Fundstätten miteinander zu vergleichen. Gleichwohl muss die Tripolje-Cucuteni-Kultur

I – Границы ареала культуры Триполья—Кукутени среднего и позднего периодов

I – Gebietsgrenzen der Tripolje-Cucuteni-Kultur der mittleren und späten Periode

■ – ареал культуры Триполья—Кукутени среднего периода

■ – Gebiet der Tripolje-Cucuteni-Kultur der mittleren Periode

■ – ареал культуры Триполья—Кукутени позднего периода (по В. А. Дергачеву, И. В. Манзуре)

■ – Gebiet der Tripolje-Cucuteni-Kultur der späten Periode (nach V. A. Dergačev, I. V. Mansura)

- 1 – Лукашевский тип памятников;
- 2 – Софиевский тип памятников;
- 3 – Трояновский тип памятников;
- 4 – Городский тип памятников;
- 5 – Брынзенский тип памятников;
- 6 – Гординештский тип памятников;
- 7 – Выхватинский тип памятников;
- 8 – Усатовский тип памятников;
- 9 – Серезлиевский тип памятников

- 1 – Fundorte des Typs Lukaševo;
- 2 – Fundorte des Typs Sofievska;
- 3 – Fundorte des Typs Trojanov;
- 4 – Fundorte des Typs Gorodsk;
- 5 – Fundorte des Typs Bryzenskaja;
- 6 – Fundorte des Typs Gorodinești;
- 7 – Fundorte des Typs Ofatinți;
- 8 – Fundorte des Typs Usatovo;
- 9 – Fundorte des Typs Serezlievskji

II – Памятники культуры Триполья—Кукутени среднего и позднего периодов, представленные на выставке

II – Fundorte der Tripolje-Cucuteni-Kultur der mittleren und späten Periode, die in der Ausstellung vertreten sind

● – памятники среднего периода BII-CI

● – Fundorte der mittleren Periode BII-CI

● – памятники среднего периода CI

● – Fundorte der mittleren Periode CI

● – памятники позднего периода CII

● – Fundorte der späten Periode CII

- 1 – Владимировка
- 2 – Кринички
- 3 – Незвиско
- 4 – Поливанов Яр I
- 5 – Старая Буда
- 6 – Выхватинцы
- 7 – Ермолаевка

- 1 – Vladimirovka
- 2 – Krinički
- 3 – Nezvisko
- 4 – Polivanov Jar I
- 5 – Stara Buda
- 6 – Ofatinți
- 7 – Ermolaevka

Согласно последним данным радиоуглеродного анализа, время существования этой культурной общности охватывает отрезок времени в полторы тысячи лет — с конца V по начало III тыс. до н. э.

За столетнюю историю исследования памятников этой культуры собран богатейший материал, который послужил основой для формирования фондов и экспозиций крупнейших археологических музеев Румынии, Молдовы и Украины. По объему трипольских археологических коллекций с ними сопоставимы и коллекции, хранящиеся в фондах Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа, которые пополнялись в основном в 1950-х годах из раскопок Т. С. Пассек, С. Н. Бибилова, Е. К. Черныш, С. С. Гамченко, М. И. Артамонова. Это материалы, представляющие все периоды развития Триполья—Кукутени. Самые ранние из них — поселения Триполье А — Берново-Лука, за ними идут поселения начала среднего периода, этапа В1 — Журы, Поливанов Яр III; следующие по хронологии материалы принадлежат середине среднего периода, этапа ВII (или переходного этапа В1–ВII, по Н. М. Виноградовой) — Незвиско II, Поливанов Яр II; к концу среднего периода и началу позднего относятся памятники поселений Незвиско III, Кринички, Поливанов Яр I, Владимировка, Старая Буда, Немиров, Щербатово городище. Самыми поздними в коллекции Государственного Эрмитажа являются материалы Выхватинского могильника, принадлежащего этапу СII позднего Триполья.

Культура Триполья—Кукутени складывалась на рубеже V и IV тыс. до н. э. на территории Юго-Восточной Трансильвании и Восточного Прикарпатья. Основное влияние на ее формирование оказали нижнедунайские культуры Боян, Хамаджия, Гумельница, а также культура линейно-ленточной керамики.

Для раннего периода Триполья—Кукутени характерны небольшие по площади поселения размерами до 1–1,3 га. В качестве жилищ использовались наземные постройки с деревянным каркасом, обмазанным глиной, а также землянки и полуземлянки с открытыми очагами. Перекрытия полуземлянок, очевидно, были сделаны из дерева или плетня, поэтому не сохранились, хотя иногда встречались следы глинобитных перекрытий в тех случаях, когда прутья или доски обмазались глиной. Четкой и упорядоченной планировки поселений в это время не прослеживается. Застройка в основном хаотичная, с расположением жилищ и хозяйственных построек небольшими группами. В керамическом комплексе еще отчетливо прослеживаются черты предшествующих культур, и в первую очередь линейно-ленточной керамики, а также нижнедунайского неолита — культур Боян, Гумельница, Хамаджия. Преобладает керамика с углубленным или каннелированным декором со спиральным орнаментом. Поверхность сосудов часто окрашивалась красной охрой, а углубленные линии заполнялись белой пастой.

В целом в ранний период складывается трипольско-кукутенский комплекс, который представлял собой функциональный набор посуды для еды, питья, хранения и приготовления продуктов. Это кубки, миски, открытые горшки-кратеры, амфоры, сосуды грушевидной формы с крышками, а также кухонные горшки и глубокие миски-котлы для приготовления пищи. Керамика на синхронных по времени поселениях (или группах поселений) из разных регионов ареала могла отличаться по некоторым особенностям форм и нюансам декора, но в целом набор посуды и основных орнаментальных композиций сходен.

letzten Endes als eine zusammengehörige ethnokulturelle Gemeinschaft verstanden werden, die im Gebiet der heutigen Ukraine, Moldavien und im nordöstlichen Rumänien verbreitet war.

Nach den jüngsten ¹⁴C-Daten ist diese Kultur vom Ende des 5. Jahrtausends v. Chr. bis zum Beginn des 3. Jahrtausends v. Chr. anzusetzen, hat sich also rund 1500 Jahre zu halten vermocht.

In den hundert Jahren, in denen diese Kultur erforscht wurde, konnte reiches Fundgut zusammengetragen werden, das einer der Schwerpunkte in den Sammlungen und Ausstellungen großer archäologischer Museen in Rumänien, Moldavien und der Ukraine bildet. Auch im Berliner Museum für Vor- und Frühgeschichte befinden sich umfangreiche Bestände aus den Grabungen in Cucuteni. Vom Umfang her sind sie durchaus mit den Tripolje-Sammlungen in den Beständen der Abteilung für die Archäologie Osteuropas und Sibiriens der Staatlichen Eremitage zu vergleichen, die vor allem in den 1950er Jahren durch die Grabungen T. S. Passeks, S. N. Bibikovs, E. K. Černyšs, S. S. Gamčenkos und M. I. Artamonovs akquiriert wurden. Die Materialien spiegeln alle Entwicklungsperioden der Tripolje-Cucuteni-Kultur wider. Die ältesten von ihnen stammen aus den Siedlungen Tripolje und Bernovo-Luka. Es folgt der Beginn der mittleren Periode, die Phase B1, die von Žury und Polivanov Jar III repräsentiert wird. Für die anschließende Phase BII, also für die Mitte der mittleren Periode (nach N. M. Vonigradova auch als Übergangsphase B1-BII bezeichnet) stehen die Siedlungen Nezvisko II und Polivanov Jar II. In das Ende der mittleren Periode und den Beginn der späten sind die Fundstätten Nezvisko III, Krinički, Polivanov Jar I, Vladimirovka, Stara Buda, Nemirov und die befestigte Siedlung Ščerbatovo zu datieren. Die jüngsten Materialien in der Sammlung der Eremitage stammen aus dem Gräberfeld Ofatinți, das der Phase CII des späten Tripolje zuzuzählen ist.

Der Ursprung der Tripolje-Cucuteni-Kultur liegt im südöstlichen Transsilvanien und im östlichen Karpatenvorland. Bei diesem Prozess waren sowohl die an der unteren Donau beheimateten Kulturen Boian, Hamangia und Gumelnița beteiligt, wie auch Einflüsse der Linienbandkeramik.

Für die frühe Periode der Tripolje-Kultur sind kleinere Siedlungen von 1,0–1,3 ha typisch. Bei den Häusern handelte es sich sowohl um oberirdische Bauten mit Flechtwänden und Lehmverputz als auch um Gruben- oder eingetiefte Häuser mit offenen Herdstellen. Das Dach der eingetieften Hütten muss aus Holz und Flechtwerk bestanden haben, ist jedoch nicht erhalten geblieben; teilweise haben sich aber Abdrücke davon in verbrannten Resten des Lehmverputzes erhalten. Die Siedlungen wiesen in dieser Zeit noch keine klare, auf Planung zurückgehende Struktur auf. In der Regel baute man recht chaotisch, indem man Häuser und Wirtschaftsbauten, in kleineren Gruppen zusammengefasst, anlegte. In der Keramik sind noch deutliche Spuren der vorausgegangenen Kulturen zu erkennen, vor allem der Linienbandkeramik, aber auch der neolithischen Kulturen von der unteren Donau (Boian, Gumelnița und Hamangia). Die Verzierung besteht zum großen Teil aus eingetieften spiralförmigen Ornamenten. Die Oberfläche der Gefäße war häufig mit rotem Ocker gefärbt, die eingetieften Linien mit weißer Kalkinkrustation ausgefüllt.

Die Gefäße umfassen sowohl Behälter für Speisen und Getränke sowie Koch- und Vorratsgeschirr. Dabei handelte es sich um Becher, Schalen, offene Töpfe bzw. Krater, „Amphoren“, birnenförmige Gefäße mit Deckel, aber auch um „Kochtöpfe“ und tiefe Schalen bzw. Kessel für die Essenszubereitung. Die Keramik innerhalb des Verbreitungsgebiets der Cucuteni-Tripolje-Kultur kann in einigen Merkmalen von Form und Dekor Unterschiede aufweisen, ist jedoch insgesamt einheitlich.

Большинство орудий и оружия изготавливалось из кремня — это пластины с нерегулярной ретушью или без ретуши, использовавшиеся в качестве ножей, скребки, вкладыши серпов, сверла, скобели, наконечники стрел и копий и т. д. В это время широкое распространение получили клиновидные топоры, топоры-мотыги, долота, тесла из сланца и других более мягких, чем кремнь, пород камня. Встречается также много изделий из кости — проколки, шилья, лощила и штампы для керамики, рыболовные крючки, а также рукояти для каменных орудий.

В это время появляются первые изделия из меди. Ассортимент их довольно ограничен. В основном преобладают вещи небольших размеров — шилья, рыболовные крючки, подвески, булавки, различные браслеты. Медные долота и топоры встречаются крайне редко. Медные предметы раннего и начала среднего периодов Триполья изготовлены главным образом из сырья, привезенного из фракийско-нижнедунайского региона.

Идеологические воззрения трипольско-кукутенского земледельческого населения отражены в глиняной пластике, которая весьма разнообразна и отражает все сферы жизни и деятельность древних людей. В набор глиняной пластики входят антропоморфные и зооморфные изображения, модели жилищ, алтари, сосуды с элементами зооморфной пластики и так называемые бинокли — изделия в виде двух трубок с соединяющей их перемычкой. Реконструировать духовную жизнь древнего общества по археологическим материалам довольно сложно. Можно лишь предполагать, исходя из основного занятия трипольско-кукутенского населения — земледелия, — что основные религиозные верования и ритуалы были связаны, в первую очередь, с плодородием и разными природными явлениями, влияющими на урожай.

В этот период происходит формирование основных элементов культуры, которые будут являться главными индикаторами на протяжении всего времени ее существования: керамический комплекс, пластика, кремневые орудия труда, первые шаги в освоении металлообработки. А также обозначаются границы ареала, которые в последующие периоды изменяются лишь незначительно, и определяются направления миграций внутри ареала, связанные с экстенсивным способом обработки земли или кочевым земледелием.

Максимальное расширение ареала и значительное увеличение плотности населения происходит в эпоху расцвета культуры, или в так называемый развитый период, который охватывает несколько хронологических этапов: Триполье B1, BII, C1 (Кукутени А, А-В, В соответственно).

К концу первой половины IV тыс. до н. э. (этапы B1 и BII, по Т. С. Пассек) трипольско-кукутенские племена в поисках новых плодородных земель начали активно осваивать периферийные области ареала — бассейны Верхнего и Среднего Днестра, а затем Буго-Днестровское междуречье. Размеры самих поселений также увеличиваются. Размеры поселков могут достигать 35–40 гектаров. В процессе внутренних миграций в развитый период происходит обособление отдельных групп памятников с явными локальными различиями, которые прослеживаются главным образом в формах и декоре керамики.

На начало среднего Триполья приходится максимальное количество укрепленных поселений. Особенно их численность велика в прикарпатской зоне, где, по-видимому, возникла необходимость защиты от какой-то внешней угрозы. Поселения чаще всего располагались на мысах и останцах

Werkzeuge und Waffen wurden mehrheitlich aus Feuerstein angefertigt; hier begegneten Klingen mit oder ohne ungleichmäßige Retsusche, die als Messer genutzt wurden, Schaber, Einsätze für Sicheln, Bohrer, Erntegeräte, Pfeilspitzen, Lanzen u. ä. Gleichzeitig existierten Beile, Äxte bzw. Hacken, Meißel und Dechsel aus Schiefer oder anderen Gesteinsarten, die weicher als Feuerstein sind. Auch zahlreiche Knochenartefakte wurden ausgegraben, Bohrer, Ahlen, Polierfeilen, Stempel für die Keramik, Angelhaken oder Griffe für Steinwerkzeuge.

In dieser Periode kamen ferner die ersten Kupferstücke auf, ihr Spektrum ist freilich noch sehr begrenzt. Es überwiegen kleinere Gegenstände wie Ahlen, Angelhaken, Anhänger, Nadeln und verschiedene Armreifen. Meißel und Äxte aus Kupfer begegnen noch äußerst selten. In der frühen und zu Beginn der mittleren Periode der Tripolje-Kultur wurden Gegenstände aus Kupfer meist aus Kupfer aus Thrakien und dem unteren Donaugebiet hergestellt.

Die weltanschaulichen Vorstellungen der Ackerbau betreibenden Tripolje-Cucuteni-Bevölkerung spiegeln sich vornehmlich in der Tonplastik wider, die ungewöhnlich vielgestaltig war und alle Lebenssphären sowie die Tätigkeit der Menschen dieser Zeit veranschaulichte. Die Sujets können anthropomorph oder zoomorph sein, es sind Modelle von Wohnstätten, Altäre, Gefäße mit figürlichen zoomorphen Elementen, aber auch so genannte „Ferngläser“; zwei durch einen Steg miteinander verbundene röhrenförmige Behälter. Anhand der vorliegenden archäologischen Materialien lässt sich das geistige Leben dieser Gesellschaft nur bedingt rekonstruieren. Ausgehend von der Haupttätigkeit zur Lebenssicherung, dem Ackerbau, kann man nur vermuten, dass religiöse Vorstellungen und Rituale vornehmlich mit Fruchtbarkeitskulten und verschiedenen natürlichen Phänomenen, die die Ernte beeinflussen, verbunden waren.

Zusammenfassend lässt sich feststellen, dass sich in dieser Zeit die spezifischen Merkmale der Kultur herausbildeten, die alle Perioden prägen sollten. Es sind die Keramik, die Plastik sowie die Arbeitsgeräte aus Feuerstein, aber auch die ersten Schritte zur Metallverarbeitung. Diese Charakteristika markieren die Grenzen des Verbreitungsgebiets, die sich in den anschließenden Perioden nur geringfügig änderten, und zeigen, in welche Regionen sich die Kultur ausbreitete, da die extensive Bodennutzung und die Weidewirtschaft eine Vergrößerung des Lebensraums erforderte.

Das maximale Verbreitungsgebiet und die größte Bevölkerungsdichte ist für die Blütezeit der Kultur festzustellen, die auch als „entwickelte“ Periode bekannt ist und sich über die chronologischen Phasen Tripolje B1, BII und C1 (bzw. Cucuteni A, A-B u. B) erstreckt.

Gegen Ende der ersten Hälfte des 4. Jahrtausends v. Chr. (die Phasen B1 und BII nach T. S. Passek) begannen die Tripolje-Cucuteni-Stämme auf der Suche nach neuen fruchtbaren Böden zunächst in die Randbereiche ihres Verbreitungsgebiets vorzudringen, in die Becken des oberen und mittleren Dnestr, später auch in das Gebiet zwischen Bug und Dnestr. Die Größe der Siedlungen selbst nahm ebenfalls zu, sie konnten nun 35–40 ha umfassen. Im Zuge dieser Binnenmigrationen in der entwickelten Periode entstanden einzelne Gruppen mit eindeutig lokalen Spezifika, die sich vor allem anhand der Formen und der Verzierung der Tongefäße erkennen lassen.

Zu Beginn der mittleren Tripoljekultur existierte die größte Zahl befestigter Siedlungen. Vor allem im Karpatenvorland sind sie häufig; vermutlich bestand in dieser Gegend also die Notwendigkeit, sich gegen eine Bedrohung von außen zu schützen. Die Siedlungen lagen meist auf Landzungen und Spornen mit

с труднодоступными склонами. Стороны поселений, не защищенные естественными преградами, укреплялись искусственно валами и рвами.

К этому времени относятся и первые явные свидетельства контактов со степными культурами, а также в северо-западных областях ареала — с энеолитическим населением Восточной Европы.

Развитию межкультурных контактов во многом способствует прогресс в различных областях хозяйственной деятельности, и в первую очередь в кремнеобрабатывающем и кремнедобывающем производствах, совершенствуется техника изготовления изделий из кремня, что связано с появлением специализированных кремнеобрабатывающих мастерских. Высококачественные кремневые орудия становятся предметами активного товарообмена с населением соседних культур.

В период развитого Триполья в пределах ареала уже существуют и собственные центры металлообработки. Сначала они появляются в Попрутье, а затем и в Среднем Поднестровье. В это время происходит переориентация с балканских источников сырья на тиссо-трансильванские медные месторождения.

Значительно увеличивается и ассортимент медных изделий, что связано с началом широкого применения наряду с холодной и горячей ковкой литья в открытые формы. Об этом свидетельствуют находки тиглей на трипольско-кукутенских поселениях. Если в ранний период набор медных изделий состоял преимущественно из статусных вещей небольших размеров, главным образом украшений, то теперь широкое распространение получают орудия труда и оружие — топоры-тесла, топоры-долота, кинжалы.

О контактах с населением степной зоны свидетельствует появление в трипольском керамическом комплексе кухонной посуды с обильной примесью толченой ракушки, что характерно для степных культур типа Средний Стог II. Очевидно, эта традиция пришла из степи вместе с населением, которое какое-то время сосуществовало с трипольцами и изготавливало керамику по своей технологии, добавляя в тесто в качестве отщипителя толченую ракушку и выравнивая стенки сосудов при помощи выбивки или «наковальни и лопаточки» — архаичного способа известного с неолита. Несколько позднее, уже на этапе BII, степное население растворилось в трипольском обществе, но традиция добавления толченой ракушки в некоторые кухонные горшки осталась, и поверхность сосудов часто обрабатывалась по смешанной технологии — выбивкой и традиционным для Триполья—Кукутени способом обрезки излишков глины при помощи специального костяного или деревянного инструмента.

Наиболее ярко расцвет культуры проявляется в развитии керамического производства. Начало периода развитого Триполья ознаменовано появлением полихромной расписной керамики, традиция изготовления которой была принесена трипольско-кукутенским населением из Сиретско-Прутского междуречья на территорию Верхнего и Среднего Поднестровья, Буго-Днепровского междуречья. Расписная керамика, вылепленная из мелкоструктурной глины с минимальным количеством примесей, стала одним из основных маркеров культуры Триполье—Кукутени. Орнамент наносился на тщательно обработанную поверхность, которая в большинстве случаев покрывалась специальной подгрунтовкой — слоем краски, но более слабой концентрации, чем краска, использованная для росписи. Было установлено, что для декорирования сосудов применялась

краска минерального происхождения: каолин, красная охра и болотная руда. Скорее всего, количество краски определенного цвета зависело от ее устойчивости. Так, хуже всего скреплялся с поверхностью черепка каолин, дававший белую краску. Красная краска (охра) сохраняется лучше, чем белая. Наиболее устойчива темно-коричневая краска, получаемая из болотной руды. Поэтому основные элементы орнамента всегда выполнялись темно-коричневой краской, а дополнительные — красной, реже — белой.

К середине периода развитого Триполья в результате сложных миграционных процессов сформировалось несколько основных группировок памятников, обладающих на фоне общего единства несомненными локальными отличиями. Это, в первую очередь, западная группа, занимавшая Сиретско-Прутское междуречье. Именно она являлась центром распространения расписной керамики в северо-западный и северо-восточный регионы. Здесь наблюдается максимальное разнообразие форм керамики и орнаментальных композиций. Как следствие миграции населения из западного региона на север на этапе Триполье BII (фаза Кукутени B1a) образовалась группа поселений на северо-западной границе ареала — в Верхнем Поднестровье и на Подольской возвышенности.

Памятники центральной группы в Пруто-Днепровском междуречье и Среднем Побужье сформировались также под влиянием населения Сиретско-Прутского междуречья, которое, скорее всего, мигрировало в этот регион на этапе BI–BII или в самом начале BII.

Восточная группа трипольско-кукутенских памятников образовалась в результате перемещения части населения Среднего Буга на восток. Здесь мы наблюдаем в керамических комплексах смешение западной традиции расписной посуды и местной архаичной посуды с углубленным орнаментом.

К финалу периода развитого Триполья в Буго-Днепровском междуречье возникают поселения, достигающие площади около 350 гектаров, со строгой радиальной или кольцевой планировкой. Они были застроены наземными прямоугольными глинобитными домами каркасно-столбовой конструкции. О конструкции жилищ мы в некоторой мере можем судить и по миниатюрным моделям, которые были найдены на территории многих трипольско-кукутенских поселений. Благодаря им подтвердилось предположение о наличии двухэтажных построек с мощным глинобитным перекрытием. Дома могли быть с несколькими печами — большесемейные, а также с одной — для парной или малой семьи.

Причины возникновения таких поселений-гигантов, или так называемых протогородов, до конца не ясны. Во всяком случае, термин «протогород» к ним применим лишь условно, поскольку, несмотря на их огромные размеры, нет материалов, реально свидетельствующих о том, что это были центры экономической, религиозной и культурной жизни. Исследователи выдвигали разные версии причин появления таких поселений-гигантов: необходимость отражать набеги степных племен, внутрикультурные конфликты из-за земельных ресурсов, а также изменение структуры трипольского общества — формирование в нем социальной иерархии. Существует мнение и о том, что поселения-гиганты возникают из-за необходимости консолидации населения вследствие ухудшения климатических условий, когда на смену влажному и теплому климату постепенно приходит более холодный и сухой.

В это время помимо поселений-гигантов продолжают существовать и небольшие поселки площадью, не превышаю-

дурfte dadurch bestimmt gewesen sein, wie sie jeweils an der Oberfläche des Scherbens hafteten. Bei Kaolin, das eine weiße Farbe gibt, war das am wenigsten der Fall; etwas besser verhielt es sich mit roter Farbe (Ocker). Am besten eignete sich jedoch die aus Eisen-Phyllit gewonnene dunkelbraune Farbe. Deshalb waren die Kernelemente des Ornaments stets in Dunkelbraun ausgeführt, die ergänzenden meist in Rot, selten auch in Weiß.

In der Mitte der entwickelten Periode kommt es durch diffizile Bevölkerungsverschiebungen zur Entstehung von Gruppen, die sich gegen die ansonsten homogene Gesamtheit durch lokale Spezifika deutlich abheben. Dies ist vor allem die westliche Gruppe im Gebiet zwischen Sereth und Prut. Über sie breitete sich die Technik der Keramikbemalung in den nordwestlichen und nordöstlichen Regionen aus. Diese Gruppe zeichnet sich durch die besondere Vielfalt von Gefäßformen und Ornamentkompositionen aus. Als Folge von Wanderungen aus den westlichen Region nach Norden entstanden in der Phase Tripolje B II (Cucuteni B1a) neue Siedlungen an der nordwestlichen Grenze des Verbreitungsgebiets, im Gebiet des oberen Dnestr und in der Region der Podolischen Platte.

Die Siedlungen der zentralen Gruppe im Gebiet zwischen Prut und Dnestr und am mittleren Bug wurden ebenfalls durch Elemente aus dem Sereth-Prut-Zwischenstromgebiet beeinflusst, die vermutlich am Ende der Phase BI–BII oder zu Beginn von BII in diese Region gelangt waren.

Die östliche Gruppe der Tripolje-Cucuteni-Kultur entstand durch die Umsiedlung von Teilen der Bevölkerung vom mittleren Bug nach Osten. Dabei ist für die Keramik eine Vermischung der westlichen Tradition von Gefäßbemalung mit den lokalen archaischen ritzverzierten Stücken zu beobachten.

Gegen Ende der entwickelten Tripolje-Kultur entstanden im Gebiet zwischen Bug und Dnepr Siedlungen, die um die 350 ha groß waren und eine radiale oder ringförmige Struktur erkennen lassen. Die Häuser wurden als oberirdische, rechteckige Pfostenbauten mit lehmverputzten Wänden errichtet. Mit gewissen Vorbehalten geben über ihre Konstruktion Miniaturmodelle Auskunft, die in zahlreichen Tripolje-Cucuteni-Siedlungen gefunden wurden. Sie bestätigen beispielsweise, dass es tatsächlich zweigeschossige Bauten mit einem soliden Dach aus Stampflehm gegeben hat. Besaßen die Häuser mehrere Herdstellen, dürften sie Großfamilien gehört haben, hatten sie nur eine Herdstelle, wohnte in ihnen wohl ein Paar oder eine Kleinfamilie.

Die Gründe für das Aufkommen dieser Großsiedlungen oder, wie sie auch genannt werden, Protostädte sind bis heute nicht abschließend geklärt. Zumindest scheint der Ausdruck „Protostädte“ nur bedingt auf sie zuzutreffen, denn bis auf ihre Ausmaße gibt es keinen Hinweis darauf, dass es sich bei ihnen um Zentren des wirtschaftlichen, religiösen oder kulturellen Lebens gehandelt hätte.

In der Fachwelt wurden immer wieder Hypothesen diskutiert, was zur Gründung dieser Großsiedlungen geführt haben könnte. Vielleicht galt es, etwaige Überfälle der Steppenvölker abzuwehren, vielleicht gab es interkulturelle Konflikte um Bodenressourcen, vielleicht führten Veränderungen in der Struktur der Tripolje-Gesellschaft, so die Herausbildung einer gesellschaftlichen Hierarchie, dazu. Zuweilen findet man auch die Auffassung vertreten, dass die Großsiedlungen entstanden sind, um die durch klimatische Veränderungen auftretenden Probleme — das feuchte und warme Klima wurde nach und nach durch kaltes und trockenes abgelöst — besser angehen zu können.

Neben den Großsiedlungen gab es auch weiterhin kleinere Ansiedlungen, die nicht mehr als 2–4 ha einnahmen und in de-

щей 2–4 гектара, где наряду с наземными глинобитными домами довольно часто встречаются полуземлянки восьмеркообразной формы.

С увеличением размеров поселений происходят и изменения в керамическом комплексе, поскольку возникает потребность в массовом производстве посуды. В это время встречаются гончарные мастерские с печами сложной двухъярусной конструкции, где вертикально расположенные топочная и обжиговая камеры разделялись глинобитной перегородкой с отверстиями-проходами для равномерного поступления горячего воздуха. Необходимость производить большое количество керамики в первую очередь отразилось на формах сосудов. В предыдущие периоды посуда отличалась плавным профилем, без резких линий, а теперь керамика имеет ярко выраженное ребро посередине тулова, что объясняется упрощением конструирования тулова из верхней и нижней частей стандартной формы и нескольких стандартных размеров. Изменяется и орнаментация сосудов: преобладает монохромная роспись — темно-коричневой краской по оранжевой или желтоватой подгрунтовке. Орнаментальные композиции становятся более разнообразными. Помимо спиралей, «горизонтальных восьмерок», «змей», «комет», концентрических кругов и различных сочетаний косых, горизонтальных и вертикальных параллельных линий, большее распространение, по сравнению с предыдущим этапом, получают метопные и геометрические композиции, а также появляются изображения людей, животных и птиц, которые вписаны в традиционный трипольский орнамент.

Вопрос семантики трипольско-кукутенского орнамента по сей день остается открытым и является предметом дискуссий. Сочетание элементов при сохранении общей композиции орнаментов со временем менялось. Очевидно, что и их трактовка отличалась в разные периоды. При этом, надо заметить, сходные отдельные элементы образовывали разные композиции на разных формах сосудов, что, скорее всего, объясняется удобством расположения того или иного орнамента на определенной поверхности. Не исключено, что декор на сосудах может быть связан с какими-то идеологическими воззрениями трипольского населения.

Антропоморфная пластика развитого этапа отличается исключительным разнообразием. В целом фигурки можно разделить на реалистичные и условно-реалистичные. В большинстве случаев, там, где обозначены признаки пола, — это женские статуэтки. Мужские встречаются гораздо реже.

У реалистичных изображений хорошо проработаны черты лица и прическа (кат. 11.4). Они представляют собой, скорее всего, портреты конкретных людей. Статуэтки, выполненные в условно-реалистичном стиле, встречаются значительно чаще (кат. 12.4). У них головы сделаны тремя защипами, глаза — сквозными отверстиями. Такие же отверстия иногда проделаны на руках и на поясе. Ноги, как правило, веретенообразной формы и не разделены. Небольшими налепами обозначены грудь и живот. Иногда у таких фигурок обозначены волосы, собранные в небольшой пучок на спине и покрашенные черной или темно-коричневой краской (кат. 11.3). К условно-реалистичным изображениям можно отнести и сидячие статуэтки, которым принадлежат миниатюрные креслица на четырех ножках с разнообразным декором, часто напоминающие зооморфные неглубокие миски (кат. 9.1). В эту же категорию попадают и крупные (высотой до 20–25 см) объемные полые фигурки с цилиндрическим основанием, встречающиеся довольно редко и в основном среди памятников Побужья.

nen neben oberirdisch liegenden, lehmverputzten Häusern noch relativ häufig eingetiefe Hütten von achterförmigem Grundriss anzutreffen waren.

Das Anwachsen der Siedlungen führte darüber hinaus zu Modifikationen in der Keramikherstellung, musste doch nun eine Massenproduktion erfolgen. In dieser Zeit entwickelte man Töpferöfen von aufwendiger zweiteiliger Konstruktion, in denen Befeuerungs- und Brandkammer durch eine Platte aus Stampflehm getrennt waren und Abzüge einen gleichmäßigen Zustrom von heißer Luft gewährleisteten. Die Notwendigkeit, Keramik in großem Umfang herzustellen, wirkte sich auch auf die Gefäßform aus. In den vorausgegangenen Perioden hatten die Gefäße ein fließendes Profil ohne scharfe Umbrüche; jetzt dagegen gab es einen Absatz in der Körpermitte, so dass standardisierte Ober- und Unterteile mit bestimmten Maßeinheiten entstanden. Auch die Ornamentierung der Gefäße änderte sich, nun dominierte eine monochrome Bemalung, bei der dunkelbraune Farbe auf orangefarbene oder gelbe Grundierung aufgetragen wurde. Die Variationsbreite der Ornamentik wurde dagegen vielfältiger. Neben Spiralen, horizontal liegenden Achtern, „Schlangen“, „Kometen“, konzentrischen Kreisen und unterschiedlichen Zusammenstellungen von schrägen, horizontalen und vertikalen Parallellinien traten nun häufig Metopen und geometrische Muster auf, aber auch Darstellungen von Menschen, Tieren und Vögeln, die in das traditionelle Tripolje-Ornament integriert wurden.

Die Frage nach der Semantik des Tripolje-Cucuteni Ornaments ist bis heute nicht beantwortet und nach wie vor Gegenstand der Diskussion. Unter Beibehaltung der Gesamtkomposition der Ornamente änderte sich die Kombination der Einzelelemente im Laufe der Zeit, entsprechend dürfte sich deren Interpretation in den einzelnen Regionen unterschieden haben. Vergleichbare Elemente wurden auf Gefäßen von unterschiedlicher Form zu unterschiedlichen Kombinationen zusammengefügt; diese Praxis dürfte vermutlich damit zu erklären sein, dass sich das eine oder andere Ornament leichter auf eine bestimmte Oberfläche auftragen ließ. Es ist aber auch nicht auszuschließen, dass die Verzierung auf den Gefäßen weltanschauliche Vorstellungen der Tripolje-Cucuteni-Bevölkerung zum Ausdruck brachte.

Für die anthropomorphe Plastik der entwickelten Periode ist eine ausgesprochene Vielfalt typisch. Es lassen sich realistische und naiv-abstrakte Figuren unterscheiden. Wenn überhaupt Geschlechtsmerkmale angedeutet werden, handelte es sich in der Regel um weibliche, männliche sind dagegen äußerst selten.

Bei den realistischen Darstellungen wurden die Gesichtszüge und die Frisur klar herausgearbeitet (Kat. Nr. 11.4). Hierbei dürfte es sich vermutlich um Porträts konkreter Menschen handeln. Die Statuen im naiv-abstrakten Stil sind deutlich häufiger (Kat. Nr. 12.4). Bei ihnen setzte sich der Kopf aus drei Teilen zusammen, Durchlochungen zeigen die Augen an. Solche Perforationen finden sich zuweilen auch an den Händen und der Taille. Die Beine sind meist leicht gespreizt und nicht unterteilt. Brust und Bauch werden durch kleinere aufgesetzte Teile dargestellt. Mitunter weisen die Figuren Haare auf, die zu einem kleinen Zopf auf dem Rücken zusammengefasst und mit schwarzer oder dunkelbrauner Farbe gefärbt sind (Kat. Nr. 11.3). Zu dieser Gruppe sind wohl auch die sitzenden Statuen zu zählen, zu denen ein Miniaturstuhl mit vier Beinen und vielgestaltiger Verzierung gehört, der häufig an zoоморphe, nicht sehr tiefe Schalen erinnert (Kat. Nr. 9.1). Auch die großen (H < 20,0–25,0 cm) Hohlfiguren mit zylindrischer Grundfläche, die relativ selten und dann meist in Fundstätten am Bug begegneten, gehören hierher.

Zoomorphe Plastik ist seltener als anthropomorphe, ist jedoch genauso vielfältig wie diese. Vornehmlich wurden mit

Зооморфная пластика значительно уступает по количеству антропоморфной, но также весьма разнообразна. Главным образом это изображения домашних животных, существовавших на трипольско-кукутенских поселениях, — быков, баранов, козлов, свиней, собак. Помимо отдельных фигурок, изображения животных встречаются в виде налепов на сосудах. Как правило, это быки или бараны. Подобные сосуды часто имеют ножки. Интересно, что такая керамика встречается в наборах как столовой, так и кухонной посуды. Причем столовые сосуды с налепами головы быка или барана на венчике и на четырех ножках представляют собой неглубокие миски четырехугольной или овальной формы, довольно часто расписанные внутри (кат. 11.2). Сосуды с ножками встречаются и среди кухонной посуды, но в основном это глубокие горшки, по форме напоминающие коровье вымя (кат. 12.2). На таких сосудах голова быка (или барана) или отсутствует вообще, или расположена ниже, на горле, в виде рельефа.

Что касается назначения антропоморфной и зооморфной пластики, то однозначного ответа дать невозможно. Стилистически разнообразные (от реалистичных до абсолютно схематичных) фигурки из глины могли находиться на одном поселении или в одном погребальном комплексе. Скорее всего, это свидетельствует о том, что они могли выполнять различные функции — от детских игрушек, наряду с миниатюрными сосудиками, встречающимися практически на каждом поселении (кстати, именно в детских погребениях найдено подавляющее большинство статуэток), до портретных изображений конкретных людей.

К одному из элементов отображения духовной жизни трипольско-кукутенского населения можно отнести и упомянутые ранее биноклевидные изделия, или «бинокли», условно названные так из-за сходства по форме с этим современным оптическим прибором (кат. 14.1). «Бинокли» в массовом количестве появляются с начала развитого периода (Триполье BI) и практически исчезают к его концу (Триполье CI). Наряду с «биноклями» встречаются «монокли», а на поселении Флорешты V был обнаружен единственный «тринокль». Средние части «биноклей», как правило, соединены тремя перемычками: основной средней и двумя дополнительными — верхней и нижней. Причем средняя перемычка на ранних этапах Триполья—Кукутени могла быть антропоморфной, напоминающей статуэтку. Иногда нижняя или средняя перемычка отсутствовала. «Монокли» более характерны для раннего времени, когда в трипольско-кукутенских комплексах были распространены сосуды на подставках или поддонах, что и навело на мысль о возможном использовании их в качестве подставок под сосуды. Вопрос о назначении биноклевидных изделий до сих пор остается открытым, несмотря на то, что этой проблемы касались многие исследователи. В частности, выдвинуты предположения, что «бинокли» символизируют парную семью и связаны с обрядом «поения земли».

Но надо сказать, что на протяжении всего времени существования «биноклей» их облик значительно менялся. Так, на этапе CI биноклевидные изделия изготавливаются все более небрежно. Их части уже соединяются только двумя перемычками — верхней и нижней. Отверстия в трубках просверливаются неаккуратно или вообще отсутствуют. Это говорит о том, что на поздних этапах сохранялся только их общий внешний вид, а первоначальные функции, по видимому, уже были утрачены.

Финальный этап (CII) трипольской культуры по всем показателям кардинально отличается от Триполья—Кукутени

Stieren, Widdern, Ziegen, Schweinen und Hunden jene Haustiere dargestellt, die es in den Tripolje-Cucuteni-Siedlungen gab. Neben einzelnen Figuren fanden sich auch Tierdarstellungen, die auf Gefäße aufgesetzt wurden. In der Regel handelte es sich dabei um Stiere oder Widder. Solche Gefäße wiesen häufig kleine Füße auf. Verzierungen dieser Art schmückten sowohl Tische als auch Küchengeschirr. Bei Tischgefäßen mit Stier- oder Widderköpfen an der Mündung und an den vier Füßen handelte es sich um eher flache Schalen von annähernd rechteckiger oder ovaler Form, deren Innenseite häufig bemalt war (Kat. Nr. 11.2). Gefäße mit Füßen fungierten aber auch als Küchengeschirr, meist handelte es sich dann um tiefe Töpfe, deren Form an ein Kuheuter erinnerte (Kat. Nr. 12.2). Bei ihnen fehlten entweder die Tierköpfe oder sie waren unterhalb des Randes befestigt.

Die Bedeutung der anthropomorphen und zoomorphen Plastik konnte bislang nicht abschließend geklärt werden. Stilistisch höchst heterogene Tonfiguren (von realistisch bis absolut schematisch) aus Ton fanden sich sowohl in Siedlungen als auch in Gräbern. Vermutlich deutet das darauf hin, dass sie mehrere Funktionen besaßen, mal — neben den in fast jeder Siedlung freigelegten Miniaturgefäßen — als Kinderspielzeug (die meisten kleinen Statuen stammten ebenfalls aus Kinderbestattungen), mal als Porträt Darstellungen konkreter Individuen.

Zu rituell verwendeten Gefäßen der Tripole-Cucuteni-Bevölkerung dürften wohl auch die so genannten Ferngläser zählen, die ihre Bezeichnung aufgrund ihrer äußerlichen Ähnlichkeit mit dem heutigen optischen Gerät erhielten (Kat. Nr. 14.1). Sie sind in großer Zahl vom Beginn der entwickelten Periode (Tripolje B1) an belegt, verschwinden dann aber fast vollständig an ihrem Ende (Tripolje C1). Neben zweiröhri gen Gefäßen gibt es auch solche mit nur einer Röhre, so genannte „Monokel“. In der Siedlung Floreşti V wurde zudem ein Gefäß mit drei Röhren entdeckt. Die Behälter sind meist durch drei Stege miteinander verbunden, wovon sich der stärkste in der Mitte befindet. Er konnte in den frühen Phasen der Tripolje-Cucuteni-Kultur auch anthropomorphe Züge aufweisen, so dass er an eine Statue erinnert. Mitunter fehlen der untere oder mittlere Steg, zumeist bei den frühen Stücken, als in den Tripolje-Cucuteni-Fundorten Gefäße noch einen Untersatz oder Standfuß hatten, was die Schlussfolgerung nahe legt, die „Monokel“ könnten auch als Ständer genutzt worden sein. Die Frage nach der Bedeutung der „Ferngläser“ konnte dagegen bislang nicht beantwortet werden, obwohl dieses Problem bereits vielfach untersucht wurde. In diesem Zusammenhang wurde die Hypothese vorgebracht, die „Ferngläser“ symbolisierten die Paarfamilie und seien mit dem Brauch, „die Erde zu wässern“, verbunden.

An dieser Stelle sei indes darauf verwiesen, dass das Äußere der „Ferngläser“ im Verlauf der gesamten Zeit, in der sie nachgewiesen werden konnten, stark variierte. In der Phase CI verwandte man auf die Herstellung dieser Stücke nur noch wenig Sorgfalt. Ihre Einzelteile wurden nur noch mit zwei Stegen verbunden, einem oben und einem unten. Die Löcher in den Röhren waren nicht sehr sorgfältig gebohrt oder fehlten gänzlich. Das spricht dafür, dass in den späteren Phasen nur ihre Form eine Rolle spielte, die ursprüngliche Funktion aber verloren gegangen war.

Die Endphase (CII) der Tripolje-Kultur unterscheidet sich grundlegend vom Tripolje-Cucuteni der entwickelten Periode. Diese Periode fällt bereits in die Frühbronzezeit. In der Periodisierung Passeks gelten als spätes Tripolje all jene Fundorte, welche die Phasen CI (γI) und CII (γII) repräsentieren. Die Abgrenzung der mittleren von der späten Periode basiert bei Passek auf der Bemalung: Während am Ende der mittleren Periode (Phase BII) eine polychrome Bemalung der Keramik charakteristisch

развитого периода. Этот период уже относится к ранне-бронзовому веку.

По периодизации Т. С. Пассек позднетрипольскими памятниками считаются те, которые отнесены к этапам CI (VI) и CII (VII). Одним из оснований для разделения на средний и поздний периоды послужило, то что для конца среднего периода (этап BII) была характерна полихромная роспись на керамике, а для начала позднего (этап CI) — монохромная. Но сопоставления этапов главным образом на основании изменений керамического материала сейчас уже не выглядят вполне корректными.

Если анализировать имеющийся набор археологического материала, то по всем параметрам выделяется именно этап CII позднего периода.

Трипольские памятники финального этапа занимают территорию от Днепра до Волыни несколькими компактными локальными группами (карта I). На Волыни и Подольской возвышенности — это памятники трояновского и городского типов, в Среднем Поднепровье — лукашевского и софиевского. Верховья Сирета, Прута, Южного Буга и Днестра занимают памятники гордишетской группы. Две группы памятников — выхвatinская и брынзенская — формируются в Пруто-Днестровском междуречье. В Нижнем Поднепровье появляются памятники типа Усатово.

К этому времени полностью исчезают поселения-гиганты, и теперь размеры поселений не превышают 6–7 гектаров. Оборонительные рвы, как правило, отсутствуют. Наряду с традиционными глинобитными жилищами с каркасно-столбовой конструкцией появляются дома на каменных цоколях.

В финальный период Триполья—Кукутени существенные перемены заметны и в металлургическом производстве. Появляются новые виды орудий и оружия — такие, как втульчатые топоры, черенковые ножи-кинжалы, плоские тесла, шилья с утолщением-упором. Для отливки топоров применяются двусторонние литейные формы. Широкое распространение получает использование мышьяковых бронз и медно-серебряных сплавов.

К концу позднего периода размывается граница между категориями столовой и кухонной керамики. Если раньше столовая посуда изготовлялась из мелкоструктурной глины с минимальным количеством примесей, а кухонная — из грубого теста с примесями крупного шамота, песка или толченой ракушки, то теперь сосуды обеих категорий имеют значительное количество примесей, а столовая керамика отличается от кухонной только наличием росписи. Что касается кухонной керамики, то ее формы становятся более разнообразными по сравнению с предыдущими периодами, когда кухонная посуда в основном состояла из открытых горшков с S-образным профилем. В поздний период формы столовой и кухонной посуды повторяются и различаются опять же только декором.

Набор глиняной пластики составляют антропоморфные погребушки и статуэтки, выполненные как в условно-реалистичной (кат. 13.1, 17.1, 17.3), так и схематичной манере. К ним, в первую очередь, относятся статуэтки так называемого усатовского типа на кубических постаментах. Они встречаются среди памятников финального периода (этапа CII) Триполья в Северном Причерноморье, а одна такая фигурка найдена в Выхвatinском могильнике (кат. 17.4). По предположению Е. К. Черныш, прототипом для таких схематичных фигурок могли служить сидячие статуэтки с креслицами, распространенные в предшествующий период. Есть также мнение, что это фигурки с постаментом, поскольку

war, ist diese zu Beginn der späten Periode (Phase CI) monochrom. Der Vergleich der Phasen allein auf der Grundlage von Veränderungen in der Keramik überzeugt heute indes nicht mehr uneingeschränkt. Vor dem Hintergrund der Gesamtentwicklung setzt sich das Inventar der Spätzeit (Phase CII) deutlich ab.

Die Tripolje-Fundorte der Endphase waren im Territorium vom Dnepr bis nach Wolhynien zu finden und bildeten geschlossene Lokalgruppen (Karte I). Im mittleren Dneprgebiet waren dies z. B. Fundorte des Typs Lukaševo, Sofievskaja und Čapaevo. An den Oberläufen der Sereth, des Pruts, des Südlichen Bugs und des Dnestr fanden sich Fundorte des Gordinești-Typs. Zwei Gruppen, Ofatiņi und Brynzenskaja, bildeten sich im Gebiet zwischen Prut und Dnestr heraus. Am unteren Dnestr entwickelte sich die Usatovo-Gruppe.

In dieser Spätphase verschwanden die Großsiedlungen völlig, die neuen Siedlungen wiesen nur noch eine Größe von höchstens 6–7 ha auf.

Gräben zum Schutz der Siedlungen fehlten in der Regel. Neben traditionellen Häusern aus Stampflehm mit einer Pfostenkonstruktion begegneten nun auch Häuser mit Steinfundamenten.

In der Endphase der Tripolje-Cucuteni-Kultur lassen sich zudem grundlegende Veränderungen in der Metallproduktion beobachten. Neue Formen von Werkzeugen und Waffen kamen auf, so Tüllenbeile, gestielte Messer bzw. Dolche, Flachhacken oder Ahlen mit verbreitertem Mittelteil. Beile goss man nun in zweischaligen Formen, Arsenbronzen und Kupfer-Silber-Legierungen erfuhren weite Verbreitung.

Gegen Ende der späten Periode lassen sich Tisch- und Küchenkeramik nicht mehr klar gegeneinander abgrenzen. Bestand das Tischgeschirr früher aus feinkörnigem Ton mit einer nur geringen Magerung und das Küchengeschirr aus einer groben, mit Schamott, Sand oder zerstoßenen Muscheln gemagerten Masse, weisen die Gefäße beider Kategorien nun etliche Beimengungen auf, so dass sich das Tischgeschirr nur noch durch seine Bemalung vom Küchengeschirr unterscheidet. Für das Küchengeschirr ist im Vergleich zu den vorausgegangenen Perioden, als hauptsächlich offene Töpfe mit S-förmigem Profil hergestellt wurden, nun allerdings ein größeres Formenspektrum typisch. Damit sind sich die Formen von Tisch- und Küchengeschirr in der späten Periode sehr ähnlich, so dass erneut nur der Dekor zur Unterscheidung herangezogen werden kann.

Tonplastik findet sich in Form von anthropomorphen Klappern und kleinen Statuetten, die naiv-realistisch (Kat. Nr. 13.1, 17.1, 17.3), aber auch abstrakt gestaltet sein konnten. Zu ihnen zählen in erster Linie Figuren des so genannten Usatovo-Typs auf würfelförmigen Sockeln. Sie stellten Figuren in Usatovo-Fundorten der Endphase CII der Tripolje-Kultur im nördlichen Schwarzmeergebiet; eine weitere Figur wurde zudem im Gräberfeld Ofatiņi geborgen (Kat. 17.4). E. K. Černyš vermutet, als Prototyp dieser schematischen Figuren könnten die sitzenden Statuen mit Stuhl gedient haben, die für die vorausgegangenen Periode belegt sind. In diesem Zusammenhang ist jedoch auch die Hypothese geäußert worden, sie stellten Figuren auf einem Sockel dar, weil solche „Sockel“ bzw. Würfel mit einem analogen Ritzornament auch einzeln in Usatovo-Fundorten gefunden wurden. Möglicherweise sind sie jedoch auch als Darstellungen von knienden Frauen zu interpretieren. Zu den schematischen Darstellungen können auch die Statuen des Serezlievskij-Typs aus dem späten Tripolje-Kurgan beim Dorf Ermolaevka im Gebiet des mittleren Bugs gezählt werden (Kat. Nr. 16.1). Der obere Teil dieser Figuren ist zylindrisch, der untere leicht abgeflacht. Die Schenkel sind durch kleine hervortretende Rundungen ange-

«постаменты»-кубики с аналогичным прочерченным орнаментом отдельно найдены среди усатовских памятников. Вполне возможно и то, что это схематичные изображения женщин, сидящих на коленях. К схематичным изображениям можно отнести статуэтку серезлиевского типа из позднетрипольского кургана у села Ермолаевка в Среднем Побужье (кат. 16.1). Верхняя часть фигурки из Ермолаевки имеет цилиндрическую форму, нижняя — также цилиндрическая, но слегка уплощенная. Бедрa обозначены небольшими скругленными выступами. Голова, шея, руки и плечи не вылеплены, ноги не разделены. Верхняя часть заканчивается плоским срезом, на котором прочерчен крестообразный знак, напоминающий свастику. На тулове прочерчен орнамент в виде поясов горизонтальных параллельных линий. Такие статуэтки встречаются в позднеэнеолитических погребениях нижнемихайловского типа, что говорит о смешении населения на финальном этапе Триполья—Кукутени.

Но главным доказательством смешения земледельческого трипольского и степного скотоводческого населения в этот период является наличие могильников. Причем на памятниках разных локальных групп встречаются захоронения как по обряду ингумации, так и кремации, в грунтовых и курганных могильниках. Такое разнообразие погребального обряда, который вообще невозможно было проследить из-за отсутствия могильников в предыдущие периоды, очевидно, является следствием проникновения иноэтнического населения на самом позднем этапе существования и его смешения с трипольско-кукутенским.

К наиболее известным погребальным памятникам этого времени относится Выхвatinский грунтовый могильник в Среднем Поднепровье. Памятник исследовался в середине и второй половине XX века. За время раскопок было открыто 72 погребения, из которых 37 принадлежали детям до четырнадцати лет и 24 — взрослым. Остальные определить не удалось. Над некоторыми могильными ямами были возведены каменные кромлехи. Погребения совершались по обряду ингумации в скорченном или вытянутом положении с ориентировкой костяков на север и северо-восток. Погребальный инвентарь Выхвatinского могильника составляют керамика, орудия труда, оружие, глиняная пластика и украшения. Набор керамики состоит в основном из столовых полусферических мисок (кат. 17.2, 17.5), амфор и биконических сосудов (кат. 17.6), а также кухонных горшков баночной и S-образной формы. Миски и амфоры изготовлены из мелкоструктурного глиняного теста без примесей и подвергнуты высокотемпературному обжигу. Орнамент представляет собой различные варианты метопных композиций, образованных поясами широких и узких лент. Тесто кухонных горшков грубое, с примесью толченой ракушки, орнамент чаще всего в виде отпечатков шнура.

Антропологический анализ и половозрастные характеристики погребенных Выхвatinского могильника позволили установить некоторые нюансы социальной структуры населения. Погребения сгруппированы в три малых и одну большую группу. Малые образваны одной женской, одной или двумя мужскими и несколькими детскими могилами, что позволяет интерпретировать их как семейные некрополи. Причем, что характерно, мужские могилы в трех малых группах имеют самый богатый инвентарь, по-видимому свидетельствующий о высоком положении этих семей, а также о возможном начале обособления малых семей в общинно-родовом обществе. В Выхвatinском могильнике общинно-родовой участок образован отдельной большой группой погребений с более бедным сопроводительным набором вещей.

deutet, Kopf, Hals, Arme und Schultern sind nicht herausgearbeitet, die Beine nicht unterteilt. Der obere Teil endet mit einem Schnitt, in die so entstandene plane Fläche ist ein kreuzförmiges Zeichen eingeritzt, das an eine Swastika erinnert. Ein aus mehreren Streifen horizontaler Parallellinien zusammengesetztes Ritzornament zielt zudem den Körper. Solche Statuen begegneten auch in spätereolitischen Bestattungen des Nižnemichajlovo-Typs, was für eine vermischte Bevölkerung in der Endphase der Tripolje-Cucuteni-Kultur spricht.

Der entscheidende Hinweis für eine Vermischung der Ackerbau betreibenden Tripolje- und der Viehzucht betreibenden Steppenbevölkerung in dieser Periode ist indes durch die Gräberfelder gegeben. In den Fundorten der verschiedenen lokalen Gruppen lagen sowohl Körper- als auch Brandbestattungen in Flach- und Hügelgräberfeldern vor. Diese Vielfalt des Totenrituals, die sich in den vorausgegangenen Perioden allein aufgrund des Fehlens von Gräberfeldern nicht nachweisen lässt, dürfte auf das Eindringen von Fremdvölkern in das Verbreitungsgebiet der Tripolje-Cucuteni-Kultur während ihrer spätesten Phase und auf eine Vermischung mit der autochthonen Bevölkerung hindeuten.

Zu den bekanntesten Nekropolen dieser Zeit gehört das Flachgräberfeld Ofatiņi im mittleren Dnestrgebiet. Es wurde in der Mitte und zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts untersucht. Während der Kampagnen wurden 72 Gräber freigelegt, von denen 37 Kinder im Alter von bis zu 14 Jahren und 24 adulte Individuen enthielten; in den übrigen Fällen ließ sich das Alter der Toten nicht bestimmen. Über einigen Grabgruben waren Hügel errichtet worden. Die Toten wurden in gehockter oder gestreckter Stellung mit einer Ausrichtung nach Norden und Nordosten beigesetzt. Das Grabinventar umfasst Keramik, Werkzeuge, eine Waffe, eine Tonplastik und Schmuck. Die Keramik besteht hauptsächlich aus Tischgeschirr in Form von kalottenförmigen Schalen (Kat. Nr. 17.2, 17.5), und Amphoren mit kugelförmigem Körper (Kat. Nr. 17.6), aber auch Küchentöpfe mit tonnen- oder S-förmiger Form kommen vor. Die Schalen und Amphoren wurden aus feinkörnigem ungemagertem Ton hergestellt und bei hoher Temperatur gebrannt. Das Ornament aus variantenreichen Metopen wird durch Streifen aus breiten und schmalen Bändern gebildet. Die Masse der Küchentöpfe ist grob und muschelgemagert, bei dem Ornament handelte es sich meist um Schnurabdrücke.

Die anthropologische Analyse und die Bestimmung des Geschlechts und des Alters der Toten in Ofatiņi ergibt Einblicke in die gesellschaftliche Struktur dieser Bevölkerung. Die Gräber waren in drei kleinen und einer großen Gruppe angeordnet. Die kleinen Gruppen wurden vom Grab einer Frau, von ein oder zwei Bestattungen von Männern und von mehreren Kindergräbern gebildet, was auf eine Familiennekropole deutet. Dabei ist als charakteristisch festzuhalten, dass den männlichen Toten in den drei kleinen Gruppen das reichste Inventar beigegeben wurde. Offenbar besaßen diese Familien einen hohen Status in der Gemeinschaft; möglicherweise lässt sich hier auch schon von einer einsetzenden Herausbildung einer Elite innerhalb der Stammesgemeinschaft sprechen. Die Gräber der großen Gruppe erbrachten dagegen nur schlichteres Inventar.

Auch das Verhältnis von Grabinventar und Geschlecht und Alter der bzw. des Toten frappiert. Anthropomorphe Statuen und Klappern wurden ausschließlich Kindern beigegeben. Dagegen fanden sich nur in Männergräbern Gegenstände wie Hacke, Sichel und Poliergeräte. Dafür wurden Spinnwirtel nur in den Gräbern von Frauen und einigen Kindern entdeckt.

In Nachbarschaft zu Ofatiņi befinden sich die Fundorte der Usatovo-Gruppe, eine Sondererscheinung an den Unterläufen

Обращает внимание также различие погребального инвентаря в зависимости от половозрастной принадлежности погребенного. Так, все антропоморфные статуэтки и погребушки были найдены в детских погребениях. Орудия труда — такие, как мотыги, серпы, ложила, проколки, — обнаружены исключительно в мужских. Зато пряслица были только в женских захоронениях и частично в детских.

С выхвятинской соседствует усатовская группа памятников, образующая особое культурное явление, которая расположена в низовьях Днестра и Дуная в Северном Причерноморье. Это единственная позднетрипольская локальная группа с курганными захоронениями.

Усатовские курганы располагались группами от трех до десяти насыпей на высоких берегах рек или озер. Их высота не превышала 1 м, а диаметр достигал 20–30 м. Некоторые насыпи окружены рвом, а центральные погребения кромлехами. Центральные погребения иногда имели каменные куполообразные перекрытия. Положение костяков, также как и в Выхватинцах, скорченное и чаще всего на левом боку, с ориентировкой преимущественно на восток и северо-восток. По набору сопроводительного инвентаря выхвятинские и усатовские могильники довольно похожи. За исключением того, что в усатовских курганах нет такого явно-го различия вещей в мужских и женских погребениях. Основное отличие инвентаря в мужских могилах — наличие оружия. Самый богатый сопроводительный инвентарь находился в центральных погребениях, что, очевидно, свидетельствует о высоком статусе покойного. В то же время грунтовые усатовские могильники, напротив, отличаются крайне бедным инвентарем.

В усатовских захоронениях всего 67 металлических изделий, из которых только 9 медных, 5 серебряных, остальные — из мышьяковой бронзы. Это главным образом шилья, топоры, долота и кинжалы усатовского типа, а также спиральные височные кольца (серебро).

Вопрос о происхождении в позднем Триполье курганных захоронений с каменными перекрытиями и кромлехами до сих пор остается открытым. На этот счет есть разные гипотезы. С одной стороны, их связывают с влиянием древнеямной культуры с ее обрядом подкурганных захоронений. С другой стороны, наличие каменных сооружений может свидетельствовать о связях позднего Триполья с энеолитическими культурами Кавказа, для которых характерны каменные конструкции. Во всяком случае, на финальной фазе Триполья—Кукутени можно говорить о смешении населения, о чем свидетельствуют кардинальные изменения практически во всех аспектах материальной и духовной жизни.

К началу III тыс. до н. э. наблюдается значительное сокращение населения, уменьшение размеров поселений, упрощение архитектурных сооружений и смешение технологических признаков разных категорий керамики, упрощение ее декора. В целом можно говорить о постепенной деградации культуры, а появление могильников является свидетельством ее синкретичности на финальном этапе существования.

Фактически к началу III тыс. до н. э. земледельческая культура Триполья—Кукутени прекращает свое существование. С одной стороны, очевидно, ее значение в сохранении и развитии наследия средиземноморских неолитических культур — носителей традиции высокоразвитого производства крашеной керамики. С другой, влияние ее населения на формирование скотоводческих культур бронзового века, пришедших ей на смену, крайне спорно и проблематично.

von Dnestr und Donau im nördlichen Schwarzmeergebiet. Es ist die einzige lokale Gruppe des späten Tripolje mit Hügelgräbern.

Die Usatovo-Kurgane bildeten an Steilufern von Flüssen und Seen Gruppen von je 3 bis 10 Gräbern. Die Hügel sind nie höher als 1,0 m, ihr Durchmesser beträgt 20 bis 30 m. Einige Kurgane waren von einem Graben umgeben, während sich die zentrale Bestattung in einer Steinsetzung befand. Solche Hauptbestattungen konnten auch eine kuppelförmige Steinabdeckung besitzen. Die Toten waren wie in Ofatiñi in Hockerlage zumeist auf der linken Seite liegend nach Osten oder Nordosten ausgerichtet. Das Inventar in Ofatiñi lässt sich recht gut mit den Usatovo-Gräberfeldern vergleichen, allerdings mit der Ausnahme, dass sich in den Usatovo-Kurganen bis auf die Beigabe von Waffen, die für männliche Bestattungen typisch ist, kein klarer Unterschied zwischen den Beigaben für einen Mann und denen für eine Frau erkennen lässt. Das reichste Inventar fand sich in den Hauptbestattungen, was für den hohen Status der Toten sprechen dürfte. Gleichzeitig ist für die Usatovo-Flachgräberfelder ein ausgesprochen karges Inventar zu konstatieren.

Aus Usatovo-Bestattungen stammen insgesamt 67 Metallgegenstände, von denen nur neun aus Kupfer und fünf aus Silber bestehen, alle anderen sind aus Arsenbronze. Bei ihnen handelt es sich vor allem um Ahlen, Äxte, Meißel und Dolche des so genannten Usatovo-Typs, aber auch um spiralförmige Schläfenanhänger aus Silber.

Die Frage nach dem Ursprung der Hügelgräber mit Steinsetzung im späten Tripolje konnte bis heute nicht beantwortet werden. Es gibt allerdings verschiedene Hypothesen. Einerseits werden die Gräber mit dem Einfluss der älteren Grubengrabkultur und ihrer Bestattungssitte in Hügelgräbern in Verbindung gebracht. Andererseits könnten die Steinkonstruktionen auf Beziehungen des späten Tripolje zu den äneolithischen Kulturen des Kaukasus hinweisen, für die solche Anlagen typisch sind. Zweifelsfrei wurde die Endphase der Tripolje-Cucuteni-Kultur jedoch durch eine heterogene Bevölkerung geprägt; dafür sprechen auch die grundlegenden Veränderungen in allen Aspekten des materiellen und geistigen Lebens.

Zu diesen Einschnitten in der Tripolje-Cucuteni-Kultur kam es zu Beginn des 3. Jahrtausends v. Chr. Es sind ein drastischer Bevölkerungsrückgang, eine Verkleinerung der Siedlungen, eine Vereinfachung der Architektur und Mischformen bei der Keramik sowie eine wesentlich schlichtere Verzierung der Gefäße zu konstatieren. Insgesamt kann man damit von einer sukzessiven Degradierung der Kultur ausgehen. Das Aufkommen der Gräberfelder dürfte zudem als Hinweis für eine Übernahme fremder Elemente in der Endphase der Tripolje-Cucuteni-Kultur sprechen.

Faktisch hört diese Ackerbau betreibende Kultur mit dem Beginn des 3. Jahrtausends v. Chr. auf zu existieren. Ihre Bedeutung ist ohne Frage darin zu sehen, das Erbe der neolithischen Kulturen im östlichen Mittelmeerraum, also die Tradition der hoch entwickelten bemalten Keramik, bewahrt und weiterentwickelt zu haben. Die Rolle, die sie bei der Herausbildung der bronzezeitlichen Viehzüchtergesellschaften spielte, die nunmehr an ihre Stelle treten sollten, ist immer noch in der Diskussion.

Благое Говедарица

Культуры погребений восточноевропейской степи и культуры кубков Центральной и Западной Европы

Blagoje Govedarica

Die Grabkulturen der osteuropäischen Steppe und die Becherkulturen Zentral- und Westeuropas

В III тыс. до н. э. в Европе сложился интересный феномен: именно в это время здесь сформировалось множество географически сопредельных культурных общностей, которые охватывали собой значительные территории и развивались параллельно или же в прямой последовательности. Речь идет о ямной и катакомбной культурах на востоке и юго-востоке Европы, а также о культуре шнуровой керамики и культуре колоколовидных кубков в Западной, Центральной и Северо-Восточной Европе (ил. 1). Археологическая атрибуция этих культур была осуществлена уже на рубеже XIX и XX веков, когда каждой из них было присвоено соответствующее название, отражающее ключевые признаки, — по принципу «pars pro toto» («часть вместо целого»). Для определения северо-западных культурных общностей используется также более широкое понятие «культура кубков», тогда как южно-европейские степные культуры дефинируются прежде всего по способам погребения, которые и являются отличительной чертой данной общности.

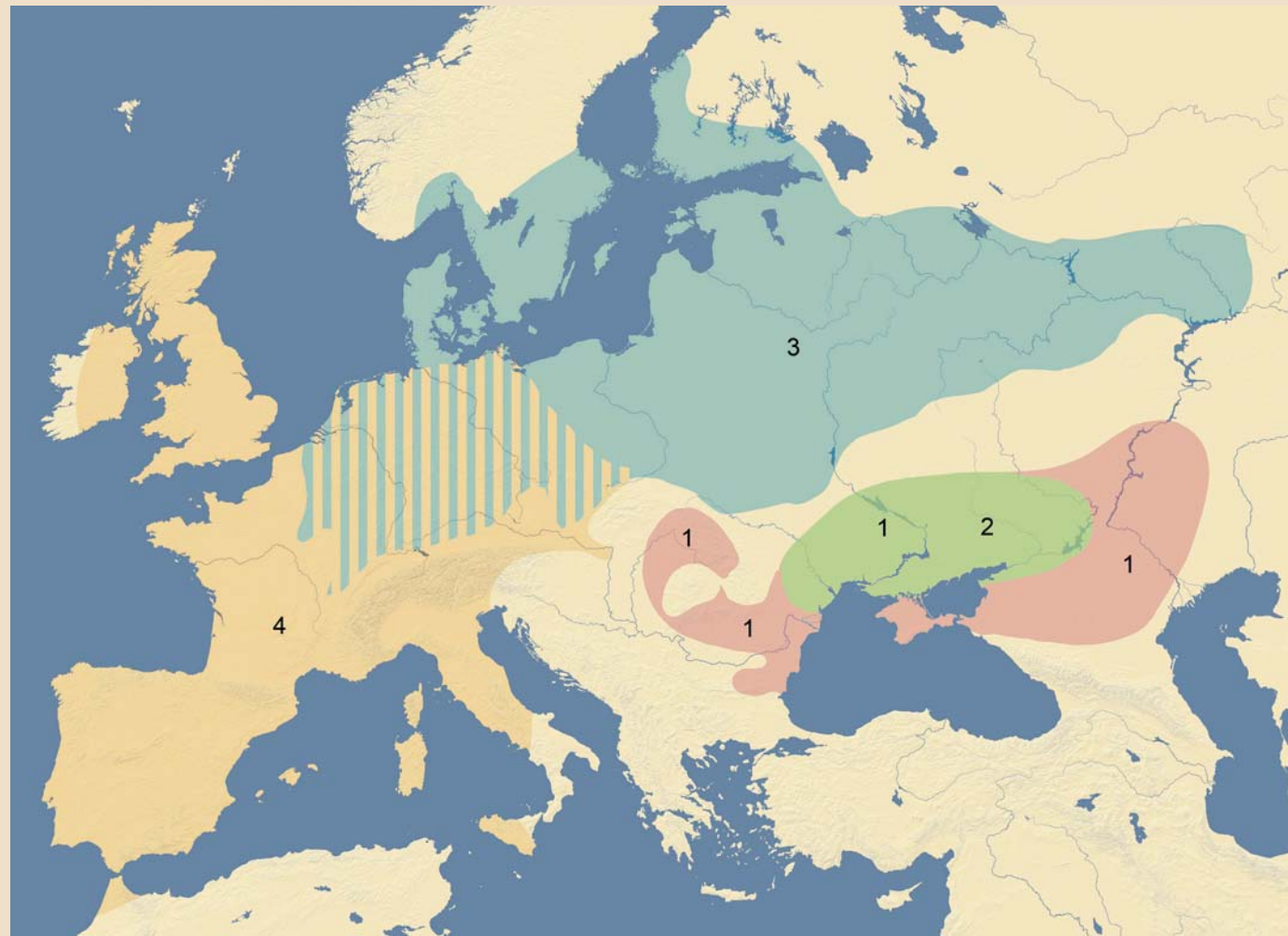
Данные культуры, известные главным образом по обнаруженным и обследованным захоронениям, действительно имеют сходные черты. К таким общим, межрегиональным чертам относятся: индивидуальные погребения (простые ямные или подкурганные), сходное положение скелетов и приблизительно одинаковый погребальный инвентарь. Эти общие признаки, дополняемые специфическими региональными характеристиками, выявляются на огромной территории, включающей в себя пространство от Средиземного моря до Скандинавии и от Ирландии до Урала, но распределяются они при этом неравномерно, сосредотачиваясь в определенных региональных группах, которые, в свою очередь, пересекаются или переплетаются друг с другом.

Подобное распространение сходных культурных элементов на обширной территории — явление уникальное для преистории, обусловленное, скорее всего, специфическим духом времени данной эпохи. Неудивительно поэтому, что изучение природы этих взаимосвязей, их видов и форм, стало важной темой, которая привлекает внимание исследователей древности. При этом сами общности, выделенные на основании разных типов погребения, изначально являются предметом изучения не только археологов, но и историков культуры, антропологов и лингвистов. Накопленный исследовательский материал, касающийся взаимоотношений между кочевыми и земледельческими культурами, паневропейской мобильности, культурного трансфера, инноваций, социальных иерархий, а также сложения единой индоевропейской языковой группы, содержит в себе множество важных выводов, которые, однако, не решают

Während des 3. Jahrtausends v. Chr. ist in Europa ein interessantes Phänomen zu verzeichnen — das Erscheinen von mehreren weiträumigen und benachbarten Kulturgemeinschaften, die sich parallel oder aufeinander folgend entwickelt und ausgebreitet haben. Es handelt sich um die Gruben- und Katakombengrabkultur im Osten und Südosten Europas sowie die Schnurkeramik- und Glockenbecherkulturen in West-, Zentral- und Nordosteuropa (Abb. 1). Archäologisch wurden diese Zivilisationen bereits an der Schwelle vom 19. zum 20. Jahrhundert identifiziert und dem Prinzip „pars pro toto“ folgend nach den Elementen benannt, die sie durch ihre besonderen Merkmale kennzeichnen. Die nordwestlichen Erscheinungen sind auch unter dem Oberbegriff „Becherkulturen“ bekannt, während für die südosteuropäischen Steppenulturen die spezifischen Bestattungsmerkmale als ein entscheidendes kulturdefinierendes Kriterium herangezogen worden sind.

In der Tat weisen diese Kulturen, von denen fast ausschließlich Gräber bekannt sind und untersucht wurden, viele Affinitäten zueinander auf. Dazu gehört eine Reihe überregionaler Elemente wie flache oder unter einem Hügel angelegte Einzelgräber, ähnliche Skelettpositionen und ein annähernd gleiches Grabausstattungsmuster. Diese Gemeinsamkeiten neben einigen jeweils lokalspezifischen Charakteristika finden sich in einem riesigen Gebiet, das vom Mittelmeer bis nach Skandinavien und von Irland bis zum Ural reicht. Die Verbreitung ist nicht gleichmäßig, sondern es existieren regionale Gruppierungen, die einander manchmal überschneiden bzw. ineinander verflochten sind.

Eine solche großräumige Ausdehnung ähnlicher Kultur-elemente ist eher einzigartig in der Vorgeschichte und sicherlich vom damaligen Zeitgeist geprägt. Deswegen ist es nicht weiter verwunderlich, dass die Erforschung der Art und Natur dieser gegenseitigen Beziehungen und Verflechtungen zu einem Thema geworden sind, das die Altertumswissenschaftler sehr reizt. Diese rein auf typologischen Klassifikationen beruhenden Formen- bzw. Bestattungskreise beschäftigten zudem von Anfang an nicht nur die archäologische Forschung, sondern auch Kulturhistoriker, Anthropologen und Linguisten. Die sich daraus ergebenden Diskurse zu Beziehungen zwischen Nomaden- und Ackerbaukulturen, zu paneuropäischer Mobilität, Kulturtransfer, Innovationen, sozialen Hierarchien sowie zur Entfaltung der indoeuropäischen Sprachfamilie brachten viele bedeutende Ergebnisse, aber auch viele noch ungelöste Kontroversen mit sich. Auf diese Fragen werde ich noch eingehen, nachdem zuerst einige wichtige Aspekte der Kulturkomplexe näher erörtert worden sind.

всего круга спорных вопросов, остающихся по сей день открытыми. Прежде чем обратиться к этим вопросам, необходимо чуть более подробно остановиться на главных характеристиках данных культурных общностей.

Ямная культура

В степных районах Северного Причерноморья уже в конце XIX века было обнаружено несколько сотен подкурганых погребений, что позволило В. А. Городцову представить в 1905 году первую классификацию и выделить ямную культурно-историческую общность в качестве древнейшей культуры этого общего типа (Городцов 1905. С. 215 и след.). Уже тогда стало ясно, что данная культура выполняла важную роль посредника на обширном степном пространстве. Городцов отнес эту культуру к эпохе бронзы, впоследствии, однако, она была отнесена к медному веку. Когда в начале 1960-х годов Н. Я. Мерперт представил первую полную классификацию ямной культуры, он выделил в ней несколько региональных групп и четыре хронологические фазы внутри одного периода между неолитом и эпохой бронзы (Мерперт 1961. С. 176–192; Мерперт 1974). Эта периодизация была принята за основу многими исследователями, в том числе и Марией Гимбутас, которая выдвинула гипотезу о происхождении индоевропейцев, каковое она связала с последовательным продвижением курганной культуры на запад (Gimbutas 1961. P. 193–200; Даниленко 1974. С. 30 и след.).

Данная классификация была опровергнута Д. Я. Телегиным в обстоятельной работе о среднестоговской культуре, которая, как показано в этом исследовании, представляла

Илл. 1. Распространение описываемых культурных зон III тыс. до н. э.: 1 – ямная культура; 2 – катакомбная культура; 3 – шнуровая керамика; 4 – колоколовидные кубки (Рисунки: М. Кацнер)

Abb. 1. Verbreitung der hier behandelten Kulturzonen des 3. Jahrtausends v. Chr.: 1 – Grubengrabkultur; 2 – Katakombengrabkultur; 3 – Schnurkeramik; 4 – Glockenbecher (Grafik: M. Kacner)

Grubengrabkultur

Im Steppengebiet des nördlichen Schwarzmeeres wurden bereits Ende des 19. Jahrhunderts mehrere Hunderte von Hügelgräbern registriert, was V. A. Gorodcov in die Lage versetzte, im Jahr 1905 ihre erste Gliederung durchzuführen und die Grubengrabkultur als die älteste Stufe innerhalb dieser Fundgattung zu definieren (Городцов 1905. С. 215 и след.). Bereits damals zeichnete sich ab, dass diese Kultur einen wichtigen Vermittlungsfaktor im weiten Steppenraum darstellte. Die Grubengrabkultur ist von Gorodcov in die Bronzezeit datiert worden, allerdings wurde sie im Folgenden oft in die Kupferzeit eingeordnet. Als N. J. Merpert Anfang der sechziger Jahre eine erste umfassende Gliederung der Grubengrabkultur vorlegte, teilte er sie in mehrere regionale Gruppen und in vier chronologische Phasen, die er insgesamt in die Periode zwischen Neolithikum und Bronzezeit datierte (Merpert 1961. С. 176–192; Мерперт 1974). Dieser chronologischen Gliederung folgten mehrere Forscher, und darauf aufbauend entwickelte M. Gimbutas ihre ursprüngliche Hypothese zu Entstehung der Indoeuropäer weiter, in deren Folge sie drei sukzessive, westwärts verlaufende Wanderungen der „Kurgan-Culture“ postulierte (Gimbutas 1961. P. 193–200; Даниленко 1974. С. 30 и след.).

собой самостоятельное явление, предшествовавшее возникновению ямной культуры (Телегин 1973). Когда же в 1981 году была опубликована работа И. Б. Васильева, посвященная изучению эпохи энеолита в Поволжье и убедительно показавшая, что ямную культуру следует вывести за рамки этого периода, то в научной литературе постепенно утвердилось мнение (Васильев 1981), согласно которому самый ранний этап, выделенный Мерпертом (фаза по Городцову или фаза курганов IV по Гимбутас), совпадает с ямной культурой (ср.: Govedarica 2004-II. S. 40f.).

В настоящее время большинство исследователей рассматривает ямную культуру как явление эпохи ранней бронзы восточно-европейских степей. В действительности она охватывает собой пространство от Урала и Кавказа до низовьев Дуная. Внутри этого ареала можно выделить три основные зоны: восточную, простирающуюся от Урала и Кавказа до Дона, среднюю — между Доном и Днестром, и западную, включающую в себя степи между Днестром и Дунаем. Кроме того, характерные для этой культурной общности погребения встречаются и к западу от основной области распространения — в некоторых районах Восточных Балкан, близких по ландшафтному типу к степным, а также в Восточной Паннонии (Heyd 2011. S. 529ff.).

Подкурганые погребения, характерные для ямной культуры, представляют собой прямоугольную или овальную яму, в которой захоронен, как правило, только один человек. Ямы могли закрываться либо деревянными плахами, либо каменными плитами и оборудоваться дополнительными конструктивными элементами, при этом речь могла идти об основном захоронении в кургане или о захоронении в уже имеющемся кургане. Усопшие хоронились лежа на спине, с согнутыми коленями, тела посыпались, как правило, охрой. Основные захоронения ориентированы чаще всего по оси восток—запад или наоборот, при последующих захоронениях ориентирование определялось расположением тела внутри кургана. Для такого рода погребений характерен довольно скромный погребальный инвентарь, в состав которого входили в основном сосуды, простые украшения, а также в некоторых случаях оружие и орудия (ил. 2). Довольно часто здесь можно встретить погребения без всякого погребального инвентаря, тогда как погребения с особо ценными приношениями, например с повозками, встречаются крайне редко. Этот единообразный тип погребения является общим отличительным признаком ямной культуры на всей территории ее распространения, включая отдельные западные области, находящиеся за пределами основного ареала.

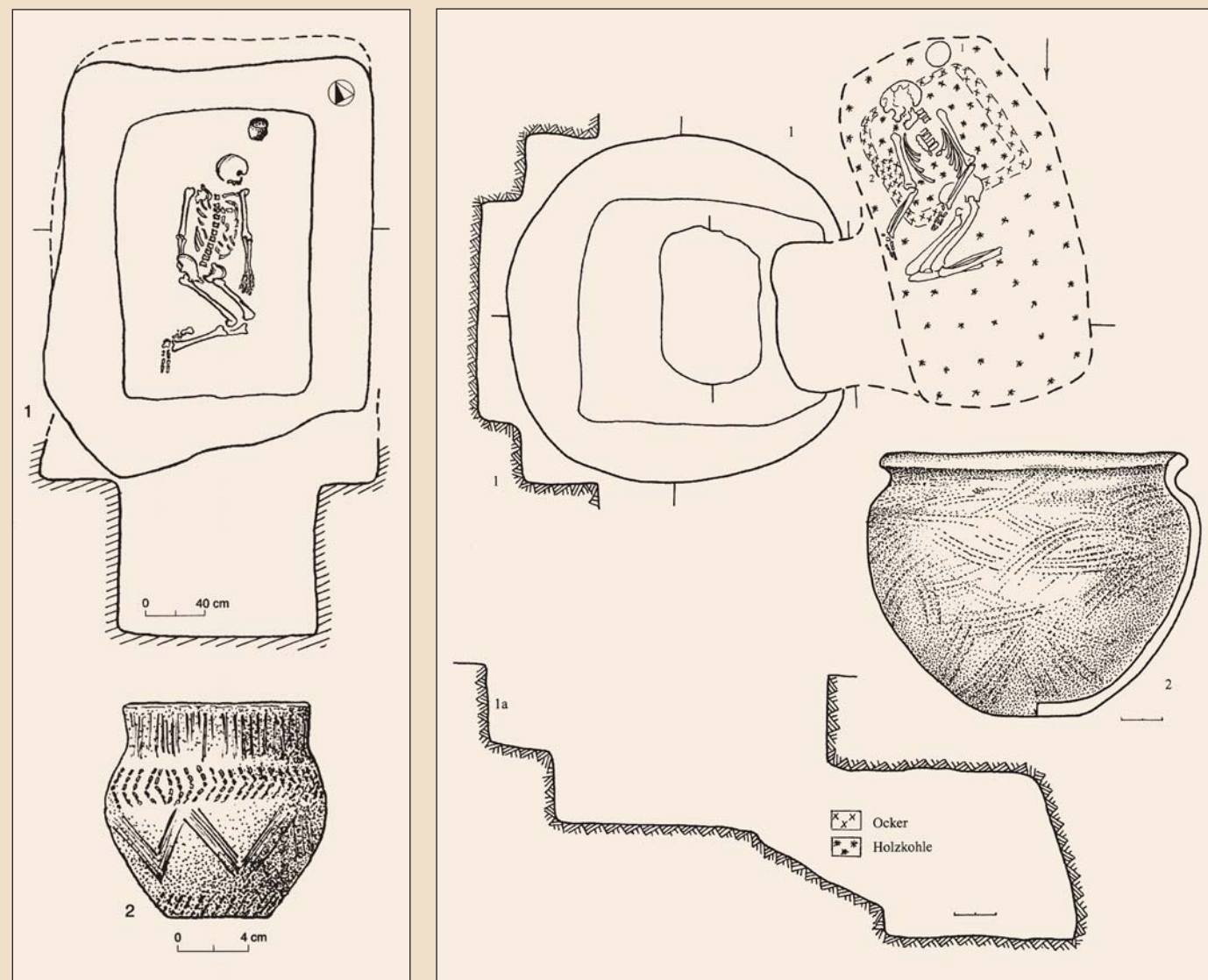
Количество известных поселений ямной культуры невелико, и расположены они в основном в долинах рек: Александрия и Ливенцовка — на Дону, Михайловка, Скеля Каменоломна и Дурна Скеля — на Днестре. Во 2-м и 3-м горизонтах культурного слоя были раскрыты два следующих друг за другом поселения ямной культуры, которым предшествовало поселение эпохи поздней меди (Михайловка I). Для самого древнего из этих поселений ямной культуры (Михайловка II) характерна керамика, орнаментированная отпечатками штампа, тогда как для более позднего поселения (Михайловка III) характерен более разнообразный набор предметов, включавший в себя в том числе и металлические изделия (Коробкова и др. 2009. С. 20 и след.). Такая хронология подтверждается и результатами исследования погребений, что позволяет выделить в составе ямной культуры два основных периода. К отличительным признакам погребений первого периода относятся: керамика типа обнаруженной в Михай-

Dieser Gliederung widersprach D. J. Telegin mit seinen detaillierten Studien über die Srednij Stog II-Kultur, die sich als eine eigenständige, der Entwicklung der Grubengrabkultur vorangehende Erscheinung erwies (Telegin 1973). Als I. E. Vasiljev im Jahr 1981 in seiner Studie zum Äneolithikum im Wolga-Gebiet die Grubengrabkultur mit guten Argumenten aus dieser Periode ebenso ausgeschlossen hatte (Васильев 1981), wurde in der Forschung zunehmend die jüngste Etappe Merperts (Gorodcovs Phase bzw. Phase Kurgan IV nach Gimbutas) als eigentliche Grubengrabkultur anerkannt (vgl. Govedarica 2004-II. S. 40f.).

Heute sehen die meisten Autoren die Grubengrabkultur als eine Erscheinung der frühen Bronzezeit des osteuropäischen Steppegebiets an. In ihrer eigentlichen Verbreitung erstreckt sie sich von Ural und Kaukasus bis zur unteren Donau. Innerhalb dieses Territoriums lassen sich drei Hauptzonen unterscheiden: eine östliche, die von Ural und Kaukasus bis zum Don reicht; eine mittlere zwischen Don und Dnepr und eine westliche, die das Steppengebiet zwischen Dnepr und Donau umfasst. Darüber hinaus sind die für diese Kultur typischen Gräber auch weiter westlich, in den steppenartigen Gebieten des Ostbalkans und Ostpannoniens anzutreffen, d.h. außerhalb ihres eigentlichen Verbreitungsraums (Heyd 2011. S. 529ff.).

Die in den Tumuli der Grubengrabkultur angelegten Bestattungen bestehen aus rechteckigen oder ovalen Gruben, auf deren Sohle in der Regel eine einzelne Person beigelegt war. Die Gruben können mit Holzbalken oder Steinplatten abgedeckt sein, zusätzliche Konstruktionselemente besitzen und entweder als Primärbestattung mit einer Aufschüttung überdeckt oder als Nachbestattung in einen schon bestehenden Hügel eingelassen sein. Der Tote lag in gehockter Stellung auf dem Rücken oder auf der Seite und wurde meist mit Ocker bestreut. Die primären Bestattungen wurden in der Regel Ost-West oder umgekehrt orientiert, während die Ausrichtung der Nachbestattungen von ihrer Lage im Hügel abhängig war. Dem Toten wurden relativ bescheidene Artefakte, meistens Gefäße, Tierknochen, einfache Tracht- und Schmuckelemente sowie vereinzelt Waffen und Geräte beigegeben (Abb. 2). Nicht selten sind beigabenlose Gräber anzutreffen, während Bestattungen mit Sonderbeigaben, z. B. „Wagengräber“, sehr selten vorkommen. Dieser einheitliche Bestattungsbrauch ist ein kennzeichnendes Element der Grubengrabkultur in ihrem gesamten Verbreitungsraum einschließlich der westlichen Ausläufer.

Es sind nur wenige Siedlungen der Grubengrabkultur zu meist aus den Tälern einiger großer Flüsse bekannt: Aleksandrija und Livencovka am Don sowie Michajlovka, Skelja Kamenolomnaja und Durna Skelja am Dnepr. In den Schichten II und III von Michajlovka wurden zwei aufeinander folgende Siedlungen der Grubengrabkultur freigelegt, die auf eine spätkupferzeitliche Niederlassung (Michajlovka I) folgten. Die ältere Siedlung der Grubengrabkultur (Michajlovka II) ist durch mit Stempeln verzierte Keramik gekennzeichnet, während die jüngere Phase (Michajlovka III) eine vielfältige Produktion einschließlich Metallherstellung zeigt (Коробкова и др. 2009. С. 20 и след.). Eine solche Abfolge konnte auch anhand der Gräber bestätigt werden, so dass heute die Gesamtentwicklung der Grubengrabkultur in zwei Hauptetappen unterteilt werden kann. Die Gräber der ersten Phase weisen Keramik vom Typ Michajlovka II, Rückenhocker mit östlicher Ausrichtung, regelhafte Ockerstreuung, Dolche und Pfieme aus Arsenbronze, knöcherne Hammerkopfnadeln und vereinzelte Steinäxte auf (absolute Datierung 3100–2700 v. Chr.). In der zweiten Phase (2700–2500 v. Chr.) ist eine zunehmende Regionalisierung zu beobachten, wobei sich archaische Elemente

ловке II, расположение усопшего на спине, с согнутыми коленями, головой на восток, во многих случаях — посыпание тела усопшего охрой, кинжалы и долота из мышьяковой бронзы, костяные молоткообразные булавки, в отдельных случаях — каменные топоры (абсолютная хронология: 3100–2700 годы до н. э.). Во втором периоде (2700–2500 годы до н. э.) наблюдаются региональные изменения, хотя в восточных областях (волго-уральская группа) продолжали сохраняться и архаичные элементы (Telegin u. a. 2003. P. 132–184).

Катакомбная культура

Катакомбная культура была распространена в степной полосе между низовьями Дона и линией Прут—Дунай. Погребения осуществлялись в уже имеющиеся курганы ямной культуры или других, более древних культур. Особенностью таких погребений является наличие вертикального колодца (входной ямы) и расположенной сбоку погребальной камеры. Такие погребальные сооружения называются катакомбами, что и дало название всей культуре в целом. Усопшие располагались на спине, с согнутыми в коленях или с вытянутыми ногами; тело, как правило, посыпалось охрой и могло быть ориентировано по разным сторонам света, чаще всего — на юго-запад или на юг (ил. 3). Характерным для этой культуры является наличие особых ри-

Ил. 2. Типичный погребальный инвентарь ямной культуры (по: Buntjatjan u. a. 2006)

Abb. 2. Typisches Inventar der Grubengrabkultur (nach Buntjatjan u. a. 2006)

Ил. 3. Типичный погребальный инвентарь катакомбной культуры (по: Govedarica u. a. 2006)

Abb. 3. Typisches Inventar der Katakombengrabkultur (nach Govedarica u. a. 2006)

зумеист в der Ostzone (Volga-Ural-Lokalgruppe) erhalten haben (Telegin u. a. 2003. P. 132–184).

Катакомбengrabkultur

Diese Kultur war im Steppengebiet vom unteren Don bis zur Pruth-Donau-Linie verbreitet. Die Gräber sind vorwiegend als Nachbestattungen in bereits bestehende Hügel der Grubengrab- und anderer älterer Kulturen eingetieft. Im Unterschied zu diesen bestehen die Gräber nicht aus einfachen Gruben, sondern besitzen einem Eingangsschacht und eine seitlich gelegene Grabkammer. Solche Grabanlagen werden als Katakomben bezeichnet und wurden namensgebend für diese Kultur. Die Toten wurden in Rückenlage gehockt oder ausgestreckt und in der Regel mit Ocker bestreut auf der Grabsohle beige- setzt. Sie waren in verschiedene Himmelsrichtungen, aber überwiegend nach Südwesten und Süden ausgerichtet (Abb. 3). Charakteristisch für diese Kultur sind zudem besondere Riten

туалов, связанных с посмертной обработкой усопших и включавших в себя обмазывание глиной лицевого скелета, а также изготовление лицевых масок из глины, смешанной с охрой (Kaiser 2010. S. 97ff.).

До недавнего времени поселения катакомбной культуры были почти неизвестны. Общая картина, однако, постепенно стала меняться, после того как начали находить такого рода поселения в долинах рек и на берегах озер (Кошары — Змеиная Балка) (Говедарица, Манзура 2010. С. 304 и след.).

Катакомбная культура была выделена, как и ямная, еще в начале XX века В. А. Городцовым. Основываясь на характерных признаках погребения и стратиграфической последовательности расположения слоев внутри курганов, Городцов определил ямную культуру как более древнюю по отношению к катакомбной культуре, что позволило ему одновременно дать актуальную и по сей день классификацию эпохи ранней бронзы для восточноевропейского степного пространства. Первое обобщающее исследование, посвященное катакомбной культуре, было представлено в 1955 году Т. В. Поповой (Попова 1955). За этим последовала широкая дискуссия о происхождении, развитии (автохтонное или миграционное) и внутренней структуре данной культуры — дискуссия, которая продолжается и по сей день (Häusler 1974; Кияшко 1999. С. 13 и след.; Kaiser 2003).

Область распространения катакомбной культуры может быть подразделена на две основные зоны с множеством локальных вариантов. Как и в случае с ямной культурой, здесь могут быть выделены две последовательные фазы развития. Для более древнего периода характерно преобладание погребений с труположением при согнутых ногах, а также наличие погребений с повозками. Погребальный инвентарь при этом обнаруживает сходство с инвентарем ямной культуры. Для следующего периода характерно увеличение числа погребений с труположением при вытянутых ногах, наличие двойных или коллективных захоронений, а также изменение состава погребального инвентаря, который включал в себя новые формы сосудов, боевые топоры из камня и мышьяковой бронзы и простые украшения. По абсолютной хронологии первая фаза датируется 2600–2400 годами до н. э., вторая фаза — 2400–2000 годами до н. э. Самые архаичные элементы катакомбной культуры обнаружены в зоне между Доном и Днепром, которая считается исходной областью бытования данной культуры. Вторая зона расположена между Днепром и Прутом и представляет собой пограничную область, в которой в основном встречаются погребения второго периода.

Культура шнуровой керамики

Данная культура была выделена в качестве самостоятельной группы в 1880-х годах Ф. Клопфляшем и названа по характерному типу орнаментации (Klopffleisch 1883. S. 40ff.). Вскоре после этого А. Гётце выявил внутри этой культуры две ступени, более раннюю и более позднюю (Götze 1891. S. 10ff.). Первоначальные расхождения в определении временных границ были сняты после проведения стратиграфических исследований приальпийских свайных поселений, которые показали, что центральноевропейскую культуру шнуровой керамики следует отнести, в соответствии с южнонемецкой хронологией, к концу неолита — началу эпохи бронзы. Эта общая периодизация принимается за основу и поныне, хотя внутренняя классификация культуры шнуровой керамики до сих пор остается нерешенной проблемой. Последние исследования показывают, что ее носители вели вполне оседлый образ жизни, но исполь-

einer postmortalen Totenbehandlung wie Gesichtsmodellierung am Schädel und Masken aus mit Ocker gemischtem Lehm (Kaiser 2010. S. 97ff.).

Siedlungen der Katakombengrabkultur waren bis vor kurzem ebenfalls kaum bekannt. Dieses Bild ändert sich allmählich, denn inzwischen wurden zunehmend Niederlassungen in Flusstälern und an Seen (Košary — Zmijnaja Balka) festgestellt (Говедарица, Манзура 2010. С. 304 и след.).

Wie schon die Grubengrab- wurde auch die Katakombengrabkultur von V. A. Gorodcov Anfang des 20. Jahrhunderts zum ersten Mal definiert. Anhand der kennzeichnenden Bestattungselemente und der stratigraphischen Abfolge in den Grabhügeln beschrieb er die Grubengrabkultur als die ältere und die Katakombengrabkultur als die jüngere Erscheinung, womit er gleichzeitig die bis heute geltende Gliederung der frühen Bronzezeit im osteuropäischen Steppenraum geschaffen hat. Eine erste zusammenfassende Studie zur Katakombengrabkultur erarbeitete T. B. Popova im Jahr 1955 (Попова 1955). Danach entfaltete sich eine umfangreiche Diskussion zur Herkunft, Entwicklung (autochton oder Immigration) und inneren Gliederung dieser Kultur, die bis heute andauert (Häusler 1974; Кияшко 1999. С. 13 и след.; Kaiser 2003).

Im Verbreitungsgebiet der Katakombengrabkultur können zwei Hauptzonen mit mehreren lokalen Varianten unterschieden werden. Ebenso lassen sich zwei sukzessive Entwicklungsphasen erkennen. Während die ältere Phase überwiegend Hockerbestattungen, Wagengräber und der Grubengrabkultur ähnliche Grabausstattungen aufweist, ist die jüngere durch eine Zunahme von gestreckten Bestattungen und Doppel- sowie Kollektivgräbern, durch neue Gefäßformen, Streitaxte aus Stein und Arsenbronze und einfache Schmuckbeigaben gekennzeichnet. Absolutchronologisch datiert die ältere Phase in die Zeit 2600 bis 2400 v. Chr., die jüngere zwischen 2400 und 2000 v. Chr. Die archaischsten Elemente der Katakombengrabkultur sind in der Zone zwischen Don und Dnepr festzustellen, die als ihr primäres Gebiet gilt. Die zweite Zone liegt zwischen Dnepr und Pruth. Sie erweist sich als Randgebiet, in dem vornehmlich Gräber der jüngeren Phase anzutreffen sind.

Schnurkeramische Kultur

Sie wurde in den achtziger Jahren des 19. Jahrhunderts von F. Klopffleisch als eigenständige Gruppe erkannt und nach ihrer typischen Verzierung benannt (Klopffleisch 1883. S. 40ff.). Kurz danach definierte A. Götze eine ältere und eine jüngere Stufe (Götze 1891. S. 10ff.). Nach anfänglichen Divergenzen belegten Stratigraphien in den zirkumalpinen Pfahlbausiedlungen, dass die mitteleuropäische Schnurkeramik an das Ende des Neolithikums und den Übergang zur Bronzezeit gemäß der süd-deutschen Chronologie zu setzen ist. Diese generelle kulturperiodische Zuordnung gilt bis heute, während die innere Gliederung der Schnurkeramik noch immer ein ungelöstes Problem darstellt. Neuere Untersuchungen zeigen, dass ihre Träger durchaus sesshaft waren, aber eine Bauweise praktizierten, die archäologisch nur sehr schwer nachweisbar ist (Müller u. a. 2009. S. 125ff.).

Das Verbreitungsgebiet dieser Kultur erstreckte sich von den Alpen und Karpaten bis nach Südkandinavien und vom Elsass bis an die mittlere Wolga und den Ural, d.h. fast über den gesamten nördlichen Teil Kontinentaleuropas. Dabei lassen sich eine Südprovinz (Elsass, Süddeutschland, die Schweiz, Österreich, Böhmen, Mähren, Hessen, Sachsen, Thüringen und Sachsen-Anhalt), eine Nordprovinz (West- und Norddeutschland, Niederlande, Dänemark, Südschweden, Küstenbereich von Polen und dem Ostbaltikum) und eine Ostprovinz (mittleres

Ил. 4. Типичный инвентарь культуры шнуровой керамики (по: Matthias 1972)
Abb. 4. Typisches Inventar der schnurkeramischen Kultur (nach Matthias 1972)

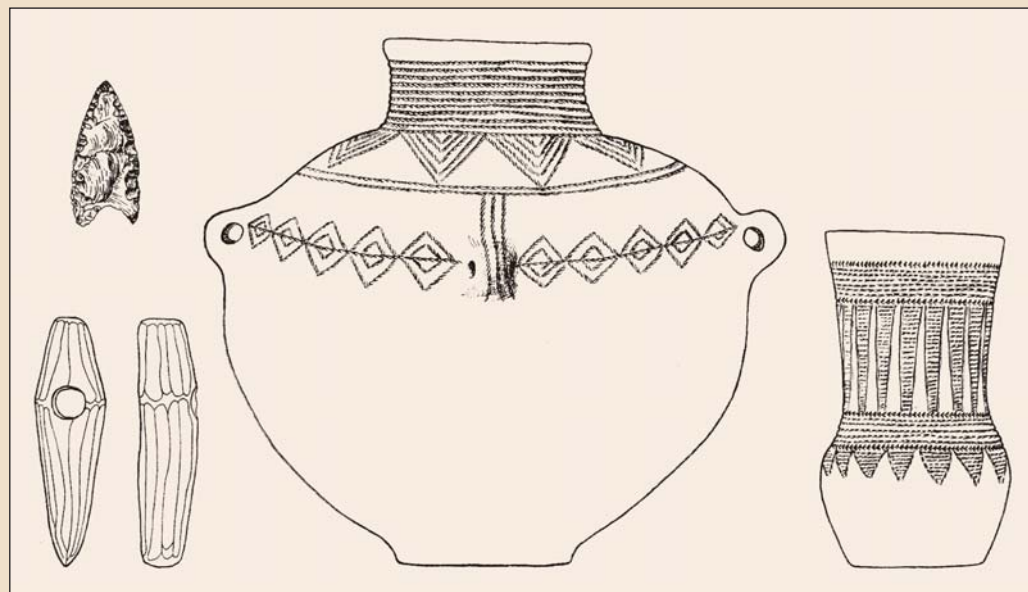
зовали при этом такие формы строительства, которые лишь с большим трудом подтверждаются археологическими данными (Müller u. a. 2009. S. 125ff.).

Зона распространения этой культуры охватывает собой пространство от Альп и Карпат до Южной Скандинавии и от Эльзаса до Средней Волги и Урала, то есть занимает почти всю северную часть континентальной Европы. При этом здесь можно выделить южную провинцию (Эльзас, Южная Германия, Швейцария, Австрия, Богемия, Моравия, Гессен, Саксония, Тюрингия и Саксен-Ангальт), северную провинцию (Западная и Северная Германия, Нидерланды, Дания, Южная Швеция, прибрежные регионы Польши и восточная часть Прибалтики) и восточную провинцию (Средний Днепр и верховье Волги). Для всех памятников на данной территории характерно индивидуальное погребение с труположением на боку в скорченном положении и разворотом в разные стороны в зависимости от пола усопшего, а также наличие боевых топоров в составе погребального инвентаря (ил. 4). Именно поэтому культуру шнуровой керамики называют также культурой боевых топоров (Bertram 1994. S. 229ff.).

Наряду с этими общими чертами имелись и отдельные региональные отличия. В Центральной Европе погребения производились, как правило, под курганами. Тело усопшего располагалось по оси восток—запад, женщины — на левом боку, головой на восток, мужчины — на правом боку, головой на запад. Взгляд в обоих случаях обращен к югу (Machnik 1969. S. 237; Bertram 1994. S. 231f.). В Малой Польше и Восточной Европе тела погребенных размещались в основном по оси северо-запад—юго-восток или по оси север—юг. При этом и здесь имелось различие в размещении тела в женских и мужских погребениях.

Самые существенные различия в типах погребений и формах погребального инвентаря обнаруживаются между скандинавской культурой одиночных погребений, с одной стороны, и восточноевропейской культурой Среднего Днепра и фатьяновской культурой, с другой стороны. Для Южной Скандинавии характерно преобладание грунтовых могил и так называемых ладьевидных топоров, тогда как в подкурганых погребениях в районе Среднего Днепра иногда встречаются и погребения с трупосожжением. В погребениях фатьяновской культуры (иногда называемой также балановской) были также обнаружены следы использования огня и применения охры, что не характерно для групп, входящих в культуру шнуровой керамики. К тому же только в зоне распространения фатьяновской культуры представлены шарообразные сосуды без горла и со скругленным дном (Häusler 1969. S. 267. Abb. 5, 1–3).

Древнейшей фазой культуры шнуровой керамики является так называемый общеевропейский горизонт (горизонт А) с

Dnepr- und oberes Wolgagebiet) unterscheiden. Den Denkmälern in den genannten Territorien sind die Schnurverzierung, Einzelbestattungen mit geschlechtsspezifisch positionierten Seitenhockern und die Beigabe von so genannten Streitaxten gemeinsam (Abb. 4). Deshalb wurde die Kultur auch als „Streitaxtkultur“ bezeichnet (Bertram 1994. S. 229ff.).

Neben diesen Gemeinsamkeiten sind auch einige mehr oder weniger ausgeprägte regionale Abweichungen zu erkennen. In Mitteleuropa wurden die Gräber in der Regel unter einem Hügel errichtet. Die Toten sind ost-westlich ausgerichtet, die Frauen auf der linken Seite liegend mit dem Kopf nach Osten, die Männer rechtsseitig mit dem Kopf nach Westen. Der Blick geht in beiden Fällen nach Süden (Machnik 1969. S. 237; Bertram 1994. S. 231f.). In Kleinpolen und in Osteuropa waren die Toten wiederum Nordwest-Südost oder Nord-Süd orientiert. Allerdings gilt auch hier das Prinzip einer geschlechtsdifferenzierten Position der Bestatteten.

Die größten Unterschiede sowohl bei den Bestattungselementen als auch bei den Beigabenformen bestehen zwischen der skandinavischen Einzelgrabkultur und der osteuropäischen Mitteldnepr- und Fatjanovkultur. Für Südskandinaviern sind zumeist die Flachgräber und die so genannten Bootäxte typisch, während in den Hügelgräbern der Mitteldneprkultur gelegentlich Brandbestattungen vorkommen. In den Gräbern der Fatjanovo-Kultur (manchmal auch Balanovo-Kultur genannt) wurden ebenfalls Brandspuren entdeckt, zudem wurde hier auch Ocker gestreut, was ansonsten in den schnurkeramischen Gruppen ein fremdes Element darstellt. Nur in der Fatjanovo-Kultur finden sich zudem kugelige und halslose Gefäße mit abgerundetem Boden (Häusler 1969. S. 267. Abb. 5, 1–3).

Die älteste Phase der Schnurkeramikkultur bildet ein so genannter Einheitshorizont (A-Horizont) mit typischen Äxten und „Strichbündelamphoren“. Die früheste Erscheinung dieses Horizonts konnte kürzlich mittels ¹⁴C-Chronologie in Kleinpolen um 2900 v. Chr. datiert werden. Ab ca. 2750 v. Chr. kam es zu einer Regionalisierung, die das Ende der einheitlichen Prägung bedeutete und eine Entwicklung zu lokalen Gruppen einleitete. Das Ende der Schnurkeramikkultur wird absolutchronologisch um 2300 v. Chr. festgesetzt (Müller 1999. S. 77ff.; Furholt 2003. S. 2ff.).

Glockenbecherkultur

Diese Kultur umfasst den gesamten westlichen und südwestlichen Teil Europas einschließlich des Maghreb in Nordafrika.

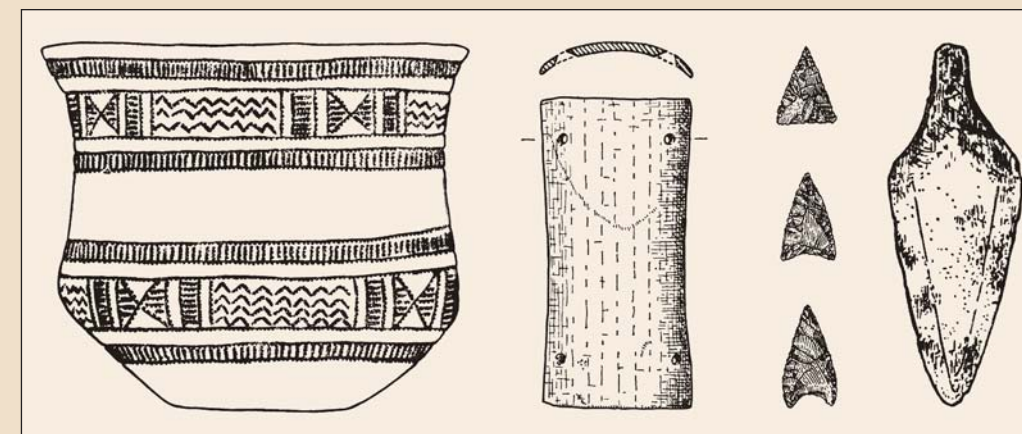
Ил. 5. Типичный инвентарь культуры колоколовидных кубков (по: Matthias 1972)
Abb. 5. Typisches Inventar der Glockenbecherkultur (nach Matthias 1972)

характерными топорами и амфорами, орнаментированными гребенчатым узором. Недавно удалось получить датировку самого раннего появления этого горизонта на основании радиоуглеродной хронологии в Малой Польше и отнести его к 2900 году до н. э. Начиная с 2750 года до н. э. происходит размытие единых общих признаков и формирование локальных групп. Конец культуры шнуровой керамики приходится по абсолютной хронологии на 2300 год до н. э. (Müller 1999. S. 77ff.; Furholt 2003. S. 2ff.).

Культура колоколовидных кубков

Данная культура охватывает собой всю западную и юго-западную часть Европы, включая Магреб в Северной Африке. Внутри этого пространства можно выделить четыре большие провинции: южную (Магреб, Иберийский полуостров, Южная Франция, Балеарские острова, Сардиния, Сицилия), западную (французское атлантическое побережье, Ирландия, Великобритания, рейнский бассейн, Швейцария, северо-запад Германии), восточную (верхнее и среднее течение Дуная, Богемия и Моравия, верховье Одера и Вислы) и северную (Ютландия и область от низовья Эльбы до низовья Вислы на востоке). Каждая из этих провинций имеет свои особенности, как это видно по археологическим находкам. Поселения встречаются крайне редко и при этом отличаются друг от друга по своему типу. Если в южной провинции обнаруживаются целые укрепленные комплексы, то в северных и восточных областях это скорее небольшие поселения (Turek u. a. 2003. S. 184).

Погребение производилось под курганами, а также в повторно использованных мегалитах или в простых могилах ямного типа. Случаи трупосожжения или коллективных погребений встречаются крайне редко и являются скорее исключением из общего типа погребения, для которого характерно одиночное захоронение с расположением тела на боку, в скорченном виде, в каменных или деревянных ящиках. При этом положение тела ориентировалось в зависимости от пола и было разным у мужчин и у женщин; и хотя сама ось ориентирования варьировалась в отдельных областях, на всем пространстве соблюдался единый принцип, по которому мужчины располагались на правом боку, женщины — на левом. В Центральной Европе тела мужчин ориентировались на север, тела женщин — на юг. В результате, несмотря на то что мужское и женское тело оказывались развернуты в противоположные по отношению друг к другу стороны, направление взгляда у них оставалось общим — как и в культуре шнуровой керамики, они смотрели на юг. Сходный принцип гендерной дифференциации выдерживался и в оформлении погребального инвентаря, в составе которого обнаруживается еще более явная социальная стандартизация. Помимо характерных для данной культуры колоколовидных кубков, которые закладывались и в мужские, и в женские погребения, в мужской погребальный ин-

Dabei lassen sich vier großen Provinzen unterscheiden: Die Südprovinz (Maghreb, Iberische Halbinsel, Südfrankreich, Balearen, Sardinien, Sizilien), die Westprovinz (französische Atlantikküste, Irland, Großbritannien, Rheinbecken, Schweiz und Nordwestdeutschland), die Ostprovinz (oberer und mittlerer Lauf der Donau, Böhmen und Mähren, oberer Lauf der Oder und Weichsel) und die Nordprovinz (Jütland und unterer Lauf der Elbe bis zur unteren Weichsel im Osten). Jede von diesen Provinzen weist eigene Charakteristika auf, die sich am ehesten anhand der Grabfunde erkennen lassen. Siedlungen kommen selten vor und sind sehr verschiedenartig. Während aus der Südprovinz befestigte Anlagen bekannt sind, wurden in den östlichen und nördlichen Gebieten eher kleine Weiler angelegt (Turek u. a. 2003. S. 184).

Die Bestattungen erfolgten in Hügelgräbern, als Nachbestattungen in Megalithanlagen oder in einfachen Gruben. Bis auf wenige Ausnahmen, etwa Brandschüttungen oder Kollektivbeisetzungen, sind sie strikt kanonisiert mit Einzelniederlegung in seitlicher Hockerlage entweder in Stein- oder Holzkisten. Die Toten weisen geschlechtsspezifisch eine entgegen gesetzte Orientierung auf, die je nach Gebiet zwar unterschiedliche Ausrichtungen haben kann, aber insofern gleich bleibend ist, dass die Männer als linke und die Frauen als rechte Hocker niedergelegt wurden. In Mitteleuropa sind männliche Tote nach Norden und weibliche nach Süden ausgerichtet. Damit wird ähnlich wie in der Schnurkeramischen Kultur erreicht, dass beide Geschlechter, obwohl entgegen gesetzt zueinander liegend, in die gleiche Richtung blicken — in diesem Fall nach Süden. Das gleiche Differenzierungsprinzip gilt auch bei Beigabensitten, die noch stärker sozial standardisiert sind. Neben den kennzeichnenden Glockenbechern, die beiden Geschlechtern mitgegeben wurden, erhielten die Männer Waffen — Dolch, Pfeile und Speere, Armschutzplatten für Bogenschützen — mit ins Grab (Abb. 5), während die Frauen mit verschiedenen Schmuckstücken versehen wurden. Einige gut ausgestattete Kinderbestattungen sprechen für eine fortgeschrittene soziale Gliederung der Gemeinschaften (Vander Linden 2004. P. 35–62).

Zur relativen Chronologie der Glockenbecher ist vor allem anhand der Keramiktypologie eine ganze Palette von Theorien und Hypothesen entstanden (Lanting, Waals 1976; Vander Linden 2007. P. 343–352). Eine Unterteilung in drei Entwicklungsetappen ist zumeist auch absolutchronologisch abgesichert: Denkmäler der ersten Phase mit so genannten „maritimen“ Bechern kommen vor allem in der Süd- und Westprovinz vor (Datierung: 2800–2600 v. Chr.); die zweite, aus kulturellen Überschneidungen entstandene Phase ist in der Süd- und Ostprovinz belegt, wobei neben „epimaritimen“ Bechern zunehmend lokal geprägte Henkelgefäße auftreten (2600–2400

вентарь входило также оружие — кинжал, стрелы, копья и наручные защитные пластины (ил. 5), тогда как женский погребальный инвентарь включал в себя различные украшения. Сохранилось также несколько богатых детских погребений, которые свидетельствуют о развитой социальной иерархии внутри общин (Vander Linden 2004. P. 35–62).

Относительная хронология колоколовидных кубков вызвала к жизни множество разнообразных теорий и гипотез, опирающихся главным образом на типологию керамики (Lanting, Waals 1976; Vander Linden 2007. P. 343–352). В основном выделяются три бесспорных этапа развития, которые подтверждаются и абсолютной хронологией: памятники первой фазы с так называемыми «маритимными» кубками встречаются главным образом в южной и западной провинции (2800–2600 годы до н. э.); вторая фаза, явившаяся результатом культурного взаимодействия, представлена памятниками из южной и восточной провинции, где наряду с «эпимаритимными» кубками появляется все большее количество сосудов с ручками, формы которых имеют уже свою локальную специфику (2600–2400 до н. э.). Третья, так называемая поздняя фаза, характеризуется сопутствующей керамикой (2400–2000 годы до н. э.; Müller, Willigen 2001. P. 59–75), при этом в восточной провинции происходит слияние с древнейшими группами эпохи бронзы (протоунетичкой и др.).

Выводы

Имеющиеся исследования, касающиеся данных крупных цивилизаций, позволяют выявить основные характеристики культурно-исторического развития Европы в III тыс. до н. э. Вместе с тем, однако, нельзя не заметить, что здесь имеются и некоторые существенные методические упущения, которые ставят под сомнение отдельные выводы и интерпретации, представленные археологической наукой XX века. К числу таких упущений относится подход к тем научным источникам, которые принимались за основу без должного критического переосмысления, в результате чего утвердилось мнение, будто археологические материалы по данной эпохе представлены почти исключительно погребениями, тогда как поселения практически отсутствуют. Отсюда был сделан вывод, что носители этих культур представляли собой мобильных военных сообществ, которые осуществляли панъевропейские военные походы с целью захвата новых территорий. Этот тезис нашел широкий отклик в научной среде. И хотя уже обнаружено множество поселений, которые распределяются по всем упомянутым культурам, что является серьезным основанием для пересмотра тезиса о мобильных сообществах, в научном дискурсе эти данные археологических разысканий по-прежнему играют второстепенную роль. Неопределенность абсолютной хронологии и отсутствие данных для реконструкции тогдашних условий жизни и связанных с этим стратегий выживания открывают широкие возможности для интерпретаций. Так, вполне уместным представляется вопрос о том, на какие данные, касающиеся этой объемной научной области, можно рассчитывать в будущем и насколько возможно в принципе в настоящее время делать какие бы то ни было заключения относительно данной сферы.

Наличие общих черт, характерных для всего европейского континента, таких как устойчивые формы погребения и единообразный состав погребального инвентаря, позволяют выдвигать самые разные археологические и социокультурные предположения. Так, явное преобладание индивидуальных погребений можно рассматривать как выра-

жение нового социального порядка, в котором отдельный индивидум начинает играть особую роль в рамках общественной структуры (Vander Linden 2003. P. 181). Правда, при этом следует иметь в виду, что и подкурганные погребения, и индивидуальные, равно как и формирование крупных цивилизаций, охватывающих значительные территории, — все это основывается на более древней традиции, которая сложилась в различных областях Европы уже в начале IV тыс. до н. э., если не раньше (баальбергская культура, культура воронкообразных кубков, майкопская культура и др.; Govedarica 2011. S. 33ff.). Появление подкурганых погребений и индивидуальных погребений в различных культурах III тыс. до н. э. могло быть, соответственно, обусловлено не только взаимным влиянием, но в равной степени могло являться продолжением уже сложившейся локальной традиции.

Сchlussfolgerung

Die bisherige Untersuchung dieser großräumig verbreiteten Zivilisationen erlaubt es, einige Grundcharakteristika in der kulturhistorischen Entwicklung Europas während des 3. Jahrtausends v. Chr. festzustellen. Gleichzeitig sind aber auch manche bedeutende methodische Versäumnisse und Beschränkungen zu erkennen, die manchmal kein günstiges Licht auf die Archäologie des 20. Jahrhunderts und die damals erfolgten Interpretationen wirft. Einer der beschränkenden Faktoren ist die Quellenbasis, bei der bis vor kurzem unkritisch davon ausgegangen wurde, dass als archäologische Hinterlassenschaften fast ausschließlich Gräber vorliegen und Siedlungen praktisch nicht existierten. Darauf beruhen Rückschlüsse, es hätte sich bei den Trägern dieser Kulturen um mobile Kriegergesellschaften und ihre paneuropäischen Eroberungszüge gehandelt, was in der Forschung auf eine große Resonanz stieß. Obwohl in der Zwischenzeit für alle hier behandelten Kultureinheiten das Vorhandensein zahlreicher Siedlungen nachgewiesen ist, die diese Schlussfolgerungen zu mobilen Gemeinschaften ernsthaft relativieren, spielen sie im wissenschaftlichen Diskurs immer noch eine vollkommen untergeordnete Rolle. Durch Unklarheiten bei absolutchronologischen Zuweisungen und Unsicherheiten bezüglich der Rekonstruktion der damaligen Umweltbedingungen und der davon abhängigen Subsistenzstrategien bleibt noch viel Spielraum in der Interpretation. So ist durchaus die Frage angebracht, welche Erkenntnisse für dieses umfangreiche Forschungsfeld künftig zu erwarten sein werden und wie weit es zum jetzigen Zeitpunkt überhaupt möglich ist, diesbezügliche Aussagen zu treffen.

Die über den gesamten europäischen Kontinent zu beobachtenden Gemeinsamkeiten wie die weiträumig kanonisierten Bestattungs- und Beigabensitten erlauben sicherlich eine Fülle von archäologischen und soziokulturellen Fragestellungen. So kann das deutliche Überwiegen von Einzelgräbern wohl als Ausdruck einer neuen sozialen Ordnung angesehen werden, in der das Individuum eine ganz andere Bedeutung innerhalb der Gesellschaftsstruktur gewann (Vander Linden 2003. P. 181). Allerdings basieren sowohl die Hügelgräber als auch die Individualbestattungen und die Formierung großflächigerer Zivilisationen auf älteren Traditionen, wie sie sich in verschiedenen Teilen Europas schon zu Beginn des 4. Jahrtausends v. Chr., wenn nicht gar schon früher, abzeichneten (Baalberge-, Trichterbecher-, Maikop-Kultur u. a., Govedarica 2011. S. 33ff.). Das Aufkommen von Hügelgräbern und Einzelbestattungen in verschiedenen Kulturen des 3. Jahrtausends kann demnach nicht nur eine Folge gegenseitiger Beeinflussung, sondern ebenso gut eine Fortsetzung lokaler Traditionen gewesen sein.

Die Annahme, dass das Missverhältnis zwischen Grab- und Siedlungsfunden bei den archäologischen Quellen tatsächlich einen ursprünglichen Sachverhalt widerspiegelt, und die daraus gezogene Schlussfolgerung, die Grubengrab- und die anderen hier behandelten Kulturen wären expandierende Kriegergesellschaften gewesen, ist äußerst fraglich. Die Dubiosität dieser Argumentationsbasis ist die Ursache für zahlreiche Kontroversen und Diskussionen zu immer denselben Fragen und zeigt damit die Schwäche der geäußerten Thesen. Es ist hier nicht unsere Aufgabe, diesen Auseinandersetzungen näher nachzugehen, doch sei betont, dass Kernthemen wie Kulturgenese, Mobilität, Domestikation des Pferdes, indoeuropäische Wande-

рение нового социального порядка, в котором отдельный индивидум начинает играть особую роль в рамках общественной структуры (Vander Linden 2003. P. 181). Правда, при этом следует иметь в виду, что и подкурганные погребения, и индивидуальные, равно как и формирование крупных цивилизаций, охватывающих значительные территории, — все это основывается на более древней традиции, которая сложилась в различных областях Европы уже в начале IV тыс. до н. э., если не раньше (баальбергская культура, культура воронкообразных кубков, майкопская культура и др.; Govedarica 2011. S. 33ff.). Появление подкурганых погребений и индивидуальных погребений в различных культурах III тыс. до н. э. могло быть, соответственно, обусловлено не только взаимным влиянием, но в равной степени могло являться продолжением уже сложившейся локальной традиции.

Не менее спорным представляется вывод о том, что ямная и другие рассматриваемые здесь культуры представляли собой мигрирующие военные сообщества, — заключение, сделанное на основании допущения, что преобладание погребений по отношению к числу обнаруженных поселений, установленное на основании археологических источников, отражает реальную картину. О сомнительности этой аргументационной базы свидетельствуют многочисленные дискуссии и возражения, которые вращаются вокруг одних и тех же вопросов, что свидетельствует о слабости выдвинутого тезиса. В нашу задачу не входит обзор разных точек зрения на эту проблему, однако представляется уместным подчеркнуть, что ключевые темы, связанные с этим кругом вопросов, — генезис культур, мобильность, одомашнивание лошади, индоевропейская миграция, характеристика окружающей среды, в том числе и климата, — не могут быть осмыслены в рамках одной лишь археологии и требуют проведения фундаментальных междисциплинарных исследований.

Тем не менее, принимая во внимание тот факт, что основные имеющиеся источники ограничиваются главным образом погребениями, и отдавая себе отчет в том, что данное обстоятельство требует критического подхода, попытаемся выделить основные тенденции с учетом сегодняшнего уровня знаний о европейских культурах III тыс. до н. э. Выявление таких общих тенденций возможно лишь на основе систематизации или классификации ключевых культурных элементов, представленных на региональном, межрегиональном и континентальном уровне. От того, на каком уровне они оказываются представленными, зависит и их значимость в системе научного описания. Здесь можно выделить три категории.

1. Общие признаки

Погребение отдельных индивидуумов; подкурганые и грунтовые погребения; скорченное положение тела; дифференциация погребального инвентаря по гендерному принципу. Эти элементы присутствуют во всех упомянутых выше культурных общностях. С археологической точки зрения можно констатировать наличие в Европе III тыс. до н. э. тенденции к единообразию отдельных внешних форм культуры, что указывает на наличие развитой социальной дифференциации.

2. Региональные признаки

Катакомбные погребения; труположение на спине, с согнутыми ногами; труположение на боку, с согнутыми ногами; характерная керамика; противоположное распо-

ложения и Umwelt sowie Klima auf archäologischem Weg allein nicht gelöst werden können und einer grundsätzlichen interdisziplinären Überprüfung bedürfen.

Nichtsdestotrotz sei die Frage gestellt, welche Entwicklungstendenzen das derzeitige Wissen über die europäischen Kulturen des 3. Jahrtausends zulässt, auch wenn die Quellenbasis vornehmlich auf Bestattungen beschränkt ist und daher nur sehr kritisch ausgewertet werden kann. Dies muss von einer Systematisierung bzw. Klassifizierung der ausschlaggebenden Kulturelemente ausgehen, die auf regionaler, überregionaler und kontinentaler Ebene zu fassen sind. Davon, in welcher Ebene sie auftreten, ist großteils auch ihre wissenschaftliche Aussagekraft abhängig. Sie lassen sich in drei Kategorien gliedern:

1. Gemeinsamkeiten

Körperbestattung einzelner Individuen, Hügel- und Flachgräber, Hockposition und geschlechtsdifferenzierte Beigabensitten. Diese Elemente gibt es in allen hier behandelten Kultureinheiten. Archäologisch betrachtet lässt sich für das Europa des 3. Jahrtausends eine Vereinheitlichung im kulturellen Erscheinungsbild feststellen, die auf eine fortgeschrittene Sozialdifferenzierung hindeutet.

2. Regionale Merkmale

Katakombengräber, gehockte Rückenlage, gehockte Seitenlage, charakteristische Keramik, geschlechtsdifferenzierte Positionierung, Ausrichtung der Toten und Ockerstreuung. Es sind spezifische Merkmale, die sich regelmäßig auf regionalen und überregionalen Ebenen finden lassen und jede einzelne der vier behandelten Kulturen charakterisieren. Wenn einzelne dieser Merkmale außerhalb des eigentlichen Verbreitungsgebiets auftreten, ist das ein Zeichen für Einflüsse im Sinne eines Wissens- oder Ideentransfers. Handelt es sich gar um mehrere Elemente außerhalb des eigentlichen geokulturellen Verbreitungsgebiets, ist das ein bedeutender Hinweis auf eine massive, wahrscheinlich von größeren Bevölkerungsteilen getragene Expansion in breiterem, kontinentalem Rahmen.

3. Lokalspezifische Elemente

Charakteristika im Bestattungsritus und Beigabenrepertoire, die auf einen regionalen Kontext begrenzt sind, kennzeichnen lokale Gruppierungen, wie sie in allen diesen Kulturen existieren. Diese dritte Kategorie ist besonders wichtig, denn sie zeigt, dass keine von den großen Einheiten eine in sich geschlossene Kultur darstellt, sondern aus mehreren Gruppen zusammengesetzt ist, die jeweils eine mehr oder weniger miteinander verbundene Koine darstellen. Treten lokalspezifische Elemente im überregionalen Rahmen auf, verweisen sie auf Interaktionen innerhalb der Koine, während ihr Vorkommen auf dem gesamten Kontinent auf Handelsverbindungen oder ideologisch bzw. modisch bedingte Nachahmungen hindeutet.

Der relativ hohe Anteil von Gemeinsamkeiten (Kategorie 1) in allen vier Zivilisationen spricht für ein vergleichbar hohes, gemeinsames Niveau der geistigen und materiellen Kultur. Doch erlauben es regionale Unterschiede (Kategorie 2), zwei große Zonen klar voneinander zu trennen: eine nordwestliche mit Schnurkeramik- und Glockenbecherkultur und eine südöstliche mit Grubengrab- und Katakombengrabkultur. Die beiden nordwestlichen Kulturen sind durch eine sozial ausgereifte Struktur gekennzeichnet (geschlechtsdifferenzierte Totenlage und aufwendige Beigaben, unter denen sich auch Kombinationen finden, die für eine Kriegerausrüstung sprechen). Die Grubengrab- und Katakombengrabkultur hingegen fällt durch einen uniformen Bestattungsritus (Hügelgräber, kanonisierte Grab-

жение тел у мужчин и женщин; ориентирование тела по той или иной оси, соотношенной со сторонами света; посыпка тела охрой. Перечисленные признаки относятся к специфическим характеристиками, которые регулярно встречаются на региональном и межрегиональном уровне и присущи всем четырем типам описываемых культурных общностей. Если отдельные признаки из указанных выше обнаруживаются за пределами основного ареала, то в этом случае можно говорить о влиянии в рамках общего процесса трансфера идей и знаний. Если же речь идет о появлении целого ряда элементов за пределами данного конкретного геополитического пространства, то это явный признак того, что, вероятно, мы имеем дело с более масштабной экспансией значительной части населения на более широком, континентальном пространстве.

3. Локальные признаки

Характеристика погребальных обрядов и состава погребального инвентаря, имеющих локальную специфику, относится к локальным группам, которые существуют во всех рассматриваемых культурах. Эта третья категория представляется крайне важной, поскольку она показывает, что все крупные культурные общности не являются замкнутыми системами, но складываются из множества отдельных групп, каждая из которых соотносена в большей или меньшей степени с другими. Если локальные признаки проявляются на межрегиональном уровне, то это свидетельствует о взаимодействии внутри данной крупной общности, если же они обнаруживаются на всем континенте, то это скорее свидетельствует о наличии торговых отношений или о подражаниях, обусловленных модой или идеологией.

Относительно большое количество общих признаков (категория 1), свойственных всем четырем культурным общностям, говорит о довольно высоком общем уровне духовной и материальной культуры. При этом, однако, региональные признаки (категория 2) позволяют выделить две крупные зоны, которые явно отличаются друг от друга: северо-западная зона с культурой шнуровой керамики и культурой колоколовидных кубков и юго-восточная зона с ямной и катакомбной культурами. Обе северо-западные культуры отличаются развитой социальной структурой, о чем свидетельствуют погребения с разным положением тела для мужчин и женщин, сложный погребальный инвентарь, включающий в себя в некоторых случаях набор таких предметов, которые можно отнести к военному снаряжению. В отличие от этого ямная и катакомбная культуры характеризуются единообразием погребального обряда (подкурганное захоронение, одинаковая конструкция могил и положение тела усопшего, посыпка охрой) и скромным погребальным инвентарем, состав которого определяется в значительной мере локальной спецификой.

В процессе своего развития все эти культуры обнаруживают ярко выраженную прогрессирующую тенденцию к экспансии. Культуры шнуровой керамики и колоколовидных кубков распространялись при этом в самых разных ландшафтных областях, по всей юго-западной, западной, центральной и северо-восточной части Европы, тогда как степные культуры остались в пределах той ландшафтной полосы, которой они обязаны своим названием, то есть распространялись в степных районах от Каспийского моря до Восточной Паннонии. Если между отдельными культурами внутри обеих выделенных зон, то есть между культурой шнуровой керамики и культурой колоколовидных кубков, с одной стороны, и ямной культурой и катакомбной куль-

Илл. 6. Погребение из Норд-Эгельна, Саксен-Ангальт, Германия

(по: Hansen 2010-I)

Abb. 6. Der Grabfund von Egel, Sachsen-Anhalt, Deutschland (nach Hansen 2010-I)

konstruktionen und Totenlage, Ockerstreuung) und ein bescheidenes, manchmal stark lokal geprägtes Beigabenrepertoire auf.

Im Laufe ihrer Entwicklung ist für alle diese Einheiten eine progressive starke Expansionstendenz zu beobachten. Die Schnurkeramik- und Glockenbecherkulturen breiteten sich dabei in verschiedenen Naturräumen im ganzen südwestlichen, westlichen, mittleren und nordöstlichen Teil Europas aus, während die Steppenkulturen auf ihrem namensgebenden Naturraum, d.h. die Steppen und steppenartigen Gebieten vom Kaspischen Meer bis nach Ostpannonien begrenzt blieben. Während innerhalb der beiden genannten Zonen, d. h. zwischen der Schnurkeramik- und Glockenbecherkultur einerseits und der Grubengrab- und Katakombengrabkultur andererseits, starke kulturgenetische Verbindungen und Wechselbeziehungen zu verzeichnen sind, sind solche Kulturkontakte über den Zonenrahmen hinaus sehr stark begrenzt und nur im Bereich des Waren- und Ideologietausches fassbar (unsere dritte Elementkategorie). Ein Beispiel dafür ist der nicht keramische Teil des Beigabensets eines Grabes der Schnurkeramik aus Nord-Egeln in Sachsen-Anhalt, der ein typisches Muster der Grubengrabkultur zeigt (Hansen 2010-I. S. 38) (Abb. 6). Trapezförmige Metallpfieme, wie sie in Nord-Egeln geborgen wurden, kennt man aus mehreren Schnurkeramik- und Glockenbechergräbern in Deutschland, Mähren und Polen, aber sie stellen eines der wenigen Artefakte dar, die typisch für die Grubengrabkultur und zu einer allgemeinen, wahrscheinlich einer Modeerscheinung in diesem Kulturkreis geworden sind (Govedarica 2004-II. S. 59). In umgekehrter Richtung sind manche schnurkeramische Gefäße

турой, с другой стороны, существовали прочные культурно-генетические связи и взаимовлияние, то культурные контакты за рамками выделенных зон были весьма ограниченными и затрагивали только область обмена товарами и идеологиями (категория 3). Примером тому может служить не относящаяся к керамике часть инвентаря погребения культуры шнуровой керамики из Норд-Эгельна, Саксен-Ангальт, в составе которого обнаружены типичные образцы ямной культуры (ил. 6; Hansen 2010-I. S. 38). Трапециевидные металлические шила, представленные среди находок в Норд-Эгельне, известны по многочисленным погребениям культуры шнуровой керамики и колоколовидных кубков из Германии, Моравии и Польши. Вместе с тем они принадлежат к немногочисленным артефактам, которые относятся к типичным признакам ямной культуры и которые стали общим, вероятно, модным явлением в этом культурном ареале (Govedarica 2004-II. S. 59). Сходным образом в степных районах встречаются сосуды, характерные для культуры шнуровой керамики (Kaiser 2003. S. 321f.). Примером континентального распространения региональных признаков (категория 2) могут служить погребения в нишах краково-сандомирской группы культуры шнуровой керамики (Machnik 1969. S. 238), которые к настоящему моменту представляют собой единичный, локальный случай взаимодействия катакомбной культуры с другой зоной. Насколько катакомбное погребение, обнаруженное в Вучедоле (Юго-Восточная Паннония), хронологически и культурно связано с одноименной степной культурой, остается пока не вполне ясным (Kaiser 2003. S. 316–318). То же самое относится к подкурганным погребениям на территории Центральных Балкан и Адриатики, которые первоначально были отнесены к ямной культуре, а затем причислены к другой культурной традиции (ср.: Heyd 2011. P. 541; Govedarica 1989. S. 211ff.).

im Steppengebiet anzutreffen (Kaiser 2003. S. 321f.). Als ein Beispiel eines kontinentalen Auftritts von Einzelmerkmalen unserer zweiten Elementkategorie können die Nischengräber der Kraków-Sandomierz-Gruppe der Schnurkeramik angeführt werden (Machnik 1969. S. 238), die bisher die einzigen, ziemlich isolierten und mageren Hinweise für transzonale Beziehungen der Katakombengrabkultur darstellen. Inwieweit das Katakombengrab, das auf dem Burgberg von Vučedol (Südostpannonien) freigelegt wurde, in kulturellem oder chronologischem Zusammenhang mit der gleichnamigen Steppenkultur steht, bleibt fraglich (Kaiser 2003. S. 316–318). Das gleiche gilt für die ersten Hügelgräber im Zentralbalkan und an der Adria, die ursprünglich der Grubengrabkultur zugeschrieben wurden, aber wohl doch in eine andere Tradition zu stellen sind (vgl. Heyd 2011. P. 541; Govedarica 1989. S. 211ff.).

Андрей Мазуркевич Лесная зона Восточной Европы в конце IV — начале II тыс. до н. э.

Andrej Mazurkevich Das Waldgebiet in Osteuropa am Ende des 4. — Beginn des 2. Jahrtausends v. Chr.

Обращение к памятникам лесной зоны Восточной Европы в контексте эпохи бронзы вполне закономерно. Огромные европейские пространства не состояли в древности, как это нам часто представляется, из изолированных территорий на которых проживали замкнувшиеся в себе социумы. Все это пространство было пронизано торговыми и культурными связями. Следы этих контактов, миграций мы можем восстановить, анализируя археологические находки на европейских просторах.

В конце IV тыс. до н. э. в верховьях реки Западная Двина сложилась уникальная культура строителей озерных свайных поселений. Как и в Западной Европе, в приальпийской зоне, по заболоченным берегам озер стали возникать свайные поселки, которые занимали наиболее оптимальные ландшафтные участки местности для своей разносторонней хозяйственной деятельности (ил. 1). Поселки строились в прибрежной болотистой полосе озер, на границе широколиственных лесов с сосновыми борами. Такое расположение позволяло одновременно и круглогодично вести весьма эффективно охоту на лося, медведя, кабана, заниматься рыбной ловлей и собирательством съедобных и лекарственных растений, а также растений, из которых получали волокно и органические красители. Начиная со второй половины IV тыс. до н. э. западные области лесной зоны Восточной Европы испытывали постоянное влияние со стороны среднеевропейских культур с производящим хозяйством. Древнее население постепенно осваивало новые хозяйственные стратегии — земледелие и скотоводство. Столь удачное сочетание промыслов и значительные природные богатства выбранных мест позволяли долгое время сохранять комплексное хозяйство, основанное на эффективном присваивающем хозяйстве.

Появление свайных поселений происходит в момент серьезной климатической перестройки на рубеже атлантического и суббореального климатических периодов. Климат становится более прохладным, в озерах и реках уменьшается уровень воды (минимум на 2,5 м ниже современного), литоральная часть озер зарастает и заболачивается, сокращается водное зеркало. Продуктивность озер и, вероятно, всей экологической ниши уменьшается. Поэтому появление свайных поселков можно рассматривать как форму адаптации к окружающей среде, возникающую синхронно и конвергентно в сходных ландшафтных условиях на территории Средней и Восточной Европы.

Многолетние раскопки торфяников и подводные исследования свайных поселений позволяют представить устройство этих поселков следующим образом. Постройки

Видя, что бронза в Европе рассматривается, как это и неизбежно, также на археологические памятники в лесной зоне Восточной Европы. Восточная Европа не была изолирована от остальной Европы. Широкие пространства Европы в древности не представляли собой изолированных территорий, на которых проживали замкнувшиеся в себе социумы. Все это пространство было пронизано торговыми и культурными связями. Следы этих контактов, миграций мы можем восстановить, анализируя археологические находки на европейских просторах.

Am Ende des 4. Jahrtausends v. Chr. hatte sich am Oberlauf der Zapadnaja Dvina eine einmalige Kultur herausgebildet, deren Träger an Seen Pfahlbausiedlungen anlegten. Wie in Westeuropa im Voralpengebiet entstanden sie an den sumpfigen Ufern der Seen (Abb. 1). Die topographische Lage war optimal für eine komplexe Wirtschaft, befanden sich die Siedlungen doch einerseits im ufernahen Sumpfstreifen, andererseits aber auch am Rand der gemäßigten Laubwälder mit Kiefernbestand. Dadurch konnten die Menschen das ganze Jahr über auf Elch-, Bären- und Wildschweinjagd gehen, Fische fangen sowie essbare und heilende Pflanzen sammeln; auch Pflanzen, aus denen sie Fasern und organische Färbstoffe gewannen, standen ihnen hier zur Verfügung. Mit dem Beginn der zweiten Hälfte des 4. Jahrtausends v. Chr. gerieten die westlichen Bereiche des Waldgebiets in Osteuropa unter den anhaltenden Einfluss mitteleuropäischer Kulturen mit produzierender Wirtschaft. Nach und nach eignete sich die alte Bevölkerung neue Wirtschaftsformen wie Ackerbau und Viehzucht an. Diese glückliche Kombination der Wirtschaftszweige sowie der ungeheure natürliche Reichtum ihrer ökologischen Nischen erlaubte es ihnen, über einen langen Zeitraum eine komplexe Wirtschaft aufrechtzuerhalten, die Tätigkeiten des Jagens, Sammelns und Fischfangs einbezog. Das Aufkommen der Pfahlbausiedlungen ist zu einer Zeit tief greifender klimatischer Veränderungen beim Übergang vom atlantischen zum subborealen Klima anzusetzen. Es wurde deutlich kälter, in den Seen und Flüssen sank der Wasserstand (er lag mindestens 2,5 m unter dem heutigen Stand). Der Wasserspiegel der Seen sank und es bildeten sich Sumpffzonen. Die Erträge aus den Gewässern und wohl auch der ökologischen Nische insgesamt verringerten sich. Insofern kann das Aufkommen von Pfahlbausiedlungen als Form der Anpassung an die Umwelt interpretiert werden, die zeitgleich und konvergent in Räumen mit ähnlichen Landschaftsbedingungen in ganz Mittel- und Osteuropa zu beobachten ist.

Mehrjährige Grabungskampagnen im Torfmoor sowie unterwasserarcheologische Untersuchungen der Pfahlbausiedlungen gestatten heute eine Rekonstruktion ihres Aufbaus. Die

Ил. 1. Вид на заболоченное озеро, где располагались в древности свайные поселения
Abb. 1. Ansicht des versumpften Sees, wo sich im Altertum Pfahlbausiedlungen befanden

Häuser bestanden aus einem rechteckigen Podest (ca. 7,0 x 4,5 m), das mit Schnüren an den Pfählen befestigt wurde; Überreste dieser aus den Wurzelstöcken von Heidelbeeren und Lindenbast hergestellten Schnüre fanden sich noch häufig an den Pfählen. Ferner dienten zur Befestigung von unten Baumstämme mit Astgabeln. Das Podest selbst setzte sich aus Balken mit einem Durchmesser von 9–12 cm zusammen, die an der W-O-Linie ausgerichtet waren. Quer auf den Balken lagen dicht aneinander gefügt Stangen (Dm. 5–8 cm). Auf diesen

standen sich senkrecht ausgelegt unentriete Spalthölzer aus Kiefer mit einer Dicke von ca. 6 cm. Sie wurden von einer Moosschicht abgedeckt, die ihrerseits bis zu 8 cm dick sein konnte und mit grobkörnigem, weißem Sand bestreut wurde. Der Sand war mit kleinen Kohlestücken, kalzinierten Knochen, Feuersteinabschlägen und Scherben angereichert. In dieser Sandschicht ließen sich die Einbuchtungen von Töpfen erkennen, ferner enthielt sie eine große Menge Tierknochen und Fischgräten, die teilweise Brandspuren erkennen ließen, weiterhin kleine Abschläge, ein Anhänger aus einem Bärenzahn, ein knieförmiges Griffstück aus Eiche für eine Axt sowie das Fragment eines Löffels aus Ahorn. Am Nord-Ost-Ende wurden Schnurfragmente entdeckt, die aus Heidelbeerwurzeln und Lindenbast geflochten waren. Einige große, im Kreis ausgelegte Steine bildeten die Herdstelle, die einen Durchmesser von 53 cm hatte. Am Rand der Sandaufschüttung für den Herd wurden die unteren Teile von zwei Gefäßen, die Überreste eines aus zwei dreieckigen Bernsteinanhängern bestehenden Halsschmucks (Kat. Nr. 40.1.1, 40.1.2), der Schneidezahn eines Elchs und Zungenbeine von Elchen (Kat. Nr. 40.1.4) entdeckt. Im Nachbarhaus wurde im Bereich der Herdstelle ein zoomorpher Anhänger freigelegt (Kat. Nr. 40.3.1). Das recht beachtliche Gewicht der Sandaufschüttungen für den Herd machte immer wieder Ausbesserungen am Boden um die Herdstelle herum nötig. Bei Grabungen trifft man hier auf Sandablagerungen voller Kohlestücke, verbrannter Knochen, Gräten und Tierknochen, Scherben von Geschirr sowie Überreste von aus Feuerstein und Knochen gefertigten Waffen, zwischen deren Schichten Überreste der Fußböden aus Stangenholz zu finden sind.

Bei einigen Pfählen handelte es sich um Wandpfosten aus entasteten Stämmen (Abb. 2), die in großer Menge erhalten waren und in Reihen lagen. Für diese Pfosten wurden Baumstämme mit einem Durchmesser von zwischen 8 und 20 cm gewählt. Die stärkeren Pfosten konzentrierten sich hauptsächlich auf die Ecken der Böden, dazwischen waren schmalere Pfostenpaare eingelassen. Bereiche, auf denen die Sandschicht unter dem Herd lagerte, wurden zusätzlich mit Stützen und Pfosten gesichert. Als Pfähle wurden in der Regel Stämme von Fichten und

sostояли из прямоугольных помостов размером приблизительно 7 x 4,5 м, прикрепленных к сваям с помощью веревок (фрагменты веревок из корневищ черники и липового луба часто находят вдавленными в сваи) и поддерживаемых снизу «рогатыми» сваями. Основание помоста составляли бревна диаметром около 9–12 см, ориентированные по линии запад — восток. На бревна, поперечно им, были плотно уложены жерди диаметром 5–8 см. Поверх, перпендикулярно жердям, положены неокоренные сосновые плашки толщиной около 6 см. Сверху лежал пласт мха, который был присыпан крупнозернистым белым песком — толщина его слоя достигала 8 см. Песок был насыщен мелкими угольками, кальцинированными косточками, кремневыми отщепами и чешуйками. На слое песка обнаружены осколки глиняных горшков, большое количество костей животных и рыб (часть из них со следами пребывания в огне), мелкие отщепы, подвеска из клыка медведя, коленчатая дубовая рукоять-топорище, фрагмент кленовой ложки. У северо-восточной оконечности одного из настилов найдены фрагменты веревок, сплетенных из корневища черники и липового лыка. Очаг был сложен из крупных камней, выложенных по кругу диаметром около 53 см. На краю очажной подсыпки найдены придонные части от двух сосудов, остатки ожерелья, состоящего из двух янтарных подвесок треугольной формы (кат. 40.1.1, 40.1.2), резца и подъязычных костей лося (кат. 40.1.4). В очажной зоне соседней постройки была найдена зооморфная подвеска (кат. 40.3.1). Песчаные подсыпки имели значительный вес, и это приводило к частым ремонтам очажной зоны настила. При раскопках это выглядит как скопление песка, насыщенное угольками, жжеными костями рыб и животных, фрагментами посуды, кремневых и костяных орудий и залегающее несколькими слоями, которые разделяют остатки деревянных полов из жердей и коры.

Ил. 2. Раскопки свайной постройки № 1 (подводная съемка).

Свайное поселение Сертея II

Abb. 2. Ausgrabungen des Pfählbaus Nr. 1 (Unterwasseraufnahme).
Pfählbau Serteja II

стве свай-столбов выбирались стволы деревьев диаметром от 8 до 20 см и более. Свай-столбы больших диаметров концентрировались в основном по углам настилов, а между ними, по периметру, — спаренные столбы меньших диаметров. Особенно усиливались подпорками и столбами-сваями участки, на которых располагались песчаные подсыпки под очаги. Для свай в основном использовались стволы ели и ясеня, реже — сосны, вяза, клена, дуба, ивы, липы, березы, тополя. В культурных слоях обнаружены фрагменты кровельных желобов и плах с боковым упором для устройства полов, а также детали балок с гнездами-отверстиями. Жилые платформы окружены мусорными кучами, по периметру которых полукругом фиксируются столбы. Они образовались после того, как распались плетеные корзины, в которые складывался мусор. Фрагменты корзин (ил. 3) зафиксированы в основании мусорных куч. Характер куч свидетельствует о том, что в период накопления они подтапливались, а размывались в более позднее время, когда уровень воды в водоемах повышался и жилые постройки переносились на более сухие и высокие участки местности. В мусорном завале среди кухонных отходов сохранились скорлупа водяных орехов и желудей, кости животных и рыб, створки беззубки, фрагменты посуды, кремневые отщепы; найден фрагмент сети из корневища черники, прикрепленный к калиновому колу.

Культурный слой, как правило, огибает остатки постройки с южной стороны. Такое размещение культурных остатков, мусора позволяет предположить, что вход-выход в постройки располагался именно с этой стороны.

Eschen genutzt, seltener von Kiefern, Ulmen, Ahornbäumen, Eichen, Weiden, Linden, Birken oder Pappeln. Die Nutzungsschichten enthielten zudem Fragmente von Dachrinnen, von Klötzchen mit seitlicher Stütze für die Errichtung des Bodens und von Balken mit Aussparungen. Die Böden der Häuser umgaben Müllhaufen, um die herum sich im Halbkreis aufgestellte Pfosten feststellen ließen. Die Müllberge waren entstanden, nachdem die Flechtkörbe zerfallen waren, in denen der Müll zuvor gesammelt worden war. Fragmente dieser Körbe (Abb. 3) ließen sich noch am Boden der Müllansammlungen feststellen. Die Beschaffenheit des Mülls zeugte davon, dass er sich in der Zeit, in der er gesammelt wurde, mit Wasser vollgesogen hatte, dann aber, als der Wasserstand in den Seen stieg und die Häuser in trockenere und höher gelegene Abschnitte verlagert werden mussten, förmlich explodierte. In den Siedlungsgruben fanden sich neben Schalen von Wassernüssen und Eichel, Tierknochen, Gräten, Schalen von Teichmuscheln, Scherben von Geschirr und Fragmenten von Feuersteinabschlägen auch Küchenabfälle sowie das Fragment eines Netzes Heidelbeerwurzeln, das an dem Ast eines Schneeballbaums befestigt war.

Die Fundansammlung konzentrierte sich jeweils auf die Südseite der Hausüberreste. Das lässt hier den Ein- bzw. Ausgang vermuten.

Aus den Pfahlbausiedlungen stammen Keramikgefäße (Kat. Nr. 38.1.7, 38.1.8, 39.11–39.14, 40.2.1–40.2.3), Werkzeuge aus Feuerstein, Knochen, Horn (Kat. Nr. 39.17, 41.1.2) und Holz, Löffel, Axtstiele sowie Spitzen von Pfeilen, Lanzen und Harpunen. Von besonderem Interesse sind dabei die Holzobjekte, die von Rudern, Schaufeln sowie einem Ski und einer Schlittenkufe, außerdem von Kellen, einer Schale und weiteren Holzgefäßen (Kat. Nr. 38.1.5, 39.22) stammen. Der Griff eines Ruders war mit zwei Entenköpfen geschmückt und hatte ein langes, spitzes Blatt (Kat. Nr. 38.1.19). Solche Riemen eigneten sich gut für die Fortbewegung in zugewachsenen Gewässern. Unter den Funden befand sich auch der älteste bekannte Ski. Er war aus Esche gefertigt, ließ im Unterschied zu modernen Stücken jedoch keine Rille zur Steuerung erkennen, wies dafür aber genau wie die heutigen Exemplare bereits die charakteristische Kante an der Stelle der Befestigung auf (Kat. Nr. 41.2.1). Unsere Vorfahren zeigten sich bestens mit den Eigenschaften der unterschiedlichen Holzarten vertraut und berücksichtigten diese bei der Herstellung von Holzgegenständen. Die knieförmigen Axtgriffe wurden aus Eiche gefertigt, die Muffen zur Befestigung der eigentlichen Äxte aus Esche, die im Vergleich zur Eiche stabiler und fester war. Die kleinen „Hacken“ aus Eiche ließen noch Spuren von der Befestigung eines Hiebwerkzeugs erkennen. Schaufeln wurden aus Eiche gefertigt, Ruder aus Ahorn, dem stabilsten und festesten Holz überhaupt. „Klopfer“ bestanden aus Esche, Eiche oder Ahorn. Die genaue Funktion dieser Stücke ist bislang noch unklar, doch vermutet man, sie seien benutzt worden, um Nüsse zu knacken. Große Schalen und Kellen wurden in Esche ausgeführt, für kleinere Kellen bzw. Schalen, aber auch für Löffel und Spachtel wählte man dagegen Ahorn. Die Fragmente, die Bögen zugesprochen wurden, bestanden aus Haselnuss, Esche und Kiefer. Alle bekannten Pfeilspitzen wurden ebenfalls aus Kiefer hergestellt. Kienspäne fanden auch beim Fischfang Verwendung, beispielsweise zusammen mit unent-rindeten Haselzweigen für eine Fischreuse. Fischfangnetze wurden aus Wacholder- oder Heidelbeerwurzeln angefertigt. Das Netz bestand aus einem einzigen Faden; dieser wurde vorab um eine feste Unterlage gewickelt und dann noch einmal gedreht, bevor man schließlich das Netz daraus knüpfte. Die Netzmaschen hatten eine Standardgröße von 4,5 x 4,5 cm. Die Netze wurden an einem Ast des Schneeballbaums befestigt. Die Netz-

Среди материалов свайных поселений — глиняные сосуды (кат. 38.1.7, 38.1.8, 39.11–39.14, 40.2.1–40.2.3); кремневые, костяные, роговые и деревянные орудия (кат. 39.17, 41.1.2); ложки, топорича, наконечники стрел, копий и острог. Особый интерес представляют деревянные предметы: весла, лопаты, фрагменты лыжи, санного полоза и деревянная посуда — ковши, блюдо (кат. 38.1.5, 39.22). Рукоять весла украшена изображениями двух утиных голов и имела длинную острую лопасть (кат. 38.1.19). Такого типа весла были удобны для передвижения в зарастающих водоемах. Среди находок — одна из древнейших лыж, изготовленная из ясеня, в отличие от современных лыж не имеющая направляющего желобка, но с характерным, как и в наши дни, сломом в месте крепления (кат. 41.2.1). Наши предки отлично знали свойства разных пород древесины и учитывали их при изготов-

Ил. 3. Фрагмент дна корзины (подводная съемка).

Свайное поселение Сертея II

Abb. 3. Fragment eines Korbbodens (Unterwasseraufnahme).
Pfählbau Serteja II

лении деревянных предметов. Коленчатые рукояти для топоров изготовлены из дуба, а муфты для крепления самих топоров — из ясеня, более прочного и упругого по сравнению с дубом. «Мотыжки», сделанные из дуба, имеют следы от крепления к ним рубящих орудий. Лопаты вырезаны из дуба. В отличие от лопат весла изготавливались из клена (прочной и упругой древесины). «Колотушки» делали из ясеня, дуба и клена. Назначение их установить пока не удалось, но наиболее распространено мнение, что их использовали для раскалывания орехов. Большие блюда и ковши сделаны из ясеня. Для небольших ковшей-чаш, а также для ложек и ложек-лопаточек использовался клен. Предполагаемые фрагменты луков изготовлены из лещины, ясеня и сосны. Все известные наконечники стрел сделаны из сосны. Сосновые лучины использовались в рыболовных приспособлениях типа верши вместе с неокоренными прутьями лещины, из которой был сделан каркас. Рыболовные сети изготавливались из корней можжевельника или корневищ черники. Они плелись из одной нитки, предварительно накрученной на твердую основу и затем скрученной. Размер ячеи-сетки стандартный — 4,5 x 4,5 см. Сети крепились к кольям из древесины калины. Для грузил использовалась береста, которой оплетали камень или керамику и крепили к можжевеловому кольцу. Известен и другой способ изготовления грузил: из бересты плелись мешочки, заполненные песком и

beschwerer bestanden aus Stein oder Keramikscherven, die man mit Rinde umwickelte und an einem Wacholderring befestigte. Es gab jedoch noch eine andere Möglichkeit bekannt, Netzbeschwerer herzustellen. Dafür wurde aus Rinde ein kleiner Sack geflochten, der dann mit Sand gefüllt und mit einer feinen Schnur aus Heidelbeerwurzeln zusammengebunden wurde. Dicke Seile, die für den Hausbau genutzt wurden, bestanden ebenfalls aus Heidelbeerwurzeln die mit Lindenbast verflochten waren.

Kulturelle Beziehungen unterschiedlichster Art ließen sich in der Mitte des 3. Jahrtausends v. Chr. zur Balkan-Karpaten-Region nachweisen. Analogien gibt es bei der Keramik, Gefäßen mit flachem spitzen oder gerundetem Boden sowie Standfüßen. Neben Gefäßen gab es auch Kellen mit rundem Boden und breitem randständigem Griff (Kat. Nr. 39.6), eine Form, die für das Waldgebiet Osteuropas völlig untypisch ist. Ferner begegneten Stempel aus Ton (Kat. Nr. 39.4), die Parallelen in den frühen Ackerbauzivilisationen vom Balkan und im Nahen Osten besitzen.

In den Pfahlbausiedlungen im Gebiet zwischen der Lovat und der Dvina waren zu Beginn des 3. Jahrtausends v. Chr. Dolche aus Feuerstein verbreitet, die aus langen Klingen hergestellt worden waren (Kat. Nr. 38.1.9, 40.5.1). Für die Mitte des 3. Jahrtausends v. Chr. waren dagegen kurze Dolche mit Griffzunge charakteristisch. Die Chronologie dieser Dolchtypen stimmt mit derjenigen in Mitteleuropa überein, vermutlich ist dies als Folge entsprechender Kontakte zu interpretieren. In dieser Zeit fanden auch Streitaxte Verbreitung.

Träger verschiedener westeuropäischer Kulturen kamen zu unterschiedlichen Zeiten in den westlichen Teil des Waldgebiets Osteuropas, aller Wahrscheinlichkeit nach in „Migrationswellen“. In diesem Teil des Waldgebiets passte sich die eingewanderte Bevölkerung recht gut an die Bedingungen vor Ort an. Archäologisch lässt sich das an der materiellen Kultur ablesen, fanden sich doch nunmehr Zeugnisse der Trichterbecherkultur (Abb. 4), der Kugelamphoren-Kultur und der Schnurkeramischen Kultur (Kat. Nr. 43.1–43.3), darüber hinaus gab es Bestattungen und Gräberfelder, die den beiden letztgenannten Kulturen entsprechen. In besonders starkem Maß drangen Träger der Schnurkeramischen Kultur von der Mitte des 3. Jahrtausends v. Chr. an nach Osten vor, was sich vornehmlich an zahlreichen Funden unterschiedlicher Streitaxttypen erkennen lässt (Kat. Nr. 44–48); hinzu kommen in den Siedlungen Funde von Imitaten der Machtsignien dieser Kultur, die aus spröden Gesteinsarten gefertigt wurden, so zum Beispiel aus Gneis (Kat. Nr. 40.1.9).

Mit dem Vordringen der Träger der Kugelamphorenkultur und der Schnurkeramischen Kultur verbunden ist die Anlage von Schächten, die dem Abbau von Feuerstein dienten und am linken Ufer des Ros lagen, in der Nähe der Siedlung Krasnoselskoe (Republik Belarus). Die Schächte wurden in eiszeitlichen Kreideablagerungen angelegt. Insgesamt kennt man 678 Schächte, von denen 225 untersucht worden sind. Ihre Tiefe überstieg nie 6 m, der Durchmesser im oberen Teil betrug ca. 1,5–1,6 m, der im unteren nicht mehr als 0,8 m. Die Schachtform hing von der Lage der Feuersteinknollen ab. Der Feuerstein konnte nur in der trockenen Jahreszeit abgebaut werden, also nur im Sommer, wenn die Kreide relativ trocken und nicht aufgeweicht war. Die Schächte verfügten über Nischen, einige waren durch Strecken miteinander verbunden. Suchschächte wurden ebenfalls entdeckt. An den Wänden der Schächte und Kammern ließen sich Ruß von Kienspanleuchten, Spuren von Werkzeugen und Aussparungen für Holzpfähle erkennen. In den Schächten selbst fand sich Bergmannsgerät aus Knochen und Geweih von Rothirschen (Kat. Nr. 230). Eine Bestattung in einem Schacht und in der Nähe gefundene Keramikscherven

обмотанные по краям тонкой веревкой из корневища черники. Толстые веревки, которые использовались в строительстве, были сделаны из корневища черники, переплетенной с липовым лыком.

Имеются свидетельства различных культурных связей с Балкано-Карпатским регионом в середине III тыс. до н. э. Это прежде всего сосуды с плоскими днищами и поддонами, сосуды остродонные или с уплощенным дном и имитацией поддонов. Появляются глиняные сосуды — ковши с круглым дном и широкой ручкой, крепившейся к венчику (кат. 39.6). Такой тип посуды совершенно не характерен для лесной зоны Восточной Европы. Встречаются глиняные печати (кат. 39.4), аналогичные печатям раннеземледельческих цивилизаций Балкан и Ближнего Востока.

В среде строителей свайных поселений Ловатско-Двинского междуречья в начале III тыс. до н. э. распространились кремневые кинжалы, выполненные на длинных пластинах (кат. 38.1.9, 40.5.1), а в середине III тыс. до н. э. — короткие черешковые кинжалы. Хронология этих типов кинжалов совпадает с хронологией аналогичных видов оружия на территории Средней Европы, и, вероятно, их появление следует рассматривать как результат контактов. В это же время происходит и распространение боевых топоров.

Появление в западной части лесной зоны Восточной Европы носителей различных западноевропейских культур происходило в разное время, с разных территорий и, видимо, имело «волновой» характер. Пришлое население вполне успешно адаптировалось в местной среде. Археологически это фиксируется в материальной культуре, содержащей отголоски культур воронковидных кубков (ил. 4), шаровидных амфор и шнуровой керамики (кат. 43.1–43.3), а также в появлении погребений и могильников, соответствующих двум последним культурам. Особенно мощным было продвижение на восток носителей культуры шнуровой керамики начиная с середины III тыс. до н. э. Это подтверждается, в первую очередь, многочисленными находками разнообразных типов боевых топоров (кат. 44–48) и находками на поселениях подражаний этим инсигниям власти, которые сделаны из хрупких пород камня, например из гнейса (кат. 40.1.9).

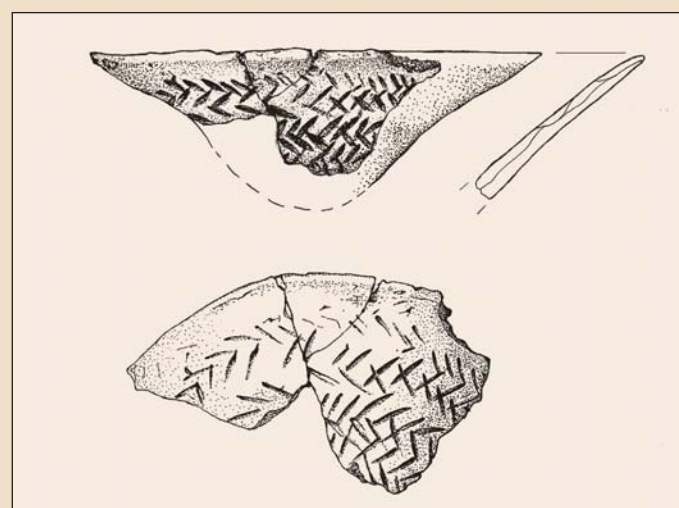
С проникновением носителей культур шаровидных амфор и шнуровой керамики связано начало разработки шахт по добыче кремня, которые располагались на левом берегу реки Рось недалеко от нынешнего поселка Красносельское (Республика Беларусь). Шахты сделаны в меловых линзах, передвинутых ледником. Было выявлено 678 стволов шахт, из которых исследованы 225. Глубина стволов не превышала 6 м, диаметр верхней части был около 1,5–1,6 м, в нижней — не более 0,8 м. Форма шахт зависела от положения кремневых конкреций. Добыча могла производиться в сухое время, то есть летом, когда мел был достаточно сухим и не вязким. Шахты были в виде колодцев с подбоями или нишами. Исследованы также комплексы шахт, соединенных штреками. Найдены и разведочные шахты. На стенах шахт, камер зафиксированы копать от лучин, следы от орудий, отверстий от деревянных колов. В самих шахтах найдены горняцкие орудия, сделанные из костей и рогов благородного оленя (кат. 230). Погребение в одной из шахт, фрагменты керамики, найденные рядом, позволяют предполагать, что этот комплекс могли оставить носители культур шаровидных амфор и шнуровой керамики. Время существования шахт, согласно данным радиоуглеродного анализа, IV — середина II тыс. до н. э. (от 3940–3790 cal BP до 1514–1408 cal BP).

За Валдайской возвышенностью реконструируется иная культурно-историческая ситуация. В Волго-Окском между-

legen die Vermutung nahe, die Schächte könnten von Trägern der Kugelamphorenkultur oder der Schnurkeramischen Kultur erbaut worden sein. Mit ¹⁴C-Datierungen konnte die Nutzungszeit der Schächte mit 3940–3790 bis 1514–1408 cal BP bestimmt werden.

Andere Lebensverhältnisse herrschten auf den Waldaihöhen. Im Gebiet zwischen Wolga und Oka lebten neben Trägern der Volosovo-Kultur auch Viehzüchter der Fatjanovokultur.

Die Volosovo-Kultur entwickelte sich im 4.–3. Jahrtausend v. Chr. im Territorium der oberen Wolga, des Wolga-Oka-Zwischenstromgebiets und des Kama-Gebiets. Es handelte sich um Jäger, Fischer und Sammler. Sie legten dauerhafte Siedlungen an, von denen heute noch Überreste von Erdhütten zeugen, die vielfach mit Gängen untereinander verbunden waren. Im Umkreis der Siedlungen wurden häufig Flachgräberfelder mit ritu-

Илл. 4. Кубок из постройки № 1. Свайное поселение Сертея II
Abb. 4. Becher aus Bau Nr. 1. Pfahlbausiedlung Serteja II

ellen Anlagen entdeckt. Obwohl die Nutzung von Metall und eine produzierende Wirtschaft für die Volosovo-Kultur bislang nicht zuverlässig nachgewiesen werden konnte, wird in der Fachwelt teilweise die Meinung vertreten, es gebe indirekte Beweise, die für beides sprächen. Die Gräberfelder waren in Reihen angelegt und wurden über einen langen Zeitraum hinweg genutzt; vermutlich handelte es sich bei ihnen um Sippenfriedhöfe. Die Toten waren in Rückenlage gebettet, der Kopf — bei einer leichten Abweichung nach Norden oder Süden — nach Osten ausgerichtet. Die Arme ruhten leicht angewinkelt neben dem Rumpf, die Hände lagen auf dem Becken. Die einzigen Beigaben bestanden aus Bernstein- und in einer späteren Nutzungsphase der Gräberfelder auch aus Steinschmuck (Kat. Nr. 50.1–50.20, 51.4). Eine Art Visitenkarte dieser Kultur ist in der Kleinplastik zu sehen, die aus Knochen, Geweih und Feuerstein gefertigt wurde (Kat. Nr. 49.1.1–49.1.3, 49.2.1–49.2.6, 51.1–51.3).

Vorliegende ¹⁴C-Datierung für die Fatjanovostätten erlauben es heute, den Beginn dieser Kultur früher, d.h. in der Mitte des 3. Jahrtausends v. Chr., anzusetzen.

Keramikgefäße aus den Gräbern deuten auf eine heterogene Bevölkerungszusammensetzung der frühen Fatjanovokultur. Der Bevölkerung gehörten Gruppen an, die aus unterschiedlichen Territorien wie dem östlichen Baltikum, dem Gebiet zwischen Dnepr und Desna (Mittel-Dnepr-Kultur), der West-Ukraine und aus Südpolen kamen. Die einzelnen Gruppen unterschieden sich nicht nur durch ihre jeweilige materielle Kultur, sondern auch durch die Zeit ihres Aufkommens. Vermutlich dürfte

речь среди племен волосовской культурно-исторической общности распространяются скотоводческие племена, культура которых получила название «фатьяновская».

Волосовская культурно-историческая общность складывается на рубеже IV и III тыс. до н. э. на территории Верхнего Поволжья, Волго-Очья и Прикамья. Это были племена охотников, рыбаков, собирателей. Они оставили долговременные поселения, состоявшие из полужемлячных жилищ, часто соединенных между собой коридорами — проходами. Рядом с поселениями исследователи часто находят грунтовые могильники с ритуальными сооружениями. Могильники имели рядовую структуру. Они возводились на протяжении длительного времени и, вероятно, были родовыми кладбищами. Скелеты в погребениях ориентированы головой на восток (с небольшими отклонениями к северу или к югу), руки, слегка согнутые в локтях, вытянуты вдоль туловища, а кисти рук лежат на тазе. Инвентарь погребений составляли янтарные украшения одежды, а на более позднем этапе — камни (кат. 50.1–50.20, 51.4).

Своеобразной визитной карточкой этой культуры являются предметы мелкой пластики, сделанные из кости, рога и кремня (кат. 49.1.1–49.1.3, 49.2.1–49.2.6, 51.1–51.3). Достоверных данных об использовании металла и производящего его хозяйства в среде волосовских племен нет, хотя некоторые исследователи, по ряду косвенных свидетельств, допускают такую возможность.

Радиоуглеродные датировки фатьяновских комплексов позволяют отодвинуть начало этой культуры к середине III тыс. до н. э.

Анализ глиняных сосудов, обнаруженных в погребениях, позволил установить, что раннее население фатьяновской культуры по составу было разнородным. Его образовали выходцы с разных территорий: Восточной Прибалтики, Днепро-Деснинского междуречья (среднеднепровская культура), Западной Украины, Южной Польши. Вероятно, эти многочисленные небольшие группы, проникавшие в Волго-Окское междуречье в разное время, и послужили основой для сложения фатьяновской культуры. Ареал этой культуры приходится на современные Ярославскую, Владимирскую, Ивановскую и частично на Московскую и Тверскую области. Распространение на этой территории древних скотоводов не случайно: именно здесь, в нечерноземье, широколиственные леса замечательно сочетаются с открытыми пойменными лугами, необходимыми для выпаса мелкого и крупного рогатого скота. Эти экологические ниши, не очень востребованные местными охотниками и рыбаками, и привлекали сюда фатьяновцев-скотоводов. Взаимоотношения между этими двумя группами были далеко не мирными, о чем, например, свидетельствуют специфические травмы черепов фатьяновцев или наличие убитых аборигенных женщин в фатьяновских могильниках.

На раннем этапе разводился мелкий рогатый скот, а в более позднее время появляется крупный рогатый скот и лошади. Видимо, население со временем теряет мобильность из-за изменения состава стада, что находит отражение в организации крупных родовых могильников, которые существуют на протяжении нескольких поколений. На первом же этапе фиксируются небольшие кладбища (до десяти погребений), которые существуют короткий хронологический период.

Могильники найдены на холмах, сложенных из гравия и морены. Надмогильные сооружения не сохранились, хотя прослеживаются их остатки. Погребения совершались в прямоугольных ямах. Скелеты — на боку или на спине и

es sich um zahlreiche kleinere Verbände gehandelt haben, die in das Wolga-Oka-Zwischenstromgebiet gelangten und dort die Grundlagen für die Herausbildung der Fatjanovokultur legten, selbst wenn das Verbreitungsgebiet dieser Kultur hauptsächlich in den heutigen Regionen Jaroslavl, Vladimir, Ivanovo sowie teilweise in den Regionen Moskau und Tver zu lokalisieren ist. Dies dürfte kein Zufall sein, bot sich den Viehzüchtern doch hier, außerhalb des Schwarzerde-Gürtels, eine einmalige Kombination von lichtigem Laubwald, wobei die Waldränder für Schweinezucht unverzichtbar waren und offenes, teils überflutetes Wiesengelände eine Grasvielfalt bot, die optimal für kleines und mittleres Hornvieh war. Für die lokalen Jäger und Fischer hatten diese ökologischen Nischen keinen besonderen Reiz, die Fatjanovo-Viehzüchter zogen sie jedoch an. Das Verhältnis zwischen diesen beiden Gruppen gestaltete sich bei Weitem nicht immer friedlich; das belegen bestimmte Schädelverletzungen, die bei Skeletten der Fatjanovokultur festgestellt werden konnte, darunter in den Gräberfeldern auch erschlagene weibliche Personen.

In der frühen Phase wurden Schafe oder Ziegen gezüchtet, später kamen Kühe und Pferde dazu. Allmählich dürfte die Bevölkerung ihre Mobilität aufgrund von Veränderungen im Herdenbestand eingebüßt zu haben; darauf deutet die Struktur der großen Sippengräberfelder, die von mehreren Generationen genutzt wurden. In der ersten Phase sind dagegen kleinere Friedhöfe mit bis zu zehn Gräbern typisch, die man nur über einen kurzen Zeitraum nutzte.

Gräberfelder fanden sich auf Hügeln, die von Kies oder Moränen gebildet wurden. Anlagen über den Grabbauten sind nicht erhalten. Die Bestattungen wurden in annähernd rechteckige Gruben eingebracht. Die Skelette waren stets in Seiten- oder Rückenlagerung gebettet. Häufig ließen sich Spuren der inneren Grabkonstruktion erkennen. Den Toten war reiches und vielfältiges Inventar beigegeben, das sich aus verschiedenen Gefäßen (Kat. Nr. 58.1, 63.7–63.9, 64.1.8, 64.1.9, 64.2.9, 64.2.10), Knochenwerkzeugen, Schmuck in Form von Anhängern aus Tierzähnen (Kat. Nr. 63.6), Perlen aus Röhrenknochen (Kat. Nr. 64.2.6), Hammerkopfnadeln (Kat. Nr. 61.1), Staatliches Historisches Museum) und sehr selten auch aus Bernsteinstücken (Kat. Nr. 64.2.5) zusammensetzte. Darüber hinaus enthielten die Gräber Steingeräte in Form von Pfeil- und Lanzenspitzen, Messern bzw. Dolchen und Schabern. Auch durchbohrte so genannte Streitäxte (Kat. Nr. 63.3, 63.4), Beile und Meißel (Kat. Nr. 64.1.1, 64.1.2) wurden gefunden. Die Träger der Fatjanovokultur konnten Kupfer und Bronze, daraus fertigten sie Schmuck wie Anhänger und Armreifen (Kat. Nr. 63.1, 63.2, 64.2.1), aber auch Äxte und Lanzen an. Mitunter lagen in den Gräbern von Männern mehrere Äxte in Behältnissen aus Birkenrinde. Funde von Gussformen in den Gräbern belegen, dass man Metallverarbeitung betrieb.

In den Niederungen von Flüssen oder Seen wurden nur wenige kleine Siedlungen entdeckt, meist lagen diese in der Nähe von nicht sehr großen Weideplätzen im Überflutungsbereich. Dies darf als direkter Beweis dafür interpretiert werden, dass die Fatjanovo-Bevölkerung eine entwickelte Form der Landwirtschaft betrieb.

Die jüngsten und am weitesten im Osten entdeckten Funde dieser Kultur stammen aus dem Gräberfeld Balanovo. Sie werden ebenso wie weitere entsprechende Funde in der Fachwelt häufig als eigenständige Balanovo-Kultur angesprochen, die im Gebiet von Tschuwasschen verbreitet war und sich aus der lokalen Volosovo-Kultur herausgebildet hatte (Kat. Nr. 65.1–65.9).

Zu Beginn des 2. Jahrtausends v. Chr. setzte eine neue, sehr diffizile Phase der Kulturgenese im Waldgebiet Osteuropas ein.

всегда в скорченном положении. Сопроводительный инвентарь богат и разнообразен: различного вида сосуды (кат. 58.1, 63.7–63.9, 64.1.8, 64.1.9, 64.2.9, 64.2.10), костяные орудия, многочисленные украшения в виде подвесок из зубов животных (кат. 63.6), пронизи из трубчатых костей (кат. 64.2.6), молоточковидные булавы (кат. 61.1) и очень редко — изделия из янтаря (кат. 64.2.5). Встречаются каменные орудия: наконечники стрел, копий, ножи-кинжалы, скребки. Часто в могилах находят сверленные так называемые боевые топоры (кат. 63.3, 63.4.) и простые топоры и тесла (кат. 64.1.1, 64.1.2). Фатьяновцам были знакомы медь и бронза. Из бронзы делались украшения: подвески, браслеты (кат. 63.1, 63.2, 64.2.1) — и топоры, копья. В мужских погребениях найдено несколько топоров в берестяных чехлах. Находки в погребениях литейных форм свидетельствуют о том, что население самостоятельно занималось металлообработкой.

Немногочисленные небольшие поселения найдены в поймах рек или озер, часто они расположены возле небольших пойменных пахотных угодий. Это является прямым свидетельством наличия у фатьяновского населения развитого земледелия.

Наиболее поздними и самыми восточными находками этого круга древностей являются материалы Балановского могильника. Эти и аналогичные им материалы многими исследователями выделяются в самостоятельную балановскую археологическую культуру, сложившуюся на основе местной волосовской культуры, распространенную на территории Чувашии (кат. 65.1–65.9).

В начале II тыс. до н. э. начинается новый и сложный этап культурогенеза в лесной зоне Восточной Европы. В это время лесная зона испытывает влияние со стороны лесостепных и степных культур (например, абашевской, срубной), а на западе — со стороны культур тшинецкого круга. Среди местного населения с разнообразной материальной культурой начинают распространяться зауральско-сибирские племена, оставившие памятники сейминско-турбинского типа. Они принесли в Восточную Европу новые традиции в металлообработке и художественной пластике. В первую очередь, это материалы Галичского клада (кат. 250). К этому же кругу древностей относится находка с поселения чирковской культуры сверленного рогового топора с личинами на обухной части (кат. 234.1). Интерес представляют и находки из Турбинского могильника, которые дают представление о специфической кремневой индустрии, серебряных браслетах и алтайских нефритовых кольцах (кат. 248.3.9–248.3.11). К середине II тыс. до н. э. складывается культура сетчатой керамики. Она охватывает территорию северо-запада Восточной Европы, Волго-Окское междуречье и Среднее Поволжье. Многочисленные памятники этого времени объединяются сетчатой орнаментацией керамики и близкими орудийными наборами. Исследователи склоняются к мысли, что распространение сетчатой орнаментации шло с западных областей лесной зоны на восток. Сложение такой «монолитной» культуры могло произойти в результате интеграционных процессов на территории лесной зоны. Для создания столь специфического орнамента использовали ткани, рыболовные сети, рубцовую кожу желудка, зубчатые штампы, с помощью которых имитировали сетчатые оттиски.

Постепенно внутренние культурные связи ослабевают и во второй половине II тыс. до н. э. складываются различные локальные варианты. Для этой культуры характерно в орудийном комплексе сочетание бронзовых и кремневых предметов. Металлообработка производилась на поселениях, о чем свидетельствуют находки капелек бронзы

In dieser Zeit geriet diese Region unter den Einfluss der Waldsteppen- und Steppenkulturen (Abaševo- u. Balkengrabbkultur), hatte im Westen aber auch Kontakt mit Gruppen der Trzcinięc-Kultur. Zuwanderungen erfolgten aus dem Ural-Hinterland und aus Sibirien; deren Träger legten Gräberfelder des Sejmo-Turbino-Typs an und brachten eine neue Tradition in der Metallverarbeitung und künstlerischen Plastik nach Osteuropa. In erster Linie ist hier an die Materialien aus dem Schatzfund von Galič zu denken (Kat. Nr. 250). Zu diesem Kreis zählt auch der Fund einer durchbohrten, Geweihaxt mit Maskendarstellung auf dem Nacken, die in einer Siedlung der Čirkovskaja-Kultur entdeckt wurde (Kat. Nr. 234.1). Von Interesse sind ferner die Funde aus dem Gräberfeld Turbino, die einen Eindruck von der spezifischen Feuerstein-Industrie, den Silberarmreifen und den Nephritringen aus dem Altaj vermitteln (Kat. Nr. 248.3.9–248.3.11). In der Mitte des 2. Jahrtausends v. Chr. bildete sich die Kultur mit textilverzierter Keramik heraus. Sie war im Nordwesten Osteuropas, im Wolga-Oka-Zwischenstromgebiet und im Gebiet an der mittleren Wolga verbreitet. Auf zahlreichen Fundplätzen dieser Zeit fand sich entsprechend ornamentierte Keramik und miteinander vergleichbare Werkzeuge. In der Fachwelt neigt man der Ansicht zu, die Verbreitung der Textil-Ornamentierung sei von den westlichen Teilen des Waldgebiets aus nach Osten erfolgt. Diese einheitliche Kultur kann nur im Zuge von Integrationsprozessen im Waldgebiet entstanden sein. Diese spezifischen Ornamente wurden mit Stoffen, Fischnetzen, Narbengewebe von Tiermägen und gezahnten Stempeln in den feuchten Ton einge-drückt. Nach und nach kamen weitere Einflüsse hinzu, so dass sich in der zweiten Hälfte des 2. Jahrtausends v. Chr. verschiedene lokale Varianten herausbildeten. Für diese Kultur ist die Vergesellschaftung von Werkzeugen aus Bronze und Feuerstein typisch. Wie Funde von Bronzetropfen aus Siedlungsablagernungen zeigen, erfolgte die Metallverarbeitung vor Ort. Die Wirtschaft war vielseitig, wobei in bestimmten Regionen (Wolga-Oka-Zwischenstromgebiet und Gebiet an der mittleren Wolga) die Produktion dominierte, in anderen dagegen Jagd und Fischfang (Karelien). Hinterlassenschaften dieser Kultur sind unter anderem Gefäße, die aus dem Gräberfeld bei der Siedlung Dikaricha (Kat. Nr. 231.1–231.5) sowie aus weiteren Orten (Kat. Nr. 235, 236) stammen. Neuerdings werden dieser Kultur immer häufiger Äxte zugewiesen, deren Nacken in Form von Elch- und Bärenköpfen, aber auch von Robben und Menschen gestaltet ist. Es wird vermutet, dass von hier aus die finno-ugrischen Kulturen in den Gebieten des heutigen Polens, Kareliens und Estlands hervorgegangen sind.

Vom Ende des 4. bis zum Beginn des 3. Jahrtausends v. Chr. an ist eine Zunahme von Kleinkunst zu erkennen: Im Waldgebiet Osteuropas fanden sich nunmehr kleine anthropomorphe und zoomorphe Skulpturen aus Feuerstein, Knochen und Geweih. Der moderne Mensch ist bereits an den „Dialog“ mit einem anderen Kreis von Kunstwerken gewöhnt, beispielsweise mit Werken der höfischen Kunst oder der Postmoderne. Hier nun begegnen ihm Schöpfungen aus weit zurückliegenden Zeiten, Produkte gänzlich anderer Kulturen. Erhalten geblieben sind wenige, aber höchst beeindruckende Darstellungen von Mensch und Tier (Kat. Nr. 38.1.1, 38.1.2, 38.1.6).

Prähistorische Kunstwerke werden heutzutage häufig als primitive angesehen. Diese Einschätzung ist mit einer Sicht auf alte Kulturen verbunden, die von der Ästhetik und der emotionalen Disposition des heutigen Betrachters geprägt wird. Dies ist insofern gerechtfertigt, als er unter dem Begriff „Kunst“ ein hohes Maß an Meisterschaft versteht, vollendet ausgeführte Arbeiten erwartet und nur ihnen einen ästhetischen Sinn zuspricht. Um prähistorischen Kunst wirklich zu verstehen, muss man aber

in kulturellen Schichten. Haushalt besitzt komplexen Charakter mit Überlegenheit der produzierenden Wirtschaft in einigen Regionen (Wolgo-Oche, Mittleres Wolgaregion) und Jagd- und Fischfang auf anderen Territorien (Karelien). Materialien dieser Kultur sind komplexen Gefäßens aus dem Gräberfeld Dikaricha (kat. 231.1–231.5) und anderen Funden (kat. 235, 236). Diese Kultur wird als Grundlage, auf der sich finnisch-ugrische Kulturen auf dem Territorium des modernen Povolžje, Karelien, Estland.

Am Ende des 4. — Anfang des 3. Jahrtausends n. Chr. auf dem Territorium der östlichen Ost- und Westeuropas wird die Kunst der kleinen Formen — feiner anthropomorpher und zoomorpher Skulpturen aus Stein, Knochen und Horn. Der moderne Mensch gewöhnt sich an den „Dialog“ mit einem anderen Kreis von Kunstwerken, zum Beispiel der Hof- oder Postmodernismus. Vor uns stehen Beispiele der künstlerischen Tätigkeit der Distanten Epochen und anderer Kulturen. Dies, obwohl die Anzahl der Effekthelben Darstellungen des Menschen und der Tiere (kat. 38.1.1, 38.1.2, 38.1.6).

Denkmäler der älteren bildnerischen Tätigkeit werden oft als primitiv bezeichnet. Diese Bewertung ist mit einer Sicht auf die alten Kulturen verbunden, die von der Ästhetik und der emotionalen Disposition des heutigen Betrachters geprägt sind. Dies ist insofern gerechtfertigt, als er unter dem Begriff „Kunst“ ein hohes Maß an Meisterschaft versteht, vollendet ausgeführte Arbeiten erwartet und nur ihnen einen ästhetischen Sinn zuspricht. Um prähistorische Kunst wirklich zu verstehen, muss man aber in kulturellen Schichten. Haushalt besitzt komplexen Charakter mit Überlegenheit der produzierenden Wirtschaft in einigen Regionen (Wolgo-Oche, Mittleres Wolgaregion) und Jagd- und Fischfang auf anderen Territorien (Karelien). Materialien dieser Kultur sind komplexen Gefäßens aus dem Gräberfeld Dikaricha (kat. 231.1–231.5) und anderen Funden (kat. 235, 236). Diese Kultur wird als Grundlage, auf der sich finnisch-ugrische Kulturen auf dem Territorium des modernen Povolžje, Karelien, Estland.

Bei Ausgrabungen in einer Pfahlbausiedlung nahe Usvjaty wurde die Figur eines nackten Mannes mit überproportional großem Kopf, schmalen Schultern und hängenden Schultern entdeckt (Kat. Nr. 38.1.1). Er hat eine hohe Stirn und eine höckerige Nase, der Mund mit den vollen Lippen ist zum Schrei aufgerissen. Anstelle der Augen finden sich zwei tiefe Einbuchtungen, die Augenbrauen sind durch Wülste betont. Die Ohren sitzen auf unterschiedlicher Höhe und sind als Buckel mit Vertiefungen wiedergegeben. Die in den Ellbogen angewinkelten Arme ruhen auf den Schenkeln, die Hände sind nicht detailliert ausgeführt. Ein Bein ist in der Vergangenheit abgebrochen, der Fuß des anderen ging bei der Bergung verloren. Die Oberfläche dieser Statue hatte man stark poliert, doch in den Vertiefungen lassen sich noch Spuren eines Schneidwerkzeugs erkennen. Die Figur besticht durch die Meisterschaft ihrer Ausführung. Man kann sich dem Eindruck, der talentierte Meister habe sein Werk bewusst primitiv gestaltet, es absichtlich nicht einem realen Menschen entsprechend geformt, nur schwer entziehen. Dazu scheint die Arbeit allzu sehr mit Bedacht ausgeführt: Während die Augenbrauenbogen betont sind, fehlen die Augen selbst, so dass die Figur blind wirkt. Die Lippen sind sorgfältig gestaltet, sogar die Falten neben ihnen nicht vergessen, wohingegen die Ohren höchst primitiv dargestellt werden. Die Nacktheit und der Realismus einzelner Details legen den Gedanken nahe, es handle sich um ein irreales Wesen. Mit dieser Figur könnte also durchaus eine der ältesten Skulpturen einer männlichen Gottheit vorliegen, wie sie im europäischen Teil Russlands, zwischen Belarus und Bulgarien und respektive im Norden Russlands gefunden wurden.

Antropomorphe Darstellungen gibt es auch aus Keramik; Scherben von zwei Schalen zeigen männliche und weibliche Darstellungen (Kat. Nr. 38.1.7), welche durch mehrfache Zickzacklinien miteinander verbunden sind. Solche Linien finden sich auch diese auf weiteren Gefäßen.

Auch verschiedene Darstellungen von Tieren und Vögeln sind bekannt. Die Griffenden von Holzkellen schmückten beispielsweise Bärenköpfe (Kat. Nr. 38.1.5, 41.1.1). Die Tiere fletschen die Zähne, die Ohren liegen eng an, und der reliefhaft gearbeitete Unterkiefer besitzt eine Einbuchtung zwischen den beiden Kieferknochen; die Augen fehlten jedoch auch hier. Die Kelle von Usvjaty wurde außerhalb der Siedlung entdeckt, in ihr fanden sich Tierknochen und Asche. Aus Elchgeweih war ein kleiner Zobelkopf geschnitten worden (Kat. Nr. 38.1.4). Die Platte selbst imitierte das Schulterblatt eines Zobels. Die Darstellung ist — auch wenn sie keine Augen aufweist — derart realistisch, dass sich die Tierart mühelos bestimmen lässt. Am oberen Ende

на мысль об ирреальном содержании фигурки. Видимо, перед нами одно из древнейших скульптурных изображений мужчины-божества, найденное на территории средней полосы и севера России.

Есть антропоморфные изображения на керамике: фрагменты двух мисок с изображениями мужчин и женщин (кат. 38.1.7), с зигзагообразными линиями, соединяющими эти изображения на разных уровнях.

Разнообразны изображения животных и птиц. На концах рукоятей деревянных ковшей вырезаны головы медведей (кат. 38.1.5, 41.1.1), ощерившиеся, с прижатыми ушами. Рельефно передана нижняя челюсть с впадиной между клыками, однако глаза животного не показаны. Усвятский ковш был найден за пределами стоянки, в нем лежали кости животного и зола.

Небольшая головка соболя вырезана из рога лося (кат. 38.1.4). Сама пластина имитирует лопатку соболя. Изображение настолько реалистично, хотя и «безглазо», что не представляет особого труда определить вид животного. На верхнем конце другой пластины, из метаподии лося, вырезано изображение головы ворона (кат. 38.1.3). Глаза не обозначены, рот на характерном горбатом клюве показан тонкой углубленной линией. Найдена пластина из рога лося с навершием в виде головки токующего глухаря (кат. 38.1.6). Две утиные головки украшали рукоять весла. Об особом статусе этих видов птиц свидетельствует тот факт, что только на усвятском свайном поселении найдены изображения глухаря (Tetrao urogallus) и ворона (Corvus corax) и только здесь в большом количестве найдены кости этих птиц.

До нас дошли немногочисленные украшения этого времени: это подвески из клыков медведя с кольцевыми нарезками или отверстиями в корневой части, из резцов лося и резца кабана с отверстием, а также янтарные подвески овальной и треугольной формы и бусины (кат. 40.1.1, 40.1.2, 39.1–39.3), выполненные местными мастерами из прибалтийского сырья. В погребениях найдены части ожерелья из просверленных в корневой части резцов лося, коренных зубов медведя и пластинок из рога лося, имитирующих зубы благородного оленя. На памятнике Сертея II зафиксированы различные украшения в древних постройках. В одной из них найдены остатки ожерелья, состоящего из двух янтарных подвесок треугольной формы (кат. 40.1.1, 40.1.2), резца лося и подъязычных костей лося (кат. 40.1.3, 40.1.4), а в соседней постройке — зооморфная подвеска (кат. 40.3.1).

Скульптурные изображения животных и человека обладают определенными стилистическими особенностями: реалистическим контуром, позволяющим достаточно точно определить вид животных и птиц, отсутствием глаз и хорошо проработанными глазницами. Особое внимание уделяется рисунку скулы, ушей, подбородка, рта и губ, что призвано создать определенный эмоциональный настрой при восприятии образа. Например, мимика мужчин в скульптурках из Усвят IV выражает напряженность, ожидание, зов.

Рассмотренные изображения животных и человека не стоят особняком в ряду других известных образцов древнего художественного творчества жителей лесной зоны Восточной Европы. Истоки их искусства уходят в более ранние эпохи. На востоке — на Валдайской возвышенности и в Волго-Окском междуречье — в эпоху мезолита и раннего и среднего неолита в центре внимания древних мастеров были лоси и олени, птицы и змеи. Очень редко встречаются фигурки, изображающие человека. В это время распространяется традиция украшения орнаментами, символическими значками костяных и роговых орудий, костей животных и камней.

einer langen, aus einem Mittelfußknochen vom Elch gearbeiteten Platte war ein Rabenkopf herausgeschnitzt worden (Kat. Nr. 38.1.3). Auch hier sind keine Augen vorhanden; auf dem charakteristisch gehöckerten Schnabel ist eine feine eingetiefte Linie zu erkennen, die das Maul symbolisierte. Eine Platte aus Elchgehweiß endet in der Figur eines balzenden Auerhahns (Kat. Nr. 38.1.6). Zwei Entenköpfe schmücken den Griff eines Ruders. Der besondere Status, den diese Vogelarten genossen, wird dadurch unterstrichen, dass nur in der Pfahlbausiedlung von Usvjaty Darstellungen von Auerhähnen (*Tetrao urogallus*) und Raben (*Corvus corax*) entdeckt wurden und auch nur in dieser Siedlung in großer Zahl Vogelknochen vorkommen.

Zahlreiche Schmuckgegenstände dieser Zeit sind ebenfalls erhalten geblieben. Es gibt Reißzähne von Bären mit ringförmigen Einkerbungen oder Durchlochungen im Wurzelbereich, Schnitzereien aus den Schneidezähnen von Elchen und einem durchbohrten Schneidezahn eines Wildschweins, weiterhin Bernsteinanhänger und -perlen von ovaler oder annähernd dreieckiger Form (Kat. Nr. 40.1.1, 40.1.2, 39.1–39.3). Letztere wurden vor Ort aus Rohmaterialien von der Ostsee gefertigt. Ein Grab erbrachte Teile eines Halsschmucks aus Schneidezähnen von Elchen, die im Wurzelbereich durchbohrt waren, aus Backenzähnen eines Bären und aus Elchgehweißplatten, die Zähne eines Rothirschs nachahmten. Im Fundort Certeja II wurden in den Bauten unterschiedliche Schmuckstücke freigelegt. In einem Haus wurden die Überreste eines Halsschmucks gefunden, der aus zwei Bernsteinanhängern von annähernd dreieckiger Form (Kat. Nr. 40.1.1, 40.1.2) sowie dem Schneidezahn und Zungenbeinen eines Elchs bestand (кат. 40.1.3, 40.1.4). Das Nachbargebäude enthielt einen zoomorphen Anhänger (Kat. Nr. 40.3.1).

Figürliche Darstellungen von Mensch und Tier weisen einige stilistische Spezifika auf, beispielsweise derart realistische Konturen, dass die Tier- oder Vogelarten bestimmt werden können, weiterhin das Fehlen von Augen und die klar herausgearbeiteten Augenhöhlen. Besondere Aufmerksamkeit wurde auf die Wiedergabe der Backenknochen, Ohren, des Kinns, des Mundes und der Lippen gelegt, so dass bei der Betrachtung der Stücke ein bestimmter emotionaler Effekt hervorgerufen wird. Die Mimik der Skulptur des Mannes aus Usvjaty IV kann beispielsweise als Anspannung, Erwartung oder auch als Schrei interpretiert werden.

Die hier vorgestellten Darstellungen von Mensch und Tier fügen sich in die Reihe anderer bekannter Kunstwerke der Vergangenheit ein, die von Bewohnern des Waldgebiets in Osteuropa geschaffen wurden. Dieser Kanon wurzelt in älteren Zeiten.

Im Osten, auf den Waldaihöhen und im Gebiet zwischen Wolga und Oka, widmeten sich die Meister in der Mittelsteinzeit sowie im frühen und mittleren Neolithikum vor allem der Darstellung von Elchen und Hirschen, Vögeln und Schlangen. Nur sehr selten sind anthropomorphe Plastiken. In dieser Zeit war es üblich, Schmuck mit Ornamenten und Waffen aus Knochen oder Geweih sowie Tierknochen und Steine mit symbolischen Zeichen zu verzieren.

Runde, als Anhänger getragene Skulpturen, die einen Vogelkopf darstellten, wurden am häufigsten hergestellt. Die Köpfe können Enten, Gänsen, Kranichen, Turteltauben, Falken und Auerhähnen nachempfunden sein, wobei meist Wasser- und Raubvögeln als Motiv gewählt wurden. Besondere Aufmerksamkeit widmeten die Künstler den Augen, die durch eine Vertiefung und eine Ockereinlage wiedergegeben wurden, sowie dem Schnabel und dem Kopf. In diese Fundkategorie fallen auch Anhänger, die Ringelnattern und Welse darstellen (Kat. Nr. 51.2.2). Von einem Anhänger in Form einer Schlange war nur der sehr

Подвески в виде объемных головок птиц — наиболее многочисленная серия изображений. Видовой состав птиц очень пестрый: утка, гусь, крохоль, журавль, горлица, сокол, глухарь. Доминируют изображения водоплавающих и хищных представителей. Особое внимание мастера уделяли форме клюва и головы, а также глазам, передавая их углублением и инкрустируя охрой. К этой же категории находок относится подвеска с изображением ужа и сома (кат. 51.2.2). От змеи сохранилась лишь выполненная очень реалистично, в натуральную величину, головка с тонко прорезанным ртом и углублениями глаз. Подвески входили в состав ожерелий или нашивались на одежду.

Другая распространенная категория находок — плоские изображения, в основном фигурки птиц и млекопитающих с просверленными отверстиями для крепления на одежде или для подвешивания. Фигурки птиц даются в профильном изображении, млекопитающие — как в профиль, так и в проекции сверху (кат. 51.1.2, 51.1.3). Плоские изображения птиц менее реалистичны, чем в объемной скульптуре, хотя видовой принадлежность их вполне узнаваема (кат. 51.1.4, 51.1.5). Эти изображения находят параллели в кремневой скульптуре.

Кремневая пластика стала предметом внимательного изучения с конца 1870-х годов, когда началась подготовка к Антропологической выставке 1879 года в Москве. Позже, в начале XX века, русским художником, археологом и философом Н. К. Рерихом была собрана очень интересная коллекция валдайских каменных фигурок (кат. 49.1, 49.2.1–49.2.6). Они поступили в Государственный Эрмитаж от родственников Рериха в XX и начале XXI века. К настоящему времени в лесной зоне Восточной Европы найдено более 300 фигурок из кремня. Выделяются пять регионов их концентрации: Волго-Окское междуречье, Валдайская возвышенность, Среднее Поволжье, Русский Север и Южное Беломорье. Основная масса находок, около 200, сделана в Волго-Очье и на Валдае. Это профильные или фронтальные изображения животных (кат. 49.1.2, 51.3.1), обработанные, как правило, с двух сторон сплошной или контурной ретушью. Древние мастера изображали млекопитающих — лося, медведя, зубра, кабана, собаку. Среди их репертуара — птицы (водоплавающие и боровая дичь, сидящие или плывущие, хищные, парящие в полете; кат. 49.1.3). Особое место занимают пресмыкающиеся (змеи) и фантастические животные (кат. 49.2.5, 49.2.6). Среди кремневой пластики выделяется серия фигурок, напоминающих изображения человека. Это фронтальные, очень схематичные, симметричные скульптуры с расставленными ногами и раскинутыми в стороны руками. Одна нога короче другой, причем часто короткая нога — это следствие поломки в древности (кат. 49.1.1, 49.2.4, 51.2.1). По своим очертаниям кремневые фигурки, возможно, изображают различных персонажей. Исследователи отмечают синкретичность этих фигурок: с одной стороны, они напоминают человека (кат. 49.2.4), с другой — похожи на медведя, стоящего на задних лапах, либо на егошку; некоторые скульптурки напоминают расластанного зверя (кат. 49.2.2, 51.3.1). Выбор животных не случаен: в их повадках, анатомии есть что-то родственное человеку. Они стоят на двух ногах-лапах (медведь, куница, бобр), они умеют строить дома (бобр), они помогают себе при «работе» передними лапами. Очевидно, что за этими изображениями скрывается зоо-антропоморфный мифологический персонаж. В архаичной мифологии это герой-первопредок, которому приписывается творение мира, открытие этих земель, основание социума — рода.

realistische, in Naturgröße gefertigte Kopf erhalten geblieben, der einen fein eingeritzten Mund und durch Vertiefungen angezeigte Augen aufwies. Solche Anhänger gehörten zum Halsschmuck oder wurden auf die Kleidung appliziert.

Neben den Skulpturen gibt es auch flache Darstellungen hauptsächlich von Vögeln und Säugetieren, die mithilfe gebohrter Durchlochungen an der Kleidung befestigt oder irgendwo aufgehängt werden konnten. Die Vögel sind im Profil wiedergegeben, die Säugetiere sowohl im Profil als auch in der Aufsicht von oben (Kat. Nr. 51.1.2, 51.1.3). Die flachen Vögelfiguren sind weniger realistisch ausgeführt als die Skulpturen, auch wenn sich die Art nach wie vor bestimmten lässt (Kat. Nr. 51.1.4, 51.1.5). Für diese Objekte lassen sich Parallelen aus in Feuerstein gefertigten Plastiken aufzeigen.

Feuerstein-Plastik ist seit dem Ende der 1870er Jahre bekannt, als man die Anthropologische Ausstellung von 1879 vorbereitete. Zu Beginn des 20. Jahrhunderts besaß der russische Künstler, Archäologe und Philosoph N. K. Roerich eine höchst interessante Sammlung von Waldai-Steinfluren (Kat. Nr. 49.1, 49.2.1–49.2.6). Seine Nachkommen überließen die Stücke am Ende des 20. und zu Beginn 21. Jahrhunderts der Staatlichen Eremitage in St. Petersburg. Mittlerweile wurden im Waldgebiet Osteuropas mehr als 300 Figuren aus Feuerstein entdeckt. Die Funde konzentrierten sich vornehmlich auf das Wolga-Oka-Zwischenstromgebiet, die Waldaihöhen, das mittlere Wolgaregion, den Russischen Norden und das südliche Weißmeer. Aus dem Wolga-Oka-Zwischenstromgebiet und von den Waldaihöhen stammten allein ca. 200 Stücke. Bei ihnen handelte es sich um Profil- oder en face-Darstellungen von Tieren (Kat. Nr. 49.1.2, 51.3.1), die in der Regel an zwei Seiten mit einer durchgehenden oder konturhaften Retusche bearbeitet waren. Die Künstler stellten Säugetiere wie Elch, Bär, Wisent, Wildschwein und Hund dar, zu ihrem Repertoire gehörten jedoch auch Vögel (Wasser- und Waldvögel in sitzender oder schwimmender Pose oder Raubvögel im Gleitflug) (Kat. Nr. 49.1.3). Eine Sonderstellung nehmen Kriechtiere (Schlangen) und Fabeltiere ein (Kat. Nr. 49.2.5, 49.2.6). Innerhalb der Feuerstein-Plastik fällt eine Serie von Werken auf, die wohl einen Menschen darstellen. Es handelt sich dabei um frontal ausgeführte, ausgesprochen schematische und symmetrische Skulpturen mit gespreizten Beinen und seitlich ausgebreiteten Armen. Das eine Bein ist kürzer als das andere, wobei letzteres häufig auf eine antike Beschädigung zurückgeht (Kat. Nr. 49.1.1, 49.2.4, 51.2.1). Die Konturen dieser Feuerstein-Figuren lassen unterschiedliche Interpretation zu. In der Fachwelt wurde bereits auf den Doppelsinn dieser Stücke verwiesen, die einerseits menschliche Züge aufweisen (Kat. Nr. 49.2.4), andererseits aber auch an einen Bären erinnern, der entweder auf den Hinterbeinen steht oder mit abgespreizten Extremitäten auf dem Boden liegt (Kat. Nr. 49.2.2, 51.3.1). Die Wahl der Tiere (Bär, Marder, Biber) war kein Zufall, gibt es doch in ihrem Verhalten und ihrer Anatomie durchaus etwas, das sie in die Nähe des Menschen rückt. Diese Figuren stehen auf zwei Beinen und ähneln, aus der Ferne betrachtet, einem Menschen. Biber sind imstande, ein Haus zu bauen und setzen bei der „Arbeit“ ihre Vorderpfoten ein. All das legt den Schluss nahe, diese Darstellungen seien mit einer zoo-anthropomorphen mythologischen Gestalt in Verbindung zu bringen. In der archaischen Mythologie sind das der Held, der Urahn, dem die Schaffung der Welt zugeschrieben wird, die Entdeckung der Heimatgebiete und die Gründung der Gemeinschaft, der Sippe.

In die erste Hälfte des 2. Jahrtausends v. Chr. gehört ein Idol aus dem Schatzfund von Galič (Kat. Nr. 250.4), der 1835/1836 im *oblast* Kostroma entdeckt wurde. Die Figur stellt einen hockenden Menschen dar. Seine muskulösen Arme sind angewinkelt,

К первой половине II тыс. до н. э. относится фигурка идола (кат. 250.4) из Галичского клада. Клад был найден в 1835–1836 годах в Костромской губернии. Перед нами изображение присевшего человека. Его мускулистые руки согнуты, кисти не проработаны. На ногах не проработанными остались стопы. Кисти и стопы соединены между собой (по мнению сотрудника Эрмитажа Е. А. Шаблавиной, эти «соединения» объясняются особенностями литья по восковой модели и были необходимы для равномерного распределения металла в форме). Голова полая. Но самое главное, в фигурке показана только спина, а грудь и живот, признаки пола отсутствуют. Создается впечатление, что этого физически сильного персонажа в какие-то моменты наделяли необходимыми, но отсутствующими в изображении частями тела. В пользу этого предположения свидетельствуют отверстия в плечах и специальное отверстие в шее фигурки. Непропорционально большая голова смотрится как-то отдельно от туловища и точно совпадает по своим деталям и художественным особенностям с масками, которые были найдены в этом же кладе. Кто же скрывается за этой маской?

Эта фигурка помогает понять зашифрованный смысл в более ранней статуэтке обнаженного мужчины со стоянк Усвят IV, о которой шла речь выше. Мы видим ту же моделировку лица, рук, которая сохраняется на протяжении более тысячелетия. Похоже, перед нами антропоморфные существа в масках. Сама маска и люди в масках, как правило, связаны с ритуалами, в которых главная роль отводится первопредкам.

Одним из важных отличий галичских фигурок от личины-маски является наличие у них глаз. Практически все предметы изобразительной деятельности мезолита — неолита можно разделить на «зрячих» и «незрячих». Большая часть «незрячих» животных и антропоморфных существ происходит из погребений, ритуальных захоронений. Этот факт позволяет предположить связь «незрячих» изображений с семантическим полем иного мира, в том числе мира предков и мира мертвых. В этом отношении примечательна находка ритуального захоронения маски, выполненной по уже описанному стилистическому канону: на ней изображены надбровные дуги, но нет глаз, намечены глазницы, сквозь которые смотрели глаза хозяина, может быть и усопшего.

«Зрячие» фигурки в подавляющем большинстве — это животные и птицы, глаза которых могли быть инкрустированы, о чем свидетельствует характер исполнения глазниц. В качестве материала для инкрустации, вероятно, использовалась охра, которая была зафиксирована в глазницах некоторых подвесок в виде птичьих голов. Эти фигурки могут относиться к другому семантическому полю — оживающих или живых существ. «Оживать» могли во время ритуала и фигурки в масках, если им нарисовать охрой глаза.

Другую категорию предметов древнего искусства, позволяющих полнее понять внутренний мир людей, населявших лесную зону Восточной Европы, представляют завершения жезлов. Традиция оформлять верхнюю часть жезлов в виде голов животных начинается с эпохи мезолита. Появления этих предметов связывают с формированием института вождя, понятия родовой территории и правом ее владения. Это первые инсигнии власти. В эпоху неолита верхнюю часть такого жезла стали делать в виде головы лося или собаки (кат. 51.1.1). В позднем неолите — раннем бронзовом веке боевые топоры — символы власти вождя племен скотоводов и земледельцев, проникших в Восточную Европу с территории современных Германии и Польши, — местные племена стали украшать головами медведя, лося или нерпы

die Hände nicht herausgearbeitet. An den kräftigen Beinen wurden die Füße nicht modelliert. Hände und Füße sind miteinander verbunden, was E. A. Šablavina mit der Technik des Gusses in einem Wachsmo­dell und der Notwendigkeit, das Metall gleichmäßig in der Form zu verteilen, erklärt. Der Kopf ist hohl. Das wichtigste Charakteristikum ist jedoch, dass bei der Figur nur der Rücken ausgeführt wurde, während Brust, Bauch und Geschlechtsmerkmale nicht herausgearbeitet sind. Dadurch entsteht der Eindruck, diesem körperlich starken Menschen müssten die Eingeweide, das Geschlecht und Gehirn erst noch zugeteilt werden. Für diese Hypothese sprächen auch die Durchlo­chungen an den Schultern und eine spezielle Öffnung im Hals der Figur. Das überproportional große Gesicht scheint nicht recht zum Rumpf zu passen, entspricht dafür aber mit seinen Details und künstlerischen Merkmalen uneingeschränkt den Masken, die in dem Schatzfund vorlagen. Damit erhebt sich die Frage, wer sich hinter dieser Maske verbergen könnte.

Diese Figur erleichtert auch das Verständnis des symbolischen Gehalts der noch älteren Statue eines nackten Mannes, die in Usvjaty IV gefunden wurde und auf die hier bereits eingegangen worden ist. Die Modellierung des „Gesichts“ ist bei ihr identisch, ebenso die Gestaltung der Arme und die Haltung; diese Merkmale hielten sich also über ein Jahrtausend. Offenbar beabsichtigten die Meister, auf diese Weise anthropomorphe Wesen mit einer Maske zu schaffen. Die Maske selbst wurde ebenso wie die Menschen, die sie trugen, mit Ritualen in Verbindung gebracht, in deren Zentrum die Urahnen standen.

Einer der wichtigsten Unterschiede zwischen den Figuren aus Galič und den Masken besteht in den Augen. Nahezu alle Stücke der bildenden Künste aus dem Zeitraum von der Mittelsteinzeit bis zum Neolithikum lassen sich in „sehende“ und „blinde“ Figuren unterteilen. Der Großteil der „blinden“ Tiere und anthropomorphen Wesen stammte aus Gräbern oder rituellen Bestattungen. Dieser Umstand legt die Vermutung nahe, die „blinden“ Darstellungen hätten mit transzendenten Symbolen zu tun, darunter auch der Welt der Urahnen und Toten. In diesem Zusammenhang ist der Fund einer Maske aufschlussreich, den eine rituelle Bestattung erbrachte. Die Maske wies alle Merkmale des bereits beschriebenen stilistischen Kanons auf: die Augenbrauenbögen waren betont, die Augen fehlten, wohingegen Augenhöhlen angezeigt waren. Vielleicht basiert dies auf der Vorstellung, durch diese Höhlen hätten die Augen eines Geisteswesens, vielleicht auch des Verschiedenen, zu blicken vermocht.

Bei „sehenden“ Figuren handelt es sich in der überwiegenden Mehrheit um Darstellungen von Tieren und Vögeln, deren Augen — wie die Art der Ausführung der Augenhöhlen beweist — mit einer Einlegearbeit verziert werden konnten. Als Material dafür dürfte wohl Ocker gewählt worden sein, der in den Augenhöhlen einiger Anhänger in Form von Vogelköpfen festgestellt wurde. Diese Figuren können einem anderen symbolischen Bereich zugewiesen werden, genauer dem der belebten oder lebenden Wesen. „Belebt“ werden konnten während des Rituals auch die Masken tragende Figuren, wenn ihnen mit Ocker Augen gemalt wurden.

Eine weitere Kategorie von künstlerischen Erzeugnissen, die es erlauben, die Innenwelt der Menschen aus dem Waldgebiet Osteuropas besser zu begreifen, besteht in den Bekrönungen von „Stäben“. Die Tradition, das obere Ende eines „Stabs“ in Form eines Tierkopfs zu gestalten, kam in der Mittelsteinzeit auf. Die entsprechenden Stücke werden in einen Kontext mit der Herausbildung einer hierarchisch gegliederten Gesellschaft gesehen, in der eine Sippe in ein Verständnis von Gebietsansprüchen und dem Recht auf seine Verteidigung gelangte. Es sind

(ил. 5). К этому же кругу примыкает и находка уникального рогового топора с изображением двух личин на обухе (кат. 235, 236).

В конце IV тыс. до н. э. в Средней и Восточной Европе возникла мода на янтарные изделия. Юго-Восточная Прибалтика становится не только местом, где добывается янтарное сырье, но и одним из центров изготовления готовых изделий, которые распространяются по территории Европы.

Накопленные учеными исторические, этнографические и археологические знания позволяют предположить несколько вариантов рас­пространения янтарных изделий за пределами Юго-Восточной Прибалтики. Первый вариант — это распространение готовых янтарных изделий и сырья в результате обмена. Однако характер этого обмена мог быть различным: либо простейшие торговые операции между

Илл. 5. Каменный топор с изображением головы нерпы. Озеро Домашнее (близ Североморска). Случайная находка, 1983

Abb. 5. Steinaxt mit der Darstellung eines Nerpa-Kopfes. See Domašnee (nahe Severomorsk). Einzelfund, 1983

племенами, либо церемониальный обмен, цель которого — укрепление и поддержание родственных, дружеских и иных видов социальных связей между древними социумами. Другой вариант — это появление янтарных изделий на различных территориях Европы в результате проникновения групп переселенцев, которые использовали янтарные украшения и амулеты.

На территории Юго-Восточной Прибалтики предметы из янтаря происходят из культурных слоев поселений, погребений и специализированных мастерских. За ее пределами при археологических раскопках янтарь находят в основном в погребениях и очень редко в культурных слоях поселений. На эту, на первый взгляд, странную закономерность исследователи давно обратили внимание. Такая картина распространения янтарных украшений характерна не только для лесной зоны Восточной Европы, но и для Центральной и Средней Европы. Это, видимо, отражение процесса миграции части населения с родовой территории, при котором происходит распространение янтарных украшений, в первую очередь попадающих в погребения. Именно в те области, где удалось закрепиться переселенцам, позже будут направлены основные «обменные потоки», так как сила традиций велика и потребность в янтарном сырье и в готовых изделиях из него сохранялась у переселенцев и их потомков. Из тех областей начинается распространение традиций янтарных украшений на другие территории. Это поддерживало и расширяло родственные, дружественные и брачные связи, по сути своей являясь церемониальным обменом.

На Восточно-Европейской равнине особо выделяются Сахтышские могильники, расположенные в Волго-Окском междуречье, на территории современной Ивановской об-

мuthin die ersten Machtinsignien. In der Jungsteinzeit wurde das obere Ende eines solchen „Stabs“ nicht nur als Elchkopf, sondern beispielsweise auch als Hundekopf gestaltet (Kat. Nr. 51.1.1). Im späten Neolithikum bzw. der frühen Bronzezeit begegnen dann „Streitäxte“, die die Macht des Anführers eines Stammes von Viehzüchtern und Ackerbauern symbolisierten. Diese gehen auf Einflüsse aus dem heutigen Polen auf Osteuropa zurück. Äxte wurden zunehmend mit Tierköpfen verziert, aber auch mit Menschenköpfen (Abb. 5). Zu diesem Formenkreis ist auch der Fund einer einmaligen Geweihaxt mit der Darstellung von zwei Masken am Axtnacken zu zählen (Kat. Nr. 235, 236).

Gegen Ende des 4. Jahrtausends v. Chr. kam in Mittel- und Osteuropa eine Bernsteinmode auf. Das südöstliche Baltikum war nicht nur die Gegend, in der man rohen Bernstein fand, sondern auch eines der Zentren für die Herstellung von Bernsteinartefakten, die sich in ganz Europa verbreiten sollten.

Das von Wissenschaftlern zusammengetragene historische, ethnographische und archäologische Wissen erlaubt es, einige Varianten der Verbreitung dieser Bernsteinobjekte außerhalb des südöstlichen Baltikums aufzuzeigen. Sowohl Fertigprodukte als auch Rohbernstein waren Teil des Tauschhandels, der sehr heterogen sein konnte. Zum einen gab es einfache Tauschgeschäfte zwischen verschiedenen Stammesgruppen, zum anderen auch einen zeremoniellen Geschenkaustausch, dessen Ziel es war, verwandtschaftliche, freundschaftliche oder andere Formen der Beziehungen zwischen den Gemeinschaften aufrechtzuerhalten und zu festigen. Eine andere Variante geht davon aus, dass Bernsteingegenstände in unterschiedlichen Gebieten Europas durch das Vordringen von Umsiedlern, die Bernstein als Schmuck oder Amulett trugen, in Teilen Europas verbreitet wurden.

Im südöstlichen Baltikum fanden sich Bernsteinartefakte in Siedlungsablagernungen, Gräbern und speziellen Werkstätten. Außerhalb dieses Gebiets wurde Bernstein im Zuge archäologischer Grabungen vor allem in Gräbern und nur sehr selten in Siedlungen freigelegt. Diese auf den ersten Blick seltsam anmutende Gesetzmäßigkeit beschäftigt die Fachwelt seit langem. Eine solche Situation von Bernsteinschmuck ist nicht nur für das Waldgebiet Osteuropas, sondern auch für Mittel- und Westeuropa charakteristisch. Sie könnte Wanderbewegungen eines Teils der Bevölkerung widerspiegeln, die den Bernstein in ihre neuen Wohngebiete mitbrachten und später zum Teil auch als Grabbeigabe erhielten. Die Gegenden, in denen es den Umsiedlern gelang, sich zu etablieren, gaben dann später die Richtung vor, in welcher sich die Handelsverbindungen entwickelten, besaß die Tradition doch eine große Kraft, und der Bedarf an Bernsteinrohstoff sowie an bereits fertigen Erzeugnissen wurde von den Umsiedlern und ihren Nachkommen beibehalten. Von diesen Gebieten aus gelangte die Tradition des Bernsteinschmucks dann auch in andere Gegenden. Dies festigte und erweiterte die verwandtschaftlichen, freundschaftlichen und ehelichen Beziehungen, ging es doch um einen zeremoniellen Tausch.

In der Osteuropäischen Ebene sind vor allem die Gräberfelder von Sachtyš wichtig, die zwischen Wolga und Oka liegen, auf dem Gebiet der heutigen Region Iwanowo. Bernsteingegenstände fanden sich in Gräbern der Siedlung Sachtyš VIII, die von D. A. Krajnov im Jahr 1970 untersucht wurden. Die Toten waren in Rückenlage in Grabgruben bestattet worden, mit dem Kopf nach Osten; die Arme ruhten neben dem Rumpf, die Hände lagen auf dem Bauch. Die Bestattungen erbrachten ausschließlich Schmuck, Anhänger unterschiedlicher Form, Ringe, Röhrenperlen und „Knöpfen“ aus Bernstein (Kat. Nr. 51.4), Stein und Knochen. Die Lage der Bernsteinstücke auf den Skeletten deutet darauf hin, dass sie am Hemd und dem Kopfschmuck befestigt

ласти. Янтарные изделия происходят из погребений на стоянке Сахтыш VIII, исследованных Д. А. Крайновым в 1970 году. Погребенные лежали в могильных ямах на спине, головой на восток, руки располагались вдоль туловища, а кисти рук сложены на животе. В погребениях найдены только украшения: различные по форме подвески, кольца, пронизи и пуговицы из янтаря (кат. 51.4), камня и кости. Судя по расположению янтарных предметов на костяках они могли быть нашиты на рубахи и головные уборы и служили украшением погребальной одежды. Антропологический анализ погребенных позволил выявить, что янтарные украшения в основном были найдены в мужских и детских погребениях.

Такого типа могильники появляются в конце второй четверти III тыс. до н. э.; их оставили переселенцы, носившие одежду, расшитую «солнечными камнями», в которой они и закончили свою земную жизнь и были похоронены. Их потомки, отрезанные многими сотнями километров от родины предков, не могли получать янтарное сырье или украшения в необходимом количестве и стали украшать одежду каменными и костяными изделиями, по форме напоминающими янтарные.

На берегу озера Шеригодро (Валдайская возвышенность) в 1912 году Н. К. Рерихом были открыты погребения с янтарными украшениями (кат. 50), отнесенные им к эпохе Средневековья. Как оказалось впоследствии, это были первые находки неолитических погребений и янтарных украшений на данной территории. В конце XX века московской исследовательницей М. П. Зиминой были открыты на этом же озере еще два больших могильника. При раскопках погребений было обнаружено огромное количество янтарных украшений одежды, янтарных ожерелий, янтарных подвесок с антропоморфными изображениями, кремневые зооантропоморфные фигурки. Расположение янтарных поделок в погребениях позволяет понять их назначение и представить, как выглядела одежда с украшениями из «солнечного камня». В одном из погребений Кончанского могильника было найдено 400 округлых янтарных пуговиц. 260 из них были нашиты двадцатью горизонтальными рядами. В центре находились крупные пуговицы, которые организовывали вертикальный ряд, от него симметрично располагались пуговицы, размер которых уменьшался к краю одежды. Головной убор был украшен 140 янтарными пуговицами, нашитыми горизонтальными рядами. В другом погребении этого могильника на рубахе и головной убор были нашиты 125 круглых пуговиц в сочетании с 54 трапециевидными подвесками и пронизями. В центре ряда, расположенного на груди, находилась крупная янтарная подвеска с антропоморфным изображением.

Произведения художественного творчества позволили нам реконструировать мир древних обитателей лесной зоны Восточной Европы. Здесь сформировались два разных мира, обладающих близким художественным языком, сходными социальными институтами, но базирующихся на разных хозяйственных укладах. На западе это общины, занимавшиеся комплексным хозяйством с элементами земледелия и скотоводства. Для этих социумов понятие частной собственности носило совершенно иной характер, нежели в обычном архаическом обществе, где ее (собственности в современном понимании) практически нет. На востоке, за Валдайской возвышенностью, проживали племена с такой же сложной организацией, что и у западных соседей, но сложившейся на базе привычного присваивающего хозяйства.

waren und als Schmuck der Totenkleidung dienten. Nach der anthropologischen Analyse fand sich Bernsteinschmuck hauptsächlich in Gräbern von Männern und Kindern.

Derartige Gräberfelder kamen am Ende des zweiten Viertels des 3. Jahrtausends v. Chr. auf; sie wurden von Umsiedlern errichtet, die Kleidung trugen, die mit „Sonnensteinen“ bestickt war; in dieser beendeten sie ihr irdisches Dasein und wurden darin bestattet. Ihre Nachkommen, die Hunderte von Kilometern von der Heimat ihrer Vorfahren entfernt lebten, vermochten sich rohen Bernstein oder entsprechenden Schmuck nicht in ausreichendem Maß zu beschaffen und fingen deshalb an, die Kleidung mit Stücken aus Stein oder Knochen zu verziern, die in ihrer Form an Bernstein erinnerten.

Am Ufer des Šerigodro-Sees (Waldaihöhe) wurden im Jahr 1912 von N. K. Roerich Gräber mit Bernsteinschmuck entdeckt (Kat. Nr. 50), die er ins Mittelalter datierte. Wie sich im Weiteren herausstellte, handelte es sich bei ihnen um die ersten Funde neolithischer Bestattungen mit Bernsteinschmuck in diesem Gebiet. Am Ende des 20. Jahrhunderts untersuchte die Moskauer Wissenschaftlerin M. P. Zimina an diesem See zwei weitere große Gräberfelder. Bei ihren Grabungen legte sie eine große Menge Bernsteinschmuck für die Kleidung, Halschmuck aus Bernstein, Anhänger mit anthropomorphen Darstellungen aus Bernstein und zoo-anthropomorphe Figuren aus Feuerstein frei. So, wie die Bernsteinstücke in den Gräbern angeordnet waren, lassen sie Rückschlüsse auf ihre Funktion zu; man kann sich vorstellen, wie die Kleidung mit diesem Schmuck aus „Sonnensteinen“ aussah. In einem Grab aus dem Gräberfeld Končanskoe wurden 400 runde Bernsteinknöpfe entdeckt, von denen 260 in zwanzig horizontalen Reihen auf die Kleidung appliziert waren. Die Mitte nahmen große Knöpfe ein, die eine vertikale Reihe bildeten, von dieser gingen in symmetrischen Reihen Knöpfe ab, deren Durchmesser zum Rand der Kleidung hin abnahm. Der Kopfschmuck war mit 140 Bernsteinknöpfen verziert, die in horizontalen Reihen aufgenäht worden waren. In einer anderen Bestattung dieses Gräberfelds waren auf das Hemd und den Kopfschmuck runde Knöpfe aufgebracht (125 Stück), hinzu kamen trapezförmige Anhänger (54 Stück) und Röhrenperlen. In der Mitte der Reihe, auf der Brust, saß ein großer Bernsteinanhänger mit einer anthropomorphen Darstellung.

Kunstwerke erlauben es, die Welt der prähistorischen Menschen, die im Waldgebiet Osteuropas lebten, zumindest teilweise zu rekonstruieren. Hier bildeten sich zwei unterschiedliche Lebenswelten heraus, die jedoch über eine ähnliche künstlerische Sprache verfügten und vergleichbare gesellschaftliche Einrichtungen kannten, aber auf differierenden Wirtschaftsformen beruhten. Im Westen fanden sich Gemeinschaften, die einer komplexen Wirtschaft mit Elementen von Ackerbau und Viehzucht nachgingen. Für sie bedeutete der Begriff Privatbesitz etwas völlig anderes als für eine archaische Gesellschaft, in der dieser — im heutigen Verständnis — praktisch nicht existierte. Im Osten, hinter den Waldaihöhen, waren Stämme mit einer ähnlich ausgefeilten Wirtschaftsorganisation wie ihre westlichen Nachbarn beheimatet, wobei diese jedoch bei ihnen auf Tätigkeiten wie Jagen, Sammeln und Fischfang beruhte.

Наталья Шишлина, Денис Ковалев, Эльмира Ибрагимова Повозки катакомбной культуры евразийских степей

Natalija Šišlina, Denis Kovalev, Elmira Ibragimova Wagen der Katakombengrabkultur aus den Steppen Eurasiens

Изобретение колесного транспорта позволило жителям евразийских степей в короткий срок освоить значительные пространства. Это стимулировало их активный образ жизни, способствовало развитию торговых взаимоотношений. В Восточной Европе повозка появилась у носителей майкопской культуры Северного Кавказа в середине — второй половине IV тыс. до н. э. В дальнейшем степняки новотиторовской и ямной культур уже повсеместно стали использовать колесные повозки в быту (Trifonov 2004; Гей 2000; Моргунова, Турецкий 2003). Свой вклад в развитие конструкции повозок внесли и катакомбные племена второй половины III тыс. до н. э. (ил. 1).

Колесная повозка — это сложная система, состоящая из четырех связанных между собой конструкций: колес с осями и рамой, кузова (емкости для груза), упряжи и упряжного животного (или животных). Животные в колесной повозке создают тяговое усилие, которое посредством упряжи (ярма, дышла, постромков) передается полезному грузу. Так создается тяга, приводящая в движение всю конструкцию, возникает сопротивление движению, которое минимизируется наличием колес, преобразующих движение и способствующих повышению эффективности перевозок. В настоящее время на территории южнорусских степей известно более двухсот погребений эпохи средней бронзы, в которые были помещены либо разобранные повозки, либо их отдельные детали — например, колеса, борта, дышла.

Каждая новая находка дополняет наши знания об особенностях конструктивных деталей средств передвижения, конкретизируя культурный контекст, а естественно-научные методы позволяют уточнить хронологию.

К таким находкам относится повозка из погребения 15 кургана 4 могильника Улан IV в Ростовской области. Из конструктивных элементов лучше всего сохранилась ходовая часть — четырехугольная рама платформы. Она состояла из двух пар параллельных продольных несущих дрог — лонжеронов — длиной 165 см; в каждой паре один лонжерон располагался над другим. В нижних лонжеронах имелось по шесть полусферических отверстий, в которые были вставлены поперечные перекладки длиной 70 см, образующие внутреннее пространство платформы. Благодаря тому, что нижние лонжероны перекрывались верхними, концы поперечных перекладов были зажаты в пазах между лонжеронами.

В переднем (северо-западном) углу платформы кузова зафиксирован один из узлов крепления лонжерона с поперечной доской: в отверстие диаметром 4 см загонялся деревянный штифт. Для более прочного скрепления детали платформы кузова могли обматываться веревкой или кожаными ремнями. Поперечные перекладки занимали

Дие изобретение колесного транспорта позволило жителям евразийских степей в короткий срок освоить значительные пространства. Это стимулировало их активный образ жизни, способствовало развитию торговых взаимоотношений. В Восточной Европе повозка появилась у носителей майкопской культуры Северного Кавказа в середине — второй половине IV тыс. до н. э. В дальнейшем степняки новотиторовской и ямной культур уже повсеместно стали использовать колесные повозки в быту (Trifonov 2004; Гей 2000; Моргунова, Турецкий 2003). In der zweiten Hälfte des 3. Jahrtausends v. Chr. leisteten auch die Stämme der Katakombengrabkultur einen wichtigen Beitrag zur Weiterentwicklung der Konstruktion des Wagens (Abb. 1).

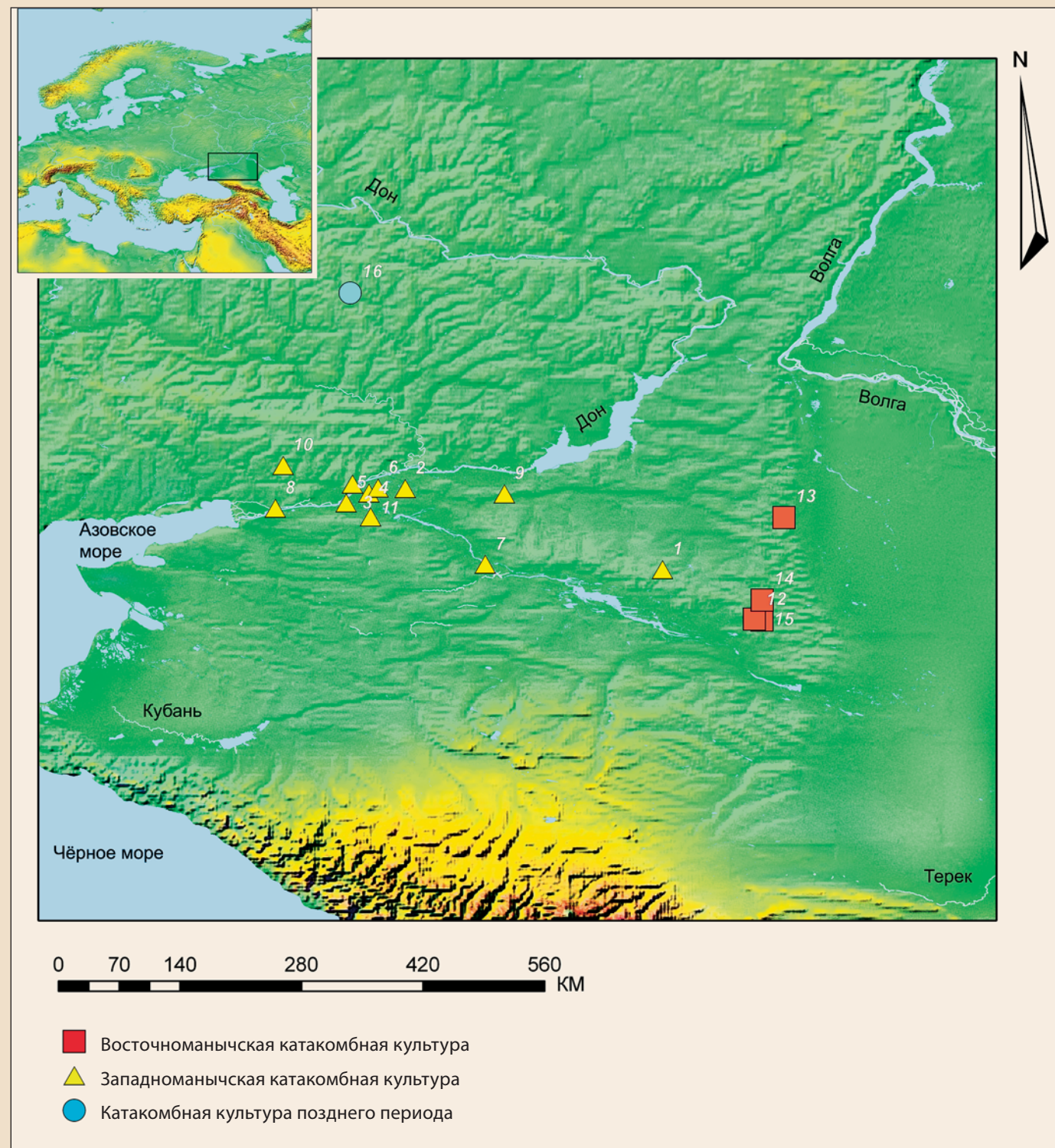
Ein fahrbarer Wagen besteht aus vier Komponenten, die in durchaus aufwendiger Weise miteinander verbunden sind; gemeint sind damit die Räder samt Achsen und Gestell, der Wagenkasten (für das Frachtgut), das Geschirr und das vorgespannte Tier (bzw. die Tiere). Die Tiere stellen die Zugkraft dar, die über das Geschirr (Joch, Deichsel, Zugriemen) auf die Nutzlast geleitet wird. Der so entstehende Zug setzt den Wagen in Bewegung, wobei der Bewegungswiderstand durch die Räder minimiert wird, indem sie die Bewegung umsetzen und somit eine größere Effizienz der Wagen garantieren.

Gegenwärtig sind für die südrussische Steppe mehr als 200 Gräber der Mittelbronzezeit bekannt, in die entweder zerlegte Wagen oder einzelne Teile wie ein Rad, eine Wand des Wagenkastens oder eine Achse gelangt sind.

Mit jedem neuen Wagenfund wächst das Wissen über die Besonderheiten der Konstruktionselemente dieser Transportmittel, erfährt der kulturelle Kontext eine weitere Konkretisierung; mit naturwissenschaftlichen Methoden ist es zudem möglich, die Wagenentwicklung chronologisch zu verankern.

Auch das Gräberfeld Ulan IV, Kurgan 4, Grab 15 im oblast Rostov erbrachte einen Wagen. Von den verschiedenen Konstruktionselementen war das Fahrgestell am besten erhalten. Bei ihm handelte es sich um einen viereckigen Rahmen mit den Maßen 165 x 70 cm, der aus zwei Paaren parallel liegender Längsträger (L. 165 cm) bestand. Bei jedem Paar waren die Träger übereinander angeordnet. Die unteren wiesen sechs halbrunde Aussparungen auf, in die die Querbalken (L. 70 cm) eingesetzt wurden, welche dann den Boden des Wagenkastens bildeten. Auf diese Querbalken legte man den zweiten Längsträger, so dass die Balken sicher in den Kehlen der Träger eingepresst waren.

In der NW-Ecke des Bodens ließ sich noch erkennen, wie die Längsträger mit dem Querbrett verbunden waren: In eine Aussparung mit einem Durchmesser von 4,0 cm hatte man einen

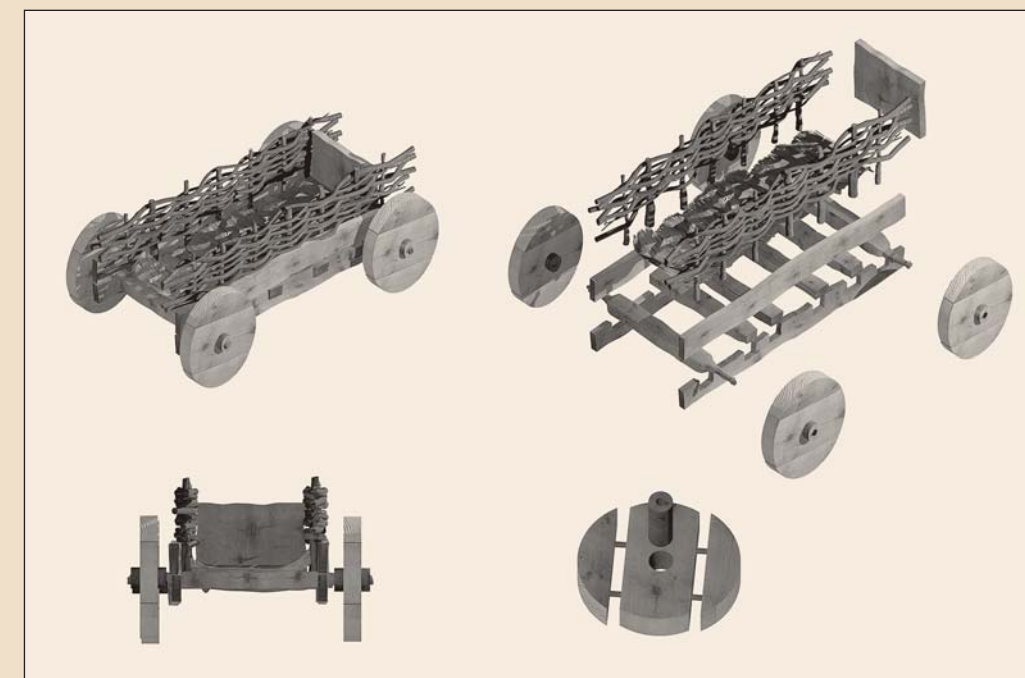
Ил. 1. Могилики с повозками и их деталями в погребениях: 1 – Улан IV, курган 4, погребение 15; 2 – Балабинский I; 3 – Золотые Горки IV; 4 – Кудинов; 5 – Шахаевская; 6 – Савганский I; 7 – Бережной V; 8 – Вертолетное поле; 9 – Маломартыновский; 10 – Родионовский; 11 – Колдыри; 12 – Лозинский; 13 – Ергенинский; 14 – Элистинский; 15 – Архара; 16 – Мокрый Волчик

Abb. 1. Gräberfelder mit Bestattungen, in denen Wagen und ihre Elemente vorlagen: 1 – Ulan IV, Kurgan 4, Grab 15; 2 – Balabinskij I; 3 – Zolotyje Gorki IV; 4 – Kudinov; 5 – Šachaevskaja; 6 – Sagvanskij I; 7 – Verežnoj V; 8 – Vertoletnoe pole; 9 – Malomartynovskij; 10 – Rodionovskij; 11 – Koldyri; 12 – Lozinskij; 13 – Ergeninskij; 14 – Elistinskij; 15 – Archara; 16 – Mokryj Volčik

hölzernen Stift getrieben. Für eine solidere Verbindung der einzelnen Elemente des Bodens konnten diese darüber hinaus mit einer Schnur oder einem Lederriemen umwickelt werden. Die Querbalken nahmen allerdings nur zwei Drittel der Fläche zwischen den Längsträgern ein, und zwar den mittleren und südlichen Teil. An dieser, der stabilsten, Stelle wurde dann der Aufbau montiert, dessen Rückseite ein Brett verschloss.

Die Seitenwände des Wagenkastens bestanden aus miteinander verflochtenen dünnen Holzstäben und einer dicken Matte. Wie eine Analyse der Kieselsäure ergab, konnten diese Matten aus Pflanzen- und Wollfäden angefertigt sein. Die beiden geflochtenen Seitenwände sind nicht erhalten geblieben; ent-

Ил. 2. Реконструкция повозки и ее деталей. Могилики Улан IV, курган 3, погребение 15
Abb. 2. Реконструкция des Wagens und seiner Elemente. Gräberfeld Ulan IV, Kurgan 3, Grab 15

две трети пространства между лонжеронами, располагаясь ближе к центральной и задней частям платформы. Здесь, в более укрепленном месте, помещался кузов повозки с закрытым задним бортом в виде доски.

Для оформления боковых бортов кузова использовалась конструкция из переплетенных деревянных прутиков и толстой циновки. Результаты фитолитного анализа показывают, что циновка могла быть сделана из растительных и шерстяных нитей. Со временем оба плетеных борта либо упали вниз и сгнили, либо были сняты с повозки и стояли у входа в камеру катакомбного погребения в качестве заслона. Таким образом, можно предположить, что борта повозки были съемные (ил. 2).

Как был оформлен передний край платформы, неизвестно: здесь не зафиксированы ни дополнительные доски, ни фрагменты циновки. Поэтому в предлагаемой реконструкции повозка спереди открыта, борт отсутствует.

Оси не зафиксированы, однако они могли встраиваться в переднюю и заднюю перекладки, соединявшие концы лонжеронов, и были неподвижными. Обычно ось представляла собой деревянный стержень, длина которого определялась размерами платформы и ступицами колес. Она могла быть не менее 90 см, состояла из прямоугольной в сечении центральной части и двух округлых в сечении полуосей, на которые насаживались свободно вращавшиеся колеса.

В повозке из могильника Улан IV колеса утолщались к центру, имели трехчастную конструкцию со штифтовым внутренним соединением сегментов и утолщающимся к центру колесным диском диаметром 48 см. Цилиндрическая ступица с круглым сечением была вставной и заматывалась гибкими стеблями степных злаков. Возможно, сено использовалось и как подкладочный материал, способствующий уменьшению силы трения полуоси в осевом отверстии. Колесный диск со вставной ступицей является более сложной конструкцией, нежели диск с цельно-вырезанной ступицей, так как требует большего мастерства при изготовлении и креплении в колесе. К тому же ступица быстро изнашивается, поскольку в колесе она является основной зоной концентрации напряжения. Этим объясняется преимущество вставной ступицы, которую в случае поломки всегда можно заменить.

По определению П. Сутягиной, лонжероны были сделаны из ясеня, поперечные перекладки — из вяза и клена, колеса — из дуба, а ступицы — из клена.

На перекладках повозки была положена подстилка, возможно шкура животного или изделие из шерсти (войлочный или плетеный ковер). На ней внутри платформы лежали бронзовое стрекало, лопатка овцы и раковина перловицы.

weder müssen sie abgerutscht sein oder man hatte sie vom Wagen abgenommen, vielleicht um sie am Eingang zur Grabkammer als Schutz aufzustellen. Somit lässt sich jedoch immerhin vermuten, dass die Seitenwände des Wagens aus Ulan problemlos abzumontieren waren (Abb. 2).

Wie der vordere Teil des Bodens vom Wagenkasten gestaltet war, lässt sich nicht sagen, da in diesem Bereich keine zusätzlichen Bretter oder Überreste von Matten festgestellt wurden; die vorgeschlagene Rekonstruktion des Wagens lässt diesen Teil daher offen, und auch die Seitenwände fehlen.

Achsen wurden zwar nicht festgestellt, konnten aber in den vorderen und hinteren der Querbalken, die die Enden der Längsträger verbanden, eingebracht werden; sie waren unbeweglich. In der Regel fertigte man die Achse aus einer Holzstange an; ihre Länge hing von den Maßen des Wagenkastens und der Radnaben ab. Im vorliegenden Fall muss sie aber mindestens 90 cm lang gewesen sein; sie dürfte aus einem im Schnitt rechteckigen Mittelstück und zwei im Schnitt runden Achshälften bestanden haben, auf welche die sich frei drehenden Räder aufgesetzt wurden.

Die Räder bestanden aus drei Teilen, aus den inneren Segmenten, die durch Stifte miteinander verbunden wurden sowie aus der Radscheibe, die sich zur Mitte hin verdickte und einen Durchmesser von 48 cm hatte. Die im Schnitt runde zylindrische Nabe ließ sich aus dem Rad nehmen und wurde mit weichen Steppengräsern umwickelt. Möglicherweise nutzte man auch Heu als Unterlage, um die Reibungskraft der Achsenhälfte in der Achsenöffnung zu verhindern. Da ein Scheibenrad mit einsetzbarer Nabe eine kompliziertere Konstruktion darstellt als ein in einem Stück gefertigtes Rad, stellte es die damaligen Meister sowohl bei der Herstellung als auch bei der Befestigung am Wagen vor eine weitaus größere Herausforderung. Der Vorteil einer herausnehmbaren Nabe besteht wiederum darin, dass man sie bei einem Bruch rasch ersetzen kann. Und dadurch, dass dieses Element am stärksten belastet wird, verschleißt es am ehesten.

Wie die von P. Sutjagina durchgeführte Holzanalyse ergab, waren die Längsträger aus Esche, die Querbalken aus Ulme und Ahorn, die Räder aus Eiche und die Naben erneut aus Ahorn gefertigt worden.

Если бы доски рамы не были покрыты, эти предметы упали бы на дно входной ямы.

Наиболее близкие аналогии повозке из могильника Улан IV найдены в западноманычских катакомбных погребениях Нижнего Подонья. В таких захоронениях наиболее часто встречаются остатки ходовой части — платформы и колеса. Размеры платформы, состоящей из двух продольных брусков, поперечных перекладин и/или крестовин жесткости, составляют 70/115 × 140/180 см. Большинство колес имеет трехчастную конструкцию со штифтовым внутренним соединением и вырезанной в центральном сегменте одно- или двусторонне выступающей ступицей. Их средний диаметр — от 56 до 72 см, диаметр ступицы 16–20 см, диаметр осевого отверстия 7–12 см, толщина обода — 6–8,5 см.

В погребениях синхронной восточноманычской катакомбной культуры насчитывается около сорока находок повозок и их частей. Их конструкция почти не отличается от западноманычских (хотя у них есть детали, не сохранившиеся у западных аналогов). Различия касаются лишь некоторых параметров. Например, размеры платформ кузовов значительно больше: 200/250 × 120/150 см, диаметр колес варьируется от 50 до 85 см. В восточноманычском погребении 3 кургана 13 могильника Ергени I вместе с другими частями повозки во входной камере катакомбы было найдено трехчастное колесо без осевого отверстия в ступице (Малек, Очир-Горяева 2009).

Дополняют представление о повозках эпохи средней бронзы находки деталей арочного перекрытия кузовов (могильник Элистинский, курган 8, погребение 7; Лолинский I, курган 4, погребение 7 и 8), фрагментов решетчатых бортов (могильник Ергени, курган 6, погребение 5; Архаринский II, курган 28, погребение 5), дугообразных стоек верхней части (Синицын, Эрдниев 1966). На бортах некоторых повозок зафиксирован резной орнамент (могильник Веселая Роща III, курган 23, погребение 3; Чограй VIII, курган 5, погребение 1; Лолинский, курган 4, погребение 7) (Державин 1989; Синицын, Эрдниев 1966). Он соотносится с резным орнаментом деревянных повозок того же времени из могильника Лчашен в Армении (Новожинов 2012). В повозках использовались растительные циновки.

Зачастую при изучении конструкций кузова многие исследователи используют глиняные «модели повозок», считая возможным переносить их морфологические черты на конструкцию кузовов реальных повозок (Андреева 1984; Романовская 1982; Гей 2000). Другие считают их моделями люлек (кат. 89.1, 89.2) (Калмыков 2007) (ил. 3, 4).

Некоторые модели, например из могильников Чограй VIII (курган 3, погребение 3) (ил. 3) и Элистинский (курган 5, погребение 8) (ил. 4) воспроизводят не всю повозку, а ее верхнюю часть — кузов-кибитку (Гей 2000). Арочная конструкция таких моделей (с дугообразными стойками верхней части) соотносится с арочной конструкцией одной из повозок Элистинского могильника.

Навес, шалаш или кибитка типа легкой юрты, возможно, ставилась на подвижную четырехколесную платформу. Это было подвижное жилище степняка (Новожинов 2012). В таком качестве повозки и кибитки использовались многими кочевыми народами, жившими на степных евразийских просторах.

Предположительно орнамент на «моделях повозок» можно интерпретировать как экстерьер реальных кибиток,

находясь на платформе, которую выстилали шерстяными циновками, либо выстилали циновками, либо выстилали войлоком или шерстяными коврами. Однако фитолитный анализ лишь косвенно может указывать на такое оформление, поскольку никаких деталей каркаса верхнего перекрытия не зафиксировано.

Die überzeugendsten Parallelen für den Wagen aus Ulan IV stellen Funde aus den West-Manyč-Katakombengräbern im unteren Dongebiet dar. In diesen Bestattungen begegnen häufig Teile des Fahrgestells, so der Boden des Wagenkastens und die Räder. Die Maße des aus zwei Längsträgern, aus Querbalken und/oder einem Kreuzstück bestehenden Bodens belaufen sich dabei auf 70–115 x 140–180 cm. Bei den Rädern handelt es sich mehrheitlich um eine dreiteilige Konstruktion mit einer Stiftverbindung der inneren Teile und einer aus dem mittleren Teil herausgeschnitzten Nabe, die an einer oder zu beiden Seiten übersteht. Der Durchmesser der Räder schwankt zwischen 56 und 65 cm bis 70 und 72 cm, der Durchmesser der Naben zwischen 16 und 20 cm, der der Achslöcher zwischen 7 und 12 cm, und die Felge ist 6 bis 8,5 cm dick.

Die Bestattungen der zeitgleichen Ost-Manyč-Katakombengrabbkultur enthielten ca. 40 Funde von Wagen und Wagenteilen. Sie sind weitgehend identisch konstruiert, weisen allerdings einige Details auf, die sich bei den erhalten gebliebenen Wagen der West-Manyč-Kultur nicht feststellen ließen; diese Unterschiede betreffen insgesamt jedoch nur wenige Parameter. So sind beispielsweise die Wagenkästen mit 200 bis 250 Länge und 120 bis 150 cm Breite wesentlich größer, während der Durchmesser der Räder zwischen 50 und 85 cm schwanken kann. In Grab 3 des Kurgans 13 des zur Ost-Manyč-Kultur gehörenden Gräberfelds Ergeni I fand sich im Eingangsbereich des Schachtgrabes neben Wagenteilen auch ein dreiteiliges Rad mit Nabe ohne Achsloch (Малек, Очир-Горяева 2009).

Teile der gewölbten Aufbauten auf dem Wagenkasten (Elistinskij, Kurgan 8, Grab 7; Lolinskij I, Kurgan 4, Gräber 7 u. 8), Fragmente von gitterartigen Seitenwänden (Ergeninskij, Kurgan 6, Grab 5; Archarinskij II, Kurgan 28, Grab 5) und bogenförmige Träger des Aufbaus (Синицын, Эрдниев 1966) geben weiteren Aufschluss darüber, wie die mittelbronzezeitlichen Wagen ausgesehen haben könnten. Bei einigen Wagen schmückte ein Schnitzornament die Seitenwände (Veselaja Rošča III, Kurgan 23, Grab 3; Čograj VIII, Kurgan 5, Grab 1; Lolinskij, Kurgan 4, Grab 7) (Державин 1989; Синицын, Эрдниев 1966). Dieses lässt sich gut mit den Schnitzverzierungen zeitgleicher Holzwagen aus dem Gräberfeld Lčaşen in Armenien vergleichen (Новожинов 2012). In den Wagen fanden sich zudem aus pflanzlichen Materialien geflochtene Matten.

Vielfach wurden auch „Wagenmodelle“ aus Keramik herangezogen, um die gebrauchsfähigen Wagen zu rekonstruieren, nimmt man doch an, die morphologischen Charakteristika des Modells entsprächen denen des realen Wagens (Андреева 1984; Романовская 1982; Гей 2000); parallel dazu ist jedoch auch die Auffassung anzutreffen, diese Modelle seien nicht einem Wagen, sondern einer Wiege nachempfunden (Kat. Nr. 89.1, 89.2) (Калмыков 2007) (Abb. 3, 4).

Einige Modelle, so auch jenes aus dem Gräberfeld Čograj VIII, Kurgan 3, Grab 3 (Abb. 3) und Elistinskij, Kurgan 5, Grab 8 (Abb. 4) zeigen nicht den ganzen Wagen, sondern lediglich dessen Aufbau (Kibitka) (Гей 2000). Die gewölbte Konstruktion dieser Modelle (mit bogenförmigen Stützen des oberen Teils) entspricht allerdings durchaus der Rekonstruktion des Wagens aus dem Gräberfeld Elistinskij.

передающий плетеные деревянные конструкции — борта или орнаментированные циновки, шерстяные плетеные или войлочные ковры, покрывавшие арочное перекрытие кибитки. В таком случае геометрический резной орнамент на глиняной модели повозки из могильника Чограй (кат. 89.1) вполне сопоставим с убранством деревянной повозки из Лолинского могильника.

В образце подстилки, расчищенной на перекладинах внутри платформы повозки из могильника Улан IV, найдено много частичек животного происхождения. Можно предположить, что повозка была крытой. Верх мог быть изготовлен либо из растительных циновок, либо из войлока или шерстяных ковров. Однако фитолитный анализ лишь косвенно может указывать на такое оформление, поскольку никаких деталей каркаса верхнего перекрытия не зафиксировано.

Ил. 3. Модель повозки. Глина. Чограй VIII, курган 3, погребение 3
Abb. 3. Wagenmodell, Ton. Čograj VIII, Kurgan 3, Grab 3

Ил. 4. Модель повозки. Глина. Элистинский могильник, курган 5, погребение 8
Abb. 4. Wagenmodell, Ton. Gräberfeld Elistinskij, Kurgan 5, Grab 8

Внутри кузова повозки из Элистинского могильника лежали два рулона камышовой подстилки, которая, возможно, использовалась как съемный борт.

Конструкция колес повозок катакомбной культуры Подонья продолжает традиции мастеров ямной культуры, хотя очевидно, что исчезают цельные, вырезанные из сплошного деревянного диска колеса, а основным типом конструкции колеса становится трехчастная. Появляются колеса со вставной ступицей, с дополнительными отверстиями в колесном диске для более жесткого скрепления сегментов и снижения веса самого колеса.

Платформа кузова представляла собой прямоугольную раму, скрепленную поперечными перекладинами и/или крестовиной жесткости. Назначение такой конструкции функциональное: она уравнивает фазы колебаний лонжеронов при движении повозки, обеспечивая прочность хода. Кроме этого, крестовина жесткости, имеющая пять точек опоры, всегда может испытывать большее давление, следовательно, на платформе повозки именно эта деталь маркирует место основания кузова. В реконструкции, созданной А. Н. Геом по новотиторовским материалам, «крестообразная платформа» повозки выполняла роль основания «кибитки или фургона» (Гей 2000).

Материалы из могильника Улан IV дополняют представление о конструкции платформы кузова: поперечные перекладины крепились в платформе с помощью вырезанных в нижних лонжеронах пазов и перекрывались верхними лонжеронами. По углам платформы в лонжеронах и поперечных соединяющих их досках имелись вертикальные отверстия, в которые, скорее всего, вставлялись деревянные стержни для более надежного скрепления узлов платформы. Не исключено, что дополнительными скрепляющими раму материалами могли быть органические, в частности шерстяные веревки.

Auf dem Wagen können eine Hütte oder Kibitka (bzw. leichte Jurte) gestanden haben, die das mobile Haus eines Steppenbewohners gewesen sein mögen (Новожинов 2012). Zahlreiche nomadische Völker in den weiten eurasischen Steppen griffen auf eine solche Kombination von Unterkunft und Transportmittel zurück.

Das Ornament an den Wagenmodellen dürfte wohl als Imitat des realen Äußeren eines Wagens zu interpretieren sein, da es wohl die geflochtene Holzkonstruktion oder Flechtmatte der Seitenwände und die Wolldecke oder den Filzteppich zur Abdeckung des gewölbten Aufbaus wiedergibt. Die geometrische Schnitzarbeit am Keramikmodell aus dem Gräberfeld Čograj (Kat. Nr. 89.1) lässt sich zum Beispiel sehr gut mit dem Dekor des Holzwagens aus dem Gräberfeld Lolinskij vergleichen.

Auf der Unterlage, die unmittelbar auf dem Boden des Wagenkastens aus Ulan freigelegt wurde, fanden sich zahlreiche

3

4

Fragmente tierischen Ursprungs. Der Wagen dürfte vermutlich überdacht gewesen sein. Die Abdeckung konnte dabei aus Matten auf Pflanzenbasis, aber auch aus einem Filz- oder Wollteppich bestanden haben. Eine mineralogische Analyse gibt freilich nur indirekt Aufschluss über die Gestaltung des Aufbaus; beklagenswerterweise fehlten Details der Trägerkonstruktion. Im Wagenkasten aus Elistinskij lagen zwei eingerollte Flechtmatten, die möglicherweise als Seitenwände dienen sollten.

Die Konstruktion der katakombengrabzeitlichen Wagenräder im Dongebiet knüpft an die der Grubengrabbkultur an, doch statt kompakter Holzräder aus einer einzigen Scheibe bevorzugt man in der Regel dreiteilige Räder. In dieser Zeit kommen auch Räder mit einsetzbarer Nabe und zusätzlichen Aussparungen in der Radscheibe zur stabileren Verbindung der Segmente untereinander auf; parallel dazu wird das Gewicht der Räder selbst verringert.

Der Boden des Wagenkastens bestand aus einem rechteckigen Rahmen, Querbalken und/oder einem Kreuzstück. Diese Konstruktion beruht auf rein funktionalen Gründen: Schwankungen der Längsträger bei der Bewegung des Wagens werden ausgeglichen, eine weitgehend ruhige Fahrt ist somit garantiert. Da das Kreuzstück mit seinen fünf Stützpunkten großen Druck auszuhalten vermag, markiert es die Position des Aufbaus. Anhand von Funden aus der Novotitorovskaja-Kultur hat A. N. Gej einen Wagen mit „kreuzförmigem Boden“ rekonstruiert, der ebenfalls als Standfläche für die Kibitka oder den Wagenaufbau fungierte (Гей 2000).

Die Fragmente aus dem Grab in Ulan vervollständigen die bisherigen Vorstellungen zur Konstruktion des Wagenbodens: Die Querbalken wurden am Boden befestigt, indem sie in Aussparungen der unteren Längsträger eingepasst und dann von

Возможно, в захоронения попадали повозки, которые изготавливались не специально для погребальной церемонии, а были «рабочими экипажами». Катакомбные мастера подбирала для деталей различные породы дерева, в соответствии со своими профессиональными представлениями о древесине и накопившимся опытом. Так, в повозке из Улана платформа кузова в основном сделана из ясеня, тогда как колеса были дубовыми. Естественно, что во время использования детали повозок изнашивались и нуждались в ремонте. Такие вышедшие из обихода детали можно было быстро подремонтировать, используя подручные материалы, и поместить в погребение.

Сопоставительный анализ показал, что можно выделить повозку донского типа катакомбного времени. Для нее характерна прямоугольная платформа кузова, собранная из продольных балок и поперечных перекладин; иногда в конструкции платформы фиксируется крестовина жесткости. На неподвижных осях с помощью чеки крепились колеса. Они были трехчастными, с внутренним штифтовым и/или внешним планочным скреплением; применялась дополнительная система крепления сегментов с помощью веревок или ремней, продетых в специальные отверстия в колесном диске. Ступица в некоторых случаях могла быть вставной. Ее обматывали растительными материалами. Борты повозок представляли собой невысокую плетеную деревянную конструкцию; перекрытие кузова, по-видимому, было арочным и выполнялось из прутьев, которые могли накрываться циновками.

В могильнике Улан IV, которому принадлежит описываемая повозка, погребение было совершено в катакомбе, в камере которой захоронен мужчина старше 50 лет. Погребальные дары включали глиняный реповидный сосуд (кат. 108.3.1), бронзовый нож (кат. 108.3.2) и стрекало, фрагмент раковины. Обряд погребения позволяет отнести весь комплекс к западноманычской катакомбной культуре. Для нее характерны катакомбы H-типа; умерший покоится на правом боку, в скорченном положении, ориентировка преимущественно в северный сектор; подсыпка мелом дна камеры; использование реповидных сосудов и жаровен в погребальном обряде (Власкин 2008). В нашем случае сопутствующий инвентарь — реповидный сосуд, бронзовый нож и стрекало, лопатка барана и створка раковины перловицы — соответствует набору инвентаря в других захоронениях этой культуры, в том числе в погребениях с повозками. В каждом найден реповидный сосуд, часто — бронзовое стрекало и нож, кости овцы, быка или лошади, включая лопатки, створки раковины, курильницы, деревянные блюда.

Хронология погребения определена по данным радиоуглеродного анализа фрагмента повозки: она была изготовлена в XXIII в. до н. э.

В большинстве погребений западноманычской катакомбной культуры повозка сопровождается взрослыми людьми, в основном мужчин старше 35 лет; в одном случае погребение было сооружено для семьи (могильник Вертолетное поле, курган 1, погребение 10). К кенотафу можно отнести комплекс Балабинский (курган 24, погребение 7): в погребальной камере не было костей человека. В трех комплексах в захоронение были положены только отдельные кости (Власкин 2008; Рогудев 2008). Это является косвенным указанием на то, что человек, для которого было создано погребение, умер вдали от места захоронения и в могилу положили лишь фрагменты тела усопшего.

den oberen Längsträgern abgedeckt wurden. An den Ecken finden sich in den Längsträgern und in den sie verbindenden Querbalken vertikale Aussparungen, in die vermutlich Holzstangen zur solideren Befestigung der einzelnen Elemente eingebracht waren. Nicht auszuschließen ist, dass weitere Elemente zur Rahmenbefestigung aus organischen Materialien bestanden, beispielsweise aus Schnur oder Wolle.

Möglicherweise wurden nur Wagen ins Grab gegeben, die nicht eigens für die Totenfeier angefertigt wurden, sondern eher als „Arbeitskutsche“ fungiert hatten. Die Katakombengrabzeitlichen Meister wählten für die einzelnen Teile unterschiedliche Holzarten, je nach Wissensstand und persönlicher Berufserfahrung. Bei dem Wagen aus Ulan bestand der Boden weitgehend aus Esche, während die Räder aus Eiche gefertigt waren. Im Laufe der Zeit zeigten die einzelnen Elemente selbstständig Verschleißerscheinungen, die eine Reparatur nötig machten. Solche abgenutzten Teile konnten rasch mit gerade greifbaren Materialien ausgebessert und dann ins Grab gegeben worden sein.

Der Katakombenzeitliche Wagen des Don-Typs repräsentiert eine eigene Variante. Für diese war ein rechteckiger Wagenboden charakteristisch, der aus Längsträgern und Querbalken bestand; mitunter lag auch ein Kreuzstück vor. Die Räder wurden mit Vorsteckern auf die unbeweglichen Achsen gesetzt. Bei den Rädern selbst handelte es sich um eine dreiteilige Konstruktion mit einer Stiftverbindung für die inneren Segmente und/oder einer Leistenverbindung außen; ferner gab es ein ergänzendes Befestigungssystem der Segmente mit Schnüren oder Riemen, die durch spezielle Löcher in der Radscheibe gezogen wurden. Die Nabe konnte in einigen Fällen herausnehmbar sein. Sie wurde mit pflanzlichen Materialien umwickelt. Die Seitenwände bestanden aus einer nicht sehr hohen Konstruktion aus geflochtenem Holzmaterial. Der Aufbau dürfte gewölbt gewesen sein und aus Stangen bestanden haben, über die dann vermutlich Matten gelegt wurden.

Die Bestattung in Ulan lag in einem Schachtgrab; bei dem Toten handelte es sich um einen Mann von über 50 Jahren. Zu den Grabbeigaben zählten ein rübenförmiges Tongefäß (Kat. Nr. 108.3.1), ein Bronzemesser (Kat. Nr. 108.3.2), eine Lanzenspitze und ein Muschelfragment.

Das Totenritual in Ulan IV, Kurgan 4, Grab 15 erlaubt es, die Bestattung der West-Manyč-Katakombengrabkultur zuzuordnen. Für diese sind ein Schachtgrab des H-Typs, auf deren rechten Seite liegende Hocker und (dominant) eine Orientierung nach Norden, die Ausstreuerung der Kammer mit Kreide sowie die häufige Verwendung von rübenförmigen Gefäßen und Kohlebecken typisch (Власкин 2008). Das Grabinventar — ein rübenförmiges Gefäß, Bronzemesser und -lanzenspitze, das Schulterblatt eines Widder und die Schale einer Flussmuschel — lässt sich sehr gut mit den Beigaben in anderen Gräbern dieser Kultur vergleichen, darunter auch mit solchen aus Wagengräbern. Jede dieser Bestattungen erbrachte ein rübenförmiges Gefäß, häufig begehrten Bronzelanze und -messer, Knochen vom Schaf, Stier oder Pferd (darunter auch Schulterblätter), Flussmuschelschalen, Räucherlampen und Holzschalen.

Anhand der ¹⁴C-Datierung für ein Wagenfragment konnte das Grab zeitlich dem 23. Jahrhundert v. Chr. zugeordnet werden.

Wagen werden in der West-Manyč-Katakombengrabkultur meist Erwachsenen mit ins Grab gegeben, vor allem Männern über 35 Jahren. In einem Fall stammt ein Wagen aus einem „Familiengrab“ (Vertoletnoe pole, Kurgan 1, Grab 10). Als Kenotaph ist Balabinskij, Kurgan 24, Grab 7 zu zählen, fand sich doch

Масс-спектрометрические данные позволяют воссоздать историю жизни мужчины, погребенного в могильнике Улан IV. Значения $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$, полученные по коллагену костей, свидетельствуют, что как минимум последние 10 лет жизни в системе его питания преобладали морепродукты. В приморских районах, скорее всего в Приазовье и Причерноморье, мужчина мог жить постоянно либо проводить там долгое время, достаточное для того, чтобы изотопный сигнал его костей отличался от сигнала степных жителей. Ведь этот человек умер в довольно преклонном возрасте и был похоронен вместе с людьми, система питания которых была иной (Шишлина 2011).

В двух курганах могильника Улан IV были похоронены девять представителей западноманычской катакомбной культуры — мужчины, женщины и дети, включая новорожденных. Вероятно, курганы 3 и 4 использовались одной родственной группой как семейный некрополь. Все ее члены кочевали по степи, что подтверждается масс-спектрометрическими данными. Исключение составляют лишь двое мужчин, в системе питания которых преобладали морепродукты — в погребение одного положили повозку, в другое — жемчуг. Возможно, мужчина из погребения 15 прожил иную, чем его соплеменники, жизнь, был организатором и участником многочисленных дальних «походов».

Во многих погребениях повозки в разобранном виде помещались во входной камере катакомбы. Часто ориентировка повозки совпадает с меридиональной ориентировкой погребенного (север–юг), а когда сохранность позволяет установить направление «движения» повозки, оно точно совпадает с ориентировкой костяка (Андреева 1996). Известны случаи, когда ось расположенной во входной камере повозки была перпендикулярна оси погребенного (могильник Колдыри, курган 12, погребение 2). Детали разобранной повозки могли помещать в погребальной камере. В могильнике Шахаевский II (курган 2, погребение 8) одно из колес поставленной во входную камеру повозки являлось одновременно и своеобразным заслоном входа в погребальную камеру. В других погребениях вход в камеру закрыт колесом повозки (могильники Родионовский, Золотые Горки, Вертолетное поле). В этих захоронениях колеса становились конструктивным элементом погребальной ямы — «дверью», закрывающей вход в катакомбу.

Практически всегда в катакомбных захоронениях юга России и Украины повозки разобраны, колеса сняты с осей, положены плашмя. Как правило, разобранные повозки или их детали находились на дне входных камер, реже — непосредственно в погребальных камерах катакомб. Выйдя из употребления в реальном мире, повозка обретала новую «жизнь» в погребальном ритуале.

Повозки были небольшими, легко разбирались и собирались. Мобильность и конструктивные особенности определялись тем, что возникший должен был преодолевать труднопроходимые узкие горные перевалы; при необходимости он мог разобрать повозку и поместить ее на тягловых животных, пройти маршрут, а затем быстро собрать и двигаться дальше. Такая традиция, вероятно, существовала и в восточной части евразийских степей (Новожинов 2012. С. 231).

Новые данные исследований западноманычской катакомбной культуры позволяют предположить, что в Подонье в этот период существовал центр или центры производства колесного транспорта.

Итак, найденная в могильнике Улан IV повозка подтверждает (наряду с остальными синхронными находками аналогичных изделий) идею о подвижной скотоводческой хозяй-

in der Grabkammer nicht ein einziger Knochen eines Menschen. In drei anderen Fällen waren nur einzelne Knochen niedergelegt (Власкин 2008; Рогудев 2008). Dies könnte als indirekter Hinweis verstanden werden, dass der Mensch weit vom Grab entfernt den Tod gefunden hat und nur Teile seines Körpers bestattet werden konnten.

Ergebnisse massenspektrometrischer Untersuchungen erhellen die Lebensgeschichte des Mannes, der in Ulan IV bestattet worden ist. Die $\delta^{13}\text{C}$ - und $\delta^{15}\text{N}$ -Werte, die für das Knochenkollagen ermittelt wurden, belegen, dass zumindest in den letzten 10 bis 20 Jahren seines Lebens in seiner Nahrung Meeresfrüchte überwogen haben müssen. Entweder hat der Mann ausschließlich in küstennahen Gegenden, wahrscheinlich im Azovgebiet und im Schwarzmeerraum, gelebt oder zumindest eine so lange Zeit dort verbracht, dass sich das Isotopensignal seiner Knochen von dem der Steppenbewohner unterscheidet. Der Mann ist in recht hohem Alter gestorben und wurde zusammen mit Menschen einer Kultur bestattet, die ein völlig anderes Essverhalten praktizierten (Шишлина 2011).

In zwei Kurganen des Gräberfelds Ulan IV wurden insgesamt neun Vertreter der West-Manyč-Katakombengrabkultur bestattet, Männer, Frauen und Kinder (darunter auch Neugeborene). Vermutlich wurden die Kurgane 3 und 4 von einer Verwandtschaftsgruppe als Familiennekropole genutzt. Wie massenspektroskopische Untersuchungen zeigten, nomadisierten die Mitglieder dieser Gruppe durch die Steppe. Eine Ausnahme stellen nur zwei Männer dar, in deren Essverhalten Meeresfrüchte überwogen; einem von ihnen war der Wagen beigegeben wurden, dem anderen Perlen. Möglicherweise hatte der Mann aus Grab 15 ja ein anderes Leben geführt, das von dem seiner Stammesgenossen abwich, indem er zum Beispiel zahlreiche lange Märsche organisiert und unternommen hat.

In vielen Bestattungen wurden Wagenteile im Eingangsbereich des Schachtgrabes der Katakombe niedergelegt. Häufig fällt dabei die Ausrichtung des Wagens mit der meridionalen Orientierung des Toten (Nord-Süd) zusammen; lässt der Erhaltungszustand des Wagens noch Rückschlüsse auf die „Fahrtrichtung“ zu, dann entspricht diese stets der Ausrichtung des Skeletts (Андреева 1996). Ferner sind Fälle bekannt, in denen die Anordnungsachse des Wagens im Eingangsschacht senkrecht zur Ausrichtungsachse des Toten lag (Koldyri, Kurgan 12, Grab 2).

Wagenteile konnten aber auch in der Grabkammer selbst niedergelegt werden. Im Gräberfeld Šachaevskij II, Kurgan 2, Grab 8 versperrte eines der Räder des im Eingangsschacht deponierten Wagens den Zugang zur Grabkammer. In anderen Bestattungen wurden die Räder eigens abgebaut, um mit ihnen den Zugang zur Kammer zu blockieren (Radionovskij, Zolotoe Gorki, Vertoletnoe pole). Damit fungierten die Räder in diesen Bestattungen als Konstruktionselement der Grabgrube, dienten als „Tür“, die den Eingang zur Grabkammer verschlossen.

Nahezu in allen Katakombengräbern im Süden Russlands und der Ukraine waren die Wagen demontiert, die Räder von der Achse genommen und flach niedergelegt worden. In der Regel fanden sich der Wagen oder seine Teile am Boden des Eingangsschachts, in Ausnahmen aber auch in der Grabkammer selbst. Ausgehend von seiner Funktion in der realen Welt gewann der Wagen mithin im Totenritual „neues Leben“.

Die Wagen waren nicht sehr groß und ließen sich leicht zusammen-, aber auch wieder auseinanderbauen. All dies erklärt sich damit, dass der Fuhrmann schwer passierbare schmale Bergpfade überwinden musste. Notfalls konnte er also den Wagen auseinander nehmen und die Einzelteile auf die Zugtiere

ственной модели, предполагающей использование колесного транспорта для сезонных перекочевок населения в рамках освоенной экологической ниши. Повозки могли также служить жилищем.

Согласно данным масс-спектрометрического анализа, погребенный хозяин повозки — мужчина солидного возраста, большую часть жизни провел в перекочевках, длительных походах, включающих долгое проживание в приморских, предположительно, приазовских или причерноморских районах. Особый статус этого человека соплеменники подчеркнули тем, что поместили повозку в его могилу. Довольно редкое явление в погребальном обряде манычских катакомбных культур — наличие повозки в захоронении — делает данное погребение неординарным.

laden, um seinen Weg fortzusetzen und den Wagen dann später wieder zusammenbauen. Diese Tradition dürfte es vermutlich auch im östlichen Teil der eurasischen Steppe gegeben haben (Новожинов 2012, 231).

Neue Untersuchungsergebnisse zur West-Manyč-Katakombengrabkultur legen die Vermutung nahe, dass während der Katakombengrabkultur im Dongebiet ein oder mehrere Zentren zur Herstellung von Radfahrwerken existiert haben müssen.

Der im Gräberfeld Ulan freigelegte Wagen bestätigt wie auch weitere entsprechende Funde die Hypothese, dass sie aus einer mobilen Viehhaltergesellschaft stammen, die Wagen benutzte, wenn sie auf der Suche nach einer neuen ökologischen Nische saisonbedingt weiterzog. Diese Wagen könnten darüber hinaus auch als Wohnstätte gedient haben.

Wie die massenspektrometrische Analyse gezeigt hat, war der Tote, der Besitzer des Wagens von Ulan, ein Mann fortgeschrittenen Alters, der einen großen Teil seines Lebens auf Wandschaft verbracht hat und lange im küstennahen Bereich gelebt haben muss, vermutlich im Asovgebiet oder im Schwarzmeerraum. Den besonderen Status dieses Mannes unterstrichen seine Stammesgenossen dadurch, dass sie ihm den Wagen mit ins Grab gaben. Da Wagen in der Manyč-Katakombengrabkultur nur sehr selten sind, sei an dieser Stelle noch einmal der außergewöhnliche Charakter dieser Bestattung betont.

Дальние контакты в эпоху бронзы

Fernkontakte in der Bronzezeit

Наталья Шишлина

Steppe und Kaukasus — диалог культур

Natalija Šišlina

Steppe und Kaukasus. Ein Dialog der Kulturen

Прошло не одно тысячелетие, прежде чем на самом крайнем пространстве степей Евразии возникли первобытные цивилизации бронзового века. В Евразийской степи сложилось подвижное пастушеское скотоводство. В основе технологических и социальных рычагов управления и функционирования такого хозяйства лежали экономические, экологические, демографические, социальные и идеологические факторы. В зависимости от исторической ситуации они могли играть разную роль, не всегда прогрессивную. Тем не менее расцвет этой системы говорит об использовании всех природных ресурсов, развитии животноводства, ремесленном производстве, многоступенчатом обмене.

Свидетельства этих событий — тысячи курганов IV–II тыс. до н. э., созданные многочисленными культурными группами, относившимися к разным антропологическим типам, имевшими различные погребальные обряды, костюм и бытовой инвентарь.

Steppe развивалась не в изоляции от сопредельных территорий. Она была частью «большой евразийской ойкумены», в которую входили долины крупных рек — Волги и Дона, побережья Каспийского и Черного морей; южным рубежом ее можно считать главный хребет Кавказских гор, северным — лесостепь средней полосы России. Мозаике ландшафтов этой части степи соответствовала культурная мозаика (ил. 1).

Степняки на протяжении многих веков поддерживали и сохраняли особую связь с «кавказским коридором». Отрванные от оседлых производственных центров в течение длительного периода, они развивали собственную металлообработку, текстильное производство, столярное дело и другие ремесла. Их южные соседи, жившие вдоль быстрых горных рек, на плоскогорьях, в горах, покрытых лесами, на открытых степных площадках, занимались земледелием, добычей и обработкой руды, а также изготовлением разнообразных изделий — от тяжелых бронзовых боевых топоров до изящных серебряных колец. В мастерских трудились гончары, плотники, текстильщики, оружейники, ювелиры. Их произведения неведомыми нам путями проникали в степи. Следом уже проторенными дорогами шли и сами представители кавказских народов.

Определяя уровень мобильности древнего населения, мотивацию его перемещений, связь с природными катаклизмами, демографическими процессами, сезонными кочевками, изучая социальные причины, можно не только вернуться к новому прочтению общей исторической ситуации в этой части Европы, но и узнать о жизни безымянного человека, который и создал героическую историю эпохи бронзового века.

Вор тысячелетиями существовали в бескрайних степях Евразии древнейшие цивилизации бронзового века. Es bildete sich ein mobiles Hirtentum heraus. Die Grundlage der technologischen und sozialen Steuerung und des Funktionierens dieser Wirtschaftsform waren mit ökonomischen, ökologischen, demographischen, gesellschaftlichen und weltanschaulichen Faktoren gegeben. Je nach konkreter historischer Situation spielten sie unterschiedliche, dabei jedoch keineswegs immer progressive Rollen. Dennoch spricht die Blütezeit dieses Systems für eine Nutzung aller natürlichen Ressourcen, eine hoch entwickelte Viehzucht, handwerkliche Produktion und einen umfassenden Tauschhandel.

Dies lässt sich auch an den Tausenden von Kurganen aus dem 4.–2. Jahrtausend v. Chr. ablesen, die von kulturellen Gruppen angelegt wurden, welche unterschiedlichen archaischen Typen angehörten und jeweils eigene Totenrituale, Trachten und Alltagsgegenstände hatten.

Die Steppe entwickelte sich dabei durchaus nicht unabhängig von den Nachbarregionen. Sie war stets ein Teil der „großen eurasischen Ökumene“, zu der die Becken der großen Flüsse Wolga und Don ebenso zählten wie die Küsten des Kaspischen und des Schwarzen Meers. Als südliche Grenze ist der Hauptkamm des Kaukasus anzusetzen, als nördliche die Waldsteppe im europäischen Teil Russlands und bis nach Weißrussland und Bulgarien. Das Landschaftsmosaik ging mit einem entsprechenden kulturellen Mosaik einher (Abb. 1).

Die Steppenbewohner unterhielten über viele Jahrhunderte eine besondere Beziehung zum „kaukasischen Korridor“. Über einen langen Zeitraum von den Produktionszentren der sesshaften Bevölkerung abgeschnitten, bauten sie eine eigene Metallverarbeitung, Textilherstellung, ein eigenes Tischlerwesen und andere Handwerkszweige auf. Ihre Nachbarn im Süden, die an den schnell strömenden Flüssen, auf Hochplateaus, in bewaldeten Bergen und offenen Steppen lebten, gingen Ackerbau, Jagd und Metallverarbeitung nach, wobei sie ganz unterschiedliche Produkte herstellte, angefangen von schweren Streitaxten aus Bronze bis hin zu aparten Silberringen. In den Handwerksstätten arbeiteten Töpfer, Zimmerleute, Textilarbeiter, Waffenschmiede und Juweliere. Ihre Erzeugnisse gelangten auf bisher unbekanntem Weg auch in die Steppe. Ihnen sollten irgendwann Vertreter der kaukasischen Völker selbst folgen.

Betrachtet man den Grad der Mobilität dieser alten Bevölkerung sowie die Motive für ihre Wanderungen einmal genauer und stellt beides in einen Kontext mit etwaigen Naturkatastrophen, der demographischen Entwicklung, den jahreszeitlich bedingten Nomadenzügen und den gesellschaftlichen Gegebenheiten, gelangt man nicht nur zu einer Neuinterpretation

Ил. 1. Степи Прикаспия
Abb. 1. Steppe im Kaspigebiet

Причин, заставивших людей перемещаться в эпоху бронзы, много. Особую роль играла окружающая среда. В условиях, когда происходило резкое ухудшение климата, человек искал природные зоны, близкие по типу тем, в которых он родился и вырос. Для решения экономических проблем климатические условия могли оказаться определяющими. Вероятнее всего, миграционные процессы шли не так стремительно и не были похожи на отчаянное бегство или сознательно организованное и хорошо спланированное переселение многочисленных племен, ведь уровень социального единства общества не был еще так высок, чтобы отдельные семейные группы и племена объединялись в политическую или иную организацию. Но люди общались, обменивались идеями, продуктами сельскохозяйственного и ремесленного производства, постепенно налаживая более тесные личные связи.

В степи не было ни одного источника металла, да и организовать поначалу производство высококачественной ремесленной продукции было нелегко. А горные районы Северного Кавказа богаты медными и серебряными рудами, золотом, мышьяком, высоко ценившимися в древности каменными породами — змеевиком, мрамором,

der historischen Situation in diesem Teil Europas insgesamt, sondern vermag auch das Leben jenes namenlosen Menschen zu rekonstruieren, der die heldenhafte Geschichte in der Bronzezeit prägte.

Die Gründe, welche die Menschen in der Bronzezeit zu ihren Wanderungen zwangen, waren vielfältig. Von entscheidender Relevanz dürften Umweltfaktoren gewesen sein. Bei starken Klimaverschlechterungen suchte der Mensch nach neuen Gebieten, die von ihren natürlichen Bedingungen her möglichst dem ähneln sollten, in dem er geboren und aufgewachsen war. Auch bei der Lösung wirtschaftlicher Probleme konnten klimatische Bedingungen ausschlaggebend sein. Diese Migrationsprozesse glichen einerseits zwar keineswegs einer überstürzten Flucht, erinnerten aber andererseits auch nicht an eine gut geplante Umsiedlung zahlreicher Stämme, war das Niveau der gesellschaftlichen Organisation doch noch längst nicht so hoch, dass sich einzelne Familienverbände und Stämme zu einer politischen oder sonstigen Gemeinschaftsform zusammengefunden hätten. Des ungeachtet standen die Menschen miteinander in Kontakt, tauschten ihre Ansichten und Ideen ebenso aus wie ihre landwirtschaftlichen Erzeugnisse und Handwerksprodukte; ihre zersplitterte Organisation ergab sich zudem engere persönliche Beziehungen.

In der Steppe gab es keine Metallvorkommen, auch der Aufbau eines qualitativ hochwertigen Handwerkswesens gestaltete sich anfangs mühevoll. Die Berggegenden des Nordkaukasus

серпентинитом. Metallургическое производство требовало усилий небольших, но узкоспециализированных общин. Оно поддерживалось трудом семейных групп, члены которых — рудокопы, литейщики, кузнецы, ювелиры, резчики литейных форм — были мастерами-универсалами. Владевшие приемамиковки, сварки и литья, они выполняли такие операции, как вытяжка, плющение, кручение, наклеп, тиснение. Именно эти мастера заложили основы ремесленного производства и обмена между жителями степи и Кавказа.

В результате в степной среде распространились простейшие металлургические навыки. Ковка, литье, отжимка и заточка позволяли мастерам держать всю утварь в порядке. Но регулировать операции кузнечной формовки на высоком уровне степняки еще не умели, их квалификация была низкой, не хватало опыта. Слитки, заготовки изделий, да и сами предметы производства обменивались на молочные продукты, соль, кожу, шкуры и шерсть, и конечно, на самих животных — основное степное богатство, по ценности соотносимое с кавказским импортом.

Обмен — это всегда общение человека с человеком. Продукт надо осмотреть, повертеть в руках, подумать, что не жалко за него отдать. За неторопливыми разговорами могли последовать более серьезные дела, а вероятные межплеменные браки потянули за собой глубокие родственные взаимоотношения.

Археологические источники отчетливо свидетельствуют, что индивидуальные предметы быта и украшения принадлежали людям, жизнь которых была связана и со степью, и с Кавказом.

Освоение степи с ее разнообразными ландшафтами и климатическими условиями требовало определенного уровня технологических знаний. Хотя на песках, солончаках, плато водоразделов, в речных и приозерных долинах, в поймах, в приморской полосе пастбищ было много, их продуктивность менялась в зависимости от времени года, гололеда, засухи; экологическая ситуация также влияла на характер растительного покрова.

Одна из ключевых ландшафтных характеристик, свидетельствующих о возможности использования тех или иных территорий в качестве зимнего кочевья, — глубина снежного покрова. Овцы и коровы не могут добывать корм из-под снега. Обычно первыми на пастбище пускали табуны, так как лошади способны тебеневать — раскапывать копытами снег в поисках корма. Но и при небольшом снежном покрове или при его отсутствии, при условии значительных отрицательных температур почва промерзает, делая корм недоступным для скота.

Малейшие изменения природно-климатических условий вместе с антропогенным воздействием приводили к истощению пастбищ и водных источников, перевыпасу. Поиск плодородных земель уводил пастухов далеко на юг, в предгорья и горы Северного Кавказа, на побережье.

В свою очередь жители северокавказского региона заглядывались на степные угодья, предпочитая сохранить травостой на своих зимниках. Такая система земледелия еще больше способствовала упрочению взаимосвязи и взаимовлияния двух регионов — степи и Кавказа.

Майкопский феномен (3600–3000 г. до н. э.)

В узкой предгорной полосе Северного Кавказа, в речных долинах располагались небольшие майкопские поселения. Природные условия приречных луговых и степных водораздельных пастбищ благоприятствовали развитию оседлого скотоводства — свиноводства, овцеводства, смешан-

waren dagegen reich an Kupfer- und Silbervorkommen, Gold, Arsen und Gesteinsarten, die in der Vergangenheit hoch geschätzt wurden, so beispielsweise Serpentine und Marmor. Die Metallverarbeitung setzte zwar keine großen Gemeinschaften, dafür jedoch hoch spezialisierte voraus. Diese waren mit Familienverbänden gegeben, deren Mitglieder als Bergleute, Gießler, Schmiede, Goldschmiede und Schnitzer von Gussformen arbeiteten und über breite Kenntnisse in diesem Wirtschaftsbereich verfügten. Sie verstanden sich aufs Schmieden, Schweißen und Gießen, vermochten Prozesse wie das Hämmern von Blechen, die Herstellung von Drähten, die Stempelverzierung und das Kalthämmern durchzuführen. Die Arbeit dieser Spezialisten bildete die Basis für Handwerk und Tauschhandel zwischen den Bewohnern der Steppe und denen des Kaukasus.

Die Folge davon war, dass sich die Steppenbewohner erste Kenntnisse in der Metallverarbeitung aneigneten. Das Schmieden, Gießen, Pressen und Schleifen erlaubte es ihnen, ihre Arbeitsgeräte nutzbar zu halten, selbst wenn sie die einzelnen Arbeitsschritte des Schmiedens noch nicht auf hohem Niveau durchführten, da es ihnen dazu an entsprechender Qualifikation und Erfahrung fehlte. Die Steppenbewohner tauschten Milchprodukte, Salz, Leder, Fell und Wolle, aber auch lebende Tiere, die ihren größten Reichtum darstellten, gegen Barren, Rohlinge und fertige Metallgegenstände aus dem Kaukasus ein.

Tauschhandel bedeutet stets den direkten Kontakt von zwei Menschen. Die Ware muss begutachtet und in der Hand gedreht werden, das Geschäft will wohlbedacht sein, damit es hinterher niemand bedauert. Das Gespräch konnte dabei jedoch auch auf Angelegenheiten größerer Tragweite kommen, und Ehen, die wohl zwischen Angehörigen zweier Stämmen geschlossen worden sein dürften, vertieften die Beziehungen noch, indem sie ihnen einen verwandtschaftlichen Aspekt gaben.

Wie archäologische Quellen eindeutig beweisen, gehörten individuelle Alltagsgegenstände und Schmuck aus dem entsprechenden Fundgut Menschen, deren Leben sowohl mit der Steppe als auch mit dem Kaukasus verbunden war.

Wer in die Steppe mit ihren unterschiedlichen Landschaften und klimatischen Bedingungen vordringen wollte, musste über bestimmte technische Kenntnisse verfügen. Auf den Sand- und Salzböden, den Plateaus entlang der Wasserscheiden, in den Fluss- und Seebecken, den Auen und im Küstenstreifen des Meeres gab es zwar zahlreiche Weideplätze, ihre Nutzungsmöglichkeiten hingen indes von der Jahreszeit, Vereisung oder Dürre ab. Zudem beeinflusste die ökologische Situation die Beschaffenheit der Vegetationsdecke.

Eines der landschaftlichen Schlüsselmerkmale, die in ihrer Gesamtheit entscheiden, ob ein Gebiet als Winterweidefläche dienen kann oder nicht, ist die Höhe der Schneedecke. Schafe und Kühe gelangen nicht an Futter, das sich unter dieser Decke befindet. Als Erstes wurden im Winter daher meist Pferde auf eine Weide gelassen, können diese Tiere ihr Futter doch auch unter der Schneedecke finden, indem sie mit den Hufen danach scharren. Doch selbst wenn die Schneedecke nicht sehr hoch war oder fehlte, konnte bei starken Minusgraden der Boden so gefrieren, so dass die Tiere nicht mehr an Futter gelangten.

Schon kleinste Veränderungen der natürlichen oder klimatischen Bedingungen zogen zusammen mit den Aktivitäten des Menschen Erschöpfung der Weiden und Wasserreservoirs sowie Überweidung nach sich. Die Suche nach fruchtbaren Böden führte die Hirten dann weit in den Süden, in die Vorgebirge und Berge des Nordkaukasus und ins Küstengebiet.

Um den Grasbestand der Winterweideflächen zu erhalten, begaben sich die Bewohner der nordkaukasischen Region daher in Steppengebiete.

ного типа пастушества с разведением крупного и мелкого рогатого скота. Высокогорные территории осваивались редко, жители таких поселков охотились, занимались рыболовством и собирательством.

Славу ремесленникам майкопской культуры принесли многочисленные производства, которые уже в середине IV тыс. до н. э. достигли высочайшего уровня: гончарное (с применением гончарного круга), металлургическое, ювелирное. Земледельцы разводили лен, ткачи изготавливали нити тонкой крутки и на простой четырехугольной раме либо табличках ткали полотно высокого качества. Импортные шерстяные и хлопчатобумажные окрашенные ткани, краситель-минерал монтроидит, изделия из лазурита, многочисленные золотые и серебряные украшения свидетельствуют о том, что жители Северного Кавказа организовывали сложные обменные операции с населением не только Южного Кавказа, но, возможно, и Средней Азии (монтроидит из Туркменистана), Ирана или Забайкалья (лазурит), Леванта (шерстяные и хлопковые окрашенные ткани). Они развивали многоотраслевое комплексное хозяйство, включавшее и организацию длительных походов за сырьем и изделиями, и пастушескую деятельность.

Такая ориентация на экономическое использование далеких земель привела к тому, что представители майкопской культуры продвинулись глубоко на север, в степь. Одной из причин этого, возможно, был экологический фактор: между горами и освоенными речными системами слишком мало плодородных земель, а горные пастбища не осваивались. Природные условия в приречных и приозерных долинах Прикаспия и Подонья, расположенных в 600–700 км от основного ареала культуры, вполне могли соответствовать природной среде, близкой выходцам с Северного Кавказа: на основной территории формирования майкопской культуры господствовали открытые степные ландшафты с преобладанием разнотравных и злаковых сообществ.

Такой выход в степь был сезонным, связанным с развитием овцеводства. Там, где археологами определен сезон совершения захоронений, это всегда поздняя весна, лето, начало осени (Шарахалсун, Манджикины, Улан, Песчаный). Летом на освоенных придолинных и предгорных пространствах Северного Кавказа преобладали высокие температуры, здесь существовал дефицит влагообеспечения, а зимы не способствовали образованию высокого снежного покрова. В этих условиях чередование летних и зимних угодий позволяло поддерживать стабильность экономической системы.

Придомное животноводство, паводки, колебания климата могли приводить к деструкции используемых угодий и необходимости поиска новых. Земледелие в сухой степи невозможно. Согласно палеоботаническим данным, жители Кавказа собирали дикие злаки, ловили рыбу. В степных походах принимали участие мужчины зрелого и преклонного возраста, а также мальчики и юноши; погребения взрослых женщин редки.

Облик кавказцев отличался от облика степных широколицых жителей — у них были более узкие и длинные лица с покатым лбом и выступающим носом. Если они умирали на чужбине, их хоронили согласно древнему погребальному обряду: под небольшими курганными насыпями, в ямах и катакомбах, оставляя в погребениях часть взятых в дорогу вещей — предметы гончарного, металлургического, косторезного, камнерезного, текстильного производств, созданных в северокавказских мастерских основной метрополии майкопской культуры (ил. 2).

Das Maikop-Phänomen (3600–3000 v. Chr.)

In dem schmalen Vorgebirgsstreifen des Nordkaukasus und in den Flussbecken lagen kleinere Siedlungen der Maikop-Kultur. Die natürlichen Bedingungen der flussnahen Weiden und der als Weideplätze genutzten Wasserscheiden in der Steppe brachten eine sesshafte Form der Schweine- und Schafzucht und eine Weidemischform mit der Haltung von großem und kleinem Hornvieh hervor. Die Hochgebirgsterritorien hatten für Viehzüchter geringen Reiz, die Bewohner dort waren Jäger, Fischer und Sammler.

Den Ruhm der Handwerker der Maikop-Kultur begründeten zahlreiche Erzeugnisse, die bereits in der Mitte des 4. Jahrtausends v. Chr. hohe Qualität erkennen ließen; das galt sowohl für die Töpferkunst (mit scheibengedrehter Keramik) als auch für die Metallverarbeitung und Goldschmiedekunst. Die Bauern bauten Flachs an, die Weber stellten fein gedrehte Fäden her und webten mithilfe einfacher viereckiger Rahmen oder Tafeln hochwertiges Leinen. Eingeführte Wolle und gefärbte Baumwollstoffe, das Färbeminerale Montroydit, Lasuritgegenstände, zahlreiche Gold- und Silberschmuckstücke zeugen davon, dass die Bewohner des Nordkaukasus einen diffizilen Tauschhandel nicht nur mit der Bevölkerung des Südkaukasus, sondern vermutlich auch mit der Zentralasiens (der Montroydit stammte aus Turkmenistan), aus dem Iran oder dem Transbaikalraum (Lasurit) und der Levante (Wolle und gefärbte Baumwollstoffe) unterhielten. Ihre Wirtschaft musste komplex aufgebaut sein, die einerseits lange Wanderzüge zur Beschaffung von Rohstoffen und Fertigprodukten bedingte, andererseits das Weiden von Vieh beinhaltete.

Diese wirtschaftliche Ausrichtung, die auf der Verbindung zu weit entfernten Gebieten basierte, führte wiederum dazu, dass Vertreter der Maikop-Kultur weit nach Norden in die Steppe vorstießen. Einer der Gründe dafür dürfte wohl auch in einem ökologischen Faktor gelegen haben: Zwischen den Bergen und den erschlossenen Flussgegenden gab es zu wenig fruchtbaren Boden, Weideplätze in den Bergen waren jedoch nicht erkundet. Die natürlichen Bedingungen in den Fluss- und Seebecken des Kaspischen und Dongebiets, die 600–700 km vom angestammten Verbreitungsgebiet der Kultur entfernt lagen, könnten durchaus denen entsprechen haben, die diese „Nordkaukasus-Pioniere“ kannten, befanden sich doch auch in dem Territorium, in dem sich die Maikop-Kultur herausbildete, offene Steppenlandschaften mit Grasvielfalt, der auch für den Getreideanbau geeignet war.

Das Vordringen in die Steppe war zunächst saisonal bedingt und mit der Entwicklung der Schafzucht verbunden. In den Fällen, in denen bestimmt werden kann, zu welcher ein Grab angelegt wurde, ist es immer der späte Frühling, Sommer oder der Herbstbeginn (Šarachalsun, Mandžikiny, Ulan, Peščanyj). Im Sommer herrschten in den erschlossenen Fluss- und Seebecken sowie in den Vorgebirgsbereichen des Nordkaukasus hohe Temperaturen: Es bestand ein Feuchtigkeitsdefizit, und auch die Winter brachten nicht viel Schnee mit sich. Unter diesen Bedingungen garantierte der Wechsel von Sommer- und Winterweideplätzen die Stabilität des wirtschaftlichen Systems.

Eine nicht nomadisierende Form der Viehzucht, Überschwemmungen und Klimaschwankungen könnten durchaus zu einer Verarmung des genutzten Bodens geführt und damit die Suche nach neuem Land notwendig gemacht haben. Ackerbau ließ sich in der trockenen Steppe nicht betreiben. Wie paläobotanische Untersuchungen zeigen, sammelten die Bewohner des Kaukasus wilde Süßgräser und fingen Fische. An den Zügen in die Steppe nahmen Männer reifen und fortge-

Ил. 2. Прикаспийские степи. Могильник Манджикины 1, курган 14, погребение 13. Майкопская культура

Abb. 2. Kaspisteppen. Gräberfeld Mandžikiny 1, Kurgan 14, Grab 13, Maikop-Kultur

Такие откочевки на многие сотни километров были возможны, поскольку майкопцы уже использовали колесный транспорт.

Пока не ясно, была ли это попытка колонизации степей или просто сезонное освоение небольшими семейными коллективами (мужчины, женщины и дети) пустующих «целинных» земель, расположенных вдоль речных и озерных долин. Использование северных территорий было коротким, и только небольшие группы смешались с местным населением в пограничных районах и даже обосновались на Нижнем Дону. Перекочевки населения с юга прервались с резким ухудшением климата. Аридизация изменила их маршруты, сделала невыгодным передвижение даже с небольшим количеством домашних животных. Однако влияние, которое майкопские пастухи и воины оказали на местное степное население, не пропало. Главные хозяйственные достижения кавказских жителей — металл, оружие, текстиль, керамика — копировались и тиражировались умелыми местными мастерами. Наступила новая эпоха.

Эпоха стабильности ямной культуры (3000–2500 гг. до н. э.)

Пастушеская жизнь манила свободой. Плодородные пастбища с озерами, ручьями в балках заполнились стадами овец, коров и быков. Постепенно началось освоение открытой степи. Развитие ямной культуры пришлось на благоприятный климатический период — было влажно и тепло. Но в конце первой половины III тыс. до н. э. началось резкое ухудшение климата.

Освоенные степные пространства предоставляли большие возможности для круглогодичного пастушеского хо-

сrittenen Alters teil, aber auch Jungen und Heranwachsende, während Bestattungen adulter Frauen nur selten zu finden sind.

Die Kaukasier unterschieden sich rein äußerlich von den breitgesichtigen Steppenbewohnern durch das schmalere und längere Gesicht mit der fliehenden Stirn und der vorspringenden Nase. Wenn sie in der Fremde starben, wurden sie nach dem alten Totenritual bestattet, d. h. unter einer kleineren Hügelauftschüttung, in Gruben und Schachtgräbern. Ein Teil der wertvollen Gegenstände, die sie mit sich führten, wurde ihnen ins Grab mitgegeben; dabei handelte es sich um Keramik- und Metallerzeugnisse, Knochen- oder Steinschnitzereien und Textilien, die von nordkaukasischen Meistern in der Hauptmetropole der Maikop-Kultur angefertigt worden waren (Abb. 2). Die langen Strecken vermochte die Maikop-Bevölkerung unter anderem deshalb zu bewältigen, weil sie den Wagentransport bereits kannte.

Bisher konnte noch nicht geklärt werden, ob diese Migrationen den Versuch einer Kolonisierung bedeuteten oder ob lediglich kleine Familienverbände (Männer, Frauen und Kinder) saisonal die „jungfräulichen“ Steppengebiete an den Fluss- und Seenbecken nutzen wollten. In den nördlichen Territorien blieben sie zumindest nur für kurze Zeit. Es vermischten sich auch nur kleine Gruppen mit der lokalen Bevölkerung in den Grenzregionen oder ließen sich am unteren Don nieder. Die Nomadenzüge der Bevölkerung aus dem Süden fanden dann mit einer jähen Klimaveränderung ein Ende. Die Austrocknung veränderte die Routen, so dass es sich nicht mehr rentierte, selbst mit einer geringen Zahl von Weidetieren weiter zu ziehen. Der Einfluss, den die Maikop-Hirten und -Krieger auf die lokale Steppenbevölkerung ausgeübt hatten, erwies sich dagegen als nachhaltiger. Geschickte Meister vor Ort kopierten und produzierten nunmehr die typischen Erzeugnisse der Bevölkerung aus dem Kaukasus, Arbeiten aus Metall, Stoff und Keramik sowie Waffen illustrieren dies. Damit brach eine neue Epoche an.

Die Zeit der Stabilität in der Grubengrabkultur (3000–2500 v. Chr.)

Der Reiz des Hirtenlebens lag in der Freiheit. Auf in Schluchten gelegenen fruchtbaren Weiden mit Seen und Bächen waren bald Schaf-, Kuh- und Stierherden zu sehen. Allmählich erschloss man die offene Steppe. Die Entwicklung der Grubengrabkultur fiel in eine klimatisch günstige Periode, in der es feucht und warm war. Am Ende der ersten Hälfte des 3. Jahrtausends v. Chr. setzte dann jedoch eine drastische Klimaverschlechterung ein.

Die erschlossenen Steppengebiete boten gute Möglichkeiten, die Weidewirtschaft das ganze Jahr hindurch zu betreiben. Die Topographie der Gräberfelder, Alter und Geschlecht der Toten und die Jahreszeit, in der die Gräber angelegt wurden, legen die Vermutung nahe, dass an den Weidezügen kleine Familienkollektive teilnahmen, denn in den Hügelgräberfeldern am Don und in Kalmykien wurden Männer und Frauen unterschiedlichen Alters sowie Kinder nach demselben Totenritual bestattet.

Im Winter zogen die Hirten hauptsächlich an den Flüssen entlang, doch auch im Sommer entfernten sie sich nie sehr weit von ihnen. Die Angehörigen wurden im Bereich der Winterweideflächen in Gräberfeldern der Sippe bestattet. Die Weidezüge beschränkten sich auf ein recht kleines Gebiet, entfernten sich die Hirten doch nur zehn bis zwanzig Kilometer von den Flüssen, an denen sie im Winter lebten, oder den Wasserscheiden, an denen sie sich im Sommer und Herbst aufhielten. Als Winterweideplätze suchten sie Stellen aus, an denen Schilf und Röhricht aus der Schneedecke herausragten. Feste Sied-

зайства. Топография могильников, половозрастные определения, сезон совершения погребений позволяют предположить, что в перекочевках участвовали небольшие семейные коллективы. В курганах могильников Подонья и Калмыкии по одинаковому обряду похоронены мужчины и женщины разных возрастных групп и дети.

Зимой пастухи кочевали преимущественно вдоль рек, но и летом не удалялись от них на большие расстояния. Поэтому своих сородичей хоронили в родовых могильниках на территории зимних кочевий. Перекочевки велись на небольшой территории — в пределах 10–20 км от реки, где жили зимой, к ближайшим водоразделам, где кочевали летом и осенью. Для зимних пастбищ выбирали участки, где над уровнем снежного покрова возвышались тростник и камыш. Стационарные поселения отсутствовали, перекочевки внутри региона были регулярными. При таком разнообразном образе жизни развивались ремесла — гончарное, косторезное, текстильное. Возможно, местные мастера владели навыками металлообработки, изготавливая в домашних условиях простейшие орудия и оружие.

Была ли такая стабильная жизнь закрытой? Или все-таки прикаспийские степняки контактировали с обитателями других районов, в первую очередь Кавказского региона?

Материалы погребальных комплексов свидетельствуют, что местные жители получали с юга металл, статусные украшения (бусы, подвески, бляхи), возможно, повозки. В обмен степняки могли предложить, скорее всего, домашние животные, некоторые продукты питания (вяленое и сушеное мясо и рыбу, молочные продукты), предметы домашнего производства (кожаные и текстильные изделия, костяные украшения). Были ли эти предметы результатом многоступенчатого обмена или в степь с Кавказа и обратно проникали сами представители южных культур?

Показания масс-спектрометрического исследования позволяют ответить на эти вопросы. Соотношение этноботанических (изучение содержимого сосудов, желудков, межзубного пространства) и изотопных (значения ¹³C и ¹⁵N) данных свидетельствует, что степняки собирали и ели степные растения, в том числе злаки, бобовые, цикориевые, а также корневища и плоды. Из диких злаков грубого помола варили кашу. Ее готовили не только на простой воде, но и на мясном бульоне. Большое место в ежедневном рационе занимали речные продукты — рыба и раковины съедобных моллюсков (перловиц, полудины). Ни в одном из многочисленных исследованных образцов грунта не найдены следы культурных злаков. Возможно только одно объяснение: земледельцы южных территорий, в первую очередь Северного Кавказа, выращивали зерно, овощи в незначительном объеме, едва удовлетворяя собственные потребности. И потому зерно вряд ли могло стать предметом обмена.

В системе питания выявлена половозрастная дифференциация. Представители самостоятельных групп использовали в перекочевках пищевые ресурсы разных степных угодий. Некоторые люди испытывали пищевые стрессы, вызванные голоданием и переходом на однокомпонентную систему питания; а может быть, они принадлежали к семейным группам, имевшим иные кулинарные пристрастия. Данные изотопов углерода и азота, полученные по коллагену костей мужчины и женщины преклонного возраста из ямного захоронения могильника Улан IV, свидетельствуют, что они питались из одного горшка, поэтому изотопный сигнал у них одинаковый. Мы полагаем, это была супружеская пара, прожившая в степи всю жизнь.

lungen fehlten, dazu zogen die Hirten innerhalb dieser Region zu regelmäßig weiter. Unter diesen Bedingungen entwickelte sich das Handwerk, die Töpferkunst, Beinschnitzerei und die Textilverarbeitung, möglicherweise verfügten die lokalen Meister auch über Kenntnisse in der Metallverarbeitung und stellten gleichsam in ihrer Freizeit einfache Werkzeuge und Waffen her.

Es bleibt die Frage, ob diese stabile Lebensform sich gegen andere abgrenzte oder ob die Steppenbewohner im Kaspigebiet Kontakte zu anderen Regionen, vor allem zum Kaukasus, unterhielten.

Die Materialien aus den Gräbern beweisen, dass die lokale Bevölkerung Metall, prestigeträchtige Schmuckstücke (Perlen, Anhänger, Zierbleche) und möglicherweise auch Wagen aus dem Süden bezog. Im Tausch dürften die Steppenbewohner vor allem Haustiere angeboten haben, eventuell auch verschiedene Nahrungsmittel (getrocknetes und gedörrtes Fleisch bzw. Fisch, Milchprodukte) oder Erzeugnisse ihrer häuslichen Produktion (Leder- und Textilwaren, beinerne Schmuckstücke). Das wiederum wirft die Frage auf, ob dieser Tauschhandel über Zwischenstationen erfolgte oder ob die Vertreter der südlichen Kulturen aus dem Kaukasus dafür selbst bis in die Steppe kamen.

Jüngere massenspektrometrische Analysen geben Antworten auf diese Fragen. Ergebnisse ethnobotanischer Untersuchungen von Rückständen in Gefäßen, im Magen und zwischen den Zähnen zeigten in Kombination mit den Isotopensignalen (¹³C und ¹⁵N), dass die Steppenbewohner Steppenpflanzen sammeln und aßen, so Süßgräser, Hülsenfrüchte und Zichorien, aber auch Wurzelstöcke und Früchte. Aus grob gemahlene Süßgräsern kochten sie Brei, dies sowohl mit Wasser als auch mit Fleischbrühe. Eine wichtige Rolle im Ernährungssystem spielten zudem Fische und essbare Muscheln (Flussmuscheln und andere). In keiner der zahlreichen untersuchten Bodenproben ließen sich dagegen Spuren kultivierter Cerealien nachweisen. Das lässt nur eine Erklärung zu: Die Ackerbauern der südlichen Gebiete und vor allem des Nordkaukasus bauten Getreide sowie in geringem Maß Gemüse nur für den Eigenbedarf an. Unter diesen Bedingungen konnte Getreide kaum zu einem Handelsobjekt werden.

Im Ernährungssystem ließ sich eine Differenzierung nach Alter und Geschlecht erkennen. Die Angehörigen selbstständiger Gruppen griffen bei ihren Wanderzügen auf die Nahrungsressourcen zurück, die die unterschiedlichen Steppenregionen boten. Einige Menschen wiesen dabei Mangelerscheinungen auf, ausgelöst durch Hunger oder einseitige Ernährung. Möglicherweise gehörten sie auch Familienverbänden an, die andere kulinarische Vorlieben pflegten. Die Isotopensignale für Kohlen- und Stickstoff, die anhand des Knochenkollagens eines Mannes und einer Frau fortgeschrittenen Alters aus der Grubengrabbestattung im Gräberfeld Ulan IV ermittelt wurden, beweisen, dass sie aus einem gemeinsamem Topf aßen, denn das Isotopensignal war bei ihnen gleich. Das legt den Schluss nahe, dass es sich um ein Ehepaar handelte, das sein ganzes Leben in der Steppe verbracht hatte.

Einige jüngere Frauen (16–20 Jahre) der Grubengrabkultur (Mu-Šaret, Char-Zucha) mussten Meeresfrüchte gegessen haben, unterschieden sich die Isotopen im Kollagen ihrer Knochen doch von dem für die Steppenbewohner ermittelten. Sie dürften im Küstengebiet geboren worden und erst als verheiratete Frauen in die Steppe gelangt sein. Vermutlich starben sie bei der Geburt eines Kindes oder durch andere Gründe und wurden dann im Kreis einer Bevölkerung mit anderen Essgewohnheiten fern der Heimat nach dem Totenritual der Grubengrabkultur der Steppe bestattet.

Однако несколько молодых женщин (16–20 лет) ямной культуры (Му-Шарет, Хар-Зуха) питались морепродуктами — изотопный сигнал в коллагене их костей отличен от данных, полученных по останкам степняков. Эти девушки родились у морского побережья и в степь могли попасть уже как замужние женщины. Они умерли, вероятно, при родах либо по другим причинам в среде населения с иной системой питания, но были похоронены по степному ямному обряду вдали от родины.

Такие же изотопные данные получены в результате исследования костей и пожилых людей (Чилгир, Манджикины): последние 10–20 лет своей жизни они провели не в степи, а поблизости от приморских районов Северного Кавказа, посетили своих родственников, пройдя для этого не одну сотню километров. Таким образом, причинами перемещения отдельных индивидуумов могли быть и личные обстоятельства.

Стабильность жизни в первой половине III тыс. до н. э. очевидна — ямное население быстро заполнило пустующие экологические ниши; по сравнению с предшествующим периодом происходит настоящий демографический взрыв. Возрастные определения свидетельствуют, что многие представители ямных групп доживали до преклонного возраста (50–60 лет и более). Высокая продолжительность жизни — показатель благосостояния.

Однако такой тип хозяйствования имел и свои слабые стороны. Подвижное овцеводство в рамках ограниченной территории в конечном счете привело к деградации многих зимних и летних пастбищ. Эта ситуация сохранялась довольно долгое время, хотя в Северо-Западном Прикаспии и Подонье оставались и неосвоенные земли. Аридизация климата в середине — второй половине III тыс. до н. э. вызвала ухудшение экологии: водные источники пересохла, площадь пастбищ сократилась. С юга пришли более сильные и мобильные группы. Автохтонное ямное население не смогло противостоять новопоселенцам, развивавшим усовершенствованную экономику, адаптированную к быстро меняющимся природным условиям. Одни были оттеснены к южной границе лесостепи, хотя небольшая часть ямных групп, возможно благодаря уже прочным семейным связям, смогла откочевать и осесть даже в предгорьях Центрального Кавказа, изменив, таким образом, и место обитания, и, скорее всего, тип хозяйствования.

Эпоха перемен: катакомбный мир (2500–2000 гг. до н. э.)

В третьей четверти III тыс. до н. э. в регионе наступила экологическая катастрофа. В степных, предгорных и приморских районах Северного Кавказа резко сократились зимние и летние пастбища, земли, пригодные под пашню и огородничество. Это стало главной причиной, побудившей жителей северокавказского региона решать хозяйственно-экономические проблемы за счет освоения расположенных севернее территорий. В степь вновь потянулись переселенцы.

Сначала это были группы сезонных пастухов — мужчин и подростков. Топография северокавказских курганов в степи позволяет предложить два основных маршрута перекочевков. Первый: Терек-Кума — озера западной части Прикаспийской низменности — Сарпинские озера. Второй: Калас — Восточный Маныч — Западный Маныч — низовья Дона. Сезонные кочевники-овцеводы отправлялись на летние пастбища на север и северо-восток, проходя до нескольких сотен километров. Они использовали все пищевые ресурсы осваиваемой территории: охотились, ловили

Auch die Isotopen, die anhand der Knochen einiger älterer Menschen ermittelt (Čilgir, Mandžikiny) wurden, deuten auf eine ähnliche Situation: Die letzten 10–20 Jahre ihres Lebens hatten diese Menschen nicht in der Steppe verbracht, sondern nahe den Küstenregionen des Nordkaukasus; sie dürften ihre Verwandten besucht und dafür einen Weg von mehreren Hundert Kilometern auf sich genommen haben. Die Gründe für einen Ortswechsel konnten also auch persönlicher Natur sein.

Die Stabilität der Lebensumstände in der ersten Hälfte des 3. Jahrtausends v. Chr. fällt ins Auge; die Bevölkerung der Grubengrabkultur breitete sich rasch in den ungenutzten ökologischen Nischen aus. Im Vergleich zur vorausgegangenen Periode kommt es zu einer wahren Bevölkerungsexplosion. Die Altersbestimmung belegt, dass viele Vertreter von Grubengrab-Gruppen ein fortgeschrittenes Alter erreichten (50–60 Jahre und höher). Diese hohe Lebenserwartung wiederum zeugt von Wohlstand.

Freilich hatte diese Wirtschaftsform auch ihre Kehrseite. Die nomadisierende Schafzucht innerhalb eines nur begrenzten Gebiets führte letzten Endes zur Erschöpfung zahlreicher Winter- und Sommerweideplätze. Trotzdem änderte man über einen recht langen Zeitraum nichts am Weideverhalten, obwohl im nordwestlichen Kaspigebiet und im Dorgebiet noch nicht erschlossene Regionen lagen. Die zunehmende Trockenheit in der Mitte und zweiten Hälfte des 3. Jahrtausends v. Chr. führte zu einer weiteren Verschlechterung der ökologischen Situation: Wasserreservoirs trockneten aus, die Weideflächen schrumpften. Von Süden wanderten stärkere und mobilere Gruppen ein. Die autochthone Bevölkerung der Grubengrabkultur vermochte diesen Gruppen, die eine optimale Wirtschaftsform mitbrachten und sich an die rasch verändernden natürlichen Bedingungen stets anpassten, nichts entgegenzusetzen. So wurde ein Teil zur südlichen Grenze der Waldsteppe abgedrängt. Ein kleinerer Teil der Grubengrab-Gruppen zog — möglicherweise dank in zwischen gefestigter Familienbeziehungen — auch in die Vorgebirge des Zentralkaukasus und ließ sich dort nieder. Mit diesem Ortswechsel dürfte vermutlich eine Veränderung der Wirtschaftsform einhergegangen sein.

Die Zeit der Veränderungen: die Welt der Katakombengrabkultur (2500–2000 v. Chr.)

Im dritten Viertel des 3. Jahrtausends v. Chr. kam es in dieser Region zu einer ökologischen Katastrophe. In den Steppen, Vorgebirgen und Küstengebieten des Nordkaukasus schrumpften die Winter- und Sommerweideplätze sowie die Flächen, die sich als Acker oder für den Gemüseanbau nutzen ließen, drastisch. Dies vor allem führte dazu, dass die Bewohner der Nordkaukasusregion ihre wirtschaftlichen Probleme zu lösen trachteten, indem sie in weiter nördlich gelegene Gebiete vordrangen. Erneute Migrationen in die Steppe erfolgten.

Zunächst zogen die Hirten, Männer und Heranwachsende, nur saisonal in diese Region. Die Topographie der nordkaukasischen Kurgane in der Steppe lässt mit dem Terek-Kuma-Gebiet, den Seen im westlichen Teil der Kaspischen Senke, den Sarpa-Seen, Kalas, Ost-Manyč, West-Manyč und dem Unterlauf des Dons zwei Hauptrouten erkennen. Die Schafzüchter begaben sich jahreszeitlich bedingt zu den Sommerweideplätzen im Norden und Nordosten, wobei sie einige Hundert Kilometer zurücklegten. Sie nutzten alle Nahrungsmittel, welche die bereits erschlossenen Gegenden boten, jagten, fingen Fische und sammelten in der Steppe Süßgräser. Sie zogen jedoch nicht nach Osten in die Schwarzerderegionen und küstennahen Steppen des Kaspigebiets und versuchten nicht, zum Becken der unteren Wolga zu gelangen.

рыбу, собирали степные злаки. Кочевники не продвинулись на восток — на черные земли и приморские прикаспийские степи; не пытались освоить долину Нижней Волги.

Отгонное овцеводство стало доминирующим типом животноводства северокавказского населения и в некоторых экологических нишах Северного Кавказа (Прикубанье, Ставропольская возвышенность).

Шедшие следом носители других культур были более мобильны, и постепенно раннекатакомбные, восточноманычские и западноманычские катакомбные группы освоили практически все степные ландшафтные зоны. Раннекатакомбные погребения могильников Зунда-Толга на Восточном Маныче — мужские или кенотафы — совершены в теплое время года. Все погребения мужчин, женщин и детей западноманычской культуры водораздельного плато Бага-Бурул — летние. А вот на осень и зиму большая семейная группа откочевывала подальше от холодной и неуютной открытой степи. Где же могли располагаться зимние «квартиры» степных кочевников?

Масс-спектрометрические данные позволяют уточнить сезонный цикл древних пастухов второй половины III тыс. до н. э. Благодаря высокой мобильности они быстро перемещались на новое пастбище, сохраняя там участки травостоя для поздней осени и зимы. Передвигались пастухи небольшими группами, вместе со стадом. Располагаясь на короткий отдых у степных рек или озер, ловили рыбу, отгоняли животных на расположенные поблизости угодья. Детей женщины кормили до трех-четырёх лет, таская всюду с собой. Люди рождались в степи, жили в ней и находили последнее пристанище в кургане, возведенном на вершине водораздела или в долине узкой реки. Об этом свидетельствует «степной» изотопный сигнал. Однако часть пастухов, являвшихся степными жителями, неоднократно меняла место проживания, употребляя в пищу растения и воду с разным значением изотопов азота и углерода. К примеру, восточнокавказские катакомбные группы откочевывали в низовья Дона, на Кубань и Ставропольское плато. Это четко фиксируется в коллагене костей из могильников.

Удивительно, но в степь все больше и чаще попадали люди, чье рождение, детство и юность, да и вся последующая жизнь были связаны с Северным Кавказом, его приморскими районами. У них был другой костюм, другой погребальный обряд, да и кулинарные рецепты отличались от «поваренной книги» степняков: они предпочитали морепродукты. По крайней мере, изотопный сигнал в коллагене их костей четко это фиксирует.

Увы, следовать за мужем было делом всех женщин первобытника. В одном из раннекатакомбных погребений могильника Темрта в XXVI веке до н. э. была захоронена женщина, которая уже на сносях оказалась на берегу Джурак-Сала в июле. Повсюду цвела полынь, пыльца которой, как капли дождя, осела на стенках могилы; полынью набили и подушку, лежавшую под головой умершей. Она не выдержала тяготы перекочевки, хотя еще в конце мая жила на берегах Таманского полуострова: формы фитолитов полыни, сохранившиеся в ее желудке, отличаются от формы фитолитов степного растения. Значения стабильных изотопов азота и углерода показывают, что в системе питания женщины преобладали морепродукты. Ей было примерно 25 лет. Ни ей, ни ее ребенку не суждено было вернуться домой. Их похоронили на чужбине, одев, согласно традиции, в кавказский костюм. Височные кольца из виноградной лозы венчали головной убор. Изящные браслеты с бронзовыми и костяными подвесками обхватили тонкие запястья. Статус замужней

Diese Form der nomadisierenden Weidewirtschaft wurde zu meist auch von der nordkaukasischen Bevölkerung in einigen ökologischen Nischen des Nordkaukasus (Kubangebiet u. Hochland von Stavropol) durchgeführt.

Die Träger anderer Kulturen, die ihnen folgten, waren mobiler, so dass frühe Katakombengrab-, Ost-Manyč- und West-Manyč-Katakombengrab-Gruppen allmählich nahezu sämtliche Steppenzonen erschlossen. Die frühen Katakombengräber der Gräberfelder Zunda-Tolga am Ost-Manyč — es handelte sich um Bestattungen von Männern und Kenotaphe — wurden in der warmen Jahreszeit angelegt. Den Winter und Herbst verbrachten diese Hirten dagegen in anderen Regionen. Alle Gräber von Männern, Frauen und Kindern der West-Manyč-Kultur auf dem Hochplateau Baga-Burul, einer Wasserscheide, wurden im Sommer angelegt. In der kalten Jahreszeit verließen die großen Familienverbände jedoch die kalte, unwirtliche offene Steppe. Damit stellt sich die Frage, in welcher Gegend die „Winterquartiere“ der Steppennomaden gelegen haben könnten.

Ergebnisse massenspektrometrischer Untersuchungen erlauben es, die jahreszeitlich bedingten Züge der Hirten aus der zweiten Hälfte des 3. Jahrtausends v. Chr. zu rekonstruieren. Dank der hohen Mobilität erreichten sie in kurzer Zeit neue Weideflächen, so dass sie die Flächen mit Grasbestand für den späten Herbst und Winter schonten. Kleine Gruppen von Hirten trieben ihre Herden weiter, legten an Steppenflüssen oder -seen kurze Rasten ein, fingen Fische und jagten Tiere in nahe gelegenen Gebieten. Die Kinder wurden von den Frauen bis zu einem Alter von drei, vier Jahren gestillt und überallhin mitgetragen. Die Menschen kamen in der Steppe zur Welt, lebten in ihr und fanden ihre letzte Ruhestätte in einem Kurgan, der auf dem Gipfel einer Wasserscheide oder im Becken eines schmalen Flusses errichtet wurde. Das wird durch Isotopenuntersuchungen bestätigt. Ein Teil der Hirten aus der Steppe muss aber wiederholt in anderen Regionen gewesen sein und dabei Pflanzen und Wasser mit anderen Isotopen von Stickstoff und Kohlenstoff zu sich genommen haben. Die Ost-Salsk-Katakombengrab-Gruppen zogen beispielsweise an den Unterlauf des Dons, an den Kuban und auf das Hochland von Stavropol. Dies lässt sich eindeutig im Kollagen der Knochen dieser Menschen nachweisen.

So erstaunlich es auch klingen mag, doch in die Steppe kamen zunehmend und in immer größeren Gruppen Menschen, deren Geburt, Kindheit, Jugend und anschließendes Leben sich im Nordkaukasus, genauer den Küstenregionen, abgespielt hatte. Sie hatten eine andere Tracht und ein anderes Totenritual, selbst ihre „Rezepte“ unterschieden sich vom „Kochbuch“ der Steppenbewohner, bevorzugten sie doch Meeresfrüchte. Zumindest belegt die Isotopenzusammensetzung in ihren Knochen diese Tatsache.

In der Urgesellschaft gehörte es leider zum Schicksal der Frauen, dem Ehemann zu folgen. In einem der frühen Katakombengräber des Gräberfelds Temrta aus dem 26. Jahrhundert v. Chr. war eine Frau bestattet worden, die sich hochschwanger im Juli am Ufer des Džurak-Sal aufhielt. Überall blühte der Wermut, dessen Pollen wie Regentropfen auf die Wände des Grabs fielen und dort liegen blieben. Mit Wermut war auch das Kissen gefüllt, auf dem der Kopf der Toten ruhte. Sie hatte offenbar die Beschwerden des Umherziehens nicht verkräftet, denn noch Ende Mai hatte sie sich an den Ufern der Taman-Halbinsel befunden, unterschieden sich die Formen der Wermut-Phytolithen in ihrem Magen doch von den Formen der Phytolithen der Steppenpflanze. Wie die Werte der stabilen Isotope Stickstoff und Kohlenstoff zeigten, überwogen im Ernährungssystem dieser Frau Meeresfrüchte. Sie war etwa 25 Jahre alt. Weder ihr noch dem Kind war es vergönnt gewesen, nach Hause

Ил. 3. Прикаспийские степи. Бронзовые ножи из катакомбных погребений

Abb. 3. Kaspisteppe. Bronzemesser aus Katakombengräbern

женщины обозначал пояс со сверкающей на солнце бронзовой булавкой, на стержне которой застыла змея.

Мужчина 45 лет был похоронен в могильнике Манджикины в XXIV веке до н. э. Изотопные данные подсказали, что родился он либо в Приазовье, либо в излучине Дона. Хотя он умер далеко от родины и побережья, как минимум последние десять лет своей жизни он постоянно там бывал. Он был связан со степными жителями: погребальный обряд соответствует их традициям. Но в одном из жертвенников, которые были оставлены в его честь под курганом, найдены уникальные глиняные печати-штампы. Аналогичная печать известна только в могильнике Талин в Армении.

Мужчина 45–50 лет из могильника Улан IV был похоронен по обряду степной западноманычской катакомбной культуры. Он также относился к группе с морской системой питания и много путешествовал. Его дальние странствия и торговые и производственные связи наверняка были особенными: в мешочке на поясе у него лежала россыпь очень крупного жемчуга.

Получается, что и в эпоху аридизации степь и Кавказ были очень тесно связаны. В основе таких взаимодействий лежала система сезонных перекочетов, обменные операции и, скорее всего, прочные семейные отношения. В среде степняков этого времени четко выделяется группа неместного, чужого населения. Это могли быть не только молодые женщины, скорее всего выданные замуж в степь, но и мужчины, жизнь которых была связана с трудными и опасными маршрутами, часть из которых пересекала «кавказский коридор». В степь приходили и очень пожилые женщины, скорее всего наведавшиеся так далеко на север, чтобы посетить родственников — детей и внуков. К этому времени

звукзвук. Beide wurden in der Fremde bestattet, gekleidet, wie die Tradition es verlangte, in einer kaukasischen Tracht. Schläfenringe aus einer Weinrebe zierten den Kopfschmuck. Aparte Armreifen mit in Bronze und Bein ausgeführten Anhängern umspannten die schmalen Handgelenke. Der Status dieser verheirateten Frau wurde durch den Gürtel und einer im Sonnenlicht funkelnenden Bronzenadel angezeigt, deren Schaft eine Schlange schmückte.

Ein Mann im Alter von 45 Jahren war im 24. Jahrhundert v. Chr. im Gräberfeld Mandžikiny bestattet worden. Wie eine Isotopenuntersuchung ergab, muss er im Asowgebiet oder an der Don-Biegung geboren worden sein. Obwohl er weit von seiner Heimat und der Küste entfernt gestorben war, hatte er mindestens die letzten zehn Jahre seines Lebens permanent in dieser Gegend zugebracht. Er stand in Verbindung mit den Steppenbewohnern, denn das Totenritual entsprach ihren Traditionen. In einer der Opferstätten, die zu seiner Ehre unter dem Kurgan angelegt worden waren, fanden sich jedoch einmalige Tonsiegel. Ein analoges Siegel ist nur noch aus dem Gräberfeld Talin in Armenien bekannt.

Ein Mann von 45–50 Jahren aus dem Gräberfeld Ulan IV war nach dem Totenritual der West-Manyč-Katakombengrabkultur der Steppe bestattet worden. Auch er gehörte einer Gruppe an, deren Ernährungssystem auf Meeresfrüchten basierte, und er war viel umhergezogen. Von der Besonderheit seiner Handels- und Wirtschaftsbeziehungen, die er in ferne Gegenden unterhielt, zeugen einige äußerst große Perlen in einem kleinen Beutel an seinem Gürtel.

Aus alledem geht hervor, dass zwischen dem Kaukasus und der Steppe auch während der zunehmenden Austrocknung der Steppe sehr enge Kontakte bestanden haben müssen. Diese dürften auf jahreszeitlich bedingten Wanderzügen, Tauschhandel und vermutlich auch auf Familienbeziehungen beruht haben. Innerhalb der Steppenbevölkerung lässt sich in dieser Zeit ohne Frage eine Gruppe von nicht einheimischen, fremden Menschen nachweisen. Dies können nicht nur junge Frauen gewesen sein, die aller Wahrscheinlichkeit nach in die Steppe verheiratet wurden, sondern auch Männer, deren Leben aus anstrengenden und gefährlichen Wanderungen bestand und von denen ein Teil den kaukasischen Korridor durchquert hatte. Auch zahlreiche ältere Frauen kamen in die Steppe, aller Wahrscheinlichkeit nach um Verwandte zu besuchen, möglicherweise ihre Töchter und Enkelkinder. In dieser Zeit wurde der vier-rädrige Wagen eingesetzt, der diese Reisen entschieden erleichterte.

Die Steppenbewohner, die in den Kaukasus kamen, brachten etliche Viehherden mit, die sie mühelos gegen die für sie wichtigen nordkaukasischen Rohstoffe, Alltagsgegenstände und selbstverständlich auch Schmuck eintauschten. Einige dieser Stücke, beispielsweise stabförmige Bronzenadeln, könnten durchaus als eine Art Gewicht gedient haben: In einem der Katakombengräber am Ost-Manyč fanden sich am Gürtel des Toten fünfzehn solcher Nadeln unterschiedlicher Größe und unterschiedlichen Gewichts. Die Steppenbewohner erhielten Metall in Form von Barren, Halberzeugnissen und vermutlich auch bereits fertigen Produkten, die in nordkaukasischen Werkstätten gefertigt worden waren (Abb. 3).

Hinweise darauf, dass auch landwirtschaftliche Produkte getauscht wurden, fehlen. Eine Ausnahme könnte kaukasischer Honig darstellen, möglicherweise auch Wachs. In beiden Fällen ist nicht klar, ob lokale Bewohner der nordkaukasischen Vorgebirge diese Produkte sammelten und gegen Vieh eintauschten oder ob Vertreter der Katakombengrab-Bevölkerung sie sich während der saisonalen Weidewanderungen selbst beschaff-

стали широко использоваться четырехколесные повозки, которые намного облегчили такие путешествия.

Степняки, попадая на Кавказ, пригоняли с собой многочисленные стада и легко обменивали их на северокавказское сырье, бытовые предметы и, конечно, украшения. Некоторые из таких изделий, например бронзовые посоховидные булавки, вполне могли использоваться и как своеобразная весовая единица: в одном из катакомбных погребений Восточного Маныча у пояса умершего было найдено пятнадцать таких булавок разного размера и веса. Степняки получали металл в виде слитков, полуфабрикатов и, вероятно, готовых изделий, производившихся в северокавказских ремесленных мастерских (ил. 3).

Данные о том, что среди предметов обмена встречались сельскохозяйственные продукты, отсутствуют. Исключение составляет кавказский мед и, возможно, воск. Собирали ли его жители северокавказских предгорий, или представители катакомбного населения сами могли его добывать в период сезонных кочевков, не ясно. Мед был полезен, из него могли делать первый алкогольный напиток — медовуху, а воск шел на изготовление моделей украшений и орудий.

Вполне вероятно, что из сухой, почти пустынной степи северные жители везли на Кавказ и соль. Только в Прикаспийской котловине еще в 1901 году было зафиксировано около 2000 озер. Есть озера и в Подонье. В конце XX века у села Приютное в августе — начале сентября соль сгребали лопатами из озер и возили на продажу в Ростов-на-Дону.

Торговая сеть, задачей которой был обмен солью, существовал и в других степных районах. Жители Причерноморья также могли поставлять соль на Кавказ. Большие залежи ее известны в Днепро-Донецкой впадине в Донбассе, в Крыму, в Прикарпатье и Закарпатье. Вероятно, аридизация климата, смена почв, засоление озер и рек привели к появлению в Прикаспии и на Дону соленых озер, добыча соли из которых не требовала больших усилий. Об обмене кавказского металла на соль писал еще Е. И. Крупнов. С. В. Иванова (2010) вслед за А. Н. Геом (1993) полагала, что большинство захоронений степной новотиторовской культуры локализуется в приморской зоне, то есть там, где в Восточном Приазовье и сейчас существует много соленых озер и лиманов. Повозка — один из основных маркеров этой культуры.

Особый тип керамики — реповидные сосуды — появляется в восточноманычской и западноманычской катакомбных культурах. На Маныче этот тип сосудов — один из самых многочисленных. За пределами Маныча это довольно редкая находка, и часто погребенные с такими сосудами на Ингульце, в Крыму, на Орели интерпретируются как переселенцы с восточных районов степи.

Реповидные сосуды найдены во многих погребениях и практически всегда встречаются в захоронениях с повозками. Многолетние исследования грунтов из степных сосудов эпохи бронзы показали, что в горшках и кувшинах находилась погребальная еда. Однако в десяти реповидных сосудах, извлеченных из грунта, не обнаружены ни фитолиты, ни пыльца, ни остатки пищи животного происхождения. Возможно, именно в таких сосудах перевозилась соль.

Масс-спектрометрические данные указывают на то, что часть степного катакомбного населения довольно много времени проводила у прибрежной полосы, предположительно в Приазовье, на Тамани, употребляя большое количество морепродуктов. Среди таких индивидуумов много взрослых мужчин. Они вели активный образ жизни, часто посещая и степные, и северокавказские регионы, и могли

ten. Honig war ein nützliches Produkt, zudem ließ sich aus ihm das erste alkoholische Getränk, Medowucha, herstellen; Wachs dagegen brauchte man, um daraus Gussmodelle für Schmuckstücke und Waffen herzustellen.

Es ist gut möglich, dass aus der trockenen, fast unbewohnten Steppe die Bewohner des Nordens auch Salz in den Kaukasus brachten. Allein im Talkessel des Kaspigebiets wurden noch 1901 etwa 2000 Salzseen festgestellt. Weitere gibt es im Dongebiet. Selbst am Ende des 20. Jahrhunderts wurde beim Dorf Prijutnoe im August und Anfang September noch das Salz mit Schaufeln aus dem See geholt und zum Verkauf nach Rostow am Don gebracht.

Ein auf dem Tausch von Salz basierendes Handelsnetz existierte auch in anderen Steppenregionen. Die Bewohner des Schwarzmeergebiets könnten es also durchaus in den Kaukasus geliefert haben. Große Salzvorkommen sind aus dem Dnepr-Donzbecken, von der Krim, dem Karpatenvorland und Transkarpatien bekannt. Vermutlich führte die Aridisierung des Klimas, die Erosion der Böden und die Versalzung der Seen wie Flüsse im Kaspigebiet und am Don zur Entstehung von Salzseen, in denen es nicht sehr schwierig war, an Salz zu gelangen. Ein Hinweis auf den Tausch von kaukasischem Metall gegen Salz findet sich bereits bei E. I. Krupnov. In Übereinstimmung mit A. N. Gej vermutete S. V. Ivanova, dass die Gräber der Novotitovskaja-Kultur in der Steppe mehrheitlich im Küstenbereich zu lokalisieren seien, mithin in einer Gegend, in der im östlichen Azovgebiet noch heute zahlreiche Salzseen und -sümpfe liegen. Eine der wesentlichen Transportmöglichkeiten bestand in der Verwendung von Wagen.

Ein besonderer Keramiktyp kam mit den rübenförmigen Gefäßen in der Ost-Manyč- und der West-Manyč-Katakombengrabkultur auf. Am Manyč begegnet dieser Gefäßtyp mit am häufigsten. Außerhalb dieses Gebiets sind Funde dagegen relativ selten; meist liegen Gräber, die diese Gefäße erbrachten am Ingulez, auf der Krim und am Orel und werden in einen Zusammenhang mit Einwanderern aus den östlichen Steppenregionen gebracht.

Rübenförmige Gefäße fanden sich in zahlreichen Gräbern und waren fast ausnahmslos mit Wagen vergesellschaftet. Wie Untersuchungen der Krusten in den Gefäßböden zeigen, enthielten Töpfe und Kannen Totenspeisen. Die zehn untersuchten rübenförmigen Gefäße wiesen jedoch weder Pflanzenreste, noch Pollen, noch Überreste von Nahrung tierischen Ursprungs auf. Möglicherweise wurde also in diesen Gefäßen Salz transportiert.

Wie massenspektrometrische Untersuchungen ergaben, muss ein Teil der Katakombengrab-Bevölkerung aus der Steppe relativ lange Zeit im Küstenstreifen gelebt haben, vermutlich im Azovgebiet oder auf Taman, und eine große Menge Meeresfrüchte zu sich genommen haben, so dass für sie ein andere Isotopen ermittelt wurden als für die Steppenbewohner. Unter ihnen gab es viele Männer. Sie führten ein aktives Leben, begaben sich häufig sowohl in die Steppen- als auch in die Nordkaukasusregionen. Unterwegs aßen sie Meeresprodukte. Nicht auszuschließen ist, dass sie den Handel mit Waren aus der Steppe bzw. dem Kaukasus organisierten. Der Salzhandel, möglicherweise auch der Handel mit gesalzenem Fisch, dürfte dabei von besonderer Bedeutung gewesen sein.

Wie Materialien aus späterer Zeit erhellen, wurde Salz zum Einlegen von Fisch, Rogen, Produkten der Viehzucht, zur Herstellung von Hartkäse sowie beim Gerben von Häuten und Fellen verwendet. Bislang liegen für diesen Bereich noch sehr wenig Untersuchungsergebnisse vor, doch einige Vertreter der Ost-Manyč- und der West-Manyč-Katakombengrabkultur, die

быть организаторами транзитной торговли степными и кавказскими товарами, среди которых особое место занимала соль и, возможно, соленая рыба.

Соль, согласно материалам более позднего времени, использовалась для засолки рыбы, икры, продуктов животноводства, изготовления твердого соленого сыра, обработки кож и шкур. Данных пока мало, однако несколько представителей восточноманычской и западноманычской катакомбных культур, похороненных в степи, родились в приморских районах (в Приазовье и, скорее всего, Северо-Западном Причерноморье). Не являлись ли они поставщиками товара, в первую очередь морской соленой рыбы в степные регионы, жители которых могли испытывать трудности в пищевых ресурсах? Уже в эпоху катакомбных культур должны были существовать широко известные транзитные

Ил. 4. Прикаспийские степи. Каменные топоры, навершия булавы и скипетр из катакомбных погребений

Abb. 4. Kaspisteppe. Steinäxte, Keulenköpfe und ein Zepter aus Katakombengräbern

пути и районы, которые могли стать маргинальными зонами перекрестной торговли.

Не являются ли сотни курганов долины Восточного Маныча, в которых захоронены представители всех культур эпохи бронзы, когда-либо проходившие с юга на север или с севера на юг (ил. 4), немymi свидетелями таких событий?

Таким образом, на протяжении нескольких тысячелетий складывались особые, глубокие отношения между жителями степи и Кавказа. Причинами миграционных процессов могли быть колебания климата, экономические проблемы, необходимость прокладывать торговые пути. Постепенно — и это четко фиксируется новыми масс-спектрометрическими данными — складывались более тесные, семейные отношения. Такое взаимодействие способствовало процветанию культур обоих регионов. Иначе вряд ли бы по всей степи, да и на Кавказе стали сооружаться многочисленные курганы. Ведь экономический фактор стимулировал в первую очередь семейную миграцию. Сначала первопродцы — мужчины и юноши-подростки — пытались освоить новые земли. Потом сезонные пастухи искали новые летние пастбища и водные источники, чтобы сохранить зимники в родных местах. В результате поисков и открытий

in der Steppe bestattet worden waren, müssen in Küstengebieten geboren worden sein (im Azovgebiet und aller Wahrscheinlichkeit nach im nordwestlichen Schwarzmeergebiet). Möglicherweise handelte es sich bei ihnen ja um „Lieferanten“, die vor allem gesalzenen Fisch in die Steppenregionen brachten, deren Bewohner unter Umständen unter einem Mangel an Nahrungsmitteln litten. Bereits zur Zeit der Katakombengrabkulturen müssen allgemein bekannte Routen und Gegenden existiert haben, die als Randzonen eines Tauschhandels gelten dürfen.

In diesem Fall könnten die Hunderte von Kurganen im Becken des Ost-Manyč, in denen Vertreter aller Kulturen der Bronzezeit bestattet wurden, die irgendwann von Süden nach Norden oder von Norden nach Süden unterwegs waren, als stumme Zeugen dieser Ereignisse betrachtet werden (Abb. 4).

Damit kann festgehalten werden, dass im Laufe von mehreren Jahrtausenden enge Kontakte zwischen den Steppenbewohnern und dem Kaukasus geknüpft wurden. Gründe für die Migrationsprozesse könnten Klimaschwankungen, wirtschaftliche Probleme oder die Notwendigkeit, Handelswege aufzubauen, gewesen sein. Nach und nach bildeten sich auch enge Familienbeziehungen heraus, was durch Ergebnisse massenspektrometrischer Untersuchungen klar bestätigt wird. All dies ließ die Kulturen in beiden Regionen aufblühen, sonst gäbe es in der gesamten Steppe und auch im Kaukasus wohl kaum allenthalben zahlreiche Kurgane. Der wirtschaftliche Faktor hatte ja vornehmlich Migrationen von Familien ausgelöst. Die Bahnbrecher waren Männer und Heranwachsende, die versuchten, neue Gebiete zu erschließen. Ihnen folgten saisonal bedingt Hirten, die neue Sommerweideplätze und Wasserreservoirs suchten, um die Winterweideflächen in ihren Heimatgebieten zu schonen. Das Ergebnis dieser Vorstöße waren feste Routen und regelmäßige Nomadenzüge, darüber hinaus entstand ein Handelsnetz. Vermutlich waren bereits im 2. Jahrtausend v. Chr. die gesamte Steppe und der Kaukasus so gut bekannt, dass — hätte der bronzezeitliche Reisende eine Landkarte erstellt — diese über alle Übergänge und Furten, die Stellen, an denen eine kurze Rast möglich ist, Handelspunkte und selbstverständlich über die Winter- und Sommerlager sowie über Weideflächen Auskunft geben würde. Eine Karte der bronzezeitlichen Hügelgräberfelder bestätigt, dass praktisch alle Gebiete, die gute Lebensbedingungen und die entsprechenden Voraussetzungen für den Aufbau einer Wirtschaft boten, zu dieser Zeit erkundet waren. Die Menschen trieben nunmehr nicht allein die Herde zu neuen Weideplätzen, sondern die Steppenbewohner zogen auch nach Süden, um wichtige Ware zu erwerben. Manchmal gelangten sie dabei an selbst für die Urgesellschaft seltene Schätze. Beispiele sind der Anhänger in Form einer Schlange, die sich in den Schwanz beißt, vom Jergenihügel, die türkisfarbene durchbohrte Perle aus Zunda-Tolga, die Kaurimuschel vom Ost-Manyč, Äxte und Keulen aus nordkaukasischem Porphyrit und Serpentinestein, prachtvolle, als Tischgeschirr genutzte Kannen, die fraglos für besondere Getränke vorgesehen waren. All diese Stücke stellen außergewöhnliche Objekte der urgesellschaftlichen Kunst dar, deren Besitz den Status ihres Besitzers unterstreichen sollte. Die Steppenbewohner erwarben zudem gern Halsschmuck aus Fayence- und Bronzeperlen, Medaillons, Anhänger und Gürtel des nordkaukasischen Stils, die in nordkaukasischen Werkstätten angefertigt worden waren. Besonders Wissbegierige unter ihnen sahen sich diese Werkstätten selbst an, um sich sukzessiv handwerkliche Kenntnisse anzueignen.

Als sie nach Hause in die Steppe und an den Manyč zurückkehrten, fingen sie an, dort die aus dem Kaukasus mitgebrachten Arsenbronzen zu bearbeiten. Die Verbreitung vergleichba-

прокладывались маршруты и перекочевков, и формировавшейся торговой сети. Скорее всего, уже ко II тыс. до н. э. вся степь и Кавказ были настолько хорошо изучены, что если бы существовала «дорожная карта» путешественника бронзового века, то в нее вошли бы все переправы и броды, места короткого привала, «торговые точки» и, конечно, летние и зимние стоянки и пастбища. Картографирование курганных могильников эпохи бронзы убеждает, что практически все пригодные для жизни и успешного развития экономики земли к этому времени были освоены.

Люди путешествовали не только для того, чтобы перегнать стадо на новое пастбище. Степняки отправлялись за нужным товаром на юг, иногда в их руки попадали редкие даже для первобытности сокровища. Подвеска в виде змеи, кусающей свой хвост, из могильника Ергени, бирюзовая пронизь из Зунды-Толги, раковина каури из Восточного Маныча, топоры и булавы из северокавказского порфирита и змеевика, роскошные парадные столовые кувшины, явно предназначенные для особых напитков, являются неординарными предметами первобытного искусства, обладание которыми должно было подчеркнуть статус владельца. Степняки охотно приобретали ожерелья из фаянсовых и бронзовых бусин, медальоны, подвески и пояса северокавказского стиля, которые изготавливались в мастерских жителей гор. Самые любознательные, попав в такие мастерские, постепенно овладевали навыками ремесленной специализации. Они возвращались домой в степь, на Маныч, и начинали работать, используя привозную мышьяковую бронзу Кавказа.

Распространение схожих производственных навыков, определенных близкими природно-ландшафтными условиями и общей сырьевой базой, нашло выражение в распространении одинаковых типов многих предметов материальной культуры. Многоступенчатый устойчивый обмен носителей северокавказских традиций и представителей катакомбных культур явился результатом активизации культурных событий эпохи средней бронзы, в первую очередь процессов ремесленной специализации и торговли, и, таким образом, способствовал распространению на широкой территории одних и тех же типов украшений, орудий труда и вооружения. Иногда вместе со степняками в далекие северные земли переселялись их избранницы — красавицы Кавказа, дальнейшая судьба которых уже навсегда была связана со степью.

rer Herstellungstechniken bei letztlich ähnlichen natürlichen und landschaftlichen Bedingungen und einer gemeinsamen Rohstoffbasis lässt sich durch das Vorkommen gleicher Artefakte an verschiedenen Orten belegen. Ein vielschichtiger anhaltender Tauschhandel zwischen den Trägern der nordkaukasischen Traditionen und den Angehörigen der Katakombengrabkulturen geht auf kulturelle Entwicklungen in der Mittelbronzezeit zurück — zu nennen sind vor allem die handwerkliche Spezialisierung und der Handel — und führte dazu, dass in einem weiträumigen Territorium dieselben Typen von Schmuckgegenständen, Werkzeugen und Waffen benutzt wurden. Mitunter folgten diesen Stücken auch die weiblichen Schönheiten des Kaukasus in die fernen Gebiete im Norden, deren Schicksal fortan für immer mit der Steppe verbunden sein sollte.

Михаил Трейстер Троянские клады

Mikhail Treister Die trojanischen Schätze

Найдены при раскопках Генриха Шлимана в Трое с 1872 по 1890 год клады (Götze 1902. S. 320–423; Schmidt 1902) хранятся в настоящее время в пяти музеях. С июля 1945 года в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве представлены тринадцать из семнадцати кладов, хранившихся в Берлине. Общее же количество обнаруженных при раскопках Шлимана кладов — девятнадцать; в работе Х. Шмидта, опубликованной в 1902 году, они обозначены латинскими литерами от А до S. В настоящее время, судя по исследованиям Д. Истона, разделившего некоторые клады, можно предполагать, что в ходе раскопок Шлимана был найден двадцать один клад или комплекс находок. В Москву попали находки, отнесенные в 1939 году немецкими специалистами к категории «невосполнимых», преимущественно изделия из драгоценных металлов и камня (Kat. Москва 1996; Трейстер 1996. С. 197–240). Другие предметы из тех же кладов, главным образом изготовленные из бронзы и глины (всего 414 инвентарных номеров, из кладов А, К, Q, S), были переданы в сентябре 1945 года через Москву в Государственный Эрмитаж (Шлиман. Петербург. Троя 1998. С. 229–231. № 88–113; Бертрам, Голдман 1998. С. 63). Несколько ювелирных изделий и 1761 золотая бусина, происходящие, вероятно, из кладов А (или D) и G, были переданы в собрание Национального археологического музея в Афинах Софией Шлиман после смерти Генриха Шлимана (Kat. Athen 1990. P. 83, 85, 149–152. Nos. 5–8; Kat. New York 2003. P. 264, 267. Nos. 168a–d, 171, 172). Значительно более представительная коллекция хранится в собрании Археологического музея в Стамбуле — предметы происходят из кладов А, С, D, F, J и O и были переданы Шлиманом турецкой стороне по договору о разделе находок (Hazirlayan, Esin 1991. P. 33–47; Siebler 1994. S. 46–48. Abb. 58–60; Трейстер 1996. С. 197–198; Kat. New York 2003. P. 266, 268–269. Nos. 170a, 173a; Sazci, Treister 2006. S. 208–215. Abb. 1–2, 4–6). Наконец, некоторые предметы — в частности, ряд серебряных сосудов из клада А, а также некоторые находки из бронзы — хранятся в Берлине (Griese 1992. S. 391–396; Born 1997. S. 110–121; Saherwala 2008. S. 11–17).

Вместе с кладами из раскопок Шлимана следует рассматривать и так называемый клад из Трояды, хранящийся в Университетском музее в Филадельфии (Bass 1966; Bass 1970; Treister 2002. P. 250; Kat. New York 2003. P. 265, 268–269. Nos. 169a, 173b; Betancourt 2006. P. 89–96; Sazci 2007. P. 338–343), а также отдельные украшения из музеев и частных коллекций (Easton 2000. P. 239–250; Sazci 2007. P. 344–353 с лит.).

За семнадцать лет, прошедших со времени написания статьи, посвященной кладам (Трейстер 1996. С. 197–240), для каталога московской выставки, при изучении троян-

Дие при раскопках Шлимана в Трое с 1872 по 1890 год клады (Götze 1902. S. 320–423; Schmidt 1902) хранятся в настоящее время в пяти музеях. С июля 1945 года в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве представлены тринадцать из семнадцати кладов, хранившихся в Берлине. Общее же количество обнаруженных при раскопках Шлимана кладов — девятнадцать; в работе Х. Шмидта, опубликованной в 1902 году, они обозначены латинскими литерами от А до S. В настоящее время, судя по исследованиям Д. Истона, разделившего некоторые клады, можно предполагать, что в ходе раскопок Шлимана был найден двадцать один клад или комплекс находок. В Москву попали находки, отнесенные в 1939 году немецкими специалистами к категории «невосполнимых», преимущественно изделия из драгоценных металлов и камня (Kat. Москва 1996; Трейстер 1996. С. 197–240). Другие предметы из тех же кладов, главным образом изготовленные из бронзы и глины (всего 414 инвентарных номеров, из кладов А, К, Q, S), были переданы в сентябре 1945 года через Москву в Государственный Эрмитаж (Шлиман. Петербург. Троя 1998. С. 229–231. № 88–113; Бертрам, Голдман 1998. С. 63). Некоторые ювелирные и 1761 золотая бусина, происходящие, вероятно, из кладов А (или D) и G, были переданы в собрание Национального археологического музея в Афинах Софией Шлиман после смерти Генриха Шлимана (Kat. Athen 1990. P. 83, 85, 149–152. Nos. 5–8; Kat. New York 2003. P. 264, 267. Nos. 168a–d, 171, 172). Значительно более представительная коллекция хранится в собрании Археологического музея в Стамбуле — предметы происходят из кладов А, С, D, F, J и O и были переданы Шлиманом турецкой стороне по договору о разделе находок (Hazirlayan, Esin 1991. P. 33–47; Siebler 1994. S. 46–48. Abb. 58–60; Трейстер 1996. С. 197–198; Kat. New York 2003. P. 266, 268–269. Nos. 170a, 173a; Sazci, Treister 2006. S. 208–215. Abb. 1–2, 4–6). Наконец, некоторые предметы — в частности, ряд серебряных сосудов из клада А, а также некоторые находки из бронзы — хранятся в Берлине (Griese 1992. S. 391–396; Born 1997. S. 110–121; Saherwala 2008. S. 11–17).

Вместе с кладами из раскопок Шлимана следует рассматривать и так называемый клад из Трояды, хранящийся в Университетском музее в Филадельфии (Bass 1966; Bass 1970; Treister 2002. P. 250; Kat. New York 2003. P. 265, 268–269. Nos. 169a, 173b; Betancourt 2006. P. 89–96; Sazci 2007. P. 338–343), а также отдельные украшения из музеев и частных коллекций (Easton 2000. P. 239–250; Sazci 2007. P. 344–353 с лит.).

ских находок появились новые данные, которые мы стараемся учесть в предлагаемом читателю обзоре.

Обстоятельства находок

Обстоятельства находок дают основание предполагать различный характер кладов. Часть из них (клады А, L и J) была спрятана в районе ворот оборонительной стены (см. по этому поводу возможную интерпретацию места находок: Bobokhyan 2009. P. 45 — городские ворота как место, около которых была организована торговля). Другие представляли собой находки из жилых домов и случайные находки на городище (клады В, Ha, N, O, Q и S). Некоторые считались инвентарем погребений (клад R) или предположительно относились к таковым (клады С, D, E, F, K и M) (см. подробнее: Sazci 2006. P. 246–247; Sazci, Treister 2006. S. 209–211. Abb. 3; Sazci 2007. P. 360–361).

На сегодняшний день, с учетом новейших публикаций, можно добавить следующее. Относительно клада R: связи его со скелетом, позднее обнаруженным на этом участке, возможно, нет, и клад происходит из слоя пожара над стенами мегаронов IIA и IIB (Easton 2002. P. 132–133; Ünlüsoy 2010. S. 20), что, впрочем, не исключает возможности происхождения вещей из «нескольких разрушенных погребений периода Трои II» (Easton 2002. P. 24). Это же касается, по мнению Д. Истона, и кладов S1–2 (Easton 2002. P. 226, 244; Ünlüsoy 2010. S. 25). Из этого же слоя, перекрывающего мегарон IIA, происходит клад N (Easton 2002. P. 23–24, 141, 161; Ünlüsoy 2010. S. 21). Г. Сачи полагает, что клад R мог быть инвентарем трупоожжения и не исключает подобное же объяснение для кладов D, E и F (Sazci 2007. P. 360–361).

Клад A происходит из слоя пожара над разрушенной оборонительной стеной периода Трои II (Easton 2002. P. 296; Ünlüsoy 2010. S. 28). Клад В был найден в слое сырцового кирпича, вероятнее всего, над разрушенной оборонительной стеной среднего периода Трои II — точные обстоятельства находки его не могут быть реконструированы (Easton 2002. P. 252, 259; Ünlüsoy 2010. S. 25–26). Д. Истон не исключает того, что клад A и B являлись на самом деле единым кладом (Easton 2002. P. 252, 259), впрочем, по мнению Г. Сачи, клад B происходит из мегарона IID (Sazci 2007. P. 361).

Клады R1, G и D были, вероятно, найдены in situ внутри мегарона IIA (Easton 1997. Fig. 86; Ünlüsoy 2010. S. 183; Sazci 2007. P. 361).

Состав и характер кладов

Троянские клады включают разнообразие категорий предметов: украшения, посуду, утварь, оружие, металлические слитки, а также заготовки и полуфабрикаты изделий.

Наиболее выразительную часть кладов образуют украшения, к которым относятся диадемы, серьги, височные кольца, браслеты, бусы, пронизи и подвески, а также булавки (см. подробно: Трейстер 1996. С. 198–216).

Наиболее редкие среди них — диадемы с подвесками, две из которых, так называемая большая (Kat. Москва 1996. № 10) (ил. 1) и малая (Kat. Москва 1996. № 11), а также узкая налобная лента (Kat. Москва 1996. № 12) — происходят из клада A.

Серьги могут быть разделены на две группы: в форме корзиночек и в форме лунниц. Серьги в форме корзиночек из кладов А, С, E, F, Ha и J различаются между собой по конструкции корпуса, способу крепления подвесок, их количеству, форме листочков, прикреплённых к цепочкам, и подвесок (ил. 2, 1–3). Есть основания предполагать эволюцию этого типа украшений от сложных, с набранным из отдельных

96; Sazci 2007. P. 338–343), sowie einzelne Schmuckstücke aus Museen und Privatsammlungen (Easton 2000. P. 239–250; Sazci 2007. P. 344–353 mit Lit.).

In den 17 Jahren, die seit der Anfertigung des Katalogs zu der Moskauer Troja-Ausstellung mit meinem den trojanischen Schätzen gewidmeten Beitrag vergangen sind (Kat. Moskau 1996; Treister 1996. S. 197–236), wurden weitere Forschungsergebnisse zu den trojanischen Schätzen erzielt, die wir im Folgenden zu berücksichtigen versuchen.

Die Befundsituationen

Die während der Ausgrabungen dokumentierten Befundsituationen liefern die Grundlage für Vermutungen über den unterschiedlichen Charakter der „Schätze“. Ein Teil von ihnen (Schätze A, L und J) war im Bereich des Tores von Schutzwällen versteckt (vgl. zur Interpretation Bobokhyan 2009. P. 45, Stadttore als Orte, an denen Handel organisiert wurde). Andere stellen Funde aus Wohnhäusern dar oder Zufallsfunde von Siedlungsschichten (Schätze B, Ha, N, O, Q und S). Wieder andere gelten als Grabbeigaben (Schatz R), oder man rechnete sie solchen zu (Schätze C, D, E, F, K und M, siehe detaillierter: Sazci 2006. P. 246–247; Sazci, Treister 2006. S. 209–211. Abb. 3; Sazci 2007. P. 360–361).

Heute kann man unter Einbeziehung der neuesten Publikationen Folgendes ergänzen: Bei Schatz R gibt es möglicherweise keine Verbindung zu dem Skelett, das später in diesem Abschnitt entdeckt wurde, sondern dieser stammt wohl aus der Brandschicht über den Wänden der Megara IIA und IIB (Easton 2002. P. 132–133; Ünlüsoy 2010. S. 20), was freilich nicht die Möglichkeit der Herkunft der Gegenstände aus „mehreren zerstörten Grabstätten der Periode Troja II“ (Easton 2002. P. 24) ausschließt. Dasselbe trifft, nach Meinung D. Eastons, auch auf die Schätze S1–2 zu (Easton 2002. P. 226, 244; Ünlüsoy 2010. S. 25). Aus derselben Schicht, die über dem Megaron IIA liegt, stammt auch der Schatz N (Easton 2002. P. 23–24, 141, 161; Ünlüsoy 2010. S. 21). G. Sazci vermutet, dass der Schatz R die Grabbeigabe einer Leichenverbrennung gewesen sein könnte und schließt eine ähnliche Erklärung für die Schätze D, E und F nicht aus (Sazci 2007. P. 360–361).

Schatz A stammt aus der Brandschicht über der zerstörten Verteidigungsmauer der Periode Troja II (Easton 2002. P. 296; Ünlüsoy 2010. S. 28). Schatz B wurde im Horizont der Lehmziegel gefunden, höchstwahrscheinlich über der zerstörten Verteidigungsmauer der mittleren Periode von Troja II, wenn auch die genaue Fundstelle nicht rekonstruiert werden konnte (Easton 2002. P. 252, 259; Ünlüsoy 2010. S. 25–26). Easton schließt nicht aus, dass die Schätze A und B in Wirklichkeit ein einziger Schatz waren (Easton 2002, 252, 259), während nach Ansicht von Sazci Schatz B aus dem Megaron IID stammt (Sazci 2007. P. 361).

Die Schätze R1, G und D wurden wahrscheinlich in situ im Innern des Megarons IIA gefunden (Easton 1997. Fig. 86; Ünlüsoy 2010. S. 183; vgl. Sazci 2007, 361).

Zusammensetzung und Charakter der Schätze

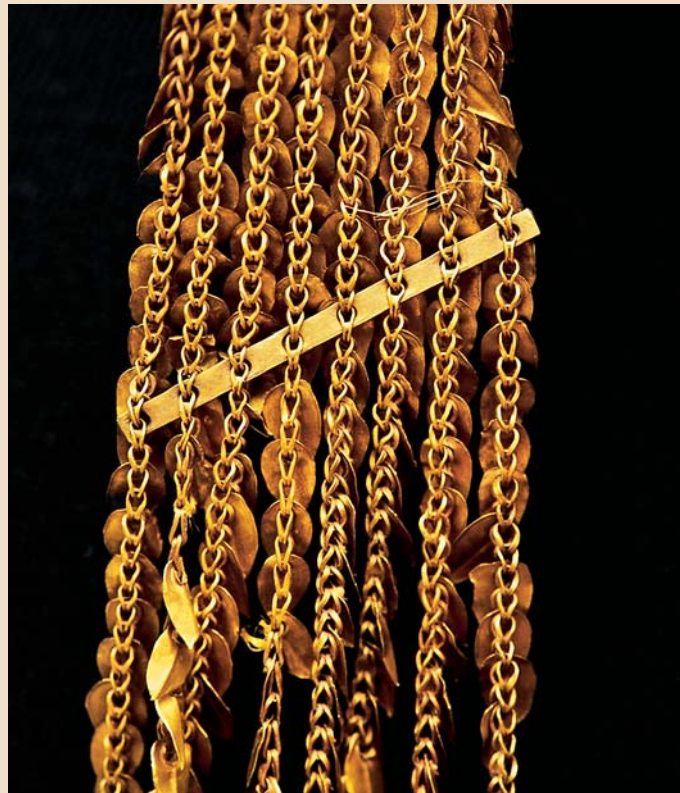
Die trojanischen Schätze enthalten unterschiedliche Objektkategorien: Schmuck, Gefäße, Gebrauchsgegenstände, Waffen, Barren sowie Roh- und Halbfertigprodukte. Die wichtigsten Typen und einzelne Funde werden im Folgenden vorgestellt:

Den eindrucksvollsten Teil der Schätze bilden Schmuckstücke, zu denen Diademe, Ohringe, Lockenringe, Armbänder, Perlen, Anhänger und Ziernadeln gehören (ausführlich siehe: Treister 1996. S. 198–216).

Nur in Schatz A fanden sich Diademe mit Anhängern, ein größeres (Kat. Moskau 1996. Nr. 10) (Abb. 1) und ein kleineres (Kat. Moskau 1996. Nr. 11), sowie ein schmales Stirmband (Kat. Moskau 1996. Nr. 12).

Ил. 1. Большая диадема из клада А: 1 – общий вид с лицевой стороны; 2 – боковые цепочки с подвесками, вид с оборотной стороны (ГМИИ)
 Abb. 1. Großes Diadem aus Schatz A. 1 – Gesamtansicht von der Stirnseite; 2 – Detail: seitliche Kettchen mit Anhängern von der Rückseite (GMI)

2, деталь/Detail

проволочек корпусом, к более простым, корпус которых согнут из пластин с прочерченными линиями, имитирующими отдельные спаянные проволоочки (Трейстер 1996. С. 200–202). Серьги в форме лунниц из кладов А, D, N сделаны либо из одной, либо из двух толстых спаянных долек каждая и украшены зернью (ил. 2, 4–5); с точки зрения орнаментации каждая пара серег представляет самостоятельный вариант (Кат. Москва 1996. С. 203).

В троянских кладах были найдены височные кольца двух типов: дольчатые в виде полуколец, спаянных из различного числа проволочек (от трех до семи), и украшения в виде полуторавитковых спиралей. Дольчатые височные кольца образуют наиболее представительную группу украшений из кладов А, D, E, F, J, N и R (ил. 2, 6–8); среди них преобладают золотые кольца, а большая часть серебряных происходит из клада N (Кат. Москва 1996. С. 204–207). При раскопках 1996 года за пределами ранней городской стены Трои II было найдено аналогичное золотое височное кольцо (Korfmann 1997. S. 24. Abb. 13; Sazci, Korfmann 2000. S. 94. Abb. 1). На фоне неорнаментированных колец выделяются образцы, украшенные напаянными розетками, из кладов J (Кат. Москва 1996. № 157; Treister 2002. P. 250. Fig. 5) (ил. 3, 3), D (Кат. Istanbul 1983. P. 136. Fig. 346; Kat. Tokio 1985. No. 65.3), а также из клада, хранящегося в Филадельфии (Bass 1970. P. 337. No. 19. Pl. 86, 19; Treister 2002. P. 251. Fig. 7).

Пять полностью сохранившихся браслетов из золота и серебра трех типов происходят из кладов А, F и N, при этом с точки зрения художественного исполнения наибольший интерес вызывают украшенные двойными спиральми пластинчатые браслеты из клада F, хранящиеся в Москве (Кат. Москва 1996. № 123; Трейстер 1996. С. 207; Treister 2002. P. 251. Fig. 6) (ил. 3, 1) и Стамбуле (Кат. Istanbul 1983. P. 37. Fig. 349; Kat. Tokio 1985. No. 67; Sazci, Treister 2006. S. 214. Abb. 5 — внизу; Sazci 2007. P. 242, F-52). Золотые и серебряные гривны из гладкого или крученого прута были обнаружены в кладах А, J и N (Трейстер 1996. С. 208–209).

Der Ohrschmuck lässt sich in zwei Gruppen einteilen, zum einen in Form von Körbchen und zum anderen in Form von Halbmonden. Die körbchenförmigen Ohrgehänge aus den Schätzen A, C, E, F, Ha und J unterscheiden sich voneinander durch die Konstruktion des Körbchens, die Art der Befestigung der Anhänger, deren Anzahl und die Formen der Blättchen, die an den Kettchen befestigt sind, und der Anhänger (Abb. 2, 1–3). Es gibt Gründe für die Vermutung einer Entwicklung dieses Typs von Schmuckstücken von den komplizierten mit einem aus einzelnen Drähtchen zusammengesetzten Körbchen, zu einfacheren, die aus Blechen mit eingeritzten Rillen, welche zusammengelötete Drähtchen imitieren, bestehen (Treister 1996. S. 200–202). Die Ohrringe in Form von Halbmonden aus den Schätzen A, D und N sind aus einem oder zwei zusammengelöteten dicken Stäben hergestellt, die mit aufgelöteten Granulationskugeln verziert sind (Abb. 2, 4–5). Von der Ornamentierung her stellt jedes Ohrschmuckpaar eine eigenständige Variante dar (Treister 1996. S. 202f.).

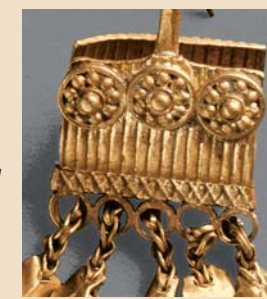
In den trojanischen Schätzen wurden zwei Typen von Lockenringen gefunden: gerippte in Form von Halbringen, die aus einer unterschiedlichen Zahl von Stäbchen (zwischen drei und sieben) zusammengelötet sind, und Spiralringe mit anderthalb Windungen. Die gerippten Lockenringe bilden die repräsentativste Gruppe der Schmuckstücke aus den Schätzen A, D, E, F, J, N, und R (Abb. 2, 6–8); unter ihnen überwiegen Goldringe, die silbernen Ringe wurden hauptsächlich in Schatz N gefunden (Treister 1996. S. 203–206). Bei der Grabungskampagne von 1996 wurde hinter der älteren Stadtmauer von Troja II ebenfalls ein solcher goldener Lockenring gefunden (Korfmann 1997. S. 24. Abb. 13; Sazci, Korfmann 2000. S. 94. Abb. 1). Besonderheiten stellen die Lockenringe mit aufgelöteten Rosetten aus den Schätzen J (Kat. Moskau 1996. Nr. 157; Treister 2002. P. 250. Fig. 5) (Abb. 3, 3), D (Kat. Istanbul 1983. P. 136. Fig. 346; Kat. Tokio 1985. No. 65.3) sowie aus dem Schatz, der sich in Philadelphia befindet (Bass 1970. P. 337. No. 19. Pl. 86, 19; Treister 2002. P. 251. Fig. 7) dar.

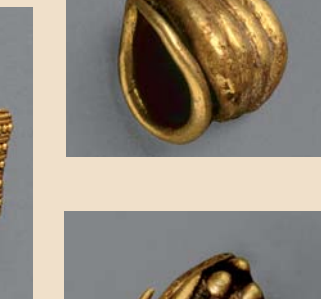
1, деталь/Detail

1, деталь/Detail

2, деталь/Detail

3

2

4

5

Ил. 2. Серьги и височные кольца (ГМИИ).
 Серьги: 1 – клад А; 2 – клад J; 3 – клад F;
 4 – клад N; 5 – клад А. Височные кольца:
 6 – клад А; 7 – клад А; 8 – клад А
 Abb. 2. Ohrgehänge und Lockenringe (GMI).
 Ohrgehänge: 1 – Schatz A; 2 – Schatz J;
 3 – Schatz F; 4 – Schatz N; 5 – Schatz A.
 Lockenringe: 6 – Schatz A; 7 – Schatz A;
 8 – Schatz A

В большинстве кладов были найдены бусы, пронизи и подвески из золота, серебра, бронзы, сердолика различных типов (Трейстер 1996. С. 209–214), среди которых отметим находки пронизей с четырьмя спиральными завитками в кладах D и J (Кат. Москва 1996. № 116, 161). Одной из характерных форм являются также так называемые бабочковидные пронизи, представленные многочисленными находками в кладах А, а также несколькими экземплярами из конгломерата в кладах N (Кат. Москва 1996. № 92, 235). Особое внимание привлекают две янтарные бусины из клада L (Кат. Москва 1996. № 227–228).

На фоне булавок простых форм (Трейстер 1996. С. 214) выделяются происходящие из клада О две золотые булавки, входящие в число наиболее совершенных образцов ювелирного искусства. Обнаруженные примерно в метре одна от другой, возможно, они относятся к разным эпохам. Одна из этих булавок имеет плоскую цилиндрическую головку, украшенную по обеим сторонам одиннадцатилепестковыми розетками и спиральми. Есть основания предполагать, что лепестки были изначально украшены эмалью в технике клуазонне (Кат. Москва 1996. № 240; Трейстер 1996. С. 216). Булавка с головкой, образованной прямоугольной пластиной с филигранным орнаментом, украшенной по верхнему краю шестью миниатюрными двуручными сосудиками (Кат. Москва 1996. № 239; Трейстер 1996. С. 215–216; Sazci, Çaliş-Sazci 2002. S. 459, 460. Abb. 3) (ил. 3, 2) имеет ближайшей

Fünf vollkommen erhaltene Armbänder aus Gold und Silber, die insgesamt drei Typen entsprechen, stammen aus den Schätzen A, F und N, wobei unter dem Gesichtspunkt der künstlerischen Ausführung am interessantesten die mit Doppelspiralen verzierten Lamellen-Armbänder aus dem Schatz F sind, die in Moskau (Kat. Moskau 1996. Nr. 123; Treister 1996. S. 207; Treister 2002. P. 251. Fig. 6) (Abb. 3, 1) und Istanbul (Kat. Istanbul 1983. P. 37. Fig. 349; Kat. Tokio 1985. No. 67; Sazci, Treister 2006. S. 214. Abb. 5 unten; Sazci 2007. P. 242, F-52) aufbewahrt werden. Goldene und silberne Halsringe aus im Querschnitt rundem oder tordiertem Draht wurden in den Schätzen A, J und N entdeckt (Treister 1996. S. 208–209).

Die meisten Schätze enthielten Perlen, Schieber und Anhänger aus Gold, Silber, Bronze und braunem Karneol verschiedenen Typs (Treister 1996. S. 208–212), unter denen Schieber in Form von zwei Doppelspiralen aus den Schätzen D und J (Kat. Moskau 1996. Nr. 116, 161) vor allem hervorzuheben sind. Eine der charakteristischen Formen sind die so genannten Schmetterlings- bzw. Scheibenperlen aus einem Röhrchen mit seitlichen Lappen, die in großer Menge im Schatz A und auch mit einigen Exemplaren aus dem Konglomerat des Schatzes N vertreten sind (Kat. Moskau 1996. Nr. 92, 235). Besonders bemerkenswert sind auch zwei Bernsteinperlen aus dem Schatz L (Kat. Moskau 1996. Nr. 227–228).

Im Vergleich zu den einfachen Gewandnadeln (Treister 1996. S. 213) fallen die aus dem so genannten Schatz O stammenden

аналогией золотую булавку из клада, хранящегося в Филателфии (Bass 1970. P. 335. No. 1. Pl. 86, 1; Sazcı, Çaliş-Sazcı 2002. S. 460, 461. Abb. 7; Sazcı 2007. P. 342, Tr-S19), хотя булавки более простых форм, украшенные спиральными и одиночными воспроизведениями сосудов известны среди находок из кладов D и O (Sazcı 2007. P. 224–225, D-S18; P. 296, O-S2; P. 298); еще одна подобная булавка происходит из раскопок К. Блегена в Трою (Sazcı, Çaliş-Sazcı 2002. S. 457–461. Abb. 1, 4).

Серия предметов может быть определена как заготовки и полуфабрикаты ювелирных изделий (Трейстер 1996. С. 217–218). К ним относятся, в частности, узкие пластинки с нерегулярно пробитыми отверстиями, происходящие из кладов А (Кат. Москва 1996. № 101) и F (Кат. Москва 1996. № 124; Sazcı, Treister 2006. S. 214. Abb. 5 — в центре), возможно являющиеся заготовками для изготовления бус. Неясно до конца функция происходящих из клада F кованых золотых стержней с обрубленными концами; с одной стороны стержни покрыты регулярными неглубокими насечками, при этом прямой зависимости между весом стержня и количеством отрезков нет (Кат. Москва 1996. № 128–132; Sazcı, Treister 2006. S. 214. Abb. 5 — вверху). Не исключено, что они могли быть полуфабрикатами и заготовками для создания ювелирных изделий и одновременно являлись прообразом денег.

Одиннадцать сосудов из золота (ил. 4), серебра (ил. 5) и бронзы происходят преимущественно из кладов А и В (Трейстер 1996. С. 219–222; Born 1997. S. 110–121). Кубки, выкованные из цельных листов металла, представлены в золоте и серебре (Кат. Москва 1996. № 6–7, 103; Трейстер 1996. С. 221). Особого внимания заслуживает золотой так называемый соусник, который, очевидно, долгое время использовался, прежде чем попал в состав клада А; скорее всего, в процессе использования один из его носиков-сливов был раскован (Кат. Москва 1996. № 5; Трейстер 1996. С. 221) (ил. 4, 3). Шаровидная фляга (Кат. Москва 1996. № 4; Трейстер 1996. С. 220–221) с орнаментом в виде трех ярусов ромбов на тулове, вероятно, имела оплетку из органического материала (ил. 4, 1). В кладах А и среди отдельных находок имеются три антропоморфных сосуда, выкованных из цельных кусков тонкого серебра (Кат. Москва 1996. № 2–3, 259; Трейстер 1996. С. 220) (ил. 5, 1; ил. 6, 2). Так называемая фиала, изготовленная из бронзы (Кат. Москва 1996. № 1; Трейстер 1996. С. 219–220), к которой, вероятно, относится ручка, находящаяся в коллекции Эрмитажа (Шлиман. Петербург. Троя 1998. № 89), один из фрагментов которой по-прежнему хранится в Берлине, была определена К. Биттелем как вместилище-сковорода — *Stielpfanne* (Bittel 1959. S. 1–7). На первый взгляд, предложенная К. Биттелем реконструкция представляется весьма убедительной, однако размеры троянской находки и соотношение диаметра вместилища и длины ручки отличают ее от находок сковород из Трояды; неясно и функциональное назначение сосуда.

Особый интерес вызывают две антропоморфные фигурки, одна из которых — бронзовая, отлитая по восковой модели, — происходит из клада К (Кат. Москва 1996. № 165; Трейстер 1996. С. 218–219) (ил. 6, 1). Не исключено, что изначально фигурка могла украшать металлический культовый сосуд (Трейстер 2002. P. 253–254), так как глиняный сосуд с двумя подобными фигурками был найден в Трою при раскопках мегарона к северу от ворот FO (Sazcı, Korfmann 2000. S. 97. Abb. 7; Sazcı 2001. S. 386, 388. Abb. 433; Çaliş-Sazcı 2006. S. 206, 208. Abb. 7; Sazcı 2007. P. 91–93. Figs. 60, 61) (ил. 6, 3).

Топоры-молотки, набалдашники и линзы из полированного камня происходят из клада L. Из четырех парадных

goldenen Ziernadeln besonders ins Auge, gehören sie doch zu den vollkommensten Beispielen der Goldschmiedekunst, die in Troja gefunden worden ist. Tatsächlich wurden sie aber etwa einen Meter entfernt voneinander entdeckt und stammen möglicherweise aus verschiedenen Epochen. Die eine besitzt einen flachen zylinderförmigen Kopf, der eine elfblättrige Rosette aufweist und seitlich von Spiralen flankiert wird. Es gibt Gründe zu der Vermutung, dass die Rosette ursprünglich mit Emailleinlagen in Zellenschmelz-Technik versehen war (Kat. Moskau 1996. Nr. 240; Treister 1996. S. 215f.). Bei der zweiten Nadel ist der Kopf aus einer rechteckigen Platte mit aufgelegter Filigranverzierung gebildet, auf der oben sechs zweihenklige Miniaturgefäße sitzen (Kat. Moskau 1996. Nr. 239; Treister 1996. S. 214; Sazcı, Çaliş-Sazcı 2002. S. 459, 460. Abb. 3) (Abb. 3, 2). Sie hat ihr bestes Vergleichsstück in einer Goldnadel aus dem Schatz, der sich heute in Philadelphia befindet (Bass 1970. P. 335. No. 1. Pl. 86, 1; Sazcı, Çaliş-Sazcı 2002. S. 460, 461. Abb. 7; Sazcı 2007. P. 342, Tr-S19). Nadeln in schlichteren Formen mit Spiralverzierung und einzelnen Gefäßnachbildungen stammen aus den Schätzen D und O (Sazcı 2007. P. 224–225, D-S18; P. 296, O-S2; P. 298); eine weitere vergleichbare Nadel wurde bei den Ausgrabungen C. Blegens in Troja entdeckt (Sazcı, Çaliş-Sazcı 2002. S. 457–461. Abb. 1, 4).

Eine Reihe von Gegenständen können als Rohlinge und Halbfabrikate zur Herstellung von Schmuck angesehen werden (Treister 1996. S. 215f.). Dazu gehören insbesondere flache Stäbchen mit unregelmäßig durchgeschlagenen Öffnungen aus den Schätzen A (Kat. Moskau 1996. Nr. 124; Sazcı, Treister 2006. S. 214. Abb. 5 Mitte), möglicherweise Halbfertigprodukte zur Herstellung von Perlen. Nicht endgültig klar ist die Funktion der aus Schatz F stammenden geschmiedeten Goldstäbe mit abgeschnittenen Enden, die auf einer Seite jeweils regelmäßige, flache Einschnitte aufweisen. Ein Zusammenhang zwischen dem Gewicht und der Anzahl der Kerben lässt sich nicht feststellen (Kat. Moskau 1996. Nr. 128–132; Sazcı, Treister 2006. S. 214. Abb. 5 oben). Es ist nicht ausgeschlossen, dass sie sowohl Halbfabrikate oder Rohlinge als auch prämonetäre Werteinheiten im Handelsverkehr darstellten.

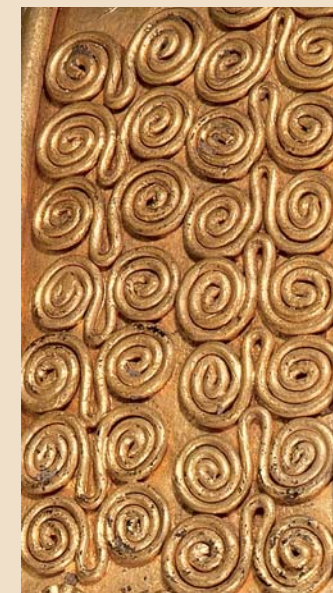
Elf Gefäße aus Gold (Abb. 4), Silber (Abb. 5) und Bronze stammen vorwiegend aus den Schätzen A und B (Treister 1996. S. 217–220; Born 1997. S. 110–121). Die Becher, in einem Stück getrieben, kommen sowohl in Gold wie in Silber vor (Kat. Moskau 1996. Nr. 6–7, 103; Treister 1996. S. 221). Besondere Aufmerksamkeit verdient eine so genannte Sauciere, die offensichtlich längere Zeit in Gebrauch war, bevor sie in den Bestand des Schatzes A gelangte. Wahrscheinlich wurde während der langen Benutzungszeit einer der Ausgüsse ziemlich ungeschickt auseinander gedrückt (Kat. Moskau 1996. Nr. 5; Treister 1996. S. 221) (Abb. 4, 3). Bei der kugelförmigen Flasche (Kat. Moskau 1996. Nr. 4; Treister 1996. S. 220–221) (Abb. 4, 1), stammt ein umlaufendes Ornament in Form eines dreizonigen Rhombenmusters wahrscheinlich von einem netzförmigen Behälter aus organischem Material. Im Schatz A und unter den Einzelstücken gibt es drei anthropomorphe Gefäße, die aus ganzen Stücken Silber getrieben worden sind (Kat. Moskau 1996. Nr. 2–3, 259; Treister 1996. S. 219) (Abb. 5, 1; 6, 2). Ein flaches Gefäß aus Bronze (Kat. Moskau 1996. Nr. 1; Treister 1996. S. 217f.), zu dem wahrscheinlich der Henkel gehört, von dem sich ein Fragment noch in Berlin und das andere in der Sammlung der Staatlichen Eremitage (Шлиман. Петербург. Троя 1998. № 89) befindet, wurde von К. Бittel als Behälter einer Stielpfanne definiert (Bittel 1959. S. 1–7). Auf den ersten Blick stellt sich die von Bittel vorgeschlagene Rekonstruktion recht überzeugend dar, jedoch

1

1, деталь/Detail

1, деталь/Detail

2

2, деталь/Detail

3

топоров-молотков, втулки которых украшены рядами мелких шишечек, валиками и дорожками орнамента типа «елочка» (он нанесен тонкими косыми насечками) и которые относятся к шедеврам камнерезного искусства эпохи бронзы (Кат. Москва 1996. № 166–169; Трейстер 1996. С. 222–225), один, дошедший до нас в поврежденном состоянии, выполнен из лазурита (Кат. Москва 1996. № 169) (ил. 7). Остальные три, вырезанные из серо-зеленого минерала типа нефрита и жадеита, судя по их великолепной сохранности, практически не использовались.

Шесть прозрачных грибовидных набалдашников из горного хрусталя, которые на основании размеров, пропорций и деталей отделки можно условно разделить на три пары (Кат. Москва 1996. № 170–175; Трейстер 1996. С. 225–227), могли использоваться в качестве наверший жезлов или булав либо, с учетом парного характера находок, для украшения предметов парадной мебели, например тронов. Нельзя исключать, впрочем, по аналогии с подобными находками в шахтовых гробницах Микен, их использование в качестве наверший рукоятей мечей или кинжалов (Трейстер 1996. С. 226 с лит.). Кроме набалдашников в кладах L была найдена серия предметов из горного хрусталя иного назначения (Трейстер 1996. С. 227–228). Все так называемые линзы, прозрачные и плоско-выпуклые, имеют разную форму, а на некоторых есть следы окислов бронзы и железа. Большинство

die Maße des trojanischen Fundes und das Verhältnis des Durchmessers zum Griff unterscheiden sie von den Stielpfannenfundes aus der Troas; unklar ist auch die funktionale Zweckbestimmung des Gefäßes.

Besonderes Interesse wecken zwei anthropomorphe Figuren. Die eine, im Wachsausschmelzverfahren aus Bronze gegossen, stammt aus Schatz K (Kat. Moskau 1996. Nr. 165; Treister 1996. S. 218–219) (Abb. 6, 1). Es ist nicht ausgeschlossen, dass die Figur ursprünglich ein Kultgefäß aus Metall zierte (Treister 2002. P. 253–254) — ein Tongefäß mit zwei ähnlichen Figuren wurde in Troja in einem Megaron nördlich des Tores FO gefunden (Sazcı, Korfmann 2000. S. 97. Abb. 7; Sazcı 2001. S. 386, 388. Abb. 433; Çaliş-Sazcı 2006. S. 206, 208. Abb. 7; Sazcı 2007. P. 91–93. Figs. 60, 61) (Abb. 6, 3).

Hammeräxte, Knäufe und Linsen aus poliertem Stein stammen aus Schatz L. Von den vier Zeremonialäxten, deren Schaftlöcher außen mit Wülsten, Reihen von Buckeln und Bändern mit Fischgrätmuster verziert sind und die zu den Meisterwerken der Steinschneidekunst der Bronzezeit gehören (Kat. Moskau 1996. Nr. 166–169; Treister 1996. S. 220–223), besteht eine, beschädigte, aus Lasurit (Kat. Moskau 1996. Nr. 169) (Abb. 7). Die anderen drei aus Nephrit oder Jadeit dürften wegen des Fehlens jeglicher Gebrauchsspuren fast nie benutzt worden sein.

Sechs durchsichtige pilzförmige Knäufe aus Bergkristall, die man aufgrund ihrer Maße, Proportionen und Verzierungsdetails

Ил. 3. Сходные элементы декора в украшениях из кладов F, J и O: 1 – браслет из клада F (общий вид и детали); 2 – булавка из клада O (общий вид и детали); 3 – височное кольцо из клада J (ГМИИ)
Abb. 3. Vergleichbare Zierauflagen von Schmuckstücken aus den Schätzen F, J und O: 1 – Armband aus Schatz F (Gesamtansicht und Details); 2 – Ziernadel aus Schatz O (Gesamtansicht und Detail); 3 – Lockenring aus Schatz J (GMI)

Илл. 4. Золотые сосуды из клада А (ГМИИ): 1 – фляга с шаровидным туловом; 2 – кубок; 3 – соусник
Abb. 4. Goldgefäße aus Schatz A (GMI): 1 – Kugelgefäß; 2 – Becher; 3 – Sauciere

in drei Paare bedingt einteilen kann (Kat. Moskau 1996. Nr. 170–175; Treister 1996. S. 223f.), könnten als Endstücke von Stäben oder Keulen, oder, unter Berücksichtigung des Paar-Charakters der Funde, zur Verzierung von Prunkmöbeln, zum Beispiel von Thronen, gedient haben. Wegen der Vergleichsstücke in den Schachtgräbern von Mykene kann man eine Verwendung als Knäufe von Schwert-

oder Dolchgriffen auch nicht ausschließen (Treister 1996. S. 224 mit Lit.). Neben den Knäufen wurde im Schatz L noch eine Serie von Gegenständen aus Bergkristall anderer Zweckbestimmung gefunden (Treister 1996. S. 224–225). Alle sind durchsichtige und plankonvexe Linsen, doch besitzen sie verschiedene Formen, und auf einigen befinden sich Spuren von Bronze- und Eisenoxid. Die Mehrzahl von ihnen sind rund und klein (Kat. Moskau 1996. Nr. 176–216). Nur zwei größere scheibenförmige Linsen (Kat. Moskau 1996. Nr. 229–230), von denen die eine mittig durchbohrt ist, hätte man auch als Vergrößerungsglas verwenden können. Diese Einschätzung, erstmals geäußert von A. Götze (Götze 1902, 340) bezüglich der Linse ohne Öffnung, verdient nicht nur deshalb Beachtung, weil die Linse eine zweifache Vergrößerung liefert, sondern weil es Vergleichsstücke auf Kreta, Zypern und Kleinasien gibt (Treister 1996. S. 224 mit Lit.).

In einigen trojanischen Schätzen wurden auch Waffen und Werkzeuge aus Bronze gefunden (siehe Übersicht: Sazcı, Treister 2006. S. 213). Quantitativ stechen hervor: Messer, Flachbeile Dolche und Lanzenspitzen.

Flachbeile des für die Frühbronzezeit charakteristischen Typs mit verbreiteter Schneide und abgerundetem Nacken stammen aus den Schätzen A, C, E, F und K (Шлиман. Петербург. Троя 1998. № 93–95). Selten ist der Nacken durchbohrt, etwa bei einem Exemplar aus dem Schatz K (Шлиман. Петербург. Троя 1998. № 106).

Dolche fanden sich in den Schätzen A, F und S und repräsentieren unterschiedliche Typen. Die Querschnitte der Klingen sind linsen- oder trapezförmig. In einer Reihe von Fällen sind im Griffbereich Niete erhalten oder Griffzungen vorhanden (Шлиман. Петербург. Троя 1998. № 98–103, 113).

Lanzenspitzen fanden sich nur in den Schätzen A (Шлиман. Петербург. Троя 1998. № 97, 103) und K (Шлиман. Петербург. Троя 1998. № 109). Die Befestigungsangeln gleichen den so genannten zypriotischen Lanzen. Die Blätter einiger dieser Lanzenspitzen weisen längliche Schlitz links und rechts der Mittelrippe auf (Шлиман. Петербург. Троя 1998. № 103, 109).

Besondere Aufmerksamkeit verdient das Fragment eines knäuflichen Gebildes aus Schatz L (Kat. Moskau 1996. Nr. 226). Die Resultate der chemischen Analyse bestätigen, dass er zu 73% aus Eisenoxid besteht (Götze 1902. S. 423; Schmidt 1902. S. 244). Dieser Gegenstand gehört damit zu den ältesten bekannten Eisenartefakten (Treister 1996. S. 234).

из них представлено маленькими пластинками округлой формы (Kat. Москва 1996. № 176–216). Лишь две большие круглые линзы (Kat. Москва 1996. № 229, 230), в центре одной из которых было просверлено отверстие, могли использоваться в качестве увеличительных стекол. Эта точка зрения, высказанная относительно линзы без отверстия еще А. Гетце (Götze 1902. S. 340), заслуживает внимания не только потому, что линза дает примерно двухкратное увеличение, но и в связи с находками подобных предметов на Крите, Кипре в Малой Азии (Трейстер 1996. С. 227 с лит.).

В некоторых из троянских кладов были найдены также оружие и инструменты из бронзы (см. обзор: Sazcı, Treister 2006. S. 213). Количественно выделяются ножи, долота, тесла, кинжалы и наконечники копий.

Тесла обычных для эпохи ранней бронзы типов — с расширяющимся лезвием и закругленным верхним концом — происходят из кладов А, С, Е, F и К (Шлиман. Петербург. Троя 1998. № 93–95). На закругленном конце тесла может быть отверстие, как на экземпляре из клада К (Шлиман. Петербург. Троя 1998. № 106).

Илл. 5. Серебряные сосуды из клада А: 1 – флакон, общий вид и крышка (ГМИИ); 2 – флакон, общий вид – реконструкция; деталь – петлевидная ручка (МПДИ, Берлин)

Abb. 5. Silbergefäße aus Schatz A. 1 – Schnurösenflasche, Gesamtansicht und Deckel (GMI); 2 – Gefäßrekonstruktion und MCT-Aufnahme der Ösen von dem Gefäß Sch 5861 (MVf, Berlin)

Кинжалы, напротив, представлены разнообразными типами, происходящими из кладов А, F и S. В сечении клинки линзовидные или трапециевидные. На коротких выступах в ряде случаев сохранились заклепки или имеются отверстия для крепления рукоятей (Шлиман. Петербург. Троя 1998. № 98–103, 113).

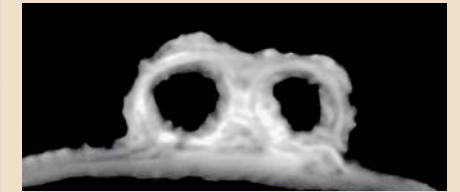
Все наконечники копий, представленные находками из кладов А (Шлиман. Петербург. Троя 1998. № 97, 103) и К (Шлиман. Петербург. Троя 1998. № 109), черенковые и относятся к так называемым кипрским. На лопастях некоторых наконечников копий имеются по два продольных сквозных отверстия, расположенных симметрично по отношению к нервюре (Шлиман. Петербург. Троя 1998. № 103, 109).

Особое внимание следует обратить на фрагмент навершия из клада L (Kat. Москва 1996. № 226). Результаты химического анализа свидетельствуют о том, что оно железное (Götze 1902. S. 423; Schmidt 1902. S. 244). Данный предмет относится к древнейшим изделиям из железа (Трейстер 1996. С. 237–238).

Относительная и абсолютная хронология кладов

Анализ взаимовстречаемости в комплексах кладов отдельных категорий вещей, а также стилистический анализ памятников позволил мне в свое время предположить, что имеются более или менее весомые данные для синхронизации одиннадцати из тринадцати хранящихся в Москве комплексов, а значит, прийти к выводу о синхронности (в пределах бытования представленных в кладах вещей) практически всех троянских кладов, за исключением поздних кладов Hb и P, принадлежащих, очевидно, к периоду Трои VI.

В частности, достаточно весомы основания для синхронизации клада F не только с кладом А, но и складами J и O. Так, на браслете (клад F) и на височном кольце (клад J) в аналогичной технике выполнены розетки с полусферическими выпуклостями в центре в рифленном незамкнутом ободке, что позволяет отнести изделия к работе одного мастера или мастерской (илл. 3, 1, 3). Интересно, что подобная розетка украшает и серьгу из клада, хранящегося в Филадельфии, представляющую собой гибридный височного кольца из пяти долек и серьги в форме корзиночки с подвесками (Bass 1970. P. 337–338; No. 19. Pl. 86. Fig. 19; Sazcı 2007. P. 341, Tr-S17). При этом цепочки подвесок других серег, в форме корзиночек, из клада в Филадельфии скреплены между собой узкими пластинками-разделителями (Bass 1970. P. 336; Nos. 5–6. Pl. 85. Fig. 5–6; Kat. New York 2003. P. 368. No. 173b; Sazcı 2007. P. 339, Tr-S3-S4), то есть в точно такой же технике, что и цепочки большой диадемы из клада А (см.: Treister 2002. P. 263. Fig. 9;

1 2, деталь/Detail

Die relative und die absolute Chronologie der Schätze

Die Analyse der Zusammensetzung der Objektkategorien in den Schätzen sowie auch die stilistische Analyse der Funde ermöglichten es mir, mit mehr oder weniger großer Sicherheit festzustellen, dass elf der dreizehn in Moskau verwahrten Komplexe synchronisiert werden können. Nur die Schätze Hb und P sind jünger und gehören in die Periode Troja VI.

Es gibt insbesondere genügend gewichtige Gründe für die Synchronisation von Schatz F nicht nur mit Schatz A, sondern auch mit den Schätzen J und O. So sind auf dem Armband aus Schatz F (Kat. Moskau 1996. Nr. 123) und auf dem Lockenring aus Schatz J (Kat. Moskau 1996. Nr. 157) in analoger Technik Rosetten aus einem zentralen Buckel und einer mit Kerben versehenen Umrahmung angebracht, die wohl der Arbeit eines Meisters oder einer Werkstatt zuzuschreiben sind (Abb. 3, 1, 3). Interessant ist, dass eine ähnliche Rosette auch einen Ohrring aus dem Schatz schmückt, der sich in Philadelphia befindet und der ein Hybrid aus einem Lockenring mit fünf Stäbchen und einem Körbchenohrring darstellt (Bass 1970. P. 337–338; No. 19. Pl. 86. Fig. 19; Sazcı 2007. P. 341, Tr-S17). Dabei sind die Kettchen weiterer Körbchenohrringe aus dem Schatz im Museum von Philadelphia mit schmalen Querbändern verbunden (Bass 1970. P. 336; Nos. 5–6. Pl. 85. Fig. 5–6; Kat. New York 2003. P. 368. No. 173b; Sazcı 2007. P. 339, Tr-S3-S4), entsprechend den Schiebern bei den Kettchen des großen Diadems aus Schatz A (s. Treister 2002. P. 263. Fig. 9; Sazcı 2007. P. 171, A1-S1) (Abb. 1, 2). Zu synchronisieren sind die Schatzfunde auch über die Armbänder aus Schatz F und die Ziernadel Kat. 239 aus Schatz O (Treister 1996. S. 198, 206, 213, 228f.; Treister 2002. P. 250) (Abb. 3, 1, 2). Die von mir erwogene Hypothese über die Möglichkeit der Herstellung diesen Erzeugnisse in der gleichen Werkstatt wurde inzwischen auch von anderen Forschern übernommen (Laffineur 2002. P. 240).

Besondere Aufmerksamkeit verdient die Datierung des Schatzes L. Obwohl die Prunkäxte aus dem Schatz ziemlich gute Formparallelen im Schatz von Borodino aus Bessarabien besitzen, die vermutlich aus Jadeit der Sajansker Lagerstätten hergestellt worden sind (siehe Kaiser 1997. S. 16. Taf. II, 1–4; vgl. auch den Beitrag

Sazci 2007. P. 171, A1-S1) (ил. 1, 2). К аналогичному выводу мы приходим, сравнивая детали браслетов из клада F и булавки из клада O (Трейстер 1996. С. 199, 208, 215, 231; Treister 2002. P. 250) (ил. 3, 1, 2). Предложенная нами гипотеза о возможности изготовления этих изделий в одной мастерской принята в настоящее время и другими исследователями (Laffineur 2002. P. 240).

Особое внимание привлекает датировка клада L. Хотя парадные троянские топоры-молотки имеют довольно близкие параллели в находках из Бородинского клада в Бессарабии, предположительно изготовленных из нефрита сяньских месторождений (см.: Kaiser 1997. S. 16. Taf. II, 1-4; см. также статью Н. И. Шишлиной о Бородинском кладе в настоящем каталоге), богатый декор этих предметов настолько своеобразен, что оснований датировать их, а соответственно, и весь клад XVII-XVI веками до н. э., как это делают некоторые исследователи (см.: Никулина 1999. С. 218-228), нет (Kaiser 1997. S. 115; Treister 2002. P. 254). В известной степени параллель этому декору, но не в форме рядов шишечек (ил. 7), а в виде ромбических выступов, расположенных между диагональными линиями, мы находим на втулке бронзового топора-молотка из гробницы E в могильнике Аладжаюк (Koşay 1951. P. 64. Pl. 166, 1 E 7; Kat. Tokio 1985. No. 57), которая датируется второй половиной III тыс. до н. э., хотя не исключено, что относится и к первой половине III тыс. до н. э. (<http://www.bergbaumuseum.de/web/am-alacahoyuk>). Очевидно, речь не идет о случайном совпадении, так как декор втулок троянских топоров-молотков свидетельствует о том, что они являлись воспроизведением металлических топоров.

Сравнение отдельных находок из кладов с параллелями, происходящими из датированных погребений некрополя Ура в Месопотамии показало, что золотой соусник из клада A (ил. 4, 3) может быть сопоставлен с овальными чашами из погребений царского некрополя, датируемыми III раннединастическим периодом, или ок. 2600-2334 годов до н. э. Месопотамские параллели ручкам в виде двойных выступов с вертикальными отверстиями на флаконе (Kat. Москва 1996. № 3) (ил. 5, 1) и фрагментированном сосуде с шаровидным туловом (Koch, Born 2001. S. 252-266) (ил. 5, 2) из клада A, широко представленные на сосудах из бронзы и драгоценных металлов из царского некрополя Ура (Müller-Karpe 1993. S. 129. Taf. 58. Nr. 819, 826, 827; Taf. 59, 60; Müller-Karpe 2004. S. 48-49. Nr. 1050-1051, 1058-1063; Taf. 62-63; см. также: Weber, Zettler 1998. P. 128-132. Nos. 97-104) и других памятников Месопотамии (Müller-Karpe 2004. S. 5. Nr. 64. Taf. 6; Helwing, Müller 2004. S. 92. Nr. 2283. Taf. 139) показали, что в большинстве своем они встречаются на сосудах из погребений периода IIIa, которые датируются в рамках 2600-2500 годов до н. э. (см. подробно: Treister 2002. P. 246-250). Близкими параллелями носикам-сливам троянского соусника являются сливы керамических сосудов, возможно светильников или сосудов для возлияний, известных по находкам в Лерне на Пелопоннесе и на Кикладах и являвшихся одной из ведущих керамических форм II раннеэладского периода и переходного периода к III раннеэладскому. Четыре типа таких сосудов, относящиеся к фазам Лерна IIIA-IIIID, датируются примерно между 2600 и 2200 годами до н. э. (Maran 1998. Teil I. S. 10, 15; Teil II. Taf. 10, 1-4; 80). Подобные по форме золотые сосуды хранятся в Лувре и Музее Израиля (Weinberg 1969. P. 3-8; Reinholdt u. a. 2008. S. 83).

В середине 1990-х годов Д. Истоном была разработана относительная и абсолютная хронология троянских кладов,

Ил. 6. Фигурка как возможный элемент декора сосуда: 1 – бронзовая фигурка из клада K (ГМИИ); 2 – серебряный флакон из клада A (ГМИИ); 3 – глиняный сосуд из Трои (мегарон на участке G6; Чанаккале, Археологический музей; по: Sazci 2007)

Abb. 6. Bronzefigur als mögliche Attasche eines Gefäßes. 1 – Bronzefigur aus Schatz K (GMI); 2 – silberne Flasche aus Schatz A (GMI); 3 – Keramikgefäß aus Troja, Megaron im Grabungsareal G6 (Çanakkale, Archäologisches Museum; nach Sazci 2007)

von N. Schischlina über den Borodino-Schatz in diesem Band), ist die reiche Verzierung der trojanischen Äxten so eigentümlich, dass es keinen Anlass gibt, den Schatz L, so wie es einige Forschern machen (Никулина 1999. С. 218-228), nach dem Schatz von Borodino in das 17. bis 16. Jahrhundert v. Chr. zu datieren (Kaiser 1997. S. 115; Treister 2002. P. 254). Eine bis zu einem gewissen Grad ähnliche Verzierung um das Schaftloch, wenn auch nicht aus Buckeln wie auf den trojanischen Prunkäxten (Abb. 7),

7, деталь/Detail

Ил. 7. Лазуриновый топор из клада L, общий вид и деталь (ГМИИ)
Abb. 7. Axt aus Lapis-Lazuli aus Schatz L, Gesamtansicht und Detail (GMI)

во многом базирующаяся на разработках К. Биттеля (Bittel 1959. S. 18-19), который впервые разделил клады на: 1) закрытые комплексы, найденные в цистовой конструкции (A) и в керамических сосудах (C, D, F, E, I, M); 2) находки, сделанные при расчистке полов и слоев разрушений зданий (B, D, J, K) и 3) находки с неопределенным контекстом, которые можно рассматривать как случайные (O, K, R, S; о контексте находки R см.: Easton 2002. P. 102, 132-133; Ünlüsoy 2010. S. 20). Согласно периодизации Истона, основанной на анализе известных и реконструируемых обстоятельств находок, к ранней группе кладов, относящейся к средней фазе Трои II, которые не были спрятаны преднамеренно, а найдены на полах помещений или в слоях разрушенных зданий, принадлежат клады R1-2, N, G и Q. Следующая хронологическая группа представлена специально спрятанными кладами, к которым принадлежат комплексы A, B, C, J, F и L, относящиеся к позднему периоду Трои II. К этой же группе Истон относил и клады, не спрятанные специально, — D, K, E, O S1-2 (Easton 1997. P. 194-197). Касаясь абсолютной хронологии кладов в связи с публикацией серег в форме корзиночек, хранящихся в Пфорцхайме и выставленных на аукционе Кристи, параллели которым происходят из троянских кладов A, C, E, J, то есть поздних, по его классификации, Д. Истон полагает, что они происходят из горизонта, погибшего в пожаре ок. 2250/2150 годов до н. э. (Easton 2000. P. 249).

sondern aus Rhomben findet sich um das Schaftloch eines bronzenen Axthammers aus Grab E von Alaca Höyük (Koşay 1951. P. 64. Pl. 166, 1 E 7; Kat. Tokio 1985. No. 57), das in die zweite Hälfte des 3. Jahrtausends v. Chr. datiert worden ist, obwohl nicht ausgeschlossen werden kann, dass es auch in die erste Hälfte gehören könnte (<http://www.bergbaumuseum.de/web/am-alacahoyuk>). Offensichtlich wird, dass diese Ähnlichkeit nicht zufällig ist, sondern die trojanischen Hammeräxten eindeutig metallische Vorbilder besitzen.

Ein Vergleich von einzelnen Funden aus den Schätzen mit den Parallelen aus den gut datierten Gräbern der Nekropole von Ur in Mesopotamien zeigt, dass z. B. die goldene Sauciere aus Schatz A (Abb. 4, 3) mit den ovalen Schalen dieser königlichen Grabstätte, die in die Früh-Dynastie-Zeit des 3. Jahrtausends bzw. zwischen 2600 und 2334 v. Chr. datiert werden, in Beziehung zu setzen ist. Doppelte Ösen wie bei einem Silbergefäß aus Schatz A (Kat. Moskau 1996. Nr. 3) (Abb. 5, 1) und einem weiteren, nur fragmentarisch erhaltenen und rekonstruierten bauchigen Silbergefäß aus dem gleichen Schatz (Koch, Born 2001. S. 252-266) (ил. 5, 2) (Abb. 5, 2) finden sich ebenso bei Bronze- und Edelmetallgefäßen in Ur (Müller-Karpe 1993. S. 129. Taf. 58. Nr. 819, 826, 827; Taf. 59, 60; Müller-Karpe 2004. S. 48-49. Nr. 1050-1051, 1058-1063; Taf. 62-63; siehe auch Weber, Zettler 1998. P. 128-132. Nos. 97-104) und weiteren Fundorten in Mesopotamien (Müller-Karpe 2004. S. 5. Nr. 64. Taf. 6; Helwing, Müller 2004. S. 92. Nr. 2283. Taf. 139). Sie gehören mehrheitlich in die Periode IIIa, die zwischen 2600-2500 v. Chr. datiert wird (siehe ausführlich Treister 2002. P. 246-250).

Enge Parallelen zu den Ausgüssen der Sauciere, die eventuelle Lampen oder Trankopfer-Gefäße sind, gibt es auch aus Lerna auf dem Peloponnes und von den Kikladen. Sie stellen eine Leitform des Frühhelladikums II und des Übergangs zum Frühhelladikum III dar. Vier solche Gefäße aus den Phasen Lerna IIIA-IIIID lassen sich auf den Zeitraum zwischen 2600 und 2200 v. Chr. datieren (Maran 1998. Teil I. S. 10, 15; Teil II. Taf. 10, 1-4; 80). Von der Form her ähnliche Goldgefäße befinden sich im Louvre und im Israel Museum in Jerusalem (Weinberg 1969. P. 3-8; Reinholdt u. a. 2008. S. 83).

Mitte der 1990er Jahre wurde von D. Easton die relative und absolute Chronologie der trojanischen Schätze erarbeitet, die in vielem auf der Gliederung von K. Bittel (Bittel 1959. S. 18-19) basiert, der zum ersten Mal die Schätze einteilte in:

- 1) geschlossene Komplexe, gefunden in einer Steinkistenkonstruktion (A) und in keramischen Gefäßen (C, D, F, E, I, M);
- 2) Funde, die bei der Freilegung von Fußböden und in Zerstörungshorizonten der Gebäude gemacht wurden (B, D, J, K);
- 3) Zufallsfunde ohne Kontext (O, K, R, S; über den Fundkontext siehe: Easton 2002. P. 102, 132-133; Ünlüsoy 2010. S. 20).

Entsprechend der chronologischen Gliederung von Easton, die auf der Analyse bekannter und zu rekonstruierender Begleitumstände der Funde beruht, gehören zu ältesten Funden, die nicht absichtlich versteckt waren, sondern sich auf Fußböden oder in den Schuttschichten von Räumen in zerstörten Gebäuden fanden, die Schätze R1-2, N, G und Q, die in die mittlere Phase von Troja II gehören sollen.

Die folgende chronologische Gruppe besteht aus intentionell verborgenen Schätzen, zu denen A, B, C, F, J und L gehören. Sie sind der späten Periode Troja II zuzuordnen. Zu dieser Gruppe zählt Easton auch die Schätze, die nicht intentionell versteckt waren — D, K, E, O, S1-2 (Easton 1997. P. 194-197). Bei der Betrachtung der absoluten Chronologie der Schätze in Zusammenhang mit der Publikation der Körbchenohrringe, die im Museum von Pforzheim aufbewahrt werden sowie bei Christie's

Хотя с точки зрения формы и конструкции обе троянские диадемы из клада А уникальны, подвески в виде «идолов», украшающие диадемы и серьги в форме корзиночек, находят параллели на широком пространстве от Балкан и Эгейского бассейна на Западе до Сирии и Месопотамии на востоке (см. подробнее: Трейстер 1996. С. 199–200; Szaci, Treister 2006. С. 213). Височные кольца с различным количеством долек известны в Эгейском бассейне (Полиохни), северной Анатолии (Чорум), центральной (клад А в Эскияпаре) и Юго-Западной Анатолии (Тарс), Иране (Сузы) и в Румынии (см. подробнее: Трейстер 1996. С. 205, 207; Szaci, Treister 2006. С. 213). Также в Полиохни и Эскияпаре имеются параллели серьгам в форме корзиночек (см. подробнее: Трейстер 1996. С. 201–202; Kat. New York 2003. P. 268–269, 271. Nos. 173a, 174). Параллели круглопроволочным гривнам с шишечками на концах известны как в Эскияпаре, так и в Эгейском бассейне (Полиохни, Левкас на острове Итака; см. аналогии: Кат. Москва 1996. № 75; Трейстер 1996. С. 209). Чрезвычайно широко были распространены два типа пронизей из троянских кладов: с четырьмя спиральными завитками, подобные находкам из кладов D и J, и бабочковидные пронизы, подобные находкам из кладов А и N, а также из раскопок К. Блегена (Kat. New York 2003. P. 263. No. 167). Оба типа получают широкое распространение (Трейстер 1996. С. 211–212 с лит.; Aruz 2003. P. 243–244). В частности, бабочковидные пронизы известны от Эгейского бассейна на западе, где они были найдены в Кап-Колонна на острове Эгина и Полиохни, до Ирана (могильник Тепе-Гиссар IIIB), Туркмении (могильник Алтындепе) и долины Инда (могильник Мохенджо-Даро) на востоке; при этом они были широко распространены в Анатолии (Эскияпар, Кюльтепе, Караташ-Семаюк) (Трейстер 1996. С. 212 с лит.; Aruz 2003. P. 243; Kat. New York 2003. P. 231–232. No. 158; P. 393–394. No. 280; Reinholdt 2008. S. 25–26, 126. Taf. 12, 4; S. 128. Taf. 14. Kette B; S. 129. Taf. 15, 1; Rahmstorf 2010-I. S. 690. Abb. 9; Rahmstorf 2010-II. P. 280–281. Fig. 9). Отметим также находки таких пронизей на Северном Кавказе — в кургане № 2 урочища Клады у станции Новосвободной (Пиотровский 1998. Ил. 24; Rezerkin 2000. S. 52. Nr. 2. Taf. 22, 6; Корневский 2011. С. 101, 329. Рис. 102, 2; Kat. New York 2003. P. 296. No. 197). Бронзовая скovorodka из клада А находит параллели по форме среди меньших размеров сосудов из бронзы и электра, найденных в Троаде (Bittel 1959) и кладе А в Эскияпаре в Центральной Анатолии (Özgüç, Temizer 1993. P. 619. Fig. 48, 50. Pl. 117, 3a-b), а также в Месопотамии (Müller-Karpe 1995. S. 313. Abb. 51).

Параллели троянским ювелирным изделиям, найденные в памятниках бассейна Эгейского моря и материковой Греции, уже неоднократно отмечались (см., например, обзор: Laffneur 2002. С. 239). В частности, из Полиохни (Bernabò Brea 1976. P. 290. Tav. CCL, 41; CCLII, 11) происходит аналогия горизонтальным крепежным пластинкам большой диадемы из клада А (ил. 1, 2). Пронизы из двух положенных друг на друга концентрических проволочных колец, состоящих из трех витков проволоки, широко представленные в кладе А, известны по находкам в кладах из Тиреатиса на Пелопоннесе в Кап-Колонне, а также из Архан на Крите (см.: Reinholdt 1993. S. 5, 15–16. Abb. 1–2, 4–8, 18; Трейстер 1996. С. 212 с лит.; Laffneur 2002. P. 239; Reinholdt 2008. S. 26–27, 125. Taf. 11, 3; S. 128. Taf. 14. Kette B; S. 129. Taf. 15, 2).

Некоторые предметы из троянских кладов находят параллели на Балканах. К уже отмеченным аналогиям троянских бронзовым кинжалам (Szaci, Treister 2006. С. 214. Anm. 117) и золотым бусам (Christov 2008. P. 219–221) из Болгарии добавим недавние находки в ритуальных комплексах у деревни Дубене в районе Карлово на юге Болгарии узких

618. Fig. 45–46. Pl. 116, 3–4). Aus dem gleichen Komplex stammen Analogien zu mehreren Typen von Goldperlen und Anhängern (siehe ausführlich: Treister 1996. S. 208f.; Laffneur 2002. P. 237f.).

Einige Feinschmiedearbeiten, die in den trojanischen Schätzen gefunden wurden, sind ziemlich weit verbreitet. Obwohl nach Form und Konstruktion beide trojanische Diademe aus Schatz A Unikate sind, besitzen deren Gehänge und diejenigen des Körbchenohrschmucks Analogien in weiten Gebieten vom Balkan und dem Ägäischen Meer im Westen bis Syrien und Mesopotamien im Osten (siehe ausführlich: Treister 1996. S. 199–200; Szaci, Treister 2006. S. 213). Lockenringe mit unterschiedlich vielen Stäbchen gibt es aus dem ägäischen Raum (Poliochni), aus Nord- (Çorum), und Zentralanatolien (Schatz A in Eskiyaapar) und auch aus Südwestanatolien (Tarsus), dem Iran (Susa) und Rumänien (siehe ausführlich: Treister 1996. S. 203–205; Szaci, Treister 2006. S. 213). In Poliochni und Eskiyaapar fanden sich auch Parallelen zu den Körbchenohrringen (siehe ausführlich: Treister 1996. S. 201–202; Kat. New York 2003. P. 268–269, 271. Nos. 173a, 174). Halsringe aus im Querschnitt rundem Draht mit Knopfen gibt es sowohl in Eskiyaapar als auch in der Ägäis (Poliochni, Leukos auf der Insel Ithaka) (vgl. hierzu Kat. Moskva 1996. Nr. 75; Treister 1996. S. 207f.). Außerordentlich weit verbreitet sind zwei Typen von Schiebern aus der trojanischen Schätzen (Treister 1996. S. 210f. mit Lit.; Aruz 2003. P. 243–244), solche mit vier Spiralen, wie sie in den Schätzen D und J vorkommen, sowie röhrenförmige Perlen mit seitlichen Lappen wie in den Schätzen A und N, sowie aus den Grabungen C. Blegens (Kat. New York 2003. P. 263. No. 167 mit Lit.). Insbesondere die Lappenperlen (bzw. Scheiben- oder Schmetterlingsperlen) waren verbreitet von der Ägäis im Westen, wo sie in Kap Kolonna auf der Insel Ägina und Poliochni gefunden wurden, bis zum Iran (Tepe-Hissar IIIB), Turkmenien (Altyndepe) und in das Indus-Tal (Mohenjo-Daro) im Osten. Dabei sind sie in Anatolien (Eskiyaapar, Kültepe, Karataş-Semayük) weit bekannt (Treister 1996. S. 210 mit Lit.; Aruz 2003. P. 243; Kat. New York 2003. P. 231–232. No. 158; P. 393–394. No. 280; Reinholdt 2008. S. 25–26, 126. Taf. 12, 4; S. 128. Taf. 14. Kette B; S. 129. Taf. 15, 1; Rahmstorf 2010-I. S. 690. Abb. 9; Rahmstorf 2010-II. P. 280–281. Fig. 9). Bemerkenswert sind auch die Funde solcher Perlen im Nordkaukasus — im Grabhügel Nr. 2 in der Schlucht Klady bei dem Kosakendorf Novosvobodnaja (Пиотровский 1998. Ил. 24; Rezerkin 2000. S. 52. Nr. 2. Taf. 22, 6; Корневский 2011. С. 101, 329. Рис. 102, 2; Kat. New York 2003. P. 296. No. 197). Zu der bronzenen Stielpfanne aus Schatz A gibt es Vergleichsstücke kleineren Maßes aus Bronze und Elektron aus der Troas (Bittel 1959), im Schatz A von Eskiyaapar in Zentralanatolien (Özgüç, Temizer 1993. P. 619. Fig. 48, 50. Pl. 117, 3a-b) sowie auch in Mesopotamien (Müller-Karpe 1995. S. 313. Abb. 51).

Parallelen zu trojanischem Schmuck aus der ägäischen Inselwelt und dem kontinentalen Griechenland wurden schon öfter behandelt (siehe z. B. Übersicht: Laffneur 2002. P. 239). Insbesondere aus Poliochni (Bernabò Brea 1976. P. 290. Tav. CCL, 41; CCLII, 11) stammt ein Vergleichsstück zu dem horizontalen Schieber in dem Gehänge des großen Diadems aus Schatz A (Abb 1, 2). Ringscheibenperlen, die aus zwei aufeinanderliegenden konzentrischen, aus drei oder vier zusammengelegten Drahtwindungen bestehen und die in mehreren Exemplaren in Schatz A vorkommen, sind bekannt aus Thyreatis auf der Peloponnes, aus Kap Kolonna sowie auch aus Archanes auf Kreta (siehe Reinholdt 1993. S. 5, 15–16. Abb. 1–2, 4–8, 18; Treister 1996. S. 211 mit Lit.; Laffneur 2002. P. 239; Reinholdt 2008. S. 26–27, 125. Taf. 11, 3; S. 128. Taf. 14. Kette B; S. 129. Taf. 15, 2).

золотых пластинок с отверстиями, которые находят ближайше параллели среди упомянутых выше предметов из кладов А и F, предположительно определенных нами как заготовки для изготовления бус; впрочем, издатели находок из Дубене считают пластинки разделителями низок бус. Возможно, это справедливо, учитывая находки близких по форме предметов вместе с бусами из различных материалов в погребении 7 могильника Телль Банат в Сирии (Kat. New York 2003. P. 185. No. 123).

Находка топора из лазурита в Трое свидетельствует о том, что этот редкий минерал, добывавшийся в бадахшанских рудниках в Афганистане, мог попасть в Трою вместе с оловом, которое также разрабатывалось в Бадахшане и использовалось в Трое для легирования бронзы. Это мнение уже неоднократно высказывалось в литературе (см.: Трейстер 1996. С. 239 с лит.; Apakidze 1999. S. 511, 513, 520; Easton et al. 2002. P. 103; Rahmstorf 2010-I. S. 689–691; Rahmstorf 2010-II. P. 279–280; Schoop 2011-II. P. 32). Косвенно возможность попадания лазурита в Трою подтверждает широкое распространение оловянных бронз именно с середины III тыс. до н. э. в Месопотамии, Малой Азии, на Ближнем Востоке и на Балканах (Hauptmann, Pernicka 2004; Rahmstorf 2006. S. 83–84; Rahmstorf 2010-I. S. 683–685. Abb. 6), хотя аналитических подтверждений происхождения олова именно из Афганистана нет и нельзя исключать возможности его происхождения из Узбекистана, Таджикистана или Восточного Казахстана (Pernicka 1998; Parzinger 2002. S. 159–177; Weisgerber, Cierny 2002. S. 179–186; Parzinger 2003. S. 287–296; Weisgerber 2009. S. 235–258), тем более что для древнейших разработок в Северном Таджикистане получены радиоуглеродные датировки второй половиной III тыс. до н. э. (<http://www.bergbaumuseum.de/web/moar-projekte-mittelasiens>), а исследование бронзовых изделий и оловянной бусины из Восточного Казахстана показало их близость по соотношению изотопов свинца к находкам из Трои и Троады эпохи ранней бронзы (Stöllner u. a. 2011. P. 247–248. Fig. 18). В любом случае вне зависимости от того, был ли сделан троянский топор из бадахшанского лазурита или материал для его изготовления происходит из других известных месторождений этого минерала, расположенных на Урале, Памире или даже в районе Байкала (см. обзор месторождений лазурита: Zöldföldi et al. 2006. P. 354–355. Fig. 1), речь идет о месторождениях, находящихся на расстоянии тысяч километров к востоку от Трои, что предполагает существование системы торговых контактов, выходящих далеко за пределы так называемой *Anatolian Trade Network*, которая, по мнению исследователей, объединяла Анатолию, центры Эгейского бассейна, Балканский полуостров и Северную Сирию (Şahoğlu 2005. P. 339–361; ср.: Efe 2007. P. 60–62. Fig. 17a: *Great Caravan route between Cilicia and the Troad*) или «переплетающихся региональных сетей обмена», которые объединяли территории от Эгейского бассейна на западе до Месопотамии на востоке (Reinholdt u. a. 2008. S. 91–97).

Вероятнее всего, к материалам, попадавшим в Трою издалека, относится и янтарь, из которого сделаны бусы, найденные в кладе L. Не исключено балтийское происхождение материала, тем более что технологические исследования доказали именно такое происхождение янтаря, использовавшегося для изготовления украшений, найденных в погребениях позднего бронзового века в Сирии (Mukherjee et al. 2008. P. 49–59), и довольно широко распространенного в микенскую эпоху в Греции и Эгейском бассейне.

Einige Gegenstände aus den trojanischen Schätzen besitzen auch Vergleichsstücke von der Balkanhalbinsel. Neben den bekannten Parallelen zu den trojanischen Bronzedolchen (Szaci, Treister 2006. S. 214. Anm. 117) und den Goldperlen (Christov 2008. P. 219–221) aus Bulgarien sind noch Neufunde aus den rituellen Komplexen bei Duben, Kr. Karlovo, Südbulgarien zu nennen. Es sind gelochte Goldstreifen, wie sie in den trojanischen Schätzen A und F vorkommen und die als Halbfabrikate zur Herstellung von Perlen angesehen werden könnten. Die Herausgeber der Funde aus Duben interpretieren sie allerdings als Schieber. Wenn man ähnliche Funde aus dem Grab 7 von Tell Banat in Syrien berücksichtigt, wo solche Objekte zusammen mit Perlen aus unterschiedlichen Materialien gefunden wurden (Kat. New York 2003. P. 185. No. 123), könnte diese Zuweisung richtig sein.

Die Meinung, dass das seltene Gestein Lapis Lazuli (Lasurit), aus dem eine der Äxte aus Schatz L gefertigt ist, und das in Badachschan in Afghanistan gefördert wurde, zusammen mit Zinn aus den dortigen Lagerstätten, nach Troja gelangte, wurde schon mehrfach geäußert (Treister 1996. S. 235 mit Lit.; Apakidze 1999. S. 511, 513, 520; Easton et al. 2002. P. 103; Rahmstorf 2010-I. S. 689–691; Rahmstorf 2010-II. P. 279–280; Schoop 2011-II. P. 32). Indirekt bestätigt die Möglichkeit des Imports von Lasurit nach Troja die weite Verbreitung von Zinnbronzen gerade seit der Mitte des 3. Jahrtausends in Mesopotamien, Kleinasien, im Nahen Osten und auf dem Balkan (Hauptmann, Pernicka 2004; Rahmstorf 2006. S. 83–84; Rahmstorf 2010-I. S. 683–685. Abb. 6), auch wenn es bislang keine analytischen Nachweise für die Herkunft des Zinns aus Afghanistan gibt. Es lässt sich aber nicht ausschließen, dass das Zinn auch aus Usbekistan, Tadschikistan oder Ostkasachstan stammen könnte (Pernicka 1998; Parzinger 2002. S. 159–177; Weisgerber, Cierny 2002. S. 179–186; Parzinger 2003. S. 287–296; Weisgerber 2009. S. 235–258), umso mehr, als für Nordtadschikistan Radiokarbon-Datierungen für die zweite Hälfte des dritten Jahrtausends vorliegen (<http://www.bergbaumuseum.de/web/moar-projekte-mittelasiens>) und Untersuchungen von Bleisotopen von Bronzen und einer Zinnperle aus Ostkasachstan deren Nähe zu den frühbronzezeitlichen Funden aus Troja und der Troas belegen (Stöllner u. a. 2011. P. 247–248. Fig. 18). In jedem Falle, unabhängig davon, ob die trojanische Äxt aus Lasurit hergestellt wurde, der aus Badachschan oder aber aus anderen bekannten Lagerstätten im Ural, Pamir oder sogar im Gebiet des Baikal stammt (siehe Übersicht zum Lapis Lazuli-Vorkommen: Zöldföldi et al. 2006. P. 354–355. Fig. 1), geht es um Vorkommen, die in einer Entfernung von tausenden von Kilometern östlich von Troja liegen. Das spricht für das Vorhandensein eines Systems von Handelskontakten, die weit hinausgehen über die Grenzen des so genannten „Anatolian Trade Network“, das Anatolien, die Ägäis, die Balkanhalbinsel und Nordsyrien umfasst (Şahoğlu 2005. P. 339–361; vgl.: Efe 2007. P. 60–62. Fig. 17a: *Great Caravan route between Cilicia and the Troad*), oder die „inter-locking regional exchange networks“, die Territorien zwischen der Ägäis im Westen und Mesopotamien im Osten vereinigen (Reinholdt u. a. 2008. S. 91–97).

Sehr wahrscheinlich ist, dass zu den von weither nach Troja importierten Materialien auch der Bernstein gehörte, aus dem die in Schatz L gefundenen Perlen hergestellt worden sind. Er könnte aus dem Baltikum stammen, da sogar die baltische Herkunft von Bernstein aus Gräbern der späten Bronzezeit in Syrien nachgewiesen werden konnte (Mukherjee et al. 2008. P. 49–59) und baltischer Bernstein auch in der mykenischen Zeit in Griechenland sowie in der Ägäis ziemlich weit verbreitet war.

Троя как важный центр металлообработки эпохи ранней бронзы

Предпринятый выше анализ троянских кладов в контексте современных данных о развитии горного дела и металлообработки в Анатолии наглядно свидетельствует о том, что в середине III тыс. до н. э. Троя, благодаря удачному местоположению на перекрестке морских и сухопутных путей, связывающих Европу и Азию, Средиземное море с Черным (Korfmann 2001-III. S. 357, 361–368. Abb. 385; Şahoğlu 2005. P. 345–346; Kouka 2009. P. 36–37; Rahmstorf 2010-I. S. 691–692), обилию металлических месторождений, становится одним из центров аккумуляции богатства и, соответственно, притяжения мастеров-ювелиров, торецов и бронзолитейщиков. При раскопках в Трою были неоднократно найдены литейные формы, тигли и наконечники мехов (см.: Трейстер 1996. С. 235 с лит.; Easton 2002. P. 328). В Троаде и на западе Малой Азии известны многочисленные месторождения различных металлов, разрабатывавшиеся в древности (Pernicka u. a. 1984. S. 533–536, 569–570. Abb. 22–23; Wagner, Öztunalı 2000. S. 35–40; Pernicka et al. 2003. P. 151–160). Исследование на изотопы свинца серебряных сосудов из клада А, хранящихся в Берлине, показало, что с наибольшей вероятностью металл происходит из рудников, расположенных или на острове Фазос, или на северо-западе Малой Азии (Romer, Born 2009. P. 23–27).

Выше упоминались найденные в троянских кладах предметы, которые могут быть определены как полуфабрикаты и заготовки для ювелирных изделий. Несомненно, с ювелирным производством следует связывать находки мелких золотых глобул, а также мелких серебряных и золотых слитков в конгломерате из клада L (Kat. Москва 1996. № 217). Золотые, электровые, серебряные и бронзовые слитки были найдены в различных троянских кладах (А, С, Е, К). Более того, некоторые изделия из кладов — такие, как разорванные и смятые браслеты, украшенные двойными спиралями, из клада D, — вряд ли подлежали починке, их следует рассматривать скорее как материал для будущих ювелирных изделий. Таким образом, крупнейшие из троянских кладов свидетельствуют об их хотя бы частично производственном характере, как бы мы ни определяли их функцию — в качестве кладов ювелиров, строительные жертвы или погребальный инвентарь. Наконец, следует принять во внимание то, что отдельные детали форм и элементы декора связывают между собой украшения различных категорий (диадемы, серьги, височные кольца, булавки, браслеты), найденные в Трою, Троаде и Полиохни. То же самое отчасти справедливо и для сосудов из драгоценных металлов: вертикальные петлевидные ручки близких форм представлены на золотом соуснике из Трою (ил. 4, 3), на серебряном с венчиком и ножкой с обкладками из электра кубке из бывшего собрания Н. Шиммеля (Muscarella 1974. No. 2; Sazcı 2007. P. 345, Tr-G16) и на серебряном *depas amphikypellon* в собрании Британского музея (Strong 1966. P. 27. Fig. 2; Sazcı 2007. P. 349, Tr-G19 с лит.), вероятно происходящих из Троады. Все это дает веские основания для предположения о том, что в середине III тыс. до н. э. Троя стала важным центром обработки драгоценных металлов. Развитие тончайших техник ювелирного дела, возможно, сопровождалось использованием увеличительной оптики, хотя вопрос о том, можно ли рассматривать в качестве увеличительного стекла линзу из клада L, вызывает дискуссию (Plantzos 1997. P. 453; Laffineur 2002. P. 241).

Многочисленные изделия из троянских кладов демонстрируют высокий уровень технологии ювелирного дела —

Troja als wichtiges Zentrum der Metallverarbeitung der frühen Bronzezeit

Obige Ausführungen zu den trojanischen Schätzen im Kontext der derzeitigen Kenntnisse über Bergbau und Metallverarbeitung in Anatolien belegen anschaulich, dass zur Mitte des 3. Jahrtausends Troja dank der günstigen Lage an der Kreuzung von Wasser- und Landwegen, die Europa mit Asien und das Mittelmeer mit dem Schwarzen Meer verbinden (Korfmann 2001-III. S. 357, 361–368. Abb. 385; Şahoğlu 2005. P. 345–346; Kouka 2009. P. 36–37; Rahmstorf 2010-I. S. 691–692), und dank der ergiebigen Metallvorkommen zu einem der prosperierenden Zentren wurde und entsprechend hoch qualifizierte Toreuten und Bronzegießer anzog. Bei den Ausgrabungen in Troja wurden oft Gussformen, Tiegel und Endstücke von Blasebälgen gefunden (siehe Treister 1996. S. 232; Easton 2002. P. 328). In der Troas und im Westen Kleinasien ist der Abbau vieler verschiedener Metalle nachgewiesen (Pernicka u. a. 1984. S. 533–536, 569–570. Abb. 22–23; Wagner, Öztunalı 2000. S. 35–40; Pernicka et al. 2003. P. 151–160). Die Untersuchung der Blei-Isotope in den in Berlin befindlichen Silbergefäßen von Schatz A zeigt, dass mit einiger Wahrscheinlichkeit das Metall aus Bergwerken stammt, die sich entweder auf der Insel Thasos oder im Nordosten Kleinasien befanden (Romer, Born 2009. P. 23–27).

Es wurde bereits erwähnt, dass sich in den trojanischen Schätzen Rohlinge und Halbfertigprodukte fanden. Die kleinen Goldkugeln und kleinen Gold- und Silberbarren im Konglomerat von Schatz L (Kat. Moskau 1996. Nr. 217) sowie Barren aus Gold, Silber, Elektron und Bronze in verschiedenen trojanischen Schätzen (A, C, E, K) sind klare Hinweise der lokalen Schmuckherstellung. Dazu kommt die Tatsache, dass einige der Schmuckstücke in den Schätzen beschädigt sind, z. B. die angerissenen und verbogenen Armbänder mit Doppelspiralen aus Schatz D konnten kaum noch repariert werden — sie wurden eher zum Wiedereinschmelzen vorgesehen gewesen sein. Somit haben die größten der trojanischen Schätze mindestens teilweise auch die Bedeutung einer Rohstoffhortung unabhängig davon, ob man sie als Schätze der Toreuten, als Bauopfer oder Grabinventare interpretiert. Endlich verdient die Tatsache Aufmerksamkeit, dass einzelne vergleichbare Formdetails und Verzierungselemente Schmuckstücke unterschiedlicher Typen miteinander verbinden, etwa die Diademe, Ohringe, Anhänger, Ziernadeln und Armbänder, die in Troja, der Troas und in Poliochni gefunden worden sind. Dasselbe gilt auch für die Edelmetallgefäße: senkrechte schlingenartige Henkel ähnlicher Form weisen die goldene Sauciere (Abb. 4, 3), und der silberne Becher aus der ehemaligen Sammlung N. Schimmel auf, dessen Fuß und Rand mit Elektronblech verkleidet wurde (Muscarella 1974. No. 2; Sazcı 2007. P. 345, Tr-G16), sowie ein silberner *Depas amphikepelson* in der Sammlung des Britischen Museums (BMQ 27. 1963. Taf. XXIXb; Strong 1966. P. 27. Fig. 2; Sazcı 2007. P. 349, Tr-G19). Die beiden letzteren Gefäße stammen vermutlich aus der Troas. Das alles liefert gewichtige Gründe für die Annahme, dass in der Mitte des 3. Jahrtausends v. Chr. Troja zu einem wichtigen Zentrum der Edelmetallverarbeitung wurde. Bei den feinsten Arbeiten im Goldschmiedehandwerk wurden möglicherweise schon Vergrößerungslinsen verwendet, obwohl die Bestimmung einer der Linsen aus Schatz L (Kat. Moskau 1996. Nr. 229) als optisches Gerät umstritten ist (Plantzos 1997. P. 453; Laffineur 2002. P. 241).

Eine Vielzahl der Schmuckstücke in den trojanischen Schätzen belegt ein hohes Niveau der Juwelierkunst, vor allem die Herstellung von Draht und feinsten Goldfolie sowie dem Auflöten von Drähtchen und Granulationskugeln. Dies zeigte anschaulich die kürzlich erfolgte Untersuchung der in Berlin

мастера достигли значительных успехов в изготовлении проволоки, тонкой золотой фольги, а также в украшении изделий напаянными проволочками (филигрань) и мельчайшими золотыми шариками (зернь). Это наглядно показало проведенное недавно технологическое исследование обнаруженных в Музеях Берлина золотых бляшек из клада D. В результате было доказано использование реакционного припоя при оформлении круглых умбоновидных бляшек рядом зерни по краю — троянские бляшки демонстрируют древнейшее известное на сегодняшний день использование этой техники (Born u. a. 2009. S. 19–30). Эта же техника использовалась для пайки зерни золотых украшений из найденного в Троаде клада, хранящегося в Филадельфии (Betancourt 2006. P. 92–94). До проведения этих исследований предполагалось, что многие ювелирные техники, в частности филигрань, зернь, плетение цепочек «loop-in-loop», были заимствованы троянскими мастерами в Месопотамии (Трейстер 1996. С. 236–237; Laffineur 2002. P. 243; ср. об этих техниках в ювелирном деле Месопотамии: Moorey 1999. P. 228–232); использование этих техник в некоторых ювелирных изделиях из Эгейского бассейна также рассматривается как один из аргументов их месопотамского происхождения (см.: Reinholdt u. a. 2008. S. 86). Теперь, с учетом того, что древнейшие ювелирные изделия с зернью из Ура являются образцами, украшенными псевдозернью, логично встает вопрос о направлении технологического трансфера (Born u. a. 2009. S. 27–28). На сегодняшний день очевидно, что возникновение в середине III тыс. до н. э. в Трою местного центра обработки драгоценных металлов нельзя объяснять односторонним переносом форм и технологии из Месопотамии, как мы это делали ранее. Весьма возможно, что это был сложный и разнонаправленный процесс обмена и взаимных заимствований. Наряду с мастерами среднего уровня троянскую школу представляли выдающиеся ювелиры, создавшие уникальные для своего времени произведения и внесшие заметный вклад в формирование прикладного искусства Греции и Малой Азии II тыс. до н. э.

Перспективы исследования троянских кладов

Хотя разговоры об исследовании предметов из троянских кладов естественно-научными методами ведутся с середины 1990-х годов, на сегодняшний день изучены лишь хранящиеся в Берлине серебряные сосуды (Born 1997. S. 110–121; Koch, Born 2001. S. 252–266; Born, Völling 2006. S. 61–67; Romer, Born 2009. P. 23–27; Völling et al. 2012. P. 531–538) и золотые бляшки (Born u. a. 2009. P. 19–30), а также украшения из найденного в Троаде клада, хранящегося в Филадельфии (Betancourt 2006. P. 89–96). Основная часть найденных в троянских кладах предметов, хранящаяся в Москве, по-прежнему остается неизученной. Очевидно, что возможности классического типологического и художественно-исторического подхода в исследовании троянских кладов практически исчерпаны — остается надеяться, что изучение изделий из драгоценных металлов, бронзы и камня при помощи новейших естественно-научных методов позволит получить новую важную информацию.

befindlichen Goldtutuli aus Schatz D, die die Anwendung des Reaktionslötlens bei der Anbringung von Granulationskugeln bestätigt — der bislang früheste Nachweis dieser Technik (Born u. a. 2009. S. 19–30). Dieselbe Technik wurde auch für das Auflöten der Granalien aus dem in der Troas gefundenen Schatz angewandt, der sich in Philadelphia befindet (Betancourt 2006. P. 92–94). Vor diesen Forschungsergebnissen wurde immer noch angenommen, dass viele Feinschmiedetechniken, insbesondere Filigranarbeiten, Granulation und das Flechten der z. B. in den Diademen verwendeten Ketten („loop-in-loop“) von den trojanischen Meistern aus Mesopotamien übernommen worden war (Treister 1996. S. 234f.; Laffineur 2002. P. 243; vgl. über die Techniken im Juwelierhandwerk Mesopotamiens: Moorey 1999. P. 228–232). Die Anwendung dieser Techniken bei weiteren Schmuckstücken aus der Ägäis galt bisher ebenso als Argument für deren orientalische Herkunft (Reinholdt u. a. 2008. S. 86). Somit, wenn man die Tatsache berücksichtigt, dass die ältesten Beispiele der Schmuckwaren aus Ur mit Granulationskugeln in der Tat keine „echte“ Granulation darstellen, sondern eine Pseudo-Granulation, stellt sich nun die Frage zur Richtung des Technologietransfers (Born u. a. 2009. S. 27–28). Heute ist offensichtlich, dass die Entstehung in der Mitte des 3. Jahrtausends v. Chr. eines örtlichen Zentrums der Edelmetallverarbeitung in Troja nicht mit einer einseitigen Übernahme von Objektformen und technischen Kenntnissen aus Mesopotamien zu erklären ist, wie wir das früher taten. Es ist vorstellbar, dass dies ein komplizierter, in verschiedene Richtungen verlaufender Prozess des Austauschs und der gegenseitigen Nachahmung war. Neben den durchschnittlichen Handwerkern gab es in Troja auch hervorragende Toreuten, die künstlerische Unikate schufen und so einen bemerkenswerten Beitrag zur künftigen Entwicklung der Goldschmiedekunst Griechenlands und Kleinasien im 2. Jahrtausend v. Chr. leisteten.

Perspektiven für Forschungsvorhaben zu den trojanischen Schätzen

Obwohl schon seit Mitte der 1990er Jahre Gespräche über naturwissenschaftliche Untersuchungen der trojanischen Funde geführt werden, sind bis heute nur die in Berlin befindlichen Silbergefäße (Born 1997. S. 110–121; Koch, Born 2001. S. 252–266; Born, Völling 2006. S. 61–67; Romer, Born 2009. P. 23–27; Völling et al. 2012. P. 531–538) und die dortigen Goldtutuli (Born u. a. 2009. S. 19–30), sowie die Schmuckstücke aus dem in der Troas gefundenen Schatz, der sich in Philadelphia befindet (Betancourt 2006. P. 89–96) analysiert worden. Der Hauptteil der in den trojanischen Schätzen gefundenen Gegenstände, der sich in Moskau befindet, bleibt nach wie vor unerforscht. Es ist offensichtlich, dass die Möglichkeiten des typologischen und kunsthistorischen Vergleichs bezüglich der trojanischen Schätze praktisch erschöpft sind — so bleibt zu hoffen, dass Untersuchungen an Edelmetallen, Bronze- und Steingeräten mit neuesten naturwissenschaftlichen Methoden es erlauben, weitere wichtige Informationen zu gewinnen.

Наталья Шишлина

Бородинский клад: продолжение поиска

Natalija Šišlina

Der Schatzfund von Borodino. Fortsetzung der Suche

В 2012 году исполнилось сто лет со дня находки одного из самых удивительных и загадочных сокровищ евразийского бронзового века — Бородинского клада. На протяжении столетия вопросы его происхождения, культурной идентификации, хронологии, взаимосвязи носителей культур разных регионов не раз становились предметом исследований. Клад — жемчужина эпохи бронзы — явился воплощением многих идей, представлений, вкусов, технологических достижений и торгово-обменных связей народов Евразии; он отражает реальные исторические события героической эпохи первобытности. По своим художественным достоинствам, высокой статусности предметов и их безусловной материальной ценности он стоит в одном ряду с самыми знаменитыми находками из анатолийской Трои, кавказского Майкопа, европейского Эберсвальда (ил. 1).

Одна из особенностей этого уникального археологического источника — многокомпонентность: клад включает предметы разного назначения, выполненные из различных материалов, происходящие с разных территорий. Очевидно, что между созданием отдельных предметов, их использованием, соединением в одной «коллекции» и временем сокрытия клада могло пройти значительное время. Это означает то, что данный комплекс — клад длительного накопления, который «подбирался и сохранялся в течение жизни нескольких поколений» (Бочкарев 1968). До сих пор существуют сомнения в одновременном сокрытии вещей клада. Исследования последних лет позволили еще раз обратиться как к отдельным составляющим клада, так и к сопоставительному анализу, уточнению контекста близких или аналогичных предметов и их хронологии.

История находки и состав клада

Клад был найден в 1912 году крестьянами при добыче камня из небольших курганообразных насыпей у села Бородино в бывшем Аккерманском уезде Бессарабской губернии. По распоряжению Археологической комиссии клад был передан в Музей изящных искусств, но в 1923 году его обменяли на коллекцию античных ваз М. П. Боткина. С тех пор он хранится в Государственном Историческом музее.

Бородинский клад состоит из семнадцати предметов: двух серебряных наконечников копий, втулки от наконечника еще одного копья, серебряного с золотой инкрустацией кинжала, золотой булавы, четырех топоров, трех наконечников булавы, а также двух фрагментов каменного топора, двух бронзовых пластин и двух фрагментов стенок глиняного лепного сосуда.

Пожалуй, наиболее неоспоримыми с точки зрения культурного контекста и хронологии сегодня можно считать

И м Jahr 2012 war es hundert Jahre her, dass einer der erstaunlichsten und rätselhaftesten Schätze geboren wurde, den die Bronzezeit Eurasiens bereithielt: der Schatzfund von Borodino. Seitdem wurden die Fragen nach seinem Ursprung, der kulturellen Ansprache, Chronologie sowie die Kontakte zwischen Trägern unterschiedlicher Kulturen aus verschiedenen Regionen immer wieder erörtert. Dieser Schatzfund, gleichsam die Perle seiner Zeit, verkörpert in materieller Form Ideen, Vorstellungen, Geschmäcker, Techniken sowie Wirtschafts- und Handelsbeziehungen der Völker Eurasiens und spiegelt zudem reale historische Ereignisse aus der meines Erachtens heroischen Epoche der Urzeit wider. Sein künstlerischer Wert, das hohe Prestige der Stücke und ihr unbestreitbarer materieller Wert stellen ihn in eine Reihe mit den spektakulären Funden aus Troja (Türkei), Maikop (Kaukasus) und Eberswalde (Deutschland) (Abb. 1).

Eine der Besonderheiten dieser einmaligen archäologischen Quelle liegt darin, dass sie mehrere Komponenten in sich vereint, umfasst der Schatzfund doch Gegenstände unterschiedlicher Funktion, die in unterschiedlichen Materialien ausgeführt wurden und aus unterschiedlichen Territorien stammen. Zwischen der Erstellung der einzelnen Objekte, ihrer Nutzung sowie ihrer Zusammenfügung zu einer „Sammlung“ einerseits und dem Vergraben des Schatzfundes andererseits kann eine ungeheure Zeitspanne gelegen haben. Das bedeutet, dass dieser Fund das Zeugnis einer langwährenden Sammeltätigkeit ist, er über mehrere Generationen hinweg zusammengetragen und aufbewahrt worden sein könnte (Бочкарев 1968). Bis heute wird auch immer wieder angezweifelt, dass die Teile des Fundes zur gleichen Zeit vergraben worden sind. Untersuchungen aus den letzten Jahren erlauben es, sowohl einzelne Komponenten des Schatzfundes noch einmal genauer zu betrachten als auch eine Vergleichsanalyse vorzunehmen und den Kontext vergleichbarer Gegenstände und dadurch dessen Zeitstellung zu präzisieren.

Die Fundgeschichte und Zusammensetzung des Schatzfundes

Der Schatzfund wurde 1912 von Bauern entdeckt, die Steine von kleineren hügelgrabenähnlichen Aufschüttungen in der Nähe des Dorfes Borodino im ehemaligen *uezd Akkerman* im Gouvernement Bessarabien abtrugen. Auf Anordnung der Archäologischen Kommission wurde er zunächst dem Museum für Schöne Künste übergeben, später jedoch, im Jahr 1923, gegen die Sammlung antiker Vasen M. P. Botkins eingetauscht. Seitdem wird der Schatzfund im Historischen Museum aufbewahrt.

Der Schatzfund von Borodino umfasst insgesamt 17 Gegenstände: zwei silberne Lanzen spitzen sowie die Tülle einer weite-

Ил. 1. Общий вид Бородинского клада

Abb. 1. Schatzfund von Borodino

ren Lanzen spitze, ein Dolch mit vergoldeter Silbereinlage, eine goldene Nadel, vier Stein- äxte, drei steinerne Keulenköpfe, zwei Fragmente einer Steinaxt, zwei Bronzebleche und zwei Wandscherben eines handgeformten Tongefäßes.

Aus Sicht des kulturellen Kontexts und der Chronologie dürften die Lanzen spitzen aus dem Schatzfund von Borodino die heute wohl am wenigsten umstrittenen Funde darstellen. Sie liegen mit zwei Typen vor, eine blattförmige Tüllenlanzen spitze, deren Tülle lenende zwei Ösen aufweist (Kat. Nr. 251.1), und eine weite-

ра, deren Mittelrippe von vertikalen Riefen gesäumt wird und die unten eine einseitige Öse besitzt (Kat. Nr. 251.2). Beide Spitzen sind schwer (521 g bzw. 291,7 g). Sie wurden in einer zweiseitigen Gussform hergestellt, die Oberfläche anschließend geglättet und geschliffen. Im Schatzfund lag zudem die Tülle einer dritten Lanzen spitze (Kat. Nr. 251.3). Die erste Lanze wurde aus einer 990er Silberlegierung, die zweite aus 750er Silber, die Tülle aus 960er Silber gefertigt. Alle Stücke sind mit ornamentierten Goldauflagen verziert. Wie eine von E. N. Černych im Labor des Instituts für Archäologie der Russischen Akademie der Wissenschaften durchgeführte Spektralanalyse des Metalls ergab, stammte das Silber aus einem Vorkommen bei Nikolsko im südlichen Ural-Hinterland (Черных 1970), während die Lanzen selbst zum Sejma-Turbino-Typ gehören (Черных, Кузьминых 1989). Zahlreiche Wissenschaftler hatten bereits auf Parallelen verwiesen, die sich von den Lanzen aus dem Schatzfund von Borodino zu Fundgut aus den Gräberfeldern Turbino und Sejma im Wolga-Ural-Gebiet sowie zu anderen Denkmälern der Sejma-Turbino-Kultur ziehen lassen.

Они представлены двумя типами: втульчатый с пером листовидной формы, у основания втулки — два ушка-петли (кат. 251.1); втульчатый с вильчатим стержнем в основании листовидного пера, с ушком в нижней части втулки (кат. 251.2). Оба наконечника тяжелые (521 г и 291,7 г), отлитые в двусторонних литейных формах с выровненной и отшлифованной поверхностью. В клада находилась также втулка от третьего наконечника копья кат. 251.3). Первое копье изготовлено из серебра 990°, второе — из серебра 750°, втулка — из серебра 960°. Все изделия украшены золотыми орнаментированными накладками. Спектральный анализ металла копий, проведенный Е. Н. Черныхом в лаборатории Института археологии РАН, показал, что использовалось серебро Никольского месторождения в Южном Зауралье (Черных 1970), а сами они относятся к копьям сейминско-турбинского типа (Черных, Кузьминых 1989). Многие ученые отмечали, что аналогии бородинским копьям встречаются в Турбинском и Сейминском могильниках в Волго-Уралье, а также в других памятниках сейминско-турбинской культуры.

Характерной чертой декора этих изделий являются орнаментальные инкрустации, нанесенные чеканкой и нарезкой на тонкое листовое золото (660°, 750°, 850°). Как отмечала О. А. Кривцова-Гракова (1949), узор был прочерчен сначала на серебряной основе наконечника копья, далее повторен на золотой накладке, которая крепилась на внешней поверхности изделия. Основные элементы орнамента — двойные зигзаги, ромбы, треугольники, меандр, бегущая спираль, горизонтальные полосы, точки. Втулка одного из копий украшена тонкой гравированной каймой, а ребро на стержне — кантом из косых параллельных насечек (ил. 2).

Декор изделий, придававший им особую парадность, позволил ученым говорить о едином орнаментальном стиле. Изысканность и проработанность деталей бородинских композиций сравнивали с узорами классических орнаментов, известных по бронзовым предметам трансильванских культур Среднего Дуная горизонта Хайду-Шамшон-Апа (Бочкарев 1968); с циркулярным орнаментом на изделиях Северной Сирии, связанных с колесничной символикой (Трифонов 1997); с узорами на предметах из шахтовых гробниц

Eines der charakteristischen Merkmale dieser Stücke ist in der Ornamentkomposition der Einlegearbeit zu sehen, die in das feine Blattgold mit einem Gehalt von 660, 750 und 850 eingepreßt oder eingeschnitten war. Wie O. A. Krivcova-Grakova anmerkte, wurde das Ornament zunächst in die Silberfläche der Lanzen spitze eingeritzt und dann in der Goldauflage, die auf die Schauseite des Stücks aufgebracht wurde, wiederholt, (Кривцова-Гракова 1949). Die wesentlichen Elemente des Ornaments sind ein doppeltes Zickzackmuster, Rhomben, Dreiecke, Mäanderspiralen, Horizontallinien und Punkte. Die Tülle der einen Lanze weist ein Dreiecks- und Rhombenmuster, die der anderen horizontale Rillen und stehende Dreiecke auf (Abb. 2).

Diese Verzierung verlieh den Stücken einen ausgesprochen prachtvollen Charakter und erlaubt es, von einem einheitlichen Ornamentierungsstil zu sprechen. Die Feinheit und Genauigkeit der Details bei den Stücken aus Borodino wurden mit den Verzierungen verglichen, wie sie durch die Bronzen transsilvanischer Kulturen von der mittleren Donau des Horizonts Apa-Hajdusamson (Бочкарев 1968) bekannt sind, aber auch mit dem Zirkelornament auf Stücken aus Nordsyrien, die mit der Streitwagensymbolik verbunden waren (Трифонов 1997), sowie mit

Ил. 2. Золотые накладки на втулках копий Бородинского клада
 Abb. 2. Goldauflagen der Tüllenlanzenspitzen aus dem Schatzfund von Borodino

Микен (Кривцова-Гракова 1949). Вероятно, на заре колесничной эпохи, когда появились символы нового времени, на Переднем Востоке, на Балканах и на всей евразийской территории во многих культурах сложился выразительный изобразительный стиль. Предметы, оформленные в таком стиле, приобретали особую значимость, ведь орнамент в древности нес определенную семантическую нагрузку.

Тем не менее очевидно, что в разнокультурной среде мастера, проживавшие на расстоянии тысячи километров друг от друга, начинают украшать свои изделия затейливыми узорами, мотивы которых перекликаются. Сегодня трудно сказать, какой сюжет возник раньше, какими путями он попал в те или иные регионы. Очевидно лишь, что на широкой территории на смену старым традициям пришли новые, и близкие декоративные элементы помещали не только на оружии (в частности, копьях), но и на деталях конской упряжи. Псалии, изящные декоративные бляхи, втулки древков стрел, обоймы рукоятей плетей, втулки жезлов покрывал тонкий резной орнамент. Декорированные края и «манжеты» таких изделий напоминают и «микенский» циркулярный орнамент, и мотивы украшений изделий степных и лесостепных культур (абашевской, покровской, синташтинской, петровской, алакульской и срубной) (Беседин 1999), и детали композиций на золотых пластинах бородинских копий (например, щитковый псалий из слоя алакульской культуры поселения Шибаво I на Южном Урале; абашевский псалий из могильника Староюрьево в лесостепном Подонье, навершие из поселения Капитаново в Подонцове).

Верzierungen auf den Gegenständen aus den Schachtgräbern in Mykene (Кривцова-Гракова 1949). Vermutlich hatte sich zu Beginn der Streitwagenepoche, als die Symbole der neuen Zeit aufkamen, im Vorderen Orient, auf dem Balkan und im gesamten eurasischen Territorium in zahlreichen Kulturen ein neuer expressiver Darstellungsstil herausgebildet. Den Gegenständen, die in diesem Stil verziert waren, kam eine besondere Bedeutung zu, da die Ornamentik zugleich eine Symbolsprache war.

Damit bleibt festzuhalten, dass Meister aus unterschiedlichen Kulturen, die tausend Kilometer voneinander entfernt lebten, anfangen, ihre Erzeugnisse mit aparten Mustern zu schmücken, deren Motive einander ähnelten. Heute lässt sich nur schwer sagen, wo die Muster entstanden sind und welche Wege sie in die eine oder andere Richtung genommen haben. Unstrittig ist nur, dass in dem weiträumigen Gebiet neue Traditionen die alten ersetzen und ähnliche dekorative Elemente nicht nur Waffen wie Lanzen, sondern auch Details des Kopfputzes schmückten. Ein feines Schnitzornament überzog nun Scheibenknebel von Pferdetranssen, elegante Zierbleche, Tüllen für Pfeilschäfte, Peitschengriffe und Tüllen für Stäbe. Die Zierränder und die „Manschetten“ dieser Stücke erinnern sowohl an das „mykenische“ Zirkelornament als auch an die Ziermotive von Objekten der Steppen- und Waldsteppenkulturen (Abaševo-, Pokrovka-, Sintašta-, Petrovka-, Alakul- und Balkengrabbkultur) (Беседин 1999) sowie eben die Ornamentik auf den Goldeinlagen der Borodino-Lanzen. Als Beispiele seien die Scheibenknebel im Südural, der Abaševo-Knebel aus dem Gräberfeld Starojuřevo in der Waldsteppe am Don und eine Spitze aus der Siedlung Kapitanovo im Donezgebiet zu nennen.

Die recht schwere (173,4 g) und lange Nadel hat einen rundstabigen Schaft und eine große rhombische Kopfplatte, die in einer kleinen Kugel endet (Kat. Nr. 251.4). Platte und Kopf wurden einzeln gegossen und am Schaft befestigt. Lange Zeit galt die Nadel als Silbergegenstand, der mit einer ornamentierten Goldplatte verziert war. Jüngste Untersuchungen konnten jedoch beweisen, dass die Platte aus 450er Gold und die Spitze aus 700er Gold besteht. Das Ornament der Nadel, ihr bildhafter Stil und ihre Details wurden schon vielfach mit der Zier auf den Borodino-Lanzen verglichen; wobei immer wieder betont wurde, das hier stilistische neue Elemente, wohl Pflanzendarstellungen von Lilie und Lotus vorliegen (Abb. 3).

Ohne Frage stellte die Nadel eine einmalige, individuelle Arbeit aus der Bronzezeit dar. In hundert Jahren wurde nicht ein vergleichbarer Gegenstand entdeckt. Sämtliche Vergleiche dieses Stücks mit anderen Nadeln ergaben, dass diese sich alle im Material, der Technik und den Motiven des Ornaments unterschieden. So besitzt beispielsweise die vom Typ her einfachere Bronzenadel aus dem Dorf Verchnetarasovka zwar eine rhombische Kopfplatte, die auf einen langen, zugespitzten Schaft mit gedrehtem oberem Teil aufgesetzt wurde, war aber mit fünf großen Perlen verziert. In der oberen Hälfte der Platte ist ein in Punztechnik mit drei Punktreihen ausgeführtes Ornament in Form von stehenden Dreiecken vorhanden. Zwei weitere Reihen solcher Dreiecke säumen den oberen Rand der Platte. Die Nadel stammt aus einer Siedlung, in der auch Spuren von Schmiedehandwerk festgestellt wurden (Вангородская 1987).

Weniger gute Vergleiche lassen sich zu Funden aus der Komarovo-, der Ost-Trzciniec-, der Coslogeni- und der Wietenbergkultur ziehen. Einige Stücke stammten aus Schatzfunden (z. B. Medgidia und Băleni), andere aus Siedlungen (Ulmu). Eine Gussform für vergleichbare Nadeln wurde in Bulgarien entdeckt (im Dorf Esenica, Noua-Coslogeni-Kultur) (Бочкарев 1968). Es han-

Булавка из Бородинского клада — весьма тяжелая (173,4 г) и длинная — имеет округлый в сечении стержень и большую ромбическую головку, увенчанную шляпкой сферической формы (кат. 251.4). Щиток и головка отлиты отдельно и скреплены со стержнем при помощи штыря. Долгое время булавка считалась серебряной, инкрустированной золотой орнаментальной пластиной. Однако недавние исследования показали, что ее основа сделана из золота 450°, а навершие — из золота 700°. Многие ученые сравнивали орнамент булавки, его образный стиль и детали с бегущей спиралью и треугольниками бородинских копий, выделяя и новую растительную композицию — лилию/лотос (ил. 3).

Безусловно, булавка — уникальное авторское изделие бронзового века. За сто лет не было найдено ни одного похожего предмета. Сравнение бородинского украшения с другими булавами показывает, что материал, техника и мотивы орнамента на них все же иные. Например, более простая по типу бронзовая булавка из села Верхнетарасовка на Украине также имеет ромбическую головку, насаженную на длинный заостренный стержень с закрученной верхней частью, но она украшена пятью крупными жемчужинами. На верхней половине щитка техникой пуансона тремя рядами точек выбит орнамент в виде треугольников вершинами вверх. Два ряда таких же треугольников окаймляют и верхний край щитка. Булавка происходит с поселения, где найдены и остатки бронзолитейного производства (Вангородская 1987).

Более отдаленные аналогии исследователи находили в комаровской, восточнотшинецкой, Кослоджень, витенбергской культурах. Некоторые изделия найдены в кладах (Меджидия, Бăлени и др.) и на поселениях (Ульму). Литейная форма для отливки похожих булавок имеется в Болгарии (село Есеница, культура Ноа-Кослоджень) (Бочкарев 1968). Носители этих традиций проживали в районах, наиболее близких к месту находки Бородинского клада — в Северо-Западном Причерноморье, Трансильвании, Фракии. Саму же бу-

Ил. 3. Золотые накладки булавки Бородинского клада

Abb. 3. Goldauflagen der Nadel aus dem Schatzfund von Borodino

delt sich um Kulturen im nordwestlichen Schwarzmeergebiet, in Transsilvanien und Thrakien, also in relativer räumlicher Nähe zu Borodino. Die Nadel aus Borodino wurde lange Zeit ebenso wie der Schatzfund insgesamt der Sabatino-Kultur zugewiesen. In den letzten Jahren verband man sie dagegen mit Elementen der Babino-Kultur, die ans Ende der Mittelbronze- und den Beginn der Spätbronzezeit zu datieren sind.

Der Dolch aus dem Schatzfund von Borodino wurde in 750er Silber ausgeführt (Kat. Nr. 251.5). Er war mehr als 27 cm lang, die flache Griffzunge besitzt drei Nietlöcher zur Befestigung des Griffs, die Klinge hat gerade Schultern

und ist leicht geschweift. Ihr mittlerer Teil ist beidseitig durch Auflagen aus 700er Gold verziert. Darauf ist ein Ornament aus Spiralhaken, Punkten und Ritzlinien, aber auch eine schematisierte Blüten in Form einer Triskele. Auf der einen Seite war unter der Blüte ein S-förmiges Zeichen, auf der anderen ein Spiralhaken (Abb. 4).

Wie einige der Motive auf den Lanzen finden sich solche „mykenischen Wirbel“ wie auf dem Dolch auch auf beinernen Trensenknebeln, beispielsweise im Gräberfeld Utevka, Kurgan 6, Grab 6 im mittleren Wolgagebiet und in der Siedlung Šibaev I im Südural. Triskelen schmückten die beinerne Knebelscheibe aus der im Donezgebiet gelegenen Siedlung Kapitanovo der frühen Balkengrabbkultur (Нелин, Усачук 2004; Усачук 2010). Der Dolch aus dem Schatzfund von Borodino wurde häufig mit Waffen der mykenischen Zeit verbunden. B. S. Bočkarев nahm dagegen an, die Klinge sei gut mit den transsilvanischen Schwertern des Typs Apa und den Dolchen aus Kelibija zu vergleichen, auch wenn sich für den Dolch insgesamt keine vollständigen Analogien ziehen lassen (Бочкарев 1968). E. Kaiser kam dagegen zu dem Schluss, seine Proportionen, morphologischen Charakteristika und das Ornament sähen wie eine ganz eigene Kombination verschiedener Stile und Typen aus. Sie verglich den Dolch mit den entsprechenden transkaukasischen Stücken aus der Mittel- und Spätbronzezeit (Trialeti und Tli), aus dem italienischen Schatz Gualdo Tadino und aus den Steppenfundorten der ersten Hälfte des 2. Jahrtausend v. Chr. Im Anschluss daran konstatierte sie, bei dem Dolch aus Borodino handle es sich um ein Unikat, für das weder der kulturelle Kontext noch die Zeitstellung zu bestimmen seien (Kaiser 1997).

Der Hort enthält auch Fragmente zweier dünner gebogener Bronzebleche. O. A. Krivcova-Grakova vermutete, es könnte sich bei ihnen um Beschläge eines Holzobjekts gehandelt haben (Кривцова-Гракова 1949); heute erscheint dagegen eine Ansprache dieser Bleche als Beschläge einer hölzernen Schüssel oder eines weiteren Gefäßes wahrscheinlicher.

лавку, как и весь Бородинский клад, долгое время относили к сабашиновской культуре. Однако в последнее время булавка связывается с кругом памятников бабинской культуры финала среднебронзового — начала позднебронзового века.

Кинжал из Бородинского клада (кат. 251.5) выполнен из серебра 750°. Кинжал длинный (свыше 27 см), на плоском черешке имеются три круглых отверстия для крепления рукояти, клинок с прямыми плечиками дуговидно расширяется книзу. Центральная часть клинка с обеих сторон инкрустирована золотыми пластинами 700°. Орнаментальные композиции включают комбинации спиралей, завитков, точек и нарезных линий, а также схематичные цветы — трискелии; с одной стороны под цветком помещен значок в виде латинской буквы S, с другой — завиток спирали (ил. 4).

Как и некоторые орнаментальные элементы копий, «микенская волна» кинжала повторена на костяных деталях конской узды — например, на псалях из могильника Утевка (курган 6, погребение 6) в Среднем Поволжье, поселения Шибяево I на Южном Урале; трискелии нанесены на костяной псалий из поселения Капитаново раннесрубной культуры (Нелин, Усачук 2004; Усачук 2010) в Подонцовье. Кинжал Бородинского клада традиционно сравнивали с оружием микенской эпохи. В. С. Бочкарев (1968) считал, что, хотя кинжал не имеет полных аналогий, его клинок близок трансильванским мечам типа Апа и кинжалам из Келибии. В то же время Э. Кайзер пришла к заключению, что его пропорции, морфологические характеристики и орнамент выглядят настоящей комбинацией разнообразных стилей и типов. Э. Кайзер сопоставляла его с закавказскими кинжалами эпох средней и поздней бронзы (Триалети и Тли), предметами из итальянского клада Гуалдо Тадино, из степных комплексов первой половины II тыс. до н. э. и пришла к выводу о его уникальности. Все это не позволяет определить ни культурный контекст, ни хронологическую позицию кинжала (Kaiser 1997).

Две тонко раскованные согнутые пластины Бородинского клада выполнены из бронзы. О. А. Кривцова-Гракова (1949) полагала, что они могли быть оковкой деревянного предмета, однако сегодня наиболее вероятной является версия, что пластины служили оковкой деревянного блюда или сосуда.

В состав Бородинского клада входят восемь изделий, сделанных из камня: три навершия булав, четыре топора и два фрагмента одного топора (ил. 5).

Три топора почти одинаковой формы отличаются размерами (кат. 251.6–251.9). Поверхность украшена хорошо выраженными продольными и поперечными ребрами-каннелюрами. Такой орнамент придает изделиям удивительную легкость и изящество, но в то же время основательность и строгость. За красиво изогнутые линии лопасти и лезвия четвертый топор называли секирой (кат. 251.7). Оттачивая и полируя каждую грань навершия, мастер сумел придать изделию изысканную форму. Из клада происходят два фрагмента (средняя и обуховая части) еще одного топора, разбитого в древности. Поверхность всех топоров заполирована до зеркального блеска.

В. А. Сафронов (1968) стремился доказать, что топоры Бородинского клада восходят к кавказским топорам кабардино-пятигорского типа. Исследователь полагал, что они сделаны из серпентинита, возможно, нефрита, то есть пород камня, месторождения которых в Молдавии не встречаются, а следовательно, топоры были привезены либо с Кавказа, либо из центра, куда регулярно могло поступать кавказ-

Ил. 4. Золотые накладки кинжала Бородинского клада

Abb. 4. Goldauflagen des Dolchs aus dem Schatzfund von Borodino

Im Schatzfund von Borodino befanden sich acht Steinartefakte, drei Keulenköpfe, vier Äxte und zwei Fragmente einer Axt.

Die drei Äxte weisen eine annähernd gleiche Form auf, unterscheiden sich aber durch ihre Maße (Kat. Nr. 251.6–251.9). Die Oberfläche ist mit sorgfältig gearbeiteten Längs- und Querrillen bzw. -kanneluren verziert. Dieses Ornament verleiht den Stücken eine erstaunliche Leichtigkeit und Apartheit, gleichzeitig aber auch Solidität und Strenge. Wegen der elegant geschwungenen Linien der des Schneidenteil wurde die vierte Axt als Streitaxt bezeichnet (Kat. Nr. 251.7). Indem der Meister die Oberfläche schiff und polierte, vermochte er dem Stück seine ausgesuchte Form zu geben. Die beiden Fragmente, ein mittlerer Teil und der Nacken, gehörten zu einer weiteren, antik zerbrochenen Axt. Die Oberfläche aller Stücke war auf Hochglanz poliert.

V. A. Safronov versuchte zu beweisen, dass die Äxte aus Borodino auf kaukasische Äxte des Kabardino-Pjatigorsk-Typs zurückgehen (Сафронов 1968). Er vermutete, sie seien aus Serpentin gefertigt worden, möglicherweise auch aus Nephrit, mithin aus einer Gesteinsart, die in Moldawien nicht ansteht, weshalb die Stücke entweder aus dem Kaukasus oder aus einem Zentrum, in das regelmäßig kaukasischer Rohstoff gelangte, eingeführt worden sein müssten. Kabardino-Pjatigorsk-Äxte sind aus zahlreichen Fundorten der Nordkaukasus-Kultur bekannt, in der Katakombengrab-Zeit kamen sie auch in den Steppen des Kaspigebiets auf (Kat. Nr. 111.2.1) (Abb. 6). Eine im Südrural zusammengetragene Serie von Einzelfunden dieser Äxte wurde von D. V. Nelin analysiert (Нелин 1996). Nach Ansicht V. A. Safronovs wurde die Grenze ihres Verbreitungsgebiets im Osten vom Südlichen Bug markiert. T. V. Popova ging davon aus, die morphologisch ähnlichsten Stücke für die Streitaxt aus Borodino lägen mit den kaukasischen Äxten vor, die in Bronze gefertigt worden waren, so beispielsweise mit der Axt aus dem Kurgan bei der Staniza Andriukovskaja im Kubangebiet (Попова [1981]). In den Schichten aus dem Beginn des 2. Jahrtausend v. Chr. in der Festung Levenovskaja am unteren Don wurde das Fragment einer Axt mit einer Schneide von figürlicher Form gefunden (Братченко 2006), ein intaktes Exemplar stammte von der Insel Chorticy in Zaporožje (Нефедов 1998).

Die Tradition, aparte Steinäxte herzustellen, war relativ weit verbreitet und geht auf eurasische Kulturen aus dem 3. Jahrtausend v. Chr. zurück. Mit ihren großen Maßen, den fließenden

Ил. 5. Топоры Бородинского клада

Abb. 5. Äxte aus dem Schatzfund von Borodino

ское сырье. Кабардино-пятигорские топоры найдены в составе многих памятников северокавказской культуры, в катакомбное время они появились и в прикаспийских степях (кат. 111.2.1) (ил. 6). Серия случайных находок таких топоров на Южном Урале проанализирована Д. В. Нелиным (1996). По мнению В. А. Сафронова, их граница на востоке очерчена Южным Бугом. Т. В. Попова (1986) полагала, что наиболее близки по морфологическому типу бородинской секире кавказские топоры, сделанные из бронзы, — например, топор из кургана у станицы Андриуковская в Прикубанье. Фрагмент топора с лезвием фигурной формы найден в слоях начала II тыс. до н. э. Левенцовской крепости на Нижнем Дону (Братченко 2006), а целый топор — на острове Хортица в Запорожье (Нефедов 1998).

Традиция изготовления изящных каменных топоров довольно широко распространена и восходит к евразийским культурам III тыс. до н. э. Бородинские топоры отличаются большими размерами, плавными очертаниями и иными пропорциями. Это позволило исследователям выделить особый — бородинский тип, стоящий обособленно в серии аналогичных функциональных изделий эпохи бронзы. Найдены такие топоры в богатых погребениях покровской и срубной культур в Среднем и Нижнем Поволжье (в могильниках Новопавловский, курган 5, погребение 1; Верхний Бальклей, курган 6, погребение 6; хутор Хлебный), днепродонской и днестро-прутской бабинской культур на Украине и в Молдавии (могильник у села Балабино, курган 1, погребение 2; Копчак, курган 3, погребение 10) (Антонов 1998), то есть в круге синхронных культур самого начала позднего бронзового века. Многие ученые отмечали, что для таких изделий использовалась кристаллическая порода светло-

Ил. 6. Булавы и топор катакомбной культуры

Abb. 6. Keulen und Axt der Katakombengrabkultur

Konturen und den sonstigen Proportionen nahmen die Borodino-Äxte eine exponierte Stellung ein. Aus diesem Grund wurde ein eigener Borodino-Typ postuliert, der sich aus der Serie bronzezeitlicher Gegenstände mit analoger Funktion heraus hob. Solche Äxte fanden sich in reichen Bestattungen der Pokrovka- und der Balkengrabkultur an der unteren und mittleren Wolga (Gräberfelder Novopavlovskij, Kurgan 5, Grab 1; Verchnij Balyklej, Kurgan 6, Grab 6; chutor Chlebynyj) sowie in Bestattungen der Dnepr-Don- und der Dnestr-Prut-Babino-Kultur in der Ukraine und in Moldawien (Gräberfeld beim Dorf Balabino, Kurgan 1, Grab 2; Kopčak, Kurgan 3, Grab 10), mithin im Kreis zeitgleicher Kulturen aus dem Beginn der Spätbronzezeit (Антонов 1998). Da bereits zahlreiche Wissenschaftler angemerkt hatten, dass für diese Äxte kristallines Gestein von hellgrüner Farbe mit schwarzen Flecken gewählt wurde, also beispielsweise Diorit, Nephrit, Basalt oder Diabas, kam der Bestimmung der Gesteinsart, aus dem die Borodino-Äxte gefertigt worden waren, noch größere Bedeutung zu.

Im Jahre 1986 von O. M. Rozen, V. E. Sonjuškin und O. E. Čižik, drei Fachleuten aus dem Institut für die Lithosphäre der Erde an der Russischen Akademie der Wissenschaften, durchgeführte Untersuchungen ergaben, dass sich zerstörungsfrei am ehesten die Axt mit Kanneluren (Kat. Nr. 251.6) und die Streitaxt (Kat. Nr. 251.7) bestimmen lassen. Die Farbe, Oberfläche und Härte des Materials deutete auf Nephrit. Die Gesteinsart der dritten Axt (Kat. Nr. 251.9) und der beiden Fragmente konnte visuell als gabbroid bestimmt werden. Die Untersuchung des petrographischen Dünnschliffs des Fragments der in der Vergangenheit zerbrochenen Axt unter dem Lichtmikroskop zeigte, dass sie aus einem typischen Tremolitgestein angefertigt worden war, das sich vom Nephrit nur durch die Maße der Fasern des Tremolits unterscheidet.

Um die Mineralzusammensetzung der Äxte noch präziser zu bestimmen, kam im nächsten Arbeitsschritt ein Elektronenmikroskop zum Einsatz. Es wurde die Axt ausgewählt, deren Material visuell als gabbroide Gesteinsart bestimmt worden war. Für diese Probe konnte ein charakteristisches Röntgenspektrum ermittelt werden, die chemische Zusammensetzung wurde durch eine Mikrosondenanalyse bestimmt, die kristallstrukturellen Charakteristika ließen sich anhand der Ergebnisse der Elektronen-Mikrobeugung klären. Die chemische Zusammensetzung und die Strukturparameter (Maße der Elementarzellen, Symmetrie und Typ des Gitters) bilden die wichtigsten

Ил. 7. Булавы Бородинского клада
Abb. 7. Keulen aus dem Schatzfund von Borodino

Константы минерала, которые позволяют сделать точную диагностику. Как показала микросондовая анализировка образцов, в них присутствуют магний, кремний и кальций. По форме частиц можно говорить о наличии одной системы спайности, но ее характер, а также волокнистое строение чешуек свидетельствуют о том, что образец — это цепочечный или ленточный силикат. Расчет микродифракционных картин позволил определить исследуемый минерал как тремолит. Плотная скрытокристаллическая разновидность ленточных силикатов тремолит и его железистый вариант актинолит называют нефритом. Твердость нефрита по шкале Мооса составляет 5,5–6,5. Однако тонкие переплетения волокон кристаллов тремолита и актинолита делают этот минерал очень вязким, а по прочности в два раза превышающим сталь.

зеленого цвета с черными пятнами: диорит, нефрит, базальт или диабаз. Тем более интересно было определить породу камня, из которой сделаны топоры Бородинского клада.

По мнению специалистов из Института литосферы земли РАН О. М. Розена, В. Е. Сонюшкина и О. Е. Чижика (исследования 1986 года), наиболее достоверной визуальной диагностике поддаются топор с каннелюрами (кат. 251.6) и секира (кат. 251.7). По цвету, фактуре и твердости материала они могут быть отнесены к нефриту. Порода третьего топора (кат. 251.9) и двух фрагментов визуально была отнесена к габброидам. Изучение петрографического шлифа фрагмента разбитого в древности топора под световым петрографическим микроскопом показало, что он изготовлен из типичной тремолитовой породы, отличающейся от нефрита только размером волокон тремолита.

Для более точной диагностики минерального состава топоров использовался метод электронной микроскопии. Был выбран топор, визуально отнесенный к габброидам. Из образца получен характеристический рентгеновский спектр, определен химический состав (микросондовый анализ) и кристалло-структурные характеристики вещества (по данным микродифракции электронов). Химический состав и структурные параметры (размер элементарной ячейки, симметрия и тип решетки) являются важнейшими константами минерала, позволяющими точно диагностировать его. Микросондовое изучение препаратов показало присутствие магния, кремния и кальция. Морфология частиц говорит о наличии одной системы спайности, но ее характер, а также волокнистое строение чешуек свидетельствуют о том, что образец — это цепочечный или ленточный силикат. Расчет микродифракционных картин позволил определить исследуемый минерал как тремолит. Плотная скрытокристаллическая разновидность ленточных силикатов тремолит и его железистый вариант актинолит называют нефритом. Твердость нефрита по шкале Мооса составляет 5,5–6,5. Однако тонкие переплетения волокон кристаллов тремолита и актинолита делают этот минерал очень вязким, а по прочности в два раза превышающим сталь.

Три навершия булав Бородинского клада относятся к двум типам (ил. 7). Два из них имеют округлую, чуть приплюснутую форму, вокруг втулки — кольцеобразный валик, тулово одного навершия по центру опоясано бороздкой

и дес железистого актинолита обозначают как нефрит. В шкале твердости нефрит имеет значение 5,5–6,5. Однако тонкие переплетения волокон кристаллов тремолита и актинолита делают этот минерал очень вязким, а по прочности в два раза превышающим сталь.

Два из них имеют округлую, чуть приплюснутую форму, вокруг втулки — кольцеобразный валик, тулово одного навершия по центру опоясано бороздкой

и дес железистого актинолита обозначают как нефрит. В шкале твердости нефрит имеет значение 5,5–6,5. Однако тонкие переплетения волокон кристаллов тремолита и актинолита делают этот минерал очень вязким, а по прочности в два раза превышающим сталь.

Три навершия булав Бородинского клада относятся к двум типам (ил. 7). Два из них имеют округлую, чуть приплюснутую форму, вокруг втулки — кольцеобразный валик, тулово одного навершия по центру опоясано бороздкой

(кат. 251.11, 251.12). Третье навершие булавы — удлиненной яйцевидной формы, с четырьмя полушарными выступами на тулове (кат. 251.10). Все изделия небольших размеров: их высота колеблется от 4,2 до 5,5 см, а диаметр навершия не превышает 6,4 см. Поверхность тщательно заполирована.

Булавы с навершиями, изготовленные из кавказских минералов, появляются в степи и на Кавказе в кругу катакомбных культур второй половины III тыс. до н. э. (кат. 105.2.1). Они очень тяжелые. Пропорции бородинских изделий более стройные и изящные. Шаровидные навершия найдены в позднекатакомбной культуре Дона (Дармодехинское захоронение), в погребениях днепр-донской и днестро-прутской бабинской культур (Литвиненко 2011), в Степном Приуралье вместе с щитковым псалием (Нелин 2000), в Поволжье в погребениях покровской культуры (могилище Натальино, курган 1, погребение 6). Навершия булав с выступами известны по захоронениям покровской и срубной культур Поволжья (могилище Осиновка, курган 1, погребение 2; Натальино, курган 7, погребение 1), в позднекатакомбном погребении в Прикубанье (могилище Холоднородниковский, курган 4, погребение 12) (Нечитайло 1978). Все навершия сделаны из разных материалов — серпентинита (Натальино), бронзы (Натальино), известняка (Осиновка).

В Институте литосферы земли РАН с помощью микросондового анализа определен материал, из которого сделаны навершия бородинских булав. Исследование химического состава навершия показало наличие только двух элементов — магния и кремния. По морфологии изученных чешуек, наличию спайности, параллельно которой чешуйки ложатся на поверхность подложки, минерал может быть отнесен к классу слоистых силикатов. Полученные данные позволяют вполне однозначно отнести определяемый минерал к тальку.

Тальк, или мыльный камень, отличается необычайно низкой твердостью: по шкале Мооса она минимальна и считается равной единице. Твердость самого твердого минерала — алмаза — принимается за 10. Плотные сросшиеся массы талька известны как стеатит, для которого помимо низкой твердости и легкой обрабатываемости характерна определенная вязкость, позволяющая изготавливать различные изделия. Следы от резца отчетливо видны на внутренних отверстиях булав.

Вопросы хронологии и культурный контекст

В течение столетия вопрос о датировке Бородинского клада был одним из самых спорных. На нее ориентировались при составлении периодизаций целых регионов Европы. Как отмечал В. С. Бочкарев (1968), в основу дискуссии был положен сравнительный анализ предметов клада и изделий двух основных сопоставительных регионов — Кавказа и Микен. Одни ученые отстаивали прямую связь бородинского и микенского орнаментов и предлагали длинную хронологию всего клада (Р. Гахман), другие указывали на прямые параллели в материалах кавказских культур (А. М. Таллгрэн, В. А. Сафонов), предлагая короткий временной отрезок. Согласно М. Гимбутас, клад отражает региональные связи эпохи бронзы, поэтому его датировка должна учитывать хронологический стык с микенской и кавказской культурами (Бочкарев 1968).

Во второй половине III тыс. до н. э. металлургия достигла расцвета. В это время используются не только старые месторождения, но осваиваются и естественные запасы руды на Кавказе, в Приуралье, на Алтае и Балканах. Эти регионы продолжают поставлять в разные районы Евразии металл и,

Die Untersuchungsergebnisse erlauben es damit, dass Mineral zweifelsfrei als Talk zu bestimmen.

Talk oder Speckstein zeichnet sich durch eine sehr geringe Härte aus; in der Mohshärteskala ist sie minimal und tendiert gegen eins. Die Härte des härtesten Minerals, Diamant, beläuft sich dagegen auf 10. Es sind kompakt zusammengewachsene Talkmassen wie Steatit bekannt, für den neben einer geringen Härte und einer leichten Bearbeitbarkeit eine bestimmte Festigkeit typisch ist, die es gestattet, aus diesem Material unterschiedliche Stücke herzustellen. Spuren vom Gebrauch eines Stichtels sind deutlich in den Schaftlöchern der Keulen zu erkennen.

Keramik ist durch zwei nicht ornamentierte Wandscherben eines handgeformten Gefäßes vertreten.

Die zeitliche Stellung und der kulturelle Kontext

Die Datierung des Schatzfundes war in den letzten hundert Jahren stark umstritten. Es wurden Periodisierungen ganzer Regionen Eurasiens zum Vergleich herangezogen. Wie V. S. Bočkarjev festhielt, basierte die Diskussion auf einer Vergleichsanalyse von Stücken des Schatzfundes mit Funden aus vor allem zwei Regionen, dem Kaukasus und Griechenland (Bočkarjev 1965). Manche Wissenschaftler sahen eine direkte Verbindung zwischen den Borodino- und den Mykene-Ornamenten und datierten den Fund in die Schachtgräberzeit (R. Hachmann), andere verwiesen auf direkte Parallelen zu Materialien der Kaukasus-Kulturen (A. M. Tallgren u. V. A. Safronov) und gingen von einer früheren Datierung aus. Nach M. Gimbutas spiegelt der Schatzfund regionale Verbindungen der Bronzezeit wider, weshalb für seine Datierung die chronologische Überlappung von mykenischer und kaukasischer Kultur zu berücksichtigen sei (Bočkarjev 1968).

In der zweiten Hälfte des 3. Jahrtausends v. Chr. erlebte die Metallurgie eine Blütezeit. Damals wurden nicht nur bereits bekannte Rohstoffvorkommen ausgebeutet, sondern auch die natürlichen Erzreserven im Kaukasus, dem Ural-Vorland, im Altaj und auf dem Balkan genutzt. Diese Regionen lieferten weiterhin Metall, aber auch bereits fertige Produkte wie Werkzeuge, Waffen und Schmuck in die unterschiedlichsten Regionen Eurasiens. Das ließ den Handel aufblühen, es entstand ein Netz von Kontakten zu Trägern anderer Kulturen, die häufig tausend Kilometer voneinander entfernt wohnten. Die Zusammensetzung des Schatzfundes von Borodino, die Materialien, aus denen die Stücke hergestellt wurden, der hohe Wert der einzelnen Objekte sowie ihre fraglose Bedeutung als Prestigegegenstand legen nahe, dass diese Sammlung gleichsam den Status quo für Handwerk, Handel und gesellschaftliches Leben der bronzezeitlichen Kulturen Eurasiens widerspiegelt.

Der Schatzfund wurde im rajon Belgorod-Dnestrovskij im oblast Odessa der Ukraine gemacht. In ihm befinden sich Objekte aus Silber, das vermutlich aus Vorkommen im Ural stammt. Die Untersuchung des Materials der Äxte bestätigt, dass sie aus Nephrit gefertigt worden waren. Dank seiner Kompaktheit und Festigkeit wurde dieser Stein in der Vergangenheit sehr häufig verarbeitet. Nephrit zeigt meist eine grüne Farbe, dies in unterschiedlichen Tönen und Nuancen wie graugrün, hellgrün, gras-, khaki- und olivgrün. Deutlich seltener ist dagegen weißer, gelber, grauer oder schwarzer Nephrit. Weltweit gibt es nicht sehr viele Nephritvorkommen, sie liegen in den USA (in den Bundesstaaten Montana, Washington, Alaska und Wyoming), Kanada, Russland und China. Im Gebiet Russlands begegnet hochwertiger Nephrit nur im Ost- und West-Sajan, in Tuva, im Polarural und im Vitim-Hochland. Funde im Altaj, im Südrural, in Karelien, Ostsibirien, der Ukraine, Kasachstan und Zentralasien sind äußerst selten. In diesem Zusammenhang sei festgehalten, dass

конечно, готовую продукцию — орудия труда, оружие, украшения. Это способствовало расцвету торговли, налаживанию взаимоотношений между носителями различных культур, зачастую удаленных друг от друга на тысячи километров. Состав Бородинского клада, материалы, из которых изготовлены изделия, высочайшая ценность каждого предмета, их очевидная статусность свидетельствуют о том, что в этой коллекции отразились основные достижения культуры бронзового века Евразии в ремесле, торговле, социальных отношениях.

Клад найден на территории Белгород-Днестровского района Одесской области Украины. В него входят изделия из серебра, вероятно, из уральского месторождения. Исследование материала топоров подтвердило, что они сделаны из нефрита. Благодаря вязкости и прочности этот камень широко использовался в древности. Нефрит преимущественно зеленого цвета, разных тонов и оттенков: серовато-зеленый, светло-зеленый, травяно-зеленый, болотный, оливковый; значительно реже встречается белый, желтый, серый и черный. Месторождения нефрита немногочисленны и известны в США (штаты Монтана, Вашингтон, Аляска, Вайоминг), Канаде, России и Китае. На территории России нефрит высокого качества встречается только в Саянах, Туве, на Полярном Урале и Витимском нагорье. Находки его на Алтае, Южном Урале, в Карелии, Восточной Сибири, Украине, Казахстане и Средней Азии очень редки. Важно, что все месторождения отличаются особыми характеристиками. Наиболее высококачественный нефрит встречен в Восточно-Саянском месторождении: это камень чистой, сочной и яркой окраски зеленого цвета, с высокой просвечиваемостью и относительно высокой блочностью. Месторождения в других районах уступают по качеству; они характеризуются более интенсивной расщепленностью, пониженной твердостью за счет включения в состав породы серпентина и талька, более блеклыми окрасками серого, болотного и черного цветов (ил. 8).

Ярко-зеленый просвечивающийся нефрит гладкого топора и обломков топора Бородинского клада, скорее всего, восточно-саянский, возможно, из Оспинского или Улан-Ходинского месторождений. Темный нефрит, из которого сделаны секира и топор с каннелюрами, вероятно, происходит из Кортусебинского пояса на Западном Саяне. Возможно, из нефрита этих же месторождений сделаны топоры из поволжских Новопавловского и Покровского могильников, из кургана у села Балабино в Запорожской области.

Тальк — широко распространенный минерал на Украине (Днепропровское Надпорожье) и России, где его месторождения известны на Среднем Урале (Шабровское, Миасское), Восточном Саяне (Онотское), в Западном Прибайкалье.

Таким образом, материал для изготовления топоров, наконечников копий мог происходить из обширного региона, очерченного Уральскими горами и Восточным Саяном и не связанного с Кавказом, как предполагали ранее. С конца III тыс. до н. э. это географическое пространство быстро осваивается представителями сейминско-турбинского транскультурного феномена — носителями передовых технологий. Культура воинской элиты, установившей культ бронзового оружия, которое указывало на социальный и церемониальный статус его владельца, была связана с глубинами Северной Азии (см. статью С. Студзицкой и С. Кузьминых в настоящем издании). Южные хребты и межгорные котловины Алтая и Саян образуют своеобразную горную страну. А ведь именно с предгорными и горными областями Алтая и Тянь-Шаня, а также

сich alle Vorkommen durch besondere Charakteristika voneinander unterscheiden. Der beste Nephrit stammt aus dem Ost-Sajan: Dieser Stein ist rein, zeigt ein sattes und leuchtendes Grün und weist eine hohe Transparenz sowie eine relativ hohe Dichte auf. Vorkommen in anderen Regionen wie dem West-Sajan liefern qualitativ nicht so hochwertigen Nephrit. Für sie sind eher eine stärkere Schieferung, eine geringere Härte aufgrund von Serpentin- und Talk einschüssen und mattere Grau-, Khaki- und Schwarztöne typisch (Abb. 8).

Der leuchtend grüne, transparente Nephrit der glatten Axt und der Fragmente der Axt aus dem Schatzfund von Borodino dürfte daher aus dem Ost-Sajan stammen, möglicherweise aus Ospinskij oder Ulan-Chodinskij. Der dunkle Nephrit, aus dem die Streitaxt und die Axt mit Kanneluren hergestellt wurden, kommt aus dem Kortschubinskij-Gürtel im West-Sajan. Möglicherweise wurden aus dem Nephrit dieser Vorkommen auch die Äxte aus den Gräberfeldern Novopavlovo und Pokrovka im Wolgagebiet sowie aus dem Kurgan beim Dorf Balabino im oblast Zaporožje angefertigt.

Talk ist ein weitverbreitetes Mineral in der Ukraine (Dneprovskoe Nadporože) und in Russland, wo Vorkommen im mittleren Ural (Šabrovskoe u. Miasskoe), im Ost-Sajan (Onotskoe) und im westlichen Baikargebiet bekannt sind.

Damit kann das Material zur Herstellung der Äxte, Keulenköpfe und Lanzenspitzen aus einem weiträumigen Gebiet bezogen worden sein, das vom Ural und dem Ost-Sajan begrenzt wird, das aber nicht, wie früher angenommen, mit dem Kaukasus verbunden ist. Vom Ende des 3. Jahrtausends v. Chr. an wurde dieser geographische Raum rasch von Trägern der transkulturellen Sejma-Turbino-Gruppen erschlossen, die bereits über eine elaborierte Technik verfügten. Die Kultur der Kriegerelite, die den Kult der Bronzewaffe hervorgebracht hatte — die Waffe signalisierte den hohen Status des Trägers im gesellschaftlichen und zeremoniellen Leben, — war mit tief in Nordasien gelegenen Gebieten verbunden (vgl. Studzickaja, Kuzminych im vorliegenden Katalog). Die südlichen Käme und die Talkessel von Altaj und Sajan bilden eine Art eigenes Bergland. Mit den Vorgebirgs- und Gebirgstteilen des Altaj und Tian Shans, aber auch mit den Wald- und Berg-Wald-Regionen des Sajan-Altajs wird das Aufkommen der Sejma-Turbino-Kultur in Verbindung gebracht; von hier aus sind ihre Träger dann nach Westen vorgedrungen (Черных, Кузьминых 1989). Die Silber- und Bronzelangen, die vom Typ her gut mit den Stücken aus Borodino zu vergleichen sind, sowie die in Nephrit ausgeführten Armreifen und die Ringe aus den Gräberfeldern Turbino, Sejma und Rešenskij dieser Kultur könnten durchaus älter sein als die Borodino-Stücke. Die Tradition der Verzierung mit ornamentierten Goldbeschlägen dürfte dagegen mit dem Kreis jüngerer Kulturen dieser Region verbunden sein. Gleichwohl lässt sich nach der Analyse des Schatzfundes eine „östliche Komponente“ festhalten, die eindeutig mit der Sejma-Turbino-Kultur und dem Kreis der Streitwagenkulturen (Abaševo-, Sintašta-, Pokrovka-, Balkengrab- und Alakul-Kultur) verbunden ist.

Von Bedeutung ist ferner, dass einige Typen aus dem Hort von Borodino in einem zeitnahen kulturellen Kontext gefunden wurden. Aus Gräbern der Pokrovka-Kultur im Wolgagebiet stammt eine Axt des Borodino-Typs, die mit einer Keule vergesellschaftet war, die ebenfalls mit Borodino zu vergleichen ist (Verchnij Balyklej, Kurgan 6, Grab 6). Damit könnten mindestens diese beiden Geräte aus dem Borodino-Ensemble parallel existiert haben und von einer oder mehreren Bevölkerungsgruppen genutzt worden sein. Im Gräberfeld Natalino (Saratover Wolgagebiet) fanden sich in zwei Gräbern von Kriegern Keulenköpfe, eine von kugelförmiger Form, der andere mit Buckeln. Obwohl sie in Bronze und Marmor

Ил. 8. Основные месторождения нефрита в России:

- 1 — Восточный Саян и Джида;
- 2 — Витимское нагорье;
- 3 — Западный Саян;
- 4 — Полярный Урал;
- 5 — Южный Урал;
- 6 — Алтай

(Карта выполнена О. Е. Чижиком, предоставлена Н. И. Шишлиной)

Abb. 8. Große Nephritvorkommen in Russland:

- 1 — Ost-Sajan und Džida;
- 2 — Vitim-Hochland;
- 3 — West-Sajan;
- 4 — Polarural;
- 5 — Südural
- 6 — Altaj

(Die Karte erstellte O. E. Čížik, zur Verfügung gestellt von N. I. Šišlina)

с лесными и горнолесными районами Саяно-Алтая ученые связывают возникновение сейминско-турбинского феномена и его стремительное распространение на запад (Черных, Кузьминых 1989). Серебряные и бронзовые копья, близкие по типу бородинским, браслеты и кольца из нефрита, происходящие из Турбинского, Сейминского и Решенского могильников этой культуры, возможно, были изготовлены раньше, чем бородинские. Да и традиция золотых орнаментальных накладок, вероятно, связана уже с кругом более поздних культур другого региона. Тем не менее при анализе клада можно выделить «восточный компонент», четко связанный с сейминско-турбинской культурой и кругом колесничных культур — абашевской, синташтинской, покровской, срубной, алакульской.

Важно, что часть бородинских предметов найдена в близком по времени культурном контексте. Известны повожские погребения покровской культуры, в которых топор бородинского типа сопровождался булавой, аналогичной бородинской (Верхний Балыклей, курган 6, погребение 6). Значит, как минимум эти две категории предметов из бородинского собрания могли существовать параллельно и использоваться одной или несколькими группами населения. В могильнике Натальино (саратовское Поволжье) в двух воинских погребениях найдены навершия булав — одно шаровидной формы, другое с выступами. И хотя они сделаны из бронзы и мрамора, можно предположить, что и бородинские булавки из талька могли существовать в это же время.

Из воинских погребений покровской культуры происходят и копья, хорошо известные по материалам сейминско-турбинских могильников. Таким образом, топоры, булавки, копья, аналогичные бородинским, могли создаваться и использоваться в близкой по времени культурной и географической среде и попасть в состав клада почти одновременно. Можно предположить, что каменные изделия и копья «собирались» в единую «коллекцию» какое-то время, и это происходило, скорее всего, где-то на востоке европейских степей (вряд ли можно очертить этот регион более узко). Западная граница находок копий сейминско-турбинского типа доходит до бассейна Оки и Балтийского моря (Черных, Кузьминых 1989; Ефремов и др. 2009), а самая восточная находка булавы бородинского типа — в Южном Приуралье. Изделия из прочного нефрита и высокопробного серебра и золота могли долго храниться, передаваться из поколения в поколение, ведь в составе клада есть и обломки некогда целого топора и втулки копья.

О внутреннем хронологическом соотношении компонентов клада свидетельствует и другой культурный контекст. Близкие по типу топоры, булавки и булавы найдены в контактной зоне покровской и бабинской культур, которая располагается в низовьях Дона и Днепра, а сам клад локализуется у юго-западной границы бабинской культуры (Литвиненко 2011).

Копья, кинжал и булавку объединяет единая техника наложения золотого листа и орнамента. Это позволяет относить их к одному временному отрезку и предполагать, что все металлические изделия Бородинского клада были изготовлены и украшены в одной культурной среде. Возможно, эта среда локализовалась в Трансильвании, бронзовые изделия которой украшены микенским орнаментом. Однако микенский орнаментальный стиль характерен и для декора многочисленных изделий восточноевропейских мастеров-резчиков по кости (Беседин 1999). Согласно одному предположению, копья могли происходить из восточной части ев-

ропейской лесостепи, а позже быть дополнены трансильванским золотом в одной из карпатских ювелирных мастерских (Бочкарев 1968). Все же следует отметить, что многие элементы орнаментальных узоров — ряды треугольников, микенская волна, трискелии, декорированные края — использовались в орнаменте костяных деталей статусных изделий (рукоятей жезлов и плетей, деталей конской узды) мастерами, проживавшими на обширной территории — от Южного Урала до Подонцовья. Эти мастера отлично владели сложными инструментами — двузубыми циркульными-резцами — и очень тщательно подбирали композицию (Усачук 2010).

Наконец, следует упомянуть еще одну вероятную линию синхронизации. Возможно, она связывает нефритовые топоры Бородинского клада и топоры клада L, найденные в 1890 году в Троее в нише стены при входе в дом. Клад соотносится с периодом Троя II — 3. В него входят четыре топора (кат. 135.3.1, 135.3.2), шесть набалдашников (кат. 135.3.3) и сорок четыре линзы из горного хрусталя (кат. 135.3.4), четыре сердоликовые и две янтарные бусины, пряслице, железный предмет и конгломерат спекшихся украшений, состоящий из золота, серебра, бронзы и фаянса (Кат. Москва 1996). Чаще всего клад датируется 2650–2350 годами до н. э. (Кат. Москва 1996). Однако в последнее время возникли сомнения в стратиграфической привязке клада. Есть предположения, что он связан с более поздними слоями — со слоями Трои VI (Сайнс 1996). В таком случае клад L — это клад мастера-ювелира, обслуживавшего представителей элиты самого высокого ранга (Zidarov 2005). Среди всех изделий этого клада выделяются топоры — материалом (лазурит и, предположительно, нефрит или жадеит), формой, размерами и весом, а также фрагментами позолоты на внешней поверхности двух предметов.

О сходстве топоров Бородинского и Троянского кладов впервые написал А. А. Спицын (1916). С тех пор к сопоставительному анализу обращались многие ученые, отмечая близость в пропорциях и форме топоров. Однако некоторых исследователей не удовлетворял значительный хронологический разрыв между двумя находками — 600–700 лет, а то и больше. Э. Кайзер (Kaiser 1997. S. 114) полагала, что либо топоры не входили в состав Бородинского клада и попали туда случайно, либо они передавались из поколения в поколение на протяжении тысячи лет, а сам клад должен датироваться XVII–XIII веками до н. э. — временем расцвета катакомбной и многоваликовой (бабинской) культур. Выше приводились аналогии топорам Бородинского клада из круга колесничных памятников Евразии самого начала позднего бронзового века. В этот ряд можно включить и нефритовые топоры Троянского клада L. По цвету и качеству нефрит, из которого они изготовлены, можно сопоставить только с камнем бородинских топоров.

Еще один троянский топор сделан из лазурита, месторождения которого встречаются еще реже, нежели нефритовые. В эпоху бронзы его добывали вдоль Восточно-Саянского глубинного разлома, доходящего до Юго-Западного Прибайкалья, а также на севере Афганистана и на Иранском плато (Зидаров 2005), то есть в районах, которые можно увязать в единый географический контекст с саянскими месторождениями нефрита. Вес топора — 1340 г (Кат. Москва 1996). В IV и III тыс. до н. э. лазурит чрезвычайно высоко ценится: даже при инкрустации золотых изделий (такие памятники, как Новосободная на Северном Кавказе или Ур в междуречье Тигра и Евфрата) фрагменты лазуритовых вставок очень малы. Вес трех нефритовых топоров клада L —

аусgeführt sind, darf man wohl vermuten, dass auch die Borodino-Keulen aus Talk zu dieser Zeit existierten.

In Bestattungen von Kriegerern der Pokrovka-Kultur wurden Lanzen gefunden, wie sie auch durch das Fundgut aus Sejma-Turbino-Gräberfeldern bekannt sind. Damit können die Äxte, Keulen und Lanzen, die als Vergleichsfunde zu Borodino anzusprechen sind, in einem zeitnahen kulturellen und geographischen Raum geschaffen und genutzt worden und dann fast gleichzeitig in den Schatzfund gelangt sein. Es ist durchaus vorstellbar, dass die Steingeräte und die Lanzen zunächst über einen gewissen Zeitraum in einer „Sammlung“ zusammengetragen wurden, vermutlich im Osten der europäischen Steppen (enger lässt sich die Region nicht eingrenzen). Die westliche Grenze der Lanzenfunde des Sejma-Turbino-Typs wird von den Becken der Oka und der Ostsee markiert (Черных, Кузьминых 1989; Ефремов и др. 2009), der östlichste Fund einer Keule des Borodino-Typs wurde im Südlichen Uralvorland gemacht. Stücke aus festem Nephrit, hochprozentigem Silber und Gold könnten ebenfalls lange aufbewahrt worden sein, weitergegeben von einer Generation zur nächsten, befinden sich im Schatzfund doch auch Fragmente einer einst intakten Axt und einer Lanzen Spitze.

In welchem zeitlichen Verhältnis die einzelnen Objekte des Schatzfundes zueinander stehen, lässt sich auch einem anderen kulturellen Kontext entnehmen. Vom Typ her vergleichbare Äxte, Keulen und Nadeln begegnen in der Kontaktzone der Pokrovka- und Babino-Kultur, die an den Unterläufen von Don und Dnepr verbreitet war; der Schatzfund selbst ist an der Süd-West-Grenze des Verbreitungsgebiets der Babino-Kultur zu lokalisieren (Литвиненко 2011).

Die Lanzen, den Dolch und die Nadel eint eine gemeinsame Aufbringung des Goldblatts und des Ornaments. Dies erlaubt es, sie einem gemeinsamen Zeitraum zuzuordnen und zu vermuten, dass die Metallgegenstände aus dem Schatzfund von Borodino zur gleichen Zeit in einem einzigen kulturellen Umfeld hergestellt und verziert wurden. Möglicherweise ist dieses Milieu in Transsilvanien zu lokalisieren, wurden Bronzegegenstände dort doch mit einem mykenischen Ornament verziert. Freilich ist der „mykenische“ Ornamentstil auch für zahlreiche in Bein ausgeführte Stücke aus Osteuropa charakteristisch (Беседин 1999). Es gibt eine Hypothese, derzufolge die Lanzen aus dem östlichen Teil der europäischen Waldsteppe stammen könnten und später mit transsilvanischem Gold in einer der Goldschmiedewerkstätten in den Karpaten verziert worden seien (Бочкарев 1968). Gleichwohl sei an dieser Stelle angemerkt, dass viele Elemente der Ornamentzier — Reihen von Dreiecken, Mäander, Triskelen und Zierränder — auch im Ornament von beinernen Prestigeobjekten auftreten (Griffe von Stäben und Peitschen, Details vom Pferdegeschirr) und von Meistern ausgeführt wurden, die im weiträumigen Gebiet vom Südrural bis zum Donezgebiet lebten. Diese wussten vortrefflich mit komplizierten Arbeitsgeräten umzugehen, so mit dem zweizackigen Zirkel bzw. Stichel, und stellten ihre Kompositionen mit höchster Sorgfalt zusammen (Усачук 2010).

Abschließend sei an eine weitere mögliche Analogie erinnert. Sie verbindet die Nephrit-Äxte aus dem Schatzfund von Borodino mit den Äxten aus dem Schatz L, die 1890 in Troja in der Wandnische einer dicken Lehmziegelmauer unter Fußbodenniveau eines Hauses gefunden wurden. Der Schatz fällt in die Periode Troja II-3. Er umfasste vier Steinäxte (Kat. Nr. 135.3.1, 135.3.2), sechs Knäufe (Kat. Nr. 135.3.3) und vierundvierzig Linzen aus Bergkristall (Kat. Nr. 135.3.4), vier Karneol- und zwei Bernsteinperlen, einen Spinnwirtel, eine eisenoxydhaltige Masse sowie ein Konglomerat aneinanderhaftender Schmuckstü-

cke, die aus Gold, Silber, Bronze und Fayence bestanden (Kat. Moskau 1996). Bislang wurde der Schatz überwiegend in den Zeitraum von 2650–2350 v. Chr. datiert (Kat. Moskau 1996; vgl. Artikel in dem hier vorliegenden Band). In der letzten Zeit sind jedoch Zweifel an der stratigraphischen Verankerung des Schatzes aufgekommen. Nunmehr wird vermutet, er sei mit jüngeren Schichten zu verbinden, genauer mit den Schichten aus Troja VI (Сайнс 1996). Damit einher geht die Vermutung, der Schatz L wäre von einem Meister geschaffen worden, der in Palastkreisen verkehrte und für Angehörige der Elite höchsten Ranges arbeitete (Zidarov 2005). Die Äxte ragen unter den anderen Stücken heraus, vor allem durch ihr Material (Lasurit und wahrscheinlich Nephrit oder Jadeit), ihre Form, Maße und Gewicht, aber auch durch Spuren von Vergoldung an der Oberfläche von zwei Exemplaren.

Auf die Ähnlichkeit der Äxte von Borodino und Troja hatte erstmals A. A. Spicyn hingewiesen (Спицын 1916). Seit dieser Zeit haben zahlreiche Wissenschaftler eine Vergleichsanalyse vorgenommen und dabei die Ähnlichkeit in den Proportionen und Formen der Äxte betont. Andere verwiesen dagegen auf die große zeitliche Lücke, die mit (mindestens) 600–700 Jahren zwischen den beiden Funden klafft. E. Kaiser vermutete, dass die Äxte entweder nicht zum Schatzfund von Borodino gehörten und zufällig in diesen gelangt seien oder aber über tausend Jahre von Generation zu Generation weitergegeben wurden; ihrer Ansicht nach datiert der Fund von Borodino in das 17.–13. Jahrhundert v. Chr., mithin in die Hochzeit der Katakombengrab- und Kultur der Mehrwulstkeramik (Babino-Kultur) (Kaiser 1997. S. 114). Es wurden eingangs bereits Analogien für die Borodino-Äxte aus dem Kreis der Denkmäler der Streitwagenkultur Eurasiens zu Beginn der Spätbronzezeit angeführt. In diese Reihe sind auch die Nephrit-Äxte aus dem Schatz L von Troja aufzunehmen. Die Farbe und die Qualität des Nephrits, aus dem sie gefertigt wurden, erlauben durchaus einen Vergleich mit dem Stein der Borodino-Äxte.

Eine der Äxte aus Troja wurde aus Lasurit gefertigt, das noch seltener vorkommt als Nephrit. In der Bronzezeit wurde es in einer tiefen Verwerfung am Ost-Sajan abgebaut, die bis zum südwestlichen Baikalsee reichte, aber auch im Norden Afghanistans und im Iranischen Hochland (Зидаров 2005), also in Gegenden, die in einen geographischen Kontext mit den Sajan-Vorkommen von Nephrit gestellt werden können. Das Gewicht des Beils betrug 1340 g (Kat. Moskau 1996). Im 4.–3. Jahrtausend v. Chr. wurde Lasurit außerordentlich geschätzt: Selbst bei Einlegearbeiten für Goldgegenstände (Novosobodnaja, Ur) lagen nur selten Lasuritfragmente vor. Die drei Nephrit-Äxte des Schatzes L wiegen insgesamt 4775 g. Damit beläuft sich das Gesamtgewicht der Troja-Äxte auf über 6 kg, so dass die Stücke allein unter diesem Gesichtspunkt ein kolossales Vermögen darstellten. Zudem dürften sie im Rahmen von Handels-, Wirtschafts- und Gesellschaftsstrukturen zu sehen sein, die sich deutlich von denen der Frühbronzezeit in der Ostägäis unterschieden (Troja II, mit dem der Schatz L vielfach verbunden wird). Die Lasurit-Axt war in drei Teile zerschlagen und wurde zusammen mit den intakten Stücken aufbewahrt. Eine ähnliche Situation trifft auch auf die Äxte von Borodino zu: Vier unbeschädigte Äxte waren mit dem Fragment einer fünften vergesellschaftet. P. Zidarov vermutet, dass alle vier Äxte des Schatzes L in einer Werkstatt angefertigt wurden, die im nördlichen Schwarzmeergebiet oder im Kaukasus gelegen haben könnte; von dort aus seien die Stücke dann nach Troja gelangt (Зидаров 2005).

Für eine spätere, nach der Mitte des 3. Jahrtausend v. Chr. anzusetzende Datierung des Schatzes L sprechen auch andere

4775 г. Таким образом, материалы, из которых сделаны троянские топоры общим весом свыше 6 кг, сами по себе являлись колоссальным состоянием для первобытности. И тогда, скорее всего, они отражают совершенно иную торговую, экономическую и социальную инфраструктуру, отличную от анатолийского общества раннего бронзового века (Трой II, с которой многие связывают клад L). Лазуритовый топор был разбит на три части и хранился вместе с целыми изделиями. Такая же ситуация была отмечена и для топоров Бородинского клада — вместе с четырьмя целыми топорами были спрятаны фрагменты пятого. П. Зидаров (2005) полагает, что все четыре топора клада L могли быть сделаны в одной мастерской, которую исследователь локализует в Северном Причерноморье или на Кавказе, откуда они впоследствии попали в Трой.

О возможно более поздней, чем середина III тыс. до н. э., датировке клада L свидетельствуют и другие его составляющие: изделия из горного хрусталя, фаянса и янтаря. Наблюдатели и линзы из горного хрусталя появляются в Эгейде примерно в XIX–XVIII веках до н. э. (Сайнс 1996), а широкое производство и распространение не ранее начала II тыс. до н. э. бус из фаянса и янтаря (Harding 2000) также указывает на близкий по времени культурный, временной и региональный контекст. К примеру, фаянсовые бусы начинают изготавливаться в местных мастерских на Кавказе, в Прикаспии, Причерноморье только в самом конце III — начале II тыс. до н. э. Они являются характерным типом украшений лолинской, бабинской и других культур (Shortland et al. 2007). Янтарь и фаянс в Средиземноморье появляются не раньше того же времени (см. статью Хардинга в настоящем издании). Предположительно ювелир троянской мастерской одновременно мог работать с нефритом, лазуристом, фаянсом, янтарем, горным хрусталем, то есть с материалами, которые были в особой цене, начиная со II тыс. до н. э.

Таким образом, по мнению ряда исследователей (Сайнс 1996; Зидаров 2005), клад L из Трои может относиться к периоду расцвета, когда в городе проживало от 5 до 10 тысяч человек. Этому времени соответствует Троя VI, которая датируется 1700–1250 годами до н. э. Именно в этот период Эгейский мир активно взаимодействует с Причерноморьем. Поэтому время создания предметов из Троянского клада L может соотноситься со временем, когда в одном месте постепенно собирались и шедевры Бородинского клада.

Хронология финальнокатакомбных культур и культур самого начала эпохи поздней бронзы основана на новых данных радиоуглеродного анализа. Это позволяет уточнить и возможный абсолютный возраст уникального клада. Время существования сейминско-турбинских и синхронных с ними позднеабашевских, синташтинских, петровских, потаповских, покровских памятников соответствует фазе I евразийской металлургической провинции — XXIII–XVI века до н. э. (Черных и др. 2002) или так называемому блоку колесничных культур XIX–XVIII веков до н. э. (Трифонов 1997). Согласно данным радиоуглеродного анализа, бабинская культура датируется концом XXIII–XVIII/XVII веками до н. э., сменяющая ее сабабиновская — XVII/XVI–XIII веками до н. э., тшинская — XVII–XIII веками до н. э. (Мимоход 2011-II). Карпато-балканские, центральноевропейские аналогии волгоуральским изделиям так же удивительны, как и новые хронологические интервалы эгейских памятников, и, скорее всего, относятся к XVIII–XVII векам до н. э. (Бочкарев 2010).

Бородинский клад формировался на протяжении нескольких поколений в многокомпонентной культурной среде. Клад включает совершенные по форме и драгоцен-

ные по материалу изделия, отражающие исключительное мастерство их изготовителей. В это время огромные степные пространства были чрезвычайно плотно заселены. Быстро развивался обмен производственным опытом, сырьем и изделиями, новыми технологиями. Появилась возможность длительных путешествий. Княжеская колесничная военная знать вооружилась уникальным для того времени передовым оружием и обладала властными функциями, контролируя огромные территории и занимаясь войнами и грабежами (Бочкарев 2010). Именно в такое время и должен был появиться Бородинский клад.

Время завершения формирования собрания можно обозначить, вероятно, периодом финала посткатакомбных и колесничных культур, то есть рубежом XVIII–XVII веков до н. э. Вероятно, вскоре клад был закопан. В противном случае в него должны были попасть драгоценные изделия уже другого культурного круга и иных традиций.

Таким образом, некоторые новые данные о материалах, из которых были изготовлены изделия Бородинского клада, результаты радиоуглеродного датирования позволяют уточнить его временной и культурный контекст. Каждый предмет является произведением искусного мастера или нескольких мастеров со своим авторским почерком и стилем. Парадное, статусное оружие бережно хранилось, передавалось из поколения в поколение, пока наконец не было укрыто в тайном месте. Что послужило причиной этого, мы можем только догадываться. Возможно, цена каждого предмета, являющегося одновременно и символом власти, и трофеем, и произведением искусства, — цена военной победы. Но по-прежнему каждый из них манит все новые и новые поколения исследователей, стремящихся внести свой вклад в интерпретацию этого комплекса.

Время завершения формирования собрания можно обозначить, вероятно, периодом финала посткатакомбных и колесничных культур, то есть рубежом XVIII–XVII веков до н. э. Вероятно, вскоре клад был закопан. В противном случае в него должны были попасть драгоценные изделия уже другого культурного круга и иных традиций.

Время завершения формирования собрания можно обозначить, вероятно, периодом финала посткатакомбных и колесничных культур, то есть рубежом XVIII–XVII веков до н. э. Вероятно, вскоре клад был закопан. В противном случае в него должны были попасть драгоценные изделия уже другого культурного круга и иных традиций.

Таким образом, некоторые новые данные о материалах, из которых были изготовлены изделия Бородинского клада, результаты радиоуглеродного датирования позволяют уточнить его временной и культурный контекст. Каждый предмет является произведением искусного мастера или нескольких мастеров со своим авторским почерком и стилем. Парадное, статусное оружие бережно хранилось, передавалось из поколения в поколение, пока наконец не было укрыто в тайном месте. Что послужило причиной этого, мы можем только догадываться. Возможно, цена каждого предмета, являющегося одновременно и символом власти, и трофеем, и произведением искусства, — цена военной победы. Но по-прежнему каждый из них манит все новые и новые поколения исследователей, стремящихся внести свой вклад в интерпретацию этого комплекса.

Время завершения формирования собрания можно обозначить, вероятно, периодом финала посткатакомбных и колесничных культур, то есть рубежом XVIII–XVII веков до н. э. Вероятно, вскоре клад был закопан. В противном случае в него должны были попасть драгоценные изделия уже другого культурного круга и иных традиций.

Таким образом, некоторые новые данные о материалах, из которых были изготовлены изделия Бородинского клада, результаты радиоуглеродного датирования позволяют уточнить его временной и культурный контекст. Каждый предмет является произведением искусного мастера или нескольких мастеров со своим авторским почерком и стилем. Парадное, статусное оружие бережно хранилось, передавалось из поколения в поколение, пока наконец не было укрыто в тайном месте. Что послужило причиной этого, мы можем только догадываться. Возможно, цена каждого предмета, являющегося одновременно и символом власти, и трофеем, и произведением искусства, — цена военной победы. Но по-прежнему каждый из них манит все новые и новые поколения исследователей, стремящихся внести свой вклад в интерпретацию этого комплекса.

Время завершения формирования собрания можно обозначить, вероятно, периодом финала посткатакомбных и колесничных культур, то есть рубежом XVIII–XVII веков до н. э. Вероятно, вскоре клад был закопан. В противном случае в него должны были попасть драгоценные изделия уже другого культурного круга и иных традиций.

Время завершения формирования собрания можно обозначить, вероятно, периодом финала посткатакомбных и колесничных культур, то есть рубежом XVIII–XVII веков до н. э. Вероятно, вскоре клад был закопан. В противном случае в него должны были попасть драгоценные изделия уже другого культурного круга и иных традиций.

Время завершения формирования собрания можно обозначить, вероятно, периодом финала посткатакомбных и колесничных культур, то есть рубежом XVIII–XVII веков до н. э. Вероятно, вскоре клад был закопан. В противном случае в него должны были попасть драгоценные изделия уже другого культурного круга и иных традиций.

Энтони Хардинг

Дальние связи Европы в эпоху бронзы

Anthony Harding

Fernbeziehungen im bronzezeitlichen Europa

Взаимодействие между народами, которые жили на большом расстоянии друг от друга, — это реальность бронзового века. Хотя предположения о наличии определенных связей были сделаны давно, результаты научных исследований последних тридцати лет бесспорно подтверждают, что на протяжении бронзового века на большей части Европейского континента товары и народы преодолевали значительные расстояния.

Для людей того времени одним из основных способов накопления ценных предметов и материалов была торговля, а точнее — обмен. По большому счету, именно благодаря накоплению богатств можно было подчеркнуть свое высокое положение, чтобы добиться власти и статуса, другими словами — стать элитой.

Контакты между удаленными друг от друга землями устанавливались через торговлю различными предметами, при этом перемещались не только товары, но и люди. Иногда путь пускались простые путешественники, которые, возвратившись домой, рассказывали о далеких экзотических землях; или люди просто переезжали на новое место. В последние годы и археологический анализ, и научные изыскания помогли пролить свет на эти вопросы.

Основной источник информации — находки каких-либо предметов (сырья, готовых изделий или заготовок), произведенных или извлеченных из недр в одном месте и оказавшихся в другом. Многого можно узнать благодаря затонувшим судам, ведь вряд ли кто-то будет сомневаться в том, что корабль с грузом следовал по определенному маршруту, везя товары на продажу. Определить маршруты передвижений по суше сложнее: есть множество объяснений, почему в том или ином месте была обнаружена группа предметов (клад), которые, вероятно, не имеют или почти не имеют какого-либо отношения к торговле. В некоторых случаях разумно предположить, что скопление предметов — это товары для обмена, перевезенные из одного места в другое.

В последние годы заметно возросло количество находок кораблей, затонувших в бронзовом веке. Большинство обломков кораблей покоится на дне Средиземного моря, но несколько интересных находок обнаружено и на дне Ла-Манша. Хотя, строго говоря, был найден груз, а не корабли, по-видимому, груз намеренно выбросили в море. Примечательно, что до сих пор в северных водах так и не найдено ни одного корабля рассматриваемого периода, хотя в Скандинавии водные пути были важны для поддержания контактов и передвижения. Это подтверждается изобилием изображений кораблей на скандинавских наскальных рисунках.

Иn der Bronzezeit waren Kontakte zwischen weit voneinander entfernt lebenden Völkern bereits selbstverständlich. Auch wenn über bestimmte Verbindungen lange Zeit diskutiert wurde, hat doch die Forschung in den letzten dreißig Jahren zweifellos ergeben, dass während der Bronzezeit Bewegungen von Gütern und Bevölkerungsgruppen über weite Entfernungen und in großen Teilen des europäischen Kontinents stattfanden.

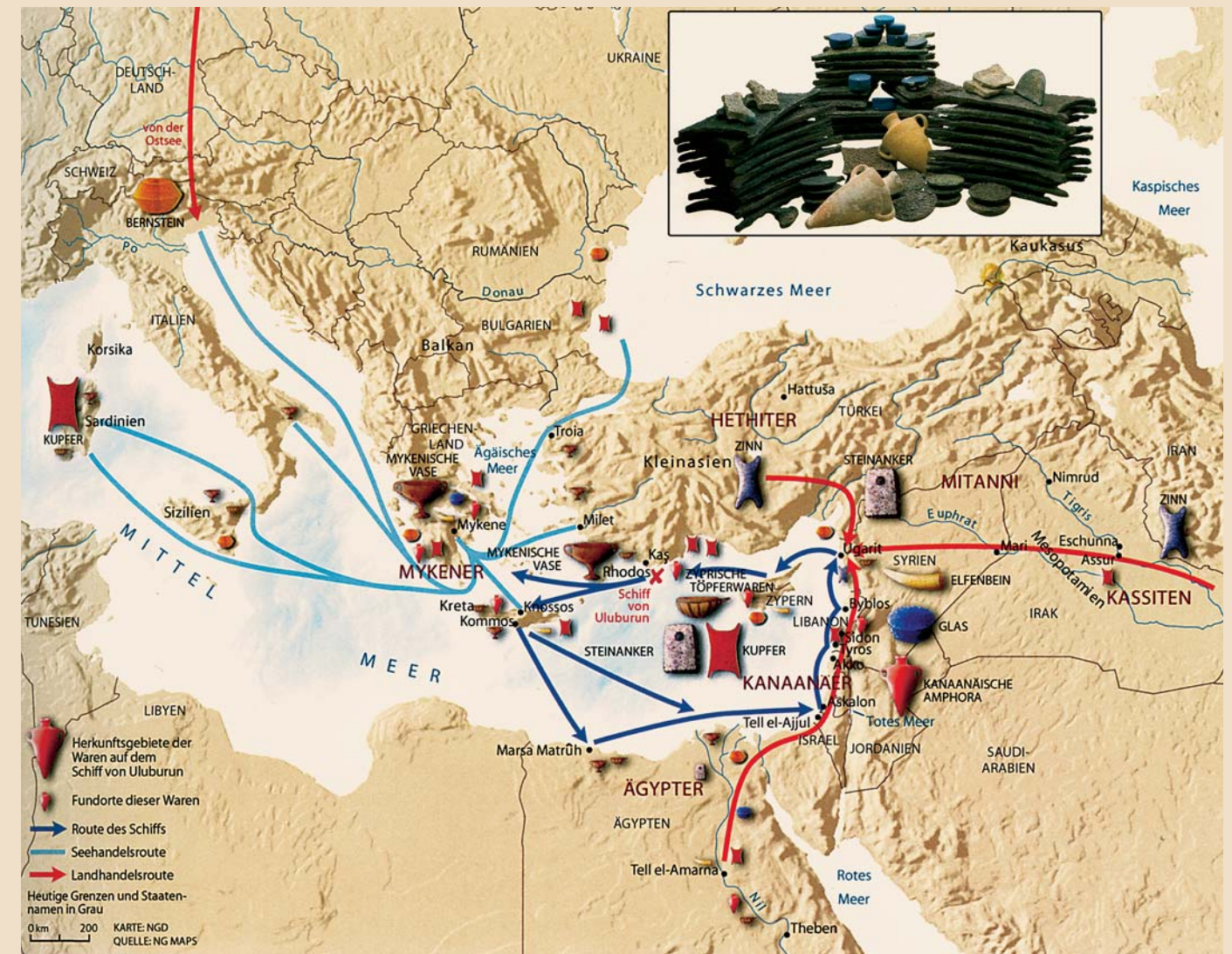
Handel — oder genauer Tauschverkehr — war einer der Hauptwege, auf dem es den Menschen der Bronzezeit gelang, wertvolle Güter oder Rohstoffe zu erlangen. Es ist weitgehend diese Anhäufung von Besitz, die es einigen Personen ermöglichte, ihre Bedeutung herauszustellen, Macht und Status zu erlangen und somit eine Elite zu bilden.

Kontakte über weite Entfernungen erfolgten zum einen über den Austausch von Waren, aber auch über Wanderbewegungen, sei es durch individuelle Reisende, die später zuhause über exotische, weit entfernte Länder berichteten, sei es durch die Umsiedlung einer ganzen Bevölkerungsgruppe von einer Gegend in eine andere im Verlauf ihres Lebens. Sowohl archäologische als auch naturwissenschaftliche Untersuchungen haben hierzu in den letzten Jahren wichtige Erkenntnisse geliefert.

Die wichtigsten Anzeichen für Fernkontakte bestehen aus dem Vorhandensein von Gütern (Rohstoffe, Fertig- oder Halbfertigprodukte) an Orten, die weit von ihrem Herkunfts- oder Herstellungsort entfernt liegen. Einer der deutlichsten Anhaltspunkte ist das Vorhandensein von Schiffwracks, da sich kaum bezweifeln lässt, dass sich ein Schiff voller Waren auf der Fahrt von einem Ort zum anderen befand und wohl Handelsware transportierte. Derartige Aktivitäten auf dem Landweg zu belegen ist schwieriger, denn die Niederlegung von Gegenständen (Horten) können viele Ursachen und wenig oder gar nichts mit Handel zu tun haben. In einigen Fällen ist es aber begründet anzunehmen, dass solche Horte Objekte für den Warenverkehr darstellten.

Die Zahl von bislang entdeckten bronzezeitlichen Schiffswracks ist in den letzten Jahren sehr gestiegen. Die meisten davon wurden im Mittelmeer gefunden, aber einige bedeutende Entdeckungen stammen auch aus dem Ärmelkanal, wenn es sich dabei auch mehr um die Fracht selbst oder sogar bewusst versenkte Güter handelt. Auffällig ist, dass bislang im Norden keine Schiffswracks gefunden worden sind, obwohl die Wasserwege in Skandinavien eine große Bedeutung besitzen und auf Felszeichnungen immer wieder Schiffe dargestellt werden.

Unter all den bronzezeitlichen Wracks ist sicherlich das eindrucksvollste dasjenige von Uluburun vor der türkischen Westküste, das 1982 entdeckt wurde und seit dieser Zeit Anlass für

Если говорить о бронзовом веке, то самой сенсационной, безусловно, стала находка в 1982 году обломков корабля в районе мыса Улубурун у южного побережья Турции. Изучение останков этого корабля продолжается по сей день (последняя публикация: Yalçin et al. 2005). Корабль затонул на некотором расстоянии от побережья Европы, тем не менее о нем стоит упомянуть ввиду обнаруженных на нем предметов: помимо множества слитков меди и олова были найдены многочисленные предметы личного обихода и иные предметы, привезенные издалека или свидетельствующие о связях с удаленными регионами (ил. 1).

Наряду с керамическими изделиями из стран Ближнего Востока и бассейна Эгейского моря, а также предметами из Сирии и Египта необходимо отметить мечи и кинжалы, идентичные оружию из Италии; бусины из балтийского янтаря, а также деревянный скипетр, схожий с находками из Болгарии, Румынии и Молдовы. Кроме того, на корабле были обнаружены слитки металла в форме растянутой воловьей кожи. Такие слитки имели хождение на всей территории Восточного и Центрального Средиземноморья. Недавно аналогичные находки были сделаны в Болгарии. Улубурунский корабль, безусловно, подтверждает наличие торговых связей с Европой и за пределами Эгейского моря.

Кроме того, в Эгейском море, в Средиземном море у южного берега Франции, а также в устье реки Одиэль в провинции Уэльва (Испания) были найдены другие затонувшие

Ил. 1. а – Медные, оловянные и стеклянные слитки из корабля возле Улубурун; б – торговые пути в позднем бронзовом веке и области происхождения найденных при крушениях товаров (по: Yalçin, Pulak, Slotta 2005)

Abb. 1. а – Kupfer-, Zinn- und Glasbarren aus dem Schiff von Uluburun; б – Handelsrouten der Spätbronzezeit und Herkunftsgebiete der im Wrack gefundenen Waren (nach Yalçin, Pulak, Slotta 2005)

зачисленные Untersuchungen und Spekulationen bietet (siehe zuletzt Yalçin u. a. 2005). Auch wenn es nicht direkt in Europa gefunden wurde, verdient es doch wegen seines Inhalts Aufmerksamkeit: Neben zahlreichen Kupfer- und Zinnbarren enthielt es eine Menge persönlicher und anderer Gegenstände, die von weit her kamen oder weiträumige Verbindungen erkennen lassen (Abb. 1).

Neben Keramik aus Werkstätten des Vorderen Orients oder der Ägäis sowie syrischen und ägyptischen Gegenständen enthielt die Ladung Schwerter und Dolche, die ihre besten Parallelen in Italien besitzen, außerdem Bernsteinperlen aus dem Ostseeraum und ein Steinzepter, das Vergleichsstücke in Bulgarien, Rumänien und Moldawien besitzt. So genannte „Ochsenhautbarren“ aus Kupfer, die im östlichen und zentralen Mittelmeerraum weit verbreitet sind, kennt man inzwischen auch in einiger Zahl aus Bulgarien. Das Schiff von Uluburun ist zweifellos ein Beleg für weit reichende Handelsbeziehungen auch mit der Zone nördlich der Ägäis.

грузы. Но, наверное, самыми необычными стали находки грузов в акватории недалеко от южного побережья Англии, рядом с Дувром с одной стороны Ла-Манша и Салкомбом (графство Девон) — с другой. Среди находок в заливе Лэнгдон рядом с Дувром, которые еще не полностью опубликованы, много пальштабов, топоров-кельтов и топоров с «крыльями», меч, фрагменты рапиры и наконечников копий, а также другие предметы. По крайней мере, часть из них относится к континентальному типу. Изучение акватории неподалеку от Салкомба проводилось на протяжении ряда лет, самые последние находки сделаны в 2009 году (<http://www.artfund.org/artwork/11559/salcombe-ward>). Найденный материал нельзя отнести к одному этапу позднего бронзового века — вероятно, в собранные коллекции попали либо предметы с нескольких кораблей, затонувших в разное время, либо металлические изделия, перевозившиеся для переплавки. Помимо вещей из бронзы найдено и несколько предметов из золота. До сих пор не удалось установить, откуда этот драгоценный металл, но, поскольку в недрах графства Корнуолл встречается золото, можно предположить, что оно местное, а не привезено из Ирландии. Самые потрясающие находки — оловянные слитки, поскольку они подтверждают, что олово производилось и перевозилось из Девона в Корнуолл, вероятно, через Ла-Манш во Францию и другие страны. Ранее найденный черешковый меч относится к центральноевропейскому типу.

Можно только догадываться, почему предметы из металла оказались среди груза, потерянного в море неподалеку от южного побережья Англии. Большинство специалистов считает, что речь идет о перевозке металла, а поскольку все находки включают предметы из бронзы, которые, очевидно, были изготовлены на континенте, весьма вероятно, что металл везли в Британию для промышленных целей. Действительно, в работе Нортховера (Northover 1982) отмечается, что большинство предметов из металла, относимых к позднему бронзовому веку, имеет континентальное и, возможно, альпийское происхождение.

Медь

Хотя в Европе медь встречается в изобилии, ее месторождения найдены не везде, при этом технологическая база бронзового века была недостаточно развита для разработки всех месторождений. Обычно медь залегает в сложных твердых горных породах района и не встречается в почвах ледникового происхождения и в степных почвах, из которых состоит большая часть равнин Северной Европы и Великая Венгерская (Альфелди) равнина. В горной местности с соответствующими геологическими условиями, например в большинстве районов Альп, найдено множество небольших месторождений, которые, вероятно, разрабатывались в древние времена, но в настоящий момент полностью истощены или могут разрабатываться как небольшие залежи, что в современной горнодобывающей промышленности с экономической точки зрения не представляется целесообразным. В Британии, например, большинство залежей меди обнаружено на западе и севере страны, а в Ирландии — на юго-западе, где на самом деле коммерческая разработка месторождений продолжалась вплоть до конца XIX века. На большей части низменности Британии, где возникла уэссекская культура, месторождений меди нет; должно быть, весь металл привозили из других мест. В такой же ситуации оказывались и богатые культуры Дании и Северной Германии, Венгерской равнины или многих регионов России и Украины.

Weitere Schiffsgüter sind in der Ägäis, im Meer vor der Südküste Frankreichs und im Mündungsbereich des Rio Odil bei Huelva gefunden worden, aber die erstaunlichsten sind doch diejenigen, die man vor der Südküste Englands, bei Dover an einem Ende des Ärmelkanals, in Salcombe (Devon) und vergleichbaren Plätzen entdeckte. Der Fund von Langdon Bay bei Dover, der bislang noch nicht vollständig publiziert worden ist, enthielt große Mengen von Beilen, Tüllenbeilen und Äxten, Schwertern, Rapiern und Bruchstücken von Speerspitzen sowie weitere Gegenstände, von denen zumindest einige kontinentale Typen repräsentieren. Die Objekte aus dem Meer bei Salcombe kamen als mehrere Fundensembles über viele Jahre zutage, zuletzt 2009 (<http://www.artfund.org/artwork/11559/salcombe-ward>). Sie stammen aus mehr als einer Zeitphase der späten Bronzezeit und gehören entweder zu verschiedenen Wracks oder sind Sammlungen von Altmetall, das eventuell zum Verhandeln oder Wiedereinschmelzen gedacht war. Neben Bronzen gibt es auch Goldgegenstände; bislang ist deren Lagerstätte noch nicht bekannt, aber da in Cornwall Goldvorkommen existieren, könnte es auch lokaler statt irischer Herkunft sein. Besonders bedeutend sind eine Reihe von Zinnbarren, die einen Zinnhandel von Devon und Cornwall über den Kanal nach Frankreich und darüber hinaus belegen. Ein bereits früher gefundenes Griffangelschwert repräsentiert einen zentraleuropäischen Typ.

Купфер

Auch wenn Kupfer an vielen Plätzen in Europa vorhanden ist, gibt es doch Regionen ohne Kupfervorkommen oder nur mit solchen, die mit bronzezeitlicher Technologie nicht erschließbar waren. Die Lagerstätten liegen in der Regel in felsigen Regionen und nicht in Ebenen, die aus glazialen Schottern oder Steppengebieten bestehen wie etwa die Zonen nördlich der Mittelgebirge oder das Karpatenbecken. In Gebirgsregionen mit entsprechenden geologischen Ablagerungen, zum Beispiel in den Alpen, gibt es viele Lagerstätten, die bereits in der Vorzeit genutzt worden sein können, heute aber vollständig ausgebeutet sind oder nur deshalb noch existieren, weil ihr Abbau ökonomisch nicht mehr sinnvoll wäre. In Großbritannien und Irland wird Kupfer im Westen und Norden der Britischen Insel und in Südwestirland gefunden, wo es noch bis ins 19. Jahrhundert ausgebeutet wurde. In vielen Ebenen, besonders in Südengland im Bereich der Wessex-Kultur, gibt es keine Kupferlagerstätten; alles Metall muss von außerhalb dorthin gelangt sein. Das trifft auch auf die an Bronzegegenständen so reichen Kulturen in Dänemark und Norddeutschland, im ungarischen Flachland und in vielen Teilen von Russland und der Ukraine zu.

Einige Lagerstätten besitzen wegen ihrer Größe eine besondere Bedeutung. Zypern war in dieser Hinsicht für den gesamten östlichen Mittelmeerraum sehr wichtig und wahrscheinlich der bedeutendste Rohstofflieferant in dieser Region, der viele, wenn nicht gar alle großen Zentren in der Levante und der Ägäis belieferte. Metallanalysen belegen — wenn auch nicht ganz unumstritten — die Verbreitung von zyprischem Kupfer in Form von Ochsenhautbarren (Abb. 2) bis in den zentralen Mittelmeerraum, speziell bis nach Sardinien (Buchholz 1959; Lo Schiavo 1998; Lo Schiavo u. a. 2009). Sogar in einem Depot in Südwestdeutschland wurden Fragmente solcher Barren gefunden (Primas, Pernicka 1998). Es gibt noch weitere bedeutende Kupfervorkommen im nördlichen Mittelmeerraum, vor allem in Etrurien (Italien), Sardinien und verschiedenen Orten Spaniens. Mit Ausnahme letzterer lässt sich aber nicht sicher feststellen, ob sie wesentlich zum Kupferabbau der Bronzezeit beitrugen. In Zentraleuropa waren vermutlich die Lagerstätten in Transsylvanien,

Однако если говорить об объемах, стоит отметить ряд месторождений. На территории всего Восточного Средиземноморья особенно важную роль играл Кипр. Вероятно, это был крупнейший производитель металла в указанном регионе, поставлявший медь во многие, если не во все, великие города Ближнего Востока и бассейна Эгейского моря. Согласно аналитическим данным (хотя и оспариваемым), кипрская медь в виде слитков в форме растянутой воловьей шкуры (ил. 2) завозилась в Центральное Средиземноморье, особенно в Сардинию (Buchholz 1959; Lo Schiavo 1998; Lo Schiavo et al. 2009). В кладе, обнаруженном на северо-западе Германии (Primas, Pernicka 1998), найдены фрагменты такого слитка. В областях, расположенных к северу от Средиземноморья, особенно в Этрурии (Италия), Сардинии, а также в различных регионах Испании, тоже имеются крупные медные рудники, но возможность поставок меди в больших объемах из указанных источников (за исключением месторождений на территории Испании) в период бронзового века вызывает сомнение. По всей вероятности, в континентальной Европе месторождения в Трансильвании, Словакии, Альпах, горах Гарц и на юге Франции играли важную роль, но на самом деле активнее всего осваивались месторождения в Восточных Альпах, особенно в Австрии. Считается, что крупный медный рудник Stora Kopparberget в городе Фалун в Центральной Швеции, возможно, уже разрабатывался в доисторическое время и снабжал сырьем население богатых культур бронзового века, проживавшее на территории северных стран. Никаких следов его использования в доисторическое время не найдено, а аналитические результаты, как правило, такую возможность исключают.

По-видимому, самым важным источником сырья был горнорудный район Миттерберг рядом с Зальцбургом, хотя разрабатывалось множество других месторождений. В настоящей статье предпринимается попытка разобраться в том, как металл попадал из источника сырья к потребителю. Полагают, что, поскольку рядом с залежами сырья найдены плавильные мастерские, выплавка меди из руды (или обжиг сульфидов меди) производилась на месте, а металл перевозили из горных районов в форме слитков. В Европе бронзового века в большинстве случаев слитки имели «плоско-выпуклую» форму, то есть нижний край закруглялся, а верхняя часть оставалась плоской, так как расплавленный металл выпускали в углубление в виде чаши внизу печи. Для Центральной Европы, однако, и в частности для северной части Альп на территории нынешней Баварии, Австрии и Чешской Республики (аналогичные находки периодически находят и в районах, расположенных к северу), характерны бруски в виде пары из кольца и прута (*Ösenringen, Ringbarren*); по форме они напоминают бруски, при этом часть брусков сворачивали в кольцо, а другой придавали слегка вогнутую форму; и в первом, и во втором случае у бруска есть ушко) (Bath-Bílková 1973; Menke 1982). Хотя, должно быть, первоначально такие предметы предназначались для ношения в виде гривны, в большинстве случаев (исключая находки в могилах) количество и простота внешнего вида находок (ил. 3) опровергают данное предположение, и почти наверняка именно в таких слитках металл доставляли к потребителю или, по крайней мере, к литейщику, работавшему там, где металл использовался.

Казалось бы, анализ металла должен точно указать на источник сырья, из которого был изготовлен слиток, но ученые наткнулись на множество проблем. Результаты обычного спектрографического анализа оказались неоднознач-

Ил. 2. Человек, несущий слиток в виде бычьей шкуры. Фрагмент подставки из Эпископи, Кипр, XII в. до н. э.
Abb 2. Träger mit Ochsenhautbarren. Ausschnitt aus einem Ständer von Episkopi, Zypern, 12. Jahrhundert v. Chr.

der Slowakei, den Alpen, dem Harz und in Südfrankreich bedeutend, aber wir können dies nur für die Ostalpen, besonders Österreich, sicher nachweisen. Es wurde auch immer wieder angenommen, dass die Stora Kopparberget, die großen Kupfervorkommen bei Falun in Mittelschweden, die zu den größten Kupferlieferanten der frühen Neuzeit gehören, bereits in der Bronzezeit erforscht wurden und die nordischen Kulturgruppen, von denen so reiche Bronzeinventare überliefert sind, mit Rohstoff versorgten, aber bislang gibt es dort keinen Nachweis für prähistorischen Bergbau, und die bisherigen Metallanalysen sprechen eher dagegen.

Die Bergbauzone um den Mitterberg bei Salzburg war vielleicht die bedeutendste Lagerstätte, aber viele weitere Vorkommen in dieser Region wurden ebenfalls ausgebeutet. Zur Zeit ist der Weg des Metalls zwischen Herkunftsort und Verbraucher der strittige Punkt. Wegen der vielen Verhüttungsplätze in der Umgebung der Bergwerke, wo das Erz geschmolzen und, in sulfidischer Form, auch geröstet wurde, geht man davon aus, dass das Kupfer bereits dort zu Barren verarbeitet und in dieser Form weiterverhandelt wurde. Die meisten Gusskuchen in Europa sind plankonvex, also unten gerundet und oben flach, wie es sich ergibt, wenn flüssiges Metall in einer Grube vor dem Schmelzofen erhärtet. In Zentraleuropa und besonders nördlich der Alpen, in Bayern, Österreich und Tschechien, gelegentlich auch weiter nördlich, waren spezielle Barrenformen üblich, die so genannten Ösenringe oder Ringbarren, erstere ringförmig,

ными, иногда абсурдными при рассмотрении с археологической точки зрения; новые программы исследований нацелены на решение указанных проблем, хотя пока нет окончательных результатов. В течение последних тридцати лет большие надежды возлагались на результаты изотопного анализа состава свинца в медных рудах (свинец присутствует во многих рудах в качестве примеси, изотопный состав свинца служит критерием геологического возраста породы и, соответственно, указывает на географическое местоположение месторождения). Однако, несмотря на логичность и убедительность многих результатов, правильность представленной интерпретации также вызывает горячие споры. Программа замеров изотопов свинца, включавшая анализ британских руд, не позволила прийти к окончательным выводам (Rohl, Needham 1998).

Ил. 3. Клад слитков в виде колец из Пидинга, Бавария (no: Gebhard, Marzatico, Gleirscher 2011)

Abb. 3. Barrenringdepot aus Piding, Bayern (nach Gebhard, Marzatico, Gleirscher 2011)

Несмотря на перечисленные трудности некоторые исследования оказались успешными благодаря использованию спектрографических методов. Например, в своей работе Дж. П. Нортховер отмечает, что в разные периоды бронзового века в Британии использовался разный металл, и если в первое время разрабатывались местные источники сырья (сначала в Ирландии, потом в Уэльсе и других регионах Британии), то впоследствии металл стали завозить с континента, в частности с альпийских месторождений (металл, относимый Нортховером к группе 'S', — Northover 1982).

Олово

В металлургии олово необходимо для производства бронзы. Сплав меди с оловом (от 8 до 15%) более твердый и долговечный, чем чистая медь. Об этой особенности меди металлургам бронзового века было известно уже в 2000 году до н. э. (хотя к тому моменту медь уже использовалась более 2000 лет). Поэтому для производства бронзы мастерам-литейщикам требовался доступ к олову, причем в больших объемах. Вес предметов из бронзы, найденных в ходе археологических раскопок, составляет несколько тонн, а если учесть, что многие предметы уничтожены (или еще не найдены), то можно сказать, что олово применяли в огромных объемах. Но в Европе месторождения олова малочисленны, и даже там, где оно встречается (например, район Эрцге-

letztere nur leicht gebogen und jeweils mit Ösenenden versehen (Bath-Bílková 1973; Menke 1982).

Уrsprünglich dürften diese Gegenstände als Halsringe verwendet worden sein, aber ihre große Zahl und grobe Ausführung (Abb. 3) macht es, abgesehen von Grabfunden, wahrscheinlich, dass sie eine Möglichkeit darstellten, Metall zu dem Verbraucher oder zumindest zu dem Schmied, der in der jeweiligen Region tätig war, zu transportieren.

Man sollte eigentlich annehmen, dass durch Metallanalysen genau festgestellt werden kann, aus welcher Lagerstätte Barren jeweils stammen, aber da gibt es eine Reihe von Problemen. Die übliche Spurenelementanalyse führt zu mehrdeutigen, teilweise auch aus archäologischer Sicht unsinnigen Ergebnissen; neue Untersuchungsprogramme berücksichtigen diese Probleme, aber eindeutige Rückschlüsse lassen sich bislang kaum ziehen. In den letzten 30 Jahren hat man sich viel Hoffnung bezüglich einer Bleisotopenanalyse von Kupferbarren gemacht, denn Blei kommt als Spurenelement in vielen Barren vor, wobei seine Isotopenzusammensetzung Rückschlüsse auf das geologische Alter und damit die Herkunftsregion zulässt. Aber auch wenn viele Resultate logisch und überzeugend wirken, gibt es dennoch Meinungsverschiedenheiten über den Wert dieser Aussagen. Ein Untersuchungsprogramm von Bleisotopen britischer Erze hat bislang zu keinem Ergebnis geführt (Rohl, Needham 1998).

Trotz dieser Schwierigkeiten zeigen spektrografische Analysen einige Erfolge. P. Northover konnte zum Beispiel zeigen, dass in den unterschiedlichen Perioden der britischen Bronzezeit andersartige Metalltypen Verwendung fanden, die eine Verlagerung von der Nutzung lokaler Lagerstätten (erst Irland, dann Wales und andere Orte in England) zu solchen auf dem Festland, besonders in den Alpen (Northovers Erz vom Typ S) belegen (Northover 1982).

Zinn

Zinn wurde von den Handwerkern benötigt, um zusammen mit Kupfer Bronze herstellen zu können. Kupfer mit einem Zinnanteil von 8 bis 15% ist härter und dauerhafter, was die bronzezeitlichen Metallurgen erst zu Beginn des 2. vorchristlichen Jahrtausends feststellten, obwohl damals Kupfer schon seit über 2000 Jahren bearbeitet worden war. Als Folge benötigten die Bronzeschmiede Zugang zu großen Mengen von Zinn. Wenn man an die vielen Tonnen von Bronzegegenständen denkt, die bislang gefunden wurden, und wenn man berücksichtigt, dass noch viel mehr verloren gegangen oder noch gar nicht gefunden worden ist, muss der Zinnverbrauch erheblich gewesen sein. Aber es gibt in Europa nur wenige Zinnlagerstätten, und selbst dort, wo solche vorhanden sind, könnten sie in der Bronzezeit noch nicht zugänglich gewesen sein — so etwa im Erzgebirge im deutsch-tschechischen Grenzgebiet. Die Hauptvorkommen liegen im Westen, in Südwestengland, der Bretagne, Teilen der Iberischen Halbinsel und Etrurien, weitere kleinere Vorkommen befinden sich in Serbien und Rumänien. Es gibt kaum direkte Belege für einen prähistorischen Abbau an allen diesen Plätzen, aber doch einige Hinweise wie bronzezeitliche Siedlungen oder Artefakte in der Nähe solcher Vorkommen. In einigen Fällen war es wohl möglich, Zinn (zumeist Kassiterit) zu fördern, wenn es direkt unter der Oberfläche anstand oder zusammen mit anderen Mineralien in Lagerstätten vorkam, aber in vielen Fällen war wohl eine Art Auswaschen notwendig, indem man kleine Brocken aufsammlte, die durch Gewässer transportiert und abgelagert worden waren. So verfuhr man in Südwestengland im Mittelalter und vielleicht schon während der römischen oder der prähistorischen Zeit. In Devon und Cornwall kann man

бирге рядом с германско-чешской границей), из-за низкого уровня технологической базы бронзового века их разработка, по-видимому, не представлялась возможной. Основные источники сырья располагались в западных регионах (юго-запад Англии, Бретань, некоторые районы Иберии, Этрурия); по-видимому, небольшие месторождения были найдены в Западной Сербии и Румынии. Однако прямые свидетельства разработки какого-либо из упомянутых месторождений в доисторический период практически отсутствуют; если и есть данные, то только косвенные (памятники бронзового века в районах с источниками олова или предметы, найденные в местах залегания оловоносных россыпей). В некоторых случаях, по-видимому, можно было добывать непосредственно оловянную руду (обычно кассерит), если она залегают неглубоко в месторождениях с другими минералами. Однако полагают, что в большинстве случаев приходилось разрабатывать россыпи, образующиеся по склонам возвышенностей, которые сползают вниз вместе с небольшими глыбами руды. Внизу глыбы можно было подобрать. Этот метод часто использовался в Юго-Западной Англии в период Средневековья, а также, вероятно, в римский и доисторический периоды. Следы разработки россыпей до сих пор можно увидеть во многих районах в Девоне и Корнуолле (Penhallurick 1986).

На упоминавшемся уже улубурунском корабле найдены слитки олова, но происхождение самого металла не известно. Если корабль двигался вдоль восточного побережья Средиземного моря, заходя в левантийские порты, то, вероятно, это олово восточного происхождения, возможно, оно из Афганистана, поскольку в западной части этой страны множество крупных месторождений. На глиняных табличках из грандиозных архивов города Мари, расположенного на Евфрате, и других городов Древнего Востока часто упоминается слово *anāku*. Считается, что именно так называли олово, которое перевозили караваны с места разработки месторождений на восток (Muhly 1973. P. 243ff.).

Маловероятно, что в древности Юго-Западная Англия представляла олово во все регионы Европы, не в последнюю очередь из-за проблем с транспортировкой. Находка недалеко от Салкомба груза, который включал несколько слитков олова, а также другие предметы бронзового века (готовые изделия и слитки меди), подсказывает, что такой пессимизм не вполне обоснован. Находка, безусловно, рассеивает любые сомнения по поводу разработки месторождений олова в Девоне и Корнуолле в бронзовом веке и экспорта олова в континентальную Европу.

Янтарь

Один из самых удивительных материалов бронзового века, анализ которого помогает многое узнать, — это янтарь. Поскольку источников янтаря мало, разработан аналитический метод, позволяющий довольно точно определять источник происхождения янтаря, обнаруженного среди археологических находок. Обычно его относят к одному из балтийских источников. Действительно, больше всего янтаря находят на или вблизи побережья Балтийского моря, особенно на территории нынешней Польши, Калининграда и Литвы, а также рядом с побережьем полуострова Ютландия. Кроме того, балтийский янтарь встречается в природе в некоторых районах Северной Германии, Польши и даже южнее — например, на Украине. Весь найденный янтарь — это окаменевшая смола хвойных деревьев той же геологической эпохи, что и янтарь с побережья Балтийского моря, и аналитический метод не позволяет выявить каких-либо раз-

heute noch Spuren solcher Zinnwaschanlagen finden (Penhallurick 1986).

Im Uluburun-Wrack fanden sich Zinnbarren, doch ist deren Herkunft unklar. Falls das Schiff rund um das östliche Mittelmeer gesegelt war und auch Häfen in der Levante angesteuert hatte, könnte es Zinn aus Asien an Bord gehabt haben, zum Beispiel aus Afghanistan, in dessen westlichem Landesteil es bedeutende Vorkommen gibt. Keilschrifttafeln aus den großen Archiven von Mari am Euphrat und aus anderen mesopotamischen Städten berichten von einem ausgedehnten Handel mit *anāku*, von dem man annimmt, dass damit Zinn gemeint ist. Es soll in Karawanen aus dem Osten transportiert und verhandelt worden sein (Muhly 1973. P. 243ff.).

Es ist unwahrscheinlich, dass Südwestengland in der Vorgeschichte ganz Europa mit Zinn versorgt hat, schon wegen der damit verbundenen Transportprobleme. Aber der Fund einer Schiffsladung bei Salcombe, der neben bronzezeitlichen Fertigprodukten und Kupferbarren auch zahlreiche Zinnbarren enthielt, deutet darauf hin, dass diese Ansicht wohl zu pessimistisch ist. Der Fund beseitigt zumindest die Zweifel, dass die Zinnlagerstätten in Devon und Cornwall in der Bronzezeit ausgebeutet und das Metall ins kontinentale Europa verhandelt worden ist.

Бернstein

Бернstein ist eines der aussagefähigsten und bemerkenswertesten Handelsgüter der Bronzezeit. Da es nur wenige Lagerstätten gibt und generell anerkannt ist, dass eine chemische Herkunftsanalyse möglich ist, kann man nun eindeutig feststellen, woher der Бернstein in archäologischen Funden stammt. Zumeist sind es Vorkommen im Baltikum, und tatsächlich finden sich die meisten Бернsteine an oder in der Nähe der Ostseeküste, besonders in Polen, Königsberg und Litauen, aber auch in Jütland. Außerdem kommt Бернstein in Norddeutschland, Polen und selbst so weit südlich wie die Ukraine vor, und zwar in Zusammenhang mit fossilen Kiefern, die dasselbe geologische Alter wie der Ostseeberнstein besitzen. Бернsteine von diesen beiden Lokalitäten lassen sich analytisch nicht unterscheiden. Obwohl auch andere Vorkommen, vor allem in Rumänien und auf Sizilien ausgebeutet worden sein können, ist es nahe liegend, dass, wie auch in späteren Perioden, schon während der Bronzezeit Europa weitgehend mit Ostseeberнstein versorgt wurde. Es ist die reichhaltigste Quelle, und die Rohlinge können durch Aufsammeln an der Küste oder einfaches Ausgraben gewonnen werden.

Wenn das so ist, und auch der Бернstein, der in bronzezeitlichen Zusammenhängen Griechenlands und Italiens gefunden wurde, aus dem Baltikum stammt, muss er über erstaunlich weite Strecken verhandelt worden sein. Die „Бернsteinstraßen“ sind seit fast 90 Jahren in der Diskussion (de Navarro 1925). Es wird allgemein angenommen, dass sie entlang der großen Flüsse in der nordeuropäischen Tiefebene verliefen, vor allem der Weichsel, der Oder und der Elbe, die alle ins Innere des Kontinents führen. Die am weitesten westlich gelegene Strecke könnte von der Elbe zur Moldau und über diese ins südliche Böhmen geführt haben, von wo es nur ein kleiner Schritt zur Donau bei Linz ist, die dann wiederum in östlicher Richtung durch Österreich und Ungarn und in westlicher nach Süddeutschland und in die Schweiz führt. Die weiter östlich gelegenen Routen mögen über die Oder und die Weichsel und den nördlichen Karpatenbogen ebenfalls in die ungarische Tiefebene geführt haben oder aber auch zu Dnestr, Sereth und Pruth, über die man leicht bis zum Schwarzen Meer gelangt. Alle westlichen Wege hätten bedeutet, irgendwo die Alpen überqueren zu müssen, um nach Italien

личий в находках. Хотя, возможно, янтарь добывался и в других местах (в частности, в Румынии и Сицилии), видимому, во времена бронзового века и в последующие периоды в большинстве регионов Европы действительно завозился именно балтийский янтарь. На побережье Балтийского моря янтарь встречается в больших количествах, его можно здесь подобрать на берегу или выкопать.

Если янтарь, найденный в Италии и Греции в памятниках бронзового века, имеет балтийское происхождение, то тем самым подтверждается поразительный факт его транспортировки на большие расстояния. Уже девяносто лет не стихают споры о «янтарных путях» (Navarro 1925). В целом считается, что маршруты торговли янтарем проходили по великим рекам северной части Европы, в частности по Висле, Одере и Эльбе. Возможно, еще один маршрут пролегал западнее: сначала нужно было плыть по Эльбе, потом от северной части Праги либо двигаться на юг по Влтаве к Южной Богемии до дунайского города Линца, либо на восток в Австрию и Венгрию, либо на запад в Германию и Швейцарию. Маршруты, расположенные восточнее, пересекали Польшу по Одере и Висле, далее предстояло преодолеть северное Карпатское кольцо и выйти на Венгерскую равнину или же двигаться в юго-восточном направлении к Днестру, Сирету и Пруту, а оттуда рукой подать до Черного моря. В любом случае, двигаясь в западном направлении, чтобы добраться до Италии или северной части Адриатики, необходимо было осуществить переход через Альпы, дальше можно плыть морем.

Был и другой путь — по морю от Балтики вокруг полуострова Ютландия вдоль побережья Северного моря, далее через Ла-Манш вдоль побережья Франции, Испании и Португалии, потом через Гибралтарский пролив в Средиземное море. Возможно, такое длительное путешествие было технически не под силу народам бронзового века, но, как мы увидим, находки ряда предметов, судя по всему, перевезенных из одного места в другое, указывают на связи между крайним северо-западом и юго-востоком.

Янтарные бусины обычно имеют шарообразную или кольцеобразную форму, хотя встречаются и бусины особой формы. Самые интересные изготовлены в виде разделительной пластины размером 4 × 3 см и имеют несколько отверстий в одной плоскости для поддержания определенного порядка нитей в ожерелье, собранном в форме полумесяца и состоящем из нескольких нитей (ил. 4). Ожерелья в форме полумесяца также встречаются в Британии и Ирландии, но они сделаны из другого материала, в частности из золота (лунулы) и гагата. Очевидно, найденные в этих странах янтарные ожерелья аналогичной формы — английский (в основном южноанглийский) вариант престижного украшения, широко распространенного на островах.

Примечательно, что разделительные пластины выявлены в целом ряде регионов Европы: в некоторых районах Южной Германии и на смежных с ней территориях, в южной Франции и, что удивительно, в некоторых районах Греции. Но по типу отверстия они различаются: чаще всего встречаются сквозные и V-образные отверстия в бусинах, найденных на территории Британии, Южной Германии и Греции, а во Франции подобные находки до недавнего времени не известны. Поскольку V-образные отверстия известны на северных территориях со времен неолита и особенно характерны для культуры воронковидных кубков, вывод напрашивается сам собой: бусины, найденные в Греции, были изготовлены в центральной или северо-западной части

oder das Caput Adriae zu gelangen, von dort aus wäre aber ein Seetransport möglich und vielleicht sogar günstiger gewesen.

Альтернатива является также естественная морская торговля от Ostsee um Jütland, durch die Nordsee und den Ärmelkanal entlang der Küsten von Frankreich, Spanien und Portugal durch die Meerenge von Gibraltar bis in das Mittelmeer denkbar. Die Bewältigung eines solchen Weges könnte eventuell für bronzezeitliche Schiffe technisch noch nicht möglich gewesen sein und kann auch nicht sicher nachgewiesen werden, aber wie zu zeigen sein wird, gibt es Handelsrouten, die den Nordwesten mit dem Süden und Südosten verbinden.

Бернштейн wurde zu Perlen verarbeitet, die meistens kugelförmig oder ringförmig waren, daneben gibt es aber noch Sonderformen, vor allem eine scheibenförmige von ungefähr 4x3 cm mit diversen quer verlaufenden Durchbohrungen in verschiedenen

Ил. 4. Янтарное ожерелье из шахтовой могилы О, погребальный круг Б в Микенах (по: Demakopoulou 1988)

Abb. 4. Bernsteinkette aus Schachtgrab O, Gräberbund B in Mykene (nach Demakopoulou 1988)

Dekors. Diese Kanäle dienten dazu, die einzelnen Fäden von halbmondförmigen Ketten auseinander zu halten. Diese Halbmondform kommt in Großbritannien und Irland auch bei anderem Schmuck, vor allem bei Gold (Lunulae) und Gagat vor. Halbmondförmige Bernsteinketten sind offenbar eine englische, vor allem südenge Version eines Prestigeschmucks, der charakteristisch für die britische Inselwelt war.

Sehr interessant ist nun die Tatsache, dass solche Bernstein-schieber in vielen Orten Europas vorkommen, in Teilen von Süddeutschland und angrenzenden Regionen, in Südfrankreich und — besonders bemerkenswert, auch in Griechenland (Abb. 4).

Aber die Art der Durchbohrungen ist unterschiedlich. Die so genannte Grundform mit Längs- und V-förmigen Bohrungen findet sich in England, Deutschland und Griechenland, nicht aber, so wurde bislang angenommen, in Frankreich. Da die V-förmige Durchbohrung eine nördliche Angewohnheit darstellt und seit dem Neolithikum, speziell seit den Becherkulturen, vorkommt, ist es nahe liegend, dass solche in Griechenland gefundenen Bernsteinschieber in Zentral- oder Nordwesteuropa angefertigt worden sind und über eine der erwähnten Routen ins östliche Mittelmeer gelangten.

Бернштейнartefakte stammen jedenfalls von vielen griechischen Fundplätzen der späten Bronzezeit, besonders der frühmykenischen Periode (ca. 1600–1400 v. Chr.). In den Schacht-

Европы, а потом привезены в Грецию по одному из перечисленных маршрутов.

Как бы то ни было, янтарь найден во многих памятниках Греции, относимых к позднему бронзовому веку, особенно к раннемикенскому периоду (1600–1400 годы до н. э.). В некоторых шахтовых гробницах Микен этого материала на удивление много, иногда несколько сотен бусин (Harding, Hughes-Brock 1974). Большая часть изученного янтаря имеет балтийское происхождение, он был привезен в Грецию с дальних северных берегов. Остается только догадываться, зачем туда везли янтарь. Были ли поставки янтаря частью более масштабного процесса обмена? Кто занимался обменом? Как уже отмечалось, на улубурунском корабле, совершавшем путешествие вдоль восточного побережья Средиземного моря, найдены бусины из янтаря (не известно, принадлежали ли они какому-нибудь члену команды корабля, или же это был торговый груз). Янтарь весит мало, а размер бус небольшой. Считается, что весь янтарь, найденный в Греции бронзового века, можно было бы уместить в одном рюкзаке, и хотя это маловероятно, вряд ли его привозили в Грецию часто. Тем не менее очевидно, что янтарь, в отличие от многих других товаров, перевозили на большие расстояния. В связи с этим возникает множество интересных вопросов о механизмах — социальных, экономических, технологических, которые были задействованы для его перевозки.

Еще одна удивительная находка — бусины из курганов могильника Гордеевка на Украине. Янтарные бусины, найденные в погребениях данного могильника, имеют особую форму. Такие бусины встречаются в основном в Центральном Средиземноморье, но они получили широкое хождение на всей территории от Эгейского моря до Сардинии (Berezanskaja, Kločko 1998). Предположительно, это бусины так называемого тиринфского или альлюмьерского типа, которые производились где-нибудь на побережье Адриатики (возможно, во Фраттесине на Паданской равнине, удивительном памятнике «промышленности»). Как такие бусины оказались в далеком украинском могильнике, остается загадкой.

Золото

В бронзовом веке основные источники золота в Европе располагались в балкано-дунайском регионе, в частности в Трансильвании, Иберии и восточной Ирландии. Золото встречается и в других районах, хотя и в меньшем, но, возможно, достаточном количестве для удовлетворения местного спроса. Поэтому, предположительно, в начале бронзового века в южные районы Британии золото поставлялось из Корнуолла и Уэльса. Действительно, сейчас мы знаем, что знаменитый небесный диск из Небры украшен деталями, изготовленными, судя по всему, из корнуолльского золота, которое, скорее всего, добывали из россыпных месторождений, а не на золотых рудниках. Поскольку в Скандинавии и Северной Германии, где нет источников золота, найдено множество золотых изделий, местное их производство должно быть, достигло высокого уровня развития и покупка необработанного золота шла полным ходом. То же самое можно сказать и о поставках золота из Трансильвании в Венгрию.

Готовые изделия

В бронзовом веке перевозилось не только сырье, но и готовые изделия. Поскольку предметы изготавливались в конкретном месте, то есть в определенном культурном и хронологическом контексте, интересно и важно определить их

gräbern von Mykene fanden sich erstaunlich große Mengen aus diesem Material, in einigen Fällen Hunderte von Perlen (Harding, Hughes-Brock 1974). Die meisten von denen, die analysiert werden konnten, stammen aus dem Baltikum und müssen über große Entfernungen bis nach Griechenland transportiert worden sein. Über die Art dieses Transports können wir nur spekulieren. War er Teil einer größeren Operation? Wer führte ihn durch?

Wie schon erwähnt, fanden sich Bernsteinperlen auch in dem Wrack des Schiffes von Uluburun, das sich durch das östliche Mittelmeer bewegte, obwohl unklar ist, ob sie persönlicher Besitz eines Mitreisenden oder Handelsware darstellen. Bernstein ist sehr leicht, und Perlen nehmen wenig Raum ein. Es wurde bereits darauf hingewiesen, dass der gesamte bronzezeitliche Bernstein aus Griechenland in einen Rucksack passen würde, und auch wenn ein solcher Sammeltransport höchst unwahrscheinlich ist, kann man nicht von vielen wiederholten Reisen ausgehen, um das Vorhandensein von Bernstein dort zu erklären. Dennoch ist Bernstein eine der wenigen Waren, deren Transport über weite Entfernungen ohne Zweifel gesichert ist. Dies gibt Raum für viele interessante Fragestellungen über den Ablauf solcher Transaktionen in sozialer, ökonomischer und technischer Hinsicht.

Ein weiteres bemerkenswertes Auftreten eines ganz bestimmten Typs von Bernsteinperle betrifft die Kurgane von Hordeevka am südlichen Bug. Einige der dortigen Bestattungen enthielten Perlen, wie sie sonst vor allem aus der zentralen Mittelmeerregion zwischen Ägäis und Sardinien bekannt sind (Berezanskaja, Kločko 1998). Sehr wahrscheinlich sind diese Perlen in Form der so genannten Tiryns- oder Allumieretypen irgendwo im Adriaum, eventuell in dem außerordentlichen Werkstattzentrum bei Frattesine in der Poebene hergestellt worden. Wie sie in die entfernte Ukraine gelangten, bleibt ein Rätsel.

Gold

Die Hauptvorkommen von Gold, die in der Bronzezeit gefördert wurden, befinden sich im Balkan-Donauraum, besonders in Transsylvanien, aber auch auf der Iberischen Halbinsel und in Irland. Kleinere Vorkommen gibt es vielerorts und sie könnten lokale Bedürfnisse befriedigt haben. Gold aus Cornwall und Wales hat wohl während der Frühbronzezeit Südengland versorgt. Zwischen wissen wir, dass aber auch das Gold auf der berühmten Himmelsscheibe von Nebra wohl aus Cornwall stammt. Gold wurde aus Flüssen ausgewaschen oder in alluvialen Lagerstätten gefunden, aber wohl nicht bergmännisch gewonnen. Weil es in Skandinavien und Norddeutschland eine große Zahl von Goldartefakten gibt, dort aber keine Vorkommen vorhanden sind, dürfte die Goldproduktion erheblich und der Handel mit Rohgold umfänglich gewesen sein. Gleiches gilt für die Vorkommen in Transsylvanien und Ungarn.

Fertigprodukte

Es wurden während der Bronzezeit nicht nur Rohstoffe, sondern auch Fertigprodukte verhandelt. Da solche Produkte aus Werkstätten, also einem bestimmten kulturellen und technischen Kontext stammen, ist ihre Herkunftsbestimmung ebenso interessant und wichtig wie die Frage, warum sie gerade an den Ort gelangten, wo man sie später fand.

Es ist klar, dass es verschiedene Arten von Austausch gegeben haben muss, die jeweils bestimmte Objektgruppen betreffen. So gibt es einen deutlichen Unterschied zwischen der Verbreitung persönlicher Dinge wie Schmuck oder Trachtzubehör, Waffen (Schwerter, Dolche) und Geräten (Beile, Äxte und Sicheln). Erstere sind von Albrecht Jockenhövel in Zusammen-

родину, а также понять, как и почему они оказались в другом месте.

Перемещение предметов осуществлялось в результате разных видов обменных операций, при этом в обмен вовлекались изделия разных типов. Одно дело, когда перевозились предметы личного обихода, например украшения или детали одежды, оружие (мечи, кинжалы), и совсем другое, когда «в путь отправлялись» орудия труда (топоры, серпы). Предметы первой группы изучались рядом ученых, в частности А. Йокенхевелем. Находки украшений конкретного вида за пределами «родной» территории помогают определить, куда уезжали вышедшие замуж женщины (Jockenhövel 1991). Таких примеров множество. Даже при беглом взгляде на карты распределения рассматриваемых предметов, представленных в картографической серии «Prähistorische Bronzefunde», можно заметить, что многие из них «переезжали» на новое место, возможно, вместе со своим владельцем.

Путешественники, вероятно, брали с собой в дорогу принадлежавшее им оружие. Находки мечей микенского типа в Албании, Македонии и Болгарии, по всей вероятности, объясняются тем, что воины переходили через «микенскую границу» и двигались в северном направлении. А может быть, престижное оружие попадало в систему обмена, перевозилось из одного места в другое и приобреталось как-либо воином за пределами микенского мира. Встречаются мечи и других типов, которые имели широкое хождение: меч альпийского типа, обнаруженный среди других предметов клада из долины реки Сава, или меч клада из Римавакка Собота в Словакии. Мечи особого, континентального типа обнаружены в Англии, в частности в Линкольншире, они имеют антенновидное навершие. Также стоит упо-

Илл. 5. Наскальный рисунок из Танум, Боуслен, Швеция – воины, размахивающие топорами (по: Capelle 1999)

Abb. 5. Felsbild aus Tanum, Bohuslän, Schweden, mit Äxte schwingenden Kriegern (nach Capelle 1999)

hang mit auswärtigen Eheschließungen gebracht worden, und ihr Vorhandensein außerhalb ihres eigentlichen Verbreitungsgebietes könnte dafür sprechen, dass eine Frau außerhalb ihres Herkunftsgebiets verheiratet worden ist (Jockenhövel 1991). Es gibt viele solche Hinweise; die Verbreitungskarten in den Bänden der Reihe Prähistorische Bronzefunde machen den Leser selbst bei flüchtiger Durchsicht auf solche Stücke aufmerksam, die sehr wahrscheinlich zusammen mit ihrer Besitzerin oder Trägerin in die Fremde gelangten.

Auch Waffen können durch ihren Besitzer verbreitet worden sein. Die Funde mykenischer Schwerter in Albanien, Makedonien und Bulgarien können beispielsweise mit der Reise einzelner Krieger über die Grenze des mykenischen Einflussbereiches hinaus erklärt werden, aber ebenso als Tausch einer Prestigewaffe, die dann zur Ausstattung eines fremden Kriegers gehörte. Auch andere Schwerttypen fanden eine sehr weite Verbreitung. So befindet sich ein Schwert alpiner Herkunft in einem Depot aus dem Savetal, ein weiteres wurde in dem Hort von Rimavská Sobota in der Slowakei gefunden. In England gibt es Schwerter kontinentaler Provenienz, beispielsweise Antennenschwerter in Lincolnshire. Während der Frühbronzezeit kommen zudem westeuropäische Dolche in Gräbern von Singen am Bodensee vor (Krause 1988. S. 56ff.).

Selbst Geräte wurden gelegentlich weit transportiert, wie zum Beispiel eine Sichel transsylvanischen Typs im Hort von Blatnica in der Slowakei zeigt. In England fanden sich zentral-

мянуть находки западноевропейских кинжалов раннего бронзового века в погребениях города Зинген рядом с озером Констанц (Krause 1988. S. 56ff.).

На новое место переезжали и орудия труда, например серп трансильванского типа из словацкого клада (Блатника). Топоры континентального типа найдены в Англии — в Хорридж-Коммон (в Дартмуре), а также в заливе Лэнгдон и в Салкомбе среди затонувшего груза. И наоборот, в раннем бронзовом веке на континент везли ирландские плоские топоры. Топоры — это тоже орудия, но они, помимо чисто утилитарной функции, выполняли еще одну важную роль. Носители многих культур Старого света считали их знаковыми предметами, вероятно поэтому их можно увидеть на петроглифах и иных изображениях в самых разных культурных контекстах. Вот почему, отправляясь на поле брани, воины брали с собой топоры (илл. 5).

Наверное, гончарные изделия «путешествовали» не так часто, как предметы бронзолитейного производства. Они были хрупкими, их можно было легко изготовить на месте. Однако есть и удивительные исключения. Например, появление микенской посуды, начиная с раннемикенского периода, в Центральном Средиземноморье. В основном такая посуда найдена в Южной Италии и Сицилии, а также севернее — в Сардинии. Отдельные предметы обнаружены еще дальше, например в Испании. Возможно, находки отражают местные контакты, а не прямую торговлю с Восточным Средиземноморьем. В Италии, однако, импорт эгейской посуды прямо связан с торговой сетью, функционировавшей в Восточном Средиземноморье. Подтверждением этого служит улубурунский корабль, а также многочисленные письменные свидетельства. Нельзя с уверенностью сказать, что в бронзовом веке Италия стала Magna Graecia, то есть походила на земли греческих поселений. Было ли это так на самом деле, не столь важно. Ясно одно: корабли из Эгейского моря достигали побережья Центрального Средиземноморья. В качестве тары для перевозки некоторых видов товаров можно было использовать гончарные изделия. Например, в сосудах закрытой формы (стремевидных сосудах) перевозили масло или благовония. Иногда ценность представляли сами гончарные изделия, поскольку они предназначались для использования в качестве престижной столовой посуды для элиты. Сосуды из Сардинии и Мальты найдены на Сицилии, хотя и в небольшом количестве. Иногда глиняные горшки импортного производства находят на территории континентальной Европы, обычно в погребениях.

Еще одна тема — престижные товары. Начиная с раннего периода бронзового века изделия из бронзы специального назначения перевозились на большие расстояния. Оружие из Карпатского бассейна оказало существенное влияние на скандинавское вооружение раннего периода, а некоторые предметы (например, мечи) привозились из других мест. Товары особого спроса продолжали проникать в Скандинавию и в более поздние периоды. Это подтверждается находкой культового «солнечного барабана» в Балкакре (Balkåkra) в Швеции, идентичный парный барабан обнаружен в Венгрии, где и были изготовлены оба предмета (Кнапе, Нордстрöm 1994). История барабана бронзового века напоминает историю знаменитого котла из Гундеструпа, который был изготовлен в мастерской в восточной части Балкан намного позже, а точнее — в железном веке, и впоследствии перевезен на Север.

Предметы, датируемые средним и поздним периодами бронзового века, очевидно эгейского происхождения, на-

europäische Tüllenbeile, etwa in Horridge Common in Dartmoor oder in Schiffsladungen in der Langdon Bay und vor Salcombe. In der Gegenrichtung gelangten irische Flachbeile während der Frühbronzezeit bis auf den Kontinent. Äxte und Beile sind in der Regel Werkzeuge, aber sie besitzen ganz offensichtlich neben der funktionalen noch eine weitere Bedeutung, denn in vielen Kulturen der Alten Welt hatten sie einen symbolischen Wert, was auch der Grund sein dürfte, dass sie auf Felsritzungen oder Darstellungen in verschiedenen Zusammenhängen auftreten (Abb. 5) und warum man sie bei Schlachten mitführte, auch wenn sie keine effektiven Waffen darstellten.

Keramikgefäße wurden vermutlich seltener als Bronzegegenstände transportiert, da sie zerbrechlicher und zudem überall leicht herzustellen waren. Es gibt jedoch bemerkenswerte Ausnahmen. Am deutlichsten ist dies bei der mykenischen Keramik, die seit der frühmykenischen Zeit im Mittelmeerraum, vor allem in Süditalien und Sizilien verbreitet war. Sie kommt weiterhin in Norditalien und auf Sardinien vor. Weitere vereinzelte Funde, zum Beispiel aus Spanien, sind vermutlich auf regionale Distributionssysteme und weniger auf Handelsbeziehungen mit dem östlichen Mittelmeerraum zurückzuführen. In Italien ist dagegen der Import ägäischer Keramik direkt mit dem Handelsverkehr in der Ostmediterraneis verknüpft, wie sowohl der Befund von Uluburun, als auch genügend schriftliche Quellen belegen. Es ist nicht eindeutig, ob Italien schon während der Bronzezeit in ein System ähnlich der späteren Magna Graecia eingebunden war, ob es also dort eine gezielte griechische Ansiedlung gab, aber in jedem Fall segelten Schiffe aus der Ägäis regelmäßig dorthin. Gefäße wurden zum Teil als reine Behälter vertrieben, besonders solche, bei denen es sich um geschlossene Formen handelte, etwa Bügelkannen, die Öl oder Parfums enthalten haben mögen. Sie stellten aber auch Prunkgeschirre da, von denen die Elite zu speisen pflegte. Gefäße aus Sardinien und Malta fanden sich, wenn auch in geringer Menge, auf Sizilien. Vereinzelt sind auch Gefäße sehr weit von ihrem Herstellungsort entfernt, etwa in zentraleuropäischen Gräbern, nachgewiesen.

Dann gibt es auch noch so genannte Statusgüter. Seit der frühen Bronzezeit wurden ganz bestimmte Bronzegegenstände über weite Entfernungen transportiert. Beispielsweise sind die Waffen der Periode I in Skandinavien intensiv von Produkten aus dem Karpatenbecken beeinflusst worden. Einige Schwerter stellen sogar offensichtlich Importe dar. Die Verbringung bestimmter Güter nach Skandinavien setzte sich auch in späteren Epochen fort, wie etwa die Kulttrommel von Balkåkra in Schweden zeigt, deren beste Vergleichsstücke aus Ungarn stammen, wo solche Stücke auch hergestellt wurden (Кнапе, Нордстрöm 1994). Sie wirken wie Vorläufer des berühmten Gundestrupkesels, der während der Keltzeit in einer ostbalkanischen Werkstatt angefertigt und dann nach Norden transportiert worden war.

Verstreut in ganz Europa finden sich vor allem in der Mittel- und Spätbronzezeit Produkte aus der Ägäis. Über diese wurde viel diskutiert, zumeist ohne definitive Schlussfolgerungen, da alle diese Stücke nicht in eindeutigen Zusammenhängen gefunden wurden oder nicht eindeutig als Importe zu deuten sind. Zum Beispiel werden bestimmte Rapiere aus Rumänien und Bulgarien als mykenisch bezeichnet, obwohl es sich bei ihnen eindeutig nicht um griechische Arbeiten, sondern um lokale Imitationen handelt. Andere Stücke überzeugen eher, sind aber kaum einzuordnen. So fand sich eine Reihe von Speerspitzen oder Dolchen zypriotischer Form in Mitteleuropa, Frankreich und England, mykenische Doppeläxte traten dort ebenfalls gelegentlich auf und außerdem Gegenstände,

ходят по всей Европе. По их поводу велись споры, но безуспешно, поскольку во всех случаях речь идет о случайных находках, контекст которых не известен, или же о предметах, которые нельзя безоговорочно отнести к импорту. Например, рапиры из Румынии и Болгарии, отнесенные к одной группе, зачастую называют «микенскими», хотя очевидно, что изготовлены они не в Греции и, скорее всего, представляют собой местные копии с оригинала. Другие находки более убедительны, хотя и не совсем понятны: в Центральной Европе, во Франции и Британии появляются наконечники копий или кинжалы кипрского типа; время от времени находят двойные топоры микенского типа, а также отдельные предметы явно эгейского происхождения — в частности, бронзовую чашу из Донзена, округ Келле, Северная Германия (Sprockhoff 1961). Двойные топоры греческого типа обнаружены в разных районах за пределами Европы, включая Украину (Tallgren 1926). Такие предметы, если они действительно импортировались в древности, попадали в систему обмена между территориями, отделенными друг от друга большими пространствами, отражая символическую ценность и подчеркивая высокий статус владельца. Предметы из янтаря, о которых говорилось выше, безусловно, выполняли аналогичную функцию.

Связи в бронзовом веке

Что означают приведенные выше данные о контактах и обмене? Если допустить, что в Европе бронзового века между разными регионами существовали тесные связи, можно ли считать, что торговцы вместе с различными товарами регулярно пересекали весь континент, преодолевая большие расстояния? А может быть, простые путешественники брали с собой какие-нибудь предметы, чтобы потом показывать их своим хозяевам, приводя их в изумление, и возвращались домой с рассказами о дальних странах, как это описано в литературе? При рассмотрении разных точек зрения неизбежно наталкиваешься на более важные вопросы — например, о существовании «мировой системы» применительно к бронзовому веку, в которой удаленные друг от друга районы были связаны торгово-обменной сетью, что имело особое значение для экономики производителя и потребителя.

В бронзовом веке помимо товаров и материалов, как было отмечено выше, перемещались и люди. Например, согласно изотопным данным, представитель культуры воронковидных кубков, найденный в могиле с роскошным погребальным инвентарем недалеко от Стоунхенджа и прозванный Лучником из Эймсбери, вырос в среде с иной геологией, предположительно, где-то в Центральной Европе; подросток, найденный в этом же районе в 2010 году, родился и вырос в Средиземноморье, а большинство людей культуры воронковидных кубков, погребения которых найдены в Южной Германии, родом из другого региона. Новые важные результаты исследований заставляют под иным углом взглянуть на проблему мобильности в бронзовом веке (по мнению некоторых ученых, результаты исследований подтверждают уже давно высказанные гипотезы) и вновь поднять вопрос о связях между разными регионами мира в бронзовом веке. С точки зрения технологической базы, в этом нет ничего странного или невероятного. Выше отмечалось, что механизмы перемещения людей и транспортировки товаров не только существовали, но и регулярно использовались. Таким образом, если посчитать, сколько раз изображение лодок встречается в скандинавской наскальной живописи, то, следуя простой логике, можно при-

йти к выводу о том, что лодки были распространенным видом транспорта. По суше даже без колесного транспорта человек и животные могли покрывать большие расстояния. Многие из описанных в статье предметов — небольшого размера и почти ничего не весят. Исключение составляют слитки, их было бы трудно транспортировать без повозок или вьючных животных. Конечно же, слитки перевозили в повозках.

Можно по-разному рассматривать вопрос о связях и взаимодействии в бронзовом веке, используя модели, в основе которых лежит принцип перемещений «центр—периферия», в противовес моделям, согласно которым Европа состояла из изолированных друг от друга регионов. Тем не менее очевидно, что идея развития взаимосвязей, характерная для этого периода, проникла почти во все регионы континента. Можно спорить о происхождении того или иного предмета, в частности, о его значимости, но, вне всякого сомнения, на протяжении всего бронзового века шел активный обмен товарами и сырьем, иногда между регионами, расположенными друг от друга на большом расстоянии.

Перевод с английского Н. И. Шишлиной

Верbindungen in der Bronzezeit

Was bedeuten diese Belege für Austausch und Kontakte? Gab es, wenn wir davon ausgehen, dass im bronzezeitlichen Europa intensive Verbindungen existierten, regelmäßige Reisen von Händlern mit verschiedenen Waren über weite Entfernungen? Oder war es eher so, dass Einzelpersonen von entfernten Orten berichteten und Gegenstände mitbrachten, um ihre Gastgeber zu beeindrucken, wie wir es aus schriftlichen Überlieferungen kennen? Wenn wir darüber nachdenken, kommen wir unvermeidlich zu tiefer gehenden Fragestellungen, zum Beispiel, ob es in der Bronzezeit ein „Welthandelssystem“ gab, in dem weit voneinander entfernt liegende Orte durch ein Netzwerk von Tauschverkehr miteinander verbunden waren, das jeweils besondere Bedeutung für die Wirtschaft der Anbieter und Empfänger besaß.

Während der Bronzezeit reisten Menschen ebenso wie die Güter und Produkte, die ich oben erwähnt habe. Isotopenanalysen haben beispielsweise gezeigt, dass der reich ausgestattete Glockenbechermann, bekannt als Bogenschütze von Amesbury, der in der Nähe von Stonehenge bestattet wurde, in einer Gegend mit völlig unterschiedlichen geologischen Bedingungen aufwuchs, vermutlich irgendwo in Mitteleuropa. Ebenso muss ein Jugendlicher, der 2010 am gleichen Ort gefunden wurde, am Mittelmeer geboren und aufgewachsen sein, und auch eine signifikante Zahl von Trägern der Glockenbecherkultur aus Süddeutschland muss ursprünglich aus einer anderen Region gestammt haben. Diese wichtigen neuen Ergebnisse werfen ein ganz anderes Licht auf die Frage nach Mobilität in der Bronzezeit, obwohl einige Forscher meinen, sie hätten nur seit langem existierende Ansichten bestätigt. In jedem Fall haben sie aber die Diskussion um Verbindungen zwischen einzelnen Teilen der bronzezeitlichen Welt neu entfacht.

Aus technologischer Sicht betrachtet, sind solche Verbindungen weder ungewöhnlich noch unwahrscheinlich. Wie bereits erwähnt, waren die Möglichkeiten, dass Menschen oder Güter weite Strecken überwinden konnten, nicht nur vorhanden, sondern solche Reisen fanden auch regelmäßig statt. Die Zahl von Bootsdarstellungen in der skandinavischen Felsbildkunst, aber auch die selbstverständliche Nutzung des Wasserwegs, um lange Strecken zu überwinden, sprechen dafür, dass solche Transporte üblich waren. Auf dem Landweg konnten und haben sicher auch ohne Wagen Menschen und Tiere große Entfernungen zurückgelegt, denn die meisten der hier erwähnten Güter sind weder sperrig noch schwer. Eine Ausnahme bilden Metallbarren, die nur sehr mühsam ohne die Hilfe von Fahrzeugen oder Packtieren bewegt werden können, aber beide Transporthilfsmittel waren damals eindeutig vorhanden.

Man kann sich den Fragen zu Beziehungen und Verbindungen in der bronzezeitlichen Welt auf viele Arten nähern, durch Zentrum-Peripherie-Modelle und durch solche, die Europa als eine Zusammensetzung aus unabhängigen Einheiten begrei-

fen. Unbestritten ist jedoch, dass nur wenige Teile des Kontinents sich gegen die alle Bereiche umfassenden Verbindungen in dieser Zeit abschotten konnten. Man mag über die Herkunft und besonders die Bedeutung des einen oder anderen Fundes diskutieren, aber es ist eine Tatsache, dass Rohstoffe und Fertigprodukte während der gesamten europäischen Bronzezeit intensiv und teilweise über große Entfernungen ausgetauscht wurden.

fen. Unbestritten ist jedoch, dass nur wenige Teile des Kontinents sich gegen die alle Bereiche umfassenden Verbindungen in dieser Zeit abschotten konnten. Man mag über die Herkunft und besonders die Bedeutung des einen oder anderen Fundes diskutieren, aber es ist eine Tatsache, dass Rohstoffe und Fertigprodukte während der gesamten europäischen Bronzezeit intensiv und teilweise über große Entfernungen ausgetauscht wurden.

Райнхард Юнг

Микенская Греция и ее контакты с другими европейскими регионами

Reinhard Jung

Das mykenische Griechenland und seine Kontakte zu anderen europäischen Regionen

В эпоху бронзы жители большей части европейского континента еще не использовали письменность для того, чтобы планировать, осуществлять и сохранять в общей памяти политические и экономические действия. В изучении II тыс. до н. э. можно опираться только на современные этому периоду тексты, содержащие информацию о политической и экономической жизни и найденные в единственном европейском регионе — в микенской Греции, культура которой названа по месту самых значительных археологических находок в восточной части Пелопоннеса. Однако уникальной культуру микенской Греции делают не только глиняные таблички, предложения и отдельные слова, записанные на глиняных табличках, глиняных пломбах, а иногда и на самих сосудах. Люди этой культуры, в отличие от своих современников в Центральной, Восточной и Северной Европе, изготавливали, кроме керамики, бронзовых инструментов и украшений, утвари и оружия из бронзы, вещей из кости, еще и некие ремесленные изделия из самых разных материалов, которые в соответствии с сегодняшними представлениями можно признать искусством. На стенной штукатурке, камне, керамике, металле, кости, полудрагоценных камнях и стекле они создавали иногда абстрактные, а иногда фигуративные, очень детальные изображения, представляющие собой богатейший источник знаний о микенской жизни и идеологии в Греции II тыс. до н. э. Эти двухмерные изображения и трехмерные скульптуры, размеры которых варьируются от формата почтовой марки (на печатях) до размера больше натуральной величины (на рельефах и фресках), совсем или почти не имеют аналогов севернее или западнее Балканского полуострова, именуемого сегодня Грецией.

Хотя эти особенности и отличали микенскую Грецию даже от ее непосредственных соседей на Балканах и по ту сторону Адриатики, для Европы эпохи бронзы, от Балтийского до Средиземного моря, были характерны активные межрегиональные контакты, целью которых, среди прочего, было получение редкого сырья. В общем и целом в микенской истории можно выделить три важных эволюционных этапа, каждый из которых отличается своими особыми отношениями с другими европейскими регионами, граничащими с Грецией на севере и западе.

1. Примерно с XVII до XV века до н. э. длилась фаза формирования микенского общества. В этот период появилось множество небольших зон, где образовались иерархические социальные структуры. Власть имущие в этих обществах континентальной Греции ориентировались в вопросах идеологии на минойский Крит, где в это время так называемый новодворцовый период маркировал апогей

Дие Bronzezeit war auf dem größten Teil des europäischen Kontinents eine Epoche, in der seine Bewohner noch keine Schrift verwendeten, um politische und wirtschaftliche Handlungen zu planen, durchzuführen und dauerhaft zu memorieren. Wenn man sich heute mit dem zweiten vorchristlichen Jahrtausend beschäftigt, kann man nur in einer einzigen europäischen Region zeitgenössische Texte finden, die über Politik und Wirtschaft Auskunft geben: im mykenischen Griechenland, dessen Kultur nach seinem wohl prominentesten Fundort auf der östlichen Peloponnes benannt wurde. Es sind jedoch nicht allein die auf Tontafeln, Tonplomben und bisweilen auch Gefäßen notierten Listen, Sätze bzw. einzelnen Wörter einer frühen Form der griechischen Sprache, die das mykenische Griechenland zu einem Sonderfall machen. Die dortigen Menschen stellten nicht nur wie ihre Zeitgenossen im zentralen, im östlichen und im nördlichen Europa Keramik, Bronzewerkzeuge und -waffen, Geräte und Kleidungsaccessoires aus Bronze und Bein her, sondern sie nutzten auch ein breites Spektrum an Materialien für handwerkliche Produkte, die man nach modernen Maßstäben als Kunst einstufen kann. Dabei erzeugten sie auf Wandverputz, Stein, Keramik, Metall, Elfenbein, Halbedelstein und Glas abstrakte, oft aber auch detailreiche figürliche Darstellungen, die heute reiche Informationsquellen für das mykenische Leben und die Ideologie der Menschen im Griechenland des 2. vorchristlichen Jahrtausends darstellen. Diese zweidimensionalen Bilder und dreidimensionalen Plastiken, deren Maße von Briefmarkengröße auf Siegeln bis zur Überlebensgröße auf Reliefs und Fresken variieren, finden nur spärliche oder gar keine Parallelen nördlich und westlich der südbalkanischen Halbinsel, die heute Griechenland heißt.

Trotz dieser Besonderheiten, die das mykenische Griechenland bereits von seinen unmittelbaren Nachbarregionen auf dem Balkan und jenseits der Adria unterschieden, pflegten die Menschen im bronzezeitlichen Europa zwischen Ostsee und Mittelmeer weitreichende Kontakte — unter anderem, um seltene Rohstoffe zu erlangen. Grundsätzlich lassen sich in der mykenischen Geschichte drei wesentliche Entwicklungsphasen unterscheiden, in denen auch jeweils unterschiedliche Beziehungen zu den nördlich und westlich angrenzenden europäischen Regionen gepflegt wurden:

1. Etwa vom 17. bis zum 15. Jahrhundert v. Chr. dauerte eine formative Phase der mykenischen Gesellschaft, während der zahlreiche kleine Herrschaftsgebiete entstanden, in denen sich hierarchische Sozialstrukturen herausbildeten. Die Mächtigen dieser festlandsgriechischen Gesellschaften orientierten sich in ideologischer Hinsicht am minoischen Kreta, in dem damals die so genannte Neupalastzeit den Gipfelpunkt einer eigenständigen

самостоятельного развития одного из ранних государств, уже обладавшего письменностью. В саморепрезентации тех раннемикенских властителей минойская иконография играла решающую роль, в то время как типично местные, континентальные элементы находили выражение в погребениях в склепах, шахтовых гробницах и толосах. Однако о жилищах тех мужчин и женщин, которые были похоронены в этих гробницах с богатым погребальным инвентарем, сделанным из золота и других драгоценных материалов, мы не знаем практически ничего (Shelton 2010. P. 140–143).

2. Примерно с XIV века до н. э. некоторые греческие области стали центрами политической власти, в том числе и над другими областями. Здесь возникла социально-политическая система, называемая Дворцовым государством. Органы управления этого микенского Дворцового государства использовали для ведения бюрократической документации на греческом языке заимствованную от минойского Крита, но преобразованную слоговую письменность. Это слоговое письмо называется линейным письмом Б, поскольку линейное письмо А — это предшествующая ему минойская письменность. Найденные глиняные таблички, использовавшиеся для временных административных записей, позволяют определить, в каких регионах Греции управление было организовано именно таким образом (ил. 1). Так стало ясно,

Ил. 1. Находки табличек с линейным письмом Б. Табличка с линейным письмом Б из Микен (картирование Р. Юнга; ил. no: Demakopoulou 1988)

Abb. 1. Funde von Linear B-Tafeln. Linear B-Tafel aus Mykene (Kartierung R. Jung; Abb. nach Demakopoulou 1988)

ген Entwicklung eines frühen Staats mit Schriftnutzung markierte. In der Selbstdarstellung jener frühmykenischen Herrscher spielte die minoische Ikonographie eine entscheidende Rolle, während typisch lokale, festländische Elemente in den Bestattungen in gebauten Kammergräbern, in Schachtgräbern und in Tholosgräbern zum Ausdruck kamen. Von den Wohnsitzen der in jenen Gräbern mit reichen Beigaben aus Gold und anderen kostbaren Materialien beigesetzten Männern und Frauen wissen wir leider kaum etwas (Shelton 2010. P. 140–143).

2. Etwa ab dem 14. Jahrhundert v. Chr. hatten sich einige griechische Regionen gegenüber anderen als politische Machtzentren durchgesetzt, und in diesen entstand ein als Palaststaat bezeichnetes politisch-soziales System. Die Verwaltung dieses mykenischen Palaststaats benutzte eine zwar aus dem minoischen Kreta übernommene, aber abgewandelte Silbenschrift, um in griechischer Sprache bürokratische Aufzeichnungen zu verfassen. Diese Silbenschrift wird Linear B genannt, denn Linear A bezeichnet die minoische Vorgängerschrift. Die

что и Крит находился теперь под этим новым политическим контролем, им управляли чиновники из континентальной Греции. Административные центры были расположены в Ханье и Кноссе. Дворцы с административными комплексами в континентальной Греции были обнаружены в ходе раскопок в Пилосе на юго-западе Пелопоннеса, в Микенах и Тиринфе в Арголиде, в Фивах в Беотии. Они отличались роскошной архитектурой, были декорированы настенной живописью, в их оформлении использовались дорогие породы камня, в них хранились ценнейшие предметы (среды прочего, украшения из золота и лазурита, мебель из кости, оборонительное и наступательное оружие из бронзы). Все дворцы, за исключением Фив, были впоследствии разграблены. Новые таблички с линейным письмом Б были найдены несколько лет назад в Агиос-Василиосе в Лаконии, место находки располагается в двенадцати километрах к югу от сегодняшней Спарты, там же найдены и здания с настенными росписями (Aravantinos, Vasilogamvrou 2012). Эти находки позволяют предположить, что и в Агиос-Василиосе находился один из микенских дворцов. Это прибавляет еще одно важнейшее место действия гомеровского эпоса — царство Менелая в Лаконии — к другим, уже давно известным нам резиденциям гомеровских царей и областям, подчиненным одному из микенских дворцов — Арголиде с дворцами Микен и Тиринфа, Мессении с дворцом Пилоса, Беотии с дворцом Фив. На первый взгляд, совпадения гомеровского эпоса и правителей микенских дворцов кажутся поразительными, однако следует заметить, что области, подчинявшиеся разным микенским дворцам, которые мы можем реконструировать по географическим названиям на табличках линейного письма Б, не полностью совпадают с царствами у Гомера, несмотря на кажущееся соответствие. Напротив, есть существенные расхождения между микенской и гомеровской географией, так как эпосы «Илиада» и «Одиссея» были написаны для читателей VIII–VII веков до н. э. и отражают преимущественно политическую ситуацию того времени (Eder 2003). Кроме того, большая часть чиновничьих должностей, упоминающихся в линейном письме Б, не дожила до времени Гомера. Даже титул царя изменился после окончательного разрушения микенских дворцов: если в табличках царь назывался «wa-na-ka» (= wanax), то самый могущественный муж гомеровского эпоса именуется «basileus». В текстах же линейного письма Б (в написании «qa-si-re-u») этим словом обозначен чиновник не слишком высокого ранга, который осуществлял некие властные полномочия с помощью определенных органов, и в то же время следил за процессами производства некоторых изделий и продуктов для дворца (Carlier 1995).

Недавно среди материала давних раскопок в Старом городе в Волосе были обнаружены фрагменты табличек с линейным письмом Б, которые доказывают, что и на фессалийском побережье существовало микенское управление, хотя само по себе здание дворца раскопано еще в незначительной степени (Skafida u. a. 2012). С другой стороны, недавно найденные таблички из мессенской Ikläna свидетельствуют, что внутри одной микенской области правления такие таблички изготавливали и покрывали письменами в поселении рядом с дворцом, как считалось раньше, однако использовать их могли и в других подчиненных административных центрах (Shelmerdine 2012).

Правда, нам известно, что довольно значительная часть микенской административной практики обходилась без использования письменности, а вместо нее идентификация чиновников и пересылка изделий происходила с помощью

Funde von Tontafeln, die für temporäre Verwaltungsnotizen genutzt wurden, zeigen an, welche Regionen Griechenlands in dieser Weise verwaltet wurden (Abb. 1). So wird sichtbar, dass nun auch Kreta unter neuer politischer Kontrolle stand und von Beamten regiert wurde, die vom griechischen Festland stammten. Ihre Verwaltungszentren lagen in Chania und Knossos. Auf dem Festland wurden Paläste mit angeschlossener Verwaltung bislang in Pylos auf der Südwestpeloponnes, in Mykene und Tiryns in der Argolis und in Theben in Bötien ausgegraben. Sie sind durch eine prunkvolle Architektur mit Wandmalereidekor und der Verwendung kostbarer Steinmaterialien gekennzeichnet und beherbergten wertvolle Inventare, die aber nur im Fall von Theben einer späteren Plünderung weitgehend entgangen sind (u. a. Schmuck aus Gold und Lapislazuli, Elfenbeinmöbel, Schutz- und Angriffswaffen aus Bronze). Neue Funde von Linear B-Tafeln wurden vor wenigen Jahren in Ágios Vassílios in Lakonien gemacht, einem Fundort 12 km südlich vom heutigen Sparta, zu dem auch Gebäude mit Wandmalereien gehören (Aravantinos, Vasilogamvrou 2012). Diese Befunde lassen vermuten, dass sich auch in Ágios Vassílios ein mykenischer Palast befand. Somit wäre eine der wichtigsten Regionen des homerischen Epos, nämlich das Reich des Menelaos in Lakonien, zu jenen hinzugezogen, die wir schon länger sowohl als Sitze homerischer Könige als auch als Herrschaftsgebiete eines mykenischen Palasts kannten: die Argolis mit den Palästen von Mykene und Tiryns, Messenien mit dem Palast von Pylos und Bötien mit dem Palast von Theben. Bei diesen auf den ersten Blick beeindruckenden Übereinstimmungen zwischen homerischem Epos und mykenischen Palastherrschaften muss aber prinzipiell einschränkend bemerkt werden, dass die Verwaltungsgebiete der verschiedenen mykenischen Paläste, die sich aus den Ortsnamen der Linear B-Tafeln rekonstruieren lassen, nicht mit den scheinbar entsprechenden Königreichen bei Homer deckungsgleich sind. Vielmehr gibt es bedeutende Abweichungen zwischen mykenischer und homerischer Geographie, da die Epen Ilias und Odyssee für ein Publikum des 8./7. Jahrhunderts v. Chr. verfasst wurden und größtenteils politische Verhältnisse jener Zeit spiegeln (Eder 2003). Hinzu kommt, dass der größte Teil der Beamtentitel der Linear B-Tafeln nicht bis in die Zeit Homers überdauerte. Selbst der Königstitel änderte sich nach der endgültigen Zerstörung der mykenischen Paläste: Wurde der König der Tafeln „wa-na-ka“ (= wanax) genannt, so heißt der mächtigste Mann in den homerischen Epen „basileus“. Mit diesem Wort war in den Linear B-Texten (in der Schreibweise „qa-si-re-u“) noch ein nicht sehr hoch gestellter Beamter bezeichnet worden, der einerseits in eher lokalem Rahmen mittels bestimmter Körperschaften Macht ausübte, andererseits aber auch gewisse Produktionsprozesse für den Palast überwachte (Carlier 1995).

Kürzlich wurden im Fundmaterial lange zurückliegender Grabungen in der Altstadt von Vólос Linear B-Tafelfragmente entdeckt, die nun beweisen, dass auch an der thessalischen Küste eine mykenische Verwaltung bestand, wenn auch das eigentliche Palastgebäude noch nicht großflächig ausgegraben ist (Skafida u. a. 2012). Andererseits könnte ein ganz neuer Tafelfund aus dem messenischen Ikläna bedeuten, dass innerhalb eines mykenischen Herrschaftsgebiets Tontafeln nicht nur am Ort des Palasts hergestellt und beschriftet wurden, wie man bislang glaubte, sondern dass sie auch in nachgeordneten Verwaltungssitzen in Verwendung waren (Shelmerdine 2012).

Wir wissen allerdings auch, dass ein nicht unbeträchtlicher Teil der mykenischen Verwaltungspraxis ohne Schriftverwendung auskam und man stattdessen etwa auf Siegel und mit diesen gestempelte Tonplomben zur Identifikation von Beamten und zur Versendung von Produkten zurückgriff. Die Verteilung

печатей и их отпечатков на глиняных пломбах. Распределение печатей микенского типа по Греции указывает на то, что регионы, где нами еще не найдены здания дворцов или таблички с линейным письмом Б, тем не менее были вовлечены в структуры микенского сбора налогов и административного управления. На севере континентальной Греции рука микенской бюрократии дотянулась даже до горных областей Олимпа, правда, не достала оттуда центрально-македонской равнины (ил. 2; Eder 2009). Эпир на северо-западе Греции также не подчинялся ни одному из микенских царей.

Недавно развернулась дискуссия по вопросу о том, принадлежали ли микенские дворцы независимым друг от друга царям, или разные цари подчинялись одному единственному, более могущественному царю, или же вообще существовал только один царь, который господствовал над всей микенской Грецией и жил попеременно в разных дворцах. Географические названия в текстах линейного письма Б в разных дворцах свидетельствуют скорее в пользу независимости отдельных регионов; абсолютно одинаковая административная практика и совершенно единообразный язык текстов говорят, наоборот, о наличии союза (Olivier 2006). К тому же сегодня уже точно установлено, что дворцы Арголиды, Микен и Тиринфа были не резиденциями независимых царей: царь Арголиды жил в Микенах, а Тиринф выполнял функции второй резиденции и города-гавани (Maran 2006). О многом говорит еще и то, что Великий царь хеттов в Малой Азии в XIV и XIII веках до н. э. знал только одного эгейского Великого царя, а именно элестелина царства Аххиявы, и название этого царства напоминает «ахайой» Гомера, то есть самоназвание осадивших Трои греков.

Ил. 2. Распространение микенских печатей из мягкого камня так называемой Mainland Popular Group в эгейском мире (no: Eder 2009)

Abb. 2. Die Verbreitung mykenischer Weichsteinsiegel der so genannten Mainland Popular Group im ägäischen Raum (nach Eder 2009)

der Siegel mykenischen Typs über Griechenland gibt Hinweise darauf, dass auch Regionen, aus denen wir bislang noch keine Palastgebäude oder Linear B-Tafeln kennen, in die Strukturen der mykenischen Abgabenerhebung und allgemeinen Verwaltung einbezogen waren. Im Norden des griechischen Festlands reichte der Arm der mykenischen Bürokratie demnach wohl bis in die Gebirgsregionen des Olymp, aber nicht darüber hinaus in die zentralmakedonische Ebene (Eder 2009) (Abb. 2). Auch Epirus im griechischen Nordwesten wurde nicht von einem mykenischen Wanax beherrscht.

Eine neuerdings wieder diskutierte Frage ist jene, ob die mykenischen Paläste voneinander unabhängigen Königen gehörten, ob verschiedene Könige unter der Oberherrschaft eines einzigen, mächtigeren Königs standen oder ob es vielleicht sogar nur einen einzigen Wanax gab, der über das gesamte mykenische Griechenland herrschte und abwechselnd in verschiedenen Palästen residierte. Die Ortsangaben in den Linear B-Texten der unterschiedlichen Paläste sprechen eher für die Unabhängigkeit der einzelnen Regionen; die untereinander ganz gleichartige Verwaltungspraxis und die völlig einheitliche Sprache der Texte sprechen eher für einen Verbund (Olivier 2006). Sicher scheint heute zudem, dass die beiden Paläste der Argolis, Mykene und Tiryns, nicht die Sitze unabhängiger Könige waren, sondern der König der Argolis in Mykene residierte, während Tiryns

К этому царству, судя по хеттским текстам, принадлежали и области на малоазиатском континенте, в регионе Милета (Hawkins 1998. P. 30f.; см. кат. 174.1).

3. Около 1200 года до н. э. за короткое время были разрушены все микенские дворцы, и микенская государственность прекратила свое существование. Вместе с ней была утрачена и микенская письменность, так же как и многие слова из лексики экономического и политического управления. Причины этой гибели трудно установить точно. Ясно, что одна из них — это социальные и экономические трудности и конфликты, основанные на эксплуатации больших групп населения. По крайней мере, в некоторых дворцах непосредственной причиной пожаров были, вероятно, землетрясения. Одно из возможных объяснений — военные действия, правда неясно, были ли это междоусобные войны, социальные восстания, нападения пиратских флотов или же комбинация нескольких факторов (Deger-Jalkotzy 2008. P. 387–392). Если принять гипотезу об одном единственном царе, легче понять, как за один момент могла погибнуть вся микенская государственность.

Несмотря на гибель государства микенская культура продолжала существовать и в XII, и в начале XI века до н. э. Однако в таких регионах, как Мессения на юго-западе Пелопоннеса, вид поселений говорит о далеко зашедшей депопуляции, а, например, Ахайя на северо-западе Пелопоннеса переживала настоящий расцвет. Жители Греции были организованы теперь в небольшие социальные общности, которые не могли контролировать большие территории и построение которых было, скорее всего, сравнимо с построением социальных структур в соседних регионах в Италии и на Центральном Балкане. Эти социальные общности были основаны, предположительно, на родственных и клиентурных связях.

В соответствии с этапами развития микенской истории изменялись и отношения микенцев с жителями соседних регионов, а через них, опосредованно, и с жителями отдаленных частей Европы. Уже в раннемикенский период Пелопоннес, например, поддерживал активный товарообмен с отдельными группами населения Южной Италии, от Апулии через Калабрию и Сицилию до Неаполитанского залива в Кампанье. Мы не знаем, что импортировали из Италии. Однако тот факт, что среди экспортированных из Греции предметов, найденных в Италии, была обнаружена печать из карнеола (находка в Южной Калабрии), говорит о большом значении этих отношений, поскольку печать могла принадлежать авторизованному контактному лицу (Jung 2010. S. 663f.).

В начале раннемикенского периода точками, через которые осуществлялись связи с северными островами Эгейского моря и пограничными балканскими регионами, были несколько поселений на побережье полуострова Халкидики (например, Тумба доисторического Олинфоса; см.: Hänsel, Aslanis 2010). Исследователи предполагают, что микенские предметы роскоши в ограниченных объемах попадали на север и могли стимулировать изготовление аналогичных местных изделий народами юго-востока Европы. На связи между удаленными друг от друга мастерскими указывают и некоторые немногочисленные составные, но абстрактные орнаменты из круговых и волнообразных лент, которые использовали ремесленники как в Карпатах, так и в микенской Греции и Малой Азии (David 2001). Однако особенно интенсивными контактами микенской Греции с Юго-Восточной Европой стали только в начале XIV века до н. э. Есть указания

eine Funktion als Zweitresidenz und Hafenstadt besaß (Maran 2006). Außerdem ist bezeichnend, dass der Großkönig der Hethiter in Kleinasien im 14. und 13. Jahrhundert v. Chr. nur einen einzigen Großkönig im ägäischen Raum kannte, den König des Reichs von Ahhijawa nämlich, wobei der Reichsname an die „Achaioi“ Homers, die Griechen, die Troja belagerten, erinnert. Zu diesem Reich gehörten den hethitischen Texten nach auch Gebiete auf dem kleinasiatischen Festland, in der Region von Milet (Hawkins 1998. P. 30f.; s. hier Kat. Nr. 174.1: aus einem Kammergrab mykenischen Typs von Değirmentepe bei Milet, Inv. Antikensammlung V. I. 4947).

3. Um 1200 v. Chr. wurden innerhalb eines kurzen Zeitraums alle mykenischen Paläste zerstört, und das mykenische Staatswesen hörte auf zu existieren. Mit ihm ging auch die mykenische Schrift verloren, ebenso wie zahlreiche Wörter aus dem Vokabular der wirtschaftlichen und politischen Verwaltung. Die Ursachen des Untergangs sind nicht präzise zu bestimmen: Soziale und wirtschaftliche Schwierigkeiten und Konflikte aufgrund der Ausbeutung großer Bevölkerungsgruppen lassen sich plausibel machen. Erdbeben scheinen zumindest bei einigen Palästen der unmittelbare Anlass von Bränden gewesen zu sein. Krieg ist jedoch ebenfalls eine Erklärungsmöglichkeit; ob hierfür nun innergriechische Kämpfe, soziale Aufstände, Angriffe von Piratenflotten oder auch mehrere dieser Faktoren in Kombination miteinander verantwortlich waren, ist unklar (Deger-Jalkotzy 2008. P. 387–392). Sollte es nur einen einzigen Wanax gegeben haben, wäre leichter nachvollziehbar, wieso die gesamte mykenische Staatlichkeit mit einem Mal zusammenbrach.

Die mykenische Kultur zeigte im 12. und frühen 11. Jahrhundert v. Chr. Kontinuitäten über den Zusammenbruch des Staats hinaus, wobei aber in Regionen wie Messenien in der Südwestpeloponnes das Siedlungsbild für eine weitgehende Entvölkerung spricht, während etwa Achaia in der Nordwestpeloponnes eine Blütezeit erlebte. Die Menschen in Griechenland waren jetzt in eher kleinen Sozialverbänden organisiert, die keine größeren Territorien kontrollieren konnten und deren Aufbau mit jenem der Sozialstrukturen der Nachbarregionen in Italien und auf dem Zentralbalkan vergleichbar gewesen sein dürfte. Vermutlich basierten sie auf Verwandtschafts- und Klientelverbänden.

Entsprechend den Entwicklungsstadien der mykenischen Geschichte wandelten sich auch die Beziehungen, die die Mykenner zu den Bewohnern benachbarter Regionen und über diese mittelbar auch zu jenen weiter entfernter Teile Europas unterhielten. Schon in frühmykenischer Zeit stand zumindest die Peloponnes in regem Güteraustausch mit den Bevölkerungsgruppen Süditaliens, von Apulien über Kalabrien und Sizilien bis zum Golf von Neapel in Kampanien. Wir wissen nicht, was man aus Italien importierte. Die Tatsache, dass zu den aus Griechenland exportierten Objekten dieser Zeit, die in Italien gefunden wurden, auch ein Karneolsiegel (von einem Fundort in Südkalabrien) gehört, spricht aber für die Bedeutung dieser Beziehungen, denn das Siegel könnte einer autorisierten Kontaktperson gehört haben (Jung 2010. S. 663f.).

Die Beziehungen zur Nordägäis und den angrenzenden Balkanregionen wurden zu Beginn der frühmykenischen Zeit wohl über wenige Küstenorte der Chalkidhiki (z. B. die Tumba des Prähistorischen Olynth, s. Hänsel, Aslanis 2010) abgewickelt, wobei anscheinend auch in begrenztem Maße mykenische Luxusgüter nach Norden gelangten bzw. einheimische Produkte der Bevölkerung Südosteuropas inspirierten. Auch einige wenige komplexe, aber abstrakte Kreis- und Wellenbandmotive, die

Ил. 3. Изделия из золотой фольги из клада под храмом Артемиды на Делосе: вверху — фриз с изображением ладьи солнца, образованной фигурами птиц итальянского типа; внизу — летящая птица эгейского типа (фото Р. Юнга)

Abb. 3. Goldbleche aus dem Hort unter dem Artemision von Delos: oben ein Vogelsonnenbarkenfries italienischen Typs, unten ein fliegender Vogel ägäischen Typs (Foto: R. Jung)

на то, что в это время золото из болгарских Родопов экспортировали в Южную Грецию и что важнейшую роль в экспорте играли гавани Волоса на фессалийском заливе. Этот товарообмен был, по всей видимости, весьма значительным. Так, в Болгарии было найдено несколько мечей и наконечников копий микенского типа, датируемых первой половиной XIV века до н. э., а такое же оружие в Греции встречается только в погребениях с очень богатым инвентарем, то есть оно выступало в микенском обществе в качестве статусного маркера (Bozhinova u. a., im Druck).

Примечательно, однако, что отношения с центрально-балканскими областями в развитый дворцовый период конца XIV–XIII века до н. э. снова ослабевают: предметы роскоши дворцового периода почти не попадают больше на северные острова Эгейского моря и Балканы, расположенные еще севернее, и микенская импортная керамика становится на северозападных побережьях редкостью. Городская Троя имела более интенсивные отношения с микенским югом (кат. 179), и это, несомненно, было связано с тем, что Троя, согласно хеттским текстам, с большой долей вероятности была резиденцией одного из «царьков» с собственным государственным управлением (Becks 2006). Поэтому по политической и социальной организации она была гораздо ближе микенскому дворцовому государству, чем деревенским общинам северо-западных эгейских островов и Центральных Балкан с их «догосударственным» социально-политическим устройством.

В качестве замены отсутствующего микенского импорта жители Македонии и Трои сами изготавливали сосуды микенского типа на «быстром» гончарном круге и использовали их в дополнение к своей местной керамике, например, чтобы по микенскому обычаю смешивать и пить вино с водой, возможно, по особым поводам. На побережьях Тракии население, наоборот, не переняло эти южные застольные обычаи; микенская посуда здесь практически отсутствует. К северу от границ современной Греции микенские предметы дворцового периода встречаются только как очень редкие исключения. В Италии импортировать изделия дворцового периода хотя бы в небольших объемах могли только некоторые немногочисленные гавани — такие, как Рока-Веккья и Скольо-дель-Тонно в Апулии и Тапсос на Сицилии. Однако никакой торговли в собственном смысле слова

sowohl im Karpatenbecken als auch im mykenischen Griechenland und in Kleinasien verwendet wurden, könnten auf weiträumige Kommunikation zwischen Werkstätten hinweisen (David 2001). Die südosteuropäischen Kontakte des mykenischen Griechenland intensivierten sich aber erst im frühen 14. Jahrhundert v. Chr. Es gibt Hinweise darauf, dass in dieser Zeit Gold aus den bulgarischen Rhodopen ins südliche Griechenland exportiert wurde und dass Häfen am thessalischen Golf von Vólos hierbei eine entscheidende Rolle spielten. Dieser Güteraustausch scheint nicht unbedeutend gewesen zu sein, denn in Bulgarien wurde eine Reihe von Schwertern und Lanzen spitzen der ersten Hälfte des 14. Jahrhunderts v. Chr. gefunden, die mykenischen Typs sind und deren Gegenstücke in Griechenland nur in reicher ausgestatteten Gräbern zu finden sind, also als soziale Statusanzeiger innerhalb der mykenischen Gesellschaft fungierten (Bozhinova u. a., im Druck).

Bemerkenswert ist aber, dass die Beziehungen zu den zentralbalkanischen Gebieten in der entwickelten Palastzeit des späten 14. und des 13. Jahrhunderts v. Chr. wieder abkühlten: Palastzeitliche Luxusgüter gelangten fast gar nicht mehr zu den Bevölkerungsgruppen der Nordägäis und der weiter nördlich gelegenen Balkangebiete, und auch mykenische Importkeramik ist rar an den nordägäischen Küsten. Das städtische Troja hatte wohl etwas intensivere Beziehungen zum mykenischen Süden (vgl. in diesem Band Kat. Nr. 179), was zweifellos damit zusammenhängt, dass es den hethitischen Texten zufolge höchstwahrscheinlich Sitz eines Kleinkönigs mit eigener staatlicher Verwaltung war (Becks 2006). Es stand dem mykenischen Palaststaat von der politischen und sozialen Organisation also weit näher als die vorstaatlich organisierten dörflichen Gemeinschaften der Nordwestägäis und des Zentralbalkans.

Als Ersatz für fehlende mykenische Importe töpfernten vor allem die Bewohner Makedoniens und der Troas selber Gefäße mykenischen Typs auf der schnellen Töpferscheibe und verwendeten sie in Ergänzung zu ihrer einheimischen Keramik, z. B. um nach mykenischer Gewohnheit Wein mit Wasser zu mischen

с дворцовым государством на островах Эгейского моря не было: небольшие регионы Италии, во-первых, не были способны производить излишки продукции в таких объемах, которые были бы интересны микенским торговцам, обслуживавшим микенского царя, а во-вторых, с политической точки зрения, они в качестве равноправных партнеров были для Великого царя весьма сомнительны. Однако они все ближе и ближе знакомились с Восточным Средиземноморьем и вслед за этим в отдельных случаях создавали важные культурные новшества, о чем свидетельствуют, например, прямоугольные комплексы зданий в Тапсосе, сгруппированные вокруг дворов и повторяющие образцы восточносредиземноморских или левантских (Militello 2004).

Контакты между микенцами и их северными и западными соседями отнюдь не всегда имели характер мирного обмена. Со второй половины XIV века до н. э. внутреннее развитие обществ Центрального Средиземноморья привело к тому, что воины с Сицилии и континентальной Италии распространили свою активность и на Восточное Средиземноморье. Однако только серьезные оружейно-технические инновации, важнейшей из которых было использование длинных рубящих мечей, позволили воинам с Апеннинского полуострова получить военное преимущество перед хорошо вооруженной армией микенского государства. В самых разных регионах, от Крита до Пелопоннеса и фессалийского побережья — в конце XIII, а в основном в начале XII века до н. э., то есть вскоре после гибели дворцового царства, началась иммиграция из Италии. Итальянские иммигранты хотя и жили в микенских поселениях, однако придерживались обычаев и образцов своей родной культуры, по крайней мере в некоторых сферах жизни. Наиболее ярким свидетельством этого является сегодня сделанная вручную керамика итальянского типа, изготовленная, тем не менее, в Греции. В выборе направления движения мореходов из Италии решающим фактором было, без сомнения, то, что благодаря предшествующим эгейско-итальянским контактам они хорошо знали регионы, куда намеревались двинуться.

На протяжении XII и начала XI века до н. э. эти трансадриатические контакты поддерживались и даже становились более интенсивными, поскольку для последующих микенских общин были характерны теперь такие структуры социальной организации, которые больше не имели принципиальных отличий от социального устройства итальянских общин. Поэтому теперь контакты не ограничивались взаимным импортом-экспортом — в частности, оружия итальянского производства в Грецию, а восточных и эгейских предметов роскоши в Италию — теперь происходил и обмен идеологией. Примером может быть сосуществование эгейских сюжетов с птицами и итальянской ладьи солнца, образованной фигурами птиц, на изделиях из золотой фольги, явно религиозного назначения, с острова Делос субмикенского периода (ил. 3; Jung 2007).

und zu trinken, und zwar möglicherweise bei besonderen Anlässen. An den Küsten Thrakiens hingegen übernahm die Bevölkerung diese südlichen Tischsitten nicht; mykenisches Geschirr fehlt hier praktisch vollkommen. Nördlich der heutigen griechischen Grenzen kommen mykenische Gegenstände der Palastzeit nur noch als sehr seltene Ausnahmen vor. In Italien waren es einige wenige Hafensiedlungen wie Roca Vecchia und Scoglio del Tonno in Apulien und Thapsos auf Sizilien, die palastzeitliche Produkte in einer gewissen Menge importieren konnten, doch hatte sich kein Handel im eigentlichen Sinne mit dem Palaststaat der Ägäis entwickelt: Weder waren die kleinen Regionen Süditaliens in der Lage, einen Überschuss zu erwirtschaften, dessen Menge für einen mykenischen Händler im Auftrag des Wanax attraktiv gewesen wäre, noch kamen sie aus politischen Gründen als gleichrangige Partner für den Großkönig in Frage. Dennoch lernten sie den östlichen Mittelmeerraum zunehmend besser kennen und führten daraufhin in Einzelfällen auch bemerkenswerte kulturelle Neuerungen ein, wie etwa die rechtwinkligen Gebäudekomplexe von Thapsos zeigen, die um Höfe gruppiert sind und ihre Vorbilder in ostmediterranen oder levantinischen Bauten hatten (Militello 2004).

Kontakte zwischen den Mykenern und ihren nördlichen und westlichen Nachbarn hatten keineswegs immer den Charakter eines friedlichen Gebens und Nehmens. Interne Entwicklungen in den Gesellschaften des zentralen Mittelmeerraums führten ab der zweiten Hälfte des 14. Jahrhunderts v. Chr. dazu, dass Krieger aus Sizilien und vom süditalienischen Festland auch im östlichen Mittelmeer aktiv wurden. Doch erst entscheidende waffentechnische Innovationen, deren wichtigste die Einführung langer Hiebschwerter war, brachten die zur See operierenden Krieger von der Apenninhalbinsel auch gegenüber den gut ausgerüsteten Armeen des mykenischen Staats in eine günstige militärische Position. In verschiedenen Regionen, von Kreta über die Peloponnes bis zu den thessalischen Küsten, kam es im späten 13., vor allem aber im frühen 12. Jahrhundert, d.h. kurz nach dem Zusammenbruch des Palastsystems, zur Immigration von Personengruppen aus Italien. Diese wohnten zwar in mykenischen Siedlungen, hielten aber zumindest partiell an ihrer ursprünglichen Kultur fest. Dies lässt sich heute insbesondere an handgemachter Keramik italienischen Typs, die jedoch in Griechenland produziert wurde, nachvollziehen. Entscheidend für die Ausrichtung ihrer Aktivitäten war für diese Seefahrer aus Italien mit Sicherheit die Tatsache, dass sie durch die vorhergehenden Phasen der ägäisch-italienischen Kontakte Informationen über ihre Zielregionen besaßen.

Im Verlaufe des 12. und frühen 11. Jahrhunderts wurden diese transadriatischen Kontakte aufrecht erhalten und konnten sogar intensiviert werden, da die nachpalatialen mykenischen Gemeinschaften nun soziale Organisationsstrukturen hatten, die von jenen auf dem italienischen Festland nicht mehr grundsätzlich verschieden waren. So kam es nun nicht nur zu wechselseitigen Importen — etwa von Waffen italienischer Produktion nach Griechenland und von orientalischen und ägäischen Luxusgütern nach Italien —, sondern auch zu Ideologietransfer: Ein Beispiel ist das Nebeneinander von ägäischen Vogelmotiven und italienischen Vogelsohnensbarken auf Goldblechen aus einem wohl religiösen Kontext der submykenischen Zeit von der Insel Delos (Abb. 3) (Jung 2007).

Аликс Хэнзель

Конец эпохи бронзы в Эгейском регионе

Alix Hänsel

Das Ende der Bronzezeit in der Ägäis

В Восточном Средиземноморье XII век до н. э. характеризуется рядом событий, которые привели к гибели микенской цивилизации в Греции и царства хеттов в Центральной Анатолии. Процветавшие центры эгейского островного мира и турецкого западного побережья также оказались затронуты этими событиями.

В Трое большие разрушения были вызваны землетрясением, правда еще в XIII веке до н. э., затем все было восстановлено и, более того, были построены новые здания. «Дворцовые общества» Греции, уже обладавшие письменностью, самыми значительными среди которых были Микены, Тиринф, Фивы и Пилос на континенте и Ханья на Крите, в это время производят еще впечатление благополучных и стабильных империй (Dickinson 2008). Примечательно, однако, то, что повсюду занимались усилением укреплений или, по крайней мере, их ремонтом и поддержанием в рабочем состоянии. И это было оправдано, так как почти везде в последующие годы произошли большие пожары и разрушения, которые только отчасти можно объяснить землетрясениями.

В Трое в слое разрушения фазы поселения VIIa были обнаружены следы большого пожара, найдены оружие, кучи метательных камней и непогребенные мертвецы, что все вместе явно указывает на военный конфликт с фатальным концом (Becks, Thumm 2001. S. 419). То же самое мы находим в Греции, где снова и снова случались локальные катастрофы, вынуждавшие людей быстро и многократно менять места жительства. Одновременно происходило, очевидно, и сокращение численности населения.

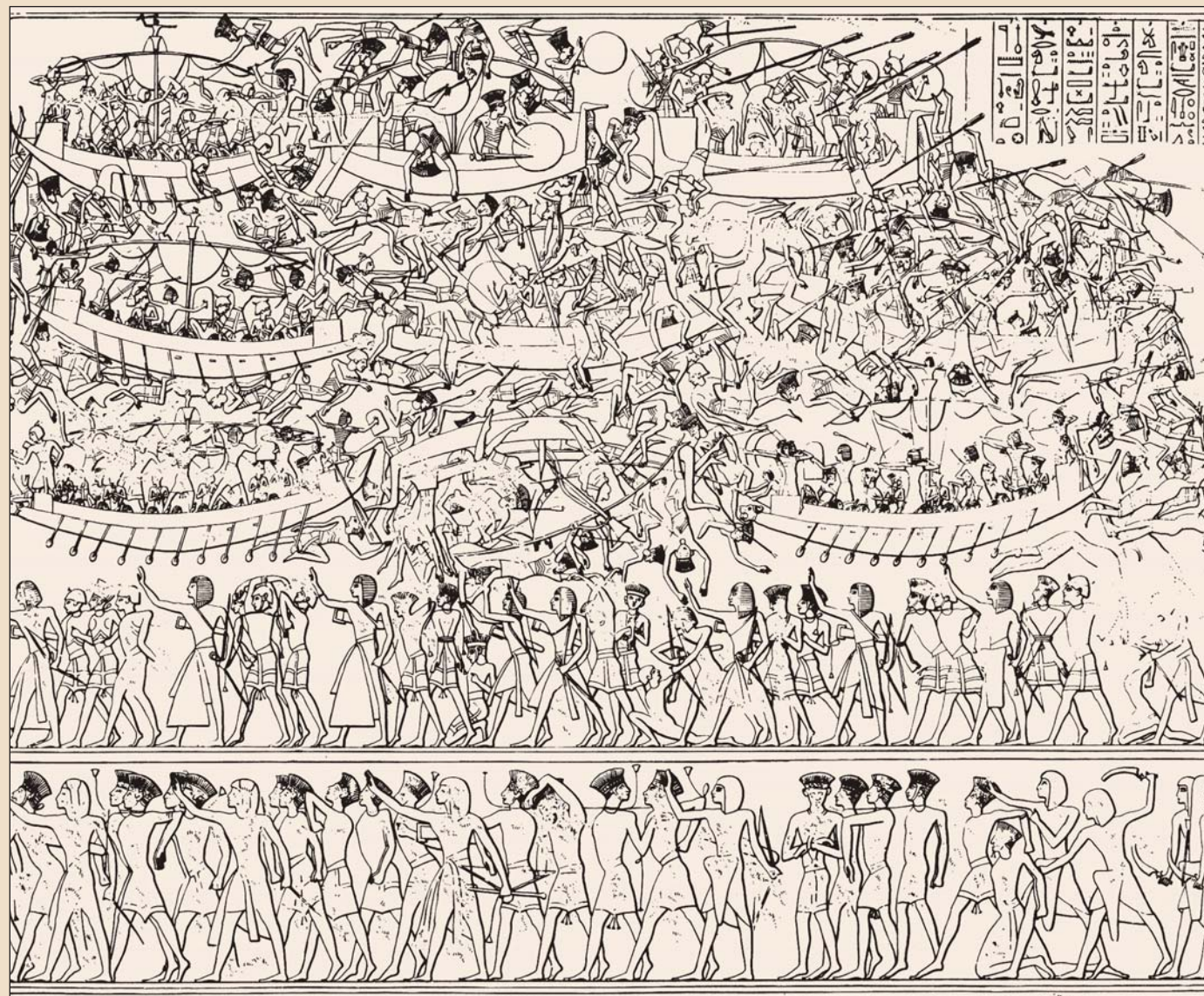
Причины такого культурного коллапса, опустошившего многие селения на десятки поколений вперед, не могут быть сведены к одному-единственному событию. Скорее всего, здесь сошлось множество разных факторов, некоторые из них к тому же взаимно стимулировали друг друга (Drews 1993). Природные катастрофы — такие, как землетрясение или неурожай, — могли обрушить хорошо функционировавшие управленческие структуры, наступали тяжелые, голодные времена, которые в свою очередь вели к локально ограниченному набегам и войнам небольшого масштаба, вызванным поисками новых ресурсов. Слишком активное использование сельскохозяйственных земель, направляемое дворцовыми центрами, в длительной перспективе привело к снижению урожайности. Так, в некоторых местах удалось установить, что зарастание угодий сорняками в позднемикенский период значительно усилилось (Kroll 1983. S. 149ff.). Кроме того, беспокойные времена нанесли большой урон товарообмену, который в отдельных регионах совсем прекратился. Связанное с этим неполноценное

Д ас 12. vorchristliche Jahrhundert ist im östlichen Mittelmeerraum durch eine Kette von Ereignissen geprägt, die zum Zusammenbruch der mykenischen Zivilisationen in Griechenland und dem Hethitischen Reich in Zentralanatolien führten. Auch die blühenden Zentren der ägäischen Inselwelt und der türkischen Westküste sind von diesen Ereignissen betroffen.

In Troja hatte es zwar bereits im 13. Jahrhundert massive Zerstörungen durch Erdbeben gegeben, danach waren die Schäden aber wieder beseitigt und neue Bauten errichtet worden. Auch die „Palastgesellschaften“ des bereits schriftführenden Griechenlands, unter denen auf dem Festland Mykene, Tiryns, Theben und Pylos und auf Kreta Chania die bedeutendsten Zentren darstellen, vermitteln zu dieser Zeit noch den Eindruck wohlhabender und stabiler Imperien (Dickinson 2008). Auffällig ist jedoch, dass allerorten die Befestigungsanlagen verstärkt oder zumindest durch Reparaturen in funktionsfähigem Zustand versetzt wurden. Dies hatte durchaus seine Berechtigung, denn fast überall ereigneten sich in den Folgejahren massive Brände und Zerstörungen, die nur zum geringeren Teil auf Erdbeben zurückgeführt werden können.

In Troja konnten in der Zerstörungsschicht der Siedlungsphase VIIa massive Brandspuren festgestellt werden, es fanden sich Waffen, Haufen von Schleudersteinen und unbestattete Tote, insgesamt also Hinweise auf ein kriegerisches Geschehen mit fatalem Ausgang (Becks, Thumm 2001. S. 419). Ähnliches lässt sich auch in Griechenland feststellen, wo es immer wieder zu lokalen Katastrophen kam, die die Menschen zwangen, kurzfristig und mehrfach ihre Wohnorte zu wechseln. Gleichzeitig hat es offenbar auch einen großen Bevölkerungsrückgang gegeben.

Die Ursachen für diesen kulturellen Zusammenbruch, der dazu führt, dass manche Orte über Generationen nicht wieder besiedelt werden, lassen sich nicht auf ein einzelnes Ereignis zurückführen. Vielmehr dürften eine Menge von Faktoren beteiligt gewesen sein, die sich teilweise auch gegenseitig bedingten (Drews 1993). Durch Naturkatastrophen wie Erdbeben oder Missernten konnten gut funktionierende Verwaltungsstrukturen zusammenbrechen und Notzeiten entstehen, die wiederum zu lokal begrenzten Überfällen und Kleinkriegen auf der Suche nach neuen Ressourcen führten. Die intensive Landwirtschaft, die von den Palastzentren organisiert wurde, führte auf die Dauer zu geringeren Erträgen. So ließ sich mancherorts nachweisen, dass die Verunkrautung der Nutzflächen in der spätmykenischen Zeit erheblich zunahm (Kroll 1983. S. 149ff.). Zudem wurde der Warenaustausch durch die Unruhezeiten gefährdet oder kam sogar ganz zum Erliegen. Die damit verbundene Mangelernährung begünstigte wiederum das Entstehen von Seuchen,

Ил. 1. Панорама морского сражения, изображенная на северной стене большого храма в Мединет-Абу (по: Nelson 1930–1932)

Abb. 1. Darstellung der Seeschlacht auf der nördlichen Wand des großen Tempels von Medinet Habu (nach Nelson 1930–1932)

питание способствовало возникновению эпидемий, которые, правда, с большим трудом можно документировать методами археологии.

Исследователи не пришли к единому мнению по поводу того, в какой мере в гибели обществ эпохи поздней бронзы виновен тот или иной фактор. По всей вероятности, значительную роль сыграли здесь все-таки военные конфликты, вошедшие в историю под названием «нападение народов моря» (Strobel 1976; Lehmann 2001). Как мы знаем из египетских источников, ареной этих конфликтов стал не только Эгейский регион, но и все Восточное Средиземноморье. Во время правления Рамзеса III (ок. 1221–1156 годов до н. э.) так называемые инородцы продвигались в направлении Египта по морю и по суше через Анатолию и Левант, а также через греческие острова и Кипр. На своем пути они уничтожили многие города, ибо «ни одна страна не выстояла против их рук» (надпись в храме в Мединет-Абу). В этих надписях точно указано, что нападающие представляли собой союз разных народностей: пеласгов, тевкров, шекеleshей (сикулов), данайцев и акаивашей.

В драматичном морском сражении в дельте Нила, детально воспроизведенном в Мединет-Абу (ил. 1), Рамзесу, как утверждается, удалось победить надвигающиеся орды. На рельефе можно разглядеть корабли нападающих со штев-

die sich freilich im archäologischen Befund nur schwer fassen lassen.

Wie groß der Anteil der einzelnen Faktoren am Zusammenbruch der spätbronzezeitlichen Gesellschaften war, ist umstritten. Eine bedeutende Rolle dürften aber in diesem Zusammenhang kriegerische Ereignisse gespielt haben, die unter der Bezeichnung „Seevölkersturm“ in die Geschichte eingingen (Strobel 1976; Lehmann 2001). Die Auseinandersetzungen betrafen nicht nur die Ägäis, sondern die gesamte Ostmediterraneis, wie wir durch ägyptische Schriftquellen wissen.

Während der Regierungszeit Rames III. (um 1221–1156) drangen so genannte „Fremdvölker“ über Anatolien und die Levante, aber auch über die griechischen Inseln und Zypern zu Wasser und zu Lande nach Ägypten vor. Auf ihrem Weg vernichteten sie zahlreiche Städte, denn „kein Land hielt ihren Angriffen stand“ (Tempelinschrift in Medinet Habu). Es wird genau beschrieben, dass es sich um ein Bündnis verschiedener Völkerschaften handelte, der Peleset, der Tjeker, der Schekelesch (Sikuler), der Danauna und der Wachschasch.

Ил. 2. Ваза с воинами, Микены, первая половина XII в. до н. э. (по: Mylonas 1983)

Abb. 2. Die Kriegervase aus Mykene, 1. Hälfte 12. Jahrhundert v. Chr. (nach Mylonas 1983)

нями в форме птиц, которые египетские лучники обстреливают и берут на бордаж. Пленных вытаскивают из воды, заковывают в цепи и уводят. На двух из нападающих кораблей видны воины в рогатых шлемах, на других — команды в украшенных перьями головных уборах.

Происхождение и этническая принадлежность вышеназванных народов до сих пор вызывают споры. Пеласгов часто связывают с филистимлянами, хорошо знакомыми нам по Библии. Утверждается, что после поражения в Египте они осели в Палестине.

Головные уборы с украшением из перьев и рогатые шлемы известны нам по некоторым изображениям на микенской керамике (Sandars 1978. S. 135). Особенно сильное впечатление производит бордюр с воинами в рогатых шлемах на так называемой вазе с воинами, найденной еще Генрихом Шлиманом во время раскопок в Микенах (ил. 2). Однако рогатые шлемы носила и личная охрана Рамзеса II, так называемые шардана, войско наемников, происхождение которых неясно и которые не встречаются в египетских источниках, связанных с «народами моря», но упоминаются в связи с битвой египтян и хеттов под Кадешем (1286 год до н. э.). Их одежды и оружие напоминают, скорее, восточные образцы, например изображающую некоего бога бронзовую статуэтку из Энгоми (Sandars 1978. P. 196. II. 129).

Сикюлы или шекеleshы также носили рогатые шлемы. Ф. Шахермейер полагает, что они происходят из адриатического региона, а воинов нурагской культуры с Сардинии считает скорее потомками сордонов, осевших в Западном Средиземноморье (Schachermeyr 1982. S. 39f., 52. Abb. 2).

Бурные дискуссии вызывает этническая принадлежность носителей головных уборов с украшением из перьев или тростника, поскольку такой головной убор встречается у разных народов и на протяжении весьма длительного периода, например на диске из Феста, датируемом временем около 1600 года до н. э. (Strobel 1976. P. 252f.).

Хотя происхождение отдельных племен «народов моря» все еще вызывает споры, можно все же констатировать, что отряды воинов, нападавших в XII и XI веках до н. э. на Восточное Средиземноморье, состояли из тех, кто не имел кор-

In einer dramatischen Seeschlacht im Nildelta, die in Medinet Habu detailgetreu wiedergegeben ist (Abb. 1), soll es Ramses angeblich gelungen sein, die vordringenden Horden zu besiegen. Zu erkennen sind auf dem Relief die mit Vogelsternen versehenen Boote der Angreifer, die von ägyptischen Bogenschützen, teils auf einem Schiff mit Löwensternen stehend, beschossen und geentert werden. Gefangene werden aus dem Wasser gezogen, gefesselt und abgeführt. Zwei der angreifenden Boote sind mit Kriegeren besetzt, die gehörnte Helme tragen, die Besatzung der übrigen Schiffe trägt Federkronen.

Die Herkunft und Zugehörigkeit der aufgezählten Völker ist umstritten. Die Peleset werden gerne mit den Philistern in Verbindung gebracht, die uns aus der Bibel wohlbekannt sind. Sie sollen sich nach der Niederlage in Ägypten in Palästina angesiedelt haben.

Ил. 3. «Barbarian ware», найденная Шлиманом в Трою в слое VIIb2. МПДИ, Берлин (фото К. Пламп)

Abb. 3. «Barbarian ware», gefunden von Schliemann in Schicht VIIb2 von Troja. MVF, Berlin (Foto: C. Plamp)

Federkronen und Hörnerhelme kennt man von einigen Darstellungen auf mykenischer Keramik (Sandars 1978. S. 135). Besonders eindrücklich ist ein Fries gehörnter Krieger auf der so genannten Kriegervase, die bereits Heinrich Schliemann bei seinen Grabungen in Mykene fand (Abb. 2). Hörnerhelme trug aber auch die Leibwache Ramses II., die so genannten Shardana, eine Söldnertruppe, deren Herkunft unklar ist, die aber in den ägyptischen Quellen zu den Seevölkern nicht mehr vorkommt, sondern in Zusammenhang mit der zwischen Ägyptern und Hethitern ausgefochtenen Schlacht von Kadesch (1286 v. Chr.) erwähnt wird. Ihre Tracht und Bewaffnung orientiert sich eher an orientalischen Vorbildern, etwa der Bronzestatuetten eines Gottes aus Enkomi (Sandars 1978. P. 196. II. 129).

Die Sikuler oder Schekelesch trugen ebenfalls Hörnerhelme. Schachermeyr sieht ihre Herkunft im Adriaum, während er die ebenfalls Hörnerhelme tragenden Krieger der Nuraghenkultur Sardinien eher für Nachkommen der Sardana hält, die sich im westlichen Mittelmeerraum ansiedelten (Schachermeyr 1982. S. 39f., 52. Abb. 2).

Stark umstritten ist auch die ethnische Zuordnung der Feder- oder Schilfkronenträger, da diese Kopfbedeckung bei verschiedenen Völkern und auch über einen längeren Zeitraum vorkommt, beispielsweise auf dem Diskos von Phaistos, der bereits um 1600 v. Chr. entstanden sein dürfte (Strobel 1976. P. 252f.).

ней на родине и искал счастья на юге. Позже к этим группам примкнули, вероятно, другие люди, пережившие не одну бойню и не имевшие теперь родины. Среди них наверняка были и микенские греки (Niemeier 1998. P. 47).

В египетских изображениях битвы на суше мы видим и женщин, и детей на повозках с впряженными в них быками и с дисковыми колесами — это значит, что речь идет о настоящей попытке иммиграции, а отнюдь не о грабежах. О том, что в это время действительно происходило переселение народов, свидетельствуют раскопки в северном Эгейском регионе, прежде всего в Трое и в Кастанасе под Салониками (Hochstetter 1984). В этих тепе над горизонтами разрушений, относящимися к эпохе поздней бронзы, встречается так называемая *barbarian ware* — грубая, сделанная вручную керамика с орнаментом из бороздок, самым точным аналогом которой может считаться керамика западно-понтийского побережья (ил. 3). Постепенная ассимиляция вновь прибывших потребовала в Кастанасе времени, равного жизни нескольких поколений (Hänsel 1989). Однако и Трое понадобилось не одно столетие, пока она не обрела вновь то величие и значение, которыми обладала в эпоху бронзы.

Таким образом, в это время мы имеем дело, во-первых, с переселением народов на относительно небольшой территории в несколько сот километров, а во-вторых, с событиями, втягивающими в свою орбиту очень большие пространства. Однако в любом случае тесное переплетение культурных, политических и экономических связей, объединявших эмпории восточного Средиземноморья в эпоху поздней бронзы, было нарушено. Следствием всего этого был упадок, отразившийся не только на качестве жизни каждого, но и на ремесленной, художественной и культурной сферах. Началось всеобщее обнищание.

Народы Центральной и Северной Европы, которые никогда не жили в столь хорошо организованных обществах, как дворцовые культуры Средиземноморья, напротив, переживали с XIII века до н. э. небывалый подъем, продлившийся вполне стабильно примерно до 800 года до н. э. Этот период стал временем технических достижений в обработке металла, строительстве повозок и судов, он характеризовался всеобщим улучшением условий жизни, о чем свидетельствует, среди прочего, ассортимент и использование многочисленных культурных растений. Только в начале железного века, вместе с экспансией на запад кочевых степных культур, в Центральной Европе также произойдут глубокие общественные изменения.

Auch wenn die Provenienz der einzelnen Seevölkerkontingente weiterhin in der Diskussion ist, lässt sich doch feststellen, dass es sich bei den Kriegerscharen, die im 12. und 11. Jahrhundert den östlichen Mittelmeerraum bedrohten, um Menschen gehandelt haben muss, die aus ihrer Heimat entwurzelt waren und ihr Heil im Süden suchten. Diesen Gruppen dürften sich dann weitere Personen angeschlossen haben, die die Massaker überlebt und nun selber keine Heimat mehr hatten, darunter sicher auch mykenische Griechen (Niemeier 1998. P. 47).

In den ägyptischen Darstellungen der Landschlacht sind auf den von Ochsen gezogenen Karren mit Scheibenrädern auch Frauen und Kinder zu sehen — es handelte sich also um einen regelrechten Immigrationsversuch und nicht nur um Plünderungen. Dass tatsächlich um diese Zeit eine Zuwanderung erfolgte, lässt sich in der nördlichen Ägäis, vor allem durch die Grabungen in Troja und in Kastanas bei Thessaloniki (Hochstetter 1984), belegen. In diesen Tells findet sich über den spätbronzezeitlichen Zerstörungshorizonten die so genannte „Barbarian ware“, eine grobe riefenverzierte und handgemachte Keramik, die ihre besten Parallelen an der westpontischen Küste besitzt (Abb. 3). Die allmähliche Assimilation dieser Neuankömmlinge lässt sich in Kastanas über mehrere Generationen fassen (Hänsel 1989). Aber auch in Troja dauerte es Jahrhunderte, bis der Ort wieder seine Größe und Bedeutung zurück gewann, die er in der Bronzezeit besaß.

Wir haben es also in dieser Zeit zum einen mit relativ kleinräumigen Wanderungsbewegungen von wenigen hundert Kilometern als auch mit großräumigen Ereignissen zu tun. In jedem Fall wurde aber das enge kulturelle Geflecht von politischen und ökonomischen Verbindungen, das die spätbronzezeitlichen Emporien im östlichen Mittelmeer miteinander verband, zerstört. All dies hatte einen Niedergang zufolge, der sich nicht nur auf die Lebensverhältnisse, sondern auch auf handwerkliche, künstlerische und kulturelle Bereiche auswirkte. Es setzte eine allgemeine Verarmung ein.

Die Menschen Zentral- und Nordeuropas, die niemals in derartig organisierten Palastkulturen wie die mediterranen Völker gelebt hatten, erlebten dagegen seit dem 13. Jahrhundert einen Aufschwung, der bis gegen 800 v. Chr. weitgehend stabil bleiben sollte. Es ist die Zeit technischer Meisterleistungen im Metallhandwerk, Wagen- und Schiffbau, und sie ist gekennzeichnet durch eine allgemeine Verbesserung der Lebensverhältnisse, was sich u. a. an dem Angebot und der Nutzung zahlreicher Kulturpflanzen ablesen lässt. Erst zu Beginn der Eisenzeit, mit der Ausbreitung nomadischer Steppenkulturen nach Westen, erfolgen auch in Mitteleuropa tief greifende gesellschaftliche Umbrüche.

Воинство и символы власти в эпоху бронзы

Kriegertum und Symbole der Herrschaft in der Bronzezeit

Кристиан Кристиансен

Война в эпоху бронзы

Kristian Kristiansen

Kriegsführung in der Bronzezeit

Воин бронзового века

В эпоху бронзы появилось несколько типов «классического» оружия, которые просуществовали все последующие тысячелетия до самого недавнего времени. Это меч и копье в качестве наступательного оружия и щит, шлем и панцирь в качестве элементов доспехов. Для быстрого передвижения были придуманы двухколесные, запряженные конями боевые колесницы, которые вместе с экипажем — возницей и стрелком из лука — представляли собой быструю и смертоносную боевую машину.

Такое сочетание этих военных новшеств повсеместно привело к общественным преобразованиям, поскольку изменило не только само по себе ведение боя и войны, но и лежащие в их основе социальные и экономические условия. Появилась потребность в новых способностях и новых мастерах, например тех, кто мог изготавливать конскую сбрую, с помощью которой возница мог маневрировать на боевой колеснице, или тех, кто мог построить саму колесницу. Кроме того, теперь была необходима сноровка в обращении с новыми видами ручного оружия — мечом и копьем, что предполагало долгий и продолжительный тренинг, о котором можно судить, например, по сильно развитым плечам скелетов из раннемикенских захоронений Эгины. У останков в погребениях эпохи бронзы нередко встречаются ранения, нанесенные мечом или копьем, и само оружие часто имеет следы боевого использования — повреждения и повторные заточки. На историческую арену вышел организованный и смертоносный способ ведения военных действий.

Новая военная аристократия отличалась от соплеменников одеждой и ухоженным видом. Появилась потребность в бритвах и пинцетах, которые помогали этот вид поддерживать, кроме того, новая элита щеголяла в роскошных шерстяных плащах (ил. 1).

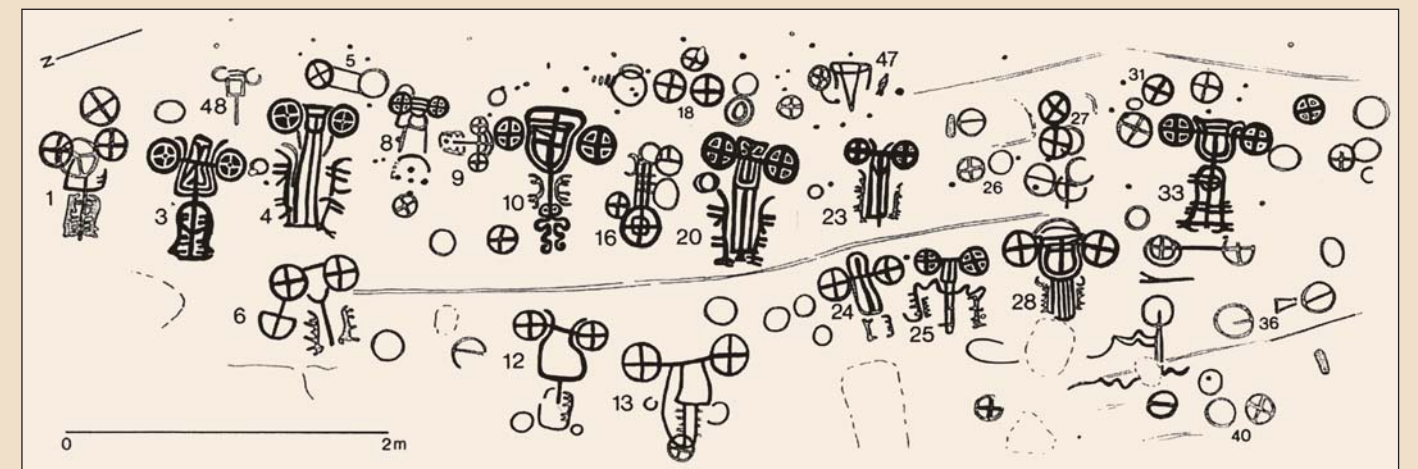
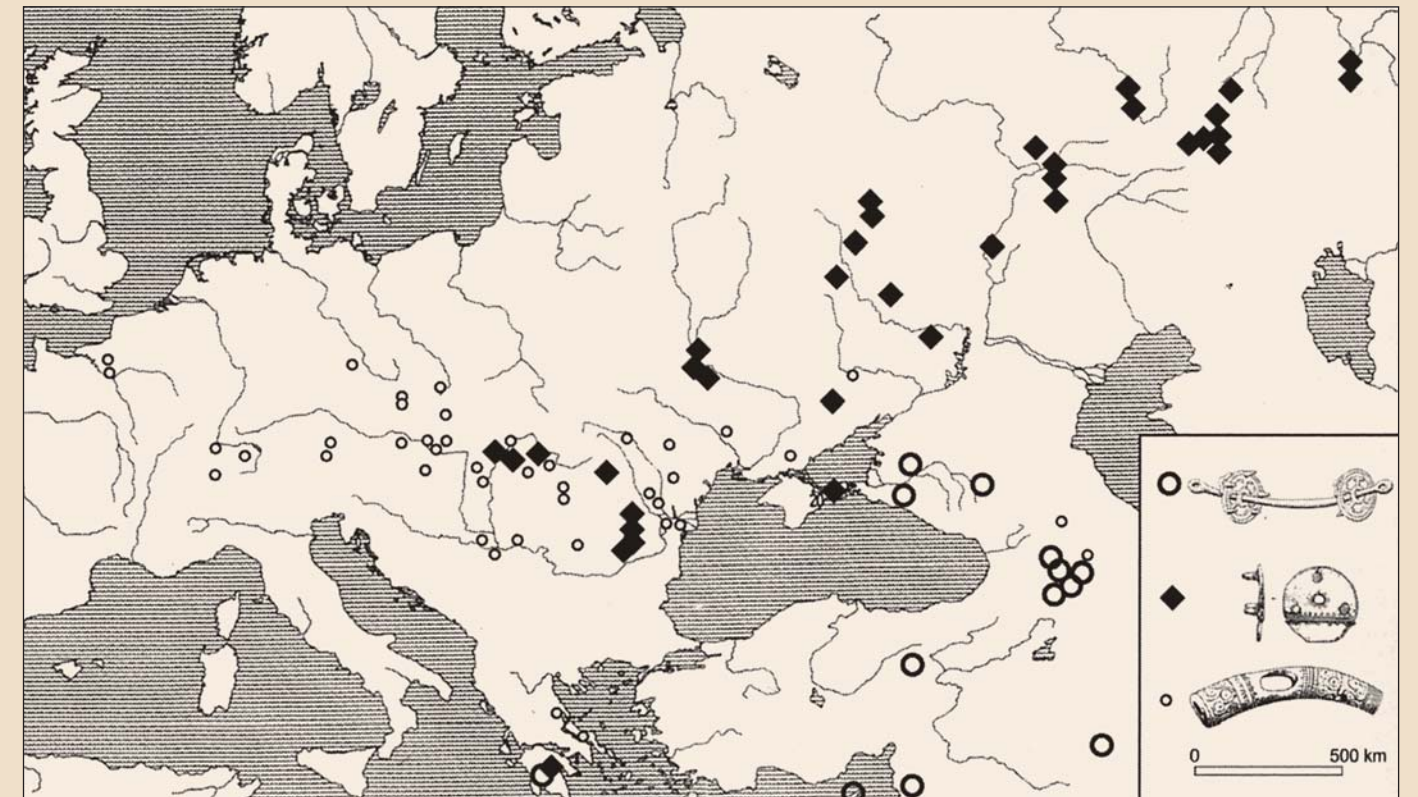
Не будет ошибкой считать, что военное дело как профессия активно развивается с эпохи средней бронзы. Статус воина был особенно притягателен для юношей, что заставляло их отправляться на службу наемниками в весьма удаленные местности. На кладбище в Неккарзульме в южной Германии более трети мужских погребений, даже не имеющих в погребальном инвентаре оружия, — это останки неместных, пришлых мужчин. Глобализация выразилась и в широком распространении новых типов мечей. Так, меч с языкообразной площадкой для крепления рукоятки за период от 1500 до 1100 года до н. э. распространился из Скандинавии до Эгейских островов, что говорит об интенсивном обмене знаниями в области военной и боевой практики, а также о дальних путешествиях воинов и наемников (ил. 2).

Der bronzezeitliche Krieger

Während der Bronzezeit entstanden eine Reihe von „klassischen“ Waffen, die während der folgenden Jahrtausende bis in die jüngere Vergangenheit in Benutzung blieben. Es sind Schwert und Lanze als Angriffswaffen sowie Schild, Helm und Panzer als Rüstungsteile. Für die schnelle Bewegung wurden zweirädrige, von Pferden gezogene Streitwagen entwickelt, die, mit einem Wagenlenker und einem Bogenschützen besetzt, flinke und tödliche Kampfmaschinen waren.

Die Kombination dieser militärischen Neuerungen führte überall zu einem Wandel in den bronzezeitlichen Gesellschaften, weil sich dadurch nicht nur das Kämpfen und Kriegführen veränderte, sondern auch die sozialen und ökonomischen Bedingungen, auf denen sie basierten. Neue Fähigkeiten wurden benötigt und zudem Spezialisten, die diese ausüben konnten, zum Beispiel Pferdegeschirr herzustellen, das es dem Lenker er-

Ил. 1. Воин эпохи бронзы, реконструирован на основе погребального инвентаря и тканей, найденных в датских дубовых гробах
Abb. 1. Bronzezeitlicher Krieger, rekonstruiert auf der Basis der in dänischen Eichensärgen enthaltenen Beigaben und Textilien

Боевые колесницы

По всей вероятности, боевые колесницы появились в южнорусских степях, затем, в период между 2000 и 1700 годами до н. э. они распространились из региона Восточного Урала и культуры Синташта на Причерноморье, острова Эгейского моря и дальше в Центральную и Северную Европу, где в наскальных рисунках встречаются очень реалистичные и детальные изображения боевых повозок. Особенно охотно новинку переняли царства и дворцовые культуры Ближнего Востока, хетты в Анатолии и микенцы в Греции. Широкое распространение нашел аристократический стиль ведения боя: сначала в ход шли копья, а затем рапиры, мечи длиной до метра. Их применяли, преимущественно, как колющее, а не рубящее оружие, это иллюстрируют микенские печати и инкрустации на клинках, где изображена колющая атака на щит врага. Совершенно очевидно, что меч был оружием элиты, предводителя, которого, однако, всегда сопровождала большая группа пехотинцев с копьями и, вероятно, луками и стрелами для поражения

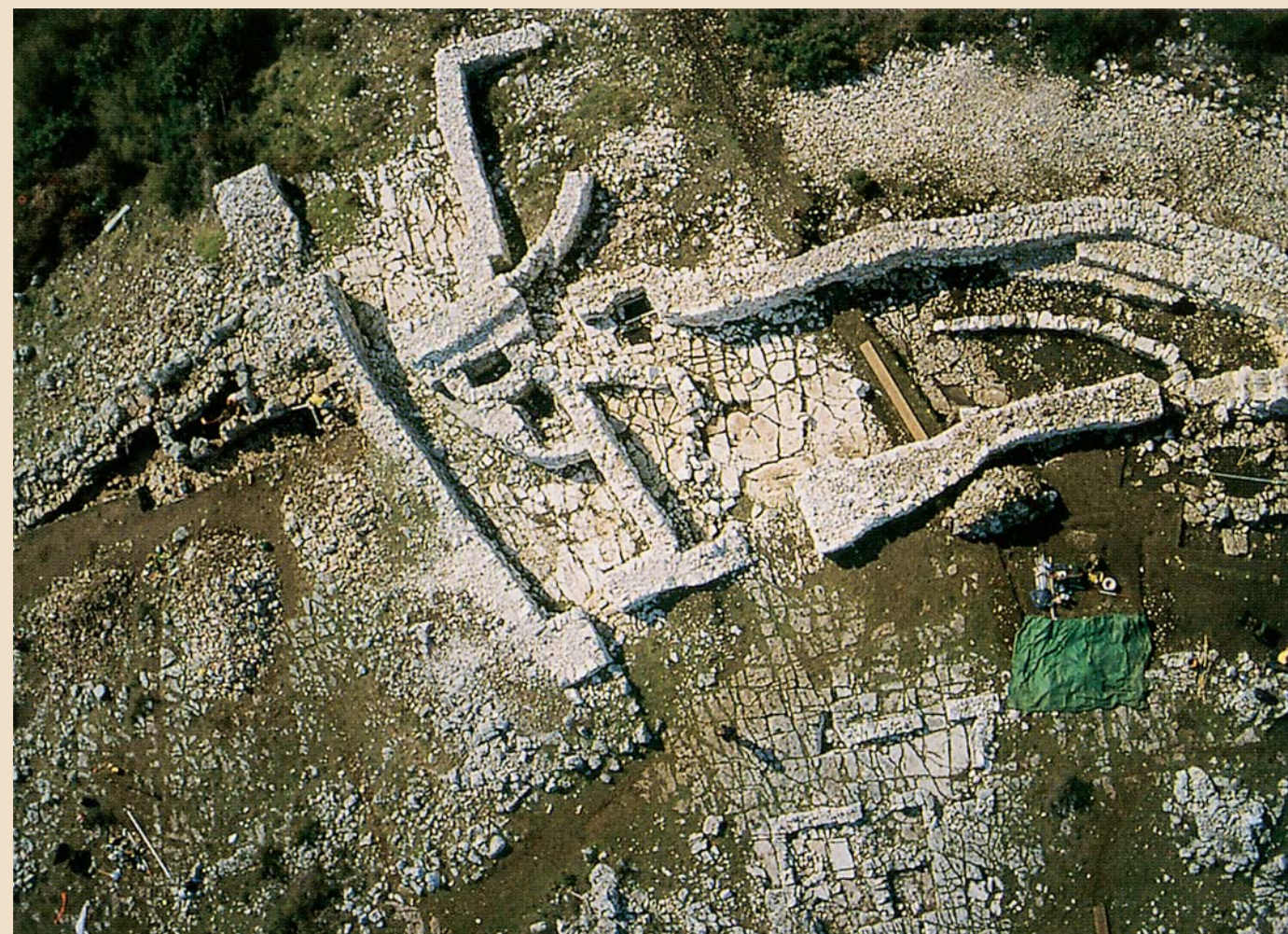
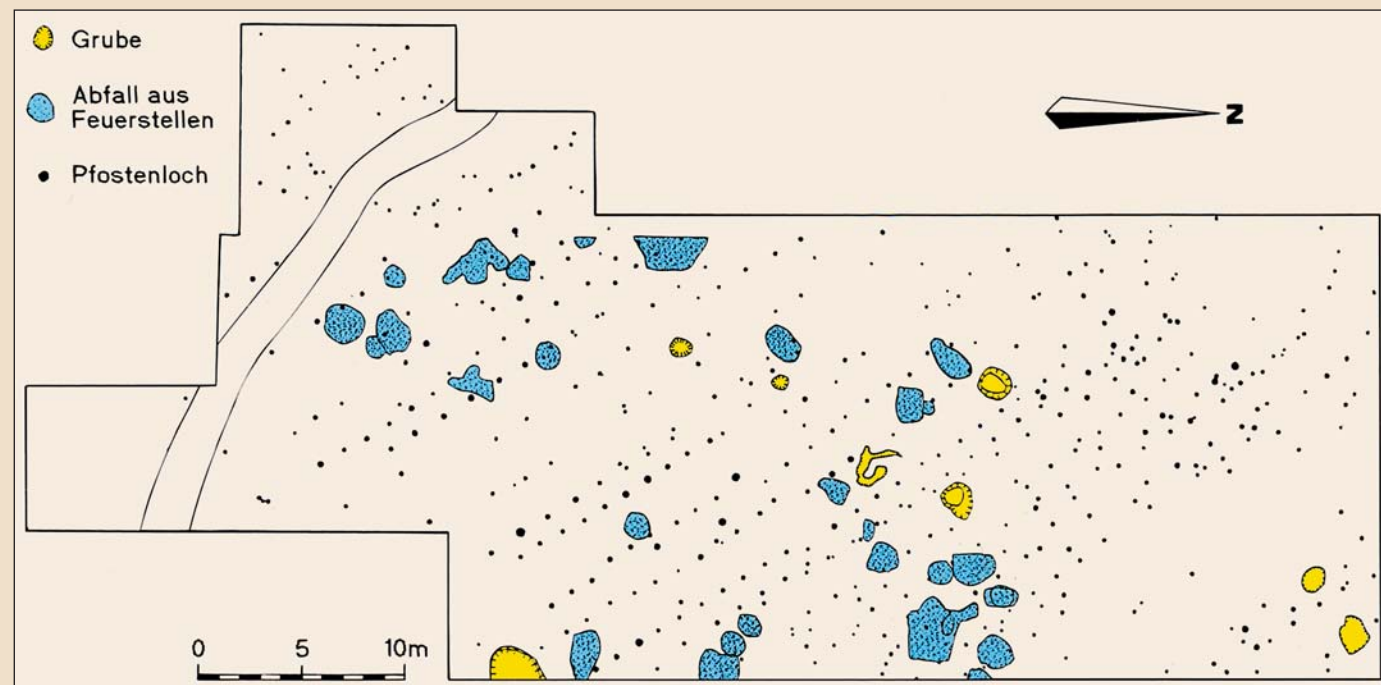
Ил. 2. Распространение псалиев конской сбруи боевых колесниц между 2000 и 1600 гг. до н. э.

Abb. 2. Verbreitung der Knebel von Pferdegeschirr für Streitwagen zwischen 2000 und 1600 v. Chr.

Ил. 3. Наскальный рисунок из Френарпа в Южной Швеции с изображением боевых колесниц

Abb. 3. Felsbild von Fränarp in Südschweden mit Streitwagendarstellung

möglichste, den Streitwagen zu manövrieren, oder Wagen zu bauen. Notwendig war außerdem Geschicklichkeit in der Benutzung der neuen Handwaffen Schwert und Lanze, was sowohl ein langes und dauerhaftes Training voraussetzte, das sich beispielsweise in den muskulär deutlich entwickelten rechten Oberarmen von Skeletten aus den frühmykenischen Gräbern von Aegina erkennen lässt. Regelmäßig zeigen sich nun in bronzezeitlichen Bestattungen Verletzungen durch Schwerter und Lanzen, und auch die Waffen selber weisen Kampfspuren auf wie Beschädigungen und Nachschärfungen. Eine organisierte und tödliche Art der Kriegsführung betrat die historische Bühne.

Ил. 4. а – Поселение Террамаре с палисадом, Повильо, Италия (по: Bernabò Brea 1997);

б – Крепостные ворота, Монкодонья, Истрия (по: Mihovilić u. a. o. J.)

Abb. 4. а – Grabungsbefund der Terramare-Siedlung mit Palisade von Poviglio, Italien (nach Bernabò Brea 1997);

б – Toranlage der Burg von Monkodonja, Istrien (nach Mihovilić u. a. o. J.)

удаленных целей. В Германии и Дании — регионах, в которых поселения и некрополи эпохи бронзы хорошо изучены, — удается посчитать, сколько воинов из отдельных хозяйств поддерживали немногочисленных предводителей с мечами: получается соотношение 6–12 воинов на одного предводителя. Это совпадает с числом гребцов на скандинавских наскальных рисунках с кораблями и может считаться устойчивым количеством воинов в группе при местном предводителе (ил. 3).

Укрепленные поселения

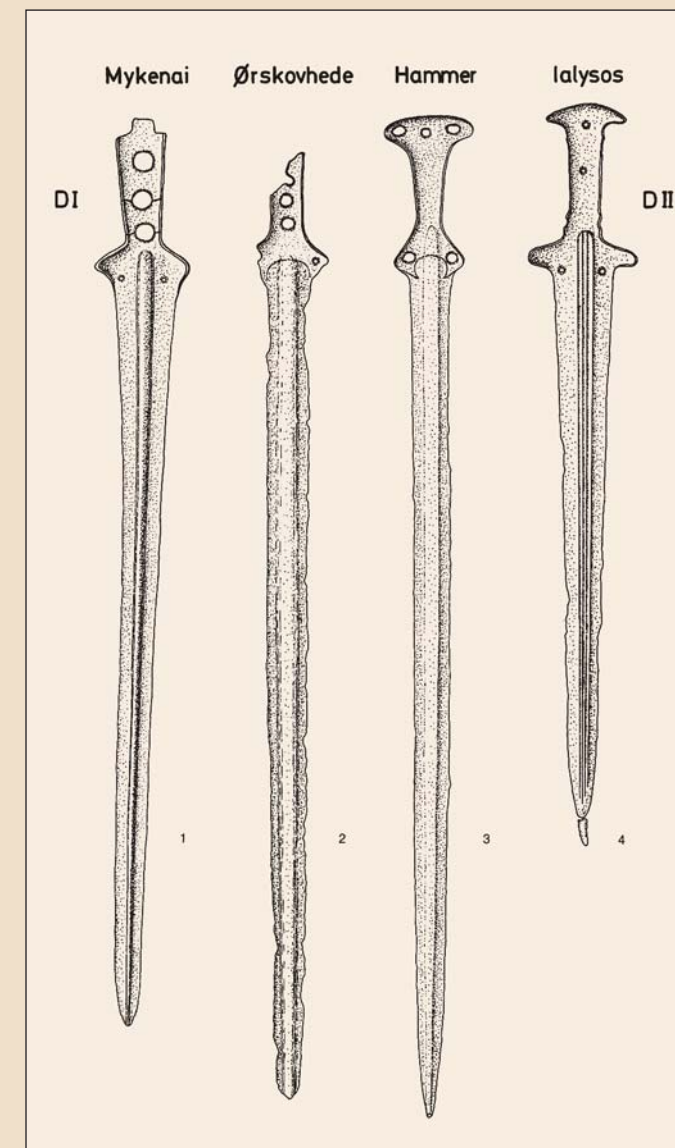
В это же время в дунайско-карпатском регионе происходило повсеместное укрепление больших, расположенных на тепе поселений с помощью валов и глубоких рвов. Это показывает, насколько организованно готовились к локальным конфликтам; постоянную защиту людей и собственности обеспечивали большие группы воинов. Многие из таких укрепленных поселений расположены на пересечении дорог у больших рек или горных перевалов, отсюда можно сделать вывод, что они были нужны для обеспечения безопасности торговли металлом. В некоторых местах укрепления были сделаны из больших цельных камней, особенно сильное впечатление это производит в Монкодонье на Истрии, где даже ворота были отдельно защищены сложной каменной конструкцией, что иногда встречается и в центральноевропейских укреплениях. На североитальянской Паданской равнине также есть оборонительные сооружения сложной конструкции, где вокруг поселений устроены водяные рвы (ил. 4).

Укрепления существовали на протяжении всей эпохи бронзы, и объяснение этому есть. Около некоторых, например близ Велема в Богемии, обнаружены убитые в бою, в большом количестве сброшенные в ямы. Дальнейшие раскопки укреплений эпохи бронзы дадут, вероятно, те же результаты.

Мечи с языкообразной площадкой для крепления рукояти

Самые древние мечи практически не годились для боя, так как клинок и рукоять соединялись друг с другом только заклепками. Вскоре появилось эффективное и мощное оружие, у которого рукоять и клинок были отлиты как одно целое. На языкообразную площадку крепили саму рукоять из дерева, кости или рога, которая заканчивалась навершием. Такой меч мог отражать сильные удары и не ломаться при попадании в щит. Новый меч с языкообразной площадкой для крепления рукояти стал стандартным вооружением воина эпохи бронзы, он распространился на огромной территории от Скандинавии до островов Эгейского моря, что свидетельствует об интенсивных связях между группами наемников или даже между целыми обществами эпохи бронзы. Его продолжали использовать в разных вариациях формы и длины до самого конца бронзового века.

В Центральной Европе предпочтение отдавали длине клинка в 60 см. Некоторые найденные клинки оказались чуть короче, что указывает на повторные заточки острия, которое могло часто сгибаться или ломаться. Такая длина меча свидетельствует, скорее, в пользу индивидуального боя, нежели атак фалангой. В Эгейском регионе длина меча, после некоторых колебаний, стала 40 см, как у более позднего римского гладиуса, что говорит в пользу боя в фаланге с ограниченной возможностью движения (ил. 5).

Ил. 5. Мечи с языкообразной площадкой для крепления рукояти одного типа, распространенные на территории между Данией и Эгейским регионом

Abb. 5. Griffzungenschwerter gleichen Typs zwischen Dänemark und Ägäis

Die neue Kriegeraristokratie unterschied sich auch in ihrer Kleidung und Körperpflege. Rasierer und Pinzetten wurden notwendig, um das Erscheinungsbild von Kopf und Körper zu verändern, und prächtige Wollmäntel kennzeichneten die neue Elite bei ihrem Auftreten (Abb. 1).

Wir könnten davon ausgehen, dass sich das Kriegswesen als Beruf besonders seit der Mittelbronzezeit entwickelte. Krieger zu sein war besonders für junge Männer attraktiv und führte auch dazu, dass sie in entfernten Gegenden als Söldner dienten. In einem bronzezeitlichen Friedhof von Neckarsulm in Süddeutschland sind mehr als ein Drittel der männlichen Bestattungen, auch wenn sie keine Waffenbeigaben haben, fremder Herkunft. Diese Globalisierung lässt sich auch durch die zügige Verbreitung neuer Schwerttypen erkennen. So war das Griffzungenschwert zwischen 1500 und 1100 v. Chr. von Skandinavien bis in die Ägäis verbreitet, was auf einen lebhaften Austausch der Kenntnis über Kriegs- und Kampfpraktiken, aber auch auf weit reisende Krieger und Söldner schließen lässt (Abb. 2).

Дротики и копья

Самым распространенным оружием бронзового века были, несомненно, дротики и копья, которые только в конце этого периода стали достаточно отчетливо отличаться друг от друга. Последние, как современные штыки, использовались в ближнем бою и были *par excellence* оружием пехоты. У каждого воина были при себе, как правило, два дротика или копья, о чем свидетельствуют изображения на микенских вазах, а также погребальный инвентарь, который находят по всей Европе.

Оборонительное оружие: щит, шлем и доспехи

Лучшей защитой воина от ран всегда было его собственное умелое обращение с оружием. Поэтому кельты выходили на бой обнаженными, чтобы продемонстрировать свое боевое превосходство и бесстрашие. Однако и самому лучшему воину была нужна защита от разного рода неожиданностей, и вместе с прогрессом оружия совершенствовалось и оборонительное снаряжение.

За пределами Греции в находках, датируемых эпохой ранней и средней бронзы, оборонительное снаряжение практически не обнаружено, поскольку оно было изготовлено, главным образом, из дерева или кожи (щиты) и кости (клыки дикого кабана для шлемов). Самыми лучшими из доступных нам источников по этой теме являются микенские изображения военных действий. В карпатском регионе были найдены шлемы с клыками кабана периода средней бронзы. Тем не менее в Центральной Европе были разработаны, по всей вероятности, специально для защиты в бою некоторые элементы мужского снаряжения: наручные спирали и тяжелые, защищающие кисть и локоть спиральные кольца часто находили вместе с мечами. Нет сомнений в том, что их использовали, поскольку на них имеются механические повреждения. Обычные наручные спирали по форме повторяли предплечье и сужались к запястью.

Только к концу эпохи бронзы по всей Европе появилось специальное защитное снаряжение из раскованной бронзы — шлемы, щиты, панцири и поножи. Поскольку раскованная бронза не обеспечивала необходимой защиты, это снаряжение считается престижным облачением военной аристократии, используемым исключительно для церемоний и демонстрации своего общественного положения. Этот вывод совпадает с наблюдениями исследователей, заключающимися в том, что предводители с мечами с литой рукоятью не принимали участия в тяжелых боях. Кроме того, это подтверждает наличие иерархии в ведении боевых действий в период поздней бронзы — бой принимали на себя преимущественно воины, а элита руководила их действиями.

Тем не менее некую целесообразность оборонительного снаряжения исключать нельзя. Панцири и ножные латы были наверняка снабжены с внутренней стороны подкладкой из кожи или других органических материалов, таких как войлок или лен, о чем свидетельствуют крепёжные заклепки. В Греции шлемы, ножные латы и наручные щитки также имели отверстия для крепления подкладки. Можно предположить, что и на остальной территории Европы дело обстояло так же. Кроме того, один из самых известных шлемов, датируемых временем поздней бронзы, — шлем из Хайдубёсёрмеи покрыт вмятинами от ударов меча и топора или стрел и дротиков. Судя по заклепочным отверстиям на внутренней стороне, шлем имел подкладку из кожи или ткани, благодаря которой он прочно и комфортно сидел на голове.

Streitwagen

Sehr wahrscheinlich entwickelten sich Streitwagen in den südrussischen Steppen, von wo sie sich, ausgehend vom östlichen Ural und der Sintasta-Kultur, zwischen 2000 und 1700 v. Chr. zum Schwarzen Meer, in die Ägäis und bis nach Zentral- und Nordeuropa ausbreiteten, wo es auf Felsbildern sehr realistische und detaillierte Darstellungen von kampffähigen Wagen gibt. Sehr bereitwillig wurde diese Kampfweise von den Königreichen und Palastkulturen im nahen Osten, den Hethitern in Anatolien und den Mykenern in Griechenland aufgegriffen. Mit ihnen breitete sich eine aristokratische Kampfweise aus, bei der zuerst die Lanzen und danach Rapiere, also bis zu einem Meter lange Schwerter, eingesetzt wurden. Die wurden mehr zum Stechen als zum Hauen verwendet, wie sich auf mykenischen Siegeln und Einlegearbeiten auf Klingen erkennen lässt, deren Thema ein Stoßangriff gegen den Schild des Gegners ist. Deutlich ist das Schwert die Waffe der Elite, des Anführers, der jedoch von einer größeren Schar Infanteriesoldaten mit Lanzen und wohl auch Bogen und Pfeilen für entferntere Ziele begleitet war. In den Regionen von Deutschland und Dänemark, in denen eine gute Übersicht zum bronzezeitlichen Siedlungsweisen und Nekropolen gegeben ist, lässt sich berechnen, wie viele Krieger aus den einzelnen Hofstellen die wenigen Schwert tragenden Anführer unterstützten, wobei sich ein Verhältnis von sechs bis zwölf Krieger pro Schwertkämpfer ergibt. Dies entspricht der durchschnittlichen Zahl von Ruderern auf den skandinavischen Felsbilddarstellungen mit Schiffen und dürfte die Basiseinheit eines Kriegerhaufens mit örtlichem Anführer gewesen sein (Abb. 3).

Befestigte Siedlungen

Zur gleichen Zeit wurden im Donau-Karpatenraum die auf Tells gelegenen Hauptsiedlungen durch tiefe Gräben und Wälle massiv befestigt. Dies zeigt, wie organisiert man sich auf lokale Auseinandersetzungen vorbereitete, wobei größere Kriegergruppen den täglichen Schutz von Menschen und Besitz ermöglichten. Viele dieser befestigten Siedlungen befinden sich an Knotenpunkten bei größeren Flüssen oder Gebirgspässen, was darauf hinweist, dass sie zum Schutz des Metallhandels notwendig waren. An einigen Plätzen wurden sie aus massiven Steinen konstruiert, besonders beeindruckend beispielsweise in Monkodonja auf Istrien, wo auch die Tore durch komplizierte Vor- und Einbauten speziell geschützt waren, was sich auch bei einigen zentraleuropäischen Befestigungen erkennen lässt. In der norditalienischen Poebene gibt es ebenfalls hoch spezialisierte Verteidigungsanlagen, bei denen Wassergräben um die Siedlungen geführt wurden (Abb. 4).

Befestigungen sind die ganze Bronzezeit über vorhanden, und der Grund dafür ist einleuchtend. Bei einigen, z. B. Velem in Böhmen, fanden sich Kriegstote, die in großer Anzahl in Gruben geworfen worden waren. Weitere Grabungen an bronzezeitlichen Befestigungen in Europa dürften zu ähnlichen Ergebnissen führen.

Griffzungenschwerter

Die ältesten Schwerter waren noch recht untauglich zum Kämpfen, da Klinge und Griff nur durch Niete miteinander verbunden waren. Bald entwickelte sich eine effektivere und kräftigere Waffe, bei der Griff und Klinge in einem Stück gegossen wurden. Die Griffzunge wurde mit Holz oder Knochen/Geweih verkleidet und durch einen Knauf abgeschlossen. Ein derartiges Schwert konnte heftigeren Schlägen besser standhalten und ohne zu zerbrechen einen Schild treffen. Das neue Griffzungen-

Мечи из бронзы: функциональность и использование

Один из постоянно повторяемых аргументов против того, что и мечи с литой рукоятью, и мечи с языкообразной площадкой для крепления рукояти действительно использовались в военных действиях, — это утверждение, что сама рукоять слишком коротка для того, чтобы держать ее в руке. Подержав в руке сотни мечей, я считаю этот аргумент необоснованным. Мечи железного века довольно тяжелые, по крайней мере, по сравнению с историческими или современными рапирами, при этом большая часть веса приходится на клинок. Чтобы контролировать движения меча, рукоять надо очень крепко обхватывать ладонью. Именно для этого и приспособлена короткая рукоять с выдающимися плечиками, которые в данном случае являются функциональной частью рукояти. Рука охватывала рукоять вместе с плечиками, благодаря чему все движения становились более точными и контролируемыми. Пальцы в таком хвате также становились более подвижными, что позволяло применять самые разные боевые техники. Это было идеальным решением для сочетания рубящих и колющих ударов, осуществляемых одной рукой. В эпоху поздней бронзы техника рубящих ударов стала доминировать и сделала обращение с мечом еще более трудным, что привело к одному интересному изобретению (ил. 6). У большинства мечей с литой рукоятью имеется маленькое отверстие в навершии, назначение которого до сих пор объяснить не могли. Однако у некоторых мечей в месте этого отверстия присутствуют потертости, явно оставленные ремешком, по всей вероятности кожаным. На ил. 6 показано использование этого шнура, которое заставляет вспомнить современную полицейскую дубинку, поскольку такое устройство рукояти меча соответствовало тем же практическим функциям: препятствовало возможности выпустить меч из руки, позволяло руке расслабиться, а воину использовать при ударе больший размах и большую силу.

В бою на мечах существенную роль играет правильная балансировка. Распределение веса между рукоятью и клинком определяет его использование для колющих или рубящих ударов. Длинные и тонкие клинки эпохи средней бронзы говорят скорее об использовании их в качестве колющего оружия, а в эпоху поздней бронзы клинок становится широким и тяжелым, что было необходимо для оружия рубящего. Различие заключается в расположении центра тяжести: у колющих мечей он находится рядом с рукоятью, у рубящих — гораздо ниже, в районе клинка.

Это означает, что колющий меч должен был давать возможность делать быстрые оборонительные и наступательные движения, а рубящий меч был для этого слишком тяжел, он предназначался для энергичных движений с большим замахом. Следует, однако, подчеркнуть, что рубящие и колющие мечи эпохи бронзы нельзя сравнивать с современными типами мечей, очень узкоспециализированными и пригодными только для изначального задуманного использования. Меч эпохи бронзы можно было использовать самыми разными способами, несмотря на то, что одна из функций колющего или рубящего оружия могла быть реализована одним мечом лучше, чем другим. Только самые ранние образцы рапир представляют собой чисто колющее оружие даже по сравнению с самыми древними мечами с языкообразной площадкой для крепления рукояти.

Все вышеописанное показывает, что мечи в эпоху бронзы действительно использовались в боях. Это подтверждают

schwert wurde zur Standardwaffe des bronzezeitlichen Kriegers und wurde von Skandinavien bis in die Ägäis schnell übernommen, was die Intensität der Verbindungen zwischen Söldnergruppen oder sogar ganzen bronzezeitlichen Gesellschaften zeigt. Es blieb in unterschiedlicher Form und Länge bis an das Ende der Bronzezeit in Benutzung.

In Mitteleuropa bevorzugte man Klingenspitzenlängen von 60 cm. Einige sind etwas kürzer, was auf Nachschärfen der Spitze hindeutet, die öfter verbogen werden konnte oder abbrach. Eine solche Schwertlänge spricht eher für Einzelkämpfe als für Angriffe in einer Phalanx. In der Ägäis pendelte sich die Schwertlänge, ähnlich wie später bei dem römischen Gladius, auf 40 cm ein, was für einen Kampf in einer Phalanx mit begrenzteren Bewegungsmöglichkeiten spricht (Abb. 5).

Ил. 6. Меч с литой рукоятью, оснащенной кожаным ремешком, не позволявшим выпустить оружие из руки

Abb. 6. Vollgriffsschwert mit Lederriemen, das ein Verlieren der Waffe verhindert

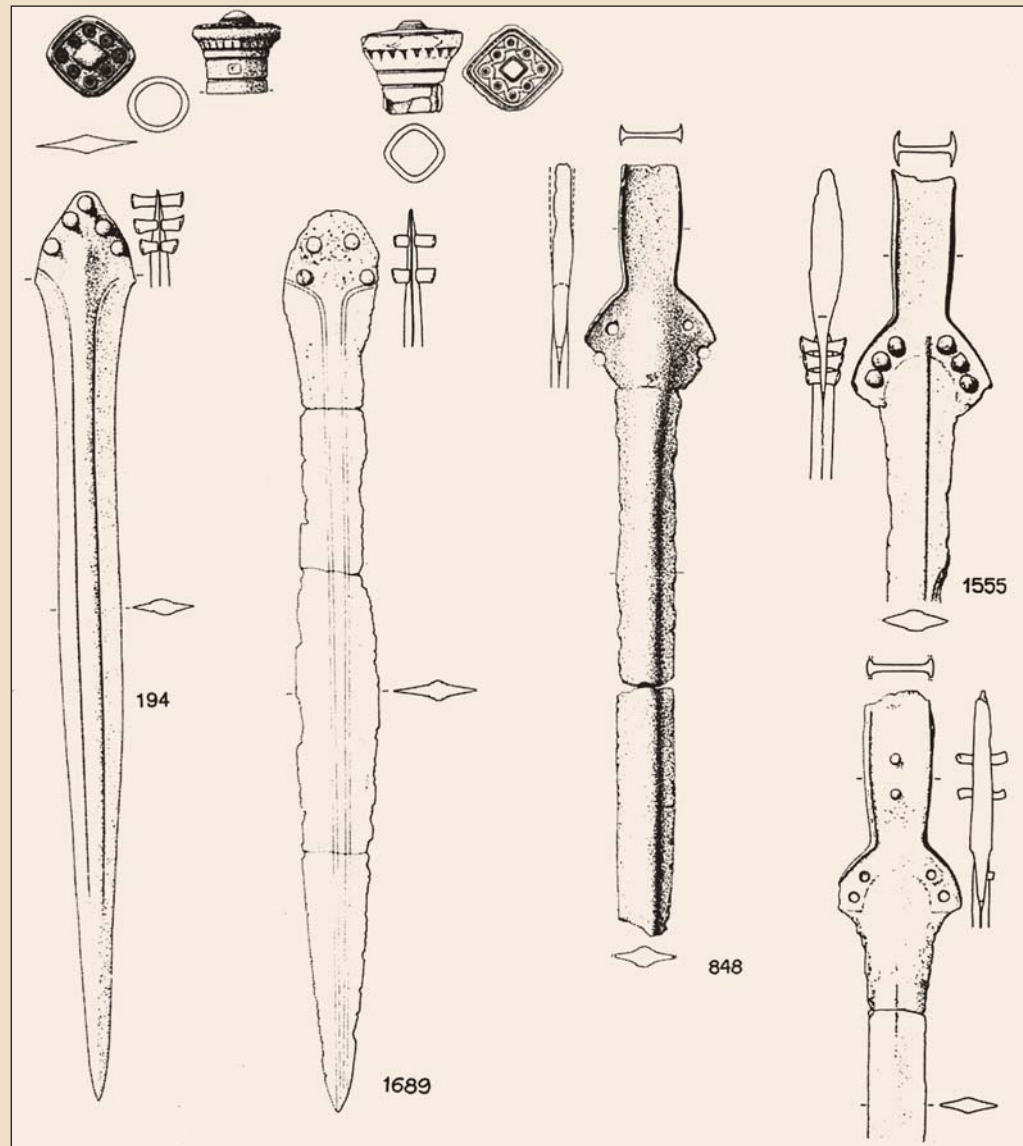
Speere und Lanzen

Die häufigsten bronzezeitlichen Waffen waren zweifellos Speere und Lanzen, die sich erst gegen Ende der Bronzezeit deutlich voneinander unterscheiden lassen. Letztere wurden ähnlich wie moderne Bajonette im Nahkampf benutzt und waren die Infanteriewaffe par excellence. Jeder Krieger führte normalerweise zwei Speere oder Lanzen mit sich, wie sich anhand mykenischer Vasenbilder aber auch anhand von Grabbeigaben aus ganz Europa ablesen lässt.

Schutzwaffen: Schild, Helm und Rüstung

Der beste Schutz eines Kriegers, um Verletzungen zu vermeiden, war immer die eigene Geschicklichkeit, mit der er seine Waffen führte. Darum zogen die Kelten nackt in den Kampf, weil sie so ihre kämpferische Überlegenheit und ihre Furchtlosigkeit demonstrieren konnten. Aber auch der beste Krieger brauchte Schutz gegen Unerwartetes, so dass sich mit der fortschreitenden Waffentechnik auch die Abwehrmechanismen verbesserten.

Während der Früh- und Mittelbronzezeit gibt es außerhalb Griechenlands nur wenige Hinweise auf Schutzwaffen, da diese zumeist aus Holz oder Leder (Schilde) und Knochen (Wildschweinhauer für Helme) bestanden. Mykenische Kampfdarstellungen sind die besten Quellen, die wir besitzen. Aus dem Karpatengebiet stammen mittelbronzezeitliche Eberzahnhelme. Aber einige männliche Ausrüstungsgegenstände in Zentral-europa könnten auch zum Schutz entwickelt worden sein — Armspiralen und schwere, Hand und Ellbogen schützende

Ил. 7. Примеры мечей с повторно заточенным и измененным клинком
Abb. 7. Beispiele von Schwertern mit nachgeschärfter und veränderter Klinge

Спиральные кольца часто встречаются вместе с мечами. Поскольку они использовались, очевидно, из-за следов износа. Обычные спиральные кольца были по форме подобны предплечью и поэтому хорошо подходили к руке. Обычные спиральные кольца были по форме подобны предплечью и поэтому хорошо подходили к руке.

Только в конце бронзы в Европе появилась специальная защитная одежда из бронзы — шлемы, щиты, панцирь и набедренные пластины. Поскольку бронзовые пластины использовались только для украшения, эти доспехи считались престижными атрибутами аристократических воинов. Поскольку бронзовые пластины использовались только для украшения, эти доспехи считались престижными атрибутами аристократических воинов.

Целесообразность защитной одежды не исключает. Шлемы и набедренные пластины были сделаны из органических материалов, таких как войлок или лен, и были покрыты бронзовыми пластинами. В Греции носили шлемы, набедренные пластины и предплечья, которые также имели отверстия для крепления ремней. Кроме того, в Греции носили шлемы, набедренные пластины и предплечья, которые также имели отверстия для крепления ремней.

Бронзовые мечи: функциональность и использование

Одним из постоянно повторяющихся аргументов против использования короткого меча является утверждение, что рукоять слишком коротка для использования. Однако, если посмотреть на сотни бронзовых мечей, можно увидеть, что рукоять была достаточно длинной, чтобы хватать меч двумя руками. Кроме того, в бронзовую эпоху существовали различные типы мечей, в том числе и с длинными рукоятями.

и следы боевых действий на клинках, которые можно обнаружить у большинства мечей. Такие зазубрины и последующие повторные заточки характерны для мечей на всем протяжении бронзового века. Место под рукоятью — это зона защиты, поэтому именно здесь встречаются особенно сильные повреждения и следы заточек. Чаще всего на одной стороне дефекты выражены сильнее, чем на другой, так как воин обычно держал оружие в руке всегда одним и тем же образом. Следствием повторных заточек было то, что клинки под рукоятью часто становились уже, они были сильнее сточены.

У более старых мечей, которые дольше использовались в боевых действиях и чаще повреждались и ремонтировались, нижняя часть перекрестья иногда ломалась из-за повторных заточек и ярости вражеских ударов. Поэтому нижние заклепочные отверстия оказывались поврежденными и не годными к использованию. В эпоху поздней бронзы это привело к техническому усовершенствованию мечей, в частности к появлению под рукоятью рикассо, которое помогало удерживать вражеский клинок, чтобы тот не соскользнул вверх, не повредил перекрестье и не поранил пальцы воина. Иногда вся рукоять была изогнутой из-за частых ударов и защитных приемов, это свидетельствует о том, что тяжелые бои были нередким явлением. Мечи с языкообразной по-

щадкой для крепления рукояти могли при этом вообще сломаться в области рукояти. Находки показывают, что такое бывало очень часто, если даже не считать некоторых найденных сломанных мечей, в которых сломы могли случиться в недавнее время.

В средней части клинка встречаются повреждения, возникающие при атаке, когда наносящий удар меч бывает остановлен мечом противника. Здесь тоже могут быть вогнутости режущей кромки, появившиеся из-за повторных заточек. Эти вогнутости особенно заметны в сравнении с мечами, имеющими повреждения, не откорректированные повторной заточкой (ил. 7). У некоторых мечей на срединном ребре имеются косые зарубки, они указывают на то, что воины бронзового века применяли и такие оборонительные техники, при которых используется плоская поверхность клинка. Острые клинки также могли быть погнуты или даже обломаны, когда при колющем ударе меч попал в щит. Заточка с формированием нового острия довольно часто встречается именно у мечей, датируемых эпохой средней бронзы, хотя для периода поздней бронзы оно также характерно, что указывает на разнообразное применение мечей — и для рубящих ударов, и для колющих.

Обобщая, можно утверждать, что мы имеем однозначные доказательства большого значения боя на мечах в Европе эпохи бронзы. На протяжении всего этого периода существовали хорошо подготовленные специалисты в области искусства боя на мечах. Можно констатировать, что мечи разных типов имели и разные функции: меч с языкообразной площадкой для крепления рукояти был стандартным оружием профессиональных воинов, а меч с литой рукоятью был скорее оружием предводителя, хотя тоже использовался в бою. У мечей этого типа клинок бывает обычно поврежден в гораздо меньшей степени, чем у мечей с языкообразной площадкой для крепления рукояти. Относительно периода ранней и средней бронзы еще одним доказательством такого использования мечей с литой рукоятью является тот факт, что рукоять крепилась только заклепками, которые едва ли могли выдержать сильный удар. В эпоху поздней бронзы конец клинка уже вставляли в рукоять, чтобы сделать оружие более стабильным и воспрепятствовать разлому меча между клинком и рукоятью. Поэтому число заклепок сократилось до двух, причем очень небольших. Можно предположить, что в это время мечи с литой рукоятью чаще использовали в реальных боевых действиях.

Повреждения, обнаруженные и на мечах с языкообразной площадкой для крепления, и на мечах с литой рукоятью, не похожи на те, которые могли бы появиться при использовании мечей в учебных боях. Для них настоящие мечи были слишком ценными, поэтому для тренировок уже в эпоху бронзы использовали специальные деревянные мечи, что, в свою очередь, также указывает на большое значение войны в жизни людей бронзового века.

Кочующие воины и их значение для торговли металлами

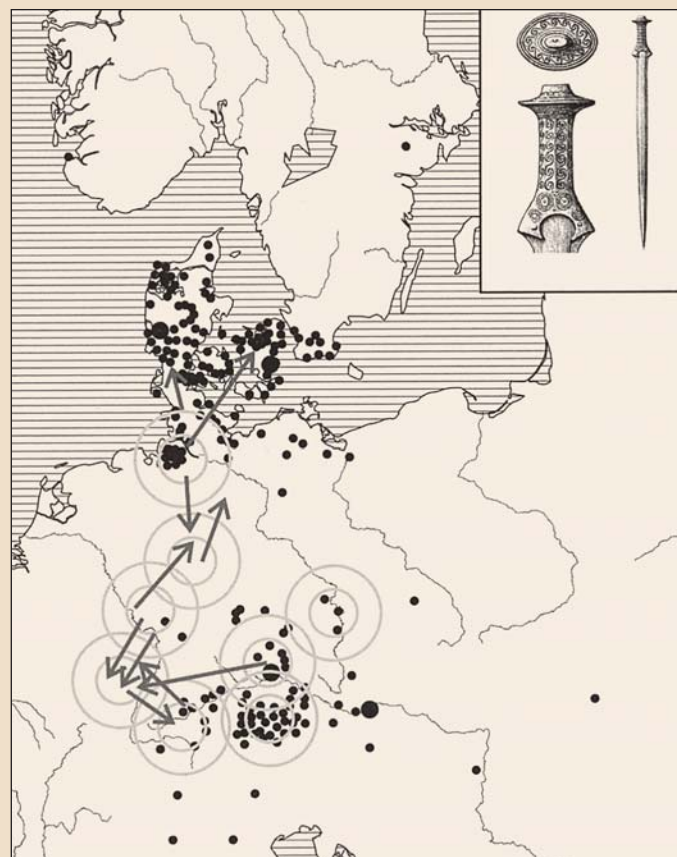
В эпоху бронзы впервые возникает международная воинская культура, свидетельствующая об интенсивных взаимоотношениях и активном взаимовлиянии различных групп воинов по всей Европе. Это можно иллюстрировать с помощью карт распространения разных типов мечей, — например, мечей с языкообразной площадкой для крепления рукояти или мечей с литой восьмигранной рукоятью XV и XIV веков до н. э., объединяющих Данию с Южной Германией и Центральной Европой (ил. 8). Кроме того, карто-

гелю удается через короткое лезвие с выгнутыми плечами, которые являются функциональной частью рукояти. Меч представлял собой функциональный элемент рукояти. Меч представлял собой функциональный элемент рукояти. Меч представлял собой функциональный элемент рукояти.

Хорошо сбалансированный меч для боя на мечах был функциональным. Соотношение между рукоятью и клинком определяет его функцию как колющего или рубящего оружия. В бронзовую эпоху мечи были функциональными. Соотношение между рукоятью и клинком определяет его функцию как колющего или рубящего оружия. В бронзовую эпоху мечи были функциональными.

Общие выводы показывают, что бронзовые мечи использовались в боях. Это видно по повреждениям на клинках и рукоятях. Кроме того, в бронзовую эпоху существовали специалисты в области искусства боя на мечах. Это свидетельствует о том, что мечи были функциональными.

У более старых мечей, которые дольше использовались в боевых действиях и чаще повреждались и ремонтировались, нижняя часть перекрестья иногда ломалась из-за повторных заточек и ярости вражеских ударов. Поэтому нижние заклепочные отверстия оказывались поврежденными и не годными к использованию. В эпоху поздней бронзы это привело к техническому усовершенствованию мечей, в частности к появлению под рукоятью рикассо, которое помогало удерживать вражеский клинок, чтобы тот не соскользнул вверх, не повредил перекрестье и не поранил пальцы воина. Иногда вся рукоять была изогнутой из-за частых ударов и защитных приемов, это свидетельствует о том, что тяжелые бои были нередким явлением. Мечи с языкообразной по-

Ил. 8. Распространение восьмигранных мечей как указание на передвижения наемников и торговцев в XV и XIV вв. до н. э. Круги обозначают отдельные культурные группы, а стрелки показывают места, где женщина была погребена за пределами родного региона

Abb. 8. Verbreitung der Achtkantschwerter als Hinweis auf Bewegungen von Söldnern und Händlern im 15. und 14. Jahrhundert v. Chr. Die Kreise kennzeichnen einzelne Kulturgruppen und die Pfeile zeigen, wo eine Frau außerhalb ihres Herkunftsgebiets bestattet wurde

вание наглядно демонстрирует, что некоторых женщин использовали для установления политических союзов между локальными группами и налаживания мирных отношений, которые были необходимы для торговли металлами и позволяли торговцам и воинам безопасно передвигаться между соседними группами. Ил. 8 показывает, среди прочего, что мужчины-воины гораздо чаще покидали дом и удалялись от него на более длинные дистанции.

Такие передвижения были недавно подтверждены находкой мужского кладбища в Неккарзульме, где погребено более пятидесяти человек. С помощью исследования изотопов стронция в эмали зубов удалось доказать, что треть погребенных там мужчин была родом из других мест. Вероятнее всего, это были наемники, находившиеся на службе у чужого властелина.

На далекие расстояния в те времена передвигались торговцы, кузнецы, воины, наемники, мигранты и дипломаты. Хорошими примерами здесь могут быть останки кораблей, обнаруженные у мысов Улу-Бурун и Гелидонья. Эти корабли могли перевозить в отдаленные владения не только товары, но и воинов или наемников, которые одновременно еще и защищали груз.

Исторически доказано, что на службе у римлян состояли германские и кельтские наемники, возвращавшиеся после службы на родину с римским оружием и римскими товара-

ми, обладание которыми обеспечивало престиж в обществе. Поэтому наличие в восточной части Центральной Европы XIV и XIII веков до н. э. греко-микенского оружия вполне можно интерпретировать как доказательство возвращения наемников после службы на микенских территориях. Подтверждением того же могут быть и центрально-европейские, прежде всего итальянские, мечи с языкообразной площадкой для крепления рукояти, найденные в зоне микенских дворцов, а также керамика, изготовленная в традициях родных мест пришельцев, — например, сосуды, напоминающие итальянские и обнаруженные в Восточном Средиземноморье.

Этнографические примеры подтверждают тезис о войнах и торговцах, передвигавшихся на большие расстояния. У воинов часто формировалась собственная групповая идентичность (сообщества воинов), которая объединяла их в пределах конкретной территории с помощью четких правил допустимого поведения. Правила могли касаться как вербования новых воинов, так и собственных путешествий в дальние владения с целью вернуться со славой и престижными товарами. Такое поведение характерно для масаев и японских самураев, оно присутствует в качестве повторяющегося сюжетного элемента в повествованиях о войнах и войнах.

Этнографические примеры подтверждают тезис о войнах и торговцах, передвигавшихся на большие расстояния. У воинов часто формировалась собственная групповая идентичность (сообщества воинов), которая объединяла их в пределах конкретной территории с помощью четких правил допустимого поведения. Правила могли касаться как вербования новых воинов, так и собственных путешествий в дальние владения с целью вернуться со славой и престижными товарами. Такое поведение характерно для масаев и японских самураев, оно присутствует в качестве повторяющегося сюжетного элемента в повествованиях о войнах и войнах.

Затем, в 1980-е годы, в Дании обнаружили мечи, которые почти все были найдены в погребениях. В это время было сооружено приблизительно 50 000 могильников, от 10 до 15% из которых удалось исследовать и обнаружить там погребальные дары. Экстраполируя эти данные, можно заключить, что в реальности в некрополи попало в общей сложности почти 20 000 мечей. Если исходить из срока жизни меча (30 лет), то семье воина требовалось на столетие от трех до четырех мечей, что для трехсот лет, о которых идет речь, составляет 12–15 мечей. Это, в свою очередь, дает цифру одновременного использования мечей — 1300, что приблизительно соответствует числу поселений в тогдашней Дании. Меч был, вероятно, оружием местного предводителя, а воины его отряда были вооружены дротиками, хотя некоторые могли также иметь и меч.

Соотношение числа предводителей с мечами и количества крестьян и воинов в отряде можно рассчитать, также исходя из числа поселений. Отдельные хозяйства были разной величины, с семьями от 10 до 15 человек. Если исходить из одного хозяйства на квадратный километр и из тогдашней заселенности половины территории Дании, общая площадь которой 44 000 квадратных километров, то одновременно должно было существовать от 25 000 до 30 000 хозяйств разной величины. Предводитель собирал отряд предположительно из 20–25 хозяйств. Таким образом, повелители даже небольших групп населения могли достаточно быстро собрать войско из нескольких сотен воинов. Если воинов делегировали только самые большие хозяйства, то на каждого предводителя с мечом приходилось, вероятно, всего лишь 5–10 воинов, что точнее соответствует данным, рассчитанным для некоторых частей Германии, и количеству изображенных на кораблях в наскальных рисунках. Таким образом, можно считать доказанным, что европей-

Mobile Kämpfer und ihre Bedeutung für den Metallhandel

Во время бронзы развивалась международная культура, которая на основе интенсивного взаимодействия и взаимного влияния групп воинов и торговцев по всей Европе. Это можно хорошо увидеть по распространению различных типов мечей, например, мечей с восьмигранным грифом или мечей с восьмигранным грифом. В Дании и Южной Германии в 15. и 14. столетиях до нашей эры. Эти карты показывают, что Дания и Южная Германия или Центральная Европа связаны (Abb. 8). Эти карты показывают, что Дания и Южная Германия или Центральная Европа связаны (Abb. 8). Эти карты показывают, что Дания и Южная Германия или Центральная Европа связаны (Abb. 8).

Во время бронзы развивалась международная культура, которая на основе интенсивного взаимодействия и взаимного влияния групп воинов и торговцев по всей Европе. Это можно хорошо увидеть по распространению различных типов мечей, например, мечей с восьмигранным грифом или мечей с восьмигранным грифом. В Дании и Южной Германии в 15. и 14. столетиях до нашей эры. Эти карты показывают, что Дания и Южная Германия или Центральная Европа связаны (Abb. 8).

Во время бронзы развивалась международная культура, которая на основе интенсивного взаимодействия и взаимного влияния групп воинов и торговцев по всей Европе. Это можно хорошо увидеть по распространению различных типов мечей, например, мечей с восьмигранным грифом или мечей с восьмигранным грифом. В Дании и Южной Германии в 15. и 14. столетиях до нашей эры. Эти карты показывают, что Дания и Южная Германия или Центральная Европа связаны (Abb. 8).

Во время бронзы развивалась международная культура, которая на основе интенсивного взаимодействия и взаимного влияния групп воинов и торговцев по всей Европе. Это можно хорошо увидеть по распространению различных типов мечей, например, мечей с восьмигранным грифом или мечей с восьмигранным грифом. В Дании и Южной Германии в 15. и 14. столетиях до нашей эры. Эти карты показывают, что Дания и Южная Германия или Центральная Европа связаны (Abb. 8).

Организация воинских подразделений

Во время бронзы развивалась международная культура, которая на основе интенсивного взаимодействия и взаимного влияния групп воинов и торговцев по всей Европе. Это можно хорошо увидеть по распространению различных типов мечей, например, мечей с восьмигранным грифом или мечей с восьмигранным грифом. В Дании и Южной Германии в 15. и 14. столетиях до нашей эры. Эти карты показывают, что Дания и Южная Германия или Центральная Европа связаны (Abb. 8).

Во время бронзы развивалась международная культура, которая на основе интенсивного взаимодействия и взаимного влияния групп воинов и торговцев по всей Европе. Это можно хорошо увидеть по распространению различных типов мечей, например, мечей с восьмигранным грифом или мечей с восьмигранным грифом. В Дании и Южной Германии в 15. и 14. столетиях до нашей эры. Эти карты показывают, что Дания и Южная Германия или Центральная Европа связаны (Abb. 8).

Во время бронзы развивалась международная культура, которая на основе интенсивного взаимодействия и взаимного влияния групп воинов и торговцев по всей Европе. Это можно хорошо увидеть по распространению различных типов мечей, например, мечей с восьмигранным грифом или мечей с восьмигранным грифом. В Дании и Южной Германии в 15. и 14. столетиях до нашей эры. Эти карты показывают, что Дания и Южная Германия или Центральная Европа связаны (Abb. 8).

Во время бронзы развивалась международная культура, которая на основе интенсивного взаимодействия и взаимного влияния групп воинов и торговцев по всей Европе. Это можно хорошо увидеть по распространению различных типов мечей, например, мечей с восьмигранным грифом или мечей с восьмигранным грифом. В Дании и Южной Германии в 15. и 14. столетиях до нашей эры. Эти карты показывают, что Дания и Южная Германия или Центральная Европа связаны (Abb. 8).

Во время бронзы развивалась международная культура, которая на основе интенсивного взаимодействия и взаимного влияния групп воинов и торговцев по всей Европе. Это можно хорошо увидеть по распространению различных типов мечей, например, мечей с восьмигранным грифом или мечей с восьмигранным грифом. В Дании и Южной Германии в 15. и 14. столетиях до нашей эры. Эти карты показывают, что Дания и Южная Германия или Центральная Европа связаны (Abb. 8).

Во время бронзы развивалась международная культура, которая на основе интенсивного взаимодействия и взаимного влияния групп воинов и торговцев по всей Европе. Это можно хорошо увидеть по распространению различных типов мечей, например, мечей с восьмигранным грифом или мечей с восьмигранным грифом. В Дании и Южной Германии в 15. и 14. столетиях до нашей эры. Эти карты показывают, что Дания и Южная Германия или Центральная Европа связаны (Abb. 8).

Во время бронзы развивалась международная культура, которая на основе интенсивного взаимодействия и взаимного влияния групп воинов и торговцев по всей Европе. Это можно хорошо увидеть по распространению различных типов мечей, например, мечей с восьмигранным грифом или мечей с восьмигранным грифом. В Дании и Южной Германии в 15. и 14. столетиях до нашей эры. Эти карты показывают, что Дания и Южная Германия или Центральная Европа связаны (Abb. 8).

Во время бронзы развивалась международная культура, которая на основе интенсивного взаимодействия и взаимного влияния групп воинов и торговцев по всей Европе. Это можно хорошо увидеть по распространению различных типов мечей, например, мечей с восьмигранным грифом или мечей с восьмигранным грифом. В Дании и Южной Германии в 15. и 14. столетиях до нашей эры. Эти карты показывают, что Дания и Южная Германия или Центральная Европа связаны (Abb. 8).

Wie waren Kriegerbanden organisiert und wie viele Kämpfer konnten mobilisiert werden?

Во время бронзы развивалась международная культура, которая на основе интенсивного взаимодействия и взаимного влияния групп воинов и торговцев по всей Европе. Это можно хорошо увидеть по распространению различных типов мечей, например, мечей с восьмигранным грифом или мечей с восьмигранным грифом. В Дании и Южной Германии в 15. и 14. столетиях до нашей эры. Эти карты показывают, что Дания и Южная Германия или Центральная Европа связаны (Abb. 8).

Во время бронзы развивалась международная культура, которая на основе интенсивного взаимодействия и взаимного влияния групп воинов и торговцев по всей Европе. Это можно хорошо увидеть по распространению различных типов мечей, например, мечей с восьмигранным грифом или мечей с восьмигранным грифом. В Дании и Южной Германии в 15. и 14. столетиях до нашей эры. Эти карты показывают, что Дания и Южная Германия или Центральная Европа связаны (Abb. 8).

Во время бронзы развивалась международная культура, которая на основе интенсивного взаимодействия и взаимного влияния групп воинов и торговцев по всей Европе. Это можно хорошо увидеть по распространению различных типов мечей, например, мечей с восьмигранным грифом или мечей с восьмигранным грифом. В Дании и Южной Германии в 15. и 14. столетиях до нашей эры. Эти карты показывают, что Дания и Южная Германия или Центральная Европа связаны (Abb. 8).

9

Ил. 9. Боевое ранение: бронзовый наконечник стрелы в позвонке. Клингс, Южная Тюрингия (no: Osgord u. a. 2000)

Abb. 9. Kriegsverletzung: bronzene Pfeilspitze in einem Wirbel von Klings in Südthüringen (nach Osgord u. a. 2000)

10

Ил. 10. Деревянная дубина и череп со следами от удара дубиной, обнаруженные на поле битвы эпохи бронзы в долине реки Толлензе (фото: Управление культуры и охраны памятников земли Мекленбург-Форпомерн, отдел археологии, Шверин)

Abb. 10. Holzkeule und Schädel mit Keulenverletzung von dem bronzezeitlichen Schlachtfeld im Tollensetal (Foto: Landesamt für Kultur und Denkmalpflege Mecklenburg-Vorpommern, Landesarchäologie, Schwerin)

ские общества бронзового века были очень хорошо вооружены. На протяжении всей эпохи число одновременно существующего оружия исчислялось десятками и сотнями тысяч, — даже если за основу расчетов взять Данию, маленькую, но богатую страну. Поэтому логично предположить, что должны сохраниться и следы военных жертв, и это предположение оказывается справедливым.

Жертвы войны

За последнее время наши знания о боевых ранах на скелетах значительно углубились, так же как и наши представления о количестве убитых при разных типах конфликтов.

На кладбище Ольмо ди Ногара в Северной Италии, относящемся к эпохе средней бронзы, было исследовано 116 скелетов мужчин, половина из которых была погребена вместе с мечами с языкообразной площадкой для крепления рукояти, в том числе и ранних типов с коротким языком. Примерно у 16% этих людей были обнаружены повреждения костей и черепа, причинами которых стали боевые действия, чаще всего удары мечей или стрел. Если учесть, что бывает немало нанесенных копьем или стрелой смертельных ран, не оставляющих следов на костях, то 16% окажется очень высокой долей, свидетельствующей о постоянных локальных конфликтах. В этом регионе воины, имевшие меч, активно участвовали в боях, что соответствует картине погребений с оружием в своде микенских погребений В, ибо погребенные там имеют многочисленные ранения и очень небольшую продолжительность жизни.

Однако бывали и безжалостные массовые убийства. Уже упоминалось укрепление в Вилеме в Богемии. Еще один пример — это Сунд в Западной Норвегии. Здесь было обнаружено массовое захоронение позднего периода средней бронзы, где погребены более 30 человек — мужчин, женщин и детей, убитых около 1200 года до н. э. Раны указывают на ожесточенный бой между мужчинами, которые, очевидно, бились на мечах и многие из которых имели залеченные раны от прошлых сражений. У некоторых были обнаружены

следы для Кривершары области поселения вместе собраны. So konnten auch kleinere Herrschaftsbereiche schnell bewaffnete Truppen von mehreren hundert Kriegern zusammenrufen. Falls nur die größten Gehöfte Krieger zu stellen hatten, waren es vielleicht nur 5 bis 10 pro Schwertträger; das würde den für Teile von Deutschland errechneten Zahlen und auch denen von Personen in den auf Felsbildern dargestellten Schiffen näher kommen.

Es ist also zu belegen, dass die Gesellschaften der Bronzezeit in Europa schwer bewaffnet waren und die ganze Epoche lang die Zahl der gleichzeitig vorhandenen Waffen die Zehn- oder gar Hunderttausend überstieg — geht man einmal von Dänemark, einem kleinen, aber wohlhabenden Land, aus. Deshalb ist zu erwarten, dass sich auch Spuren der Kriegsofopfer erhalten haben, was tatsächlich der Fall ist.

Кriegsofopfer

In jüngerer Zeit hat unsere Kenntnis über Kampfverletzungen an Skeletten ebenso zugenommen wie unser Wissen über die Anzahl von Toten bei verschiedenen Arten von Auseinandersetzungen.

In dem mittelbronzezeitlichen Friedhof Olmo di Nogara in Norditalien wurden 116 männliche Skelette untersucht, von denen der Hälfte Griffzungenschwerter, darunter auch die frühen Typen mit kurzer Zunge, beigegeben worden waren. Etwa 16% dieser Individuen wiesen Knochen- oder Schädelverletzungen durch Kampfhandlungen auf — zumeist durch Schwerter oder Pfeile. Wenn man berücksichtigt, dass es tödliche Verletzungen durch Lanzen oder Pfeile gibt, die keine Spuren an den Knochen

признаки недостаточного питания — это наводит на мысль, что причиной войны мог стать контроль за источниками пищи.

Наконец, надо упомянуть о большой битве, произошедшей также около 1200 года до н. э. в долине маленькой речушки Толлензе в нынешнем Мекленбурге, в Передней Померании. Здесь на участке реки длиной в 1–2 километра были найдены остатки скелетов более ста человек, и вероятно, в будущем будут обнаружены и другие (ил. 9). Очевидно, здесь после проигранной битвы были сброшены в реку все убитые целого войска. Из оружия были найдены остатки деревянных дубин и секир (ил. 10), а также наконечники стрел. Вероятно, погибшие были мигрантами, искавшими себе новые земли, потому что в это время по всей Европе происходили драматические изменения.

Таким образом, есть доказательство существования организованных боевых действий, от небольших конфликтов до конфронтаций целых армий. В этом смысле бронзовый век мало чем отличался от последующего железного.

Еще двадцать лет назад исследования оружия эпохи бронзы были направлены исключительно на выяснение его типологического развития, а его практическое использование подвергалось большому сомнению. Новое поколение исследователей посмотрело на объект своего изучения по-новому. Сегодня уже проведено изучение на оружии следов его применения, поставлены эксперименты с реконструкцией, показавшие, насколько хорошо организованными и опасными были боевые действия в эпоху бронзы, что подтверждают и анатомические исследования ранений. Не будет далекоим от истины утверждение, что современные методы ведения военных действий берут свое начало в бронзовом веке, поскольку формы оружия и системы защиты, известные нам из более поздних времен, были разработаны именно тогда.

hinterlassen, sind 16% ein sehr hoher Prozentsatz, der für ständige lokale Auseinandersetzungen spricht. In dieser Region nahmen Schwertkrieger aktiv an den Kämpfen teil. Das entspricht dem Bild der Waffengräber im Gräberrund B von Mykene, denn die dort Bestatteten wiesen zahlreiche Verletzungen und ein niedriges Sterbealter auf.

Es gab aber auch unbarmherzige Massenmorde. Erwähnt wurde bereits die Befestigung von Vilem in Böhmen. Ein weiteres Beispiel ist Sund in Westnorwegen. Hier wurde ein Massengrab aus der späten Mittelbronzezeit mit mehr als 30 Individuen, Männer, Frauen und Kinder, entdeckt, die um 1200 v. Chr. ermordet worden waren. Die Verletzungen deuten auf einen schweren Kampf zwischen den Männern hin, die offenbar Schwertkämpfer waren und von denen mehrere verheilte Wunden von früheren Kämpfen aufwiesen. Bei einigen Personen waren Anzeichen von Mangelernährung vorhanden, so dass eine Kontrolle über die Nahrungsquellen die Ursache für die Kämpfe gewesen sein könnte.

Zuletzt sei eine größere Schlacht erwähnt, die ebenfalls um 1200 v. Chr. im Tal des kleinen Flüsschens Tollense in Mecklenburg-Vorpommern stattgefunden hat. Hier wurden auf einer Flussstrecke von ein bis zwei Kilometern Skelettreste von mehr als Hundert Individuen gefunden, weitere dürften noch dazu kommen (Abb. 9). Offenbar sind hier nach einer verlorenen Schlacht die Toten eines ganzen Heeres in den Fluss geworfen worden. An Waffen konnten Reste von hölzernen Keulen und Streithämmern sowie Pfeilspitzen nachgewiesen werden (Abb. 10). Vielleicht handelte es hier um Migranten auf der Suche nach einer neuen Heimat, denn zu dieser Zeit vollzogen sich in ganz Europa dramatische Veränderungen.

Es gibt also Belege für organisiertes Kampfgeschehen, beginnend mit kleinen Auseinandersetzungen bis hin zur Konfrontation ganzer Armeen. In diesem Punkt unterscheidet sich die Bronzezeit wenig von der folgenden Eisenzeit.

Vor nur zwanzig Jahren bezogen sich die Untersuchungen bronzezeitlicher Waffen lediglich auf deren typologische Entwicklung, während ihre praktische Verwendung bezweifelt wurde. Eine neue Forschergeneration veränderte die Sachlage. Heute gibt es Untersuchungen zu Gebrauchsspuren, und praktische Experimente mit Nachbildungen haben gezeigt, wie wohl organisiert und gefährlich das Kampfgeschehen in der Bronzezeit war. Dies wird auch durch die anatomische Untersuchung von Verletzungen gestützt. Man kann fast sagen, dass moderne Kriegsführung ihren Ausgangspunkt in der Bronzezeit nahm, da die Waffenformen und Verteidigungssysteme, die wir aus späteren Zeiten kennen, damals entwickelt worden sind.

Карола Метцнер-Небельзик Европейская символика власти эпохи бронзы

Carola Metzner-Nebelsick Bronzezeitliche Herrschaftssymbolik in Europa

Эпоха бронзы, говоря современным языком, это эпоха «международных отношений». В конце III — начале II тыс. до н. э., когда начинается активная разработка месторождений меди и олова — материалов, столь необходимых для производства бронзы, — в Европе складываются регулярные связи невиданного доселе размаха, простирающиеся на тысячи километров. Каким образом эта многообразная коммуникация и каким образом она осуществлялась — через мобильных ремесленников и торговцев, через социальную верхушку общества, действующую в сверхрегиональном масштабе, через религиозно коннотированные формы презентации социальных элит, через общие централизованные торговые рынки или как-то иначе, — все это поддается объяснению лишь на основе умозрительных моделей и разнообразных аналогий, поскольку мы имеем дело с так называемой бесписьменной эпохой. Для археологов показательными являются пути распространения отдельных артефактов и их контекст, по которым и можно судить о данных процессах, а также о том, кто с кем и чем обменивался. Поскольку органические материалы, как правило, не сохраняются, мы часто оказываемся не в состоянии реконструировать тот или иной товар или подарок, которые к тому же нередко проходили через многократный обмен. Ярким примером тому может служить известное упоминание шерсти в документах клинописного архива, где сообщается об этом сопутствующем грузе в контексте регулярной торговли оловом между городом-государством Ашшур и восточноанатолийским Кюльтепе-Канишем в начале II тыс. до н. э. (Kulakoğlu 2011. S. 1019; Michel 2011. S. 319f.). По одним только археологическим источникам невозможно было бы выявить этот ценный по тем временам товар. Археологические находки в силу специфики их природы репрезентируют лишь часть прошлого, вместе с тем они подобны символам (как, например, рассматриваемые далее предметные атрибуты власти) и наподобие символов наполнены особым содержанием, замещающая собой целый комплекс явлений, процессов, взаимосвязей, что за неимением письменных свидетельств делает их для нас, сегодняшних, важнейшим источником информации.

Символам власти разных культур и разных эпох присущи нередко общие признаки или внешние формы. К устойчивым элементам, связанным с символикой власти, относятся предметы из редких металлов, в Европе и Передней Азии преимущественно из золота или серебра, — богатая посуда, оружие, а с определенным моментом и такие предметы, как уздечки или повозки. При этом значимыми были не сами объекты как таковые, а связанные с ними персоны или совершаемые этими персонами особые действия — воин на

Дие Bronzezeit ist eine „internationale“ Periode, um hier einen modernen Begriff zu verwenden. Insbesondere in der frühen Bronzezeit des späten 3. und frühen 2. Jahrtausends v. Chr. bewirkt die Ausbeutung und Kontrolle von Lagerstätten der begehrten, für die Erzeugung des neuen Werkstoffes Bronze essentiellen Metalle Kupfer und Zinn eine bis dahin in Europa nicht gekannte Intensivierung von regelhaften Austauschbeziehungen über teils tausende Kilometer hinweg. Wie die Mechanismen dieser vielfältigen Kommunikation genauer zu erklären sind, etwa durch mobile Handwerker und Händler, überregional agierende Oberschichten, religiös konnotierte Repräsentationsnormen der sozialen Eliten, zentrale Marktorte etc., ist, da es sich um eine so genannte schriftlose Epoche handelt, nur mit Hilfe von Denkmodellen und diversen Analogien möglich. Für die Archäologen sind es vor allem Verbreitungsbilder einzelner Artefakte und ihre kontextuelle Einbettung, die über die soeben beschriebenen Vorgänge Auskunft geben und erzählen, wer mit wem und mit welchen Waren oder Objekten in ein Austauschverhältnis trat. Da sich organische Stoffe in der Regel nicht erhalten haben, können wir häufig die Waren oder Geschenke, die auf vielfältige Weise ausgetauscht wurden, nicht rekonstruieren. Ein beredtes Beispiel aus dem Vorderen Orient liefert die Erwähnung von Wolle, die als „Beiladung“ des regulären Zinnhandels zwischen dem Stadtstaat Aššur und dem ostanatolischen Kültepe-Kanish zu Beginn des zweiten Jahrtausends v. Chr. in den Keilschriftarchiven erwähnt wird (Kulakoğlu 2011. S. 1019; Michel 2011. S. 319f.). Allein durch archäologische Funde wäre diese damals kostbare Fracht nicht nachweisbar gewesen. Diese, und ganz besonders gilt dies für die hier behandelten dinglichen Attribute herrscherlicher Repräsentation, bilden bedingt durch verschiedene Überlieferungsfilter nur einen Teil der Vergangenheit ab, sie stehen gleichsam zeichenhaft für komplexe Sachverhalte, deren inhaltliche Tiefe und Handlungszusammenhänge für heutige Betrachter in Ermangelung schriftlicher Quellen kaum mehr erschöpfend erschlossen werden können.

Symbolen der Herrschaft ist häufig eine in vielen Kulturen und zu unterschiedlichen Zeiten ähnliche Qualität oder formale Gestaltung zu eigen. So gehören Gegenstände aus seltenen Metallen, in Europa und Vorderasien zumeist Gold oder Silber, prunkvolles Trink- und Speisegeräth, Waffen und ab einem bestimmten Zeitpunkt auch Attribute von Zaumzeug oder Wagen zum Kanon von Herrschaftssymbolik. Letztlich sind es jedoch nicht die Gegenstände als solche, sondern die mit ihnen verbundenen Personen und ihre spezifischen Handlungen bzw. ihr Habitus, etwa der berittene Krieger, der oder die Wagenfahrer/ in oder der distinguierte Gastgeber. Status anzeigenden Gegen-

коне, возница в повозке или хозяин, задающий роскошный пир. Статусные предметы нередко обладают ярко выраженными признаками, которые однозначно говорят об особом престиже. Обладание предметами, изготовление которых требовало использования драгоценных металлов, а также специальных знаний и высокого уровня владения ремеслом, существенно повышало, вероятно, авторитет их владельца в глазах окружающих. К числу таких атрибутов роскоши и особого стиля жизни относилась, прежде всего, металлическая посуда.

Если элементы личного убранства непосредственно маркируют статус их носителя и потому могут быть отнесены к символам власти первого порядка, то другие «регалии» требуют в большей степени соотнесения с социальным контекстом. Разные виды оружия, лошади (археологическое описание возможно лишь на основании сохранившихся уздечек), обитые металлом повозки и уже упоминавшаяся выше роскошная посуда — все это относится ко второй категории. Дорогие ткани, характерные, как считается, особенно для кочевых культур евразийских степей, хотя они присутствовали, как уже доказано, и в центральноевропейском контексте эпохи позднего железа, в археологических исследованиях, как правило, не принимаются во внимание.

Предметы, использование которых указывает на социальную или религиозно привилегированную группу лиц, наделенную особой компетенцией, и которые относятся к сфере репрезентации власти или, если сформулировать более нейтрально, к сфере (само)представления власти, нередко встречаются в Европе в сходных формах и на значительном пространстве. Обращение к ним позволяет вывести общие признаки, которые, вероятно, одинаково прочитывались, понимались и принимались на транскультурном уровне.

Носители власти

Власть европейских элит эпохи бронзы базировалась, в первую очередь, на знаниях о производстве металлических изделий, главным образом из бронзы и золота, о добыче руд или других полезных ископаемых, например соли, и контроле за ними. Судя по всему, и торговля этими широко востребованными сырьевыми материалами, равно как и готовыми изделиями из бронзы, была, по крайней мере в начале эпохи бронзы, прерогативой избранных. Такой вывод напрашивается сам собой, поскольку именно в начале II тыс. до н. э., то есть в эпоху, когда в Центральной Европе, вероятно в результате влияния, пришедшего с Британских островов (Rassmann 2005; Rassmann 2010; Gerloff 2010), распространяется производство оловянной бронзы, — именно в этот период на значительной части территории Европы обнаруживаются идентичные или сходные статусные предметы или символы власти. Ярким примером тому могут служить алебарды, представленные на выставке (ил. 1).

Многочисленные формы репрезентации власти в эпоху позднего II тыс. до н. э. и раннего I тыс. до н. э. (для юга и юго-востока Европы это уже эпоха железа) могут быть поняты исключительно на основе культурного развития, обозначившегося в эпоху ранней бронзы. В период между XX и XVI веками до н. э. в ходу были многочисленные символы власти, манифестирующиеся в различных предметах, и эти символы в некотором смысле сохранили свое содержательное наполнение вплоть до Средневековья.

В настоящей статье рассматриваются отдельные символы власти II–I тыс. до н. э. на основании объектов, представленных в данной экспозиции. В большинстве случаев речь

стандартно является частым, особенно престижным аспектом. Der Besitz von Gegenständen, deren Fertigung aus kostbarem Material einen hohen Grad an Spezialwissen und handwerklicher Expertise erforderte, hat vermutlich das Ansehen seines/seiner Besitzer/in augenfällig vermehrt. Vor allem die prunkvollen Attribute eines gehobenen Lebens wie Metallgeschirr oder anderes mehr wären hier zu nennen.

Während die an Personen gebundenen Ornate und ihre Attribute den oder die Trägerin unmittelbar auszeichnen und damit quasi als Statusanzeiger bzw. konkret als Herrschaftssymbole erster Ordnung betrachtet werden können, bedürfen andere Regalia in stärkerem Maße eines sozialen Kontextes. Waffen, der Besitz prächtiger Pferde (archäologisch nur über das Zaumzeug erschließbar), mit Metall beschlagene Wagen, aber auch die erwähnten prunkvollen Trink- oder Speisegeräth gehören in

1, 1

1, 2

Ил. 1. 1 – серебряный клинок кинжала, место находки неизвестно, Венгрия; 2 – алебарда из Галле-Канена, Саксен-Ангальт.

Первая половина II тыс. до н. э. (фото К. Гёкен)

Abb. 1. 1 – Silberne Dolch Klinge unbekannter Fundorts aus Ungarn; 2 – Stabdolch von Halle-Kanena, Sachsen-Anhalt. 1. Hälfte 2. Jahrtausend v. Chr. (Foto: K. Gökten)

этой категории. Kostbare Stoffe, die wir insbesondere für die nomadischen Kulturen der eurasischen Steppen vermuten dürfen, die aber nachweislich auch in ältereisenzeitlichen Fundkontexten Mitteleuropas vorhanden waren, entziehen sich in der Regel einer archäologischen Wahrnehmung.

Gegenstände, deren Gebrauch auf sozial und oder religiös privilegierte bzw. mit besonderen Kompetenzen ausgestattete Personengruppen verweisen und die in den Bereich der Repräsentation von Herrschaft bzw. neutraler formuliert der (Selbst-) Darstellung von Macht gehören, sind häufig gleichzeitig in ähnlicher Form über weite Regionen Europas verbreitet. Ihre über Kulturgrenzen hinausweisende Akzeptanz oder die Verständlichkeit ihres Bedeutungsgehalts kann daraus abgeleitet werden.

2

Ил. 2. Золотой топор из Дискау, Саксен-Ангальт. Первая четверть II тыс. до н. э.

Abb. 2. Goldenes Beil aus Dieskau, Sachsen-Anhalt. 1. Viertel 2. Jahrtausend v. Chr.

Ил. 3. Золотые украшения со спиралевидными окончаниями: 1 – находка из Укермарка; 2 – из клада близ Вердера, Бранденбург

Abb. 3. Goldene Armringe mit Spiralenden: 1 – Fundort unbekannt, Uckermark, 2 – Werder, Brandenburg

идет об изделиях из золота. Этот материал, который считается редким, прочным, долговечным и к тому же обладает сияющим, солнечным блеском, что выделяет его из окружающего мира природы (поскольку он выглядит на этом фоне несколько искусственно, но вместе с тем весьма благородно), этот материал и по сей день сохраняет свое эстетическое, материальное и идеальное значение почти во всех культурах мира.

Именуемые «князьями» или «вождями» правители распространены в Центральной Европе утичкой культуры, которых хоронили в начале II тыс. до н. э. в погребальных комплексах типа обнаруженных в Лейбингене, Хельмсдорфе и, вероятно, в Дискау (Schmidt, Nitzschke 1980; Zich 2010. S. 209), носили золотые кольца (Metzner-Nebelsick 2010) в знак особого социального положения и власти. Именно наличие золота помещает их захоронения в особый контекст, наполненный определенным смыслом. Сочетание монументального и невероятно трудоемкого устройства погребения под гигантскими курганами и специфического погребального инвентаря с большим количеством редких предметов свидетельствует о необычном, отклоняющемся от общих норм отношении к умершему, погребение которого должно было, наверное, символизировать его богоподобный статус, обретаемый им после смерти. Вероятно, считалось, что лица, обладавшие властью при жизни, становились после смерти богоподобными существами и превращались для потомков в мифологических предков.

Атрибуты власти

Золотой топор из Дискау (ил. 2), являющийся единичной находкой такого рода в Центральной Европе, находит тем не менее, во всяком случае по своей основной форме, идеальное соответствие в объектах, обнаруженных в Туфалау (ранее Кофалфа, Зибенбюрген; Nachmann 1957. Taf. 66; Mozsolics 1965/66). Из всего этого старого комплекса, описанного, к сожалению, неполно и по большей части не сохранившегося, до нас дошло несколько топоров, которые в сочетании с деталями парадного облачения, отмеченного региональными особенностями, и двумя браслетами явно свидетельствуют об их отнесенности к сфере сакрального.

3, 1

3, 2

Die Träger der Macht

Die Macht der bronzezeitlichen Eliten Europas erwuchs zunächst aus dem Wissen um die Metall-, d.h. Bronze- oder Goldproduktion, die Ausbeutung der Erzlagerstätten oder anderer Rohstoffquellen wie etwa Salz sowie deren Kontrolle. Auch die Verhandlung der begehrten Rohstoffe oder der bronzenen Fertigprodukte muss zumindest am Anfang der Bronzezeit in den Händen weniger gelegen haben. Der Schluss liegt nahe, da gerade zu Beginn des 2. vorchristlichen Jahrtausends, also in jener Zeit, als sich vermutlich von den Britischen Inseln kommend (Rassmann 2005; Rassmann 2010; Gerloff 2010), die Zinnbronzeherstellung auch in Mitteleuropa etablierte, in weiten Teilen Europas identische oder zumindest ähnliche Statusanzeiger bzw. Herrschaftssymbole Verwendung fanden. Die Stabdolche in der Ausstellung (Abb. 1) verdeutlichen dies besonders augenfällig.

Zahlreiche Formen der Herrschaftsrepräsentanz in der Zeit des späten 2. und frühen 1. Jahrtausends v. Chr., die in Süd- und Südosteuropa bereits als eisenzeitlich verstanden wird, sind nur auf der Basis der kulturellen Entwicklung seit der Frühbronzezeit verstehbar. Im 20. bis 16. Jahrhundert v. Chr. werden, bezogen auf dingliche Zeugnisse von Herrschaft, zahlreiche Symbole der Macht kreiert, die in mancher Hinsicht bis in das Mittelalter ihre Verbindlichkeit behalten sollten.

Der Artikel konzentriert sich auf eine an den Exponaten der Ausstellung orientierte Auswahl der Macht- oder Herrschaftssymbole des 2. und 1. Jahrtausends v. Chr. Bei der Mehrzahl handelt es sich um Gegenstände aus Gold. Dieses Metall erfreut sich aufgrund seiner spezifischen Eigenschaften Seltenheit, Unzerstörbarkeit, Unveränderlichkeit und sonnenähnlicher Glanz, der sich von der natürlichen Umwelt als artifiziell, jedoch gleichzeitig als angenehm absetzt, bis heute einer ungebrochenen ästhetischen, materiellen wie ideellen Wertschätzung in nahezu allen Kulturen der Welt.

Die als „Fürsten“ bezeichneten Machthaber oder Häuptlinge der in Mitteleuropa verbreiteten frühbronzezeitlichen Anunjetit-

Ил. 4. Золотой клад из Эберсвальде, Бранденбург. Гальванокония, хранящаяся в Берлине (фото Ф. Луне)

Abb. 4. Der Goldfund von Eberswalde, Brandenburg in der noch in Berlin vorhandenen Galvanokopie (Foto: J. Liepe)

Золотой клад из Туфалау, датируемый XVII веком до н. э., перекликается с некоторыми артефактами, представленными на данной выставке и имеющими отношение к репрезентативным формам власти. Речь идет о золотых браслетах со двоянными спиралевидными окончаниями. В экспозиции можно увидеть сразу три образца такого рода украшения: это отдельная находка из неизвестного места в Укермарке и две другие находки из золотого клада, обнаруженного в Капут-Линевитцком лесу, близ Вердера, в районе Потсдама (ил. 3). Помимо Туфалау, где были найдены самые ранние образцы подобных украшений, они встречаются в дальнейшем, хотя и в модифицированном виде, то есть с поправкой на стиль данной эпохи, на значительной части территории Европы вплоть до 800-х годов до н. э., когда они на рубеже железного века (по центральноевропейской хронологии) или на рубеже среднего железного века «вышли из моды» в Юго-Восточной и Восточной Европе или, если быть более точным, когда их символическое значение перестало быть понятным либо было исключено из традиции.

В карпатском бассейне такие браслеты наряду с другими типами встречаются только в составе жертвенных кладов — комплексов, наделенных сакральным значением. Подобного рода клады могут быть отнесены к группе парадных памятников (Hänsel, Hänsel 1997). В Центральной и Северной Европе они, в разных регионах по-разному, обнаруживаются и в погребальных или жертвенных комплексах.

Характерной чертой европейской эпохи бронзы являются многочисленные погребения воинов с мечами северного бронзового века Южной Скандинавии и Северной Германии периода XIV–XII веков до н. э. (Aner, Kersten 1973–1991; Jensen 2002). Эти погребения находятся под курганами, самые ранние из которых относятся к концу III тыс. до н. э. и рассматриваются как погребальные комплексы избранных членов тогдашнего общества. Некоторые из этих курганов представляют собой особо монументальные образцы и по сей день остаются впечатляющими примерами ландшафтных памятников. Самыми выразительными знаками отличия военной элиты земледельческого населения являются золотые браслеты, которые носились по одному. Упомянутые выше браслеты со спиралевидными окончаниями относятся к характерным образцам этого типа. Начиная с 1300-х годов до н. э. на севере Европы происходит изменение погребального обряда: господствовавшее до того времени труположение постепенно уступает место трупосожжению, принятому уже в той части Европы, что находилась к западу от

zer Kultur, die zu Beginn des 2. Jahrtausends v. Chr. in Grabanlagen wie Leubingen und Helmsdorf sowie vermutlich auch Dieskau bestattet wurden (Schmidt, Nitzschke 1980; Zich 2010. S. 209), trugen erstmals goldene Ringe (Metzner-Nebelsick 2010) als Abzeichen ihrer sozialen Stellung und ihrer Macht. Die Exklusivität des Goldes rückt sie in einen besonderen Bedeutungszusammenhang, den man in Kombination mit einer unerhöht aufwendigen Monumentalisierung ihrer Gräber unter riesigen Grabhügeln, der Beigaben weiterer exzeptioneller Gegenstände und einer insgesamt von der Norm abweichenden Behandlung der Bestatteten bereits als Manifestierung ihres im Tod den Göttern ähnlichen Status vorstellen mag. Die im Leben Mächtigen wurden durch ihren Tod vermutlich selbst zu götterähnlichen Wesen und für die Nachwelt zu mythischen Ahnen.

Attribute der Macht

Das in Mitteleuropa singuläre goldene Beil aus Dieskau (Abb. 2) findet zumindest als Grundform eine ideale Entsprechung in dem gleichzeitigen Opferfund aus dem siebenbürgischen Ţufaläu (ehemals Cofalva) (u. a. Hachmann 1957. Taf. 66; Mozsolics 1965/66). Aus diesem leider unvollständig überlieferten und heute in großen Teilen nicht mehr erhaltenen Altfund sind es jedoch mehrere Äxte, die zusammen mit regionalspezifischen Ornatbestandteilen und zwei Armringen geweiht wurden und somit eindeutig in den Kontext der Sakralität gerückt sind.

Der in das 17. Jahrhundert v. Chr. datierte Goldhort aus dem siebenbürgischen Ţufaläu schlägt einen Bogen zu einer auch in der Ausstellung präsenten Form herrscherlicher Repräsentanz, den goldenen Armringen mit doppelten Spiralenden. Gleich drei Beispiele dieser Armring- oder Armbandform sind in der Schau zu bewundern: ein Einzelfund ohne nähere Provenienz aus der Uckermark sowie zwei weitere aus dem Goldhort von Caputh-Lienwitzer Forst im Potsdamer Werder (Abb. 3). In Ţufaläu sind sie erstmals nachgewiesen und lassen sich dann in den folgenden Jahrhunderten, wenngleich in stilistischen, den

Карпат. Можно только предположить, что за этой трансформацией стояли перемены в области религиозных представлений. Статусное выделение элит происходит теперь не столько через особое оформление доминантных погребений высокопоставленных особ, сколько через параллельное, а иногда и исключительное соотношение с контекстом жертвоприношения. И хотя клад из Капут-Линевитцкого леса, равно как и клад из Эберсвальде (ил. 4), находится на крайней южной границе северной культуры эпохи бронзы, оба они наглядно демонстрируют произошедшие изменения. Орнаментация линевитцкого кубка, который на основании стилистических признаков может быть датирован приблизительно 1000 годом до н. э., включает в себя некоторые символические знаки, которые имеют дополнительные религиозные коннотации. Так, изогнутые s-образные элементы на плечиках этого небольшого сосуда можно интерпретировать как абстрактные, максимально редуцированные символы водоплавающих птиц. Водоплавающие птицы являются почти повсеместно религиозным символом эпохи поздней бронзы и встречаются преимущественно на статусных предметах (таких, как оружие — мечи, наколенники, щиты) или культовых — иногда в виде аппликаций на четырехколесных повозках (ил. 5) или металлических сосудах. Их конкретное символическое значение и религиозный контекст, который прояснял бы, относятся ли они к некоему мифу, связанному с несколькими богами или с одним божеством, дарующим, возможно, исцеление или защиту, остается по сей день неизвестным.

Обращает на себя внимание тот факт, что именно золотые браслеты со сдвоенными спиралевидными окончаниями — в разнообразных вариантах одной типологической модели — имели хождение на протяжении долгого периода времени, с конца эпохи ранней или с начала эпохи средней бронзы до эпохи раннего железа, вплоть до приблизительно 800 года до н. э. На севере Европы отмечается особый характер золотых браслетов, отличительные признаки которых сохраняются до эпохи железа и далее, хотя и с некоторыми модификациями, свидетельствующими, вероятно, о наметившихся новых тенденциях в формообразовании.

Принципиальное допущение, что золотые артефакты и украшения можно интерпретировать как особый отличительный признак (Vourdieu 1987), выводится из совокупности разных наблюдений и оценок. Фундаментальное значение при этом имеет выявленная соотношенность статусных погребений и жертвенных кладов, связанных с сакральной сферой. Упомянутые выше золотые браслеты или рифленые (в некоторых случаях литые) «манжеты», для которых характерна аналогичная соотношенность в сочетании с довольно продолжительным периодом бытования (Metzner-Nebelsick 2010), демонстрируют это с особой наглядностью.

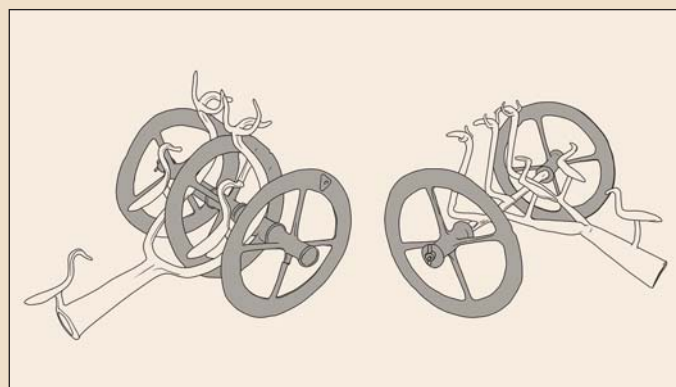
Конкретные находки, как, например, клад из Капут-Линевитцкого леса (ил. 6), показывают, что на протяжении длительного времени существовал обычай комбинировать металлические сосуды (или один сосуд) с украшениями (Metzner-Nebelsick 2003), при этом речь идет преимущественно об изделиях из золота. Золотые сосуды встречаются в Европе до 800-х годов до н. э. исключительно в контексте кладов или жертвенных кладов, единственное исключение — обнаруженное в Гённебеке (Голштиния) весьма необычное по оформлению погребение воина с мечом, относящееся к XIII веку до н. э. (Mestorf 1891; Metzner-Nebelsick 2003. S. 103. Abb. 2).

Клад из Эберсвальде, в отличие от клада из Капут-Линевитцкого леса, не имеет такой подчеркнутой персональной

Zeitstil verkörpernden Abwandlungen, über große Teile Europas verfolgen, bevor sie in der Zeit um 800 gleichsam an der Wende zur Eisenzeit (nach mitteleuropäischer Chronologie) bzw. der Wende zur mittleren Eisenzeit in Südost- und Osteuropa aus der „Mode“ kamen, bzw. präziser formuliert, ihre symbolische Bedeutung nicht mehr verstanden oder tradiert wurde.

Im Karpatenbecken kommen diese Ringe neben weiteren Typen ausschließlich in Hortfunden, also Fundkontexten mit sakraler Bedeutungsbelegung vor. Derartige Horte können der Gruppe der Ornatdepots (Hänsel, Hänsel 1997) zugeordnet werden. In Mittel- und Nordeuropa finden sie sich hingegen regional verschieden sowohl im Grab- als auch Weihekontext.

Singulär im bronzezeitlichen Europa sind die zahlreichen Gräber von Schwertkriegerern der Nordischen Bronzezeit Südkandinaviens und Norddeutschlands der Zeit des 14. bis

Ил. 5. Повозка из Бурга, Шпревалд, Бранденбург

Abb. 5. Die Deichselwagen von Burg im Spreewald, Brandenburg

12. Jahrhunderts v. Chr. (Aner, Kersten 1973–1991; Jensen 2002). Sie finden sich unter Grabhügeln, deren Anfänge bisweilen bis in das späte 3. Jahrtausend zurückreichen, und als Begräbnisstätten ausgewählter Mitglieder der damaligen Gesellschaft betrachtet werden müssen. Einige besonders monumentale Beispiele sind noch heute markante Geländedenkmäler. Das wirkmächtigste Rangabzeichen dieser Kriegerelite mit bäuerlichen Wurzeln sind einzeln getragene goldene Armringe, jene mit doppelspiraligen Enden machen einen signifikanten Anteil aus. In der Zeit ab ca. 1300 v. Chr. wandelt sich im Norden Europas das Bestattungsbrauchtum, die bis dahin herrschende Sitte der Körperbestattung wird schrittweise zugunsten der bereits in weiten Teilen des restlichen Europa westlich der Karpaten üblichen Sitte der Totenverbrennung aufgegeben. Dass sich dahinter auch ein Wandel der religiösen Vorstellungen verbirgt, kann nur vermutet werden. Die Herrschaftsabzeichen der Elite finden sich nun nicht mehr dominant im Medium hervorragend ausgestatteter Gräber ranghoher Personen, sondern parallel dazu auch und vornehmlich im Kontext des Opfers. Auch wenn das Depot von Caputh-Lienewitzer Forst wie auch der Goldhort von Eberswalde (Abb. 4) an der äußersten südlichen Peripherie der Nordischen Bronzezeit-Kultur liegen, manifestiert sich dieser Wandel in ihnen auf anschauliche Weise.

In der Verzierung des Lienewitzer Bechers, der aufgrund stilistischer Merkmale in die Zeit um 1000 v. Chr. datiert werden kann, ist zusätzlich eine religiöse Komponente durch die Symbolsprache angesprochen. Wie bereits lange bekannt ist, sind die nahezu in abstrakter Verkürzung auf der Schulter des kleinen Gefäßes getriebenen S-Haken als Wasservogel zu deuten. Wasservogel sind die nahezu ubiquaten religiösen Symbole der späten Bronzezeit und finden sich bevorzugt auf Status anzei-

sootnesennessi. В его состав помимо многочисленных спиральных колец входят также полуфабрикаты и слитки. Обращает на себя внимание и большее количество сосудов: всего здесь обнаружено восемь чаш, орнаментированных искусно выполненными символами, связанными с образом солнца. К числу парадных предметов относится, прежде всего, витая золотая гривна. Следует отметить, что золотые гривны в эпоху поздней бронзы встречаются на территориях между Ирландией и карпатским бассейном в основном в контексте жертвенных кладов. Случаи, когда они обнаруживаются в погребениях, то есть в качестве элемента личного парадного убранства или в качестве особого знака отличия усопшего, являются абсолютным исключением. В эпоху бронзы в северозападной альпийской и восточнофранцузской гальштатской культуре, связываемой с древними кельтами, золотые гривны носились князьями в качестве знака принадлежности к высшему слою начиная с VI века до н. э., как это видно среди прочего по многочисленным богатым погребениям с предметами, импортированными с юга. Параллельно с этим, то есть в тот же период, золотые гривны приносились в качестве жертвоприношений богам — особенно в Западной Европе. И здесь мы снова видим уже описанную выше субституциональную близость сферы божественного и сферы власти. Эпоха поздней бронзы представлена лишь малым количеством заметных памятников с золотыми гривнами. Один из трех таких известных ныне памятников — погребение воина позднего IX века до н. э. из Сен-Ромен-де-Жальона, департамент Изер (Guillaumet, Verger 1988; Heunowski 2000. S. 340). У воина на руке был золотой браслет, и кроме того, погребальный инвентарь включал в себя три бронзовых сосуда для питья.

Еще две золотые гривны из погребений происходят из Дании, а также из окрестностей Гённебека, где было найдено подкурганное погребение с трупосожжением, датированное XII веком до н. э. В нем помимо женских украшений обнаружилась одна золотая гривна (Schwerin von Krosigh 1976. Taf. 35, 194). Не исключено, что здесь произошло смешение нескольких погребальных инвентарей, хотя более вероятно, что перед нами женское погребение. Как бы то ни было, в данном случае, как и в случае с упомянутым ранее более древним погребением воина из Гённебека, речь идет об исключительном явлении.

Среди упоминавшихся выше кельтов, носивших золотые гривны, поначалу встречаются только мужчины (Burmeister 2003), только начиная с VI–V веков до н. э. некоторые женщины получают привилегию носить этот мужской знак отличия и украшать себя этим особым атрибутом власти (Metzner-Nebelsick 2009).

Структурные формы субституциональной соотношенности статусного погребения и жертвенного клада, предназначенного божественным силам, сохранились в кельтском мире, что позволяет предположить здесь наличие сходных концептуальных взаимосвязей, подобных тем, что были характерны для эпохи бронзы. Общая картина памятника наводит на мысль, что принятая в данном случае схема действий обусловлена региональной традицией. Тот, кто носит золотые кольца, сближается с божественной силой. Светская власть получает, таким образом, религиозно-политическую легитимацию.

В восточноевропейском железном веке, основные черты которого сформированы скифской культурой, коррелирующая пара «жертвенный клад» — «статусное погребение» отсутствует, тем более что в эпоху бронзы и ранний век железа здесь в принципе отсутствовала социальная практика

genden Gegenständen wie Waffen (Schwertern, Beinschienen, Schilden), auf Kultgerät, wie die Deichselwagen von Burg (Abb. 5), als Zierappliken vierrädriger Wagen oder auf Metallgefäßen. Der durch sie symbolisierte, konkrete religiöse Bedeutungszusammenhang, ein Göttermythos oder eine, möglicherweise mit einem Gott verknüpfte Heilserwartung, bleibt uns heute verborgen.

Es ist bemerkenswert, dass gerade goldene Armringe mit doppelspiraligen Enden eine kontinuierliche Nutzung — in mannigfaltiger typologischer Ausgestaltung — von der späten Frühbronzezeit bzw. der frühen Mittelbronzezeit bis in die frühe Eisenzeit der Zeit um 800 v. Chr. erfuhren. Im Norden Europas wird der besondere Charakter goldener Ringe bis in die Eisenzeit und darüber hinaus bewahrt, wenngleich sicher auch modifiziert, wie es nun neue Formgebungen anzudeuten scheinen.

Ил. 6. Золотой клад из Капут-Линевитцкого леса близ Вердера, Бранденбург

Abb. 6. Der Goldfunde von Werder („Linewitzer Forst“), Brandenburg

Die grundsätzliche Annahme der Deutung goldener Artefakte bzw. Schmuckformen als besonderes soziales Distinktionsmerkmal im Sinne Pierre Bourdieus (Bourdieu 1987) leitet sich aus verschiedenen Beobachtungen und Erfahrungswerten ab. Von prominenter Bedeutung ist dabei das thematisierte Wechselspiel zwischen Eliten-/Herrschergrab und sakral denotierten Opferfunden. Am Beispiel der eingangs zitierten goldenen Armringe oder gerippten — teils auch gegossenen — Armmanchetten, für die sich ähnliche Wechselbeziehungen und eine vergleichbar lange Nutzungszeit aufzeigen ließen (Metzner-Nebelsick 2010), lässt sich dies besonders eindrücklich belegen.

In konkreten Fällen wie dem Beispiel aus Caputh-Lienewitzer Forst (Abb. 6) liegt eine sowohl in Bronze als auch vor allem in Gold über lange Zeiträume praktizierte Sitte der Kombination von Metallgefäß(en) und Schmuckgegenständen vor (Metzner-Nebelsick 2003). Goldene Gefäße finden sich in Europa vor 800 v. Chr. mit einer Ausnahme im holsteinischen Gönnebek (Mestorf 1891; Metzner-Nebelsick 2003. S. 103. Abb. 2) — dem Grab eines Schwertkriegers aus dem 13. Jahrhundert v. Chr. mit einer außergewöhnlichen Grabausstattung — ausschließlich im Kontext der Depot- bzw. Opferfunde.

Im Hortfund von Eberswalde ist im Gegensatz zu Caputh-Lienewitzer Forst der personengebundene Aspekt weniger akzen-

жертвования золотых предметов. И тем не менее можно предположить, что погребение скифских правителей под огромными курганами с погребальным инвентарем, представленным большим количеством золотых предметов, имело в своей основе сходные концепции статусной репрезентации, которые были распространены среди элит в Центральной, Северной и Западной Европе в эпоху бронзы и поздний век железа. Как и в Европе, именно золотые гривны, сочетавшиеся тут с расшитыми золотом одеждами, характерными для евразийских степей, говорили о высоком ранге погребенного лица. Едва ли удастся в данном случае установить генетическую связь этих гривен с более древними западными образцами, но можно допустить, что существовала определенная универсальная традиция ношения золотых украшений в форме кольца.

Наряду с личными украшениями к важнейшим символам власти в Европе относились оружие и сосуды для питья, изготовленные из золота.

В Средние века, как это подтверждается письменными источниками, меч считался исключительным предметом, которым владели лишь те немногие, кто был облечен политической властью. То же самое, несмотря на значительную временную дистанцию, говорится и применительно к эпохе бронзы и железа в Европе. Уже упоминавшийся воин с мечом из Франции был погребен вместе с тремя бронзовыми сосудами. Эти сосуды символически замещают собой воображаемый пир, который, вероятно, переносился в реальных формах на потусторонний мир и который до смерти был частью особого стиля жизни, маркирующего статус воина. Не исключено при этом, что здесь имели место и определенные эсхатологические ожидания. Число три поэтому представляется не случайным, оно соотносится с находками из других, более древних погребений, относящихся к эпохе поздней бронзы, — например, с погребением из баварского Харта на Альце, в котором был сожжен воин с мечом и четырехколесной повозкой, богато украшенной бронзой. Сохранившийся в целостности набор посуды предназначался для сервировки, процеживания и питья некоего алкогольного напитка. Бронзовая посуда, судя по источникам, стала включаться в погребальный инвентарь лишь начиная с эпохи поздней бронзы. И здесь снова обнаруживается взаимосвязь статусного погребения и жертвенногоклада. В статусных мужских погребениях эпохи поздней бронзы мы видим почти всегда именно три бронзовых сосуда; в жертвенныхкладах, включающих в себя отдельные бронзовые сосуды или парадные комплексы бронзовых сосудов, их число часто оказывается кратным числу три (Metzner-Nebelsick 2003). Едва ли это случайное совпадение, скорее здесь можно предположить наличие неведомого нам глубокого сакрального смысла, связанного, вероятно, с одним из аспектов общей мифологии и представлением о том, что и после смерти правитель не теряет своего политического статуса. Боги и люди оказываются, таким образом, символически связанными друг с другом.

Золотые сосуды комбинируются, как в кладах из Эберсвальде, с элементами парадного убранства или представлены в виде однородных комплексов. Их числовые комбинации, однако, отличаются от числовых комбинаций бронзовых сосудов (Metzner-Nebelsick 2003. S. 104. Abb. 3). Ни в одном из известных к настоящему моменту жертвенныхкладов не встречается совмещение богатых сосудов для питья с оружием. Это в равной степени относится и к региону, расположенному за Карпатской дугой, — румынской Молдавии и территории современной Болгарии в низовьях

tuiert. Neben zahlreichen Spiralingen wurden hier zudem Halbfabrikate bzw. Barren deponiert. Auch die Zahl der Gefäße, aufwendig mit Sonnensymbolik verzierte Goldschalen, ist hier auf acht erhöht. Der Ornat-Aspekt wird vor allem durch den torierten goldenen Halsring verkörpert. Wiederum gilt, dass in der späten Bronzezeit goldene Halsringe zwischen Irland und dem Karpatenraum vornehmlich im Kontext des Opferfundes überliefert sind. In Gräbern, d. h. als persönliches Ornat und besonderes Distinktionsmerkmal der Bestatteten, bilden sie die absolute Ausnahme. In der älteren Eisenzeit, in der nordwestalpin-ostfranzösischen Hallstattkultur, die mit den frühen Kelten identifiziert wird, werden goldene Halsringe ab dem 6. Jahrhundert v. Chr. als das höchste soziale Rangabzeichen von den keltischen Fürsten getragen, wie uns u. a. zahlreiche prunkvolle Bestattungen mit Südimporten offenbaren. Zeitlich parallel werden den göttlichen Mächten insbesondere in Westeuropa goldene Halsringe im Kontext des Opfers geweiht. Die bereits zuvor beschriebene Nähe von Gottheit und Herrscher offenbart sich hier erneut. Für die späte Bronzezeit lassen sich nur ganz wenige herausragende Grabfunde mit goldenen Halsringen benennen. Ein Kriegergrab des späten 9. Jahrhunderts v. Chr. aus dem ostfranzösischen Saint-Romain-de-Jalionas im Département Isère (Guillaumet, Verger 1988; Heynowski 2000. S. 340) ist eines von drei bislang bekannten. Der Schwertkrieger trug zudem ein goldenes Armband und war mit einem Set aus drei bronzenen Trinkgeschirren ausgestattet.

Zwei weitere Goldhalsringe aus Grabkontexten stammen aus Dänemark und einem Grabhügel unweit von Gönnebek, wo in einem Brandgrab des 12. Jahrhunderts v. Chr. zusammen mit Frauenschmuck ein goldener Halsring geborgen wurde (Schwerin von Krosigh 1976. Taf. 35, 194). Es ist nicht ausgeschlossen, dass hier mehrere Inventare vermischt wurden, dennoch liegt hier vermutlich eine Frauenbestattung vor. Ähnlich wie das ältere Kriegergrab aus Gönnebek handelt es sich auch bei dieser Grablage um eine Ausnahmeerscheinung.

Die erwähnten keltischen Goldhalsringträger sind zunächst ausschließlich männlich (Burmeister 2003), erst ab dem späten 6. bzw. im 5. Jahrhundert v. Chr. haben auch einzelne Frauen das Privileg, diese Herrscherabzeichen zu tragen und mit diesem besonderen Attribut ihrer Macht in gleicher Weise wie die Götter geschmückt zu sein (Metzner-Nebelsick 2009).

Strukturell bleibt das Wechselspiel von Elitengrab und Weihfund für göttliche Mächte in der keltischen Welt erhalten, und es liegt nahe, hierin ähnliche konzeptionelle Zusammenhänge zu vermuten wie in der Bronzezeit. Das Fundbild suggeriert, dass es sich sogar um regional traditionsbedingte Handlungen handelt. Die Träger goldener Ringe rücken in die Nähe göttlicher Macht. Weltliche Herrschaft erhält darin ihre politisch-religiöse Legitimität.

Wenngleich das Korrelat „Depotfund“ und „Grabfund“ für die skythisch geprägte Eisenzeit Osteuropas fehlt (Opfer von goldenen Gegenständen gehören hier nicht zur sozialen Praxis der Bronze- und frühen Eisenzeit), kann doch vermutet werden, dass auch die goldreich in riesigen Kurganen bestatteten skythischen Herrscher auf ähnliche Konzepte der Statusrepräsentanz zurückgriffen wie die bronze- und ältereisenzeitlichen Eliten in Mittel-, Nord und Westeuropa. Wie dort sind es vornehmlich goldene Halsringe, die zusammen mit den in den eurasischen Steppen charakteristischen mit Gold bestickten Gewändern über den fürstlichen Rang von Personen Auskunft geben. Es ist nicht leicht, einen genetischen Zusammenhang zu den älteren Goldhalsringen des Westens herzustellen. Eine gewisse Universalität des Tragens goldenen Halsschmucks in Form von Ringen mag daher vermutet werden.

Дуная. Уникальный с точки зрения представленных форм и видов орнаментации золотой клад из Валчитрана в Болгарии (Venedikov 1987) и клад из Радени, включающий в себя золотые канфары и чаши, представляют собой комплексы, состоящие исключительно из металлических сосудов. В степных регионах, расположенных к востоку от северной части Понтийских гор, как и на Северном Кавказе, такая традиция формирования жертвенных кладов из бронзовых или золотых сосудов практически отсутствовала. Правда, при этом важную символическую роль здесь играли золотые чаши, представленные в погребениях скифских вождей, как это видно хотя бы на примере самых древних памятников начала VII века до н. э. — раннескифских курганов Келермес в северокавказском регионе (Galanina 1997). Вероятно, такого рода погребения, как и аналогичные более поздние погребения в причерноморском регионе, основываются все же на отдельной, независимой традиции, объясняющейся, возможно, историческими связями с Передней Азией — Ассирийским царством или царством Урарту. Значение золотых чаш в контексте скифских памятников становится понятным при обращении к текстам греческого историка V века до н. э. Геродота, изложившего миф о происхождении скифов. Согласно этому мифу, в годы царствования трех сыновей Таргитая, сына Зевса и дочери реки Борисфен (Днепр), на землю упали с неба золотые предметы — плуг, ярмо, секира и чаша (Herodot IV, 5). Только младшему из сыновей удастся поднять священные предметы с земли и отнести к себе в дом, в результате чего он получает от братьев и право на единоличное царствование. Далее сообщается о том, как охранялись и оберегались эти символы власти. К сожалению, мы не можем останавливаться на исторической оценке этого предания в разных источниках, отметим только, что оно наглядно показывает, какое важное значение придавалось предметной манифестации власти, и потому может быть экстраполировано на более древние памятники эпохи бронзы, в которых имманентно присутствует этот аспект статусной репрезентации.

Значение символики власти в социальном контексте

Бытование обсуждаемых символов власти не было простой данью быстротечной моде, но связывалось с определенным устойчивым отношением к материальным аспектам власти и соответствующей традицией, которая продержалась на удивление долго — явление, необычное для нестабильных догосударственных политических систем бесписьменной эпохи и потому требующее некоторого объяснения.

Прежде всего, следует обратить внимание на один из важнейших аспектов символов власти внутри традиционных обществ — на связь этих символов с прошлым, что уже само по себе наделяло их особым значением. Получая право распоряжаться предметами, которые ассоциировались с повышением престижа или соотносились иногда со сферой трансцендентного, а в некоторых случаях олицетворяли собой, в силу особенностей формы, вневременное, вечное начало, обладатель таких предметов обеспечивал себе высокое положение внутри социального сообщества. Власть во все времена нуждается в зримых знаках и ясных образах. Особое значение многочисленных золотых артефактов — таких, как упоминавшиеся выше браслеты или гривны из золота, — за пределами собственно материального мира могло выводиться из свойственной золоту долговечности. Они представляли собой формы презентации

Neben dem persönlichen Ornat zählen in Europa Waffen und Trinkgeschirr aus Gold zu den wichtigsten Herrschaftssymbolen der Bronze- und Eisenzeit.

Die Exklusivität des Schwertes für wenige mit politischer Macht ausgezeichnete Personen ist im Mittelalter schriftlich bezeugt, man wird diese Tatsache trotz der erheblichen Zeitdifferenzen gern auf die Bronze- und Eisenzeit Europas übertragen. Der zitierte Schwertkrieger aus Frankreich wurde im Grab von seiner Gemeinschaft auch mit drei Bronzegefäßen ausgestattet. Sie stehen für ein symbolisch dargestelltes und vermutlich für das Jenseits in realer Form imaginiertes Trinkgelage, das im Leben Teil seines Status anzeigenden Lebensstils war, mit dem man im Jenseitsbezug jedoch vermutlich auch eschatologische Erwartungen verknüpfte. Die Zahl drei ist daher nicht zufällig, sondern besitzt Entsprechungen in anderen auch älteren Grabfunden der späten Bronzezeit, wie zum Beispiel im bayerischen Hart an der Alz, wo der Schwert tragende Krieger u. a. zusammen mit einem reich mit Bronze beschlagenen vierrädrigen Wagen verbrannt worden war. Der unversehrte Geschirrsatz diente dem Servieren, Durchseien und dem Genuss eines alkoholischen Getränks. Die Beigabe von Bronzeblechgeschirr ist erstmals in der späten Bronzezeit nachgewiesen. Wiederum lassen sich auch hier Wechselbeziehungen zwischen Opfer- und Grabfunden feststellen. In der späten Bronzezeit sind es in den Gräbern einer exklusiv männlichen Oberschicht fast ausschließlich drei Bronzegefäße, in den Weihfunden, in denen Bronzegefäße mit sich selbst oder Bestandteilen eines Ornaments vergesellschaftet sind, sind es häufig ebenfalls Stückzahlen, die ein Vielfaches der Zahl 3 ergeben (Metzner-Nebelsick 2003). Es fällt schwer, darin einen Zufall zu sehen, vielmehr mag ein uns heute verschlossener tiefer sakraler Sinnzusammenhang, vermutlich im Sinne eines mythologischen Aspektes, auch im Grab der politischen Machtträger repräsentiert worden sein. Götter und Menschen stehen somit symbolisch in gegenseitigem Austausch.

Goldgefäße werden wie in Eberswalde gleichfalls mit Ornatbestandteilen oder mit sich selbst kombiniert geweiht. Die häufigen Zahlenkombinationen unterscheiden sich jedoch von denen der Bronzegefäße (Metzner-Nebelsick 2003. S. 104. Abb. 3). In keinem bislang bekannten Fall kommen prunkvolle, exzeptionelle Trink- oder Spendegefäße im Opferkontext zusammen mit Waffen vor. Dies gilt auch für die Region jenseits des Karpatenbogens in der rumänischen Moldau und an der unteren Donau im heutigen Bulgarien. Der auch hinsichtlich Form und Verzierung singuläre Hort von Vălcitrân in Bulgarien (Venedikov 1987) oder ein aus goldenen Kantharoi und Tassen bestehendes Depot von Rădeni (vermutlich acht Gefäße) (Vulpe 1985) sind Metallgefäßdepots ohne weitere Bestandteile. In den weiter östlich angrenzenden Steppenregionen des Nordpontus sowie im nördlichen Kaukasus ist die Sitte der Weihung von Gold- oder Bronzeblechgefäßen dagegen unüblich. Allerdings spielen dort goldene Schalen im Grabkontext der skythischen Fürsten eine große, symbolisch aufgeladene Rolle, so z. B. in den frühskythischen Kurganen von Kelermes im nordkaukasischen Kubangebiet (Galanina 1997), um nur die ältesten aus dem frühen 7. Jahrhundert v. Chr. zu erwähnen. Vermutlich reflektieren sie hier wie in jüngeren Grabkontexten der Schwarzmeerregion jedoch eine unabhängige Tradition, die wohl über historische Kontakte mit dem vorderasiatischen Raum bzw. mit den Königreichen von Assyrien oder Urartu zu erklären ist. Die Bedeutung goldener Schalen in skythischen Fundkontexten wird durch ihre mythologische Überhöhung in dem von dem griechischen Historiographen Herodots im 5. Jahrhundert v. Chr. niedergeschriebenen Gründungsmythos der Skythen evident: danach fielen unter der Herrschaft der drei Söhne des Targitais, Sohn des

властных полномочий и, став предметным олицетворением власти, были наполнены сложным символическим содержанием.

Как видно на примере отдельных, необычайно выразительных экспонатов данной выставки, помимо браслетов встречаются и другие предметы личного убранства, которые можно отнести к первичным символам власти, поскольку они напрямую — физически — связаны с их обладателем, то есть с носителем власти. И по сей день эта связь находит свое непосредственное выражение в таком предмете, как кольцо. Вспомним обручальные кольца или мотив кольца в современных мифах (вроде необычайно популярной эпопеи «Властелин колец» Дж. Р. Р. Толкиена), хотя и основывающихся на доисторических образцах.

Этот феномен, который подкрепляется лишь спорадическими археологическими находками, но при этом охватывает значительный временной отрезок (судя по дошедшим до нас предметным формам, связанным с репрезентацией властных полномочий), по моему убеждению, не может считаться случайным явлением или результатом умозрительных аналогий, выведенных на основе формально-функционального анализа. Скорее он доказывает, что на протяжении долгого периода времени шел процесс формирования определенной традиции, связанной с символизацией некоторых аспектов власти. Чаще всего они находят свое выражение в социальной практике оформления отдельных кладов (Hansen 2005), а также в немногочисленных статусных погребениях, а в эпоху железа — почти исключительно в погребениях особых членов общества.

Перевод в социальный контекст позволяет предположить, что рассказы, истории и мифы, неизменно связанные с преданием о прошлом, то есть с интенциональной историей (Gehrke 2004), требовали наличия определенной среды, которая помогала бы, наряду со словом, хранить воспоминание об этих рассказах благодаря другим элементам, вбирающим в себя чувственные впечатления и опыт.

Зримые символы власти использовались не только как отличительные знаки властителей, они передавались также божественным силам в процессе жертвоприношения. При этом сам процесс жертвоприношения сопровождался, вероятно, театрализованным действием, как об этом можно судить по античным источникам и другим, более поздним примерам. Вполне вероятно, что во время таких инсценированных представлений исполнялись песнопения религиозного или мифологического содержания, а также устраивались шествия, танцы и разыгрывались отдельные сцены. Небольшие повозки (подобные повозке из Бурга) служили, наверное, для того, чтобы оживить некий миф через введение в разыгрываемое представление реальной повозки, которая приводилась в движение персоной, наделенной религиозной компетенцией, и тем самым сделать для зрителя, наблюдавшего за происходящим, более доступными и понятными все действия, которые должны были завершиться приношением жертвы (в том числе и повозки).

Наличие установленной схемы ритуала и разворачивания сопутствующего мифа в форме театрализованного действия в контексте жертвоприношения образует своего рода рамку, связанную с проекцией определенных представлений, что позволяет объяснить столь длительный период бытования и использования определенных символов власти. Именно эмоциональное и психическое переживание, связанное с непосредственными впечатлениями и вызванное движением (танцем) или музыкой, поддерживало, вероятно, воспоминание и способствовало закреплению определен-

Zeus und einer Tochter des Flusses Borysthenes (Dnipro/Dnepr), vier heilige Gegenstände aus Gold vom Himmel, ein Pflug, ein Joch, ein Beil und eine goldene Schale (Herodot IV,5). Der jüngste der drei Söhne ist als einziger in der Lage, die Gegenstände zu bergen, und sichert sich so gegenüber seinen Brüdern die Herrschaft über Skythien. Weiterhin erfährt der griechische und heutige Leser, dass diese Symbole der Herrschaft aufbewahrt wurden. Eine quellenkritische historische Bewertung dieser Überlieferung kann hier nicht unternommen werden, dennoch wird die große Bedeutung dinglicher Manifestationen von Herrschaft deutlich und darf auf einen auch in den älteren, bronzezeitlichen Depotfunden immanenten Aspekt der Repräsentanz von Herrschaft übertragen werden.

Бedeutung der Herrschaftssymbolik im sozialen Kontext

Es kann gezeigt werden, dass die besprochenen Symbole von Herrschaft keine kurzfristig verwendeten Moden darstellen, sondern sich mehrfach erstaunlich lange Tradierungen von materiellen Aspekten von Herrschaft beobachten lassen — ein für vorstaatliche, instabile politische Systeme ohne Schriftlichkeit ungewöhnlicher Befund. Dieser Umstand verlangt nach einer Erklärung.

Der Vergangenheit verkörpernde und damit als besonderes Distinktionsmerkmal fungierende Aspekt von Symbolen der Macht innerhalb traditionaler Gesellschaften darf nicht unterschätzt werden. Durch die Verfügungsgewalt über besondere, mit Prestigegewinn assoziierte Gegenstände mit bisweilen transzendenter Bedeutungsbelegung oder über Gegenstände, die durch ihre spezifische Formgebung eine gewisse Überzeitlichkeit verkörperten, versicherten sich ihre Nutzer ihrer besonderen Stellung innerhalb ihrer sozialen Gemeinschaft. Herrschaft bedarf in allen Zeiten sichtbarer (Ab)zeichen. Die besondere Bedeutung zahlreicher goldener Artefakte wie der beschriebenen Armringe und Armbänder oder auch von Halsringen aus Gold kann jenseits des Materialwerts auch aus ihrer Langlebigkeit geschlossen werden. Sie waren Verfügungsformen von Macht und dienten der dinglichen Verkörperung komplexer symbolischer Zusammenhänge.

Wie die Ausstellung an einigen signifikanten Exponaten zeigt, sind es neben Armschmuck weitere Teile des persönlichen Ornats, die als primäre Herrschaftssymbole bezeichnet werden können, da sie bereits rein physisch an ihre Träger, also die Inhaber von Macht, gebunden sind. Bindung wird bis heute vor allem durch Ringe zum Ausdruck gebracht, man denke an den Ehering oder rezente Mythen, wengleich nach frühgeschichtlichen Vorbildern, wie J. R. R. Tolkiens enorm populären „Herrn der Ringe“.

Das Phänomen der im archäologischen Befund teils nur sporadisch, dafür aber über lange Zeiträume überlieferten dinglichen Verfügungsformen der Repräsentation von Herrschaft ist meiner Überzeugung nach nicht zufälliger Natur oder das Produkt von formal-funktional begründbaren Analogien, sondern vielmehr Nachweis der konkreten, über lange Zeiträume verfolgbarer Tradierung bestimmter Aspekte von Herrschaft. Am häufigsten finden sie ihren Niederschlag in der sozialen Praxis (Hansen 2005) des Hortfundes, in wenigen Elitegräbern und dann in der Eisenzeit nahezu exklusiv in den Grabfunden besonderer Mitglieder der Gesellschaft.

In der Übersetzung in einen sozialen Kontext kann man vermuten, dass die immer mit der Überlieferung von Vergangenheit, d. h. der intentionalen Geschichte (Gehrke 2004), verbundenen Erzählungen, Geschicht(en) und Mythen ein Medium benötigten, durch das diese Erzählungen neben dem gespro-

ного комплекса знаний. Нельзя не вспомнить в связи с этим в качестве своеобразного аналога гомеровские эпические песни, которые к тому же предназначались для исполнения в контексте пиршества; «симпосий» — пример, который и культурно, и по времени не слишком далеко отстоит от мира эпохи бронзы. Такое соположение представляется вполне оправданным уже хотя бы потому, что приношения, связанные с возлияниями, широко представлены среди памятников эпохи бронзы, и это обстоятельство позволяет предположить, что и они использовались в контексте такого общего «симпосия».

В отличие от эпохи бронзы в эпоху позднего железа в богатых погребениях чаще встречается бронзовая, а не золотая посуда. При этом статусное погребение (человек) и жертвоприношение (божество) и в этот период продолжают оставаться взаимоотнесенными категориями (Metzner-Nebelsick 1997).

Вместе с тем в контексте жертвоприношения на первый план отчетливо выступает момент непосредственной личной идентификации, который в погребениях героев и далеких предков присутствовал лишь опосредованно, благодаря осознаваемой связи с общим и уже, вероятно, далеким мифическим прошлым.

По мнению французского историка Жака Ле Гоффа (1999), мифы той или иной общности, оформленные в традицию благодаря «специалистам», являются той средой, в которой хранится воспоминание и через которую оно передается дальше. Наряду с этим, как ёмко сформулировал египтолог Жан Ассманн, существуют и такие элементы, как формы обложения и обряды, которые представляют собой острова времени, фигуры воспоминания, являющиеся частью культурной памяти той или иной общности. К ее основным составляющим относятся моменты, связанные с личностной идентификацией. Культурная память имеет конкретную групповую отнесенность и формирует идентичность той или иной группы через сохранение общих запасов знания, то есть создает «конкретность идентичности» (Assmann 1997). Культурная память в понимании Ассманна работает не как механизм, сохраняющий то или иное прошлое, она скорее соотносит с настоящим некие фигуры воспоминания и фрагменты знания. Так происходит присвоение, сохранение, но и изменение прошлого. Передача фигур воспоминания предполагает объективирование определенных событий или представлений (Ассманн говорит об объективации или кристаллизации). Передаточной средой, согласно Ассманну, являются языковые, изобразительные или ритуальные формообразования (Assmann 1997. S. 14). Применительно к преистории в целом и к рассматриваемым явлениям в частности можно сказать, что обе последние сферы, выделенные Ассманном, и были, вероятно, той средой, через которую транспортировались религиозные представления или социально-религиозные формы статусной презентации. Однако само объяснение механизмов, которые обеспечивали поддержание культурной памяти или осуществляли передачу смысла, передаваемого в форме ритуала (например, в форме мифа), представляется, с точки зрения преисторической археологии, несколько проблематичным. Ассманн, как и Ле Гофф, исходит из того, что передача запасов знаний, накопленных в культурной памяти, происходит через определенных носителей — через «специалистов». В Египте, послужившем отправной точкой рассуждений Ассманна, этими «специалистами» были жрецы. Выделить на основании убедительных доводов такую касту в преисторической Европе до наступления эпохи поздней

chenen Wort auch durch weitere sinnliche Erfahrungen und Eindrücke gespeichert, erinnert werden konnten.

Die sichtbaren Symbole der Macht wurden nicht nur von den Mächtigen getragen oder verwendet, sie wurden zudem im Kontext des (Material) opfers, der Weihung, göttlichen Mächten überantwortet. Dabei fanden, so ist aus rezenteren Beispielen und antiker Überlieferung zu schließen, im Umfeld der Opferhandlungen vermutlich Inszenierungen der Handlungsabläufe statt. Gesänge religiösen oder mythologischen Inhalts wurden vorgetragen, auch Tänze, Prozessionen oder kleine Vorführungen sind wahrscheinlich. Die kleinen Deichselwagen aus Burg oder von anderen Orten haben vermutlich dazu gedient, einen Mythos durch Bewegung des Gefährts durch eine Person mit religiösen Kompetenzen in Szene zu setzen und so für die Zuschauer dieser Handlung, an deren Ende ein Opfer (auch des Wagens) angenommen werden kann, besser begreifbar zu gestalten.

Das festgefügte Schema des Rituals und des begleitenden Mythos und seine Inszenierung im Opferkontext bilden einen Projektionsrahmen, um die mehrere Jahrhunderte umspannende Verwendungszeit bestimmter Symbole der Macht und der Herrschaft zu erklären. Gerade das emotional wie physisch Erlebte (durch Bewegung im Tanz oder Musik) trägt zur Festigung von Wissen und Erinnerung bei. Die in Versen verfassten Gesänge der Homerischen Epen, die zudem im Kontext des Festgelages, des Symposiums, zur Darbietung gelangten, bieten einen kulturell wie zeitlich nicht allzu weit aus der Welt der Bronzezeit entrückten Vergleich. Zumal das für die Bronzezeit zahlreich im archäologischen Befund belegte Trankopfer auch in einem Kontext des gemeinschaftlichen Symposiums konzeptionalisiert werden kann.

In der älteren Eisenzeit findet sich im Gegensatz zur Bronzezeit das prachtvolle Bronze- selten Goldgeschirr nun auch im Kontext prunkvoller Bestattungen. Elitengrab/Mensch und Opfer/Gottheit erweisen sich abermals als wechselbare Kategorien (Metzner-Nebelsick 1997).

Gleichzeitig tritt im Kontext des Opfers ein unmittelbar Identität stiftendes Moment prominent hervor, das im Ahnen- oder Heroengrab nur mittelbar durch den Bezug auf einen gemeinsamen, unter Umständen bereits in mythische Ferne gerückten Vorfahren erreicht wird.

Nach dem französischen Historiker Jacques Le Goff (1999) bilden die durch Spezialisten tradierten Mythen einer Gemeinschaft das zentrale Medium der Erinnerungsvermittlung oder, wie der Ägyptologe Jan Assmann sinngemäß formulierte: Neben anderen Elementen manifestieren Tracht und Brauchtum Zeitinseln, Erinnerungsfiguren, die Teil des kulturellen Gedächtnisses einer Gemeinschaft darstellen. Ihre wesentlichen Bestandteile sind Identität erzeugende Momente. Das kulturelle Gedächtnis hat einen konkreten Gruppenbezug und wirkt durch Bewahrung des Wissensvorrates einer Gruppe Identität erzeugend, es stellt „Identitätskonkretheit“ her (Assmann 1997). Das kulturelle Gedächtnis im Verständnis Assmanns fungiert nicht als Bewahrungsmechanismus der oder einer Vergangenheit, vielmehr werden Erinnerungsfiguren und Wissensbestände in Bezug zu einer jeweiligen Gegenwart gesetzt. Es erfolgt eine Aneignung, Bewahrung, aber auch Veränderung von Vergangenheit. Die Vermittlung von Erinnerungsfiguren setzt die Objektivierung (Assmann spricht von Objektivation oder Kristallisation) bestimmter Ereignisse oder Vorstellungen voraus. Als Medium der Vermittlung fungieren nach Assmann sprachliche, bildliche und rituelle Formungen (Assmann 1997. S. 14). Gerade die beiden letztgenannten Aspekte sind in der Übertragung auf prähistorische Verhältnisse allgemein und die darge-

латенской культуры не представляется возможным. Если экстраполировать тезис Ле Гоффа, выдвинутый им на основании этнологических исследований, то можно допустить, что певцы и рапсоды были именно такими носителями воспоминания.

Говоря о преисторической Европе эпохи поздней бронзы и эпохи позднего железа (ок. 1300–450 годов до н. э.), к числу посредников, передающих фигуры воспоминания, можно, вероятно, отнести и представителей социальных элит различных культурных групп. О сакральной компетенции таких носителей власти уже неоднократно писалось (Kristiansen 1984; Randsborg 1993; Pauli 1988/89; Krause 1996; Krause 1999; Metzner-Nebelsick 2009; Metzner-Nebelsick 2010). Это предположение строится на представлении о том, что в преисторических обществах власть не могла существовать без божественной легитимации. К числу важных критериев, соответственно, относится как собственная родословная, восходящая к божественным (мифическим) или героизированным предкам, так и (в зависимости от форм социальной организации) личная судьба правящих особ, за которой стоит особое благоволение богов. Если представителям высшего социального слоя вверяется сакральная компетенция, то они по праву могут проводить и жертвенные ритуалы. Этим объясняется, с одной стороны, чередование таких форм, как статусное погребение и клад в разные периоды или в разных культурах, и с другой стороны — преобладание жертвенных кладов как форм презентации власти в регионах без погребений.

В связи с этим представляется интересным наблюдение, сделанное на примере погребения с повозкой из Поинга (Верхняя Бавария) ранней эпохи полей урн (Winghart 1999). Погребальный инвентарь был сложен там на очень небольшом и тесном пространстве, так что предметы оказались буквально втиснуты друг в друга. Их расположение при этом не соответствовало распространенному размещению на повозке, а напоминало скорее принцип оформления клада, как заметил Штефан Вингарт (Winghart 1999. S. 532). Сходные наблюдения были сделаны и относительно так называемых могильных сокровищ, входящих в группу погребений кочевников эпохи раннего железа северопонтийских степей.

Таким образом, совершенно очевидна связь представителей социальных элит с проведением ритуальных действий, которые, в свою очередь, имели характер статусной самоидентификации. Поддержание высокого статуса этого круга лиц внутри более широкой социальной группы требовало, если воспользоваться тезисом Ле Гоффа, наличия коллективного воспоминания, укорененного в мифах (Le Goff 1999. S. 87). В свете этого, если говорить о предметных символах власти эпохи бронзы и эпохи раннего железа, можно сделать следующее. В контексте ритуально детерминированного жертвоприношения определенные предметы, такие как золотые гривны со сдвоенными спиралевидными окончаниями, становились носителями и хранителями символических аспектов власти. Через ритуалы, проводившиеся, вероятно, по установленной схеме, анализировались отдельные аспекты воспоминания об определенном комплексе представлений, независимо от отнесенности к конкретному лицу или событию. Цель такого рода действий — создание социальной идентичности через совместное воспоминание в процессе принесения жертвы. Еще один важный мотив — поддержание идеи власти или собственного положения в обществе. При этом, в свою очередь, важной оказывается собственная или приписанная отнесенность к прошлому (Gehrke 2004. S. 64ff.).

stellten Zusammenhänge im Besonderen gut als Vehikel zur Vermittlung religiöser Vorstellungen oder sozial-religiöser Repräsentationsformen vorstellbar. Problematisch erscheint aus der Sicht der prähistorischen Archäologie die Erklärung der Mechanismen, die der Pflege eines kulturellen Gedächtnisses bzw. konkret der Vermittlung eines rituell geformten kommunizierten Sinns, z. B. in Form eines Mythos gedient haben. Assmann geht wie Le Goff von der Vermittlung des Wissensvorrates des kulturellen Gedächtnisses durch bestimmte Träger, durch Spezialisten aus. In Ägypten, der Ausgangsbasis von Assmanns Betrachtungen, waren jene Spezialisten die Priester. Eine derartige Kaste im prähistorischen Europa auszumachen, gelingt im Grunde vor der späten Latènezeit nicht überzeugend. In Übertragung auf die anhand ethnologischer Studien verfassten Thesen Le Goffs sind auch Sänger und Rhapsoden als Erinnerungsträger denkbar.

Für das prähistorische Europa der späten Bronze- und älteren Eisenzeit (ca. 1300 bis 450 v. Chr.) sind ergänzend als die Vermittler jener Erinnerungsfiguren die Angehörigen der sozialen Elite verschiedener Kulturgruppen vorstellbar. Die sakrale Kompetenz jener Herrschaftsträger ist verschiedentlich herausgestellt worden (Kristiansen 1984; Randsborg 1993; Pauli 1988/89; Krause 1996; Krause 1999; Metzner-Nebelsick 2009; Metzner-Nebelsick 2010). Dieser Annahme liegt die Auffassung zugrunde, dass in prähistorischen Gesellschaften Herrschaft ohne göttliche Legitimation nicht denkbar war. Darunter sind sowohl die Rückverfolgung der eigenen Abstammung auf einen (mythischen) göttlichen oder heroisierten Ahnen als auch — je nach sozialer Organisationsform — persönliches Geschick der herrschenden Personen als Zeichen göttlichen Wohlwollens wichtige Kriterien. Billigt man den Angehörigen der obersten sozialen Schichten sakrale Kompetenz zu, können sie auch als die Durchführenden der Opfer angenommen werden. So wird einerseits der Wechsel der Medien Hort und Prunkgrab in unterschiedlichen Zeitphasen oder Kulturgruppen und andererseits die Darstellung von Herrschaft in Form von Depots in „grablosen“ Regionen erklärbar.

Interessant erscheint in diesem Zusammenhang auch eine Beobachtung am Beispiel eines frühurnfelderzeitlichen Wagengrabes im oberbayerischen Poing (Winghart 1999). Die Beigaben waren dort auf kleinem Raum eng zusammen liegend, ja ineinander verkeilt, deponiert worden. Ihre Lage entsprach nicht jener der Position am Wagen oder Gespann, sondern der Niederlegungsart in einem Depotfund wie Stefan Winghart (Winghart 1999. S. 532) bemerkte. Ähnliche Beobachtungen von so genannten Grabschätzen innerhalb früheisenzeitlicher Nomadengräber der nordpontischen Steppen (u. a. Butenki) ließen sich abschließen.

Die Bindung jenes illustren Personenkreises einer sozialen Elite an die Durchführung ritueller Aktivitäten, die ihrerseits wiederum stark identitätsstiftenden Charakter besaßen, ist evident. Der Herrschaftserhalt dieser Gruppe innerhalb ihres sozialen Umfeldes macht im Verständnis Le Goffs eine in Mythen verankerte kollektive Erinnerung notwendig (Le Goff 1999. S. 87). In der Übertragung auf die dinglichen Herrschaftssymbole der Bronzezeit und frühen Eisenzeit kann festgestellt werden: Im Kontext des rituell determinierten Opfers werden bestimmte Gegenstände, wie z. B. goldene Ringe mit doppelspiraligen Enden, zu Trägern und Bewahrern symbolischer Aspekte von Herrschaft. Durch die vermutlich im Ritual festgelegten Handlungsmuster werden einzelne Aspekte eines komplexen Gedankenkonzepts unabhängig von der Bindung an bestimmte historische Personen oder Ereignisse erinnert. Dies geschieht mit dem Ziel der Schaffung sozialer Identität durch gemeinsame Erinne-

Instrumentalisierung langjähriger родословной, пусть даже отчасти фиктивной, оставалась вплоть до Нового времени важным моментом, обеспечивавшим господствующее положение аристократии. В преисторическом контексте, однако, следует различать политическую и культурную преемственность. Политическая преемственность, понимаемая как династическое правление, не релевантна для европейской эпохи бронзы, тогда как наличие традиции сохранения отдельных атрибутов власти внутри одной общности через религиозно детерминированную систему норм и ценностей может быть выведено из анализа имеющихся археологических памятников.

Члены этой группы были объединены одинаковой социальной идентичностью, которая среди прочего находила свое выражение в ритуализированных и, вероятно, религиозно коннотированных моделях поведения и общем особом габитусе, что, в свою очередь, отражалось в таких формах, как перемещение на повозке, симпозиум, поминальный пир, жертвоприношение, поединок или героизация воина. Использование определенных предметов в погребальном культе или их освещение в процессе жертвоприношения были средством оживления «золотого запаса» воспоминаний членов всего сообщества. Это объясняет также, почему в контексте жертвоприношений, равно как и в контексте погребений (за исключением погребений вождей эпохи ранней бронзы), не использовались старые предметы.

Воспоминания «запускались» в эпоху бронзы и эпоху железа ритуальными действиями — жертвоприношением, ритуалом инициации (археологическому описанию не поддающимся), культовыми праздниками или использованием определенных предметных символов в ритуальном контексте. При этом следует оговорить, что ввиду отсутствия в то время государственных систем с соответствующими механизмами поддержания порядка и с учетом изменения религиозных представлений в процессе исторического развития (и связанных с этим изменений форм жертвоприношения или погребения), а также с учетом наличия разных форм религиозных представлений, имевших свою региональную специфику, едва ли можно ожидать, что на значительном географическом пространстве будут наличествовать общие, одинаковые фигуры воспоминания. Во всяком случае, археологические источники показывают, что фигуры воспоминания появляются лишь спорадически и всегда зависят от характерной для данной культуры традиции закладки артефактов. Поскольку в преисторическом контексте носители памяти манифестируются лишь в предметных объектах или в символических (смыслонагруженных знаках в форме предметов), то уместнее было бы использовать в данном случае понятие «символы воспоминания», введенное в оборот Жаном Ассманом и совпадающее по своему наполнению с обсуждаемыми здесь символами власти.

rung im Opfer. Ein weiteres Motiv ist die Absicherung der Herrschaft bzw. der eigenen Stellung in der Gesellschaft. Dabei ist wiederum der Bezug zur eigenen oder angeeigneten Vergangenheit wichtig (Gehrke 2004. S. 64ff.).

Die Instrumentalisierung einer langen Ahnenreihe, sei sie auch partiell fiktiv, war bis in die Neuzeit ein die Vormachtstellung des Adels ausmachendes Moment. Im prähistorischen Kontext muss jedoch zunächst zwischen politischer und kultureller Kontinuität unterschieden werden. Politische Kontinuität im Sinne einer dynastischen Herrschaftstradition kann für das bronzezeitliche Europa ausgeschlossen werden, die Bewahrung einzelner Aspekte von Herrschaft innerhalb einer Gruppe von Menschen über ein religiös determiniertes Normen- und Wertesystem kann hingegen durchaus aus dem archäologischen Befund abgeleitet werden.

Die Mitglieder dieser Gruppe teilten die gleiche soziale Identität, die sich u. a. in ritualisierten vermutlich religiös konnotierten Verhaltensmustern bzw. Habitus-Konzepten äußerte, so z. B. Wagenfahrt, Symposium, Totenspeisung, Opfer, Kampf bzw. Heroisierung des Kriegers. Die Mitgabe bestimmter Gegenstände im Grabkult oder ihre Weihung im Opfer waren das Medium der Vergegenwärtigung des Erinnerungsschatzes der Mitglieder der gesamten Gemeinschaft. Dies erklärt auch, weshalb im Kontext des Opfers und auch des Grabes (mit Ausnahme der frühbronzezeitlichen Fürsten- bzw. Häuptlingsgräber) keine Altstücke verwandt wurden.

Als Transmissionsriemen der Erinnerung wirkten in der Bronze- wie in der Eisenzeit rituelle Handlungen, wie Opfer, Initiationsriten (archeologisch kaum greifbar), Kultfeste oder die Verwendung bestimmter dinglicher Symbole in rituellem Kontext. Es muss einschränkend bemerkt werden, dass ohne staatliche Systeme mit entsprechenden Ordnungsmechanismen wegen des Wandels religiöser Vorstellungen im Laufe der Zeit (abhängig davon den religiösen Ausdrucksformen im Opfer oder der Bestattung) bzw. auch wegen regional unterschiedlicher Formen religiöser Vorstellungen in keinem Fall über größere geographische Gebiete einheitliche Erinnerungsfiguren zu erwarten sind. Vielmehr erscheinen diese im archäologischen Befund, abhängig von den jeweils kulturabhängigen Deponierungssitten von Artefakten, sporadisch. Da sich im prähistorischen Kontext die Erinnerungsträger konkret nur als dingliche Zeugnisse bzw. zeichenhafte Bedeutungsträger in Form von Gegenständen manifestieren, soll hier in Anlehnung an Jan Assmann von Erinnerungssymbolen gesprochen werden. Sie sind mit den besprochenen Herrschaftssymbolen weitgehend identisch.

Александр Мошинский Воины, металлурги, художники Северного Кавказа эпохи бронзы

Aleksander Moschinskij Krieger, Metallurgen und Künstler aus dem bronzezeitlichen Nordkaukasus

К середине XIX века археология уже вышла за пределы исследования памятников античности, интерес к которым восходит еще к эпохе Возрождения. После наполеоновских войн расцветает египтология, в 1840-е годы началось систематическое изучение Месопотамии. Уже дешифрованы египетские иероглифы и дешифруется клинопись. Археология изучает теперь не только древние могучие цивилизации. Обследуются территории «варварских» культур. Начинается как таковая европейская археология. Одна из самых ярких находок — открытие гальштатской культуры. Обширные раскопки на могильнике в австрийских Альпах дали многочисленные образцы изделий из бронзы — настоящих произведений искусства древних литейщиков. Стало очевидным, что на территории Европы в эпоху бронзового века ремесла во многом не уступали в своем развитии производствам развитых государств Древнего Востока.

Но никто не мог предположить, что на восточной окраине европейского мира, на далеком Северном Кавказе может быть найдено что-либо даже близкое по качеству уже успевшим прославиться европейским бронзам. Чем был для Европы Северный Кавказ? Только в 1864 году закончилась Кавказская война, длившаяся 37 лет. В Европе сложилось представление, что на этом краю цивилизованного мира живут воинственные чеченцы и черкесы, и никаким очагом культуры этот дикий край быть не может.

Такая точка зрения была, мягко говоря, не нова. Древние греки представляли Кавказ как край освоенной человеком части мира. Именно к «Кавказской горе», за которой встает солнце, был прикован Прометей, здесь ему терзал печень посылаемый Зевсом орел. В Колхиду, на восточное побережье Черного моря, в страну сына солнца Ээта плыли за золотым руном аргонавты. Это была экспедиция на край света. А Колхида — это ведь не Северный Кавказ, о котором и вовсе не было известно ничего. Колхиду греки в конце концов колонизовали, построили там города, описали обычаи местных племен, но земли к северу от Главного Кавказского хребта остались непознанными.

Тем сильнее была реакция мировой научной общественности, когда перед ней предстали случайно найденные в 1869 году бронзовые вещи из могильника в осетинском ауле Уолла (Верхний) Кобан. Ученые были поражены необычайным качеством их изготовления, высочайшим художественным уровнем гравировки, прекрасной зооморфной пластикой, изящными формами оружия. Один из основоположников кавказской археологии граф Алексей Сергеевич Уваров не смог удержаться от восклицания: «Культура кавказских племен предшествовала многими веками культуре осталь-

В ереити в der Mitte des 19. Jahrhunderts galt das Interesse der Archäologie nicht mehr ausschließlich den antiken Denkmälern, deren Untersuchung sie sich schon in der Renaissance gewidmet hatte. Nach den Napoleonischen Kriegen blühte die Ägyptologie auf, in den 1840er Jahren begannen systematische Untersuchungen in Mesopotamien. Die ägyptischen Hieroglyphen waren inzwischen dechiffriert, bei der Keilschrift setzte man alles daran, ebenfalls einen Durchbruch zu erzielen. Die Archäologie wandte sich nunmehr nicht bloß den großen Zivilisationen des Altertums zu, sondern richtete ihr Augenmerk auch auf „barbarische“ Kulturen; die so genannte europäische Archäologie war geboren. Ein Meilenstein in ihrer Geschichte war dabei die Entdeckung der Hallstattkultur. Umfassende Grabungen in dem Gräberfeld in den österreichischen Alpen erbrachten zahlreiche außerordentliche Bronzegegenstände, wahre Kunstwerke, geschaffen von Gießern in der Vergangenheit. Mit ihnen lag der Beweis vor, dass das bronzezeitliche Handwerk in Europa in vielen Bereichen keineswegs hinter den hoch entwickelten Staaten im Alten Orient zurückstand.

Niemand hätte sich damals indes auszumalen vermocht, dass in der östlichen Peripherie der europäischen Welt, im fernen Nordkaukasus, je etwas gefunden werden könnte, das sich qualitativ mit den mittlerweile schon berühmten europäischen Hallstatt-Bronzen vergleichen ließe. Nicht bei den Vorstellungen, die man sich in Europa vom Nordkaukasus machte. Der Kaukasuskrieg war damals, 1864, nach 37 Jahren gerade erst zu Ende gegangen. Während er noch tobte, hatte sich in Europa die Meinung herausgebildet, in diesem Teil der zivilisierten Welt lebten kriegerische Tschetschenen und Tscherkessen und in einer solch wilden Gegend könne niemals irgendeine Form von Kultur beheimatet gewesen sein.

Diese Sichtweise war, gelinde gesagt, nicht neu. Schon die alten Griechen betrachteten den Kaukasus als den Rand der vom Menschen erschlossenen Welt. Ebendort, am Berg Kaukasus, hinter dem die Sonne aufgeht, war Prometheus an den Fels geschmiedet worden, hier riss ihm der von Zeus gesandte Adler die Leber heraus. Die Argonauten fuhren auf der Suche nach dem Goldenen Vlies nach Kolchis, an die Ostküste des Schwarzen Meeres, in das Land von König Aietes, den Sohn des Sonnengottes Helios. Damit unternahmen sie eine Expedition ans Ende der Welt. Dabei war Kolchis noch nicht einmal der Nordkaukasus, über den man nicht das Geringste wusste. Kolchis hatten die Griechen immerhin kolonisiert, dort hatten sie Städte erbaut. Über die Bräuche der einheimischen Stämme lagen Beschreibungen vor. Die Gebiete nördlich des großen Kaukasuskamms blieben dagegen *terra incognita*.

Umso heftiger fielen die Reaktionen der internationalen gelehrten Welt aus, als sie jene Bronzestücke aus dem Gräberfeld

ной Европы». Эмоциональное преувеличение? Конечно! Давно уже ни у кого не вызывает сомнения, что кобанская культура входит с европейскими и древневосточными в единый исторический пласт. Но понять эмоции графа можно. Совершенно неожиданно на земле, считавшейся дикой во все времена, открыта новая, яркая самобытная культура с высочайшей по качеству бронзой!

О древней истории Северного Кавказа нет письменных источников. Молчит о нем Библия, молчат восточные клинописные тексты и египетские иероглифы, ничего достоверного не знают и античные авторы.

Иван Бунин писал:

*Молчат гробницы, мумии и кости, —
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена*

Но, когда молчат письмена, начинают говорить гробницы и вещи. И им удается сказать о многом. Надо лишь уметь понимать их язык и не нарушать их слаженный хор. К сожалению, именно это удается далеко не всегда.

История изучения северокавказских древностей драматична. Если уже упоминавшийся могильник в Гальштате был практически полностью добросовестно раскопан, изучен, и ученые получили возможность сопоставлять комплексы вещей и делать выводы о хронологии, о торговых связях, о социальном составе общества и о многих других не менее важных для истории вещах, то в Верхнем Кобане произошло самое настоящее несчастье. Могильник был почти полностью разорен хозяином участка земли, на которой он располагался. Археологи успели раскопать только несколько погребений. Ученые копают медленно: ножик, кисточка, фотография, чертеж... Здесь же к делу был приспособлен своеобразный шуп — палка с железным наконечником. Погребения в каменных ящиках залежали под тонким слоем дерна. Там, где палка упиралась в камень, раздавался характерный звук. Двое рабочих с лопатами вскрывали могилу и вытаскивали бронзовые вещи. Все, естественно, сваливалось в кучу и затем выставлялось на продажу. Точно посчитать, сколько могил было так разорено, невозможно, но по примерному подсчету предметов, попавших в музеи всего мира (сколько попало в частные руки и бесследно исчезло — неизвестно), получается, что только в этом могильнике было ограблено от 500 до 1000 погребений. Но грабитель не успокоился и на этом. Разъезжая по Северной Осетии, он нашел похожие древности и в Дигорском ущелье, но там пальму первенства у него перехватил предприимчивый местный житель. В короткий срок были разорены два больших могильника — Фаскау и Верхняя Рутха.

В итоге сложилась парадоксальная ситуация. В музеях всего мира лежат тысячи бронзовых изделий из Северной Осетии, но работать с ними крайне тяжело: они вырваны из исторического контекста. В лучшем случае известно, из какого могильника они происходят (да и то не всегда).

Ситуация начала меняться только во второй половине XX столетия, благодаря раскопкам профессиональных археологов в Южной Осетии и в Дигорском ущелье, а также на сопредельных с Осетией территориях — Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии, Ставропольском крае. В результате удалось разделить весь материал на две основные хронологические группы: древности предкобанской (II тыс. до н. э.) и кобанской (XII–IV вв. до н. э.) эпох.

Чем же являлась предкобанская эпоха? Какое место занимала она в общей истории Европы? Мы сейчас уже знаем,

im ossetischen Aul Uolla (Verchnij) Koban, Zufallsfunde aus dem Jahr 1869, kennen lernte. Die Wissenschaftler zeigten sich frappiert angesichts der außergewöhnlichen Qualität der Stücke, des hohen künstlerischen Niveaus der Gravur, der prachtvollen zoomorphen Plastik und der aparten Formen der Waffen. Graf Aleksej Sergeevič Uvarov, einer der Begründer der Kaukasusarchäologie, ließ sich gar zu dem Ausruf hinreißen: „Aber die Kultur der kaukasischen Stämme war ja der des zurückgebliebenen Europas um viele Jahrhunderte voraus!“ Ist in dieser Situation die Begeisterung mit ihm durchgegangen? Ohne Frage! Denn seit langem schon zweifelt niemand mehr daran, dass die Koban-Kultur auf einer Stufe mit den europäischen und altorientalischen Kulturen anzusiedeln ist. Gleichwohl sind die Emotionen des Grafen verständlich. Dazu war die Entdeckung einer neuen, unverfälschten Kultur mit qualitativ hochwertigen Bronzen in einem Gebiet, das zu allen Zeiten als wild gegolten hatte, allzu überraschend gekommen.

Zur alten Geschichte des Nordkaukasus gibt es keinerlei Schriftzeugnisse. Die Bibel schweigt sich über dieses Land ebenso aus wie die östlichen Keilschrifttexte und die ägyptischen Hieroglyphen. Selbst die antiken Autoren wissen nichts Genaueres zu berichten.

In einem Gedicht von Iwan Bunin heißt es:

*Die Knochen und Mumien — sie schweigen;
Nur dem Worte ist Leben verliehn.
Aus dem Dunkel des Gestern, über Gräberreigen,
Hallt einzig herüber der Buchstaben Sinn*

Schweigen indes die Texte, dann beginnen die Knochen und die Gegenstände zu sprechen — und erweisen sich als überaus beredt. Man muss nur ihre Sprache verstehen und darf ihren gut eingespielten Chor nicht unterbrechen. Leider gelingt das nicht immer.

Die Forschungsgeschichte der nordkaukasischen Fundstätten und Denkmäler gestaltet sich recht dramatisch. Während das hier bereits erwähnte Gräberfeld in Hallstatt nach allen Regeln der Kunst gegraben werden konnte, während Wissenschaftler also einzelne Fundkategorien vergleichen und ihre Schlussfolgerungen zur Chronologie, zu Handelsbeziehungen, dem Aufbau der Gesellschaft und zu vielen anderen, für die Bedeutung der Stücke nicht minder wichtigen Aspekten ziehen konnten, hätte die Situation in Verchnij Koban nicht desaströser sein können: Der Landbesitzer, auf dessen Boden das Gräberfeld lag, hatte dieses Denkmal fast vollständig verwüstet. Archäologen konnten nur noch einige Gräber freilegen, in der ihnen eigenen bedächtigen Manier, mit Messer und Pinsel und dokumentierten mit Fotoapparat und Skizzen. So war es am Ende des 19. Jahrhunderts, und bis heute hat sich daran kaum etwas geändert. In Verchnij Koban hatte man sich jedoch eines ganz besonderen Sensors bedient, eines Stocks mit einem Eisenaufsatz. Da die in Steinkisten befindlichen Gräber nur unter einer dünnen Grasnarbe lagen, konnte man mühelos mit diesem Gerät nach ihnen stochern. Sobald man mit dem Eisenaufsatz gegen Stein stieß, ließ sich ein charakteristisches Geräusch vernehmen. Daraufhin legten zwei Arbeiter das Grab mit einem Spaten frei, holten die Bronzegegenstände heraus und warfen sie auf einen Haufen. Diese Ware wurde dann zum Verkauf angeboten. Heute lässt sich nicht mehr sagen, wie viele Gräber auf diese Weise „ausgeschlachtet“ wurden. Bedenkt man jedoch, wie viele Stücke weltweit in Museen gelangten — wie viele darüber hinaus in privaten Händen landeten oder spurlos verschwanden, vermag niemand zu sagen –, dann dürften allein in diesem Gräberfeld 500 bis 1000 Gräber beraubt worden sein. Obendrein hatte es den Grabräuber auf den Geschmack

что в начале II тыс. до н. э. в высокогорной зоне Северного Кавказа появляется новое население. До этого никакого населения там, скорее всего, и не было. Во всяком случае, надежно датированных памятников более раннего времени пока неизвестно. Именно в это время обитатели предгорий и степей начинают активно заселять горные ущелья. Обособляясь в горах, вступая в контакты с населением Закавказья, осваиваясь в новых условиях и, соответственно, обретая новые хозяйственные навыки (жизнь горца кардинально отличается от жизни человека на равнине, как говорят в горах — «на плоскости»), эти люди создавали новые культуры.

Что в это время происходило в мире? Именно эта эпоха ознаменована переходом от среднего бронзового века к позднему. В XVI веке до н. э. после переходного периода в Египте создается Новое Царство — период расцвета государства. Перемены происходят в это время и на Ближнем Востоке. В XVII веке до н. э. на Крите наступает Новый дворцовый период. К этому же времени относится возникновение микенской культуры. На этом фоне появление развитой бронзовой металлургии в горах Кавказа не выглядит обособленным.

Предкобанская эпоха характерна большим количеством оружия в могилах — в первую очередь, бронзовых топоров различных типов. Почти все мужчины были вооружены. Здесь нельзя не вспомнить, что Гесиод между медным и железным веком, помещал век, когда жил «славных героев божественный род», а Овидий писал о нем же: «Духом суровой он был, склонней к ужасающим браням».

Конкретное объяснение всеобщей вооруженности горцев этого времени лежит в области их хозяйственной деятельности. Основным занятием было скотоводство. Скот — имущество движимое. Во все времена скотоводы угоняли друг у друга стада. Соответственно, скот надо было охранять. Да и угонять скот без оружия — дело рискованное. Отсюда и всеобщее вооружение.

Вероятно, в это время начинается распад родового общества. Но по погребальному обряду это никак не прослеживается. Практически невозможно выделить более богатые или более бедные могилы. Но среди инвентаря появляются булавы — скипетры, которые могли принадлежать лицам, наделенным властными функциями. Заметим, что булавы изготовлялись либо из довольно хрупкого камня, либо из сурьмы — металла мягкого, для боя непригодного, то есть это ни в коем случае не оружие, а именно знаки власти.

Боевые бронзовые топоры имели разные формы, но их объединяла одна деталь — круглая втулка для крепления топорща. Лезвие чаще всего незначительно скошено (кат. 301.6). Воин мог наносить таким топором прямой рубящий удар.

Выделяются по своей форме топоры-секиры с сильно скошенным лезвием (кат. 319.2). Острый кончик секиры позволял наносить точечный удар. Чтобы топор при этом не гнулся и не ломался, вдоль его спинки проходил швеллерообразный выступ.

Топоры с крюкообразно загнутым вверх лезвием (кат. 301.7), вероятно, использовались в культовых целях. На их тулове часто присутствует орнамент в виде штампованных треугольников, а обух (а иногда и спинка) украшен скульптурными головками баранов.

Иные изображения животных в эту эпоху неизвестны. Подвески в форме головок горных баранов делались из бронзы и сурьмы. Такими головками украшались топоры и булавы. Известны и бронзовые бляхи, изображающие пти-

gebracht: Er fuhr durch ganz Nordossetien und entdeckte schließlich weitere vergleichbare Denkmäler in der Schlucht von Digorija. Dort war ihm allerdings ein findiger Mann aus der Gegend zuvor gekommen, der binnen kürzester Zeit die beiden großen Gräberfelder Faskau und Verchnjaja Rutcha geplündert hatte.

All das führte zu einer paradoxen Situation: Weltweit liegen in den Museen Tausende von Bronzen aus Nordossetien, sie jedoch auszuwerten ist ausgesprochen schwierig, da sie nunmehr aus dem historischen Kontext gerissen sind. Im günstigsten Fall ist von ihnen noch bekannt, aus welchem Gräberfeld sie stammen.

Daran sollte sich erst in der zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts etwas ändern, als Archäologen in Südossetien und in der Schlucht von Digorija, aber auch in den an Ossetien angrenzenden Gebieten wie Kabardino-Balkarien, Tschetschenien-Inguschetien und der Region von Stavropol professionelle Grabungen durchführten. In der Folge ließ sich das gesamte Material chronologisch in zwei Hauptgruppen gliedern, die als Präkoban- (2. Jahrtausend v. Chr.) und Koban-Kultur (12.–4. Jahrhundert v. Chr.) bezeichnet werden.

Wie hat man sich die Präkoban-Kultur nun vorzustellen? Welchen Platz nahm sie in der Geschichte Europas ein? Mittlerweile wissen wir, dass es zu Beginn des 2. Jahrtausends v. Chr. in der Hochgebirgszone des Nordkavkasus eine neue bzw. überhaupt erst eine Bevölkerung gab, denn zuvor dürfte dort höchstwahrscheinlich keine existiert haben. Zumindest sind bislang keine sicher datierten älteren Fundorte bekannt. In dieser Zeit drangen die Bewohner des Vorgebirges und der Steppe erstmals in die Gebirgstäler vor. Sie richteten sich in den Bergen ein, nahmen Kontakt zur Bevölkerung Transkaukasiens auf, passten sich an die für sie neuen Lebensbedingungen an und erwarben die erforderlichen Kenntnisse, um einer wirtschaftlichen Tätigkeit nachgehen zu können, unterscheidet sich das Leben in den Bergen doch radikal vom Leben in den Ebenen, oder, wie es in den Bergen heißt, auf dem Flachland. Letztlich schufen sie eine neue Kultur.

Was hat sich zu dieser Zeit in der Welt zugetragen? Zum einen wäre der Übergang von der Mittel- zur Spätbronzezeit zu nennen. Ferner entstand im 16. Jahrhundert v. Chr. nach der Zwischenzeit in Ägypten das Neue Reich, in dem der Staat eine Blütezeit erlebte. Parallel dazu kommt es im Nahen Osten zu Veränderungen. Im 17. Jahrhundert v. Chr. setzt auf Kreta die Neupalastzeit ein. In die gleiche Zeit fällt die Entstehung der Mykenischen Kultur. Damit nimmt sich das Aufkommen einer entwickelten bronzezeitlichen Metallurgie in den Bergen des Kaukasus durchaus nicht als singuläre Erscheinung aus.

Für die Präkoban-Kultur ist die umfangreiche Beigabe von Waffen ins Grab charakteristisch, vor allem von Bronzeäxten unterschiedlicher Typen. Fast alle Männer wurden mit Ausrüstung bestattet. In diesem Zusammenhang sei daran erinnert, dass Hesiod zwischen der Kupfer- und der Eisenzeit ein Jahrhundert ansiedelte, in dem ruhmreichen Helden göttliches Geschlecht gelebt haben sollen, während Ovid von einem Geschlecht, grausam veranlagt, das schreckliche Kampfbegierde zeige, sprach.

Eine konkrete Erklärung der allgemeinen Bewaffnung der Bergbewohner dieser Zeit ist indes in ihrer wirtschaftlichen Tätigkeit zu sehen, die vornehmlich in der Viehzucht bestand. Vieh aber stellt beweglichen Besitz dar. In allen Zeiten haben Viehhalter versucht, sich gegenseitig die Herden abzufragen. Folglich galt es, die Tiere zu schützen. Doch auch für etwaige Viehräuber wäre es riskant gewesen, sich ohne Waffe an ein solches Unternehmen zu wagen. Damit dürfte die allgemeine Bewaffnung wohl erklärt sein.

цу с бараньей головой. Эти предметы особенно интересны. Образ летящего барана в иранской мифологии олицетворяет фарна — символ удачи, власти, дарителя божественной влаги. Но образ этот был распространен намного шире. Известен он был и в мифологии греческой. Так, на летающем золоторунном баране прибыл в Колхиду сын богини облаков Нефелы. За золотым руном барана как за символом царской власти была организована экспедиция аргонавтов. Важно отметить, что крылья птицы повторяют своей формой очертания лезвий топоров, крюкообразно загнутых вверх (ил. 1). То есть это изображения и птицы, и двойной секиры — лабриса. Культ двойной секиры очень древний и был распространен на Ближнем Востоке. На Северном Кавказе двойные секиры не встречались. На территории Закавказья они известны. Культ лабриса был широко распростра-

Ил. 1. Топор и птицевидная бляха. Северная Осетия, Фаскау. Середина II тыс. до н. э.

Abb. 1. Axt und Blech in Vogelform. Nordossetien, Faskau, Mitte des 2. Jahrtausends v. Chr.

нен в эту же эпоху на Крите. Очевидно, бляхи в виде птицы принадлежали лицам с сакральными полномочиями, являлись символами власти, культа фарна и атрибута этого культа — двойной секиры.

Топоры-секиры вытянутой формы с сильно скошенным лезвием и топоры с крюкообразно загнутым вверх лезвием, а также птицевидные бляхи с головой барана встречаются как на Северном Кавказе (в Дигорском и Алагирском ущельях Северной Осетии), так и в Закавказье (в Горной Раче). Связь между этими районами осуществлялась через горные перевалы. Была выдвинута гипотеза о существовании особого Дигорско-Рачинского металлургического очага. При этом обращает на себя внимание тот факт, что параллели присутствуют только в оружии (по преимуществу культовом) и культовых предметах — птицевидных бляхах. Многочисленные женские украшения на Северном Кавказе и в прилегающих районах Закавказья различны. А ведь именно женские украшения наиболее традиционны и наряду с керамикой определяют облик культуры. Керамический комплекс на Северном Кавказе имеет ярко выраженные мест-

In diese Zeit dürfte vermutlich auch die Auflösung der relativ homogenen Sippengemeinschaft anzusetzen sein, was sich jedoch im Totenritual nicht erkennen lässt, denn es ist nahezu unmöglich, reichere oder ärmere Gräber zu unterscheiden. Im Inventar begegnen nun jedoch Keulen bzw. Zeppter, die Personen mit Herrscherfunktion gehört haben könnten. Dafür spricht, dass die Keulen entweder aus recht brüchigem Stein oder aus Antimon — also einem viel zu weichen Metall, als dass es für den Kampf getaucht hätte — gefertigt waren; damit dürften diese Gegenstände wohl kaum als Waffen angesprochen werden, sondern müssen Insignien gewesen sein.

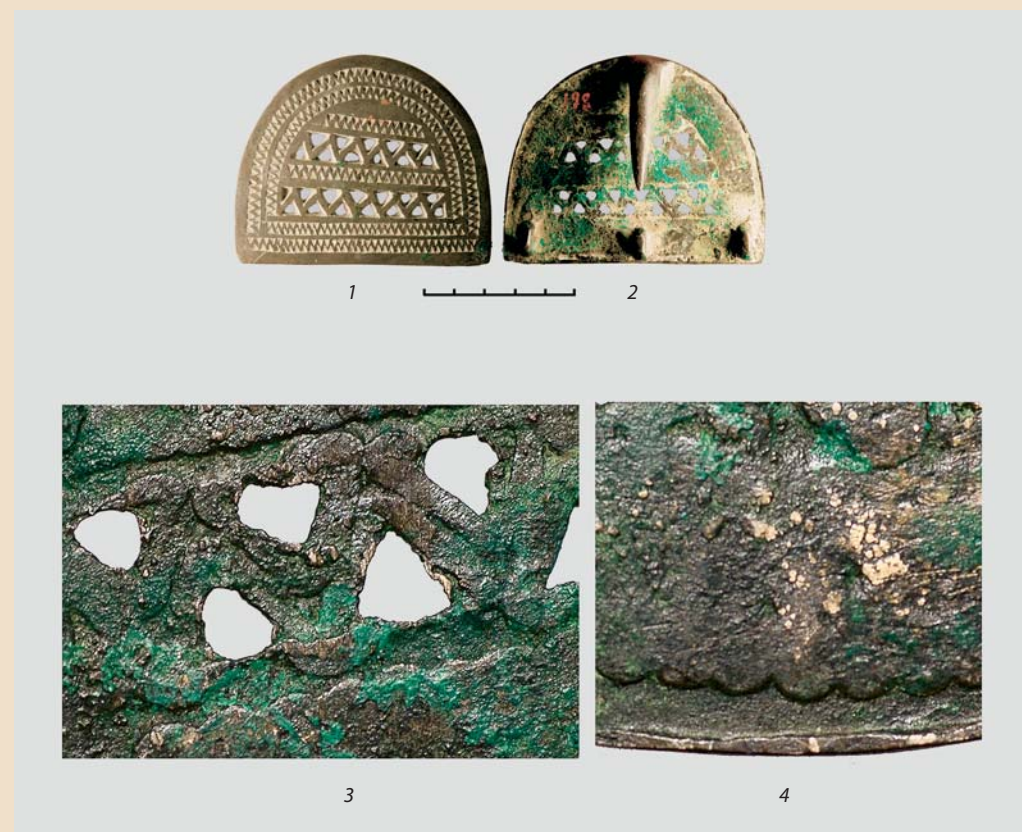
Die bronzenen Streitäxte wiesen unterschiedliche Form auf, zeigten jedoch alle ein gemeinsames Merkmal, nämlich eine runde Tülle zur Befestigung des Stiels. Die Form der Schneide konnte dabei durchaus variieren, meist war sie jedoch leicht abgeschrägt (Kat. Nr. 301.6). Mit einer solchen Waffe vermochte der Krieger einen geraden Hieb auszuführen.

Von der Form her auffällig sind die Äxte bzw. Streitäxte mit stark abgeschrägter Schneide (Kat. Nr. 319.2). Das spitze Ende war gut für einen Stich geeignet. Um zu verhindern, dass die Axt dabei verbog oder abbrach, verlief am Rücken ein U-förmiger Wulst.

Äxte, deren Schneiden hakenförmig nach oben gebogen sind (Kat. Nr. 301.7) dürften als Kultgegenstände gedient haben. Ihr Körper ist häufig mit einem Ornament in Form gestempelter Dreiecke verziert, der Nacken, mitunter auch der Rücken, mit figürlich gearbeiteten Widderköpfen geschmückt.

Darüber hinaus sind bis auf die Köpfe von Argalis für diese Zeit keine weiteren Tierdarstellungen bekannt. Entsprechende zoomorphe Anhänger wurden in Bronze oder Antimon ausgeführt. Ebenfalls mit Tierköpfen wurden Äxte oder Nadeln geschmückt. Darüber hinaus sind Bronzebleche bekannt, die einen Vogel mit einem Widderkopf darstellen; sie sind von besonderem Interesse. Das Motiv des fliegenden Widders findet sich in der iranischen Mythologie im Hvarnah verkörpert, dem Symbol des Erfolgs, der Macht, dem Spender der göttlichen Nässe. Dieses Symbol war jedoch noch wesentlich weiter verbreitet. Es ist auch in der griechischen Mythologie belegt. So flog der Sohn der Wolkengöttin Nephele auf einem Widder mit goldenem Fell nach Kolchis. Auf das goldene Vlies des Widders als Symbol der Königsmacht machten wiederum die Argonauten Jagd. Aber damit nicht genug. Die Flügel des Vogels haben die Konturen der Schneiden einer Axt, die hakenförmig nach oben gebogen sind. Damit vereint die Darstellung den Vogel und die Doppelaxt (Labrys) in sich. Der Doppelaxtkult ist sehr alt und war im Nahen Osten verbreitet. Für den Nordkavkasus konnten bislang indes keine Doppeläxte nachgewiesen werden. Anders verhält es sich in Transkaukasien. Die Doppelaxt als Symbol spielte Zeit in der minoischen Kultur Kretas eine wichtige Rolle. Daher darf man wohl schlussfolgern, dass diese Bleche Menschen mit sakralen Befugnissen gehörten und Symbole der Macht, des Hvarnah-Kults insgesamt und eines Attributs dieses Kults, der Doppelaxt, im Besonderen darstellten.

Äxte bzw. Streitäxte von gestreckter Form mit stark abgeschrägter Schneide, Äxte mit hakenförmig nach oben gebogener Schneide und vogelförmige Bleche mit Widderkopf begegnen sowohl im Nordkavkasus (in den Schluchten der Digorija und in Alagir in Nordossetien) als auch in Transkaukasien (in Berg Rača). Die Regionen waren durch Bergpässe miteinander verbunden. Verschiedentlich wurde die Hypothese vorgebracht, es habe ein Digorija-Rača-Zentrum der Metallverarbeitung existiert. In diesem Zusammenhang sollte jedoch bedacht werden, dass sich Parallelen nur für Waffen (meist kultischen) und Kultgegenstände wie den Vogelblechen aufzeigen lassen, nicht je-

Ил. 2. Пряжка. Бронза. Северная Осетия, Верхний Кобан. Конец II тыс. до н. э.: 1, 2 – лицевая и оборотная стороны; 3, 4 – следы деталей составной восковой модели на оборотной стороне.
Abb. 2. Schnalle. Bronze. Nordossetien, Verchnij Koban, Ende des 2. Jahrtausends v. Chr. 1, 2 – Schau- und Rückseite; 3, 4 – Spuren von Details des Wachsmodells auf der Rückseite.

doch für die zahlreichen Schmuckstücke der Frauen, denn die Trachten im Nordkaukasus und in den angrenzenden Regionen Transkaukasiens sind unterschiedlich. Schmuckstücke sind die traditionellsten Erzeugnisse einer Kultur und charakterisieren diese neben der Keramik in besonderer Weise.

Die Keramik im Nordkaukasus zeigt deutlich lokale Formen, die auf Traditionen zurückgehen, die in den Steppen und Vorgebirgen entstanden.

Die Waffen sind dagegen als quasi international anzusprechen und können auch in benachbarten Kulturen verbreitet gewesen sein. Möglicherweise ist die Digorija-Kultur im Nordkaukasus also eher unter einen transkaukasischen Einfluss geraten, der sich in der Verbreitung von Waffen und sakralen Objekten niederschlug.

Die Entwicklung der Metallurgie im Nordkaukasus, die sich besonders gut anhand der Materialien der Digorija-Kultur aufzeigen lässt, hat lokalen Charakter. Ihre Wurzeln liegen in der Nordkaukasus- und Katakombengrabkultur der Mittelbronzezeit. Am besten lässt sich dies am Beispiel der Entwicklung der Nadeln veranschaulichen. Die Nadeln der Präkobanzzeit dienten dazu, Kleidung zu befestigen, das Haar zu fixieren und den Kopfschmuck anzubringen. Dafür wurden jedoch keine kleinen Haarnadeln angefertigt, sondern große Stücke, die bis zu 90 cm lang sein können. Zum Frisieren wurde der Zopf um den langen Nadelschaft gewickelt, der Nadelkopf ragte über den Scheitel hinaus und schimmerte kupfern. Die Nadel wurde vermutlich am Kopfschmuck befestigt (einem Band oder einer Haube).

Die ältesten Nadeln wurden in der Bergzone im Nordkaukasus entdeckt. Sie haben einen T-förmigen Kopf mit darüber liegenden Bögen. Solche Stücke gehen auf die älteren Hammerkopfnadeln zurück, bei denen der T-förmige Kopf mit einem typischen hammerartigen Vorsprung abschließt. Ihnen folgten die Nadeln mit fächerförmigem Kopf (Kat. Nr. 301.12). Sie wurden nicht in einem Stück angefertigt, sondern Schaft und Kopf jeweils einzeln gegossen. Dann wurde das obere Ende des Schafts platt geschlagen und in zwei Teile gespalten, um ihn mit diesen flachen Zungen am Kopf zu befestigen. Analog waren auch die Nadeln eines anderen Typs aufgebaut, geradezu gigantische Stücke — zumindest für den Kopfschmuck — mit einem Doppelvolutenkopf. Bei ihm handelte es sich um eine geschmiedete Platte in Form von Widderhörnern, die in Punzger geschmückt waren. Der Schaft wurde mit dem Kopf auf die bereits beschriebene Weise verbunden. Spätere Nadeln dieses

го же типа — уже цельнолитые (кат. 301.5, 305). Стержень и заготовка навершия отливались в единой форме и потом навершие расковывалось.

Литейщики Северного Кавказа во II тыс. до н. э. достигли совершенства в изготовлении составной восковой модели. Например, когда они делали модель булавки с ажурным навершием «павлинье перо» (кат. 302.1.1, 302.1.2, 302.1.7), многочисленные перемычки и другие мелкие детали этого украшения лепились из отдельных маленьких кусочков воска, крепились друг к другу, и только потом, когда вся форма была собрана, она окуналась в жидкую глину, высушивалась, воск вытапливался и замещался жидкой горячей бронзой. Затем глина разбивалась, и оставалось готовое изделие.

В этой же технике делались и кольцевидные подвески (кат. 310.8, 310.11). Кроме того, что их форма, как и у булавок, собиралась из отдельных кусочков воска, на ее поверхность наносился орнамент из спиралей, скрученных из навощенного шнура. Эта технология была известна еще в катакомбной культуре.

В технике составной восковой модели делались и полукруглые пряжки (кат. 306.8) (ил. 2). В центре у них располагаются так называемые прорезные треугольники — на самом деле они не прорезаны, а собраны из маленьких кусочков воска. По периметру пряжки на ее оборотной стороне видно, что форма набрана из воскового шнура, вероятно, сплетенного из обильно навощенных нитей. Затем этот шнур был срезан так, что образовалась плоская поверхность. После этого на лицевую сторону была нанесена полоса орнамента, имитирующего шнур.

В XIII–XII веках до н. э. повсеместно наступает кризис бронзового века — «бронзовый коллапс». В это время пала Троя, рухнуло Хеттское государство, на Египет обрушились народы моря, разорена микенская цивилизация. Согласно Гесиоду, это век героев, эпоха, завершающаяся гибелью их под стенами Трои и Фив. На Северном Кавказе это протокобанская эпоха, переходный период между предкобанским временем и кобанской культурой, начало которой принято относить к XII в. до н. э. Происходят изменения в погребальном обряде, появляются предметы переходных форм, расширяется bestiарий.

В кобанских погребениях находят большое количество сосудов, что отличает их от синхронных центрально-закавказских комплексов, в которых присутствие керамики — скорее исключение, чем правило. Объясняется это, конечно, не тем, что население, жившее к югу от Главного Кавказского хребта, не умело обжигать горшки, а исключительно погребальным обрядом.

В гончарстве кобанские племена достигли почти такого же совершенства, как в металлургии. Они не знали гончарного круга, но сделанные ими сосуды поражают своей симметрией. Создается полная иллюзия, что это керамика не лепная. Поверхность изделий лощеная и покрыта сложным геометрическим орнаментом. Чаще всего встречаются горшки и корчаги с туловом округлой или биконической формы. Много кружек, похожих на маленькие горшки с ручкой, поднятой над венчиком (кат. 306.12, 306.19.30). По форме они перекликаются с сосудами гальштатской культуры, европейской лесостепной полосы и Трои. Иногда встречаются кружки, похожие на современные — с вертикальными либо расходящимися к верхнему краю стенками.

Наряду с керамической присутствует и бронзовая посуда, сделанная из тонких листов металла с приклепанными ручками, — чаши (кат. 308.1), миски и большие корчаго-

Typs fertigte man bereits in einem Stück an, indem man Schaft und Rohling des Kopfes in einer Form goss und den Kopf nachträglich überarbeitete (Kat. Nr. 301.5, 305).

Die Gießler im Nordkaukasus brachten es im 2. Jahrtausend v. Chr. zu wahrer Meisterschaft bei der Herstellung eines Wachsmodells aus zahlreichen Einzelelementen. So formten sie beispielsweise das Modell einer Nadel mit durchbrochen gearbeitetem Kopf, eine so genannte Pfauenfeder, wobei sie etliche Stege und andere winzige Details dieses Schmuckstücks aus einzelnen Wachsstücken modellierten und diese zusammensetzten, worauf das so entstandene Modell mit feuchtem Ton ummantelt wurde (Kat. Nr. 302.1.1, 302.1.2, 302.1.7). Nach dem Trocknen wurde das Wachs ausgeschmolzen und die gebrannte Tonform mit flüssiger, glühender Bronze gefüllt. Im Anschluss daran zerschlug man den Ton und zurück blieb das fertige Produkt.

In dieser Technik wurden auch ringförmige Anhänger erstellt (Kat. Nr. 310.8, 310.11). Sie wurden ebenso wie die Nadeln zunächst aus einzelnen Wachsdetails zusammengesetzt, darüber hinaus trug man auf ihre Oberfläche noch ein Ornament aus Spiralen auf, die aus Wachsschnüren gedreht waren. Diese Technik war bereits in der Katakombengrabkultur bekannt.

Eine gleiche Vorgehensweise ist auch für die halbrunden Schnallen zu konstatieren (Kat. Nr. 306.8). Bei diesen Stücken befinden sich in der Mitte so genannte eingekerbte Dreiecke, die aber im Modell nicht eingeschnitten, sondern aus kleinen Wachsstücken zusammengesetzt waren. Am Rand der Schnalle lässt sich auf der Rückseite erkennen, dass das Modell aus Wachschnüren bestand, die vermutlich aus stark gewachsenen Fäden geflochten waren. Diese wurden so angeschnitten, dass eine plane Fläche entstand. Danach wurde auf der Schauseite ein Ornamentstreifen aufgetragen, der eine Schnur imitiert.

Im 13.–12. Jahrhundert v. Chr. erlebte Europa allenthalben eine Krisenzeit, zuweilen wird gar von einem Zusammenbruch der bronzezeitlichen Gesellschaften gesprochen. In dieser Zeit fällt Troja, geht das Hethiterreich unter, über Ägypten fallen die Seevölker her, die Mykenische Zivilisation wird zerschlagen. Nach Hesiod ist es das Zeitalter der Helden, die Epoche, die vor den Mauern Trojas und Thebens untergeht. Der Nordkaukasus erlebt damals die Protokobanzzeit, also die Übergangsphase von der Präkobanz- zur Kobankultur, deren Anfang gewöhnlich ins 12. Jahrhundert v. Chr. datiert wird. Das Totenritual ändert sich, es kommen neue Gegenstände in Übergangsform auf, die Tierornamentik wird variantenreicher.

Die Bestattungen der Kobankultur enthielten eine große Zahl von Gefäßen. Das unterscheidet sie von gleich alten Gräbern im Zentralkaukasus und Transkaukasien, in denen die Beigabe von Keramik eher die Ausnahme denn die Regel darstellte. Dieses Phänomen lässt sich selbstverständlich nicht damit erklären, dass die Bevölkerung, die südlich vom großen Kaukasuskamm lebte, keine Töpfe zu brennen wusste, sondern hat seine Gründe einzig und allein im Totenritual selbst.

Im Töpferhandwerk hatten die Koban-Stämme fast die gleiche Meisterschaft erreicht wie in der Metallurgie. Obgleich sie die Töpferschleife nicht kannten, bestechen die von ihnen angefertigten Gefäße durch ihre Symmetrie, weshalb man kaum glauben möchte, dass es sich um handgeformte Ware handelt. Die Oberfläche der Stücke war geglättet und mit einem geometrischen Ornament versehen. Am häufigsten treten Töpfe und Kegelhalsgefäße mit bauchigem oder doppelkonischem Körper. Es sind viele Krüge nachgewiesen, die von ihrer Form her an kleine Töpfe mit überrandständigem Henkel erinnern (Kat. Nr. 306.12, 306.19.30). Diese Form findet sich auch bei den Trinkgefäßen der Hallstattkultur, auf dem gesamten Balkan, in Troja

Ил. 3. Лезвия топоров. Бронза. Северная Осетия, Верхний Кобан. I тыс. до н. э.
Abb. 3. Axtschneiden. Bronze. Nordossetien, Verchnij Koban, 1. Jahrtausend v. Chr.

dem europäischen Waldstep-pengürtel. Zuweilen begegenen auch Krüge, die mit ihren vertikalen oder oben schräg abgeschnittenen Mündungen Wänden wie moderne Stücke anmuten.

Außer Keramik- gibt es jedoch auch Bronzegefäße, die in Treibararbeit aus Blechen gefertigt waren und angesetzte Henkel hatten: Es sind Tassen (Kat. Nr. 308.1), Schalen und große Kessel. Bronzehelme, die gegossene urartäische Vorbilder imitieren, wurden ebenfalls in der „Geschirrtchnik“ angefertigt, also aus getriebenen und genieteten Bronzeblechen.

образные сосуды. Бронзовые шлемы, имитирующие урартские литые экземпляры, сделаны по той же «посудной» технологии — из тонких бронзовых листов на заклепках.

Если изделия предкобанской эпохи отливались из меди с примесью мышьяка, то кобанская бронза содержала в себе большой процент олова. Это придавало металлу особую пластичность. Изделия отливались как в жестких каменных формах, так и по утраченной восковой модели. Составная восковая модель практически исчезает.

Славу кобанской культуры составили, в первую очередь, бронзовые боевые топоры изящной двоякоизогнутой формы (кат. 306.20.4). В отличие от ранних топоров они имели не круглую втулку, а овальный проух, который не давал им прокручиваться на древке. Кроме того, на обухе был боек, позволяющий использовать в бою обе стороны оружия. Топоры зачастую были обильно покрыты гравировкой (ил. 3). Орнамент наносился точечными ударами острого инструмента. Изображениями украшались лопасти и тулово топора. Часто это изображения животных. Бестиарий кобанской эпохи очень широк. На лопастях топоров нередко присутствуют изображения собак с ластовидными лапами, что указывает на принадлежность этих животных к нижнему, водному миру, миру мертвых, к которому относятся располагающиеся там же изображения змей. На тулове топоров — часто змеи и рыбы, относящиеся все к тому же миру смерти. На лопастях топоров помещались и изображения оленей, символизирующих солнце, верхний мир. Здесь же часто встречается различный геометрический орнамент, иногда он имеет ярко выраженный солярный характер. Все эти изображения и композиции меняются во времени и различны в зависимости от места изготовления.

Если кобанские топоры не имеют аналогов на западе и являются результатом развития богатой местной традиции, то с кинжалами дело обстоит иначе. В предкобанскую эпоху они на Кавказе были просты по форме. Вероятно, именно поэтому в кобанское время появляются клинки пламевид-

Während die Stücke der Präkobanzeit aus mit Arsen versetztem Kupfer gegossen wurden, wiesen die Kobanbronzen einen recht hohen Zinnanteil auf. Diese Beimischung verlieh dem Metall größere Elastizität und Härte. Die Stücke wurden in wieder verwendbaren Steinformen gegossen, aber auch der Guss in verlorener Form mit einem Wachsmodell ist belegt. Nach dem Guss zusammensetzbare Produkte spielten dagegen kaum noch eine Rolle.

Den Ruf der Kobankultur begründeten jedoch in erster Linie die bronzenen Streitäxte mit ihren aparten, S-förmig geschwungenen Schneiden (Kat. Nr. 306.20.4). Im Unterschied zu den älteren Stücken besaßen sie keine runde Tülle, sondern ein ovales Ohr, das besser ein Verrutschen auf dem Schaft verhindern konnte. Der Nacken war hammerartig gestaltet, so dass die Axt im Kampf sowohl als Hieb- als auch als Keulwaffe zu nutzen war. Die Äxte waren zum Teil reich mit Darstellungen und Ornamenten geschmückt. Die Darstellungen wurden mit Punzschlägen auf dem Blatt und dem Körper der Axt angebracht. Häufig handelte es sich dabei um Tiermotive, wobei die Darstellungen viele Tierarten umfassen. Die Axtblätter zeigen häufig Darstellungen von Hunden mit flossenförmigen Pfoten. Das verweist sie in die wässrige Unterwelt, in die Welt der Toten, die auch durch die begleitenden Darstellungen von Schlangen thematisiert wird. Auf dem Axtkörper finden sich auch häufig Schlangen und Fische, die ebenfalls Symbole der Unterwelt sind. Zudem zieren die Axtblätter die Figuren von Hirschen, die die Sonne und damit die höhere Welt symbolisieren. Auch geometrische Ornamente sind hier häufig anzutreffen, oft genug lassen auch sie einen klaren Sonnenbezug erkennen. All diese Darstellungen und Kompositionen ändern sich mit der Zeit und hängen vom Ort der Herstellung des Stücks ab.

Lassen sich für die Koban-Beile keine Analogie zu Fundstücken aus dem Westen ziehen, da sie das Ergebnis einer reichen lokalen Tradition sind, so stellt sich die Situation bei den Dolchen anders dar. In der Präkobanzeit waren im Kaukasus noch

Ил. 4. Поясная пряжка. Бронза. Северная Осетия, Верхний Кобан. I тыс. до н. э.: А – лицевая сторона; Б – оборотная.
Abb. 4. Gürtelschnalle. Nordossetien, Verchnij Koban, 1. Jahrtausend v. Chr. A Schauseite; B Rückseite.

ной формы, характерные для европейского оружия. Влияние распространилось на ту область, где традиция изготовления сложных форм была наименее сильна. На Северном Кавказе много кинжалов и нет длинных мечей, которые характерны для Европы и Закавказья. Особенно интересен культовый кинжал, рукоять которого оформлена в виде повернутых в противоположные стороны двух головок хищников, каждый из которых держит в пасти барана с двумя протомами (кат. 306.11). Скорее всего, эта система образов отражает широко распространенный миф о пожирании хищником (или драконом) солнца.

Гравировкой покрывались поясные пряжки и широкие бронзовые пояса из тонкой пластины, которая крепилась на кожаную основу. Такие пояса были широко распространены на Кавказе (преимущественно на Южном). К поясу крепилась массивная пряжка с крюком. Иногда пояса содержат сложные композиции с образами зверей, людей, всадников, сцен охоты и сражений. На пряжках помимо геометрического орнамента чаще всего изображены собаки и олени. Кроме поясных пряжек прямоугольной формы существуют и зооморфные портупейные — как правило, в виде лошадей (кат. 306.6, 306.9, 301.14) и собак.

В I тыс. до н. э. начинается использование железа. Но сначала его применяют как драгоценный металл для инкрустации бронзовых предметов, в основном поясных пряжек (кат. 306.16), но иногда и топоров (кат. 301.13). Получался своеобразный эффект — блестящее белое железо на фоне красноватой бронзы. Существовали две технологии инкрустации изделий. В одном случае в восковую модель поясной пряжки вставлялась на штифтах железная пластинка (ил. 4). Дальше отливка шла по уже описанной схеме. В другом случае железные пластинки втискивались в восковую модель так, что с обратной стороны проступали «негативные» контуры. Инкрустировались пряжки и стеклянной пастой. В этом случае на восковой модели специальным штампом оттискивалось изображение, пряжка

Stücke verbreitet, die eine recht schlichte Form aufwiesen. Vermutlich kommen deshalb in der Kobanzeit flammenförmige Klingen auf, wie sie charakteristisch für europäische Waffen sind. Ein westlicher Einfluss ist also nur bei den Gegenständen festzustellen, die keine Tradition einer Herstellung komplizierterer Formen aufweisen. Im Nordkaukasus gibt es zwar viele Dolche, aber keine langen Schwerter, wie sie für Europa und Transkaukasien typisch sind. Besonders interessant ist in diesem Zusammenhang ein Dolch für kultische Zwecke, dessen Griff in Form von zwei antithetischen Raubtieren gestaltet ist, die jeweils einen Widder im Maul halten (Kat. Nr. 306.11). Diese Komposition dürfte vermutlich den weit verbreiteten Mythos widerspiegeln, demzufolge die Sonne von einem Raubtier (oder Drachen) verschlungen wurde.

Gürtelschnallen und breite Bronzegürtel aus feinen Blechen, die auf einer Lederunterlage befestigt waren, wurden mit feinen Gravuren versehen. Solche Stücke waren vor allem im südlichen Kaukasus weit verbreitet. An den Gürtel wurde eine massive Schnalle mit einem Haken befestigt. Die gravierten Darstellungen zeigen Tiere, Fabelwesen, Menschen, Reiter, Jagd- und Kampfszenen. Die Schnallen konnten außer mit einem geometrischen Ornament auch mit Darstellungen von Hunden oder Hirschen verziert sein. Neben rechteckigen Gürtelschnallen gibt es auch zoomorphe Formen, zumeist in Form von Pferden oder Hunden (Kat. Nr. 306.6, 306.9, 301.14).

Im 1. Jahrtausend v. Chr. gewann Eisen an Bedeutung. Zunächst allerdings nicht in praktischer Hinsicht, sondern als wertvolles Zierelement, das als Einlagen für Bronzen verwendet wurde; hauptsächlich für Gürtelschnallen (Kat. Nr. 306.16), mitunter aber auch für Äxte (Kat. Nr. 301.13). Die Wirkung einer solchen Metallkombination ist erstaunlich: Vor dem goldfarbenen Hintergrund der Bronze bildete das Eisen einen auffälligen Farbkontrast. Es sind zwei Techniken bekannt, Gegenstände mit Intarsien zu verzieren. Zum einen wird in das Wachsmodell der Gürtelschnalle ein auf Stifte aufgebracht Eisenornament eingesetzt. Der weitere Guss erfolgt dann in der oben beschriebenen Weise. Zum anderen können die Eisenplatten aber auch so in das Wachsmodell gepresst werden, dass sie auf dessen Rückseite leicht hervortreten. Doch auch Glaspaste fand zur Verzierung der Schnallen Verwendung. In diesem Fall wurde in das Wachsmodell mit einem speziellen Stempel eine Darstellung eingeprägt, die Schnalle gegossen und im Anschluss in die Vertiefung die Paste gegeben.

Für die Befestigung der Kleidung wurden Fibeln und Nadeln genutzt. Die Fibeln erinnern von der Konstruktion an Sicherheitsnadeln; sie haben einen massiven bogenförmigen Rücken, der meist ornamentiert ist. Mitunter wurde auch der Nadelhalter mit einer gravierten Darstellung verziert. Die Nadeln weisen Köpfe unterschiedlicher Form auf: zoomorph, in Form eines Hammers oder einer Axt (Kat. Nr. 301.15) oder in Form einer Platte, deren oberes Ende eingerollt ist (Kat. Nr. 306.19.13).

In den Koban-Bestattungen finden sich sehr häufig Armreifen. Die umfangreichste Gruppe besteht aus breiten gerippten Bändern mit Spiralenenden. Es gibt jedoch auch mehrfach gewundene Spiralarmbänder von dreieckigem Querschnitt. Für sie lassen sich zahlreiche Analogien aus gleichzeitigen europäischen Fundstätten nennen (Kat. Nr. 306.15). Die Qualität der Bronzen ist so hoch, dass sie bis heute ihre Elastizität und Biegsamkeit bewahrt haben.

отливалась, а затем в соответствующие углубления заливалась паста.

Для скрепления одежды использовались фибулы и прямые булавы. Фибулы, напоминающие по своей конструкции английскую булавку, были массивными и имели дуговидную спинку, как правило, орнаментированную. Иногда украшался гравированными изображениями и приемник для иглы. Булавы имели головки различных форм: зооморфные, в виде секиры (кат. 301.15), в виде пластин с завернутым в трубочку краем (кат. 306.19.13).

В кобанских погребениях широко представлены браслеты. Наиболее многочисленны среди них пластинчатые каннелированные изделия с завитками на концах. Известны и многовитковые наручи из треугольной в сечении пластины, имеющие многочисленные аналогии в европейских древностях этого времени (кат. 306.15). Качество бронзы настолько высокое, что они до сих пор сохранили пластичность и пружинящие свойства.

Яркой особенностью кобанской культуры является изобилие бронзовой пластики. Антропоморфные фигурки представлены единичными экземплярами. Наиболее интересным является изображение всадника на баране (кат. 309.1). Фигурки человека и барана отлиты отдельно, закреплены подвижно, но таким образом, что снять человеческую фигурку с фигурки барана невозможно. Человек изображен обнаженным, но в головном уборе и с рогом в руке. Основное его отличие от многочисленных антропоморфных фигурок этой эпохи заключается в том, что фаллос находится не в состоянии эрекции, то есть этот человек лишен жизненной силы. Иначе говоря, перед нами покойник. В древних мифологиях одна из функций барана заключается в переносе душ умерших в загробный мир. Этот сюжет и представлен в данной скульптурной группе.

Рог (или ритон) являлся культовым сосудом на Кавказе на протяжении тысячелетий. Среди кобанского материала есть бронзовый ритон с головкой быка и петель для подвешивания колокольчика (кат. 310.1). Поверхность ритона покрыта меандрическим орнаментом. Меандр — орнамент, широко распространенный в древности не только в Греции, но и по всему ближневосточному миру, и на Кавказе.

Зооморфная пластика представлена в основном подвесками. Бестиарий становится обширным: олени (кат. 306.10), собаки, бараны, козлы, серны, медведи. Характерным признаком этих фигурок является своеобразная курносость звериных морд. Очень интересной в этом контексте является поясная пряжка, сюжет которой мог появиться только в результате влияния ближневосточных изображений. Это — два противостоящих зверя (кат. 306.17). Животные, стоящие вокруг Великой Богини или вокруг Мирового Древа, или просто против друг друга, — типичный ближневосточный сюжет с древнейших времен. Но местное, кобанское происхождение пряжки выдают «курносые» морды...

Влияние ближневосточных образов на кобанское искусство появилось в результате походов степняков-киммерийцев в страны Малой Азии. Во время этих передвижений они не могли миновать Кавказ. Именно тогда у кобанских племен появляется бронзовая конская узда. Возможно, кавказские горцы изготавливали ее и для кочевников. Киммерийцы, согласно преданию, были изгнаны скифами. С приходом скифов полностью завершается эпоха бронзового века на Северном Кавказе.

Eine weitere markante Besonderheit der Koban-Kultur besteht in der umfangreichen Bronzeplastik. Anthropomorphe Figuren kommen nur vereinzelt vor. Von besonderem Interesse ist hier die Darstellung eines Reiters auf einem Widder (Kat. Nr. 309.1). Beide Komponenten wurden getrennt gegossen; die Figur des Menschen hatte man so an dem Widder befestigt, dass sie sich zwar bewegen, aber nicht abnehmen lässt. Der Mann ist nackt, trägt aber einen Kopfschmuck und hält ein Horn in der Hand. Von den zahlreichen anthropomorphen Figuren seiner Zeit unterscheidet ihn vor allem der Phallus, der nicht in erigiertem Zustand dargestellt ist; auf diese Weise wird der Verlust der Lebenskraft des Menschen symbolisiert. Mit anderen Worten: Es handelt sich um einen Toten. In den alten Mythologien besteht eine der Aufgaben des Widders darin, die Seelen der Toten in die jenseitige Welt zu tragen. Dieses Sujet ist auch hier gegeben.

Das Trinkhorn oder Rhyton galt im Kaukasus über Jahrtausende hinweg als kultisches Gefäß. Im Fundgut aus den Koban-Stätten liegt beispielsweise ein Bronzerhyton mit dem Kopf eines Stiers und einer Öse zum Aufhängen eines Glöckchens vor (Kat. Nr. 310.1). Die Oberfläche ist mit einem Mäanderornament überzogen. Dieses war in der Vergangenheit nicht nur in Griechenland, sondern auch in der gesamten Welt des Nahen Ostens und im Kaukasus verbreitet.

Zoomorphe Plastik wird hauptsächlich durch Anhänger repräsentiert. Viele Tierarten werden wiedergegeben: Hirsche (Kat. Nr. 306.10), Hunde, Widder, Ziegen, Gemsen und Bären. Als charakteristisches Merkmal dieser Figuren lässt sich eine gewisse Stupsnasigkeit der Tiere festhalten. Von besonderem Interesse ist hier eine Gürtelschnalle, deren Sujet nur auf den Einfluss von Darstellungen aus dem Nahen Osten zurückgehen kann (Kat. Nr. 306.17). Sie zeigt zwei antithetische Tiere. Tiere, die die Große Göttin (Herrin der Tiere) oder den Weltenbaum flankieren oder einander schlicht gegenüberstehen, sind ein typisches nahöstliches Sujet aus alter Zeit. Dass die Kobanbronzen aber lokal gefertigt wurden, zeigt die charakteristische „Stupsnasigkeit“ der Figuren.

Der Einfluss nahöstlicher Motive auf die Kunst der Kobankultur ist mit den Wanderungen der Steppenbewohner — genauer mit der Migration der Kimmerier in die Länder Kleinasien — zu verbinden. Dabei müssen sie auch durch den Kaukasus gezogen sein. Darauf deutet auch das bronzene Pferdegeschirr, das in dieser Zeit im Koban-Gebiet aufkommt. Möglicherweise haben die kaukasischen Bergbewohner es sogar für die Reiternomaden hergestellt. Die Kimmerier wurden der Überlieferung zufolge durch die Skythen vertrieben. Mit der Ankunft der Skythen wiederum endet die Bronzezeit im Nordkaukasus endgültig.

Сергей Кузьминых

Клад из Эберсвальде. История обнаружения и публикации

Sergei Kuzminych

Der Hort von Eberswalde. Seine Auffindung und Publikation

История обнаружения клада

Среди доисторических древностей Германии клад золотых вещей из Эберсвальде (округ Барним, Бранденбург) является и поныне самым выдающимся и наиболее значительным золотым собранием. История его обнаружения известна в разных версиях, но мы следуем той, что обнародована первым исследователем клада Карлом Шухардтом (Schuchhardt 1914-I. S. 9–12; Schuchhardt 1925).

16 мая 1913 года пополудни в Эберсвальде при рытье котлована фундамента нового жилого дома для рабочих предприятия Арона Хирша «Медная и латунная фабрика» один из землекопов уперся лопатой в орнаментированный шликером глиняный сосуд с двумя небольшими ленточными ручками на плечиках и ушками на венчике, благодаря которым плоская крышка могла крепиться к срединной ручке-дужке. Крышка при этом разбилась, и оказалось, что сосуд заполнен какими-то предметами из блестящего металла золотого цвета, который землекоп принял за латунь. Подошедший десятник сразу же поставил в известность администрацию, и находки переместили в контору фабрики. На следующий день владелец предприятия Арон Хирш получил консультацию у ювелиров, а еще через день, в воскресенье, связался с директором отдела доисторических древностей Королевского музея народоведения археологом Карлом Шухардтом, и тот осмотрел находку в конторе фабрики.

Один за другим из сосуда извлекли небольшие предметы, вид которых поверг всех в необычайное удивление. Шухардт вспоминал, что со времен клада, найденного Шлиманом в Микенах, он еще никогда не видел столько золота. Порадовало его и то, что глиняный сосуд, в котором были помещены предметы, остался неповрежденным. При выемке предметов обратили внимание на то, что более мелкие чаши были вставлены в более крупные и все пустоты были заполнены кольцами, мотками проволоки и слитками. Сами сосуды были обильно засыпаны песком, железистая вода окрасила внешнюю поверхность некоторых из них в красноватые тона.

Шухардт составил инвентарный перечень находок, который включал в себя 81 позицию. Основные предметы были взвешены по отдельности, а более мелкие — группами. Выяснилось, что общий вес золота составляет 2 594,5 г, а его стоимость в ценах 1913 года — 7000 марок, что соответствует по современным мировым ценам за золото приблизительно 20 000 евро. В тот же день определилась и судьба клада. Арон Хирш сообщил Шухардту, что он хотел бы передать клад в общественное пользование, совершив акт дарения. Тем временем о находке клада узнал император Вильгельм II, большой

Die Fundgeschichte

Unter den prähistorischen Altertümern in Deutschland war und ist der goldene Hortfund von Eberswalde, Ldkr. Barnim, Brandenburg, immer noch das bekannteste und bedeutendste Ensemble von Goldgegenständen. Über die Entdeckung des Hortfundes gibt es verschiedene Versionen, aber wir folgen derjenigen, welche von Carl Schuchhardt, dem ersten Archäologen, der den Fund in Augenschein nehmen konnte, veröffentlicht worden ist (Schuchhardt 1914-I. S. 9–12; Schuchhardt 1925).

Am Nachmittag des 16. Mai 1913 stieß ein Bauarbeiter bei Aushubarbeiten für das Fundament eines neuen Wohnhauses für Betriebsangehörige der Kupfer- und Messingfabrik Hirsch A.G. in Eberswalde mit dem Spaten auf ein schlickverziertes Gefäß mit zwei kleinen schulterständigen Bandhenkeln und randlichen Ösen, durch die der flache Deckel mit Mittelbügel fixiert werden konnte. Der Deckel zerbrach dabei, und es zeigte sich, dass der Topf lauter goldglänzende Gegenstände enthielt, die die Finder für Messing hielten. Der Polier informierte einen der Direktoren, der den Fund in das Kontor der Fabrik brachte. Der Besitzer des Messingwerks, Aron Hirsch, ließ den Inhalt am nächsten Tag von Juwelieren prüfen und informierte am Tag darauf, einem Sonntag, den Direktor der Vorgeschichtlichen Abteilung des Königlichen Museums für Völkerkunde Carl Schuchhardt. Bereits am nächsten Tag untersuchte dieser den Fund im Verwaltungsgebäude der Fabrik.

Die kleinen Gegenstände wurden einer nach dem anderen aus dem Gefäß genommen, und ihr Anblick versetzte alle ins Staunen. Schuchhardt meinte, dass er seit dem Schachtgräberfund Schliemanns in Mykene noch nie so viel Gold auf einmal gesehen habe. Er war außerdem sehr froh, dass das Gefäß, in dem sich die Goldgegenstände befunden hatten, erhalten geblieben war. Beim Herausnehmen war zu erkennen, dass in den größeren Schalen die kleineren gestapelt und in diese ebenso wie in die übrigen Hohlräume die Ringe, Drahtspiralen und Barren eingeschoben worden waren. Außerdem fand sich dazwischen reichlich Sand, der ebenso wie einige der Goldschalen durch eisenhaltiges Wasser rötlich verfärbt war.

Schuchhardt stellte eine Inventarliste mit 81 Positionen auf, wobei die größeren und bedeutenderen Objekte einzeln, die kleineren in Gruppen gewogen wurden. Es wurde festgestellt, dass das Gesamtgewicht des Goldes 2594,5 g betrug. Der Goldwert im Jahre 1913 entsprach 7000 Mark — heute wären dies bei den aktuellen Weltmarktpreisen für Gold ca 20.000 €. Am gleichen Tag wurde auch der Verbleib des Hortfundes bestimmt. Aron Hirsch teilte Schuchhardt mit, dass er den Fundkomplex durch eine Schenkung in öffentlichen Besitz überführen wolle. Die beiden Finder, die aufgrund des Schatzfundparagraphen

любитель археологии, и пожелал лично увидеть сокровище. Получив телеграфное приглашение пожаловать во дворец, Арон Хирш, в присутствии Шухардта, 23 мая представил находку императору. Недвусмысленно выраженное императором пожелание получить сокровище в «свободное распоряжение» не оставило Хиршу иного выбора, как передать монарху найденный клад. Единственное, о чем попросил Хирш императора, это разрешить ему поддержать находки еще некоторое время в Эберсвальде, чтобы на них могли посмотреть служащие фабрики (Schuchhardt 1944. S. 322ff.). Он заказал для сокровищ специальный бронзовый шкаф, который впоследствии занял подобающее место в Звездном зале королевского дворца (Menghin 2004/2005. S. 143f.).

Подводя итог, Шухардт отмечает, что история обнаружения клада и все последующие события являются достойным примером того, «как тесно переплетаются заслуги и счастье», благодаря чему и была обеспечена удивительно хорошая сохранность клада. Ни одна из золотых вещей не была потеряна, и глиняный сосуд, в котором они хранились, остался неповрежденным — случай уникальный, как полагал Шухардт. Все обошлось без длинных переговоров и крупных затрат. Хирш поступил в высшей степени благородно, подарив клад обществу, хотя по закону не обязан был это делать. Правда, притязания императора Вильгельма II на сокровища несколько меняли ситуацию, но в конечном счете уже 2 декабря 1913 года клад был передан Шухардту для научной обработки, а 13 апреля 1914 года император подписал официальное разрешение на проведение «публичной выставки в Музее народоведения» (Acta SMB-PK/MVF, IA 6c, Bd. 1, E 1514/13), где сокровище из Эберсвальде в результате и осталось, заняв место в коллекции отдела доисторической древности, нынешнем берлинском Музее преистории и древней истории.

Место находки и его первое обследование

Шухардт сообщает, что клад был найден на территории, принадлежавшей медно-латунному предприятию, приблизительно в 6,5 километрах от центра Эберсвальде и в 200 метрах к северу от Финов-канала, где на свободном от построек участке велись работы по закладке фундамента жилого дома (Schuchhardt 1914-I). Шухардт уже при первом посещении фабрики обследовал место находки и выяснил, что оно расположено в песчаной полосе шириной около 15 метров, которая идет параллельно улице. В ходе обследования на дне котлована были обнаружены не связанные с кладом фрагменты керамики, которые Шухардт отнес к тому же времени, что и сосуд с сокровищем (Schuchhardt 1925. S. 6). Несмотря на то, что незадолго до этого весь культурный слой, относящийся к эпохе бронзы, был полностью снят, произвели дополнительные раскопки, которые, однако, не дали никаких результатов.

Всего лишь в 820 метрах к северо-западу от этого места, на берегу озера Мекерзее, еще в 1882 году был выявлен могильник Хеегермюле эпохи поздней бронзы, который был отнесен Шухардтом на основании всего лишь одного железного слитка, якобы связанного с тем же могильником, к гальштатскому периоду (Schuchhardt 1914-I), что оказывается несостоятельным при соотнесении с основным содержанием могильника. Принадлежность слитка к данному памятнику неочевидна, так же как неочевидна и принадлежность упоминаемых Шухардтом человеческих костей и фрагментов керамики. Могильнику Хеегермюле и его связи с Эберсвальде посвящена отдельная статья в настоящем издании (см. статью Аликс Хэнзель).

984 des bürgerlichen Gesetzbuches juristisch ein Anrecht auf die Hälfte des Gesamtschätzwertes hatten, zahlte Hirsch aus, um als alleiniger Besitzer über den Fund bestimmen zu können. Inzwischen hatte jedoch Kaiser Wilhelm II., der an archäologischen Dingen sehr interessiert war, von dem Schatz gehört und wollte ihn sehen, so dass Aron Hirsch in Anwesenheit von Schuchhardt am 23. Mai auf telegrafische Einladung hin im Berliner Stadtschloss den Fund präsentierte. Der unmissverständliche Wunsch des Kaisers, den Fund „zur freien Verfügung“ zu erhalten, ließ ihm keine andere Wahl als die Übergabe. Hirsch erbat jedoch, den Fund zur Besichtigung durch die Betriebsangehörigen noch einige Wochen in Eberswalde ausstellen zu dürfen (Schuchhardt 1944. S. 322ff.). Er ließ eigens einen bronzenen Pultschrank anfertigen, in dem der Schatz dann später im Sternensaal des Schlosses ausgestellt wurde (Menghin 2004/2005. S. 143f.).

Schuchhardt resümiert, dass die Geschichte der Entdeckung des Hortfundes und alle nachfolgenden Schritte gute Beispiele dafür seien, „wie sich Verdienst und Glück verketteten“, was auch dazu geführt habe, dass nach der Auffindung alles in gutem Zustand erhalten blieb. Keiner der Goldgegenstände ging verloren, und zudem blieb zum ersten Mal, wie Schuchhardt meinte, das Tongefäß, in dem sich diese befanden, erhalten. Es gab weder lange Verhandlungen noch größere Ausgaben. Im hohen Maße ehrenvoll handelte A. Hirsch, indem er den Fundkomplex der Öffentlichkeit übergab, obwohl er dazu rechtlich nicht verpflichtet war. Die Anmaßung Kaiser Wilhelm II., den Fund als sein Eigentum anzusehen, entsprach dieser Intention freilich nicht. Da der Schatz aber bereits am 2. Dezember 1913 Schuchhardt zur wissenschaftlichen Bearbeitung übergeben wurde und der Kaiser am 13. April 1914 die „öffentliche Aufstellung im Völkerkundemuseum“ genehmigte (Acta SMB-PK/MVF, IA 6c, Bd. 1, E 1514/13), verblieb der Hort von Eberswalde in der Prähistorischen Abteilung des Völkerkundemuseums, dem heutigen Berliner Museum für Vor- und Frühgeschichte.

Die Fundstelle und eine erste Nachuntersuchung

Schuchhardt berichtet, dass der Hortfund in dem damaligen Messingwerk ca. 6,5 km vom Zentrum Eberswaldes entfernt und 200 Meter nördlich des Finow-Kanals auf einer damals noch nicht überbauten Fläche bei der Fundamentlegung für ein Wohnhaus gefunden worden war (Schuchhardt 1914-I). Bereits bei seinem ersten Besuch des Messingwerkes untersuchte er die Fundstelle und stellte fest, dass diese in einem sandigen Streifen mit einer Breite von ca. 15 m lag, der sich parallel zur Straße erstreckte. Auf dem Boden der Baugrube wurden bei einer Nachuntersuchung weitere, nicht dazugehörige Scherben gefunden, die Schuchhardt zufolge der gleichen Zeit wie das Gefäß, in dem sich der Goldfund befand, entstammen (Schuchhardt 1925. S. 6). Die Suchschnitte ergaben ansonst keine weiteren Funde, zumal die bronzezeitliche Oberfläche in jüngerer Zeit weitgehend abgetragen worden war.

Nur 820 m nordwestlich, am Ufer des Mäckersees, wurde bereits 1882 das ebenfalls spätbronzezeitliche Depot von Heegermühle entdeckt, das Schuchhardt wohl in erster Linie wegen des angeblich zugehörigen Eisenbarrens bereits in die Hallstatt-Periode datierte (Schuchhardt 1914-I), was aufgrund des übrigen Depotinhalts nicht haltbar ist. Die Zugehörigkeit des Barrens zum Depot ist zudem nicht eindeutig gesichert, ebenso wenig gehörten von Schuchhardt erwähnte Menschenknochen und weitere Scherben zu diesem Befund. Auf die Bedeutung von Heegermühle und den Zusammenhang mit Eberswalde soll an anderer Stelle (Beitrag Hänsel in diesem Band) eingegangen werden.

«Археологический спор» вокруг Эберсвальде

Карл Шухардт, занимавший с 1908 года пост директора отдела доисторических древностей Королевского музея народоведения, член Прусской Академии наук в Берлине (см. подробнее: Menghin 2004/2005; Menghin 2007; Filip 1969. S. 1248f.), стал первым археологом, инспектировавшим клад и место находки. Предполагалось, что в дальнейшем сокровище будет представлено в специальном издании, которое по замыслу должно было содержать не только богатый иллюстративный материал, но и соответствующее научное описание. Подготовка издания поручалась Шухардту, причем не только потому, что он возглавлял музей, который был хранилищем всех археологических находок из Пруссии, но и потому, что таково было пожелание Арона Хирша, первого владельца клада.

Уже в июне 1914 года Шухардт подготовил книгу, которая содержала 13 иллюстраций, в том числе одну цветную литографию, и 48 рисунков (ил. 1), однако издатель отложил ее продажу до осени (Schuchhardt 1914-I). Начавшаяся мировая война помешала распространению книги, вышедшей малым тиражом. Чтобы ознакомить тем не менее ученых Германии и Европы с этой важной находкой, Шухардт в дополнение к книге публикует небольшую статью в «Журнале доистории» («Prähistorische Zeitschrift»; Schuchhart 1915).

Между 24 и 28 мая, то есть почти сразу после того, как находка была предъявлена императору, в Эберсвальде с целью осмотра места находки направился Густав Коссинна, профессор немецкой археологии Берлинского университета и основатель Немецкого общества доистории, имевшего явный националистический уклон (см. о Коссинне: Filip 1966. S. 626f.; о конфликте с Шухардтом: Klein 2000; Grünert 2002. S. 167ff.). Как объяснял впоследствии Коссинна, обращаясь к «жаждущей публике» (Schuchhardt 1913. S. 585), это событие было воспринято им как знамение, ниспосланное «древнегерманским богом неба и солнца для ободрения и поощрения усердных трудов, цель которых просветить наш народ и явить ему наше прагерманское прошлое во всей его красе» (Kossinna 1913. S. 1). Отправляясь в Эберсвальде, Коссинна, уже давно враждовавший с Шухардтом (Grünert 2002. S. 174ff.), не поставил его в известность о своих намерениях. Коссинна испросил разрешение на публикацию у присутствовавшего в тот день на месте обнаружения клада Зигмунда Хирша, сына владельца фабрики, каковой это разрешение и предоставил, хотя и не имел на то полномочий, тем более что его отец за день до описываемой встречи уже передал все права на клад императору (Grünert 2002. S. 179f.). Вместе с фотографом Густавом Бланком Коссинна сфотографировал все объекты, при этом, похоже, не слишком обращая внимание на плохое освещение. Уже в начале осени 1913 года Коссинна опубликовал в издававшейся им серии «Библиотека Маннуса» («Mannus-Bibliothek») небольшую книгу «Золотой клад, обнаруженный близ Медно-латунной фабрики в Эберсвальде, и золотые культовые сосуды германцев» (Kossinna 1913). Здесь, пользуясь случаем, он в очередной раз нападает на своего давнего противника, которого называет далеким от науки дилетантом и полным «профаном» в области доисторической археологии. Такой человек, как Шухардт, не достоин, по мнению Коссинны, публиковать этот важный памятник, который доказывает превосходство древней германской культуры (Kossinna 1913. S. 8ff.). Тем самым Коссинна явно хотел дать понять императору, что тот сделал неверный выбор при назначении ответственного лица, которому будет поручено научное описание

Ил. 1. Общий вид клада в первой публикации К. Шухардта (1914)

Abb. 1. Gesamtaufnahme des Depots in der Erstpublikation von Schuchhardt (1914)

Der „Archäologenstreit“ um Eberswalde

Der klassische Archäologe Carl Schuchhardt, seit 1908 Direktor der Vorgeschichtlichen Abteilung des Königlichen Museums für Völkerkunde und Mitglied der Preußischen Akademie der Wissenschaften in Berlin (vgl. hierzu Menghin 2004/2005; Menghin 2007; Filip 1969. S. 1248f.), war der erste Archäologe, der den Hortfund vor Ort inspizierte. Die Aufarbeitung des Hortfundes sollte nicht nur durch eine gut gebildete, sondern auch wissenschaftliche Publikation erfolgen. Nicht nur in seiner Funktion als Direktor des Depositarmuseums für alle archäologischen Funde aus Preußen, sondern auch auf Wunsch des ursprünglichen Eigentümers Aron Hirsch sollte Schuchhardt diese Aufgabe übernehmen. Schuchhardt legte bereits im Juni 1914 ein Buch mit 13 Tafeln, darunter eine farbige Lithographie, und mit 48 Abbildungen vor (Abb. 1). Leider verschob der Verleger den Vertrieb des Buches bis zum Herbst (Schuchhardt 1914-I), und der Ausbruch des Ersten Weltkriegs war nicht förderlich für die Verbreitung des Buches, das nur in einer sehr kleinen Auflage erschien. Um die Wissenschaftler aus Deutschland und Europa dennoch mit dem wichtigen Fund vertraut zu machen, publiziert Schuchhardt ergänzend einen kurzen Aufsatz in der Prähistorischen Zeitschrift (Schuchhardt 1915).

Zwischen dem 24. und 28. Mai, also unmittelbar, nachdem dem Kaiser der Fund präsentiert worden war, fuhr Gustav Kossinna, außerordentlicher Professor für deutsche Archäologie an der Universität Berlin und Gründer der stark deutsch-national

сокровища (Kossinna 1913. S. 10f.). Коссинна, впрочем, так ничего и не добился. Шухардт продолжал оставаться главным советником императора во всех делах, имевших отношение к археологическим находкам. В первую очередь это касалось коллекции герцогини Мекленбургской. Эта коллекция, вошедшая в императорское собрание, включала в себя памятники из княжеского кургана гальштатской культуры, обнаруженного в Крайне, Словения (ср.: Menghin 2004/2005. S. 144; Weiss 1999. S. 64).

Впрочем, Коссинна не слишком опередил Шухардта: уже 24 мая 1913 года Шухардт выступил с сообщением о находке на заседании Берлинского общества антропологии, этнологии и первобытной истории. Тем не менее он не мог оставить без ответа обвинения Коссинны и потому счел необходимым, не дожидаясь выхода своей книги, опубликовать рецензию на книгу Коссинны — сдержанную по стилю, но весьма резкую по содержанию (Schuchhardt 1913). Главный его вывод был таков: «Книга Коссинны — поверхностная и несимпатичная халтура, ибо всякий заметит, что поверхностность проистекает от спешки, с которой он старался опередить другого — того, кому была уже поручена официальная публикация. „Мое или твое?“ — вот тот вопрос, который нужно было решить, и Коссинна решил его не по докучливым правилам человеческого общежития, а по свободному закону своего бога солнца, свет которого разливается над всем праведным и неправедным» (Schuchhardt-II 1913. S. 587).

Конфликт с Коссинной, однако, этим не исчерпался (Kossinna 1914; Schuchhardt 1914-II). На данном этапе, впрочем, Коссинна удовлетворил в полной мере свои амбиции великого «просветителя» немецкого народа, а Шухардт пусть и не первым, но все же опубликовал об этой важной находке вполне достойную по форме и содержанию работу, которая, как подчеркивает сам автор в своей «Оправдательной записке» (Schuchhardt 1915. S. 226), нашла отклик в научной среде благодаря рецензиям двух авторитетных специалистов — Моритца Гернеса (см. о нем: Filip 1966. S. 491; известен в России по книге «Первобытная культура») и Йозефа Сцомбати (см. о нем: Filip 1969. S. 1424).

Спор о праве на публикацию привел к окончательному разрыву между двумя учеными. При этом речь шла не просто о непримиримых разногласиях между Коссинной и Шухардтом, вся первобытная археология оказалась расколотой на два лагеря (Klein 2000; Grünert 2002). На стороне Шухардта были Римско-Германская комиссия Немецкого археологического института, в правление которого Коссинна безуспешно пытался попасть еще в 1905 году (Grünert 2002. S. 174), Берлинское археологическое общество и Берлинское общество антропологии, этнологии и первобытной истории с его «Журналом доистории» («Prähistorische Zeitschrift»), основанным в свое время Шухардтом, Карлом Шумахером и Гансом Зегером. На стороне Коссинны были участники его семинара в Берлинском университете, Немецкое общество доистории и авторы, печатавшиеся на страницах журнала «Маннус» («Mannus»), в «Библиотеке Маннуса» («Mannus-Bibliothek»), а с 1929 года в «Ведомостях Общества немецкой доистории» («Nachrichtenblatt der Gesellschaft für deutsche Vorgeschichte»).

История с публикацией клада из Эберсвальде и связанный с этим научный конфликт был назван Г. Якоб-Фризенем «неутешительным эпизодом в истории науки» (Jakob-Friesen 1986. S. 337). «Коссинна хотел, вопреки принятым профессиональным нормам, опередить Шухардта, которому принадлежало право первой публикации. Иллюстрации, пред-

ориентierten Deutschen Gesellschaft für Vorgeschichte (vgl. zu Kossinna: Filip 1966. S. 626f. und zum Konflikt mit Schuchhardt; Klein 2000; Grünert 2002. S. 167ff.) nach Eberswalde, um den Fund zu begutachten. Wie Kossinna es für sein „schmachthendes Publikum“ (Schuchhardt 1913. S. 585) erläuterte, erschien Kossinna dieses Ereignis „wie ein Wink des altgermanischen Himmels- und Sonnengottes, nicht nachzulassen in dem eifrigen Bemühen, unser Volk aufzuklären über die Herrlichkeiten aus urgermanischer Hinterlassenschaft“ (Kossinna 1913. S. 1). Die Fahrt nach Eberswalde geschah, ohne Schuchhardt, mit dem er seit längerem verfeindet war (vgl. hierzu Grünert 2002. S. 174ff.), in Kenntnis zu setzen. Vom anwesenden Sohn des Besitzers, Siegmund Hirsch, erbat und erhielt er eine Publikationserlaubnis, die dieser aber gar nicht befugt war zu geben, da ja sein Vater am Tag zuvor bereits die Rechte an dem Fund dem Kaiser übertragen hatte (Grünert 2002, 179f.). Zusammen mit dem Fotografen Gustav Blunck fotografierte er offensichtlich unter sehr schlechten Lichtverhältnissen die Objekte. Bereits im Frühjahr des Jahres 1913 veröffentlichte Kossinna in der von ihm herausgegebenen Reihe „Mannus-Bibliothek“ ein kleines Buch „Der Goldfund vom Messingwerk in Eberswalde und die goldenen Kultgefäße der Germanen“ (Kossinna 1913). Er nutzte diese Publikation, um seine bestehende Fehde mit Schuchhardt voranzutreiben, bezeichnete ihn als einen unwissenschaftlichen Dilettanten und einen „Laien“ auf dem Gebiet der prähistorischen Archäologie. Schuchhardt sei gar nicht würdig, diesen wichtigen Fund zu publizieren, der ein Beweis für die Überlegenheit der alten germanischen Kultur darstelle (Kossinna 1913. S. 8ff.). Damit wollte Kossinna offensichtlich auch den Kaiser davon überzeugen, eine falsche Wahl hinsichtlich des für den Hortfund zuständigen Forschers getroffen zu haben (Kossinna 1913. S. 10f.). Dieser Plan ging freilich fehl, denn künftig war Schuchhardt in allen Belangen, die archäologische Funde betrafen, die Vertrauensperson des Kaisers. Dies war vor allem der Fall bei der damals in kaiserlichem Besitz befindlichen Sammlung der Herzogin von Mecklenburg mit Inventaren aus den hallstattzeitlichen Fürstentügeln aus der Krain (Slowenien) (vgl. hierzu Menghin 2004/2005. S. 144; Weiss 1999. S. 64).

So ganz war Kossinna Schuchhardt dennoch nicht zugekommen, denn bereits am 24. Mai 1913 hatte dieser in einem Vortrag die Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte über den Fund informiert. Dennoch konnte er die Anwürfe Kossinnas nicht unbeantwortet lassen und publizierte noch vor Veröffentlichung seines Buches eine beherrschte, jedoch inhaltlich recht heftige Rezension (Schuchhardt 1913). Seine Hauptaussage war folgende: „Kossinnas Buch ist ein flüchtiges und unsympathisches Machwerk, denn jeder wird merken, dass die Flüchtigkeit von der Eile stammt, mit der er einem anderen, dem die offizielle Publikation bereits übertragen worden war, zuvorzukommen suchte. „Mein oder Dein“ war die Frage, und diese Frage entschied er nicht nach den lästigen Regeln der menschlichen Gesellschaft, sondern nach dem freien Gesetz seines Sonnengottes, der da scheinbar über Gerechte und Ungerechte.“ (Schuchhardt 1913. S. 587).

Die Auseinandersetzungen mit Kossinna waren damit jedoch noch nicht beendet (Kossinna 1914; Schuchhardt 1914-II). Vorher aber hatte Kossinna seine Ambitionen als „Aufklärer“ der deutschen Bevölkerung befriedigt und Schuchhardt — auch wenn er nicht der erste war — eine von Format und Inhalt würdige Publikation herausgebracht, die, wie Schuchhardt in einer „Selbstanzeige“ (Schuchhardt 1915. S. 226) betont, durch Besprechungen von zwei renommierten Fachvertretern, Moritz Hoernes (vgl. zu ihm Filip 1966. S. 491; in Russland bekannt durch die Herausgabe des Buches „Kultur der Urzeit“) und Josef

ставленные в его полемической книге, плохого качества, частично неверно ретушированы и потому практически непригодны, что видно на примере некоторых чаш, которые отображены так, что создается впечатление, будто у них отсутствует венчик. Работа Шухардта в ее описательной части гораздо более основательная, хотя в интерпретационной части присутствует множество ошибок, которых уже и тогда можно было бы избежать» (Jakob-Friesen 1986. S. 337).

Дальнейшая судьба клада

Подробность, с которой Шухардт описывает золотой клад из Эберсвальде в своей публикации, оказалась впоследствии весьма полезной. 8 июня 1945 года сокровище вместе с другими самыми ценными памятниками из собрания Музея преистории и древней истории было перенесено в трех ящиках в убежище — в зенитную башню, располагавшуюся в берлинском районе Цоо. После того, как советские культурофицеры конфисковали ценности, в Берлине остались только глиняный сосуд, в котором в свое время находились золотые предметы. На протяжении многих десятилетий все сокровища считались пропавшими без вести, так что публикация Шухардта вместе с гальваническими копиями, изготовленными еще до войны (Petrasch 2003), была единственным источником, на который могла опираться наука. Только в начале 1990-х годов стало известно, что все золотые изделия, входившие в состав клада из Эберсвальде, в целостности и сохранности находятся в хранилище Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве. Впервые после закрытия в 1939 году берлинского собрания древностей это сокровище показывается широкой публике, вселяя уверенность, что оно и впредь будет доступно для дальнейшего научного исследования.

Szombathy (vgl. zu ihm Filip 1969. S. 1424) weitere Verbreitung fand.

Der Streit um die Publikationsrechte trug mit zum endgültigen Bruch der beiden Gelehrten bei. Dabei lag die Kluft nicht nur zwischen Kossinna und Schuchhardt, sie teilte auch die gesamte prähistorische Archäologie in zwei Lager (Klein 2000; Grünert 2002). Auf Schuchhardts Seite standen die Römisch-Germanische Kommission des Deutschen Archäologischen Instituts, bei der sich Kossinna schon 1905 vergeblich um einen Sitz im Vorstand bemüht hatte (Grünert 2002. S. 174), die Berliner Archäologische Gesellschaft und die Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte mit ihrer von Schuchhardt, Karl Schumacher und Hans Seger gegründeten „Prähistorischen Zeitschrift“. Kossinnas Unterstützer bestanden aus seinen Seminarteilnehmern an der Berliner Universität, der Deutschen Gesellschaft für Vorgeschichte und den Autoren, die in der Zeitschrift „Mannus“, der „Mannusbibliothek“ und ab 1929 im „Nachrichtenblatt der Gesellschaft für deutsche Vorgeschichte“ publizierten.

Die Geschichte um die Publikation des Hortes von Eberswalde und der damit verbundene Wissenschaftsstreit wurde von G. Jakob-Friesen (Jakob-Friesen 1986. S. 337) als „ein unerfreuliches Stück Wissenschaftsgeschichte“ beschrieben. „Kossinna wollte Schuchhardt, dem die Publikation gebührte, in unqualifizierbarer Weise zuvorkommen. Die Abbildungen seines polemischen Buches sind schlecht, teils falsch retuschiert und deshalb kaum verwendbar; bei einigen Schalen entsteht der Eindruck, es sei kein Rand vorhanden. Schuchhardts Arbeit ist in der Darstellung ungleich gründlicher, in der Auswertung hingegen mit vielen schon damals vermeidbaren Fehlern behaftet.“ (Jakob-Friesen 1986. S. 337).

Ausblick

Die Ausführlichkeit, mit der Schuchhardt den Goldfund von Eberswalde publiziert hat (Schuchhardt 1914-II), sollte sich einige Jahrzehnte später als besonders wichtig erweisen. Denn nachdem er am 8. Juni 1945 zusammen mit den kostbarsten Beständen des Museums für Vor- und Frühgeschichte, die in drei Kisten in speziellen Räumen des Flakturms Berlin-Zoo in Sicherheit gebracht worden waren, von sowjetischen Kunstoffizieren beschlagnahmt worden war (Nawroth 2004/2005), verblieb nur das Keramikgefäß, in dem sich die Goldgegenstände befunden hatten, in Berlin. Alle Goldgegenstände galten jahrzehntelang als verschollen, so dass Schuchhardts Publikation sowie Galvanokopien (Petrasch 2003) aller Gegenstände, die bereits vor dem Krieg angefertigt worden waren, die einzigen Dokumente waren, auf die sich die Forschung noch stützen konnte. Erst Anfang der 1990er Jahre wurde bekannt, dass sich sämtliche Goldobjekte des Schatzes von Eberswalde in unversehrtem Zustand in den Depots des Staatlichen A. S. Puschkina-Museums für bildende Künste in Moskau befanden. In dieser Ausstellung werden sie nun zum ersten Male seit der Schließung der Berliner Schausammlung im Jahr 1939 wieder einem Publikum präsentiert und sollen künftig für weitere Forschungen zur Verfügung stehen.

Аликс Хэнзель

Значение сокровища из Эберсвальде в культурном контексте эпохи поздней бронзы

Alix Hänsel

Die Bedeutung des Hortfundes von Eberswalde im kulturellen Kontext der späten Bronzezeit

Золотой клад из Эберсвальде продолжает оставаться по сей день крупнейшей находкой эпохи бронзы из обнаруженных когда бы то ни было на территории Германии. То, что обстоятельства находки были так хорошо задокументированы, а значение клада было осознано сразу по его обнаружению, во многом заслуга владельца Медно-латунной фабрики в Эберсвальде, промышленника Арона Хирша, который обеспечил сохранность клада и незамедлительно официально заявил о нем (ил. 1). Он щедро вознаграждал рабочих, обнаруживших клад, и, став единоличным его владельцем, принял решение передать сокровище в общественное пользование на безвозмездной основе.

Как показал дальнейший ход событий, он так и не дождался благодарности за свою щедрость и любовь к отечеству: узнав о находке, Вильгельм II почти сразу изъявил желание получить сокровище в «свободное распоряжение», хотя потом и передал его для научной обработки в доисторический отдел Королевского музея народоведения, где оно и осталось после того, как император отрекся от престола и отправился в изгнание. Хирш, который помимо руководства фабрикой был занят весьма разнообразной деятельностью, являясь, в частности, членом правления Берлинской биржи и членом наблюдательного совета Немецкого банка, получил в 1922 году за свои многочисленные заслуги звание почетного доктора дармштадтского университета, но уже чуть позже, в ходе развернувшегося в Германии преследования евреев, был постепенно смещен со всех занимаемых им должностей и лишен состояния. В 1942 году он вместе с женой покончил жизнь самоубийством, сочтя, что это единственный путь избежать депортации в концентрационный лагерь (Lowenthal 1982. S. 92f.).

В этом контексте тем более горько осознавать, что первая публикация эберсвальдского сокровища, ставшая возможной благодаря великодушию Хирша и его семьи, принадлежит не кому иному, как Густаву Коссинне (Kossinna 1913), который своими псевдонаучными исследованиями германской древности немало способствовал формированию «народной» идеологии национал-социалистов. Вот почему представляется уместным посвятить эту статью памяти Арона Хирша.

История обнаружения клада подробно изложена в отдельной статье настоящего издания (см. статью С. Кузьминых). Благодаря раскопкам, которые Карл Шухардт провел на месте находки сокровища сразу после его обнаружения, а также благодаря публикации, подготовленной археологом со всей тщательностью (Schuchhardt 1914-II), в нашем распоряжении все необходимые документы, по которым

В исе heute ist der größte bronzezeitliche Goldschatz, der je in Deutschland gefunden wurde, der Hortfund von Eberswalde. Dass seine Auffindung so gut dokumentiert und seine Bedeutung so schnell erkannt wurde, ist dem Besitzer des Messingwerkes von Eberswalde, dem Industriellen Aron Hirsch zu verdanken, der die Funde sicherte und sofort eine offizielle Meldung machte (Abb. 1). Seine Arbeiter, die den Schatz entdeckt hatten, entschädigte er großzügig, war danach dessen alleiniger Besitzer und bestimmte, dass der Schatz als Schenkung in öffentlichen Besitz zu überführen sei.

Wie die weitere Entwicklung zeigen sollte, wurde ihm seine Großzügigkeit und Vaterlandsliebe wenig gedankt, da Kaiser Wilhelm II. den Goldschatz erst einmal „zur freien Verfügung“ einbehalten wollte, ihn aber dann zur wissenschaftlichen Bearbeitung an die vorgeschichtliche Abteilung des königlichen Völkerkundemuseums überstellen ließ, wo er auch nach seiner Abdankung und seinem Gang ins Exil verblieb. Hirsch, der neben der Leitung seiner Fabrik noch in vielen Bereichen tätig war, unter anderem als Vorstandsmitglied der Berliner Börse und im Aufsichtsrat der Deutschen Bank, erhielt zwar 1922 aufgrund seiner zahlreichen Verdienste die Ehrendoktorwürde der Universität Darmstadt, wurde aber im Zuge der Judenverfolgung in Deutschland nach und nach aus allen Ämtern hinausgedrängt und seines Vermögens beraubt. Schließlich sah er ebenso wie seine Frau 1942 im Freitod die einzige Möglichkeit, sich einer Deportation in ein Konzentrationslager zu entziehen (Lowenthal 1982. S. 92f.).

Dass sich gerade Gustaf Kossinna, der mit seiner pseudowissenschaftlichen Germanenforschung erheblich dazu beigetragen hat, der völkischen Ideologie der Nationalsozialisten den Weg zu bereiten, durch die Großzügigkeit der Familie Hirsch die Erstpublikation des Eberswalder Depots erschlichen hatte (Kossinna 1913), mag vor dem Hintergrund der Lebensgeschichte Aron Hirschs besonders bitter erscheinen. Dem ehrenvollen Gedenken Aron Hirschs sei dieser Beitrag gewidmet.

Die Fundgeschichte des Depots wird in diesem Band an anderer Stelle ausführlich geschildert (Kuzminykh). Dank der sofortigen Nachgrabung Carl Schuchhardts durch mehrere Suchschnitte im Bereich der Fundstelle und dank seiner sorgfältigen Publikation (Schuchhardt 1914-II), sind die Fundumstände und der Auffindungsort gut dokumentiert. Es ist eine topographisch herausragende Stelle am Rande der Hochebene, die zum Finowbach hin abfällt. Der Finowbach diente, als Kanal ausgebaut, schon seit 1620 als Wasserweg zwischen Oder und Havel; heute führt weitgehend parallel dazu der moderne Oder-Havel-Kanal entlang.

Ил. 1. Первая демонстрация золотого клада из Эберсвальде в конторе Медно-латунной фабрики. Историческая фотография (no: Kossinna 1913)

Abb. 1. Historisches Foto der ersten Präsentation des Goldfundes von Eberswalde im Kontor des Messingwerkes (nach Kossinna 1913)

Ил. 2. Сокровище из Хеегермюле в берлинском Музее преемственности древней истории (фото К. Гёкен)

Abb. 2. Das Depot von Heegermühle im Berliner Museum für Vor- und Frühgeschichte (Foto: K. Göken)

можно составить полное представление об обстоятельствах находки и территории, на которой был обнаружен клад. Топографически это место на краю плато, сходящего к небольшой реке Финовбах. Эта река, превращенная в канал, уже в 1620 году была той водной артерией, которая соединяла Oder и Хафель. Ныне параллельно течению Финовбаха проходит современный Oder-Хафельский канал.

Всего в трехстах метрах от места обнаружения эберсвальдского сокровища находится точка слияния озера Мекерзее и реки Финовбах — получается, что место находки расположено на своеобразной косе, которая врезается в низину. Такое географическое положение места находки позволяет предположить, что здесь, на косе, находилось древнее поселение эпохи бронзы. Нижний слой к моменту обнаружения клада был практически весь снят, так как в свое время здесь действовал кирпичный завод. По счастливому стечению обстоятельств вокруг места залегания клада сохранилась песчаная полоса, за пределами которой никаких доисторических отложений не оказалось. Тем не менее нельзя исключить, что именно здесь в доисторическую эпоху пролегал параллельно руслу реки путь, который шел по верху и вел в западном направлении через низину, где находился проток между озером Мекерзее и рекой Финовбах, к продолжению плато.

На крайней оконечности этого плато, всего в 800 метрах от эберсвальдского клада, в 1889 году была выявлена еще одна значительная археологическая находка, обнаруженная на территории кирпичного завода (ил. 2). Обстоятельства обнаружения не вполне ясны: по одной из версий предметы находились в сосуде, помещенном в яму, которая была заложена камнями, однако поскольку неподалеку находились и другие захоронения, относившиеся к более позднему времени, то вполне возможно, что отдельные объекты могли перемешаться. Кроме одного железного орудия, которое было ошибочно приписано к данному кладу, все остальные предметы принадлежат одной эпохе. В сравнении с эберсвальдским сокровищем они относятся к более раннему периоду и отстоят от него на одно-два поколения назад.

Оба клада представляют собой необычные комплексы. Сокровище из Эберсвальде включает в себя комплект из восьми чеканных чаш для питья, которые ценны не только

использованным в них благородным металлом, но и богатой орнаментацией, благодаря которой считаются выдающимися образцами искусства чеканки эпохи поздней бронзы. Нам известны самые разныеклады с золотыми сосудами, они встречаются по всей Европе — в основном это чаши, которые богато орнаментированы сходными «печатными» и пуансонными узорами (Armbruster 2003), но такое количество драгоценных сосудов в одном месте — явление необычное. Учитывая ценность этих сосудов, можно предположить, что в данном случае речь идет о предметах, принадлежавших, вероятно, владельцу правителю. Остальные объекты из эберсвальдскогоклада — гривны, полуфабрикаты, фрагменты, слитки и большое количество мотков проволоки, свернутой в спирали, — также обладают немалой материальной ценностью и уже хотя бы только поэтому не могут считаться собственностью какого-нибудь простого ремесленника-ювелира, как это часто утверждалось до сих пор. Подобные драгоценности были, скорее всего, частью «государственного сокровища», которое бережно сохранялось, наверное, несколькими поколениями.

По спискам, сохранившимся благодаря глиняным табличкам из микенских дворцов (линейное письмо Б), мы видим, что в состав таких сокровищ входили часто ломанные вещи или полуфабрикаты, поскольку их можно было в любой момент переплавить и пустить на изготовление того или иного нового предмета. Микенские мастера и ремесленники принадлежали ко двору и работали по заказу правителя, от которого получали сырье для изготовления своей продукции.

Сходным образом, вероятно, были построены отношения и в тех областях, что находились к северу от средиземноморского мира, поскольку там в эпоху бронзы существовали аналогичные иерархические структуры. Сокровище из Эберсвальде относится, скорее всего, именно к таким статуснымкладам, которые были связаны с владельческими особами. Вес отдельных мотков проволоки, скрученной в спирали, как и вес слитков, намеренно фрагментированных, как это видно по следам, свидетельствует о том, что в составклада целенаправленно включались полуфабрикаты, которые соответствовали определенным установленным весовым категориям (Eiwanger 1989. S. 447f.). Золотые чаши имели ценность именно как высокохудожественные изделия чеканного промысла, ценность же полуфабрикатов определялась их весом, поскольку они представляли собой нечто вроде доисторических денег и могли быть в любой момент обменены на какой-нибудь товар.

То, что клад из Эберсвальде был заложен в землю именно в этом месте, едва ли можно объяснить только стремлением «спрятать сокровище ввиду надвигающейся опасности», которым якобы мог руководствоваться владелец этого золота, «так и не сумевший затем его извлечь» (Ellmers 2003. S. 172). Скорее всего, клад был заложен сознательно именно в этом топографически выгодном месте, расположенном в непосредственной близости от важнейшего пути, который соединял Восток и Запад и по которому со времен эпохи бронзы шла европейская торговля.

То же самое относится и к кладу из Хеегермюле, поскольку он располагался чуть западнее того же маршрута. Состав этогоклада также необычен. Наряду с украшениями, представленными гривнами и одной фибулой, он включал в себя двадцать браслетов (восемнадцать из них хранятся в МПДИ, два — в Городском музее Эберсвальде), а также два втульчатых предмета с декоративными элементами, связанными с символикой быка и водоплавающей птицы (о смысловом наполнении этой символики см. мою статью о культовых по-

Nur etwa 300 m entfernt von dem Fundort des Eberswalder Schatzes mündet der Abfluss des Mäckersees in den Finowbach, so dass die Fundstelle auf einem in die Niederungen hereinragenden Sporn liegt. Diese Spornsituation legt nahe, an dieser Stelle auch eine bronzezeitliche Siedlung zu vermuten. Der Untergrund war aber zur Zeit der Auffindung des Hortes durch den Ziegeleibetrieb bereits erheblich abgegraben. Nur durch eine glückliche Fügung hatte sich im Bereich des Schatzfundes selber ein schmaler Sandstreifen erhalten, so dass im Umkreis keine prähistorischen Ablagerungen mehr festgestellt werden konnten. Es ist aber anzunehmen, dass an dieser Stelle in vorgeschichtlicher Zeit ein Höhenweg parallel zu dem Bachtal verlief, der dann weiter in Richtung Westen durch die Niederung des Mäckerseeabflusses auf die Fortsetzung der Hochfläche führte.

Am Rand dieser Terrasse, nur 800 m von dem Eberswalder Hort entfernt, wurde bereits 1889 bei der Ziegelei von Heegermühle ein weiterer bedeutender Hortfund entdeckt (Abb. 2). Die Fundumstände sind nicht ganz eindeutig, nach einer Version lagen die Gegenstände in einer von Steinen umgebenen Grube in einem Gefäß, aber da sich in der Nähe jüngere Gräber befanden, kann es auch zu Vermischungen gekommen sein. Bis auf ein Eisengerät, das offenbar fälschlich dem Depot zugewiesen wurde, stimmen alle Stücke aus dem Hort in ihrer Zeitstellung überein. Sie dürften nur eine bis zwei Generationen vor der Deponierung des Eberswalder Goldschatzes in den Boden gekommen sein.

Bei beiden Funden handelt es sich um außergewöhnliche Ensembles. Das Depot von Eberswalde enthält einen Satz von acht getriebenen Trinkschalen, die nicht nur durch das Edelmetall, sondern auch wegen der reichen Verzierung zu den Meisterwerken torentischer Arbeiten der Spätbronzezeit zählen. Wir kennen aus ganz Europa Depots mit Goldgefäßen, vor allem Schalen, die ebenfalls zumeist reich durch vergleichbare Stempel- und Punzmuster verziert sind (Armbruster 2003), aber eine so große Menge von Gefäßen in einem Hort ist ungewöhnlich. Dass es sich bei diesen kostbaren Gefäßen um Gegenstände aus fürstlichem Besitz handelt, ist anzunehmen. Auch die übrigen Teile des Eberswalder Hortes, Halsringe, Halbfertigprodukte, Fragmente, Barren und große Mengen von Spiraldrähten, teilweise zu Bündeln zusammengeschnürt, können schon von ihrem Materialwert her nicht einfach einem Feinschmied gehört haben, wie immer wieder behauptet worden ist. Derartige Kostbarkeiten dürften Teil eines „Staatsschatzes“ gewesen sein, der sorgfältig, vielleicht über mehrere Generationen, bewahrt wurde.

Wir wissen aus den Auflistungen, die durch Tontäfelchen mit Linear B-Schrift aus mykenischen Palästen überliefert worden sind, dass zu solchen Schätzen auch oft beschädigte oder unfertige Metallarbeiten gehörten, konnten diese doch durch Wiedereinschmelzen jederzeit einer Neuverwendung zugeführt werden. Die mykenischen Künstler und Handwerker waren Teil des königlichen Hofes, arbeiteten im Auftrag des Herrschers und bekamen von diesem das Rohmaterial zugeteilt, aus dem ihre Produkte geschaffen wurden.

Ähnlich dürfte es auch in den Herrschaftsbereichen nördlich der mediterranen Welt gewesen sein, denn hier bestanden während der Bronzezeit vergleichbare Hierarchien. Bei dem Schatz von Eberswalde dürfte es sich um einen solchen herrschaftlichen Besitz gehandelt haben. Die Gewichte der einzelnen Drahtbündel und der, wie sich an den Spuren erkennen lässt, bewusst in Stücke gehackten Barren zeigen, dass man zielgerichtet Halbfertigprodukte aufbewahrte, die bestimmten normierten Gewichtsklassen entsprachen (Eiwanger 1989. S. 447f.). Die Goldschalen waren auch als torentische Meisterleistung, die Halbf-

Ил. 3. Карта важнейших торговых путей в Европе с увеличением фрагмента, на котором запечатлен водораздел между Одером и Хафелем (графика М. Кацнер и Д. Грайнерт)

Abb. 3. Karte der wichtigsten Handelsrouten durch Europa mit Ausschnittvergrößerung der Oder-Havel-Wasserscheide (Grafik: M. Kacner und D. Greinert)

тигпродукты aber in erster Linie aufgrund ihres jeweiligen Gewichts wertvoll und stellten eine Art von „prähistorischem Geld“ dar, das jederzeit gegen andere Waren eingetauscht werden konnte.

Dass der Schatz von Eberswalde gerade an dieser Stelle in den Boden kam, lässt sich nur schwer damit erklären, dass „dieses Gold wegen einer drohenden Gefahr versteckt wurde, aber vom Eigentümer nicht wieder gehoben werden konnte“ (Ellmers 2003, 172). Vielmehr ist der Hort offenbar bewusst hier niedergelegt

worden, und zwar an einer topographisch hervorragenden Stelle, die direkt bei einer der wichtigsten Ost-West-Verbindungen lag, über die seit der Bronzezeit der europäische Handel verlief. Für das Depot von Heegermühle trifft diese Interpretation ebenfalls zu, lag es doch nur wenig westlich an der gleichen Route. Auch seine Zusammensetzung ist außerordentlich. Neben Schmuck wie Halsringen und einer Fibel enthält es 20 Armringe (18 im Berliner und 2 im Eberswalder Museum) und zwei mit Stier- und Wasservogelsymbolik versehene Tüllen (über die Bedeutung dieser Symbolik vgl. meinen Beitrag zu den Kultwagen in diesem Band). Zwei spatelartige Geräte dürften ebenso im Kult verwendet worden sein. Von hohem Interesse ist auch die Gürtelscheibe, deren Stern- und Kreismuster nicht nur dekorativ sind, sondern offenbar kalendarische Bedeutung besitzen. Die Kalendersymbolik solcher Kunstwerke, die sich auch auf einigen der Eberswalder Schalen manifestiert, wurde bereits durch Wilfried Menghin an anderer Stelle behandelt (Menghin 2010). Bei der Scheibe von Heegermühle bestehen die deutlich asymmetrisch angeordneten Ornamente aus einem zehnzackigen Stern im Mittelfeld, den zwei Bänder mit jeweils elf Mäanderspiralen umgeben. Das ergibt die Zahl der Sonnenjahre (10+11+11=32) und, nimmt man den Mittelstachel hinzu, auch der Mondjahre (11+11+11=33), die bis zur Übereinstimmung des solaren und des lunaren Kalenders vergehen.

Wir haben es also sowohl bei dem Depot von Eberswalde als auch bei demjenigen von Heegermühle mit Inventaren zu tun, die eine hohe symbolische Bedeutung besaßen. Es dürfte kein Zufall sein, dass diese in relativ geringem zeitlichem Abstand von ein bis zwei Generationen genau an dieser Fernverbindung deponiert worden sind. Dort, wo der Schiffsverkehr heute über den Oder-Havel-Kanal verläuft, war es in prähistorischen Zeiten notwendig, eine Landbrücke zu überwinden, um in einer knappen Tagesreise über die Wasserscheide von einem Flusssystem

возках в настоящем издании). Два лопатообразных орудия имели, вероятно, также культовое назначение. Особый интерес представляет и поясная бляха, орнаментированная звездчатым и кружковым узором, который, очевидно, выполняет не только чисто декоративную функцию, но и связан, вероятно, с мотивом календаря. Символике календаря, представленной в декоре таких художественных изделий, в том числе и в орнаментике некоторых чаш из эберсвальдского сокровища, посвящено специальное исследование Вильфреда Менгина (Menghin 2010). Орнаментация поясной бляхи из Хеегермюле отчетливо распадается на несколько асимметрично расположенных элементов: мы видим в центре десятиконечную звезду, которая опоясана двумя полосками, в каждой из них — по одиннадцать изогнутых спиралей. В сумме это дает число солнечных лет (10+11+11=32), а если прибавить к этому центральный «штырь», то и число лунных лет (11+11+11=33), которые должны пройти до совпадения солнечного и лунного календаря.

Таким образом, и сокровище из Эберсвальде, и сокровище из Хеегермюле включают в себя предметы, обладающие глубоко символическим значением. Едва ли можно считать случайностью то, что обаклада с относительно небольшим временным интервалом были заложены именно вблизи важного трансрегионального пути. Там, где сегодня Одер-Хафельский канал обеспечивает судоходное сообщение, в доисторическую эпоху приходилось передвигаться по суше, чтобы за один дневной переход миновать водораздел и добраться до следующей речной системы (ил. 3). По Одеру можно было двигаться на север, к берегам Балтийского моря, по Мораве — на юг, к Дунаю и далее, по Варте — на восток, до Вислы, и далее по Днестру к Черному морю. Если идти сухопутным путем по водоразделу между

Одером и Хафелем в западном направлении, то можно затем по Хафелю выйти к Эльбе и уже по Эльбе добраться до Северного моря.

Такие водораздельные территории имелись повсеместно в Европе, и вдоль таких сухопутных путей между водными магистралями, как и на горных перевалах, в эпоху бронзы нередко закладывались жертвенные клады. Говоря о сокровище из Эберсвальде, можно предположить еще одну причину, по которой именно данное место как нельзя лучше подходило для приношения ценных даров богам. Территория, на которой расположен Эберсвальде, находилась на западной окраине лужицкой культуры, в пограничном районе, соседствовавшем с так называемыми ринскими и нойбранденбургскими группами (Horst 1989). Учитывая такое опасное местоположение, помощь богов в случае возникновения пограничных столкновений могла быть очень кстати. Известно, что начиная с эпохи ранней бронзы был распространен обычай прибегать к помощи сверхъестественных сил для защиты рубежей своего региона влияния, и для того приносились соответствующие жертвы. Ярким примером тому может служить диск из Небры, место обнаружения которого также находится в пограничной зоне между несколькими культурами.

Наличие культовых предметов в составе клада из Хеегермюле подтверждает предположение, что в данном случае речь идет о приношении богам. И точно так же чаши из Эберсвальде — драгоценные сосуды, считавшиеся достойным украшением не только трапез земных правителей, но и пиршеств богов, — указывают на то, что мы имеем дело с жертвенным кладом. Комплексы драгоценной бронзовой посуды нередко встречаются именно в контексте жертвоприношений, некоторые из них обнаруживаются в болотах, как это имело место в случае с кладом из Херцберга, к югу от Эберсвальде. Сакральный характер такого рода находок представляется спорным, поскольку подобное размещение предметов не предполагало создания для них впоследствии другого тайника.

Сокровище из Эберсвальде как по своему составу, так и по местоположению вполне соответствует тому представлению об эпохе поздней бронзы, которое сложилось к настоящему моменту на основании имеющихся исследований. Удивляет, впрочем, поразительное богатство этого памятника в сравнении с другими знаменитыми кладами. Вероятно, это указывает на то, что данный регион весьма преуспевал в экономическом смысле, извлекая выгоду из трансъевропейской торговли. По этому пути в Западную и Южную Европу доставлялась большая часть балтийского янтаря, а в обратном направлении, на восток и север, привозились карпатское золото, медь и олово. Тот, кто осуществлял контроль за этой магистралью и, быть может, организовывал переход по водораздельной территории между двумя речными системами, мог весьма обогатиться за счет движения по этому торговому пути. Конечно, мы не располагаем сведениями о том, где находилось укрепленное поселение правителя Эберсвальде, и тем не менее у нас есть все основания считать, что здесь располагался некий центр власти, который занимал важное место в системе торговых отношений эпохи бронзы и который невозможно было обойти стороной.

zum anderen zu gelangen (Abb. 3). Über die Oder konnte man Richtung Norden die Ostsee erreichen, Richtung Süden über die March zur Donau und Richtung Osten über die Warthe bis zur Weichsel gelangen, von der wiederum ein Wasserweg über den Dnjestr bis in das Schwarze Meer führte. Folgte man dem Weg von der Oder-Havel-Landbrücke Richtung Westen, konnte man über die Havel die Elbe und auf dieser bis in die Nordsee reisen.

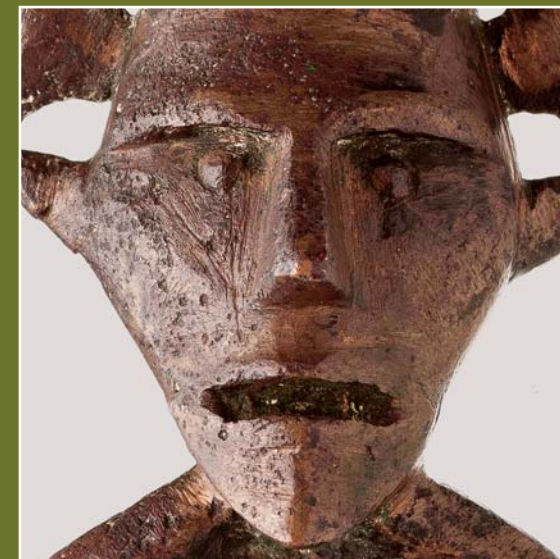
Landbrücken gab es an vielen Wasserscheiden in Europa und an diesen wurden ebenso wie an Gebirgspässen besonders in der Bronzezeit immer wieder Weihegaben niedergelegt. Für Eberswalde könnte aber noch ein weiterer Grund ausschlaggebend gewesen sein, gerade hier eine wertvolle Gabe an die Götter niederzulegen. Die Region liegt genau am Westrand der Lausitzer Kultur, in der Grenzregion zur so genannten Rhin- und zur Neubrandenburger Gruppe (Horst 1989). Es war also eine gefährdete Position, in der die Unterstützung der Götter bei Grenzstreitigkeiten besonders vonnöten war. Wir wissen, dass es seit der frühen Bronzezeit die Sitte gab, Herrschaftsgebiete durch Gaben an die Götter auch übernatürlich abzusichern. Ein gutes Beispiel ist der Fundort der Scheibe von Nebra, da dieser Ort ebenfalls genau zwischen mehreren Einflusszonen liegt (Zich 2010).

Gerade die Gegenstände sakralen Gebrauchs im Depot von Heegermühle sprechen für eine Deutung als Gaben an die Götter. Aber auch die Schalen von Eberswalde, kostbare Trinkgefäße, die nicht nur als würdig genug für die Symposien irdischer Herrscher, sondern ebenso für die Bankette der Götter galten, deuten auf eine Opferhandlung hin. Sätze von kostbarem Bronzegereschirr finden sich immer wieder in Opferzusammenhängen, oft auch, wie bei dem südlich von Eberswalde gelegenen Depot von Herzberg (May, Schmidt 1993), in Mooren versenkt. In solchen Fällen ist der sakrale Charakter unbestritten, da die Stücke ja später nicht mehr geborgen werden konnten.

Der Hortfund von Eberswalde und der Ort seiner Niederlegung passen also gut in das Bild, das nach heutigem Forschungsstand von der späten Bronzezeit gezeichnet werden kann. Erstaunlich ist lediglich der ungeheure Reichtum, der sich, gemessen an den übrigen bekannten Depots, in diesem Fund manifestiert. Er ist ein Hinweis darauf, dass wir uns in dieser Region in einer Zone befinden, die von dem transeuropäischen Handel besonders erfolgreich profitierte. Über diese Route gelangten große Bestände baltischen Bernsteins nach West- und Südeuropa, umgekehrt wurde Karpatengold, Kupfer und Zinn in den Norden und Osten transportiert. Wer Teile dieses Weges kontrollierte und vielleicht auch den Transport über die Landbrücke zwischen den beiden Flusssystemen übernahm, profitierte in hohem Maße von diesen Bewegungen. Auch wenn wir den befestigten Stammsitz der Fürsten von Eberswalde nicht mehr verorten können, müssen wir davon ausgehen, dass hier ein Machtzentrum lag, das im bronzezeitlichen Handelsverkehr nicht umgangen werden konnte.

Религия и культ в эпоху бронзы

Religion und Kult in der Bronzezeit

Флемминг Кауль

О религии и символике эпохи бронзы

Flemming Kaul

Zu Religion und Symbolgut der Bronzezeit

Культуры Северной Европы эпохи бронзы, так называемые культуры северного круга, связанные с Южной Скандинавией и отдельными областями Северной Германии, представлены богатыми и разнообразными археологическими находками, которые позволяют составить представление о бытовавшей здесь религии, мифологии и ритуалах. Особенно информативны в этом смысле такие объекты, как луры (духовые музыкальные инструменты из бронзы), рогатые шлемы и ритуальные топоры, использовавшиеся во время культовых шествий и при отправлении отдельных ритуалов. Особенностью северного бронзового века является необычайное богатство художественных форм, представленное в первую очередь в фигуративном искусстве. На многих бронзовых предметах обнаруживаются разнообразные изображения, особенно часто они встречаются на бритвах эпохи поздней бронзы, орнаментированных тонкой гравировкой. По этим изображениям можно судить о тогдашних верованиях, включавших в себя, в частности, миф о солнце, вечно странствующем между ночью и днем. Уникальным архивом религиозного искусства является и наскальная живопись, представленная многочисленными образцами. Некоторые из этих наскальных рисунков дают возможность познакомиться с обрядовостью эпохи поздней бронзы и увидеть, каким образом использовались те или иные предметы культа, например луры и ритуальные топоры.

Несмотря на то, что описание всех аспектов религиозной практики преисторического общества невозможно, поскольку отсутствуют какие бы то ни было письменные или устные свидетельства, обращение к богатейшему изобразительному материалу, к иконографии рассматриваемого периода позволяет тем не менее сделать существенные выводы относительно этой сферы. Причем не следует рассматривать религию северного бронзового века лишь как локальный феномен, ограниченный рамками определенного региона. Идентичные изображения на бронзовых изделиях и в наскальной живописи свидетельствуют о наличии общих представлений, распространенных на обширной территории, включавшей в себя значительную часть Скандинавии и Северной Германии. От норвежского Заполярья на севере (Sognnes 1989; Kaul 2012) до Нижней Саксонии на юге, то есть на огромном географическом пространстве, существовали, судя по всему, сходные формы отправления религиозных культов. При этом религия северного бронзового века как особое явление отнюдь не ограничивалась рамками данного пространства. Именно в эпоху поздней бронзы в системе верований обнаруживается большое количество общеевропейских элементов как в ритуалах, так и

Аus den bronzezeitlichen Kulturen Nordeuropas (nordischer Kreis) in Südsandinavien und Teilen Norddeutschlands stammen reiche und vielseitige archäologische Funde, die Aufschluss zu Religion, Mythologie und Kult geben. Besonders informativ sind Objekte wie Luren (Blasinstrumente aus Bronze), gehörnte Helme und Kultäxte, welche bei kultischen Umzügen und Riten Verwendung fanden. Eine Besonderheit der nordischen Bronzezeit ist ihr Bilderreichtum, vor allem die figurale Kunst. Darstellungen finden sich auf Bronzegegenständen, vor allem auf spätbronzezeitlichen Rasiermessern, auf denen kleine, fein ausgeführte Gravierungen wichtige Hinweise auf damalige Glaubensvorstellungen geben, darunter einen Mythos der ewigen Tag- und Nachtreise der Sonne. Auch die tausende von Felsbildern sind ein einmaliges Archiv zur religiösen Kunst. Einige dieser vielschichtigen Felsritzungen geben uns Einblicke in die bronzezeitliche Welt der Rituale und zeigen die Verwendung sakraler Gegenstände, etwa von Luren und Kultäxten.

Auch wenn es unmöglich sein mag, alle Aspekte der Religionsausübung von prähistorischen Gesellschaften, die weder schriftliche Quellen noch mündliche Überlieferungen hinterlassen haben, zu erfassen, lässt der außergewöhnliche Reichtum an bildlichen Darstellungen — die Ikonographie — weitgehende Schlüsse zu. Die Religion der nordischen Bronzezeit sollte nicht als ein lediglich regional begrenztes Phänomen angesehen werden. Ausgehend von identischen Darstellungen auf den Bronzen und den Felsen lässt sich erkennen, dass gemeinsame Vorstellungen über eine größere Region, große Teile Skandinaviens und Norddeutschlands, verbreitet waren. Vom Rande des arktischen Kreises Norwegens im Norden (Sognnes 1989; Kaul 2012) bis nach Niedersachsen im Süden, also einem riesigen geographischen Gebiet, haben offenbar ähnliche Abläufe in der Religionsausübung stattgefunden. Aber die Religion der nordischen Bronzezeit war sicher kein auf diesen Raum begrenztes Phänomen. Gerade für die Spätbronzezeit lässt sich eine Vielzahl von gemeineuropäischen Elementen in der Religiosität feststellen, was sowohl die Rituale betrifft als auch die Mythen, etwa denjenigen von der Reise der Sonne. Sonnenpferde, Sonnenschiffe und Wasservogel gehören in diesen Zusammenhang. Die Religion der nordischen Bronzezeit ist Teil der Glaubensvorstellungen, die Europa prägten (Kaul 1998. S. 274f.; Kaul 2004-I. S. 409–413).

Der Sonnenwagen

Der Sonnenwagen hängt zusammen mit einer allgemeinen Vorstellung, dass die göttliche, nicht als Person verstandene Sonne von einem göttlichen Pferd über den Himmel gezogen

в мифах, к числу которых принадлежит и упоминавшийся выше миф о странствующем солнце. Солнечные повозки, солнечные ладьи и водоплавающие птицы относятся к кругу таких общих мотивов. Религия северного бронзового века является частью общих верований, характерных для Европы в целом (Kaul 1998. S. 274f.; Kaul 2004-I. S. 409–413).

Солнечная повозка

Образ солнечной повозки связан с общим представлением о том, что божественное, но не персонифицированное солнце перемещается по небу благодаря божественной лошади. Самый яркий примером данного мотива является знаменитая повозка из Трундхольма, остров Зеланд, Дания (ил. 1), представляющая собой пластическую группу, к основным элементам которой относятся, с одной стороны, фигура лошади и солнечный диск, с другой — колесная повозка. Лошадь и диск иллюстрируют представление о том, что солнце передвигается по небу при помощи божественной лошади, тогда как собственно повозка никак не связана с самим этим движением. Диск и лошадь были поставлены на колеса только для того, чтобы передать таким образом саму идею движения солнца как части ритуала эпохи бронзы. Вот почему принятое ныне название этого объекта — «солнечная повозка» — по сути неверно. Мюллер еще не использовал это обозначение и говорил лишь о «солнечном диске из Трундхольма» (Müller 1903. S. 114; Kaul 2010-I. S. 523f.).

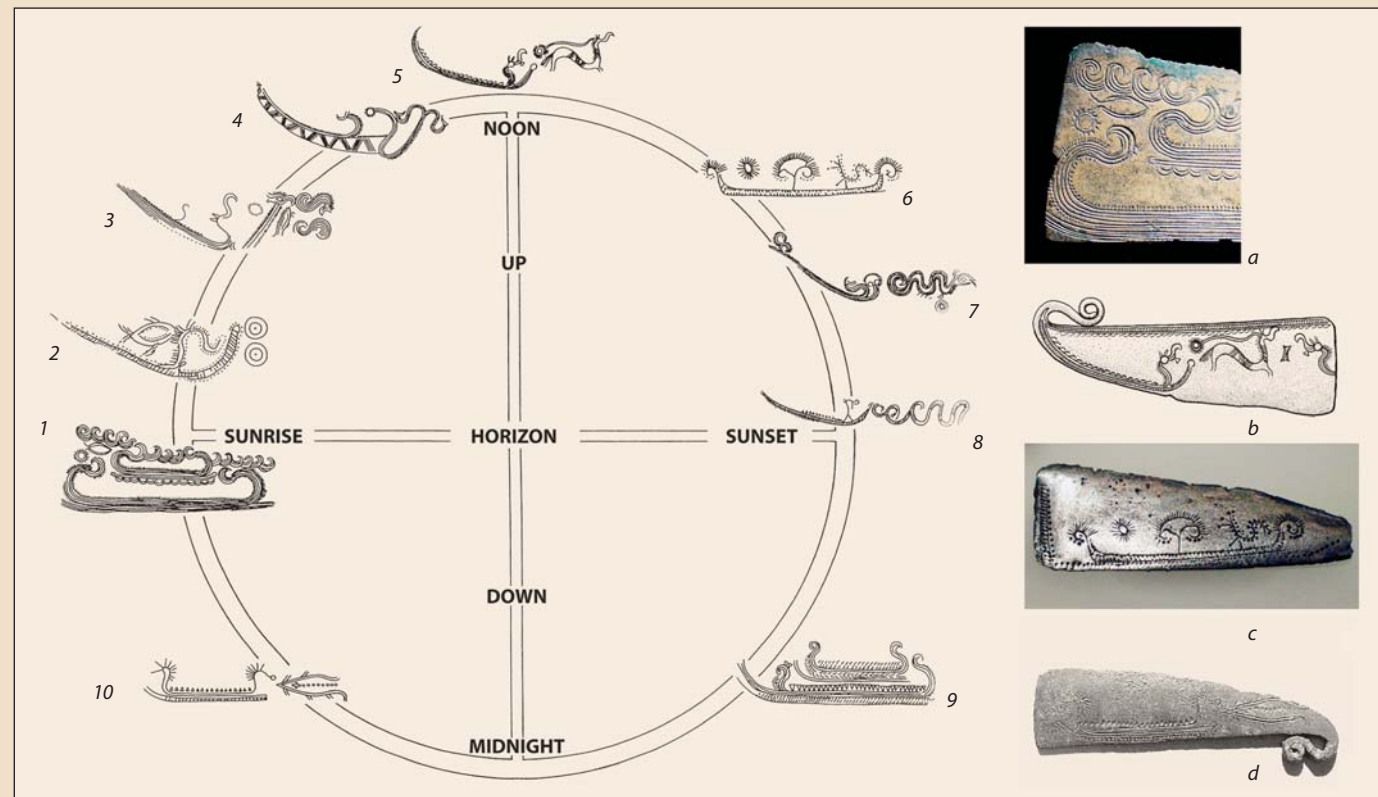
Лицевая и тыльная стороны солнечного диска не вполне совпадают по оформлению и отличаются друг от друга по характеру спиралевидной орнаментации. Самым важным отличием, однако, является то, что только одна сторона открыта позолотой и имеет по краю обрамление в виде коротких лучей. На другой стороне нет ни позолоты, ни лучей. Если взглянуть на позолоченную сторону, то можно увидеть обращенную на себя внимание деталь: лошадь и солнце движутся вправо. Именно так видится перемещение солнца обитателям северного полушария. Если перевернуть солнечный диск и посмотреть на темную сторону без лучей, то лошадь будет двигаться влево (ил. 1). В реальном мире, однако, солнце никогда не движется влево. Но с учетом того, что в картине мира эпохи бронзы земля имела образ диска, такое движение влево оказывается вполне оправданным. Днем солнце «путешествует» слева направо (относительно горизонта). Это направление меняется в тот момент, когда солнце закатывается за горизонт. Там оно должно вернуться в свою исходную точку и потому поворачивается влево, то есть начинает движение справа налево, причем это дви-

Ил. 1. Солнечная повозка из Трундхольма, Западный Зеланд, Дания, ок. 1375 до н. э. Сверкающая дневная сторона развернута вправо, ночная сторона — влево (фото Дж. Лее, Национальный музей, Копенгаген)

Abb. 1. Der Sonnenwagen aus einem Moor bei Trundholm, Westseeland, Dänemark, um 1375 v. Chr. Die leuchtende Tagseite ist nach rechts, die dunkle Nachtseite nach links orientiert (Foto: J. Lee, Nationalmuseum Kopenhagen)

wird. Das anschaulichste Beispiel ist der berühmte Kultwagen von Trundholm, Nordwestseeland, Dänemark (Abb. 1), wo zum einen das Pferd und die Sonnenscheibe, zum anderen das Gefährt mit Rädern zusammengehören. Erstere illustrieren die Glaubensvorstellung, dass die Sonne von einem göttlichen Pferd gezogen wurde, während der Wagen selbst nicht Teil dieser Bewegung war. Sonnenscheibe und Pferd wurden allein aus dem Grund auf Räder gesetzt, um so die Bewegung der Sonne als Teil des bronzezeitlichen Rituals darzustellen. Der Begriff „Sonnenwagen“ ist deshalb eine nachträgliche, irreführende Bezeichnung. Müller verwendete diesen Begriff noch nicht, sondern sprach nur vom „Sonnenbild von Trundholm“ (Müller 1903. S. 114; Kaul 2010-I. S. 523f.).

Die beiden Seiten der Sonnenscheibe sind nicht völlig übereinstimmend, denn es gibt einige Unterschiede bei der Anbringung des Spiraldекорs. Aber am wichtigsten ist die Tatsache, dass die eine Seite mit Goldfolie bezogen ist und deren Rand durch ein Band mit kurzen Strahlen gesäumt wird. Die andere Seite besitzt weder einen Goldüberzug noch einen Strahlenkranz. Wenn man sich die goldene Seite ansieht, fällt auf, dass das Pferd sich mit der Sonne nach rechts bewegt. Das ist die Ansicht, die man von der Reise der Sonne von der nördlichen Hemisphäre aus hat. Wenn man das Sonnenbild dreht, so dass man die dunkle Seite ohne Strahlenkranz betrachtet, wendet sich das Pferd nach links (Abb. 1). In der wahren Welt bewegt sich jedoch die Sonne niemals nach links. Aber im Weltbild der Bronzezeit wurde die Erde als Scheibe verstanden, und in diesem Fall macht die Bewegung nach links Sinn. Die erkennbare „Reiserichtung“ der Sonne während des Tages geht von links nach rechts (wenn man den Horizont betrachtet). Diese Richtung ändert sich, wenn die Sonne zur Zeit ihres Untergangs auf den Horizont trifft. Nach Sonnenuntergang muss sie zu ihrem Ausgangspunkt zurückkehren, indem sie sich nach links wendet (also von rechts nach links) und zwar unter der Oberfläche der flachen Erde durch die Dunkelheit der Unterwelt, nicht strahlend, sondern erloschen. Bei Sonnenaufgang ändert die Sonne ihre Orientierung wieder zu der Tagesrichtung, also nach rechts (Kaul 2004-I; Kaul 2010).

жение проходит под поверхностью плоской земли, во тьме подземного мира, где солнечные лучи гаснут. В момент восхода солнце снова меняет направление своего пути и движется по дневной траектории, то есть слева направо (Kaul 2004-I; Kaul 2010).

Цикл движения странствующего солнца

Изобразительный материал северного бронзового века показывает, что к числу мотивов, связанных с представлением о странствующем солнце, относятся и образ корабля, а также образы других «помощников». Особенно показательными в этом смысле являются гравированные рисунки на бритвах эпохи поздней бронзы, на которых обнаруживаются отдельные мотивы, связанные с данным мифом (Kaul 1998; Kaul 2004-I; Kaul 2005). Обратимся к утренним часам — это время восхода солнца, время его нового рождения, а вместе с ним рождения жизни и света. Одна из сохранившихся бритв, точное место происхождения которой неизвестно (вероятно, полуостров Ютландия), дает интересные сведения о том, как понимался восход солнца в мифологии эпохи бронзы (ил. 2, a). По удлиненным килям кораблей можно определить направление их движения: слева направо. Ночной корабль, расположенный в нижней части, устремлен влево, над ним — дневной/утренний корабль, который устремлен вправо. Мы видим, как с носа ночного корабля солнце передается рыбе, готовой продолжить движение вверх и вправо, к дневному кораблю. Рыба, таким образом, выполняет важную функцию: именно она перемещает солнце с ночного корабля на дневной. Рисунок на бритве со всею очевидностью показывает, что ночной корабль находится под дневным, то есть сфера ночи относится к миру небесному, тогда как сфера дня относится к миру подземному. Здесь встречаются правая и левая стороны, верх и низ, день и ночь, свет и тьма, при этом мифологическая рыба выполняет роль посредника между ночным и дневным кораблем.

Ил. 2. Цикл движения солнца, реконструированный по рисункам на бритвах, 1100–500 до н. э.: a – место находки неизвестно, Ютландия; b – Недер Хволрис, север Ютландии; c – Вандлинг, юг Ютландии; d – остров Мён, Дания (фото Ф. Кауля)

Abb. 2. Der Zyklus der Sonne, rekonstruiert anhand von Darstellungen auf Rasiernessern, 1100–500 v. Chr. a – Fundort unbekannt, Jütland; b – Neder Hvolris, Nordjütland, c – Vandling, Südjütland, d – Insel Møn, Dänemark (Foto: F. Kaul)

Der Reisezyklus der Sonne

Die reiche Bilderwelt der nordischen Bronzezeit verdeutlicht, dass die Vorstellungen zur Reise der Sonne nicht nur das Sonnenpferd, sondern auch ein Sonnenschiff und weitere Helfer einschlossen. Besonders die feinen Gravierungen auf den spätbronzezeitlichen Rasiernessern geben Elemente dieses Mythos wieder (Kaul 1998; Kaul 2004-I; Kaul 2005).

Beginnen wir am Morgen, der entscheidenden Zeit des Sonnenaufgangs, der Wiedergeburt von Sonne, Leben und Licht. Eines der aussagekräftigsten Rasiernesser, ohne Provenienz, aber wohl von Jütland, gibt interessante Hinweise darauf, wie dieser Sonnenaufgang im mythischen Zyklus der Bronzezeit verstanden wurde (Abb. 2, a). Anhand der emporgangenen Verlängerung des Schiffskiels kann man die Richtung beider Schiffe erkennen und feststellen, dass die Links-rechts-Bewegung stattfindet. Das Nachtschiff unten segelt nach links, und darüber segelt das Tag- oder Morgenschiff nach rechts. Es lässt sich erkennen, dass das Nachtschiff von der Spitze seines Bugs gerade die Sonne an den Fisch weitergegeben hat, der auf dem Weg nach oben und nach rechts zum Tagesschiff ist. Wir sehen hier also die sehr wichtige Bedeutung des Fisches, nämlich die Sonne vom Nacht- zum Morgenschiff zu ziehen. Das Bild auf dem Rasiernesser zeigt deutlich, dass sich das Nachtschiff unter dem Tagschiff befindet, die nächtliche Sphäre also nach unten, zur Unterwelt gehört, während das Tagschiff nach oben, zum Firmament gehört. Hier treffen sich rechts und links, oben und unten,

Рисунки на других бритвах показывают, что рыбе позволялось какое-то время путешествовать вместе с солнцем на корабле, пока ее не поглотит птица. После того, как рыба исчезает из этой истории, доставкой солнца занимается лошадь. Насколько значительной была роль лошади, можно судить по бритве из Недер Хволрис под Виборгом (север Ютландии, Дания), на которой изображено, как благородная лошадь скатывает солнце с корабля. Речь идет о солнечной лошади, которая принимает солнце с утреннего корабля и берет на себя задачу его перемещения в дневные часы (ил. 2, b). На другой бритве из Вандлинга под Хадерслево (юг Ютландии, Дания) изображена лошадь, ступающая на корабль. Эту сцену можно интерпретировать как момент передачи солнца вечернему кораблю (ил. 2, c). После этого, когда солнце уже начинает заходить, оно покидает вечерний корабль и переходит к змее. Змея, вероятно, помогает солнцу развернуться влево и начать ночное путешествие в подземный мир. Она может быть понята и как конструктивная сила, действующая в системе космологического порядка и выполняющая функцию посредника между подземным и надземным миром (Kaul 2009). В ночные часы мы снова встречаемся с рыбой, на сей раз, правда, в сочетании с кораблем, который движется справа налево, как это представлено на рисунке бритвы с датского острова Мён, расположенного к югу от Зееланда (ил. 2, d). В данном случае рыба может оказать помощь погасшему солнцу во время его опасного путешествия по подземному миру. В предрассветных сумерках она берет на себя не менее важную задачу: помогает солнцу переместиться с ночного корабля на утренний.

Обращение к другим образцам датских бритв позволяет увидеть весь цикл движения солнца от дня к ночи и обратно, относящийся к центральным мотивам мифологии эпохи бронзы (ил. 2). Горизонт и поверхность земли представлены здесь линейно, тогда как траектория движения солнца передается двумя полукругами, смыкающимися у линии горизонта. Мы видим солнечный корабль, который доставляет солнце, и видим зооморфных помощников солнца. Следует при этом отметить, что лошадь не может передать солнце напрямую змее, как рыба не может передать его лошади. Между ними всегда есть нечто вроде посредника, промежу-

Ил. 3. Бог солнца антропоморфной формы на бритве, обнаруженной на юге Ютландии, ок. 800 до н. э. (фото Ф. Кауля)
Abb. 3. Der Sonnengott in seiner anthropomorphen Form auf einem Rasiernesser aus Südjütland, um 800 v. Chr. (Foto: F. Kaul)

Tag und Nacht, Licht und Dunkelheit, wobei der Mythenfisch der Mittler zwischen Nacht- und Morgenschiff ist.

Andere Rasiernesser zeigen, dass es dem Fisch, zumindest für einige Zeit, erlaubt war, mit dem Schiff zu reisen, bis er schließlich von einem Raubvogel verschluckt wurde. Nachdem der Fisch aus der Geschichte ausschied, konnte das Pferd den Transport der Sonne übernehmen. Diese Rolle des Pferdes lässt sich am besten auf einem Rasiernesser von Neder Hvolris bei Viborg, Nordjütland, Dänemark erkennen, wo ein edles Pferd die Sonne vom Schiff fortzieht. Es ist das Sonnenpferd, das am Mittag den Transport vom Morgenschiff übernimmt (Abb. 2, b). Auf einem weiteren dänischen Rasiernesser von Vandling bei Haderslev, Südjütland, Dänemark, sieht es so aus, also ob das Pferd auf dem Schiff landet, und diese Szene ist folgerichtig so zu interpretieren, dass das Pferd auf dem Nachmittagschiff aufsetzt, um diesem die Sonne zu übergeben (Abb. 2, c). Zuletzt, bei Sonnenuntergang, übernimmt eine Schlange die Sonne vom Nachmittagschiff. Diese Schlange hilft vermutlich der untergegangenen Sonne bei ihrer Wendung nach links und der nächtlichen Reise durch die Unterwelt. Sie kann wohl als eine konstruktive Macht innerhalb der kosmologischen Ordnung interpretiert werden, die als Vermittler zwischen Unter- und Oberwelt agiert (Kaul 2009). Während der Nacht stoßen wir wieder auf den Fisch — hier aber in Zusammenhang mit einem nach links fahrenden Schiff — wie es ein Rasiernesser von der dänischen Insel Møn südlich von Seeland zeigt (Abb. 2, d). Er könnte der verdunkelten Sonne bei der gefährlichen Reise durch die Unterwelt behilflich sein. In der Frühdämmerung übernimmt er dann die wichtige Aufgabe, der Sonne vom Nachtschiff zum Morgenschiff zu helfen.

Unter Berücksichtigung weiterer dänischer Rasiernesser lässt sich der gesamte Tag- und Nacht-Kreis der Sonnenreise, wohl eines der zentralen Mythen der Bronzezeit, darstellen (Abb. 2). Horizont und Oberfläche der Erde sind linear, während die Reise der Sonne durch zwei Halbkreise ausgedrückt wird, die sich am Horizont treffen. Wir sehen das Sonnenschiff als

точное звено, функцию которого выполняет корабль. Данный миф бытовал, вероятно, в разных вариантах. Например, змея может появляться и в утренние часы, лошадь, в свою очередь, может трудиться ночью, доставляя солнце в самые глубины подземного мира. Эта цикличная мифологическая система прекрасно функционирует и без участия антропоморфных божеств. Само же солнце представлено здесь в первую очередь как не персонифицированное воплощение высшей силы.

Нельзя, однако, не упомянуть тот факт, что в эпоху бронзы уже существовали человекоподобные божества, при этом, правда, речь идет не о полноценном «Парнасе», а лишь об одном единственном божестве, боге солнца (Kaul 2005). Изображения человеческих фигур на бронзовых предметах встречаются крайне редко. Самым ярким примером такого рода может служить рисунок на бритве из южной части полуострова Ютландия: здесь изображены две фигуры, сидящие в лодке (ил. 3). Головы оформлены в виде солнечных дисков с лучами по краю. Это может быть изображение бога солнца, голова которого представлена в образе диска с лучами, то есть бог солнца отождествляется с самим солнцем. Наличие на корабле двух идентичных фигур говорит, вероятно, о том, что одна из них символизирует день, другая — ночь. Возможно, однако, что фигуры обозначают разные фазы дня, например время до полудня и после полудня.

У солнца имелись, конечно, и другие божественные помощники кроме тех четырех, что уже названы выше, но не все из них могли перемещаться. Заслуживает обсуждения возможность существования божества подземного мира. На некоторых наскальных рисунках, прежде всего в Бохуслене (Швеция), встречается изображение сетчатой фигуры с человеческими чертами (Kaul 2005). Сеть всегда предназначена для того, чтобы что-то поймать и удерживать. В тех случаях, когда такая сетчатая фигура обнаруживает ярко выраженные антропоморфные черты, она напоминает некое чудовище (ил. 4). Такого рода божество могло считаться воплощением хаоса и злой силы, способной захватить солнце во время его опасного путешествия по подземному миру. Не исключено, что, совершая определенные обрядовые действия, люди пытались воспрепятствовать тому, чтобы солнце попало в плен к такой злой силе и уже не смогло бы всходить каждое утро.

Изображения, связанные с представлением о странствующем солнце, не ограничиваются северным бронзовым веком. На диске из Небры (Саксен-Анхальт, Германия), относящемся к XVI в. до н. э., изображен корабль, имеющий прямое отношение к движению небесных тел (Meller 2004-II). В эпоху поздней бронзы и раннего железа солнечный корабль был, судя по всему, одним из самых важных изобразительных мотивов на значительной части европейского пространства. Водоплавающая птица становится общеевропейским символом в контексте мифа о странствующем солнце и используется, кроме того, в качестве украшения штевня солнечной барки (Kossack 1954-II; Kossack 1999).

Ритуальные действия

Корабль является одним из важнейших мотивов на бронзовых предметах. Как символ движения он, по представлениям человека эпохи бронзы, мог, вероятно, не без помощи душ умерших, которые находились на его борту, таинственным образом следить за тем, чтобы движение солнца никогда не прекращалось, ибо прекращение движения означало бы конец света. Если бы солнце осталось во власти подзем-

Träger der Sonne, und wir sehen göttliche zoomorphe Helfer der Sonne. Es muss hier noch erwähnt werden, dass das Pferd die Sonne nicht zur Schlange und der Fisch sie nicht zum Pferd bringen kann. Es ist immer als eine Art Vermittler dazwischen ein Schiff notwendig.

Es hat offenbar verschiedene Versionen dieses Mythos gegeben. Zum Beispiel kann die Schlange auch am Morgen eine Rolle als Helfer der Sonne spielen, das Pferd kann auch in der Nacht agieren, vielleicht an der tiefsten Stelle der Unterwelt. Dieses zyklische mythologische System funktioniert gut ohne die Beteiligung anthropomorpher Gottheiten. Wir haben es hier in erster Linie mit der Sonne als nicht personifizierte Erscheinung höchster Macht zu tun.

Es soll nicht verschwiegen werden, dass in der späten Bronzezeit bereits Götter in Menschenform auftraten, zwar nicht als ein ganzer göttlicher Parnass, sondern in Form einer einzigen Gottheit, dem Sonnengott (Kaul 2005). Darstellungen menschlicher Figuren auf bronzenen Gegenständen sind sehr selten. Die aufschlussreichste Illustration solcher Wesen ist auf einem Rasiermesser aus dem südlichen Teil der jütländischen Halbinsel zu erkennen, auf der zwei Figuren ein Boot paddeln (Abb. 3). Die Köpfe sind wie Sonnenscheiben mit Strahlenkranz geformt. Das könnte eine Darstellung des Sonnengottes sein, dessen Kopf als Sonne mit ihren Strahlen dargestellt wird — der Sonnengott ist die Sonne selbst. Da es zwei identische Figuren auf dem Schiff gibt, könnte die eine die Sonne am Tag, die andere ihre Nachtphase symbolisieren. Eine andere Möglichkeit wäre, dass die beiden Figuren zwei unterschiedliche Tageszeiten andeuten sollen, beispielsweise die Zeit vor und nach dem Mittag.

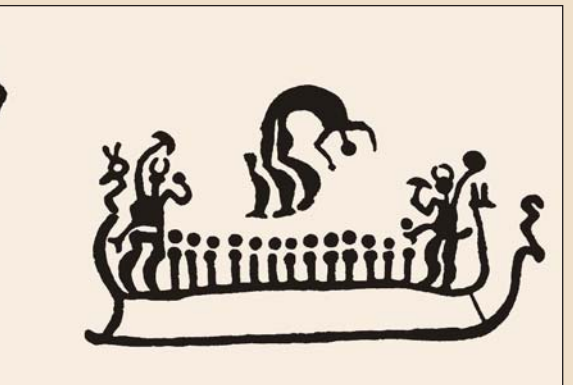
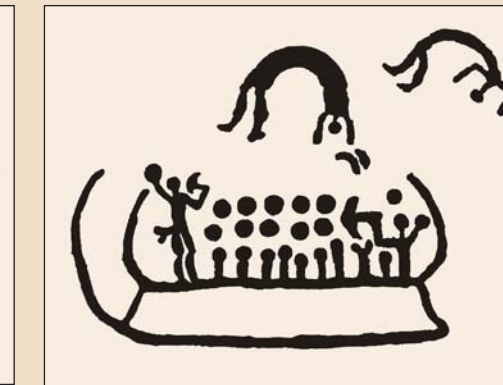
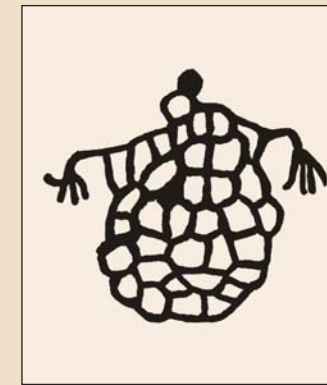
Es gab natürlich noch andere göttliche Helfer der Sonne als die hier erwähnten, und nicht alle bewegten sich. Das mögliche Vorhandensein einer Gottheit der Unterwelt sollte diskutiert werden. Auf einer Reihe von Felsbildern, vor allem in Bohuslän, Schweden, gibt es eine netzförmige Figur, oft mit menschlichen Zügen (Kaul 2005). Die Bedeutung eines Netzes besteht darin, etwas zu fangen und aufzuhalten. In den Fällen, wo die Netzfigur stark anthropogene Merkmale aufweist, ähnelt sie einer Art Monster (Abb. 4). Ein solcher Gott mit einem Netz könnte als böse chaotische Macht angesehen werden, die die Fähigkeit hat, die Sonne auf ihrem gefährlichen Weg durch die Unterwelt aufzuhalten. Durch Kulthandlungen mögen die Menschen versucht haben, zu verhindern, dass die Sonne von solchen chaotischen Mächten aufgehalten wurde, so dass sie jeden Morgen aufgehen konnte.

Bildliche Darstellungen, die die Glaubensvorstellungen von einer Reise der Sonne wiedergeben, sind nicht auf die nordische Bronzezeit beschränkt. Auf der Himmelscheibe von Nebra, Sachsen-Anhalt, Deutschland, ist bereits für das 16. vorchristliche Jahrhundert ein Schiff in Verbindung mit den Himmelsbewegungen dargestellt (Meller 2004-II). In der Spätbronze- und der frühen Eisenzeit ist das Sonnenschiff offenbar das wichtigste Bildmotiv in großen Teilen Europas gewesen. Der Wasservogel wird zu einem gesamteuropäischen Symbol in Verbindung mit der Sonnenreise und diente zudem als Steven der Vogel-Sonnenbarke (Kossack 1954-II; Kossack 1999).

Kulthandlungen

Das Schiff ist das wichtigste Motiv auf den Bronzegegenständen. Als Symbol für Bewegung, und vielleicht bemannt mit den Seelen der Verstorbenen, mag es nach bronzezeitlichen Vorstellungen auf irgendeine geheimnisvolle Weise dafür sorgen, dass die Bewegung der Sonne niemals aufhört, weil das ja das Ende der Welt bedeuten würde. Falls die Sonne auf ihrem Weg durch die Unterwelt angehalten würde, würden ewige Dunkelheit

ного мира, то на земле воцарилась бы вечная тьма, а вместо света и жизни — смерть. Образ корабля встречается и в наскальной живописи, где он занимает важное место. Во многих случаях его можно отнести к символам, связанным с перемещением солнца, тем более что на наскальных рисунках обнаруживаются и другие мотивы потустороннего мира, в числе которых, например, солнечные лошади. Вместе с тем часть сложных наскальных изображений можно интерпретировать и как воспроизведение ритуалов этого мира, которые нередко проводились на кораблях, выполнявших в таком случае функцию плавучего храма и превращавшихся тем самым в священное место. Через подобные ритуальные действия люди пытались установить своеобразный контроль за перемещением солнца, дабы воспрепятствовать наступлению тьмы и хаоса.

Таким образом, корабль имел важное значение не только как образ, связанный с потусторонним миром, как об этом можно судить в первую очередь по мифологическим изображениям на бронзовых предметах. Хорошо известны и другие сферы бытования этого образа в северном бронзовом веке. Например, наскальные изображения дают представление об активных элементах культа, о ритуалах и тех предметах, которые использовались при их отправлении — лурах (см. ниже) и топорах. Нередко здесь встречаются и корабли. Особенно много таких изображений сохранилось на западе Швеции, в Бохуслене.

На скале под Сотеторпом, в районе Танума, Бохуслен, можно увидеть прекрасные рисунки с изображением ритуалов на кораблях (Kaul 1998; Kaul 2007). На одном из кораблей нарисованы две фигуры с ритуальными топорами (ил. 5, 1). Одна рука держит топор, другая рука заканчивается диском, который можно интерпретировать как символ солнца. У левой фигуры обозначен меч в ножнах. Остальные члены корабельной команды условно переданы штрихами. Одна из этих условных фигур имеет в верхней части раздвоение, нечто вроде двузубой вилки. Этот вилокобразный элемент можно интерпретировать как изображение рогатого шлема. Непосредственно над кораблем различимы две или три фигуры, которые выглядят так, будто они кувиркаются в воздухе.

Похожая сцена встречается еще на одном рисунке из Сотеторпа (ил. 5, 2). Здесь также изображен корабль, имеющий характерную для эпохи поздней бронзы форму: загнутый вверх киль у носа корабля и короткий, почти горизонтальный у кормы. В данном случае нос и корма украшены стилизованными лошадиными головами, передний конец киля также оформлен в виде лошадиной головы. У одной из лошадей шея волнистая, у лошади на переднем конце киля —

und Tod Licht und Leben ersetzen. Auch auf den Felsbildern ist das Schiff das wichtigste Element. Häufig kann es als Symbol für die Reise der Sonne angesehen werden, zumal unter den Felsbildern auch andere Motive einer jenseitigen Welt, zum Beispiel Sonnenpferde zu erkennen sind. Aber ein Teil der zusammengesetzten Felsbilder kann auch als Beschreibungen von Ritualen der diesseitigen Welt interpretiert werden, die häufig auf Schiffen stattfanden, wobei das Schiff die Funktion eines schwimmenden Tempels und heiligen Platzes einnahm. Mit Hilfe von Ritualen versuchten die Menschen, die Reise der Sonne zu überwachen und so Chaos und Dunkelheit zu vermeiden.

So kam dem Schiff also nicht nur eine wichtige Bedeutung in den jenseitsbezogenen Elementen der Religion zu, der uns vor allem durch die mythologischen Darstellungen auf Bronzegegenständen überliefert ist. Auch andere Bereiche der Religions-

Ил. 4. Божество-хаос, пытающееся удержать солнце, так называемое сетчатое чудовище. Наскальный рисунок в Бохуслене, Швеция (графическое воспроизведение Ф. Кауля и Музея наскальных рисунков, Танум, Ундерслёс)

Abb. 4. Eine die Sonne aufhaltende Chaos-Gottheit? So genanntes Netzmonster. Felsbild von Trättelanda, Bohuslän, Schweden (Grafik: F. Kaul und Tanum Hällristningsmuseum, Underslöv)

Ил. 5. Ритуальные действия на кораблях. Наскальные рисунки близ Сотеторпа, Бохуслен, Швеция (рисунки Ф. Кауля и Г. Мильстрой)

Abb. 5. Kulthandlungen auf Schiffen. Felsbilder von Sotetorp, Bohuslän, Schweden (Grafik: F. Kaul und G. Milstreu)

ausübung sind aus der nordischen Bronzezeit gut bekannt. Die aktiven Teile des Kultes, die Rituale, sind auf den Felsbildern dokumentiert, auf denen die dabei verwendeten Gegenstände, etwa Luren (s. u.) und Äxte, in ihrer Verwendung gezeigt werden, sehr häufig auch auf Schiffen. Besonders in der westschwedischen Region Bohuslän sind viele solcher Bilder erhalten.

Auf einem Felsen bei Sotetorp, Gem. Tanum in Bohuslän sind hervorragende Darstellungen von Ritualen auf Schiffen eingritzelt (Kaul 1998; Kaul 2007). Auf dem einen Schiff befinden sich zwei Träger von Kultäxten (Abb. 5, 1). Sie halten die Äxte mit der einen Hand, während die andere Hand oder der Arm in einer Scheibe endet. Bei solchen Darstellungen kann diese Scheibe als Sonnenbild oder -symbol gedeutet werden. Die Figur links trägt ein Schwert in der Scheide, das nach hinten herausragt. Die restliche Schiffsbesatzung ist durch Striche wiedergegeben. Eine dieser Strichfiguren ist oben gabelförmig gespalten. Das könnte die Darstellung eines Hörnerhelms sein. Direkt über dem Schiff sind zwei oder drei Figuren zu erkennen die aussehen, als würden sie über dem Schiff Saltos schlagen

Eine vergleichbare Szene findet sich auf einer weiteren Schiffsdarstellung von Sotetorp (Abb. 5, 2). Wieder handelt es

волнистая морда, заканчивающаяся спиралью. Все это соответствует типичным чертам так называемого волнистого стиля пятого периода северного бронзового века (900–700 годы до н. э.), известного по многим датированным бронзовым памятникам. На корабле изображены две фигуры, у каждой из которых в одной руке — культовый топор, вторая рука заканчивается диском — его также можно интерпретировать как символ солнца. У обеих фигур имеется меч в ножнах, на голове — рогатый шлем или головной убор с рогами. Правая фигура — итифаллическая. Остальные члены экипажа, как и в предыдущем случае, обозначены штрихами с точками, маркирующими голову. Над кораблем мы видим одну или две фигуры, которые как будто выполняют кувырок назад. Возможно, здесь изображены акробаты-танцовщики.

Это не единственное изображение акробатов. Подобные фигуры в характерной позе обнаруживаются на многих наскальных рисунках в Бохуслене, их можно встретить и на рисунках в Далсланде, соседнем шведском регионе, и в Оестфольде в Норвегии, расположенном к северу от Бохуслена. Большинство из этих акробатов, в том числе и тот, что изображен на рисунке в Сотеторпе, не имеют ясно выраженных половых признаков. Вполне вероятно, однако, что речь в данном случае идет о женщинах. Основанием для такого предположения могут служить находки, обнаруженные в датском Гревенсвенге (Kaul 1998; Kaul 2004-IV; Kaul 2007). Здесь в конце XVIII века в болоте нашли несколько фигурок. Первоначально их было шесть, из них три — изображения женщин-акробатов, две — мужчин с культовыми топорами и рогатыми шлемами, шестая — фигурка стоящей женщины. К сожалению, до настоящего времени сохранилась лишь одна женская фигурка и фрагмент мужской фигуры, представленные ныне в собрании копенгагенского Национального музея (ил. 6).

Многие ценные археологические находки числятся сейчас пропавшими без вести или были уничтожены в ходе войн. Это относится к значительной части находок из Гревенсвенге, которые пострадали еще в XIX веке. Во время наполеоновской войны датский флот представлял потенциальную опасность для Англии, хотя Дания официально заявила о своем нейтралитете (Randsborg 2009. P. 88, 138–141). В августе 1807 года армия под предводительством генерала Артура Уэлсли, получившего впоследствии титул герцога Веллингтона, высадилась при поддержке английского флота на острове Зееланд. Датчане отказались сдать свой флот и в результате 2 и 5 сентября Копенгаген подвергся бомбардировке. Атака Копенгагена (так называемая Вторая битва за Копенгаген) была, по существу, террористической акцией против гражданского населения с целью захвата датского флота. Для англичан копенгагенское сражение стало важной военной победой, поскольку это дало возможность включить значительную часть датских кораблей в состав британского флота. В честь этого события конь Веллингтона, который был при герцоге во время битвы под Ватерлоо, получил кличку Копенгаген. Для населения Дании копенгагенское сражение имело катастрофические последствия: 2000 погибших, 30% зданий разрушено, в том числе кафедральный собор. Среди разрушенных зданий оказался и один из домов на улице Кристалгаде, где находилось частное собрание древностей, включавшее в себя фигурки из Гревенсвенге (Djupedal, Broholm 1952. P. 54).

Благодаря большому количеству рисунков можно представить себе, как выглядели пропавшие фигурки, однако не меньшее значение имеет и анализ того, что сохранилось.

сich um ein Schiff der für die Spätbronzezeit üblichen Form mit einem hoch gezogenen, hervorragenden Kielende vorne und einem kurzen, fast horizontalen Kielende hinten. In diesem Fall laufen Bug und Heck in stilisierten Pferdeköpfen aus und auch das vorne herausragende Kielstück endet in einem Pferdekopf. Einer der Pferdehälse ist gewellt und der Pferdekopf am Kielende besitzt eine gewellte Schnauze, die in einer Spirale ausläuft. Das entspricht dem typischen Wellenstil der Periode V der Nordischen Bronzezeit (900–700 v. Chr.), wie man ihn von vielen gut datierbaren Bronzeobjekten kennt. Zwei Figuren auf dem Schiff tragen Kultäxte in einer Hand, während der andere Arm in einer Scheibe endet, die wohl auch als Sonnenbild interpretiert werden kann. Beide Figuren tragen Schwerter in Scheiden und haben Hörnerhelme oder einen gehörnten Kopfschmuck. Die rechte Figur ist ityphallisch. Die übrige Schiffsbesatzung ist wieder

Ил. 6. Сохранившиеся фигурки из Гревенсвенге, Южный Зееланд, Дания: 1 — голова мужчины в рогатом шлеме; 2 — танцовщица-акробатка. Ок. 800 до н. э. (фото И. Урсем, Национальный музей, Копенгаген)
Abb. 6. Die erhaltenen Figuren von Grevensvænge, Südseeland, Dänemark. 1 — Kopf eines Hörnerhelmtägers; 2 — Akrobatische Tänzerin. Um 800 v. Chr. (Foto: Ira Ursem, Nationalmuseum Kopenhagen)

durch Striche mit Punkten als Köpfen dargestellt. Direkt über dem Schiff befinden sich eine oder zwei Personen. Es sieht aus, als würden sie rückwärtige Salti über dem Schiff schlagen. Man könnte sie als akrobatische Tänzer interpretieren.

Nicht nur hier sind Akrobaten dargestellt. Auf vielen Felsbildern aus Bohuslän, aber auch aus Dalsland, der benachbarten schwedischen Region, und aus Østfold in Norwegen, direkt nördlich von Bohuslän, sind Figuren in dieser charakteristischen Haltung zu sehen. Die meisten dieser Tänzer, darunter auch die von Sotetorp, zeigen keine deutlichen Geschlechtsmerkmale. Es ist aber sehr wahrscheinlich, dass es sich um Frauen handelt. In diesem Zusammenhang liefert der Fund von Grevensvænge, Südseeland, Dänemark, wichtige Hinweise (Kaul 1998; Kaul 2004-IV; Kaul 2007). Hier wurde gegen Ende des 18. Jahrhunderts in einem Sumpf eine Gruppe von Figuren gefunden. Ursprünglich waren es sechs, darunter drei weibliche Akrobaten, eine stehende Frau und zwei männliche Kultaxttäger mit Hörnerhelmen. Leider ist nur eine der beiden weiblichen und ein Teil einer männlichen Figur erhalten, die heute im Nationalmuseum von Kopenhagen besichtigt werden können (Abb. 6).

Viele bedeutende archäologische Funde sind verschollen oder wurden durch Kriegereignisse zerstört. Das gilt auch für große Teile des Fundes von Grevensvænge, wobei dieser schon im 19. Jahrhundert zugrunde ging. Während der napoleonischen Kriege stellte die dänische Flotte eine potentielle Gefahr für England dar, obwohl Dänemark seine Neutralität erklärt hat-

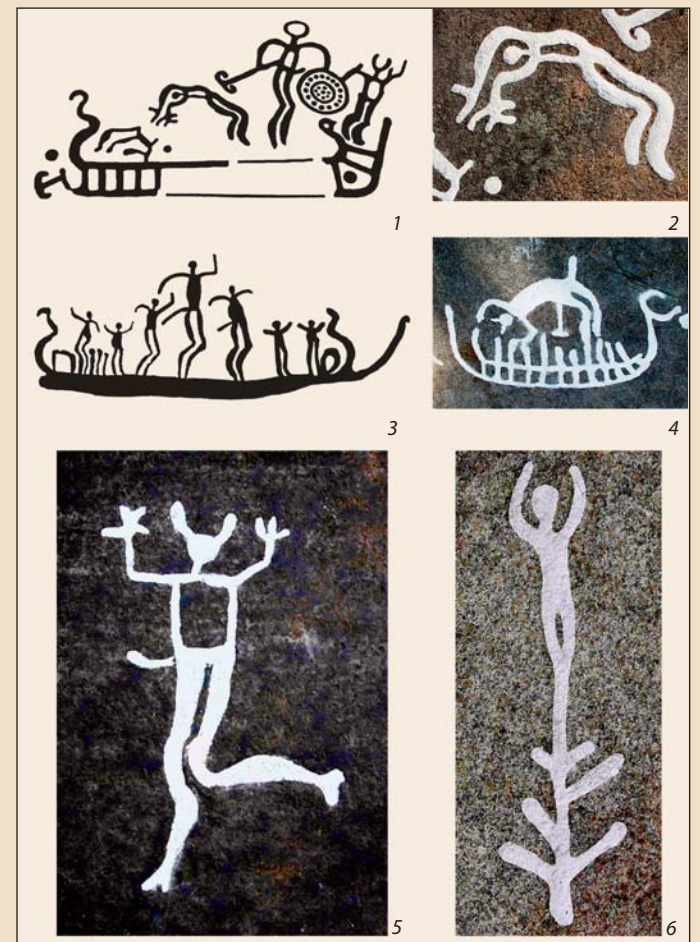
Находки из Гревенсвенге показывают, что акробаты, делающие сальто, как это представлено и на наскальном рисунке в Сотеторпе, относятся к женскому полу. Сохранившаяся фигурка в отличие от наскального рисунка дает представление о некоторых деталях одежды. Акробатка одета только в юбку на тесемке, на шее — цепочка (ил. 6, 2). Аналогичная юбка сохранилась в гробу из ствола дуба, найденном в Эгтведе в Дании.

Фигурки из Гревенсвенге не были просто отдельными «игрушками-куколками». Судя по креплениям на сохранившейся фигурке, они, вероятно, фиксировались на некоей основе. Можно предположить, что они размещались на модели корабля, которая, вероятно, была сделана из дерева (Kaul 1998; Kaul 2004-IV; Kaul 2007).

Состав этой фигуративной группы, представленной тремя акробатами и двумя фигурами с культовыми топорами, в сочетании с кораблем позволяет связать находки из Гревенсвенге с наскальным рисунком в Сотеторпе. Очевидно, ритуальные действия в эпоху северного бронзового века следовали одному установленному порядку, который в сходных формах существовал на значительном пространстве, — ведь расстояние между Южным Зееландом и Бохусленом составляет 500 км. Большое значение имеет также то обстоятельство, что исследуемые источники включают в себя как материальные предметы (например, культовые топоры и рогатые шлемы), так и их изображения, по которым можно судить об их использовании. Это позволяет составить более полное представление о ритуалах эпохи бронзы. Предметы культа в сочетании с наскальными рисунками показывают, что нередко местом отправления ритуала мог служить корабль, при этом фигурки из Гревенсвенге и других мест свидетельствуют о том, что такого рода ритуальные действия в других случаях могли проводиться при использовании миниатюрных моделей, когда реальное ритуальное действие соотносилось с виртуальным, представленным в столь же реальной миниатюре (Kaul 1998).

Ритуальный танец

Помимо наскального рисунка в Сотеторпе и фигурок из Гревенсвенге имеется немало других изображений ритуальных сцен, в которых участвуют персонажи с культовыми топорами и рогатыми шлемами (ил. 6, 1), а также женщины-танцовщицы. Особенно показательна в этом смысле шведская наскальная живопись, которая дает богатый материал, позволяющий судить о культах и ритуалах эпохи поздней бронзы. Этот материал включает в себя различные сцены с элементами танца, сопоставительный анализ которых может дополнить общую картину. На одном из наскальных рисунков, обнаруженных в Хеде (район Квилле, Бохуслен), мы видим акробатов, танцующих на корабле, задний штевень которого оформлен в виде лошадиной головы, тогда как носовая часть — в виде головы птицы (Coles 2005; Kaul 2007). Судя по волнистой форме лошадиной головы, изображение относится к 900–700 годам до н. э. Акробаты здесь прыгают не над кораблем, а на корабле. Справа от акробатов находятся двое мужчин, которые исполняют танец со щитом. У левого танцовщика мы видим меч в ножнах, торчащий у него из-за спины; у правой фигуры, находящейся на носу корабля, на голове рогатый шлем или головной убор с рогами (ил. 7, 1, 2). Несмотря на то, что щит как таковой относится к категории оборонительного оружия, щиты, изображенные на наскальных рисунках, не использовались в бою. Они относились к парадному снаряжению, которое применялось скорее для культовых целей, а не в практиче-

Ил. 7. Фигуры танцующих людей, наскальная живопись, Бохуслен: 1–2 — Хеде; 3 — Треттеланд; 4 — Лёвасен; 5 — Смёрстен; 6 — Балкен (фото и графическое воспроизведение Ф. Кауля и Музея наскальных рисунков, Танум, Ундерслёс)
Abb. 7. Darstellungen von Tänzern auf Felsbildern in Bohuslän. 1–2 — Hede, 3 — Trätteländ, 4 — Lövasen, 5 — Smørsten, 6 — Balken (Foto und Grafik: F. Kaul und Tanum Hällristningsmuseum, Underslö)

te (Randsborg 2009. P. 88f.; 138–141). Eine Armee unter Führung von General Arthur Wellesley, dem späteren 1. Herzog von Wellington, landete mit Unterstützung der britischen Flotte im August 1807 in Seeland. Die Dänen weigerten sich, ihre Flotte herauszugeben, so dass am 2. und 5. September Kopenhagen durch Schwarzpulverraketen angegriffen wurde. Die Bombardierung von Kopenhagen (oder die 2. Schlacht von Kopenhagen) war eine Terroraktion gegen die Zivilbevölkerung, um an die dänische Flotte zu kommen. Für die Engländer war diese Schlacht ein wichtiger militärischer Erfolg, denn die meisten dänischen Schiffe wurden der britischen Flotte angegliedert. Zu Ehren dieses Sieges wurde Wellingtons Pferd, das er bei der Schlacht von Waterloo ritt, Kopenhagen genannt. Für die dänische Bevölkerung war dieser Angriff dagegen katastrophal. 2000 Menschen kamen ums Leben, 30% der Gebäude, darunter die Kathedrale, wurden zerstört. Unter den vernichteten Häusern war auch ein Gebäude in der Krystalgade, das eine private Antikensammlung enthielt, darunter auch die Figuren von Grevensvænge (Djupedal, Broholm 1952. P. 54).

Dank einer größeren Zahl von Skizzen ist das Aussehen der verlorenen Figuren überliefert (Djupedal, Broholm 1953), und natürlich ist die Auswertung der noch erhaltenen Teile wichtig. Der Grevensvænge-Fund zeigt, dass Salto schlagende Akroba-

ской жизни. Такого рода щиты настолько тонкие, — как это видно на примере шестнадцати щитов из Фрелунды (Вестергетланд, Швеция), — что они в принципе не могли никогда защитить в ситуации поединка (Hagberg 1996).

На одном из наскальных рисунков в Треттеланде (район Танума, Бохуслен) изображен танец на корабле (ил. 7, 3). Судя по позам танцующих, они пребывают в прекрасном расположении духа, во всяком случае, их вид не говорит об обратном. Две фигуры полусферической формы, расположенные на носу и корме, являются, вероятно, акробатами. В некоторых случаях салто исполняют мужчины, как это видно на примере рисунка в Лёвосене (район Танума, Бохуслен), на котором изображен танец с возбужденным фаллосом, с мечом в ножнах и рогатым шлемом на голове, что, надо полагать, не облегчало его задачу (ил. 7, 4). На рисунках можно увидеть самые разные танцевальные позы. Так, танцовщик с рогатым шлемом на голове (рисунок в Смёртсене исполняет, похоже, фигуры, напоминающие традиционный баварский танец, который сопровождается притоптыванием и хлопотыванием себя по голенищам сапог (ил. 7, 5). Есть даже один рисунок, на котором изображена, вероятно, женщина, танцующая на верхушке дерева (ил. 7, 6). Деревья рисовались иногда на кораблях, как можно судить по рисунку в Лёкеберге (Бохуслен, Швеция; Kaul 2004-III).

Бронзовые луры

На рисунках встречаются также музыканты, играющие на лурах — крупных духовых инструментах северного бронзового века. Чаще всего луры изображаются в стилизованном виде, когда линия штрихов, обозначающих команду корабля, завершается дугообразным изгибом. Луры представлены на рисунках в ритуальном контексте, главным образом на кораблях, при этом всегда в сочетании с двумя музыкантами. Парное использование данного инструмента подкрепляется данными раскопок, особенно тех, которые хорошо документированы: как правило, луры встречаются попарно. На наскальном рисунке в Треттеланде, Бохуслен, изображена такая пара музыкантов, находящихся на корабле (ил. 8, 1), а на рисунке в Рюке, Бохуслен, изображены два корабля, на каждом из которых мы видим по четыре музыканта (ил. 8, 2). В качестве еще одного примера можно привести рисунок в Каллебу, Бохуслен, на котором фигуры музыкантов, играющих на лурах, изображены более детально (ил. 8, 3; Milstreu, Prøhl 2009).

Большинство культовых предметов, изображенных на рисунках, соответствует реальным находкам, обнаруженным в ходе раскопок. Это относится к рогатым шлемам, щитам и культовым топорам, но в первую очередь — к лурам. К настоящему моменту известно более шестидесяти образцов данного музыкального инструмента: тридцать девять из Дании, тринадцать из Швеции, четыре из Норвегии, пять из Северной Германии и один из Литвы (Lysdahl u. a. 1990; Jensen 2002. S. 456ff.). Лишь в 1972 году были обнаружены фрагменты луры в Фодгдарпе (Шонен, Швеция), а в 1988-м — в Улкверре (Вендуссел, север Ютландии, Дания) была найдена почти целая пара луров. Кроме того, ценный материал дали раскопки 1986 года на поселении эпохи поздней бронзы в Киркебьергете (Вольдтофте, Южный Фюн, Дания), где были выявлены многочисленные фрагменты литейных форм для отливки луров. Найденные здесь глиняные кожухи и глиняные стержни позволяют понять, как проходила отливка (Thrane 1993). Распространение этих инструментов приходится главным образом на пятый период северного бронзового века (900–700 гг. до н. э.). Богатое поселение Кир-

тен, wie in Sotetorp dargestellt, weiblich waren. Die Figur gibt im Unterschied zu den Felsbildern auch Hinweise auf die Bekleidung. Sie trägt nur einen Schnurrock und eine Halskette (Abb. 6, 2). Ein solcher Schnurrock hat sich auch im Original in einem Eichenstammesarg aus Egtved in Dänemark erhalten.

Die Grevensvænge-Figuren waren keine „Einzelpuppen“, sondern müssen, wie die an ihnen angebrachten Halterungen zeigen, einstmals auf einer Basis fixiert gewesen sein. Vermutlich befanden sie sich auf einem Modellschiffchen, das eventuell aus Holz bestanden hat (Kaul 1998; Kaul 2004-IV; Kaul 2007).

Die Kombination von handelnden Figuren, drei Akrobaten und zwei Kultxträgern, in Verbindung mit einem Schiff, erlaubt es, den Grevensvænge-Fund mit dem Felsbild von Sotetorp zu verbinden. Offenbar liefen die Kulthandlungen in der Nordischen Bronzezeit in einer festgeschriebenen zusammenhängenden Ordnung ab, die über größere Entfernungen — 500 km zwischen Südseeland und Bohuslän — ähnlich war. Es ist darüber hinaus von großer Bedeutung, dass das Quellenmaterial sowohl tatsächliche Objekte (z. B. Kultäxte und Hörnerhelme) (Thrane 1975; Kaul 2010b) als auch Darstellungen ihrer Verwendung, und zwar sowohl bei Figuren als auch bei Felsbildern umfasst. Dadurch können wir mehrere „Dimensionen“ der bronzezeitlichen Kulthandlungen erkennen. Die Kultgegenstände zeigen im Zusammenhang mit den Felsdarstellungen, dass, oft auch auf Schiffen, Rituale vollzogen und Prozessionen abgehalten wurden, während die Figuren von Grevensvænge und anderen Orten zusätzlich belegen, dass diese Handlungen zu anderen Gelegenheiten mit Miniaturmodellen nachgeahmt oder durchgeführt wurden — ein reales Ritualgeschehen in Lebensgröße und ein virtuelles, ebenso reales in Miniaturform (Kaul 1998).

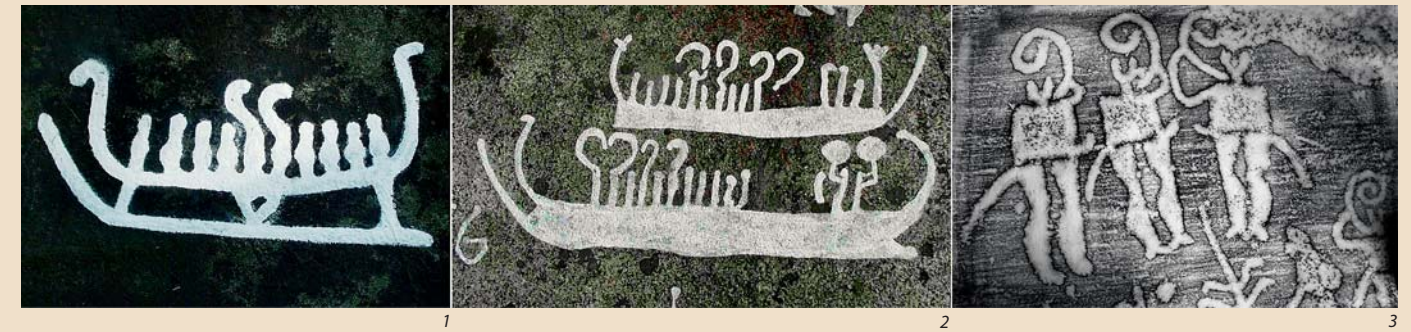
Ritueller Tanz

Ausgehend von dem Sotetorp-Felsbild und den Grevensvænge-Figuren kann man noch mehr rituelle Szenen finden, die Axtträger und Männer mit Hörnerhelmen (Abb. 6, 1) sowie weibliche Kulttänzerinnen zeigen. Vor allem die schwedischen Felszeichnungen führen uns in diese reiche kultische Welt der Spätbronzezeit ein, über die sich weitere Tanzszenen und Prozessionen analysieren lassen, die unser Bild ergänzen. Auf einem Felsbild von Hede, Gem. Kville, Bohuslän, tanzen Akrobaten auf einem Schiff, dessen hinterer Steven wie ein Pferdekopf geformt ist und dessen Bug die Form eines Vogelkopfes hat (Coles 2005; Kaul 2007). Die Wellenform des Pferdekopfes spricht für eine Datierung um 900–700 v. Chr. In diesem Bild springen die Akrobaten nicht über das Schiff, sondern stehen mehr oder weniger darauf. Rechts der Akrobaten befinden sich zwei Männer, die einen Schildtanz aufführen. Der linke, der im Schiffsrumpf steht, hat ein Schwert in der Scheide, das hinter seinem Rücken herausragt, während der rechte, der offenbar auf den Bug gesprungen ist, einen Hörnerhelm oder einen Kopfschmuck mit Hörnern trägt (Abb. 7, 1, 2). Auch wenn ein Schild als Waffe – Schutzwaffe — dient, wurden die auf den Felsbildern dargestellten Schilde nicht im Kampf verwendet. Sie gehören zu einer Art Paraderüstung, die mehr im Kult und nicht in der Praxis Verwendung fand. Derartige Schilde aus Bronze sind im übrigen so dünn — etwa die 16 Schilde von Fröslunda, Västergötland, Schweden —, dass sie im Kampf niemals Schutz gegen Angriffswaffen geboten hätten (Hagberg 1996).

Auf einem Fels von Trättelanda, Gem. Tanum, Bohuslän, wird auf einem Schiff getanzt (Abb. 7, 3). In der Haltung der Tänzer drückt sich vielleicht sogar Freude aus, zumindest erkennt man beim Betrachten keine schlechte Stimmung. Die beiden halbkreisförmigen Gestalten an den Bootsenden könnten Akroba-

кебьергет, к которому относился и дом с белыми фресками, считается местом, где жили представители знатного рода, правившего на этой части острова Фюн (Thrane 1979; Thrane 1993. P. 31). Неудивительно поэтому, что именно здесь изготавливались такие особенные предметы, как луры.

Луры имели хождение на протяжении шести веков. Самые древние образцы относятся к третьему периоду северного бронзового века, самые поздние к пятому или шестому периоду. Имеющийся материал позволяет выявить хронологию развития типологических черт луры. Древнейшие инструменты еще напоминают рога животных с очень узким раструбом, который больше походит на воротник, чем на тарелкообразную пластину. К этой группе относятся луры из Фрарпа и Гуллорки (Южная Швеция), а также луры из Рёллэкке (Лангеланд, Дания; Broholm u. a. 1949. P. 58ff.).

У этих образцов имеется общий прототип, представленный, например, рогом из Висмара (Мекленбург-Форпоммерн, Германия). Его раструб сделан из натурального рога и местами украшен бронзовыми накладками. Кроме того, здесь имеется рисунок корабля, техника исполнения которого позволяет считать, что он был изготовлен скорее всего в третьем периоде (Kaul 1998. P. 87), во всяком случае, не ранее середины второго периода, то есть около 1400 года до н. э. Вероятно, именно такой «протолур» изображен на одном из камней, обнаруженных в кивикском погребении (Шонен, Швеция; Randsborg 1993). Раструбы духовых рогов из Северной Германии также, вероятно, восходят к «протолурам» (Schmidt 2001).

Последняя фаза развития данного вида музыкальных инструментов может быть проиллюстрирована такими образцами, как шесть луров из Брудевелте (Северный Зееланд) или пара луров из Теллерупа, Фюн, Дания (ил. 9, 1). Эти инструменты значительно больше, конический ствол изогнут в форме буквы S, раструб орнаментирован узором из концентрических кругов. У луры из Теллерупа (Broholm u. a. 1949. P. 23; Thrane 1993. P. 34–37) по краю раструба идет полоса с узором в виде небольших треугольников, что напоминает изображение солнца, окаймленного лучами (ил. 9, 2).

Большие круглые пластины, орнаментированные узором из концентрических кругов, явно отсылают к мотиву почитания солнца. Поверхность диска насыщена разнообразными символами, связанными с образом солнца (Thrane 1993. P. 47), так что возникает искушение рассматривать всю эту тарелкообразную пластину как символ светила. Тогда получалось бы, что гулкий звук, слышимый на большом пространстве, исходит из недр образа солнца. Быть может, ритуалы, включавшие в себя игру на лурах, имели отношение к перемещению странствующего солнца: такая музыка сопровождала его движение, помогая ему и одновременно поддерживая космический порядок. Не исключено, что люди в определенный день года пытались помочь солнцу не сбить-

tentänzer sein. Manchmal führen auch Männer Salti durch, etwa auf einem Felsbild in Lövåsen, Gem. Tanum, Bohuslän, wobei dem Ausführenden der erigierte Phallus, das Schwert in seiner Scheide und der Hörnerhelm das Tanzen nicht leichter gemacht haben dürften (Abb. 7, 4). Es gibt ganz unterschiedliche Tanzhaltungen, so scheint ein Mann aus Smørsten mit Hörnerhelm so etwas wie einen Schuhplattler aufzuführen (Abb. 7, 5). Es gibt sogar eine Darstellung, wo vermutlich eine Frau auf der Spitze eines Baumes tanzt (Abb. 7, 6). Die Darstellung von Bäumen auf Schiffen findet sich auf einem Felsbild von Lökeberg, Bohuslän, Schweden (Kaul 2004-III).

Die Bronzeluren

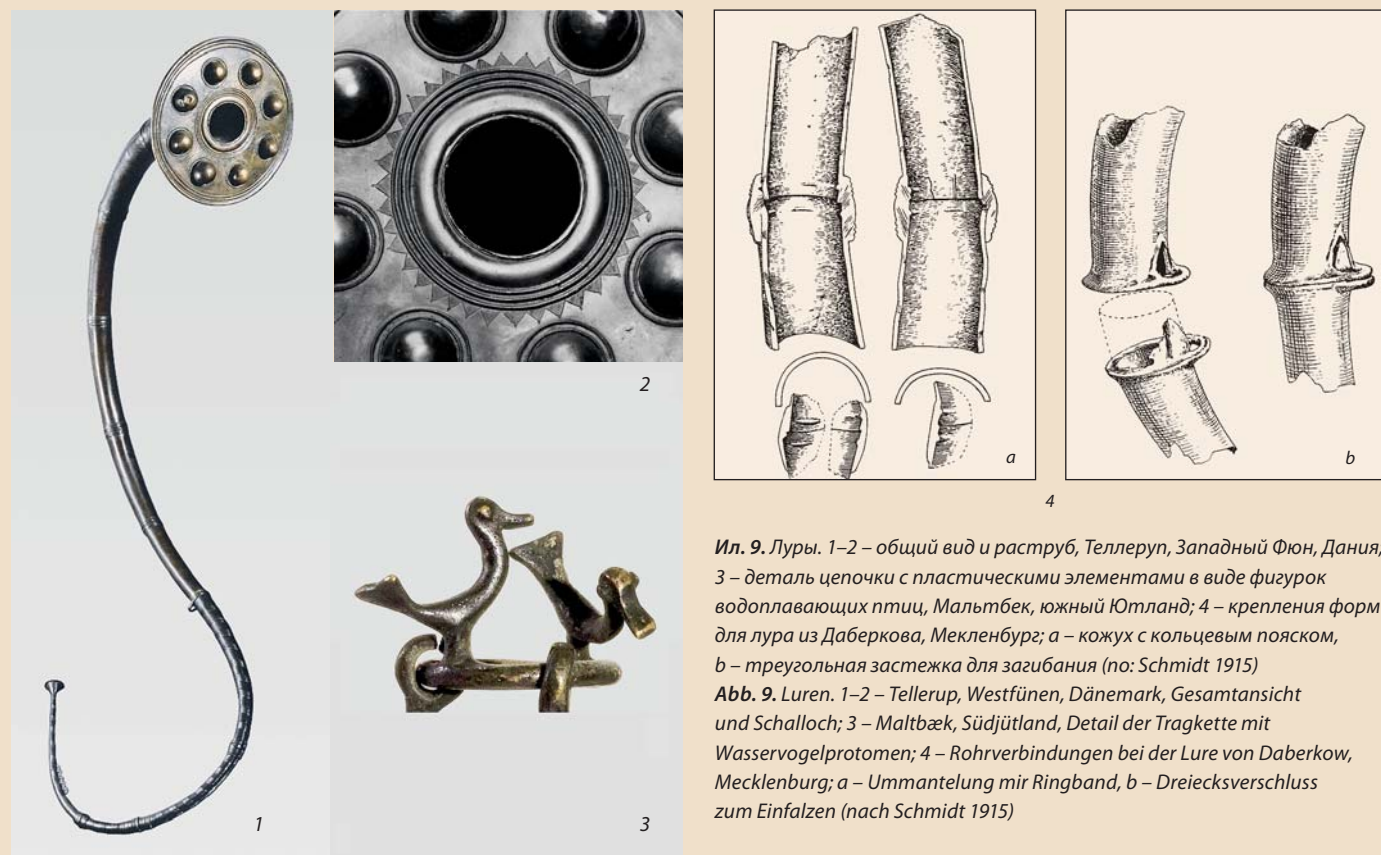
Auf den Felsbildern sind auch Spieler von Luren, den mächtigen Blasinstrumenten der Nordischen Bronzezeit, dargestellt. Zu-

Ил. 8. Изображение музыкантов, играющих на лурах, — наскальная живопись, Бохуслен: 1 — Треттеланд; 2 — Рюк, Танум; 3 — Танум (фото 1, 2 — Ф. Кауль; оттиск 3 — И.-М. Петерсен в сотрудничестве с Музеем наскальных рисунков, Танум, Ундерслёс)

Abb. 8. Darstellungen von Lurenbläsern auf Felsbildern in Bohuslän. 1 — Trättelanda, 2 — Ryk, 3 — Tanum (1–2 Foto: F. Kaul, 3 Abklatsch: I.-M. Petersen, jeweils in Zusammenarbeit mit dem Tanum Hällristningsmuseum)

meist werden die Luren stark stilisiert wiedergegeben, indem die Striche, die die Schiffsbesatzungen darstellen, in einem Haken auslaufen. Die Luren werden in ihrer rituellen Verwendung abgebildet, nämlich auf Schiffen und jeweils mit einem Paar von Bläsern. Das entspricht ihrer Fundsituation, wo sie — wenn die Fundumstände gut dokumentiert sind — immer paarweise auftreten. Auf einem Felsbild von Trättelanda, Bohuslän (Abb. 8, 1) ist ein solches Paar von Lurenbläsern auf einem Schiff dargestellt, und auf einem weiteren von Ryk, Bohuslän, sind zwei Schiffe abgebildet, die jeweils vier Lurenbläser tragen (Abb. 8, 2). Ein Felsbild von Kalleby, Bohuslän, zeigt eine noch detailliertere Darstellung von Lurenspielern (Milstreu, Prøhl 2009) (Abb. 8, 3).

Die meisten auf Felsbildern dargestellten Kultgegenstände sind auch tatsächlich gefunden worden. Das betrifft die Hörnerhelme, die Schilde und die Kultäxte, besonders aber die Luren. Wir kennen inzwischen mehr als 60 Luren: 39 aus Dänemark, 13 aus Schweden, vier aus Norwegen, fünf aus Norddeutschland und eine aus Litauen (Lysdahl u. a. 1990; Jensen 2002. S. 456ff.). Erst 1972 kamen noch einige Lurenfragmente in Fodgdarp, Schonen, Schweden, ans Tageslicht, und ein fast vollständiges Lurenpaar wurde 1988 in Ulkvær, Vendyssel, Nordjütland, Dänemark, gefunden (Larsson 1975; Lysdahl u. a. 1990). Außerdem haben Ausgrabungen, die 1986 in der spätbronzezeitlichen Siedlung von Kirkebjerg, Voldtofte, Südfünen, Dänemark, durchgeführt wurden, zahlreiche Fragmente von Tongussformen für Luren erbracht. Es wurden sowohl Ummantelungen als auch Tonkerne gefunden, die einen guten Einblick in den Guss

Ил. 9. Луры. 1–2 – общий вид и раструб, Теллеруп, Западный Фюн, Дания; 3 – деталь цепочки с пластическими элементами в виде фигурок водоплавающих птиц, Мальтбек, южный Ютланд; 4 – крепления форм для луры из Даберкова, Мекленбург; а – кожух с кольцевым пояском, б – треугольная застежка для загибания (по: Schmidt 1915)

Abb. 9. Luren. 1–2 – Tellerup, Westfünen, Dänemark, Gesamtansicht und Schalloch; 3 – Maltbæk, Südjütland, Detail der Tragkette mit Wasservogelprotomen; 4 – Rohrverbindungen bei der Lure von Daberkow, Mecklenburg; а – Ummantelung mir Ringband, b – Dreiecksverschluss zum Einfalzen (nach Schmidt 1915)

ся с пути в подземном мире, где оно оказывалось перед самым восходом. Или они хотели таким образом помочь солнцу избежать встречи с «сетчатым» чудищем (см. выше). Может быть, они верили в то, что волшебная сила звука, исходящего из луры, так сказать, из уст «земного» солнца, могла достичь настоящего солнца и помочь ему взойти, дабы тьма ночи превратилась в свет дня.

У одного из луров, обнаруженных в Мальтбеке (юг Ютландии), сохранилась почти полностью цепочка из бронзовых колец. В кольца вмонтированы небольшие объемные фигуры птиц (Broholm u. a. 1949. P. 26) (ил. 9, 3). Птицы представлены здесь вполне реалистично — с глазами и широкими клювами, напоминающими утиные. Несомненно, мы имеем здесь дело с изображением водоплавающей птицы, которая являлась в эпоху поздней бронзы панъевропейским религиозным символом, связанным с мифом о странствующем солнце, каковой, в свою очередь, включал в себя мотив солнечной барки со штевнем в виде птицы.

Путешествующие луры эпохи бронзы

Конструкция луры такова, что она позволяет легко путешествовать с ней, поскольку ствол состоит из двух частей, которые могут скрепляться друг с другом самыми разными, довольно сложными способами (ил. 9, 4). Подобная конструкция едва ли была бы разработана, если бы не было необходимости сделать этот инструмент транспортабельным (Kaul 2010-I. S. 533f.).

Но о каких путешествиях могла идти речь? Быть может, люди эпохи бронзы собирались в связи с определенным культовым праздником в каком-то центральном месте данного региона или более крупной области? Когда «путешествие» луров и их миссия заканчивались, их клали в болота недалеко от того места, где они были изготовлены. Не исключено, что существовали межрегиональные места сбора,

in verlorener Form geben (Thrane 1993). Geschmiedet wurden die Instrumente während der Periode V der Nordischen Bronzezeit (900–700 v. Chr.). Die wohlhabende Siedlung von Kirkebjerg, zu der auch ein Haus mit weißer Wandbemalung gehörte, wird als Wohnsitz der Führungsschicht interpretiert, die diesen Teil von Fünen beherrschte (Thrane 1979; Thrane 1993. P. 31). Dass solche besonderen Dinge wie Luren gerade an einem solchen Ort hergestellt wurden, ist naheliegend.

Luren waren über 600 Jahre lang in Gebrauch. Die ältesten gehören noch in die Periode III der Nordischen Bronzezeit, die jüngsten in die Periode V oder VI. Eine typologisch-chronologische Abfolge ist erkennbar. Die ältesten Instrumente ähneln noch Tierhörnern mit einer sehr engen Schallöffnung, die eher einem Kragen als einer Platte gleicht. Zu dieser Gruppe gehören die Luren von Frarp und Gullårka in Südschweden sowie von Rørløkke, Langeland, Dänemark (Broholm u. a. 1949. P. 58ff.). Man kann auch einen Prototyp erkennen, etwa das Horn von Wismar, Mecklenburg-Vorpommern, Deutschland, dessen Schalltrichter aus dem Tierhorn selbst bestand, das teilweise mit Bronzebeschlägen bedeckt war. Das auf dem Horn abgebildete Schiff kann aus technischen Gründen am ehesten in die Periode III datiert werden (Kaul 1998. P. 87ff.), zumindest nicht früher als die Mitte der Periode II, um 1400 v. Chr. Eine derartige „Protolure“ mag auch auf einem der Steine aus dem Kivik-Grab aus Schonen, Schweden dargestellt sein (Randsborg 1993). Die anderen Schalltrichter von Blashörnern aus Norddeutschland dürften ebenfalls von solchen Protoluren stammen (Schmidt 2001).

Das Ende der Lurenentwicklung wird durch Instrumente wie die sechs Brudevælte Luren aus Nordseeland oder die beiden Luren von Tellerup, Fünen, Dänemark, repräsentiert (Abb. 9, 1). Diese Instrumente sind wesentlich größer, der Schaft ist S-förmig geschwungen, und der Schalltrichter wird von einer Scheibe mit konzentrischen Zirkelkreismustern umgeben. Bei den Luren von Tellerup (Broholm u. a. 1949. P. 23; Thrane 1993.

к числу которых мог принадлежать, например, Бохуслен (регион Тарума) в Западной Швеции, поскольку он занимает центральное положение не только по отношению к большинству территорий Дании, но и по отношению к Южной и западной Швеции, а также к Южной и Юго-Восточной Норвегии. Бохуслен мог, вероятно, выполнять функцию священного центра или места паломничества для прилегающих регионов, если не для большинства областей Скандинавии (Kaul 2004-I. S. 102f.; Kaul 2012). Такие праздники, на которых собирались люди из самых разных, в том числе и отдаленных областей Скандинавии, служили поддержанию и сохранению общей идеологии и общих верований, и луры наряду с другими предметами культа играли здесь, несомненно, важную роль.

Современные перемещения луров и их роль в поддержании внешнеполитических контактов

В наше время луры находятся в музеях Франции, России и Англии — далеко от тех мест, где они были обнаружены. За исключением немецких луров из Даберкова (Schmidt 1902), которые в 1945 году оказались в составе перемещенных объектов и нашли свое место в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве, все остальные луры преподносятся в качестве королевских дипломатических подарков.

Так, лурам, находящимся ныне в Музее национальных древностей в Сен-Жермен-ан-Лё под Парижем, была предназначена, вместе с другими датскими древностями, важная политическая роль. В 1861 году коллекция, включавшая в себя 347 древних датских объектов, была доставлена в Париж. Здесь все находки были каталогизированы, систематизированы по трем периодам, выделенным К. Ю. Томсеном, и подготовлены для дальнейшего экспонирования. Это был подарок датского короля Фредерика VII французскому императору Наполеону III. Директор датского Национального музея К. Ю. Томсен передал ценное подношение императору и с удовольствием разъяснял значение отдельных предметов во время встреч и званых обедов. Как археолог Томсен считал, что эта презентация прошла с большим успехом, который он мог отнести и на свой счет. Чуть позже датская коллекция легла в основу археологического музея в Сен-Жермен-ан-Лё, открытого в 1867 году. В вестибюле музея была размещена табличка, на которой перечислялись имена лиц, внесших весомый вклад в создание музея, при этом имя Фредерика VII открывало этот список, тогда как Наполеон III шел после него (Lundbeck-Culot 1995; Lundbeck-Culot 1997).

В политическом отношении, однако, этот дар не принес ощутимых результатов. Дания пыталась на дипломатическом уровне заручиться поддержкой Франции или даже заключить с ней союз против Пруссии, поскольку именно в это время разворачивался конфликт вокруг Шлезвиг-Гольштейна и Дания находилась в непростой ситуации. Чтобы завязать более тесные отношения между Данией и Францией, Фридерик VII пытался добиться официального пригласения от Наполеона III, и королевский подарок, связанный с общим интересом к древности, должен был служить своеобразным «ключом». Кроме того, Фредерик преследовал и свои личные интересы. Он стремился установить связи с французским двором, чтобы тем самым добиться признания морганатического брака, заключенного им с герцогиней Даннер, которая не имела дворянского происхождения. В самой Дании этот брак вызвал недовольство высшего общества, и потому Фредерику было крайне важно, чтобы он и

P. 34–37) säumt ein Band mit kleinen Dreiecken, das an eine Sonnendarstellung mit Strahlenkranz erinnert, den Rand des Schalltrichters (Abb. 9, 2).

Die großen runden Scheiben mit ihrer Zirkelkreisverzierung weisen ebenfalls auf eine Sonnenverehrung. Sie sind regelrecht mit Sonnensymbolen bedeckt (Thrane 1993. P. 47). Es ist verführerisch, die Platte selbst als Sonnenbild zu betrachten — der weit hallende Ton käme dann direkt aus der Darstellung der Sonne selbst. Vielleicht sollten die Rituale mit Lurenmusik irgendetwie die Reise der Sonne überwachen oder dazu verhelfen, die kosmische Ordnung zu erhalten. Konnten Menschen der Sonne an bestimmten Tagen im Jahr dabei helfen, in den Stunden vor Sonnenaufgang ihren Weg durch die Gefahren der Unterwelt zu finden? Vielleicht, um das Netzmonster (s. o.) zu vermeiden? Glaubte man, der Zauber des Klangs, der aus den Schalltrichtern der Lure sozusagen aus dem Mund der Sonne kam, könnte, von der menschlichen Welt ausgehend, die wirkliche Sonne in der Unterwelt erreichen, so dass es ihr mit Hilfe der Lurenbläser gelang aufzusteigen und die Dunkelheit der Nacht in das Licht des Tages zu verwandeln?

Bei einer der Luren von Maltbæk in Südjütland ist die Tragekette aus Bronzeringen fast vollständig erhalten. In die Ringe eingelassen sind kleine plastische Vogelfiguren (Broholm u. a. 1949. P. 26) (Abb. 9, 3). Die Vögel sind recht realistisch wiedergegeben mit Augen und breiten Entenschnäbeln. Wir haben es hier zweifellos mit Darstellungen des Wasservogels zu tun, der während der späten Bronzezeit das paneuropäische religiöse Symbol in Verbindung mit der Sonnenreise ist, bei der wiederum der Wasservogel auch als Steven der Vogel-Sonnenbarke dient.

Die Luren auf Reisen während der Bronzezeit

Die Luren sind extra so konstruiert, dass man mit ihnen reisen kann, da die Schäfte aus zwei Teilen bestehen, die auf mehrere komplizierte Weisen miteinander verzapft werden können (Abb. 9, 4). Eine solche Konstruktion zum Zerlegen des Instruments wäre kaum entwickelt worden, wenn man sie nicht hätte transportabel machen wollen (Kaul 2010a. S. 533f.).

Aber um was für Reisen könnte es sich gehandelt haben? Vielleicht trafen sich die Menschen der Bronzezeit zu bestimmten kultischen Festen an zentralen Orten, sowohl innerhalb einer Region als auch in einem größeren Gebiet. Wenn die „Missionsreise“ der Luren beendet war, wurden sie schließlich in Sümpfen in der Nähe der Orte, wo sie ursprünglich hergestellt worden waren, niedergelegt. Es ist auch an überregionale Versammlungsorte zu denken, und da kommt natürlich das nördliche Bohuslän (Zone von Tarum) in Westschweden infrage, da es relativ zentral zu großen Teilen Dänemarks, Süd- und Westschweden sowie Süd- und Südostnorwegens liegt. Bohuslän könnte die Funktion eines heiligen Zentrums oder eines Pilgerorts für die umgebenden Regionen, wenn nicht für große Teile Skandinaviens, besessen haben (Kaul 2004a, 102f.; Kaul 2012). Anlässlich solcher Feste, bei denen sich Menschen aus weiten Teilen Skandinaviens trafen, wurde eine gemeinsame Ideologie und Religiosität bewahrt, wobei neben anderen Kultobjekten auch die Luren eine wichtige Rolle spielten.

Die Luren auf Reisen in der Gegenwart und als Instrumente politischer Auslandskontakte

In jüngerer Zeit gelangten Luren in Museen weit entfernt von ihren Fundorten, nach Frankreich, Russland und England. Mit Ausnahme der deutschen Luren von Daberkow (Schmidt 1902), die als Kriegsbeute 1945 nach Russland gebracht wurden und sich nun im Puschkina Museum in Moskau befinden, wurden die

Ил. 10. Фрагмент лура из Орслеве (ГЭ) – общий вид и деталь с изображением корабля
Abb. 10. Fragment der Lure von Årsløv (GE, St. Petersburg) – Gesamtansicht und Detail mit Schiffsdarstellung

übrigen als königliche diplomatische Geschenke überreicht.

Zusammen mit anderen dänischen Antiken, spielten die Luren, die sich heute im Musée des Antiquités Nationales in St. Germain-en-Laye bei Paris befinden, eine wichtige Rolle in der Politik. 1861 ging eine Sammlung von nicht weniger als 347 dänischen Funden nach Paris. Sie wurden dort katalogisiert und nach dem Dreiperiodensystem von C. J. Thomsen für die Ausstellung vorbereitet. Es war ein Geschenk des Königs von Dänemark, Frederik VII, an den französischen Kaiser Napoleon III. Der Direktor des dänischen Nationalmuseums, C. J. Thomsen, übergab das kostbare Geschenk dem Kaiser und erläuterte gerne bei Treffen und Banketten die Bedeutung der einzelnen Stücke. Aus Sicht des Archäologen und auch für Thomsen persönlich war die Präsentation der Geschenke ein durchschlagender Erfolg. In den folgenden Jahren wurde die dänische Sammlung das Kernstück des 1867 eröffneten archäologischen Museums in St. Germain-en-Laye. In der Eingangshalle gab es eine Bronzetafel, auf der die Spender des Museums aufgelistet waren, wobei Frederik VII. an erster Stelle noch vor Napoleon III. stand (Lundbeck-Culot 1995; Lundbeck-Culot 1997).

In politischer Hinsicht zeigte das königliche Geschenk jedoch wenig Wirkung. Die dänische Diplomatie bemühte sich um französische Unterstützung oder gar eine Allianz gegen die Preußen. Dänemark befand sich nämlich wegen dem Streit um Schleswig-Holstein in einer schwierigen Situation. Um engere politische Bande zwischen Dänemark und Frankreich knüpfen zu können, bemühte sich Frederik VII., eine offizielle Einladung von Napoleon III. zu erhalten, wobei das königliche Geschenk sowie das gemeinsame Interesse an Antiken als „Türöffner“ dienen sollte. Darüber hinaus hatte Frederik noch ein persönliches Anliegen. Er wollte Verbindungen zum französischen Hof aufnehmen, um Anerkennung für seinemorganatische Ehe mit der Herzogin Danner, die keine Adlige und niederer Herkunft war, zu gewinnen. In Dänemark selbst gab es in der Oberschicht Einwände gegen diese Eheschließung, und es wäre Frederik sehr entgegengekommen, wenn er und die Gräfin Danner offiziell vom französischen Hof eingeladen worden wären (Lundbeck-Culot 1995; Lundbeck-Culot 1997; Jensen 1998; Appel 2006). Die heiß ersehnte Einladung erfolgte jedoch nicht, und mit Frederiks Tod im Jahr 1863 musste die Gräfin Danner alle Hoffnungen fahren lassen, in Frankreich von höchster Stelle empfangen zu werden. Als Dänemark 1864 von den Preußen und Österreichern angegriffen wurde, rührte Napoleon III. keinen Finger.

герцогиня Даннер получили официальное приглашение французского двора (Lundbeck-Culot 1995; Lundbeck-Culot 1997; Jensen 1998; Appel 2006). Однако столь желанное приглашение так и не поступило. После смерти Фредерика, последовавшей в 1863 году, герцогине Даннер и вовсе уже не на что было надеяться. Когда в 1864 году Дания подверглась нападению со стороны Пруссии и Австрии, Наполеон III и пальцем не пошевелил, чтобы помочь дружественной державе.

Следует отметить, что с лурами, которые входили в состав таких дипломатических подарков, связано немало недоразумений (Lundbeck-Culot 1995; Jensen 1998). В частности, считалось, что во Францию был отправлен в свое время не подлинный лур, а его копия, однако в 1965 году в результате обследования было установлено, что имеющийся экземпляр представляет собой оригинал из Блиндструпа (Северный Зееланд), который, как предполагалось, частично пострадал во время пожара в замке Фредригсборг. В действительности же этот лур был преподнесен в качестве личного подарка Фредерика VII Наполеону III, который передал его в 1866 году в Музей национальной древности в Сен-Жермен-ан-Лё без указания места находки (Appel 2006; Appel, Olsen 2011). Кроме этого, однако, существует и копия лура, которая попала в Париж в 1861 году в составе других древних находок, преподнесенных в дар. Речь идет о копии одного из лурув из Брудевельте.

Три пары лурув из Брудевельте (Северный Зееланд, Дания) были обнаружены в 1797 году в одном из болот (Broholm u. a. 1949; Johansson u. a. 2005). Все найденные экземпляры отличались превосходной сохранностью. Большой размер дисков, обрамляющих раструб, позволяет отнести их типологически к образцам пятого периода эпохи бронзы.

В 1845 году один из больших брудевельтских лурув был преподнесен Николаю I. Как и в случае с Францией, этот по-

дарок должен был служить укреплению дипломатических отношений. Немаловажную роль при этом играли некоторые сложности политического свойства, связанные с датским престолонаследием. Поводом для подарка послужила свадьба принца Гессенского, возможного наследника датского трона, и великой княжны Александры, дочери Николая I. Во время переговоров, предшествовавших свадьбе, царский министр сказал между прочим, что один из знаменитых лурув эпохи бронзы мог бы достойным образом украсить царское собрание императорского собрания (Jensen 1998). Бракосочетание Фридриха Гессенского с дочерью русского императора состоялось в 1844 году, но в тот же год Александра умерла в родах. Вскоре после этого было намечено новое бракосочетание, на сей раз с дочерью великого князя Михаила. В 1845 году Фридрих привез луру из Брудевельте в Россию в качестве подарка датского двора в связи с планировавшейся свадьбой, которая, однако, так и не состоялась. Датский лур был помещен первоначально в императорское царское собрание, а после революции 1917 года оказался в Государственном Эрмитаже (Jensen 1998).

Таким образом, пара лурув из Брудевельте оказалась разъединенной. В 1998 году, в связи с проведением международной выставки «Боги и герои эпохи бронзы», российские власти выдали разрешение на временный вывоз брудевельтского луру за пределы России для его экспонирования с 1998 по 2000 год. В результате на некоторое время парные инструменты снова оказались вместе (Götter und Helden 1998. No. 132, 133; Johansson u. a. 2005. P. 38).

Лур из Брудевельте — не единственный образец этих инструментов в коллекции Эрмитажа. В 1929 году датский историк обнаружил здесь еще один экземпляр, точнее фрагмент нижней части ствола длиной 43 см (Jensen 1998). Впоследствии выяснилось, что и этот инструмент был подарен в связи со свадебными переговорами в 1843 году (см. выше). Когда копенгагенский Национальный музей получил в 1990 году фотографию этого экспоната, оказалось, что парный к нему инструмент, сохранившийся также во фрагментах, находится в Британском музее в Лондоне. Он был передан в дар музею в 1869 году датским археологом Й. А. Ворсо. Вероятно, оба инструмента из разных музеев составляют пару, обнаруженную в 1803 году в Орслеве на острове Фюн (Thrane 1993; Jensen 1998).

Когда куратору датского Национального музея Йоргену Йенсену представилась в 1990-е годы возможность осмотреть лур из Орслеве, находящийся в Санкт-Петербурге (ил. 10), он обратил внимание на волнистый орнамент, украшающий раструб. По его сведениям, этот орнамент завершается элементом, который можно принять за нос корабля. Интересно было бы узнать, действительно ли в данном случае мы имеем дело со стилизованным изображением корабля. Если так, то данный лур мог бы служить еще одним примером использования символов, связанных с солнцем и его перемещением.

Луры следует рассматривать не как самостоятельное явление, а как элемент религиозных культовых действий, характерных для культуры северного бронзового века, то есть как один из сакральных предметов в ряду прочих, к которым относятся также топоры, рогатые шлемы или головные уборы с рогами и солнечные диски, связанные со сложными ритуалами, каковые отправлялись часто на кораблях, выполнявших при этом роль подвижных храмов. Вероятно,

Es gibt einige Verwirrungen bezüglich der Luren, die irgendwie Teil von Antikenschenkungen waren (Lundbeck-Culot 1995; Jensen 1998). So wurde angenommen, dass es sich bei einer nach Frankreich versandten Lure nur um eine Kopie gehandelt hätte, aber 1965 stellte sich bei einer näheren Untersuchung heraus, dass es ein Original aus Blidstrup, Nordseeland, ist, von dem man angenommen hatte, dass es (teilweise) bei dem Brand von Schloss Fredrigsborg zerstört worden sei. In Wirklichkeit war die Lure aber als persönliches Geschenk des dänischen Königs an Napoleon III. gegangen, der sie 1866 dem Musée des Antiquités Nationales übergab, ohne aber den Herkunftsort zu nennen (Appel 2006; Appel, Olsen 2011). Aber es gibt noch eine Lurenkopie in Paris, die 1861 mit der großen Schenkung dorthin kam, nämlich eine der Luren von Brudevælde.

Die drei Lurenpaare von Brudevælde, Nordseeland, Dänemark, wurden 1797 in einem Sumpf entdeckt (Broholm u. a. 1949; Johansson u. a. 2005). Ihr Erhaltungszustand ist exzellent. Aufgrund ihrer großen Scheiben um den Schalltrichter gehören sie zu den typologisch späten Exemplaren der 5. bronzezeitlichen Periode.

1845 wurde eine der großen Brudevælde-Luren Zar Nikolai I. als kostbares Geschenk übergeben. Wie es später auch bezüglich Frankreich geplant war, sollte die Lure die diplomatischen Kontakte fördern. Es spielten zudem komplizierte politische Details bezüglich der dänischen Thronfolge eine wichtige Rolle dabei. Der Schenkungsanlass war die Hochzeit zwischen Prinz Friedrich von Hessen — einem der möglichen Thronfolger — mit der Tochter des Zaren, Prinzessin Alexandra. Während der Verhandlungen, die der Hochzeit vorausgingen, erwähnte der vom Zar beauftragte Minister, dass eine der berühmten dänischen Bronzezeitluren doch die Sammlung im Waffenmuseum des Zaren in Tsarskoe-Seloe bereichern könnte (Jensen 1998). 1844 heiratete Friedrich von Hessen die Tochter des Zaren, die noch im gleichen Jahr bei der Geburt ihres Kindes verstarb. Darauf wurde eine weitere russische Vermählung für Friedrich geplant, dieses Mal mit der Tochter des russischen Großfürsten Michael. 1845 brachte er während der diesbezüglichen Verhandlungen (die Hochzeit fand übrigens nie statt) die Lure von Brudevælde als Geschenk des dänischen Hofes nach Russland. Sie wurde in die kaiserliche Sammlung in Tsarskoe-Seloe eingegliedert und gelangte nach der Revolution von 1917 in die Staatliche Eremitage in St. Petersburg (Jensen 1998).

So wurde also eines der Lurenpaare von Brudevælde auseinandergerissen. 1998 anlässlich der großen internationalen Bronzezeitausstellung „Götter und Helden der Bronzezeit“, erteilten die russischen Behörden die Erlaubnis, dass die Lure für eine gewisse Zeit, von 1998 bis 2000, Russland verlassen durfte. So kamen die beiden Luren, die zusammen ein Paar bilden, für einige Zeit wieder zusammen (Götter und Helden 1998. No. 132, 133; Johansson u. a. 2005. P. 38).

Die Lure von Brudevælde ist aber nicht die einzige, die sich in der Eremitage befindet. Bereits 1929 fand dort ein dänischer Historiker eine weitere Lure bzw. ein 43 cm langes Stück vom unteren Teil des Schaftes (Jensen 1998). Inzwischen hat sich herausgestellt, dass es ebenfalls ein Geschenk anlässlich der Heiratsverhandlungen von 1843 war (s. o.). Als das Nationalmuseum von Kopenhagen 1990 ein Foto dieser Lure erhielt (Abb. 10, 1), zeigte sich, dass das beste Vergleichsstück hierzu — ebenfalls ein Fragment — im British Museum in London aufbewahrt wird. Es war 1869 von dem dänischen Archäologen J. J. A. Worsaae übergeben worden. Vermutlich stammen die beiden Teile in den beiden Museen von demselben Lurenpaar, das 1803 in Årsløv auf der Insel Fünen gefunden worden ist (Thrane 1993; Jensen 1998).

люди сходились в каком-то определенном месте в связи с культовыми праздниками, которые, возможно, были периодическими и могли приходиться, например, на день летнего солнцестояния. Наверное, такие празднества производили неизгладимое впечатление на тех, кто наблюдал за ними или участвовал в них. Это была торжественная картина: корабли с большими лошадиными головами на носу и корме; акробаты, исполняющие сальто; жрецы в рогатах шлемах, несущие культовые топоры и солнечные диски, которые сверкают в лучах настоящего солнца, и надо всем этим громкое таинственное гудение луров.

Одной из причин, побуждавшей древнего человека проводить эти пышные ритуалы, было стремление поддержать космический порядок, исходя из веры в вечное странствование солнца, которое днем перемещается по небу, а ночью движется в потустороннем мире. Эти мифологические представления находят свое отражение в искусстве эпохи поздней бронзы в форме таких символов, как корабль, лошадь, рыба, змея и птица, которые непосредственно связаны с более сложным мифологическим циклом о свете и тьме, о дне и ночи, о верхнем и нижнем, то есть о надземном и подземном мире. Человек эпохи бронзы воспринимал себя живущим на плоской земле, в пространстве, отделяющем один мир от другого.

Als der Kurator des Dänischen Nationalmuseums, Jørgen Jensen, in den 1990er Jahren die Möglichkeit hatte, die Årslev-Lure in St. Petersburg zu sehen (Abb. 10), fiel ihm ein Wellenmuster um den Schalltrichter auf. Er teilte mir freundlicherweise mit, dass dieses Muster in etwas auslief, was einen Schiffsbug darstellen könnte. Leider konnte er kein Photo dieses Details erhalten. Es wäre sehr interessant zu wissen, ob wir es wirklich mit einem stilisierten Schiffsbild zu tun haben. So könnte diese Lure einen weiteren Hinweis auf die Verwendung von Symbolen, die mit der Sonne und ihrer Reise zu tun haben, sein.

Schlussbemerkung

Die Luren sollten nicht als isoliertes Phänomen, sondern als Teil religiöser Kulthandlungen der Nordischen Bronzezeitkultur angesehen werden, wo sie zusammen mit anderen sakralen Gegenständen wie Äxten, Hörnerhelmen oder gehörntem Kopfschmuck sowie Sonnenscheiben zu umfassenden Ritualen gehörten, die häufig auf Schiffen stattfanden, wobei diese die Rolle fahrender Tempel einnahmen. Vermutlich trafen sich die Menschen zu kultischen Festen, die in bestimmten Abständen, vielleicht auch zu Mittsommer, stattfanden. Es muss sehr beeindruckend gewesen sein, solche Ereignisse zu beobachten oder daran teilzunehmen. Auf Schiffen mit Galionsfiguren aus großen Pferdeköpfen schlugen akrobatische Tänzer Salti, während Kultäxte und Sonnenbilder, die in der Sonne schimmerten, von Priestern mit Hörnerhelmen getragen wurden. Dazu ertönte der geheimnisvolle, laut schallende Klang der Luren.

Einer der Gründe für diese großartigen Rituale war es, die kosmische Ordnung aufrecht zu erhalten, basierend auf Glaubensvorstellungen von einer ewigen Reise der Sonne am Tag über das Firmament und in der Nacht durch die Unterwelten. Diese Mythen finden sich verschlüsselt in der Kunst der späten Bronzezeit, in der Symbole wie Schiff, Pferd, Fisch, Schlange und Vögel mit dem umfassenden Sagenzyklus von Licht und Dunkelheit, Tag und Nacht, oben und unten, über- und unterirdischer Welt verbunden sind. Die Menschen der Bronzezeit empfanden, dass sie auf der flachen Erde, der Übergangszone zwischen diesen beiden Welten, lebten.

Наталья Шишлина

«Напиток богов, преодолевающий смерть...»

Natalija Šišlina

«Der Trank der Götter, der den Tod überwindet...»

Бронзовый век Европы связан с изменением образа жизни, мышления, ритуалов. На исторической арене появились герои, подвиги которых воспевались в передневожосточных и средиземноморских эпосах. На пути к славе герой оказывался в особом мире. Это был мир войны, состязания, подвига и ритуального пиршества, на котором либо оплакивали погибших, либо ликовали, окрыленные победой. Культ героя — особого персонажа исторических событий II тыс. до н. э. — складывался на протяжении многих поколений. Его истоки уходят в предшествующее тысячелетие.

Среди дошедших до нас фрагментов героической культуры — воинского снаряжения, боевых колесниц, символов победы — особое место принадлежит кубкам и чашам. Такие сосуды, изготовленные из профессионально обожженной глины, красивых пород древесины, из драгоценного золота или серебра, воспеты Гомером в «Илиаде» и «Одиссее». В золотой чаше с двумя ручками сверкает вино на пиру Антиноя (Одиссея, XXII, 10).

Однако посуда была частью не только бытовой, но и ритуальной культуры задолго до событий Троянской войны. Горшки, кувшины с одной или двумя ручками, миски, кружки, бокалы, чаши и кубки составляли основу погребального инвентаря бронзового века, который помещали в захоронения умерших сородичей по всей Европе.

В ямной культуре Северо-Западного Прикаспия сосуды встречаются редко: в более чем 700 захоронениях первой половины III тыс. до н. э. найдено всего лишь 60 целых горшков. В каждом втором захоронении катакомбной культуры, уже во второй половине III тыс. до н. э., — глиняный сосуд, а иногда и целые столовые «сервизы». Их известно несколько тысяч. Это крупные нарядные кувшины, явно сделанные мастером по заказу, и маленькие кружки для питья. В могильниках последующей срубной культуры начала II тыс. до н. э. глиняный сосуд найден в каждом захоронении. К простым кухонным горшкам, в которых ежедневно готовили еду, теперь прибавилась высококачественная, прекрасно обожженная и покрытая сложным орнаментом керамическая посуда, деревянные чаши, возможно использовавшиеся уже не только как индивидуальные столовые наборы, но и как емкости для особых ритуальных блюд и напитков (ил. 1).

Какие хмельные напитки могли появиться в Европе в бронзовом веке? По мнению ученых, это было пиво из ячменя; ферментированное молоко лошади — кумыс; вино, полученное благодаря ферментации диких ягод и плодов, возможно с добавлением меда, или просто медовуха (Sherratt 1997).

Дие Bronzezeit brachte neue Lebensformen, weltanschauliche Vorstellungen und Rituale nach Europa. Die traditionelle Urgesellschaft ging unter, die „Helden“ betreten die historische Arena, deren Taten in den Epen aus dem Vorderen Orient und dem Mittelmeerraum besungen wurden. Um zu Ruhm zu gelangen, musste sich ein solcher Held in eine ganz eigene Welt begeben, die aus Kriegen, Wettkämpfen, Großtaten und rituellen Feiern zum Gedenken an die Toten oder zur Lobpreisung der Sieger bestand. Dieser Heldenkult, dieser Kult um Figuren, die die Geschichte im 2. Jahrtausend v. Chr. prägten, hat sich über mehrere Generationen hinweg herausgebildet, seine Ursprünge wurzeln jedoch noch im vorangegangenen Jahrtausend.

Heute geben die Ausrüstung des Kriegers, Streitwagen und Siegesymbole noch Auskunft über die einstige Heldenkultur; wobei im archäologischen Fundgut Bechern und Schalen besondere Bedeutung zukommt. Diese Gefäße sind aus hervorragend gebranntem Ton, aus Edelhölzern sowie wertvollem Gold oder Silber erstellt worden und werden von Homer in der *Ilias* und *Odyssee* beschrieben. Beim Festmahl des Antinoos funkelt der Wein beispielsweise in einer goldenen Schale mit zwei Henkeln (Odyssee XXII, 10).

Geschirr indes stellte nicht nur einen Teil der Alltagskultur dar, sondern spielte bereits lange vor den Ereignissen des Trojanischen Krieges eine wichtige Rolle im rituellen Leben. Töpfe, Kannen mit einem oder zwei Henkeln, Schüsseln, Krüge, Pokale, Schalen und Becher bildeten den Kern des bronzezeitlichen Grabinventars, das den Toten in ganz Europa beigegeben wurde.

In der eurasischen Steppe sind für die Grubengrabkultur (Jamnaja-Kultur) im nordwestlichen Kaspigebiet nur selten Gefäße belegt: Die über 700 Gräber aus der ersten Hälfte des 3. Jahrtausends v. Chr. erbrachten lediglich 60 intakt erhalten gebliebene Keramiken. Dagegen lagen bereits in der zweiten Hälfte des 3. Jahrtausends v. Chr. in jedem zweiten Grab der Katakombengrabkultur einzelne Tongefäße, teilweise sogar vollständige „Tafelservice“; die Gesamtzahl entsprechender Fundstücke beläuft sich auf einige Tausend. Es handelt sich dabei um Kannen von eleganter Form, die fraglos auf Bestellung angefertigt wurden, sowie um kleine Trinkkrüge. In der anschließenden Balkengrabkultur (Srubnaja-Kultur), die in den Beginn des 2. Jahrtausends v. Chr. datiert, begegneten dann in jedem Grab Tongefäße. Neben einfachen Töpfen für die Küche, in denen das tägliche Essen zubereitet wurde, kamen qualitativ hochwertige, hervorragend gebrannte und mit einem aufwendigen Ornament verzierte Stücke auf; zudem sind Holzschalen belegt, die möglicherweise nicht nur als individuelles Tischgeschirr dienten, sondern auch als Behälter für spezielle Ritualspeisen (Abb. 1).

Изучая содержимое сосудов из курганных погребений Прикаспия, ученые установили, что жители степей хорошо знали особенности диких растений, используя их для создания чудодейственных снадобий.

Мед. Считается, что древнейший хмельной напиток — это отвар из дикого меда (Sherratt 1997). Неизвестно, были ли пасеки в степи, однако спектр пыльцы в некоторых сосудах из курганных погребений позволяет предположить, что в них могла быть медовуха, сваренная на меде степного разнотравья. Такой напиток, скорее всего, находился в кувшине из раннекатакомбного погребения могильника Манджикины-1 (курган 12, погребение 2) в Калмыкии. Пыльца указывает, что прикаспийские жители любили кавказский душистый березовый и липовый мед. Тем не менее пыльца, сохранившаяся от медового напитка, идентифици-

Zunächst gilt es dabei, die Frage zu klären, welche Rauschtränke es im bronzezeitlichen Europa überhaupt gab. Nach heutigem Wissensstand sind es Gerstenbier, fermentierte Stutenmilch (Kumys), durch Fermentierung wilder Beeren und Früchte gewonnener Wein (möglicherweise mit Honig versetzt) oder Medowucha (gegorene Fruchtgetränke mit Honig) (Sherratt 1997).

Wie die Analyse der Rückstände in den Gefäßen aus den Hügelgräbern im Kaspigebiet zeigte, mussten die Steppenbewohner die Besonderheiten wilder Pflanzen gut gekannt und ihre spezifischen Eigenschaften für die Herstellung berauschender Tränke genutzt haben.

Honig. Man nimmt an, der älteste Rauschtrank sei aus Wildhonig gewonnen worden (Sherratt 1997). Unbekannt ist dagegen, ob es in der Steppe „Imkereien“ gegeben hat. Das Pollen-

Ил. 1. Глиняные сосуды катакомбной культуры Прикаспия
Abb. 1. Tongefäße der Katakombengrabkultur im Kaspigebiet

spektrum in den Rückständen einiger Gefäße aus Hügelgräbern lässt zumindest die Hypothese zu, diese könnten Medowucha enthalten haben, wobei der Trank auf dem Honig der Steppengräser basierte. Dieser Fall dürfte vermutlich bei einer Kanne aus dem frühkatakombenzeitlichen Grab im Gräberfeld Mandžikiny 1 (Kurgan 12, Grab 2) in Kalmykien vorgelegen haben. Obwohl die Pollen darauf hindeuten, dass die Menschen aus dem Kaspigebiet dem kaukasischen duftenden Bir-

кована в степи пока только в погребениях взрослых мужчин и женщин, причем не только в сосудах и между зубами индивидуумов, но и среди останков погребенных на месте их желудков. Взрослые люди — мужчины старше 40 лет из раннекатакомбных погребений могильников Бага-Бурул и Песчаный, женщины из могильника Темрты в Калмыкии и из захоронения в Ростовской области, возможно, прибыли с Кавказа и незадолго до смерти ели мед или пили медовый напиток. Может быть, его принимали как успокоительное и расслабляющее средство? Или, наоборот, глоток медового отвара возбуждал и возвращал пожилым людям угасающие силы? В горшках из захоронений детей, подростков и молодых людей, однако такой спектр медоносных растений не выявлен.

Травяные напитки. Еще один степной напиток, идентифицированный в содержимом сосудов, это травяной настой. Открывшие медицинские свойства многих растений кочевники собирали душистую зизифору, мяту, шалфей, чабрец весной и ранним летом, заваривали их и пили отвар, вероятно, каждый день, утоляя жажду. Однако и во время ритуальных церемоний наливали его в погребальные горшки и кувшины катакомбной культуры.

Психоактивные снадобья. Катакомбное население евразийских степей начало использовать мягкие психотропные

клен- и Lindenhonig gern zusprachen, sind die Pollen vom „Honigtrank“ in der Steppe ausschließlich in den Gräbern adulter Männer und Frauen nachgewiesen worden; immerhin fanden sie sich nicht nur in Gefäßen, sondern auch zwischen den Zähnen der Bestatteten und am Grabboden auf Höhe des Magens zwischen den Knochen. Möglicherweise sind diese Individuen — Männer über vierzig Jahre aus frühkatakombenzeitlichen Gräbern in den Gräberfeldern Baga-Burul und Pesčanyj sowie Frauen aus Temrta in Kalmykien und dem *oblast* Rostov — aus dem Kaukasus gekommen und haben kurz vor ihrem Tod Honig oder einen Honigtrank konsumiert. In diesem Zusammenhang ist nicht auszuschließen, dass sie den Trank als Mittel zur Beruhigung oder Entspannung zu sich genommen haben. Vielleicht wollten sie aber auch den gegenteiligen Effekt erzielen und mit einem Schluck Honigsaft schwindende Kräfte wiederherstellen. In den Gefäßen aus Bestattungen von Kindern, Jugendlichen und jungen Menschen konnten dagegen bisher keine honighaltigen Pflanzen nachgewiesen werden.

Kräutergetränke. Ein weiteres Getränk aus der Steppe, das anhand der Gefäßrückstände nachgewiesen werden konnte, ist mit Kräuteraufgüssen gegeben. Nachdem die Nomaden die Heilwirkung vieler Pflanzen entdeckt hatten, sammelten sie im Frühjahr und zu Beginn des Sommers duftende Ziziphora, Minze, Salbei und Thymian, kochten sie und tranken den Sud ver-

Ил. 2. Степные растения, использовавшиеся в настояках бронзового века: 1 — мята; 2 — треспы; 3 — полынь; 4 — овсюг; 5 — лебеда татарская

Abb. 2. Steppenpflanzen, die in der Bronzezeit zur Herstellung von Tränken genutzt wurden. 1 — Minze; 2 — Trespes; 3 — Wermut; 4 — Flug-Hafer; 5 — Tataren-Melde

растения и настоящий опиоид — коноплю (*Cannabis*). В книге «Мельпомена» Геродот писал, что скифы бросали конопляные семена в огонь и вдыхали аромат, приходя в возбуждение. Становясь как будто пьяными, начинали танцевать и петь. Однако задолго до этих времен, уже в середине III тыс. до н. э. дурманящие свойства конопли были известны в прикаспийских степях. Для погребальных церемоний катакомбные племена изготавливали ритуальные сосуды — курильницы. Такие чаши на поддоне украшались

mutlich jeden Tag, um ihren Durst zu stillen, nahmen ihn aber auch während ritueller Zeremonien aus Totenbechern und Kannen der Katakombengrabkultur zu sich.

Psychotrope Substanzen. Den Trägern der Katakombengrabkultur in der eurasischen Steppe war der Gebrauch sanfter, Bewusstsein verändernder Pflanzen und eines echten Opiats, nämlich Hanf (*Cannabis*), vertraut. Im IV. Band seiner Historien beschreibt Herodot, wie die Skythen Hanfsamen ins Feuer warfen und den Duft inhalierten, um sich in einen Rauschzustand zu versetzen; danach hätten sie angefangen zu tanzen und zu singen. Die euphorisierende Wirkung des Hanfs war indes bereits lange vor dieser Zeit bekannt, konnte der Gebrauch entsprechender Substanzen in den Steppen des Kaspigebiets doch schon für die Mitte des 3. Jahrtausends v. Chr. belegt werden. Die Stämme der Katakombengrabkultur stellten für die Totenfeiern spezielle Ritualgefäße, so genannte Räucherlampen, her.

узорами. В них воскуряли душистые прутики тамарикса и других кустарников, а также степные травы, среди которых встречается и конопля (Shishlina et al. 2007). В курительницах из могилиника Манджикины-1, курган 14, погребение 7 найдены фитолиты конопли, пыльца полыни и губоцветных (мяты, шалфея, зизифоры); из Улана IV, курган 3, погребение 22 — фитолиты эфирносов, полыни Маршалла (*Artemisia marschalliana*) и полыни белой (*Artemisia lerchiana*); из этого же могилиника, курган 4, погребение 17 — пыльца маревых, эфедры и первоцвета, а также фитолиты тысячелистника благородного (*Achillea nobilis*) и трехлеберника непахучего (*Tripleurospermum inodorum*). Такие травы воскуряли при погребении взрослых и подростков (ил. 2).

Во время совершения ритуала терпкий и возбуждающий аромат этих трав распространялся по степи, возможно символически очищая умершего и пространство вокруг захоронения. Курительницу затем ставили у головы или ног погребенного или оставляли в жертвеннике на перекрытии могилы.

Особые свойства конопли, которая содержит психотропные вещества, каннабиноиды, возможно, использовали и для изготовления специальных отваров, помогающих преодолеть боль или даже принести забвение и покой. Фитолиты и пыльца конопли найдены в горшках из захоронения 16-летнего подростка в могилинике Зунда-Толга-3, курган 1, погребение 5; взрослого мужчины — в могилинике Зунда-Толга-2, курган 1, погребение 4; в желудке и межзубном пространстве мужчины 40–45 лет из могилиника Песчаный V; в реповидном сосуде в кургане 1, погребение 2 могилиника Бага-Бурул. В такие отвары добавляли и более мягкие психотропные растения — эфедру, полынь, иногда лебеду. Эфедра является психоактивным растением, содержащим алкалоиды — эфедрин и псевдоэфедрин, его используют как сильный стимулятор. В полыни много эфирных масел, она служит болеутоляющим и успокаивающим средством, однако в больших дозах при длительном употреблении может вызывать отравление и галлюцинации. В кувшинах из погребений детей и взрослых (майкопское захоронение в Шархалсуне, курган 5, погребение 7; катакомбное в Островном, курган 5, погребение 7) идентифицировано сочетание пыльцы эфедры и полыни. Пыльца эфедры встречена на дне могилы в районе желудка взрослых индивидуумов ямной и катакомбной культуры: в могилиниках Сухая Термиста, курган 1, погребение 13; Бага-Бурул, курган 5, погребении 11 — в желудке женщины 25–35 лет, умершей при родах.

Идентификация психоделических трав и напитков, приготовленных с использованием степных растений, явно имевших лечебное предназначение, позволяет обсудить рецепт легендарной «сомы» — индоевропейского «напитка богов, преодолевающего смерть». В древней Индии он изготавливался из сомы (растения, которое до сих пор не идентифицировано). Сому вымачивали в воде, отжимали с помощью давящих камней, процеживали через сито из овечьей шерсти, разбавляли водой, смешивали с молоком или ячменем и разливали по деревянным сосудам. Питье сомы — галлюциногенного напитка — было особым ритуалом. У иранцев этот напиток назывался «хаома» и изготавливался из конопли, белены, ревеня и эфедры, которые растирали и добавляли в молоко.

Ученые полагают, что в степных сосудах бронзового века могло быть и молоко. В некоторых таких горшках сохранилась пыльца диких трав (Shishlina et al. 2007). Можно предположить, что сакральный «напиток богов» изобрели в степи уже в середине III тыс. до н. э. Он приносил облегчение

Diese mit einem Ornament verzierten Schalen auf einen Standfuß wiesen im Innern eine Unterteilung auf. In ihnen wurden duftende Zweige von Tamarisken und anderen Sträuchern, aber auch Steppengräser, zu denen wiederum Hanf zählt, verbrannt (Shishlina u. a. 2007). In den Räucherlampen aus dem Gräberfeld Mandžikiny 1, Kurgan 14, Grab 7 wurden Phytolithen vom Hanf sowie Pollen vom Wermut und Lippenblütlern (Minze, Salbei, Ziziphora) festgestellt; aus Ulan IV, Kurgan 3, Grab 22 sind Phytolithen ätherischer Ölpflanzen, Pollen von den Wermutarten *Artemisia marschalliana* und *Artemisia lerchiana* bekannt; aus Ulan IV, Kurgan 4, Grab 17 stammten Pollen von Gänsefußgewächsen (Chenopodiaceen), des Meerträubels (Ephedra) und von Primeln sowie Phytolithen der Edlen Schafgarbe (*Achillea nobilis*) und der Geruchlosen Kamille (*Tripleurospermum inodorum*). All diese Pflanzen wurden bei Bestattungen adulter und heranwachsender Menschen abgebrannt (Abb. 2).

Während die Rituale abgehalten wurden, dürfte sich das herbe und stimulierende Aroma der Pflanzen wohl in der ganzen Steppe ausgebreitet haben; möglicherweise versprach man sich davon eine symbolische Reinigung des Toten und des Raums um das Grab herum. Im Anschluss an die Feier wurde die Räucherlampe am Kopf- oder Fußende des Toten aufgestellt oder auf einem Opferaltar auf der Grababdeckung zurückgelassen.

Die besonderen Eigenschaften des Hanfs, der psychotrope Substanzen (Cannabinoide) enthält, könnte man sich indes auch zunutze gemacht haben, als man Tränke zubereitete, die Schmerzen lindern oder sogar Vergessen und Schlaf bringen sollten. Phytolithen und Pollen vom Hanf ließen sich ferner in Gefäßen nachweisen, die den Bestattungen eines 16-jährigen Heranwachsenden im Gräberfeld Zunda-Tolga 3, Kurgan 1, Grab 5 sowie eines adulten Mannes in Zunda-Tolga 2, Kurgan 1, Grab 4 beigegeben wurden; ferner fanden sie sich im Magen und zwischen den Zähnen eines Mannes von 40 bis 45 Jahren, der im Gräberfeld Pesčanyj V bestattet worden war, sowie in einem rübenförmigen Gefäß in Baga-Burul, Kurgan 1, Grab 2. Teilweise würzte man solche Säfte auch mit sanfteren psychotropen Substanzen wie Meerträubel, Wermut, zuweilen auch Melden. Bei Meerträubel handelt es sich um eine psychoaktive Pflanze, die die Alkaloide Ephedrin und Pseudoephedrin enthält und die eine stark stimulierende Wirkung hat. Wermut dient mit seinen ätherischen Ölen als schmerzlinderndes und beruhigendes Mittel, kann in großen Dosen oder bei langfristiger Einnahme jedoch auch Vergiftungen und Halluzinationen hervorrufen. In den Kannen, die sowohl Kindern als auch Erwachsenen mit ins Grab gegeben wurden (die Maikop-Bestattung in Šarachsun, Kurgan 5, Grab 7; die Katakomben in Ostrovnoj, Kurgan 5, Grab 7) ließ sich eine Kombination der Pollen von Meerträubel und Wermut nachweisen. Meerträubelpollen fanden sich ferner im Bereich des Magens am Grabboden adulter Individuen der Grubengrab- und Katakombengrabkultur, so im Gräberfeld Suchaja Termista, Kurgan 1, Grab 13. In Baga-Burul, Kurgan 5, Grab 11 ließ es sich im Magen einer Frau von 25 bis 35 Jahren feststellen, die bei der Geburt ihres Kindes gestorben war.

Psychedelischen Kräutern und Tränken, denen Stepppflanzen beigemischt waren, sprach man ohne Frage eine gewisse Heilwirkung zu; die Bestimmung ihrer Bestandteile gibt nunmehr auch Aufschluss über das „Rezept“ des legendären Somas, also jenes indoeuropäischen „Tranks der Götter, der den Tod überwindet“. Im alten Indien wurde es aus Soma hergestellt, einer Pflanze, die bis heute nicht identifiziert werden konnte. Sie wurde in Wasser eingeweicht, mit Presssteinen ausgedrückt, durch ein Schafsfell gefiltert, anschließend mit Wasser verdünnt und mit Milch oder Gerste vermischt, um dann in

страждущим, снимал боль, погружал в успокоительный сон, а в более концентрированном виде вызывал галлюцинации, воспринимаемые древними как переход в потусторонний мир. Наверное, компоненты такого напитка держались в тайне, но постепенно его рецепт распространился по ойкумене, и каждый народ добавлял в него свои психоактивные примеси. В церемониальных сосудах маргианского храма II тыс. до н. э. в Гонур-Депе в Туркмении обнаружены пыльца и плоды не только конопли и эфедры, но и мака (Meyer-Melikyan 1998).

Итак, жители Прикаспийской степи уже в III тыс. до н. э. знали свойства многих растений и активно использовали их и в повседневной жизни, и в ритуалах. Возможно, напитки с психотропными травами, иногда с добавлением молока, и медовые отвары постепенно приобрели сакральное значение. В это время в степи, скорее всего, нет жесткой зависимости между содержимым сосуда и его формой, хотя постепенно появляются кувшины и кружки, богато украшенные орнаментальными композициями, явно предназначенные для торжественных церемоний. Особый ритуал распития напитков, вероятно, только начинал складываться. В обрядовой жизни степняков — мужчин, женщин, детей — четко разграничения в употреблении тех или иных напитков в зависимости от пола и возраста погребенного пока не выявлено.

В западноевропейских культурах III тыс. до н. э. также распространилась традиция распития опьяняющих напитков — медового с добавлением диких ягод, пива из ячменя или пшеницы-двузернянки (Sherratt 2007).

Прошло несколько веков, и для напитков начали использовать изящные кубки, чаши и ритоны. В западноевропейских культурах шаровидных амфор, колоколовидных кубков, в баденской культуре, а также на Кавказе, в Причерноморье, в Трое появились сервизы для распития напитков на погребальных церемониях и пирах. В сосудах вычурных форм — кувшины, фляжки, амфоры, кубки, канфары с ручками — наливали ритуальные вино и пиво.

Выделяются ареалы престижных сосудов — Крит, Южная Скандинавия, Уэссекс в Англии, Северный Кавказ. В Европе было много желающих приобрести изящные чаши с ручками и высокогорные кувшины одинакового «европейского стиля» для спиртных напитков, и мастера-гончары имитировали в глине металлическую посуду. Экзотические металлические сосуды, производство которых локализовалось в Карпатском бассейне, импортировали в Скандинавию. Микенская посуда найдена в Южной Италии, Сицилии, Сардинии (см. статью Э. Хардинга в настоящем издании). Некоторые изделия изготавливали из почти звенящей обожженной глины, деревянные украшали тонким металлическим ажурным ободком. В узорах доминировали звездные мотивы, а донце украшали солярные символы. Особый статус приобрели металлические кубки, иногда сделанные из золота. Они найдены либо вкладах (например, в кладе 1600 года до н. э. Вульчентран в Болгарии), либо в очень богатых захоронениях воинов, вместе с великолепным оружием. По всей Европе распространился «комплекс сосудов для распития напитков», маркирующий экономические и социальные перемены в обществе (Sherratt 1997; Kristiansen, Larsson 2005).

В деревянных чашах Скандинавии плескался мед, герои Троянской войны вкушали из круговой чаши «сок, горесладный, миротворящий, сердцу забвенью дающий», подмешанный в терпкое местное вино (Одиссея, IV, 220–225). По мнению ученых, это сок конопли. Повсюду варили эль на

Holzgefäße gegeben zu werden. Das Trinken dieses halluzinogenen Tranks stellt ein eigenes Ritual dar. Bei den Iranern ist das Getränk unter dem Namen „Haoma“ bekannt und wird aus Hanf, Bilsenkrautern, Rhabarber und Meerträubel zubereitet, indem sämtliche Pflanzen zerrieben und mit Milch vermischt werden.

Wissenschaftler vermuten, in den bronzezeitlichen Gefäßen aus der Steppe könnte auch Milch gewesen sein. In einigen Töpfen ließen sich zudem Pollen von Wildkräutern nachweisen (Shishlina u. a. 2007). Man darf vermuten, dass der sakrale „Trank der Götter“ in der Steppe bereits in der Mitte des 3. Jahrtausends v. Chr. aufkam. Er brachte leidenden Menschen Linderung, nahm ihnen Schmerzen, versetzte sie in einen ruhigen Schlaf und rief in stärker konzentrierter Form Halluzinationen hervor; in diesem Zustand meinten die Menschen der Vergangenheit, in die jenseitige Welt übergetreten zu sein. Selbst wenn die Ingredienzien dieses Tranks geheim gehalten wurden, verbreitete sich das Rezept doch nach und nach in der Ökumene, wobei jedes Volk eigene psychoaktive Substanzen zufügte. In den Ritualgefäßen aus einem Tempel in der Margiana vom 2. Jahrtausend v. Chr. (in Gonur-Depe, Turkmenistan) wurden Pollen und Früchte nicht nur vom Hanf und Meerträubel, sondern auch vom Mohn nachgewiesen (Meyer-Melikyan 1998).

Damit haben die Menschen in der Steppe im Kaspigebiet bereits im 3. Jahrtausend v. Chr. um die Eigenschaften vieler Pflanzen gewusst und sich diese sowohl im täglichen Leben als auch bei Ritualen zunutze gemacht. Tränke mit psychotropen Kräutern, die teilweise mit Milch vermischt wurden, und Honigsäfte könnten mit der Zeit Bedeutung bei verschiedenen Ritualen gewonnen haben. Damals dürfte es in der Steppe wohl keine strikte Beziehung von Inhalt und Form eines Gefäßes gegeben haben, obschon allmählich Kannen und Krüge aufkamen, die aufwendig mit ornamentalen Kompositionen verziert und fraglos einzig für feierliche Zeremonien gedacht waren. Das Trinkritual dürfte sich in dieser Zeit erst herausgebildet haben. Bisher ließ sich nicht beobachten, dass das Leeren des Gefäßes mit dem Ritualtrank durch die nomadischen Männer, Frauen und Kinder in irgendeiner Weise vom Geschlecht oder Alter des Toten abhängig gewesen wäre.

In den westeuropäischen Kulturen des 3. Jahrtausends v. Chr. ist die Tradition, berauschende Tränke zu konsumieren, ebenfalls belegt; als Getränke kamen mit Wildkräutern versetzter Honigsaft sowie Bier aus Gerste oder Zweikorn in Frage (Sherratt 1997).

Einige Jahrhunderte später kamen für Getränke aparte Becher, Schalen und Rhyta auf. In den westeuropäischen Kulturen sind Kugelamphoren und Glockenbecher bekannt, in der Badener Kultur, aber auch im Kaukasus, im Schwarzmeerraum und in Troja kamen Tischservice auf, die eigens für Trinkrituale bei Totenfeiern und Gelagen bestimmt waren; es handelte sich dabei um Kannen, Flaschen und Amphoren, Becher, Schöpfgefäße und Kantharoi mit Henkeln. In diese Gefäße von recht extravaganter Form gab man den vorbereiteten Wein oder das Bier.

Einige Gebiete waren für ihre Gefäße geradezu berühmt, so Kreta, Südskandinavien, Wessex in England und der Nordkaukasus. Die Töpfermeister imitierten mit ihrer Tonware Metallgefäße; die aparten Schalen mit Henkeln und langhalsigen Kannen im „europäischen Stil“ erfreuten sich in Europa beim Servieren alkoholischer Getränke großer Beliebtheit. In Skandinavien wiederum importierte man die exotischen Metallgefäße aus dem Karpatenbecken. Geschirr aus Mykene begegnete in Süditalien, auf Sizilien und Sardinien (vgl. Harding in diesem Band). Einige Stücke bestanden aus fast klingend hart gebranntem Ton, Holzgefäße wurden mit einem feinen, durchbrochen gearbeiteten Metallrand versehen. Im Dekor dominierten Sternemotive,

основе ячменя, дрожжей и цветочных добавок. В сосуд из датского погребения бронзового века Эгтвед налили опьяняющий напиток, настоящий на липовом и клеверном меде, ягодах и листьях клюквы, пшеничных зернах (Sherratt 1997). Ко II тыс. до н. э. традиция распития опьяняющих, веселящих и помогающих преодолеть не только боль, но и смерть напитков, приносящих радость и веселье, стала частью культуры новой социальной группы — воинской элиты, властителей первых европейских городов, указывая на новый характер взаимодействия и социального общения между народами бронзового века. С тех пор совместное распитие ритуального напитка из чаши или кубка, пущенного по кругу, в знак солидарности, примирения, дипломатической договоренности, в знак траура или победы на многие века станет символом общения и гостеприимства всех европейских народов.

den Boden schmückten Sonnensymbole. Sehr hoch geschätzt wurden Metallbecher, die teilweise sogar in Gold gefertigt waren. Sie stammen entweder aus Schätzen, beispielsweise aus dem Depot von Valcitrán in Bulgarien, dessen Datierung zwischen dem 16. und dem 8. Jahrhundert v. Chr. umstritten ist, oder aus sehr reichen, elitären Gräbern, in denen Krieger mit prachtvoller Ausrüstung bestattet waren. Damit war in ganz Europa dieses „Sortiment von Gefäßen für Trinkrituale“ bekannt, das einen Wandel in der Wirtschaft und im gesellschaftlichen Aufbau der Gemeinschaften dieser Zeit markiert (Sherratt 1997; Kristiansen, Larsson 2005).

In den Holzschalen aus Skandinavien wurde Honig serviert, die Helden des trojanischen Krieges mischten den herben lokalen Wein in ihren runden Schalen mit einem Saft „gegen Kummer und Groll und aller Leiden Gedächtnis“ (Odyssee IV, 200–225). Nach Ansicht zahlreicher Wissenschaftler handelte es sich dabei um Hanfsaft. Überall wurde Ale auf der Grundlage von Gerste, Hefe und pflanzlichen Zusätzen gebraut. In einem Gefäße aus einer bronzezeitlichen Bestattung in Egtved (Dänemark) hatte man einen Rauschtrank serviert, der aus Linden- und Ahornhonig, Beeren und Blättern der Moosbeere sowie aus Weizenkörnern hergestellt worden war (Sherratt 1997).

Zu Beginn des 2. Jahrtausends v. Chr. war die Tradition, Rauschtränke zu sich zu nehmen, die einen nicht nur in eine ausgelassenen Stimmung versetzten, und halfen, Schmerzen zu lindern, sondern auch den Tod überwinden, die Freude und Heiterkeit brachten, zu einem Teil der Kultur einer neuen gesellschaftlichen Gruppe geworden: der Kriegerelite, den Herrschern der ersten europäischen Städte. Dies ging mit einem Wandel in den Beziehungen und des Umgangs der bronzezeitlichen Völker unter- und miteinander einher. Von dieser Zeit an galt das gemeinsame Leeren einer im Kreis herumgereichten Schale oder eines Bechers mit einem Ritualtrank als Zeichen der Solidarität, der Aussöhnung, der diplomatischen Übereinkunft, aber auch als Zeichen der Trauer oder des Sieges; für lange Jahrhunderte sollte es ein Symbol des Miteinanders und der Gastfreundschaft aller europäischen Völker bleiben.

Елена Каверзнева

Глиняная модель лодки в культуре лесной Мещеры эпохи бронзы

Elena Kaverzneva

Bronzezeitliches Tonmodell eines Boots der Meščera-Kultur

Озерная Мещера располагается в центре водной магистрали, являясь связующим звеном между бассейнами рек Клязьма и Ока. Это сделало ее зоной смешения разнокультурного населения, которое продвигалось с юга по реке Пра и с севера по реке Бужа. С эпохи неолита здесь проживали носители ямочно-гребенчатой керамики и волосовской культуры. Особый интерес представляет история этого региона в эпоху бронзового века. Археологические исследования в Озерной Мещере позволили выделить особый тип памятников этого времени. Это группа поселений и могильник возле озера Шагара, Шагарский могильник, поселение Тюрвищи-3 на озере Ивановское, поселение Ивановское на реке Пра. Радиоуглеродные исследования материалов этих памятников позволили датировать их концом III — первой четвертью II тыс. до н. э. (Каверзнева, Фоломеев 1998. С. 5).

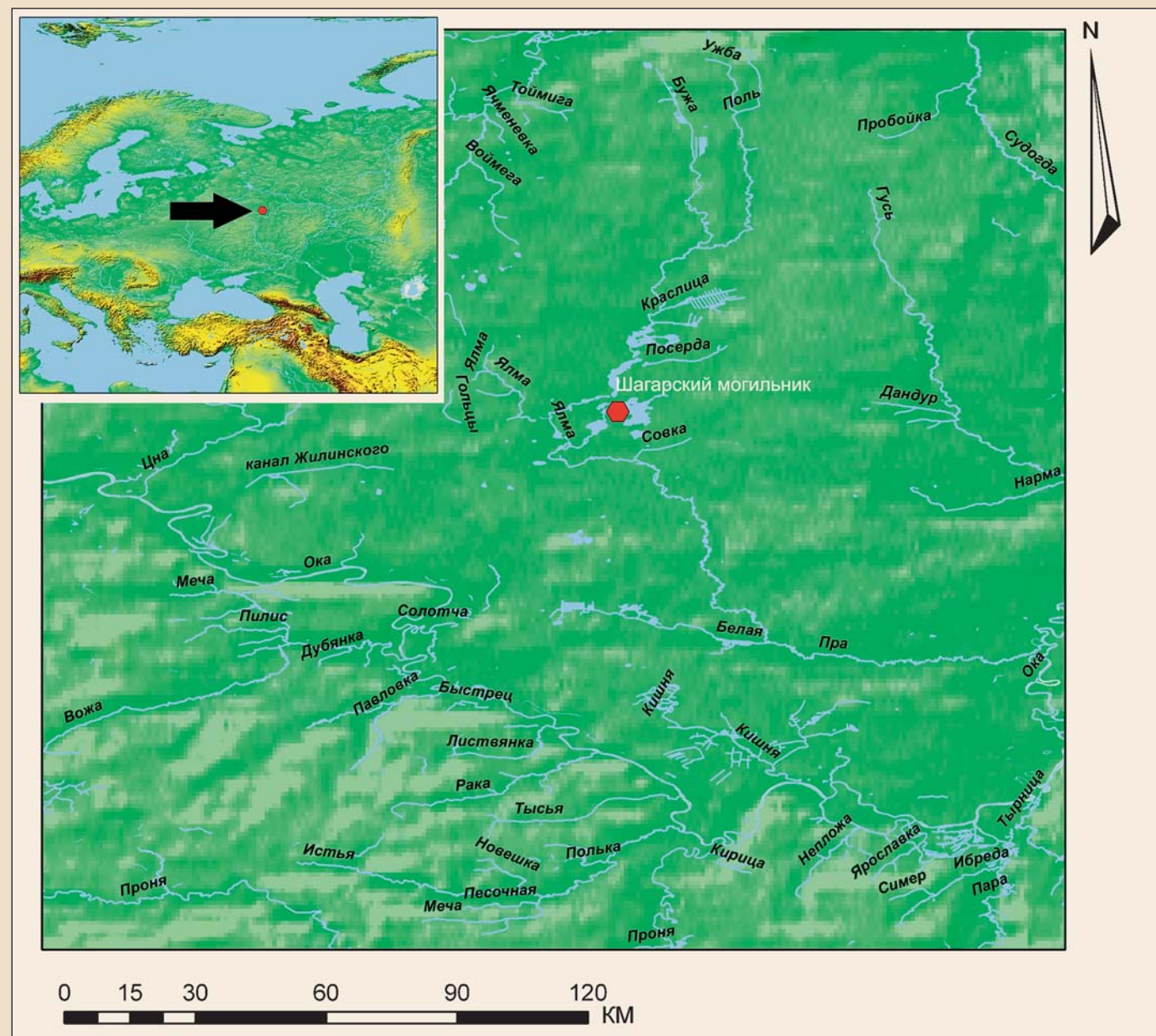
Наибольший интерес представляет Шагарский грунтовой могильник. Он расположен в Спас-Клепиковском районе Рязанской области на низком берегу озера Шагара, входящего в систему Великих озер Центральной Мещеры. Могильник находится на площади многослойного поселения Шагара-1, функционировавшего от раннего неолита до раннего железного века. В могильнике исследованы погребения двух хронологических периодов. Ранняя немногочисленная группа оставлена носителями волосовской культуры и датируется серединой III тыс. до н. э. Большая часть погребений относится к памятникам шагарского типа и датируется первой четвертью II тыс. до н. э. Для них с помощью радиоуглеродных исследований получена серия дат, попадающих в период с конца XIX по рубеж XVIII–XVII веков до н. э. (Каверзнева, Фоломеев. 1998. С. 16). К настоящему времени изучено 105 захоронений (ил. 1).

Погребальный обряд памятников шагарского типа характеризуется грунтовыми одиночными захоронениями в овальных могильных ямах. Скелеты лежат вытянуто на спине, преимущественно ориентированы на северо-восток. Особая черта погребального инвентаря, четко выделяющая материальный комплекс этой культуры, — небольшие тонкостенные сосуды с хорошо заглаженной, часто залощенной поверхностью. Они могут быть слабопрофилированными или, наоборот, с хорошо выраженными плечиками и шейкой, с округлым или уплощенным дном. Большинство сосудов орнаментировано короткими отпечатками шнура, гребенчатого или плоского штампа, тонкими нарезками, наколами, прочерченными линиями и ромбами, а также пальцевыми защипами и ногтевыми отпечатками (кат. 237.4.1, 237.3.1). Среди других находок — кремневые орудия труда (кат. 237.2.2), костяные подвески, гарпуны и шилья. Особо

Дер heutige Nationalpark Ozernaja Meščera liegt an einer Wasserstraße zwischen den Flussebenen von Kljazma und Oka. So wurde er zum Einzugsbereich verschiedener Kulturgruppen, die von Süden entlang des Flusses Pra und von Norden entlang der Buža in dieses Gebiet kamen. Vom Neolithikum an lebten hier Träger der Grübchenkeramischen und der Volosovo-Kultur. Während der Bronzezeit gestaltete sich die Geschichte dieser Region besonders wechselhaft. Für diese Zeit konnte in Ozernaja Meščera durch archäologische Untersuchungen spezifisches Kulturgut des Šagara-Typs nachgewiesen werden. Es handelt sich um eine Gruppe von Siedlungen am gleichnamigen See, um das Gräberfeld Šagara, die Siedlung Tjurvišči 3 am Ivanovskoe-See und die Siedlung Ivanovskoe Ochotchozajstvo am Pra. Nach ¹⁴C-Datierung der Materialien aus diesen Fundstätten sind diese am Ende des 3. bis zum erstes Viertel des 2. Jahrtausends v. Chr. anzusetzen (Каверзнева, Фоломеев 1998. С. 5).

Das Flachgräberfeld von Šagara ist ein Fundort von herausragender Bedeutung. Es liegt im rayon Spas-Klepiki in der oblast Rjazan am flachen Ufer des Šagara-Sees, der zu den großen Seen in der Zentralmeščera zählt. Das Gräberfeld ist innerhalb der mehrschichtigen Siedlung Šagara 1 angelegt worden, die vom Frühneolithikum bis zur Früheisenzeit genutzt wurde. Die bislang untersuchten Bestattungen lassen sich zwei Zeitstufen zuordnen. Zum einen handelte es sich um eine nicht sehr große Gruppe von Gräbern der Volosovo-Kultur, die in die Mitte des 3. Jahrtausend v. Chr. datieren. Die größere Gruppe umfasst dagegen Bestattungen des Šagara-Kultur und ist im ersten Viertel des 2. Jahrtausends v. Chr. anzusetzen. Für diese liegen ¹⁴C-Datierungen vor, die in den Zeitraum vom Ende des 27./28. Jahrhunderts bis in das 19. Jahrhundert v. Chr. fallen (Каверзнева, Фоломеев 1998. С. 16). Bis heute sind insgesamt 105 Bestattungen untersucht worden (Abb. 1).

Für das Totenritual von Fundstätten des Šagara-Typs sind eine Einzelbestattung in einem Flachgrab sowie eine ovale Grabgrube charakteristisch. Die Skelette liegen in Rückenstreckerposition, zumeist nach Nordosten ausgerichtet. Eine Besonderheit des Grabinventars besteht in den relativ kleinen dickwandigen Gefäßen mit gut geglätteter, häufig auch polierter Oberfläche, die für die ganze Kultur charakteristisch ist. Sie können schwach profiliert sein, aber auch klar herausgearbeitete Schultern und Hals aufweisen und haben einen runden oder abgeflachten Boden. Die Gefäße sind häufig mit kurzen Abdrücken einer Schnur, einem kammartigen oder flachen Stempel sowie mit feinen Einritzungen, Einbuchtungen, Ritzlinien und Rhomben, aber auch mit Finger- oder Fingernagelabdrücken verziert (Kat. Nr. 237.4.1, 237.3.1). Weitere Funde sind Werkzeuge aus Feuerstein (Kat. Nr. 237.2.2), beinerne

Ил. 1. Озерная Мещера. Шагарский могильник
Abb. 1. Ozeranja Meščera. Gräberfeld Šagara

выделяются округлые и фигурные поясные костяные пряжки (кат. 237.1.1, 237.5.1), близкие аналогии которым можно найти в степных погребениях бабинской или лолинской культур (кат. 253.1, 254.1), относящихся к посткатакомбному времени. В этих культурах пряжки становятся признаком «этнической идентификации» (Мимоход 2011-1), а «степной компонент» в материальной культуре населения, оставившего Шагарский могильник, указывает на смешанный характер населения. Это подтверждается и антропологическим анализом. Происхождение одного из компонентов, возможно, связано с восточными районами лесостепи, включая Зауралье (Яблонский 1994). Череп из погребения 84 Шагарского могильника характеризуется набором признаков, присущих степному населению катакомбной культуры юга России (Казарницкий 2008. С. 198). Первые масс-спектрометрические данные (идентификация ⁸⁶Sr/⁸⁷Sr в эмали одного из погребенных мужчин) также подтверждают, что часть шагарского населения могла быть пришлой, по-

Анhängern, Harpunen und Ahlen. Bemerkenswert sind zudem die runden und figürlich gearbeiteten beinernen Gürtelschnallen (Kat. Nr. 237.1.1, 237.5.1), die gute Parallelen in den Steppengräbern der Babino- oder Lolin-Kultur besitzen (Kat. Nr. 253.1, 254.1), welche der postkatakombenzeitlichen Phase zuzuweisen sind. In diesen Kulturen dienten Gürtelschnallen gleichsam als Merkmal, um die Zugehörigkeit zu einer bestimmten Ethnie anzuzeigen (Мимоход 2011-1); die „Steppekomponente“ unter den Materialien aus dem Gräberfeld Šagara deutet indes auf eine heterogene Bevölkerung. Diese Hypothese konnte mittlerweile durch anthropologische Untersuchungen erhärtet werden. Eine dieser Bevölkerungsgruppen könnte ihren Ursprung möglicherweise in den östlichen Teilen der Waldsteppe oder im Ural-Hinterland haben (Яблонский 1994). Ein Schädel aus Grab 84 von Šagara weist eine Reihe von Merkmalen auf, die für die Träger der Katakombengrabkultur in den Steppen Südrusslands charakteristisch sind (Казарницкий 2008. С. 198). Erste massenspektrometrische Messdaten — bei den Untersuchungen wurde ⁸⁶Sr/⁸⁷Sr in der bei einer Männerbestattung festgestellt — bestätigten ebenfalls, dass ein Teil der Šagara-Bevölkerung zugewandert

сколькo место рождения индивидуума никак не связано с Озерной Мещерой.

Находка модели лодки в одном из погребений Шагарского могильника позволяет предположить, откуда и каким образом новопоселенцы с юга могли добираться до труднодоступной лесной зоны. Погребение 93–93А располагалось в прибрежной части могильника. На дне могилы в вытянутом положении на спине параллельно друг другу лежали: мужчина 45–55 лет (костяк 1), на ногах которого покоился ребенок 8–12 лет (костяк 3); молодой мужчина 25–35 лет (костяк 2), и женщина 50–60 лет (костяк 4). Мужчины ориентированы головой на юго-запад, а женщина и ребенок — на северо-восток.

У тазовых костей детского скелета с западной стороны найдена половина миниатюрного фигурного глиняного изделия, представлявшего собой модель лодки-колыбели (кат. 237.8.2). Длина изделия 8,2 см, ширина 6 см, высота бортиков 1,5 см. Сохранилась носовая часть лодки, а также часть левого и правого бортов. Нос лодки задран, днище слегка выпуклое, неорнаментированное. Борты украшены «елочным» орнаментом, нанесенным тонким гребенчатым штампом. Под полосой орнамента по границе бортов и днища видны сквозные отверстия, по три с каждой стороны. Такое же отверстие имеется на носу лодки. По определению реставратора-керамиста В. А. Шестака, слом на изделии старый. В глиняном тесте — примесь органики и песка (ил. 2).

У стоп женского костяка стоял миниатюрный острорезберный тонкостенный сосуд с плоским донцем, с примесью органики и песка в тесте (кат. 237.8.1). Под ним лежал резец лося. У левой щиколотки располагался кремневый однолезвийный нож на широком плоском отщепе. Под костями молодого мужчины найдены лежащие параллельно кости птицы.

Таким образом, в погребении было захоронено четыре человека, погребальный инвентарь сопровождал ребенка (модель лодки), женщину (сосуд, нож и резец лося) и молодого мужчину (две крупные трубчатые кости птицы).

Глиняная модель лодки-колыбели из Шагарского могильника является уникальной находкой. Ее можно сравнить с моделью лодки-повозки из карпатского региона, где в начале II тыс. до н. э. появляются специфичные формы повозок в виде лодки. Подобная лодьевидная модель повозки происходит из памятника витенбергской культуры Чичеу Корабия. Видно, что модель лодки-повозки имеет такой же загнутый вверх нос, овальную форму, плоское дно. Бортик орнаментирован зигзагами, а на внешней поверхности сохранился фрагмент животного, интерпретируемого как лошадь (Бороффа 2008. Рис. 5, 4). По времени модель повозки соотносится с шагарской находкой (ил. 3).

Однако изделие из Шагарского могильника, скорее всего, является лодкой-колыбелью. Модели колыбелей найдены в степной зоне в катакомбных погребениях более раннего времени, преимущественно в детских или в захоронениях ребенка и женщины (Федяев 2001. С. 39). В Шагарском могильнике модель лодки-колыбели также находилась в коллективном погребении ребенка и трех взрослых, в том числе женщины.

Модели колыбелей найдены в раннекатакомбных погребениях Калмыкии, Нижнего Подонья, Ставрополя (Калмыков 2008; Сеницын 1978; Парусимов 1997). Одна из них — в погребении 3 кургана 3 могильника Чограй VIII в Ставрополе (Андреева 1984). Модели, напоминающие шагарскую колыбель, обнаружены в погребениях катакомбной культуры могильников Каратаево-Сады, Федоровка-1 на Нижнем

sein dürfte, ist doch auszuschließen, dass der Mann in Ozernaja Meščera geboren wurde.

Der Fund des Modells eines Bootes bzw. einer Wiege in einem Grab aus Šagara suggeriert zudem, woher und auf welche Weise die Menschen aus dem Süden in diese schwer zugängliche Waldzone gelangt sein könnten.

Das Grab 93-93A liegt im ufernahen Bereich des Gräberfelds. Auf seiner Basis lagen parallel nebeneinander in gestreckter Rückenlage ein Mann von 45–55 Jahren (Skelett 1), ein junger Mann von 25–35 Jahren (Skelett 2) und eine Frau von 50–60 Jahren (Skelett 4). Neben die Beine des älteren Mannes war ein Kind von 8–12 Jahren gebettet worden (Skelett 3). Die beiden Männer waren nach Südwesten orientiert, die Frau und das Kind nach Nordosten.

Bei den Beckenknochen des Kindes wurde auf der Westseite die Hälfte eines miniaturhaft gearbeiteten, figürlichen Tonge-

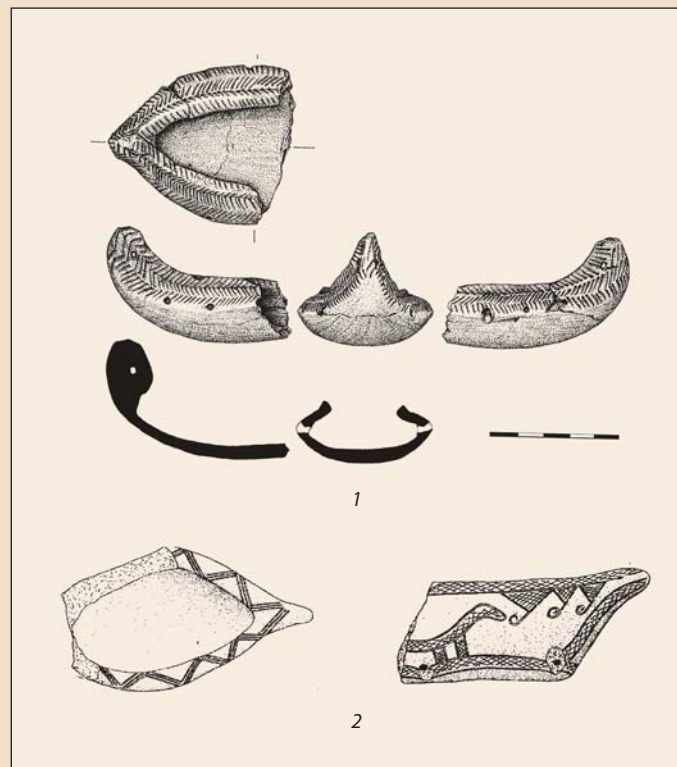
Ил. 2. Шагарский могильник. Погребение 93–93А. Модель лодки-люльки. Глина
Abb. 2. Gräberfeld Šagara, Grab 93–93A. Modell eines Boots bzw. einer Wiege. Keramik

genstandes gefunden, bei dem es sich um das Modell eines Boots bzw. einer Wiege handeln könnte (Kat. Nr. 237.8.2). Das Stück ist 8,2 cm lang, 6,0 cm breit und an den Seitenwänden 1,5 cm hoch. Erhalten blieben der Bug und ein Teil der linken und der rechten Seitenwand. Der Bug ist nach oben gezogen, der Boden leicht gewölbt und unverziert. Die Seitenwände sind mit einem Tannenzweigornament geschmückt, das mit einem feinen, kammartigen Stempel ausgeführt wurde. Unter diesem Zierstreifen finden sich am Rand der Wände und des Bodens jeweils drei Durchlochungen. Ein weiteres Loch liegt am Bug. Der Restaurator V. A. Šestak versichert, der Gegenstand sei bereits in der Vergangenheit zerbrochen worden. Der Ton war mit organischem Material und Sand gemagert (Abb. 2).

Zu Füßen des Skeletts der Frau stand ein miniaturhaftes, spitzrippiges dickwandiges Gefäß mit flachem Boden, das aus einer mit organischen Stoffen und Sand gemagerten Masse gefertigt war (Kat. Nr. 237.8.1). Unter ihm lag der Schneidezahn eines Elchs. Am linken Knöchel fand sich ein einschneidiges Messer aus Feuerstein. Unter den Knochen des jüngeren Mannes traten parallel liegende große Röhrenknochen eines Vogels zutage.

Zusammenfassend gab es also folgende Beigaben in diesem Grab mit vier Toten: ein Bootmodell für das Kind, ein Gefäß, ein Messer und ein Elchzahn für die Frau und Vogelknochen für den jüngeren Mann.

Das Tonmodell eines Boots bzw. einer Wiege aus dem Gräberfeld Šagara stellt einen einzigartigen Fund dar. Er lässt sich

Ил. 3. 1 – Шагарский могильник. Погребение 93–93А. Модель лодки-люльки. 2 – Чичеу Корабия. Модель повозки. Глина

Abb. 3. 1 – Gräberfeld Šagara, Grab 93–93A. Modell eines Boots bzw. einer Wiege; 2 – Ciceu-Corabia, Wagenmodell; Ton

Дону (Ларенок 1998. С. 27. Табл. XXI-8). Благодаря зауженной и загнутой вверх передней части они внешним видом напоминают ладью. Сквозные отверстия по бортам на реальных лодках неизвестны. Скорее всего, отверстия в модели могли служить для ее подвешивания. Так же подвешивался и ее прототип — настоящая люлька (Kalmykov 2007) (ил. 4).

Модели колыбелей в погребальном обряде катакомбной культуры сопровождалась устойчивым набором предметов, среди которых особое место занимают изделия из птичьих костей, напоминающие фигурку. Как правило, модель колыбели и такие предметы найдены вместе, образуя компактную группу. По мнению исследователей, они могли быть наборами антропоморфных символов (Избицер 2004; Kalmykov 2007). Для изготовления таких фигурок использовались только бедренные кости птиц. Верхней частью фигурки служил конец с горизонтально удаленным дистальным эпифизом, а нижний конец оформлялся косым спилом. Фигурки из птичьих костей часто находились внутри глиняных моделей, вероятно передавая образ ребенка.

Возможно, использование птичьих костей в качестве антропоморфных фигурок связано с особой ролью птицы в погребальном обряде раннекатакомбных племен степного Предкавказья (Kalmykov 2007). У многих народов в древности существовали поверья и представления, связывающие процессы рождения и смерти человека с птицами. В погребении Шагарского могильника, как уже отмечалось, были найдены две бедренные кости птицы. В отличие от раннекатакомбных, они не были обработаны и лежали параллельно друг другу в стороне от колыбели, под тазом человека 2. Такие же кости птиц были найдены на груди женщины в погребении 13 Шагарского могильника; в состав инвентаря этого погребения входили также бронзовая подвеска в пол-

тора оборота, янтарная пуговица и сосуд, стоящий на комплексе кремневых ножей и скребков (Каверзнева 1992. С. 153).

Интересен возраст детей, погребенных с колыбелями. Возможно, модель колыбели в погребальном обряде сопровождала не только младенцев, но и представителей определенной возрастной группы, куда входили дети и подростки, еще не прошедшие обряда инициации. Судя по имеющимся возрастным определениям, верхний рубеж этой группы не превышает 12 лет (Kalmykov 2007). Ребенок из Шагарского могильника соответствует этому возрасту: ему было от 8 до 12 лет.

Население, оставившее Шагарский могильник, было неоднородно. Сложность этнических процессов, происходивших в Озерной Мещере в конце III — начале II тыс. до н. э.,

Freilich ist das Modell aus Šagara nicht als Wagen, sondern eher als Boot bzw. Wiege anzusprechen. Wiegenmodelle sind für die Steppenzonen aus Katakombengräbern belegt, die zeitlich früher anzusetzen sind; meist begegneten sie in Kinderbestattungen oder in Gräbern mit einer Doppelbestattung von Kind und Frau (Федяев 2001. С. 39). Das Exemplar aus Šagara stammt ebenfalls aus einer Mehrfachbestattung.

Auch frühkatakombenzeitliche Gräber in Kalmykien, im unteren Dongebiet und Stavropol erbrachten Wiegenmodelle (Kalmykov 2008; Синицын 1978; Парусимов 1997). Als ein Beispiel sei das Gräberfeld Čograj VIII, Kurgan 3, Grab 3 in Stavropol genannt (Андреева 1984).

Modelle, die sich gut mit dem Fund aus Šagara vergleichen lassen, begegneten in Bestattungen der Katakombengrabkultur, so in den Gräberfeldern Karataevo-Sady und Fedorovka 1 am unteren Don (Ларенок 1998. С. 27. Табл. XXI-8). Mit ihrem verjüngten und nach oben gebogenen vorderen Teil erinnern sie äußerlich durchaus an ein Boot. Durchlochungen in den Seitenwänden sind bei realen Schiffen freilich unbekannt. Vermutlich dürften sie dazu gedient haben, die Modelle aufzuhängen — ebenso wie ihr reales Vorbild, die echte Wiege, aufgehängt wurde (Kalmykov 2007) (Abb. 4).

Wiegenmodelle sind im Totenritual der Katakombengrabkultur mit einer standardisierten Zusammenstellung von Gegenständen vergesellschaftet; wobei Artefakte aus Vogelknochen einen besonderen Platz einnehmen. In der Regel liegen Stücke aus Vogelknochen und Wiegenmodelle zusammen, bilden gleichsam eine kompakte Einheit. Es wird vermutet, dass es sich bei den Knochen um anthropomorphe Symbole handelt (Избицер 2004; Kalmykov 2007). Für die Herstellung solcher „Menschen“ wurden ausschließlich Oberschenkelknochen von Vögeln genutzt, wobei das Ende mit der distalen Epiphyse, die horizontal begradigt worden war, den oberen Teil der Figur bildet, während das untere Ende schräg abgesägt ist. Häufig fanden sich solche Knochen auch in den Tonmodellen, vermutlich, damit in der Wiege „ein Kind“ liegt.

Dies würde bedeuten, dass Menschen durch Vogelknochen symbolisiert werden sollten, weil Vögeln im Totenritual der frühkatakombenzeitlichen Stämme in den Steppen des Kaukasusvorlands eine herausragende Bedeutung zukam (Kalmykov 2007). Zahlreiche Völker der Vergangenheit hingen Vorstellungen an, welche die Geburt und den Tod des Menschen mit Vögeln in Verbindung brachten. Auch in der Mehrfachbestattung von Šagara wurden zwei Oberschenkelknochen vom Vogel freigelegt. Im Unterschied zu den Funden aus frühkatakombenzeitlichen Gräbern waren sie jedoch nicht bearbeitet und lagen parallel zueinander, vor allem aber abseits der Wiege unter den Beckenknochen von Skelett 2. Weitere Vogelknochen wurden auf der Brust einer Frau in Grab 13 des Gräberfelds Šagara entdeckt. Dort gehörten zum Grabinventar noch ein anderthalbfach gewundener Bronzeanhänger, ein Bernsteinknopf und ein Gefäß, das neben einer Sammlung von

тота оборота, янтарная пуговица и сосуд, стоящий на комплексе кремневых ножей и скребков (Каверзнева 1992. С. 153).

Интересен возраст детей, погребенных с колыбелями. Возможно, модель колыбели в погребальном обряде сопровождала не только младенцев, но и представителей определенной возрастной группы, куда входили дети и подростки, еще не прошедшие обряда инициации. Судя по имеющимся возрастным определениям, верхний рубеж этой группы не превышает 12 лет (Kalmykov 2007). Ребенок из Шагарского могильника соответствует этому возрасту: ему было от 8 до 12 лет.

Население, оставившее Шагарский могильник, было неоднородно. Сложность этнических процессов, происходивших в Озерной Мещере в конце III — начале II тыс. до н. э.,

Ил. 4. Модели люлек-повозок:

1 – из могильника Чограй VIII (курган 3, погребение 3); 2 – из могильника Восточный Маныч (курганная группа 1, 1965 год, курган 58, погребение 1). Глина

Abb. 4. Modell einer Wiege bzw. eines Wagens: 1 – Gräberfeld Čograj VIII (Kurgan 3, Grab 3); 2 – Gräberfeld Vostočnyj Manyč (Kurgangruppe 1 von 1965, Kurgan 58, Grab 1). Ton

подтверждается и результатами изучения погребального инвентаря, в первую очередь керамики. Прослеживаются черты сходства между шагарской керамикой и среднеднепровской как в способах обработки поверхности сосудов, так и в системе орнаментации. Имеется сходство шагарской керамики с энеолитической керамикой ивано-бугарского типа в бассейне Среднего Дона. Как уже отмечалось, в Шагарском могильнике найдены фигурные костяные поясные пряжки, позволяющие установить связи лесного населения Восточной Европы начала II тыс. до н. э. с южными регионами (Каверзнева 2003. Ч. 1. С. 146. Рис. 1). Появление такой находки, как модель глиняной ладьи-колыбели, подтверждает взаимоотношения двух регионов. Возможно, контакты со степным населением повлияли не только на культуру, но и на антропологический облик шагарцев.

Для территории Центральной Мещеры находка такого предмета, как глиняная модель ладьи-колыбели, уникальна. Она передает сложные представления о потусторонней жизни, о водном препятствии между мирами живых и мертвых и необходимости его преодоления. Но главное, в районах, связанных с крупными водными системами, лодки играли важную роль в жизни населения как основное средство передвижения. Такой водный транспорт позволял быстро преодолевать значительные расстояния. Возможно, поэтому модель детской колыбели и сделали в виде ладьи (Kalmykov 2007).

Messern und Schabern aus Feuerstein stand (Каверзнева 1992. С. 153).

Von Interesse ist in diesem Zusammenhang auch das Alter der Kinder und Jugendlichen, denen eine Wiege beigegeben wurde. Vielleicht spielten Wiegenmodelle nicht nur im Totenritual für Kleinkinder eine Rolle, sondern bei allen Kindern und Heranwachsende, die noch nicht das Initiationsritual durchlaufen hatten. Die bisher bekannten Altersverteilungen deuten darauf, dass die Obergrenze dieser Gruppe bei zwölf Jahren lag (Kalmykov 2007). Das Kind aus Šagara fällt in diese Altersgruppe, war es doch zwischen 8 und 12 Jahren alt.

Die Bevölkerung, die im Gräberfeld Šagara bestattet wurde, dürfte wie bereits erwähnt keiner einheitlichen Ethnie angehört haben. Dass sich am Ende des 3. — Beginn des 2. Jahrtausends v. Chr. in Ozeraja Meščera diffizile ethnische Umschichtungen

vollzogen, wird auch durch die Analyse der Grabinventare bekräftigt, vor allem durch die Auswertung der Keramik. Es lassen sich Ähnlichkeiten zwischen der Tonware aus Šagara und derjenigen aus Fundorten am mittleren Dnepr erkennen; zu nennen sind hier insbesondere Techniken der Oberflächenbearbeitung und die Ornamentierung. Es lassen sich aber auch Parallelen von Stücken aus Šagara zur äneolithischen Keramik des Ivano-Bugor-Typs im Becken des mittleren Don ziehen. Wie bereits erwähnt, begegneten im Gräberfeld Šagara auch figürlich gearbeitete beinerne Gürtelschnallen; diese deuten auf Beziehungen zwischen der Waldbevölkerung Osteuropas und der aus den südlichen Regionen zu Beginn des 2. Jahrtausends v. Chr. (Каверзнева 2003. Ч. 1. С. 146. Рис. 1). Funde wie das Tonmodell eines Boots bzw. einer Wiege sprechen einmal mehr für diese Kontakte. Ferner ist nicht auszuschließen, dass die Kontakte zu den Steppenvölkern nicht nur die Kultur, sondern auch das Aussehen der Menschen von Šagara beeinflusste.

Für das Gebiet Zentralmeščera ist der Fund eines solchen Tonmodells von einem Boot oder einer Wiege bislang einzigartig. Er gibt Aufschluss über die komplexen Vorstellungen vom jenseitigen Leben, über Wasserhindernisse, die zwischen den Welten der Lebenden und der Toten liegen, aber auch über die Notwendigkeit, diese Hindernisse zu überwinden. Wichtiger noch dürfte indes sein, dass in Gebieten, die mit großen Wassersystemen verbunden sind, Boote als Fortbewegungsmittel eine entscheidende Rolle im Leben der Bevölkerung spielten, erlaubten sie es doch, große Strecken in kurzer Zeit zurückzulegen. Möglicherweise fertigte man ja auch deshalb Wiegen in Form von Schiffen an (Kalmykov 2007).

Светлана Студзицкая, Сергей Кузьминых Галичский «клад» — шаманский комплекс бронзового века

Svetlana Studzickaja, Sergei Kuzminych Der «Schatzfund» von Galič. Interpretation eines Schamanengrabs

Среди богатейшего собрания Государственного Исторического музея древнейшие художественные бронзы занимают особое место. Они значимы не только как образцы высокохудожественного литья в древности, но и как бесценные источники для изучения духовной культуры их создателей.

Один из этих уникальных памятников — так называемый Галичский «клад». Этот комплекс уже давно стал хрестоматийным в отечественной и европейской археологии, тем не менее пристальный интерес к нему не угасает. Со дня обнаружения (23 марта 1836 года) «клад» будоражит умы многих поколений ученых, и прежде всего потому, что продолжает оставаться своеобразной загадкой на фоне прочих восточноевропейских памятников бронзового века. В древностях Северной Евразии той эпохи это единственный столь полный ритуально-культуальный комплект металлических предметов.

В обширной библиографии (см. обзор: Студзицкая, Кузьминых 2001), посвященной изучению этого «клада», ставятся вопросы, связанные не только с культурно-хронологическим, морфологическим, стилистическим и семантическим анализом входящих в него изделий, но и с проблемами реконструкции этого ритуального культуального комплекса в целом и мировоззренческой системы того общества бронзового века, выражением которой является Галичский «клад», в частности.

Импульс для пристального научного изучения «клада» дали первые публикации корифеев российской и европейской археологии А. А. Спицына (1903), А. М. Тальгрена (Tallgren 1911; Tallgren 1925) и В. А. Городцова (1928). Пальма первенства среди них принадлежит Спицыну, который, со знавая первоклассное значение галичских находок, ввел в научный оборот весь известный ему комплект вещей. Он также подробно изложил историю их обнаружения и перипетию дальнейшей судьбы «клада».

«Клад» был найден ранней весной крестьянами села Туровское (ныне Галичский район Костромской области) при исправлении плотины на речке Лыкшанка, впадающей в Галичское озеро. По свидетельствам очевидцев, металлические изделия якобы находились в большом глиняном сосуде, разбившемся от удара железного лома. Какое-то количество выпавших из него предметов попало в речку, но основная часть оказалась в доме хозяйки мельницы и самого села Н. И. Челеевой. Из числа находок, переданных владельцем и ее племянником, Д. С. Бестужевым, епископу Костромскому Павлу и подаренных последним Обществу истории и древностей при Московском университете в том же 1836 году, в Российский Исторический музей позже по-

Интерьером der reichen Sammlung des Staatlichen Historischen Museums nehmen die ältesten kunstvollen Bronzen eine herausragende Stellung ein. Sie werden von zahlreichen Stücken repräsentiert, die in ihrer Art einmalig sind. Dabei zeugen sie nicht nur von der hoch entwickelten Gusstechnik in der Vergangenheit, sondern geben auch unschätzbaren Aufschluss über die geistige Kultur ihrer Schöpfer.

Einer der bedeutendsten Funde in diesem Bereich liegt mit dem so genannten Schatzfund von Galič vor. Obwohl er bereits seit langem in der russischen und europäischen Archäologie untersucht wird, hat das Interesse an ihm nie nachgelassen. Seit dem Tag, an dem der „Schatzfund“ geborgen wurde (23.03.1836), beschäftigt er Generationen von Wissenschaftlern und Wissenschaftlerinnen. Dies erklärt sich vor allem damit, dass er im Vergleich zu anderen bronzezeitlichen Funden aus Osteuropa ein echtes Rätsel darstellt. Darüber hinaus handelt es sich bei ihm um den einzigen Fund rituell-kultischer Metallgegenstände, der diese Epoche in der Vergangenheit Nordeurasiens in so erschöpfender Weise erhellt.

In der umfassenden Literatur (vgl. dazu die Bibliographie in Studzickaja, Kuzminych 2001), die diesem „Schatzfund“ gewidmet ist, wurden immer wieder Fragen aufgeworfen, die nicht nur mit der kulturchronologischen, morphologischen, stilistischen und semantischen Analyse der einzelnen Objekte verbunden sind, sondern auch mit den Problemen der Rekonstruktion dieser rituellen Sammlung sowie der weltanschaulichen Vorstellungen jener bronzezeitlichen Gemeinschaft, die in dem „Schatzfund“ ihren materiellen Ausdruck finden.

Die ersten Publikationen zu dem Fund, vorgelegt von den Korpyhäen der russischen und europäischen Archäologie А. А. Spicyn (Спицын 1903), А. М. Tallgren (Tallgren 1911; Tallgren 1925) und V. А. Gorodcov (Городцов 1928), lösten eine regelrechte Forschungswelle aus. Spicyn, einem hervorragenden Kenner des Fundes, kam dabei das Verdienst zu, alle ihm bekannten Stücke der wissenschaftlichen Welt vorzustellen. Er schilderte detailliert die Geschichte der Entdeckung, aber auch die Volten im weiteren Schicksal des „Schatzfundes“, die ohne Übertreibung an einen handfesten Kriminalroman denken lassen.

Der „Schatzfund“ wurde zu Frühlingsbeginn von Bauern des Dorfes Turovskoe (heute im rayon Galič, oblast Kostroma) entdeckt, die am Fluss Lykšanka, der in den See Galičskoe mündet, einen Staudamm ausbesserten. Nach Berichten von Augenzeugen sollen sich die Metallstücke angeblich in einem großen Tongefäß befunden haben, das bei einem Schlag mit einem metallenen Brecheisen auseinanderbrach. Einige der herausfallenden Stücke landeten im Fluss, der größte Teil fand sich jedoch im Haus N. I. Čeleevas, einer Müllerin aus dem Dorf. Sie und ihr Nef-

Ил. 1. Галичский «клад»
Abb. 1. „Schatzfund“ von Galič

ступило 8 предметов (они представлены в настоящем каталоге). Другая часть коллекции (не менее 19 изделий) была утрачена, кроме фигурки идола, оказавшейся в собрании графа С. Г. Строганова, а затем поступившей в Эрмитаж. Первоначально эта часть галичских находок была отправлена Бестужевым его родственникам в Москву. Известный литератор, издатель «Отечественных записок», коллекционер, владелец частного Русского музея П. П. Свинын (см. о нем: Формозов 2000. С. 99–106), к счастью, успел сделать предварительные схематические рисунки этих предметов. Позднее они оказались в архиве Императорской Археологической комиссии и попались на глаза А. А. Спицыну. Третья часть «клада» (не менее 29 предметов) семья Челеевых передала в дар Костромской архивной комиссии. Следующим местом ее хранения стал музей Костромы, где с этими вещами успели познакомиться, а затем и воспроизвести в своих трудах Спицын и Тальгрэн. Позднее данная часть «клада» была передана в музей города Галича Костромской области, где экспонируется и в настоящее время. В итоге, согласно сведениям Спицына, «клад» насчитывал значительное количество металлических предметов (не менее 56). Немалая часть их была утрачена изначально. Многие мелкие серебряные украшения разошлись по рукам и попросту не подсчитывались.

Галичский «клад» весьма специфичен по набору предметов и не соответствует традиционному пониманию термина «клад». Большинство кладов Восточной, Центральной и Западной Европы позднего бронзового века является продукцией клановых групп кузнецов или общин металлургов. Для

fe D. S. Bestužev übergaben Bischof von Kostroma, Pavel, verschiedene Stücke, der sie seinerseits im Jahre 1836 der Gesellschaft für Geschichte und Altertum an der Moskauer Universität schenkte. Im Weiteren gelangten acht ins Russische Historische Museum (vgl. in diesem Katalog). Der zweite Teil der Sammlung, der nicht weniger als 19 Gegenstände umfasste, ging bis auf die Figur eines Idols verloren. Diese nahm Graf S. G. Stroganov zunächst in seine Sammlung auf, später gelangte sie in die Eremitage. Ursprünglich hatte Bestužev diesen Teil Verwandten in Moskau geschickt. Glücklicherweise hatte der bekannte Schriftsteller und Herausgeber der literarischen Zeitschrift *Otečestvennye zapiski*, der Sammler und Besitzer des privaten Russischen Museums P. P. Svinin (vgl. zu diesem Формозов 2000. С. 99–106) zuvor jedoch noch schematische Zeichnungen der Stücke angefertigt. Diese tauchten später im Archiv der Kaiserlichen Archäologischen Kommission auf, wo sie А. А. Spicyn aufhielten. Der dritte Teil des „Schatzfundes“ mit mindestens 29 Stücken ging ebenfalls verloren. Die Familie Čeleevych hatte sie der Archivkommission von Kostroma geschenkt. Die nächste Station ihres Weges war das Museum Kostroma, in dem Spicyn und Tallgren diese Stücke in Augenschein nehmen konnten, um sie dann in ihren Veröffentlichungen vorzustellen. Später wurde dieser Teil des „Schatzfundes“ an das Stadtmuseum von Galič der Oblast Kostroma übergeben, wo er bis heute ausgestellt ist. Nach Aussagen Spicyn machte eine erstaunliche Zahl von Gegenständen diesen „Schatzfund“ aus (nicht weniger als 56 Einzelstücke). Ein nicht geringer Teil davon ist gleich zu Beginn verloren gegangen. Viele kleine Silberarbeiten wanderten von einer Hand zur nächsten und wurden deshalb nie erfasst.

Mit dem „Schatzfund“ von Galič liegt eine sehr spezifische Zusammenstellung von Gegenständen vor, für die der Begriff „Schatzfund“ im gängigen Verständnis im Grunde nicht zutrifft.

этих кладов, за редким исключением, характерен орудийный или сырьевой набор. Галичский «клад» совершенно иной. Это своего рода «языческая ризница».

Сакральное, символическое назначение основной части предметов сразу же бросилось в глаза уже первым исследователям «клада» — от епископа Павла и П. П. Свинына до А. А. Спицына и В. А. Городцова. Мы убеждены, что в случае с Галичским «кладом» имеем дело с комплектом вещей, которые сопровождали захоронение шамана или кенотаф (могила без самого погребенного) с культовой одеждой и атрибутами шаманской ритуальной практики. Отсутствие костяка, ткани и кожи вполне объяснимо: органические материалы в геологических условиях этого региона практически не сохраняются. Кроме того, из этнографической практики известно, что захоронения шаманов чаще всего являлись изолированными, вне родовых и семейных кладбищ, а культовая одежда и атрибуты шамана помещались в створе от умершего.

Исследования последних десятилетий (Черных, Кузьминых 1989; Кузьминых 2011) выявили непосредственную связь Галичского «клада» с историей сейминско-турбинского (СТ) транскультурного феномена. Часть предметов легко узнаваема в древностях фатьяновско-балановской общности, вольско-лбищенского типа, абашевской культуры конца среднего и рубежа среднего и позднего бронзового веков (Студзицкая, Кузьминых 2001. С. 134). Другая часть, и прежде всего антропоморфные идола, маскоиды, фигурки животных и рептилий, ланцеты с изогнутыми остриями, безувязковые бляхи-подвески, не имеет четкой культурной привязки. Но эти изделия хорошо узнаваемы в свете этнографических параллелей: мы рассматриваем их в качестве принадлежности костюма шамана и атрибутов его ритуальной практики. Ключевым, знаковым предметом, определяющим культурную принадлежность «клада», является кинжал со змеиноголовой рукоятью и пластинчатым клинком — характерное оружие СТ-типа.

В XXII–XVIII веках до н. э. в Северной Азии складывается яркая и уникальная сейминско-турбинская культура, оказавшая значительное влияние на другие археологические культуры позднего бронзового века Евразии. Это были племена металлургов, воинов-коневонов, в среде которых выделяется культура воинской элиты. Возникает культ бронзового оружия, особую группу которого составляют так называемые княжеские кинжалы и ножи с фигурными рукоятями. Вероятно, это оружие было церемониальным и служило атрибутом власти. В эпоху бронзы оружие не только начинает цениться за боевые качества, но и играет знаковую роль, определяющую социальное положение его обладателя в обществе.

В кинжалах с фигурными рукоятями отразилась сложная история самого формирования СТ-феномена. Среди персонажей сейминско-турбинской металлической пластики выделяются два иконографических комплекса. Генезис одного из них — алтайского (лошадь, быки, верблюды, бараны-архары) — связан с популяциями скотоводов и металлургов, локализованными в предгорных и горных областях Алтая и Тянь-Шаня; происхождение второго — с подвижными группами охотников и рыболовов лесных и горно-лесных районов Саяно-Алтая. Персонажи байкальского иконографического комплекса (змея и лось) присутствуют только на кинжалах с пластинчатыми клинками. Их прототипами являются известные пластинчатые ножи глазковской культуры Прибайкалья. Уникальный галичский кинжал — их прямое продолжение. Да и так называемый шаманский комплект пред-

Bei den meisten spätbronzezeitlichen Schatzfunden aus Ost-, Mittel- und Westeuropa handelte es sich um die Erzeugnisse von Klangruppen von Schmieden oder von Gemeinschaften von Metallurgen. Von wenigen Ausnahmen abgesehen, war für sie charakteristisch, dass in ihnen ausschließlich Waffen oder Rohmaterial vorlagen. Ganz anders verhält es sich indes mit dem „Schatzfund“ von Galič, der fast als „heidnische Sakristei“ zu bezeichnen ist.

Die sakrale, symbolische Bedeutung der meisten Stücke sprang bereits bei den ersten Untersuchungen des „Schatzfundes“ ins Auge und wurde vom Bischof Pavel und P. P. Svinin bis hin zu A. A. Spicyn und V. A. Gorodcov erwähnt. Es scheint zweifellos, dass dieser „Schatzfund“ eine Sammlung von Stücken darstellt, die in ein Schamanengrab oder ein Kenotaph (Grab ohne Toten) mit kultischer Tracht und Attributen eines Schamanen gegeben wurde. Das Fehlen von Knochen, Gewebe und Haut ließe sich durchaus erklären, denn organische Materialien bleiben unter den geologischen Bedingungen dieser Region fast nie erhalten. Darüber hinaus ist aus der ethnographischen Praxis bekannt, dass die Gräber von Schamanen meist außerhalb der Sippen- oder Familienfriedhöfe angelegt und die kultische Kleidung sowie die Attribute des Schamanen abseits vom Toten niedergelegt wurden.

In den letzten Jahrzehnten gelang es, durch Untersuchungen eine direkte Verbindung zwischen dem „Schatzfund“ von Galič und dem transkulturellen Sejma-Turbino-Phänomen nachzuweisen (Черных, Кузьминых 1989; Кузьминых 2011). Ein Teil der Stücke ist leicht in den Fundstätten der Fatjanovo-Balanovo-Gemeinschaft, des Wolga-Lbiščensk-Typs und der Abaševo-Kultur vom Ende der Mittelbronzezeit bzw. vom Übergang der Mitte- zur Spätbronzezeit wiederzuerkennen (Студзицкая, Кузьминых 2001. С. 134). Ein anderer Teil, der vornehmlich von den anthropomorphen Idolen, Maskoiden, Tier- und Reptilienfiguren, Lanzetten mit gebogener Spitze sowie Blechen bzw. Anhängern ohne Ohr repräsentiert wird, lässt sich nicht eindeutig einer Kultur zuzuordnen. Anders stellt sich die Situation jedoch dar, betrachtet man diese Stücke aus ethnographischer Sicht, kann man sie dann doch einem Schamanen zuordnen und in ihnen Details seiner Kleidung respektive Attribute seiner rituellen Praxis erkennen. Das „Schlüsselobjekt“ dieses „Schatzfundes“, das es ermöglicht, seine kulturelle Zugehörigkeit zu bestimmen, ist mit einem Dolch mit Schlangenkopf-Griff und plattenförmiger Klinge gegeben; solche Waffen sind typisch für den Sejma-Turbino-Typ.

Am Ende des 3. — Beginn des 2. Jahrtausends v. Chr. bildete sich in Nordasien die einmalige und herausragende Sejmo-Turbino-Kultur heraus (22.–18. Jahrhundert v. Chr.), die andere spätbronzezeitliche archäologische Kulturen Eurasiens stark beeinflusste. Bei ihr handelte es sich um einen Verbund von Stämmen von Metallurgen und Kriegeren bzw. Pferdezüchtern, unter denen sich eine Kriegerelite herausgebildet hatte. Der Kult der Bronzewaffe kam auf, diese wurde durch eine besondere Gruppe so genannter Fürstendolche und Messer mit figürlich gearbeitetem Griff repräsentiert. Vermutlich handelte es sich bei der Waffe um eine zeremonielle, die als Insignie der Macht diente. In der Bronzezeit ging man dazu über, die Waffe nicht nur als kampftaugliches Stück zu schätzen, sondern in ihr auch ein Attribut zu sehen, das den gesellschaftlichen Status des Trägers innerhalb der Gemeinschaft Auskunft anzeigte.

An den Dolchen mit figürlich gearbeitetem Griff lässt sich zudem die komplizierte Entstehungsgeschichte des Sejmo-Turbino-Phänomens selbst gut ablesen, sind die Figuren auf der Metallplatte doch zwei verschiedenen ikonographischen Traditionen zuzuordnen. Die eine (Pferde, Stiere, Kamele, Widder bzw.

метов из Галичского «клада» связан, по нашему мнению, с саянскими кланами охотников и рыболовов, ставших неотъемлемой частью сейминско-турбинских групп.

Сознание древнего человека — своеобразный сплав реалистических и иллюзорных начал. Этот синкретизм первобытного мышления оказывал решающее воздействие на характер его творческой деятельности.

В современной науке период господства первобытных религиозных представлений определяется как космологический, мифопоэтический. Этот особый тип мышления хронологически противостоит историческому, естественнонаучному. Миф — это прежде всего мировоззренческая система, в которой своеобразно отражена специфика ассоциативно-образного мышления древнего человека. Мифология в первобытном обществе выступает как первоначаль-

Ил. 2. Галичский «клад». Кинжал с прорезной рукоятью с навершием в виде головы змеи с раскрытой пастью и столбиком-перемычкой, имитирующим ядовитое жало. Клинок и рукоять — мышьяковая медь
Abb. 2. „Schatzfund“ von Galič. Dolch mit Einschnitt im Griff und Aufsatz in Form eines Schlangenkopfs mit aufgerissenem Maul und Steg, der eine Giftzunge imitiert; Klinge und Griff aus Arsenkupfer

ная форма духовной культуры. Осмысливая окружающий мир сквозь призму мифа, первобытный человек пытался таким образом отразить самые сложные явления в их взаимосвязи, через конкретные, доступные его пониманию образы (чаще всего через образы животных, с которыми он соприкасался повседневно).

В соответствии с господствовавшей в древнем мировоззрении универсальной концепцией «мирового древа», определяющей «модель мира» в виде трехчленной вертикальной структуры Вселенной, существовала система, базировавшаяся на двоичных (бинарных) оппозициях, антагонизм которых стирался в мифе и ритуале. Согласно дуальному делению, Космос имеет две сферы — небесную и подземную. Небесную олицетворяет птица или лось, а подземную — змея или рыба. В этом контексте уникальный бронзовый кинжал из Галичского «клада», заключавший в себе многократно усиленный образ змеи, представляет особый интерес.

Главный образ кинжала, ключ к его семантической расшифровке, безусловно, — змея. Рукоять увенчана ее головой с раскрытой пастью и столбиком-перемычкой, имитирующим ядовитое жало. В прорези рукояти припаяна фигурка извивающейся ползущей змеи. Туловище при переходе к голове украшено поперечной змейкой-зигзагом и косыми линиями. Нижняя часть рукояти декорирована поперечными линиями (ил. 2).

В Галичском «клад» была еще одна рукоять, возможно, от аналогичного кинжала. Ее венчала голова змеи с открытой пастью, столбиком-перемычкой и раздвоенным языком-жалом. Предмет утрачен, но сохранился рисунок П. П. Свинына, опубликованный А. А. Спицыным (1903. Табл. XXIX, 8).

Argali) ist in ihrer Genesis mit dem Altaj und den Populationen von Viehzüchtern und Metallurgen zu verbinden, die in den Vorbergen und Bergen des Altajs und Tian Shans zu finden waren; die zweite ist mit Gruppen von nomadisierenden Jägern und Fischern aus den Wald- und Berg-Wald-Regionen des Sajjan-Altajs verknüpft. Die Figuren der ikonographischen Baikal-Tradition (Schlange und Elch) waren nur auf Dolchen mit scheibenartiger Klinge anzutreffen. Ihre Prototypen lagen mit den bekannten scheibenartigen Messern der Glazko-Kultur aus dem Baikargebiet vor. Der einzigartige Dolch aus dem „Schatzfund“ von Galič knüpfte direkt an sie an. Auch die so genannte Schamanen-Sammlung aus dem Fund von Galič dürfte wohl in einem Kontext mit den Sajjan-Klanen von Jägern und Fischern zu sehen sein, die wiederum einen integralen Bestandteil der Sejmo-Turbino-Gruppe bildeten.

Im Bewusstsein der Menschen der Vergangenheit verschmolzen realistische und illusorische Momente zu einem gemeinsamen Ganzen. Dieser Synkretismus im urgesellschaftlichen Denken schlug sich in ganz entschiedenem Maß auf ihr kreatives Tun nieder.

In der modernen Wissenschaft wird die Zeit, die von urgesellschaftlichen religiösen Vorstellungen geprägt wurde, als kosmologisch und mythopoetisch bezeichnet. Diese besondere Form des Denkens steht in Opposition zur historischen naturwissenschaftlichen Zeit. Ein Mythos ist in erster Linie ein weltanschauliches System, in dem sich auf originelle Weise die Spezifik des assoziativ-bildlichen Denkens des Menschen der Vergangenheit spiegelt. Die Mythologie in der Urgesellschaft fungiert mithin als erste Form einer geistigen Kultur. Indem der Mensch seine Umwelt durch den Filter des Mythos betrachtete, versuchte er, höchst komplexe Erscheinungen in ihrer Interdependenz mithilfe konkreter, seinem Verständnis zugänglicher Bilder zu erfassen (vor allem durch Bilder von Tieren, mit denen er täglich in Berührung kam).

Die Weltsicht der Vergangenheit prägte das universelle Konzept des Weltenbaums, demzufolge das „Weltmodell“ eine dreiteilige vertikale Struktur des Universums aufwies; diese Weltsicht wiederum ging mit einem System einher, das auf einer Binäroposition basierte, wobei der Antagonismus sich im Mythos und Ritual auflöste. Im Einklang mit dieser dualen Teilung besaß der Kosmos zwei Sphären, die himmlische und die unterirdische. Die Himmelssphäre wurde durch einen Vogel oder Elch repräsentiert, die Unterwelt durch eine Schlange oder einen Fisch. In diesem Kontext ist der einmalige Bronzedolch aus Galič, der das Motiv der Schlange in vielfach wiederholter Form zeigt, von besonderem Interesse.

Das Hauptmotiv des Dolches und gleichsam der Schlüssel zur semantischen Dechiffrierung dürfte ohne Frage in der Schlange zu sehen sein. Den Griff zierte der Kopf dieses Tiers, wobei das Maul aufgerissen war und ein kleiner Steg die giftige Zunge imitierte. In dem Einschnitt des Griffs war die Figur einer sich windenden, kriechenden Schlange eingelötet. Der Körper war am Übergang zum Kopf quer mit einem schlangenartigen Zickzackmuster und schrägen Linien geschmückt. Über den unteren Griffteil verliefen Querlinien (Abb. 2).

Im „Schatzfund“ von Galič lag ein weiterer Griff vor, der möglicherweise von einem analogen Dolch stammte. Auch ihn krönte ein Schlangenkopf mit aufgerissenen Maul, bei dem ein Steg und eine gespaltene Zunge ausgeführt waren. Der dazugehörige Gegenstand war verloren gegangen, eine Zeichnung P. P. Svinins, die von A. A. Spicyn veröffentlicht wurde (Спицын 1903. Табл. XXIX, 8), gibt jedoch noch über ihn Auskunft.

Das Motiv der Schlange fand sich auch auf anderen „Fürstendolchen“ des Sejma-Turbino-Horizonts (Студзицкая, Кузьми-

Образ змеи есть и на других сейминско-турбинских «княжеских» кинжалах (Студзицкая, Кузьминых 2001. С. 141), что, несомненно, отражает общность мировоззренческой схемы, в которой змея — элемент своеобразного зоологического кода, характеризующего определенную — хтоническую — зону мироздания. Образ змеи — одно из наиболее древних и значимых универсальных представлений, выработанных религиозно-мифологическим сознанием.

В идеологии охотников и рыболовов эпохи бронзы этот образ был неразрывно связан с формирующимся шаманством и твердо входил в круг космологических представлений, ассоциированных с «нижним миром». Данные этнографии также свидетельствуют о том, что в мировоззрении сибирских аборигенов образ змеи четко увязывается с представлениями о «нижнем мире». Особенно ярко эта идея выражена в шаманских ритуалах и атрибутах. В шаманском искусстве змея является одним из центральных персонажей. Она — главный дух-помощник шамана. Не случайно ее изображение так широко представлено в шаманском костюме (Иванов 1954. Рис. 41). Тесная связь шаманских представлений с культом змеи в эпоху бронзы прослеживается в комплексах так называемых шаманских погребений Восточной и Западной Сибири, в состав которых входят скульптурки и пластические изображения змей (Студзицкая, Кузьминых 2001. С. 142). Выразительный характер этих погребений полностью подтверждает мнение о том, что образ змеи в определенном контексте, несомненно, отражает и социальную структуру общества. Ведь большинство изображений змей найдено в наиболее богатых погребениях (кузнецов, литейщиков), указывая в известной степени на их семантическую однородность. Нахождение же фигурок именно в мужских погребениях — лишнее подтверждение того, что в мифологии и культовой символике змея устойчиво связана с представлениями о мужском начале.

Шаман, будучи избранным духом, благодаря которым он обладал сверхъестественными способностями и мог осуществлять связь между различными зонами Космоса, выступал посредником между людьми и высшими силами. Проникать в разные миры он мог только с помощью особой категории духов-помощников, духов-покровителей, среди которых змея занимала одно из центральных мест. Извивающаяся змея символизировала постепенное космическое движение, сочетая в себе два противоположных, но необходимых для существования мира начала — жизнь и смерть. А поскольку одним из мировоззренческих блоков шаманизма является представление о круговороте жизни, связанное с осмыслением категорий рождения и смерти, то образ змеи как нельзя лучше вписывается в этот блок. Наряду с самим шаманом змея выступала своеобразным посредником между силами Космоса и ушедшим в прошлое миром предков.

Известно, как опасен укусы змеи, и, вероятно, нанесение знака змеи на оружие (в частности, кинжалы) усиливало его смертоносные качества в глазах древнего человека.

Уникальные и медные фигурки из Галичского «клада», отлитые по восковой утраченной модели. Они представляют собой блестящие образцы пластического искусства бронзового века. Одна из фигур хранится в Государственном Историческом музее (ил. 3), другая — в Государственном Эрмитаже (ил. 4). По своей иконографии они довольно близки друг другу и отличаются лишь размерами (16,4 и 14 см) и деталями оформления. Древний мастер стремился передать образ мужчины атлетического телосложения, подчеркнув мускулы рук и ног. Фигурки сформованы в одинаковой характерной танцующей или камлающей позе, с согнутыми

ногами 2001. С. 141); dies dürfte ein Indiz für gemeinsame weltanschauliche Konzepte sein, in denen die Schlange als Element in einem originellen zoomorphen Code figurierte, das eine bestimmte — nämlich die chthonische — Sphäre des Universums repräsentierte. Die Schlange zählt zu den ältesten und bedeutendsten universellen Motiven in Religion oder Mythologie.

In der Weltanschauung der Jäger und Fischer der Bronzezeit war dieses Motiv untrennbar mit dem entstehenden Schamanentum verbunden und bildete einen festen Teil im System kosmologischer Vorstellungen, die mit der (Unter-)Welt verbunden waren. Ergebnisse ethnographischer Untersuchungen belegen ebenfalls, dass in der Weltanschauung der autochthonen sibirischen Bevölkerung das Motiv der Schlange fest mit Vorstellungen zur (Unter-)Welt einherging. Besonders deutlich zeigt sich dies in den Ritualen und Attributen der Schamanen. In der Schamanenkunst tritt die Schlange als eine der zentralen Figuren auf. Sie ist der entscheidende Hilfsgeist des Schamanen. Von daher kann ihr häufiges Vorkommen in der Schamanentracht nicht als Zufall verstanden werden (Иванов 1954. Рис. 41). Eine enge Verbindung zwischen schamanischen Vorstellungen und dem Schlangenkult ist für die Bronzezeit auch im Inventar der so genannten Schamanengräber in Ost- und Westsibirien zu beobachten, in dem kleine Skulpturen und plastische Darstellungen von Schlangen vorlagen (Студзицкая, Кузьминых 2001. С. 142). Der auffällige Gesamtcharakter dieser Bestattungen bestätigt ohne Vorbehalt die Hypothese, das Motiv der Schlange gebe in einem bestimmten Kontext auch Aufschluss über die gesellschaftliche Struktur einer Gemeinschaft, wurden die Schlangendarstellungen in den meisten Fällen doch in den reichsten Gräbern freigelegt (Schmiede und Gießler), was auch auf ihre semantische Vergleichbarkeit deutet. Dass nur die Gräber von Männern entsprechende Funde erbrachten, bestätigt einmal mehr die Hypothese, derzufolge die Schlange in der Mythologie und kultischen Symbolik ausschließlich an den Mann geknüpft ist.

Der Schamane als Auserwählter der Geister, denen er seine übernatürlichen Fähigkeiten verdankt, stellte die Verbindung zwischen verschiedenen Zonen des Kosmos her und trat als Mittler zwischen den Menschen und den höheren Kräften auf. Doch vermochte er nur mithilfe einer besonderen Kategorie von Hilfsgeistern respektive Schutzgeistern in andere Welten vorzudringen; unter diesen nahm wiederum die Schlange eine führende Position ein. Die sich windende Schlange symbolisierte die ewige kosmische Bewegung, verband in sich zwei sich widersprechende, für die Existenz der Welt jedoch obligatorische Prinzipien: das Leben und den Tod. Da einer der weltanschaulichen Aspekte im Schamanismus mit der Vorstellung vom Kreislauf des Lebens verbunden ist, die ihrerseits auf einer bestimmten Sicht von Leben und Tod basierte, passte das Motiv der Schlange wie kein zweites zu diesem Aspekt. Neben dem Schamanen selbst trat sie daher ebenfalls als Mittler zwischen den Kräften des Kosmos und der in Vergessenheit geratenen Welt der Vorfahren auf.

Da man um die Gefahr eines Schlangensbisses wusste, ist es zudem gut möglich, dass man glaubte, ihr Zeichen auf einer Waffe — und vor allem auf einem Dolch — verstärkte deren todbringende Kraft.

Einzigartig sind auch die Kupferfiguren aus dem „Schatzfund“ von Galič, die in der Technik des Wachsauflöschverfahrens gegossen wurden. Bei ihnen handelte es sich um herausragende Erzeugnisse der bronzezeitlichen Plastik. Eine dieser Figuren wird im Staatlichen Historischen Museum (GIM) aufbewahrt (Abb. 3), eine andere in der Staatlichen Eremitage (Abb. 4). Ihre Ikonographie lässt sich sehr gut miteinander vergleichen,

3

Ил. 3. Галичский «клад». Идол (ГИМ). Медь

Abb. 3. „Schatzfund“ von Galič. Idol (GIM), Kupfer

Ил. 4. Галичский «клад». Идол (Э). Медь

Abb. 4. „Schatzfund“ von Galič. Idol (Staatliche Eremitage), Kupfer

4

в коленях ногами, которые внизу соединены перемычкой. Талия узкая, руки, согнутые в локтях, соединены в «замок» и «нависают» над бедрами. Кисти рук и ступни ног не выделены.

Главной деталью, семантическим кодом этих скульптур являются «лица». Они неестественно и несоразмерно большие. «Лицо» экземпляра из Исторического музея более вытянутое, грацильное, с острым подбородком; у эрмитажного — более округлое, с массивным подбородком и широкими скулами. У обоих подчеркнуты крупный прямой нос, крутые нависающие надбровья и углубленные глазницы с рельефно выступающими зрачками; четко очерчен выступающий подбородок, большой рот приоткрыт. Оттопыренные уши гимовского идола — в виде закругленных выступов — напоминают звериные. Рот и глазницы — не сквозные.

Характер моделировки, явный аскетизм в передаче физиономических черт и непропорционально большие размеры «лиц» выдают в них маски, а не облик конкретного человека, тем более что с обратной стороны они не объемные, а вогнутые. Таким образом, галичские идола по-своему «лицедействуют»: вместо голов у них воспроизведены маски. Нависающая над лбом рельефная планка, судя по всему, является частью головного убора — опушкой шаманской шапки. Эта деталь присуща и для масок-личин «клада».

Моделировка галичских антропоморфных фигур вполне следует канонам, сложившимся в разных частях Евразии при передаче образов каменной, костяной и бронзовой антропоморфной скульптуры. Головной убор гимовского идола увенчан тремя отростками-лунницами, эрмитажного — тремя вертикальными отростками. У последнего по два аналогичных отростка отходят также от висков, плеч и предплечья. Не исключено, что в обоих случаях эти отростки имитируют птичьи перья, пришитые не только к основе головного убора, но и к его затылочной

обе стороны отличаются только их размерами (16,4 см или 14,0 см) и некоторыми деталями в оформлении. Мастер прошлого пытался создать образ человека атлетического телосложения, в котором он воплотил образ змеи, в то время как в бронзовом веке змея была одним из центральных персонажей. Она — главный дух-помощник шамана. Не случайно ее изображение так широко представлено в шаманском костюме (Иванов 1954. Рис. 41). Тесная связь шаманских представлений с культом змеи в эпоху бронзы прослеживается в комплексах так называемых шаманских погребений Восточной и Западной Сибири, в состав которых входят скульптурки и пластические изображения змей (Студзицкая, Кузьминых 2001. С. 142). Выразительный характер этих погребений полностью подтверждает мнение о том, что образ змеи в определенном контексте, несомненно, отражает и социальную структуру общества. Ведь большинство изображений змей найдено в наиболее богатых погребениях (кузнецов, литейщиков), указывая в известной степени на их семантическую однородность. Нахождение же фигурок именно в мужских погребениях — лишнее подтверждение того, что в мифологии и культовой символике змея устойчиво связана с представлениями о мужском начале.

Das entscheidende Detail, in dem sich der semantische Code der Skulpturen verbirgt, ist in den „Gesichtern“ zu sehen. Sie sind sehr unnatürlich und unproportional groß dargestellt. Das „Gesicht“ der GIM-Figur war länglicher, feiner, mit einem spitzen Kinn, während das Eremitage-Stück runder war, mit einem massiven Kinn und breiten Backenknochen. Bei beiden Exemplaren waren die große gerade Nase, das schräge, überhängende Stirnbein und die eingetieften Augenhöhlen mit reliefhaft vorspringenden Pupillen betont. Das vorspringende Kinn ist ebenfalls klar herausgearbeitet, der große Mund leicht geöffnet. Die abstehenden „Ohren“ des Idols aus dem Historischen Museum, die als halbrunde Vorsprünge gestaltet waren, erinnern an die eines Tieres. Der Mund und die Augenhöhlen waren nicht durchgehend.

Die Art der Modellierung, die fraglos asketische Wiedergabe der Gesichtszüge und die unproportionale Größe der „Gesichter“ weisen sie als Masken, nicht als Porträt eines konkreten Menschen aus, vor allem da sie auf der Rückseite nicht plastisch, sondern nach innen gewölbt waren. Damit dürften die Idole aus dem „Schatzfund“ von Galič wohl dahingehend zu interpretieren sein, dass sie anstelle eines Kopfes eine Maske besaßen. Der über der Stirn verlaufende reliefhafte Streifen dürfte einen Teil des Kopfschmucks darstellen, genauer den Rand der Schamanenhaube. Dieses Detail war auch für die Masken des „Schatzfundes“ typisch.

Ил. 5. Галичский «клад». Маска-личина (маскоид). Мышьяковая медь
 Abb. 5. «Schatzfund» von Galič. Maske (Maskoid), Arsenkupfer

части и рукавам костюма. О сакральном назначении головных уборов галичских идолов есть немало этнографических и археологических свидетельств (Студзицкая, Кузьминых 2001. С. 147–150).

Среди предметов Галичского «клада» имеются две небольшие антропоморфные маски-личины, отлитые в той же стилистической манере, что и маски идолов. Такие миниатюрные маски, называемые этнографами маскоидами (то есть уменьшенными копиями больших масок), как правило, нашивались на шаманский костюм. Характерные признаки маски-личины — глазные отверстия и рот. У маскоида из собрания Исторического музея (ил. 5) головной убор венчают две миниатюрные стилизованные противостоящие фигурки медведей. Это дополнительный аргумент, указывающий на связь всего набора культово-ритуальных предметов «клада» с представлением о «нижнем мире». У народов Сибири медведь, как и змея, выступал главным помощником шамана, камлающего в «нижний мир» (Там же. С. 151, 152). В космогонических представлениях древних племен эти два образа олицетворяли собой «нижний мир». При этом медведь в мифологии таежных охотников соответствовал мужской части первобытного коллектива и символизировал активное мужское начало.

Вторая маска-личина известна благодаря рисунку П. П. Свинына, опубликованному А. А. Спицыным (1903. Табл. XXIX, 19). Головной убор этой фигурки венчает «пламевидный» отросток или, как мы полагаем, пучок перьев.

Маскоиды Галичского «клада», безусловно, свидетельствуют о причастности их к формированию шаманских представлений среди сейминско-турбинских групп. Это вполне согласуется с тем, что именно в эпоху бронзы, как показывают археологические материалы, широкое распространение получили изображения личин-масок в наскальных рисунках Северной и Центральной Азии. По мнению этнографов, маскоиды, которые нередко имели миниатюрные размеры (2–4 см высотой), как и маски, всегда изображались с открытым ртом и олицетворяли шамана-предка, духов-шаманов. Они занимали значительное место в культовом искусстве народов Сибири XX — начала XVIII века. При изготовлении металлических масок предпочитали красную медь. С эпохи раннего металла этот материал считался сакральным — недаром именно в меди изображали и самых могущественных духов-помощников шаманов.

Die Modellierung der anthropomorphen Figuren aus Galič folgte uneingeschränkt den Kanons, die sich in unterschiedlichen Teilen Eurasiens für anthropomorphe Skulpturen in Stein, Knochen und Bronze herausgebildet hatten. Der Kopfschmuck des GIM-Stücks wurde von drei Fortsätzen bzw. Lunulae bekrönt, das aus der Eremitage von drei vertikalen Fortsätzen. Bei diesem gingen jeweils zwei analoge Fortsätze von den Schläfen, Schultern und Unterarmen ab. Möglicherweise sollen diese Fortsätze bei beiden Stücken Vogelfedern imitieren, die nicht nur an die Spitze, sondern auch an die Nackenpartie des Kopfschmucks sowie an die Ärmel des Gewands genäht waren. Die sakrale Bedeutung des Kopfschmucks beider Stücke wird sowohl von ethnographischen als auch von archäologischen Materialien bestätigt (Студзицкая, Кузьминых 2001. С. 147–150).

Ил. 6. Галичский «клад». Фантастическое существо — «ящер». Медь
 Abb. 6. «Schatzfund» von Galič. Fantasiewesen (Schuppentier), Kupfer

Im „Schatzfund“ von Galič lagen auch zwei kleine anthropomorphe Masken vor, die im selben Stil gegossen worden waren wie die Masken der Idole. Diese Miniaturmasken, die in der Ethnographie als Maskoide — also als verkleinerte Kopien großer Masken — bezeichnet werden, wurden in der Regel auf das Gewand des Schamanen aufgesetzt. Charakteristische Merkmale waren die Öffnungen für Augen und Mund. Beim Maskoid aus der Sammlung des Staatlichen Historischen Museum (Abb. 5) krönen den Kopfschmuck zwei miniaturhafte, recht stilisierte, einander gegenüberstehende Bärenfiguren. Das ist ein weiteres Argument, das auf eine Verbindung der Gesamtheit kultisch-ritueller Gegenstände aus dem „Schatzfund“ mit der Vorstellung der (Unter-)Welt deutet.

Bei den Völkern Sibiriens war der Bär genau wie die Schlange einer der wesentlichen Helfer des Schamanen, wenn er in die (Unter-)Welt tanzte (Студзицкая, Кузьминых 2001. С. 151, 152). In den kosmologischen Vorstellungen der alten Stämme verkörperten diese beiden Tiere die (Unter-)Welt. Dabei stand der Bär in der Mythologie der Taiga-Jäger für den männlichen Teil des urgesellschaftlichen Kollektivs und verkörperte das aktive männliche Prinzip.

Die zweite Maske ist dank der Zeichnung Svinins bekannt, die von Spicyn veröffentlicht wurde (Спицын 1903. Табл. XXIX, 19). Der Kopfschmuck wurde von flammenartigen Fortsätzen oder, wie hier angenommen wird, von einem Bündel Federn bekrönt.

Die Maskoide aus dem „Schatzfund“ von Galič belegen ohne Frage, dass sie bei der Herausbildung der schamanischen Vorstellungen in den Sejma-Turbino-Gruppen eine Rolle spielten. Dies würde sich uneingeschränkt in das Bild fügen, dass, wie archäologische Materialien beweisen, eben in der Bronzezeit Darstellungen von Masken in den Petroglyphen in Nord- und Zentralasien eine weite Verbreitung fanden. Nach Ansicht von Ethnographen wurden Maskoide, die häufig nur sehr klein waren (2,0–4,0 cm), genau wie Masken stets mit offenem Mund dargestellt; sie sollten den Schamanen bzw. Vorfahren symboli-

Ил. 7. Кинжал с прорезной рукоятью с навершием в виде двух лосиных головок и резным изображением змеи на одной из сторон рукояти. Рукоять — оловянная бронза, клинок — оловянно-мышьяковая бронза. Из-под Перми (могилиник Турбино?)

Abb. 7. Dolch mit Einschnitt im Griff und Aufsatz in Form von zwei Elchköpfen und geschnitzter Schlangendarstellung auf einer Griffseite, Griff aus Zinnbronze, Klinge aus Zinn-Arsenbronze, bei Perm (Gräberfeld Turbino?)

sieren, die Schamanengeister. In der kultischen Kunst der sibirischen Völker im 20. bis zum Beginn des 18. Jahrhunderts kam ihnen herausragen-

de Bedeutung zu. Bei der Herstellung von Metallmasken bevorzugte man rotes Kupfer. Von der frühen Metallzeit an galt dieses Material als sakral, weshalb es wohl kein Zufall ist, dass die mächtigsten Hilfsgeister der Schamanen in Kupfer ausgeführt wurden.

Die Idole und Maskoide aus Galič bildeten eine eigene Gruppe kultischer Metallplastik. Freilich handelte es sich bei ihnen nicht ganz um traditionelle Skulpturen, da sie nicht dreidimensional waren und eine Maske mit aufwendigem Kopfschmuck die Stelle des Kopfes einnahmen. Im „Schatzfund“ von Galič gibt es einen weiteren anthropomorphen Gegenstand in Form eines Griffs, den eine Maske bekrönte (Спицын 1903. Рис. XXXI, 7). Die stilistischen Details des „Gesichts“ dieser Figur sind sehr gut mit denen der Maske des GIM-Idols zu vergleichen. Laut der Beschreibung Spicyns hatte der Griff eine vollendete Form und mündete in eine Zunge oder einen schmalen Pfropfen, mit dem er auf einen anderen Gegenstand aufgesetzt werden konnte. Ausgehend von ethnographischen Materialien aus Sibirien darf wohl vermutet werden, dass es sich bei diesem anderen Gegenstand um den Griff einer Schamanentrommel oder eine Klapper gehandelt haben könnte; möglicherweise bekrönte sie auch den Schamanenstab (Студзицкая, Кузьминых 2001. С. 153).

Im „Schatzfund“ lag ferner die Hohlfigur eines Tieres mit kurzem dicken Schwanz, breiten Pfoten oder Flossen, stumpfem schnabelförmigen Maul, offenem Mund und durchgehenden Durchlochungen für die Augen vor (Abb. 6). In diesem Fantasiewesen lassen sich ohne Mühe die Züge des Schuppentiers aus dem Permer Tierstil wiedererkennen. In der Fachwelt ist die Interpretation dieser Darstellung durchaus umstritten, doch stimmen die Meinungen alle in einem Punkt überein: Das Schuppentier stellt eine Verkörperung der (Unter-)Welt dar, ihren „Herrn“.

Die Zeichnungen lassen darauf schließen, dass im „Schatzfund“ von Galič noch weitere zoomorphe Gegenstände vorgelegen haben, die auf eine Verbindung zur chthonischen Welt deuten und vermutlich als Anhänger an der Schamanentracht gedient haben (Спицын 1903. Табл. XXIX, 7, 18, 20). Zu Schmuckstücken dieser Art zählten darüber hinaus Metallarmreifen, Bleche bzw. Anhänger sowie Schnüre mit Röhrenperlen und Perlen. Auf der Kleidung des Schamanen kam ihnen eine spezielle Funktion zu, die darin bestand, Töne zu erzeugen. Wie aus ethnographischen Materialien aus Sibirien bekannt ist, wurden diese Schmuckstücke bei Ritualen zur Herstellung von Schamanen verwendet. In der Kultur der Schamanen spielte die Musik eine wichtige Rolle. Die Schamanen verwendeten verschiedene Arten von Musikinstrumenten, darunter Trommeln, Klappen und Pfeifen. Die Musik wurde verwendet, um die Geister der Unterwelt zu beschwören und die Schamanen in einen tranceartigen Zustand zu versetzen. Die Musikinstrumente wurden oft aus Metall gefertigt und waren mit Perlen und anderen Schmucksteinen verziert. Die Musik wurde oft in Verbindung mit Tänzen und Ritualen gespielt. Die Musikinstrumente wurden oft in Schamanenbüchern beschrieben und waren oft mit magischen Symbolen verziert. Die Musikinstrumente wurden oft in Schamanenbüchern beschrieben und waren oft mit magischen Symbolen verziert.

Die zweite Maske ist dank der Zeichnung Svinins bekannt, die von Spicyn veröffentlicht wurde (Спицын 1903. Табл. XXIX, 19). Der Kopfschmuck wurde von flammenartigen Fortsätzen oder, wie hier angenommen wird, von einem Bündel Federn bekrönt. Die Maskoide aus dem „Schatzfund“ von Galič belegen ohne Frage, dass sie bei der Herausbildung der schamanischen Vorstellungen in den Sejma-Turbino-Gruppen eine Rolle spielten. Dies würde sich uneingeschränkt in das Bild fügen, dass, wie archäologische Materialien beweisen, eben in der Bronzezeit Darstellungen von Masken in den Petroglyphen in Nord- und Zentralasien eine weite Verbreitung fanden. Nach Ansicht von Ethnographen wurden Maskoide, die häufig nur sehr klein waren (2,0–4,0 cm), genau wie Masken stets mit offenem Mund dargestellt; sie sollten den Schamanen bzw. Vorfahren symboli-

вался в соответствующих сакральных действиях, выступал средством ирреальной защиты от злых потусторонних сил, связанных, главным образом, с миром мертвых.

Ритуально-культовый комплект вещей Галичского «клада» — своеобразный ключ к расшифровке сюжетов и образов зоо- и антропоморфного литья, в которых отразились представления людей бронзового века, связанные с элементами формировавшегося в это время шаманства.

Мировоззренческие основы шаманизма как нельзя лучше отвечали подвижному, динамичному образу жизни сейминско-турбинских племен, их социальным интересам и были созвучны их воинственному духу. Вероятно, справедливо мнение, что шаманизм является своего рода осколком воинской культуры, и первоначально именно военачальник отправлял шаманские функции.

Детальный анализ всего набора предметов Галичского «клада» позволяет рассматривать их как шаманские атрибуты. Специфика этих предметов (изображения существ хтонического мира) дает основание предположить, что «клад» был связан с категорией шаманов (или людей, осуществлявших их функции), имевших, среди прочих, и узкую специализацию камлания в «темный», «нижний» мир.

nographischen Untersuchungen erhellt, waren gerade die Schnüre von besonderer Bedeutung für die Tracht des Schamanen; man nahm an, dass sie bei jeder Bewegung des Schamanen die bösen Geister vertreiben würden.

Zum „Schatzfund“ gehörten ferner zwei Äxte aus Kupfer (eine davon befindet sich im Galič-Museum). Diese Geräte sind häufig mit der schamanischen Ritualpraxis verbunden. In der Vergangenheit zählte die Axt zu den Waffen mit „Fürstenrang“, und man sprach ihnen eine besondere magische Kraft zu. Entsprechend wurden sie neben Dolchen und Pfeilen bei sakralen Handlungen eingesetzt, fungierte als Mittel eines irrealen Schutzes gegen überirdische böse Kräfte, die vor allem der Welt der Toten entstammten.

Die Zusammenstellung ritueller und kultischer Gegenstände im „Schatzfund“ von Galič stellt gewissermaßen einen Schlüssel zur Dechiffrierung der Sujets und Motive dar, die sich bei zoomorphen und anthropomorphen Gusserzeugnissen finden und in denen sich ebenfalls die Vorstellungen widerspiegeln, die sich die Menschen der Bronzezeit zu den Elementen des sich damals herausbildenden Schamanentums machten.

Die weltanschaulichen Grundlagen des Schamanismus korrespondierten in optimaler Weise mit einer nomadisierenden Lebensform, wie sie die Stämme des Sejma-Turbino-Horizonts pflegten, entsprachen ihren gesellschaftlichen Interessen und ihrem kriegerischen Geist geradezu perfekt. Vermutlich ist die Ansicht, dass der Schamanismus eine Art Splitter der Kriegerkultur darstellt, zutreffend; ursprünglich dürfte wohl der Anführer im Krieg auch die Funktion des Schamanen übernommen haben.

Wie die detaillierte Analyse aller Stücke aus dem „Schatzfund“ von Galič zeigte, sind diese als schamanische Attribute anzusprechen. Die Spezifik dieser Objekte — die Darstellung von Wesen der chthonischen Welt — spricht für die Vermutung, dass der „Schatzfund“ mit der Kategorie der Schamanen zu verbinden ist (oder mit Menschen, die diese Funktion ausübten), die neben vielen anderen Fertigkeiten in der dunklen, (unter-)irdischen Welt zu tanzen wussten.

Аликс Хэнзель

Культовые повозки эпохи бронзы

Alix Hänsel

Die Kultwagen der Bronzezeit

Миниатюрные глиняные модели повозок существовали уже в IV и III тыс. до н. э. (Maran 2004; Fansa 2004). Они представляли собой просто уменьшенные копии повозок, которые тогда действительно использовали в качестве транспортного средства, а вот в эпоху бронзы появляются еще и такие, которые изготавливались только в миниатюрном виде и использовались исключительно в сакральных целях.

Эти повозки, называемые культовыми, были распространены с середины II тыс. до н. э. вплоть до железного века по всей территории от Леванта до Скандинавии. В Восточном Средиземноморье, например на острове Кипр (Buchholz 1999. S. 509f.), их находили в основном в святилищах, а в Центральной и Северной Европе — как в захоронениях, так и вкладах.

Повозки-сосуды

Очень часто культовые повозки состояли из котла или подставки на колесах, в которые можно было вставить сосуд (ил. 1). Многие из таких предметов сделаны из бронзы, но есть и сформованные из глины. Однако функции они имели разные. В то время как эгейские повозки перевозили курильницы, другие, очевидно, служили емкостями для жидкостей или сосудами для либаций. Котелки были часто декорированы, в том числе и протомами птиц, а иногда и полнофигурными их изображениями (ил. 2, 3). В Италии в VIII и VII веках до н. э. существовали так называемые повозки-чаши, представлявшие собой основание, обрамленное чаще всего протомами птиц и имеющее в средней части чашеподобное углубление.

Антропоморфные изображения на повозках-сосудах появляются только в начале железного века. Самое известное из них — это целая процессия на четырехугольном основании повозки, стоящем на четырех колесах, из могильника в Штреттвеге в Австрии (ил. 1, 5): в середине стоит женское божество, держащее котел, вокруг расположены фигуры меньшего размера, всадники и люди, ведущие оленей. Это изображение свидетельствует о том, что повозки-котлы были элементом комплексного ритуального процесса.

В некоторые из повозок-котлов, найденных в могильниках, был помещен пепел погребенных (ил. 2, 1, 2). Наряду с этим известны случаи, как, например, детское захоронение в Давердене в Нижней Саксонии (ил. 2, 4), когда фрагменты миниатюрной повозки хранились вместе с пеплом в керамическом сосуде. Существуют, однако, и такие захоронения, относящиеся к началу железного века, в которых обнаружены и миниатюрные повозки, и большие, пригодные к использованию в качестве транспортного средства (Egg, Kaul

Миниатюрные модели повозок из глины и керамики существуют уже в IV и III тыс. до н. э. (Maran 2004; Fansa 2004). Während es sich aber bei diesen Stücken weitgehend um Nachbildungen von Gefährten handelt, wie sie tatsächlich in großem Format genutzt wurden, erweitert sich in der Bronzezeit das Spektrum um Wagen, die nur in Miniaturform hergestellt und ausschließlich zu sakralen Zwecken verwendet worden sind.

Diese als Kultwagen bezeichneten Gefährte sind von der Levante bis nach Skandinavien von der Mitte des 2. Jahrtausends bis in die Eisenzeit verbreitet. Während sie im östlichen Mittelmeerraum, etwa auf der Insel Zypern (Buchholz 1999. S. 509f.), zumeist aus Heiligtümern stammen, finden sie sich in Zentral- und Nordeuropa sowohl in Gräbern als auch in Depots.

Gefäßwagen

Sehr häufig bestehen die Kultwagen aus einem mit Rädern versehenen Kessel oder einem Ständer, in den ein Gefäß eingelassen werden konnte (Abb. 1). Viele dieser Geräte bestehen aus Bronze, sie können aber auch aus Ton geformt sein. Die Funktion dieser Behälter ist jedoch unterschiedlich. Während die ägäischen Wagen Räuchergefäße transportierten, dienten andere offenbar auch als Behälter für Flüssigkeiten oder Libationen. Die Kessel sind oft verziert und mit Vogelprotomen versehen, sie können sogar insgesamt die Gestalt von Vögeln haben (Abb. 2, 3). In Italien gibt es im 8. und 7. Jahrhundert zudem so genannte Beckenwagen, die aus einer zumeist durch Vogelprotome gesäumten Platte mit einer schalenförmigen Vertiefung im Mittelteil bestehen.

Anthropomorphe Darstellungen auf Gefäßwagen finden sich erst zu Beginn der Eisenzeit. Die bekannteste Szene zeigt ein um 600 v. Chr. datiertes Gefährt aus einem Grabhügel von Strettweg in Österreich, auf dessen von vier Rädern getragener Platte eine ganze Prozession dargestellt ist (Abb. 1, 5): In der Mitte steht eine den Kessel tragende weibliche Gottheit, die von kleineren Figuren, Reitern und Hirsche führenden Personen flankiert wird. Diese Darstellung zeigt, dass die Kesselwagen in ein umfassenderes rituelles Geschehen eingebunden waren.

Einige der in Gräbern gefundenen Kesselwagen enthielten die Asche des Verstorbenen (Abb. 2, 1, 2). Daneben gibt es Fälle, wie etwa das Kindergrab von Dawerden, Niedersachsen (Abb. 2, 4), wo Teile eines Miniaturwagens zusammen mit dem Leichenbrand in einem Keramikgefäß aufbewahrt wurden. Es gibt aber, vor allem zu Beginn der Eisenzeit, auch Gräber, die sowohl einen Miniatur- als auch einen funktionstüchtigen großen Wagen enthielten (Egg, Kaul 2001. S. 467). Dennoch lag offenbar dem Brauch, den Toten mit einem Miniaturwagen beizusetzen, die Vorstellung zugrunde, dass der Verstorbene auf dem Gefährt in

2001. S. 467). Тем не менее в основе обычая погребать умершего вместе с миниатюрной повозкой лежит, очевидно, представление о том, что усопший должен отправиться в потусторонний мир на повозке. На это указывают и птицы, присутствующие в декоре многих повозок — они демонстрируют, что повозки могут и летать.

О характерной для дохристианского периода вере в то, что на миниатюрных повозках можно попасть к богам, свидетельствуют мифы Гомера. В «Илиаде» (XVIII, 372–379) Гефест по просьбе Фетиды кует военное снаряжение для ее сына Ахилла:

*Бога, покрытого потом, находит в трудах, пред мехами
Быстро вращавшегося: двадцать треножников вдруг он
работал,*

*В утварь поставив к стене своего благолепного дома.
Он под подножием их золотые колеса устроил,
Сами б собою они приближались к сонму бессмертных,
Сами б собою и в дом возвращались, взорам на диво.
(Перевод Н. И. Гнедича)*

Ил. 1. Бронзовые повозки с сосудами: 1 – Китион, Кипр (фото И. Геске); 2 – Ахольсхаузен, Бавария (по: Sperber 2005); 3 – Пекатель, Мекленбург-Передняя Померания (по: Lehmann 2004); 4 – Ветулония; 5 – Штреттвэг, Штирия (по: Egg, Kaul 2001)

Abb. 1. Bronzene Gefäßwagen: 1 – Kition, Zypern (Foto I. Geske); 2 – Acholshausen (nach Sperber 2005), Bayern; 3 – Peckatel, Mecklenburg-Vorpommern (nach Lehmann 2004); 4 – Vetulonia; 5 – Strettweg, Steiermark (nach Egg, Kaul 2001)

eine jenseitige Welt reisen sollte. Darauf deuten auch die Vögel hin, die an vielen der Wagen angebracht wurden, zeigen sie doch, dass diese Wagen auch fliegen konnten.

Dass man in der vorchristlichen Zeit glaubte, das Miniaturwagen zu den Göttern gelangen konnten, ist durch die Mythen Homers belegt. In der Ilias (18, 372–379) schmiedet Hephaistos auf die Bitte von Thetis die Kriegsausrüstung für ihren Sohn Achill:

*Ihn dort fand sie im Schweiß, um die Blasebälge beschäftigt,
Eifrig, denn Dreifüße bereitete er, zwanzig in allem,*

Ил. 2. 1–3 – Керамические повозки-сосуды из могильников в Нижня Мышля, Словения; Дергисшове, Бранденбург и Эсте, Северная Италия; 4 – урна с пеплом и фрагментами колеса из Давердена, Нижняя Саксония; 5 – изображение повозки-котла на монетах из Краннона, Фессалия (1 – по: Furmánek 1999; 2 – МПДИ, Берлин, фото К. Гёкена; 3 – по: Woytowisch 1978; 4 – по: Precht 2004; 5 – по: Pare 1989. Составление Д. Грайнерт)

Abb. 2. 1–3 – Keramische Wagentöpfe aus Gräberfeldern von Nižná Myšľa, Slowenien; Dergischow, Brandenburg und Este, Oberitalien; 4 – Urne mit Leichenbrand und Radteilen von Daverden, Niedersachsen; 5 – Darstellung eines Kesselwagens auf Münzen aus Krannon, Thessalien (1 – nach Furmánek 1999; 2 – MVF, Berlin, Foto K. Göken; 3 – nach Woytowisch 1978; 4 – nach Precht 2004; 5 – nach Pare 1989. Zusammenstellung: D. Greinert)

Однако античные источники говорят еще об одной функции повозок-котлов, сохранявшейся вплоть до периода эллинизма. Утверждается, что в северогреческом городе Кранноне во время засухи вокруг города провозили металлическую повозку с большим сосудом. Это шествие изображено на мо-

*rings zu stehen an der Wand des wohlgegründeten Saales.
Goldene Räder befestigte er jeglichem unter dem Boden,
Dass sie aus eigenem Antrieb in die Schar eingingen der Götter,
Dann zu ihrem Gemach heimkehrten, Wunder dem Anblick.*

Aus antiken Quellen ist aber auch noch eine weitere Funktion der Kesselwagen überliefert, die bis in die hellenistische Zeit fort dauerte. So soll in der nordgriechischen Stadt Krannon bei Dürre ein metallener Wagen mit einem großen Gefäß um die Stadt geführt worden sein. Abgebildet ist dieser Umzug auf einem Münzbild, das auch zwei auf dem Gefährt sitzende Raben zeigt, die als Verkünder des bevorstehenden Regens gelten (Abb. 2, 5).

Auch in der germanischen Mythologie spielte ein Wagen im Kult der Göttin Nerthus eine wichtige Rolle. Laut Tacitus (Baumstark 1876. Kap. 40. S. 36f.) fährt die Göttin auf einem mit Tüchern bedeckten Wagen aus ihrem Heiligtum durch das Land. Bis zur ihrer Rückkehr muss Frieden herrschen, danach wird der Wagen in einem See von Sklaven gewaschen, die anschließend ertränkt werden.

Ил. 3. 1 – солнечная повозка из Трундхольма, Дания; 2, 3 – повозка из Дупляя, Сербия (1 – по: Fansa 2004; 2 – по: Koch 2008; 3 – по: Pare 1989)

Abb. 3. 1 – Sonnenwagen von Trundholm, Dänemark; 2, 3 – Wagen von Dupljaja, Serbien (1 – nach Fansa 2004; 2 – nach Koch 2008; 3 – nach Pare 1989)

нете, где можно увидеть и двух сидящих на повозке ворон, считавшихся предвестниками дождя (ил. 2, 4).

Важную роль играет повозка и в германской мифологии, в культе богини Нертты. Согласно Тациту (Baumstark 1876. Kap. 40. S. 36f.), богиня под покровом из ткани выезжает на повозке из своего святилища и проезжает по округе. До момента ее возвращения повсюду должен царить мир, после возвращения повозку омывают в озере рабы, которых в том же озере и топят.

Солнечные повозки

Наряду с повозками-котлами эпохи бронзы существовали и такие миниатюрные повозки, использование которых непосредственно связано с почитанием божества солнца. Самый известный пример — солнечная повозка из Трундхольма в Дании, найденная в болоте (ил. 3, 1). Покрытый золотой фольгой диск олицетворяет божество, он стоит на повозке, которую везет конь. Северные наскальные рисунки и торевтика дают множество примеров изображения божества солнца в виде диска или солнечного креста, причем в этом виде солнце могло передвигаться не только на колеснице или повозке, но и на корабле.

В антропоморфном виде божество солнца изображено на глиняной скульптуре из Дупляя в Сербии. На трехколесной повозке, которую тянут водоплавающие птицы, стоит фигура, интерпретируемая как мужская — считается, что под юбкой скрыты мужские гениталии (ил. 3, 2). Балдахин, который первоначально был закреплен над фигурой, символизирует солнце, лучи которого воспроизведены в виде процарапанного узора. Характерно, что изображенное божество имеет клювовидную голову, согнутые в локтях руки и похожую на юбку нижнюю часть. Силуэтом фигура напоминает, как уже было отмечено К. Паре (Pare 1989, P. 84), так называемых идолов типа Фи греко-микенской культуры, и значение этой небольшой скульптуры также может быть связано с греческой мифологией.

Некоторую ясность вносит в этот вопрос источник гораздо более поздний, но явно основывающийся на древних преданиях. Античный оратор Гимерий из Прусы, живший в IV в. н. э., рассказывает, как Зевс хотел послать только что родившегося Аполлона в Дельфы, но тот отправился к гиперборейцам, которые якобы жили «по ту сторону северного ветра». В середине лета Аполлон летит наконец на юг, в Дельфы, на колеснице, запряженной лебедями. Феб или Аполлон

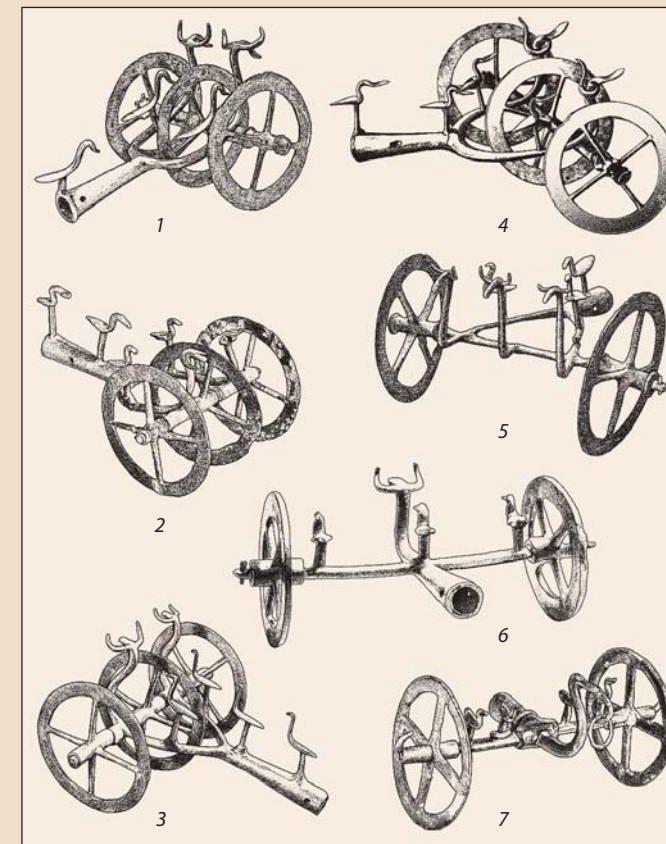
Sonnenwagen

Neben den bronzezeitlichen Kesselwagen gibt es einige Miniaturwagen, deren Verwendung direkt mit der Verehrung einer Sonnengottheit zusammenhängt. Das bekannteste Beispiel ist der Sonnenwagen von Trundholm in Dänemark, der in einem Moor versenkt worden war (Abb. 3, 1). Die mit Goldfolie bezogene Scheibe stellt die Gottheit dar und steht auf einem Wagen, der von einem Pferd gezogen wird. Aus der nordischen Felsbildkunst und Toreutik gibt es zahlreiche weitere Beispiele, dass die Sonnengottheit als Scheibe oder Radkreuz dargestellt wurde und nicht nur auf einem Wagen, sondern auch in einem Schiff reisen konnte.

In anthropomorpher Form ist der Sonnengott auf einer Tonplastik aus Dupljaja, Serbien, dargestellt. Die aufgrund der unter dem Rock verborgenen Geschlechtsteile als männlich zu interpretierende Gestalt steht auf einem dreirädrigen, von Wasservögeln gezogenen Wagen (Abb. 3, 2). Ein ursprünglich an der Figur befestigter Baldachin symbolisiert die Sonne, deren Strahlen durch Ritzmuster wiedergegeben werden. Auffällig ist, dass die Gestalt einen schnabelförmigen Kopf, angewinkelte Arme und ein rockartiges Unterteil aufweist. Wie schon Ch. Pare (Pare 1989, P. 84) ausführte, ähnelt sie damit den so genannten „Phi“-Idolen der griechisch-mykenischen Kultur, und tatsächlich dürfte auch die Bedeutung dieser kleinen Plastik mit der griechischen Mythologie verbunden sein.

Aufschluss hierzu gibt eine Quelle, die freilich viel jüngeren Datums ist, aber offensichtlich auf älteren Überlieferungen basiert. Der antike Rethor Himerios von Prusias, der im 4. Jahrhundert n. Chr. lebte, erzählt, wie Zeus den eben geborenen Apoll nach Delphi senden will, dieser aber zu den Hyperboeern reist, die „jenseits des Nordwindes“ leben sollen. In der Mitte des Sommers fliegt Apoll schließlich auf einem von Schwänen gezogenen Wagen Richtung Süden nach Delphi.

Phoibos Apollon („der Leuchtende“) wurde in der Antike auch dem Sonnengott Helios gleichgesetzt. Der bronzezeitli-

Ил. 4. Повозки с дышлом из региона Одера: 1 – Бург 1; 2 – Оберкеле; 3 – Потсдам-Айхе; 4 – Дроссен; 5 – Бург 2; 6 – Перстница 1; 7 – Перстница 2 (графика: Д. Грайнерт)

Abb. 4. Die Deichselwagen des Oderraumes: 1 – Burg 1; 2 – Oberkehle; 3 – Potsdam-Eiche; 4 – Drossen; 5 – Burg 2; 6 – Pierstnica 1; 7 – Pierstnica 2 (Grafik: D. Greinert)

Ил. 5. Наскальный рисунок из Бохуслена с изображением богов и повозки с дышлом (по: Maraszek 1997)

Abb. 5. Felszeichnung aus Bohuslän mit Götterdarstellung und Deichselwagen (nach Maraszek 1997)

(«лучезарный») приравнивался в античности к богу солнца Гелиосу. Культурная повозка эпохи бронзы из Дупляя воспроизводит, вероятно, именно этот миф, согласно которому бог передвигается на колеснице, запряженной лебедями. Этот факт можно считать указанием на то, что корни античных мифов уходят далеко в глубь времен, в эпоху бронзы.

Пусть колесницу из Дупляя везут не лебеди, а, скорее, утки или гуси, они все равно относятся к водоплавающим птицам. Кроме того, у них есть еще один общий с лебедями признак: когда в начале холодной, темной зимы природа умирает, они покидают северные земли, а возвращаются весной, вместе с просыпающейся природой. Таким образом, эти птицы также оказываются символом смерти и возрождения, воплощающимся в заходе солнца вечером и новом восходе на утреннем небе (Hänsel 2008, S. 13f.).

Повозки с дышлом

Водоплавающие птицы встречаются в декоре многих произведений эпохи бронзы, например на глиняных сосудах, металлических изделиях, но особенно часто — на культурных повозках. Наиболее характерны они для третьей из обсуждаемых в данной статье групп — для так называемых повозок с дышлом. Этот специфический тип культурных тележек,

che Kultwagen von Dupljaja könnte genau diesen Mythos wiedergeben, nach dem der Gott auf einem von Schwänen gezogenen Wagen reist. Dies wäre ein Hinweis darauf, dass die Wurzeln der antiken Mythen bis weit in die Bronzezeit zurückreichen.

Auch wenn es sich bei den Vögeln, die den Wagen von Dupljaja ziehen, nicht um Schwäne, sondern eher um Enten oder Gänse handelt, sind es ebenfalls Wasservogelarten. Noch eine weitere Eigenschaft haben sie gemein: Sie verlassen mit dem Absterben der Natur zu Beginn des kalten, dunklen Winters ihre nördlichen Quartiere und kehren mit dem Erwachen der Natur im Frühjahr zurück. Diese Vögel sind somit auch ein Symbol für Tod und Wiedergeburt, das sich ebenso im Versinken der Sonne am Abend und ihrem Wiedererscheinen am Morgenhimmel manifestiert (Hänsel 2008, S. 13f.).

Deichselwagen

Wasservogelfiguren finden sich auf zahlreichen bronzezeitlichen Kunstwerken, zum Beispiel Felsbildern, Tongefäßen, Metallarbeiten und besonders häufig auch auf Kultwagen. Geradezu charakteristisch sind Vogelfiguren für die dritte hier zu behandelnde Gruppe, die so genannten Deichselwagen.

Dieser spezielle Typ von Kultwägelchen, von dem auch zwei Exemplare in der Ausstellung vertreten sind, findet sich ausschließlich im mittleren Oderraum (Maraszek 1997). Bis heute kennt man insgesamt sieben Deichselwagen (Abb. 4), von denen zwei zu den Inventaren des Berliner Museums für Vor- und Frühgeschichte gehören, die sich seit Kriegsende im GMII befinden. Allen diesen Gefährten, deren Länge unter 25 cm und deren Höhe unter 20 cm liegt, ist das Vorhandensein einer Tülle gemein. Sie besitzt an ihrem Ende seitliche Lochungen, an denen offenbar ein hölzerner Stab befestigt werden konnte. Vier der bis heute bekannten Wagen besitzen drei, die übrigen drei Wagen nur je zwei an einer Achse fixierte, drehbare und jeweils

две из которых представлены на выставке, встречается только в регионе среднего течения Одера (Maraszek 1997). На сегодняшний день известно всего семь моделей повозок с дышлом (ил. 4), две из которых перечисляются в инвентарных списках тех коллекций берлинского Музея преистории и древней истории, которые после 1945 года находятся в ГМИИ. Общим для всех этих повозок, длиной не более 24 см и высотой не более 20 см, является наличие втулки. На концах втулки есть боковые отверстия, с помощью которых в ней можно, вероятно, крепить деревянную палочку. Четыре из известных ныне повозок имеют по три вращающихся четырехспицевых колеса, закрепленных на одной оси, а три остальные повозки — только по два. Все повозки подвижные, то есть если их подталкивать, они могут ездить туда-сюда.

На втулках или на исходящих из втулок оглоблях, а иногда на оси расположены протомы водоплавающих птиц. На шести из семи повозок головы птиц имеют бычьи рога. Значение быка как символа оплодотворяющей силы может указывать на связь с ритуалами плодородия. Однако бык имеет еще одно значение — это знак силы вращения небес и, соответственно, знак смены созвездий и времен года. Рогообразные насадки культовых повозок напоминают и серп луны, космический символ — имевший большое значение в эпоху бронзы на огромной территории от Египта до Скандинавии.

Вполне возможно, что повозки с дышлом играли определенную роль и в контексте ритуалов, связанных со сменой времен года. Конечно, такие ритуалы также имели отношение к плодородию земли. Места находок не дают, к сожалению, никаких сведений о конкретном использовании повозок. Некоторые из тележек прятали в землю или погружали в воду, очевидно исполняя ритуал. Двухколесная повозка из Бурга (ил. 4, 7) была найдена неглубоко, у самой поверхности, среди углей, окалины, костей животных, обломков кремня и черепков эпохи бронзы, поэтому можно предположить, что она была объектом жертвоприношения сожжением. Сжигание, затопление в воде и закапывание служили в принципе одной цели — уберечь сакральные предметы от профанации и перевести их из дольного мира в горний.

Примечательно место, где были найдены культовые повозки из Перстницы (Большого Першница, ил. 4, 6, 7). Обе они были зарыты в яму вместе с парой наручных украшений у подножия большого вертикального обломка ледникового валуна (Seger 1931). Наручные украшения — это не просто украшения, а элементы церемониального облачения вождей эпохи бронзы (Hänsel, Hänsel 1997-II. S. 61ff.). Существует целый ряд свидетельств того, что в доисторических цивилизациях политическая и сакральная власть часто находилась в руках одного и того же лица. В этом случае можно предположить, что повозка являлась сакральным предметом, который в качестве знака власти вместе с наручными украшениями был заложен в особом, выделенном месте.

Хотя повозки с дышлом известны нам до сих пор только по региону Одера, об их значении знали и в других местах. На наскальном рисунке в Бохуслене, в Швеции, в композиции включена трехколесная повозка с дышлом и бычьими рогами, на ней изображена итифаллическая фигура, размахивающая топором, а также известные северные божества-близнецы (ил. 5). По сравнению с фигурами повозка кажется очень маленькой, из чего можно сделать вывод, что миниатюрные повозки с дышлом действительно использовались в культовых обрядах. Логично предположить, что символическое значение повозок из региона Одера было так же понятно участникам ритуального действия, как нам сегодня понятно значение христианского креста.

viersperrige Räder. Alle Gefährte lassen sich bewegen, konnten also, von einem Stab geführt, hin und her gefahren werden.

Auf den Tüllen bzw. den von den Tüllen ausgehenden Gabeln oder auf der Achse sind Protome mit Wasservogelfiguren angebracht. Bei sechs der Wagen sind die Köpfe der Vögel mit Stierhörnern versehen. Die Bedeutung des Stiers als Symbol für Zeugungskraft könnte auf einen Zusammenhang mit Fruchtbarkeitsriten hinweisen. Der Stier besitzt jedoch auch eine Bedeutung als Zeichen für die Kraft der Drehbewegung des Himmels und damit den Verlauf der Gestirne und der Jahreszeiten. Weiterhin erinnern die hörnerförmigen Aufsätze der Kultwagen auch an die Mondsichel, ein kosmisches Symbol, das ebenfalls in der Bronzezeit von Ägypten bis Skandinavien von Bedeutung ist.

Es ist also denkbar, dass die Deichselwagen in Zusammenhang mit jahreszeitlich bedingten Riten eine Rolle spielten, die natürlich ebenfalls mit der Fruchtbarkeit des Bodens zu tun haben. Über die konkrete Verwendung können die Fundumstände leider wenig Auskunft geben. Einige der Wägelchen wurden offenbar rituell im Boden verborgen oder im Wasser versenkt. Der zweirädrige Wagen aus Burg (Abb. 4, 7) wurde inmitten von Holzkohle, Schlacke, Tierknochen, Feuersteinsplittern und bronzezeitlichen Scherben dicht unter der Oberfläche gefunden, könnte also von einem Brandopferplatz stammen. Verbrennen, versenken und vergraben dienten letztlich dem gleichen Zweck, nämlich sakrale Gegenstände einer Profanisierung zu entziehen und sie von der diesseitigen in eine jenseitige Welt zu transferieren.

Bemerkenswert ist der Befund der beiden Kultwagen von Pierstnica (Groß Perschnitz. Abb. 4, 6, 7). Diese waren am Fuß eines aufrecht stehenden Findlingsblocks in einer Grube zusammen mit einem Armstulpenpaar niedergelegt worden (Seger 1931). Armstulpen sind kein gewöhnlicher Schmuck, sondern gehören in der späten Bronzezeit zum zeremoniellen Ornat von Machthabern (Hänsel, Hänsel 1997-II. S. 61ff.). Es gibt eine Reihe Belege dafür, dass politische und sakrale Macht in prähistorischen Zivilisationen oft in der Hand einer einzigen Person lag. So könnte es sich auch in diesem Fall um sakrales Gerät handeln, das zusammen mit den Armstulpen als Zeichen der Macht an einem besonderen Ort deponiert wurde.

Sind Deichselwagen bislang auch nur aus dem Oderraum bekannt, so gibt es doch Hinweise, dass ihre Bedeutung auch andernorts verstanden wurde. Auf einem Felsbild aus Bohuslän in Schweden ist ein dreirädriger Wagen mit Deichsel und Stierhörnern in eine Szene integriert, auf der eine ithyphallische, axtschwingende Figur sowie die bekannten nordischen Zwillingsgottheiten dargestellt sind (Abb. 5). Der Wagen ist im Vergleich zu den Figuren winzig, ein Hinweis darauf, dass tatsächlich Deichselwagen in Miniaturgröße im Kult Verwendung fanden. So kann auch für die Deichselwagen aus dem Oderraum angenommen werden, dass deren symbolische Bedeutung den Teilnehmern einer rituellen Handlung, bei denen solche Wagen eine Rolle spielten, ebenso bewusst war, wie beispielsweise uns Heutigen die Bedeutung des christlichen Kreuzes.

Свенд Хансен

Клады в Европе эпохи бронзы

Svend Hansen

Deponierungen in der Bronzezeit Europas

Солнечная повозка из Труднхольма, небесный диск из Небры или золотые чаши из Эберсвальде — вот лишь три примера удивительных находок в Европе, датируемых эпохой бронзы. Владельцы предавали все эти предметы земле, не намереваясь когда-либо снова их использовать. Найдено еще множество других металлических предметов, которые по одному или группами были сложены в виде кладов на земле или в ее недрах в эпоху бронзы. Многочисленные бронзовые предметы (среди них особенно много оружия) топили в болотах и реках. Такие клады считаются сегодня дарами потусторонним силам, их интерпретируют как «дары богам» (Hänsel, Hänsel 1997-I). Предметный и численный состав кладов очень широк — от одного топора до находок с несколькими тысячами предметов. В кладах встречаются как абсолютно целые мечи или наконечники копий, так и разломанные на небольшие фрагменты серпы и топоры.

Остатки системы

Идея, которая лежала в основе всех этих даров, была выражена в римской античности формулой «*do ut des*» — я даю, чтобы ты дал. Логика обмена дарами может быть прослежена во многих архаических обществах. От получателя дара ожидается, что его ответный дар превзойдет исходный подарок. От обмена дарами с богами ждали, в общем, всегда одного и того же — еще большего подарка. Ожидание, однако, опиралось только на надежду, а отнюдь не на гарантию. Поэтому вначале богам только обещали подарок в случае успеха. Если торговое путешествие пройдет успешно или желание иметь ребенка осуществится, божеству будет сделан заранее оговоренный подарок. Затем эти дары по обету (*vota*) отдавали в святилище «добровольно и с радостью» и располагали там в виде кладов. Такая тактика гораздо древнее римской античности, в Греции ее практиковали вплоть до начала I тыс. н. э., и она играет существенную роль в странах Средиземноморья до сегодняшнего дня (Wachsmuth 1979).

Французский социолог Марсель Мосс в 1920-е годы констатировал, что во многих докапиталистических обществах обмен дарами представлял собой культурный институт с твердыми правилами (Mauss 1968). Он положил начало продолжающейся и сегодня культурной деятельности с присутствующими ей механизмами и предпосылками обмена (Stentzler 1979; Godelier 1999; Därmann 2010). Мосс показал, что архаический обмен основывался на трех обязанностях — давать, брать и делать ответный дар. Тот, кто хочет добиться уважения и престижного положения, обязан давать. Получатель обязан принимать дар, если не хочет потерять лица. Нако-

Дер Sonnenwagen von Trundholm, die Himmelscheibe von Nebra oder die goldenen Schalen von Eberswalde, um nur drei spektakuläre Funde der europäischen Bronzezeit zu nennen, wurden von ihren Besitzern dem Boden anvertraut, ohne dass die Absicht bestand, sie wieder in Gebrauch zu nehmen. Sie sind nur die bekanntesten Beispiele für eine Vielzahl von Metallgegenständen, die einzeln oder in Gruppen während der Bronzezeit auf oder in der Erde deponiert wurden. Zahlreiche Bronzen, darunter viele Waffen, wurden auch in Mooren, oder Flüssen versenkt. Diese Deponierungen werden heute weithin als Weihgaben für die imaginären Mächte, als „Gaben an die Götter“ interpretiert (Hänsel, Hänsel 1997-I). Das materielle Spektrum der Deponierungen ist sehr groß. Es reicht von einzeln deponierten Beilen bis zu Horten mit mehreren Tausend Objekten. Man findet makellose Schwerter oder Lanzen spitzen ebenso wie kleinteilig zerbrochene Sichel und Beile.

Ресте eines Systems

Die Idee, die hinter diesen Gaben stand, wurde in der römischen Antike in der Formel „*do ut des*“ ausgedrückt: Ich gebe, damit Du gibst. Die Logik des Gabentauschs wurde in zahlreichen archaischen Gesellschaften beobachtet. Vom Empfänger einer Gabe wird erwartet, dass seine Gegengabe das ursprüngliche Geschenk übertrifft. Vom Gabentausch mit den Göttern versprach man sich im Grunde das Gleiche: nämlich ein noch größeres Geschenk. Doch gab es hierfür nur Hoffnung, keine Garantie. Daher wurde den Göttern zunächst nur ein Geschenk im Erfolgsfalle in Aussicht gestellt. Sollte die Handelsfahrt glücklich verlaufen oder der Kinderwunsch in Erfüllung gehen, werde man der Gottheit ein festgelegtes Geschenk machen. Diese Gelübde (*vota*) wurden dann „freiwillig und mit Freude“ im Heiligtum überreicht und später deponiert. Diese Idee ist viel älter als die römische Antike, lässt sich in Griechenland bis in das frühe erste Jahrtausend nachweisen, und sie spielt in den Mittelmeerländern bis in die heutige Zeit eine Rolle (Wachsmuth 1979).

Der französische Soziologe Marcel Mauss erkannte in den 1920er Jahren, dass in vielen vorkapitalistischen Gesellschaften der Gabentausch eine Institution mit festen Regeln war (Mauss 1968). Damit hatte er eine bis heute anhaltende Beschäftigung mit den Mechanismen und Implikationen des Tauschs in Gang gesetzt (Stentzler 1979; Godelier 1999; Därmann 2010). Mauss führte an, dass der archaische Tausch auf drei Verpflichtungen beruht, nämlich zu geben, zu nehmen und zu erwidern. Derjenige, der Ansehen erlangen will, ist zum Geben verpflichtet. Der Empfänger ist zur Annahme der Gabe verpflichtet, will er nicht sein Gesicht verlieren. Schließlich wird die Erwidерung der Gabe

нец, от него ожидается ответный дар. К процессу обмена дарами относится и имитация добровольности на всех этих этапах. На самом деле речь идет о цепочке обязанностей. В результате такого процесса происходило постоянное передвижение ценностей между партнерами по обмену, которое является основополагающим для социальной жизни.

Архаический обмен — это такой культурный институт, с которым оказываются переплетены все отдельные сферы жизни, здесь все смешивается. Обменные предметы представляют собой зримые свидетельства социальных связей, возникающих благодаря обмену.

Многие новейшие исследования, посвященные отношениям человека и предмета, так или иначе опираются на труд Марселя Мосса (Appadurai 1986; Kohl 2003). Их авторы предпринимают попытку рассмотреть не только функциональную сторону отношений, но и символическое измерение предметов. В последнее время исследователи пишут и о том, что в процессе взаимодействия человека с предметами развивается диалог, в рамках которого предметы становятся способными на собственные действия (Maran, Stockhammer 2012). Уже у Мосса эта мысль играет важную роль: он цитирует одного новозеландского маори, который говорил о духе («hau») обменных предметов. С предметами обращаются не как с неживыми объектами, а как с одушевленными вещами, которые, соответственно, никогда полностью не отрываются от своего прошлого владельца. Поэтому вещи потенциально опасны, и страх охватывает тех, кто пускается на обмен.

Неудачный обмен

Самое древнее литературное произведение Европы повествует о неудачном обмене. В «Илиаде» рассказывается, как Ахилл прогневался на Агамемнона за то, что тот отнял у него пленницу Брисеиду, которую Ахилл получил как почетный дар из добычи после боевого похода в окрестностях Трои. Смириться с этим означает для Ахилла потерять лицо, и ему не остается ничего другого как вместе со своими воинами отказаться от участия в военных действиях. Греческое войско оказывается в глубоком кризисе, ему грозит поражение. В этой ситуации, чтобы умиловить Ахилла, Агамемнон посылает к нему гонцов с богатыми дарами — треножниками, золотом, рабынями. Ахилл же в резкой форме отказывается принять дары. По логике обмена дарами это представляет собой страшное оскорбление, так как Ахилл, собственно говоря, не имеет права отказываться от даров Агамемнона, стоящего выше него по иерархической лестнице. Поэтому посланцы столь шокированы: «Так возразил, — и молчание долгое все сохраняли, / Речью его пораженные: грозно ее говорил он» (Илиада, IX, 430. Перевод Н. И. Гнедича). Только много позже, после гибели Патрокла, Ахилл смирит свой гнев и примет дары.

Приношения богам в храме

Приношения богам в Греции можно идентифицировать или по надписям, или по тому, что они были сложены в святилище. На некоторых металлических предметах стоит просто слово «священный», или «бог», или имя дарителя (Kunze 1967. S. 83ff.).

Однако понять, что предметы представляют собой приношение богам, можно и без надписи, просто по факту обнаружения их в святилище. По крайней мере в теории существовал запрет на вынос из святилища ценностей, однажды туда попавших. Греки должны были придерживаться правила *ouk ekphora* — не выносить! Не во всех древних обще-

ожидает. Es gehört zum Gabentausch, dass bei allen Transaktionen häufig der Anschein der Freiwilligkeit erzeugt wird. In Wirklichkeit handelt es sich um eine Kette von Verpflichtungen. Daraus resultiert eine beständige Bewegung von Gütern zwischen den Tauschpartnern, die konstitutiv für den sozialen Zusammenhang ist. Der archaische Tausch ist eine Institution, mit der alle Teilbereiche der Gesellschaft verwoben sind, alles mischt sich hier. Die getauschten Objekte sind sichtbare Zeugnisse der sozialen Bindung, die durch den Tausch entsteht.

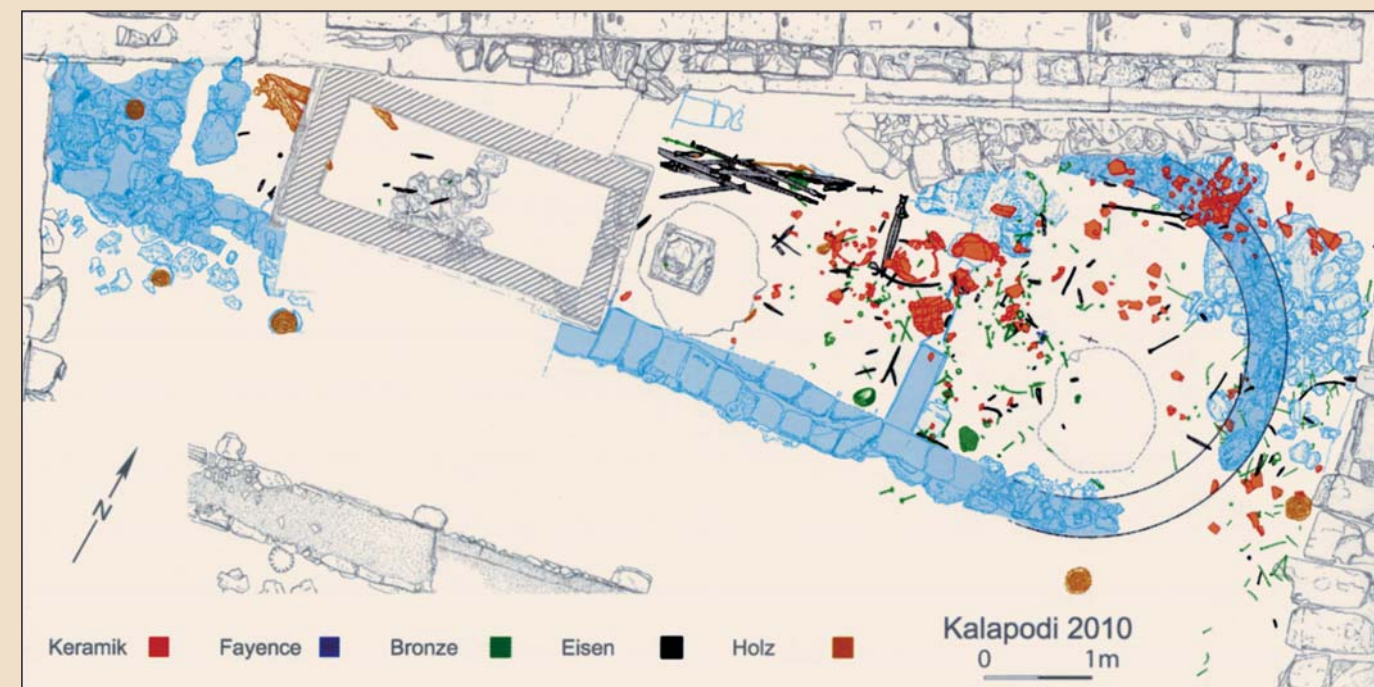
Letztlich gehen viele neuere Bemühungen, das Verhältnis von Menschen zu den Objekten zu beschreiben, auf Marcel Mauss zurück (Appadurai 1986; Kohl 2003). Dabei wurde versucht, neben der funktionalen Seite auch die symbolische Dimension der Objekte zu erfassen. Neuerdings wird auch davon gesprochen, dass sich im Zuge des Umgangs von Menschen mit den Objekten ein Dialog zwischen ihnen entwickle, in dem die Objekte handlungsmächtig werden (Maran, Stockhammer 2012). Bereits bei Mauss spielt dieser Gedanke eine wichtige Rolle, wenn er einen neuseeländischen Maori zitiert, der vom Geist, dem „hau“, der getauschten Dinge sprach. Die Dinge werden nicht als bloße Sachen, sondern als beseelte Gegenstände behandelt und lösen sich somit niemals gänzlich von ihrem Vorbesitzer. Daher sind die Objekte auch potentiell gefährlich, und Angst beherrscht diejenigen, die sich auf den Tausch einlassen.

Das Scheitern des Tauschs

Das älteste literarische Werk Europas handelt vom Scheitern des Tauschs. Die Ilias berichtet vom Zorn des Achill. Dieser Zorn wird durch Agamemnon ausgelöst, der Achill eine junge Frau, Briseis, wegnimmt, die dieser nach einem Kriegszug in der Umgebung Trojas aus der Beute als Ehrengeschenk erhalten hatte. Dies bedeutet für Achill den Verlust des Gesichts, und ihm bleibt nichts anderes übrig, als sich mit seinen Männern empört vom Kampfgeschehen zurückzuziehen. Das griechische Heer stürzt in eine tiefe Krise und droht besiegt zu werden. In dieser Situation schickt Agamemnon Boten mit wertvollen Geschenken — Dreifüße, Gold, Sklavinnen — um Achill zu besänftigen. Doch dieser erklärt in schroffen Worten, er denke nicht daran, sie anzunehmen. In der Logik des Gabentauschs ist dies ein Affront, denn Achill kann die Geschenke des höherstehenden Agamemnon eigentlich nicht zurückweisen, und dementsprechend schockiert sind die Boten: „bei der abfuhr, die er ihnen da erteilte, blieb ihnen die sprache weg“ (Ilias IX, 430, Übers. Schrott). Erst später, nach dem Tod des Patroklos, endet der Groll des Achill, und er nimmt die Geschenke an.

Weihgaben im Tempel

Weihgaben lassen sich in Griechenland entweder durch eine Inschrift identifizieren oder durch die Deponierung im Heiligtum. Auf manchen Metallobjekten steht einfach nur das Wort „heilig“ oder „Gott“ oder der Name des Spenders (Kunze 1967. S. 83ff.). Aus der Fundsituation in einem Heiligtum kann aber auch ohne Inschrift geschlossen werden, dass die Objekte der Gottheit geweiht waren. Zumindest der Theorie nach war es verboten, einmal ins Heiligtum gelangte Werte wieder aus dem Heiligtum zu entfernen. In Griechenland galt die Regel *ouk ekphora*: nicht heraustragen! Nicht in allen antiken Gesellschaften wurden Heiligtümer architektonisch ausgestaltet. So erfahren wir bei Caesar und anderen antiken Autoren, wie z. B. Diodor, Strabon und Sueton, dass die Kelten goldene Weihgaben nicht in Tempeln, sondern in heiligen Hainen ablegten, die unter Androhung der Todesstrafe ebenfalls vor dem Entfernen geschützt waren (Müller 2002).

ствах святилища имели архитектурное оформление. Так, Цезарь и другие античные авторы — такие, как Диодор, Страбон и Светоний, — пишут, что кельты складывали золотые подношения богам не в храмах, а в святых рощах, но изымать предметы оттуда было запрещено под страхом смертной казни (Müller 2002).

Святилища существовали в Греции в течение длительного времени — от геометрической эпохи до поздней античности, когда были или преобразованы в церкви, или предааны забвению. За это время тысячи приношений богам, накопленных в святилищах, были изъяты и погребены в ямах, заброшенных колодцах или в Олимпии под насыпями стадиона. Есть, однако, и свидетельства того, что еще на ранних этапах развития святилищ некоторые из металлических приношений богам переплавляли в новые votivные предметы или же как-то иначе использовали в качестве финансо-

Ил. 1. Клад с мечами в святилище в Калаподи, Греция (по: Niemeier 2011)

Abb. 1. Schwertdeponierung im Heiligtum von Kalapodi, Griechenland (nach Niemeier 2011)

Die Heiligtümer in Griechenland bestanden über einen langen Zeitraum, von der geometrischen Epoche bis in die Spätantike, wo sie schließlich entweder in Kirchen umgewandelt wurden oder dem Vergessen anheimfielen. Im Laufe dieser Zeit wurden die tausenden von Weihgaben, die dort aufgestellt waren, immer wieder entfernt und in Gruben, aufgelassenen Brunnen oder in Olympia unter den Wällen des Stadions bestattet. Es gibt aber auch Indizien dafür, dass bereits in der Frühzeit des Heiligtums die Weihgaben aus Metall teilweise wieder eingeschmolzen und aus ihnen neue Votive hergestellt oder die finanziellen Mittel anderweitig für das Heiligtum verwendet wur-

вых средств святилища. С течением времени представление о том, что может быть даром святилищу, изменилось. В VIII и VII веках до н. э. самым значительным приношением богам в Олимпии было оружие, но уже в VI веке до н. э. этот обычай исчез (Baitinger 2011). Это свидетельствует только об изменениях в обычае жертвоприношения, так как новый век отнюдь не был менее воинственным.

Мечи как приношения богам

Приношение богам оружия связано с многочисленными военными конфликтами бронзового и железного веков. Еще до начала боевого похода его участники обещали соответствующему божееству сделать такое приношение. Это очень понятный способ действий, он выражает потребность воинов «верить, несмотря на множество доказательств обрат-

Ил. 2. Клад с мечами в Диструпне, Дания (по: Wincentz Rasmussen 2000)
Abb. 2. Schwertdepot von Dystrup, Dänemark (nach Wincentz Rasmussen 2000)

ного, в то, что на поле битвы они не будут одинокими и покинутыми» (Alexander 2009. S. 139).

В Калаподи, святилище оракула храма Аполлона, недавно были сделаны сенсационные находки (Niemeier 2011). Здесь с IX века до н. э. было воздвигнуто несколько храмовых построек, древнейшая из которых во второй половине VIII века до н. э. была ритуально «погребена в огне» пожара. Под пепелищем сохранилась связка мечей и наконечников копий из железа (ил. 1). Такое оружие нередко встречается среди приношений богам в святилищах, но его никогда не находили в месте, так хорошо документированном. Нет сомнений, что оружие представляет собой дар богу.

Связка из восьми мечей (ил. 2) была найдена и в датском Диструпне под Рандерсом (Wincentz Rasmussen 2000). Место находки не имеет сегодня никаких особых примет, только большой камень играл, вероятно, какую-то роль в ритуале закладки оружия. В отличие от находки из Калаподи мечи из Диструпа не удается доказательно идентифицировать как приношение богам. Не менее вероятны и другие версии.

И все же мечи из Диструпа можно объединить с целым рядом аналогичных находок в юго-западном балтийском регионе, датируемых XVII—VIII веками до н. э. (Maraszek 2006). Только в Северной Германии, Дании и Южной Швеции известно пятнадцать находок эпохи поздней бронзы с мечами и необычайно длинными наконечниками копий. Яркий пример — находка из Штёлльна (ил. 3). Оба меча (ил. 4) из болота под Кубиром на севере Бранденбурга представляют собой один из таких кладов, найденных в последнее время

Ил. 3. Клад в Штёлльне, Бранденбург, с мечами и наконечником копья (МПДИ, Берлин, фото К. Гёкен)
Abb. 3. Depot von Stölln, Brandenburg, mit Schwertern und eine Lanzenspitze (MVF Berlin, Foto: K. Göken)

den. Im Laufe der Zeit änderten sich aber auch die Vorstellungen von dem, was man in einem Heiligtum spenden sollte. Im 8. und 7. Jahrhundert waren in Olympia die Waffen eine herausragende Weihgabe, doch verlor sich diese Sitte während des 6. Jahrhunderts (Baitinger 2011). Es ist nur ein Wandel der Weihen-sitten, denn die Zeiten wurden wahrlich nicht friedlicher.

Schwerter als Weihgaben

Weihungen von Waffen sind Ausdruck der zahlreichen kriegerischen Auseinandersetzungen in der Bronze- und Eisenzeit. Sie wurden schon vor dem Kriegszug der Gottheit versprochen. Es ist eine sehr verständliche Handlungsweise, die das Bedürfnis der Kämpfenden zum Ausdruck bringt, „ungeachtet aller Belege des Gegenteils daran zu glauben, dass sie auf dem Schlachtfeld nicht allein und verlassen sind“ (Alexander 2009. S. 139).

In Kalapodi, einem Orakelheiligtum des Apollon, gelangen unlängst spektakuläre Entdeckungen (Niemeier 2011). Seit dem 9. Jahrhundert v. Chr. wurden hier mehrere Tempelbauten errichtet, unter denen der älteste in der zweiten Hälfte des 8. Jahrhunderts

(Born, Hansen 1991). Один меч был литейным браком, и его, соответственно, никогда практически не использовали.

Находки из Калаподи и Кубира — это отдельные временные срезы весьма длинной истории кладов, составленных из мечей (Soroceanu 2011). Учитывая важную роль мечей в военных конфликтах эпохи бронзы и последующих исторических периодов вплоть до начала Нового времени, такая привязка религиозных или идеологических представлений к мечам, характерная для всей Европы, не вызывает удивления.

Как все это происходило в деталях, реконструировать очень сложно. Так, мечи из Калаподи младше, чем большинство кладов с мечами в Европе севернее Альп. В Греции, напротив, из эпохи бронзы сохранилось очень немного кладов, и вполне возможно, что эта ритуальная практика пришла туда из Северной и Западной Европы (Jung 2007). Очевидно, тогда существовала уже невоспроизводимая сегодня сеть взаимовлияний, идущих в самых разных направлениях.

Доказательством служит то, что и в Восточном Средиземноморье, и в Анатолии известны приношения богам эпохи бронзы. В пещерах рядом с Аркалохори и Психро на Крите были найдены вотивные мечи начала II тыс. до н. э. (Kilian Dirlmeier 1993).

Ил. 4. Болотная находка с двумя мечами в Кубире, Бранденбург, и рентгеновский снимок с дефектами литья (МПДИ, Берлин, фото Д. Зоммер; рентгенограмма: Х. Борн)

Abb. 4. Moorfund mit zwei Schwertern von Kuhbier, Brandenburg, und Röntgenaufnahme mit Gussfehlern (MVF Berlin, Foto: D. Sommer, Röntgenbild H. Born)

Ил. 5. Меч из Хатмуша (фото Немецкого археологического института, Стамбул)

Abb. 5. Schwert von Bogazköy (Foto: Deutsches Archäologisches Institut Istanbul)

rituell durch Brand „bestattetet wurde“. Dabei wurde eine Reihe von Weihgaben überdeckt, zu denen auch ein Bündel Schwerter und Lanzen Spitzen aus Eisen (Abb. 1) gehört. Solche Waffen waren in Heiligtümern keine seltene Weihgabe, nirgendwo fanden sie sich bisher aber in einer so gut dokumentierten Fundlage. Es ist un-zweifelhaft, dass sie ein Geschenk an den Gott waren.

Ein Bündel von acht Schwertern (Abb. 2) fand sich auch im dänischen Dystrup bei Randers (Wincentz Rasmussen 2000). Der Fundplatz ist heute sehr unauffällig, und nur ein großer Stein mag für die Deponierung eine Rolle gespielt haben. Anders als in

Kalapodi lässt sich für die Schwerter von Dystrup nicht beweisen, dass sie Weihgaben waren. Auch andere Erklärungen wären denkbar.

Doch fügen sich die Schwerter von Dystrup in eine Reihe ähnlicher Horte aus dem südwestlichen Ostseeraum zwischen dem 17. und dem 8. Jahrhundert v. Chr. (Maraszek 2006). Allein 15 spätbronzezeitliche Funde mit Schwertern und auffällig langen Lanzen spitzen sind in Norddeutschland, Dänemark und Südschweden bekannt. Ein qualitativvolles Beispiel ist der Hort von Stölln (Abb. 3). Die beiden Schwerter (Abb. 4) aus einem Moor bei Kuhbier im Norden Brandenburgs gehören zu den jüngsten Deponierungen dieser Art (Born, Hansen 1991). Eines der Schwerter war ein Fehlguss und ist sicher niemals praktisch verwendet worden.

Die Funde aus Kalapodi und Kuhbier sind Momentaufnahmen einer viel längeren Geschichte der Deponierung von Schwertern (Soroceanu 2011). Angesicht der wichtigen Rolle der Schwerter in den militärischen Auseinandersetzungen der Bronzezeit und nachfolgender Perioden bis in die frühe Neuzeit ist es kaum verwunderlich, dass sich in ganz Europa ähnliche Vorstellungen religiöser oder ideologischer Natur an die Schwerter hefteten.

Wie sich dies im einzelnen vollzogen haben mag, ist schwer zu rekonstruieren. So sind die Schwerter von Kalapodi jünger als

На мече (ил. 5), найденном перед воротами хеттской столицы Хаттуша, есть аккадская надпись: «Когда Тутхалия, Великий Царь, уничтожил страну Ашшуву, посвятил он эти мечи Богу Бури, своему Господину» (Müller-Karpe 1994). Меч является, вероятно, трофеем одного из многих военных походов в XV веке до н. э. Он сохранился почти полностью, но языкообразная площадка для крепления рукояти намеренно согнута и повернута так, что использовать меч по назначению невозможно (Ertekin, Ediz 1993). Такая порча приносимой в дар богам вещи преследовала несколько целей: предмет должен был быть разрушен и лишен силы, а с другой стороны, чисто практический смысл заключался в том, чтобы предотвратить повторное реальное использование меча.

Что приносили в дар богам?

Самый убедительный аргумент в пользу того, что такие клады представляют собой приношения богам, — это почти один и тот же состав кладов в каждом регионе и в каждый период. Так, в XV веке до н. э. на территории между долиной Роны и Карпатами можно выделить пятнадцать регионов, в которых клады имеют одинаковый состав (Hansen 1994. S. 323ff.). Это касается, прежде всего, отбора предметов, но кроме того, и методики закладки. В некоторых регионах преобладают клады с неповрежденными бронзовыми предметами, в других правилом явно является их разрушение перед закладкой. В Западной Венгрии большинство кладов — это большие комплексы с множеством фрагментов, среди которых особенно часто встречаются серпы, топоры и браслеты, а иногда и мечи, наконечники копий и части оборонительного оружия. В Восточной Венгрии преобладают клады, состоящие исключительно из топоров или мечей. Такая однородность состава кладов в каждом из регионов является доказательством наличия строгих правил их организации.

К сожалению, обычно находки изымали из мест их хранения весьма непрофессионально, так как их обнаруживали случайно, главным образом во время строительных работ. Изъятия, осуществленные археологами, весьма редки, однако они показывают, насколько комплексным был состав приношений богам. Вот только два примера. На горе в Булленхайме под Вюрцбургом (Hagl 2009) был найден ценный сосуд из бронзового листа, в котором лежали топоры, серпы, браслеты и слитки. Исследование ботанических остатков определило наличие 140 коробочек снотворного мака (*Papaver somniferum*). Это означает, что потусторонним силам подносили не только бронзовые предметы, но и наркотические вещества. В Инцигкофене (округ Зигмаринген), рядом с шестью целыми серпами и фрагментами еще трех были найдены кабаньи бивень шести-семилетнего самца и раковина трубача из Северного моря, что было, очевидно, экзотической редкостью (Reim 2009. S. 161ff.). Спектр того, что мы называем кладами, до сих пор еще не ясен нам во всей своей широте, и новые находки могут существенно обогатить наши представления об этом.

Только фрагменты

Если относительно таких находок, как сделанная в Небре (Meller 2010), абсолютно и однозначно понятно, что они представляют собой добровольное пожертвование, клад, то касательно находок с многочисленными разбитыми предметами это далеко не так. Поэтому некоторые исследователи интерпретируют их как тайники торговцев, или сделанные кузнецами запасы металла, или остатки европей-

die meisten Schwerthorte nördlich der Alpen. Aus der Bronzezeit sind in Griechenland hingegen nur wenige Horte bekannt, und es ist gut denkbar, dass diese Ritualpraxis aus dem Norden bzw. Westen Europas dorthin gelangte (Jung 2007). Sicher gab es ein heute nicht mehr nachvollziehbares Netz von Einflüssen aus den verschiedensten Richtungen.

Denn auch im östlichen Mittelmeerraum und in Anatolien sind bronzezeitliche Weihungen bekannt. In Höhlen bei Arkalochori und Psychro auf Kreta fanden sich Schwertweihungen aus dem frühen 2. Jahrtausend v. Chr. (Kilian Dirlmeier 1993).

Auf einem Schwert (Abb. 5), das vor den Toren der hethitischen Hauptstadt Hattusa gefunden wurde, berichtet eine akkadische Inschrift: „Als Tuthalija, der Großkönig, das Land Assuwa zugrunde richtete, weihte er diese Schwerter dem Wettergott, seinem Herrn“ (Müller-Karpe 1994). Vermutlich handelt es sich bei dem Schwert um ein Beutestück eines der vielen Kriegszüge im 15. Jahrhundert v. Chr. Das Schwert ist weitgehend vollständig, aber durch das Umbiegen der Griffzunge absichtlich unbrauchbar gemacht worden (Ertekin, Ediz 1993), ein vielschichtiger Brauch, der das Objekt zerstören und entmächtigen sollte, der aber eben auch ganz praktisch davor schützte, dass das Schwert wieder in Benutzung genommen werden konnte.

Was wurde geweiht?

Das überzeugendste Argument für die Deutung der Horte als Weihgaben ist ihre sehr gleichartige Ausstattung in bestimmten Regionen und Zeiten. So lassen sich während des 13./12. Jahrhunderts v. Chr. zwischen Rhönetal und Karpaten 15 Regionen identifizieren, in denen sich die Horte durch eine jeweils gleichartige Zusammensetzung auszeichnen (Hansen 1994. S. 323ff.). Dies betrifft vor allem die Auswahl, aber auch die Behandlung der deponierten Objekte. In manchen Regionen dominieren Horte mit unversehrten Bronzen, in anderen ist das Zerbrechen die Regel. In Westungarn herrschen große Horte mit zahlreichen Fragmenten vor, unter denen Sichel, Beile und Armringe besonders häufig sind, aber auch Schwerter, Lanzen spitzen und Teile von Schutzwaffen gehören zu diesen Horten. In Ostungarn dominieren wiederum Horte, in denen ausschließlich Äxte oder Schwerter deponiert wurden. Diese Gleichartigkeit der Objektauswahl innerhalb der Regionen zeigt, dass es Regeln des Deponierens gab.

Leider werden Horte meist unsachgemäß geborgen, weil sie zufällig bei Bauarbeiten zum Vorschein kommen. Bergungen durch Archäologen sind selten, lassen jedoch zunehmend erkennen, wie komplex Deponierungen sind, wofür zwei Beispiele genügen mögen. Auf dem Bullenheimer Berg bei Würzburg (Hagl 2009) fanden sich in einem wertvollen Blechgefäß Beile, Sichel, Armringe und Barren. Bei der Untersuchung der botanischen Reste fanden sich 140 Kapseln vom Schlafmohn (*Papaver somniferum*). Man hatte also nicht nur Bronzeobjekte, sondern auch narkotische Substanzen den imaginären Mächten bereitgestellt. In Inzigkofen, Kr. Sigmaringen, waren neben sechs vollständigen und drei fragmentierten Sichel auch ein Eberhauer von einem 6 bis 7 Jahre alten männlichen Tier und eine Wellhornschnecke aus der Nordsee deponiert worden: sicher eine exotische Rarität ersten Rangs (Reim 2009. S. 161ff.). Das Spektrum dessen, was wir Deponierungen nennen, ist noch lange nicht in seiner ganzen Breite erfasst, und Neufunde bereichern unser Wissen in erheblichem Umfang.

Nur Fragmente

Erscheint es bei einem Fund wie Nebra (Meller 2010) unmittelbar einsichtig, dass es sich um eine willentliche Entäußerung, eine Deponierung handelt, so ist dies bei Horten mit zahlrei-

Ил. 6. Клад с фрагментами предметов. Штраупниц, Бранденбург (МГДИ, Берлин, фото К. Гёкен)
Abb. 6. Hort mit fragmentierten Objekten. Straupitz, Brandenburg (MVf Berlin, Foto: K. Göken)

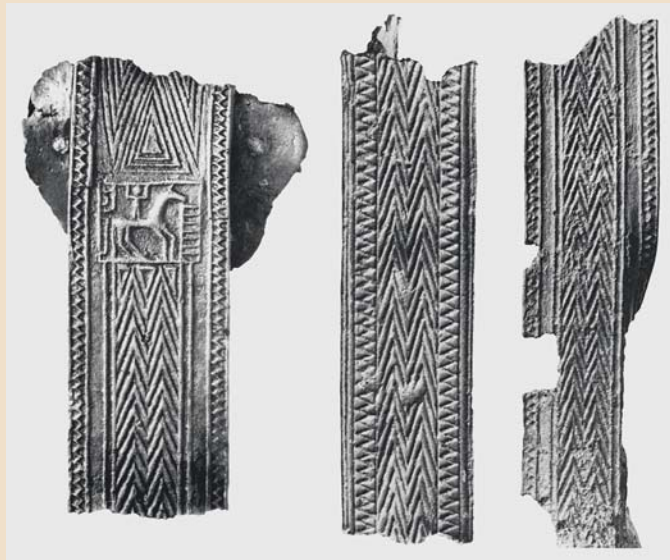
ской торговли металлоломом (Falkenstein 2011; Sherratt 2012). Только самым последним исследованиям удалось доказательно продемонстрировать, что фрагментация бронзовых предметов, как правило, не связана с их повреждениями при использовании, а была осуществлена намеренно. Техники, с помощью которых разбивали и разделяли на фрагменты бронзовые предметы, были скрупулезно реконструированы и дифференцированы. Не исключена вероятность того, что разделение предмета происходило в соответствии с установленным весом (Sommerfeld 1994).

Фрагментация предметов в кладах оказывается одним из культурных признаков, представляющих собой интегральную часть смысла и цели создания кладов. Сломанные предметы, преимущественно кольца, присутствовали в кладах уже во времена ранней бронзы (Brandherm 2004). Однако широко практиковать разбивание бронзовых предметов на небольшие фрагменты начали только на переходе от раннего к среднему периоду эпохи бронзы. Фрагментация была связана с совершенно новой, весьма инновационной моделью кладов, «изобретенной», предположительно, в западнокарпатском регионе (Hansen 2005). Спектр закладываемых предметов, принятый до тех пор, существенно изменился. Теперь его ядро составляли серпы, топоры и браслеты, к которым могли добавлять, — но также строго в определенной последовательности, — булавы, мечи, наконечники копий, а также металлические слитки и амулеты. Предметы были целенаправленно фрагментированы (ил. 6) и сделаны непригодными к употреблению. Впервые несколько небольших фрагментов вместе были обнаружены во втулках (Hansen 1994). Пока не удается объяснить, зачем отдельные небольшие фрагменты бронзовых предметов вставляли в полые втулки кельтов или втульчатых наконечников копий. Возможно, несколько фрагментов соединяли в соответствии с некой специфической индивидуальной логикой, они должны были оставаться вместе как части какого-то целого. Расположение фрагментов группами обнаружено и внутри некоторых кладов. Типичным для кладов с фрагментами является расположение их слоями в ямах или глиняных сосудах. Эта новая форма кладов бронзовых предметов быстро распространилась на другие придунайские регионы и с XIV–XIII веков до н. э. вплоть до IX века до н. э. оставалась характерной для большинства кладов по всей Европе. В Альпах такого типа кладов бронзовых предметов известны и в начале железного века.

Фрагментация предметов — это очень тонкая культурная характеристика. Она есть часть представленного в кладах знания, которое передавалось в форме традиции на протяжении длительного времени внутри регионального культурного пространства с определенным типом кладов и в то же время могло распространяться на весьма удаленные территории. Поэтому факт разбивания предметов на фрагменты связан с модусом «отдавания». Для понимания смысла кладов важно то, что в них редко присутствуют части одного и того же предмета, а все фрагменты одного предмета в одном клада можно обнаружить только в исключительных случаях. Так, в находке из Полешовице в Моравии из 838 бронзовых объектов друг к другу подходят только три (Salaš 1997. S. 55f). Обычно предмет оказывается представлен одним фрагментом, то есть в кладах присутствует лишь небольшая часть предмета. Судьба другой, как правило, большей части остается неизвестной. В практике обмена с потусторонними силами разрушение и закапывание дара считалось защитой от возвращения в профанную сферу, как подкрепление правила *ouk ekphora* в святилищах Греции.

chen zerbrochenen Objekten nicht unbedingt der Fall. Deshalb werden auch Interpretationen vertreten, die in ihnen Händlerverstecke, Metallvorräte von Schmieden oder Überbleibsel eines europäischen Altmetallhandels sehen (Falkenstein 2011; Sherratt 2012). Erst die neueren Forschungen haben systematisch aufgezeigt, dass die Fragmentierung der Bronzeobjekte in aller Regel nicht auf den Gebrauch zurückgeht, sondern absichtlich herbeigeführt wurde. Minutiös wurden die Techniken des Zerbrechens und Zerteilens von Bronzeobjekten rekonstruiert und differenziert. Möglicherweise erfolgte das Zerteilen im Hinblick auf ein Normgewicht (Sommerfeld 1994).

Die Fragmentierung der Objekte in den Horten erweist sich als ein kulturelles Merkmal, das integraler Teil des Sinn und Zwecks der Deponierung ist. In sehr begrenztem Umfang gehörten bereits in der Frühbronzezeit zerbrochene Objekte, vor allem Ringe, zum Bild der Horten (Brandherm 2004). Doch die intensive Zerstückelung von Bronzen begann erst am Übergang

Ил. 7. Фрагменты бронзового треножника (фото Немецкого археологического института, Афины)

Abb. 7. Bronzene Dreifußfragmente (Foto: Deutsches Archäologisches Institut Athen)

von der frühen zur mittleren Bronzezeit eine verbreitete Praxis zu werden. Die Fragmentierung war mit einem völlig neuen, sehr innovativen Hortmodell verbunden, das vermutlich im westlichen Karpatenbecken „erfunden“ wurde (Hansen 2005). Das bis dahin geläufige Spektrum deponierter Objekte wurde erheblich verändert. Die Hauptbestandteile bildeten nun Sicheln, Beile und Armschmuck, zu denen, aber auch in einer bestimmten Reihenfolge, Nadeln, Schwerter oder Lanzen spitzen hinzutreten konnten, ebenso wie Metallbarren und Amulette. Die Objekte wurden absichtlich fragmentiert (Abb. 6), unbrauchbar gemacht, und erstmals ist die Verbindung kleiner Fragmente in Tüllen nachweisbar (Hansen 1994). Die Praxis, kleine Bronze Fragmente in die Hohlräume von Tüllenbeilen- und Tüllenlanzen spitzen zu stecken, entzieht sich einer unmittelbaren Erklärung. Die kleinen Fragmente wurden auf einer möglicherweise ganz individuellen Sinnebene zusammengefügt, denn sie sollten als zusammengehörig erkennbar bleiben. Auch innerhalb der Horten sind gruppenweise Ordnungen häufig belegt. Typisch für die Horten mit Fragmenten ist deren schichtenweise Anordnung in Gruben oder Tongefäßen. Diese neue Form der Bronze deponierung erreichte bald andere Regionen ent-

Правда, последние исследования указывают на регулярное повторное использование бронзовых вотивных предметов из святилищ, в частности переработку бронзовых пластин или переплавку литых предметов (Kyrieleis 2006). Большие части бронзовых треножников (ил. 7) — самых престижных приношений богам в геометрический период — были переплавлены в новые предметы. Только отдельные части треножников, чаще всего небольшие фрагменты одной из опор, продолжали свое существование в теменесе, будучи складированными в колодцах или других местах, куда ссыпали обломки вотивных предметов. То, что некоторые фрагменты продолжали оставаться в собственности божества, надо, вероятно, понимать как реализацию принципа *pars pro toto*.

Ритуальные ландшафты

Издавна исследователи уделяли особое внимание кладам в болотах, озерах и реках, на перевалах, в расщелинах скал и

Ил. 8. Клад в водоеме в Бибесхайме (фото Службы охраны памятников земли Гессен, филиал в Дармштадте)

Abb. 8. Gewässerhort von Biebesheim (Foto: Landesamt für Denkmalpflege Hessen, Außenstelle Darmstadt)

пещерах. Находки в этих особых, естественным образом выделенных местах интуитивно воспринимались как приношения божествам. В реках также было найдено большое количество оружия эпохи бронзы, среди прочего — значительная часть ценного оборонительного оружия (Hansen 1991. S. 165ff.). В редких случаях изучение находки показывает, что несколько предметов были потоплены в реке одновременно, в процессе одного ритуального действия. Пример тому — шлемы из Бибесхайма на Рейне (ил. 8).

Места находок большинства кладов эпохи бронзы долгое время вообще оставались без внимания. Поэтому сегодня важнейшей задачей стала реконструкция первоначального положения кладов в ландшафте. С большими затратами труда и времени надо просмотреть документы в архивах, идентифицировать места находок на старых картах, а затем посетить их. Цель такой работы — определение наиболее типичного расположения кладов (Yates, Bradley 2010). Решающим для выбора расположения может быть какое-то конкретное место, а кроме того, горы и окружающая их местность или широкие незаселенные полосы территорий между местами заселения (Hansen 2008; Neumann 2010; Hansen, Neumann, Vachta — в печати). Так в течение столетий складывались ритуальные ландшафты (Fontijn 2002). Поразительное изобилие кладов в определенных регионах может вызвать удивление. Однако такое впечатление очень отно-

lang der Donau und prägte ab dem 14./13. Jahrhundert v. Chr. bis in das 9. Jahrhundert v. Chr. hinein zahlreiche Hortfundlandschaften in ganz Europa. In den Alpen sind Bronzehorde dieses Typs noch aus der Frühbronzezeit bekannt.

Die Fragmentierung der Objekte ist ein sensibles kulturelles Merkmal. Sie gehört zu dem in Horten repräsentierten Wissensbestand, der innerhalb regionaler Deponierungslandschaften über lange Zeiträume tradiert und zugleich über weite Entfernungen verbreitet werden konnte. Das regelgeleitete Zerbrechen von Objekten muss deshalb im Zusammenhang mit dem Modus des Gebens stehen. Für die Beurteilung der Horten mit fragmentierten Objekten ist dabei die Beobachtung wichtig, dass sich selten Anpassungen nachweisen lassen und nur in Ausnahmefällen alle Fragmente eines zerbrochenen Objekts in den Hort gelangten. So lassen sich in dem 838 Bronzen umfassenden Hort von Polešovice in Mähren nur drei Objekte anpassen (Salas 1997. S. 55f). Meist repräsentiert nur ein Fragment das Objekt, deponiert wurde im Hort also nur ein kleiner Teil. Was mit dem anderen, und in der Regel größeren Teil geschah, entzieht sich unserem Nachweis. In der Praxis des Tauschs mit den imaginären Mächten ist das Zerstören und Vergraben der Gabe als ein Schutz vor der neuerlichen Profanierung gesehen worden, als eine Bekräftigung der *ouk ekphora*-Regel in den Heiligtümern Griechenlands. Allerdings wurde jüngst auf die regelmäßige Wiederverwendung bronzener Votivgaben im Heiligtum, d.h. das Umarbeiten von Blechen oder das Einschmelzen von gegossenen Objekten, aufmerksam gemacht (Kyrieleis 2006). Größere Teile der bronzenen Dreifuße (Abb. 7), der prestigeträchtigsten Weihgaben der geometrischen Zeit, wurden eingeschmolzen und neue Objekte gegossen. Nur Teile der Dreifuße, oft kleinere Stücke eines Beins, wurden in Brunnen oder sonstigen Votivschutt-Auffüllungen weiterhin im Temenos aufbewahrt. Der Verbleib einiger Fragmente im Besitz der Gottheit ist also möglicherweise als ein *pars pro toto* zu verstehen.

Ритуаландшафты

Schon seit langem hat man Deponierungen in Mooren, Seen und Flüssen, auf Gebirgspässen, in Felsspalten und Höhlen besondere Aufmerksamkeit geschenkt. Sie lassen sich wegen der Besonderheit des Ortes intuitiv als Weihgaben an die Gottheiten verstehen. Auch aus Flüssen stammen zahlreiche bronzezeitliche Waffen, darunter die meisten der wertvollen Schutzwaffen (Hansen 1991. S. 165ff.). In seltenen Fällen, wie bei den Helmen von Biebesheim am Rhein (Abb. 8), lässt sich nachweisen, dass mehrere Objekte in einer einmaligen Handlung im Fluss versenkt wurden.

Die Fundplätze der meisten bronzezeitlichen Deponierungen wurden lange kaum beachtet. Deshalb ist es heute eine wichtige Aufgabe, die ursprüngliche Lage der Deponierungen in der Landschaft zu rekonstruieren. In mühevoller Arbeit müssen Akten in Archiven gesichtet, die Fundorte auf alten Karten identifiziert und die Plätze dann aufgesucht werden. Ziel ist es, typische Deponierungslagen von Horten zu bestimmen (Yates, Bradley 2010). Der einzelne Platz mag für die Deponierung ausschlaggebend gewesen sein, aber auch ganze Berge und die sie umgebende Region oder breite unbesiedelte Streifen zwischen Siedlungskammern (Hansen 2008; Neumann 2010; Hansen, Neumann, Vachta im Druck). So entstanden im Laufe der Jahrhunderte Ritualandschaften (Fontijn 2002). Die schiere Fülle der Deponierungen in bestimmten Regionen mag erstaunlich wirken. Doch muss man diesen Eindruck relativieren. Das Deponieren von Bronzen spielte über einen Zeitraum von 1200 Jahren in den verschiedenen Regionen eine sehr unterschiedliche Rolle, war zeitweise stärker, dann wieder für Jahrzehnte, gar

сительно. На протяжении 1200 лет клады бронзовых предметов имели в разных регионах разное значение, иногда некоторое время их практиковали активнее, затем снова почти или совсем забывали на десятилетия или даже столетия. К тому же объем металлических ценностей в кладах оказывается, как правило, весьма скромным по сравнению с огромными объемами металла, который должен был находиться в обращении, если судить по производственным мощностям рудников (Chernykh 1998; Stöllner u. a. 2006). Наконец, то, что распределение кладов в ландшафте бывает иногда очень плотным, не покажется столь поразительным, если бросить взгляд на католические регионы Европы: там до сих пор города и ландшафты покрыты густой сетью сакральных меток, например дорожных крестов.

Только в эпоху бронзы?

Лишь в последние несколько лет ученые отважились обратиться к «большим линиям» феномена бронзовых кладов, прочерчивающим пространство и время. И это понятно, ибо пока они считали, что речь идет о тайниках торговцев, которые не могли вернуть себе спрятанное из-за военных событий, у такого рода исследований не существовало никакой осмысленной перспективы. Если же предположить, что клады представляют собой социальную практику, то оказывается в высшей степени интересно проследить их историю в течение длительного времени. Можно ли увидеть в ней «структурные линии непрерывности» (Metzner-Nebelsick 2003)? На самом деле есть причины считать, что клады в разных регионах Европы были элементом, определяющим социальную жизнь, уже в IV–III тыс. до н. э. Так, еще в эпоху меди в восточнокарпатском регионе сформировался ландшафт с большим количеством кладов — это Трансильвания. Клады с ценными металлическими предметами создавали там постоянно, но отдельными волнами, начиная с эпохи меди. Это стало региональным отличительным признаком и оставалось им вплоть до железного века. Клады в Трансильвании оказываются на протяжении столетий воплощением «квазинеподвижной истории» (Ф. Бродель), в которой часы идут иначе, чем в истории экономики и техники.

Много ценных сведений о сложении традиций кладов дают находки в водоемах. Уже в неолитическую эпоху появляется обряд погружения в реки каменных топоров (Wegner 1976). В эпоху бронзы число предметов, закладываемых в реки, существенно увеличивается. При исправлении русл Дуная, Рейна и Сены в XIX веке были найдены тысячи бронзовых предметов. В начале железного века количество кладов в водоемах уменьшилось, но с середины I тыс. до н. э. снова возросло. Основными закладываемыми предметами были мечи и бронзовые сосуды. Кладам в водоемах, созданным в римскую эпоху и период Средневековья, начали уделять внимание только в последние годы (Wirth 2000). Не следует искать здесь непрерывную традицию. Вероятно, определенные практики могли периодически актуализироваться. То, что в этом процессе большую роль играла коммуникация, выходящая далеко за пределы одной местности и захватывающая большие регионы, можно проследить на многих примерах. Так, в Италии и Южной Франции обычай создания кладов, сформировавшийся в эпоху бронзы, практиковали вплоть до железного века. В Южной Франции в клады в водоемах или на суше помещали в основном украшения и подвески, а также небольшие кельты, а в Южной Италии возникли святилища, в которых богам подносили среди прочего предметы, происходив-

шие из Южной Франции (Fondouce 1900; Verger 2011). В Альпах обычай создания кладов практиковали еще и в железном веке (Zemmer-Plank 2002).

Nur in der Bronzezeit?

Den „großen Linien“ des Phänomens Bronzedeponierung in Raum und Zeit wagt man sich verständlicherweise erst seit wenigen Jahren zuzuwenden. Denn solange man meinte, dass es sich um Verstecke von Händlern handelte, die aufgrund kriegerischer Ereignisse nicht mehr wieder geborgen werden konnten, wäre dies keine sinnvolle Perspektive gewesen. Unter der Voraussetzung aber, dass das Deponieren eine soziale Praxis darstellt, ist es höchst aufschlußreich, diese über längere Zeiträume zu verfolgen. Lassen sich „strukturelle Kontinuitätslinien“ (Metzner-Nebelsick 2003) erkennen? Tatsächlich gibt es gute Gründe anzunehmen, dass Deponierungen schon im 4. und 3. Jahrtausend v. Chr. in verschiedenen Regionen Europas ein prägendes Element waren. So bildete sich bereits in der Kupferzeit im östlichen Karpatenraum Siebenbürgen als eine Deponierungslandschaft heraus. In Zyklen wurden hier seit der Kupferzeit immer wieder wertvolle Metallobjekte deponiert. Es wurde zu einem regionalen Identitätsmerkmal bis in die Eisenzeit. So erscheint die Deponierung in Siebenbürgen über Jahrhunderte als Ausdruck einer „quasi unbewegten Geschichte“ (F. Braudel), in der die Uhren anders gehen als in der Wirtschafts- und Technikgeschichte.

Einen guten Einblick in die langen Traditionslinien der Deponierung bieten die Gewässerfunde. Bereits im Neolithikum setzt das Versenken von Steinbeilen in den Flüssen ein (Wegner 1976). In der Bronzezeit steigt die Zahl der Objekte, die in Flüssen deponiert werden, merklich an. Bei den Regulierungen von Donau, Rhein und Seine kamen im 19. Jahrhundert tausende von Bronzegegenständen zutage. In der Eisenzeit flauen die Gewässerdeponierungen zunächst ab, um ab der Mitte des 1. Jahrtausends v. Chr. wieder häufiger zu werden. Insbesondere sind es Schwerter und Bronzegefäße. Erst in jüngerer Zeit hat man auch den Gewässerdeponierungen der römischen Zeit und des Mittelalters Beachtung geschenkt (Wirth 2000). Man muss nicht mit einer kontinuierlichen Tradition rechnen. Bestimmte Praktiken konnten vermutlich immer wieder aktualisiert werden. Dass dabei eine über den Ort hinausgehende Kommunikation in größeren Regionen eine Rolle spielte, lässt sich an vielen Beispielen ablesen. So reicht in Italien und Südfrankreich die bronzezeitliche Deponierungssitte bis in die Eisenzeit hinein. Während in Südfrankreich vor allem Schmuckobjekte und Anhänger sowie kleine Tüllenbeile in Gewässern und am festen Land deponiert wurden, entstanden im Süden Italiens Heiligtümer, in denen neben anderem auch Objekte südfranzösischer Herkunft geweiht wurden (Fondouce 1900; Verger 2011). Auch in den Alpen reicht die Deponierungssitte noch bis weit in die Eisenzeit hinein (Zemmer-Plank 2002).

Vielfalt

Die Vielfalt der bronzezeitlichen Deponierungen muss ebenso wenig überraschen wie die Vielfalt der Weihungen in griechischen Heiligtümern. Sie entsteht aus den zahlreichen Aspekten, die mit der Gabe verbunden sind. Marcel Mauss (Mauss 1968.

S. 17f.) spricht von einem „totalen“ gesellschaftlichen Phänomen, in dem alle Arten von Institutionen gleichzeitig und mit einem Schlag zum Ausdruck kommen: religiöse, rechtliche, moralische und ökonomische. Der Gabentausch mit den Göttern ist eine prekäre Handlung, deren Gelingen nicht garantiert ist. Den rechtlichen Verpflichtungen, die das Gelübde implizieren, kann sich die Gottheit entziehen. Moralisch ist der Vorgang, sofern er öffentlich vollzogen wird. Schon der Erfolg, der dadurch dargestellt wird, impliziert dies. Ökonomisch ist der Tausch mit den Göttern im doppelten Sinne: als Darstellung einer gelungenen Transaktion und als Voraussetzung für weiteren ökonomischen Erfolg. Wer sich spendebereit zeigt, dessen Ansehen steigt in der Gesellschaft, und er ist darum einer, mit dem man gerne weitere Geschäfte betreibt. Hinter all den bronzezeitlichen Weihgaben stehen also komplexe Vorgänge, in die Vorstellungen von der Beseeltheit der Objekte eingeflossen sein mögen, die vor dem Hintergrund mythischer Erzählungen stattgefunden haben dürften und die immer wieder einen Rückbezug auf die Vergangenheit erlaubten.

Разнообразие кладов эпохи бронзы не должно вызывать удивления, так же как и разнообразие приношений богам в греческих святилищах. Это разнообразие складывается из многочисленных аспектов, связанных с темой дара. Марсель Мосс (Mauss 1968. S. 17f.) пишет о «тотальном» общественном феномене, в котором одновременно и сразу выражаются все типы общественных институтов — религиозный, правовой, моральный и экономический. Обмен дарами с богами — это опасное действие, успех которого не гарантирован. Божество может пренебречь правовыми обязательствами, предполагаемыми в обете. Моральным весь процесс становится в том случае, когда происходит публично. Такое действие представляет собой заранее планируемый успех. Экономический аспект обмена с богами выражается двояко: как представление удачной сделки и как предпосылка дальнейших экономических успехов. Тот, кто продемонстрировал свою готовность делать пожертвования, вызывает в обществе большее уважение и тем самым большее желание иметь с ним какие-либо торгово-хозяйственные дела. Таким образом, все приношения богам эпохи бронзы представляют собой комплексные процессы. Эти процессы вобрали в себя представления об одушевленности предметов, основанием для них служили мифические нарративы, они создавали отсылку к прошлому и непрерывную связь с ним.